

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XXVIII
(2)**

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY-XXVIII
(2)**

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология -XXVIII (2)
/ Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. — 1135 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 28 (2), 2024).

Indo-European linguistics and classical philology-XXVIII (2) / Edited by
Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS,
2024. — 1135 p.
(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 28 (2), 2024).

ISSN 2306-9015 Indoevropskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp23069015
DOI: 10.30842/ielcp2306901528

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (Гл. редактор);
д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ),
Prof. Dr. V. Blažek (Brno), д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),
д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),
д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),
д. филол. н. А. Л. Верлинский (ИЛИ РАН),
к. филол. н. Г. М. Воробьев (Гент)
д. филол. н., член-корр. РАН Н. П. Гринцер (РАНХиГС),
Prof. Dr. H. Eichner (Wien), к. филол. н. П. А. Кочаров (Вюрцбург),
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),
д. филол. н. А. Н. Соколов (ИЛИ РАН), д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ),
д. филол. н. А. И. Фалилеев (ИЛИ РАН), к. филол. н. А. В. Шацков (ИЛИ РАН)

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ISSN 2306-9015 © Коллектив авторов, 2024
ISSN 2658-6452 (электронная версия) © ИЛИ РАН, 2024
DOI: 10.30842/ielcp23069015
DOI: 10.30842/ielcp2306901528

ОГЛАВЛЕНИЕ

МИРОЛОБОВ И. А. Рассказы предков в сборнике <i>Historia Augusta</i>	1127
МИХАЙЛОВА Т. А., ВОЛКОНСКАЯ М. А. «Человек — мужчина — муж»: к динамике и-е. * <i>uīro-</i> в романских и германских языках.....	1136
МОРОЗОВА М. С. Механизм и факторы грамматического заимствования в мультилингвальной ситуации: на примере двух говоров албанской исторической диаспоры.....	1152
НАЙДИЧ Л. (NAIDITSCH L.). Über die Dialektlexik der Russlanddeutschen in den 1920er Jahren... (О диалектной лексике русских немцев в 1920-х годах. По архиву В. М. Жирмунского).....	1185
НИКИФОРОВА А. Ю. Неизвестные тропари христианских праздников из Египта в <i>Sinai Gr. NF MG 15</i>	1197
НИКОЛАЕВ А. С. / NIKOLAEV ALEXANDER. Wish for hope: Greek <i>ἐλπομαι</i> , (ε)ελδομαι, Latin <i>volup</i> , Armenian <i>gelj</i>	1212
ОСИПОВА О. В. «Разнообразие» (λοκικία) в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского	1240
ПАНТЕЛЕЕВ А. Д. Бальбилл — римский интеллектуал, государственный деятель и астролог.....	1249
ПАНЧЕНКО В. Б., РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Т. В. Три подписных креста Ижорского плато	1260
ПАРХАЕВА М. П. Способы обозначения размера предметов в древнегреческом языке (на примере естественнонаучных трудов Феофраста)... ..	1276
ПОДОСИНОВ А. В., МАНЬКОВ А. Е., ВДОВЧЕНКОВ Е. В. Др.-греч. γαγγάνη: вещь, слово, этимология.....	1282
ПРЕСНОВА Н. В. Греческие теонимы и их латинские соответствия (на материале переводов трагедии Софокла «Эдип в Колоне», выполненных в XVI веке).....	1295
ПРИХОДЬКО Е. В. Правомерно ли называть астрагальные и алфавитные оракулы <i>хресмологиями</i> , или о семантическом развитии термина <i>χρησμολόγος</i> и его производных.....	1305
РЕЗНИЧЕНКО Е. А. Африканская латынь в свидетельствах блаженного Августина.....	1334
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В. «Райские» тексты в сборнике собр. В. Н. Перетца №143 из Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН: «Сказание старца Агапия».....	1345
САЛБИЕВ Т. К. Индоевропейские истоки образа нарта <i>Сослана / Сосруко</i> : культовый аспект.....	1355
СОБОЛЕВ А. Н. Языковой союз: новое определение	1366
СОЛОПОВ А. И. Этимология и первоначальное значение латинского <i>ārea</i> в связи со словоупотреблением Плавта.....	1377
СОЛОПОВА А. А. Художественные функции цвета в «Науке любви» Овидия.....	1381
ТАУЛЛИ КЛ. М. / TAULLI CL. M. Il lessico del greco mariupolitano: tra greco, lingue turciche e russo.....	1397
ТОПОРОВА Т. В. Сопоставительный анализ обозначений <i>мира</i> в «Старшей Эдде» и русских былинах.....	1406
ТРОИЦКИЙ П. А. Иерархия искусств: Флавий Филострат против Галена.....	1420

Трофимов А. А. Проблема реконструкции «Нартен-презенсов» в праиндоевропейском языке.....	1429
Филатов А. А. Христианство и иудаизм в папирусном источнике IV в. (Р. Оху, 6 903).....	1447
Фионин М. В. Разночтение в лексиконарии d 227 (ин 3:15).....	1456
Франгулян Л. Р. Греческий концепт <i>παρηγοία</i> : историческое развитие и восприятие у коптов-христиан.....	1462
Харламова Е. В. Дифтонги [ea] и [oa] в арумьских говорах г. Селеница (Албания) и с. Анилио (Греция).....	1489
Хлезов А. А., Губанов И. Б. Короткоклинковое оружие Скандинавии в раннем средневековье: саксы и скальмы по древнеисландским текстам.....	1522
Хорькова И. В. Источниковедческие проблемы пятой книги Арнобия о мистериях.....	1531
Черняк А. Б. К проблематике средневековой латыни.....	1550
Чиж Н. С. Об исторических обстоятельствах возникновения одной вариации идеограммы <i>mšr</i> (A12) в источниках Первого переходного периода.....	1564
Шаршукова О. В. Трансформация мифа о веках в «Георгиках» Вергилия.....	1577
Шумилин М. В. Проблемные строки в «Сфорциаде» Франческо Филельфо.....	1589
Щеглов Д. А. Эратосфен и Посидоний как историки географии.....	1606
Янзина Э. В., Корнеев О. В. О значении выражения <i>γυρὰ πάλλη</i> в трактате Филострата «О гимнастике».....	1617
EVDOKIMOVA A. A. Accentuation in the Byzantine lapidary inscriptions of Constantinople and the process of monophthongization of diphthongs. new material from the Dumbarton Oaks archive.....	1630

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФ. М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО**

Жаров Б. С. Михаил Иванович Стеблин-Каменский глазами студента, аспиранта, младшего коллеги.....	1656
Бондарко Н. А., Еселева А. А. Древнесаксонская и древнеанглийская поэмы «Бытие» в контексте раннесредневековых переложений библейских текстов на германские языки: между точным переводом и новым поэтическим текстом.....	1664
Власова Е. А. Особенности проявления на письме спирантизации /g/ в молитвеннике Нем. О. I 96 из собрания Российской национальной библиотеки.....	1674
Волконская М. А. О «поэтической лексике» в средневековой английской аллитерационной поэзии.....	1681
Ганина Н. А. Die Runeninschriften von Rügen.....	1691
Гвоздецкая Н. Ю. Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии: истоки и перспективы исследования.....	1699
Глебова Д. С. « <i>At mæla fagrt ok hyggja flátt</i> »: к рецепции эддической образности в сагах об исландцах.....	1712
Джаксон Т. Н. О «романических переживаниях» в сагах: Олав Харальдсон — «томящийся от любви скальд» или оскорбленный конунг?.....	1725

ДОМОСИЛЕЦКАЯ М. В. Виноград в албанской языковой картине мира: албанские названия растений с опорой на лексему <i>виноград</i>	1735
ЖИЛЬЦОВА Е. Л. Противительные связующие наречия в шведском языке и их роль в смысловой организации текста.....	1747
ИВАНОВ С. В., ЛЕВИЧКИН А. Н. Любекский календарь 1519 года как источник русских переводных медицинских текстов о знаках зодиака, кровопускании и уроскопии.....	1757
КЛЕЙНЕР Ю. А. «Нейтрализация: название и суть», пятьдесят пять лет спустя.....	1817
КРЫЛОВА Э. Б. Особенности функционирования датских наречий <i>ned</i> ‘вниз’ и <i>op</i> ‘вверх’ как показателей пространственно-временной семантики.....	1830
КУЗЬМЕНКО Ю. К. Об авторстве сказочных саг.....	1840
ЛИБЕРМАН А. С. М. И. Стеблин-Каменский, литературная перспектива и закон Зелинского.....	1853
ЛИВАНОВА А. Н. Норвежское языковое движение полвека спустя.....	1864
ЛИТОВСКИХ Елена Владимировна. «Прядь о Хаврбьёрне»: участие потусторонних сил в заселении Исландии.....	1875
МАНЬКОВ А. Е. On thick L.....	1883
МАТЫЦИНА И. В. Именные словосочетания и их место в шведском языке официально-делового общения.....	1896
МАТЮШИНА И. Г. Миф и история в «Сагах о британгах».....	1907
МИХАЙЛОВА И. М. Идеи книг М. И. Стеблин-Каменского о древне- скандинавской литературе как ключ к интерпретации поэмы Мартинуса Нейхофа «Аватер» (1934).....	1924
МИХАЙЛОВА Т. А. Ирландские саги: проблема классификации (синтагматика и парадигматика).....	1936
МЯЧИНСКАЯ Э. И., ШИТИКОВ Д. С. Гэльский в Ирландии: настоящее и будущее.....	1947
НЕМЦЕВА А. А. Функционирование количественных лексем со значением ‘мало’ в датском языке.....	1954
НИКУЛИЧЕВА Д. Б. Семантика скандинавских местоимений: размышле- ния на полях книги М. И. Стеблин-Каменского «История скандинавских языков».....	1962
ПИМЕНОВА Н. Б. Древнеисландское <i>rekkr</i> ‘муж, воин’ и дифференциация синонимов в общегерманском поэтическом языке.....	1974
ПИОТРОВСКИЙ Д. Д. Фарерский цикл баллад о Карле Великом.....	1990
СУХАЧЕВ Н. Л. «Спорное в языкознании» М. И. Стеблин-Каменского и Л. В. Щерба.....	1999
ЦИММЕРЛИНГ А. В. Фонологическая метафора и параметрическая грамматика.....	2008
ЧЕКАЛИНА Е. М. Полифункциональные слова со значением предше- ствования и следования в шведском языке.....	2019
ЯЦЕНКО М. В. «Неосознанное» авторство и авторство как авторитет: теории авторства в контексте древнеанглийской христианской поэзии.....	2029

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

БОНДАРЬ Л. Д. Языковой материал в рукописи Д. Г. Мессершмидта «Ornithologicon Sibiriae» и работа Д. Г. Мессершмидта с русской лексикой.....	2047
КАРПУК С. Г. Советский классицизм Симона Маркиша.....	2096
КУЛИШОВА О. В. Из истории отечественной эпиграфики: переписка Ф. Ф. Соколова с А. В. Никитским.....	2104
НАЙДИЧ Л. Э. Лингвистические школы в Ленинграде - Санкт-Петербурге. Диахроническая фонология.....	2114
СВЕТОЗАРОВА Н. Д. Из истории Лаборатории экспериментальной фонетики Императорского Санкт-Петербургского университета.....	2129
СКВОРЦОВ А. М. «Сама по себе совокупность трудов могла бы позволить присудить... степень доктора»: защита С. Я. Лурье диссертации в 1944 г.....	2146

ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

ЛАЛЕТИНА О. С., ХВОРОСТЬЯНОВА Е. В. Леммы и грамматические формы стиховых окончаний поэзии М. В. Ломоносова.....	2161
ЛАЛЕТИНА О. С., ХВОРОСТЬЯНОВА Е. В. Грамматика рифмы М. В. Ломоносова.....	2188
СМИРНОВА А. С., ШАРИХИНА М. Г. <i>Распространение</i> в риторической теории М. В. Ломоносова и <i>амплификация</i> в сочинении Н. Коссена «О духовном и светском красноречии»: сопоставительный анализ.....	2219

IN MEMORIAM

Heiner Eichner (1942–2024) — Н. Н. Казанский.....	2239
Языки и увлечения Хайнера Айхнера — М. Д. Воейкова.....	2243
СПИСОК АВТОРОВ.....	2247

CONTENTS

MIROLYUBOV IVAN A. Ancestors' Tales in the "Historia Augusta".....	1127
MIKHAILOVA T. A., VOLKONSKAYA M. A. "Human being – man – husband": on the dynamics of IE * <i>uiro-</i> in the Romance and Germanic languages	1136
MOROZOVA M. S. Mechanisms and factors of grammatical borrowing in multilingual situation: A case of two Albanian varieties of the old diaspora.....	1152
NAIDITSCH L. On the dialect vocabulary of Russian Germans in the 1920s. According to the archives of V. M. Zhirmunsky.....	1185
NIKIFOROVA A. JU. Unknown Christian feasts troparia from Egypt in Sinai Gr.Nf Mg 15.....	1197
NIKOLAEV A. S. Wish for hope: Greek <i>ελπομαι</i> , (ε)ελδομαι, Latin <i>volup</i> , Armenian <i>gelj</i>	1212
OSIPOVA O. V. "Variegation" (ποικιλία) in Diodorus Siculus' <i>Bibliotheke</i>	1240
PANTELEEV A. D. Balbillus – Roman intellectual, statesman and astrologer....	1249
PANCHENKO V. B., ROZHDESTVENSKAIA T. Vs. Three medieval stone crosses from Izhora plateau.....	1260
PARKHAEVA M. P. Models of dimensions expression in ancient Greek language (using the examples from Theophrastus' natural science works).....	1276
PODOSSINOV A. V., MANKOV A. E., VDOVCHENKOV E. V. Gr. γαγγάμη: object, word, etymology.....	1282
PRESNOVA N. V. Greek theonyms and their Latin equivalents in the Latin translations of Sophocles' tragedy "Oedipus at Colonus", made in the 16th century.....	1295
PRIKHODKO E. V. Is it accurate to designate astragal and alphabetical oracles as <i>chresmologies</i> , or about the semantic evolution of the term χηρημολόγος and its derivatives.....	1305
REZNICHENKO E. A. The African Latin language in the testimonies of Saint Augustine.....	1334
ROZHDESTVENSKAIA M. Vs. Apocrypha about Paradise in the collection of V. N. Peretz No. 143 (IRLI RAS): «Tale of the Elder Agapius».....	1345
SALBIEV T. K. Epic hero nart <i>Soslan / Sosruko</i> 's Indo-European origin: ritual aspect.....	1355
SOBOLEV A. N. Sprachbund: a new definition.....	1366
SOLOPOV ALEXEI I. Etymology and original meaning of the Latin <i>ārea</i> and Plautus' usage.....	1377
SOLOPOVA A. A. Expressive functions of coloratives in Ovid's <i>Ars Amatoria</i>	1381
TAULLI CL. M. Il lessico del greco mariupolitano: tra greco, lingue turciche e russo.....	1397
TOPOROVA T. V. Comparative analysis of <i>the world</i> notations in the Elder Edda and Russian epics.....	1406
TROIISKII P. A. The hierarchy of arts: Philostratus vs. Galen.....	1420

TROFIMOV A. A. On the Narten presents reconstructioun in the Proto-Indo-European language.....	1429
FILATOV A. A. Christianity and Judaism in papyri source of the 4th century (P. Oxy. 6 903).....	1447
FIONIN M. V. The variant reading in lectionary D 227 (JN 3:15).....	1456
FRANGULIAN L. R. Παρηρησία in historical development and its perception among Coptic Christians.....	1462
KHARLAMOVA A. V. The phonetic characteristics of the diphthongs [ea] and [oa] in the Myzeqe Aromanian dialect of Selenica (Albania) and the Pindos Aromanian dialect of Anilio (Greece).....	1489
KHLEVOV A. A. GOUBANOV I. B. Short-bladed weapons of Scandinavia in the early Middle Ages: seaxes and skalms according to Old Icelandic texts	1522
KHOR'KOVA I. V. Source studies problems of Arnobius' fifth book on the mysteries.....	1531
CHERNYAK A. B. On the problems of Medieval Latin (regarding Dag Norberg's book: Manuel pratique de latin médiéval. Paris 1968).....	1550
CHIZH N. S. On historical circumstances of the origins of a variant of <i>mš^c</i> (A12) ideogram in the sources of the First Intermediate Period.....	1564
SHARSHUKOVA O. V. Transformation of the myth of the Ages in Virgil's <i>Georgics</i>	1577
SHUMILIN M. V. Problematic Lines in Francesco Filelfo's <i>Sphortias</i>	1589
SHCHEGLOV D. A. Eratosthenes and Posidonius as historians of geography.....	1606
YANZINA E. V., KORNEEV O. V. Γυρὰ πάλῃ: why does Philostratus in the <i>Gymnasticus</i> call wrestling rounded?.....	1617
EVDOKIMOVA A. A. Accentuation in the Byzantine lapidary inscriptions of Constantinople and the process of monophthongization of diphthongs. new material from the Dumbarton Oaks archive.....	1630

**PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL MEMORIAL CONFERENCE
«120 YEARS OF PROF. MIKHAIL IVANOVICH STEBLIN-KAMENSKIJ»**

ZHAROV B. S. Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky in the eyes of his student, postgraduate student, and later his junior colleague.....	1656
BONDARKO N. A., ESELEVA A. A. Old Saxon and Old English Poems 'Genesis' in the Scope of Early Medieval Germanic Adaptations of Biblical Texts: between the Exact Translation and a New Poetic Text	1664
VLASOVA E. A. Features of manifestation of spirantization on the /g/ in the prayer book of the Nem. O. I 96 from the collection of the National Library of Russia.....	1674
VOLKONSKAYA M. A. On "poetic words" in medieval English alliterative poetry.....	1681
GANINA N. A. The runic inscriptions from Rügen.....	1691
GVOZDETSKAYA N. YU. Substantive Epithet in Old English Poetry: Origins and Prospects of Research.....	1699
GLEBOVA D. S. « <i>At mæla fagr ok hyggja flátt</i> »: To the Reception of Eddic Imagery in the Sagas of Icelanders	1725

JACKSON T. N. 'Romantic feelings' in the sagas. Óláfr Haraldsson, a 'lovesick skald' or an offended king?.....	1725
DOMOSILETSKAYA M. V. Grape in the world view of the Albanian language: Albanian plant names based on the lexeme "grape".....	1735
ZHILTSOVA E. L. The adversative connecting adverbs in the Swedish language and their role in the structural organization of text.....	1747
IVANOV S. V., LEVICHKIN A. N. The Lübeck Calender of 1519 as a source for Russian medical texts on the zodiac signs, phlebotomy, and uroscopy	1757
KLEINER Yu. A. "Neutralization, the word and the thing" fifty-five years later	1817
KRYLOVA E. B. Features of functioning of the Danish adverbs <i>ned</i> 'down' and <i>op</i> 'up' as indicators of special-temporal semantics.....	1830
KUZMENKO Yu. K. On the authorship of fairy tale sagas.....	1840
LIBERMAN A. S. M. I. Steblin-Kamenskij, Literary Perspective, and Zelinski's Law.....	1853
LIVANOVA A. N. The Norwegian language movement half a century later.....	1864
LITOVSKIKH E. V. <i>Hafrbjarnar þátr</i> : the participation of otherworldly forces in the settlement of Iceland.....	1875
MANKOV A. E. On Thick L.....	1883
MATITSINA I. V. Attributive-Nominal Word Groups and Their Significance in Swedish for Official and Business Communication.....	1896
MATYUSHINA I. G. Myth and History in <i>Breta sögur</i>	1907
MICHAILOVA I. M. Ideas of M. I. Steblin-Kamenskij's books on Medieval Scandinavian literature as a key to the interpretation of Martinus Nijhoff's poem <i>Awater</i> (1934).....	1924
MIKHAILOVA T. A. Irish sagas: the problem of classification (syntagmatic and paradigmatic).....	1936
MYACHINSKAYA E. I., SHITIKOV D. S. Irish Gaelic: The Present and the Future	1947
NEMTSEVA A. A. Quantitative lexemes with the meaning <i>a few</i> in Danish and their functions.....	1954
NIKULICHEVA D. B. Semantics of Scandinavian pronouns: "reflections on the margins" of the book by M. I. Steblin-Kamensky "History of the Scandinavian languages".....	1962
PIMENOVA N. B. Old Norse <i>rekkr</i> 'man, warrior' and differentiation of synonyms in the Proto-Germanic poetic language.....	1974
PIOTROVSKII D. D. Faroese Charlemagne ballad cycle.....	1990
SUKHACHEV N. L. M. Steblin-Kamenskij's <i>Controversial Issues in Linguistics</i> and L. Scherba.....	1999
ZIMMERLING A. V. Phonological metaphor and parametric grammar.....	2008
CHEKALINA E. M. Polyfunctional words expressing anteriority and posteriority in Swedish	2019
YATSENKO M. V. "Unconscious" Authorship and Authorship as Authority: Theories of Authorship in the Context of the Old English Christian Poetry.....	2029

ON THE HISTORY OF LINGUISTICS

BONDAR L. D. Language material in D. G. Messerschmidt's manuscript «Ornithologicon Sibiriae» and D. G. Messerschmidt's work with Russian lexis.....	2047
KARPYUK S. Soviet classicism of Simon Markish.....	2096
KULISHOVA O. V. From the history of Russian epigraphy: correspondence between F. F. Sokolov and A. V. Nikitsky.....	2104
NAIDITCH L. Linguistic Schools in St. Peterburg – Leningrad. Diachronic Phonology.....	2114
SVETUZAROVA N. D. From the history of the Laboratory of Experimental Phonetics Imperial Saint Petersburg University.....	2129
SKVORTSOV A. M. “The totality of the works alone could allow the awarding of a doctoral degree”: S. J. Luria's defense of his dissertation in 1944	2146

FROM THE HERITAGE OF M. V. LOMONOSOV

LALETINA O. S., KHVOROSTIANOVA E. V. Lemmas and grammatical forms of poetry endings of M. V. Lomonosov's poetry.....	2161
LALETINA O. S., KHVOROSTIANOVA E. V. Grammar of rhyme of M. V. Lomonosov.....	2188
SMIRNOVA A. S., SHARIKHINA M. G. <i>Rasprostranenie</i> (amplification) in M. V. Lomonosov's rhetorical theory and amplification in N. Caussin's <i>De eloquentia sacra et humana</i> : comparative analysis.....	2219

IN MEMORIAM

Heiner Eichner (1942–2024) – N. N. Kazansky	2239
Languages and hobbies of Heiner Eichner – M. D. Voeikova.....	2243
List of authors	2247

И. А. Мироллюбов

РГАУ–МСХА им. К. А. Тимирязева, Москва, Россия.
peter-herzog@yandex.ru

РАССКАЗЫ ПРЕДКОВ В СБОРНИКЕ «HISTORIA AUGUSTA»

В статье рассматриваются сообщения «предков» Требеллия Поллиона и Флавия Вописка — фиктивных историков из числа коллектива, известного как *Scriptores Historiae Augustae* (HA). Сами мнимые историки и их предки представлены влиятельными людьми без определенного рода занятий, что может быть указанием на статус реального автора HA. Примечательно при этом, что реальный автор, писавший от лица мнимых историков рубежа III–IV в., локализует активность их предков в том же периоде, или даже несколько позже него. Эта оплошность может быть обусловлена ощущением времени реального автора, который писал значительно позже.

Ключевые слова: *Scriptores Historiae Augustae*, латинская нарративная традиция, позднеантичная литература.

Ivan A. Mirolyubov

Russian State Agrarian University–Moscow Timiryazev Agricultural Academy
peter-herzog@yandex.ru

Ancestors' Tales in the *Historia Augusta*

The collection of biographies of Roman emperors, known as *Historia Augusta* (HA), contains a large number of references to fictional sources. The article examines the references to messages from the “ancestors” of Trebellius Pollio (we find a mention on his “grandfather”) and Flavius Vopiscus (we can find references to his “grandfather” and once — his “father”), whose names are signed in the biographies of later emperors. It is noteworthy that the original author of HA provides the same information on the older generation that was already recorded by the narrative tradition. Probably, it was important for the HA author not to introduce a narrative, but to focus on those very “ancestors” of the fictitious historians he is writing about. Both fictitious historians and their “ancestors” are described as influential persons without any specific occupation. It may indicate the author's desire to emphasize his (possibly hereditary) status as an influential intellectual *procul negotiis*. In addition, the author of HA indicates that the fictitious historians he is writing about lived at the turn of the 3rd and 4th centuries AD. Accordingly, we could expect that their “grandfathers” would act as informants about the events of the first half of the 3rd century AD and earlier, i.e., could be contemporaries of the Severan

dynasty. But as it is evident from the text of HA the fictitious historians themselves and their “ancestors” are contemporaries of some of the events that took place at the turn of the 3rd and 4th centuries AD. This oversight may be caused by the sense of time of the real author of HA, who wrote at the end of the 4th century AD, and perceived the events of a century or more ago as something that only grandfathers could remember. These data, in turn, can be used as an argument in the discussion about the real time of writing the collection.

Keywords: Scriptores Historiae Augustae, Latin narrative tradition, late antique literature

Среди источников в сборнике императорских биографий, известном под названием *Historia Augusta* (далее — HA), мы встречаем и устную традицию. Она представлена в виде рассказов «предков» «историков»¹, от лица которых написаны биографии императоров второй половины III в. Требеллия Поллиона и Флавия Вописка. Ссылки эти обращали на себя внимание исследователей, которые видели в них подражание Светонию (Burgersdijk 2010: 50; Rohrbacher 2016: 50–52). Однако такое объяснение кажется слишком простым, особенно когда речь идет об одном из самых загадочных произведений античной литературы. Позволим себе привести «рассказы предков» и проанализировать их. Цитаты² сгруппируем по принадлежности их конкретным «историкам».

Требеллий Поллион ссылается на рассказ «деда» один раз. В очерке об узурпаторе Тетрике-мл. мы читаем: «Narrabat avus meus hunc (Тетрик-мл. — И. М.) sibi familiarem fuisse neque quemquam illi ab Aureliano aut postea ab aliis principibus esse praelatum» (HA Tyr. trig. 25.3).

Флавий Вописк использует семейную традицию чаще. В сборнике о четырех узурпаторах, бывших современниками Аврелиана и Проба, приведено свидетельство его «деда»: «avum meum saepe dicentem audivi se interfuisse, cum ille (узурпатор Сатурнин — И. М.) adoraretur. flebat, inquit, et

¹ В науке господствует точка зрения Г. Дессау о едином авторе, писавшем под шестью псевдонимами (Dessau 1889: 337–392; Adams 1972: 186–194; Burgersdijk 2014: 139–141; Rohrbacher 2016: 3–15). В тексте статьи будем различать автора HA и «историков», от лица которых он пишет.

² Цитаты приводим по изданию: (Hohl, Samberger, Seyfarth 1965). Источник доступен также в русском переводе С. П. Кондратьева: (Dovatur, Kondratiev 1992).

dicebat: necessarium, si non adroganter dicam, res publica virum perdidit» (НА Firm. et al. 9.5). В разделе об императоре Каре и его сыновьях содержится рассказ «деда» о провозглашении императором Диоклетиана: «*avus meus retulit interfuisse contioni, cum Diocletiani manu esset Aper occisus; dixisse autem dicebat Diocletianum, <cum Aprum> percussisse<t>: gloriare, Aper, Aeneae magni dextra cadis*» (НА Car. et al. 13.3). Со ссылкой на «деда» рассказывается, как Диоклетиану была предсказана императорская власть некоей друидессой: «*avus meus mihi ret<t>ulit ab ipso Diocletiano compertum*» (НА Car. et al. 14.1; 15.5). В биографии императора Аврелиана Флавий Вописк ссылается и на рассказ «отца»: «*Sed ego a patre meo audivi Diocletianum principem iam privatum dixisse nihil esse difficilius quam bene imperare*» (НА Aurel. 43.2).

Что мы можем сказать о названных трех персоналиях? «Дед» Требеллия Поллиона представлен лично знакомым с узурпатором Тетриком-мл., который после низложения был помилован и включен императором Аврелианом в состав сената. Со слов «деда», Аврелиан и «прочие принцепсы» высоко ценили Тетрика-мл. Это сообщение указывает на доступ «деда» Требеллия Поллиона ко двору, однако без четкого понимания того, при каких императорах и какое конкретно положение он занимал. «Дед» Флавия Вописка был свидетелем двух провозглашений (Сатурнина³ и Диоклетиана⁴). О нем читаем: «*Semper in animo Diocletianus habuit imperii cupiditatem, idque Maximiano conscio atque avo meo*» (НА Car. et al. 15.1). То, что «дед» Флавия Вописка пользовался доверием Диоклетиана на одном уровне с его другом и соправителем Максимианом Геркулием, указывает на пребывание «деда» в ближайшем окружении императора. «Отец» Флавия Вописка, цитирующий Диоклетиана уже после его отречения, должен был проживать (или навещать императора) во дворце, выстроенном Диоклетианом близ родной Салоны (Barnes 1982: 31–32).

³ По имеющимся данным он был провозглашен в Антиохии в 281 г. (Kienast 2004: 256), однако НА указывает на провозглашение в Александрии, а затем повторение церемонии уже в провинции Палестина (НА Quadr. tyr. 29.9). Неясно, на какой из этих церемоний по замыслу автора НА присутствовал «дед» Флавия Вописка.

⁴ Диоклетиан был провозглашен императором войсками умершего незадолго до этого императора Нумериана; церемония прошла в Никомедии 20 ноября 284 г. (Barnes 1982: 49–50).

Во всех перечисленных выше примерах обращения к воспоминаниям представителей старших поколений бросается в глаза то, что «информаторы» обладают неясным, но несомненно высоким статусом. В этом состоит, пожалуй, существенное различие «предков» «историков» и предков Светония. Светоний, пересказывая анекдотическую причину строительства императором Калигулой наплавного моста через Байский залив, пишет: «*avum meum narrantem puer audiebam, causam operis ab interioribus aulicis proditam...*» (Suet. Calig. 19.3) Историк не стремится представить деда статусной персоной: окружение Калигулы могло уже после его смерти обнародовать сюжет в формате рассказов, которые не получили закрепления в историографии (Wardle 1994: 193–194), но были услышаны дедом историка. Что касается отца Светония, то его он упоминает в биографии императора Отона с указанием его имени и должности — Светоний Лет, *tribunus angusticlavius* в XIII Парном легионе (Suet. Oth. 10.1). Статус старшего Светония надежно объясняет, почему он мог быть достоверным информатором сына о словах и образе жизни императора Отона. Таким образом, ссылка на семейные истории позволяет Светонию объяснить происхождение того материала, который оказался не зафиксирован в римской историографии, и избежать упреков со стороны возможных критиков.

Р. Сайм полагал, что той же цели служили и ссылки на рассказы предков у автора НА (Syme 1983: 114). Но достаточно поверхностного знакомства со сборником, чтобы увидеть слабую зависимость автора НА от реальных источников информации. Даже в биографии тех императоров, чье правление хорошо зафиксировано традицией, он включает огромный объем вымысла со ссылкой на якобы осведомленных (но вымышленных) авторов; при этом называются их имена и должности. Таким образом, все рассказы представителей старшего поколения автор НА мог с таким же успехом вложить в уста вымышленных мемуаристов. Отметим также, что сообщаемые со ссылкой на «родственников» «историков» сведения не являются уникальными, как в случае с семейными историями Светония. Источники фиксируют, что император Аврелиан пощадил узурпатора Тетрика после низложения и даже допустил к занятию государственных должностей (Jones,

Martindale, Morris 1971: 885⁵), так что благополучие его сына представляется очевидным и без рассказа «деда» Требеллия Поллиона. То же касается и рассказа «деда» Флавия Вописка об убийстве Диоклетианом префекта претория Апра, которое зафиксировано традицией (Jones, Martindale, Morris 1971: 81). Печальная речь узурпатора Сатурнина, пересказанная со слов того же «деда», находит параллели в самом сборнике НА (Mirolyubov 2020: 914–925); схожую речь другого узурпатора, также Сатурнина, автор НА вообще вводит без указания источника, глаголом «fertur» (НА Tyr. trig. 23.3). Таким образом, у автора НА нет необходимости убеждать читателя в верности данных сведений ссылками на семейные истории. Отсюда можно сделать вывод, что ценным для автора НА в данных эпизодах являются не сведения, а именно возможность упомянуть «предков». В чем же состоит их важность?

Для ответа стоит, во-первых, обратить внимание на то, что сближает Требеллия Поллиона и Флавия Вописка с их «предками», кроме собственно родства. Оба «историка», как и прочие их «коллеги», обозначены как люди высокого положения. Элий Лампридий, к примеру, представлен собеседником императора Константина Великого, в адрес которого он позволяет себе делать критические замечания (Mirolyubov 2023: 820–821). Требеллий Поллион — придворный историк императора Констанция, по заказу которого он пишет биографию Клавдия Готского. Флавий Вописк представлен собеседником префекта Рима Юния Тиберияна (НА Aurel. 1–2), среди доступных ему источников упоминаются книги из библиотеки во дворце Тиберия, входившего в комплекс Палатинских дворцов (Richardson 1992: 136–138), и сенатские протоколы (НА Prob. 2.1). При этом, как и в случае с «предками» этих «историков», нам совершенно неясен их реальный статус. То, что автор НА не упоминает конкретных должностей, указывает, что «историки» — респектабельные частные лица, знакомые с высокопоставленными фигурами. Стереотипность статусного позиционирования всех «историков» может быть указанием на статус реального автора НА — влиятельного интеллектуала *procul negotiis*. Упоминание «предков» при этом может подчеркивать, что данный статус автора был потомственным.

⁵ Дж. Стовер и Дж. Ваудхейсен даже реконструируют, на основе каких источников автор НА формирует свой рассказ об узурпаторе Тетрике (Stover, Woudhuysen 2023: 305–308).

Второй важный момент — временной промежуток между теми событиями, которые автор НА обозначает современными себе, и теми, современниками которых были названные «предки». За примером временного соотношения мы опять же можем обратиться к замечаниям Светония. Дед был для него, современника Адриана, информатором о времени правления Калигулы, т. е. о событиях восьмидесятилетней давности. От отца Светоний почерпнул информацию об императоре Отоне, чье правление отстояло от времени активности Светония на пятьдесят лет. Отсюда видно, что «деды» Требеллия Поллиона и Флавия Вописка могли бы рассказывать, к примеру, о правлении младших Северов (220-ые гг.). Но в биографиях Элагабала и Александра Севера, подписанных именем Элия Лампридия, подобных указаний на рассказы предков нет.

Требеллий Поллион в биографии Клавдия Готского обращается к императору Констанцию как к цезарю, т. е. в 293–305 гг. (Kienast 2004: 280–281). Строительство терм Диоклетиана, освященных на рубеже 305/306 гг. (Richardson 1992: 391–392), для него уже свершившееся событие (НА Туг. trig. 21.7). «Дед» Требеллия Поллиона выступает для него информатором о судьбе узурпатора Тетрике-мл. после 274 г., когда того вместе с отцом низложил император Аврелиан (Kienast 2004: 248–249). Таким образом, между событиями, современными Требеллию Поллиону, и событиями, которые он знает из рассказов «деда», временной зазор всего 20–30 лет.

Флавий Вописк во введении к биографии Аврелиана изображается беседующим с префектом Рима Юнием Тиберианом. Имя это встречается в списках префектов дважды (Chastagnol 1962: 18–20; 40–41) — в 291–292 гг. и в 303–304 гг.⁶ «Дед» Флавия Вописка выступает информатором о провозглашении узурпатора Сатурнина в 281 г. и императора Диоклетиана в 284 г. Зазор между активностью деда и внука — всего 10–20 лет. «Отец» же Флавия Вописка и вовсе является очевидцем жизни императора Диоклетиана после отречения в 305 г. Мрачные рассуждения этого императора в тексте НА хорошо соотносятся

⁶ Разговор префекта и «историка» датируется гилариями, т. е. должен был происходить 25 марта. В науке было отмечено (Birley 2003: 137), что под сообщение автора НА подходит только первая каденция, так как она продолжалась с 18 февраля 291 г. по 3 августа 292 г., тогда как вторая — с 12 сентября 303 г. по 4 января 304 г. (Divjak, Wischmeyer 2014: 452–455).

с его подавленным состоянием перед кончиной, которое зафиксировано древними авторами (Mirolyubov 2019a: 781–789; 2019b: 110)⁷. Таким образом, «отец» Флавия Вописка выступает современником событий более поздних, нежели время зафиксированной активности его «сына».

Осторожно предположим, что отнесение «предков» к более позднему, чем можно ожидать, времени объясняется ощущением времени подлинного автора НА. Представляется, что эти данные могут быть включены в число аргументов, на которых основывается дискуссия о реальном времени написания сборника. Н. Бейнс датировал его временем правления императора Юлиана (Baynes 1924: 165–169; 1928: 166–171), однако позднее исследователи локализовали время активности автора НА на рубеже IV–V вв. (Birley 2003: 138–140). А. Кэмерон пересмотрел существующие точки зрения и предложил датировать НА 370–380-ыми гг. (Cameron 2010: 743–782); аргументы его были встречены критикой (Gómez 2018: 21–26). Д. Рорбахер предполагает, что 390-ые гг. могут рассматриваться в качестве наиболее ранней датировки (Rohrbacher 2016: 7–8). Дискуссия далека от завершения. Из приведенных выше замечаний видно, что автору НА время императора Диоклетиана, в котором он локализует своих «историков», кажется прошлым, о котором могут помнить только деды, а также в исключительном случае и отцы. Отсюда становится понятным, что сам автор НА мог быть свидетелем — самое раннее — правления династии Константина (340–350-ые гг.)⁸.

Подведем итоги. Ссылки на рассказы «предков» «историков» важны для понимания образа реального автора НА. Рассказы «предков» показывают его ощущение времени: рассказы представителей старшего поколения о событиях рубежа III–IV вв. плохо соотносятся с временем активности «историков» (по сути — тот же период), однако вполне могут быть соотнесены с

⁷ Точное время пребывания «отца» Флавия Вописка при дворе экс-императора неясно, так как источники датируют смерть Диоклетиана в пределах 311–316 гг. (Barnes 1982: 32).

⁸ Образцом расчетов может быть историк Аврелий Виктор. В своем сборнике императорских биографий «О цезарях» он фиксирует, что его собственные воспоминания начинаются с поздних лет правления Константина (De caes. 40.14). Этот автор писал при Констанции и Юлиане (360-ые гг.) и застал правление Феодосия, т. к. 389 г. датируется его городская префектура в Риме (Jones, Martindale, Morris 1971: 960).

автором, жившим во второй половине IV в. и заставшим начало нового, V в. Статус «предков» переключается с положением «историков»: это лица без четко обозначенных должностей, но при этом вхожие ко двору и знакомые с первыми сановниками государства. Это настойчивое позиционирование соблазнительно рассматривать как указание автора НА на свой (возможно, потомственный) статус влиятельного интеллектуала *procul negotiis*.

Литература

- Adams, J. N. 1972: On the Authorship of the *Historia Augusta*. *The Classical Quarterly* 22 (1), 186–194.
- Barnes, T. D. 1982: *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge (MA); London: Harvard University Press.
- Baynes, N. H. 1924: The Date of the Composition of the *Historia Augusta*. *The Classical Review* 38 (7/8), 165–169.
- Baynes, N. H. 1928: The *Historia Augusta*: Its Date and Purpose. A Reply to Criticism. *The Classical Quarterly* 22 (3/4), 166–171.
- Birley, A. R. 2003: The *Historia Augusta* and Pagan Historiography. In: Marasco G. (ed.). *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden; Boston: Brill, 127–149.
- Burgersdijk, D. 2010: *Style and structure of the Historia Augusta (PhD Thesis)*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.
- Burgersdijk, D. 2014: De Structuur van de *Historia Augusta*. *Lampas* 47 (2), 138–157.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. New York: Oxford University Press.
- Chastagnol, A. 1962: *Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire*. Paris: Nouvelles Éditions Latines.
- Dessau, H. 1889: Über und Zeit Persönlichkeit der Scriptorum *Historiae Augustae*. *Hermes* 24, 337–392.
- Divjak, J., Wischmeyer, W. 2014: *Das Kalenderhandbuch von 354. Der Chronograph des Filocalus*. Band 2. Wien: Holzhausen.
- Dovatur, A. I., Kondratiev, S. P. 1992: *Vlasteliny Rima [Masters of Rome]*. Moscow: Nauka.
- Довагур, А. И., Кондратьев, С. П. 1992: *Властелины Рима*. М.: Наука.
- Gómez, M. P. S. 2018: *La religión del autor de la «Historia Augusta»*. Murcia: Centro de Estudios del Próximo Oriente y la Antigüedad Tardía.
- Hohl, E., Samberger, Ch., Seyfarth, W. 1965: *Scriptores Historiae Augustae*. Volumen II. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.

- Jones, A. H. M., Martindale, J. R., Morris, J. 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Miroljubov, I. A. 2019a: Diocletian's Nightmares and the Crisis of the First Tetrarchy. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]* 23, 781–789. Миролюбов, И. А. 2019а: О сновидениях императора Диоклетиана и кризисе Первой тетрархии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 781–789.
- Miroljubov, I. A. 2019b: Diokletian I Konstantin Velikiy: dialog imperatorov na fone krizisa [Diocletian and Constantine the Great: Emperors' Intercommunication]. *Problemy istorii, filologii, kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 106–115.
- Миролюбов, И. А. 2019б: Диоклетиан и Константин Великий: диалог императоров на фоне кризиса. *Проблемы истории, филологии, культуры* 3, 106–115.
- Miroljubov, I. A. 2020: Vita Saturnini: commentary on a fictional biography. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]* 25, 914–925.
- Миролюбов, И. А. 2020: Vita Saturnini: опыт комментария к выдуманному жизнеописанию. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25, 914–925.
- Miroljubov, I. A. 2023: Constantine the Great in the Historia Augusta. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]* 27, 813–824.
- Миролюбов, И. А. 2023: Константин Великий в трактате «Historia Augusta». *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 27, 813–824.
- Richardson, L. 1992: *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Baltimore–London: The Johns Hopkins University Press.
- Rohrbacher, D. 2016: *The Play of Allusion in the «Historia Augusta»*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Stover J. A., Woudhuysen G. 2023: *The Lost History of Sextus Aurelius Victor*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Syme, R. 1983: *Historia Augusta Papers*. Oxford: Clarendon Press.
- Wardle, D. 1994: *Suetonius' Life of Caligula: a Commentary*. Bruxelles: Latomus.

Т. А. Михайлова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия. tamih.msu@mail.ru

М. А. Волконская

НИУ ВШЭ, Москва, Россия. mary.volkonskaya@gmail.com

«ЧЕЛОВЕК — МУЖЧИНА — МУЖ»: К ДИНАМИКЕ И.-Е. **uīro-* В РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Статья посвящена изучению семантических и историко-культурных мотиваций утраты рефлексов и.-е. обозначения мужчины, мужа (**uīro-*), произошедшей независимо и параллельно в романских и германских языках, а также — их частичной замены лексемой с общим значением ‘человек’. В статье рассматривается использование данных лексем на материале табличек с проклятиями против воров как образцов разговорной латыни, а также в германских языках — на материале готского перевода Библии, древнеанглийского и среднеанглийского корпуса текстов.

Ключевые слова: термины родства и свойства, семантические переходы, индоевропейские языки, поэтические синонимы, аллитерационный стих.

Т. А. Mikhailova

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia. tamih.msu@mail.ru

М. А. Volkonskaya

HSE University, Moscow, Russia. mary.volkonskaya@gmail.com

“Human being — man — husband”: on the dynamics of IE **uīro-* in the Romance and Germanic languages

The paper discusses the semantic and historical-cultural motivations for the gradual loss of the Indo-European designation of man, husband (**uīro-*), which took place independently and in parallel in the Romance and Germanic languages, as well as its partial replacement with the lexeme having a general meaning ‘human being.’ The loss of Lat. *vir* during the transition to Vulgar Latin is often ascribed to phonetic reasons: apocope, which shortened polysyllabic words, also sought to “level out” monosyllabic lexemes and replace them with either semantically close ones or suffixal derivatives. Another interpretation of the loss of this lexeme is based on the hypothesis that it belonged to the elevated vocabulary, which was not preserved during the transition to Vulgar Latin. Furthermore, *vir* in Classical Latin was part of the oppositions *vir* — *mulier* ‘man — woman’

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии».

and *vir* — *uxor* ‘husband — wife.’ In the latter, *vir* was replaced by *maritus*, which became the designation of husband in all the Romance languages. It could have affected the system as a whole, causing a partial loss of the lexemes *uxor* and *mulier*. As in the Romance languages, descendants of Proto-Germanic **wira*- formed part of the system of oppositions ‘man — woman’ and ‘husband — wife.’ Moreover, the development of PGmc **wira*- was further complicated by poetic tradition as it became part of the system of synonyms for MAN, WARRIOR in alliterative verse. In Middle English, for instance, the subsequent loss of epic connotations led to *wer* being replaced by more common designations (or by designations that retained their elevated semantics, for example, Middle English *wīe* < Old English *wiga* ‘man, warrior’). Thus, this paper traces the use of lexemes with the meaning ‘man’ in the curse tablets against thieves (in the formula “be it a man or a woman”), using them as a source on Vulgar Latin, mainly in Britain, as well as in the Germanic languages, focusing on the Gothic translation of the Bible and Old and Middle English corpora.

Keywords: kinship terminology, semantic shifts, Indo-European languages, poetic synonyms, alliterative verse.

Общей тенденцией развития латинской лексики от классической латыни — к латыни народной, как принято считать, является упрощение словарного запаса языка в целом, которое «согласно закону лингвистической экономии» (Reutner 2014: 214) начинает, с одной стороны, избегать односложных лексем, заменяя их более длинными (в силу процесса апокопизации в целом), а также слов, создающих семантические оппозиции, как бы «усложняющих» коммуникацию излишним семантическим нюансированием, и в то же время традиционно относящихся к так называемому «высокому стилю речи», и «вообще не употреблявшихся в разговорном языке» (Grandgent 1907: 8). Так, к заменам первого типа относят: *rus* > *campania* ‘деревня’, *dies* > *diurnus* ‘день’, *circus* > *circulus* ‘круг’, *os* > *bucca* ‘рот’, *agnus* > *agnellus* ‘ягненок’ и проч. Как мы видим, часть лексем представляет собой суффиксальные образования от исходной основы, на базе которых затем и произошло их развитие в романских языках. К заменам второго типа принято относить: *ignis* / *focus* > *focus* ‘огонь’, *alius* / *alter* > *alter* ‘другой’, *urbs* / *civitas* > *civitas* ‘город’, *osculus* / *basius* / *suavius* > *basius* ‘поцелуй’, *gamba* ‘лапа животного’ / *crus* ‘нога’ > *gamba* ‘нога’ и так далее.

На фоне сказанного понятно, что сохраниться в романских языках у латинского *vir* ‘муж, мужчина’ шансов практически не было, причем по двум причинам. Но если причина фонетического характера здесь скорее понятна, причина стилистическая и семантическая — не совсем ясна, и ситуация в данном случае представляется более сложной, поскольку востребованность языком лексемы со значением ‘мужчина’ назвать ограниченной скорее нельзя. Или можно?

Исходя из предположительной этимологии лат. *vir* и его возможных когнатов (лат. *vis* ‘сила, могущество’, др.-инд. *váyas-* ‘жизненная сила’, *deva-vi-* ‘приятный богам’, *virá-* ‘мужчина; герой’; см.: Vaan 2008: 683; Gamkrelidze, Ivanov 1984: 469, 759), а также реальных употреблений в языке права, можно сделать вывод, что в классической латыни лексема уже изначально обладала особыми, положительными коннотациями и кроме собственно гендерной семантической зоны распространялась отчасти в зону социальную, чего нельзя было сказать о ее синониме *mās, masculus* ‘мужчина, самец’. Социальные сдвиги в обществе, таким образом, привели и к естественным и логическим сдвигам в словаре.

В средневековой латыни лексема *vir* сохраняется примерно до XIV–XV вв., но приобретает (сохраняет?) не столько значение ‘мужчина’, сколько ‘благородный человек, дворянин’, находясь в оппозиции уже не к *femina* ‘женщина’, а к *homines* ‘люди, плебеи’ (Carpenter 1986; Arbois de Jubainville 1887). Возможно, данным семантическим сдвигом (точнее — нюансом) можно объяснить распространенный в романских языках переход лат. *virtūs* ‘мужество’ → ‘достоинство, добродетель’ (франц. *vertue*², итал. *virtù* и проч.), отчасти наметившийся уже в классической латыни (см. об этом в классической работе А. Мейе (Meillet 1921: 273–274)). Ср. в данной связи интересный пример из «Топографии Гибернии» Гиральда Камбрийского (XII в.): *Sic viri virtutum meritis candidati, ab serumnis hujus seculi laeti discedunt* (Dimock 1867: 52) — «Так люди (мужи?),

² Соотнесение франц. *vertue* ‘добродетель’ — *vérité* ‘правда, истина’, вызвавшее предположительный вокалический сдвиг и изменение семантики в старофранцузском, относится к области народной этимологии, несмотря на проводимую в галльском параллель: *viros* — 1. *homme*; 2. *vrai* (Delamarre 2003: 321).

благородными заслугами обеленные, от тягот этого времени радостно отходят».

В то же время, как отмечает Адамс, в поздней латыни для передачи обобщенного значения ‘человек’ уже употребляется скорее *homo*, см. его пример — *eloquentissimus homo* (Adams 2003: 269).

Однако всем сказанным интерпретация вытеснения лат. *vir* в народной латыни, а затем — в романских языках не ограничивается. Как пишет И. И. Чельшева, «латинская пара VIR «муж» и UXOR «жена» не сохранилась, поскольку принадлежала к достаточно высокому стилю. К тому же VIR входил и в другую оппозицию: VIR «мужчина» — MULIER «женщина». В первой паре VIR оказался заменен на стилистически нейтральное MARITUS. Место же UXOR оказалось занято словом MULIER, сузившим свое значение, откуда итал. *moglie* «жена». Во второй паре вместо VIR закрепилось HOMO «человек», а MULIER вытеснилось DOMINA «госпожа, хозяйка», напротив, расширившим свое значение: *donna* «женщина»³) (Alisova, Chelysheva 2009: 114). Следуя ее простой идее о системности лексических оппозиций, можно сделать вывод, что в тех группах языков, в которых сохраняется старое обозначение «мужа, супруга» как «мужчины», исконная лексема имеет и больше шансов сохраниться, что действительно фиксируется в группах языков, сохранивших рефлексy и.-е. **ũiro*-/**ũiro*-, а именно — в балтийских и кельтских языках (ср. лит. *vyras* ‘мужчина, муж’, при латышск. *vīrietis* ‘мужчина’ и *vīrs* ‘муж’, а также ирл. *feor* ‘мужчина’, *feor ceile* ‘муж, супруг’, валл. *gwr* ‘то же’ и проч.). Отметим, что в обеих группах языков, как и в итальянском, в качестве нейтрального «человек» сохраняются когнаты и.-е. основы со значением ‘земля-люди’: **dheǵhōm*- (ср. ‘человек’: ирл. *duine*, валл. *dyn*, брет. *den*, галльск. *gdonios*; см. об этом также: Gamkrelidze, Ivanov 1984: 821; Meillet 1921: 275), в германском, например, утраченные.

³ Речь идет в первую очередь об итальянском языке. Другие романские языки показывают другие пути семантической деривации современного базового обозначения «женщины», отчасти нарушающие нарисованную стройную схему, ср. исп. *mujer* ‘женщина’ при франц. *femme*.

Однако утрата лексемы *vir* в народной латыни не сопровождалась автоматической заменой ее на продолжения форм лат. *homo* в отмеченной выше оппозиции «мужчина — женщина», процесс шел параллельно в разных зонах распространения языка и представлял собой разные «пути замены» исчезающей лексемы. Представляется интересным проследить утрату латинского *vir* в разговорных формах языка и различные варианты замещений, базируясь на текстах табличек против воров, в которых присутствует формула «будь то раб или свободный, мужчина или женщина». Данная формула, перифрастически описывающая неизвестного автору текста вора, по предположению Дж. Гаджера (Gager 1992: 194), имеет позднее происхождение и опирается на строку из Послания св. Павла к Галатам: «Нет уже ни Иудея, ни язычника, нет ни раба, ни свободного, нет ни мужского пола, ни женского» (3:28), что, наверное, требует дополнительного исследования. Тем не менее представляется интересным, что в переводе св. Иеронима в данном случае употреблено слово *masculus* (но не *vir*).

Таблички из Британии, где данная формула была наиболее представлена, датируются примерно III–IV вв. н. э. В табличках из Бата по данным (Tomlin 1988) лексема *vir* употреблена 7 раз. 4 раза встречается слово *baro*, стоящее в оппозиции к *femina*, то есть имеющее значение ‘мужчина’. Лексема *bāro* в латыни имеет значение ‘простак, увальнь’, но здесь скорее всего речь идет о совпадении с германским заимствованием *baro* ‘наемник’, с изначальной семантикой ‘воин’ (ср. др.-исл. *berjask* ‘битва, сражение’, откуда фр. *baron*, а также старофр. *baron* ‘муж, супруг’). В табличках из Британии она встречается для обозначения мужчины достаточно регулярно, демонстрируя процесс постепенной утраты лат. *vir*, но не замены его на *homo*. Ср. также в табличке из Клевердона, Эссекс: *si mulier si mascel* — «будь то женщина или мужчина». В то же время табличка с аналогичным содержанием и аналогичной формулой, найденная на территории Испании, содержит слово *homo*: *si puella si mulier siue homo...* (Versnel 1991: 60).

Расширение семантики *homo* ('человек' → 'человек, мужчина'), таким образом, оказывается в чем-то логическим⁴ и отчасти обусловленным имплицитной пресуппозицией: человек это «по умолчанию» мужчина, ср. также отмеченные для разговорной латыни употребления *mi homo* 'мой муж' (Ernout, Meillet 1939: 457), но не строго облигаторным, даже при утрате лексемы *vir* (по разным, достаточно очевидным причинам).

Уточнению типологических, а возможно и контактных причин утраты когнатов и.-е. **uīro*- и замены его лексемой со значением 'человек' при переходе к народной латыни и романским языкам может помочь сопоставление с данными германских языков, в которых предположительно — независимо произошел аналогичный переход.

В германских языках развитие общегерманского **wira*- (Orel 2003: 463; Kroonen 2013: 588) следует, в первом приближении, тем же закономерностям, что и в романских: практически во всех современных языках эта лексема утрачена, ограниченно сохранившись лишь в скандинавском ареале: исл. *ver* (поэт.) 'муж, супруг; человек, муж' (Berkov, Böðvarsson 1962: 838). В других скандинавских языках в свободном употреблении данная лексема не фиксируется, но сохранилась как первый элемент композита, указывающий на родство по браку: диал. шв. *värbror* 'деверь', *värfar* 'свекор', *värsyster* 'золовка' (Rietz 1867: 831), новонорв. *verbror* 'шурин; деверь; зять; свояк', *verdotter* 'невестка, сноха', *verfar* 'тесть; свекор' и т. п. (*Nynorskordboka*), фарер. *verfaðir* 'тесть; свекор', *verfólk* 'родственники со стороны жены / мужа', *verforeldur* 'родители жены / мужа' (Young, Clewer 1985: 656))⁵. В древнесаксонском мы находим *uuer* — как самостоятельную лексему и как часть композитов — в религиозных памятниках, поэме «Хелианд» и переложении Книги Бытия (Seebold 2008: 922). В древневерхненемецком лексема встречается в глоссах: *uuer* : *uir* — в VIII веке (Seebold 2001: 315), в IX веке — в составе композита

⁴ Ср. отмеченную в базе DatSemShift полисемию # 0563 *man* (male) — *human*, *person* — 53 реализации из разных языковых семей (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ Вероятно, первоначально композиты с *ver*- относились только к родственникам со стороны мужа, позднее же вследствие десемантизации данные лексемы стали обозначать и родственников со стороны жены.

weragelt (Seebold 2008: 922; ср. также Pimenova 2004: 417); как указывает (Lexner 1878: 767), в средневерхненемецком лексема встречается только в составе композитов *wërgëlt* ‘вира’ (совр. нем. *Wergeld*), *wërwolf* ‘оборотень’ (*Werwolf*), *wërlt* ‘мир’ (*Welt*). Согласно (OED) и (MED), к XIV веку ср.-англ. *wer* (< др.-англ. *wer*) выходит из употребления; в современном английском, как и в немецком, сохранились лишь рефлексы композитов с данной лексемой, утратившие свою внутреннюю форму: *wergild*, *werewolf*, а также *world* < *wer* + **alð*- ‘поколение’; но отметим возможную отсылку к внутренней форме данного композита, что подчеркивается аллитерацией, в следующей цитате из древнеанглийского поэтического переложения псалмов: *and he eac ofsloh / æðele cyningas, // weras wræclice, / þa þe weoruld heoldan* (PPs 135.19)⁶ — «и Он также убил / благородных конунгов, // мужей необычайных, / что миром правили» (ср. *et occidit reges mirabiles: quoniam in saeculum misericordia ejus* «и убил царей сильных, ибо вовек милость Его» (Пс 135:18)). В дальнейшем рассуждении мы будем опираться прежде всего на готский и английский материал.

Связь семантики данной лексемы с идеей возмужания, взросления, достижения зрелости (о чем см. выше) проявляется эксплицитно в отдельных контекстах как в готском, так и в древнеанглийском, например: *þan was niuklahs, swe niuklahs rodida, swe niuklahs froþ, swe niuklahs mitoda; biþe warþ wair, barniskeins aflagida*⁷ — «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое» (1 Кор 13:11); *forþon ne mæg <weorþan> wis / wer, ær he age // wintra dæl in woruldrice* (Wan 64–65) — «И потому не станет мудрым / муж, покуда не получит // зим долю в миру».

Во многих случаях (особенно когда в контексте отмечается противопоставление по полу) это подчеркивает гендерно специфичный термин — в отличие от более гендерно нейтральных и

⁶ Здесь и далее все цитаты и сокращенные названия древнеанглийских памятников приведены согласно корпусу Dictionary of Old English Web Corpus (DOEWC), среднеанглийских — согласно (MED).

⁷ Здесь и далее цитаты из готских памятников приведены по (Snædal 1998, I).

распространенных гот. *manna* и др.-англ. *mann*⁸. Рассмотрим евангельский рассказ о чуде с насыщением пяти тысяч, сохранившийся в готском в двух версиях (соответствующие фрагменты Евангелий от Марка и Матфея отсутствуют): *ip Iesus qap: waurkeiþ þans mans [= ἀνθρώπους] anakumbjan. was-uh þan hawi manag ana þamma stada. þaruh anakumbidedun wairos [= ἄνδρες] raþjon swaswe fimf þusundjos* — «Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч» (Ин 6:10); *wesun auk swe fimf þusundjos waire* — «Ибо их было около пяти тысяч человек» (Лк 9:14). Н. Б. Пименова предполагает, что употребление гот. *wair* в данных контекстах мотивировано связью данной лексемы с эпической темой пира (Pimenova 2004: 413–414). Однако анализ сохранившегося фрагмента комментария к Евангелию от Иоанна, как представляется, показывает, что употребление *manna* и *wair* соответствует переходу от гендерно нейтрального к гендерно специфичному термину: *[frauja] qap: “waurkeiþ þans mans anakumbjan: ip eis at hauja managamma wisandin in þamma stada: þo filusna anakumbjan gatawidedun:” Fimf þusundjos waire inuh qinons jah barna: swe at mikilamma nahtamata anakumbjandans* (Sk 7:2) — «[Господь] сказал: “Велите им возлечь”. И они на траве, которой было много на том месте, то множество расположили — пять тысяч мужей, не считая жен и детей, расположившихся словно на великом ужине». Отметим, что данное уточнение содержится в соответствующем отрывке Евангелия от Матфея, на который, как можно предположить, здесь ссылается комментатор: «а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей» (Мф 14:21).

Подобные контексты также достаточно распространены в древнеанглийском корпусе: как в поэзии, так и в прозе. При этом *wer* может быть противопоставлено в контексте как др.-англ. *ides* ‘женщина; жена; дева’ — лексеме, засвидетельствованной преимущественно в поэтических текстах (DOE), так и более распространенному слову *wif*, например: *Fela þæra wæs, //*

⁸ Гот. *manna* зафиксировано в 350 контекстах (подсчеты по Snædal 1998, II) против 31 для *wair*. Согласно (Rauer 2017: 143), число контекстов для др.-англ. *mann* сложно установить точно: по разным оценкам, оно насчитывает от 10000 до 11000 употреблений. О распространенности др.-англ. *wer* см. далее в статье.

wera ond wifa (Beo 992–993) — «Много там было // мужчин и женщин»; *þy læs þæt wundredan / weras ond idesa* (GuthA,B 1232) — «чтобы не дивились / мужчины и женщины»; *þæt mec weras ond wif / wlonce cyssað* (Rid 30a б) — «чтобы меня мужчины и женщины / гордые целовали»; *God ana wat, // cyning ælmihtig, / hu his gecynde bið, // wifhades þe weres* (Phoen 357) — «Один Господь ведаёт, // Конунг Всемогущий, / каков его [феникса] пол, // женский или мужской»⁹; ср. также следующий показательный пример из «Грамматики» Эльфрика: *ægðer is man ge wer ge wif* (ÆGram 36.16) — «Каждый человек — мужчина или женщина». Своеобразный вариант этой системы противопоставлений мы находим в описании Гренделя и его матери: *Ðæra oðer wæs... // idese onlicnæs; / oðer earmsceapen // on weres wæstmum / wræclastas træd...* (Beo 1349–1352) — «Один из них был... // в обличье женщины, / другой — уродливый, // в обличье мужчины — / ступал дорогой изгнанника». Наконец, отметим также следующий контекст из поэмы «Бытие»: *Pa se eadega wer / idese larum // gedafode* (GenA,B 2234–2235) — «Тогда благословенный муж / жены / женщины наставлениям // внял». Его неоднозначность связана с ситуацией: Сара советует Авраму взять в наложницы свою служанку Агарь, поскольку сама не может родить ему детей, как подобает жене («и дала ее Авраму, мужу своему, в жену» (Быт 16:3)).

Развитие данной лексемы, безусловно, осложняется влиянием германской поэтической традиции: как одно из обозначений мужчины, она становится частью синонимической системы МУЖ, ВОИН. Однако мы не вполне разделяем точку зрения Н.Б. Пименовой (Pimenova 2004), которая полагает, что употребление данной лексемы в прозе определяется ее эпической семантикой (обладание особыми, выдающимися качествами и т. п.). Так, гот. *wair* может обозначать не только Иоанна Крестителя, «мужа праведного и святого» (Мк 6:20), или «двух мужей» Моисея и Илию (Лк 9:32), но и бесноватого (как до Лк 8:27), так и после изгнания бесов (Лк 8:38) (однако ср. (Pimenova 2004: 415, 421)), а также — наряду с «сыновьями»

⁹ Отметим, что в позднеревнеанглийской прозаической версии «Феникса» в данном контексте используются скандинавизмы: *And nan man ne wat hweðr hit is þe karlfugel þe cwenefugel, bute God ane* (Pons-Sanz 2007: 142).

разных родов (*sunjus*, Неем 7:14–28) — «жителей» (*wairos*) городов и деревень, возвратившихся в Иерусалим и Иудею из Вавилона (Неем 7:29–33). Хотя в переписи Неемии перечислено лишь мужское население, можно предположить, что в подобного рода контекстах у рассматриваемой лексемы были предпосылки к развитию обобщенного значения ‘люди’.

Древнеанглийский материал позволяет уточнить вопрос о распространенности данной лексемы в поэзии и прозе. Согласно (Pimenova 2004: 409), продолжения общегерманского **wira*-, «еще довольно широко используя в древнегерманской поэзии, редко встречаются или не встречаются в прозе, уступая в ней по употребительности синонимичному **mannz* ‘человек’». Однако для древнеанглийского материала такая трактовка не вполне верна: так, по данным торонтского корпуса древнеанглийских текстов Dictionary of Old English Web Corpus (DOEWC), др.-англ. *wer* встречается в поэтических памятниках 270 раз, а в прозе и глоссах (как правило, для лат. *vir*) — более 2200 и около 700 раз соответственно. Это ярко отличает др.-англ. *wer* от другого синонима, относящегося к системе МУЖ, ВОИН, др.-англ. *guma*, с которым проводится ряд параллелей в (Pimenova 2004). Так, др.-англ. *guma* действительно встречается почти исключительно в поэзии (160 контекстов против 4 — в прозе, 1 — в глоссах). Безусловно, слова общего языка (к каким, по всей видимости, мы можем отнести др.-англ. *wer*) могли развивать в поэтическом языке свои особые коннотации, становясь, таким образом, поэтизмами в функциональном плане (Smirnitckaya 1994: 230). Однако разный метрический ранг лексем *wer* и *guma* явственно проявляется в стихе: так, *guma* не участвует в аллитерации в 9% случаев, из них лишь в 4% случаев *guma* занимает четвертую вершину, в 5% случаев — вторую; напротив, из всех контекстов с *wer* не отмечены аллитерацией 24% случаев (13,5% — вторая вершина, 10,5% — четвертая).

Более высокий (в сравнении с *wer*) ранг *guma* проявляется и в составе атрибутивных комплексов — в сочетании этих синонимов с адъективными эпитетами: для *wer* такие сочетания более характерны (25% случаев в сравнении с 18% для *guma*), причем более чем в половине случаев (52%) в аллитерации участвует лишь эпитет, а синоним выступает как опорное слово, не включенное в аллитерацию (для *guma* таких

контекстов всего 24%). Подчеркнем значимость оценочных эпитетов в сочетании с *wer*: как правило, положительная или отрицательная оценка получает эксплицитное выражение как в типологически более ранних, так и в типологически более поздних поэтических текстах. Так, Грендель называется *wonsæli wer* «злосчастный муж» (Beo 105; ср. использование этой же формулы в And 963 и El 478), а отец Аврама Фарра — это *þancolmod wer* «мудрый муж» (GenA,B 1705).

Как и в романских языках, продолжения общегерманского **wira*- могли входить не только в систему оппозиций ‘мужчина — женщина’, но и ‘муж — жена’ (типологически достаточно распространенная семантическая модель «муж как “мой мужчина”» описана в (Zhivlov et al. 2024)). Например: *jus qinons, ufhausjaiþ wairam izwaraim, swe gaqimiþ in frauin. wairos, frijof qenins izwaros jah ni sijaiþ baitrai wiþra þos* — «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы (Кол 3:18–19); ср. также два контекста с вариацией *wair* — *aba* ‘муж’: Рим 7:3, Еф 5:22–25 (о последнем см. (Mikhailova et al. 2024)). Отметим также следующий фрагмент из древнеанглийской глоссы к Евангелию от Иоанна: *respondit mulier et dixit ei non habeo uirum dicit ei iesus bene dixisti quia non habes uirum : ondsworade þæt wif & cwæð him ne hafo ic wer cwæð to hir ðe hælend wel ðu cwede þætte ic ne hafo wer. quinque enim uiros habuisti et nunc quem habes non est tuus uir hoc uere dixisti : fife forðon weoras ðu hæfdes & nu ðonne hæfes ne is ðin wer ðis soðlice ðu cwede* (JnG1 (Ru)) — «Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала» (4:17–18). Таким образом, данное значение требует употребления притяжательного местоимения; ср. также контексты из поэзии: Ева подает Адаму, *hyre swæsum were* «ее собственному мужу» (GuthA,B 984), смерть как яд; Сара обращается к Авраму, *to were sinum* «мужу своему» (GenA,B 2220), и т. п.

Наконец, в формах множественного числа др.-англ. *wer* может развивать обобщенное значение ‘мужчина’ → ‘люди’: например, в таких распространенных поэтических формулах, как *wera cneorissa* «людей поколения» (всего 19 контекстов в поэзии), *wera menigu/wera gemang* «людей множество» (5

контекстов) или в переложении молитвы «Отче наш»: *þu eart nergend wera... // Syle us to dæge / domfæstne blæd, // hlaf userne, / helpend wera* (LPr I 3–7) — «Ты есть Спаситель людей... // Дай нам на сей день / прочное благоденствие, / хлеб наш, / Помощник людей». Представляется, что в прозе подобное употребление не получило распространения, поскольку в этом значении намного чаще использовались *menn* или *folc* (а с конца XIII века и ср.-англ. *peple* < англо-фр.).

Примеры употребления *wer* в среднеанглийском немногочисленны (MED). Данная лексема встречается либо в списках древнеанглийских сочинений (например, в трактатах *Herbarium Apuleii* и *Medicina de Quadrupedibus*), либо в памятниках, так или иначе ориентированных на исконную традицию (как, например, поэма «Брут» Лаямона). Она по-прежнему сохраняет значения (а) ‘мужчина’: *He bisencte sodome & gommorre, were & wif & wenchel* (Anscr.(Corp-C 402) 171/6) — «Он уничтожил Содом и Гоморру, [каждого] мужчину, и женщину, и ребенка» — однако, утрачивая эпическую семантику, в данном значении вытесняется ср.-англ. *man* (см. выше про аналогичное расширение семантики для лат. *homo*; см. также (Rauer 2017: 139–141)); (б) ‘муж, супруг’: ... *ha lei i prisun fowr þusent zer & mare, heo & hire were ba* (Anscr.(Corp-C 402) 32/8) — «... она [Ева] находилась в темнице четыре тысячи лет и более, она и ее муж оба»; отметим, что в других рукописях вместо *wer* используются более распространенные лексемы — *louerd* ‘господин’, *spouse* (< стфр. *spous*), *husband* (< др.-сканд. *húsbóndi*). Следующий контекст из поэмы «Брут» явно показывает, что данная лексема более не соотносится с оставшимися рефлексамися поэтических обозначений МУЖА, ВОИНА: *heore weres scullen deze* (Lay.Brut (Clg A.9) 8651) — «их мужья умрут». Полная утрата связи с поэтической традицией привела к вытеснению *wer* более распространенными обозначениями ‘мужчины’ и ‘мужа, супруга’ (или же — обозначениями, сохранившими свою ценностную специализацию: так, в словаре поэм «аллитерационного возрождения» XIV века начинает употребляться ср.-англ. *wīe* < др.-англ. *wīga* ‘муж, воин’).

Следует также обратить внимание на развитие у слова со значением ‘человек’ в романских и германских языках семантики неопределенного местоимения (*on* — *man*). В качестве интерпретации данного феномена в свое время выдвигалась

теория параллельного и независимого развития, отчасти произошедшего под влиянием переводов Ветхого и Нового Завета и в частности — в связи со знакомством с Вульгатой, в которой в данной функции употребляется *homo* (см. (Gray 1945), там же обзор литературы, актуальной для того времени; см. также в данной связи (Giacalone Ramat, Sansò 2011), где приводится интересный позднелатинский материал). Интересно, что в качестве аргумента независимости данного развития Л. Грей приводит также данные ирландского языка, в котором лексема *duine* ‘человек’ регулярно употребляется в данной функции. Ср. его пример: *dubhairt duine liom* ‘кто-то сказал мне’ (букв. «сказал человек мне»), семантически идентичный франц. *on m'a dit* ‘мне сказали’ (Gray 1945: 31). Идея независимого развития конструкций *on dit* — *man sagt* была затем резко оспорена Дж. Бонфанте, который подобные конструкции приписывал исключительно влиянию иврита, а указанный ирландский пример объяснял английским влиянием (Bonfante 1980: 70). Это, безусловно, не так. Неопределенное употребление *duine* фиксируется уже в древнеирландском, например: *cech duine nosgéba* ‘кто бы ни спел это’ (букв. «каждый человек кто бы это спел»), *duine do chloin* ‘кто-то из твоей семьи’ и т. п. Возможное влияние латинского языка на ирландский здесь полностью исключить нельзя, что могло бы стать предметом отдельного исследования. В настоящее время факт употребления слов со значением ‘человек’ в функции неопределенного местоимения входит в надежную базу типологических исследований (в (Haspelmath 1997: 182–183) дано 85 языков с данным семантическим переходом), что, однако, не исключает возможности контактного взаимодействия, а также опосредованно-культурного (см. также: Heine et al. 2019: 279). Собственно говоря, последний аспект, демонстрирующий расширение семантического поля у *homo* — *man* находится уже вне проблематики нашей работы, однако, как кажется, он демонстрирует принципиальную невозможность отделить собственно диахронический подход от типологического.

Литература

Adams, J. N. 2003: *Bilingualism and the Latin language*. Cambridge University Press.

- Alisova, T. B., Chelysheva, I. I. 2009. *Istoriya ital'yanskogo yazyka ot pervyx pamyatnikov do XVI veka* [A history of the Italian language from the first written records to the 16th century]. Moscow. Алисова, Т. Б., Челышева, И. И. История итальянского языка от первых памятников до XVI века. М.
- Arbois de Jubainville, H. de. 1887: L'emplois du titre *vir inluster* ou *vir inlustris* dans les documents officiels de l'époque mérovingienne. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belle-Lettres* 31.2, 167–168.
- Berkov, V. P., Bǫðvarsson, Á. 1962: *Islandsko-russkij slovar'* [Icelandic-Russian dictionary]. Moscow. Берков, В. П., Бёдварссон, А. *Исландско-русский словарь*. М.
- Bonfante, G. 1980: The origin of the type French *on dit*, German *man sagt*, etc. *Word* 31.1, 69–71.
- Carpenter, É. 1986: L'homme, les homes et la femme. Étude sur le vocabulaire des biographies royales françaises (XIe–XIIIe siècle). *Annales. Économies, sociétés, civilisations* 41.2, 325–346.
- Delamarre, X. 2003: *Dictionnaire de la langue gaulois. Une approche linguistique du vieux-celtique continental*. Paris.
- Dimock, J. F. (ed.). 1867: *Giraldi Cambrensis Opera*. Vol. V. London.
- DOE — *Dictionary of Old English: A to I*. Ed. by A. Cameron et al. Toronto, 2018. URL: <https://tapor.library.utoronto.ca/doe/>.
- DOEWC — *Dictionary of Old English Web Corpus*. University of Toronto, 2009. URL: <http://tapor.library.utoronto.ca/doecorpus/>.
- Ernout, A., Meillet, A. 1939: *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris.
- Gager, J. G. 1992: *Curse tablets and binding spells from the ancient world*. Oxford University Press.
- Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. 1984: *Indoeuropejskij yazyk i indoeuropejcy. Rekonstrukciya i istoriko-tipologicheskij analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European and the Indo-Europeans: A reconstruction and historical typological analysis of a protolanguage and a proto-culture]. Tbilisi. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси.
- Giacalone Ramat, A., Sansò, A. 2011: L'emplois indéfini de *homo* en latin tardif: Aux origins d'un « européenisme ». In: *La quantification en latin*. Éd. par M. Fruyt, O. Spevak. Paris, 93–116.
- Grandgent, C. H. 1907: *An introduction to Vulgar Latin*. Boston.
- Gray, L. H. 1945: Man in Anglo-Saxon and Old High German Bible-texts. *Word* 1, 19–32.
- Haspelmath, M. 1997: *Indefinite pronouns*. Oxford University Press.
- Heine, B., et al. 2019: *World lexicon of grammaticalisation*. 2nd ed. Cambridge University Press.
- Kroonen, G. 2013: *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Brill.

- Lexner, M. von. 1878: *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. Bd. 3. Leipzig.
- MED — *The electronic Middle English dictionary based on Middle English dictionary by H. Kurath, Sh. Kuhn*. University of Michigan, 2001. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>.
- Meillet, A. 1921: Le nom de l'homme. In: Meillet, A. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 272–280.
- Mikhailova, T. A., et al. 2024: ["Husband" designations: a classification of nomination models in the linguo-semantic field of Eurasia: husband as a socionym, husband as a friend]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*. In print.
- Михайлова, Т. А., и др. Обозначения мужа в лингвосоантисконом поле Евразии: классификация моделей (муж как соционим и муж как друг). *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка*. В печати.
- Nynorskordboka. The Norwegian Language Council and the University of Bergen. URL: <https://ordbokene.no/>.
- OED — *The Oxford English dictionary*. 2nd ed. on CD-ROM (v. 4.0). Oxford University Press, 2009.
- Orel, V. 2003: *A handbook of Germanic etymology*. Brill.
- Pimenova, N. B. 2004: [Two Old Germanic "poetic archaisms" (lexical concreteness and stylisticity in the historical and typological perspective)]. In: *Slovo v perspektive literaturnoj ehvolucii [The word in the perspective of literary evolution]*. Moscow, 408–423.
- Пименова, Н. Б. 2004: Два древнегерманских «поэтических архаизма» (предметность и стилистичность слова в историко-типологической перспективе). В сб.: *Слово в перспективе литературной эволюции*. М., 408–423.
- Pons-Sanz, S. M. 2007: Two compounds in the Old English and Old Norse versions of the *Prose Phoenix*. *Arkiv för nordisk filologi* 122, 137–156.
- Rauer, C. 2017: *Mann* and gender in Old English prose: A pilot study. *Neophilologus* 101, 139–158.
- Reutner, U. 2014: Du latin aux langues romanes. In: *Manuel des langues romanes*. Éd. par A. Klump, J. Kramer, A. Willems. De Gruyter, 199–223.
- Rietz, J. E. 1867: *Svenskt dialekt-lexikon*. Malmö: B. A. Cronholm.
- Seebold, E. 2001: *Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Bd. 1: Der Wortschatz des 8. Jahrhunderts (und früherer Quellen)*. De Gruyter.
- Seebold, E. 2008: *Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Bd. 2: Der Wortschatz des 9. Jahrhunderts*. De Gruyter.
- Smirnitckaya, O. A. 1994: *Stix i yazyk drevnegermanskoj poehzii [The verse and language of Old Germanic poetry]*. Moscow.
- Смирнитцкая, О. А. 1994: *Стих и язык древнегерманской поэзии*. М.

- Snædal, M. 1998: *A concordance to Biblical Gothic*. Vols. I, II. Reykjavík.
- Tomlin, R. S. O. 1988: The curse tablets. In: *The temple of Sulis Minerva at Bath. Vol. 2: The finds from the sacred spring*. Ed. by B. Cunliffe. Oxford.
- Vaan, M. de. 2008: *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Brill.
- Versnel, H. S. 1991: Beyond cursing: The appeal to justice in judicial prayers. In: *Magika hiera. Ancient Greek magic and religion*. Ed. by C. A. Faraone, D. Obbink. Oxford University Press, 60–105.
- Young, G. V. C., Clewer, C. R. 1985: *Føroysk-ensk orðabók*. Mansk-Svenska Publishing.
- Zhivlov, M. A., et al. 2024: [“Husband” designations: a classification of nomination models (in the linguo-semantic field of Eurasia)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [*The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*] 82.6, 5–15.
- Живлов, М. А., и др. Обозначения мужа: классификация моделей номинации (на базе лингвосемантического поля Евразии). *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка* 82.6, 5–15.

М. С. Морозова
Институт лингвистических исследований РАН
morozovamaria86@gmail.com

МЕХАНИЗМ И ФАКТОРЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ГОВОРОВ АЛБАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

В статье рассматриваются параллельные случаи грамматического заимствования, связанного с языковыми контактами в мультилингвальных сообществах двух сел — села Мандрица в Болгарии и села Каракурт на Украине. Предпринимается попытка выявить и описать механизмы и факторы заимствования болгарских местоименных клитик в островные албанские говоры этих сел, проверяется предположение о возможной корреляции между наблюдаемыми лингвистическими следствиями контакта и типами контактных ситуаций.

Ключевые слова: албанский язык, болгарский язык, гагаузский язык, языковые контакты, грамматическое заимствование, заимствование материи, заимствование модели, местоименные клитики, посесивный показатель, контактная ситуация, мультилингвизм, (не)равновесный билингвизм.

M. S. Morozova
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
morozovamaria86@gmail.com

Mechanisms and factors of grammatical borrowing in multilingual situation: A case of two Albanian varieties of the old diaspora

The paper analyzes two parallel cases of grammatical borrowing in the Albanian dialectal varieties spoken in the village of Mandritsa, Bulgaria, and in the village of Karakurt, Ukraine. The two village communities have been multiethnic and multilingual for the last several centuries. A brief description of the sociolinguistic situations shows that the Albanian variety of Mandritsa has been subject to contacts with Bulgarian and, to a lesser extent, Greek and (Ottoman) Turkish, while in Karakurt intimate contact of the Albanian variety with Bulgarian and Gagauz played a major role in the contact-induced change.

Besides the various contact-related structural features and numerous loanwords, one finds dative pronominal clitics borrowed from Bulgarian in the Albanian varieties under study. The clitics can be used as nominal

possessive modifiers, which is typical for Balkan Slavic and unusual for Albanian. Further analysis of data from the published dialectal texts and the author's unpublished fieldwork materials from Karakurt discovers peculiar structural effects, such as the incorporation of the possessive clitics into the Albanian nominal case forms in Mandritsa and the presence of double-marking in possessive noun phrases in Karakurt.

The paper describes and compares the possible mechanisms and factors of grammatical borrowing in the two Albanian varieties, and tests the hypothesis of a possible correlation between the linguistic consequences of language contact and the types of contact situations. It is suggested that grammatical borrowing in Mandritsa is related mainly to the Albanian-Bulgarian bilingualism, and the main factors were the incomplete L2 acquisition of Albanian by Bulgarian speakers and the different degrees of L2 acquisition of Bulgarian by early and late Albanian bilinguals. In Karakurt, multilingualism and the relatively balanced nature of the contact situation could contribute to the borrowing of Bulgarian pronominal clitics and the adoption of the model with double-marking of possessor due to the interlingual identification of Albanian, Bulgarian and Gagauz possessive constructions. In general, the studied case shows that considering contact situations as (non-)balanced and taking into account their internal heterogeneity makes it possible to shed some light on the mechanisms of the emergence of similar, but, upon closer examination, not identical linguistic consequences of language contact.

Keywords: Albanian, Bulgarian, Gagauz, language contact, grammatical borrowing, matter borrowing, pattern borrowing, pronominal clitics, possessive marker, contact situation, multilingualism, (non-)balanced bilingualism.

1. Постановка проблемы

В настоящей работе анализируются сходные, на первый взгляд, случаи контактнообусловленного изменения в идиомах двух сообществ, относящихся к албанской исторической диаспоре: албанском говоре села Мандрица в Болгарии и говоре албанцев села Каракурт на Украине. На протяжении нескольких столетий эти говоры существуют в отрыве от основного албано-язычного ареала, в ситуации интенсивного контакта с другими языками и диалектами, в первую очередь славянскими и тюркскими. Контактные явления, отмеченные в говорах, включают многочисленные лексические заимствования, в частности в терминологии родства, и ряд фонетических и грамматических инноваций (Morozova 2016a, 2016b).

Яркой особенностью албанских говоров Мандрицы и Каракурта является заимствование болгарских кратких форм

местоимений в дативе, которые в болгарском языке используются при местоименном удвоении объекта и в качестве маркеров посессивности. Ср. примеры (1) и (2).

(1) албанский говор Мандрицы

mém=ti

мать=2SG.POSS

‘твоя мать’ (Sokolova 1983: 108)¹

(2) болгарский

майка=ти

мать=2SG.DAT

‘твоя мать’

Богатый эмпирический материал, накопленный балканистикой, свидетельствует о том, что для балканских языков и диалектов — как и для многих других — в целом не характерно заимствование местоимений, как и заимствование грамматических морфем. Личные местоимения в языках мира составляют немногочисленный закрытый класс слов, относящихся к базовой лексике и «глубоко укорененных» в языковой системе (Thomason, Everett 2001: 301). В литературе по языковым контактам местоимения чаще всего характеризуются как группа лексики, заимствование которой затруднено (англ. *hard-to-borrow*, см., например: Matras 2009: 203–208). Однако в определенных социолингвистических обстоятельствах местоимения и даже целые местоименные парадигмы могут заимствоваться, см. дискуссию и примеры заимствования в (Thomason, Everett 2001). Что касается контактнообусловленного заимствования грамматических слов и морфем, или «материи» (англ. *matter borrowing*, MAT — в противоположность заимствованию «модели», англ. *pattern borrowing*, PAT), которое интенсивно изучается в последние десятилетия (см. библиографию в: Gardani et al. 2015), принято считать, что грамматическое заимствование обычно не является одной из предпочитаемых говорящими стратегий (Matras 2015), однако существуют экстралингвистические и лингвистические факторы, которые могут ему способствовать (Thomason 2015). Попытки выделения таких факторов и установления взаимосвязи между ними предпринимались в ряде

¹ Диалектные примеры в статье цитируются с сохранением транскрипции источников.

работ, см. например (Gardani 2008). Все они, как правило, демонстрируют, что заимствование некоторых грамматических морфем в большей или меньшей степени возможно при условии реализации той или иной комбинации факторов, но не говорят о существовании сколько-нибудь устойчивых механизмов, определяемых спецификой мультилингвальной ситуации в сообществе, где происходит языковой контакт.

В нашей работе мы сопоставим лингвистические следствия, механизмы и факторы заимствования местоименных клитик в островных албанских говорах Мандрицы и Каракурта и попытаемся проверить предположение о возможной корреляции между следствиями контакта и типами контактных ситуаций. Основными источниками материала исследования, который анализируется в разделе 4, а также сведений об изучаемых сообществах в разделе 2 являются: монографическое описание говора Мандрицы, выполненное болгарской исследовательницей Б. Соколовой (Sokolova 1983), тексты на говоре албанцев Каракурта, записанные в 1950-е гг. Н. В. Котовой (Kotova 2018), неопубликованные полевые материалы автора, часть которых была собрана в Каракурте в 2011–2013 гг. (Morozova 2011), и публикации о говоре албанцев Украины (Morozova 2016a, 2016b), основанные на этих материалах. Предварительные замечания о местоименных клитиках, устройстве именной и глагольной группы в албанском, болгарском, турецком и гагаузском языках, представленные в разделе 3, базируются на описаниях этих языков и отдельных особенностей их грамматики (Kononov 1996; Pokrovskaya 1996; Maslov 2005; Tomić 2006, 2009). В разделе 5 в интерпретации механизмов грамматического заимствования мы опираемся на подход, описанный в (Matras, Sakel 2007), а при обсуждении экстралингвистических факторов — на работы (Rusakov, Morozova 2019; Morozova, Rusakov 2021), где нами предпринимались попытки связать разные следствия языкового контакта на Балканах с разными типами балканских контактных ситуаций².

² Автор благодарит Александра Юрьевича Русакова за ценные советы и замечания, высказанные в процессе написания настоящей статьи.

2. Мультилингвальные сообщества Мандрицы и Каракурта: общая характеристика

2. 1. Многоязычие в истории села Мандрица

В настоящее время Мандрица в общине Ивайловград является единственным селом в Болгарии, в котором сохраняется албанский язык. В историко-географическом плане село принадлежит к группе поселений с исторически албанским православным населением, расположенных в районе болгарско-греческо-турецкого пограничья. Большая часть находится в окрестностях Эдирне в современной Турции и сегодня, судя по всему, не имеет албаноязычного населения. Албанский филолог Д. Шутерики, изучив документы о сельской церкви и ее священниках, а также даты на самых старых надгробиях сельского кладбища, предположил, что Мандрица была основана в XVIII в., после русско-турецкой войны 1766–1769 гг. (Shutëriqi 1965). Основателями села, по местной легенде, были выходцы из района Корчи на юго-востоке Албании, который был и одним из основных источников переселения в Болгарию в конце XV — начале XVI в., о котором упоминается в 2.2.

С момента основания села албанский говор Мандрицы находился в контакте с болгарским и в некоторой степени с (османским) турецким и греческим языками. О греко-албанских межэтнических браках нет упоминаний, как и о браках с турками; последние были, впрочем, невозможны из-за конфессиональных различий. Поскольку вокруг располагались исключительно болгарские села, жители Мандрицы часто женились на женщинах из этих сел. В смешанных семьях существовало взаимное двуязычие: болгарские женщины усваивали албанский язык, а албанские мужчины — болгарский. По замечанию Д. Шутерики, точно характеризующему ситуацию усвоения второго языка взрослыми билингвами, «они [болгарки] говорят по-албански, но думают по-болгарски» (Shuteriqi 1965: 110). О смешанных браках упоминает и Б. Соколова, отмечая, что болгарские невестки (и зятья) в Мандрице обязательно усваивали албанский, чтобы говорить на нем со своими детьми и албаноязычными родственниками (Sokolova 1983: 9). При этом владение болгарским как вторым языком было необходимо, по крайней мере, мужской части албанского населения Мандрицы, чтобы поддерживать хозяйственные связи с окрестными бол-

гарскими селами и совершать поездки в более отдаленные районы Болгарии. Албанские женщины, которые традиционно вели более закрытый образ жизни, не выезжали за пределы села и не всегда имели школьное образование, могли почти не владеть болгарским языком. В начале второй половины XX в., по свидетельству Б. Соколовой, в селе еще можно было встретить пожилых албанок, плохо говоривших по-болгарски (Sokolova 1983: 9).

Болгарское влияние на албанский говор Мандрицы усилилось после Первой Балканской войны 1912 г., когда в регионе установилась болгарская администрация и открылась болгарская школа, а также, по-видимому, установилась юрисдикция Болгарской православной церкви. Заметим, что надписи в церквях Мандрицы, датируемые концом XVIII в., были сделаны по-гречески и на этом языке до 1912 г. велось богослужение; школа до этого момента также была греческой. С Грецией поддерживались торгово-экономические связи, а некоторые уроженцы Мандрицы получали образование в греческих учебных заведениях за пределами села (Sokolova 1983: 8). Тем не менее, влияние греческого языка следует признать менее интенсивным, чем влияние болгарского. Греческий не использовался в семьях Мандрицы в качестве домашнего языка. Им могли владеть только (некоторые) мужчины, причем роль этого языка в их языковом репертуаре, вероятно, была менее важной, чем роль турецкого.

Влияние (османского) турецкого — языка османской администрации до 1912 г. — на албанский говор Мандрицы было как непосредственным, так и опосредованным болгарским языком, в котором наличие турецкой лексики весьма значительно. Албанские мужчины ходили на заработки в турецкие села и вели торговлю с турками; по легенде, основатели Мандрицы поставляли провиант османской армии. Таким образом, турецкий для мужского населения села был языком торговли и хозяйственной деятельности (некоторые мужчины могли читать и писать по-турецки), в то время как женскому населению он оставался незнаком (Sokolova 1983: 8–9). В начале второй половины XX в. старшее поколение мужчин все еще владело греческим и турецким, но в остальном преобладало албанско-болгарское двуязычие (Sokolova 1983: 9).

Как видно, для мужского населения Мандрицы было характерно своего рода четырехязычие. Помимо родного албанского, мужчины владели на хорошем уровне болгарским языком и в некоторой степени, которая остается нам неизвестной, могли владеть греческим и/или турецким (при этом турецкий мог играть более важную роль, чем греческий из-за профессиональной специализации жителей села, связанной со снабжением османской армии). Албанские женщины в Мандрице оставались главными «хранительницами» албанского говора и могли быть монолингвальными, либо владеть также болгарским в качестве второго языка. Кроме этого, благодаря смешанным бракам, в селе постоянно присутствовало билингвальное население, для которого болгарский был первым, а албанский — вторым языком³.

2. 2. История албанско-болгарско-гагаузского многоязычия в селе Каракурт

Возникновение села Каракурт связано с миграцией православного албанского населения из южных и юго-восточных областей Албании в конце XV — начале XVI в. на северо-восток Балканского полуострова. Часть переселенцев осела в окрестностях Разграда и Варны на северо-востоке Болгарии. В начале XIX в. албанцы из этого региона вместе с болгарями и гагаузами переселились в Южную Бессарабию, перешедшую от Османской к Российской империи в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг., и основали село Каракурт (Жовтнево с 1946 по 2016 гг.). Подробные сведения и библиографию работ о переселении см. в Mogoşova, Новик 2016.

Село с начала своего существования было мультилингвальным: помимо албанцев, здесь поселились гагаузы, болгары и представители других этносов. До настоящего времени албанцы составляют большинство населения Каракурта, а следующими по численности этническими группами остаются гагаузы и болгары, которые при этом доминируют в регионе. В первой

³ О владении другими языками у нас нет информации, но можно предположить, по аналогии с албанцами, что для болгарских мужчин было в большей степени характерно многоязычие, а для женщин, ведущих закрытый семейный образ жизни, болгарско-албанское двуязычие.

половине XX в. социально престижным языком (в школьном образовании, администрации, церкви) в селе, как и во всем регионе, был румынский⁴, во второй половине XX в. — русский⁵, в последние десятилетия — украинский язык. В связи с этим все поколения албанцев, ныне живущих в селе, владеют русским, а среднее и молодое поколение — также украинским. Некоторые пожилые жители села, посещавшие румынскую школу в 1930–1940-е гг., могут в некоторой степени владеть румынским. Титульные языки трех основных этносов Каракурта используются исключительно в бытовом общении с родственниками, односельчанами, жителями окрестных болгарских и гагаузских сел. Для значительной части взрослого населения характерно многоязычие, предполагающее владение двумя или более этническими языками, один из которых говорящий, как правило, считает родным и маркирующим его этническую принадлежность. См. примеры языковых репертуаров жителей села, включающие от трех до пяти языков в разной степени освоенности, в Morozova 2016a: 150.

О «болгарском» периоде в истории албанцев, основавших Каракурт, ничего в точности не известно. Считается, что в Болгарии албанцы селились в отдельных кварталах существующих болгарских (и, вероятно, гагаузских) сел, либо основывали свои села в иноязычном окружении (Morozova, Novik 2016: 224).

⁴ Румынский был языком администрации и школьного образования в 1918–1940 и 1941–1944 гг. Преподавание в каракуртской школе в эти годы велось учителями-румынами на румынском языке (Morozova 2016a: 149–150).

⁵ Распространение русского языка через систему образования началось в Каракурте в последние десятилетия XIX в. В 1882 г. в одном из частных домов открылась школа, а в 1897 г. в селе появилось одноклассное училище. В первой половине XX в. в школе преподавали на румынском, см. сноску 4. После Второй мировой войны начала работать русскоязычная школа-семилетка, где, помимо местных, были и приезжие учителя, говорившие только по-русски. Первую церковь в Каракурте построили в 1813 г. (по другим источникам в 1818 г.), и большинство священников начального периода происходили из болгар-переселенцев. Однако уже в начале XX в. в бессарабских колониях, в том числе в Каракурте, появились и русские священники. Служба велась на церковнославянском, но некоторые тексты могли читаться на болгарском и русском языках (Morozova 2016a: 149; Morozova, Novik 2016: 227).

Можно предположить, что албанско-болгарско-гагаузское многоязычие было характерно для албанского сообщества уже тогда; нельзя исключать и возможности смешанных браков.

После переселения в Южную Бессарабию албанцы в Каракурте оказались, по-видимому, в сходной этноязыковой ситуации. Албанско-гагаузские смешанные браки, по словам жителей села 1920–1930-х гг. рождения, не были широко распространены по крайней мере до 1940-х гг., но среди представителей их поколения уже стали нередкими. Аналогичных сведений об ограничении албанско-болгарских браков нет; возможно, они случались и в начале XX в. Смешанными часто оказывались вторые браки (вследствие смерти одного из супругов); сведения о таких браках имеются, по меньшей мере, с 1920-х гг. и не исключено, что такая практика существовала и ранее. В результате дети могли (не обязательно с рождения) усваивать два языка от разных родителей. Кроме этого, в отличие от гагаузов, исторически занимавших отдельный квартал за рекой, в восточной части Каракурта, болгары не только компактно проживали в северной части села, но и селились в одном квартале с албанцами, что способствовало взаимному усвоению языков в общении с соседями.

Детскому билингвизму способствовало посещение детьми из разных этнических групп школы (в Каракурте — с конца XIX в.), а в советское время и детского сада, и совместные игры на улице. Например, житель села 1956 г. рождения, детство которого проходило сначала в гагаузском квартале, где жила семья отца, а потом — в албанском квартале в семье матери, сообщил нам, что вначале он не знал албанского языка, но освоил его позже, оказавшись среди албанских детей. Из этого и других подобных сообщений также следует, что межэтнические браки как таковые не обязательно приводили к усвоению ребенком двух языков. Довольно долгое время браки были преимущественно вирилокальными, и в роли «хранительницы» этнического языка (например гагаузского) выступала свекровь, которая могла запрещать невестке использовать свой родной язык (например албанский) в общении с новой семьей и с детьми.

Таким образом, ситуация в Каракурте при ближайшем рассмотрении представляет неоднородную картину. Такие факторы, как смешанные браки, наличие этнически смешанного

квартала в центре села, совместное получение школьного образования и (не обсуждавшаяся выше) коллективная трудовая деятельность явно могут способствовать взаимному многоязычию членов сообщества, но ни один из этих факторов не является необходимым или достаточным условием его развития в каждом конкретном случае⁶. В целом представляется возможным заключить, что албанско-болгарско-гагаузское многоязычие могло быть в той или иной степени характерным для всех групп населения в Каракурте на протяжении всего существования села.

3. Предварительные замечания

3.1. Местоименные клитики в албанском и болгарском языках

Для албанского и болгарского языков характерно наличие — наряду с полными — клитических (кратких, сокращенных) форм датива и аккузатива личных местоимений. Ниже показаны полные и соответствующие им сокращенные местоименные формы в стандартном албанском (Таблица 1) и стандартном болгарском языке (Таблица 2). Можно заметить, что в албанском полностью отсутствует противопоставление кратких форм 3-го лица по роду, а в болгарском оно выражено в 3-м лице ед. числа. Различие между дативной и аккузативной клитиками присутствует в албанском только в 3-м лице, в то время как в болгарском различаются также датив и аккузатив в 1-м лице ед. числа и 2-м лице мн. числа.

Таблица 1. Дативные и аккузативные местоимения в албанском языке

	1SG	2SG	3SG.M	3SG.F	1PL	2PL	3PL.M	3PL.F
DAT	<i> mua,</i>	<i> ty,</i>	<i> atij, i</i>	<i> asaj,</i>	<i> neve,</i>	<i> juve,</i>	<i> atyre, u</i>	
ACC	<i> më</i>	<i> të</i>	<i> atë, e</i>		<i> ne, na</i>	<i> ju, ju</i>	<i> ata, i</i>	<i> ato, i</i>

⁶ Вероятно, ситуация в Мандрице тоже отличается большей внутренней неоднородностью, чем описано в 2.1, но у нас нет возможности это проверить.

Таблица 2. Дативные и аккумулятивные местоимения в болгарском языке (Maslov 2005: 89)

	1SG	2SG	3SG.M/N	3SG.F	1PL	2PL	3PL
DAT	мене, ми	тебе, ти	нему, му	ней, й	нам, ни	вам, ви	ням, им
ACC	мене, ме	тебе, те	него, го	нея, я	нас, ни	вас, ви	тях, ги

В обоих языках краткие формы местоимений употребляются в функции прямого и косвенного дополнений, либо дублируют объект, выраженный полной формой личного местоимения или именной группой. Албанские клитики могут начинать предложение и употребляются при этом в позиции перед глаголом (3). Только в императиве они энклитически примыкают к глагольной словоформе в ед. числе и помещаются внутрь словоформы во мн. числе (3г)⁷. Болгарские клитики способны занимать позицию до и после глагола и не употребляются в начале предложения (4). Одновременное использование полной и краткой форм местоимения в албанском (3б) выполняет функцию эмфатического выделения объекта. Полная форма, таким образом, практически не употребляется без краткой — в отличие от болгарского, где полная форма местоимения также используется при эмфатическом выделении (4б), но удвоение клистикой при этом не обязательно⁸.

(3) албанский

- а. *I=the-m* *Gjon-it.*
 3SG.DAT=сказать-PRS.1SG Гъон(М)-OBL.SG.DEF
 '[Я] (ему/ей) говорю Гъону.'
- б. *I=the-m* *atij.*
 3SG.DAT=сказать-PRS.1SG 3SG.M.OBL
 '[Я] (ему/ей) говорю ему (эмф).'
- в. *I=the-m.*
 3SG.DAT=сказать-PRS.1SG
 '[Я] ему/ей говорю.'

⁷ Далее для описания подобного поведения клитик будет использоваться термин «интраклитика».

⁸ В албанском языке грамматикализовано удвоение дативного дополнения, тогда как удвоение аккумулятивного не является обязательным и зависит от ряда синтаксических и прагматических факторов. В болгарском местоименное удвоение дополнения в целом не обязательно.

г. *Thiaj-i-ni.*

сказать-3SG.DAT-IMP.2PL
‘Скажите ему/ей.’

(4) болгарский

а. *Казва-м=му* *на Иван.*
сказать-PRS.1SG=3SG.M.DAT на Иван(М).SG
‘[Я] говорю (ему) Ивану.’ (Maslov 2005: 79)

б. *Показа-х=му=зо* *на него.*
показывать-PST.1SG=3SG.M.DAT=3SG.N.ACC на 3SG.M.ACC
‘[Я] показал(а) (ему) это ему (эмф.).’ (Tomić 2006: 268)

в. *Не му=зо=е* *да-л.*
NEG 3SG.M.DAT=3SG.N.ACC=быть.PRS.3SG давать-PTCP.M.SG
‘[Он] не дал ему это.’ (Tomić 2006: 262)

Помимо этого, дативные местоименные клитики в болгарском (но не в албанском) используются в качестве маркеров посессивности. Определяемое существительное при этом употребляется в определенной форме (5а); термины родства, которым «внутренне присуща» определенность (Tomić 2009: 101), могут выступать и в неопределенной форме (5б).

(5) болгарский

а. *кокошк-и-те=ни*
курица(F)-PL-DEF.F.PL=1PL.DAT
‘наши куры’ (Tomić 2006: 102)

б. *баца=ì*
отец(М).SG=3SG.F.DAT
‘ее отец’ (Tomić 2006: 101)

3. 2. Посессивная именная группа в албанском, болгарском и тюркских языках

В рамках именной группы (ИГ) с местоименным посессором принадлежность в албанском, болгарском и тюркских языках может выражаться специализированными притяжательными местоимениями. В болгарском, как показано в (5), функцию посессивного показателя могут выполнять также дативные местоименные клитики.

В албанском языке дативные клитики не используются в качестве посессивных маркеров; эту функцию выполняют исключительно притяжательные местоимения, согласуемые с определяемым существительным. Исконные албанские терми-

ны родства могут также сочетаться с препозитивным согласуемым показателем посессора 3-го лица, называемым в албанской грамматической традиции артиклем. Форма показателя зависит от рода, числа и падежа определяемого существительного (обладаемого), род и число обладателя не различаются (6).

(6) албанский

e=motr-a

3SG.F.NOM=сестра(F)-NOM.SG.DEF

‘его/ее/их сестра’

Для тюркских языков, в частности турецкого и гагаузского, характерно наличие специализированных аффиксов принадлежности (Таблица 3), которые употребляются в посессивной ИГ, присоединяясь к ее вершине, вместе с полной формой притяжательного местоимения или без нее. В именной словоформе аффиксы занимают позицию после числового и перед падежным показателем (7).

Таблица 3. Аффиксы притяжательности в турецком языке
(Kononov 1996: 406)

	SG	PL
1	-(i)m	-(i)miz
2	-(i)n	-(i)niz
3	-i, -si	-lari

(7) турецкий

ev-i-nin

дом-3.POSS-GEN

‘его/ее/их дома’ (Kononov 1996: 400)

Средством выражения посессивности в ИГ с именным посессором в тюркских языках — в частности турецком и гагаузском — является изафетная конструкция, в которой зависимое существительное (обладатель) употребляется в генитиве, а к вершине (обладаемому) присоединяется аффикс принадлежности (8). Типичный для тюркских языков порядок слов предполагает препозицию зависимого существительного; в гагаузском возможна, впрочем, и его постпозиция относительно вершины.

(8) гагаузский

а. *ev-i*

дом-3.POSS

‘его/ее/их дом’ (Pokrovskaya 1996: 232)

4. Грамматическое заимствование в албанских говорах Мандрицы и Каракурта

4.1. Местоименные клитики в инвентаре личных местоимений

Инвентари полных и кратких дативных и аккумулятивных форм личных местоимений в албанских говорах Мандрицы и Каракурта отражены в Таблицах 4 и 5. Через запятую приводятся: полная форма местоимения, краткая форма, используемая при местоименном удвоении объекта или для его обозначения, и (если зафиксирована) краткая форма, используемая в качестве приименного маркера посессивности.

Таблица 4. Дативные и аккумулятивные местоимения в говоре Мандрицы (Sokolova 1983: 80–82)

	1SG	2SG	3SG	
DAT	<i>múa/muvá/mva, mĕ</i>	<i>ty/tju, tĕ, ti</i>	<i>asájt/asát, ilhi/him, hi</i>	
ACC		<i>ty/tju/tjúnĕ, tĕ</i>	<i>atĕ, e</i>	
	1PL	2PL	3PL.M	3PL.F
DAT	<i>nĕve, na/nĭ</i>	<i>júve/jíve/íve, ju</i>	<i>atjúrmevet, ilhi/him, hi</i>	
ACC			<i>atá, i</i>	<i>ató, i</i>

Таблица 5. Дативные и аккумулятивные местоимения в говоре Каракурта (Morozova 2016b: 465)

	1SG	2SG	3SG.M	3SG.F
DAT	<i>mu, mə</i>	<i>ty, tə, ti</i>	<i>as'íjt, i, i</i>	<i>as'ajt, i, i</i>
ACC			<i>at'ə, a</i>	
	1PL	2PL	3PL	
DAT	<i>n'ĕvo, na</i>	<i>j'uve, u</i>	<i>at'yre, u/i</i>	
ACC			<i>at'o, i</i>	

Как можно видеть, система полных и кратких форм личных местоимений в говорах Мандрицы и Каракурта претерпела изменения по сравнению с общеалбанской (см. Таблицу 1 в разделе 3.1). Полная номинативно-аккумулятивная форма местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа *ne, ju* замещена в аккумулятиве генитивно-дативной формой *neve, juve*. Общеалбанское противопоставление по роду в говоре Мандрицы устранено в дативе местоимений 3-го лица ед. числа (обобщилась форма ж. р. *asaj*),

а в говоре Каракурта — в аккузативе местоимений 3-го лица мн. числа (обобщилась форма ж. р. *ato*). Кроме этого, в 3-м лице мн. числа заметна тенденция к устранению дативно-аккузативного противопоставления кратких форм местоимений: она полностью реализована в Мандрице и не полностью в Каракурте.

В говоре Мандрицы местоименные формы, выделенные жирным шрифтом в Таблице 4, демонстрируют фонетическое сходство с дативными местоименными клитиками болгарского языка, в частности с теми вариантами, которые можно встретить в родопских диалектах (см. сравнение ниже). Б. Соколова полагает, что они заимствованы из болгарского (Sokolova 1983: 81, 106). Кроме того, почти все эти клитики (кроме *ni*, которая, по замечанию Соколовой, употребляется преимущественно в речи представителей молодого поколения, наиболее подверженной болгарскому влиянию) употребляются в посессивной функции, не характерной для албанских дативных клитик. Вероятно, они действительно могли возникнуть в говоре Мандрицы вследствие контакта с соседними болгарскими диалектами:

2SG	<i>ti</i>	~ болг. <i>ti</i>
3SG	<i>hi</i>	~ болг. <i>ù</i> , болг. диал. родопск. <i>xu</i>
1PL	<i>ni</i>	~ болг. <i>ni</i>
3PL	<i>him</i>	~ болг. <i>им</i> , болг. диал. родопск. <i>xим</i>

В говоре албанцев Каракурта в посессивной функции употребляются только две местоименные клитики, которые обнаруживают сходство с болгарскими дативными клитиками *ti* и *ù*, с собственно албанскими местоименными формами (полная форма номинатива *ti* ‘ты’, дативная клитика 3-го лица ед. числа *i*), а также (в случае клитики *i*) с гагаузским аффиксом принадлежности 3-го лица (Pokrovskaya 1996: 232). На данном этапе можно, по аналогии с Мандрицей, предположить, что определенную роль в появлении этих элементов в говоре Каракурта в функции посессивных маркеров сыграл контакт с болгарским языком:

2SG	<i>ti</i>	~ болг. <i>ti</i>
3SG	<i>i</i>	~ болг. <i>ù</i> ~ гагаузск. <i>-би/-и</i>

4.2. Глагольная группа. Местоименное удвоение объекта

Собственно албанские краткие формы местоимений в говорах Мандрицы и Каракурта могут употребляться как в функции прямого и косвенного дополнений, так и при удвоении дополнения, выраженного полной формой местоимения или именной группой. Сохраняется общеалбанская модель с обязательным удвоением косвенного объекта и необязательным — прямого.

В говоре Каракурта употребление местоименных клитик и полных местоименных форм в глагольной группе не отличается от общеалбанской модели. Это касается как клитик, имеющих фонетическое сходство с болгарскими и гагаузскими элементами, так и клитик, не обнаруживающих такого сходства.

Употребление формы *ni*, которая есть только в говоре Мандрицы, в описании и в диалектных текстах (Sokolova 1983) представлено лишь примерами, где она маркирует косвенное дополнение (11). Основная причина, возможно, состоит в том, что соответствующая полная форма местоимения «мы» в целом используется редко и только при эмфатическом выделении.

- (11) албанский говор Мандрицы
ni=mbłós
 1PL.DAT=собирать.PRS.3SG
 ‘он(а) нас собирает’ (Sokolova 1983: 81)

Примеры Б. Соколовой с формами *hi* и *him*, имеющимися только в Мандрице, показывают, что они не несут собственного ударения, как клитики, но регулярно дублируются албанской дативной клитикой *i*, которая в этом говоре употребляется с косвенными объектами в ед. числе и во мн. числе (см. Таблицу 4), как полные местоименные формы. Форма *him* маркирует косвенный объект мн. числа, в то время как *hi* может употребляться как для ед. числа, так и для мн. числа; противопоставление по роду, характерное для болгарского, отсутствует (12). Оба элемента употребляются исключительно после глагола (напомним, что соответствующие местоименные клитики в болгарском языке могут быть как проклитиками, так и энклитиками в глагольной группе, см. 3.1). Албанские полные формы местоимений, *asájt* и *atjúrmevet*, употребляются, по-видимому, реже, чем *hi* и *him*; они используются для эмфатического выделения и находятся обычно перед глаголом и соответствующей албанской дативной клитикой *i* (12г).

- (12) албанский говор Мандрицы
- а. *I=jép=him.*
3.DAT=давать.PRS.3SG=3PL.DAT
‘[Он(а)] (ему/ей/им) дает им.’
- б. *I=jép=hi.*
3.DAT=давать.PRS.3SG=3.DAT
‘[Он(а)] (ему/ей/им) дает ему/ей/им.’
- в. *I=só-të=hi.*
3.DAT=говорить-PRS.3SG=3.DAT
‘[Он(а)] (ему/ей/им) говорит ему/ей/им.’ (Sokolova 1983: 105)
- г. *Asájt i=só-jně.*
3SG.DAT 3.DAT=говорить-PRS.3PL
‘[Они] ему/ей (ему/ей/им) говорят (эмф.).’ (Sokolova 1983: 81)⁹

4. 3. Именная группа. Местоименный посессор и двойное маркирование

И в Мандрице, и в Каракурте отмечено нетипичное для албанского языка употребление энклитических показателей, напоминающих болгарские дативные клитики, в посессивной функции. Особенности употребления, однако, различаются.

В говоре Мандрицы имеются общеалбанские притяжательные местоимения (Sokolova 1983: 94–105) и отсутствует конструкция с препозитивным связующим артиклем, описанная в 3.2 (см. пример (6)). Дативные клитики в ИГ с местоименным посессором употребляются в сочетании как с заимствованными, так и с исконными терминами родства (13); возможно и употребление с другими существительными, например *shpí* ‘дом’. В косвенных падежах клитика оказывается внутри именной словоформы, между основой и албанским падежным показателем (13в). Это напоминает поведение посессивного аффикса в тюркских языках, см. пример (7) в разделе 3.2.

- (13) албанский говор Мандрицы
- а. *mótr-a=hi*
сестра(F)-NOM.SG.DEF=3.POSS
‘его/ее/их сестра’

⁹ Перевод в Sokolova 1983: (12а) ‘Я даю им’, (12б) ‘Он дает им’, (12в) ‘Он(а) говорит ему/ей’, (12г) ‘Они говорят ей’.

- б. *vëllezëra-t=hi*
 брат(М).PL-NOM.PL.DEF=3.POSS
 ‘его/ее/их братья’ (Sokolova 1983: 105)
- в. *mëm-ti-së*
 мать(Ф)-2SG.POSS-OBL.SG.DEF
 ‘твоей матери’ (Sokolova 1983: 108)

Словосочетания с именным посессором строятся так, как показано в (14). И в говоре Мандрицы, и в говоре Каракурта (см. ниже) в структуре ИГ наблюдается тенденция к употреблению в препозиции к определяемому слову как согласованного адъективного, так и несогласованного определения. Как показано в 3.2, последнее возможно в болгарском языке и типично для тюркских. Употребление несогласованного определения в постпозиции (14в), соответствующее единственно возможному порядку слов в ИГ этого типа в албанском, в говоре Мандрицы встречается очень редко. Единичны и примеры с сохранением связующего артикля перед несогласованным определением (14б); чаще всего артикль опускается (14а).¹⁰

(14) албанский говор Мандрицы

- а. *mámë-s* *mótrë*
 мать(Ф)-OBL.SG.DEF сестра(Ф).SG
 ‘сестра матери’ (Sokolova 1983: 60)
- б. *në të Dóllo-s* *báhçe-t*
 в L Доло(Ф)-OBL.SG.DEF сад(Ф)-LOC
 ‘в саду Доло’ (Sokolova 1983: 61)
- в. *me* *tóglj-a* *bíl-a* *mbrët-itë*
 CMPR маленький-Ф.NOM.SG.DEF дочь(Ф)-NOM.SG.DEF царь(М)-OBL.SG.DEF
 ‘самая младшая дочь царя’ (Sokolova 1983: 76)

Посессивный маркер 3-го лица (обязательный в тюркских языках и возможный в болгарском, см. примеры (8) и (10б)) в этом албанском говоре, как правило, не употребляется в ИГ с именным посессором. Исключением являются примеры с несколькими посессорами, описывающие обычно родственные

¹⁰ По мнению Б. Соколовой, это явление могло возникнуть после переноса определения в препозицию (Sokolova 1983: 70). Однако элизия связующего артикля (особенно *e*, *i*) — распространенное явление в албанской диалектной речи в целом, в том числе в тоскских говорах Девола (Gjinari 1960: 112), Дангелы (Floqi 1958: 92) и др.

отношения (15), где один из посессоров удваивается интраклитикой. По замечанию Б. Соколовой, такие примеры параллельны болгарским конструкциям с двумя посессорами (16), в которых, однако, местоименная клитика всегда энклитически примыкает к своей вершине.

(15) албанский говор Мандрицы

а. *djádo-s* *vllá-hi-s* *djál*
 дед(М)-OBL.SG.DEF брат(М)-3.POSS-OBL.SG.DEF сын(М).SG
 ‘сын брата деда’

б. *djádo-s* *vllá-hi-s* *grúvë*
 дед(М)-OBL.SG.DEF брат(М)-3.POSS-OBL.SG.DEF жена(Ф).SG
 ‘жена брата деда’ (Sokolova 1983: 63)

(16) болгарский

а. *на дядо* *на брат=му* *момче*
 на дед(М).SG на брат(М).SG=3SG.M.DAT сын(М).SG
 ‘сын брата деда’

б. *на дядо* *на брат=му* *жена*
 на дед(М).SG на брат(М).SG=3SG.M.DAT жена(М).SG
 ‘жена брата деда’ (Sokolova 1983: 63)

В говоре Каракурта клитические посессивные показатели сочетаются в основном с заимствованными терминами родства (17б–г). С исконными терминами родства и другими группами лексики чаще употребляются албанские притяжательные местоимения, а для наименований близких родственников сохраняется, кроме этого, албанская конструкция с препозитивным связующим артиклем (Morožova 2016b: 466). Ср., однако, пример (17а).

Посессивный показатель помещается после существительного, как дативная клитика в аналогичных болгарских ИГ (см. пример (5) в разделе 3.1) и гагаузский аффикс принадлежности *-(с)ы* в номинативе (пример (8) в разделе 3.2). Судя по примеру (17г), показатель 3-го лица *i* не имеет противопоставления по числу, как и аналогичный маркер *hi* в говоре Мандрицы.

(17) албанский говор Каракурта

а. *motr-a=ti*
 сестра(Ф)-NOM.SG.DEF=2SG.POSS
 ‘твоя сестра’ (Kotova 2018: 72)

- б. *bratic_netk-a=i* *asaj-a*
 двоюродная.сестра(F)-NOM.SG.DEF=3.POSS ee-NOM.SG.DEF
 ‘ее двоюродная сестра’ (Kotova 2018: 115)
- в. *i=t_na-mw* *mamo-s=i,*
 3SG.DAT=сказать.PST-PST.1PL мать(F)-OBL.SG.DEF=3.POSS
mamu-i *jert*
 мать(F).SG=3.POSS прийти.PST.3SG
 ‘[мы] сказали ее матери, ее мать пришла’ (Kotova 2018: 119)
- г. *ot a=qel-wn* *mamo-s-i*
 FUT 3SG.ACC=нести-PRS.3PL мать(F)-OBL.SG.DEF=3.POSS
 ‘[они] отвезут это своей матери’ (Kotova 2018: 181)

В посессивных ИГ с именным посессором, как уже было сказано, несогласованное определение обычно употребляется в препозиции к определяемому слову (18а, 18б). ИГ с постпозицией определения (18в) можно встретить очень редко, об этом см. напр.: Voronina et al. 1996: 129–130. Для говора Каракурта, в отличие от Мандрицы, характерно употребление несогласованного определения вместе со связующим артиклем (18а), а опущение артикля происходит нечасто (18б).

- (18) албанский говор Каракурта
- а. *sə* *kats'ikə-s* *kl'uməftə*
 L.F.OBL.SG коза(F)-OBL.SG.DEF молоко(N).SG
 ‘молоко козы’ (Morozova 2016б: 464)
- б. *komshi-ut* *qen-i*
 сосед(M)-OBL.SG.DEF собака(M)-NOM.SG.DEF
 ‘собака соседа’ (Voronina et al. 1996: 132)
- в. *b'ul^l-a* *'ut^lo-s*
 жена.дяди(F)-NOM.SG.DEF брат.матери(M)-OBL.SG.DEF
 ‘жена брата матери’ (Morozova 2016б: 463)

Особенностью говора Каракурта является конструкция с именным посессором, которую можно интерпретировать как случай двойного маркирования (19). Ее употребление ограничено примерами с терминами родства. К вершине присоединяется посессивный показатель 3-го лица ед. числа *i*, который демонстрирует поверхностное сходство не только с болгарской дативной местоименной клитикой *i*, но и с тюркским посессивным аффиксом 3-го лица *i*.

Подобные конструкции отмечены в Morozova 2016б и Kotova 2018, также в албанских селах Приазовья, которые

представляют собой филиацию Каракурта, возникшую в 60-е гг. XIX века. По крайней мере два из трех сел Приазовья были основаны как моноэтничные (Morozova, Новик 2016), т.е. в дальнейшем их албанские идиомы практически не были подвержены контакту с болгарским и гагаузским — в отличие от Каракурта, где контактная ситуация продолжала существовать. На этом основании мы можем заключить, что конструкции, показанные в (19) и (20), могли возникнуть достаточно рано — в «болгарский» период или в первые десятилетия албанско-болгарско-гагаузского контакта в Каракурте.

(19) албанский говор Каракурта

- а. *vn'uk-ut* *n'us-i*
внук(М)-OBL.SG.DEF невестка(Ф).SG-3.POSS
'жена внука'
- б. *s'im'a-s* *n'use* *m'amu-i*
мой.Ф.OBL-OBL.SG.DEF невестка(Ф).SG мать(Ф).SG-3.POSS
'мать моей невестки' (Morozova 2011)

(20) албанский говор Приазовья

- a* *tʃ'urə-s* *m'amu-i*
L.F.NOM.SG девушка(Ф)-OBL.SG.DEF мать(Ф).SG-3.POSS
'мать девушки' (Morozova 2016b: 464)

5. Обсуждение

5.1. Лингвистические механизмы и факторы грамматического заимствования

В разделе 4 мы рассмотрели параллельные случаи контактноязыкового изменения, в которых имело место как заимствование модели (pattern borrowing), так и заимствование материи (matter borrowing). В одной из рассмотренных контактных ситуаций языком-реципиентом является албанский тоскский говор села Мандрица в Болгарии, а возможными языками-донорами — болгарский и (османский) турецкий. Во втором языке-реципиент — албанский тоскский говор села Каракурт, а в качестве потенциальных языков-доноров выступают болгарский и гагаузский. Говоры Мандрицы и Каракурта близки в диалектном плане, т. к. предки их современных носителей происходили из одного региона на юго-востоке Албании. Это позволяет нам не учитывать фактор внутриапбанских диалектных различий в дальнейшем анализе лингвистического механизма описанных контактных явлений.

Заимствование материи (вместе с моделью) представляется наиболее очевидным сценарием в случае элементов *hi*, *him* в **говоре Мандрицы**. Их форма совпадает с дативными местоименными клитиками 3-го лица в окружающих родопских диалектах болгарского. Конструкции, в которых они встречаются (маркирование посессора в именной группе, употребление в постпозиции к глаголу в глагольной группе, дополнительное маркирование одного из двух именных посессоров), также соответствуют болгарским.

Поскольку грамматическое заимствование в говоре Мандрицы ограничено дативными клитиками, можно предположить, что в процессе контактного изменения опорной конструкцией послужила ИГ с местоименным посессором, в которой используются именно дативные формы. Вероятно, главную роль здесь сыграли сочетания с терминами родства, представляющими собой прагматически значимую и высокочастотную группу лексики. Болгарские термины родства могли употребляться в албанской речи — как в вокативной функции, так и (вместе с дативными посессивными клитиками) в референтивной — вначале в виде неадаптированных включений, а затем и в виде устоявшихся заимствований, с возможностью использования клитик *ti*, *hi* не только с заимствованными, но и с исконными албанскими существительными.

На ограничение набора заимствованных посессивных маркеров клитиками *ti*, *hi* могли оказать определенное влияние структурные и прагматические факторы. Указание на то, что посессором является адресат (*ti*), часто встречается в речи, обращенной к собеседнику; дополнительное маркирование посессора 3-го лица (*hi*), как показано в примере (15), имеет важную функцию снятия неоднозначности. Обобщение болгарской клитики ж. р. *ù* (родопск. *xu*) следует связывать, в первую очередь, с отсутствием противопоставления по роду у местоименных клитик в языке-реципиенте (албанском). Кроме этого, в говорах Мандрицы и Каракурта замечена утрата противопоставления по роду у полных форм местоимений, и обобщается при этом также форма женского рода. Наконец, частичное фонетическое сходство албанской клитики *i* и болгарской (*xu*), более полное и значимое в Каракурте, вероятно, имело некоторое значение и в говоре Мандрицы.

Яркой особенностью говора Мандрицы является использование *ti*, *hi* внутри именной словоформы, напоминающее употребление тюркских аффиксов принадлежности. Весьма соблазнительно связать это явление с влиянием турецкого языка, которым владело, по крайней мере, мужское население села (см. 2.1). Другое вероятное объяснение заключается в том, что комплексы, состоящие из заимствованных терминов родства и клитик, могли обладать для говорящих высокой степенью связанности и поэтому использовались в качестве нечленимых основ при образовании албанских форм косвенных падежей. Примеры (13а) и (13б) с исконными терминами родства, где клитика не помещается внутрь словоформы, подтверждают это предположение. Обсуждение этой черты будет продолжено в 5.2.

Часть предложенных выше объяснений релевантна и для ситуации в **Каракурте**, где набор посессивных маркеров также ограничен формами 2-го и 3-го лица (*ti*, *i*), а их употребление связано преимущественно с терминами родства, заимствованными из болгарского. Существенные отличия от Мандрицы состоят в том, что никаких изменений не происходит в составе глагольной группы, а в именной группе не зафиксировано употребление посессивных маркеров внутри словоформы, но отмечена конструкция с двойным маркированием, напоминающая тюркскую конструкцию с генитивным посессором и притяжательным аффиксом, присоединяемым к вершине.

Употребление болгарских клитик не только в именной, но и в глагольной группе в говоре Мандрицы, судя по всему, связано с высокой интенсивностью болгарского влияния. Это хорошо видно на примере клитики *ni*, которая появилась в речи молодого поколения, владеющего болгарским языком, вероятно, лучше, чем албанским говором. Отсутствие такого употребления в Каракурте позволяет предположить, что болгарское влияние было здесь менее интенсивным или носило иной характер, см. 5.2.

Заимствование модели с двойным маркированием посессора можно интерпретировать с точки зрения подхода, предложенного в (Matras, Sakel 2007). Согласно этому подходу, механизм контактноязыкового изменения включает выявление в языке-доноре «опорного» элемента (англ. *pivot*) и соотнесение его с элементом в языке-реципиенте (*pivot-matching*), которому в итоге приписывается аналогичная роль «опоры» в новой

конструкции языка-реципиента. В первом приближении, таким опорным элементом является посессивный аффикс 3-го лица *-ы* в гагаузской изафетной конструкции, а соответствующим элементом в языке-реципиенте (албанском говоре) — заимствованная из болгарского дативная клитика *i*. Они отождествляются не только по функции (маркирование посессивности) и позиции в ИГ, но и на основе фонетического сходства. Возможно, однако, что некоторую роль играет и соотношение этих элементов с албанским показателем определенности существительных м. р. *-i*, который функционально им не тождествен, но также занимает конечную позицию в именной словоформе, которая является вершиной ИГ (в том числе посессивной), и обладает фонетическим сходством с ними¹¹. Для удобства повторим ниже примеры с отождествляемыми, по нашему мнению, грамматическими элементами.

(8) гагаузский

- а. *ев-и*
 дом-3.POSS
 ‘его/ее/их дом’ (Pokrovskaya 1996: 232)

(10) болгарский

- б. *сестра=и* *на Ана*
 сестра(F).SG=3SG.F.DAT на Анна(F).SG
 ‘сестра Анны’ (Tomić 2006: 104)

(18) албанский говор Каракурта

- б. *komshi-ut* *qen-i*
 сосед(M)-OBL.SG.DEF собака(M)-NOM.SG.DEF
 ‘собака соседа’ (Voronina et al. 1996: 132)

(19) албанский говор Каракурта

- а. *vn'uk-ut* *n'us-i*
 внук(M)-OBL.SG.DEF невестка(F).SG-3.POSS
 ‘невеста внука’ (Morozova 2011)

Аналогичный механизм мог действовать и в Мандрице, «опираясь» на болгарские посессивные ИГ с местоименным дублированием именного посессора (10б). Однако в албанском говоре Мандрицы мы не находим конструкций, структурно

¹¹ Фонетическое сходство в (Matras, Sakel 2007: 856) рассматривается как маргинальный фактор, но в нашем случае, как кажется, он имеет большое значение.

подобных примеру (10б) или примеру (19) в Каракурте. Этим косвенно подтверждается наше предположение о том, что в албанском говоре Каракурта моделью для примеров с двойным маркированием посессора стали именно гагаузские конструкции, где присоединение аффикса притяжательности к вершине посессивной ИГ обязательно (в болгарском местоименное дублирование посессора обязательным не является). Параметры контактных ситуаций, которыми могли быть обусловлены различия в механизме и следствиях контактноязыкового изменения в албанских говорах Мандрицы и Каракурта, рассматриваются в следующем разделе.

5.2. Социолингвистические факторы и контактная ситуация

Как следует из описания в разделе 2, рассматриваемые сообщества внутренне неоднородны. Сообщество Мандрицы составляют монолингвальные албанские женщины (и, возможно, мужчины); мультилингвальные мужчины, владеющие помимо албанского болгарским, турецким и/или греческим языками (в разной степени и в разных комбинациях); билингвальные албанские женщины, в некоторой степени владеющие болгарским; билингвальные болгарские женщины, для которых албанский является вторым, причем поздно усвоенным языком. Для большинства албанцев Мандрицы болгарский, вероятно, длительное время (до внедрения всеобщего школьного образования на болгарском) оставался вторым языком, как по времени усвоения, так и с точки зрения роли в индивидуальном языковом репертуаре. Помимо этого, среди местных жителей могли быть и билингвы, которые в одинаковой мере усвоили оба основных языка сообщества — албанский и болгарский — в раннем детстве, благодаря межэтническим бракам и распространенной в смешанных семьях практике внутрисемейного общения на языках обоих супругов.

С точки зрения классификации контактных ситуаций, предложенной в Morozova, Rusakov 2021, ситуация в Мандрице может быть охарактеризована как полигосская, или несбалансированная. Социолингвистически доминантным (в сообществе в целом) является болгарский — язык окружающего этнического большинства, а с начала XX в. также социально престижный язык образования, администрации и церкви. Параметры

лингвистической доминации (в языковых репертуарах индивидуальных говорящих) постепенно менялись от доминации первого (албанского) языка к доминации второго (болгарского). Возникновение интересующих нас явлений относится к периоду, когда смена доминации у албаноязычного населения Мандрицы еще не произошла. Однако в типичных полигlossных ситуациях с лингвистической доминацией первого языка, в которых билингвизм является скорее направленным «вовне», на обеспечение внешних связей языкового сообщества, чем внутренне присущим ему (Morozova, Rusakov 2021: 1012), обычно не наблюдается случаев грамматического заимствования из недоминантного языка. Ср. ситуацию в Голо Бордо на востоке Албании. Как представляется, заимствование местоименных клитик в Мандрице следует связывать именно с неоднородностью сельского сообщества и наличием в нем разных типов билингвальных говорящих.

В частности, модель с инкорпорацией посессивных клитик в именную словоформу могла возникнуть скорее в речи «неравновесных» билингвов с первым албанским языком, воспринимавших частотные сочетания терминов родства с клитиками в болгарской речи как нечленимые элементы. Использование болгарской модели с исконными албанскими существительными, без включения клитики в именную словоформу с большей вероятностью связано с речью билингвов, примерно в одинаковой степени владеющих двумя языками сообщества, албанским и болгарским. Наконец, употребление болгарских клитик наряду с албанскими в глагольной группе можно связать с особенностями речи болгарских женщин, не полностью усваивавших албанский как второй язык.¹²

Роль греческого и турецкого языков в заимствовании и адаптации грамматических элементов в говоре Мандрицы представляется менее весомой. Этими языками владели мужчины, которые пользовались ими лишь в ходе хозяйственной деятельности за пределами села. Учитывая, что в усвоении языка(-ов) детьми ведущую роль играет язык матери и в целом языки,

¹² Заметим, что и тенденция к использованию болгарской клитики *ni* вместо албанской *na*, наблюдаемая в речи молодых албанцев в 1950-е гг., явно связана с доминацией болгарского и неполным владением албанским языком.

на которых происходит коммуникация внутри семьи, можно заключить, что овладение греческим и турецким в раннем детстве не было характерно для данной ситуации. Маловероятно и то, что какой-либо из этих двух языков доминировал в языковом репертуаре самих мультилингвальных мужчин и мог стать языком-донором моделей или, тем более, грамматических элементов.

Главное отличие ситуации в Каракурте состоит в том, что наряду с албанским и болгарским в число основных языков мультилингвального сельского сообщества входит гагаузский язык. Межэтнические браки здесь, по-видимому, имеют большее значение для развития многоязычия, чем в Мандрице. С увеличением их числа в сообществе росло и число поздних билингов: билингвальных женщин, которые вдобавок к родному усваивали во взрослом возрасте язык семьи супруга, а также билингвальных мужчин, которые зачастую общались с супругой на ее первом языке. Если женщинам в смешанных семьях не запрещалось говорить на своем родном языке с детьми, то дети с большой вероятностью становились ранними билингвами. В семьях, где запреты существовали, дети усваивали один язык — в первую очередь от матери, для которой этот язык был вторым. Помимо этого, существовала возможность в любом возрасте усвоить, помимо родного (например албанского), один или два языка других этнических групп (болгарский, гагаузский), общаясь со сверстниками в школе и в уличных играх, на танцах, в трудовой деятельности.

Контактная ситуация в Каракурте может быть охарактеризована скорее как неполиглотская, или сбалансированная. Безусловно, определенную роль в ней играли и продолжают играть социально престижные языки, а также островной характер албанского говора, существующего в иноязычном окружении. Однако, в отличие от Мандрицы, мультилингвизм в сообществе Каракурта является его ингерентным свойством, которое обусловлено изначально полиэтническим составом населения. На протяжении всего времени существования в селе в различных соотношениях присутствовали монолингвальные, билингвальные и мультилингвальные представители трех основных этнических групп. Как следствие, распределение титульных языков этих групп в коммуникации внутри сообщества было более «равновесным» чем в Мандрице.

Судя по тому, что интересующие нас явления встречаются и в говоре албанских сел Приазовья, их развитие должно было произойти относительно рано. Это позволяет нам исключить из рассмотрения фактор позднейшего влияния социально престижных языков (румынского, русского, украинского) и прийти к выводу, что именно албанско-болгарско-гагаузское многоязычие является главным обстоятельством, обусловившим рассматриваемые контактные изменения в албанском говоре Каракурта. Основная роль в адаптации болгарской модели маркирования посессора дативной клитикой в Каракурте, вероятно, принадлежала «равновесным» билингвам. Стратегии употребления заимствованных элементов, связанные в Мандрице, на наш взгляд, с неполным усвоением одного из языков (интраклитики в именной словоформе и клитики в глагольной группе), полностью отсутствуют в Каракурте, а в структуре ИГ с именным посессором прослеживается, наряду с болгарским, гагаузское влияние. В целом, механизм уподобления посессивных ИГ трех контактирующих языков, описанный в 5.1, напоминает конвергентные процессы, наблюдаемые в мультилингвальных сообществах Балкан, которые были ранее охарактеризованы нами как сбалансированные. Ср., например, лингвистические следствия албанско-славянских контактов в селе Веля-Горана на юге Черногории (Morozova 2021). Это хорошо согласуется с высказанным выше соображением о сбалансированном характере контактной ситуации в Каракурте.

6. Заключение

Обобщая наши наблюдения над случаями грамматического заимствования в двух островных албанских говорах, можно сделать следующие выводы. Ни в одной из рассмотренных ситуаций заимствование материи (*matter borrowing*) не приводит к возникновению новых категорий в языке-реципиенте и не включает перенос всего набора элементов (местоименных клитик) из языка-донора в язык-реципиент. В обоих случаях заимствование материи происходит вместе с заимствованием не характерной для албанского языка болгарской модели (*pattern borrowing*) с несогласованным приименным маркером посессивности. Местоименные клитики языка-донора (болгарского) при этом демонстрируют фонетическое сходство и частичное сход-

ство функций с клитиками языка-реципиента (употребление при дублировании именного и местоименного косвенного объекта и при местоименном маркировании косвенного объекта), но их структурные и остальные функциональные характеристики различаются.

В нашей работе (Rusakov, Morozova 2019), где впервые был упомянут пример Мандрицы и Каракурта, мы высказали предположение о том, что мультилингвальная ситуация может способствовать грамматическому заимствованию. Механизм взаимодействия трех языков был охарактеризован следующим образом: «при столкновении с новым языком (L3) билингвальные носители актуализируют свои знания обоих языков, имеющих в их языковой компетенции (L1 и L2). В случае определенных сходств в категориальных системах L2 и L3 именно L2 может служить им источником языкового материала при установлении эквивалентности между фрагментами грамматических систем L1 и L3» (Rusakov, Morozova 2019: 80). Это предположение, как мы замечали и ранее, должно быть проверено путем детального анализа с привлечением материала как из мультилингвальных, так и (для сравнения) из билингвальных ситуаций.

На данном этапе подробный анализ контактных ситуаций в Мандрице и в Каракурте приводит нас к следующему заключению. Мультилингвизм части населения в Мандрице (владение турецким и/или греческим наряду с албанским и болгарским), скорее всего, не был решающим фактором при заимствовании и адаптации местоименных клитик, поскольку турецкий и греческий языки не использовались в коммуникации внутри сообщества. Грамматическое заимствование происходило в условиях албанско-болгарского двуязычия, где решающую роль играли неполное усвоение албанского языка как второго носителями болгарского и разная степень усвоения болгарского языка ранними и поздними албанскими билингвами. Трехязычие и относительно равновесный характер языковой ситуации в Каракурте, напротив, могли способствовать как заимствованию и адаптации болгарских местоименных клитик, так и внедрению модели с двойным маркированием посессора вследствие межъязыкового отождествления албанской, болгарской и гагаузской посессивных конструкций. При этом сценарий, предложенный в Rusakov, Morozova 2019, может описывать, по

меньшей мере, ситуацию «столкновения» албанско-болгарских билингов с гагаузским языком. В целом, как показывает наш пример, применение параметра (не)сбалансированности контактных ситуаций и учет их внутренней неоднородности позволяют пролить некоторый свет на механизмы возникновения в этих ситуациях сходных, но при ближайшем рассмотрении не вполне идентичных лингвистических следствий языкового контакта.

Литература

- Floqi, S. 1958: Skicë e së folmes së Dangëllisë. *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria Shkencat Shoqërore* 3, 89–169.
- Gardani, F. 2008: *Borrowing of inflectional morphemes in language contact*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. 2015: Borrowed morphology: an overview. In: Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. (eds.). *Borrowed morphology*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 1–23.
- Gjinari, J. 1960: Mbi të folmen e Devollit. *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria Shkencat Shoqërore* 4, 103–137.
- Kononov, A. N. 1996: [Turkish]. In: Tenishev, E. R. (ed.). *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki*. Moscow; Bishkek: ID “Kyrgyzstan”, 394–411.
- Кононов, А. Н. 1996: Турецкий язык. В сб.: Тенишев, Э. Р. (отв. ред.). *Языки мира. Тюркские языки*. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 394–411.
- Kotova, N. V. 2018: [The language of Albanians in Ukraine in the middle of the XX century. Texts and glossary. Comments]. Moscow: LRC Publishing house: Languages of Slavic Cultures.
- Котова, Н. В. 2018: *Язык албанцев Украины в середине XX в. Тексты и словарь. Комментарии*. М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры.
- Maslov, Yu. S. 2005: [Bulgarian]. In: *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Ed. by Moldovan, A. M., Skorvid, S. S., Kibrik, A. A. et al. Moscow: Academia, 69–102.
- Маслов, Ю. С. 2005: Болгарский язык. В сб.: *Языки мира: Славянские языки*. Ред. кол.: Молдован, А. М., Скорвид, С. С., Кибрик, А. А. и др. М.: Academia, 69–102.
- Matras, Y. 2009: *Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Matras, Y. 2015: Why is the borrowing of inflectional morphology dispreferred? In: Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. (eds.). *Borrowed morphology*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 47–80.
- Matras, Y., Sakel, J. 2007: Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence. *Studies in Language* 31 (4), 829–865.

- Morozova, M. 2021: “Balanced language contact” in social context: Velja Gorana in Southern Montenegro. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Boston, Berlin: de Gruyter Mouton, 89–134.
- Morozova, M. S. 2011: [Unpublished fieldwork materials. Karakurt, May 2011]. Морозова, М. С. 2011: *Неопубликованные полевые материалы. Каракурт, май 2011 г.*
- Morozova, M. S. 2016a: [Albanian dialect of Zhovtnevoye in contact: a view of data from expeditions of 2011–2013]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniy RAN*, XII, 3, 147–168.
- Морозова, М. С. 2016а: Албанский говор села Жовтневого в условиях языкового контакта: по материалам экспедиций 2011–2013 годов. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XII, 3, 147–168.
- Morozova, M. S. 2016b: [The Albanian language in Ukraine: a grammar review]. In: Novik, A. A., Morozova, M. S., Ermolin, D. S. (eds.). “*Priazovskiy otryad*”. *Yazyk i kultura albantsev Ukrainy*. Part 1, Vol. 2. Saint Petersburg: MAE RAS, 421–506.
- Морозова, М. С. 2016б: Говор албанцев Украины: Грамматический очерк. В кн.: Новик, А. А. (отв. ред.), Морозова, М. С., Ермолин, Д. С. (ред.). «*Приазовский отряд*». *Язык и культура албанцев Украины*. Часть 1, том 2. СПб.: МАЭ РАН, 421–506.
- Morozova, M. S., Novik, A. A. 2016: [A Short history of Albanian villages in Ukraine: Facts and myths]. In: Novik, A. A., Morozova, M. S., Ermolin, D. S. (eds.). “*Priazovskiy otryad*”. *Yazyk i kultura albantsev Ukrainy*. Part 1, Vol. 1. Saint Petersburg: MAE RAS, 219–276.
- Морозова, М. С., Новик, А. А. 2016: Краткая история образования албанских сел Украины: факты и мифы. В кн.: Новик, А. А. (отв. ред.), Морозова, М. С., Ермолин, Д. С. (ред.). «*Приазовский отряд*». *Язык и культура албанцев Украины*. Часть 1, том 1. СПб.: МАЭ РАН, 219–276.
- Morozova, M. S., Rusakov, A. Y. 2021: Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond. *International Journal of Bilingualism* 25 (4), 999–1018.
- Pokrovskaya, L. A. 1996: [Gagauz]. In: Tenishev, E. R. (ed.). *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki*. Moscow; Bishkek: ID “Kyrgyzstan”, 224–235.
- Покровская, Л. А. 1996: Гагаузский язык. В сб.: Тенишев, Э. Р. (отв. ред.). *Языки мира. Тюркские языки*. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 224–235.
- Rusakov, A. Y., Morozova, M. S. 2019: [Language contacts in trilingual communities: Matter borrowing in Balkan dialects]. In: Sedakova, I. A., Makartsev, M. M., Tsivyan, T. V. (eds.). *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obshchestvakh na Balkanakh*. Moscow: Institut Slavyanovedeniya, 75–81.

- Русаков, А. Ю., Морозова, М. С. 2019: Языковые контакты в условиях трилингвизма: заимствование «материи» (matter bogowing) в балканских диалектах. В сб.: Седакова, И. А. (отв. ред.), Макарец, М. М., Цивьян, Т. В. (ред.). *Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах*. М.: Институт славяноведения РАН, 75–81.
- Sokolova, B. 1983: *Die albanische Mundart von Mandritsa*. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz.
- Shuteriqi, Dh. 1965: Fshati shqiptar i Bullgarisë Mandrica, studim dhe tekste. *Studime filologjike* 1, 103–141.
- Tomić, O. M. 2006: *Balkan Sprachbund Morphosyntactic Features*. Dordrecht: Springer.
- Tomić, O. M. 2009: Clitic and Non-Clitic Possessive Pronouns in Macedonian and Bulgarian. In: Dimitrova-Vulchanova, M., Tomić, O. M. (eds.). *Investigations in the Bulgarian and Macedonian Nominal Expression*. Trondheim: Tapir Academic Press, 95–120.
- Thomason, S. G. 2015: When is the borrowing of inflectional morphology not dispreferred? In: Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. (eds.). *Borrowed morphology*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 27–46.
- Thomason, S. G., Everett, D. L. 2001: Pronoun borrowing. In: Chang, Ch., Houser, M. J., Kim, Y., Mortensen, D., Park-Doob, M., Toosarvandani, M. (eds.). *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* 27. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 301–315.
- Voronina, I., Domosileckaja, M., Sharapova, L. 1996: *E folmja e shqiptarëve të Ukrainës*. Shkup: Shkupi.

Larissa Naiditsch

Еврейский Университет в Иерусалиме, Израиль.

larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

ÜBER DIE DIALEKTTLEXIK DER RUSSLANDDEUTSCHEN IN DEN 1920er JAHREN NACH DEM ARCHIV VON V. M. ŽIRMUNSKIJ

О диалектной лексике русских немцев в 1920-х годах. По архиву В. М. Жирмунского

Статья продолжает изучение архива Виктора Максимовича Жирмунского в Санкт-Петербурге. Рассматриваются собранные Жирмунским и его учениками косвенным методом в 1920-х годах материалы. Это диалектологические анкеты, заполненные информантами из южных немецких колоний на территории СССР (Кривой Рог, Херсон, Мелитополь и др.). Изучается несколько слов из тестовых фраз Георга Венкера, переведенных на соответствующие немецкие диалекта, и диалектные слова из составленной Жирмунским анкеты для словаря крестьянского хозяйства. Слова из немецких диалектов на территории СССР сравниваются с материалом немецких региональных словарей.

Ключевые слова: немецкая диалектология, немецкие островные диалекты на территории СССР, диалектологический архив В. М. Жирмунского, диалектная лексика.

Larissa Naiditsch

The Hebrew University of Jerusalem, Israel

larissa.naiditch@mail.huji.ac.i

On the dialect vocabulary of Russian Germans in the 1920s. According to the archives of V. M. Zhirmunsky

The article continues the study of Viktor Maksimovich Zhirmunsky's archive in St. Petersburg. The materials collected by Zhirmunsky and his students using the indirect method in the 1920s are considered. These are dialectological questionnaires filled out by informants from the southern German colonies on the territory of the USSR (Krivoy Rog, Kherson, Melitopol, etc.).

The article includes the study of several lexemes from dialect vocabulary of Germans living in the USSR in the 1920s: those from Georg Wenker's test phrases translated by informants into the corresponding German dialects, and those from the questionnaires of peasant farming compiled by Zhirmunsky. The vocabulary of German dialects on the

territory of the USSR is compared with that available in German regional dictionaries.

Keywords: German dialectology, German insular dialects in the USSR, dialectological archive of Viktor Maximovich Žirmunsky.

Einleitung

Das Anliegen dieses Aufsatzes ist weitere Erschließung des dialektologischen Archivs von Viktor Maximowitsch Žirmunskij (Schirmunski) in Sankt Petersburg, Russland. Somit ist er eine Fortsetzung der früheren Publikationen (Naiditsch, Svetozarova 2013, 2015; Svetozarova 2013, Puzeikina, Swetozarowa 2013, Naiditsch 2015, 2017, 2018, 2020)¹, die einigen Aspekten des im Archiv vorhandenen Materials gewidmet sind.

Viktor Žirmunskijs Forschungen zur Inseldialektologie in den 1920er Jahren

Die Geschichte der von Viktor Žirmunskij in den 1920er Jahren initiierten dialektologischen Projekte ist in einigen Publikationen erläutert (Svetozarova 2006, 2009, 2013, Žirmunskaja/ Naiditsch/ Starec/ Svetozarova 2016). Žirmunskij, der sich bereits als junger Forscher durch seine Studien als Literaturhistoriker und -theoretiker einen Namen gemacht hatte, wandte sich in den 1920er Jahren der deutschen Inseldialektologie zu. Es gab in der Sowjetunion, an der Wolga und im Schwarzmeergebiet, in der Ukraine, im Nordkaukasus, in Wolhynien, bei Leningrad / St. Petersburg und selbst in Sibirien und in Turkestan zahlreiche deutsche Siedlungen. Die ältesten von ihnen waren in den 1760er Jahren unter Katharina II. gegründet. Dazu gehören neben den Wolga Kolonien drei Dörfer und ihre Tochterkolonien im Gebiet Leningrad, die das erste

¹ In den Jahren 2014–2016 wurde die Erforschung des Archives im Rahmen des Projekts „Germanistische Archive in St. Petersburg. Wissenschaftliche Aufarbeitung des Archivs V. M. Schirmunski (Žirmunskij) an der Akademie der Wissenschaften“ (RGNF No. 13-04-00369) durchgeführt. An dieser Forschungsarbeit nahmen Natalija Swetozarowa, Larissa Pusejkina und Larissa Naiditsch teil.

В 2014–2016 гг. исследование архива проводилось в рамках проекта РГНФ («Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН»), проект № 13-04-00369, 2014–2016 гг. В исследовании принимали участие Н. Д. Светозарова, Л. Н. Пузейкина и Л. Э. Найдич.

Forschungsziel von Žirmunskij bildeten. Der Gelehrte stellte sich die Aufgabe der komplexen Erforschung der deutschen Kolonien in der UdSSR: die Ansammlung und Analyse des mundartlichen, des volkskundlichen und des Folklore-Materials (Žirmunskij 1933/2018). Die Ergebnisse dieser Forschung demonstrierten sowohl archaische Züge, als auch Entwicklungsprozesse in Sprache und Volksdichtung in den erforschten Siedlungen. Das erlaubte einige theoretische Fragen zu stellen. Solche Probleme wie Gesetzmäßigkeiten von Sprach- und Dialektmischungen, wie auch Archaismus und Innovationen in der Entwicklung der Sprach- und Kulturinseln bildeten den Fokus der Forschungen des Gelehrten. Für Žirmunskij war die Sprachinselforschung ein unabdingbarer Teil der allgemeinen Sprachwissenschaft, der Germanistik und der Soziolinguistik.

Žirmunskij plante eine groß angelegte wissenschaftliche Beschreibung der sogenannten südlichen Kolonien, d.h. derjenigen, die im Laufe der 2. Emigrationswelle der deutschen Bauern 1830–1870 entstanden sind. Die ersten Forschungsreisen in diese Gebiete fanden im Sommer 1926 statt. Es handelte sich um die folgenden Regionen: die Krim, der Kaukasus, Saporoshje, Melitopol', Nikolaew, Odessa, Konotop, Kriwoj Rog, Wolhynien, Korostel', Cherson, Mariupol', Dnepropetrowsk. Žirmunskijs Mitarbeiter Alfred Ströhm und Ellinor Johannson, wie auch später die Studierenden der Leningrader Universität Lew Sinder, Tatjana Sokolskaja und Walentina Pogorelskaja nahmen an den Studienreisen teil (Zinder, Stroeva 1978; Zinder 1998). Gleichzeitig wurden Fragebögen in Bezug auf Dialektologie in die deutschen Siedlungen geschickt, mit der Bitte, sie auszufüllen und zurückzusenden. Die Arbeit der Forschungsgruppe hatte, neben rein wissenschaftlichen, auch praktische Zwecke: den Deutschlehrern bei ihrer Arbeit mit Dialektprechern zu helfen. „Der Dorfschullehrer ist durch seine professionelle Stellung zum Mittler zwischen dem Bauernvolke und der Wissenschaft berufen“, — schrieb Žirmunskij (1928: 3). Die Aufarbeitung der gewonnenen Materialien hat erst begonnen, als die Dialektforschungen zwangsläufig eingestellt werden sollten.

Die kulturelle und politische Autonomie der Minoritäten, die früher gefördert worden war, wurde in den 30er Jahren zunehmend eingeschränkt bis hin zur völligen Auflösung der Kolonien und der Deportation der Russlanddeutschen in den Jahren 1941/42 nach Sibirien und Kasachstan. Zwei letzte Studienreisen wurden zwischen Juni und September 1930 durchgeführt. Žirmunskij, seine

Schüler und Mitarbeiter wurden der Spionage beschuldigt. Alfred Ströhm, damals schon Professor der Pädagogischen Hochschule Odessa, wurde 1934 verhaftet. Später ist er in einem Stalinschen Lager umgekommen. Besonders tragisch war das Schicksal von Žirmunskijs Assistentin Ellinor Johannson, die hingerichtet wurde (Svetozarova 2010). Žirmunskij selbst wurde als angeblicher deutscher Spion in den Jahren 1933–1941 dreimal verhaftet und nur dank der großen Bemühungen seiner Verwandten und Kollegen freigelassen.

Von der Fortsetzung der Forschungsarbeit über die deutschen Inselmundarten in der UdSSR war viele Jahre keine Rede. Das gesammelte Material wurde dank der Witwe des Gelehrten Nina Alexandrovna Žirmunskaja erhalten geblieben. Es befindet sich heute in der Sankt-Petersburger Filiale des Archivs der Akademie der Wissenschaften Russlands Fonds 1001 (Smirnickaja 2000; Svetozarova 2006) und ist erst vor einigen Jahrzehnten ins Blickfeld der Germanistik gerückt. Es wird allmählich bearbeitet.

Zur Bearbeitung des dialektologischen Archivs in Sankt Peterburg

Žirmunskijs dialektologisches Archiv schließt zwei Typen der Fragebögen ein: A) Die Übersetzung der traditionellen Sätze von Georg Wenker und noch 200 Wörter, die der Gelehrte hinzugefügt hat, in die entsprechende Mundart und B) Lexeme für das geplante Wörterbuch der Bauernwirtschaft. Die Informanten waren Mundartträger aus den Kolonien, gewöhnlich Dorfschullehrer, die die Mundarten beherrschten. Im Weiteren werden in diesem Artikel einige Wörter aus diesen Fragebögen neben ihren Parallelen in deutschen Regionalwörterbüchern betrachtet.

Die erste Aufgabe der Bearbeitung von Žirmunskijs Archivmaterialien war ihre Einordnung nach zwei Dialekttypen: das Plattdeutsche der Mennoniten (Plautditsch)² und die rheinfränkischen (vorwiegend die pfälzisch-hessischen) Mundarten. Die Fragebögen sind ja im Archiv nach dem geografischen Prinzip geordnet, wobei das Nebeneinander der mennonitischen und lutherischen Dörfer oft vorkam. Im Weiteren wird immer darauf hingewiesen, von welchem

² Über die Geschichte der Mennoniten siehe die Enzyklopädie GAMEO http://gameo.org/index.php?title=Welcome_to_GAMEO

Dialekttyp die Rede ist. Die rheinfränkischen Inselmundarten sind meistens Mischdialekte, wenn auch des gleichen Dialekttyps. Ursprünglich waren in den Kolonien auch einige schwäbische Mundarten vertreten — die Letzteren haben nach der Feststellung von Žirmunskij ihre charakteristischen Züge eingebüßt (Schirmunski 1928: 41–64, 1931, Žirmunskij 1976: 496–507, erste Publikation 1929). Die exakte Heimatbestimmung der Dialekte und ihrer Sprecher wäre deswegen unmöglich; sie wird in diesem Aufsatz nicht vorgenommen.

Aus den Sätzen Georg Wenkers

40 Sätze von Georg Wenker, die in der deutschen Dialektologie schon klassisch geworden sind, waren ursprünglich auf Probleme der Phonetik und Grammatik orientiert. Auch für Žirmunskij war das wichtig.

Hier wird aber das Augenmerk auf die lexikalischen Aspekte gelegt. Betrachten wir dafür Wenkers Satz 38 aus dem Archiv Žirmunskij.

Die Leute sind heute alle draußen auf dem Feld und mähen

Rheinfränkische Mundarten in den Kolonien bei Cherson,
Kriwoj Rog und Lugansk:

Die Leit sin heit alle drauss uf de Schteb un haue

Die Leit sin heit alle drauss ufm Felt un haue

Die Leit sin heit al draus ufm Felt un mehn

D’Leit sin heit al draus uf de Step un haun

Stepp ist hier die häufigste Variante für ‘Feld’

Die plattdeutsche Mundart der Mennoniten (Plautditsch):

De Lied sent vondoag aula butten opp i Stapp onn heiwen.

De Lüd sent vondoag aula buten oppe Stap on heiwen.

Dö Lied send vondog aulli buti op dö Stap on heiwi.

De Lit send von dög aula butte op de Staap on häiwe.

Wie aus den obigen Beispielen ersichtlich ist, ist die lexikalische Variierung innerhalb von zwei genannten Gruppen minimal. Bei der

Übersetzung des Wortes *Feld* in die entsprechende Mundart greifen die meisten Sprecher zu einer Entlehnung aus dem Russischen oder aus dem Ukrainischen *цмень*. Dabei finden entsprechende phonetische Veränderungen statt. Das ist die gesetzmäßige Senkung $e > a$: in geschlossener Silbe im Plautditsch und der Lautwandel $s > š$ vor p , der nur selten grafisch bezeichnet wurde.

Es fragt sich, warum die Entsprechung des hochdeutschen Wortes *Feld* eindeutig auf die Realien der neuen Heimat der Kolonisten hinweist. Es ist anzunehmen, dass das Wort noch vor der Bildung der Kolonien im Laufe der Einwanderung, vielleicht noch unterwegs, bekannt geworden ist. Die Einwanderer landeten in der Gegend, die ihren Erwartungen nicht entsprach. „Die ersten Jahre nach der Einwanderung waren auch im Süden [so, wie an der Wolga] durch schwere wirtschaftliche Kämpfe begleitet. Klima und Bodenverhältnisse waren den Kolonisten unbekannt. Viele starben dahin, ehe die Ursteppen durch menschlichen Fleiß beackert und besäet werden konnten“ (Schirmunski 1928: 32). Die Steppe in der neuen Heimat war dem deutschen Feld nicht ähnlich. *Steppe* wurde zum wichtigen Konzept der Russladdedeutschen. Das Wort wurde sowohl in den südlichen Kolonien, wie auch in denjenigen an der Wolga gebraucht (Zorn: 1924), nicht aber in den deutschen Kolonien in der Nähe von Petersburg.

Das Wort *mähen* fehlt in vielen deutschen Mundarten. Die entsprechende Bedeutung wird mit *hauen* in einigen phonetischen Varianten wiedergegeben. Siehe Karte 9702 von dem Deutschen Sprachatlas. Im Pfälzischen Wörterbuch sehen wir die entsprechende Bedeutung von *hauen* unter 2a: „Mit einer scharfen Waffe, einem scharfen Werkzeug schlagen, stechen [...] mit der Sichel hauen“. *Hauen* (*heiwe*, *haue*) als Entsprechung von *mähen* finden wir in Žirmunskijs Archivmaterialien sowohl in den Sätzen von Georg Wenker, wie auch im lexikalischen Fragebogen (Punkt 45).

Aus den Fragebögen der Lexik zur Bauernwirtschaft

Die Fragebögen, die für das geplante Wörterbuch des landwirtschaftlichen Wortschatzes bestimmt waren, wurden unabhängig von denjenigen mit Wenkers Sätzen zusammengestellt und in die deutschen Kolonien geschickt. Sie enthalten 50 Wörter und Wendungen und zwei Fragen, die Folklore betreffen (Naiditsch 2017, 2018, 2020).

Wenden wir uns einigen Lexemen im Fragebogen zur Bauernwirtschaft zu. Punkt 48: das Verb *pflügen*. In den plattdeutschen Mundarten der Mennoniten sind nur phonetische Varianten dieses Verbs zu finden: *pleji, pliji, pleaji, plige, plejeje plüge*. In rheinfränkischen Mundarten dagegen finden wir sowohl phonetische Variierung, wie auch wortgeografische Synonyme. Zu den Ersteren gehören die folgenden: *pflige, pfleje, pflige, pleje, plüge, fliegen, flügen*. Die Affrikate *pf* am Wortanlaut zeugt entweder von dem oberdeutschen Ursprung der Mundart oder von der Wirkung der Literatursprache; die Wörter mit *f* kann man als Kompromissformen zwischen *pf* und *p* betrachten. Was die lexikalischen Varianten betrifft, so sind im Fragebogen neben oben erwähnten Formen wie *pleje* u.ä. auch die folgenden zu finden: *ackern, ackre, ackra und zackere, zackre*. Zum Verb *ackern* s. das PFWb Bd. 1, Sp. 130, RhWb Bd. 1, Sp. 53.

Zackere(n) wird im Pfälzischen Wörterbuch als ein seltenes, historisch bezeugtes oder im Auslandspfälzischen erhaltenes Wort aufgeführt (PFWb 6, Sp. 1516)³. Die Form *zacker-fahren* ‘zum Acker fahren’, die als Ausgangsform zu *zackern* betrachtet wird (*acker gën / gân*), ist auch in Regionalwörterbüchern belegt. In Grimms Wörterbuch (Bd. 31, Sp. 16) sind zahlreiche historische Belege des Verbs *zackern* angegeben.

Das Wort *zackern* finden wir in einem bekannten Zauberspruch Drei-Wurm-Segen: “Es fährt ein Bauer Zackern, / Er zackert drey

³ Das Verb *zackern* wird in Dialekten manchmal auch für die Bezeichnung einer speziellen Ackertechnik gebraucht. Es kann auch ‘sich (mühsam, langwierig, umständlich) mit etwas herumplagen’ bedeuten. In dieser letzteren Bedeutung wurde dieses Verb, dessen Gebrauch mit der Zeit immer seltener wurde, durch ein bekanntes Gedicht von Paul Celan (1969) wieder ins Leben gerufen: „Ich trink Wein aus zwei Gläsern / und zackere an der Königszäsur / wie Jener am Pindar [...]“. Celan meinte dabei schwere Arbeit und spielte auf Hölderlin an, der den griechischen Dichter Pindar übersetzte, was eine große geistige Spannung erforderte. Das Wort entnahm Celan einem in Hölderlins Werken publizierten Brief des Hofrats Gerning an Knebel: „Hölderlin, der immer halbverrückt ist, zackert auch am Pindar“ (1805). Bekanntlich schloss Celan in seine Gedichte manchmal seltene, ungewöhnliche Wörter ein. B. Böschenstein (1983: 148) schrieb: „Zackern‘ ist zweifellos eines jener alten, in der Schriftsprache (seit dem 17. Jahrhundert) abgestorbenen Wörter, deren Entdeckung Celan in einem Gedicht zu verwerten für wichtig hielt. Eine Reise, sagte er, dem Sinne nach, im Gespräch, sei oft eine Gelegenheit, ungekannte Wörter nach Hause zu bringen“.

förg [Furchen] / er Zackert drey Wörm, / der eine ist schwarz, der andere ist blau, / der dritt ist roth, / das ist alle Wörme ihr Tod. +++” (Heeger, 1936: 108).

Punkt 50: *gleiten* (auf dem Eise ohne Schlittschuhe gleiten). Diese Art „Wintervergnügen der Jugend“ war in Deutschland verbreitet (Post 2000: 131), in Russland ist es auch üblich⁴. In manchen Mundarten wird diese Bedeutung durch *glitsche(n)* wiedergegeben, was bekanntlich Intensivbildung zu *gleiten* ist. Auch hier sind in den plattdeutschen Mundarten der Mennoniten nur phonetische Varianten zu beobachten: *glitschi*, *jletsche*, *jlitsche*. Entsprechende rheinfränkische Formen in Žirmunskijs Fragebögen sind: *glitsche*, *glitscha*, *glutsche*, *glutschre*, die besonders in der Nordwestpfalz verbreitet sind (PfWb Bd. 3, Sp. 348, Post 2000: 68, Karte 332 in PfWb. Bd. 5, Sp.1063). Im RhWb (Bd. 2, Sp. 1275) wird die hohe Verbreitung des Verbs auch nach Norden hin erwähnt. Andere recht häufige lexikalische Synonyme mit phonetischen Varianten sind: *schlidern*, *schliddern*, *schlittern*, *schlittre*, *schledere*, *schlettre*. *Schlittern* wird in Grimms Wörterbuch (Bd. 15, Sp. 760) folgenderweise definiert: „auf dem eise sich gleitend fortbewegen, besonders als vergnügen für kinder; iterativbildungen zu [dem Verb] schlitten“. Seltener kommen die Formen *schleife*, *schleimern* und *schleimara* vor, zwei Letztere weisen auf die Region der Süd-West Pfalz hin (PfWb Bd. 5, Sp. 1073, Post 2000: 131).

Die unter Punkt 50 angeführten Lexeme sind oft Iterativ- oder Intensivbildungen. Das demonstriert z.B. das Suffix *-er(n)*, *-ere*. Hermann Paul schrieb von dieser Wortgruppe: „namentlich gehören hierher Verba, die eine wiederholte Bewegung oder ein wiederholtes Geräusch bezeichnen...“ (Bd. 5: 119). Auch Konsonantenwechsel ist ein Mittel, dem Verb die Intensivbedeutung zu verleihen: vgl. *gleiten* — *glitschen*. Der Anlaut der angeführten Verben ist *schl* oder *gl*, was auch von Standpunkt der historischen Germanistik bemerkenswert ist. So geht nach der Hypothese von Th. Krisch (1990: 120) *g* auf das Präfix *ga-*, *ge-* wie in *gleich*, *Glück* u.a. zurück, während die Wurzel selbst Variante mit oder ohne *s*-mobile aufweisen kann. Somit können *gleiten* und *schlittern* auf ein und dieselbe Etymologie zurückgeführt werden.

⁴ Im Russischen gibt es kein besonderes Wort für diese Handlung. Manchmal sagt man: «кататься на ногах», was auch ‘bergab ohne Schlitten gleiten‘ bedeuten kann.

Schlusswort

Oben wurde das lexikalische Material einiger Fragebögen aus dem Archiv Viktor Žirmunskij behandelt. Die analysierten Wörter wurden mit denjenigen in den deutschen Dialektwörterbüchern verglichen. Alle betrachteten Formen, bis auf das Lehnwort *Steppe*, haben in den deutschen Mundarten ihre Entsprechungen und sind in den Dialektwörterbüchern registriert. Obwohl diese Lexeme an und für sich in der deutschen Dialektologie mehr oder weniger bekannt sind, bereichern die oben betrachteten Fragebögen die deutsche Regionallexikologie. Sie zeigen den Wortschatz der Auslandsdeutschen in seiner archaischen Form und spiegeln die Lexik einzelner Gebiete wider, und zwar derjenigen, aus denen die meisten Einwohner dieser oder jener Kolonie stammten. Diese Wörter sind Zeugen der Geschichte einer bestimmten Bevölkerungsgruppe. Das Gesagte schließt nicht aus, dass auch Dialektmischungen innerhalb ein und derselben Siedlung möglich waren. Bei solch einer Mischung hat eine bestimmte Form die Oberhand gewonnen, gewöhnlich wegen der höheren Anzahl der Sprecher oder wegen der höheren Autorität einer Sprechergruppe.

Auch ein Andenken an die Forscher und die Mundartsprecher, deren Schicksal oft tragisch war, lässt uns dieses Material nicht ohne Bearbeitung liegen lassen. Hier sei nur ein Beispiel genannt, das möglicherweise Historiker und Sprachwissenschaftler zur weiteren Arbeit anregt. Am Ende jedes Fragebogens stehen Name, Geburtsort und -jahr desjenigen, der ihn ausgefüllt hat, manchmal schwer lesbar, manchmal recht klar. Das waren meistens Deutschlehrer in den Kolonien. Heute wissen wir nicht, wie ihr Schicksal war: waren sie verschickt, verschollen oder konnten sie doch als Lehrer oder anderswie in Sibirien oder in Mittelasien tätig sein? Das wäre ein Material für künftige Historiker.

Wörterbücher, Nachschlagewerke

- Deutscher Sprachatlas. Sprachatlas des deutschen Reichs von Georg Wenker. <https://regionalsprache.de/wa.aspx>
- GAMEO — Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online http://gameo.org/index.php?title=Welcome_to_GAMEO
- Grimm — Das deutsche Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB&lemid=A00001> (Letzter Zugriff 17.04. 2024).

- PfWb: Pfälzisches Wörterbuch, Begründet von Ernst Christmann. Bearb. von Julius Krämer, Rudolf Post. Wiesbaden/Stuttgart, Bd. I-VI, 1965–1997. Heute auch im Internet:
<https://woerterbuchnetz.de/?sigle=PfWB>
<https://regionalsprache.de/pfwb.aspx> (Letzter Zugriff 17.04. 2024)
- Post 2000 — Post Rudolf. Kleines Pfälzisches Wörterbuch. Verlag K. F. Geißler.
- RhWb. Rheinisches Wörterbuch. Josef Müller, Heinrich Dittmaier, Karl Meisen, Matthias Zender. Publikationszeitraum: 1928–1971
<https://woerterbuchnetz.de/?sigle=RhWB&lemid=A00001> (Letzter Zugriff 17.04. 2024)

Literatur

- Böschstein, B. 1983: Hölderlin und Celan. *Hölderlin-Jahrbuch* 1982–1983. Bd. 23. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen, 147–155
- Heeger, F. 1936: *Pfälzer Volksheilkunde. Ein Beitrag zur Volkskunde der Westmark*. Neustadt an der Weinstraße: Verlag Daniel Meininger.
- Krisch, Th. 1990: Zur Etymologie von nhd. gleiten (mit Bemerkungen zu weiteren Etymologien). In: *HS* (Historische Sprachforschung, ehemals KZ) 103,. S 116–131. <https://www.plus.ac.at/wp-content/uploads/2021/02/2043301.pdf>
- Naiditsch, L. 2015: Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2015. Bd. LXXXII, H. 3, S. 331–349.
- Naiditsch, L. 2017: Zur Lexik im Mennonitenplatt nach dem Archiv von V. M. Schirmunski. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 21, 1012–1036.
- Naiditsch, L. 2018: Zum Wortschatz in den deutschen Inselmundarten der Ukraine in den 1920er Jahren. Nach dem Archiv von Viktor Schirmunski *Indo-European linguistics and classical philology*. 22, 919–944 https://tronsky.iling.spb.ru/static/tronsky2018_02.pdf
- Naiditsch, L.: 2020. ‚Haus‘ und ‚Hof‘ in den deutschen Inselmundarten der Ukraine in den 1920er Jahren nach dem Archiv von Viktor Schirmunski. *Indo-European Linguistics and Classical Philology / Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 24 (1), 383– 394.
- Naiditsch, L., Svetozarova, N. 2013: Die Erforschung des Wortschatzes der deutschen Sprachinseln in Russland von Viktor Maksimovič Schirmunski und seinen Mitarbeitern. *Magister dixit* 4.
- Naiditsch, L., Svetozarova, N. 2015: Dialektologische Projekte von V. M. Schirmunski und die Wortkartei von L. R. Sinder. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 19, 683–698.

- Paul H. 1955: Deutsche Grammatik. Wortbildungslehre. Bd. 5. 2. Auflage. VEB Max Neimeyer Verlag. Halle (Saale).
- Post, R. 1990: *Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. Pfälzische Verlagsanstalt*. Landau / Pfalz. Pott.
- Puzeikina, L. N., Svetozarowa, N. D. 2013: Wenkers Sätze in St. Petersburg. Aus dem dialektologischen Nachlass von V. M. Schirmunski. *Magister dixit* 4.
- Schirmunski V. 1928: *Die deutschen Kolonien in der Ukraine*. Moskau : Zentral-Völkerverlag der Sowjet-Union.
- Smirnitckaya, S. V. 2000: [V. M. Schirmunski und das Leningrader Zentrum der Erforschung der deutschen Siedlungen]. In: *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi [Germans in Russia. Russian-German scientific and cultural relations]*. St. Petersburg, 61–70.
- Смирницкая, С. В. 2000: В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России. В сб.: *Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи*. СПб., 61–70.
- Svetozarova, N. D. 1999: [Archiv des deutschen Volksliedes in Leningrad von V. M. Schirmunski: Geschichte und der heutige Zustand]. *Yazyk i Yazykovaya deyatel'nost' [Language and Speech]* 2, 212–221.
- Светозарова, Н. Д. 1999: Архив немецкой народной песни в Ленинграде В. М. Жирмунского: история и современное состояние. *Язык и речевая деятельность* 2, 212–221.
- Svetozarova, N. D. 2006: [Folkloristisch-dialektologische Forschungsreisen von V. M. Schirmunski und sein Archiv des deutschen Volksliedes]. *Russkaya germanistika. Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov [German Studies in Russia. A Year-book of the Russian Union for German Studies]* 2, 137–147.
- Светозарова, Н. Д. 2006: Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни». *Русская германистика. Ежегодник Российс кого союза германистов*. Том 2. М., 2006. С. 137–147.
- Svetozarova, N. D. 2010: [Ein vergessener Name — Folkloristin Ellinor Johansson]. In: *Fol'klor i my. Traditsionnaya kul'tura v zerkale ee vospriyatiya [Folklore and we. Traditional culture reflected in the mirror of its perception. Collections of articles dedicated to I. I. Zemtsovsky on the Occasion of his 70th Birthday]*. Pt. 1. St. Petersburg, RII, 223–231.
- Светозарова, Н. Д. 2010: Забытое имя — фольклорист Эллинор Иогансон. *Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятия: сб. научных статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского*. Ч. 1. СПб.: РИИИ, 2010. С. 223–231.
- Svetozarova, N. D. 2013: [Berichte von V. M. Schirmunski über seine folkloristisch-dialektologische Forschungsreisen als wertvolle germanistische Informationsquelle]. *Magister Dixit*, 3 (09).

- Светозарова, Н. Д. 2013: Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материалы фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского). *Magister Dixit*, №3 (09). Сентябрь 2013.
- Zinder, L. R. 1998: [V. M. Schirmunski und die Inseldialektologie]. *Yazyk i Yazykovaya deyatel'nost'* [Language and Speech] 1, 187–193.
- Зиндер, Л. Р. 1998: В. М. Жирмунский и островная диалектология. *Язык и речевая деятельность* 1, 187–193
- Zinder, L. R., Stroeve, T. V. 1978: [V. M. Schirmunski als Felddialektologe]. In: *Problemy areal'nykh kontaktov i sotsiolingvistiki* [Problems of areal contacts and sociolinguistics]. Leningrad, 157–162.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В. 1978: В. М. Жирмунский как полевой диалектолог. В сб.: *Проблемы ареальных контактов и социолингвистики*. Л., 157–162.
- Žirmunskaja A., Starec M., Naiditsch L. Svetozarova N. 2016. *Die Welt der deutschen Kolonie 1926–1930. Fotos aus den folkloristisch-dialektologischen Forschungsreisen von V. M. Schirmunski*. St.-Petersburg: Nestor-Istoria.
- Жирмунская, А. В., Старец, М. Л., Найдич, Л. Э., Светозарова, Н. Д. 2016: *Мир немецкой колонии. Фотографии из фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского*. Санкт-Петербург. Нестор-История.
- Žirmunskij, V. 1933/ 2018: Ergebnisse und Aufgaben der mundart- und volkskundlichen Erforschung der deutschen Siedlungen in der UdSSR. In: Bertleff, I., Eckhard, J., Svetozarova, N. 2018: *Russlanddeutsche Lieder: Geschichte, Sammlung, Lebenswelt*. Band 2: Analysen und Quellen. Essen: Klartext Verlag, 167–199.
- Žirmunskij, V. 1976: [Probleme der Siedlungsdialektologie. 1. Publikation 1929]. In: Žirmunskij, V. 1976: *General and German Linguistics*. Leningrad, 1976, 491–516.
- Жирмунский, В. М. 1976: Проблемы переселенческой диалектологии. В сб.: *Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание*. Л., 1976, 491–516.
- Žirmunskij, V. M. 1931: [Prozesse der Sprachmischung in fränkisch-schwäbischen Mundarten der Südukraine]. In: *Yazyk i literatura* [Language and Literature] VII. Leningrad, 93–109.
- Жирмунский, В. М. 1931: Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах южной Украины. *Язык и литература* VII. Л., 93–109.
- Zorn J. 1924. Draußen „uf die Steppe“. *Wolgadeutsche Monatshefte* 1924. <https://wolgadeutsche.net/library/item/400>.

А. Ю. Никифорова
ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, Москва, Россия. sashunja@yandex.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТРОПАРИ ХРИСТИАНСКИХ ПРАЗДНИКОВ ИЗ ЕГИПТА В SINAI GR. NF MG 15

В статье впервые публикуются, с переводом на русский язык и комментарием, два листа из кодекса IX–X вв. Sinai Gr. NF MG 15. На листах сохранилась коллекция из тринадцати гимнов на главные христианские праздники. Простейшие по содержанию тексты, семь из которых повторяют раннеиерусалимскую модель с ямбическими стопами «Христос из мертвых Он воскрес» и служат примером литургического ритмического творчества, могли создаваться в региональных многоязычных общинах. Подобная продукция не вошла в византийский гимнографический корпус и демонстрирует развитие богослужебной поэзии на Синайском полуострове и в Египте.

Ключевые слова: гимнография, монастырь св. Екатерины на Синае, новые синайские находки 1975 г., ритмическая поэзия, Sinai Gr. NF MG 56+5, Sinai Gr. NF MG 15.

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.).

А. Ю. Никифорова
А. М. Gorky Institute for the World Literature, Russian Academy of Sciences, St.
Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia, sashunja@yandex.ru

Unknown Christian feasts troparia from Egypt in Sinai Gr.Nf Mg 15

This article is the first to identify, publish according to Sinai Gr. NF MG 15, 9th–10th cc., translate into Russian, and study an unknown collection of thirteen hymns for the major Christian feasts of the year as Nativity, Epiphany, Meeting of the Lord, Palm Sunday, Easter, Ascension, Pentecost, Dormition, and the Encaenia of the Anastasis Church in Jerusalem. This collection witnesses for the liturgical poetry development in a periphery, in a multilingual — Greek, Arabic, Coptic, — milieu. The paleographic (the shape of β, μ, ε, etc.) and linguistic features (ov and ot mixing, non-agreement of cases, invalid person, etc.) of the codex support

its regional origin. As well as the content of MG 15, with its hymns to women, three youths, the archangel Michael, speaks in favour of liturgical specifics of Egypt (cf. National Library of Russia Gr. 44, 9th c., Sinai Gr. 212, 9th c., etc.). Seven hymns are modeled after a well-known Hagiopolite pattern 'Christ is risen from the dead' (#6, already known from the Old Iadgari, Georgian Lectionary, and new Tropologion Sinai Gr. NF MG 56–5, 8th–9th cc.). They represent rare in liturgy kata stichon hymnography, and try to repeat the iambic elements of the pattern. This tendency towards a meter could be typical of a regional worship, while within the same collection trochaic elements are also attested, or anapestic hymns have been identified in the largest as of today Miaphysite local Greek collection Sinai Gr. NF MG 62, 9th c. Only one hymn 'Christ was born on earth' (#1) was discovered in another contemporary to MG 15 Lectionary Sinai Gr. NF MG 8, 9th c. This unelaborate in some cases rhythmic production (cf. Sinai Gr. NF MG 58, 9th–10th cc.) can be associated with communities in the Sinai Peninsula and Egypt, and demonstrates how liturgical poetry developed at the periphery.

Keywords: hymnography, St. Catherine's monastery on Sinai, 'new finds' of 1975, kata stichon hymnography, Sinai Gr. NF MG 56+5, Sinai Gr. NF MG 15.

Acknowledgements: The work was financially supported by the grant from the Ministry of Sciences and Higher Education of the Russian Federation (agreement no.075-15-2024-549 by April 23, 2024) «Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries».

Среди найденных в 1975 г. на Синае гимнографических кодексов особый интерес для истории греческой литургии и литературы представляют региональные гимнографические сборники христиан, живших на Синайском полуострове, который входил в юрисдикцию Иерусалимской Церкви, и в Египте (Nikiforova 2016). Среди них есть 1) сборники приверженцев Халкидонского собора 451 г. (новый Тропологий Sinai Gr. NF MG 56–5, VIII–IX вв., далее MG 56–5 (Nikolopoulos 1998: 150, 142; Frøyshov, Nikiforova, Smelova 2023), Лекционарий РНБ Греч. 44, IX в. (Nikiforova, Chronz 2017)), 2) его оппонентов (сборник Sinai Gr. NF MG 62¹, IX в., далее MG 62

¹ На последнем листе кодекса помещено прошение: «Об упокоении святых отцов наших Севера патриарха [Антиохийского], и Петра Исповедника [Антиохийского], и Лукия [Александрийского], и Лонгина, Антония [Великого], Пахомия, Макария [Великого], Макария [Александрийского], Макария [Ткоуского], Шенуты, Арсения [Великого], Псоя, Максима, Дометия». Впервые находка была представлена

(Nikolopoulos 1998:152), где среди святых упоминаются монофизиты патриарх Антиохийский Севир (†538), Макарий Ткоуский (†451/2) и др.), 3) группу кодексов составляют региональные коллекции с не известными иерусалимской традиции гимнами и не имеющими прямых отсылок к монофизитской традиции (гимнографический сборник Sinai Gr. NF MG 94, IX в. (Nikolopoulos 1998: 157; Nikiforova, Bauer, Tucker в печати), Sinai Gr. NF MG 15, IX–X вв., далее MG 15). В статье впервые публикуются два листа из MG 15 с переводом на русский язык и комментарием.

Кодекс

Кодикология и состав

MG 15, л. 41, IX–X вв. (Nikolopoulos 1998: 144)². Неизданные унциальные фрагменты на греческом языке. Сохранилось 7 пергаменных листов (палимпсест, нижний слой датируется VIII–IX вв.), 34 бумажных, обрезки. Размер: 135 / 108; на листе от 10 до 20 строк. Многие листы повреждены. Тексты написаны черными чернилами; рубрики — черными и красными чернилами, для разделения использованы черная линия, пояс из красных и черных запятых, красная плетенка, черный зигзаг с красными точками. В MG 15 различаются, по крайней мере, пять непрофессиональных почерков³; не исключено, что изначально листы принадлежали к разным сборникам. Пагинация отсутствует. На полях выполнены пометы и ремарки на арабском языке.

Знаки диакритики и общепринятой в VIII–IX века в христианских общинах Синая и Египта нотации нерегулярны. Нотация близка «синайскому» и «египетскому» типам, известным из РНБ Греч. 44, IX в. (Nikiforova, Chronz 2017: 61–62). «Синайский» тип, согласно Марии Александру, обозначался знаками острого, тупого, облегченного ударений, но в отличие от просо-

автором статьи на международной конференции «Богослужение Александрийской Церкви: от позднеантичных истоков до средневекового наследия» в Вашингтоне 22.09. 2023 и сейчас готовится к публикации.

² Работа с рукописью осуществлялась по фотографиям, присланным библиотекарем монастыря св. Екатерины архим. Иустином, за что автор статьи выражает ему глубокую признательность.

³ Подобные почерки известны из других памятников из Египта, как Sinai Gr. NF MG 68, IX в. (Nikolopoulos 1998: 153, илл. 84), P. Ryland Copt. 27 (Papathasiou, Boukas 2004: 20–21), P. Vindob. K. 4854, P. Vindob. K. 83 (Henner 2000: 224–225, 228–229) и др.

дической системы, предполагающей, за исключением энклитик, постановку одного знака над одним словом, мог иметь два или три знака над словом (напр., εμψύριζῶμεν)⁴. Второй, «региональный» («египетский») тип, использовал двойные, тройные и более акценты над слогом; он представлял разновидность «нотации дипли» (термин Йоргена Раастеда, Raasted 1992), был близок «ермупольской нотации» (термин Иоанна Папафанасиу и Николая Бука), названной по поселению к югу от Оксириха, где обнаружили пять фрагментов греческих литургических папирусов VII–IX вв. P. Ryland Copt. 25–29 (хранятся в библиотеке John Ryland Library в Манчестере)⁵.

Состав MG 15 определен Панайотисом Николопулосом как «Стихиры, кафизмы, молитвы» разного времени. На бумажных листах сохранился в основном неизвестный гимнографический и евхологический материал: тропари усопшим, фрагмент покаянного канона, прокимны, тексты для службы 6-го часа Великого поста, богородичны, гимны трем отрокам, тропарь Богоявлению, седален святителям (с упоминанием «Григория»), седалищны преподобным (с упоминанием «Макария»), женам, апостолам, пророкам, на обновление храма, всем святым, гимны на Сретение, архангелу Михаилу, архангелу Гавриилу, на литанию. Типы песнопений и их гласы указаны нерегулярно. На пергаменных листах дошли до нас фрагменты молитвы на освящение воды, гимнов на Преображение, усекновение главы Иоанна Предтечи, Рождество Богородицы, Рождество Христова, Сретение, Благовещение, и написанная другой рукой коллекция праздников (см. ниже).

Публикуемые листы

Публикуемые в статье два пергаменных листа написаны унциалом без наклона (ср. Treu, Diethart 1993: 6, Taf. V, 15, Taf. 9), поверх смытого текста, с двух сторон, по 18–20 строк на листе. Это 13 гимнов на Рождество Христово (два), Богоявле-

⁴ Первым на это обратил внимание Папафанасиу, изучая фрагменты Ирмология из архива Дм. Кападохоса, хранящихся на факультете музыкальных исследований Афинского университета (XII в.), и назвал ее «кипро-палестинской» (Papathasiou, Boukas 2003: 82). После открытия похожей нотации в РНБ Греч. 44 и Sinai Gr. NF MG 37 (IX–X в.) Александру (Alexandrou 2016) предложила термин «синаяская», указав на то, что двойные и тройные акценты уже существовали в Александрийской просодической системе.

⁵ Ошибочно отнесены к коптской коллекции (Crum 1909: 9–10).

ние, Сретение, Неделю Ваий, Пасху, Вознесение, Пятидесятницу (в ркп. «на Утешителя», два гимна), Преображение, Успение, обновление храма Воскресение в Иерусалиме, Крестовоздвижение. Каждый гимн вводит киноварная рубрика; гласы и подобны не указаны. Язык гимнов имеет как типичные для литургической продукции Палестины, Египта и Южной Италии VIII–X веков (ср. РНБ Греч. 44 (Nikiforova, Chronz 2017: 66–69), Sinai Gr. NF MG 56 –5 (Nikiforova, Bauer, Tucker в печати)), так и более специфичные черты⁶:

Типичные:

а. йотацизм (ἡσειχθη → ἡσήχθη, νιπια → νήπια, κυμισιν → κοίμησιν, πανηγυρισωμεν → πανηγυρίσωμεν, τεκουσις → τεκοῦσης, ακιρατον → ἀκήρατον, ὑψωθης → ὑψωθείς);

б. смешение дифтонга αι и гласной ε (ορωσεσαι → ὀρῶσαι σε, αλαι/εστηλας⁷ → ἀπέστηλας, νοερε → νοεραί, φωτησε → φωτῆσαι, πυρινες → πυριναῖς);

в. смешение ο и ω (αχωριστος → ἀχωρίστως, θειων → θεῖον, ἀνωμιων → ἀνομίον, τω → τό, αναληφθέντως → ἀναληφθέντος, μετεμορφοθης → μετεμορφώθης, Θαβορ → Θαβώρ);

г. смешение ου и υ (μαρτυруμενον → μαρτυροῦμενον, δοξαζουσιν → δοξάζουσιν);

д. диссимиляция в комбинациях μφ, μψ (ανελημφθης → ἀνελήφθης, ἐνκαινιον → ἐγκαίνιον, εφθενγονто → ἐφθέγγοντο);

е. использование Род. вместо Дат. падежа (θανάτου θάνατον πατήσας → θανάτῳ θάνατον πατήσας, εν σρου → ἐν σταυρῶ);

Специфичные:

а. смешение ου и οι (αγγελου δοξαζουσιν → ἄγγελοι δοξάζουσιν, οι [α]ποστολου → οἱ [ἀ]πόστολοι, см. Gignac 1976: 215);

б. несогласование числа, падежа (μάγοι ... пр[οσ]εκύνησεν → μάγοι ... пр[οσ]εκύνησαν; δυνάμεις... ἐξεπλιττοτο → δυνάμεις... ἐξεπλήττοντο; Χριστός ... δωροῦμενον → Χριστός δωρούμενος, Χριστός ... μαρτυροῦμενον → Χριστός μαρτυρούμενος).

Публикация

Правила публикации

Публикация MG 15 выполнена в соответствии с современными стандартами публикации средневековых греческих ли-

⁶ Также ср. лингвистические особенности Barb. Gr. 336 (Parenti, Velkovska 2000: 239–256). На других листах MG 15 содержится больше разнообразных лингвистической специфики.

⁷ Исправлено писцом.

тургических текстов. Недостающие знаки диакритики добавлены. Йотаизм исправлен. Раскрыты без оговорки: а. *nomina sacra* (χς → Χριστός, πνα → Πνεῦμα, πνικοις → πνευματικοῖς, πρς → Πατρός, υν → Υἰόν, σρου → σταυροῦ), б. общепринятые сокращения (ανον → ἄνθρωπον). Публикация разделена на четыре колонки: 1) номер гимна; 2) греческий текст, 3) количество слогов, 4) перевод на русский язык. Под греческим текстом указано его наличие в других источниках (если есть), разночтения. При публикации использованы следующие знаки:

[...] — буквы, слова, добавленные мною; **Жирным** шрифтом выделены рубрики, выполненные киноварью

№1, илл. 1	[Εἰς τὸ Γενέθλιον τοῦ Χριστοῦ		На Рождество Христово
	Χριστὸς ἐτέχθη ἐπὶ γῆς, ἄγγελοι δοξάζουσιν, ποιμένες δὲ καὶ μάγοι τὸ βρέφος π[ρoσ]εκύνησαν. ⁸	8 7 7 8	Христос родился на земле. Ангелы восславили, и пастухи с волхвами Младенцу поклонилися.
	Ср. Sin. Gr. NF MG 8, л. 7 об. (Galadza 2016:192)		
№2, илл. 1	Χριστὸς ἐτέχθη ἐν σαρκί, ἐξ ἀγίας παρθένου, ἀχωρίστως ὄν τοῦ πατρὸς, ἐπὶ γῆς ἐλέλυθεν.	8 7 8 7	Христос родился во плоти от пречистой Девы, нераздельно быв со Отцем, Он на землю спустился.
№3, илл. 1	Εἰς τὰ Θεοφανεῖα		На Богоявление
	Χριστὸς ἐπέφανεν ἡμῖν, ἀγιάσας τὰ ὕδατα, ἄφεσιν δωρούμενος, τῶν ἀνομιῶν ἡμῶν.	8 8 7 7	Христос явился нам, струи священными соделав вод, прощение Он подал грехопадений наших.
№4, илл. 1	Εἰς Ὑπαπαντή⁹		На Сретение
	Χριστὸς ἠσήχθη ἐν ναῶ Συμεῶν ἠνεγκαλήσατο, δέσποτα, ἀπόλυτον νῦν σὲ τὸν δεσπότην.	8 9 7 7	Христос во храм был приведен, в объятия принял Симеон Его: «Владыка, ныне опусти держащего [Тебя]».

⁸ Ритмическую структуру и соответствие слогов удалось соблюсти только отчасти при русском переводе.

⁹ В ркп: Ὑποπαντή. В литургических рукописях встречается двойное написание этого праздника.

№5, илл.1	[Εἰς τὰ Βαῖα		[На] Βαῖν
	[...] τα βῖων σέ, Χριστέ, ἀνευφη[μοῦν] σὺν τὰ νήπια, κράζοντα τὸ Ὡσάννα ἐν τοῖς ὑ[ψίς]τοις, Εὐλόγημένος ὁ ἐρχόμενος.	? 12 9 10	...Тебя, Христе, воспевают, вместе с детьми восклицают, [кричат]: «Осанна в вышних, Грядущий [на страдание] благо- словен».
№6	[Εἰς τὸ Πάσχα		[На] Πасху
	Χριστὸς ἀνέστη ἐκ νεκρῶ[ν, θα]νάτῳ θάνατον πατήσας, καὶ τοῖς ἐν τοῖς μνήμασιν, ζῶν δωρησάμενος.	8 9 7 7	Христос из мертвых Он воскрес, и смертью уничтожил смерть, умершим, во гробах, Он жизнь даровал.
	δωρησάμενος: Hagios Stauros Gr. 43 (1122 г.) χαρισάμενος Tarchnischvili 1959: 113, Renoux 2021: 406, MG 56 +5, л.141 (§39, л. 141), Hagios Stauros Gr. 43 (Papadopoulos-Kerameus 1894: 190)		
№7	Εἰς Ἀνάληψ[iv]		На Вознесение
	Ἀναλήφθεντος σοῦ, Χριστέ, αἱ νοεραὶ δυνάμεις ἐξεπλήττοντο ὄρῳσαι σέ τὸν ἀόρατον ἐν σαρκὶ ἀνερχόμενον.	8 12 9 8	Когда вознесся Ты, Христе, дивились Силы умные, Тебя Невидимого лицезрели, во плоти восходящего.
№8	[Εἰς] τὸ Παράκλητ[ov]		[На] Утешителя
	Μετὰ τὴν ἀνάστασιν σοῦ, Χριστέ, ἀνελήφθης ἐν δόξῃ καὶ ἀπέστηλας ἡμῖν πνεῦμα θεῖον τοῦ φωτῆσαι τὰ σύμπαντα.	8 9 11 8	По воскресении Твоем, Христе, вознесся Ты во славе, послал божественного Духа нам вселенную да просветит.
№9	Ἄλλο[iv]		Иной
	Τοῦ Παρακλήτου ἐκ Πατρὸς πεμφθέντος σήμερον [τ]ῷ κόσμῳ, πυριναῖς οἱ [ἀ]πόστολοι ταῖς γλώ[σσ]αις ἐφθέγγοντο.	8 9 8 7	От Отца Утешитель Дух сегодня миру ниспослан, огненными языками апостолы заговорили.
№10	Εἰς Μεταμ[όρφωσiv]		На Преображение
	Χριστὸς ἐπέστη ἐν Θαβὼρ, μετεμορφώθης ἐν δόξῃ, Υἱὸν μαρτυρούμενος, ἐκ τοῦ πατρὸς ἄνωθεν.	8 8 7 7	Христос пришел Ты на Фавор, во славе был преобразен, свидетельствуя [что] Ты – Сын от высшего Отца.

№11	Εἰς Κοίμῃσιν		На Успение
	Μετὰ τὴν κοίμησιν, Χριστέ, τῆς ἱεράς Παρθένου, τῆς τεκοῦσῆς σε ¹⁰ , ὑψωθεῖσα ¹¹ ἐν τῷ σώματι πρὸς ζωὴν τὴν ἀκήρατον.	8 12 9 8	После успения, Христе, Тебя родившей Девы пресвятой, была телесно вознесена Она к нетленной жизни.
№12	[Εἰς Ἐ]γκαίνια		[На] Обновление
	Τὸν ἐγκαίνιον ἐορτὴν πνευματικῶς πανηγυρίσωμεν, ¹² [ὕμν?]νοῦντες ἐν εὐφροσύνῃ, τοῦ Μωσέως τὰ ἐγκαίνια.	8 10 8 9	Обновления празднуем мы духовное празднование, воспевая в веселии Моисея обновление.
№13, илл.2	Σταυρῷ ¹³		Кресту
	Χριστὸς ὑψωθῆς ἐν σταυρῷ γε[γηθῶς], ἄνθρωπον ἔσωσας, ὄθεν ἐορτάζομεν τοῦ σταυροῦ τὴν ὑψωσιν.	8 9 7 7	Христос с насмешками поднят на крест, и [тем] человека спас, оттого мы празднуем креста воздвижение.

Комментарий

Идентификация гимнов

MG 15 сохранил коллекцию гимнов на господские праздники и Успение Богородицы. При ясно выраженном стремлении составителя охватить годовой круг, остается необъяснимым пропуск древних праздников Благовещения и Рождества Богородицы. Из тринадцати гимнов идентифицируются два. Первый, «Христос из мертвых Он воскрес» (Χριστὸς ἀνέστη ἐκ νεκρῶν), известен уже из иерусалимских гимналов IV–VII вв. Древнего Иадгари (Renoux 2021: 406) и Лекционаря V–VIII вв. (ГЛ 1, 737, см. Tarchnischvili 1959: 113), согласно которым пелся на первом пасхальном бдении вечером великой субботы как *гимн входа*, т. е. до чтения новозаветных отрывков. В новой редакции Тропология (MG 56–5, VIII–IX вв., §39, л.141) гимн помещен после чтений, как 1-ая стихира на *синаксис*. Другой гимн, «Христос родился на земле» (Χριστὸς ἐτέχθη ἐπὶ γῆς), обнаружен в Лекционаре IX в. Sinai Gr. NF MG 8. Здесь указан

¹⁰ В ркп: τεκοῦσισε.

¹¹ В ркп: υψωθης.

¹² В ркп: πνευματικοῖς πανηγυρίσωμεν.

¹³ Имеется в виду «На Воздвижение креста»: Εἰς Ὑψωσιν σταυροῦ.

инципит, который Даниил Галадза, опираясь на кодекс XI в. Sinai Gr. 150 (Galadza 2016: 215) интерпретировал как:

Χριστὸς ἐτέχθη ἐπὶ γῆς,	8	Христос родился на земле,
ἐν φάτνῃ σπάρρανα φορέσας,	9	В яслях пеленками повитый,
τὰ δεσμὰ διαρρύξας	7	Оковы разрушивший,
τῶν ἀνομιῶν ἡμῶν.	7	Грехопадений наших.

MG 15 хронологически ближе к MG 8, но, весьма вероятно, что эти три гимна составляли единый цикл и представляли типовую региональную поэзию.

Поэтические характеристики

Гимны на Рождество, Богоявление, Сретение, Преображение, Крестовоздвижение написаны, с погрешностью в один-два слога, по модели «Христос из мертвых Он воскрес». *Метод подобия* широко применялся в иерусалимской гимнографии для создания новых гимнов на основе более ранних (Nikiforova 2014: 200–206). Как модель обычно использовались древнейшие тексты тридуума и Пасхи (Janegas 1988: 252–255, Nikiforova 2014: 200–206). Более необычным и редким для литургической поэзии является стремление сохранить *ямбические стопы* модели¹⁴, что лучше всего удалось автору в первых строках:

Χριστὸς ἀνέστη ἐκ νεκρῶ[v...]	⏏ ⏏ ⏏ ⏏ ⏏
Χριστὸς ἐτέχθη ἐν σαρκί...	⏏ ⏏ ⏏ ⏏ ⏏
Χριστὸς ἠσῆχθη ἐν ναῶ...	⏏ ⏏ ⏏ ⏏ ⏏
Μετὰ τὴν κοίμησιν, Χριστέ...	⏏ ⏏ ⏏ ⏏ ⏏

Ритмическую природу имеют и другие тексты из MG 15, напр., тропари покаянного канона (илл. 3), написанные размером, близким к хорюю:

Ὡς τοῦ Πέτρου τὸν κλαυθμὸν	⏏ ⏏ ⏏ ⏏	Словно слезы Ты Петра, и блудницы жалобу, принимай и наше покаяние.
καὶ τῆς πόρνης ὀδυρμόν,	⏏ ⏏ ⏏ ⏏	
πρόσδεξαι καὶ ἡμῶν	⏏ ⏏ ⏏	
τὴν μετάνοιαν.	⏏ ⏏ ⏏	

¹⁴ Ямбы встречаются в региональных, нелитургических, надписях, напр., в надписи из Керчи 491 г. (Юлиан Кулаковский) или 497 г. (Поль Маас): *Χαρὰ μεγάλη γέγονεν, τῷ οἴκῳ τούτῳ σήμερον, τῶν ἀγίω[v] παραγενομένων, τῶν δικαίων συνάλ[λ]ομένων, καὶ τῶν πάντων ὑμνοῦ[v]τω[v] σε, ἐλεῆ[ῆ]μον* (Kulakowskij 1894: 58, 71–2, Maas 1910: 10, предлагает чтение: ἐλέ[η]σον...; Mitsakes 2016: 44).

Ἡ τεκοῦσα τὸν Θεὸν καὶ σωτήρα τῶν βροτῶν πρέσβευε ἐκτενῶς ὑπὲρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.	┌┌┌┌┌┌ ┌┌┌┌┌┌ ┌┌┌┌┌┌ ┌┌┌┌┌┌	Бога Ты родившая и Спасителя земных, помолися ревностно о душах наших.
---	--------------------------------------	---

В еще одной региональной, на сегодня крупнейшей греческой гимнографической коллекции монофизитской общины последователей патриарха Севера¹⁵, MG 62 IX в., гимны составлены анапестом, напр., в честь обновления храмов Феодора монаха (илл. 4) и Иоанна Крестителя:¹⁶

Δεῦτε πάντες πιστοὶ ἐορτάζομεν, ἐν τῷ δόμῳ τὸν μόνον Θεόδωρον.	┌┌┌┌┌┌┌┌ ┌┌┌┌┌┌┌┌	Приидите, верные празднуем, Феодора во храме единого.
Δεῦτε πάντες πιστοὶ εὐφημήσωμεν, ἐν τῷ δόμῳ τὸν μέγα Ἰωάννην.	┌┌┌┌┌┌┌┌ ┌┌┌┌┌┌┌┌	Приидите прославим, верные, Иоанна во храме великого.

По содержанию все гимны коллекции отличаются простотой и сравнимы с архаичными текстами из Древнего Иадгари (Leeb 1970).

Происхождение коллекции

Имея в виду наше на сегодня неполное знание об иерусалимской литургико-гимнографической традиции и ее интерпретациях на периферии, заметим, что опубликованные в статье гимны, и сборник, в составе которого они сохранились, отличны от ранее известных памятников, связанных с центром, т. е. Иерусалимом, где к IX–X вв. тексты распределялись между Лекционарем (чтения), Тропологием (гимны), Евхологием (молитвы, см. Frøyshov 2012). И даже если допустить, что в MG 15 собраны листы из нескольких сборников, то очевидно, что

¹⁵ В таких общинах в Египте, согласно проф. Хайнцгерду Бракманну, которому я благодарна за просмотр фрагмента и сообщение мне предварительной оценки, оставалась группа грекоязычных христиан, использовавших греческий язык и в литургии (см. Brakmann 1999, где собраны источники и наблюдения ученого относительно Северовой греческой общины в Египте).

¹⁶ Вероятная модель: «Приидите поклонимся, верные» (Δεῦτε πάντες πιστοὶ προσκυνήσωμεν). Об использовании анапеста в литургической поэзии: Christ, Paraniakas 1871: 83, Maas 1910, Trypanis 1972, Mitsakes 2016: 85–103, Andreev, Yudin 2022.

на одном листе здесь выписаны и евхологические тексты, и гимны, а значит, речь идет об иной структуре. Также иначе, чем в MG 15, устроены приложения к Тропологию с осмогласными коллекциями, в том числе общих текстов (Nikiforova, Bauer, Tucker в печати) — седальны женам, трем отрокам, преподобным с упоминанием «Макария», архангелу Михаилу выдают региональную специфику, связанную с Египтом (Tarchnischvili 1959; Nikiforova, Chronz 2017: 95–98, 117–118), равно как и находка гимнографической параллели в Лекционаре MG 8.

Своей незатейливостью гимны отличались от иерусалимских, художественно и богословски сложных, преимущественно изосиллабических текстов, составленных профессиональными поэтами такими, как Косма Иерусалимский († 752/754 гг.), Иоанн Дамаскин († ок. 745 г.)¹⁷ и др., и скорее напоминали гимны из папирусов (Treu, Diethart 1993: 28–114; Wessely 1924) и остраконов, о литургическом использовании которых, однако, в отличие от MG 15, неизвестно, напр.:

Ἄρτον οὐράνιον	Хлеб Ты
Ἐδωκεν αὐτοῖς,	небесный
Ἄρτον ἀγγέλων	Подал нам,
ἔφαγεν ὁ	Ангелов хлеб
ἄνθρωπος ¹⁸ .	Съел человек.

Так, палеографические, структурно-репертуарные, лингвистические особенности листов из MG 15 указывают на их связь с Синаем и Египтом. Локализацию внутри региона поможет уточнить дальнейшее их исследование в контексте других «новых находок» и данных папирусов.

Выводы

1. Коллекция из тринадцати гимнов на главные христианские праздники года сохранилась в MG 15. Два гимна удалось выявить в других источниках: «Христос из мертвых Он воскрес» (№6, в Древнем Иадгари, Грузинском Лекционаре, новом Тропологии MG 56–5), «Христос родился на земле» (№1, в MG 8).

¹⁷ Исключение составляют ямбические каноны Иоанна Дамаскина, некоторые другие тексты (Christ, Paranikas 1871: 84–95).

¹⁸ Цит. по: Mitsakes 2016: 52.

2. Гимны отличаются простейшим содержанием. Семь составлены по модели «Христос из мертвых Он воскрес», повторяют ее ямбические стопы. Использование размера, не характерное для иерусалимской литургической поэзии, но имеющее параллели в региональных рукописях (хорей — в MG 15, анапест — в MG 62), а также палеографические (начертание β, μ, ε и др.) и лингвистические особенности (смещение ου и οί, несогласование числа, падежа) позволяют связать кодекс с литургической традицией, представленной в периферических областях. Подобная продукция могла создаваться вдали от центра, Иерусалима, в региональных многоязычных общинах на Синае и в Египте для их нужд, и быстро вышла из употребления, но свидетельствует о многообразии традиций в то время.

3. Специфика состава сборника (гимны женам, трем отрокам, архангелу Михаилу) сближают MG 15 с другими памятниками из Египта, как РНБ Греч. 44.

4. Дальнейшее изучение находок 1975 г., сопоставление с данными папирусов поможет локализовать листы, понять, откуда именно они попали в библиотеку монастыря св. Екатерины.

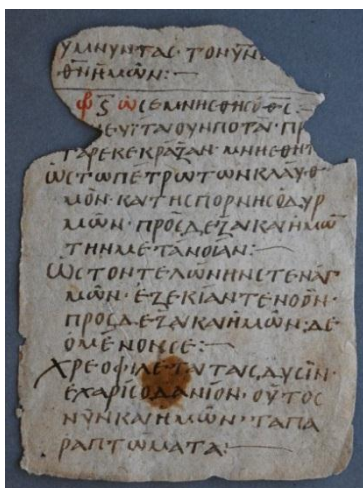
Иллюстрации

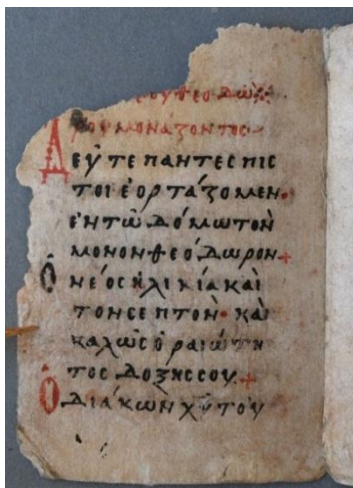
Илл. 1: Гимны на Рождество Христово, Богоявление, Сретение, Неделю Вайи.

Илл. 2: Гимн на Крестовоздвижение.

@ Библиотека монастыря св. Екатерины на Синае, Египет, Sinai Gr. NF MG 15, IX–X вв.

Илл. 3: Гимн «Словно слезы Ты Петра».

Илл. 4: Гимн «Приидите, верные, празднуем», на обновление храма Феодора монаха.

@Библиотека монастыря св. Екатерины на Синае, Египет. Sinai Gr. NF MG 15, IX–X вв.; Sinai Gr. NF MG 62, IX в.

Литература

- Alexandrou, M. 2016: *Παλαιογραφία Βυζαντινής Μουσικής. Επιστημονικές και καλλιτεχνικές αναζητήσεις*. Αθήνα: Ελληνικά Ακαδημαϊκά Ηλεκτρονικά Συγγράμματα και Βοηθήματα.
- Andreev, A., Dalmat, (Yudin) 2022: Kata Stichon Hymnography in the East Slavic Tradition, *Religions journal* 13/ 40, <https://www.mdpi.com/2077-1444/13/1/40> (дата обращения 20.03.2024)
- Brakmann, H. 1999: Zur Stellung des Parisinus graecus 325 in der Geschichte der Alexandrinisch-Aegyptischen Liturgie, *Studi sull'Orinte Cristiano* 3/1, 97–11.
- Christ W., Paranikas M. 1871: *Anthologia graeca carminum christianorum*. Leipzig.
- Crum, W. E. 1909: *Catalogue of the Coptic Manuscripts in the Collection of the John Rylands Library*. Manchester.
- Galadza, D. 2016: Various orthodoxies, Feasts of the Incarnation of Christ in Jerusalem during the first Christian millennium. B. Bitton-Ashkelony and D. Krueger (eds.) *Prayer and Worship in Eastern Christianities, 5th to 11th Centuries*. Routledge, 181–209.

- Gignac, F. T. 1976: *A Grammar Of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods*. Vol. I. Phonology. Milano [= Testi e documenti per lo studi dell'Antichita LV].
- Henner, J. 2000: *Fragmenta Liturgica Coptica. Editionen und Kommentar liturgischer Texte der Koptischen Kirche des ersten Jahrtausends*. Tübingen: Mohr Siebeck [= Studien und Texte zu Antike und Christentum 5].
- Follieri, H. 1961: *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae*. II. Città del Vaticano [= Studi et Testi 212].
- Follieri, H. 1963: *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae*. IV. Città del Vaticano [Studi et Testi 214].
- Frøyshov, S. R. 2012: Rite of Jerusalem. *The Canterbury Dictionary of Hymnology*. Norwich: Canterbury Press. Available online: <http://www.hymnology.co.uk/r/rite-of-jerusalem> (дата обращения 20.03.2024).
- Frøyshov, S. R., Nikiforova, A., Smelova, N. 2023: Byzantine Influence Before Byzantinization: The Tropologion Sinai Greek NE МГ 56+5 compared with the Georgian and Syriac Melkite versions, *Religions journal* 14/ 11, 1363 (дата обращения 20.03.2024)
- Janeras, S. 1988: *Le Venderdi-Saint dans la tradition liturgique byzantine: structure et histoire de ses offices*, Rome.
- Kulakowskij, J. 1894: Eine altchristliche Grabkammer in Kertsch aus dem Jahre 491, *Römische Quartalschrift* 8, 49–87.
- Leeb, H. 1970: *Die Gesänge Im Gemeindegottesdienst von Jerusalem (vom 5. Bis 8. Jahrhundert)*. Wien: Verlag Herder.
- Maas, P. 1910: *Frühbyzantinische Kirchenpoesie I. Anonyme Hymnen des V–VI Jahrhunderts*. Bonn: A. Marcus and E. Weber's Verlag.
- Mihálykó, Á. 2019: *The Christian Liturgical Papyri: The Introduction*. Tübingen: Mohr Siebeck [Studien und Texte zu Antike und Christentum 114].
- Mitsakes, K. 2016: *Βυζαντινή ύμνογραφία από την εποχή της καινής διαθήκης έως την εικονομαχία*. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη.
- Nikiforova, A., Chronz, T. 2017: The Codex Sinaiticus Liturgicus Revisited: A New Edition and Critical Assessment of the Text, *Orientalia Christiana Periodica* 82, 59–125.
- Nikiforova, A. 2014: Podobni In Byzantine Hymnography. Development Stages (Hymns for Easter, Nativity, Epiphany). *Przegląd Wschodnioeuropejski (East European Review)*. No 5/1. Olsztyn. P.185–197.
- Nikiforova, A. Ju. 2016: [Egyptian Trace In the Hagiopolite Tropologion Sin. gr. NE / МГ 56+5]. *Vestnik Sankt Peterburgskogo Universiteta. Seriya 13: Vostokovedeniye i afrikanistika [St Petersburg University Review. Series 13: Asian and African Studies]* 4, 40–54.
- Никифорова, А. Ю. 2016: Египетский след в Иерусалимском тропологии Sin. gr. NE / МГ 56+5, *Вестник СПбГУ. Серия 13: Востоковедение и африканистика* 4, 40–54.

- Nikiforova, A., Bauer, S., Tucker, G. in print: A 'Hagiopolite-prototriodion' in the new Tropologion *Sin. Gr. NE ΜΓ* 56+5: Quadragesima Hymns, *Orientalia Christiana Periodica*.
- Nikiforova, A. Ju. in print: ['Angelic Powers, Go Forward:'] A Textological Note]. *Germetnivika drevnerusskoy literaturi [Heremeneutics of Old Russian Literature]* in print.
- Никифорова, А. Ю. в печати: «Ангельские, предыдите силы»: текстологическая заметка, *Герменевтика древнерусской литературы*, в печати.
- Nikolopoulos, P. 1998: *Tà νέα εῤήματα τοῦ Σινᾶ*. Athens, Ἐρὰ Μονὴ καὶ Ἀρχιεπισκοπὴ Ὑπουργεῖο Πολιτισμοῦ, ἴδρυμα Ὅρους Σινᾶ.
- Papadopoulos-Kerameus, A. 1894: *Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας*. St. Petersburg: Kirschbaum, vol. 2.
- Papathasiou, I., Boukas, N. 2003: Η βυζαντινὴ μουσικὴ σημειογραφία καὶ ἡ χρῆση τῆς ἕως 10^ο αἰῶνα. Προφορικὴ καὶ γραπτὴ παράδοση τοῦ πρώτου βυζαντινοῦ μέλους, *Μουσικολογία* 17, 183–197.
- Papathasiou, I., Boukas N. 2004: Early Diastematic Notation In Greek Christian Hymnographic Texts Of Coptic Origin. A Reconsideration Of the Source Material, *Eastern Christian Studies* 4, Palaeobyzantine Notations III, Acta of the Congress held at Hernen Castle, The Netherlands, in March 2001, ed. By Gderda Wolfram. Leiden –Paris, Dudley. MA. P.1–25.
- Parenti, S., Velkovska, E. 2000: *Εκχολογιὴ Βαρβερῖνου Γρ.* 336. Rome, 2000.
- Raasted, J. 1992: *The Princeton Heirmologion Palimpsest* [= Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin 62] 219–235.
- Renoux, Chr. 2000: *Les hymnes de la résurrection. 1. Hymnographie liturgique géorgienne*. Introd., trad. et annot. des textes du Sinaï 18, Paris.
- Renoux, Chr. 2021: *L'Hymnaire de Saint-Sabas (Ve–VIIIe siècle): Le Manuscrit Géorgien H 2123: II. De la Nativité de Notre Seigneur Jésus-Christ au Samedi de Lazare*. Introd., trad., notes. Turnhout / Belgique [PO. T. 58. F. 2. №254]. Brepols.
- Tarnchischvili, M. 1959: *Le Grand Lectionnaire de l'Église Jérusalem (V^e–VIIIe)*. T. I. Louvain: Secrétariat Général du CSCO. [CSCO. Vol. 189. Scriptores iberici. T. 10].
- Treu, K., Diethart, J. 1993: *Griechische literarische Papyri christlichen Inhaltes*. II. Textband, Tafelband. Wien.
- Trypanis, C. A. 1972: Three new early Byzantine hymns, *Byzantinische Zeitschrift* 65, 334–338.
- Wessely, C. 1924: Les plus anciens monuments du christianisme écrit sur papyrus, *Patrologia Orientalis*, 18/3, Paris, 105–209.

Alexander Nikolaev
University of Cyprus, alexander.s.nikolaev@gmail.com

WISH FOR HOPE: GREEK ΕΛΠΟΜΑΙ, (Ε)ΕΛΛΟΜΑΙ, LATIN *VOLUP*, ARMENIAN *GELJ**

The root of Gk. ἔλλομαι has traditionally been analyzed as a by-form of PIE **uel(-)h₁-*, **uel(-)d-* and **uel(-)g^h-* with a labial extension. This paper discusses the problems that arise under the root-extension approach (such as the putative anaptyxis in Lat. *volup* < **uo/el-p-i-*), examines the relevant etymological dossiers, and proposes a new solution for Arm. *gelj*. The paper seeks to rehabilitate E. Hamp's analysis of Lat. *volup* as reflecting a compound **uelh₁-h₁p-*; it is argued that Gk. ἔλλομαι can be derived from the same compound with the loss of the laryngeal by Schmidt–Hackstein's Law in athematic aorist 3 sg. *(*h₁*)e-*uelh₁p-t* > *(*h₁*)e-*uelp-t*.

Keywords: Armenian historical phonology, Homeric language, Indo-European etymology, Latin historical phonology, Proto-Indo-European reconstruction, root extensions.

A. С. Николаев
Кипрский университет, alexander.s.nikolaev@gmail.com

Др.-гр. ἔλλομαι, (ἐ)έλλομαι, лат. *volup*, арм. *gelj*

Праиндоевропейский корень др.-гр. ἔλλομαι нередко трактуется как вариант и.-е. **uel(-)h₁-*, **uel(-)d-* и **uel(-)g^h-* с губным расширителем корня. В статье указывается на проблемы, возникающие при этом подходе (такие, как предполагаемая но маловероятная анаптика в лат. *volup* < **uo/el-p-i-*), рассматриваются этимологии отдельных слов, обычно привлекаемых к анализу в качестве дериватов и.-е. **uel-*, и предлагается новое этимологическое решение для арм. *gelj*. Приводятся аргументы в пользу идеи Э. Хэмп, который возвел лат. *volup* к сложению двух и.-е. корней: к этому же композиту **uelh₁-h₁p-* предлагается возводить и др.-гр. ἔλλομαι с выпадением ларингала в формах атематического аориста по закону Шмидта – Хакштайна.

Ключевые слова: индоевропейская этимология, историческая фонология армянского языка, историческая фонология латинского языка, праиндоевропейская реконструкция, расширители корня, язык гомеровских поэм.

* Warm thanks are due to A. Alfonso Déniz, D. Buyaner, J. L. García Ramón, S. Höfler, G. Imberciadori, P. Kocharov, S. Neri, M. Peters, B. Vine, R. Viredaz, and M. Weiss. All mistakes are my own.

1. The Proto-Greek root of ἔλπομαι ‘expect, think likely, hope, conjecture, imagine’¹, ἔλπω ‘make hope’, ἔλπεον ἥλιπρον (Hsch. ε 2208), perf. ἐόλπα (with presential meaning), ἔλψ (f.) ‘hope’², ἐλπῖς ‘hope’, ἐλπωρή ‘hope’, ἀελπής (*Od.* 5.408) ‘unexpected’, ἄελπτος ‘unexpected, hopeless’ can be mechanically back-reconstructed as **μelp-*. The initial **μ* is confirmed both by the Homeric data³ and by the external comparanda long identified in Lat. adv. *volup* (Naev.+) ‘agreeably, to one’s satisfaction’ and *voluptās* ‘pleasure, delight’⁴.

As is well known, the zero-grade allomorph **μlp-* is reflected in Greek in several nominal forms: (1) ἔπαλπνος (Pi. *Pyth.* 8.84) used as an attribute of νόστος and paraphrased by the scholiast as ἡδύς, προσηγής ‘pleasant, gratifying’. (2) ἄλπιστος, likewise a Pindaric hapax, conjectured by Callierges on the basis of a scholium for unmetrical ἀνέλπιστον transmitted at Pi. *Isth.* 5.12/3; the adjective is used to modify ἄωτον ‘the finest thing’ and was probably understood by Pindar to mean ‘joy-giving’ *vel sim.* Wackernagel 1910 corrected the form into morphologically expected superlative ἄλπιστος (cf. ἄλγιστος next to ἀργαλέος), actually attested at Aesch. *Pers.* 982 where some editors have printed Ἄλπιστον as a Persian proper name (which it is unlikely to be, see Schmitt 1978: 62–63)

¹ For the semantics of ἔλπομαι and its derivatives see the detailed disquisition by J. N. O’Sullivan (*LfggrE* 2.559–561) as well as the forthcoming treatment by L. Huitink whose oral presentation in 2023 gave the impetus for the present study. *Non vidi* Lachnit 1965.

² *CEG* 1.51 1.2 = *IG* I³ 1219 1.5 (Attica, 510 BCE); acc. ἔλπ’ is wrongly taken as “extreme Form der elision” of ἐλπ(ίδα) by Ecker 1990: 166 n. 533.

³ E.g. *Il.* 9.40, 15.288 μάλα (Ϝ)ἔλπειαι; 9.371 ἔτι (Ϝ)ἔλπεται; *Od.* 2.275 ἔπειτα (Ϝ)ἔολπα; 16.101, 19.84 καὶ (Ϝ)ἐλπίδος αἴσα; plqpf. ἐώλπει is traditionally analyzed as (ἐ)(Ϝ)ε(Ϝ)όλπει. See Chantraine 1942 (2013): 132, 464. Ἐλπ- is well represented in personal names (see Bechtel 1917: 152; Minon 2023: 355–356); while there are no Greek epichoric attestations with an initial digamma, Doric **Φελπᾶνωρ* was borrowed in Etruscan as *velparun* (4x), see Cassio 1999: 72–75.

⁴ See *DELG* 326–327, *EDLIL* 689, *EDG* 1.415. Benveniste 1935: 155 took Lat. *lepōs*, *-ōris* ‘charm, grace’, *lepidus* ‘charming’ from “State II” **μelp-*, but this analysis has not been widely accepted (the traditional derivation from PIE **lep-* ‘to peel’ (> *‘refine’) has been advocated for by Stüber 2002: 67; similarly Garnier 2015–2016: 80–81 (= 2017: 327–328)). Hirt 1927: 310 (followed by Olsen 2007: 104–105) argued that Lat. *lupa* in the meaning ‘prostitute’ continues **μlp-*, but this outcome of initial **μl-* in Latin is not assured, see the discussion by Pike 2011: 87–88.

but West in his Teubner edition plausibly chose the appellative ἄλπιστον⁵. (3) Finally, there is ἀρπαλέος ‘pleasant, charming’ (*Od.* 8.164+) from ^(*)ἀλπαλέος by dissimilation of liquids, for which ἀργαλέος < *ἀλγαλέος again provides a parallel⁶; the original form is in fact attested in Hsch. α 3267 ἀλπαλέων ἀγαπητόν⁷. The meaning ‘consuming’ that ἀρπαλέος has in later texts⁸ is due to a cross-contamination with ἀρπάζω which is also responsible for the non-etymological initial aspiration in this adjective⁹. We can thus posit a system ^(F)αλπνός / ^(F)αλπαλέος ‘desirable’ along with a superlative ^(F)ἐλπιστος remade as ^(F)ἄλπιστος and later as ^(F)ἄλπνιστος after the positive¹⁰. Finally, the allomorph ἄλπ- < *ἄλp- is also attested onomastically¹¹.

On the basis of Gk. ἔλπομαι and Lat. *volup* the root **h₁uelp-* ‘*Hoffnung schöpfen*’¹² is reconstructed in *LIV*² 680¹³. The Homeric forms ἐέλπεται (*Il.* 10.105, 13.813), ἐελποίμην (*Il.* 8.196, 17.488) may appear to suggest the reconstruction **h₁uelp-* but as Beekes (1969: 64) correctly observed¹⁴, the initial *e-* in these forms can be

⁵ See West 1990: 93 as well as Garvie 2009: 355–356.

⁶ This explanation is due to J. Wackernagel *apud* Debrunner 1910: 14.

⁷ Cod. ἀλπαλαῖων, with a typical substitution of <α> for <ε> reflecting the monophthongization of [ai]. The correction is due to G. Curtius; I. Vossius’s ἀλπναῖον is far less compelling.

⁸ Cf. *CIRB* 123.3 ἀρπαλέη νοῦσός σε κατέφθισεν (3rd–1st cent. BCE).

⁹ For the phonological source of the initial aspiration in ἀρπαξ, ἀρπάζω see Nikolaev 2020: 37.

¹⁰ See van Beek 2022: 456–457.

¹¹ For the Ionian fem. PN Ἀλπαλῆ < *Ἀλπαλέη (or Ἀλπάλη? Ephesus, 5th cent. BCE, *LPGN* 5b 22+) see Curbera 2013: 117–118; for the masc. PN Ἀλπωνίδης (Karthaiia 3rd cent. BCE) see Bechtel 1917: 488 who posits a substantive *ἄλπων as the derivational basis. A. Alonso Déniz kindly draws my attention to the PN Ἀπάλειος in the recently published Chian decree (Malouchou 2022, n° 3, col A, l. 11; 400–350 BCE).

¹² Viz. a telic version of ‘to hope’. This reconstruction is based on the fact that Greek has a perfect ἔολπα, and in the Erlangen / Freiburg doctrine, reflected in *LIV*², PIE roots with a stative or a durative meaning did not form primary perfects, see e.g. Kümmel 2020: 16. But this doctrine seems too restrictive, and ἔολπα can be interpreted as a so-called “intensive” perfect (see van Beek–Migliori 2019: 74–75) made from an atelic root. (I thank M. Peters for a very helpful discussion of this point).

¹³ Under this analysis, the medial *-u-* in *volup* is explained by anaptyxis (see *EDLIL* 68) which is in fact an unlikely solution, see further below.

¹⁴ Beekes’ explanation has been widely accepted, see e.g. Ruijgh 1971: 165

explained by analogy to ἐέδομαι (< **h₁meld*-¹⁵) with which ἔλπομαι is similar in meaning¹⁶ and interchangeable in some formulae¹⁷. The forms in ἐέλπ- can also be explained without taking recourse to lexical analogy: (θυμός) ἐέλπεται (*Il.* 13.813) may be analyzed as an instance of “formulaic conjugation”¹⁸ of impf. (θυμός) ἐέλπτο (*Il.* 12.407), where the initial ἐ- was ambiguous between the augment (which it historically is) and the root-initial vowel. The present stem ἐέλπε/o- thus created could then be used by the (later?) poet of the *Doloneia* (νυν ἐέλπεται 10.105), as well as to form the optative ἐέλποι-¹⁹. Finally, the variant ἐέλπ- could simply be a product of diectasis: as Peters (1980: 316) and Nussbaum (1998: 142–143) have shown, the rule of the poetic language according to which distended ἐε- could be substituted for ἐ- and vice versa before a double consonant originated in those cases where original **ǵuǝRC*- lost the intervocalic -*u*-, underwent vowel contraction and then shortened the resulting **ǝRC*- to **ǝ̃RC*- by a secondary Osthoff’s Law in Ionic, e.g. **eumerge/o-* ‘enclose’ (ἐέργω) > **ǝ̃rge/o-* (εἶργω) > **ǝ̃rge/o-* (ἐργομένη) or **eumersā-* ‘dew’ (ἐέρση) > **ǝ̃rsā-* > **ǝ̃rsā-* (ἔρσαι). The forms ἐέλπεται, on the one hand, and ἔλδεται, on the other hand, can thus be analyzed as metrical variants of much more frequent ἔλπεται (< **uelp-*) and ἐέλδεται (< **ueld-*) produced in accordance with this poetic rule. Whichever explanation should be preferred, the allomorph ἐέλπ- does not constitute evidence for a root-initial laryngeal in the PIE root **uelp-*²⁰.

(= 1991: 594), but note the hesitant notation “*(*h₁)uelp-*” in Willi 2018: 196 vis-à-vis **uelp-* on p. 214.

¹⁵ *LIV*² 254. The comparative evidence for this reconstruction of the PIE root is discussed in n. 47 below.

¹⁶ Cf. *DELG* 318: “ἐέδομαι “désirer” envisageant le terme du procès, ἔλπομαι exprimant plus généralement l’espoir et l’attente”.

¹⁷ E.g. ἐέδομαι / ἔλδεται ἦματα πάντα (1x *Il.*, 3x *Od.*) vs. ἔλπομαι ἦματα πάντα (1x *Il.*).

¹⁸ In the sense of Hoekstra 1965: 112.

¹⁹ Somewhat similarly Beekes 1969: 287 who, however, speaks of a “verschleppetes Augment” (of the type Mod. Greek ἀνεβαίνω) which is a different matter. For a formula-based approach to (θυμός) ἐέλπεται / ἐέλπτο / ἐέλδεται see Chiattelli 2022: 63–65.

²⁰ The temporal augment in ἤλπιζον, ἤλπισα as well as in impf. ἤλπτο, transmitted in the Homeric textual tradition (see West 1998: xxvii) and perhaps at *Pi. Py.* 4.243 as a variant of ἔλπτο, is surely no indication of erstwhile initial laryngeal, contra Wyatt 1972: 75.

2. The older works of reference routinely (if noncommittally) connect this root with the well-established root of Latin *velle*, English *will*, OLith. *velmi*, OCS *velitъ*, e.g. GEW 1.503: “können auf *uel-* in lat. *vel-le*, dt. *wollen* zurückgehen”, DELL 752: “on pense au groupe de *uolō*”. This analysis is in principle possible, since the root-extension **-p* is known, cf. **ten-* ‘stretch’ next to **temp-* ‘id.’ (LIV² 626) or **(s)ker-* ‘shear’ next to **skerp-* ‘cut’ (LIV² 556, 559), and the semantic distance is not too large²¹. However, the problem is that the PIE root in question certainly contained a root-final laryngeal: as Hoffmann 1968: 6 (= 1976: 248) was the first to point out, the effects of the laryngeal are seen in the vocalization of the syllabic **r* in Vedic trisyllabic 1 sg. aor. *av_uri* ‘I have chosen (for myself)’, 3 sg. aor. opt. *v_urīta* where the allomorph **uur-* must go back to **u_lH-V*, since otherwise **avri*, **vrīta* would have been expected²². Similarly, OAv. 3 sg. inj. *var^atā* ‘chooses’ goes back to Proto-Indo-Iranian **u_lH-ta*²³; its Vedic counterpart *vṛta* (which looks like a form made from an aniṭ root) is usually explained by contamination with *vṛ-* ‘to envelop’²⁴. The Vedic 9th class present stem *vṛṇīté* ‘chooses’ likewise points to a root-final laryngeal.²⁵ The

²¹ Possible scenarios for a semantic development include ‘choose’ (as in Ved. *vṛ-*, Av. *var-*) > ‘choose (for oneself)’ > ‘wish’ > ‘wish for, expect, hope for’ (ἔλλομαι) and then ‘wish for’ > ‘desire’ > ‘pleasure’ (*volup*).

²² The initial *v-* in the opt. *v_urīta* was analogically restored after the root allomorph in other finite forms. Strunk’s misgivings (1985: 510 n. 25 = 2005: 686) appear unfounded: there is no reason to suspect original full-grade /*avari*/ and /*varīta*/.

²³ With the same treatment of accented *ṚHC* as in YAv. *tauruua-* ‘overcome’ < **u_lh₂-uo-*, Ved. *tūrva-*ⁱⁱ, or YAv. *varənā-* ‘wool’ < **h₂u_lh₁neh₂*, Ved. *ūrñā-*.

²⁴ See Hoffmann 1968: 6 (= 1976: 248). Kümmel 2000: 459 observed that the form *vṛta* (RV 9.101.13b) can be scanned as a trochee and tentatively posits **vūrta* (< **u_lHta*). The pāda *mārto ná vṛta tād vácaḥ* scans as – – ∪ ∪ ∪ – ∪ – (*Aṇuṣṭubh*) and Kümmel’s proposal restores the iambic form of the opening (– ∪ –) but metrical variations in the opening of an eight-syllable verse are more common than in the cadence, so the proposal remains uncertain. (According to van Nooten & Holland 1994: xvii, the structure – ∪ ∪ ∪ is found 179 times in the Ṛgveda as an *Aṇuṣṭubh* opening: it is rare but not non-existing). See Kümmel (*ibid.*) for a discussion of the perfect middle stem *vavṛ-* which he argues to be secondary.

²⁵ If Vedic *urvārī-* ‘wife’, Pāli *ubbarī* goes back to **uelh₁-* as ‘lady of choice’ (Burrow 1984; EWAia 1.229: “nicht sicher einzuordnen”), the preform **u_lh₁-uér-ih₂* may have undergone the Indo-Iranian rule of laryngeal loss in an unaccented syllable (Lubotsky 1997); a laryngeal is

preservation of *-l-* in Umbrian 3 sg. ipv. **veltu**, *ehueltu* ‘order’²⁶ suggests a syncope in the middle syllable²⁷: as Meiser 1986: 181–182 has observed, the Umbrian form can be explained from an athematic preform **uelatōd* (< **uelH-*) matching the (semi-)athematic inflection of Latin *velle*²⁸. The acute in Lith. (*pa*)*vėlti* ‘allow, prefer’ may be due either to an erstwhile laryngeal or to a lengthened grade in a Narten formation. Further support for a root-final laryngeal in this root has been sought in the Doric verb λῆν ‘to want’ (Ar. *Lys.* 981 λῶ, Epich. 49.1 λῆς, Cretan subj. ληι, λEιOvτι, opt. λEι(ι)οι, Elean inf. λEν²⁹) < Proto-Greek **ulēje/o-* where the root vocalism can be explained either from full-grade **uleh₁-*³⁰ or from

still necessary since otherwise **v_gvárī* would have been expected. For a possible semantic parallel note Lyc. AB *lada* ‘lady, wife’ that could go back to Proto-Anatolian **ulādar* < ^{TP}*ul_hh₁-eh₂-t_r* ‘choosing’ > ‘the chosen one’: for this preform albeit made from a different root (PIE **uel-* ‘to envelop’) see Carruba 1991: 174; however, the traditional connection with Hitt. *lazzi-* ‘good, right’, Luwian */lara-(i)/* ‘to prosper’ (Proto-Anatolian **laHt-*) and, with a different dental, Toch. B *lāre* ‘dear’ (but see Imberciadori 2023a: 653–654) and Russ. *lad(n)yj* ‘fit, good’, ORuss. *lada* ‘spouse’ deserves continued attention.

²⁶ South Picene **ehueli** (TE 1) is unrelated, see Weiss 2002: 358–262.

²⁷ Contrast Umbr. **muta** < **m_l-teh₂* (Osc. *molto*, Lat. *multa* ‘penalty’).

²⁸ But other solutions are possible, including a secondary thematization (**ueletōd*) or a **-je/o-* stem (**uelitōd*). Meiser himself in a later publication (1993: 258 n. 21) argued for a derivation from a causative **uol-je/o-* ‘eine Entscheidung treffen lassen’ but this preform is morphologically suspect (Goth. *waljan*, Slavic **uoliti* go back to iterative **uol-je/o-*). The relationship between the Umbrian forms and Lat. *volō* is not universally accepted, see e.g. Cowgill 1978: 25 (= 2006: 251) n. 3 for a position of skepticism. See the richly referenced discussion by García Castillero 2000: 377–378.

The laryngeal reflex is notoriously lacking in Latin forms 3 sg. *vult* < **uel_{ti}*, 2 sg. *vīs* (< **uel-si* with Cowgill 1978) and 2 pl. *vultis* which are customarily explained as resulting from an analogical transfer of the allomorph **uel-* from 1 sg. **uel-ō*, participle **uel-ont-* by analogy to *edō* : *ēst* (see Harðarson 1993: 85 n. 111; Kümmel 1998: 198; Meiser 2003: 230). It is, however, unclear whether Proto-Italic **uelati* > **uelat* would undergo syncope in Latin to become *vult* or not: an extremely frequent form may have been subject to an “Allegro-rule”.

²⁹ For a dossier of these forms see Meier-Brügger 1981.

³⁰ The root allomorph **uleh₁-* may be found in Venetic instr. sg. *leno* ‘wish, will, voluntary act’³¹ (3x, always in the phrase *voltio leno*) if this word goes back to **ulēno-* < **uleh₁-no-*, parallel to *dono.m* ‘gift’ < **deh₃-no-* (*leno*

zero-grade **u_hh₁-*³¹. While some of the material discussed in this paragraph remains uncertain, the cumulative evidence unequivocally supports the set character of the root.³²

If the PIE root for ‘choose; want’ is reconstructed as **uelh₁-* (*LIV*² 677)³³, its extended form is expected to have the shape **uelh₁p-* which obviously would not give Greek (φ)έλπομαι. Since Benveniste 1935: 155 this difficulty has been dealt with by analyzing both **-h₁* and **-p* as extensions used to make two different roots, **uel-h₁-* (νῆ-, λῆν) and **uel-p-* (ἐλπομαι), from one primordial root **uel-*: “[s]uffixation par *-ə-* de la racine **wel-* ‘vouloir’”. This influential approach has been widely followed and even modified to include (as was customarily done in pre-laryngeal theory scholarship) a third extended root allomorph **uel-d-* (ἐλδομαι), to be discussed in section 3 below³⁴. A version of this

was compared to Greek λῆν by Lejeune 1974: 87). The descriptive Schwebeablaut in the verb is not troubling as long as PGk. **ulēje/o-* is analyzed as a thematized *h₂e*-conjugation *i*-present, where “Stātē II” is regular (see Jasanoff 2003: 103; 2021: 169–170). However, zero-grade **u_hh₁-iē/ō-* will give the same result.

³¹ See Harðarson 1993: 83. For an alternative etymology of Doric λῆν see Peters 1987: 289: **lēseje/o-* (or **lēšāje/o-* with later substitution of *-ε/ο-* for *-αε/ο-*) from the PIE root **les-* ‘pick’ (> ‘prefer’), cf. Hittite *lešš^{mi}* ‘pick, gather’, Gothic *lisan* ‘id.’, Lith. *lėsti* ‘peck; pick up’ (of birds).

³² *Contra* the position of skepticism in Seldeslachts–Swiggers 2002.

³³ Welsh *gwell* ‘better, preferable, superior’ < **uelh₁-so-* ‘of choice’ (**-do-* and **-no-* also possible) does not show a laryngeal reflex, but a loss of the laryngeal in this context in Celtic is supported by several examples, see Zair 2012: 181–201. Note that Arm. *gel* ‘beauty’ < **uelno-* goes back to the root **uel-* ‘to see’ (*LIV*² 675), not **uelh₁-* ‘to choose’ (*contra* *IEW* 1137), so no laryngeal reflex is expected here either if one were to expect one at all (cf. *gelmn* ‘wool’ < **h₂uelh₁-m_h*).

³⁴ Meillet 1908: 148–149 (“dans la racine **wel-p-* on distinguera donc une racine plus simple **wel-* et un élargissement **-p-*; la même racine simple apparaît avec un autre élargissement **-d-* dans gr. φέλδομαι”); Schwyzler 1939: 701 (“parallele Erweiterungen mit *d* bzw. *p*”); Lejeune 1972: 175 (“hom. ἐλέδεται à côté de ἐλδεται, ἐέλπεται à côté de ἐλπεται (dérivés **wel-d-*, **wel-p-* de **wel-*: lat. *uolō*”); Adrados, Bernabé & Mendoza 1996: 8 (“así en gr. ἐλπομαι, ‘esperar’ y ἐλδομαι ‘desear’ [...] la original es **wel* (en lat. *uolō*”); Szemerényi 1990: 100 (“It is obvious that **welp-* and **weld-* must belong together, in fact that they both derive from a simpler root **wel-*”); Seldeslachts–Swiggers 2002: 323 (“racines élargies **wel-d-* et **wel-p-*”); Kocharov and Shatskov 2018: 211 n. 3 (“the root is reconstruc-

explanation has been championed by M. Pike in his very stimulating discussion of *volup* and related forms (2011: 85–94)³⁵. In support of this analysis Pike cites the root **ten-* ‘stretch’ (*LIV*² 626) next to **tenh₂-* (Ved. *uttāná-*, OAv. *ustāna-* ‘stretched out’ < **tṛh₂-no-*³⁶; **to/enh₂-u-* ‘extension’ → **tenh₂-(e)uo-* ‘stretched’ > Gk. *ταναός*, Corn. *tanow* ‘thin’, **tṛh₂-uh₂-* > Ved. *tanū-* ‘body, self’³⁷) and **ten-d-* ‘id.’ (*LIV*² 627: Lat. *tendō* ‘stretch’, Ved. *tandrá-* (n.) ‘series, row’³⁸, Lith. *tandūs* ‘stiff, tight’)³⁹. It is important to note that the anṛt root

ted as **uelh₁-* (*LIV*: 677f.), which makes it an extended root itself (**uel-h₁-*) when compared to other root forms”).

³⁵ “[A]lternation of a set root beside an anṛt root with a consonantal extension. [...] If the root **uel-h₁-* had three alternating enlargements **-h₁-*, **-d-*, and **-p-*, *volup* must then show both *h₁-* and *p-* enlargements together” (Pike 2011: 91–92). As Pike’s formulation suggests, he is arguing on the basis of **uelh₁-* next to **uel-p-* and **uel-d-* without explicitly positing an original **uel-*. In doing so, he is following Vine 1982: 228 (and ultimately J. Schindler) in treating at least the *d*-extended allomorph as exemplifying the pattern of “*d*-extended *CERH-* roots, or more precisely, *d*-extended forms based on roots that are either exclusively, primarily, or partially set”. Vine (1982: 229) continues by tentatively suggesting that “at some stage, alternations *CERH-* : *CER-d-* (or rather *CER-C*) were governed by some purely phonological process [...] the precise nature of the rule is not immediately obvious”. This may suggest to some readers the operation of the so-called Kortlandt Effect (**d* > **h₁*), see Lubotsky 2013: 162–163 and especially Garnier 2014 who, in particular, uses this sound change to account for one of Vine’s examples, **terh₁-* ‘bore’ ~ **terd-* ‘id.’, Ved. found in Ved. *tṛnātti*, perf. *tatárda* (2014: 152 = 2017: 365). This may be a possibility in this particular case, but the larger pattern discussed by Vine includes **h₂* and **h₃*, too. For the purposes of the present discussion note that the Kortlandt Effect is an unlikely explanation for the alleged coexistence of **uelh₁-* and **ueld-* since the latter in fact appears to go back to **h₁weld-*, as will be discussed in section 3. To sum up, the alleged coexistence of **uelh₁-* and **uelp-* is a part of a more general pattern of *CERH-* ~ *CER-C-* alternations a general explanation for which could be either morphological (root-extensions) or phonological, but while the latter would be a tempting option, too, no such purely phonological explanation has yet been found. The third option is to look for individual solutions for individual cases: it is pursued in the present paper.

³⁶ See Beekes 1985.

³⁷ See Widmer 2004: 98–99.

³⁸ For Vedic *tand-* ‘be weary’ see Kümmel 2006: 323–324.

³⁹ Pike’s second example is **kelh₂-* ‘beat’ (*LIV*² 350: Gk. *κλά-* ‘break’, Lith. *kalti* ‘forge’, Lat. *calamitās* ‘misfortune’ < **k_lh₂-mo-*, etc.) next to p.p.p.

**ten-* is very well established, by contrast with the presumed anit **uel-*. While root-extensions are certainly an Indo-European phenomenon⁴⁰, in the case of **uel-h₁-* ~ **uel-p-* this approach is, in my opinion, ultimately not very satisfying since the evidence for the primordial root from which these extended forms are supposed to be derived is effectively absent⁴¹, and the status of **h₁* as a root-extension is quite dubious⁴².

3. At this point it will be appropriate to discuss another alleged extended allomorph of the same root, namely, **uel-d-*, evidence for which has been sought in Gk. ἔλδομαι ‘desire’⁴³. The advent of the laryngeal theory undermined this traditional approach just as it did

percussus ‘beaten down’ taken directly from **k₁ld-to-* and extended **k₁lh₂d-* in *clādēs* ‘ruin’. Here one may doubt the isolated testimony of *percussus* which, as Meiser notes (2003: 187) may have been created by analogy to semantically related *pellere* ‘beat, push’ : *pulsum* or *vellere* : *vulsum* ‘pull out’. The allomorph **kol-* < **k₁l-* may also have been extracted from the present stem **kollō* < **k₁l-n-h₂e/o-* prior to the analogical introduction of the *e*-grade (*LIV*²; the present (-)*cellō* may also go back to **kelh₂d-e/o-* with assimilation postdating syncope as in Πολυδεύκης > **Poldoukēs* > *Pollūcēs*, Weiss 2020: 209). In addition, for *clādēs* there is an alternative analysis in terms of a compound **kelh₂-d^hh₁e/o-* (Garnier 2010: 285).

⁴⁰ For example, see Kazansky 2015 as well as Kazansky 2018 and other materials of the workshop “Proto-Indo-European Root Extensions” published in *Historische Sprachforschung* 131 (2018) 98–330.

⁴¹ This evidence is limited to Lat. *vult*, *vultis* for which other explanations are available (see n. 28 above) and to Proto-Gmc. pres. **uili-*, Goth. 3. sg. *wili* ‘wants’, Old English *wile* (< opt. aor. **uelh₁-ih₁-*) where the absence of resonant gemination may give pause, but since this Proto-Germanic sound change only applied after an accented short vowel with another vowel following the cluster (*C^hRVH* > *C^hRRV*, see Neri 2009: 6), its effects would not be expected in most forms of the athematic (Narten) root present or aorist; the allomorph **uel-* could thus have been leveled to the optative from indicative. Of course, forms like Goth. *waljan* or OCS *voliti* (< **uol(h₁)-eje/o-*) or Arm. *got* ‘thief’ (< **uolh₁-ó-*) are not informative in regard to the laryngeal.

⁴² No examples in *LIV*²; three cases may (or may not) contain **h₁*: **b^hes-* / **b^hseH-* ‘chew’ (*LIV*² 82, 98); **pneu-* ‘breathe’ / **pneuH-* ‘be(come) conscious, sense, perceive’ (*LIV*² 489); *(*s*)*ker-* ‘shear’ / *(*s*)*kerH-* ‘divide, cut’ (*LIV*² 556, 558). Note also the complex of **deuh₁-* and **deuh₂-* ‘fit together’ that invites further challenging questions (see Neri 2017: 165 n. 290 and Nikolaev 2021: 24–25 n. 13).

⁴³ See the references in n. 34 above.

in the case of PIE **uel-* (now: **uelh₁-*) ~ **uel-p-*: the initial *ee-* in ἐέλδομαι was explained as reflecting a root-initial laryngeal (**h₁ueld-*), as was already mentioned above⁴⁴. Since PIE **uelh₁-* clearly did not begin with a laryngeal (cf. Doric λῆν < **u_hh₁-*), Pike (2011: 90 n. 70) tentatively posits reduplicated **ueuel(h₁)de/o-* as the preform for ἐέλδομαι. However, the noun ἐέλδωρ ‘desire’ with its obviously archaic morphology speaks against this analysis, as it is unlikely that this noun was formed from the present stem and not directly from the root. One might argue that the initial sequence *έε-* in both ἐέλδομαι and ἐέλδωρ represents an artificial poetic distension (see section 1 above), but the distribution of these forms in Homer strongly suggests that the initial *έε-* is primary: ἐλδε/ο- 3x vs. ἐελδε/ο- 17x, ἐέλδωρ 9x (with ἔλδωρ only appearing in Herodian and Hesychius). An additional argument in favor of the linguistic reality of initial *έε-* in ἐέλδωρ may come from Ibycus fr. 37a PMG οὔτι κατὰ σφετεράν ἐέλδωρ: since Herodian cites the verse precisely for the remarkable feminine gender of the noun, the traditional emendation to ἐελδῶ (going back to Schneidewin) makes very little sense. However this morphological oddity should be explained⁴⁵, an argument can be made that Ibycus’s use of ἐέλδωρ is not owed to the epic tradition (where the word is neuter) and ἐέλδωρ is therefore unlikely to display artificial epic diectasis. Following Beekes 1969: 63–64 and *LIV*² 254⁴⁶, I prefer to analyze **h₁ueld-* as a separate root⁴⁷, no matter how similar to **uelh₁-*, formally or semantically, it may appear⁴⁸.

⁴⁴ The Chian PN Ἔλδιος (Bechtel 1917: 151; probably hypocoristic for Ἐλδιμένης *vel sim.*) does not support original **ueld-* as it can equally represent a phonologically regular Ionic development of **eueldi-* > *ēldi-* > **ēldi-* (for which see section 1 above).

⁴⁵ See Leukart 1987: 355–356.

⁴⁶ For a similarly cautious position see Dedè 2013: 62–63.

⁴⁷ Cognates of ἐέλδομαι have been long identified in OIr. *fled*, gen. *flede*, Welsh *gwledd* (f.), Breton *gloé* ‘feast, banquet’ (Proto-Celtic **ulidā-* < **h₁u_hld-eh₂*); Gaulish PN *Vlidorix* (‘rich in feasts’[?] ‘offering rich feasts’[?] ‘king of feasts’[?]) was added by R. Thurneysen *apud* Weisgerber 1930: 213. The semantic side of this etymological connection is not immediately obvious: we can either suppose that a meal could be conceptualized as ‘the desired thing’ or theorize that the root originally meant ‘to choose (for oneself)’ – making it a synonym of **uelh₁-* – hence ἐέλδομαι ‘desire’, while the Celtic words for ‘banquet’ go back to a stem meaning ‘choice’, ‘portion’ with the same semantic development as in Lat. *cēna* ‘dinner’ <

4. There is one more form for which an analysis with a root-extension has been proposed. Meillet (1900: 393) took Arm. *gelj*₃ ‘longing, desire’ from **uel-g^h*⁴⁹. Assuming that the word-final *-j* is not simply due to contamination with synonymous *ilj* or *batj*, this etymology appears to point to another enlargement of PIE **uel-* (the putative source of **uel-h₁-* and **uel-p-*)⁵⁰. Nevertheless, the meaning

**kertsnā* ‘portion’ or Gk. δαίς ‘feast’ vis-à-vis δαίωμα ‘divide’.

⁴⁸ In theory, the relationship between **uelh₁-* and **h₁uel-* (→ **h₁uel-d-*) can be described as a metathesis, and just such change has in fact been proposed by Rix 1979: 737 and Klingenschmitt 1981: 124 n. 14 in the form **u_hRH_iV-* > **H_iuRV-*, e.g. **u_hrh₁-u-* (Ved. *urú-*) > **h₁ur-u-* > εὐρύς ‘wide’, or **u_hrh₁-eh₂* (cf. Alb. *vê* ‘to lay down’ < Palb. **uene/o-*) > **h₁un-eh₂* > εὐνή ‘bed’ (semantically parallel to Gk. λέχος ‘bed’ ~ λέχεται, PDE *lie*). One problem with applying this metathesis to the root of ἐέλδομαι is that the rule is formulated as prevocalic, and most forms of PIE **uelh₁-* were athematic. In general, the metathesis hypothesis has not aged well: for εὐρύς a different inner-Greek solution was proposed by Peters 1980: 53–54 and other solutions are available (see e.g. *NIL* 251 n. 3); the aor. εὐρέ/ό- has been argued to go back to reduplicated **ueur(h₁)-e/o-* (see Kostopoulos 2014–2015: 158–180); and εὐνή may go back to **h₁un-eh₂* from root **h₁uen-* (see Ziegler 2004 and Schumacher 2007: 268 who compared Brittonic **uentā* ‘place, neighborhood’, MWelsh (*cad-*)*went* ‘battle field’). Balles 2007 offers a balanced treatment of the problem and discusses the important counterexample **u_hrh₁-ēn* > ἀρήν ‘lamb’ (but see Neri 2021: 212 n. 29). As far as Gk. ἐέλδομαι is concerned, it is important to point out that the evidence for the alleged metathesis is limited to Greek, and it is not clear whether at a late (“pre-Proto-Greek”) stage it was still possible to form an extended form **h₁uel-d-* from **h₁uel-* (< **uelh₁-*).

⁴⁹ For **g^h* > Arm. *j* cf. **g^hesr-η* > *jer̄-n* ‘hand’, **g^h(i)jōm* > *jiwn* ‘snow’, or **h₂(e)ng^h-u-* > *anjow-k* ‘narrow’. Arm. *gelj*₃ ‘desire’ is unrelated to *gelj*₁ ‘convolvulus’ (a plant), cf. OEnglish *welig*, PDE *willow* (see Martirosyan 2010: 203–204), and *gelj*₂, cf. Russ. *železa* ‘gland’. See for all three words *HAB* 1.535.

⁵⁰ Accepted by Vine 1982: 123, Meillet’s etymology appears superior to Bugge’s (1893: 6) and Hübschmann’s (1899: 45) comparison with Gk. (ἐ)θέλω ‘want’, Slavic **želati*, **želēti* ‘id.’, since palatalization of the initial aspirated labiovelar would be expected in Armenian (**g^{wh}el-g^h-* > **jelj*, cf. **g^{wh}er-mo-* > *jerm* ‘warm, warmth’). Even though this etymology might perhaps be salvaged by taking recourse to Meillet’s later idea that two palatalized stops could have been dissimilated (1905–1906: 243–245), another problem with Bugge’s comparison is that one would expect a prothetic vowel in Armenian if the initial *e-* of ἐθέλω goes back to **h₁*, as seems to be the case. (For ἐθέλω as the original form see Debrunner 1954: 87–101, 105–108; against the old idea of a “deictic element” **(h₁)e* in

‘desire’ is easier to align with that of Gk. ἐέλλομαι, ἐέλλωρ and the possibility remains that *gelj* goes back to **h₁uel-ǵ^h-*, a by-form of unrelated (as argued in section 3) **h₁uel-d⁵¹*. But there is a different etymological possibility for Arm. *gelj*: Belardi 2009: 70 mentions Ved. *gardh-* ‘is desirous’ (*gr̥dhya^{-ti}*, *ágr̥dhat*, *jāgr̥dh-*) and OCS *gladъ* ‘hunger’, RuCS *žalděti* ‘crave for’ (PIE **g^held^h-⁵²*), which is semantically attractive and formally possible, since no palatalization of PIE **g^h* before a front vowel is expected in Armenian, cf. the homophonous Armenian word *getj-k* ‘glands’ < **g^helǵ^h-*, Slav. **želza* ‘gland’⁵³. The problem, not discussed by Belardi, is that the expected outcome of the root-final consonant of **g^held^h-* in Armenian would have been *-d-*, not *-j-*. But another origin of Arm. *j* (beside PIE **g^h*) was discovered by Pedersen 1906: 424 (= 1982: 202) who showed that [dz] (<*j*>) also emerged from the combination of Arm. *d* (< **d^h*) with **s* after *l* und *r*⁵⁴, citing aor. (*e*)*heļj* ‘suffocated’⁵⁵ (from which present stems *heļjanem*, intr. *heļjnum* ‘choke’ have been derived) for which a preform with root-final Arm. **-d < *d^h* followed by the sigmatic suffix is made likely by the noun

ἐθέλω see Szemerényi 1966: 43 (= 1987: 1234), supported by Dunkel 2014: 2. 760 n. 66; for reflexes of word-initial laryngeals in Armenian see Kocharov 2018).

⁵¹ The semantic proximity with Gk. ἐέλλωρ was signaled by Solta (1960: 34), and Peters (1980: 41) reconstructed **h₁uel-ǵ^h-* under the theory that initial **Hu-* and **u-* have the same reflex in Armenian. However, Kölligan (2019: 80–82) questioned the latter assumption, arguing that a prothetic vowel should be expected from PIE **Hu* and offering explanations for apparent counterexamples (such as *gelmn* ‘wool’ < **h₂uelh₁m̃^h*). Arm. *gol* ‘thief’ (< **uolh₁-ó-*), mentioned above, does not help resolve the issue, since the initial laryngeal may have been lost by the Saussure Effect.

⁵² IEW 434; LIV² 185; a different reconstruction **g^weld^h-* is offered in EWAia 1.474 which would not be compatible with an Armenian form with an initial *g-*, but in fact initial **g^h* accounts for all of the cognates just as well. (The reconstruction **g^weld^h-* is due to Szemerényi’s (1966: 44) very dubious adduction of Gk. βούλομαι to the dossier for this root).

⁵³ See e.g. Olsen 2011: 27; Scala 2017: 108–110 (I owe the latter reference to P. Kocharov).

⁵⁴ In other environments the cluster was simplified to *z* as in aor. *-eloyz* ‘let go out’ < **h₁leud^h-s-*, *esoyz* ‘plunged’ < **keud^h-s-*, etc., see Viredaz 2018: 202–203. (I am grateful to R. Viredaz and to P. Kocharov for a stimulating discussion of the Armenian material).

⁵⁵ For a discussion of this verb see Kocharov 2019: 50–52.

xeld (*i*-stem ‘noose; strangulation’), *xeldem* ‘strangle’⁵⁶. Pedersen originally assumed this development only for secondary clusters (either arising in sigmatized forms or in composition), but there is a growing consensus that inherited **d^hs* may have had the same outcome⁵⁷, see the discussion by Kocharov 2019: 37–38⁵⁸. There do not seem to be any counterexamples to **d^hs* > *j* / *L*_. With this in mind, one can posit an *s*-stem **g^held^h-es-* ‘desire’⁵⁹ which would be expected in a Caland system next to **g^hl^hd^h-r^hó-* (> Ved. *g^hdhra-* ‘desirous’ (RV), with a surprising accent⁶⁰) and **g^hl^hd^h-ó-* (> YAv. *gəṛəda-* ‘eager, avid, greedy’, Yt. 15.47)⁶¹. This *s*-stem would make a possessive derivative **g^hl^hd^h-s-ó-* of the type **léyuk-es-* ‘light’ (Av. *raocah-*) → **luk-s-ó-* ‘having light’ > Ved. *rukṣá-* ‘radiant’⁶². This formation is directly attested in Indo-Aryan **grdz^há-* > Ved. *g^htsa-* ‘clever, dexterous; rogue’⁶³, Pāli *gijjha-* ‘eagerly desiring; vulture’,

⁵⁶ The analysis goes back to Bugge 1892: 449 and was accepted by Kortlandt 1987 (= 2003: 80); 1994 (= 2003: 105). The variation in the initial consonant is admittedly troubling but is not without parallel. Bugge remarks that “das anlautende *h* sonst mit *x* wechselt” without going into further detail; for this variation Djahukian 1967: 310 lists sixteen examples, from different stages of the language, some of them loanwords, e.g. *xer* ~ *her* ‘beestings’, *xer* ‘stubborn, disobedient’ ~ *her* ‘strife, enmity’, *xul* ~ *hiul* ‘shed’ (< Gk. ὕλη?), *t-xelc* ~ *t-helc* ‘deformed, ugly’, *xalb* ~ *halb* ‘snare, net’ (Syrian *xawlā*), etc. (I owe the reference to D. Buyaner). Djahukian (2010: 326, 456) maintains the connection between *xeld* and *helj*, while for Olsen (1999: 98) *xeld* is isolated.

⁵⁷ “Inherited” here does not necessarily mean “original”: there is evidence that the phonologically regular development of **-d^hs-* in PIE may have been to **-ts-* with devoicing and deaspiration, but most forms were remade to maintain morphological uniformity (see Nikolaev 2023: 869–872, n. 43).

⁵⁸ Note Kortlandt’s retraction of his earlier view that PIE **ds*, **d^hs*, **g^hs*, **g^hs* merged as Arm. *c*’ (*apud* Kocharov 2019: 37 n. 24).

⁵⁹ See Rau 2010: 107.

⁶⁰ Possibly analogical to the substantivization *g^hdhra-* ‘vulture’. B. Vine suggests the influence of the present stem *g^hdhya-^{ti}* (the only attestation of which in the R̥g-Veda is the participle *g^hdhyantam* RV 4.38.3c).

⁶¹ See *EWAia* 1.493–494 and Höfler 2017: 460 (who operates with a root **g^(w)eld^h-*, following the *EWAia*).

⁶² “*russus*-type” in the terminology of Höfler 2017; see also Höfler 2018: 133–134.

⁶³ This meaning is traditionally explained as the result of influence of *g^hdhnú-* ‘hasty, quick’. One meaning of Proto-Indo-Iranian **g^(h)ard^h-as-* may have been ‘greediness’, see Rau 2010: 107 n. 88.

gijjhati ‘covets’⁶⁴. The stem **g^hǵd^h-s-ó-* ‘desiring’ substantivized with *ǵddhi* as full-grade **g^héld^h-s-o-* ‘desire’⁶⁵ will give Arm. *gelj* ‘longing’⁶⁶.

5. It is time that we return to the root of Gk. ἔλλομαι, Lat. *volup* and its relationship with **uelh₁-* ‘to choose; to want’, as there is another hypothesis advanced by Pike in his important treatment of Lat. *volup* and related forms that deserves careful consideration. The adverb *volup* is traditionally taken from apocopated nom.-acc. sg. neut. **uolupe* < **uolupi* made from an adjective **uolupis*⁶⁷. Under the theory that **-h₁-* and **-p-* (and **-d-*) are alternating enlargements that could be combined in the same root-allomorph⁶⁸, Pike reconstructs an acrostatic *i*-stem **uělh₁p-i-*, offering further parallels for this nominal type. This reconstruction appears morphologically justified in view of the “Narten” behavior of the verbal root **uelh₁-* (opt. **uelh₁-ih₁-* > Lat. *velim*). The weak stem **uelh₁p-i-* would regularly give Proto-Italic **uelapi-* > **uotapi-* (**e* > *o* before *l pinguis*, prior to vowel weakening⁶⁹) that may conceivably have served as the source of Lat. *volup*⁷⁰.

⁶⁴ See Wackernagel 1907: 313 (= 1955: 502).

⁶⁵ Alternatively, **g^héld^h-s-o-* ‘desire’ may be viewed as a substantivization of the possessive derivative **g^held^h-s-ó-* derived on the model of **léuk-es-* ‘light’ → **leuk-s-ó-* ‘having light’ > Old Norse *ljóss* ‘bright’, substantivized *ljós* n. ‘light’ (“*pexus*-type” in the terminology of Höfler 2017). As Höfler 2017: 32 remarks, “ein vermeintlich durch *ǵddhi* substantiviertes *russus*-Adjektiv formal gar nicht von einem bloß mit Kontrastakzent substantivierten *pexus*-Adjektiv zu unterscheiden ist”.

⁶⁶ Under the theory that the development **-Ts-* > *j* after liquids in Armenian was limited to secondary clusters, one may still argue that *gelj* represents a later derivative made from the reflex of PIE **g^held^h-es-*, **g^held^h-s-* or that the erstwhile presence of this base stem (> Arm. **geld*) in Armenian allowed the secondary treatment (**ds* > *dz*).

⁶⁷ See e.g. Weiss 2020: 159 n. 84. Pike (2011: 87) has plausibly argued that the medial vowel in *volup(e)* escaped syncope thanks to its being accented in a fixed phrase *volup est* ‘it is a pleasure’ (Pl.) < **volúpest(i)*. The noun *voluptās* (Pl.+) is probably built directly to the stem *volup* since pre-syncope **uolupitās* should be expected to give **uolpitās* (especially after a liquid, as Pike 2017: 86 notes), cf. **deksiteros* > *dexter* ‘right’, **oĩnodekem* > *undecim* ‘11’ or **uĩrotũts* > *virtũs* ‘virtue’.

⁶⁸ See n. 35 above.

⁶⁹ For this relative chronology see Nussbaum 1999: 386–387.

⁷⁰ See below for phonological details.

With considerable ingenuity, Pike derives Gk. ἐλπῖς ‘hope’ from the same word, arguing that in the strong stem **uēlh₁p-i-* the laryngeal was lost in the coda of a super-heavy syllable, giving Proto-Greek **uēlp-i-* which by Osthoff’s Law gave **uelp-i-*. This laryngeal loss rule (**CēRH.C* > **CēR.C*), comparable to the well-known Saussure Effect (**CoRH.C* > **CoR.C*), was discussed in the late 2000’s but was never formally published, and doubts remain⁷¹. In addition, it is not particularly likely that Gk. ἐλπῖς continues an *i*-stem: while a few original (barytone) *i*-stems have indeed developed by-forms in -ιδ⁷², e.g. ὄπιν ‘sight’ next to ὄπιδος or Θέτιν next to Θέτιδος⁷³, there is no evidence that ἐλπῖς (*Od.* 16.101, 19.84 ἐλπιδος, Hes. *Op.* 498 ἐλπίδα) ever had *i*-stem declension⁷⁴. The Greek word can be analyzed as a productive deverbative formation

⁷¹ The example Pike cites, following M. Weiss, is κρημνός ‘(steep) river bank, (overhanging) cliff’ which appears to go back to **krēm(h₂)-no-* derived from a Narten present stem made to PIE root **krēmh₂-* (Gk. κρέμαμαι ‘to hang, to be hung up’, Ved. *śramⁱ-*, *śrāmyati* ‘is weary’). It is true that κρημνός (Hom. +) cannot be derived within Greek from the late and analogical present stem κρήμνημι first securely attested in Appian (for which the influence of the noun is traditionally assumed). However, another, admittedly more complicated way of getting κρημνός from the root of κρέμαμαι would be by assuming a deverbal noun **krēmh₂-mḡ* → **krēmh₂-mn-ó-* > **krēm̄mn-ó-* by Schmidt-Hackstein’s Law (see Neri 2021 for an example of this law in a similar context) > **krēm̄n-ó-* with degemination. As S. Höfler reminds me, we could also start with a zero-grade form **krēm̄h₂-nó-* the *lautgesetzlich* outcome of which would have been PGk. **krmānó-*: this phonotactically impossible form would be subject to further irregular changes and a metathesis is at least thinkable. In any event, the etymological connection between κρημνός and κρέμαμαι may be supported by Slav. **str̄m̄b* ‘steep’ which may be taken from the same root (some of the Slavic reflexes mean ‘hard’: the word appears to have been contaminated with the reflexes of **st̄rh₁-mó-* ‘stiff’; see Nikolaev 2014: 712–713). Differently Sturm 2021: 59 n. 60 who analyzes κρημνός as a completely unrelated derivative of κρῆ- / κρη- ‘head’ in the meaning ‘edge’, comparing PDE *headland*.

⁷² Thanks to *Scharnierformen* such as nom.sg. -ις, voc. sg. -ι, and dat. pl. -ισι.

⁷³ See in general Meier 1975. A Mycenaean example can be seen in nom. du. *te-mi-dwe-te /termidwente/* (KN So 4433+) ‘provided with a border/flange?’ next to Myc. *te-mi-we-te* (KN Sg 1811) if the latter form is not a spelling mistake but a genuine form derived from an older *i*-stem (Hsch. τ 542 τέρμις: πούς?, cf. Hom. τερμίοεις).

⁷⁴ This evidence should certainly not be sought in acc. εὔελπιν, first found in Plato.

of the type δαίω ‘burn’ → δαίδ- ‘torch’, λέπω ‘peel’ → λειπίδ- ‘skin, shell’, etc.⁷⁵.

Despite the position of skepticism taken in the previous paragraphs, Pike’s discussion of *volup* opens the door to interesting questions about the origin of *-u-* in this word⁷⁶. The standard works of reference are completely silent on this issue. M. de Vaan hesitantly supposes anaptyxis (*EDLIL* 68) which, however, remains without parallels⁷⁷. We have Lat. *culpa* ‘guilt’ which appears to go back to **k̥uolpā-* from PIE **k̥uelp-* ‘bend’ (*LIV*² 375), *scalpō* ‘scratch’ from PIE **skelp-* (Gmc. **skelf-*), *sulpur* ‘sulfur’ if from PIE **solp-* (Toch. B *ṣalype* ‘oil, fat’, Ved. *sarpīṣ-* ‘lard’)⁷⁸, and importantly, *vulpēs*⁷⁹ ‘fox’ < **u̯o/elpi-* so it is not obvious that Proto-Italic **u̯o/elpi-* would undergo epenthesis. Differently from these words, however, neut. **u̯o/elpi* > **u̯olpe* would have undergone apocope of the final vowel⁸⁰, and it cannot be excluded that a late epenthesis became necessary to eliminate the unique (and thus illicit?) word-final cluster **-lp*⁸¹.

⁷⁵ Another possibility is a derivation from the root noun ἔλλπ- (cf. αἶξ → αἰγίδ-), as M. Peters kindly points out to me.

⁷⁶ A form *volop* is attributed to Naevius by Charisius (*GL* 1.239.12) who, however, quotes the fragment (*com.* 12) for the exclamation *eho*, and the status of the form *volop* (not *volup*) is not assured, as M. Weiss points out to me. (I thank Weiss for his help in affirming the reading of the Naples manuscript). Weiss also kindly informs me of the form [v]oluptates in an inscription from Etruria (Blera) dated to the 4th–3rd century BCE (see Ambrosini 2012–2013 (2014)): since the form predates the earliest examples of the change of *o* to *u* in an unaccented closed syllable by 50–100 years, it casts doubt on Charisius’ testimony.

⁷⁷ Even though consonant clusters **ending** in **-l-* (**-d^hIV-*, **-tl-*, **-kl-*) regularly undergo epenthesis, with the vowel quality determined by the quality of the *l* (± velar), as in *stabulum* / *stabilis*, this is of course a very different environment.

⁷⁸ Cf. further *palpus* ‘palm of the hand’ / *palpō* ‘to caress’, *pulpa* ‘meat’, and *talpa* ‘mole’ which have no etymology. It is important to note that syncope remains a possibility (to my knowledge, there is no evidence that primary and secondary *-lp-* clusters were treated differently in Latin).

⁷⁹ *volipes* (Quint. *Inst.* 1.6.33, Isid. *Orig.* 12.2.29) is a grammarian’s coinage, based on the presumed etymology (*volvō* / *volō* + *pēs*).

⁸⁰ For this late apocope cf. *simul* ‘at the same time’ < *semol* < **semli* (next to *similis*); see Weiss 2020: 159.

⁸¹ The result, of course, was still a unique Latin word ending in *-p*. There is no reason to believe that *voluptās* could be made directly from a verbal root

In view of this uncertainty, a search for an alternative solution is warranted, and it may indeed be advantageous to derive *volup* from either Proto-Italic **uolV̄pi*⁸² or **uelV̄pi*: in the latter case *V̄* would have to be a back vowel⁸³, causing velarization of the preceding lateral as *l-pinguis* (= [ɫ])⁸⁴. The requisite phonological changes are generally well understood though not entirely straightforward: as is well known, a short vowel in a medial open syllable before a labial consonant becomes a sound written with <u> in Old Latin but eventually spelled with <i>: *optumus* ~ *optimus*⁸⁵. While the spelling **volip* is not attested, it is important to bear in mind that a back vowel in the initial syllable of the word has been known to favor *ū* as the resulting vowel, cf. *auceps*, *aucup*- ‘bird-catcher’ vs. *prīnceps*, *prīncip*- ‘chief’ (< **-kap*-) or *monumentum* ‘monument’ vs. *alimentum* ‘nourishment’ (< **-e-mentom*). Nussbaum (2016: 221–222 n. 36) has recently drawn attention to an additional conditioning factor: *ū* was the outcome of a short vowel in an open medial syllable immediately preceded by *Pol*- (where P = labial consonant), cf. *volucer* ‘flying’ < **uolV-tli*- or *molucrum* ‘part of a mill’ (Festus 141 Marx = 124.2 Lindsay) < **moletlo*-. It is easy to see that **uolV̄p(i)* fulfills both of these conditions, whether its *-o-* is an inherited *o*-grade or a product of **e* before *l pinguis*; the outcome **uolupi* > **uolupe* > *volup* is thus assured.

– which would make it a unique stem in *-tāt-* – rather than from the *i*-stem adjective (cf. **fakli-tāt-* > *facultās*) but even in a theoretically unlikely preform **uelp-tāt-* no epenthesis would be expected, cf. *sculptus* ‘carved’.

⁸² Technically, in an *o*-grade form **uolHpi*- the laryngeal should have been lost in accordance with the Saussure Effect, making the derivation of the vowel in the medial syllable from Proto-Italic **a* < **H* problematic, but the laryngeal could have been analogically restored. Likewise possible is PIE **uol(H)upi-* vel sim. Zero-grade **uHpi*- would have an entirely different outcome, while the reflex of **ulpi*- would not undergo an epenthesis, as argued above.

⁸³ Since long *ē* caused velarization (e.g. *Hercules* < *Hēr(a)clēs*), it has been assumed that short *ĕ* had the same effect but see Imberciadori 2023b who argues for Latin *celeber* ‘busy, crowded, frequent’ < **kelh₁-es-ro-*.

⁸⁴ A different approach is taken by Olsen 2007: 104–105 who analyzed *volup-* as a compromise between the full grade **uolp-* < **uelp-* and **lup-* which she, following Hirt, argued to be a regular development of **ulp-*.

⁸⁵ See Leumann 1977: 87–90; Sommer–Pfister 1977: 82; Meiser 2010: 68; Kazansky 2017: 49–50; Weiss 2020: 128.

Now, one possible source of a short velarizing vowel in **uelV̥pi-* is Proto-Italic **a* from PIE **H*. It is important to emphasize that Pike's **uel(-)h₁p-* will get us to this protoform without any problems. But a different approach deserves to be explored, if only for the sake of those who are less comfortable with the uncontrollable use of root-extensions. I would like to return to an idea by E. Hamp⁸⁶, who, in a characteristically succinct 1980 article, theorized that Lat. *volup* continues a compound of the root noun **uelh₁-* with the root **h₁ep-* of Hitt. *ep^{-zi}* 'grabs, seizes', Lat. *ap̄īscor* 'I seize', *coepī* 'I began', Ved. *āpa* 'has reached', Old Albanian *ep* 'gives' (*LIV*² 237)⁸⁷. Indeed, a compound **uelh₁-h₁p-*⁸⁸ would be expected to undergo a simplification of double **h₁h₁* and the resulting **uelh₁p-* (no longer transparent to the speakers) would start a life of its own as a neo-root; a nominal *i*-stem made from it would be directly reflected in Latin *volup*, as Hamp had argued. Hamp glossed this verbal governing compound (originally a *bahuvrīhi*, of the same type as Gk. *χερνίψ* 'lustral water' < **hand-washing*) as "'desire-reaching' i.e. 'attaining one's wish'", hence 'pleasure', which is possible, given that the root **uelh₁-* appears to have developed the meaning 'to want' next to the arguably original meaning 'to choose' already in the protolanguage⁸⁹.

6. So where does this leave us regarding Gk. ἔλλομαι? Without Lat. *volup*, the root **uelp-* appears completely isolated, but as mentioned above, **uelh₁p-* with a root extension would not give Proto-Greek **uelp-*, nor would Hamp's compound **uelh₁-h₁p-*. However, this does not mean that we must fall back on Benvenistian **uel-p-* next to **uel-h₁-*, **uel-d-* and **uel-ǵ^h-*, the last two of which have been

⁸⁶ Reported but rejected by de Vaan (*EDLIL* 689).

⁸⁷ As M. Weiss reminds me, there is another possibility: *volup* could go back to **uolu-Vp(-i)* which would lose the second **u* before a rounded vowel, cf. **suesōr* > **uosōr* > *sorōr* 'sister' (Weiss 2020: 165). Under this analysis, the compound would consist of a Latin reflex of **uelh₁-u-* 'desire' and the Latin root *ap-*.

⁸⁸ = Hamp's "**uel-H_{ap}-*": he did not take into consideration the evidence for the root-final laryngeal in PIE **uelh₁-*.

⁸⁹ To judge by the meaning of Lat. *volō*, Goth. *wiljan*, Gk. (Doric) *λῆν*, etc. Pike 2011: 89 n. 69 aptly adduces Lat. *optō* as a parallel for 'choose' > 'wish'.

argued above to be at least unnecessary⁹⁰, especially since the whole picture is made less than plausible by the lack of evidence for the primordial **uel-*. I propose instead to equate ἔλπομαι with Lat. *volup* under Hamp's analysis.

The neo-root **uelh₁p-* 'take a wish (to heart), wish for, hope' (based on a nominal compound **uelh₁-h₁p-*) would be expected to be used to make finite forms⁹¹. In athematic aorist forms such as 3 sg. **(h₁)e-uelh₁p-t*⁹² the internal laryngeal would be lost in a heavy *CHCC* cluster by Schmidt–Hackstein's law⁹³, giving **(h₁)e-uelp-t*⁹⁴. As a parallel, compare the compound **uelh₁-b^heh₂-* 'speak in riddles' made with a different root **uelh₁-* as the first member and the root **b^heh₂-* 'speak' (Gk. φημί) as the second member⁹⁵: used as a verbal root, **uelh₁-b^hh₂-* gives the neo-root **uelb^h-* (Ved. *valh-* 'to riddle', Lith. *vilbinti* 'to lure') without an internal laryngeal which was presumably lost in aor. **(h₁)e-uelh₁b^h-t* > **(h₁)e-uelb^h-t* but not in the noun **uelh₁b^h-r* (→ Gk. ἐλεφαίρομαι)⁹⁶. Similarly, the resulting root allomorph **uelp-* (< **uelh₁p-*) is the basis for the nominal forms in Greek: *(*)ἔλψ*⁹⁷, ἐλπίς, ἐλπωρή 'hope', *(F)αλπνός*, *(F)αλπαλέος*, *(F)ἐλπιστος* 'hoped for'; the aorist stem **uelp-* / **u_lp-* forms a subjunctive **uelp-e/o-* giving Greek ἔλπομαι.

⁹⁰ **uel-d-* has been revised as (unrelated) **h₁ueld-* (cf. ἐέλωρ 'desire') and **uel-ǵ^h-* has been eliminated since an entirely different source for Arm. *gelj* 'longing, desire' has been proposed (**ǵ^héld^h-s-o-* 'desire', cf. Ved. *grdh-* 'to covet', *ǵtsa-* 'desirous').

⁹¹ Just as in Indo-Aryan the neo-root *gop-* / *gup-* (from compound *go-pá-* 'cowherd' > 'protector', see Scarlata 2001: 303–304) developed a full *Averbo* with perf. *jugup-*, p.p.p. *guptá-*, etc. (see *EWAia* 1.499–500).

⁹² If, contrary to the *LIV*² reconstruction discussed in n. 12 above, this PIE (neo)root was atelic and did not make a root aorist, the laryngeal would still be lost in sigmatic **(h₁)e-uelh₁p-s-* or its precursor (replaced in attested Greek by ἔλπισα) by the same sound law, as M. Peters reminds me.

⁹³ See Schmidt 1973; Hackstein 2002.

⁹⁴ This laryngeal loss would of course not affect the nominal compound **uelh₁-h₁p-* > **uelh₁p-(i-)*, the putative source of Lat. *volup*.

⁹⁵ For the first member compare Lith. *vilti*, Latv. *vilt* 'trick, beguile'.

⁹⁶ See *AleW* 1434 for the compound analysis and Gotō 1995 for Gk. ἐλεφαίρομαι. For another parallel, compare the structurally similar analysis I proposed for Gk. μαπ- < **m₁mp-* / **memp-* < **(h₁)e-menh₁p-t* 'seized' < **men-* + *h₁p-* 'take by hand' without, unfortunately, knowing Hamp's article at the time (Nikolaev 2022).

⁹⁷ A verbal abstract (cf. ἦρ- 'help', κήρ 'doom', λίψ 'libation'), see n. 2.

References and abbreviations

- Adrados, F. R., Bernabé, A., & Mendoza, J. 1996: *Manual de lingüística indoeuropea*. Vol. 2: *Morfología nominal y verbal*. Madrid: Ediciones Clásicas.
- AleW = W. Hock et al. (eds.). *Altltitaisches etymologisches Wörterbuch*, Version 2.0. URL: <https://alew.hu-berlin.de>.
- Ambrosini, L. 2012–2013 (2014): Le divinità dei pocola deorum: un nuovo pocolom di voluptas del Volcani Group. *RPAA* 85, 337–363.
- Balles, I. 2007: A Greek Laryngeal Metathesis That Needn't Be Either... *Verba Docenti: Studies in Historical and Indo-European Linguistics Presented to Jay H. Jasanoff by Students, Colleagues, and Friends*, ed. by A. J. Nussbaum, 15–24. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
- Bechtel, F. 1917: *Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle: Niemeyer.
- Beek, L. van. 2022: *The Reflexes of Syllabic Liquids in Ancient Greek: Linguistic Prehistory of the Greek Dialects and Homeric Kunstsprache*. Leiden; Boston: Brill.
- Beek, L. van, Migliori, L. 2019: Active versus Middle Perfect in Homeric Greek: Synchrony and Diachrony. *The Paths of Greek: Literature, Linguistics and Epigraphy. Studies in Honour of Albio Cesare Cassio*, ed. by E. Passa and O. Tribulato, 71–106. Berlin; Boston: de Gruyter.
- Beekes R. S. P. 1969: *The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek*. The Hague; Paris: Mouton.
- Beekes, R. S. P. 1985: Skt. *uttāná-*. *ZVS* 98, 47–48.
- Belardi, W. 2009: *Elementi di armeno aureo*. Vol. 3: *Repertorio delle voci armene di origine indoeuropea. Formazione lessicale. Composizione. Elementi di morfologia pronominale*. Roma: Calamo.
- Benveniste, É. 1935: *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Bugge, S. 1892: Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. *IF* 1, 437–459.
- Bugge, S. 1893: Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. *ZVS* 32, 1–87.
- Burrow, T. 1984: Vedic *urvārī*; Lady of Choice, Wife. *JRAS* 1984/2, 209–216.
- Carruba, O. 1991: Searching for Woman in Anatolian and Indo-European. *Perspectives on Indo-European Language, Culture and Religion. Studies in Honor of Edgar C. Polomé*, vol. 1, 155–181. McLean VA: Institute for the Study of Man.
- Cassio, A. C. 1999: Epica greca e scrittura tra VIII e VII secolo a.C.: Madrepatria e colonie d'Occidente. *Scritture mediterranee tra il IX e il VII sec. a.C. Atti del Seminario (Milano, 23–24 febbraio 1998)*,

- ed. by G. Bagnasco and Gianni/F. Cordano, 67–84. Milano: Università degli Studi di Milano.
- CEG = P. A. Hansen (ed.) *Carmina epigraphica graeca saeculorum VIII–V a. Chr. n.* Berlin; New York: de Gruyter, 1983.
- Chantraine, P. 1942: *Grammaire homérique*. Vol. 1: *Phonétique et morphologie*. Paris: Klincksieck (cited from the 2013 edition).
- Chiatelli, E. 2022: *The Long Augment in Homer: A Formula-Based Approach*. University of Cambridge Ph.D. Dissertation.
- CIRB = Struve, V. V., Tikhomirov, M. N., Gaidukevič, V. F., Dovatur, A. I., Kallistov, D. P., Knipovič, T. N. (eds.) *Corpus inscriptionum Regni Bosporani*. Moscow; Leningrad, 1965
Струве, В. В., Тихомиров, М. Н., Гайдукевич, В. Ф., Доватур, А. И., Каллистов, Д. П., Книпович, Т. Н. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград, 1965.
- Cowgill, W. 1978: The Source of Latin *vīs* ‘thou wilt’. *Die Sprache* 24, 25–44 (= *The Collected Writings of Warren Cowgill*, ed. by J. S. Klein, 251–266. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press, 2006).
- Curbera, J. 2013: Simple Names in Ionia. *Personal Names in Ancient Anatolia*, ed. by R. Parker, 107–144. Oxford: Oxford University Press.
- Debrunner, A. 1910: Review of É. Boisacq, *Dictionnaire étymo-logique de la langue grecque*, fasc. 1–3, Heidelberg, Winter, 1907–1909, *Göttingische gelehrte Anzeigen* 1910/1, 1–18.
- Debrunner, A. 1954: “Das Augment η-,” *Festschrift für Friedrich Zucker zum 70. Geburtstag*, 85–110. Berlin: Akademie Verlag.
- Dedè, F. 2013: *I nomi greci in -ap e -ωρ*. Roma: Il Calamo.
- DELG = Chantraine, P., *Dictionnaire étymologique de la langue grec. Histoire des mots*. Paris: Klincksieck, 1968–1980 (cited from the 2009 edition).
- DELL = Ernout, A., and A. Meillet, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. 4th ed. Paris: Klincksieck, 1959.
- Djahukian, G. B. 1967: *Očerki po istorii dopis'mennogo perioda armjanskogo jazyka* [*Studies in the History of Armenian in the Pre-Literal Period*]. Yerevan: Armenian Academy of Sciences.
Джаукян, Г. Б. 1967: *Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*. Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР.
- Djahukian, G. B. 2010: *Armenian Etymological Dictionary*, ed. by V. Sarkisian. Yerevan: Asoghik.
- Dunkel, G. E. 2014: *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*. Heidelberg: Winter.
- Ecker, U. 1990: *Grabmal und Epigramm. Studien zur frühgriechischen Sepulkraldichtung*. Stuttgart: Steiner.
- EDLIL = de Vaan, M., *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden; Boston, Brill, 2008.

- EWAia = Mayrhofer, M., *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg: Winter, 1986–2001.
- García Castellero, C. 2000: *La formación del tema de presente primario osco-umbro*. Vitoria: Universidad del País Vasco.
- Garnier, R. 2010: *Sur le vocalisme du verbe latin: étude synchro-nique et diachronique*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Garnier, R. 2014: Nouvelles considérations sur l'effet Kortlandt. *Glotta* 90, 139–159 (= *Scripta selecta: Études d' étymologie indo-européenne*, 353–374. Paris: Les Cent Chemins, 2017).
- Garnier, R. 2015–2016: Nouvelles réflexions sur les adjectifs en *-idus* du latin. *Wék^wos* 2: 73–86 (= *Scripta selecta: Études d' étymologie indo-européenne*, 319–334. Paris: Les Cent Chemins, 2017).
- Garvie, A.F. 2009: *Aeschylus. Persae*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- GEW = Frisk, H., *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg: Winter, 1960–1972.
- Gotō, T. 1995: Griechisch ἐλεφαίρομαι. *Kuryłowicz Memorial Volume*, Part 1, ed. by W. Smoczyński, 365–370. Cracow: Universitas.
- HAB = H. Ačařean, *Hayerēn armatakan bařaran [Armenian Etymological Dictionary]*. Erevan: University Press, 1926–1935.
- Hackstein, O. 2002: Uridg. CH.CC > C.CC. *HS* 115, 1–22.
- Hamp, E. 1980: *Latin uolup(e)*. *ZVS* 94, 158.
- Harđarson, J. A. 1993: *Studien zum urindogermanischen Wurzel-aorist und dessen Vertretung im Indoiranischen und Grie-chischen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Hirt, H. 1927: *Indogermanische Grammatik*. Bd. 1. Heidelberg: Winter.
- Hoekstra, A. 1965: *Homeric Modifications of Formulaic Prototypes: Studies in the Development of Greek Epic Diction*. Amsterdam: N. V. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij.
- Höfler, S. 2017: *Der Stier, der Stärke hat. Possessive Adjektive und ihre Substantivierung im Indogermanischen*. University of Vienna Ph.D. dissertation.
- Höfler, S. 2018: A Look over Lat. *umerus* 'shoulder'. *Proceedings of the 29th Annual UCLA Indo-European Conference*, ed. by D. M. Goldstein, S. W. Jamison and B. Vine, 129–146. Bremen: Hempen.
- Hübschmann, H. 1899: Overview of H. Hübschmann, *Armenische Grammatik*. 1. Theil: *Armenische Etymologie*, Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1897, Anzeiger zu *IF* 10, 41–50.
- IEW = Pokorny, J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: Francke, 1959.
- Imberciadori, G. 2023a: *Etymologische Untersuchungen zum System der tocharischen Adjektive*. University of München Ph.D. dissertation.

- Imberciadori, G. 2023b: “Zur Etymologie von lat. *celeber* ‘verkehrsreich, belebt; berühmt’, lat. *celer* ‘schnell’, und der Artikulation von frühlat. *-l- / _ ě. *Glotta* 99, 66–92.
- Jasanoff, J. H. 2003: *Hittite and Indo-European Verb*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Jasanoff, J. H. 2021: Vedic *dháya-*, *citáya-* and an Indo-Iranian Sound Law. *HS* 134, 166–185.
- Kazansky, N. N. 2015: [Lack of Semantic Differentiation Among Roots and the Problem of Root Extensions in Proto-Indo-European]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 19, 328–340.
Казанский, Н. Н. 2015: Семантическая недифференцированность корней и проблема расширителей в праиндоевропейском языке (**terH*₁-, **triH*_x-b- etc.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 328–340].
- Kazansky, N. N. 2017: *Očerk fonologii latinskogo iazyka* [An Outline of Latin Phonology]. Moscow: Russian Academy of Sciences
Казанский, Н. Н. 2017: *Очерк фонологии латинского языка*. М.: Российская академия наук].
- Kazansky, N. N. 2018: Root Extension as a Linguistic Problem. *HS* 131, 201–209.
- Klingenschmitt, G. 1981: Albanisch und Indogermanisch. *MSS* 40, 93–131 (= *Aufsätze zur Indogermanistik*, ed. by M. Janda, R. Lühr, J. Matzinger and S. Schaffner, 217–242. Hamburg: Kovač, 2005).
- Kocharov, P. 2018: A Comment on the Vocalization of Word-initial and Medial Laryngeals in Armenian. *Farnah: Indo-Iranian and Indo-European Studies in Honor of Sasha Lubotsky*, ed. by L. van Beek, A. Kloekhorst, G. Kroonen, M. Peyrot, T. Pronk and M. de Vaan, 123–136. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
- Kocharov, P. 2019: *Old Armenian Nasal Verbs: Archaisms and Innovations*. University of Leiden Ph.D. dissertation.
- Kocharov, P., Shatskov, A. 2018: Towards a Classification of PIE root extensions. *HS* 131, 210–226.
- Kölligan, D. 2019: *Erkink‘ ew erkir: Studien zur historischen Grammatik des Klassisch-Armenischen*. Hamburg: Baar.
- Kortlandt, F. 1987: Sigmatic or Root Aorist. *AAL* 8, 49–52 (= *Armeniaca: Comparative Notes*, 79–82. Ann Arbor: Caravan Books, 2003).
- Kortlandt, F. 1994: Palatalization of Dentals in Armenian. *AAL* 15, 27–31 (= *Armeniaca: Comparative Notes*, 104–106. Ann Arbor: Caravan Books, 2003).
- Kostopoulos, G. 2014–2015: On Two Problems of Greek εὑρον ‘I found’. *Die Sprache* 51/2, 158–236.
- Kümmel, M. J. 1998: Wurzelpresens neben Wurzelaorist im Indogermanischen. *HS* 111, 191–208.

- Kümmel, M. J. 2000: *Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindo-iranischen Sprachen*. Wiesbaden: Reichert.
- Kümmel, M. J. 2006: Vedisch *tand-* und ein neues indoiranisches Lautgesetz. *Indogermanica: Festschrift für Gert Klingenschmitt: Indische, iranische und indogermanische Studien dem verehrten Jubilar dargebracht zu seinem fünfundsiebzehnten Geburtstag*, ed. by G. Schweiger, 321–332. Tübingen: VWT Verlag.
- Kümmel, M. J. 2020: The Development of the Perfect within IE Verbal Systems: An Overview. *Perfected in Indo-European Languages and Beyond*, ed. by R. Crellin and Th. Jügel, 15–48. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Lachnit, O. 1965: *Elpis: eine Begriffsuntersuchung*. University of Tübingen Ph.D. Dissertation.
- Lejeune, M. 1972: *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris: Klincksieck.
- Lejeune, M. 1974: *Manuel de la langue Vénète*. Heidelberg: Winter.
- Leukart, A. 1987: *Po-ro-qa-ta-jo, to-sa-pe-mo, a-mo-ra-ma* and Others: Further Evidence for Proto-Greek Collective Formations in Mycenaean and Early Alphabetic Greek. *Minos* 22–24 (= *Studies in Mycenaean and Classical Greek Presented to John Chadwick*, ed. by J. T. Killen, J. L. Melena, J.-P. Olivier), 343–366.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Grammatik*. Vol. 1: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München: Beck.
- Lfgre* = *Lexikon des frühgriechischen Epos*, ed. by Snell, B., Mette, H. J., and M. Meier-Brügger. Vol. 1–4. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1955–2010.
- LIV*² = *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*, ed. by H. Rix, M. Kümmel, et al. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- LPGN* = *A Lexicon of Greek Personal Names*, ed. by P. M. Fraser, E. Matthews, and R. Parker. Oxford: Clarendon Press, 1987–.
- Lubotsky, A. 1997: The Indo-Iranian Reflexes of PIE *CRHUV. *Sound Law and Analogy. Papers in Honor of Robert S.P. Beekes on the Occasion of his 60th Birthday*, ed. by A. Lubotsky, 139–154. Amsterdam; Atlanta: Rodopi.
- Lubotsky, A. 2013: The Vedic Paradigm for ‘Water’. *Multi Nominis Grammaticus: Studies in Classical and Indo-European Linguistics in Honor of Alan J. Nussbaum on the Occasion of his Sixty-fifth Birthday*, ed. by A. I. Cooper, J. Rau, and M. Weiss, 159–164. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
- Malouchou (Μαλούχου), G. E. 2022: *Χιακά ἐπιγραφικά*. Athens: Hellēnikē Epigraphikē Hetaireia.

- Martirosyan, H. 2010: *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Meier, M. 1975: *-ιδ-*: *Zur Geschichte eines griechischen Nominal-suffixes*. Göttingen: Vanderhoeck und Ruprecht.
- Meier-Brügger, M. 1981: Greek $\lambda\acute{\omega}$ 'I wish'. *Indo-European Studies* 4, ed. by C. Watkins, 196–206. Cambridge, Mass.: Department of Linguistics, Harvard University.
- Meillet, A. 1900: Étymologies arméniennes. *MSL* 11, 390–401.
- Meillet, A. 1905–1906: Varia. *MSL* 13, 237–253.
- Meillet, A. 1908: *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*. 2nd ed. Paris: Librairie Hachette.
- Meiser, G. 1986: *Lautgeschichte der umbrischen Sprache*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Meiser, G. 1993: Das Gerundivum im Spiegel der italischen Ono-mastik. *Sprachen und Schriften des antiken Mittelmeerraums: Festschrift für Jürgen Untermann zum 65. Geburtstag*, ed. by F. Heidermanns, H. Rix and E. Seebold, 255–268. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Meiser, G. 2003: *Veni, vidi, vici: die Vorgeschichte des lateinischen Perfektsystems*. München: Beck.
- Meiser, G. 2010: *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. 3rd ed. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Minon, S. 2023 (ed.): *Lexonyme. Dictionnaire étymologique et sémantique des anthroponymes grecs antiques*. Vol. 1 (A–E). Genève: Librairie Droz.
- Neri, S. 2009: Review of D. Ringe, *A Linguistic History of English*. Vol. 1: *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2006, *Kratylos* 54, 1–13.
- Neri, S. 2017: *Wetter. Etymologie und Lautgesetz*. Perugia: Università degli Studi di Perugia.
- Neri, S. 2021: Zur Wortbildung von lat. *germānus* 'leiblich; echt'. *Studies in General and Historical Linguistics Offered to Jón Axel Hårdarson on the Occasion of his 65th Birthday*, ed. by M. Tarsi, 365–386. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Nikolaev, A. 2014: An Etymological Miscellany. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 18, 708–717.
- Nikolaev, A. 2020: Greek ἄρπᾶξ 'robber; robbery'. *IF* 125, 33–40.
- Nikolaev, A. 2021: Review of Neri 2017. *Kratylos* 66, 19–33.
- Nikolaev, A. 2022: Greek $\mu\alpha\pi-$ and its Congeners. *Acta Linguistica Petropolitana* 18: 267–281.
- Nikolaev, A. 2023: New Phrygian $\langle\varepsilon\rangle\delta\iota\kappa\epsilon\varsigma$, Greek $\theta\iota\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ (with Remarks on Miller's Law and the Treatment of *d^hs in PIE). *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 27, 858–879.

- NIL = D. S. Wodtko et al., *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg: Winter, 2008.
- Nussbaum, A. J. 1998. *Two Studies in Greek and Homeric Linguistics*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Nussbaum, A. J. 1999: *Jocidus: An Account of the Latin Adjectives in *-idus*. *Compositiones indogermanicae in memoriam Jochem Schindler*, ed. by H. Eichner, H.-Chr. Luschützky and V. Sadovski, 377–420. Praha: enigma corporation.
- Nussbaum, A. J. 2016: A Note on Latin Syllables and Anaptyxis. *Tavet Tat Satyam: Studies in Honor of Jared S. Klein on the Occasion of His Seventieth Birthday*, ed. by A. M. Byrd, J. DeLisi and M. Wenthe, 214–229. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
- Olsen, B. A. 1999: *The Noun in Biblical Armenian: Origin and Word-Formation, with Special Emphasis on the Indo-European Heritage*. Berlin: de Gruyter.
- Olsen, B. A. 2007: Three Latin Phonological Details. *Proceedings of the 18th Annual UCLA Indo-European Conference*, ed. by K. Jones-Bley, M. E. Huld, A. della Volpe, and M. Robbins Dexter, 101–115. Washington DC: Institute for the Study of Man.
- Olsen, B. A. 2011: Review of Martirosyan 2010. *Kratylos* 56, 14-30.
- Pedersen, H. 1906: Armenisch und die Nachbarsprachen. *ZVS* 39, 334–485 (= *Kleine Schriften zum Armenischen*, ed. by R. Schmitt, 112–263, Hildesheim: Olms, 1982).
- Peters, M. 1980: *Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Peters, M. 1987[1988]: Review of G. de Boel, Goal Accusative and Object Accusative in Homer. Brussel: AWLSK, 1988. *Die Sprache* 33, 285–292.
- Pike, M. 2011: *Latin -tās and Related Forms*. University of California, Los Angeles Ph.D. Dissertation.
- Rau, J. 2010: *Indo-European Nominal Morphology: The Decads and the Caland System*. Innsbruck.
- Rix, H. 1976: Abstrakte Komplemente im Urindogermanischen. *Studies in Diachronic, Synchronic, and Typological Linguistics: Festschrift for Oswald Szemerényi on the Occasion of his 65th Birthday*, ed. by B. Brogyanyi, 725–747. Amsterdam: John Benjamins.
- Ruijgh, C. J. 1971: Review of *DELG* vol. 2, *Lingua* 28: 162–173 (= *Scripta minora ad linguam graecam pertinentia*, ed. by J. M. Bremer, A. Rijksbaron, and F. M. J. Waanders, vol. 1, 591–602. Amsterdam: Gieben).
- Scala, A. 2017: Vittore Pisani e la continuazione delle dorsali indeuropee in armeno. *Alessandria* 11, 103–118.
- Scarlata, S. 1999: *Die Wurzelkomposita im Rg-Veda*. Wiesbaden: Reichert.

- Schmidt, G. 1973: Die iranischen Wörter für “Tochter” und “Vater” und die Reflexe des interkonsonantischen H (ə) in den idg. Sprachen. *ZVS* 87, 36–83.
- Schmitt, R. 1978: *Die Iranier-Namen bei Aischylos*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Schumacher, S. 2007: Kontinuanten urindogermanischer Wurzel-aoriste im Albanischen. Teil 1: Wurzelaoriste mit frühur-albanischem Stamm auf Vokal oder auf *ś. *IJDL* 4, 207–280.
- Schwyzler, E. 1939: *Griechische Grammatik*, Vol. 1: *Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wortbildung. Flexion*. München: C.H. Beck.
- Seldeslachts, H., Swiggers, P. 2002: À propos de la flexion de latin *velle*. *Donum grammaticum: Studies in Latin and Celtic Linguistics in Honour of Hannah Rosén*, ed. by L. Sawicki and D. Shalev, 317–328. Leuven: Peeters.
- Solta, G. R. 1960: *Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen*. Wien: Mechitaristen-Buchdruckerei.
- Sommer, F., Pfister, R. 1977: *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre: eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins*. Heidelberg: Winter.
- Strunk, K. 1985: Flexionskategorien mit akrostatischem Akzent und die sigmatischen Aoriste. *Grammatische Kategorien: Funktion und Geschichte. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft (Berlin, 20.–25. Februar 1983)*, ed. by B. Schlerath and V. Rittner, 490–514. Wiesbaden: Reichert (= *Kleine Schriften*, ed. by H. Hettrich, W. Hock, P.-A. Mumm and N. Oettinger, vol. 2, 666–690. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2005).
- Stüber, K. 2002: *Die primären s-Stämme des Indogermanischen*. Wiesbaden: Reichert.
- Sturm, J. 2021: *Nasal Presents from Homer to Attic Greek: Analogy and Reanalysis in the Greek Verb*. Harvard University Ph.D. dissertation.
- Szemerényi, O. J. L. 1966: The Labiovelars in Mycenaean and Historical Greek. *SMEA* 1, 29–52 (= *Scripta Minora: Selected Essays in Indo-European, Greek, and Latin*, ed. by P. Consi-dine and J. T. Hooker, vol. 3, 1220–1243. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1987).
- Szemerényi, O. J. L. 1990: *Introduction to Indo-European Linguistics*. Oxford: Clarendon Press.
- Vine, B. 1982: *Indo-European Verbal Formations in *-d-*. Harvard University Ph.D. Dissertation.
- Viredaz, R. 2018: Armenian Aorist and Imperfect Endings. *Acta Linguistica Petropolitana* 14, 163–268.

- Wackernagel, J. 1907: Indisches und Italisches. *ZVS* 41, 305–319 (= *Kleine Schriften*, Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1955, vol. 1, 494–508).
- Wackernagel, J. 1910: ἄλπιστος. *ZVS* 43, 377–378 (= *Kleine Schriften*, Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1955, vol. 1, 831–832).
- Weisgerber, L. 1930: *Die Sprache von Festlandkelten*. Frankfurt.
- Weiss, M. 2002: Observations on the South Picene Inscription TE 1 (S. Omero). *Indo-European Perspectives*, ed. by M. Southern, 251–266. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man.
- Weiss, M. 2020: *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. 2nd ed. Ann Arbor: Beech Stave Press.
- West, M. L. 1990: *Studies in Aeschylus*. Stuttgart: Teubner.
- West, M. L. 1998: *Homeri Ilias*. Stuttgart; Leipzig: Teubner.
- Widmer, P. 2004: *Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekte der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Willi, A. 2018: *Origins of the Greek Verb*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wyatt, W. F., Jr. 1972: *The Greek Prothetic Vowel*. Cleveland: American Philological Association.
- Zair, N. 2012: *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Celtic*. Leiden: Brill.
- Ziegler, S. 2004: Uridg. **uenh₁*- '(hin)schütten, ausbreiten'. *HS* 117: 1–12.

«РАЗНООБРАЗИЕ» (ΠΟΙΚΙΛΙΑ) В «ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ» ДИОДОРА СИЦИЛИЙСКОГО

Рассматриваются особенности композиции «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского в контексте характерного для литературы I в до н. э. энциклопедизма. Отмечается, что Диодор Сицилийский использует различные способы организации огромного разнообразного материала, чтобы представить его в удобном для читателей формате: сочетание тематического и хронологического принципов изложения, использование отступлений и элементов рамочного текста, чередование детализированных описаний и суммирующих обозначений событий внутри отдельных книг. Делается вывод, что в «Исторической библиотеке» Диодор Сицилийский не только использует фактографический материал своих предшественников, но и объединяет композиционные приемы, применяемые в разных направлениях древнегреческой историографии, достигая таким образом «разнообразного» представления повторяющихся эпизодов в соответствии с требованиями риторики.

Ключевые слова: древнегреческие историки, эллинистическая литература, всеобщая история, композиция, риторика

O. V. Osipova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ospv@mail.ru

“Variegation” (ποικιλία) in Diodorus Siculus’ *Bibliothēke*

This contribution analyzes the structure of Diodorus Siculus’ *Bibliothēke*, a typical Hellenistic encyclopaedic literary work. The intention of Diodorus Siculus was obviously to present his universal history in an accessible and easy-to-read literary form, and he most likely conformed his vast material to a standard structure. The paper demonstrates how Diodorus Siculus combined two seemingly contradictory structural principles in his *Bibliothēke*: variegation (ποικιλία) and symmetry. Within separate books of his work, various ways of organising historical material can be shown: the combination of thematic, namely geographical, and chronological presentation, the alternation of detailed descriptions and summaries, the interruption of the narrative with digressions, the use of paratextual elements, which contribute to the organisation of the coherent narrative. It is possible to conclude that Diodorus Siculus in his *Bibliothēke* does not only use the factual material from the works of his predecessors, but also applies structural principles of various sub-genres of Greek

historiography to a “variegated” presentation of recurring narrative units in order to meet the requirements of the Hellenistic rhetoric.

Keywords: Ancient Greek historians, Hellenistic literature, universal history, literary structure, rhetoric

Слово «пестрота» (ποικιλία) и родственные с ним используются в древнегреческой литературе, начиная с Гомера, прежде всего для описания визуального эффекта, создаваемого сочетанием различных цветов и материалов в природе (растения, животные) или в изготовленных человеком предметах (ткани, здания), а также для указания на составной характер предметов или явлений (Grand-Clément 2015; Rinaudo 2009). В эпоху эллинизма «пестрота», или «разнообразие», считается достоинством содержания и формы литературных произведений, как поэтических, так и прозаических, в том числе исторических сочинений, что становится предметом ряда исследований: проанализирована лексика, связанная с «пестротой», в «Географии» Страбона (Raschieri 2016), рассмотрены способы достижения «разнообразия» на материале «Аргонавтики» Аполлония Родосского (Nishimura-Jensen 1998) и «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского (Oakley 2019: 128–130). Отмечено, что «разнообразие» как композиционный принцип сохраняется и в античной литературе последующих веков, например, в произведениях Элиана «Пестрые рассказы» (Ποικίλη ἱστορία) и «О природе животных» (Hindermann 2016).

В трактатах Дионисия Галикарнасского, написанных в I в.¹, «разнообразие» (ποικιλία) считается важным для исторических сочинений достоинством как «содержания» (πραγματικὸς τόπος), к которому относятся выбор темы (ὑπόθεσις, Dion. Hal. Pomp. 3, 6, Thuc. 7) и техника изложения (ἐξερῆσῖα, Dion. Hal. Pomp. 3, 4, 5) (Fornaro 1997: 196–198), так и «стиля» (λεκτικὸς τόπος), включающего приемы соединения слов (σύνθεσις ὀνομάτων, Dion. Hal. Comp. 19, Thuc. 23, 53). В предлагаемой статье рассматриваются способы достижения «разнообразия» композиции в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, старшего современника Дионисия Галикарнасского².

¹ Здесь и далее все даты — до н. э.

² Отметим, что в «Исторической библиотеке» насчитывается сорок шесть случаев употребления прилагательного ποικίλος ‘пестрый’, ‘разнообразный’, двенадцать — наречия ποικίλως ‘пестро’, ‘разно-

«Историческую библиотеку» исследователи анализируют как произведение, в котором энциклопедизм сочетается с морализаторскими рассуждениями, что характерно для литературы I в. Энциклопедический характер сочинения Диодора Сицилийского отражен в названии «Библиотека», подразумевающим собрание и хранение источников по истории и смежным областям знания, например, географии (Engels 2018: 138, 147). Таким образом, «разнообразие» содержания исторического сочинения связано с выбором темы — всеобщей истории, предполагающей максимально широкий пространственно-временной охват событий, как, например, в произведении Диодора Сицилийского — начиная с мифологических времен и заканчивая временем жизни автора — серединой I в. (Diod. 1.3.6)³.

«Историческая библиотека» представляет собой компиляцию — новую авторскую комбинацию отрывков из более ранних произведений (Diod. 1.3.7–8), объединяющую все виды исторических сочинений, которые столетием ранее выделяет Полибий, исходя из их темы (Pol. 9.1.5): изложение мифологии (Diod. 4.1.4), рассказы об основании городов, военно-политическую историю разных государств, а также локальную историю (Diod. 1.3.5) и биографии правителей (Diod. 16.1, 17.1). Диодор Сицилийский сам делит «Историческую библиотеку», состоящую из сорока книг, на мифологическую и историческую части (Diod. 1.4.6–7)⁴.

Он подчеркивает, что он создает произведение, «способное доставить читателям наибольшую пользу и наименьшее не-

образно', десять — существительного *ποικιλία* 'пестрота', 'разнообразие', из них один применительно к композиции произведения, о чем будет сказано далее, пять — глагола *ποικίλλω* 'разукрашивать', два — глагола *καταποικίλλω* 'разукрашивать', один — прилагательного *χρυσολοικίλος* 'пестро расшитый золотом', итого семьдесят шесть.

³ С. Уилер указывает на сходство содержания двух энциклопедических сочинений: «Метаморфоз» Овидия и «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, сравнивая вступления (Ov. Met. 1.3–4, Diod. 1.3.6), в которых авторы заявляют тему произведений, — история от начала мира до современности (Wheeler 2002: 166–167).

⁴ Список историков, упоминаемых Диодором Сицилийским в исторической части произведения, приводит Ф. Шаму (Chamoux 1993: XXIV–XXV). Обзор источников мифологической части «Исторической библиотеки» дает О. П. Цыбенко (Tsybenko 2022: 435–453).

удобство» (ὕποθεσιν ἱστορικὴν... τὴν πλεῖστα μὲν ὠφελῆσαι δυναμένην, ἐλάχιστα δὲ τοὺς ἀναγινώσκοντας ἐνοχλήσουσαν, Diod. 1.3.5), а польза для читателей, по его мнению, состоит в том, чтобы узнать как можно больше самых разных фактов (πλεῖστας καὶ ποικιλωτάτας περιστάσεις, Diod. 1.3.2) (Achilli 2012: 132)⁵. Следует добавить, что Дионисий Галиканасский также считает полезным для читателей (πᾶσαν ... ὠφέλειαν περιέχει) разнообразие содержания (πολύμορφον τῆς γραφῆς), отличающее сочинения историка Феопомпа, в которых, помимо хронологического изложения событий, рассказывается об основании городов, жизни царей, обычаях народов (Dion. Hal. Pomp. 6). Таким образом, «разнообразное содержание» связано прежде всего с сочетанием в произведении нескольких разных, но взаимосвязанных тем.

Изложение разнообразного материала, очевидно, требует от автора использования разных приемов. Анализируя отрывки из «Исторической библиотеки», основанные на материале различных источников, Л. И. Хау выделяет в произведении четыре типа повествователя в зависимости от содержания конкретной части и типа авторских комментариев: в мифологической части это «компилятор», сообщающий сведения, но не анализирующий их (Diod. 1.10–29), или «путешественник-исследователь», как Геродот (Diod. 3.2–55), в исторической — «скрытый повествователь», лишь указывающий на переходы от одного эпизода к другому (Diod. 12.41–74), и «моралист», размышляющий о неожиданном повороте судьбы и вмешательстве божества в события (Diod. 19.102–21.16.5) (Нау 2018: 285–299). Она заключает, что разные образы повествователя в «Исторической библиотеке» соответствуют типам повествования в разных направлениях древнегреческой историографии, которые Диодор Сицилийский объединяет в своем произведении (Нау 2018: 301).

Для того, чтобы представить огромный и разнообразный материал «Исторической библиотеки» в удобном для читателей

⁵ Нужно отметить, что Диодор Сицилийский иногда объясняет включение в «Историческую библиотеку» каких-либо событий пользой для читателей (Diod. 1.3.2, 1.3.5, 1.69.2, 5.77.8), а в некоторых случаях даже обращается к ним, предупреждая их возможные сомнения в правдивости его изложения (Diod. 3.33.7, 3.52.2, 4.1.1, 4.8.3).

формате, Диодор Сицилийский использует различные способы достижения «разнообразия» при изложении повторяющихся эпизодов, из которых состоит повествование: в мифологической части произведения это мифы о культурных героях (Sulimani 2011: 158–162), а в исторической — «шаблонные ситуации» (stock situations, Нау 2014: 246–250), к которым относятся, в частности, описания сражений или народных собраний. Рассмотрим особенности техники изложения (ἐξερῶσις) в полностью сохранившихся 11–20 книгах исторической части сочинения Диодора Сицилийского.

Прежде всего, следует указать на соединение в «Исторической библиотеке» двух принципов изложения, которым следовали авторы более ранних исторических сочинений: хронологического (анналистического) и географического. Выстраивая повествование по годам, Диодор Сицилийский внутри каждого года распределяет события географически, подобно тому, как в мифологической части произведения он излагает греческие мифы локальными циклами⁶. В книгах 11–20, охватывающих события 480–302 г., упоминаются Греция в целом и разные области Балканского полуострова и острова Эгейского и Ионического морей, города Сицилии, Рим и Италия, Азия (Персия и государства, возникшие после распада державы Александра Македонского), а также Египет и Карфаген. Диодор Сицилийский описывает события «от начала до конца» (πράξεις αὐτοτελεῖς ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τοῦ τέλους, Diod. 16.1.2 — ср. Diod. 5.1.4), и каждая книга исторической части произведения, обрамленная авторскими вступлением и послесловием, содержит законченный рассказ о событиях нескольких лет. Если из-за следования хронологии повествование может стать «разорванным» (πράξεις ἡμιτελεῖς, Diod. 16.1.2), он ее нарушает (Diod. 11.67.1, 14.63.4, 15.39.3, 16.1.6, 19.49.1).

Признавая трудности в изложении событий, происходящих одновременно в разных местах (Diod. 20.43.7), Диодор Сицилийский, с одной стороны, отмечает начало и окончание рассказа о событиях в каждом регионе (например, Diod. 11.20, 15.66.6,

⁶ О сочетании в произведениях древнейших греческих историков, с одной стороны, интереса к мифографии с рассказом о событиях недавнего прошлого, с другой — локального с универсальным пишет И. Е. Суриков (Surikov 2024: 92).

19.65.1, 20.37.7), с другой — всегда указывает на начало и конец описываемого года и отмечает их краткими хроникальными заметками, прерывающими повествование, но не нарушающими его связности (например, Diod. 11.26.8, 12.43.1, 13.34.1, 14.12.1, 15.14.1), избегая таким образом недостатка анналистического изложения, «разорванного на маленькие отрывки» (εἰς μικρὰς κατακερματισμένῃ τοιᾶς), на что указывает Дионисий Галикарнасский при анализе композиции «Истории» Фукидида (Dion. Hal. Thuc. 9). Итак, совмещение анналистического и географического принципов изложения можно отнести к способам внести изменение (μεταβολή) для достижения «разнообразия однородного» (τὴν ἐν τοῖς ὁμοειδέσι ποικιλίαν, Dion. Hal. Comp. 19) и, следовательно, к приемам создания «разнообразия» композиции произведения⁷.

Еще одним способом избежать однообразного изложения повторяющихся эпизодов является чередование детализированных описаний событий и их суммирующих обозначений (Hindermann 2016: 81–85). В «Исторической библиотеке», в которой материал более ранних произведений большей частью сокращается, последних гораздо больше. Так, описания сражений могут состоять только из формул — стереотипных фраз: битва оказывается ожесточенной (καρτερᾶς, ἰσχυρᾶς, Diod. 11.7, 11.19.2 и др.), ее исход неясен (ἰσόρροπος), противники храбро ведут бой (λαμπρῶς, προθύμως), как и полководец, который, «отважно сражаясь, окончил жизнь, как герой» (λαμπρῶς ἀγωνισάμενος ἤρωικῶς κατέστρεψε τὸν βίον, Diod. 12.3.4, 12.29.3, 15.17.1, 15.33.6 и др.). Содержание речей Диодор Сицилийский передает кратко, указывая, была ли она подходящей (οἰκείως, ἀρμοζόντως) и обдуманной (πεφροντισμένως), или отмечая, что оратор произнес ее «с гуманностью» (φιλανθρωπία, ἐπιείκεια) (Sacks 1990: 98–101).

Детализированные описания сражений и пространственные прямые речи в книгах 11–20 «Исторической библиотеки» также имеются. Диодор Сицилийский сам указывает на необходимость «разнообразия» композиции исторических сочинений (ὀφειλοῦσης γὰρ τῆς ἱστορίας τῇ ποικιλίᾳ κεκοσμηῆσθαι, Diod.

⁷ Й. Хиндерманн рассматривает роль географического принципа изложения в создании «разнообразия» композиции сочинения Элиана «О природе животных» (Hindermann 2016: 86–88).

20.2.1): по его мнению, речи следует вводить в изложение «важных и значительных тем» (μεγάλων καὶ λαμπρῶν τῶν ὑποθέσεων οὐσῶν), если речь «достойна упоминания и полезна для истории» (τὰ μνήμης ἄξια καὶ τῇ ἱστορίᾳ κεκρατημένην ἔχοντα τὴν ὠφέλειαν), иными словами, служит объяснением излагаемых событий. Это рассуждение можно сравнить с критикой Дионисием Галикарнасским техники изложения (ἔξερρασία) в «Истории» Фукидида: о важных и значительных, по мнению автора трактата, сражениях и речах историк сообщает слишком кратко, а о второстепенных — подробно (Dion. Hal. Thuc. 13–14, 16–18). В книгах 11–20 «Исторической библиотеки» можно найти двадцать три детальных описания сражений, среди которых битвы при Фермопилах (480 г., Diod. 11.6–10), Саламине (480 г., Diod. 11.16–19), Мантинее (363 г., Diod. 15.84–87), Гранике (334 г., Diod. 17.18–21), и четыре прямые речи большого объема (Diod. 13.20–27, 13.28.2–32, 13.52–53, 14.65–69). Если подробные описания сражений создают «разнообразие», замедляя темп конспективного изложения, то немногочисленные прямые речи играют роль в создании симметричной композиции всего произведения (Baron 2018: 494–497).

«Разнообразие» композиции достигается также включением в произведение экскурсов — отступлений от хронологического порядка изложения событий. О необходимости отступлений в исторических сочинениях пишут Полибий (Pol. 39.1.9) и Дионисий Галикарнасский (Dion. Hal. Thuc. 7, Pomp. 3, 6) (Fornaro 1997: 199, 241). Если использовать предлагаемую исследователями древнегреческой историографии классификацию экскурсов, исходя из тематики и функций в произведении, то немногочисленные и в основном краткие отступления в «Исторической библиотеке» можно разделить по содержанию на географические, исторические и биографические, а по мотивировке включения их в повествование — на объяснительные, добавляющие информацию, необходимую для понимания излагаемых событий, и оценочные (Hau 2016: 10, 30). Биографические отступления содержат морализаторские рассуждения, например, похвалу Павсанию, Фемистоклу и Гелону (Diod. 11.23) или Эпаминонду и его современникам (Diod. 15.88), похвалу Ферону и порицание Фрасибула (Diod. 53.2–3), похвалу Диону и порицание Дионисия (Diod. 16.9.3) (Hau 2016: 81–83); исторические и географические экскурсии относятся к

объяснительным, например, о законах Харонда в Фуриях (Diod. 12.11.4–19.3) и Залевка в Локрах (Diod. 12.20–21), об Акраганте (Diod. 13.81.4–84.6) и истории Дельфийского оракула (Diod. 16.26). Таким образом, отступления создают необходимые паузы в последовательном изложении событий.

Итак, Диодор Сицилийский создает «Историческую библиотеку» из отдельных, не связанных между собой фрагментов древнегреческой историографии как многоуровневую структуру, в которой разные темы сочетаются с «разнообразием» техники изложения стандартных элементов древнегреческих исторических сочинений. Можно заключить, что в «Исторической библиотеке» Диодор Сицилийский не только использует фактографический материал более ранних произведений, но и объединяет композиционные приемы, применяемые в разных направлениях древнегреческой историографии.

Литература

- Achilli, I. 2012: *Il Proemio del Libro 20 della Biblioteca Storica di Diodoro Siculo*. Lanciano.
- Baron, C. 2018: The Road Not Taken: Diodoros' Reasons for Including the Speech of Theodoros. In: L. I. Hau, A. Meeus, B. Sheridan (eds.), *Diodoros of Sicily: Historiographical Theory and Practice in the Bibliothek*. Leuven, 491–504.
- Chamoux, F. 1993: Introduction générale. In: F. Chamoux, P. Bertrac (eds.), *Diodore de Sicile. Bibliothèque historique*. Livre I. Paris, VII–LXXVI.
- Engels, J. 2018: From Ἱστορία to Βιβλιοθήκη and Ἱστορικὰ Ὑπομνήματα. In: L. I. Hau, A. Meeus, B. Sheridan (eds.), *Diodoros of Sicily: Historiographical Theory and Practice in the Bibliothek*. Leuven, 131–147.
- Fornaro, S. 1997: *Epistola a Pompeo Gemino. Introduzione e commento*. Stuttgart; Leipzig.
- Grand-Clément, A. 2015: Poikilia. In: P. Destrée, P. Murray (eds.), *A Companion to Ancient Aesthetics*. Chichester, 406–421.
- Hau, L. I. 2014: Stock Situations, Topoi and the Greekness of Greek Historiography. In: D. L. Cairns (ed.), *Defining Greek Narrative*. Edinburgh, 241–259.
- Hau, L. I. 2016: *Moral History from Herodotus to Diodorus Siculus*. Edinburgh.
- Hau, L. I. 2018: Narrator and Narratorial Persona in Diodoros' *Bibliothek* (and their Implications for the Tradition of Greek Historiography). In: L. I. Hau, A. Meeus, B. Sheridan (eds.), *Diodoros of Sicily*:

- Historiographical Theory and Practice in the Bibliothek*. Leuven, 277–301.
- Hindermann, J. 2016: Aelian und die ΠΟΙΚΙΛΙΑ. Ordnung und Unordnung in De natura animalium. *Rheinisches Museum* 159, 71–98.
- Nishimura-Jensen, J. 1998: The Poetics of Aethalides: Silence and Poikilia in Apollonius' Argonautica. *Classical Quarterly* 48.2, 456–469.
- Oakley, S. P. 2019: The Expansive Scale of the *Roman Antiquities*. In: R. Hunter, C. C. de Jonge (eds.), *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography*. Cambridge, 127–160.
- Raschieri, A. A. 2016: Il mondo variopinto di Strabone: la poikilia nella geografia. In: F. Cantarelli, L. Venezia (eds.), *Dai paesaggi antichi alla storia; Dalle indagini geostoriche, filologiche e archeologiche alla tutela nei territori attuali: Atti del Convegno internazionale di Milano. Vol. I*. Bergamo, 49–63
- Rinaudo, M. 2009: Sviluppi semantici e ambiti d'uso di ποικίλος e derivati, da Omero ad Aristotele. In: E. Berardi, F. L. Lisi, D. Micallella (eds.), *Poikilia: variazioni sul tema*. Acireale; Roma, 25–63.
- Sacks, K. S. 1990: *Diodorus Siculus and the First Century*. Princeton; Oxford.
- Sulimani, I. 2011: *Diodorus' Mythistory and the Pagan Mission: Historiography and Culture-Heroes in the First Pentad of the Bibliothek*. Leiden; Boston.
- Surikov, I. E. 2024: "Praottsy istorii". *Drevneyshie predstaviteli antichnoy istoricheskoy mysli. T. 1. Obshchie voprosy* ["The Forefathers of History". *The Earliest Figures of Ancient Historical Thought. Vol. 1. General Issues*]. St.-Petersburg.
- Суриков, И. Е. 2024: «Праотцы истории». *Древнейшие представители античной исторической мысли. Т. 1. Общие вопросы*. СПб.
- Tsybenko, O. P. 2022: [Diodorus Siculus: a Historian and a Compiler of a Library]. In: O.P. Tsybenko (ed.), *Diodor Sitsiliyskiy. Istoricheskaya biblioteka. Tom I* [*Diodorus Siculus. Bibliothek. Vol. I*]. St.-Petersburg, 401–482.
- Цыбенко, О. П. 2022: Диодор Сицилийский: историк и составитель библиотеки. В сб.: О. П. Цыбенко (ред.). *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Том I*. СПб., 401–482.
- Wheeler, S. 2002: Ovid's Metamorphoses and Universal History. In: D. S. Levene, D. Nelis. (eds.), *Clio and the Poets: Augustan Poetry and the Traditions of Ancient Historiography*. Leiden, 163–189.

А. Д. Пантелеев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
a.pantelev@spbu.ru

БАЛЬБИЛЛ — РИМСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И АСТРОЛОГ*

Статья посвящена изучению античной традиции о жизни и деятельности видного римского администратора Тиберия Клавдия Бальбилла. Его деятельность относится к периоду правления Клавдия, Нерона и Веспасиана, он занимал посты главы Александрийского музейона и библиотеки, прокуратора Азии, наместника Египта. Много лет ведется дискуссия о тождестве или различии этого Бальбилла с астрологом Бальбиллом, о котором сообщают Светоний (Suet. Nero 36) и Дион Кассий (Dio Cass. LXVI,9,2). Мы полагаем, что это был один и тот же человек; он обладал глубокими познаниями в астрологии, но она не была его основным полем деятельности. Его близость к императорам опиралась не на составление гороскопов, а на личную дружбу и большую эрудицию. С другой стороны, подобные фигуры могли противостоять слухам о скорой смерти императора, которые часто на римских улицах распространяли всевозможные астрологи, пророки и чудотворцы.

Ключевые слова: Бальбилл, Римская империя, астрология, религиозные эксперты.

A. D. Pantelev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
a.pantelev@spbu.ru

Balbillus — Roman intellectual, statesman and astrologer

This research was funded by RSF, project number 23-28-01360. The paper is based on the study of the ancient tradition about the life and work of the prominent Roman administrator Tiberius Claudius Balbillus. His activities took place during the time of Claudius, Nero and Vespasian, and he was the head of the Alexandrian Museum and Library, procurator of Asia, governor of Egypt. For many years there has been a discussion about the identity or difference of this Balbillus with the astrologer Balbillus, mentioned by Suetonius (Suet. Nero 36) and Dion Cassius (Dio Cass. LXVI, 9, 2). We believe that it was the same person. He had a deep knowledge of astrology, but it was not his main field of activity. His

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>

proximity to the emperors was based not on horoscopes, but on personal friendship and great erudition. Besides, such figures could resist rumors about the imminent death of the emperor, which were often spread on Roman streets by all kinds of astrologers, prophets and miracle workers.

Keywords: Balbillus, Roman Empire, astrology, religious experts.

Астрология в Риме времен Поздней республики и Ранней империи пользовалась большой популярностью как среди представителей высшего общества, так и простых людей. Халдеи или математики, как их называли в древности, и их клиентура — частые персонажи в сочинениях римских историков, писателей и поэтов. Власти к их деятельности относились неодобрительно, особые подозрения вызывали астрологи, которые могли влиять на настроения толпы и возбуждать волнения и мятежи (Cramer 1954: 115; MacMullen 1966: 155–156; Barton 1994: 32). Магистраты, сенат, а потом императоры неоднократно изгоняли их из Рима, а иногда и Италии. П. Рипат обоснованно ставит под сомнение соображения, которые традиционно приписываются римлянам в связи с этими мерами, особенно «императорскую паранойю» — веру в то, что кто-то составит гороскоп императора и узнает или дату его смерти, или кто станет следующим правителем, — но сам факт изгнаний неоспорим (Ripat 2011: 115–154). В статье, где она стремится пересмотреть консенсус по отношению к астрологии в Риме, сложившийся после появления книги Ф. Крамера (Cramer 1954), ставятся несколько важных вопросов, один из которых состоит в том, что историки никогда всерьез не определяли критерии, по которым тот или иной человек считается астрологом. «Вместо этого принято считать, что астролог — это тот, кто знает и занимается астрологией на практике, за исключением тех случаев, когда мы предпочли бы не считать астрологом того, кто знает и занимается астрологией на практике» (Ripat 2011: 122). Этот тезис хорошо иллюстрируют примеры александрийского философа-платоника и грамматика Трасилла, которого современные историки описывают прежде всего как астролога (хотя Фемистий и Юлиан считали его философом: Panteleev 2023: 888), и Тиберия, ученика и товарища Трасилла по занятиям астрологией, который избежал этой характеристики, как и другие императоры, например, Тит (Suet. Tit. 9, 2), Адриан

(SHA. Nadr. 16,7) и Септимий Север (SHA. Sev. 2–3), или «негодяй, но не астролог» Регул (Plin. Epist. II,20).

В центре нашего внимания окажется еще одна фигура из этой «серой зоны» — Бальбилл, сын Трасилла, римский всадник, сделавший блестящую карьеру в середине I в. и обладавший большими познаниями в астрологии. Вокруг него уже столетие ведутся споры, связанные с тождеством или различием Бальбилла-астролога с жившим в то же время его тезкой (или тезками), известным нам по сочинениям античным авторам, надписям и другим источникам, и с его родственными связями. Не в последнюю очередь эта дискуссия связана с нежеланием многих современных исследователей признавать возможность того, что видный римский администратор мог не просто увлекаться астрологией, но быть ее первоклассным знатоком и высоко цениться среди профессионалов. Так, автор заметки о Бальбилле-астрологе в «Просопографии Римской империи» прямо говорит об этом отождествлении: *Quod existimant plerique viri docti hunc astrologum eundem esse ac Ti. Claudium Balbillum praefectum Aegypti id neutiquam credibile mihi videtur* (PIR² В 38); столь же безапелляционно высказывался И. Д. Амусин (Amusin 1949: 226) и другие. В этой статье мы постараемся показать, что речь все же идет об одном и том же человеке, и обратимся к анализу того, какое место в его жизни занимала астрология и, возможно, какие-то другие религиозные практики.

Итак, приведем прежде всего сведения о Бальбилле-астрологе. Светоний в биографии Нерона рассказывает о совете астролога Бальбилла (Balbillus astrologus) императору: когда того напугала комета, висевшая над Римом несколько ночей, что, как считалось, предвещало смерть верховных правителей, Бальбилл сказал, что обычно цари откупаются от этого казнью каких-нибудь высокопоставленных особ, таким образом переводя предзнаменование на этих вельмож. Нерон послушался этого совета, благо повод для казней долго искать не пришлось, так как были раскрыты заговоры Пизона и Винициана (Suet. Nero 36). Очевидно, о том же Бальбилле говорит и Дион Кассий, когда рассказывает, что хотя император Веспасиан и изгнал из Рима астрологов, но сам пользовался услугами лучших из них, и даже позволил жителям Эфеса провести священные игры в честь некоего Барбилла (διὰ Βάρβιλλον),

«человека подобного рода занятий» (Dio Cass. LXVI, 9, 2) (Maggie 1950: 1399; Cramer 1954: 138; PIR² В 38). С именем Бальбилла связаны несколько фрагментов текстов астрологического содержания, где рассматриваются вопросы определения продолжительности жизни (ССАГ. 8.3.103–104; 8.4.233–238, 240–244; Gansten 2012; Tolsa 2019). К этому стоит добавить свидетельство Тацита о том, что сын Трасилла предсказал Нерону приход к власти (Тас. Ann. VI, 22, 6).

Мы располагаем основательным сводом сведений о Бальбилле (или нескольких Бальбиллах) — римском всаднике и администраторе I в. (Maggie 1950: 1398–1400). Тацит причисляет Тиберия Бальбилла к друзьям Агриппины, для которых она добилась видных должностей: в 55 г. он был назначен префектом Египта (Тас. Ann. XIII, 22, 1). Связь Бальбилла с Египтом подтверждается современниками. Сенека характеризует Бальбилла следующим образом: *virorum optimus, perfectusque in omni litterarum genere rarissime* и приводит его рассказ о том, как в Ниле сражались дельфины с крокодилами, причем первые одержали победу (Sen. QN IV, 2, 13–14). Похожее сообщение, заимствованное то ли у Сенеки, то ли у самого Бальбилла, встречается у Плиния Старшего (XXVIII, 31), Солина (32,26) и Аммиана Марцеллина (XXII, 15, 18). Кроме того, Плиний Старший упоминает, что префект Египта Бальбилл проделал путь от Сицилии до Александрии за 6 дней (XIX,1).

Существует обширная документальная традиция, представленная папирусами и надписями; начнем с первых. Египетский папирус из Фаюма, датируемый 34 г., содержит контракт на трехлетнюю аренду бани, принадлежавшей двум римским всадникам, Марку Апонию Сатурнину и Тиберию Клавдию Бальбиллу (P.Mich. 5.312). Его имя несколько раз появляется в знаменитом письме Клавдия александрийцам, написанном в 41 г. по поводу волнений в городе (P.Lond. 6.1912; CPJ 2.153). Тиберий Клавдий Барбилл (Τιβέριος Κλαύδιος Βάρβιλλος. — v. 16) упомянут первым в списке александрийских послов, что может указывать на то, что он возглавлял всю делегацию, дальше в тексте он назван «мой высокочтимый Барбилл» (ὁ ἐμοῖ τιμιώτατος Βάρβιλλος. — v. 36), а в конце документа Клавдий говорит о нем как о своем друге (v. 105). Бальбилл оказывается действующим лицом языческих «Актв Исидора» — рассказа о процессе, начатом одним из участников александрийского

посольства, о котором мы только что говорили, против иудейского царя Агриппы, друга Клавдия; Бальбилл выступает здесь на стороне Исидора и обвиняет его противников-иудеев в дерзости (CPJ 2.156c; Musurillo 1954: 18–26; Amusin 1949). Наконец, нам известен P.Graux 2, черновик прошения некоего сборщика налогов Немесиона, обращенного к Тиберию Клавдию Бальбиллу, где идет речь об освобождении от податей нескольких деревень, жители которых либо бежали из-за нищеты, либо умерли, не оставив наследников.

Что касается эпиграфических данных, то Тиберий Клавдий Новий поставил на Делосе статую Тиберия Клавдия Бальбилла, ἐπίτροπος Καίσαρος, от которой сохранился постамент с посвятельной надписью. Этот Новий исполнял различные должности в Афинах в 40–50 гг. и почтил Бальбилла за его благорасположение (εὐνοία. — IDelos 1861; Geagen 1979: 283–284). В честь благодеяний (εὐεργεσία) Бальбилла в Эфесе была сделана надпись, где он также назван ἐπίτροπος τοῦ [Σεβαστοῦ] (IEph 7.3041 = Ann. Ép. 1924.78). Его прокураторство в Азии можно датировать самым концом 54 или началом 55 г., так как в другой эфесской надписи, связанной с ним, упоминается *divus Claudius* (IEph 7.3042). В ней сказано, что Бальбилл при Клавдии был *ad legationes et res[ponsa? –scripta? Graeca]*, военным трибуном XX легиона, *praefectus fabrum* (префектом ремесленников), принимал участие в британском триумфе императора и был награжден венком (золотым?) и *hasta pura*, военным знаком отличия. Эти должности и награды были связаны с походом в Британию в 43 г., но здесь же упомянуты и его другие посты, относящиеся к Египту: *proc. aedium divi Aug. et ... [e]t lucorum sacro[rumque omnium qu]ae sunt Alexan[dreae et in tota Aegypt]o et supra museum et ab Alexandria bibliotheca et archiereus et ad Hermen Alexandreon*. У нас нет прямого указания, предшествовали ли эти должности военным или последовали за ними. Сохранились надписи, относящиеся к периоду его правления Египтом (IGR 1.1110 et al.; Stein 1933). В Смирне найдено посвящение Нерону и Агриппине, сделанное Тиберием Клавдием Бальбиллом, сыном Тиберия Клавдия Трасилла (SEG 28, 885; Merkelbach 1978). Игры, учрежденные Веспасианом в честь Бальбилла в Эфесе, упоминаются в многочисленных малоазийских надписях в честь атлетов (Stein 1933: 125–126).

Семья Бальбилла была связана давними узами с царским домом Коммагены: его матерью была принцесса Ака (Stein 1933: 133–135; Cramer 1954: 136; Beck 2004: 42–43; Panteleev 2023: 888), а дочь вышла замуж за Гая Юлия Антиоха Эпифана, сына коммагенского царя Антиоха IV. От этого брака родились Гай Юлий Антиох Эпифан Филопапп, консул 109 г., и Юлия Бальбилла. В 128–130 гг. она сопровождала Адриана и Сабину во время их поездки по восточным провинциям и оставила 4 эпиграммы на «поющем» Колоссе Мемнона (Hemelrijk 1999: 157–163). В одной из них она упоминает своих предков — мудрого Бальбилла (Βάλβιλλος ὁ σοφός) и царя Антиоха. Возможно, дальними потомками Бальбилла являются несколько Бальбиллов, римских жрецов культа Sol Invictus Elagabal (Halsberghe 1972: 53–55).

Таким образом, наши данные можно рассматривать как свидетельства о четырех Бальбиллах или его ипостасях: 1) Бальбилл-астролог, о котором говорят Светоний и Дион Кассий; 2) Бальбилл-префект Египта; 3) Бальбилл-эфесянин, служивший при Клавдии, глава Александрийской библиотеки, удостоенный почестей в родном городе; 4) Бальбилл-александриец, глава посольства в Рим и герой «Актов Исидора». Начиная со статьи Ф. Кюмона (Cumont 1918), не прекращаются попытки отделить этих Бальбиллов друг от друга и доказать, что это разные люди, или, наоборот, объединить их. К. Кихориус счел, что все данные, за исключением астрологических занятий, относятся к одному человеку, так что было два Бальбилла (Cichorius 1927). А. Штейн, наоборот, занял самую радикальную позицию, заявив о том, что можно лишь предположить идентичность Бальбилла-префекта и эфесянина, в то время, как астролог и александриец безусловно отдельные персонажи (Stein 1933). Г. Музурилло, оставив в стороне астролога, не увидел ничего невозможного в том, что три остальных — это один человек (Musurillo 1954: 130–131). Ф. Крамер доказывал, что Бальбилл был один (Cramer 1954: 112–146). Ж. Гаже вообще отказывает Трасиллу в родстве с Бальбиллом, так как первый был выразителем идеологии неопифагорейского кружка, а второй — «эллинистических магов» (Gagé 1968: 75–124). Позиция Ф. Миллара близка тому, что писал Музурилло; кроме того, он отметил, что военные должности Бальбилла, не проявлявшего ранее никакого интереса к этой сфере деятельности, могли быть

синекурой, подарком Клавдия старому другу, а интеллектуалы, возглавлявшие Александрийский Мусей, после этого часто делали блестящую карьеру при дворе (Millar 1977: 86–87). Р. Бек, пытаясь сохранить осторожность, говорит о «минималистском» и «максималистском» подходе, но так как для него важны и влияние Бальбилла, и его астрологические занятия, и связь с коммагенской династией, то волей-неволей ему приходится встать на позицию Крамера (Beck 2020: 43). Большую роль в этой дискуссии сыграла статья Д. Фаоро, где было показано сходство карьер Гнея Вергилия Капитона и Бальбилла. Капитон был в 37–41 гг. верховным жрецом императорского культа в Милете, ок. 43 — военным трибуном и префектом ремесленников, после 47 г. — прокуратором Азии, а с 47 по 52 — префектом Египта. В свою очередь, Бальбилл до 41 г. являлся верховным жрецом культа императора в Александрии, в 41 — комитом и легатом Клавдия, в 43 — военным трибуном XX легиона, до 54/55 исполнял обязанности прокуратора Азии, а в 55–59 — префекта Египта (Faoro 2016). Стоит отметить и статью К. Ригсби, прояснившую отдельные моменты египетского этапа карьеры Бальбилла (Rigsby 1985).

Скорее всего, Бальбилл унаследовал от отца не только познания в астрологии, но и александрийское гражданство и какое-то имущество в Египте, среди которого была и баня, упомянутая в контракте *P.Mich. 5.312*. Когда и при каких обстоятельствах они познакомились с Клавдием, мы не знаем, но учитывая, что Трасилл постоянно находился при Тиберии, возможностей для этого было много. Возможно, прав Ф. Крамер, указавший на склонность Клавдия к антикварно-историческим занятиям как причину для сближения будущего императора сначала с Трасиллом, а затем с его сыном (Cramer 1954: 112–113). В конце царствования Тиберия или начале правления Калигулы Бальбилл уезжает в Египет. Узнав о восшествии Клавдия на престол, он во главе александрийского посольства направился в Рим, а в 43 г. принял участие в Британском походе. Скорее всего, должности в Александрии, упомянутые в *IEph 7.3042*, он выполнял до своего переезда в Европу, хотя существует вероятность, что он получил их в правление Клавдия. В 52 г. сенат изгоняет астрологов из Рима и всей Италии (Tac. Ann. XII, 52). На причины этих мер проливает свет Сенека в «Отыквлении», вкладывая в уста Меркурия фразу:

«Дай ты в кои-то веки не соврать звездочетам: с тех пор, как он стал править, они что ни год, что ни месяц его хоронят» (Sen. Aros. 3). Естественно, Бальбилла, как и других «джентльменов-астрологов», эта мера не коснулась (Cramer 1954: 115). В 55–59 гг. он исполняет должность префекта Египта, оставив ее после убийства Агриппины. Его отношения с Нероном не испортились. Бальбилл возвращается в Рим, где время от времени консультирует императоров, а в конце жизни переезжает в Эфес; возможно, из этого города происходила его супруга, но это только предположение.

Мы, со своей стороны, признавая тождество трех Бальбиллов, не видим никаких препятствий для того, чтобы отнести к нему и свидетельства о занятиях астрологией. Он обладал глубокими познаниями в этой области, но это совершенно точно не было его основным занятием. П. Рипат задается вопросом, почему мы должны считать Бальбилла астрологом или даже «придворным астрологом»: «Знание и использование астрологии делают астрологом не больше, чем интерес к кулинарии делает профессиональным шеф-поваром» (Ripat 2011: 123). Он не был «элитарным астрологом», так как эта категория — конструкт современных ученых. Следует отказаться от деления астрологов на «элитарных», частью которых были «придворные», и «уличных». Разница между ними, как считалось, состоит в уровне знаний и умений, взимании платы за предсказания и наличии или отсутствии высокого покровительства. Но имея дело с этой областью занятий, нужно понимать, что впечатление, которое оказывал астролог и то, как он мог подать свое искусство, значило намного больше, чем его реальный уровень знаний. Тот, кто мог оценить реальные знания астролога, сам мог составить гороскоп, а стало быть, редко нуждался в посторонней помощи, а богатые люди были столь же легковверны и внушаемы, как и бедные. В то же самое время изощренные астрологические трактаты содержат советы для составления гороскопов для выходцев из всех слоев общества — рабов, вольноотпущенников и свободных, бедных, и богатых (Ripat 2011: 125). Во-вторых, следует помнить, что астрология существовала не сама по себе, она взаимодействовала с другими оккультными и светскими сферами жизни. С одной стороны, некоторые магические заклинания содержат указания на сочетания планет и созвездий, на табличках с проклятиями

встречаются *characteres*, имеющие явно астрологическое происхождение, с другой, об астрологии говорят инженер и архитектор Витрувий (IX,6,2) или медик Гален (Barton 1995: 52–54).

Все это заставляет взглянуть на занятия Бальбилла по-новому: вполне возможно, что астрология для него, как и для его отца Трасилла, представляла интерес не сама по себе, а как часть чего-то большего. Если для платоника Трасилла это был инструмент познания мира (Panteleev 2023: 890–891), то о философских занятиях Бальбилла нам ничего не известно. Здесь можно вспомнить теорию Р. Бека о происхождении римского митраизма и особой роли коммагенской аристократии в его популяризации (Beck 2004; Beck 2006). Это был процесс синтеза иранской религии и греческой учености, сознательно осуществляемый группой людей, и особую роль в нем, по его мнению, играл Бальбилл, занимавшийся развитием астрологического аспекта новых для Рима мистерий. Бальбилл, сын коммагенской принцессы Аки, не был первым митраистом или основателем учения; Бек предпочитает говорить о нем как о влиятельном патроне мистерий и в какой-то степени интеллектуальном покровителе и наставнике тех, кто принес и распространял этот культ (Beck 2004: 42–43; 323–329). Этот взгляд принят далеко не всеми, но для нас он важен как иллюстрация того, что астрология для подобных людей не обладала особой самостоятельной ценностью, и именно поэтому о нем редко говорят как об астрологе.

Бальбилл, как и его отец Трасилл, является примером того, как отлично образованные греческие интеллектуалы, обладавшие помимо прочих дарований глубокими познаниями в захватившей умы римлян астрологии, могли сделать блестящую карьеру при дворе. Не стоит вслед за Крамером видеть в них злостных интриганов и стоящих за тронем «серых кардиналов», делавших карьеру и избавлявшихся от своих противников при помощи гороскопов. Было бы наивно считать, что цезари им полностью доверяли и были готовы закрыть глаза на такого рода деятельность. Их близость к императорам опиралась на личную дружбу и способность дать им неожиданный совет или отвлечь от тяжких раздумий философской или занимательной беседой. Однако, если их покровители начинали беспокоиться из-за очередных слухов о скорой смерти, распространяющихся по римским улицам и форумам, они без труда могли успокоить

их высококвалифицированной консультацией. Вспомним, как Клавдий, испугавшись беспорядков из-за того, что 1 августа 45 г., в день его рождения, должно было произойти солнечное затмение, выступил с обращением, где объявил об этом явлении, времени, когда оно произойдет, и о причинах, которыми оно вызвано (Dio Cass. LX.26.1). Вполне возможно, что эти меры были приняты по совету Бальбилла, и в какой-то степени подобные ему фигуры ценились за способность противостоять «римской улице», подогреваемой всевозможными астрологами, пророками и чудотворцами. Со временем этим искусством начнут заниматься сами императоры, как уже названные Тит, Адриан или Септимий Север.

Список сокращений:

- CCAG — Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Vol. 1–12. Bruxellis, 1898–1953.
 IEph — Die Inschriften von Ephesos. Bd. 1.-8. Bonn, 1979–1984.
 IGR — Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes / Ed. René Cagnat et al. Vol. 1–4. Paris, 1901–1927.
 PMich — Michigan Papyri. Ann Arbor, 1924–.

Литература

- Amusin, I. D. 1949: [Letter and Edict of Emperor Claudius (On the Question of the Authenticity of the Edict in Flavius)], *Vestnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 2, 221–228.
 Амусин, И. Д. 1949: Письмо и эдикт императора Клавдия (к вопросу о подлинности эдикта у Флавия). *Вестник древней истории* 2, 221–228.
 Beck, R. 2006: *The Religion of the Mithras Cult in the Roman Empire. Mysteries of the Unconquered Sun*. Oxford.
 Beck, R. 2004: *Beck on Mithraism: Collected Works with New Essays*. New York.
 Cichorius, C. 1927: Der Astrologe Ti. Claudius Balbillus, Sohn des Thrasyllus. *Rheinisches Museum für Philologie* 76, 102–105.
 Cramer, F. H. 1954: *Astrology in Roman Law and Politics*. Philadelphia.
 Cumont, F. 1918: Astrologues romains et byzantins. *Mélanges de l'école française de Rome* 37, 33–54
 Faoro, D. 2016: Carriere parallele: Cn. Vergilius Capito e Ti. Claudius Balbillus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 199, 213–217.
 Gagé, J. 1968: “Basiléia”. *Les Césars, les rois d’Orient et les “Mages”*. Paris.
 Gansten, M. 2012: Balbillus and the Method of aphasis. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 52, 587–602.

- Geagan, D. J. 1979: Tiberius Claudius Novius, the Hoplite Generalship and the Epimeleteia of the Free City of Athens. *American Journal of Philology* 100, 279–287.
- Halsberghe, G H. 1972: *The Cult of Sol Invictus*. Leiden.
- Hemelrijk, E. A 1999: *Matrona Docta. Educated Women in the Roman Elite from Cornelia to Julia Domna*. London; New York.
- MacMullen, R. 1966: *Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest, and Alienation in the Empire*. Cambridge.
- Magie D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor to the End of the 3d century after Christ*. Princeton.
- Merkelbach, R. 1978: Ephesische Parerga 21: Ein Zeugnis für Ti. Claudius Balbillus aus Smyrna. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 31, 186–187.
- Millar, F. 1977: *The Emperor in the Roman World*. London.
- Oliver, R. P. 1980: Thrasyllus in Tacitus (Ann, 6.21). *Illinois Classical Studies* 5, 130–148.
- Panteleev, A. D. 2023: [Thrasyllus, Philosopher and Personal Astrologer of Tiberius]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 27, 880–893.
- Пантелеев, А. Д. 2023: Трасилл, философ и личный астролог Тиберия. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 27, 880–893.
- Rigsby, K. J. 1985: On the High Priest of Egypt. *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 22, 279–289.
- Ripat, P. 2011: Expelling Misconceptions: Astrologers At Rome. *Classical Philology* 106, 115–154.
- Stein, A. 1933: Balbillus. *Aegyptus* 13, 123–136.
- Tolsa, C. 2019: Vettius Valens' Longitudes (1.18), Balbillus, and the Illusion of Astrology's Self-sufficiency. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 59, 397–414.

В. Б. Панченко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
vikipanch@gmail.com

Т. В. Рождественская

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; tat.rozhd@gmail.com

ТРИ ПОДПИСНЫХ КРЕСТА ИЖОРСКОГО ПЛАТО¹

Статья посвящена комплексному эпиграфическому и археологическому исследованию трех малоизученных памятников древнерусской монументальной скульптуры — каменных крестов, находящихся на территории Ижорского плато. Материал для исследования был получен во время полевых экспедиционных работ авторов в 2018 г. На основании палеографических и лингвистических особенностей надписей предлагается датировка крестов, привлечение археологических источников позволяет понять их историко-культурное значение. В статье публикуются современные прорисовки надписей, уточняется датировка Войносовского креста. Надписи на двух других крестах — Ястребинском и Елисейевой пустыни — публикуются впервые.

Ключевые слова: Средневековые каменные кресты, эпиграфика, палеография, локальная история, археология Новгородской земли.

V. B. Panchenko

Russian State Hermitage, St. Petersburg Russia. vikipanch@gmail.com

T. Vs. Rozhdestvenskaia

St. Petersburg State University, St. Petersburg Russia. tat.rozhd@gmail.com

Three medieval stone crosses with inscriptions from Izhora plateau

The contribution is about a comprehensive epigraphic and archaeological research of three little-studied monuments of ancient Russian monumental sculpture — stone crosses located on the territory of the Izhora plateau. The material for the study was obtained during the field expeditions of the authors in 2018. Based on the paleographic and linguistic features of the inscriptions, we propose the dating of the crosses; the use of archaeological sources makes it possible to understand their historical and cultural significance. The article publishes modern drawings

¹ Статья подготовлена на основании полевых работ авторов в *Археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по изучению культовой архитектуры малых форм* в 2018 г. (начальник экспедиции В. Б. Панченко).

of the inscriptions and clarifies the dating of the Voinosolovsky cross. The inscriptions on the other two crosses — Yastrebinsky and Eliseeva Hermitage — are published here for the first time.

Keywords: medieval stone crosses, epigraphy, paleography, local history, archeology of the Novgorod land.

Интерес к средневековым каменным крестам как к памятникам древнерусской материальной культуры возник во второй половине XIX века. Первым исследователем, обратившим внимание на этот вид древностей, был о. архимандрит Макарий (Миролюбов), опубликовавший в 1859 г. работу «Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение» (Makariy 1859: 84–102), а также исследование о монограммах на крестах (Makariy 1859a: 209–211). В 1866 г. И. И. Срезневский издал альбом (Sreznevsky 1866) как приложение к его собранию древнерусских надписей (Sreznevsky 1863), в котором были опубликованы снимки надписей новгородских крестов: каменного креста Симеона чернеца 1234 г. (Sreznevsky 1866: 56, № 32), деревянного Людогощинского креста 1359 г. (Sreznevsky:1866: 101–102, № 41) и каменного креста при ц. Благовещенья у Аркажа монастыря XIV в. (Sreznevsky 1866: 133, № 48). В начале XX века почти одновременно выходят работы А. А. Спицына (Spitsyn 1903) и И. А. Шляпкина (Shlyapkin 1906), посвященные комплексному изучению каменных крестов. В этих изданиях представлено большое количество изображений каменных крестов и предложены формальная и функциональная классификации памятников. Во второй половине XX в. подписные кресты, ранее не привлекавшие внимания исследователей, постепенно входят в научный оборот (Yashkina 1998: 75–89). Наиболее подробно изучались надписи на двух известных крестах XII в. — Стерженском и Воймерицком (Zaliznyak 1995: 289, 374; Rozhdestvenskaia 2011: 382–390; Mikheyev 2012: 7–13; Gippius 2023: 75–86; Volkhonsky, Mikheyev 2023: 264–288).

В статье рассматриваются надписи на трех каменных крестах, объединенных общим культурным и географическим пространством — все они находятся на Ижорском плато, в западной части Водской пятины Великого Новгорода. Здесь в конце XIII в. появляется особый, отличный от новгородских, «ижорский» тип каменных крестов (Panchenko 2009: 420–438). К настоящему времени здесь обнаружены всего три креста с

надписями. Один из этих памятников был опубликован ранее В. В. Седовым (Sedov 1962: 311–314), надписи на двух других ранее специально не публиковались.

Каменный крест Савы Тарасина из д. Войносолово

Подписной каменный крест из д. Войносолово Кингисеппского района Ленинградской обл. в настоящее время находится у Екатерининского собора г. Кингисеппа. Впервые он был опубликован в 1962 г. В. В. Седовым, который датировал его XIV в. Крест относится к «ижорскому» типу, вставлен в плиту («подпятный камень») (рис.1).

Рис.1. Крест из д. Войносолово (Публикуется по: Sedov 1962: 312, рис. 2. Далее фотографии и прориси В. Б. Панченко)

Происхождение: зафиксирован в д. Войносолово в 1925 г. сотрудником музейного фонда Ф. М. Морозовым в скоплении 17-ти каменных крестов «возле ручья» (Panchenko, Fedorov 2017: 81–82, рис. 8).

Надписи и изображения: В средокрестии вырезан 6-ти конечный крест на П-образном подножии (Голгофе). На левой с правой лопастях *ісь* — *хъ* под титлами, на верхней лопасти *ни*,

под крестом **ка** под титлом. По краю креста идет обрамляющий прорезной ободок. Все пространство нижней лопасти — основания занимает текст (рис. 2):

Рис. 2 Надпись на кресте из д. Войносолово

1 строка: **хростъ** (поначалу мастер хотел сделать лигатуру **тѣ**, но все же поместил потом **ѣ** отдельно, хотя ему пришлось нарушить симметрию надписи.

2 строка: **раба бн** (Божи с лигатурой) **га**

3 строка: **савы та**

4 строка: **расина**

5 строка: **кѹзнеца**

Палеография: надпись сделана русским полууставом (Shcherkin 1967: 132–135; Karsky 1928 (1979): 171–174), буквы вытянуты, размеры первой строки меньше остальных, но нижний уровень всех строк в целом выдержан, формы букв **а**, **р** варьируются, **а** — с овально-вытянутой петлей и мачтой, выходящей за овал — черта, более характерная для почерков,

начиная с рубежа XIV–XV и позднее (Shchepkin 1967), также в берестяных грамотах начала XV в (Zaliznyak 2000: 153); **б**, **ь** имеют строго вертикальную мачту и сильно пониженный квадратобразный кузов как в монограммах, так и в тексте; не менее характерна декоративная короткая перекладина — черта, появляющаяся и распространившаяся и в рукописях, и в берестяных грамотах начиная с первой трети XV (Zaliznyak 2000: 173).

В — квадратный нижний кузов, верхний — треугольной формы, с нижним не замкнут, по данным **бг** бытует с конца XIV (Zaliznyak 2000: 157), а в основном в XV в. и позже.

Йотированная гласная **ја** отражается как **-га**. Петля сильно понижена по отношению к мачте, перекладина горизонтальная, соединяется с мачтой в точке соединения ее с петлей, что более характерно для почерков середины XV–XVI вв. В берестяном письме такая форма встречается в 50-х гг. XV (Zaliznyak 2000: 215). Общий облик начертаний, некоторая вытянутость форм, преобладающие палеографические черты позволяют сдвинуть датировку надписи на более позднее время, а именно: самое раннее — рубеж XIV–XV вв., а более уверенно с XV в. В целом ровность строк соблюдена, как и размер букв в каждой строке, что выдает руку опытного резчика, ориентированного на книжные почерки.

Графико-орфографические и фонетические черты: передача /у/ в слове «**кузнец**» с **у** после согласного, а не с диграфом **оу** отражает активный процесс, распространившийся не ранее начала XV в. и характерный для всего XV в., в том числе и в берестяных грамотах (Zaliznyak 2004: 29), к тому же соответствует традиционному написанию этого имени.

Фонетика: Слово **хрост** (крест) — отражает диалектное смешение **к\х** в начале слова, переход /о/ в /е/ после мягкого перед твердым в ударном слоге (что отмечено и В. В. Седовым (Sedov 1962). Ср. в Словаре русских народных говоров (SRNG 1979: 15) — **крѣст** — в современной диалектной записи «через дорогу переходят, где **крѣст**». Также в грамоте №10: «**межу нобом и землею**», не позднее 70-х гг. XIV в. (Zaliznyak 2004: 617), где в слове «**нобом**» (небом) уже отражен переход **е > о**, активизирующийся в XV в., но отсутствует графический показатель мягкости предшествующего согласного **н**. Так же и в слове «**хрость**» в надписи вряд ли можно видеть отражение

отвердения предшествующего *p* в слове «хрость», как считает В. В. Седов, поскольку необозначение мягкости предшествующего согласного стандартно для этого времени.

Форма Тарасин — притяжательная форма на *-ин* (отчество) от имен собственных без добавления «сын» получает распространение с лишь с XIV в., «при том, что старая модель с *сынъ* в официальных документах сохраняется еще очень долго» (Zaliznyak 2004: 216). Несмотря на то, что надпись на кресте — это не сугубо частный текст и в ней соблюден определенный типичный формуляр, в ней отражены черты, характерные для северо-западной диалектной зоны. Отсутствие слова «сынъ — «Тарасин сын» показывает, что надпись сделана скорее всего позже XIV в.

Таким образом, и палеографические, и лингвистические характеристики не противоречат датировке надписи на кресте временем не ранее первой половины XV в.

Историко-археологический комментарий: согласно новгородским писцовым книгам, «село Войно село» находилось рядом с центром средневекового Никольского Толдожского погоста «в Чуди» (Pistsovyue 1868: 906–907). 1885 г. Л. К. Ивановский раскопал здесь не менее 138 захоронений, датируемых в диапазоне 1238 — после 1471 гг. В самой д. Войносолово около 1500 года было 36 дворов, следовательно, в ней проживало около 210–220 человек (Spitsyn 1896: 100; Lesman 1988: 21; Ryabinin 1997: 29). За время исследований из д. Войносолово были получены сведения о не менее чем 50-ти каменных крестах «ижорского» типа XIV–XVI вв. Три массивных креста в настоящее время находятся у Екатерининского собора г. Кингисеппа, около 20-ти малых намогильных крестов находятся на деревенском кладбище, остальные были утрачены или перевезены в различные музеи (Panchenko, Denisova 2021: 62–63).

Письменные сведения о крестах в д. Войносолово относятся к XVIII в. В 1734 г. Константин Федоров, протопоп Ямбургского собора, и Григорий Прохоров, священник церкви Николая Чудотворца Котельского погоста, сообщают в Санкт-Петербургское духовное правление: «[И]меетца часовня, при которой крестов много, и приходя тоя деревни крестьяне молятся, а перед Ильиным днем, в воскресенье, приводят корову и убивают при той часовне и, розрубя и розделя, варят в домех своих, ядят и молятся в домех своих; да в той же деревне

Войносоллове имеются на дворах у всех крестьян, разве не во всяком дворе, кресты, только молятся ль, того де он поп сам не видал» (PSP 1898: 193).

Подобные деревенские праздники, соотносимые с братчиной, проводились в 1730-х гг. во многих деревнях Ямбургского и Копорского уезда, у каменных и у деревянных крестов. А. С. Лавров связывает их появление с изолированностью данной территории в шведский период и отсутствием православных священников (Lavrov 2000: 133–144). Однако, по мнению Е. В. Платонова, на сложение определенных ритуальных практик, связанных с животноводческими обрядами, могла повлиять «Молитва над жертвою скота», известная также по греческим и южнославянским требникам и включенная в рукописные богослужебные книги уже к XVI — началу XVII вв. или ранее (Platonov 2012: 268–269).

Почитание крестов в д. Войносоллово было зафиксировано археологическими работами Е. А. и Т. В. Рябининых в 1973 г. Исследователи обнаружили в деревне скопление из девяти каменных крестов, сопровождавшееся значительным количеством votivных приношений: монетами Анны Иоанновны (полушка чекана 1740 г.), Екатерины II, Николая I, Александра II; также была найдена английская монета Георга III (1765 г.) и монеты XX в. При расчистке крестов никаких следов погребений обнаружено не было (Ryabinin A-1973: 4, табл. 8–11; Ryabininy 1974: 30).

Очевидно, и крест Савы Тарасина относится к группе крестов, установленных в деревне — обычно такие памятники устанавливались по обету, для защиты от болезней, пожаров или в благодарность за исцеление. Кузнец, видимо, был очень состоятельным человеком, так как мог заказать не только памятник, но и надпись на нем. Другие подписные кресты «ижорского» типа этого времени нам не известны. Надпись можно трактовать с добавлениями (они взяты в квадратные скобки) так: [Поставлен] хрост [повелением] раба Божия Савы Тарасина кузнеца». Датировка надписи на кресте XV в. синхронна датировке надгробных крестов, что указывает на одновременное существование традиции установки как обетных (поклонных), так и надгробных каменных крестов «ижорского» типа.

Каменный крест Ильи Онцифорова из д. Ястребино

В настоящее время крест стоит на краю современного кладбища д. Ястребино (Волосовский р-н Ленинградской области), расположенного к западу от церкви св. Николая Чудотворца, построенной в 1862 г.

Происхождение: неизвестно, возможно, д. Ястребино.

Надписи и изображения: крест относится к группе больших крестов «ижорского» типа с изображением почти на всей лицевой плоскости большого же рельефного креста с трехлопастными завершениями, повторяющими форму самого креста (рис. 3). По краям основного креста и креста в средокрестии вырезаны ободки. Надписи — монограммы на боковых и верхней лопастях **и с** — **црь сла** — нечеткие, как-будто процарапаны. Подпись **Ильи Онцифорова** находится на нижней лопасти рельефного креста, на расширении, вырезана более тщательно, в две строки, без разделения на слова, строки идут вверх в направлении слева направо (рис. 4)

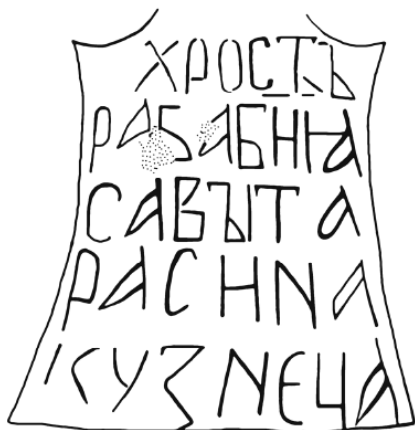

Рис. 3. Прорись надписи на кресте из д. Войнослово

Рис. 4. Крест с надписью из д. Ястребино

Палеография: **и** с косой перекладной в верхней части буквы, **Б** с маленьким кузовом, **ц** с коротким хвостом с изломом, лигатура **и+ц**, **Ѡ** с перекладной в нижней части овала, **в** с высокой квадратной петлей, вытянутость всех букв позволяют датировать надпись не ранее XV вв. и позже.

Историко-археологический комментарий: На самом кладбище с. Ястребино в 2018 г. находилось 20 крестов. Кладбище это не новое, однако в его пределах мог находиться средневековый могильник. Еще 3 креста были обнаружены при исследовании старого кладбища (грунтового могильника) XVII–XIX вв., расположенного к востоку от церкви, на возвышенном берегу р. Хревица. Большие кресты, подобные этому, но без надписей, были зафиксированы в близлежащих деревнях того же Волосовского района: Беседа, Старые Смолеговицы, Именицы, Каложицы. В XIX–XX вв. они находились возле часовен, почитаемых источников, или просто в деревне. Точное место их изначальной установки археологически не подтверждено. Судя по тому, что крест Ильи Онцифорова углублен в землю не сильно (а на этом же кладбище находятся кресты, иногда ушедшие в землю по боковые лопасти), он был перемещен и переустановлен не ранее середины XX в. Пока мы не можем ответить на вопрос, зачем был изготовлен этот крест — для установки Ильей по обету, или для установки на могиле старого кладбища.

Каменный крест Василия Ростовцова из д. Монастырьки

Рис. 5. Прорись креста с надписью из д. Ястребино

ИЛЬИ
ОНЦИФОРОВА

Рис. 6. Прорись надписи на кресте из д. Ястребино

Крест был впервые зафиксирован в 1998 г. на кладбище д. Монастырьки (Кингисеппский р-н Ленинградской области) (Panchenko 2009: 430, рис. 21). Тогда же местные жители сообщили, что крест был переустановлен на современную могилу из другой части кладбища, и что раньше крестов было больше. В настоящее время находится на том же кладбище, еще раз переустановлен, надпись на кресте полностью утрачена.

Происхождение: неизвестно, возможно, д. Монастырьки.

Надписи и изображения: Крест был сильно поврежден и часть надписи, находившаяся на лопастях, отслоилась уже в 1998 г. (рис. 5). Надписи были высечены в рельефе, что на крестах данной территории встречается исключительно редко. Крест не относится к «ижорскому» типу, однако его лопасти, по сообщению местных жителей, во второй пол. XX в. были подтесаны до четырехконечной формы. На кресте был изображен Голгофский крест на трехступенчатом подножии с копьём и процветшей тростью, многограммами **РО, НИ КА, МЛРБ**, под ним начиналась надпись **СИ КРЕСТ РАБ...**, ниже этой первой строки крест уходил в землю. В 2018 г. выяснилось, что создательница местного краеведческого музея В. Ф. Бабкина сохранила верхнюю часть надписи. Средняя часть, зафиксированная нами, отслоилась где-то в начале 2000-х, и была утрачена. После очередной переустановки нижняя часть надписи также попала в музей В. Ф. Бабкиной. Соединив фрагменты из музея и наш рисунок, мы получили следующую (все равно фрагментарную) надпись (рис. 6):

На верхней лопасти: **цѣрь сла ис хъсъ**, лигатура **ц+р**. Между косой перекладиной и Голгофой, по двум сторонам 8-ми конечного креста: **ни ка**

Под верхней ступенью Голгофы: **мл рѣ**. Под нижними ступенями Голгофы находилась надпись, объясняющая причину установки креста — к сожалению, она восстанавливается только фрагментарно:

**си крест[ъ] раб /<строка утеряна>/[пост]ави /вас[л]не
рос^[т]вцовъ**

т. е. си крестъ поставил Василий Ростовцев (между **с** и **в** выносная **т** и, по-видимому, буква **о**, которая была утрачена.

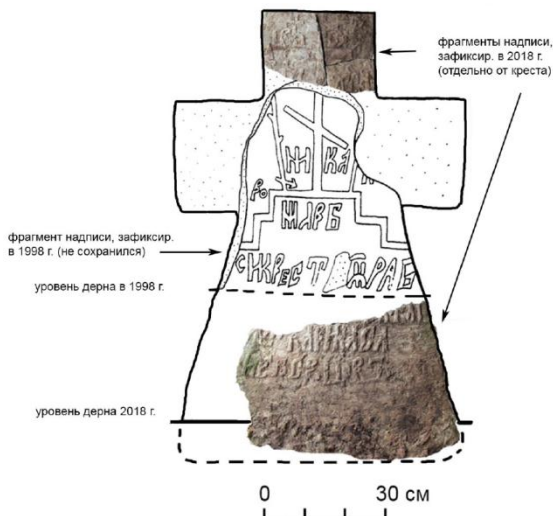

Рис. 7. Крест с надписями из д. Монастырьки

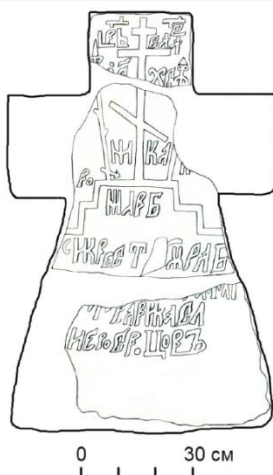

Рис. 8. Прорись креста с надписями из д. Монастырьки

Палеография: общий облик всех букв с элементами вязи, ниже утерянной строки первые 2–3 буквы стерты, возможно, далее, с учетом лигатур:

Си крест [пост]ави Вас[и]л[и]е Рос [то]вцовъ. Формы **и** с косой перекладиной в верхней части, изогнутая спинка **с**, **р** целиком стоящая в строке с маленькой круглой петлей, **ь** с боль-

шим прямоугольным кузовом и заостренным правым углом, наличие лигатур, общая «декоративность» форм (Karsky 1979 (1928): 448–450), — все эти черты позволяют датировать надпись в широких пределах XVI–XVII вв.

Историко-археологический комментарий: О деревне Монастырьки в Историко-статистических сведениях о СПб епархии сообщается, что «по преданию здесь прежде был монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы; указывают одну могилу с крестом из плиты, говоря, что тут погребен начальник монастыря» (ИСС 1885: 319).

«Елисеево-Богородицкая мужская пустынь, совсем уничтоженная», упоминается в сводке В. В. Зверинского (Zverinsky 1887: 65, № 1601). Описание монастырских владений содержится в НПК 1500 г.: «В Каргальском же погосте монастырские, Пречистые монастыря Елисейвой пустыни, что на реце на Систе, повыше устья Сумского» (Pistsovyue 1868: ст. 551). Монастырь прекратил свое существование в шведский период в 1642 г. (Selin 1997: 125–127).

Однако даже через сто лет местные жители помнили и о его существовании, и о его посвящении. Об этом свидетельствует донесение 1734 г. местного священника о часовне, построенной «по своему их крестьянскому произволению, по обещанию своему на праздник Рождества Пресвятыя Богородицы, понеже при той деревне издревле был монастырь и церковь, при которой и монахи бывали...» (Platonov 2012: 264, табл. 3).

На основании имеющихся данных пока невозможно определить исторический контекст происхождения креста. Возможно, в надписи упоминается раб Божий Василий Ростовцев, поставивший «Сий крест» (обетный или поклонный) в монастырской обители. Палеографические особенности надписи позволяют отнести ее к XVI — первой пол. XVII в., что не противоречит времени существования монастыря — до 1642 г.

Обследование каменных крестов Ижорского плато с надписями на них показало, что эпиграфическая традиция этих своеобразных памятников материальной культуры, усвоив формуляр древнерусского времени, имела свое продолжение и значительно позже и отражала в ряде случаев локальные черты.

Литература

- CCD 1898: *Polnoye sobraniye postanovleniy i rasporyazheniy po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiyskoy imperii* [A complete collection of decrees and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire]. Т. 8: The reign of Empress Anna Ioannovna. Т. 8: Tsarstvovaniye gosudaryni imperatritsy Anny Ioannovny.
- ПСП 1898: *Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи*. Т. 8: Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб.: Синод. Тип.
- Gippius, A. A. 2023: [Why did Ivanko Pavlovich "dig the river" in 1133?]. *Slavyansky mir v tretjem tysjacheletii* [Slavic world in the third millennium] 18 (3–4), 75–86.
- Гиппиус, А. А. 2023: Зачем Иванко Павлович «рыл реку» в 1133 г.? В: *Славянский мир в третьем тысячелетии* 18, № 3–4, 75–86.
- ISS 1885: *Historical and statistical information about the St. Petersburg diocese*, X.
- ИСС 1885: *Историко-статистические сведения о СПб епархии*. Т. X, СПб.
- Karsky, E. F. 1979: *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya*. [Slavic Cyrillic paleography]. М., Nauka.
- Карский, Е. Ф. 1979: *Славянская кирилловская палеография*. М. «Наука».
- Lavrov, A. S. 2000: *Koldostvo i religija v Rossii 1700–1740* [Witchcraft and religion in Russia 1700–1740] М., 133–144.
- Лавров, А. С. *Колдовство и религия в России 1700–1740 гг.* М., 133–144.
- Lesman, Iu. M. 1988: *Pogrebal'nye pam'atniki Severo-Zapada Novgorodskoj zemli i Novgorod XI–XIV vv. (sinhronizacija veshchevyh kompleksov)*. [Funeral monuments of the North-West of Novgorod land and Novgorod of the 11th–14th centuries. (synchronization of clothing systems) / Abstract of the candidate's thesis. Funeral monuments of the North-West of Novgorod land and Novgorod of the 11th–14th centuries. (synchronization of clothing systems) / Abstract of the candidate's thesis. М., 1988, 21.
- Лесман, Ю. М. 1988: «Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов). Автореферат кандидатской диссертации. М., 21.
- Makary, archbishop (Miroljubov, N. K.) 1859: [Ancient crosses in Novgorod, placed for worship] *Drevniye kresty v Novgorode, postavlennyye na pokloneniye* ИАО. Т. II, 84–102.

- Макарий, арх. (Н. К. Миролюбов). Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение. *ИАО*. Т. II, 84–102.
- Makary, archbishop (Mirolyubov, N. K.) 1859a: [About ancient titles on crosses]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva* [News of the Imperial Russian Archaeological Society]. SPb., 209–211.
- Макарий, арх. (Н. К. Миролюбов) 1859a: О древних титлах на крестах. *Известия Императорского Русского Археологического общества*. Т. 1. Вып. 4. СПб., 209–211.
- Mikheev, S. M. 2012: [The inscription on the stone cross from Voymeritsa on the Msta River is a monument to the early history of ancient Russian writing]. *Voprosy epigrafiki* [Epigraphy issues] VI, 12, 7–13.
- Михеев, С. М. 2012: Надпись на каменном кресте из Воймериц на реке Мсте — памятник начальной истории древнерусской письменности. *Вопросы эпиграфики*. VI, 12, 7–13.
- Panchenko, V. B. 2009: [Stone crosses of the Izhora plateau (catalog)] In: *Kul'turnaya antropologiya i arkheologiya* [Cultural anthropology and archaeology. Russian time]. St. Petersburg; Chisina; Odess; Bucharest, 5, 420–438.
- Панченко, В. Б. 2009: Каменные кресты Ижорского плато (каталог). В: *Stratum plus. Культурная антропология и археология*. № 5. 2005–2009 гг. *Русское время*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 420–438.
- Panchenko, V. B., Fedorov, I. A. 2017: [Stone crosses from the village of Voinosolovo: new research] In: *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy XXXI nauchnoy konferentsii* [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology. Materials of the XXXI scientific conference], Novgorod, 80–88.
- Панченко В. Б., Федоров И. А. 2017: Каменные кресты из д. Войносолово: новые исследования. В сб.: *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXI научной конференции*, Новгород, 25–27 января 2017 г. Выпуск XXXI. Новгород, 80–88.
- Panchenko, Denisova 2021: [Three-dimensional models of medieval stone crosses used as a model for displaying artifacts from “inaccessible” places]. *Virtual archaeology. Revealing the Past, Enriching the Present and Shaping the Future*. Proceedings of the Forth International Scientific Conference. Krasnoyarsk, 20–22 September 2021. Electronic edition
- Панченко В. Б., Денисова А. А., 2021: Трёхмерные модели каменных крестов как вариант экспонирования памятников из «недоступных» мест. *Виртуальная археология. Раскрывая прошлое, обогащая настоящее и формируя будущее*. Материалы IV Межд. научной конференции. Красноярск, 20–22 сентября 2021 года. С. 62–66. Электронное издание.

- Pistovyye, 1868: *Perepisnaya obrochnaya kniga Votskoy piatiny, 1500 goda. 1 polovina*. Т. 3 [Red, P Savvaitov i A. Timofeev]. - SPb 1868.
Писцовые... 1868: Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. 1 половина. Т. 3 [Ред. П. Савваитов и А. Тимофеев]. СПб 1868.
- Platonov, E. V. 2012: [The first census of chapels in the St. Petersburg province, 1734–1735. and the circumstances of its appearance] *Anthropological Forum* [Pervaya perepis' chasoven Sankt-Peterburgskoy provintsii 1734–1735 gg. i obstoyatel'stva yeye royavleniya] *Antropologicheskii forum* 16, 253–282.
Платонов, Е.В. 2012: Первая перепись часовен Санкт-Петербургской провинции 1734–1735 гг. и обстоятельства ее появления. *Антропологический форум*. СПб., 166 253–282.
- Rozhdestvenskaia, T. V. 2011: [About the inscription on the Voimeritsky cross]. In: *Zanzas of Friendship. Studies in Honour of Tatjana N. Jackson*. М., 382–390.
Рождественская, Т. В. 2011: О надписи на Воймерицком кресте В: *Висы дружбы. Сборник в честь Т. Н. Джаксон*. М., 382–390.
- Rybakov, V. A. 1964: *Russkiye datirovannyye nadpisi XI–XIV vekov (SAI, E1–44)* [Russian dated inscriptions of the 11th–14th centuries] М.
Рыбаков, В. А. 1964: *Русские датированные надписи XI–XIV веков*. М.: Наука, 1964. 48 с., ил. (САИ. Вып. Е1–44)
- Rjabinin, E. A.: 1997: [Finno-Ugric tribes as part of Old Rus'], SPb.
Рябинин, Е.А. 1997: Финно-угорские племена в составе Древней Руси. Изд-во СПбГУ. СПб., 1997.
- Rjabinin, E.A. 1973: *Otchet o polevykh issledovaniyakh Izhorskogo otryada* *Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences* [Report on field research of the Izhora detachment]. F. R-1. D. 1973/5228, 5228a
Рябинин, Е. А. 1973: Отчет о полевых исследованиях Ижорского отряда. *Архив ИА РАН*. Ф. Р-1. Д. 1973/5228, 5228a
- Rjabininy, E. A and T. V. 1974: [Works of the Izhora detachment] In: *Archaeological discoveries 1973* [Raboty Izhorskogo otryada]. М., 30
Рябинины, Е. А. и Т. В. 1974: Работы Ижорского отряда. Археологические открытия 1973. г. М., 30.
- Sedov, V. V. 1962: [Voinosolovskiy cross]. *Sovetskaya arkhologiya* [Sovjet Archeology], 3, 311–314.
Седов, В. В. 1962: Войнословский крест. *Советская археология* 3, 311–314.
- Selin, A. A. 1997: [Church construction in Novgorod land during the years of the Swedish presence] In: *XIII konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka skandinavskiy stran i Finlyandii* [XIII conference on the study of history, economics, literature and language of Scandinavian countries and Finland]. *Petrozavodsk, September 10–14, 1997* Abstracts of reports. Petrozavodsk. *Petrozavodsk, 10–14 sentyabrya 1997 g. Tezisy*

- dokladov. Petrozavodsk, 125–127.
- Селин, А. А. 1997: Церковное строительство в Новгородской земле в годы шведского присутствия В: *XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавский стран и Финляндии*. Петрозаводск, 10–14 сентября 1997 г. Тезисы докладов. Петрозаводск, 125–127.
- SRNG (DRD), 1979: [*Dictionary of Russian dialects. Issue fifteen*] *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vypusk pyatnadsatyy*.
- СРНГ 1979: *Словарь русских народных говоров. Выпуск пятнадцатый*. Л. Наука.
- Spitsyn, A. A. 1896: [Mounds of the St. Petersburg province in the excavations of L. K. Ivanovsky] In: *Materials on the archeology of Russia. Materialy po arkhologii Rossii*, 20, 100.
- Спицын, А. А. 1896: Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. В сб.: *Материалы по археологии России*. Вып. 20. СПб, 100
- Sreznevsky I. I. 1866: *Drevniye pamyatniki russkogo pis'ma i yazyka (X–XIV vv.)*. [*Ancient monuments of Russian writing and language (X–XIV centuries). Appendix: photographs from monuments*]. Prilozheniye: snimki s pamyatnikov. SPb.
- Срезневский, И. И. 1866: *Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.)*. Приложение: снимки с памятников. СПб.
- Shlyapkin, I. A. 1906: *Shlyapkin I. A. Drevniye russkiye kresty. I. Kresty novgorodskiyе, do XV veka, nepodvizhnyye i netserkovnoy sluzhby* [*Ancient Russian crosses. I. Novgorod crosses, before the 15th century, motionless and non-church service*]. St. Petersburg, SPb.,
- Шляпкин, И. А. 1906: *Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и нецерковной службы*. СПб.
- Yashkina (Panchenko) V. B. 1998: [On the issue of the distribution of stone crosses in Old Rus'] In: *Severo-Zapadnaya Rus' v epokhu srednevekov'ya: mezhdistsiplinarye issledovaniya*". [*Staraya Ladoga Staraya Ladoga collection. Materials of the I–V conferences "North-Western Rus' in the Middle Ages: interdisciplinary research"*]. 1994–1998. St. Petersburg; Staraya Ladoga, 75–89. [*Staroladozhskiy sbornik*]. *Materialy I–V konferentsiy* “, 1994–1998. SPb — Staraya Ladoga, 75–89.
- Яшкина (Панченко), В. Б. 1998: К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси. В сб.: *Староладожский сборник. Материалы I–V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования»*. Старая Ладога, 1994–1998. СПб.; Старая Ладога, 75–89.

М. П. Пархаева

МГУ им. М. В. Ломоносова / МГЛУ. Москва, Россия. masha1512@mail.ru

СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ РАЗМЕРА ПРЕДМЕТОВ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ТРУДОВ ФЕОФРАСТА)

В статье исследуются способы описания размера предметов в трактатах Феофраста «История растений», «О причинах растений» и «О камнях». Приводится их классификация с точки зрения семантики и морфологии, причем выделяются: 1) описания размера с помощью прилагательных (большой, маленький, средний), 2) описания с использованием конкретных единиц измерения (как существительных, так и производных прилагательных), 3) описания размера путем сравнения с другими объектами. В статье также обсуждаются синтаксические конструкции для обозначения примерной величины. Работа показывает, что сравнительный метод играл важную роль в точных описаниях величины предметов наряду с общепринятыми единицами измерения.

Ключевые слова: Феофраст, древнегреческий язык, сравнения, единицы измерения, величина.

М. P. Parkhaeva

Lomonosov Moscow State University / Moscow State Linguistic University.
Moscow. Russia. masha1512@mail.ru

Models of dimensions expression in ancient Greek language (using the examples from Theophrastus' natural science works)

The paper presents a research on the models of dimensions expression used by Theophrastus in treatises «Historia plantarum», «De causibus plantarum» and «De lapidibus». These models are classified in accordance with its semantics and morphology into three groups: 1) expression of dimensions using adjectives μέγας, μικρός, μέτριος (big, small, medium), 2) expression of dimensions using specific measures such as δάκτυλος, πῆχυς, πούς (finger, arm, foot) with numerals and derivative adjectives (τριδάκτυλος, πηχυαῖος, δίτηχυς, τριτήχυς, τετράπηχυς, ἐξάπηχυς, δίπους), 3) description of dimensions via comparing with other objects: usually seeds and fruits (e.g. beans, lentil, myrtle), but there may be occurred more extraordinary things (worm, spear, brick, seal). Several lexico-syntactic constructions designating approximate dimension (collocations with adjective ἡλικός or adverbs ὅσον, ὥς) are also discussed. The paper reveals that big objects are described by adjectives, which derive from ancient Greek measures and numerals, more frequently than by names and numerals themselves. The most regular way to characterize small object is

using comparisons with seeds. Thus the comparative method played an important role in dimensions expression together with standard measures.

Keywords: Theophrastus, Ancient Greek language, comparison, measures, dimension.

Как известно, при описании различных видов растений, минералов и горных пород важным критерием является величина. Поэтому в трактатах Теофраста «Περὶ φυτῶν ἱστορίας» (История растений), «Περὶ φυτῶν αἰτιῶν» (О причинах растений) и «Περὶ λίθων» (О камнях) указания на размер встречаются довольно часто. Это позволяет на примере указанных сочинений рассказать о способах обозначения размера в древнегреческом языке.

В исследуемых трактатах мы находим много указаний на размер описываемых предметов: в таких случаях Теофрастом используются прилагательные μέγας и μικρός (иногда в сравнительной или превосходной степени). Это наиболее простой и частый способ описать величину. Интересно отметить, что для обозначения минимального размера смарагда Теофраст употребляет суперлатив χεῖριστος, при этом отсутствуют какие-либо негативные коннотации: «τοῦ τε γὰρ ὕδατος ὡςπερ εἶπομεν ἐξομοιοῦται τὴν χροάν ἐαυτῆ, μετρία μὲν οὐσα ἐλάττονος, ἡ δὲ μεγίστη παντός, ἡ δὲ χεῖριστη τοῦ καθ' αὐτὴν μόνον¹» (De lap. 4.23). Такое использование превосходной степени можно сопоставить с аналогичным употреблением в сравнительной степени χεῖρον в 9-й книге «Законов» Платона: «Ὅς ἂν θῆλυν εἶτε ἄρρενα ἐπιτροπέυη, καὶ ὃς ἂν ἐπιτρόπου φύλαξ τῶν νομοφυλάκων καταστάς ἐπιμελήται, μὴ χεῖρον ἀγαπάτω τῶν αὐτοῦ τέκνων τὸν τῆς ὀρφανικῆς μετεिल्φότα τύχης...²» (928 a). Кроме того, в приведенной выше цитате из Теофраста мы видим, что средний размер предмета можно описать с помощью прилагательного μέτριος — средний, умеренный.

¹ «Как мы уже говорили, он (смарагд) уподобляет себе по цвету воду — средний камень объем меньший, чем он сам; очень большой — весь сосуд, а маленький — только воду вокруг себя (вероятно, греки думали, что смарагд может как-то менять цвет воды, однако называли так они не изумруд, а некий другой зеленоватый камень)».

² Тот, кто поставлен опекуном над девочкой или мальчиком, и тот из стражей законов, кто присматривает за опекуном, должны любить ребенка, которому выпало на долю сиротство, не меньше, чем своих собственных детей (Пер. А. Н. Егунова).

Как известно, в античной Греции существовали такие меры длины, как палец (δάκτυλος) — примерно 1,9 см, локоть (πῆχυς) — около 46 см, и фут (πούς) — примерно 30 см (Lübker, 1885: 858). С их помощью Теофраст мог описывать точную величину. Однако из перечисленных мер длины в его трактатах мы находим только локоть: «τὸ δ' ὕψος... δώδεκα μάλιστα πήχεων³» (*Hist. plant.* 3.12.2), «εἰς τέτταρας καὶ εἴκοσι πήχεις»⁴ (*Hist. plant.* 3.13.1). Примечательно, что примерно в два раза чаще Теофраст использует не пальцы, пехии, футы и локти с числительными, а производные от них прилагательные: τριδάκτυλος, πηχυαῖος, δίπηχυς, τρίπηχυς, τετράπηχυς, ἐξάπηχυς, δίπους. Приведем несколько примеров. Теофраст рассказывает о небывалом смарагде длиной четыре и шириною три локтя: «μῆκος μὲν τετράπηχυν πλάτος δὲ τρίπηχυν» (*De lap.* 4.24). Он описывает ветви бузины примерно в 6 локтей: «τὸ δὲ ὕψος τῶν ῥάβδων... ὡς ἐξάπηχυν» (*Hist. plant.* 3.13.4). В трактате «О камнях» он пишет о некоей жиле в руднике, высота которой была около двух футов: «τὸ μὲν ὕψος ἤλικον δίπους» (*De lap.* 9.63). Далее можно заметить, что для обозначения размера с ладонь Теофраст использует прилагательное χειροπληθής (букв. «наполняющий руку», т.е. «величиной с ладонь»: χεῖρ + πλήθω): «εὐρίσκουσι ... ὅσον χειροπληθεῖς ἢ μικρῶ μείζους...⁵» (*De lap.* 3.21). Оно встречается у Феокрита (*Idyll.* 25.63), часто используется Галеном. У Ксенофонта данное прилагательное тоже используется при описании камня (*Anab.* 3.3.17). Кроме того, Теофраст так описывает плод дерева, похожего на пальму (*Hist. plant.* 4.2.7). Для описания же вытекающей смолы он использует прилагательное с похожей семантикой, но другим суффиксом — χειροπληθιαῖος (*Hist. plant.* 9.4.10). Вероятно, оно обладает немного другим оттенком значения, ведь здесь речь идет уже не о предмете размером с ладонь, а о «горсти вещества».

Наименования указанных единиц измерения возникли из сопоставления примерных размеров предметов непосредственно с размером пальца, локтя (предплечья) и ступни человека, соответственно. Они являлись общепринятыми и понятными. Однако гораздо чаще, чем подобные «сопоставления», Теофраст использует сравнения с другими предметами. В трак-

³ Высота максимум 12 локтей.

⁴ Величиной в 24 пехии.

⁵ Встречаются ... размером такие, что можно их взять рукою, или чуть крупнее.

татах о растениях Теофрасту приходится описывать размер самых разных небольших плодов. Чтобы это сделать он чаще всего сравнивает их с бобами — κύαμος, несколько реже — с зёрнами чечевицы — φακός. Один раз Теофраст сравнивает размер семян теребинта⁶ не просто с чечевицей, а именно с сырой, не проваренной крупой: ἤλικον φακὸν ἄλεπτον (*Hist. plant.* 3.15.3). Подобные существительные-сравнения всегда используются вместе с прилагательным ἤλικος. С помощью него же вводятся сравнения и с некоторыми другими плодами: с дикой маслиной — ἤλικον ὁ κότινος (*Hist. plant.* 3.15.6), с семечками лебеды — σπερμάτια ἤλικα καὶ ὁ τῆς ἀδραφάξου (*Hist. plant.* 3.10.4). Сходство ягод можжевельника с ягодами мирта у Теофраста выражено иначе: «μύρτου μέγεθος» (*Hist. plant.* 3.12.4). Ягоды бузины по размеру сопоставимы с нутом, но несколько меньше, поэтому здесь Теофраст пишет не «ἤλικος ὀροβος», а «μικρῷ μεῖζω ὀρόβου» (*Hist. plant.* 3.13.6).

Встречаются и более необычные сравнения. Порой они определены необычностью самого предмета описания. Например, про величину серёжек ореха Теофраст пишет: «размером с крупного червяка» — «ἤλικον σκώληξ ἐυμεγέθης» (*Hist. plant.* 3.5.5). Высота кизила, указанная в пехиях, по-видимому, показалась Теофрасту недостаточной, поэтому он добавляет сравнение с сариссой, т. е. с македонским копьем в 12 локтей, которое изготавливалось из этого дерева (Heckel 2020: 461; Dvoretzkiy, 1958: 1463): «τὸ δ' ὕψος... δώδεκα μάλιστα πηγέων, ἤλικη τῶν σαρισσῶν ἢ μεγίστη» (*Hist. plant.* 3.12.2). Довольно нестандартным может показаться современному читателю представление ширины ствола бузины через «корабельный шлем» — так называлось бревно, обитое железом и выступавшее над носом корабля, нечто вроде бушприта (Sergeyenko, 1951: 416): «τῶν δὲ στελεχῶν πάχος... ὅσον περικεφαλαίας» (*Hist. plant.* 3.13.4).

Размер же некрупных камней и минералов нагляднее всего сравнивать с размером привычных изделий из камня или глины. Поэтому в трактате «О камнях» встречаются сравнения с печатями: «μέγεθος ἔχουσαι σφραγίδος» (4.26), с кирпичом: «ἤλικον πλίνθος» (8.56), и с псефосом, т. е. с камешком для голосования: «μέγεθος δὲ ὅσον διπλασία τῆς μεγίστης ψήφου» (7.47).

Может показаться, что Теофраст любит ограничиваться только общими замечаниями и не указывает точных размеров исследуемых объектов. Многие исследователи обращают вни-

⁶ Терпентинное (фисташковое) дерево.

мание на удивительную внимательность, которой часто лишены нынешние ботаники, но отмечают, что современные научные описания все же имеют некоторое превосходство, поскольку оперируют конкретными числовыми характеристиками (Stearn, 1983: 18–19). Как мы могли заметить, приведенные выше примеры опровергают такое мнение. Во-первых, Теофраст часто указывает меры длины. Во-вторых, имея дело с такими изменчивыми объектами, как, например, растения, мы указываем в научной литературе лишь примерный размер. Поэтому можно утверждать, что использование Теофрастом сравнений в описаниях видов является довольно точным указанием величины, а порой — даже более понятным и наглядным. Конечно, количественные характеристики на самом деле часто являются одним из критериев разделения на виды. В исследуемых трактатах, однако, не было замечено, чтобы обозначения размера несли видоразличительную функцию. Вероятно, для Теофраста представляло интерес само по себе детальное описание растения или минерала.

Подводя итоги, следует сказать, что в древнегреческом языке размер небольших предметов часто описывается путем сравнения с понятными античному читателю объектами. Тождественность в размере при этом обычно выражается с помощью прилагательного ἡλίκος. Также может использоваться сочетание «μεγέθος + генетив существительного» (или «πλάχος + генетив существительного»). Если размер указывается примерно, то добавляется наречие ὅσον. Еще реже Теофраст говорит «больше\меньше + genetivus comparationis». Точная величина больших предметов выражается в локтях, при этом используется или genetivus quantitatis или предлог εἰς с аккузативом. В два раза чаще относительно крупные размеры выражаются с помощью прилагательных, производных от δάκτυλος, πῆχυς, πούς и числительных. В сочетании с ними ἡλίκος указывает на более примерный размер. Если прилагательное обозначает приблизительный размер, также может добавляться ὅσον или ὡς. Размеры больших предметов могут сравниваться и с величиной чего-либо еще, в таком случае описание носит более наглядный характер. Таким образом, в древнегреческих трактатах сравнительный метод играет важную роль в точных описаниях величины предметов наряду с общепринятыми единицами измерения.

Литература

- Dvoretzkiy, I. Ch. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [*Ancient Greek — Russian dictionary*], vol. 1–2. Moscow: «GIS».
- Дворецкий, И. Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 1–2. М.: ГИС.
- Einarson, B., Link, G. K. K. 1976–1990: *Theophrastus. De Causis Plantarum*, with Engl. transl., in 3 vol. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann.
- Hardy, G., Totelin, L. 2016: *Ancient Botany*. Routledge: Taylor & Francis Group. London and New York.
- Heckel W. et al. (eds.) 2020: *Lexicon of Argead Macedonia*. Berlin: Frank & Timme.
- Hindenlang, L. 1910: *Sprachliche Untersuchungen zu Theophrasts botanischen Schriften*. K. J. Trübner, Strassburg.
- Hort, A. 1916: *Theophrastus. Enquiry into plants and minor works on odours and weather signs*, with engl. transl., in 2 vol. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann.
- Kirchner, O. 1874: *Die botanischen Schriften des Theophrast von Eresos: Vorarbeiten zu einer Untersuchung über Anlage, Glaubwürdigkeit und Quellen derselben*. Druck und verlag von B. G. Teubner. Leipzig.
- Lübker, F. 1885: *Realny slovar' klassicheskich drevnostey* [*Real lexikon of classical antiquities*]. Ed. F. Gelbcke et al. Saint-Petersburg: Society of Classical Philology and Pedagogics.
- Любкер, Ф. 1885: *Реальный словарь классических древностей*. Под ред. Ф. Гельбке и др. СПб: издание общества классической филологии и педагогики.
- Plato: *Zakony* [*The Laws*]. Ed. A. F. Losev, transl. A. E. Yegunov. Moscow: Mysl', 1999.
- Платон. *Законы*. Общ. ред. А. Ф. Лосева и др., пер. А. Н. Егунова и др. М.: Мысль, 1999.
- Rossius, A. A. 2005: [Theophrastus. On Stones]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 306–331.
- Россиус, А. А., 2005: Теофраст. О камнях. *Вестник древней истории* 3, 306–331.
- Sergeyenko M. E. 1951: *Theophrast. Issledovaniye o rasteniyach* [*Theophrastus. Enquiry into plants*]. Rev. I. I. Tolstoy, B.K. Shishkin. Moscow; Leningrad: Academy of Science of USSR Publ.
- Сергеенко, М. Е. *Феофраст. Исследование о растениях*. Ред. И. И. Толстой, Б. К. Шишкин. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Stearn, W. T., 1983: *Botanical Latin: history, grammar, syntax, terminology and vocabulary*. 3rd rev. ed. David & Charles, Newton Abbot, London. Wimmer F. 1854–1862: *Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia*. Т. I–III. Lipsiae. Sumptibus et typis B. G. Teubneri.

Alexander Podossinov

Lomonosov Moscow State University / Institute of World History, RAS / «MFTI» /
Petrozavodsk State University, Moscow / Petrozavodsk . Russia. podossinov@mail.ru,

Alexander Mankov

Institute of Linguistics , RAS / St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.
Moscow, Russia. mankov@iling-ran.ru,

Evgeny Vdovchenkov

South Federal University, Rostov-na-Donu, Russia
vdovchenkov@yandex.ru

GR. γαγγάμη: OBJECT, WORD, ETYMOLOGY¹

The article studies the Greek nouns γαγγάμη and γάγγαμον, which denote a certain fishing implement. The former occurs only in Strabo's Geography in his description of the Northern Black Sea region (VII, 3, 18) and later in Hesychius. It is not clear what object the γαγγάμη was and how it was used in fishing. The etymology of this word is not clear either. We discuss the occurrences of this noun in texts and conclude that γάγγαμον and γαγγάμη both denote a drag net; the former noun occurs only in this meaning, the latter also means 'gaff, a pole with a sharp metal end like a hook, fork, or trident'. In Strabo's text both meanings are applicable because both devices are used in ice fishing. It is believed that this word is of non-Indo-European origin, but we attempt to show that it may be related to PIE *gem- 'to grasp' and has cognates in other Indo-European languages, e.g. Baltic, Slavonic, and Germanic. The root is of onomatopoeic character; the form *gangam-* is reduplicative and originally expressed the iterativity of movements. We also describe ice fishing in regions of Russia which may be similar to the ancient fishing with the γαγγάμη: as is known, some fishing practices are very conservative and can remain unchanged for centuries.

Keywords: Strabo, Oppian, Hesychius, Bosphorus, ancient Black Sea region, ancient fishing, gangame, gaff, adur, drag net, reduplication.

¹ Part of the article, prepared by Evgeny Vdovchenkov, was supported by the Strategic Academic Leadership Programme of the Southern Federal University ("Priority 2030").

А. В. Подосинов
МГУ им. М. В. Ломоносова / ИВИ РАН / НИУ «МФТИ» / Петрозаводский
гос.ун-т, Москва / Петрозаводск, Россия podossinov@mail.ru

А. Е. Маньков,
ИЯ РАН / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т,
Москва, Россия. mankov@iling-ran.ru

Е. В. Вдовченков,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
vdovchenkov@yandex.ru

Др.-греч. γαγγάμη: вещь, слово, этимология

В статье рассматриваются древнегреческие существительные γαγγάμη и γάγγαμον, которые обозначают некое рыболовное орудие. Первая из этих форм встречается только в «Географии» Страбона в описании северного побережья Чёрного моря (VII, 3, 18) и затем у Гесихия. Чем именно являлась у Страбона гангама и как она использовалась не вполне ясно. Неясна и этимология этого слова. Случаи употребления показывают, что как γάγγαμον, так и γαγγάμη обозначают донный невод, однако γάγγαμον имеет только это значение, а γαγγάμη также значит 'острога; пешня; багор'. В тексте Страбона данное существительное может иметь оба значения, т. к. как и сеть, и пешня, и багор, и острога используются в подлёдной ловле рыбы. Считается, что это слово имеет неиндоевропейское происхождение, однако мы показываем, что оно допускает индоевропейскую этимологию и, возможно, имеет соответствия в родственных языках, а именно в балтийских, славянских и германских, восходя к корню **gem-* 'хватать; сжимать'. Этот корень, по-видимому, является звукоподражательным; форма **gamgam-* представляет собой редупликацию, выражающую многократность движений. В статье также описываются приёмы подлёдной ловли рыбы в различных регионах России, являющиеся, вероятно, параллелью ловле с помощью гангамы: как известно, орудия и способы лова рыбы весьма консервативны и передаются из столетия в столетие.

Ключевые слова: Страбон, Оппиан, Гесихий, Боспор, Северное Причерноморье в античности, рыболовство в античности, гангама, донный невод, острога, адур, редупликация.

In the 7th book of *Geography*, Strabo describes the Northern Black Sea region, including the area between the Borysthenes and the mouth of Lake Maeotis, which is characterised by severe winters. He mentions the following detail: ὀρυκτοὶ τὲ εἰσὶν ἰχθύες οἱ ἀποληφθέντες ἐν τῷ κρυστάλλῳ τῇ προσαγορευομένῃ γαγγάμη 'fish that become caught in the ice are obtained by digging with an implement called the "gangame"' (VII, 3, 18; Jones 1924: 225).

What Strabo meant by “gangame” is not fully clear; in this article we will try to find it out and propose an etymology of this word.

It is attested in two forms, γάγγαμον n. and γαγγάμη f. As such, the pattern of fluctuation between the neuter and feminine is ancient; it is caused by the coincidence of the nom. sg. feminine and nom.-acc. pl. neuter which both had $*-\bar{a} < *-\text{eh}_2$ in Proto-Indo-European (cf. Lat. *caementum* n. and *caementa* f., *gāneum* and *gānea*, *mendum* and *menda*, etc.). However, the gender differentiation could appear later, because, as is shown below, γάγγαμον and γαγγάμη denoted two different objects, which might have brought about the formal difference. The neuter form first occurs in Aeschylus (*Agam.* 361) and denotes a net in a figurative meaning (μέγα δουλείας γάγγαμον); it is a synonym of δίκτυον ‘net’, used a couple of lines above. In the literal sense, γάγγαμον (in the pl.: γάγγαμα ‘drag nets’) first occurs in Oppian in the *Halieutica* in the list of different kinds of fishing net, δίκτυα (III. 81). Oppian does not explain what this net looked like, but in scholia to the *Halieutica* it is described as follows: Γαγγάμη· γαγγάμη λίνος παχὺς δικτυωτὸς, σιδήρῳ κύκλῳ περιεχόμενος. γάγγαμα· γαγγάμη ἐστὶ λίνος παχὺς (scholium 81), i.e. ‘gangame: thick trellised net embraced by an iron circle; gangame is a thick net’. The form γάγγαμον also occurs in the *Onomasticon* by Julius Polydeuces (Pollux) in the list of fishing devices (X, 132). Besides, it is defined as an ‘entwinement of sinews in the middle of the stomach in the area near the navel called by the many “seine”’ (II, 169).² The feminine form γαγγάμη occurs in Strabo in the text cited above. In Strabo’s *Chrestomathy*, γαγγάμη has an apposition τῷ ἐργαλείῳ, i.e. ‘with a tool, instrument’ (Casaubon 1620: 139). Important information in this regard is given by Hesychius, who provides the following definition of γαγγάμη: σαγήνη ἢ δίκτυον ἀλιευτικόν. καὶ σκεῦος γεωργικὸν ὅμοιον τῇ κρεάγρῳ ‘drag-net or a fishing-net, also a farming implement similar to a flesh-hook’.³ Casaubon (1620: 139) explains γαγγάμη as “genus retis aut alius instrumenti ad capiendos pisces” (a kind of net or other device to catch fish). According to the *Thesaurus Graecae*

² τὸ δὲ κατὰ μέσσην γαστέρα κοῖλον ὀμφαλὸς καὶ μεσομφάλιον, καὶ ὁ περὶ αὐτὸν τόπος γάγγαμον, ἐπεὶ νεύρων ἐστὶ πλέγμα, καθάπερ τὸ δικτυῶδες ὃ νῦν καλεῖται γάγγαμον ἢ ὡς οἱ πολλοὶ σαγήνη.

³ A hook used to take meat out of the pot, or, generally, a hook to seize or drag by (Liddell, Scott 1996: 992).

linguae (II: 480), this implement could possibly be *furca aut tridens*, a fork or trident. As for γάγγαμον, it is defined by Hesychius as δίκτυον (Aesch. *Agam.* 361). καὶ τὸ περὶ τὸν ὀμφαλὸν τῶν ὑποχονδρίων ‘a net, and one of the soft parts around the navel’.

This net was in use in the Mediterranean region up to much later times. It is described by Francesco Maurolico (1494–1575) in his *Tractatus de piscibus Siculis* (“Treatise on Sicilian fishes”), written in 1543 and published by Domenico Sestini in 1807: “Est aliud retiarium instrumentum, quod nostrates piscatores vocant *Gangamum*, forte quasi *αχαμον*, quod *καμαι*, hoc est humi trahatur: constat enim ex duobus semicirculis, uno ferreo, altero ligneo, quibus rete concavum insutum est; tum applicato fune ad capita semicircularum, lentatoque, de navicula dimittitur, donec fundum attingat: mox acta in diversum navicula, per rudentem anchorae alligatum, instrumentoque per fundum maris raptato, ferreo semicirculo arenam, algamque radente, ligneo superstante. Confertur in reticulum multiplex piscium genus, Cancri, Camari, Bollaces, Conchae, Polypi, et alii”⁴ (Maurolycus 1807: 298). As A.W. Mair (1928: xliii) points out, the name γάγγαμον (*γαγγάμιον*) is still used round the Black Sea. It is a dredge-net employed in fishing for sponges, oysters, and sea urchins. Mair cites a description of this net taken from *La Pêche en Grèce* (1883) by N. Apostolides: “autour d’un arc en fer est cousu un filet de forme conique; la corde, très large, de l’arc est aussi en fer; de la corde et de l’arc partent en rayonnant différentes cordes, au point de rencontre desquelles est attachée une grosse corde au moyen de laquelle on tire l’appareil.”⁵

⁴ “There is another fishing implement which the indigenous fishermen call *gangamum*, perhaps like *αχαμον*, because it is *καμαι*, that is, it is dragged on the ground, consists of two half-circles, one made of iron, the other of wood, to which the net, which curves inward, is sewn; then, with a rope attached to the tops of the half-circles and strained, it is put down from a boat till it reaches the bottom; then the boat is led in the opposite direction by means of a rope attached to an anchor, with the implement being dragged on the bottom of the sea; the iron half-circle scrapes the sand and seaweeds, the wooden is above it. Many kinds of fish are caught into this net: crabs, lobsters, sea urchins (?), oysters, octopi, and others.” The form *αχαμον* (sic!) looks like a purposefully distorted pronunciation constructed to justify the fancied etymology which links the word to *χαμαί* ‘on the ground’ (κ may be a misprint).

⁵ “Around an iron bow a conical-shaped net is sewn; the very wide bow-string is also made of iron; from this string and the bow radiate different

The New Greek forms are γαγγάμι ‘net for oyster catching’, γαγγάβα ‘dragnet; boat used in sponge fishing’. Loans from Greek are Mediaeval Latin *gangamon* ‘rete sinuosum variis plexibus involutum’ (Du Cange 1885: IV, 24), Italian *gangama*, *gangamo*, *angamo* ‘oyster net’, Turkish *gamgam* ‘tool for oyster catching’, *gangava* ‘dragnet or dredge used for sponge fishing; small boat used for sponge fishing’; for a fuller list of descendants of the Greek word, see Kahane, Kahane, Tietze 1958: 498–499. A detailed account of “gangamo” in the Mediterranean region of the post-Classical period is given by M. L. De Nicolò (2016: 11–32).

Judging by the textual evidence, both γάγγαμον and γαγγάμη denote a net, specifically a drag net, but there is also a semantic differentiation between these forms. While γάγγαμον exclusively denotes a net (Aeschylus, Oppian), γαγγάμη also denotes a certain tool with a hook⁶. S. Radt (2007: 270–271) argues that γαγγάμη in this context is actually a drag net rather than “eine Art Hacke”, a kind of hoe. This net was put through a hole under the ice in order to catch fish there, rather than to pick out the fish frozen into the ice. His argument is that Hesychius defines γαγγάμη as a “farming implement”, rather than a fishing implement. However, both a hook- or a hoe-like tool, e.g. a gaff, and a net are used in ice fishing, which makes it possible that γαγγάμη could really have these two meanings in the context in question.

This kind of fishing was in common practice in ancient times, and it is still in use now. In winter, nets are placed under the ice in the following fashion. A hole in the ice is made with a spike, then smaller holes are drilled in line with a distance of 2–3 m. Then, a pole with a rope attached to it is put down into the ice hole; this rope is pulled from one hole to the other. Then this rope, which is under the ice, is tied to a net, and the net is drawn under the ice. Sometimes, a line of small holes is not made in rivers, but the force of the current is used to pull the rope under the ice. Doing this, one should remember that the net can become frozen into the ice because

ropes, at the meeting point of which a large rope is attached, by means of which this device is dragged.”

⁶ Cf. Tozer 1893: 196 (a small round net; the ice was first broken, and the fish then extracted with a net); Jones 1924: 225 (a pronged instrument like a trident); Höppener 1931: 42, 107 (an iron hook; drag net; in Strabo VII, 3, 18 it is used in the former meaning); Bekker-Nielsen 2005: 92 (small net that can be handled by one person).

when the frost is heavy, ice gets thicker up to 10 cm a day. In the Azov Sea nowadays, fishermen make holes in the ice and do the fishing with a net pulled through these holes (E.V. Vdovchenkov's own observations).

In ethnographic studies of more recent times, there are descriptions of traditional ways of ice fishing that may cast light on Strabo's mention of γαγγάμη. For example, I.F. Blaramberg in his *Memoirs* of 1843, describes his trip to the Ural River to Ural cossacks and ice fishing for sturgeons. Cossacks come down to a river in large groups with gaffs and short iron crowbars in order to break the ice, that is, to make round holes that would be big enough to pull out the fish. After a signal, "fishermen dressed in short fur coats and high boots rushed down from the elevated bank onto the ice, broke it in hundreds of places, deftly put down into the ice-holes their long poles with iron hooks, and in less than a minute, hundreds of blood-stained sturgeons were tossing on the white snow" (Blaramberg 1978).

One more example is a description of ice fishing for sturgeon in the Angara (in oral narratives of old Russian residents of Baikal Siberia). The most usable tool in ice fishing for sturgeons was the so-called *adur* (Rus. *áдыр*), a big gaff looking like a forged fork with three or four tines and a long shaft which could be made of several poles depending on the depth of the river. Fishermen made a large furrow or a hole in the ice. They had to figure out where there were fish, therefore several holes could be made. When they found the fish, the ice-hole was widened up to 1.5 m and more. To handle the *adur*, considerable physical strength was required. One *adur* could be manipulated by two to ten people (Rus. *адурщику*). Together they made a blow and forced the *adur* down, so that the tines went deeper. If successful, one gaff could catch up to 3–4 and sometimes 6–7 sturgeons at once. The fish were pulled out onto the ice, and the whole thing was repeated (Makarenko 1902; Egorov 1943; Misharin 1950; Podlednaya lovlya osetra).

It is possible that Strabo's γαγγάμη was such "long pole with iron hooks". Not any fish, which abound in the Azov Sea, were caught in the manner described above. In all likelihood, as Strabo mentions in the same passage, these were *ἀντακάιοι*, "which are about the size of dolphins". Perhaps, this was a variety called the "starry sturgeon" (*Acipenser stellatus*, Rus. *себряоза*) (Braund 2023: 237). Ethnographic accounts cited above also mention sturgeons.

Judging by archaeological evidence, the main fish caught in the Bosphorus was herring. In the second place were sturgeons, which were probably exported (Marti 1941: 97; Zin'ko 2023a: 96). Among sturgeons prevails the starry sturgeon (Zin'ko 2023a: 94), which is shown on coins of Pantikapaion (Zin'ko 2023b: 166–167, fig. 72). As archaeozoological evidence suggests, in Tanais, for example, sturgeons, catfish, and carps were economically important (Tsepkin 1970: 116; Matera 2017: 168). The large size of Strabo's *antakaioi* corresponds well with remains found in Tanais, e.g. of a great sturgeon of up to 250 cm, starry sturgeon of 150 cm, and a sturgeon of 180 cm (Tsepkin 1961; 1970; Matera 2017: 169).

Ice fishing involved both nets and pike poles or gaffs, but in regard to Strabo's account the latter way, i.e. the use of iron implements, looks likelier. This opinion is shared by V. Yu. Marti, who assumed that the gangame was a gaff (Rus. *оспрога*, Marti 1941: 97). In winter, sturgeons gathered in bottom holes and deepenings. Using materials from Belozerskoe Settlement located in the mouth of the Dnieper, V. P. Bylkova and E. Yu. Yanish suggest that great sturgeons and starry sturgeons were caught in rivers primarily during spawning in winter, when the concentration of fish was quite large; this could considerably increase the number of fish caught (Yanish, Bylkova 2013: 356). Winter fishing for slow-moving sturgeons from bottom holes using pike poles and gaffs was very effective. As for the fish caught in the ice (Strabo VII, 3, 18), this could refer to nets frozen into the ice (cf. Stolba 2005: 123–124).

Gr. *γαγγάμη, γάγγαμον* do not have a commonly accepted etymology. R. Beekes (2010: 253–254) assumes that it is a loanword going back to the pre-Greek substrate (more tentatively Frisk 1960: 281). G. Neumann (1961: 100) suggested that it is related to the Anatolian verb “hang”, i.e. *kānk-^l/kank-* (Kloekhorst 2008: 437), because Oppian, who originated from Cilicia, could use an Anatolian form in his work. This suggestion is erroneous because this word had occurred as early as in Aeschylus, many centuries before Oppian. We believe that *γαγγάμη* allows for an Indo-European etymology, cf. the following Germanic forms: Sw. *kink* (-en, -ar) ‘metal hook with bait; gaff used to catch zander and perch in ice holes in winter’ (SAOB: K 962); etymologically, this is probably the same word as Sw. *kink* in the sense ‘loop, knot’ (marine term, SAOB: K 961), Engl. *kink* ‘twist, curl’. Further cf. Icel. *kinka* f. ‘sailor's knot’, *kinka* ‘to nod; turn quickly’ (Magnússon 1989: 461). Different vocalism is found in Sw. *kånka* ‘to lug’, where *å* < PScand. and PGerm. **a* before *nk* (Wessén 1965: 74). Gr.

γαγγάμη is in all likelihood a reduplicative form *gam-gam-. The development is reconstructed as PIE *gam-gam- > PGerm. *kan-kam- > *kank-, whence Sw. *kánka*; for the change of *m* > *n* in this position, cf. Noreen 1923: 187. Engl., Sw. *kink* reflects PGerm. *kenk-, with secondary ablaut. The reduplication in γαγγάμη and in its possible Germanic cognates probably expresses iterativity. A similar formation is PIE *k^we-k^wl-o- in words for wheel, e.g., Skt. *cakra-*, and for neck, Lith. *kāklas* (Brugmann 1906: 129; Fortson 2004: 117), to PIE *k^wel- ‘to turn’, cf. Lat. *colō* ‘to live; to cultivate’, ORus. *kolo* ‘wheel’. It can also be noted that reduplication is systematically used in Sanskrit to make frequentative verbs, e.g. *cekrīyate*, *carkarti*, *carikarti*, *carkarīti*, *carikarīti*, *carīkarīti* ‘do again and again’ of *kr* ‘do, make’, *cañcūryate*, *cañcurīti*, *cancūrīti* ‘walk again and again’ of *car* ‘walk, move’; for more examples see Deshpande 2014: 371–371. This kind of reduplication has an iconic character and allows for a large number of forms; it does not follow the same phonological rules as reduplication in the perfect, present, and aorist. Reduplication is systematically observed in Armenian in iterative verbs, e.g. *vazvzel* ‘run about, run here and there’, *k^hašk^hšel* ‘pull hard, tug’, *dzgdzel* ‘drag out; delay’ (pronounced [vaz.və.'zɛl, k^haf.k^hə.'ʃɛl, dʒəg.dʒə.'gɛl]) to *vazel* ‘run’, *k^hašel* ‘pull’, *dzgel* ‘draw, drag’ (Garibyan, Garibyan 1965: 168), cf. also such nouns as *dzgdz gum* ‘protraction, procrastination’.

The next question is what root was reduplicated in γαγγάμη, i.e. what its cognates without the reduplication are. The possible form in this regard is PIE *gem- ‘drücken, zusammenpressen; fassen’ (LIV 186, cf. Gr. (Hom.) γέντο, aorist, ‘(he) grasped’ (Il. 8. 43) and probably γέμω ‘to be full; to be filled’ (Frisk 1960: 281; Beekes 2010: 265, 266), Rus. *жму*, *жать* ‘to press, squeeze’, PSlav. *žeti (Derksen 2008: 561). Semantically, this parallel is quite plausible and allows us to explain γαγγάμη as “an object used to grasp something; grasper, seizer”. Reduplication in this case is used to form a word which is a different part of speech, i.e. a noun from a verb (see Rozhanskij 2011: 79ff.)

However, the alternation *gem- (in γέντο) / *gam- (in γαγγάμη) is not phonetically regular, because the vowel *a* does not take part in standard ablaut alternations (Lubotsky 1989: 53; Pronk 2019: 123). This came to be the reason for the assumption about the non-Greek and non-Indo-European character of γαγγάμη. As is known, the vowel *a* is typical of onomatopoeic and descriptive words like PIE *bal-bal-, bar-bar-, cf. also Skt. *kakhati* ‘to laugh, laugh at or deride’, Gr. *καχάζω* ‘laugh aloud’, etc. (Pokorny 1959: 91; see also

a collection of examples in Brugmann 1906: 127). The existence of **gam-gam-* alongside the semantically proximate **gem-* makes us believe that these roots are onomatopoeic, cf. the sound of an abrupt exhalation followed by a labial sound when grasping something. Consequently, they do not comply with the regular ablaut pattern. The root **gem-/gam-* may be further related to a large group of Balto-Slavic and Germanic words meaning “lump; heap” as something made by rapid grasping movements. Cf. Lith. *gāmalas*, *gāmulas*, *gamulỹs* ‘lump, chunk’, *gūmulas*, *gūmuras* ‘id.’, *gūmuliuoti* ‘to crumple’, etc.; here also belongs Lith. *gamulà* ‘hornless cow; run-down person’ (because of rounded protuberances instead of horns). Slavic cognates: Serbo-Croat. *gòmoļa* ‘piece of cheese’, *gomuļa* ‘big heap of stones’, Slovenian *gomòlj* ‘chunk’, Czech *homole* ‘cone’, dial. *gomol’a* ‘horness cow’, *gomolý* ‘hornless’, Rus. *гомóла* ‘chunk; ball’, Ukr. *гомилá* ‘tall clumsy fellow’; for more derivatives see Fraenkel 1962: 132; Vasmer 1967: II, 435; Trubachev 1980: 18. O.N. Trubachev considers these forms to be onomatopoeic (Trubachev 1980: 19), but doubts their relationship with γέμω. R. Derksen (2015: 163) provides Balt. **gamalas* with a note “etymology unknown”. Germanic cognates: Norw. (nynorsk) *kuml* ‘lump, clod’, *kumle* ‘clumsy person’, *kumla* ‘to mix up; bring in disorder’, OE *cuml* ‘wound, swelling’ (Torp 1919: 335), Sw. *kummel* ‘piece of wood used as a mark; cairn; barrow; clumsy person, lout’ (SAOB: K 3188). In a striking parallelism to these forms are the forms with the initial *k*, e.g. Lith. *kemšù*, *kiñšti* ‘to cram, stuff’, *kamuolỹs* ‘ball of yarn’, *kēmuras* ‘heap’, Rus. *ком* ‘lump’, *комольй* ‘hornless’ (Vasmer 1967: II, 300, 304; Trubachev 1983: 174, 179). The alternation *g/k* is a sign of the descriptive character of the root.

In connection with this, the forms γνάμπτω ‘to bend’ and γναμπτός ‘bent, curved’ should be mentioned. Taken as such, they cannot have a PIE preform (Beekes 2010: 279), but it is not excluded that *gnampt-* is a result of simplification of the reduplicated form **gamgam-*.

Let us summarise the results. Gr. γάγγαμον and γαγγάμη both denote a drag net; the former noun occurs only in this meaning, the latter also means ‘gaff, a pole with a sharp metal end like a hook, fork, or trident’. In Strabo’s text both meanings are applicable because both devices are used in ice fishing. The form *gangam-* is reduplicative and originally expressed the iterativity of movements. It may be related to PIE **gem-* ‘to grasp’; the root is of onomatopoeic character.

References

- Beekes, R., with the assistance of L. van Beek (2010) *Etymological Dictionary of Greek*, I–II. Leiden; Boston: Brill.
- Bekker-Nielsen, T. 2005: The Technology and Productivity of Ancient Sea Fishing. In: Bekker-Nielsen, T. (ed.) *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region*. Aarhus University Press, 83–95.
- Blaramberg, I. F. 1978: *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Nauka.
Бларамберг И. Ф. *Воспоминания*. М.: Наука, 1978.
- Braund D. 2023: Antakaios: Aphrodite's Sturgeon? *Проблемы истории, филологии, культуры*. 3, 231–240.
- Brugmann, K. 1906: *Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen*. 2nd ed. Vol. 2.1. Strassburg: Karl J. Trübner.
- Casaubon, I. 1620: *Commentarius et castigationes ad lib. Strabonis Geograph. XVII*. In: Casaubon, I. (ed.) *Strabonis rerum geographicarum libri XVII*. Paris: Typis regiis.
- Derksen, R. 2008: *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Derksen, R. 2015: *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Deshpande, M. 2014: *A Sanskrit Primer*. Ann Arbor. (Michigan papers on South and Southeast Asian Studies, 47).
- Du Cange, C. et al. 1885: *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, vol. IV. Niort: L. Favre (<http://ducange.enc.sorbonne.fr/>).
- Egorov, A. G. 1943: *Promysel krasnoy ryby na reke Angare* [Redfish fishery in the Angara river]. Irkutsk.
Егоров А. Г. *Промысел красной рыбы на реке Ангаре*. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1943.
- Fortson, B. W. 2004. *Indo-European Language and Culture: An Introduction*. Blackwell.
- Fraenkel, E. 1962: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Frisk, Hj. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Garibyan, A. S., Garibyan, Dzh. 1965: *Kratkiy kurs armyanskogo yazyka* [Short course of the Armenian language]. Yerevan.
Гарибян А. С., Гарибян Дж. 1965: *Краткий курс армянского языка*. Ереван: Луйс.
- Höppener, H. 1931: *Halieutica. Bijdrage tot de kennis der Oudgriekse visscherij*. Amsterdam: H. J. Paris.
- Jones, H. L. (ed.) 1924: *Strabo. Geography. Books 6–7*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Kahane, H., Kahane, R., Tietze, A. 1958: *The Lingua Franca in the Levant. Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin*. Urbana: University of Illinois Press.

- Kloekhorst, A. 2008: *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Liddell, H. G., Scott, R. 1996: *A Greek-English Lexicon with a revised supplement*. Oxford University Press.
- LIV — *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Unter Leitung von Helmut Rix und der Mitarbeit vieler anderer bearb. von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. 2. Aufl. bearb. von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- Lubotsky, A. 1989: Against a Proto-Indo-European phoneme *a. In: Venneman, Th. (ed.) *The New Sound of Indo-European. Essays in Phonological Reconstruction*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 53–79.
- Magnússon, Asgeir Blöndal 1989: *Íslensk orðsifjábók*. Orðabók háskólans.
- Mair, A. W. (ed.) 1928: *Oppian, Colluthus, Tryphiodorus*. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons.
- Makarenko, A. A. 1902: *Promysel krasnoy ryby na Angare: s 10 risunkami i 6 kartami* [Redfish fishing in the Angara: with 10 pictures and 6 maps]. St. Petersburg.
Макаренко А. А. 1902: *Промысел красной рыбы на Ангаре: с 10 рисунками и 6 картами*. С.-Петербург.
- Marti, Yu. V. 1941: [New data on fishery in the Kimmerian Bosphorus using the material of excavations in Tyritake and Myrmecium]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 7, 94–106.
Марти В. Ю. 1941: Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритакки и Мирмекия. *Советская археология* 7, 94–106.
- Matera, M. 2017: [Fish industry of Tanais. The rôle and place of fishing in the economic life and economy of the Society of Tanais]. In: M. Matera, R. Karasiewicz-Szczygiorski (eds) *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013* (Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1). Warsaw, 165–180.
Матера М. 2017: Рыбный промысел Танаиса. Роль и место рыболовства в хозяйственной жизни и экономике населения Танаиса. В сб.: М. Matera, R. Karasiewicz-Szczygiorski (eds) *Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг.* (Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1). Warsaw, 165–180.
- Maurolycus, Fr. 1807: *Francisci Maurolyci Tractatus de piscibus Siculis ad Petrum Gillium*. In: D. Sestini. *Viaggi e opuscoli diversi*. Berlin, 285–302.
- Misharin, K. I. 1950: *Ryby i rybnyy promysel v Irkutskoy oblasti* [Fish and fishery in Irkutsk region]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo.
Мишарин К. И. *Рыбы и рыбный промысел в Иркутской области*. Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1950.

- Neumann, G. 1961: *Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Nicolò, M. L. De 2016: *Mediterraneo dei pescatori, Mediterraneo delle reti*.
- Noreen, A. 1923: *Altisländische und altnorwegische Grammatik*. Halle: Niemeyer.
- Podlednaya lovlya osetra adurom na Angare (v ustnykh rasskazakh russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri)* [Ice-hole fishing for sturgeons using the adur on the Angara (in oral narratives of old Russian residents of Baikal Siberia)], available at <https://sibfolk.ru/?p=1706> (23.03.2024).
Подлёдная ловля осетра адуром на Ангаре (в устных рассказах русских старожилов Байкальской Сибири), <https://sibfolk.ru/?p=1706>.
- Pokorny, J. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke.
- Pronk, T. 2019: Proto-Indo-European *a. *Indo-European Linguistics* 7, 122–163.
- Radt, St. 2007: *Strabons Geographika, Bd. 6. Buch V–VIII: Kommentar*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Rozhanskiy, F.I. 2011: *Reduplikatsiya: opyt tipologicheskogo opisaniya* [Reduplication: an attempt at typological description]. Moscow.
Рожанский, Ф. И. 2011: *Редупликация: опыт типологического исследования*. М.: Знак, 2011.
- SAOB — *Svenska Akademiens ordbok över svenska språket*, I–XXXIX. Lund, 1898–2023 (<https://www.saob.se/>).
- Stolba, V. 2005. Fish and Money: Numismatic Evidence for Black Sea Fishing. In: Bekker-Nielsen, T. (ed.) *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region*. Aarhus University Press, 115–132.
- Thesaurus Graecae linguae* — Hase, C. B., Dindorfius, G., Dindorfius, L. 1833: *Thesaurus Graecae linguae ab Henrico Stephano constructus*, vol. II. Paris: Didot.
- Torp, A. 1919: *Nynorsk etymologisk ordbok*. Kristiania: H. Aschenhoug & Co. (W. Nygaard).
- Tozer, H. F. 1893: *Selections from Strabo. With an Introduction on Strabo's Life and Works*. Oxford: Clarendon Press.
- Trubachev, O. N. (ed.) 1980: *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of the Slavonic languages. Proto-Slavonic lexicon]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
Трубачёв О. Н. (ред.) 1980: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 7. М.: Наука.
- Trubachev, O. N. (ed.) 1983: *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of the Slavonic languages. Proto-Slavonic lexicon]. Vol. 10. Moscow: Nauka.
Трубачёв О. Н. (ред.) 1983: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 10. М.: Наука.

- Tsepkin, E. A. 1961: [Fishes of Tanais (fishery in the estuary of the Don river in the 2nd — 1st cc. BC)]. *Voprosy ikhtiologii* [Issues in ichthyology], 1/3 (20), 448–452.
- Цепкин Е. А. 1961: Рыбы городища Танаис (о рыболовстве в дельте р. Дон во II–I веках до н.э.). *Вопросы ихтиологии*. Т. 1, вып. 3 (20), 448–452.
- Tsepkin, E. A. 1970: [New materials for the history of fishery in Tanais]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkeologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 124, 115–117.
- Цепкин Е. А. 1970: Новые материалы к истории рыбного промысла в Танаисе. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 124, 115–117
- Vasmer, M. 1964–1973: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Perevod s nemetskogo i dopolneniya O. N. Trubacheva* [Etymological dictionary of the Russian language. Translation from German and additions by O. N. Trubachev]. Vols 1–4. Moscow.
- Фасмер, М. 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс.
- Wessén, E. 1965: *Svensk språkhistoria. I. Ljudlära och ordböjningslära*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Yanish, E. Yu., Bylkova, V. P. 2017: [Analysis of osteological material from the archaeological site of Belozerskoe Settlement (4th c. BC)]. In: As'keev, I. V., Ivanov, D. V. (eds) *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene* [Dynamics of the modern ecosystems in Holocene. Conference proceedings]. Kazan, 354–357.
- Яниш Е. Ю., Былкова В. П. 2017: Анализ остеологического материала из археологического памятника Белозерское поселение (IV до н.э.). В сб.: Аськеев И. В., Иванов Д. В (ред.) *Динамика современных экосистем в голоцене. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции*. Казань, 354–357.
- Zin'ko, A. V. 2023a: [Fishery in the Cimmerian Bosporus]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan studies] 46, 92–115.
- Зинько, А. В. 2023: Рыбный промысел на Боспоре Киммерийском. *Боспорские исследования* 46, 92–115.
- Zin'ko, A. V. 2023b: *Ellinskie moreplavately Bospora Kimmerijskogo (VI v. do n.e. — VI v. n.e.)* [Greek seafarers of the Cimmerian Bosporus (4th c. BC — 6th c. AD)]. Simferopol; Kerch.
- Зинько А. В. 2023: *Эллинские мореплаватели Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — VI в. н.э.)*. Симферополь; Керчь, 2023.

**ГРЕЧЕСКИЕ ТЕОНИМЫ И ИХ ЛАТИНСКИЕ
СООТВЕТСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ
ТРАГЕДИИ СОФОКЛА «ЭДИП В КОЛОНЕ»,
ВЫПОЛНЕННЫХ В XVI ВЕКЕ)**

В статье рассматриваются способы перевода греческих теонимов и эпитетов богов на латинский язык на материале переводов трагедии Софокла «Эдип в Колоне», выполненных гуманистами из разных стран Европы в XVI веке: итальянцем Джованни Габио, немцем Фитом Винсхеймом, французом Жаном Лалеманом, немцем Томасом Наогеоргом и голландцем Георгом Раталлером. Разнообразие переводов обусловлено различными задачами переводчиков, следованием различным переводческим школам — *ad verbum* или *ad sensum*, а также национальными особенностями.

Ключевые слова: античная трагедия, Софокл, рецепция Античности, гуманизм, Возрождение, XVI век, латинские переводы, теонимы, древнегреческая мифология.

N. V. Presnova

Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. ponvip@yandex.ru

Greek theonyms and their Latin equivalents in the Latin translations of Sophocles' tragedy "Oedipus at Colonus", made in the 16th century

The article discusses ways to translate Greek theonyms and epithets of gods into Latin. The research is based on five Latin translations of Sophocles' tragedy 'Oedipus at Colonus', made and published by humanists from different countries in the XVI century: the Italian Giovanni Gabia (1543), the German Vit Vinsheim (1546), the Frenchman Jean Lalamant (1557), the German Thomas Naogeorg (1558) and the Dutch Georg Rataller (1570). Particular attention is paid to compound epithets, which can be translated either descriptively or with the help of compound Latin counterparts. Some of them can even be not translated, but just transliterated into the Latin alphabet. There is also much diversity in translation of theonyms personifying different times of day, phenomena and qualities (for example, Nyx — the personification of night, — or Skotos — the personification of darkness). Often it means that the translators no longer perceive them as deities, but as a metaphorical representation of a phenomenon, so in most cases they are written with a lowercase letter and become common names and symbols. Over time,

editions of ancient texts become more and more detailed and rich in notes, including those concerning mythological realities, so that the reader who is not very familiar with them can easily understand the context. The diversity of translations can be explained by different objectives of the translators, different schools of translation — *ad verbum* or *ad sensum* — and cultural peculiarities.

Keywords: ancient tragedy, Sophocles, reception of Antiquity, humanism, Renaissance, XVI century, Latin translations, theonyms, ancient Greek mythology.

Имена божеств — теонимы — представляют собой особый тип ономастики, поскольку отражают религиозную картину мира (Alekseev 2012: 34). К древнегреческим богам могли обращаться тремя способами: только по имени (в повествовательной речи или повседневном контексте), только с помощью эпитета или по имени с прибавлением эпитета (в клятвах, молитвах, гимнах) (Parker 2003: 180). И хотя значение и применение далеко не всех божественных эпитетов является понятным, очевидно, что упоминание определённого эпитета бога было важной составляющей обращения к нему.

Неудивительно, что перевод эпитетов богов представлял сложность для переводчиков: операции с единичными понятиями, в частности, именами собственными, предполагают принятие ряда серьёзных решений: например, ограничиться транслитерацией названия или найти для него эквивалент в языке перевода (Garbovskij 2004: 469). Тем не менее, в XVI веке предпринималось большое число попыток перевести произведения древнегреческой литературы на другие языки, в первую очередь — на латинский. Объектом переводов были разные жанры в зависимости от определённой эпохи и особенностей литературного процесса (Teretik 2012: 8). В отличие от XV в., когда переводились в основном прозаические тексты, в XVI в. появились переводы поэтических текстов, в том числе трагедий (Lockwood 1918: 127). Известны пять переводов трагедий Софокла на латынь, выполненных и напечатанных в XVI в.: перевод итальянского гуманиста Джованни Баттисты Габбио (Венеция, 1543 г.), немца Файта Винсхейма (1546 г., Франкфурт), француза Жана Лалемана (1557 г., Париж), немца Томаса Наогеорга (1558 г., Базель) и голландца Георгия Раталлера — 1570 г., Антверпен)¹.

¹ Все перечисленные издания указаны в библиографии к статье: Presnova 2022: 977–986.

Поскольку в трагедиях религиозная составляющая играет большую роль и тесно связана с политической (Vinnichuk 1988: 360), в статье будут рассмотрены способы передачи греческих теонимов и эпитетов богов, используемые данными переводчиками. Особенно важна трагедия Софокла «Эдип в Колоне», поскольку в ней Афины и их окрестности предстают как наследник силы Эриний, преследующих людей за преступления, то есть Афины — духовный моральный лидер всей Греции (Lardinois 1992: 327). Поэтому упоминания Эриний-Эвменид и их эпитетов встречаются в тексте трагедии часто и имеют особое значение. Так, Софокл использует эпитеты *πότνια* («владычицы»), *δεινῶτες* («с ужасным взором»), *μεγάλα* («великие»). Вероятно, именно Эринии имеются в виду в четвертом стасиме в качестве *χθόνια θεαί* (Soph. OC 1568, Jebb 1899: 55).

Передача эпитета-композиата *δεινῶτες* («со страшным взором») представляет сложность для перевода, поскольку для латинского языка композиты в целом характерны меньше, чем для греческого (Taylor 2020: 6). В большинстве случаев гуманисты предпочитают не создавать неологизмы, способные передать внутреннюю форму греческого эпитета, а перевести его описательно. Например, эпитет Посейдона «земледержец» (*τὸν πόντιον γαῖόχορον* — «морской земледержец», Soph. OC 1072–1073) Габио переводит как *marinam terram continens* («держачий морскую землю»), Винсхейм вводит придаточное предложение и добавляет латинское имя бога: *qui mari praeest Neptunus* («который стоит во главе моря, Нептун»). Раталер также добавляет имя бога и называет его просто «морской Нептун» (*Neptunus aequoreus*). Лалеман переводит эпитет *γαῖόχορος* как *concussor terrae* («сотрясатель земли»), Наогеорг — как *maris imperator* («владыка моря»). Таким образом, для подобных эпитетов все переводчики выбирают описательный перевод, а некоторые (Винсхейм и Раталлер) вводят в свой перевод и поясняющий элемент, что облегчает восприятие текста читателем, который, возможно, не знаком с тонкостями мифологии (Anan'ina, Uskova 2014: 24). В переводе Винсхейма на титульном листе издания указано, что он создавался в учебных целях: *ad utilitatem juventutis* «на пользу юношества». Поэтому для пояснения мифологических аллюзий или реалий часто используется дополняющий перевод. Пояснения могут быть вынесены и в виде примечаний на полях: особенно часто такие примечания встречаются у Наогеорга в его переводе «Эдипа в Колоне». Например, на словосочетание *inferna dea* («подземная

богиня», в оригинале *νερτέρα θεός*) даётся примечание: *Proserpina*, на словосочетание *gnate terrae ac Tartari* («сын земли и Тартара», в оригинале — ὁ Γᾶς παῖ καὶ Ταρτάρου) — *Cerberus*. У других переводчиков также встречаются примечания, касающихся мифологических реалий. Примечания на полях характерны для гуманистических изданий античной литературы. Искусствовед Ю. Я. Герчук называет издания античных авторов XVI в. «особым книжным пространством», «филологическим пространством», «обобщённой моделью самой гуманистической учёности» (Gerchuk 2000: 166). Действительно, речь здесь идёт не просто о публикации текста и/или его перевода, а о кропотливой филологической работе: ренессансное издание часто содержит обращение к читателю, стихотворные или прозаические «рецензии» других гуманистов.

Иногда переводчики прибегают к транслитерации эпитетов-композигов: например, Габио оставляет эпитет *γλαυκῶπις* (*γλαυκῶπις Ἀθήνα* — «светлоокая Афина») без перевода и лишь транслитерирует его: *Glaucopis Minerva*. Габио — переводчик-буквалист: даже на титульном листе издания указано, что перевод выполнен *ad verbum*, то есть слово в слово. Можно предположить, что строгий параллелизм с текстом оригинала был необходим итальянцу для учебных целей: он в течение 20 лет возглавлял кафедру греческого языка в Римском университете (Cosenza 1962: 1509), а параллельное чтение древнегреческого текста и латинского подстрочника было весьма популярным среди преподавателей-гуманистов методом обучения (Sofronova, Hazina 2018). Прочие переводчики используют слово *caesius* («серо-голубой», «сероглазый», «голубоглазый»). Это слово, говоря о глазах Минервы, употребляет и Цицерон в трактате «*De natura deorum*» (Cic. N. D. I, 30, 83). Однако это слово, хоть и соответствует по значению *γλαυκῶπις*, не является композигом. Тем не менее, большинство переводчиков придерживается школы перевода *ad sensum* (перевод по смыслу), поэтому для них сохранение всех греческих композигов не столь важно, если существует латинский эквивалент, пусть и не являющийся сложным словом.

Габио и Лалеман транслитерируют также эпитет Деметры *εὐχλοος* («зелёная») — *Ceres Euchloa*. Итальянец, вероятно, делает это из соображений буквализма, француз — из метрических соображений. Перевод Лалемана, в отличие от перевода Габио, эквиритмический, а транслитерация терминологических культовых понятий часто позволяет решить метрические задачи

(Tererik 2023: 51). Раталлер опускает эпитет, возможно, также из метрических соображений, Винсхейм использует композит, не вполне соответствующий по значению, но имеющийся в латинском языке — *frugifera* («плодоносная»), а Наогеорг — образованное по той же модели сложное прилагательное *graminifera* («приносящая зелень»).

Впрочем, иногда для греческого сложного эпитета переводчики всё же находят соответствующий композит в латинском языке. Например, для эпитета Ареса χαλκοβόας («медноголосый», «с медным криком») Габио выбирает перевод *aereasonans* («меднозвучающий»), Винсхейм — *ferristrepus* (букв. «железозвучный»). Скорее всего, это связано с тем, что в классической латыни существовали композиты с корнем *ferr-*, в том числе близкий по значению *ferricrepinus* («звонящий железом», «лязгающий» — OLD: 691). Однако другие переводчики используют эпитеты *resonans* — «с отраженным, усиленным звуком» (Лалеман) или *clamosus* — «крикливый» (Наогеорг). Раталлер же вновь опускает этот эпитет.

Если переводчики сталкиваются с композитом, для которого не могут найти полного или частичного соответствия в латинском языке, они, как уже было сказано выше, переводят его описательно.

Что касается самих теонимов, то перевод тех из них, для которых есть латинский эквивалент (Зевс — Юпитер, Артмеида — Диана, Афродита — Венера и т. д.) не вызывает сложностей, но при переводе имён архаических богов, олицетворяющих время суток или явление, наблюдается некоторое разнообразие (Ночь, Мрак и т. д.). Во-первых, далеко не всегда при переводе эти теонимы пишутся с заглавной буквы: например, стих 39 «Эдипа в Колоне», где Эринии называются дочерьми Земли и Мрака (т.е. Геи и Скотоса), в переводе Винсхейма выглядит так: *terribiles Deae, terrae & noctis filiae* («ужасные богини, дочери земли и ночи»). Таким образом, для переводчика реальное мифологическое происхождение Эриний уже не имеет значения, а выражение «дочери земли и ночи» воспринимается им скорее как развёрнутая метафора. В переводах Габио и Наогеорга Эринии называются дочерьми земли и мрака (*terraeque & tenebrarum filiae*). Цицерон в трактате «О природе богов» упоминает божество *Tenebrae*, рождённое от Ночи и Эреба (Cic. N.D. III, 17, 44). Тем не менее, в рассматриваемых переводах речь идёт скорее о метафоре, а не о реальном происхождении богинь. Из всех переводчиков лишь Раталлер использует

существительные, которые могут осмысляться как теонимы: он называет Эриний дочерью Теллус (или Теллуры, римской богини земли; от *Tellus* — «почва») и Эреба (Мрака). Вероятно, так Скотос отождествляется с Эребом, поскольку оба теонима переводятся как «мрак». Для Эреба в латинском пантеоне нет соответствия, поэтому используется транслитерация. Однако слово *tellus* в переводе Раталлера всё же не пишется с заглавной буквы, так что возникают сомнения в том, что он пытался воссоздать теонимы, соответствующие именам настоящих «родителей» Эриний.

Теонимы, являющиеся олицетворением каких-либо качеств (например, имя богини справедливости Дики — от Δίκη, «справедливость») также могут переводиться по-разному. Например, Лалеман прибегает к транслитерации, называя богиню *Dice*, Габио и Винсхейм пользуются латинскими понятиями (*Justitia* — «справедливость» — у Габио и *Vindicta* — «[справедливое] мщение, наказание» — у Винсхейма), Раталлер также добавляет слово *Dea*, называя Дику *Dea vindicta* («богиня-мщение»). Стоит обратить внимание, что на этот раз теоним или слово «богиня» пишется с заглавной буквы. Можно предположить, что олицетворение мрака, земли или ночи ассоциировалось у христианских переводчиков с язычеством, в то время как олицетворение таких качеств, как справедливость, их не смущало, поскольку персонажи-аллегории качеств и понятий были характерны для моралите — весьма актуального театрального жанра в XVI в. (Nekrasova 2013: 1088).

Итак, рассмотрев способы перевода греческих теонимов и эпитетов богов, можно сделать следующие выводы:

1. Наибольшее разнообразие наблюдается при переводе теонимов, совпадающих с названиями времени суток, природных явлений или абстрактных качеств (Никта-Ночь, Скотос-Мрак, Дике-Справедливость и т. д.). Они могут восприниматься как имена нарицательные и не писаться с заглавной буквы, в таком случае речь идёт уже о поэтическом, метафорическом осмыслении текста. Во-вторых, может встречаться двойное соответствие латинских и греческих эквивалентов: так, греческий Скотос в латинском переводе может встречаться как Тенебре, Эреб или даже Нокс.

2. Многообразие вариантов отмечается и при переводе эпитетов-компонентов. Здесь также можно выделить несколько основных способов перевода: описательный, когда композит

заменяется словосочетанием; перевод латинским композитом-калькой; опущение эпитета.

3. Различные стратегии, которых придерживаются переводчики, объясняются, во-первых, принадлежностью к разным переводческим школам: так, Джованни Габио придерживается школы перевода *ad verbum* (слово в слово), он создаёт скорее подстрочник к оригинальному тексту, поэтому в его переводе нередко встречается транслитерация эпитетов или использование латинских прилагательных-композитов, подобных греческим. Другие переводчики придерживаются перевода *ad sensum* (по смыслу), тем не менее, их версии также весьма разнообразны, что объясняется уже различными задачами. Перевод Файта Винсхейма более близок к оригиналу и в некоторых местах является практически буквальным: он был предназначен для обучающихся, поэтому довольно точное следование оригиналу и добавление пояснений необходимо переводчику в образовательных целях. В последующих изданиях — Лалемана, Раталлера и Наогеорга — присутствует более вольный перевод, эпитеты могут опускаться или переводиться не вполне точно, местами встречается и транслитерация. В первую очередь это объясняется тем, что вышеупомянутые переводчики стремятся следовать размеру оригинала, в отличие от Габио и Винсхейма. Лалеман, Наогеорг и Раталлер не занимались столь активно преподавательской деятельностью, они создают свои переводы в первую очередь не для учащихся, а для круга таких же учёных-гуманистов: Жан Лалеман по своему основному роду деятельности был медиком, поэтому интересовался трудами античных писателей как источником знаний и учёности, о чём он пишет в предисловии к своему изданию; Томас Наогеорг является автором нескольких неолатинских протестантских драм на библейские сюжеты, поэтому перевод трагедий мог послужить для него своего рода упражнением в поэтическом искусстве; Георг Раталлер — в первую очередь филолог, перевод и изучение античной литературы — основная сфера его деятельности, поэтому его работа ориентирована на таких же учёных-филологов. В переводах имеет место и отражение национальных особенностей: так, более вольный и многословный перевод Жана Лалемана (он увеличивает количество стихов трагедии практически в полтора раза) находится в русле французской переводческой традиции XVI в., для которой свойственно увеличение количества строк оригинала при переложении как на латынь, так и на национальный язык (Sturel 1913: 645).

Итак, разнообразие латинских переводов XVI в. вызвано различными переводческими установками, следованиям различным переводческим школам, а также национальными и культурными особенностями. Это в первую очередь отражается на переводе ономастики, в частности, теонимов.

Литература

- Alekseev, V. I. 2012: [Nomina Sacra: Theonims and Their Special Place on the Onomastic Field]. In: *Vestnik IGLU*. [The ISLU Philological Review]. 3(20), 28–35.
- Алексеев, В. И. 2012: Nomina sacra: теонимы как особый тип ономастического пространства. *Вестник ИГЛУ*. 3(20), 28–35.
- Anan'ina, M. A., Uskova, B. A. 2014: [Difficulties in transmitting linguistic and cultural information when translating allusions into Russian]. In: *Lingua mobilis*. 2(48), 21–25.
- Ананьина, М. А., Ускова, Б. А. 2014: Трудности передачи лингвокультурной информации при переводе аллюзий на русский язык. *Lingua mobilis*. 2 (48), 21–25.
- Cosenza, M. E. 1962: *Biographical and bibliographical dictionary of the Italian humanists and of the world of classical scholarship in Italy, 1300–1800*. II. Boston.
- Evelyn, B. Tr. 1993: *Margins and Marginality: The Printed Page in Early Modern England*. Charlottersville and London.
- Garbovskij, N. K. 2004: [Translation theory]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovsogo Universiteta.
- Гарбовский, Н. К. 2004: Теория перевода. Москва: Изд-во Московского университета.
- Gerchuk, Yu. Ya. 2000: [*The History of Book Graphics and Art*]. Moscow: Aspekt Press.
- Герчук, Ю. Я. 2000: *История графики и искусства книги*. М.: Аспект Пресс.
- Jebb, R., ed. 1899: *Sophocles. The Oedipus at Colonus of Sophocles*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lardinois, A. 1992: [Greek Myths for Athenian Rituals: Religion and Politics in Aeschylus' 'Eumenides' and Sophocles' 'Oedipus Coloneus']. In: *Greek, Roman and Byzantine studies*. 33 (4), 313–327.
- Lockwood, D. P. 1918: Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek. In: *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 49, 115–129.
- Nekrasova, I. A. 2013: [Morality Plays and Spiritual Conflicts in the XVIth Century]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*. [Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2–4. 1088–1093.

- Некрасова, И. А. 2013: Театральный жанр моралите и духовные конфликты XVI века. *Известия Самарского научного центра РАН*. 2–4, 1088–1093.
- OLD — Oxford Latin Dictionary. Glare, P. G. W. (ed.). Oxford: Clarendon Press. 1968.
- Parker, R. 2003: The problem of the Greek cult epithet. In: *Opuscula Atheniensia*. 28, 173–183.
- Presnova, N. V., 2022: [Features of sententiae rendering in Latin translations of Sophocles' Antigone in the 16th century]. In: *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. [Indo-European linguistics and classical philology]. 26–2, 977–986.
- Преснова, Н. В. 2022: Особенности перевода сентенций (на материале латинских переводов «Антигоны» Софокла в XVI в.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 26–2, 977–986.
- Sofronova, L. V., Xazina, A. V. 2018: ['De ratione studii': Erasmus of Rotterdam on Methods of Teaching Classical Languages]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta*. [Vestnik of Minin University]. 2 (23).
- Софронова, Л. В., Хазина, А. В. 2018: *De ratione studii*: Эразм Роттердамский о методике обучения классической словесности. *Вестник Мининского университета*. 2 (23). <https://vestnik.mininuniver.ru/> [Эл. ресурс]. URL: [tps://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/815/667](https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/815/667)
- Sturel, R. 1913: Essai sur les traductions du théâtre grec en français avant 1550. *Revue d'histoire littéraire de la France*. 3. 637–666.
- Taylor, V. 2020: *Lucretius and the Language of Nature*. Oxford.
- Teperik, T. F. 2012: [J. Dryden's Pastoral and Virgil's Bucolic. Translation as a form of reception]. In: *XVII vek: literature v e'poxu idillij i bur'*. [The 18th Century: Literature in the Age of Idylls and Storms]. Moscow. 3–11.
- Теперик, Т. Ф. 2012: Пастораль Дж. Драйдена и буколика Вергилия. Перевод как форма рецепции. В сб.: *XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь*. М. 3–11.
- Teperik, T. F. 2023: [Poetics of Translation and Poetics of Motive: *Oedipus the King*. Transl. by D. S. Merezhkovsky]. In: *Merezhkovskie i Evropa*. [The Merezhkovskys and Europe]. Moscow: IMLI RAN, 46–59.
- Теперик, Т. Ф. 2023: Поэтика перевода и поэтика мотива: «Эдип-царь» в переводе Д. С. Мережковского. В сб.: *Мережковские и Европа*. М: ИМЛИ РАН, 46–59.
- Vinnichuk, L. 1988: [People, Manners and Customs of Ancient Greece and Rome]. Moscow. Винничук, Л. 1988: Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. Пер. с польск. В. К. Ронина. М.

ПРАВОМЕРНО ЛИ НАЗЫВАТЬ АСТРАГАЛЬНЫЕ И АЛФАВИТНЫЕ ОРАКУЛЫ *ХРЕСМОЛОГИЯМИ*, ИЛИ О СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕРМИНА ΧΡΗΣΜΟΛΟΓΟΣ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ

Астрагальные и алфавитные оракулы — это отдельное направление мантики, ставшее известным благодаря небольшому количеству надписей, найденных в южных областях Малой Азии и на Кипре. В античной литературе упоминаний об этих оракулах нет и, соответственно, не было специального термина для их называния. Й. Нолле собрал в одном издании все обнаруженные к 2007 г. надписи с астрагальными и алфавитными оракулами. Его книга называется «*Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance*», и как в названии, так на страницах работы Нолле называет астрагальные и алфавитные оракулы *хресмологиями*. Автор статьи ставит перед собой задачу выявить правомерность использования этого древнегреческого слова применительно к астрагальным и алфавитным оракулам и рассматривает историю семантического развития слова *χρησμολογία*, а также родственных ему слов. Исходным словом этого словообразовательного гнезда является *χρησμολόγος*. Писатели периода классики и эллинизма использовали этот мантический термин для обозначения древних пророков, предсказывавших события на много веков вперед и не указывавших при этом точного времени исполнения их пророчеств, а также для тех, кто собирал и хранил изречения того или иного древнего пророка-хресмолога. В византийское время *χρησμολόγος* утратило терминологическую точность и стало обозначать просто «прорицателя». Глагол *χρησμολογέω* и существительное *χρησμολογία*, хотя и возникли от *χρησμολόγος*, не смогли закрепить за собой терминологического значения, связанного с древними пророками-хресмологами и хранителями их пророчеств. Они употреблялись преимущественно в нейтральном значении: *χρησμολογέω* — «возвещать пророчества», *χρησμολογία* — «возвещение пророчеств», а в византийское время просто «пророчество». Таким образом, автор доказывает, что, во-первых, *χρησμολογία* относилось к словам, обслуживавшим совершенно другое направление мантического искусства, нежели астрагальные и алфавитные оракулы (а греки в назывании разных видов мантики всегда были последовательны), и, во-вторых, это слово никогда не имело значения «собрание прорицаний», которое приписал ему Нолле. Следовательно, будущие исследователи астрагальных и алфавитных оракулов Малой Азии

должны воздержаться от использования применительно к ним слова *χρesmologia*.

Ключевые слова: астральные оракулы, алфавитные оракулы, *χρησμολόγος*, *χρησμολογέω*, *χρησμολογία*, вид мантического искусства, древний пророк, Сивилла, Бакид, мантический термин.

E. V. Prikhodko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. aristonica@list.ru

Is it accurate to designate astragal and alphabetical oracles as *chresmologies*, or about the semantic evolution of the term *χρησμολόγος* and its derivatives

Astragal and alphabetical oracles represent a distinct type of divination, documented in a limited number of inscriptions discovered in the southern regions of Asia Minor and Cyprus. There are no references to these oracles in ancient literature, so no specific term was created to designate them. J. Nollé collected in one work all the inscriptions with astragal and alphabetical oracles found up to 2007. His book is called «Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance», and both in the title and in the work itself, Nollé constantly calls astragal and alphabetical oracles *chresmologies*. The author seeks to assess the appropriateness of applying this ancient Greek word to astragal and alphabetical oracles while delving into the semantic evolution of the *χρησμολογία* and related words. The source word of this word-formation nest is *χρησμολόγος*. Writers of the classical period and Hellenism used this mantic term to designate ancient prophets who foretold events many centuries in advance and did not indicate the exact time of the fulfillment of their prophecies, as well as for those who collected and stored the prophecies of one or another such ancient prophet. In Byzantine times, *χρησμολόγος* lost its terminological precision and began to mean simply “soothsayer”. The verb *χρησμολογέω* and the noun *χρησμολογία*, although they arose from *χρησμολόγος*, could not secure the terminological meaning associated with the ancient prophets-chresmologists and the guardians of their prophecies. They were used mainly in a neutral meaning: *χρησμολογέω* — “to proclaim prophecies”, *χρησμολογία* — “pronouncement of prophecies” and in Byzantine times simply “prophecy”. Thus, the author proves that, firstly, *χρησμολογία* referred to words that served a completely different type of divination than the astragal and alphabetical oracles (and the Greeks were always consistent in naming different types of divination), and, secondly, this the word never had the meaning “collection of oracles” that Nollé attributed to it. Consequently, future researchers of the astragal and alphabetical oracles of Asia Minor should refrain from using the word *chresmology* in relation to them.

Keywords: astragal oracles, alphabetical oracles, *χρησμολόγος*, *χρησμολογέω*, *χρησμολογία*, type of divination, ancient prophet, Sibyl, Bakis, mantic term.

Мантическое искусство, или мантика, всегда рассматривалось древними греками как обычное ремесло и называлось по тому же принципу, что и все ремесла: ἡ μαντικὴ τέχνη. Внутри мантики существовали разные направления: эллины разграничивали своих прорицателей по типу их пророческого дарования, и, соответственно, видели значимые различия между возвещаемыми ими прорицаниями. Как и все ремесла, мантика создала свою систему обслуживавших ее терминов, одни из которых от столетия к столетию сохраняли свое значение неизменным, а другие расширяли или, наоборот, утрачивали свое первоначальное значение, отражая возникновение новых жизненных реалий. В силу своей употребительности мантические термины хорошо представлены в древнегреческой литературе и эпиграфике, что позволяет с достаточной точностью восстановить всю историю их семантического развития.

Астрагальные и алфавитные оракулы Малой Азии и термин *хресмология*

Однако в период Римской империи в Малой Азии возникли два родственных направления мантического искусства, которые не засвидетельствованы в литературе и вошли в научный обиход лишь благодаря нескольким надписям, найденным в Писидии, Памфилии, Кибиратиде, Фригии, восточной Ликии и западной Киликии, а также на Кипре. Речь идет об оракулах по пяти или семи астрагалам и об алфавитных оракулах. И те, и другие представляют собой подборку заранее приготовленных прорицаний или, точнее сказать, наставлений по тактике поведения для благополучного решения поставленной задачи, и при вопрошении бога проситель получал адресованное ему прорицание, либо бросая астрагалы, либо определяя букву алфавита (выбрав, например, один из двадцати четырех камешков с нанесенными на них буквами). Оракул по пяти астрагалам — это собрание из 56 прорицаний, каждое из которых было связано с определенной комбинацией выпавших астрагалов. Астрагал — это кость из лодыжки копытного животного с раздвоенными копытами; при броске он может упасть только на одну из четырех сторон (две боковые стороны слишком малы и закруглены), и за каждой стороной было закреплено свое цифровое значение: 1, 3, 4 и 6, — причем так, чтобы, как и у кубика, сумма противоположных сторон равнялась 7. Если одновременно бросать пять астрагалов, можно получить в

общей сложности 56 комбинаций — именно этим и определялось количество прорицаний у оракула по пяти астрагалам. Каждое прорицание было оформлено в виде строфы из пяти строк: первая строка перечисляла цифровые значения выпавших астрагалов, их сумму и имя божества-покровителя этого броска, вторая строка описывала выпавшие астрагалы в гекзаметре, и следующие три гекзаметрические строки заключали в себе само изречение. Общий объем такой надписи насчитывал 280 строк. У оракула по 7 астрагалам объем текста был еще больше: 120 комбинаций и, следовательно, 600 строк. Опубликованы восемнадцать надписей с оракулом по пяти астрагалам¹: от некоторых из них дошли только фрагменты, другие, скопированные в XIX в., сейчас утрачены, — и фрагменты трех надписей с оракулом по семи астрагалам. Алфавитный оракул — это также собрание прорицаний, только далеко не столь объемное. Он состоит всего из двадцати четырех одностишных прорицаний, расположенных по алфавитному принципу, как акростих: первое прорицание начинается с альфы, второе с беты и так до омеги. На данный момент известно двенадцать надписей с алфавитными оракулами, дошедших в очень разной степени сохранности, причем десять оракулов написаны ямбическим триметром и лишь два гекзаметром.

Обнаружение надписей с астрагальными и алфавитными оракулами проходило с разной степенью интенсивности в течение двух последних столетий, но до недавнего времени весь материал был разбросан по отдельным эпиграфическим публикациям, и единственной попыткой сопоставительного исследования долгое время оставалась работа Ф. Хайнефеттера «Оракулы по жребиям и буквам в Греции и Малой Азии», опубликованная в 1912 г. и в силу ряда причин не охватившая всех найденных к тому моменту надписей (Heinevetter 1912). Задачу собрать вместе все надписи в полноценном критическом издании поставил перед собой и успешно осуществил Й. Нолле.

¹ Нолле опубликовал 18 надписей с оракулом по пяти астрагалам (Nollé 2007: 31–103, 192–211), но в дальнейшем было доказано, что фрагменты оракульных колонн из Такин и Ярыкёй являются частями одной колонны из Такин, распиленной при вторичном использовании (Prikhodko 2014: 88–91). К этим 17 надписям следует добавить недавно опубликованный фрагмент оракула из Коридалл (İplikçiöğlü 2021: 21–22).

Его работа «Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance» вышла в свет в 2007 г. и остается основным трудом по данной теме.

Уже в заглавии Нолле определяет публикуемые им тексты как *хресмологии* и затем постоянно использует этот термин во всех разделах своего труда. Чем был вызван выбор именно термина *хресмология*, Нолле специально не объясняет, но его понимание этого термина становится вполне очевидным из отдельных высказываний и самого принципа употребления у него этого слова. *Хресмология*, с точки зрения Нолле, — это *Orakelsammlung*, то есть «собрание прорицаний» (Nollé 2007: 19). Он с легкостью называет *хресмологией* любую надпись с астрагальным или алфавитным оракулом: «Поэтому за общим введением в феномен оракула по жребиям (2 глава) ... следует издание по отдельности известных мне хресмологий (главы 3 и 4)» (Nollé 2007: 3); «В конце данного исследования приводится полная, написанная гекзаметром хресмология из 118² оракульных стихов в 56 изречениях» (Nollé 2007: 4); «Возможно, однажды наступит день, когда удастся обрести текст этой хресмологии по семи костям» (Nollé 2007: 19); «В Анабурах хресмология южномалоазийского астрагального оракула по пяти костям была вырезана на внутренней стороне овального семейного памятника между почетными надписями» (Nollé 2007: 26); «... длинные астрагальные хресмологии на больших колоннах или на стенах зданий были, по-видимому, частью стандартного украшения городов южной Малой Азии периода Империи» (Nollé 2007: 26); «Следующий обзор дает описание ситуации передачи каждого отдельного изречения хресмологии» (Nollé 2007: 28); «Хресмология южномалоазийского астрагального оракула-койне по пяти костям состоит из 56 отдельных оракулов» (Nollé 2007: 103); «Расположение изречений в хресмологии» (Nollé 2007: 103); «Однако хресмология из Термесса отличается в восьми случаях от традиции койне» (Nollé 2007: 106); «Этот стих встречается в этой же форме и в хресмологии из Адад» (Nollé 2007: 242) и т. д. Кроме того, Нолле даже рассуждает о том, что изречения этих собраний отличаются той же расплывчатостью и неопределенностью, какая была свойственна пророчествам, которые пели, согласно Фукидиду (II. 21. 3), хресмологи в начале Пелопоннесской войны (Nollé 2007:

² Здесь мы, скорее всего, имеем дело с опечаткой, поскольку 56 изречений по 3 стиха в каждом дают 168 оракульных стихов.

189). Получается, что Нолле фактически ставит знак равенства между астрагальными и алфавитными оракулами Малой Азии и теми собраниями прорицаний, которые были в распоряжении афинских хресмологов.

Если бы создатели надписей с астрагальными или алфавитными оракулами назвали хотя бы один из них *хресмологией*, то не могло бы возникнуть сомнений в правомерности использования у Нолле этого термина. Однако ни авторы самих текстов оракулов, ни те, кто, заказывая вырезать надпись, решал добавить к ней вступление, чаще всего посвятельное, ни разу не воспользовались словом *χρησμολογία*, равно как и словами *χρησμολόγος* и *χρησμολογέω*. В надписи из Тириера, поселения на землях Бальбур, текст оракула предваряет вступление, в котором следующие далее изречения названы просто *χρησμοί*: «Прорицания (*χρησμοί*) Аполлона Пифийского посредством пяти астрагалов для Гермеса»³ (Nollé 2007: 51). Также и изречение 49-й строфы оракула по пяти астрагалам из Термесса призывает просителя: «повинуйся прорицаниям (*χρησμοῖσι*) Феба» (Nollé 2007: 83). Термин *χρησμός* имел общее значение «прорицание», то есть обозначал любое пророческое высказывание без конкретизации. Он также встречается и в самих изречениях оракула, обозначая какое-то конкретное изречение, выпавшее просителю. Например, в оракуле по пяти астрагалам из города Адады сказано: «это прорицание к надежде» (34, 3); «страшное, бесполезное прорицание» (46, 5); «это прорицание возвещает» (53, 2) (Nollé 2007: 65–67). Или алфавитный оракул из Олимпа уверяет: «Победоносный дар венчает это прорицание» (N); «Золотым ты сделаешь прорицание, познав успех, о друг» (X) (Nollé 2007: 241).

На верхнем профиле оракульной колонны из Перги (от всей колонны сохранился только он) более крупными буквами, нежели следующее далее посвящение было вырезано заглавие: Ἑρμοῦ ἀστραγαλομαντ[εῖον] — «Гермесов оракул по астрагалам» (Nollé 2007: 94). Собственно, уже одно только это заглавие, содержащее термин *μαντεῖον* — а такое же заглавие реконструируется и для оракульной колонны из Китанавр (Nollé 2007: 86), — однозначно указывает нам на то, чем в представлении жителей южных областей Малой Азии являлась колонна с вырезанным на ней собранием изречений и нередко

³ Все представленные в статье переводы, как прозаические, так и поэтические, выполнены автором.

венчающей ее статуей Гермеса. На протяжении всей истории древнегреческого языка термин *μαντεῖον* (а также термин *χρηστήριον*) неизменно служил для обозначения «оракула», то есть «вещего духа места», существа, родственного по своей природе даймонам и керам и, как и они, призванного способствовать установлению контакта между миром богов и миром людей. Его порождала Земля или он возникал на том месте, где произошло необычное явление, и затем он, оставаясь на месте своего рождения и оказываясь в распоряжении прорицающего божества, помогал ему открывать свою волю (Prikhodko 1999: 218–239, 294–295). Использование термина *μαντεῖον* в заглавии к оракулу по пяти астрагалам свидетельствует о том, что создателями оракульных колонн и их окружением такая колонна воспринималась прорицалищем под открытым небом, и механизм возвещения ответов в нем был фактически таким же, как и в крупных, прославленных святилищах: прорицающим богом в нем был Гермес, передававший в свою очередь откровения Аполлона, а за падением астрагалов следил вещий дух-оракул, незримо обитавший возле оракульной колонны после ее установки и, возможно, оращения.

Между терминами *μαντεῖον* и *χρησμολογία* трудно найти какие-либо точки пересечения, и использование в заглавии первого термина фактически исключает возможность появления там второго. Но все же, чтобы наше рассуждение не казалось односторонним и недостаточно аргументированным (два или три вступления, действительно, не самый богатый материал), давайте подойдем к проблеме с другой стороны и проанализируем историю семантического развития слова *χρησμολογία*, а также других родственных ему терминов, образующих одно словообразовательное гнездо: *χρησμολόγος*, *χρησμολογέω*, *χρησμολόγιον*, *χρησμολογικός*, *χρησμολογικῶς*. Исходным и, соответственно, самым древним словом этого гнезда является *χρησμολόγος*, поэтому наше рассмотрение следует начать именно с него.

Мантический термин *χρησμολόγος* и его судьба в византийское время

Слово *χρησμολόγος* по своему происхождению является прилагательным и, следуя значениям составляющих его корней, должно было иметь общее значение «говорящий пророчества». По данным ресурса TLG, это слово встречается у античных и

византийских авторов 141 раз и как минимум 2 раза зафиксировано в надписях. Самое раннее его употребление принадлежит фрагменту беотийской поэтессы Коринны (если, конечно, правы те ученые, кто датируют ее жизнь V в. до н.э.), повествующей о том, как, утешая горюющего о похищенных дочерях Асопа, прорицатель оракула Аполлона Птойского по имени Акрефей убеждает его: «... я говорю пророческую истину (ἀτ[ρ]έκ[ταν χρε]ῖσμολόγος)» (*Fr.* 1a col. 3, 42–43).

Полноценное терминологическое использование χρησμολόγος начинается где-то со второй половины V в. до н. э., когда за этим словом закрепляется строго определенное значение, с которым оно обретает свое место в системе мантической терминологии. Прежде нам уже приходилось подробно рассматривать историю изучения семантики χρησμολόγος и его функционирование в период классики (Prikhodko 1999: 268–281), поэтому сейчас из изложенного тогда материала мы повторим лишь основные моменты, важные для данной работы⁴.

Древние эллины последовательно различали пророков-мантисов и пророков-хресмологов как на основании их пророческого дара, так и на основании содержания их прорицаний. «Никто из мантисов не был хресмологом», — утверждал Павсаний (I. 34. 4). Сократ на вопрос, откуда появляются доблестные мужи, объяснял, что «это божественный дар и доблестные мужи появляются так же, как и божественные из мантисов и хресмологи» (*Plat. Virt.* 379 c). Каждый из мантисов — Калхант, Тиресий, Амфиарай, Галиферс, Феоклимен и другие — возвещали свои прорицания в ответ на сформулированный вопрос своих современников, обратившихся к ним за помощью, то есть их изречения возникали как бы по просьбе определенной группы людей и содержали информацию, касающуюся этих людей и их ближайшего будущего, а значит, были жестко привязаны к конкретной ситуации (и с точки зрения места, и с точки зрения участников) и ограничены по временному диапазону.

Хресмологами греки считали Мусея (*Soph. Fr.* 1116 Radt), Сивилл (*Arist. Mir.* 838 a), Бакидов (*Aristoph. Eq.* 1003; *Av.* 962), Лисистрата Афинского (*Hdt.* VIII. 96), Эвкла Кипрского (*Paus.* X. 12. 11) и других «боговдохновенных» (ἔνθεοι, *Arist. Prob.* 954a (XXX. 1)) пророков, которые начинали пророчествовать

⁴ Всю научную литературу по данному вопросу также можно найти в указанной монографии.

спонтанно (αὐτοματίζωσιν, Aristid. *Or.* XXVIII (XLIX Dindorf). 103 Keil), «по вдохновению богов» (ἐπιπνοία ἐκ θεῶν, Plat. *Virt.* 379 c) и «полностью отдав себя богу» (καθάραις ὑποδύντες θεῶν, Aristid. *Or.* II (XLV Dindorf) 46 Lenz–Behr), которые были «свидетелями о будущем» (μάρτυρες, περὶ δὲ τῶν ἐσομένων, Arist. *Rhet.* 1375b – 1376a (I. 15. 14)) и «благодаря богу достигали голосом тысячи лет» (Plut. *Mor.* 397 a (*Pyth. Or.* 6)), но при этом «не ограничивали, когда» сбудутся их пророчества (Arist. *Rhet.* 1407b (III. 5. 4)), и, «словно в море, отказавшись от точных свидетельств, выбросили время и рассеяли, как пришлось, имена и глаголы разнообразных случаев и событий» (Plut. *Mor.* 399 a (*Pyth. Or.* 10)). Иными словами, хресмологи пели свои пророчества без предваряющих вопросов и без заинтересованных слушателей и рисовали картины далекого будущего, не имея ни малейшего представления о том, когда должны будут исполниться их пророчества. Эта временная неопределенность создавала вокруг изречений хресмологов ореол загадочности, и многие стихи становились понятными только после того, как происходили описанные в них события. Так, Геродот рассказывает, что, когда после Саламинской битвы западный ветер пригнал обломки кораблей к мысу Колиада, и местные женщины начали собирать их и использовать в качестве дров, стал понятен смысл пророчества хресмолога Лисистрата Афинского:

«А колиадские жены на веслах поджаривать будут» (VIII. 96).

События, о которых вещали мантисы, как правило, уходили в прошлое еще при жизни самих прорицателей. Пророчества хресмологов переживали своих возвестителей на столетия, и поэтому возникла потребность в профессиональных собирателях и хранителях этих древних пророчеств, и название «хресмолог» распространилось и на тех, кто занимался собиранием и изучением изречений того или иного (обычно какого-то одного) хресмолога и в случае необходимости пытался найти среди своего собрания именно то изречение, которое могло бы относиться к обсуждаемой в городе проблеме. Именно такие хресмологи-хранители принимали, согласно Геродоту (VII. 142–143), участие в обсуждении знаменитого оракула о «деревянной стене» — их задача была не толковать слова Пифии, а найти среди стихов древних хресмологов аналогичное пророчество, подтверждающее дельфийское изречение и, желательно, дающее более пространное описание выхода из сложившегося положения. И

эти хреспологи, опираясь, видимо, на какие-то известные им пророчества, советовали — как показало время, ошибочно — покинуть Аттику и переселиться в другую землю. Удачным, напротив, был совет хресполога Амфилиита из Акарнании. Геродот сообщает, что, когда на одиннадцатый год после своего изгнания Писистрат со своими сторонниками выступил против Афин, и оба войска расположились лагерем возле святилища Афины Паллены, пришел к Писистрату по божественному побуждению хресполог Амфилиит из Акарнании и возвестил ему такое пророчество:

«Невод заброшен уже, и расставлены сети умело.

Лунною ночью туда непременно тунцы устремятся».

Писистрат понял смысл пророчества, повел свое войско на не ожидавших в этот час нападения афинян (одни из них после завтрака играли в кости, другие спали) и одержал победу (I. 62–63). В целом, при решении вопросов общественного благополучия жители греческих городов считали правильным обратиться за помощью к представителям разных направлений мантического искусства, поэтому они не только посылали посольства к Дельфийскому и другим оракулам, но и одновременно призывали хреспологов найти среди их собраний пророчество, которое могло бы иметь отношение именно к обсуждаемой проблеме. Нередко хреспологи и сами вступали в дискуссию, стремясь утвердить свой авторитет: «Многие пели хреспологи и в городах, собирающихся сражаться, и во всех остальных» (Thuc. II. 8. 2); «Хреспологи пели разнообразные пророчества, какие только каждый желал услышать» (Thuc. II. 21. 3).

Известны случаи, когда пророчество, выбранное хреспологом для аргументации в пользу одной стороны, находило альтернативное толкование и в итоге поддерживало противоположную сторону. Так произошло в Спарте — об этом повествуют Ксенофонт и Плутарх, — когда после смерти Агида решался вопрос о преемственности царской власти: на нее претендовали сын Агида Леотихид, которого Агид всю жизнь отказывался признавать своим сыном и уступил его мольбам лишь перед смертью, и младший брат Агида Агесилай, который с рождения был хромым. Хресполог Диопиф, «преисполненный древними откровениями и считавшийся чрезвычайно мудрым относительно божественного» (Plut. Ages. 3. 3) и «прославившийся возвещением древних пророчеств» (εὐδόκτος ἐπὶ χρησμολογίᾳ, Plut. Lys. 22. 5) привел в поддержку Леотихида

«пророчество Аполлона» (Хен. *Hell.* III. 3. 3), побуждавшее Спарту опасаться хромой царской власти:

«Спарта! Хотя ты великонадменна, одумайся все же,
 Да у тебя крепконогой не вырастет царство хромое.
 Долго тебя будоражить нежданные бедствия будут,
 С ними обрушатся волны войны, истребляющей смертных»
 (*Lys.* 22. 5).

Но Лисандр выступил против мнения Диопифа, разъясняя, что пророчество говорит не о физической хромоте Агесилая, а о незаконнорожденности Леотихида и предостерегает от того, чтобы власть оказалась в руках человека не из царского рода Гераклидов.

В отличие от древних хресмологов хресмологи-хранители в массе своей не обладали экстрасенсорными способностями, а значит, могли, как минимум, ошибаться в толковании пророчеств из своих коллекций и, как максимум, осознанно заниматься фальсификацией. Так, согласно Фукидиду, после неудачной сицилийской экспедиции афиняне «гневались и на хресмологов, и на мантисов, и на всех, кто, пророчествуя, обнадежил их, будто они возьмут Сицилию» (VIII. 1. 1). У Геродота находим рассказ о том, как Гиппарх изгнал из Афин хресмолога Ономакрита, пойманного Ласом из Гермiona прямо на месте преступления, когда тот вставлял в собрание пророчеств Мусея изречение, «будто острова, лежащие у Лемноса, исчезнут в морской пучине». Позже этот Ономакрит прибыл в Сузы и стал объяснять Ксерксу, что по пророчеству Мусея царь должен соединить мостом берега Геллеспонта, умолчав при этом о пророчествах, предсказывавших гибель персов в Элладе (VII. 6). Столь неоднозначное, а часто и осудительное поведение хресмологов-хранителей лишило их того благоговейного уважения, которое обычно окружало пророков древности и прорицалища богов, а потому ничто не помешало Аристофану вывести таких хресмологов в качестве персонажей в комедиях «Мир» (1043–1126) и «Птицы» (959–991).

В период со II в. до н.э. по III в. н.э. частотность употребления *χρησμολόγος* резко падает⁵. В это время *χρησμολόγος* пре-

⁵ Если у авторов V–IV вв. до н.э. мы насчитываем 19 контекстов: 6 у Геродота, по 3 у Фукидида, Аристофана и Аристотеля и по 1 у Коринны, Софокла, Ксенофонта и Платона, — то за следующие пять столетий количество таких контекстов составляет всего 26: 4 у Павсания, 3 у Лукиана, по 2 у Плутарха, Элия Аристида, Поллукса и по 1 у

имущественно сохраняет свое терминологическое значение, хотя уже проскальзывают и отдельные отклонения. Писатели по-прежнему называют хреспологами древних пророков и подчеркивают особую природу их вдохновения (Diogenian. VI. 47; Aristid. *Or.* XXVIII (XLIX Dindorf). 103 Keil): о четырех Сивиллах (старшей и младшей Герофилах, Демó и Саббе), Фаэнниде (или Фаэнно́, как называет ее Зосим (II. 36. 2)), Эвкле Кипрском, Мусее и Лике Афинских и Бакиде беотийце пишет Павсаний (X. 12; X. 32. 11), о Сивилле — Флегонт из Тралл (F.Gr.Hist. 257 F 2), о Сивилле и Бакиде — Дион Хризостом (*Or.* XIII. 36) и Лукиан (*Mort. Per.* 30), о двух Бакидах, беотийце и аркадце, — Климент Александрийский (*Strom.* I. 21. 132), о Сивилле и хреспологе Марке (или Марции, как называет его Тит Ливий (XXV. 12. 3)) — Дион Кассий (p. 219 Voissevain). Историк Сократ Аргосский (III–II вв. до н.э.) пытался к тому же причислить к древним хреспологам еще и Сфинкс: она возвещала трудные для понимания изречения, а фиванцы, неправильно их толкуя, совершали не то, что было нужно, и из-за этого погибали (F.Gr.Hist. 310 F 8).

Среди этих примеров есть один примечательный контекст. Дион Хризостом утверждает, что Сивилла и Бакид «оба стали хорошими хреспологами, а один — мантисом» (ἀγαθὸν χρησμολόγῳ καὶ μάντις ἐγενέσθη, *Or.* XIII. 36). Истоком такого утверждения, скорее всего, является традиция перечислять разных пророков, когда «мантисы» и «хреспологи» оказывались во фразе стоящими рядом либо соединенные союзом *и*, либо в противопоставлении друг другу. Подобные примеры есть у авторов разных столетий, а в рассматриваемый период их можно найти у астролога Дорофея Сидонского (p. 363 Pingree), у Лукиана (*Herm.* 6) или у Галена (Vol. 15, p. 442 Kühn). Но изначально в таких перечислениях эти термины указывали на представителей двух разных направлений мантического искусства, в то время как у Диона Хризостома выражение осталось прежним, а суть его поменялась: Сивилле и Бакиду, кроме дара хресполога, приписывается еще и дарование мантиса, которым они никогда не обладали. Это высказывание показывает, что уже начался процесс, в русле которого χρησμολόγος стало

Сократа Аргосского, Диодора Сицилийского, Николая Дамасского, Дорофея Сидонского, Диона Хризостома, Галена, Флегонта из Тралл, Геродиана, Диогениана паремикографа, Диона Кассия и Климента Александрийского, а также 2 случая в надписях.

постепенно утрачивать четкость своего классического значения и появление его в привычных контекстах уже не может служить доказательством того, что автор реально понимает, кто такой хрессмолог, и пишет именно о пророке этого типа.

Хранители древних пророчеств также продолжают называться хрессмологами. Элий Аристид, касаясь обсуждения в Афинах оракула о «деревянной стене», не забывает и о хрессмологах: «А хрессмологи пели обо всем, но из всего этого они не пели лишь об одном — что следует принять морское сражение» (*Or.* III (XLVI Dindorf). 234 Lenz–Behr). Плутарх, как уже было сказано, повествует о хрессмологе Диопифе, пытавшемся с помощью древнего пророчества поддержать Леотихида в его борьбе за власть (*Ages.* 3. 3). Согласно Диодору Сицилийскому, в Фивы прибыл беглец из Спарты по имени Леандрий и на народном собрании объявил, что существует древнее пророчество о том, что спартанцы тогда лишатся гегемонии, когда будут побеждены фиванцами при Левктрах; также и местные хрессмологи приходили к Эпаминонду и говорили, что лакедемоняне должны претерпеть великое несчастье возле могилы дочерей Левктра и Скедаса, которые были изнасилованы послами из Лакедемона (XV. 54. 1–2).

Видимо, о хрессмологах-хранителях идет речь в двух надписях из Малой Азии — это единственные известные нам случаи появления *χρησμολόγος* в эпиграфическом материале. Первая надпись, посвятельная, без точной датировки, была сделана на мраморном алтаре, найденном в Карию возле города Миласы: «Хрессмолог Брион Зевсу Лабрандскому» (Blümel 1987: 124, № 311). Вторую надпись из святилища Аполлона Кларосского, расположенного около Колофона, нашли и опубликовали Луи и Жанна Робер. Датируется она первой половиной II в. до н. э. и представляет собой почетный декрет, согласно которому жители Колофона пригласили из Смирны хрессмолога Менофила, дабы он возглавил прорицалище Аполлона. Начало этой надписи выглядит так: «При [притане] Герокле, в десятый день месяца Крониона. Совет и народ постановили. Предложение проэдров. Поскольку Менофил, сын Филетера, житель Смирны, хрессмолог, прорицанием бога Аполлона, наставника и спасителя города, а также уважением и рвением народа призванный к руководству оракулом и из-за [его] благочестия по отношению к богам, и из-за его почтительности к людям, храня руководство [...*таким-то*...] и подобающим прославленной у людей репутации этого оракула

и поведение соответствующим своему собственному посвящению, явил себя достойным и доверия бога, и уважения народа, и чаяния тех, кто приходит [сюда] ради общения с богом, то колофонцам и из-за заботы об оракуле, и из-за уважения хороших и благородных людей надлежит сделать свой собственный выбор явным для всех» (Robert, Robert 1992: 279; SEG 42: 1065).

Контексты из Поллукса (I. 14; I. 19) и Геродиана (*Part.* p. 151 *Voissonade*), где χρησμολόγος оказывается в перечне разных прорицателей, для нашего исследования малоинформативны. Зато оставшиеся три контекста свидетельствуют о том, что ко II в. н.э. χρησμολόγος начинает делать первые шаги в сторону потери точности своего терминологического значения. В «Александре, или Лжепророке» Лукиан повествует о том, как Александр «стал рассылать по всей римской державе хресмологов, призывая города опасаться чумы, и пожаров, и землетрясений, и сам обещал оказать им надежную помощь, чтобы ничего из этого не случилось» (36). Посланцы Александра должны были просто распространять его предсказания, формально такое поручение уже не относилось к сфере мантики и не обслуживалось ее терминами. Лукиан, судя по тому, как он использовал его в других произведениях, знал значение слова χρησμολόγος. Поэтому привлечение его в этот контекст с совершенно не свойственным ему значением («возвеститель чужого пророчества») следует, скорее, отнести за счет общего негативного отношения писателя ко всем прорицателям и признать сознательным искажением значения термина.

Едва ли о настоящих хресмологах идет речь и во фрагменте историка Николая Дамасского (64 г. до н.э. — после 4 г. н.э.): «Во время царствования у лидийцев Мелеса Лидию охватил сильный голод, и люди обратились к прорицаниям. Божество же повелело им понести наказание за убийство царями Даскила. Услышав это от хресмологов, а также, что следует ему, уйдя на три года в изгнание, очиститься от убийства, Мелес добровольно отправился в Вавилон. Но также он послал посольство во Фригию к сыну Даскила — имя ему тоже было Даскил, а его мать убежала, будучи беременной, — приказывая ему прибыть в Сарды и принять от них воздаяние за убийство отца — ведь так прорицали мантисы. А тот не повиновался, сказав, что он отца никогда не видел, ведь был еще во чреве, когда тот был убит, а значит, и не следует ему особо об этом заботиться» (F.Gr.Hist. 90 F 45). Совет о необходимом очище-

нии дают Мелесу хресмологи, но маловероятно, чтобы это были древние пророки типа Сивиллы: те никогда не занимались напрямую людскими делами. При этом и хресмологов-хранителей в VIII в. до н.э., когда правил Мелес, еще не было. Да и вообще события происходят в Лидии, куда в то время греческая мантика еще никак не могла проникнуть. Однако буквально через несколько строк давшие совет прорицатели уже названы мантиками. Причина такой терминологической путаницы вполне очевидна — рассказывая о реалиях одного из анатолийских народов, историк вынужден использовать для названия лидийских прорицателей древнегреческие слова и сохранить точность их значений в такой ситуации оказывается просто невозможно. Собственно, видимо, по этой же причине Плутарх, объясняя пословицу «Фтас тебе сказал», пишет о том, что «жители Мемфиса называют Гефеста Фтасом, а Фтас у них — хресмолог» (*Prov.* 23).

Итак, мы дошли до III в., а во II в. в южной Малой Азии составляются тексты оракулов по пяти и семи астрагалам и алфавитных оракулов. Получается, что к этому моменту слово *χρησμολόγος* еще сохраняло свое терминологическое значение и, следовательно, обслуживало совершенно другой вид мантики, не имевший по своей сути ничего общего с астрагальными и алфавитными оракулами.

Последний период функционирования слова *χρησμολόγος* охватывает позднюю античность и всю историю Византии вплоть до XV в. и насчитывает 99 случаев употребления этого слова⁶, которые делятся на две почти равные группы: 49 контекстов с *χρησμολόγος* в его терминологическом значении и 50 контекстов с новым значением. Однако эти количественные

⁶ Согласно TLG, 99 контекстов это: 40 в схолиях: 27 к Аристофану, 4 к Ликофрону, 3 к Еврипиду и по 1 к Гомеру, Софоклу, Платону, Аристотелю, Лукиану и Элию Аристиду, — и 59 у авторов: 10 в словаре «Суда», 7 у Феодорита Кирского, по 4 в «Истории Александра Великого» и у Кирилла Александрийского, 3 у Гесихия, по 2 у Григория Богослова, Василия Селевкийского, Георгия Монаха, Михаила Пселла и Иоанна Зонары и по 1 у Евсевия Кесарийского, Либания, Фемистия, Юлиана Отступника, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Стобея, Псевдо-Нонна, Агафия Миринейского, Стефана Византийского, Икумения Триккского, Иоанна Дамаскина, Георгия Синкелла, патриарха Фотия, Константина Багрянородного, Георгия Кедрина, Фомы Магистра, Георгия Сфрандзи, Михаила Критовула, Михаила Апостолия и в словаре *Etymologicum Magnum*.

данные могут ввести в заблуждение и убедить в том, что *χρησμολόγος* оказалось в состоянии пронести свое изначальное значение через все эти столетия. На самом деле здесь мы будем иметь дело не столько с живым функционированием слова, сколько с уже сложившейся традицией его употребления, когда автор использует слово, потому что так делали его предшественники, а не потому что он сам уверен в его семантической необходимости в данной фразе. Кроме того, в этой группе попадаются также и цитаты или очень близкий пересказ уже известных нам пассажей из произведений авторов эпохи классики и эллинизма. Иными словами, количество здесь никоим образом не отражает качественного наполнения.

Рассмотрим сначала примеры из первой группы. Византийские писатели и грамматики нередко цитировали античных авторов, и среди этих цитат, безусловно, есть и фразы со словом *χρησμολόγος*. Так, в схолиях к Аристофану (*Ran.* 1033), а за ними и в комментариях Иоанна Цеца (*Ran.* 1033a) приведено высказывание Софокла о том, что Мусей был хресмологом. Фома Магистр цитирует часть фразы Геродота об Ономакрите: он был хресмологом, собравшим и приведшим в порядок пророчества Мусея (*Ecloga voc. Att.* s.v. *Διατίθεμαι*). Иоанн Стобей включает в свою «Антологию» отрывок из диалога платоновской школы «О добродетели», где есть слова «как и божественные из мантисов и хресмологи» (III. 1. 204). В схолиях к Еврипиду дважды цитируется фрагмент Сократа Аргосского, где сказано, что Сфинкс тоже была хресмологом (*Phoe.* 45; 1760). Стефан Византийский ссылается на труд Флегонта из Тралл, где рассказывалось, что хресмолога Сивиллу называли Гергифской (*Ethnica* Γ58 (s.v. *Γέργης*) Billerbeck). Михаил Апостолий полностью заимствует у Диогениана объяснение пословицы «Безумие не у всех одинаково», где «безумие хресмологов» признавалось достойным славы и благословения (XI. 8), и его же с небольшими дополнениями приводит автор словаря «Суда» (M151 (s.v. *Μανία δ' οὐ πᾶσιν ὁμοία*)). Иоанн Зонара вплетает в текст своей «Хроники» рассказ Диона Кассия о хресмологе Марке (IX. 1).

Хресмологами по привычке называют древних пророков, возможно, уже не всегда понимая, что стоит за этим доставшимся по наследству эпитетом. Сивиллу величает хресмологом император Юлиан Отступник (*Gal.* p. 196 Neumann), авторы схолий к Аристофану (*Eq.* 61a, 61b, 61f; *Pax* 1095b) и словаря «Суда» (Σ362 (s.v. *Σιβυλλίᾳ*)); трех Бакидов (Атти-

ческого, Беотийского и Аркадского (или Локрийского)) или просто Бакида — авторы схолий к Аристофану (*Eq.* 123b; *Pax* 1071) и Ликофрону (1278), Псевдо-Зонара (*Lex.* s.v. Βάκις) и автор словаря «Суда» (B47 (s.v. Βάκις); E1337 (s.v. Εἰ τὸ μέσον κτήσαίω)); Эвкла Кипрского — автор схолий к Платону (*Hipp. Mai.* 295 a) и Гесихий (E2520 (s.v. ἐμπυρίβήτης)); а автор словаря «Суда» даже упоминает о хресмологе по имени Хелидон, о котором (или которой) не сохранилось никакой другой информации (X185 (s.v. Χελιδόνας)). Отсутствие как у схолиаста, так и у Димитрия Триклиния, комментировавших комедии Аристофана, точного представления о сути понятия «хресмолог» становится очевидным, например, из их утверждения о том, что хресмолог Бакид Аттический был к тому же и мантисом (*Eq.* 123a, 123c) — как уже было сказано выше, ни один хресмолог никогда не был мантисом и ни один мантис не был хресмологом. Автор словаря «Суда» без тени сомнения пишет о том, что хресмолог Гланид был братом Бакида (Г278 (s.v. Γλάνις)). Но ведь Гланид — это выдумка Колбасника из комедии «Всадники»: когда он и Клеон устраивают в присутствии Народа состязание в количестве имеющихся у них древних пророчеств и Клеон заявляет, что все принесенные им пророчества принадлежат Бакиду, то Колбасник, не растерявшись, заявляет, что все его пророчества — «Гланида, старшего брата Бакида» (1004).

Никто из классических авторов не причислял к хресмологам Эпименида Критского — это было сделано схолиастом, комментировавшим «Тимон» Лукиана (6). Однако, по свидетельству Аристотеля, Эпименид Критский никогда «не пророчествовал о будущем, а лишь о свершившемся, но неизвестном» (*Rhet.* 1418a (Ш. 17. 10)), в то время как хресмологи пели только о событиях далекого будущего. Ввести схолиаста в заблуждение могло как высказывание Цицерона, поместившего Эпименида в перечне пророков, пророчествовавших в состоянии божественной одержимости, между двумя хресмологами Бакидом Беотийским и Сивиллой Эрифрейской (*Div.* I. 34), так и отсутствие в античных источниках точного (одним термином) определения дара Эпименида. Его называли одним из семи мудрецов (*Plut. Sol.* 12. 7), «божественным мужем» (*Plat. Leg.* I. 642 d), «богословом» (*Diod. Sic.* V. 80. 4), «мудрым в божественных вещах боговдохновенной и тайнообрядовой мудростью» (*Plut. Sol.* 12. 7), ибо дарование его несравнимо превосходило дар любого обычного пророка — будь то мантиса

или хресмолога, — он владел всем тем древним единым ведовским искусством, каким оно было еще до деления на мантику, поэзию, врачевание и очистительную магию (Prihodko 1999: 107–108). И, подобно тому, как апостол Павел попытался передать это дарование через термин *προφήτης* (Tit. 1:12), так и схолиаст, возможно, нашел свой вариант (другой вопрос, что едва ли удачный) и назвал Эпименида хресмологом.

О хресмологах-хранителях неоднократно идет речь в схолиях к Аристофану (*Pax dram. per. 1, 1046, 1063a ter, 1084a, 1084b; Nub. 339h; Av. arg. 3, 521 bis, 988 bis*) и комментариях, составленных к его комедиям Иоанном Цецом (*Av. dram. per. 1, 3.1.73, 3.1.104, 521, 988a, 988b*), а также в схолиях к Ликофрону (6) и в словаре «Суда» (Ф145 (s.v. *Φαύλως*)). Но во многих из этих контекстов отчетливо прослеживается непонимание авторов значения термина *χρησμολόγος*. Так, Гиерокл представлен одновременно и хресмологом, и мантисом: в перечне действующих лиц комедии «Мир» значится «Гиерокл, мантис хресмолог», а когда по ходу комедии схолиаст доходит до объяснения специальности Гиерокла, то его текст по сути оказывается лишенным всякого смысла, ведь он утверждает, что Гиерокл «был мантисом и хресмологом, толкующим предшествующие времена» (1046), и совершенно непонятно, какое отношение могут иметь к хресмологу «предшествующие времена». Во вступлении к «Птицам» (*arg. 3*) схолиаст пишет следующее: «Ведь мантисы и хресмологи ходят [по городу], стремясь что-нибудь получить; среди них и Метон». Здесь схолиаст демонстрирует отсутствие понимания того, что Аристофан высмеивал только хресмологов, а не мантисов, и что Метон был землемером, а не хресмологом. Также безосновательно причисляют авторы схолий к числу хресмологов и двух афинян Лампона и Диопифа. «Лампон был жрецом, и хресмологом, и мантисом», — утверждает схолиаст (*Av. 521; ср. Av. 988*), и за ним эту фразу повторяют автор словаря «Суда» (Λ93 (s.v. *Λάμπων ὄμνυσι*)) и Иоанн Цец (*Av. 521; ср. Av. 988a*). Однако о Лампоне, друге Перикла, повествует Плутарх, который дважды называет его мантисом (*Per. 6*). Заметим, что Плутарх, сам служивший пророком в Дельфах, очень хорошо разбирался во всех тонкостях мантической терминологии, и мы вполне можем положиться на его оценку пророческого дара Лампона. Что же касается Диопифа, то, скорее всего, схолиаст (*Av. 988*) и за ним Иоанн Цец (*Av. 988b*) приняли за одно лицо хресмолога Диопифа, вынесшего на обсуждение в Спарте

пророчество о хромой царской власти, и афинского политического деятеля, оппонента Перикла, о котором также есть информация у Плутарха (*Per.* 32) и который вообще не имел никакого отношения к мантике.

Вторая группа контекстов демонстрирует нам то, как реально воспринимали слово *χρησμολόγος* в поздней античности и византийское время: оно потеряло все свое терминологическое наполнение и оценивалось просто по входящим в его состав корням: хресмолог — тот тот, кто возвещает пророчества. Именно в таком безликом значении «прорицатель» и суждено было этому слову доживать свой век, причем во многих случаях его использования присутствует отрицательная коннотация. Так, согласно Феодориту Кирскому, киник Эномай изобличал ложь прорицателей (*χρησμολόγων*, *Gr. affect.* X. 41), или: мышь прогрызает дырку в мешке из-за голода, а не потому что посылает некое пророчество хозяину мешка, и ремни сандалии рвутся из-за старости, а не потому что, как прорицатели (*χρησμολόγους*), предсказывают что-то тяжелое (*Gr. affect.* VI. 21). Василий Великий в письме «К неокесарийским ученым» спрашивает: «Почему город наполнился смятением, когда одни бежали, хотя никто и не преследовал, другие же попрятались, хотя никто и не напал, а все прорицатели (*χρησμολόγοι*) и снотолкователи постоянно пугали?» (*Epist.* 210. 2). Кирилл Александрийский пишет: «Итак, весьма опасно обращаться к надувательствам прорицателей (*χρησμολόγων*)» (*PG* 68, 429); «Но у него [Ахаза — *Ε.Π.*] была цель не принимать слов, исходящих свыше и от Бога, а скорее, слова, венчающие лучшим жребием прорицателя (*χρησμολόγον*), и излишне заботиться о лживых изречениях на основании полетов птиц, и просить помощи у демонов» (*PG* 70, 201); «Ведь некоторые у нас доходят, действительно, до такой мерзости, что обращаются к духам обмана и отдают свой ум пустым и лживым речам разных прорицателей (*χρησμολόγων*)» (*PG* 77, 717); «Ведь служители идолов, сидя в общеизвестных святилищах, были прорицателями (*χρησμολόγοι*) и лжецами» (*Comm. XII proph.* Vol. 2, p. 500 Pusey).

В последнем высказывании Кирилла Александрийского *χρησμολόγος*, как мы видим, стало обозначением жрецов-прорицателей святилищ, и затем оно с легкостью было перенесено на самого Аполлона, чего никогда не позволил бы себе ни один автор эпохи классики или эллинизма. Псевдо-Нонн направляет одно из своих рассуждений «против Локсия хресмолога» (*Schol.*

Myth. Or. IV. 95). Согласно схолиям к Ликофрону, Аполлон был «неким хресмологом и мантисом», и «этот хресмолог Аполлон возвестил, что Кассандра не является пророком, но, неистовствуя, вещает безумное» (*Gen.* 40, 45–46). Рассуждая о том, чему могут научить наставники язычников, Григорий Богослов, заключает: «Пусть гнев смиряет Арес, пьянство — Дионис, ненависть к чужестранцам — Артемида, ложь — их обманчивый прорицатель (ὁ λοξίας αὐτῶν χρησμολόγος)...» (*Or.* IV. 122). Василий Селевкийский представляет Зевса Додонского, Аполлона Дельфийского, Асклепия, прославленного святилищами в Пергаме, в Эпидавре или в Эгах⁷, «демонами-прорицателями» (δαίμόνων χρησμολόγων, *Vit. Thecl.* II. prol.) и затем рассказывает, как святая Фекла положила конец деятельности оракула Аполлона Сарпедония: дева «заставила этого многозвучнейшего пророка (χρησμολόγον) быть вплоть до нынешнего времени безмолвнейшим, воздвигнув стеной против него такую властную и царственную речь: “Молчи, умолкни!”» (*Vit. Thecl.* II. 1). А Феодорит Кирский так оценивает ответ Аполлона Пифийского: «Этому пророку (χρησμολόγον) не следовало окутывать мраком пророчество, если, конечно, он знал будущее, но он зловредно дал двусмысленное предсказание, дабы его ложь не стала очевидной» (*Gr. Affect.* X. 25).

В продолжение линии, начатой Николаем Дамасским, χρησμολόγος стало использоваться и для обозначения разных негреческих прорицателей. Например, в «Истории Александра Великого» сказано, что к Александру пришли местные индийские прорицатели (χρησμολόγοι), чтобы сообщить ему о будущих событиях (cod. Marcianus 408. 4914–4916; ср. 4964); что, увидев странного младенца, Александр сразу же приказал созвать «толкователей знамений, и мудрых магов, и прорицателей (χρησμολόγους)» (cod. Marcianus 408. 5844–5845); что, когда Птолемей привез тело Александра в Мемфис, там верховный жрец и прорицатель (χρησμολόγος) предсказал, что никогда битва, война и смятение не покинут тот город, где будут похоронены останки Александра (cod. Marcianus 408. 6083–6087). Агафий Миринейский упоминает о германских предсказателях, которых он называет то мантисами, то хресмологами (*CFHB* 2, Ser. Ver., p. 48). Феодорит Кирский в «Толковании на пророка Исаию» утверждает: «Ведь ни астрологи, ни

⁷ Речь идет о святилище Асклепия в городе Эги в Киликии.

прорицатели (χρησμολόγοι) не смогут наставить тебя в промысле Божиим» (6. 296–298 Guinot).

Как исключения из общего правила можно рассматривать те единичные контексты, где χρησμολόγος демонстрирует значение «толкователь». В схолиях к Элию Аристиду хресмологи признаются «толкователями пророчеств» (οἱ τῶν μαντευμάτων ἑρμηνευταί, Vol. 3, p. 595 Dindorf). А Фемистий так обращается к своим оппонентам: «Итак, скажите нам, о мудрейшие толкователи (ὦ σοφώτατοι χρησμολόγοι) необычности моих слов...» (Or. XXIX. 344c).

В отдельных случаях χρησμολόγος, словно вернувшись к своим истокам, встречается в роли прилагательного с общим значением «пророческий», «вещий». Объясняя софокловский гапакс θεσπιέπεια: ἡ θεσπιέπεια Δελφίς ... πέτρα «говорящая божественное дельфийская скала» (OR. 463–464), — схолиаст заменяет его на более понятные ему прилагательные ἢ χρησμολόγος καὶ μαντική «возвещающая пророчества и вещая» (Schol. Rec. 463). Феодорит Кирский дважды пишет о «возвещающих пророчества богам» (τῶν χρησμολόγων θεῶν, Gr. Affect. X. 19, X. 21). В схолиях к Еврипиду Питфей описывается как человек «мудрый, и проницательный (χρησμολόγος), и угодный богам, который разгадал прорицание Эгею» (Hipp. 11).

Пытаясь истолковать тот или иной мантический термин, авторы византийских словарей преимущественно раскрывают свое бессилие приблизиться к пониманию классического значения, и χρησμολόγος попадает в лишённые особого смысла нагромождения разных терминов. Так, Гесихий определяет слово ὑλοφῆται как «мантисы, профеты, жрецы, толкователи, хресмологи» (Υ788 (s.v. ὑλοφῆται)), и затем это определение в сокращённом виде (убрав «мантисов» и «толкователей») повторяют патриарх Фотий (Lex. s.v. Ὑλοφῆται), автор словаря «Суда» (Υ631 (s.v. Ὑλοφῆται)) и автор Etymologicum Magnum (s.v. Ὑλοφῆται). Нелепо выглядит и попытка схолиаста объяснить гомеровское слово θεοπρόπος как «пророчествующий по божественному замыслу, хресмолог, а ныне птицегадатель» (II. XII. 208). А один неизвестный комментатор Аристотеля обнаружил совершенной новый смысл в той фразе, где Аристотель объяснял, что хресмологи не ограничивают время исполнения своих пророчеств: «Поэтому и хресмологи или же мантисы, вопрошаемые, когда произойдет то, что, как они утверждают, случится, не ограничивают, когда [произойдет], то есть время,

но неопределенно говорят, что, мол, это должно случиться» (*Comm. in Arist. Gr.* 21.2, p. 182).

Среди контекстов рассматриваемой группы есть также несколько интересных примеров того, как отраженная в классических текстах традиция обращаться в сложных обстоятельствах и к обычным прорицателям-мантисам, и к хресмологам-хранителям древних пророчеств превратилась у византийских авторов фактически в литературный прием: если шла речь об участии в каком-либо событии прорицателей, то надо было написать о мантисах и хресмологах (пусть в официальной жизни византийского общества их давно уже не было). Иоанн Златоуст заканчивает Восьмую беседу своего труда «Толкование на Второе послание к Тимофею» такими словами: «Давайте не будем обращаться ни к мантисам, ни к хресмологам, ни к шарлатанам, но только к Богу, всё ясно знающему, имеющему ведение абсолютно обо всем; и таким образом мы будем знать всё, что следует знать, и достигнем всех благ» (*PG* 62, 650). Согласно Феодориту Кирскому, когда Констанций объявил Кесарем Востока Галла, Юлиан начал помогать царского скипетра и, «обходя Элладу, стал разыскивать мантисов и хресмологов, страстно желая узнать, достигнет ли он желаемого» (*Hist. Eccl.* III. 3). Этот пассаж включили потом в свои исторические труды Георгий Монах (p. 535 de Boor) и Георгий Кедрин (*CSHB* 8, p. 524), причем оба сохранили «мантисов и хресмологов». И даже Михаил Критовул, описывая в «Истории Мехмеда II» события середины XV в., не забыл о хресмологах: «И мантисы, и боговдохновенные, а также и хресмологи, и пророки (θεοπρόλοι) много пророчествовали и пели о том, что должно произойти» (I. 4. 4).

Если само слово *χρησμολόγος* в течение нескольких столетий функционировало как конкретный мантический термин, то ни одно из образованных от него слов по этому пути не пошло и не закрепило за собой терминологического значения.

Глагол *χρησμολογέω*: от Аристофана до Георгия Пахимера

Первым производным, возникшем уже в V в. до н.э., стал деноминативный глагол *χρησμολογέω*. В рассматриваемом материале он встречается в общей сложности в 37 контекстах⁸.

⁸ 37 контекстов это: 6 у Феодорита Кирского, по 2 у Аристофана, Диодора Сицилийского, Гесихия, Михаила Пселла, Георгия Кедрина,

Первое употребление этого глагола принадлежит Аристофану. В «Птицах» χρησμολογέω использован дважды и оба раза со значением «возвещать пророчество древнего хресмолога». Когда во время жертвоприношений хресмолог начинает убеждать Писфетера, что у него есть пророчество Бакида о Тучекукуевске, то Писфетер спрашивает его: «И потом как же ты не возвестил это пророчество (ἐχρησμολόγεις) до того, как я основал этот город?» (963–965). И чуть позже, когда хресмолог с воплями убегает со сцены, Писфетер напутствует его таким вопросом: «Разве, убежав в другое место, ты не будешь там возвещать пророчества (χρησμολογήσεις)?» (991). Казалось бы, χρησμολογέω имел реальную возможность утвердиться в языке с этим, весьма точно подходящим ему значением. Но этого не произошло. Долгое время этот глагол оставался Аристофановым гапаксом и вновь появился в литературе только со II–I вв. до н. э. Но к этому времени от того значения, с которым его ввел Аристофан, не осталось и следа, а новое значение χρησμολογέω выводилось исключительно на основании составляющих его корней: «возвещать пророчества». Об исходной связи с древними пророками-хресмологами и хранителями их изречений было забыто, и действующим субъектом при этом глаголе мог оказаться абсолютно любой прорицатель. Есть только один контекст, где через χρησμολογέω передается действие древних хресмологов, но попытка трактовать его как следование значению термина χρησμολόγος выглядела бы явной натяжкой. В схолиях к Платону перечисляются десять Сивилл и затем объясняется, что «эти поющие пророчества женщины, когда предсказывали будущие события, приходили в состояние экстаза, а когда переставали возвещать пророчества (χρησμολογεῖν), не имели никакого представления ни о том, что они говорили, ни о том, что может означать предсказанное» (*Phaedr.* 244b).

Уже у Диодора Сицилийского, который был одним из первых, кто возродил глагол χρησμολογέω, через него дважды обозначено действие Пифии: Пифией сначала была «пророчест-

Иоанна Зонары и в словаре «Суда», по 1 в «Септуагинте», у Филона Александрийского, Аполлония Софиста, Плутарха, Псевдо-Юстина, Поллукса, Псевдо-Нонна, Феофилакты Симокатты, Псевдо-Зонары, Евстафия Солунского, Никиты Хониата, Георгия Пахимера и в схолиях к Софоклу, Аристофану, Платону, Ликофрону и Дионисию Перизегету.

вующая дева» (τὴν χρησμολογοῦσαν παρθένον), а позже дельфийцы приняли решение, чтобы «пророчества возвещала (χρησμολογεῖν) женщина старше пятидесяти лет» (XVI. 26. 6). Феодорит Кирский излагает мнение Плутарха о том, что не существует прорицающих богов, но только даймоны (для Феодорита явно демоны), и что их служители, охваченные ими и неистовствующие, возвещают пророчества (χρησμολογεῖν) за плату (*Gr. affect.* X. 7). Он же, подбирая для каждого изобличаемого им предмета, прославившегося в языческих прорицалищах, разные глаголы, использует в том числе и χρησμολογέω: «И не пророчествует (προαγορεύει) вода Касталии, и не предсказывает (προεσπίζει) источник Колофона, не прорицает (μαντεύεται) феспротская чаша, не изрекает пророчества (χρησμολογεῖ) киррский треножник, не пустословит (ἄδολεσχεῖ) додонский медный сосуд, не издает звуков (φθέγγεται) столь хвалимый дуб...» (*Gr. affect.* X. 46). Согласно Георгию Кедрину, когда фараон Петиссоний, обратившись к прославленному оракулу в Мемфисе, спросил Пифию⁹: «Разъясни мне, кто первый из вас и великий Бог Израиля», — ему в ответ «сразу же зазвучало возвещающее пророчества дыхание (χρησμολογοῦν τὸ πνεῦμα)» (*CSHB* 8, p. 74).

Если в приведенных примерах глагол χρησμολογέω обозначал говорение жрицы или говорящий священный предмет, то во многих других контекстах субъектом при нем оказываются разные прорицатели и даже обычные люди. Так, в схолиях к Ликофрону сказано, что «много пророчествовала (ἐχρησμολόγει)» Кассандра (4). Филон Александрийский утверждает, что те, которые «возвещают пророчества (χρησμολογοῦσι), используя ложную мантику, но прикрываясь благопристойным именем прорицания, ложно изображая вдохновение от бога, легко будут изобличены» (*Spec. leg.* IV. 52). «С достаточным основанием может показаться, что я скорее пророчествую (χρησμολογεῖν), нежели увещаю», — замечает Плутарх (*Mor.* 5 C (*Lib. Educ.* 8)). Евстафий Солунский уверен, что «все пророчествующие (πάντες οἱ χρησμολογοῦντες) назывались служителями Зевса как посылающего все знамения» (*Hom. Il.* Vol. I, p. 770). Псевдо-Нонн приводит рассказ оратора Ликурга о том, как во время голода в Гиперборее пришел в Элладу некий Абарис и стал

⁹ Георгий Кедрин уже настолько плохо разбирается в реалиях древнегреческой мантики, что называет Пифией, культовым именем дельфийских жриц, прорицательницу египетского святилища.

служить Аполлону: он научился у Аполлона пророчествовать (χρησμολογεῖν) и потом, держа в руке стрелу как символ Аполлона, обходил всю Элладу, возвещая пророчества (χρησμολογῶν, *Schol. Myth. Or.* XLIII. 7). Интересно отметить, что в самом тексте Ликурга, как он приводится у других авторов, глагола χρησμολογέω не было: Абарис пришел в Элладу, когда у гиперборейцев разразилась моровая язва, стал служить Аполлону и, познав от него пророчества (μαθὼν χρησμοὺς παρ' αὐτοῦ), обходил Элладу со стелой, символом Аполлона, пророчествуя (μαντευόμενος, *Or.* XIV, fr. 5a). Согласно Георгию Пахимеру, когда Андроник, сын и соправитель Михаила VII Палеолога, решил восстановить город Траллы, там было найдено вырезанное на мраморе пророчество, в котором предсказывалось (ἐχρησμολογεῖτο), что город будет возрожден именно при этом царе (*CFHB* 24.1–2. Ser. Par., p. 593). Обличая монахов, морочивших голову царице Феодоре, Михаил Пселл, пишет, что некоторые из них «возвещают пророчества (χρησμολογοῦσι τὴν πρόρρησιν) и объявляют Божью волю» (*Chron.* 6 Theod. 18). У Иоанна Зонары пророчества возвещали монахи (ἐχρησμολόγουν, *Epit.* XVIII. 28. 10) и молва (ἐχρησμολόγει, *Epit.* XVII. 23. 5). Никита Хониат сообщает, что император Исаак Ангел предсказывал (ἐχρησμολόγει), что непременно будет править тридцать два года (*CFHB* 11.1. Ser. Ber., p. 419).

Нейтральное значение глагола χρησμολογέω позволило увеличить список возможных действующих лиц. С одной стороны, он стал обозначать даже действие Аполлона: в схолиях к Софоклу сказано, что Феб «истинно пророчествует (χρησμολογεῖ)» (*OR.* 712); автор словаря «Суда» объясняет, что Аполлон расположился у Касталийского источника и «пророчествует (χρησμολογεῖν), когда от воды поднимаются дуновения и испарения» (K462 (s.v. Κασταλία)). С другой стороны, с легкой руки переводчика Книги пророка Иеремии (видимо, это было первое появление χρησμολογέω после Аристофана) этот глагол присутствует в описании действий библейских пророков: князья сказали царю, что Иеремия «не мир предсказывает (χρησμολογεῖ) этому народу, а бедствия» (*Ierem.* 38 (45 LXX). 4); у Георгия Кедрина: «как предсказало (ἐχρησμολόγησεν) Писание» (*CSHB* 8, p. 543); у Феодорита Кирского: «уста [Давида] пророчествуют (χρησμολογεῖ), а рука превосходна силой и камнем убивает иноплеменника» (*PG* 80, 568), или: Ахав говорит про Михея, что пророк «враждебен ему, так как не

возвещает (χρησμολογοῦντα) ничего благоприятного» (PG 80, 740), или о Данииле: «враги истины дерзают бесстыдно утверждать, что не является пророком он, возвестивший (χρησμολογήσας) это и многое другое» (PG 81, 1260). А с третьей стороны, все тот же χρησμολογέω оказывается глаголом, передающим действия нечисти: Феофилакт Симокатта разъясняет, что «демоны часто вещают нечто чудесное, дабы из-за страха перед таким предсказанием так или иначе обрели всецело воплощение замыслы возвещающих пророчества (χρησμολογοῦντων) нечестивых сил, [рожденные] коварнейшим ухищрением злодейства» (Hist. III. 16. 11).

Глагол χρησμολογέω использовали также и авторы толковых словарей, причем, за одним исключением, они привлекали его для объяснения семантики других глаголов, то есть его значение воспринимается ими как вполне понятное. Так, Аполлоний Софист объясняет через него причастие χρείων: χρείων — «возвещающий пророчества» (χρησμολογῶν, Lex. Nom. s.v. χρείων). Это же объяснение в несколько расширенном виде повторяет потом Гесихий (X687 s.v. χρείων). В словаре «Суда» дано: Θεσπιφδεῖ — «возвещает пророчества» (χρησμολογεῖ, Θ281 s.v. θεσπιφδεῖ), — и такое же определение находим у Псевдо-Зонары (Θ1038 s.v. θεσπιφδεῖ) и в комментариях к Аристофану Иоанна Цеца (Plut. 9). И только Гесихий решил отдельно объяснить сам χρησμολογέω: χρησμολογεῖ — пророчествует, прорицает (X727 s.v. χρησμολογεῖ). Что же касается «Ономастикона» Поллукса, то там χρησμολογέω был включен в длинный перечень мантических глаголов без каких-либо пояснений (I. 17).

Χρησμολογία: от “возвещения пророчества” до просто “пророчества”

Вторым производным слова χρησμολόγος стало существительное χρησμολογία — слово, которое использовал Нолле для определения астрагальных и алфавитных оракулов, и ради установления значения которого было предпринято все предыдущее рассмотрение. В нашем материале χρησμολογία встречается всего 18 раз¹⁰, но из них только три контекста по дате

¹⁰ 18 контекстов это: 10 у Феодорита Кирского, 2 у Георгия Монаха и по 1 у Диодора Сицилийского, Плутарха, Поллукса, Василия Селевкийского, продолжателя Феофана и в схолиях к Лукиану.

возникновения старше или современны астрагальным и алфавитным оракулам, все остальные тексты были созданы в V в. и позже и уже в русле христианской традиции.

Первый раз слово *χρησμολογία* появилось у Диодора Сицилийского, то есть в I в. до н.э. Рассказывая легенду об основании Дельфийского оракула, историк пишет: «В течение некоторого времени все желавшие получить откровение, подходя к расщелине, сами возвещали пророчества друг другу, но затем из-за того, что многие в состоянии воодушевления прыгали в расщелину и все погибали, местные жители, дабы никто больше не подвергся опасности, решили назначить для всех одну женщину-прорицательницу, чтобы через ее посредничество происходило возвещение пророчеств (*διὰ ταύτης γίνεσθαι τὴν χρησμολογίαν*)» (XVI. 26. 4). Как и в случае глагола *χρησμολογέω*, при определении значения *χρησμολογία* Диодор Сицилийский исходит из составляющих его корней и получает «возвещение пророчества».

Второй раз словом *χρησμολογία* воспользовался Плутарх, который попытался восстановить его связь с термином *χρησμολόγος*. Повествуя об уже изложенной нами выше ситуации, когда в Спарте обсуждалось пророчество о хромой царской власти, Плутарх называет хресмолога Диопифа «мужем прославившимся возвещением древних пророчеств (*ἐπὶ χρησμολογίᾳ*)» (*Lys.* 22. 5). Однако это начинание не нашло поддержки у других авторов, и впоследствии семантико-терминологическая связь *χρησμολογία* с *χρησμολόγος* была полностью предана забвению.

Третий случай употребления демонстрирует нам Поллукс, у которого *χρησμολογία* стоит в длинном списке слов, служивших для обозначения разных прорицаний (I. 18). Кстати, также в этом списке за несколько слов до *χρησμολογία* представлен единственный известный нам случай употребления слова *χρησμολόγιον*, которое должно было бы обозначать «пророчество хресмолога», но Поллукс не дает комментариев.

Автор схолий к «Гимону» Лукиана использует *χρησμολογία* в том же значении, что и Диодор Сицилийский: назвав Эпименида Критского хресмологом, он затем поясняет: «Говорят же, что он, проспав шестьдесят лет, затем встал изменившимся и с другим образом мыслей и с того момента обратился к возвещению прорицаний (*πρὸς χρησμολογίαν*)» (6). Это же значение присутствует и у Василия Селевкийского (V в.), повествующего о борьбе святой Феклы с прорицающим Апол-

лона Сарпедония: святая Фекла «встала стеной против демона Сарпедония, захватившего мыс у моря, многих сбивающего с пути и уводящего от веры посредством хитроумной лжи и возвещения обманчивых прорицаний (κιβδήλου χρησμολογίας)» (*Vit. Thecl.* I. 27).

В том же V в. неоднократно появляется χρησμολογία в трудах Феодорита Кирского. Однако значение «возвещения пророчеств» отмечается у него лишь в одном контексте: «... не только святым предоставлена благодать возвещения пророчеств (τῆς προφητείας), но и языку, наученному мантическому лжеговорению (μαντικὴν ψευδολογίαν), дано истинное возвещение пророчеств (ἀληθῆ ... χρησμολογίαν) и предсказание событий, которые произойдут долгое время спустя» (*Is. prol.* 22–25 Guinot). Во всех же остальных случаях Феодорит использует χρησμολογία со значением «пророчество»: «исполняющий Моисеево пророчество (χρησμολογίαν)» (*PG* 80, 880); Давид «придает пророчеству (χρησμολογίαν) вид молитвы» (*PG* 80, 1504); «псалом этот содержит также двойное пророчество (χρησμολογίαν)» (*PG* 80, 1597–1600); пророк «точно узнал ложное пророчество (ψευδῆ χρησμολογίαν) Анании» (*PG* 81, 648); Иеремия «расслабляет такими пророчествами (ταῖς τοιαύταις χρησμολογίαις) усердие могущих воевать» (*PG* 81, 688); «ведь, подражая истинным пророкам, они выкладывают перед лицом Бога свои ложные пророчества (τὰς ψευδεῖς αὐτῶν χρησμολογίας)» (*PG* 81, 1032); «пророчество (χρησμολογία) архангела» (*PG* 81, 1485); «по пророческому изречению (κατὰ τὴν προφητικὴν χρησμολογίαν)» (*PG* 82, 456); Бог «гневаается на народ и не дает им никакого пророчества (χρησμολογίαν)» (*Is.* 3. 25–26 Guinot). С этим же значением «пророчество» использовали слово χρησμολογία и более поздние авторы. «Когда явно настало пришествие Христа, — пишет Георгий Монах, — действительно прекратились по священному пророчеству (κατὰ τὴν ἱερὰν χρησμολογίαν) иудейские архиереи и предводители» (р. 300 de Boog; ср. р. 802 de Boor). Или, согласно продолжателю Феофана, император Лев испытывал «страх, засевший в душе из-за одного предсказания (ἕκ τινος χρησμολογίας)», а пророчество это было Сивиллиным и хранилось в одной из книг царской библиотеки (*CSHB* 45, р. 35). Вот таким причудливым зигзагом χρησμολογία в самом позднем своем употреблении словно бы вернулось к древним хресмологам, хотя, на самом деле, это уже совершенно случайное совпадение.

Последнее и самое редкое производное слова χρησμολόγος — это прилагательное χρησμολογικός. Оно встречается всего 3 раза, и 1 раз зафиксировано образованное от него наречие. Впервые χρησμολογικός употребил Поллукс: «Мантическое искусство может называться предсказательным, пророческим (χρησμολογική)» (I. 19). Затем с перерывом почти в тысячу лет оно появилось у Евстафия Солунского, повествующего о пророчестве Фетиды, предсказавшей, что лучший из мирмидонян еще при жизни Ахилла покинет от рук троянцев свет солнца: по мнению Евстафия, она «умышленно пророческим образом (τρόφῃ χρησμολογικῇ) скрыла, кто это такой, а выходило, что это Патрокл» (Hom. II. Vol. IV, p. 123). Единственный случай употребления наречия χρησμολογικῶς также принадлежит Евстафию Солунскому. Рассуждая о сне, посланном Зевсом Агамемнону, он отмечает, что «этот сон был хорошо задуман: и умело, и по-пророчески (χρησμολογικῶς) двусмысленно» (Hom. II. Vol. I, p. 253). Наконец, Никифор Григора рассказывает, как император Андроник и великий логофет просматривали наедине «какие-то пророческие книги (βιβλία τινὰ χρησμολογικά)» (CSHB 25, p. 305 (Hist. Rom. VIII. 5)).

Заключение, или называть астрагальные и алфавитные оракулы хресмологиями недопустимо

Итак, последовательное рассмотрение развития семантики слова χρησμολόγος и его производных дает нам право утверждать, что применение слова *хресмология* по отношению к оракулам по пяти или семи астрагалам и к алфавитным оракулам не находит никаких оснований в семантике соответствующего древнегреческого слова и, соответственно, навязывает этому слову значение, которого у него никогда не было. Астрагальные и алфавитные оракулы, действительно, были собраниями прорицаний или, точнее сказать, строго ограниченными по количеству составляющих укомплектованными наборами прорицаний. Для подобных наборов специального названия не существовало. Хресмологи-хранители, несомненно, занимались собиранием пророчеств каждый своего древнего хресмолога, но такие собрания не по каким критериям не могут быть сопоставлены с астрагальными и алфавитными оракулами — можно ли сопоставить, например, выставку картин известного художника и колоду карт таро? — у них совершенно разное назначение, разные по типу пророческого дарования

авторы, разное смысловое содержание (особенно по временному охвату и отношению к будущему), разный принцип комплектации, разные возможности повторного использования, разное материальное воплощение и, наконец, разная обращенность к адресатам. Для собраний пророчеств древних хресмологов в языке тоже не было выработано специального названия, но словом *χρησμολογία* они никогда не назывались. Поэтому, именуя астрагальные и алфавитные оракулы *хресмологиями*, Нолле совершает как бы двойную ошибку: во-первых, он заимствует слово из одного направления мантического искусства и применяет его по отношению к совершенно другому направлению мантического искусства (что во II в. н.э. еще не допускалось), а во-вторых, он вкладывает в понятие *хресмология* свое собственное представление о том, что оно должно означать, игнорируя при этом собственно древнегреческое значение этого слова.

Литература

- Blümel, W. 1987: *Die Inschriften von Mylasa*. Teil. I: *Inschriften der Stadt*. (Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien 34). Bonn.
- Heinevetter, F. 1912: *Würfel- und Buchstabenorakel in Griechenland und Kleinasien*. Breslau.
- İplikçioğlu, B. 2021: *Die Inschriften von Korydalla* (Tituli Asiae Minoris. Vol. II². Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti. Fasc. I). Wien.
- Nollé, J. 2007: *Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance*. München.
- Prikhodko, E. V. 1999: *Dvoynoe sokrovishche. Iskustvo proritsaniya Drevney Gretsii: mantika v terminakh* [Twofold Treasure. The Art of Divination of Ancient Greece: Mantic in Terms]. Moscow.
- Приходько, Е. В. 1999: Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.
- Prikhodko, E. V. 2014: [A new turn in the history of the dice oracle from the village of Yarıköy]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [Aristeas. Philologia classica et historia antiqua] 9, 58–95.
- Приходько, Е. В. 2014: Новый поворот в судьбе оракула по астрагалам из деревни Ёарыкёй. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 9, 58–95.
- Robert, L., Robert, J. 1992: Décret de Colophon pour un chresmologue de Smyrne appelé à diriger l'oracle de Claros. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 116, 279–291.

Е. А. Резниченко

Свободный университет Берлина, Берлин, Германия. rev.hilarion@yandex.ru

АФРИКАНСКАЯ ЛАТЫНЬ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

В статье рассматривается вопрос существования африканской латыни с привлечением свидетельств блаженного Августина, епископа Гиппонского (354–430). Автор опирается в первую очередь на работы Дж. Адамса (1943–2021), актуализировавшего вопрос о региональном разнообразии языкового ландшафта Римского государства на серьёзном научном уровне. С привлечением свидетельств блаженного Августина удаётся показать несколько наиболее ярких языковых изменений, наблюдавшихся в латинском языке Северной Африки в его эпоху. Хотя имеющиеся данные не позволяют говорить о существовании полноценного диалекта латинского языка, можно наблюдать признаки региолекта, находящегося под сильным влиянием, как литературной нормы, так и неизбежных региональных изменений.

Ключевые слова: африканская латынь, латинский язык, *africitas*, *latinitas*, региолект, история языка, Августин, провинция, Римская империя.

Е. А. Reznichenko

Freie Universität Berlin, Germany. rev.hilarion@yandex.ru

The African Latin language in the testimonies of Saint Augustine

The article investigates the issue of the existence of the African Latin language providing the most relevant testimonies of Saint Augustine, bishop of Hippo (354–430). The author of the paper relies primarily on the works of J. N. Adams (1943–2021) who evolved the actualization of the issue on the regional diversification of language landscape in Ancient Rome having made it on a high-standard scientific level. Applying the testimonies of St. Augustine, the article can demonstrate the most noticeable changes in the Latin language that were evident in the North African province in the time of St. Augustine. The two are the most specific: diminishing of the difference between long and short vowels, and some changes in word forms despite the normative rules of the Latin grammar. Provided testimonies do not allow us to speak about the complete dialect of the Latin language in the North Africa, but we can definitely notice some specific features of regiolect which is under the strong influence of both the literary norm and inevitable regional changes.

Key words: African Latin language, Latin language, *africitas*, *latinitas*, regiolect, history of language, Augustine, province, Roman empire.

1. Языковой ландшафт Римского государства

Вопрос о региональном разнообразии латинского языка в Римском государстве не выглядит тривиальным. Во-первых, потому, что очевидное разнообразие мы не сможем зафиксировать, поскольку наблюдается удивительное единство письменного литературного языка у авторов, происходящих из совершенно разных регионов Римского мира. Например, Цицерон, Корнелий Непот, Катулл (I в. до н. э.) были из Транспаданской Галлии, не имели знатного происхождения, при этом получили великолепное образование, которое во многом было обусловлено чтением, в том числе и греческой литературы. Родом из Испании были поэт Марциал (I в. н. э.) и император Адриан (II в. н. э.). Во-вторых, если учитывать, на сколь многое число языков и диалектов рассыпалась относительно монолитная языковая карта Римской империи после её исчезновения, вопрос о природе этой монолитности приобретает дополнительный интерес. Попытки изучения регионального разнообразия латинского языка не прекращались в течение всего XX века: был период охлаждения к самому факту наличия научной проблемы, но в последние десятилетия к этому вопросу стали активно возвращаться в западной литературе. Начало XXI века ознаменовалось появлением крупных фундаментальных работ по региональному языковому разнообразию Римской республики, а затем империи. Были работы более узкого характера, например, коллективная монография «Апулей и Африка» (Lee, Finkelpearl, Graverini 2014).

Один из наиболее выдающихся исследователей этого вопроса Дж. Адамс (1943–2021) вернулся к понятию *Africitas* для описания феномена африканской латыни как наиболее заметной и ярко выраженной диалектной составляющей латинского языка Римской империи (Adams 2007: XV). Однако сама задача крайне не проста, поскольку североафриканские авторы не писали на диалектном языке, поэтому та огромная работа, которая проводилась исследователями, была сделана на основе остаточных языковых свидетельств. Одним из важных методов здесь было сопоставление текстов, написанных на классической латыни, с образцами локальной литературы. Очевидно, что на уровне разговорного языка эти изменения могли быть видны гораздо лучше, ведь римлянам в разные периоды

их истории приходилось взаимодействовать с грекам, этрусками, осками, умбрами, фалисками и другими народностями. Тем не менее, И. М. Тронский, например, отвергал существование особой африканской латыни по причине отсутствия скольких-нибудь многочисленных и очевидных свидетельств (Tronsky 2010: 253). Как видно из предпринятого Дж. Адамсом труда, он не согласен с таким выводом и пытается на основе имеющихся примеров обозначить заметное влияние в том числе североафриканского контекста на латинский язык.

Дж. Адамс утверждает, что стандартизированная письменная латынь уже имела диалектные вариации, причем не только в эпоху поздней Империи (III–V вв. н. э.), но уже в эпоху Республики (архаическая латынь – III–II вв. до н. э.) (Adams 2007: 2). Важным тому свидетельством выступает различие латинского языка римлян и простого народа, который мог высмеиваться в литературных произведениях того времени из-за своей провинциальности. Помимо этого, важным показателем языковой вариации являются изменения в фонетике и морфологии, примеры чего так же были обнаружены. Если говорить об общей характеристике африканской латыни, то можно выделить её архаичность (Makarova 2011: 365). Это довольно закономерный процесс, отличающий столицу от регионов: в столице изменение языка происходит быстрее.

Говоря о Северной Африке, нельзя не упомянуть вопрос колонизации. Как известно, этот регион с центром в г. Карфаген был захвачен римлянами и окончательно попал под контроль империи в ходе Третьей Пунической войны (148–146 гг. до н. э.). Наивно полагать, что латинский язык мгновенно распространился и закрепился в этом регионе. Напротив, начался процесс постепенного притока латиноязычного населения, их взаимодействие с местными народами и их наречиями, что не могло не повлиять на формирование диалектных особенностей. Но факт остаётся: латынь в провинциях империи была сильно стандартизирована и унифицирована. И причиной тому была не только единая школьная система обучения, но и понимание латинского языка как общего языка Империи, объединяющего её части. Таким языком до латыни было древнегреческое койне эпохи эллинизма (начиная с III в. до н. э.). Поэтому активное и даже несколько стихийное распространение латинского языка совершалось и через римских воинов, и через коммерсантов

(Tronsky 2010: 252). Но в силу объективных причин, локальные условия способствовали формированию диалектных различий.

Влияние провинций в течение столетий постепенно увеличивалось, так что в период с кон. II и до сер. III в. н. э. в Риме правила династия Северов — выходцев из Северной Африки, имевших пуническое происхождение. С одной стороны, это показатель расцвета и особого значения региона в то время. С другой стороны, мы получаем яркое свидетельство тесной связи Рима и Африки, поскольку правление династии было отмечено интенсивным культурным обменом центра и провинции: оттуда в Рим приезжали обученные риторы и адвокаты (Makarova 2011: 367). О самом императоре Септимии Севере сохранилось письменное свидетельство в *Scriptores Historiae Augustae* (*Sept. Sev. 19, 9*): *canorus uoce, sed Afrum quiddam usque ad senectutem sonans* «звучный голосом, но с каким-то африканским [акцентом] говоривший вплоть до самой старости». Таким образом, император своим акцентом постоянно напоминал жителям Рима о своём североафриканском происхождении.

2. Особенности латинского языка Северной Африки

Есть общее свидетельство об изменениях у современника Августина бл. Иеронима Стридонского, который писал в своём «Комментарии на послание к галатам» (*Hier. Com. In Gal., II, 3*): *cum et ipsa latinitas et regionibus cotidie mutetur et tempore* «...когда и сама латынь изо дня в день меняется и в местностях, и во времени». У него же есть очень важное замечание об африканской латыни. В письме к Деметрию (*Ep. 130 Demetr. 5*) Иероним упоминает о *stridor punicae linguae* «свист пунического языка». Видимо, носители африканской латыни произносили латинские согласные с характерным присвистом или шипением. Можно предположить, что согласные звуки становились в каком-то смысле придыхательными. Пунический язык был субстратом для латыни в Северной Африке, и какие-то его фонетические следы могли сохраняться.

Северная Африка привлекала традиционно большее внимание современников, чем другие провинции Римской империи. Так, например, разницу в языке замечал языческий поэт I в. н. э. Стаций (*Silv. IV, 5, 45–46*):

*non sermo Poenus, non habitus tibi,
externa non mens: Italus, Italus.*

«Речью ты не пуниец, и обычай у тебя не тот,
И ум не чужой: италиец, италиец»

В трактате Августина «О музыке» (389 г.) есть некоторые сведения об африканской системе гласных, хотя Августин прямо и не говорит об Африке, но некоторые другие детали подсказывают, что речь именно о ней (*Aug. Mus. II, 1, 1*): *itaque uerbi gratia cum dixeris cano uel in uersu forte posueris, ita ut uel tu pronuntians producas huius uerbi syllabam primam, uel in uersu eo loco ponas, ubi esse productam oportebat, reprehendet grammaticus, custos ille uidelicet historiae* «Так, для примера, когда ты произносишь *cano* или, допустим, помещаешь его в стихотворную строку, то ты либо удлиняешь первый слог этого глагола, либо помещаешь его в строке, где оно должно будет удлиняться, то, разумеется, грамматик, этот страж предания, упрекнёт тебя». Перед нами очень важное свидетельство о существовавшей во времена Августина произносительной нормы, которая могла противоречить классическим представлениям о долготе и краткости гласных звуков.

Глагол *cano* (петь) в действительности имеет краткий *a*, и данное свидетельство Августина говорит о тенденции её удлинения, причём не только в устной речи, но и в поэзии. Как известно, античная поэзия была основана на чередовании долгих и кратких слогов. Таким образом, для образованного грамматика такая ситуация в стихе была бы сразу заметна. Августин, тем не менее, высказывается с уважением о грамматиках, поскольку они оберегают неповреждёнными нормы латинского языка.

В его же трактате «Христианская наука» (которая датируется 396 или 426 г.) (Du Roy 1967: 1049) он приводит ещё один пример на эту же тему (*Aug. Doctr. Chr. IV, 10, 24*): *cur pietatis doctorem pigeat imperitis loquentem ossum potius quam os dicere, ne ista syllaba non ab eo, quod sunt ossa, sed ab eo, quod sunt ora, intellegatur, ubi Afrae aures de correptione uocalium uel productione non iudicant?* «Почему должно быть стыдно учителю благочестия, когда он разговаривает с несведущими и ему лучше произнести *ossum*, чем *os*, чтобы этот слог был понят от той формы, которая *ossa*, а не от той, которая *ora*, ведь

африканские уши не различают ни сокращения, ни удлинения звуков?»

Августин здесь приводит нетривиальный пример. Омографичные лексемы *ōs* (рот) и *ōs* (кость) в номинативе на письме не различимы, и только в произношении имеют разную долготу. Однако же они имеют разные формы косвенных падежей:

ōs, ōris (Gen. Sg.), *ōra* (Nom./Acc. Pl.);

ōs, ōssis (Gen. Sg.), *ōssa* (Nom./Acc. Pl.).

На эту разницу и указывает Августин: неразличимый по долготе для африканского уха звук *o* вызывает трудность: речь идёт о слове с формой *ora* в Nom. Pl. или *ossa*? Тех, кто путает эти слова, Августин эвфемистично характеризует как *imperiti* – несведущие, неискушённые. Под этим словом он мог понимать людей без систематического школьного образования, для разговора с которыми он должен был упрощать свою речь, чтобы слушатель не перепутал кость со ртом. По этой причине для *ōs* (кость) Августин использует эквивалент *ossum*, который является производным от формы множественного числа *ōssa*. То есть Августин «создал» номинатив этого существительного III склонения по правилу II склонения (*ōssa* > *ōssum*, наподобие *templa* > *templum*), так что разница между *ōs* и *ōssum* в номинативе становится сильной, и перепутать эти два слова уже невозможно. Важно подчеркнуть, что Августин не утверждает, будто африканцы произносят *ōs* и *ōs* одинаково, но говорит о том, что они слышат их как одно и то же слово, когда их произносит образованный носитель латинского языка. Такое количественное различие двух гласных звуков, судя по всему, было уже потеряно в Африке во времена Августина. Данное свидетельства Августина — крайне важный источник информации по истории латыни и фиксации исчезновения долготы гласных, которое закрепилось при возникновении новых романских языков.

Дж. Адамс отмечает, что фонетические изменения, присущие африканской латыни, происходили по сардинскому типу (Adams 2007: 263), где происходило стирание фонетических различий в гласных, которое не наблюдалось в других провинциях. В сардинской латыни пять долгих гласных постепенно заместили соответствующие им краткие гласные в ударном слоге. Поэтому отмеченная Августином особенность является ещё одним доказательством в пользу сардинского типа фонети-

ческих изменений в системе латинских гласных. Необходимо отметить, что помимо Августина есть и другое достаточное количество свидетельств, в том числе эпиграфических, но их рассмотрение не входит в задачи этого исследования.

Эту же особенность замечает латинский грамматик V в. Публий Консенций (*GL, V, 392, 3*): *ut quidam dicunt 'piper' producta priore syllaba, cum sit brevis, quod uitium Afrorum familiare est* «как некоторые говорят *piper* с продлённым первым слогом, когда он краток — та ошибка, которая свойственна африканцам»; (*GL, V, 392, 11*) *ut si quis dicat 'orator' correpta priore syllaba, quod ipsum uitium Afrorum speciale est* «как если кто произносит *orator* с сокращением первого слога — та самая ошибка, которая присуща африканцам». Здесь пример касается безударного слога, где *o* долгий. То есть Консенций говорит о наличии второй тенденции: укорачивать безударные гласные. Например, латинского поэта III в. Коммодиана, который был по происхождению сириец, а позже стал епископом в Северной Африке, упрекали в том, что в своей поэзии он удлинял ударные и сокращал безударные гласные (Adams 2007: 264).

Африканский региолект отличался изменениями не только в системе гласных звуков, но и согласных, а именно сонантов. Один из наиболее заметных — лабдакизм (*labdacismus*) (Adams 2007: 265), когда в словах удваивалось или наоборот сокращалось количество согласной *l*: *Metelus* вместо *Metellus*, *llargus* вместо *largus*. Поскольку по своей природе сонант может звучать, такая тенденция удлинения или укорачивания не может не натолкнуть на мысли о подобии этого процесса с тем, что был описан выше.

И. М. Тронский, комментируя эти свидетельства, выражает уверенность, что вряд ли Августин здесь ссылается на собственно региональную особенность, скорее, речь идёт о формирующейся тенденции, поскольку такие замечания можно найти и у других авторов, например, псевдо-Сергия (Tronsky 2010: 260). Думается, такая позиция слишком ригористична. Не преувеличивая значения *Africitas*, нельзя не заметить, во-первых, множественность таких свидетельств, во-вторых, факт биографии самого Августина, который лишь 5 лет своей жизни провёл вне родной Северной Африки. Сама «Христианская наука» была написана уже после возвращения в г. Иппон, поэтому вполне справедливо предполагать, что Августин мог

писать о том, что видел вокруг себя в Африке, нежели в Италии. К тому же первыми читателями его трудов были именно африканские христиане. Но нельзя не согласиться с И. М. Тронским в том, что Августин подметил особенность, которая могла проявляться где-то ещё.

3. Другие свидетельства бл. Августина

Обратимся теперь к свидетельствам, которые были тесно связаны с судьбой бл. Августина. Как известно, он родился в североафриканском городе Тагасте (354), учился в школах Мадавра (363–366) и Карфагена (369–373), затем преподавал в Тагасте (373–383) и уже затем переехал в Рим (383) и Медиолан (384), став официальным ритором (Stepantsov, Fokin 2000: 94). В 388 г. он возвращается в Северную Африку, где становится священником, а затем и епископом г. Иппона до самой смерти в 430 г. Таким образом, почти 30 лет своей жизни до переезда в Италию Августин жил в Северной Африке, неминуемо сталкиваясь с пуническим языком, который был местным диалектом финикийского языка. Сам Августин, по мнению некоторых учёных (Маггоу 1999: 12), был бербером по своему происхождению. Знал ли он пунический язык – вопрос сложный, но общее мнение учёных таково, что в совершенстве он его не знал, но мог быть поверхностно знаком (Denecker 2017: 14).

Размышления о своём латинском языке мы находим в трактате Августина «О порядке» (386 г.). Судя по датировке, это сочинение было написано в Медиолане. Итак, мы читаем (*Aug. Ord. II, 17, 45*): *me enim ipsum, cui magna necessitas fuit ista perdiscere, adhuc in multis uerborum sonis Itali exagitant et a me uicissim, quod ad ipsum sonum attinet, reprehenduntur. aliud est enim esse arte, aliud gente securum* «Меня самого, у которого была большая необходимость это хорошенько изучить, до сих пор ругают итальянцы за произношение многих слов, и, в свою очередь, я их упрекаю за то, что касается самого произношения. Одно дело быть уверенным в силу образования, а другое – по рождению». Августин говорит о речевых различиях с жителями Италии, которые не всегда принимали его произношение. Обычно считается, что он признаёт, что полученное им образование не смогло до конца изгладить привычное ему от рождения. Возможно, однако, понимание, согласно которому произ-

ношение Августина казалось италийским провинциалам излишне правильным и отличным от того, к чему они привыкли.

Для Августина местный, италийский, латинский язык более правильный, чем его провинциальный вариант, однако он спорил с местным окружением с точки зрения правильного произношения. Его выдаёт собственная неуверенность в том, что правильно в языке. Он пишет далее: *soloecismos autem quos dicimus fortasse quisque doctus diligenter in oratione mea reperiet* «...однако же тот, кто был хорошо обучен, в моей речи, возможно, обнаружит солецизмы, которые я употребляю». Августин напоминает, что и Цицерон был несвободен от речевых погрешностей (*vitia*).

Эту оценку Августина важно рассмотреть в более широком контексте. Город Медиолан в то время был столицей Цизальпинской Галлии – римской провинции. Ещё в период завоеваний Цезаря было бы совершенно невозможно считать, что Медиолан – региональный центр римской образованности (Adams 2007: 194). А теперь, спустя несколько столетий, оценка Августина позволяет говорить о том, что в империи сформировались своеобразные филиалы высокого стандарта культуры и образования, которые разделили этот статус с Римом. Не стоит забывать, что теперь, в конце IV в., в Медиолане находится императорская резиденция. Конечно, это способствовало притоку образованных римлян. Например, современник и учитель Августина еп. Амвросий Медиоланский учился в Риме. Любопытно, что Августин использует понятие *Itali*, а не *Romani* для описания той группы людей, с которыми он общался. В то же время этот пассаж говорит о высокой оценке римской латыни даже в эпоху Поздней империи, на основе чего Августин, побывавший в Риме, мог спорить о правильном произношении с медиоланцами.

Эта полемика интересна ещё и тем, что, несмотря на почтение к образцовой латыни, Августин демонстрирует уступку неправильному, но доступному языку в ущерб литературной норме. Именно ему принадлежат такие слова (*Aug. En. Ps. 138, 20*): *Sic enim potius loquamur: melius est reprehendant nos grammatici, quam non intelligant populi* «Скорее же нам следует сказать так: лучше [пусть] упрекают нас грамматиков, чем не поймут люди». Поэтому Августин, когда того требовала ситуация, был готов поступиться правилами

высокого слога, чтобы донести свою мысль до слушающих его людей. В «Христианской науке» он приводит пример того, как могли говорить простые люди (*Aug. Doctr. Chr. II, 13, 19*). Если для классической латыни предлог *inter* используется с аккузативом (*inter homines* «между людьми»), то «народное» использование могло быть с аблативом (*inter hominibus* «между людьми»). Здесь же он приводит в пример то, как глагол III спряжения *ignosco, ignoscere* «прощать» мог использоваться в форме II спряжения: *ignosceo, ignoscere*. Но для Августина эти неточности второстепенны: важно, что человек обращается к Богу с просьбой о прощении, а не то, как он произносит этот глагол.

4. Заключение

Позиция Дж. Адамса, возвратившего тему африканской латыни в поле серьёзной научной дискуссии, видится вполне разумной из-за её взвешенности и скрупулёзного анализа. Говорить о существовании полноценного диалекта латинского языка чрезвычайно трудно: для этого не хватает свидетельств. Скорее нужно говорить о наличии региолекта, в котором мы наблюдаем, с одной стороны, сильное влияние литературной нормы, с другой стороны, неизбежные фонетические и морфологические изменения, спровоцированные местным языковым субстратом и географической отдалённостью от Рима. Для многих фактов подобных обнаруживаются ценные свидетельства в текстах блаженного Августина. Наиважнейшие среди них: стирание различий в долготе гласных и сонантов и изменение словоформ в противовес классической грамматики.

Литература

- Adams, J. N. 2007: *The Regional Diversification of Latin 200 BC – AD 600*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dekkers, D. E. 1956: Sancti Aurelii Augustini Enarrationes in Psalmos CI–CL. In: *Corpus Christianorum Series Latina*. Vol. 40. Turnhouti: Typographi Brepols.
- Denecker, T. 2017: *Ideas on Language in Early Latin Christianity. From Tertullian to Isidore of Seville*. Leiden: Brill.
- Du Roy, O.J.-B. 1967: Augustine, St. In: *New Catholic Encyclopedia*. Vol. 1. Washington, D.C., 1041–1058.
- Goold, G. P. 1922: *Scriptores Historiae Augustae*. London: William Heinemann.

- Green, W. M. 1970: Sancti Aurelii Augustini De ordine. In: *Corpus Christianorum Series Latina*. Vol. 29. Turnholti: Typographi Brepols.
- Jacobsson, M. 2017: Augustinus. De musica. In: *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Vol. 102. Berlin: De Gruyter.
- Keil, H. 1923: *Grammatici Latini*. Vol. 5. Leipzig.
- Lee, B. T., Finkelpearl, E., Graverini, L. 2014: *Apuleius and Africa*. New York: Routledge.
- Makarova, V. L. 2011: [Latinitas of Aurelius Augustine in the background of the language situation of the Roman Empire IV – begin. V]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 15, 362–375.
- Макарова, В. Л. 2011: Latinitas Аврелия Августина на фоне языковой ситуации Римской империи IV–начала V вв. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 15, 362–375.
- Marastoni, A. 1970: Statius. Silvae. Leipzig: B.G. Teubner.
- Marrou, H.-I. 1999: *Svyatoy Avgustin i avgustinianstvo [Saint Augustine and Augustinianism]*. Dolgoprudny: Vestkom.
- Марру, А.-И. 1999: *Святой Августин и августинианство*. Долгопрудный: Вестком.
- Martin, J. 1962: Sancti Aurelii Augustini De doctrina Christiana. In: *Corpus Christianorum Series Latina*. Vol. 32. Turnholti: Typographi Brepols.
- Raspanti, G. 2006: Sancti Hieronymi Presbyteri Commentarii in epistulam Pauli apostoli ad Galatas. In: *Corpus Christianorum. Series Latina*. Vol. 77A. Turnholti: Typographi Brepols.
- Stepantsov, S. V., Fokin A. R. 2000: [Augustine]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopedia [The Orthodox Encyclopedia]*. Vol. 1, 93–109.
- Степанцов, С. В., Фокин, А. Р. 2000: Августин. В сб.: *Православная энциклопедия*. Т. 1, М.: Православная энциклопедия, 93–109.
- Tronsky, I. M. 2010: *Ocherki iz istorii latinskogo yazyka [The Outlines of the History of the Latin Language]*. Moscow: LKI.
- Тронский, И. М. 2010: Очерки из истории латинского языка. М.: ЛКИ.

М. В. Рождественская
ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. milena.rozh@gmail.com

**«РАЙСКИЕ» ТЕКСТЫ В СБОРНИКЕ СОБР. В. Н. ПЕРЕТЦА
№143 ИЗ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА ИМ. В. И. МАЛЫШЕВА
ИРЛИ РАН: «СКАЗАНИЕ СТАРЦА АГАПИЯ»¹**

В рукописи из собрания В. Н. Перетца № 143 (ИРЛИ РАН) содержатся исторические, агиографические, поучительные сочинения, а также переводные апокрифы о Рае. Это известные в древнерусской книжности «Сказание старца Агапия о хождении в рай», «Житие Макария Римского» и сочинение «о рае земном и рае мысленном», в котором рай сравнивается с Иерусалимом. В статье рассматривается «Сказание старца Агапия», которое имеет длительную рукописную традицию в древнерусской литературе. Список Сказания в сборнике Перетца № 143 имеет свои языковые и содержательные отличия от древнейшего славянского списка в Успенском сборнике XII–XIII вв. и некоторых других более поздних списков.

Ключевые слова: рукопись собр. В. Н. Перетца № 143, апокрифы о рае, Сказание старца Агапия, райско-палестинский текст.

М. Vs. Rozhdestvenskaia
IRLI RAS, St. Petersburg, Russia. milena.rozh@gmail.com

**Apocrypha about Paradise in the collection of V. N. Peretz No. 143
(IRLI RAS): «Tale of the Elder Agapius»**

The manuscript from the collection of V. N. Peretz No. 143 (IRLI RAS) contains historical, hagiographical, instructive works, as well as translated apocrypha about the paradise. These are the well-known in Old Russian literature «The Tale of the Elder Agapius about going to paradise», «The Life of Macarius of Rome» and the work «about earthly paradise and mental paradise» where the paradise is compared to Jerusalem. The article analyzes the «Tale of the Elder Agapius», which has a long manuscript tradition in Old Russian literature. The list of the Tale in Peretz's collection No. 143 demonstrates certain linguistic and substantive differences from the oldest Slavonic list in the Assumption Collection of the 12th–13th centuries and some other later lists.

Keywords: manuscript of the collection. V. N. Peretz No. 143, Apocrypha about Paradise, Tale of the Elder Agapius, Paradise-Palestine text.

¹ Статья написана в соответствии с госзаданием ИРЛИ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» 2022 г.

Собрание древнерусских рукописей XV–XIX вв. академика В. Н. Перетца было передано в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР в 1951 г. В основном это рукописи, собранные им самим и группой его учеников-участников Семинария по древнеукраинской и древнерусской литературе в Киевском университете имени св. Владимира в первые десятилетия XX века. Собрание пока не имеет полного поstateйного описания, однако многие его рукописи использовались учеными в разные годы. В них находится ряд переводных византийских апокрифов, среди которых в сборнике № 143 XVII в. помещены три текста о путешествии к раю — «Сказание старца Агафия (Агапия)», «Житие Макария Римского», содержащее рассказ о трех иноках, пожелавших узнать, «где небо сходится с землей» и статья «о рае мысленном и рае земном», которое встречается в «Беседе трех святителей» и «Вопросах князя Антиоха святому Афанасию Александрийскому».

В. В. Мильков, изучавший и публиковавший тексты «Сказания старца Агапия», «Жития Макария Римского» и другие сочинения о земном рае в древнерусской литературе, данный сборник не рассматривал, хотя ему был знаком список «Сказания отца нашего Агапия» в другом сборнике собр. Перетца № 500. (Milkov 1999: 15–78; 2018: 49–67) «Сказание отца нашего Агапия» представляет собой переведенный с греческого языка известный в древнерусской апокрифической книжности рассказ о путешествии старца Агапия (Агафия) в рай. Известно, что его древнейший древнерусский список сохранился в Успенском сборнике XII–XIII вв. (ГИМ, Синодальное собр. № 1064/4 лл. 287об.–292об.), который представляет собой майскую Минею, но помимо агиографических текстов, включает также сочинения Иоанна Златоуста на страстную и пасхальную недели и ряд апокрифических сочинений (Uspenskij sbornik 1971). «Сказание старца Агапия» переписывалось в течение нескольких столетий вплоть до середины XIX века и сохранилось во многих списках, в том числе, в составе старообрядческих сборников, а также в сокращенном виде в Прологах. Как справедливо замечает В. Б. Крысько, «в отличие от скудной греческой славянская традиция *Сказания* почти необозрима» (Krys'ko 2023: 3). Сказание известно в нескольких редакциях, однако полного текстологического

исследования рукописной традиции пока не проводилось, хотя оно не раз становилось объектом изучения.

В Успенском сборнике апокриф имеет название «Съказание отца нашего Агапия, чьсо ради оставляють роды и дома своя и жены и дѣти и възьмьше кръсть, идуть во слѣдь Господа якоже Евангелие велить» (BLDR 2004: 338).² Ответ на этот вопрос определяет дальнейшее развитие сюжета, который строится так, что Агапий по велению Господа отправляется в путь, и Господь сам указывает Агапию дорогу, являясь перед ним в разных облициях. «Сказание» существует также в греческих списках, правда, весьма немногочисленных (Pope 1983: 1–12; 1984–1985: 233–260; Penskaĵa 2017a; 2017b: 101–136; 2023: 367–393; Krys’ko, 2023: 3–30; Miltenov, 2022: 217–256). Перед нами тот несчастый для апокрифической литературы случай, когда сохранился не только древнеславянский перевод, но и текст оригинала. В своей кандидатской диссертации Д. С. Пенская (Penskaĵa 2017a) провела сопоставительный анализ греческого текста и древнеславянского перевода, который обнаружил довольно сильные расхождения в содержании и в идейной направленности памятника. В ее недавней статье рассмотрена семантическая структура греческого текста Сказания путем выделения категории времени, пространства, пути, границы, диалога и др. как особых маркеров сюжетного повествования. (Penskaĵa 2023: 367–393). Разные жанровые определения памятника в древнеславянской рукописной традиции указывают на то, что русские переписчики и редакторы воспринимали его, с одной стороны, как агиографическое сочинение с включением сказочных мотивов, с другой, — как литературу путешествий и своеобразный средневековый травелог. Это видно уже по названиям «Сказания» в рукописях: «Хождение святого отца нашего Агапия», «Житие и подвизи преподобного отца нашего Агапия чудотворца», «Повесть о преподобном Огапии, како ходил в рай во плоти», «Житие и хождение отца нашего Агапия». (Slovar’ 1987: 462) Текст в сборнике из собрания В. Н. Перетца № 143, который находится в центре нашего внимания, имеет следующее название: «Житие преподобнаго отца нашего Агафия от хождение в рай для чога челоѡѡци

² При передаче древнерусского текста буквы «и десятеричное», «йотированный аз» «омега» заменяются соответственно на **и**, **я**, **от**.

оставляют дома своя и родителей своих и идут в монастырь. Благослови, отче прочитати» (л. 511а). Глагол «прочитати» указывает на то, что переписчик имел перед собой какой-то другой, видимо, более ранний список. Большинство древнерусских и южнославянских списков сохраняют название Успенского сборника и в некоторых также упоминается монастырь. Выражение «идти во след Господа» имеет более широкий символический смысл, чем просто идти в монастырь, но этим подчеркивается житийная составляющая текста. Слово «монастырь» возникло в названии неслучайно. Старец Агапий задает свой вопрос Господу во время молитвы, прожив в монастыре с 16 лет, причем все следующие 16 лет он подвизается там в качестве игумена, что отражено и в нескольких других списках из разных собраний. В том же Перетцовском собрании в рукописи № 500 конца XVIII–начала XIX в. текст Сказания назван «Житие и подвиги преподобного оца нашего Агапия чудотворца» (Rozhdestvenskaja 2006: 173–178). Слова «подвиг, подвиги» имеют в виду не только духовное молитвенное движение вверх, к Небесному Отцу, но и реальное перемещение старца Агапия в земном и водном пространстве, пусть и утопическом, близком к пространствурая, о чем в ряде списков говорится прямо. В недавней статье В. Б. Крысько, посвященной лингвистическому аспекту Сказания в Успенском сборнике, рассматриваются южнославянские списки апокрифа, имеющие также расхождения в названиях (Krys'ko 2023, 3–30). Указав на то, что еще в 1984–85 гг. канадский ученый Р. Поуп предположил существование раннего глаголического славянского перевода Сказания, автор в результате изучения языковых особенностей южнославянских списков пришел к тому же заключению, подтвердив выводы новыми данными: «наряду с языковыми особенностями, актуальными для всего древнеболгарского периода, рукописная традиция *Сказания Агапия* отражает ряд черт, присущих древнейшему этапу болгарской письменности (конец IX–начало X в.), — и прежде всего примеры, недвусмысленно свидетельствующие о глаголическом характере первоначальной фиксации перевода» (Krys'ko 2023:23). Трудно сказать, насколько вариативно название «Сказания» в сборнике Перетца № 143 по сравнению с другими многочисленными списками. Судя по листу использования за много лет, Перетцовский сборник был

уже предметом внимания канадского исследователя Р. Поупа, Л. И. Ковтун, М. Шмюклер, А. Милтеновой и др. Что же он собой представляет?

Это объемная рукопись в лист на 685 лл. в кожаном переплете. Большая часть основного текста переписана одним, четко читаемым полууставным почерком, лишь в самом конце на последних листах наблюдается другой почерк. На листе использования рукопись обозначена как «Сборник слов и поучений XVII в.». Кроме традиционных великопостных «слов» и поучений, в нем содержатся апокрифы: «Повесть, како собращася древа вси (в) Ерусалим» (вариант Сказания о крестном древе), О царице юзской (Савской), Премудрость Соломона, сочинения о Енохе, о Потопе, о Мелхиседеке, Сказание о 12 пятницах «от священномученика Елифера» (Елифериевская редакция по А. Н. Веселовскому), Пророчество о Христе в кумирнице (Сказание Афродитиана). Интересующие нас тексты о Рае — «Житие преподобнаго отца нашего Агафия» и «Житие святаго Макария Римского» помещены соответственно на лл. 511а и 523. На лл. 442об.–443 читаем известный в древнерусской рукописной традиции текст о чувственном и мысленном рае. Приведем его целиком: «Чувственъ ли есть раи или разумень. Тленен ли есть или не тлѣнен съ (нрзб) якоже и два Иерусалима, а повѣдают Писание небесный и земный, такоже и два рая, единъ духовень, другий чувственный, от негоже и аггельския си реки. И Ефрафъ то вы исходятъ на земли идеже Адам и Евга и змея, и сад. Аще ли змея и садовый рѣки ино разумнѣ разумевае, то оуже никако Адама и Евгу во Святыя Письмо, паче приобидити начнемъ божественное Писание да якоже убо бѣ Адамъ посредѣ тля и без тлѣния. Такожь есть в раи». Далее в рукописи следует перечень названий разных ветров.

В сборник вложена самодельная сшитая тетрадочка в линейку, на листах которой рукой В. Н. Перетца аккуратно переписано незаконченное оглавление. Рядом с указанием на тексты Сказания и Жития Макария Римского В. Н. Перетц заметил: «отличается по языку». Действительно, в текстах сборника наблюдаются полонизмы, черты рутенского языка и разговорного. Например, «мешкал» (жил), «ковач» (кузнец), «початок» (начало), «нехай обыдва внидут в дом, а мы их послушаем», «русин, Русия» (Сказание о 12 пятницах от

священномученика Елифера), «реестр отказный» (перечень), «мощно», «зараз», «обачил», «барзо, бардзо», путаница букв: гора «Фаовръ», река «Ефраф». В самом сборнике на лл. 190–193 об. находится «Оглавление книзи соборной поучения». На некоторых листах в нижней части после основного текста содержатся разные записи скорописью более позднего времени. Так, например, на л. 189 верхней пагинации идет запись: «Сия книга глаголема четиродесятница и пятадесятница от митаря и фарисея до недели всѣхъ святыхъ преписана от книги словенския на языкъ рускый. В лѣто создания мира 6130 а от воплощения Божия слова 1622, а писал ей Василий Ивановъ священникъ соризкий»³. На том же листе чуть ниже, но уже другим, более поздним почерком, написано: «Року 1698 и месяца октоврия во 5 день я великогрешный и недостойный во иереосхимяхъ Василий списал книгу чотиредесятницу и пятадесятницу в манастири Успения Пресвятыя Богородице в Сумянскомъ <пропуск> юже в старосты в лет усемдесят; очи редко глядели, руки дрижали, и в чом погрешив молю вас: прочтете а не кленете, бо человек юж дряглий и ума отпалый, прошу благословите, да и сами благословенны будете от сотворшаго всяческая <пропуск> иереосхиманахъ Василий Ковальскый по отчеству Трутов».

В рукописи Перетца 143 имеются и еще любопытные записи вне основного текста. Так, на л. 188 об. находится запись вполне разборчивым почерком, более поздним, чем основной и подражающим полууставу. Однако нижняя строка написана трудночитаемой скорописью, часть же слов читается поверх основного текста. Целиком запись выглядит так: «Боже мой, Боже, кто ж мя вспоможе, сам ти Боже едини помощ ми нынѣ да утвердится сердце мое в волѣ твоей (далее почерк изменен на скоропись — М. Р.) возопит всѣмъ сердцем моим ко щедрому Богу»⁴. Замечу, что часть фразы представляет собой рифмованный силлабический стих, а по уточняющим словам Д. В. Сичинавы, «это не просто силлабика, а уже правильный дактиль-адоний»⁵. На л. 189 об. несколько раз встречается

³ Сорижское село находится в Кировской области (Вятской) РФ

⁴ За помощь в прочтении записи благодарю А. А. Гиппиуса и А. В. Виноградова

⁵ Устное сообщение.

запись, не совсем ясная по смыслу, вроде притчи или загадки: «Стоит человек в воде по горло, просит пить, а напиться не может»⁶. Та же запись встречается и на л. 305, причем четырежды. На упомянутом листе 189 об. читается еще одна запись, также скорописью, и тоже рифмованная: «Початок мудрости бояться Бога, а боящимся Бога (прямо? нрзб) в небо дорога» Она же написана и на л. 305.

«Сказание старца Агапия», как и «Житие Макария Римского» и текст о земном и мысленном рае в Перетцовском сборнике входит в так называемый «райско-палестинский текст». Его основные компоненты на примере древнерусских «хождений» в Святую Землю и апокрифических путешествий к раю в древнерусской письменности были выявлены и описаны нами (Rozhdestvenskaja 2005: 209–231; 2022: 41–51). Характеристика райского пространства в этих текстах и описание пути к нему сближается с жанром средневековых паломнических сочинений. Святая Земля, города Иерусалим, Вифлеем, Назарет, библейская территория получают в них близкие черты. В списке «Сказания старца Агапия» из сборника Перетца 143 наблюдается ряд языковых и содержательных особенностей. Так, уже в начале текста появляется мотив пустыни как места уединенной молитвы. Голос с небес говорит Агапию, что молитва его услышана в восьмой час ночи и что Господь уводит его из монастыря в пустыню. Агапий наутро прощается с братией: «и плакашесь по нем братия вся» — эта фраза напоминает летописную формулу прощания с умершим князем. Уход из монастыря и есть, собственно, духовная смерть Агапия как монаха и возрождение его в дальнейшем как обычного инока, с той только разницей, что в промежутке между этими событиями он попадает в рай. Далее, как уже многими отмечалось, в «Сказании» начинает действовать сказочный нарратив, но сквозь него проступает христианский смысл всего происходящего. Очнувшись от сна («спал мощно») приплыв на некий остров, Агапий «пошел оттоля и сам не знаючи где идет» и приходит в «неведоми пустыни и обачил дрѣва розмантии», среди которых птицы «все розмантими голосами спевають». Сказочная и агиографическая модель повествования пере-

⁶ В этой фразе, скорее всего, нашел отражение миф о Танталовых муках.

плетаются в Сказании. Перетцовский список имеет свои отличия. В ладье, которая подплывает к морской излучине, сидят не трое человек, один из которых юный отрок, как в большинстве других списков, а с отроком сидят двенадцать мужей. Столько же человек встречают Агапия и на другом берегу, тринадцатым оказывается «великий муж» — сам Христос. Трапеза, которую видит Агапий в райском саду, куда его привел Илья-Пророк, украшена сияющими драгоценными камнями. Белее снега оказывается не вода из райского колодца, а хлеб. После того, как Агапий, с помощью райского хлеба оживил умирающих от голода корабельщиков, он воскресил юношу. Жители города просят его остаться, аргументируя свою просьбу тем, что они своих умерших погребают, а Агапий воскрешает. Но все же он уходит из города, причем в отличие от многих списков, в списке 143 В. Н. Перетца путь ему указывает ангел, который ведет старца к пещере, где тот проводит 40 лет и где ему суждено написать рассказ о своем посещении рая «во плоти» и окончить дни.

Итак, мы видим, что сюжетная схема «Сказания старца Агапия» в Перетцевском списке 143 сохраняется, но имеет свои особенности. Соседство в этом сборнике Сказания с «Житием Макария Римского» (которое также требует более подробного анализа в данном сборнике) и с текстом «о рае мысленном и земном», где рай сопоставляется с Иерусалимом, позволяет включить список из собр. Перетца № 143 в круг «райско-палестинского метатекста».

Литература

- Аpocryphy 2006: *Аpocryphy Drevnej Rusi*. [Аpocrypha of Ancient Russia]. Sostavleniei i predislovie M. V. Rozhdestvenskoj. SPb.: Izd-vo Amphora, 173–178.
- Апокрифы Древней Руси*. Составление и предисловие М. В. Рождественской. СПб.: Изд-во Амфора, 2002; 2006. С. 173–178.
- BLDR, 2004: *Biblotheka literatuty Drevnej Rusi*. SPb.: Nauka, 2004. Т. 3. XI–XII века.
- БЛДР, 2004: *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука. 2004. Т.3. XI–XII века.
- Krys'ko, V. B. 2023: *Perevod Skazanija Agapija kak pamjatnik drevnejshogo perioda bolgarskoj pis'mennosti*. [Translation of the Tale of Agapius as a monument of the oldest period of Bulgarian writing]. In: *Palaebulgarica /Starobolgaristica*, XLVII.2, 3–30.

- Крысько, В. Б. 2023: Перевод Сказания Агапия как памятник древнейшего периода болгарской письменности. В сб.: *Palaebulgarica / Старобългаристика*. XLVII. 2, 3–30.
- Miltenov, .2022: Do raja i obratno. Rechnik-index kym starobylgarskja prevod na Skazanije na otec Agarij (BNG 2017). [To heaven and back Rechnik-index km Old Bulgarian translation to the Legend of Father Agapius]. In: *Izvestija na Instituta za bylgarski ezyk "Ljubomir Andrejchin"*. 35, 217–256.
- Милтенов, Я. 2022: До рая и обратно Речник-индекс към старобългарския превод на Сказание на отец Агапий (BNG 2017. В сб.: *Известия на Института за български език «Любомир Андрейчин»*. 35, 217–256.
- Milkov V. V. Apokrifj na Rusi: istorija bytovanija. [Apocrypha in Russia: history of existence]. In: *Drevnerusskie apokrifj*. Moscow: Izdatelstvo Russkogo Christianskogo humanitarnogo instituta, 1999, 15–78. (Pamjatniki drevnerusskoj mysli: issledovanija i texty)
- Мильков В. В., 1999: Апокрифы на Руси: история бытования. В сб.: *Древнерусские апокрифы*. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 15–78 (= Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты).
- Milkov, V. V. 2018: Spravochnik drevnerusskih apokripycheskih textov, predstavljajuschih koncepcii zemnogo raja [Handbook of Old Russian Apocryphal Texts Presenting Concepts of Earthly Paradise.]. [Elektronnyj resurs]. In: *Jazyk i text*. Т. 5, 4. М., 49–67.
- Мильков, В. В. 2018: Справочник древнерусских апокрифических текстов, представляющих концепции земного рая [Электронный ресурс] В сб.: *Язык и текст*. Т. 5, 4. М., 49–67.
- Penskaja, D. S 2017a: Grecheskoe "Skazanije otca nashego Agarija": bogoslovskij disput v skazochnom narrative. [The Greek Tale of our father Agapius: theological disputation in a fairy tale narrative]: Dissertacija na soiskanije uchenoj stepeni kandidata kulturologii. Moscow.
- Пенская, Д. С. 2017a: *Греческое «Сказание отца нашего Агапия»: богословский диспут в сказочном нарративе*: Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. М.
- Penskaja, D. S. 2017b: The Byzantine Sentence of our Father Agapius: Greek text and Slavonic translation. In: *Slovene 2*. М., 101–136.
- Пенская, Д. С. 2017b: Византийское «Сказание отца нашего Агапия»: греческий текст и славянский перевод. В сб.: *Словъне-Slovene*. 2. 101–136.
- Penskaja, D. S., 2023: [The Tale of Agapius as a Symbolic Narrative]. In: *Myth. Ritual. Literatura. Sbornik v chest' N.V. Braginskoj*. М., 367–393.
- Пенская, Д. С. 2023: «Сказание Агапия» как символическая повесть». В сб.: *Миф. Ритуал. Литература. Сборник в честь Н. В. Брагинской*. М., 367–393.

- Pope R., 1983: On the Fate of Utopian Apocryphal Apokalypses among the South and East Slavs: The Narration of Our Father Agapius. In: *Canadian Slavonic Papers*. 25, 1, 1–12.
- Pope R., 1984–85: The Greek Text of the “Narration of Our Fanher Agapios the Syrian”. In: *Cyrrillomethodianum*. Vol. 8–9, 233–260.
- Rozhdestvenskaja, M. V. 2005: [Real and imaginary (on the «Paradise-Palestine text») in Old Russian literature]. In: *Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 2003 god. Materialy i issledovanija: Mnimye realnosti v antichnyh i srednevekovyh textax*. M.: Vostochnaja literatura, 209–231.
- Рождественская, М. В. 2005: Реальное и мнимое (о «райско-палестинском тексте») в древнерусской литературе. В сб.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Материалы и исследования: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах*. М.: Восточная литература, 209–231.
- Rozhdestvenskaja, M. V. 2022: [On Some Aspects of the Study of the «Paradise-Palestine Text» in Old Russian Literature]. In: *Slovesnost' i istorija. Zhurnal filologičeskikh i istoriko-kulturnyh issledovanij*. Vol. 4. SPb., 41–51.
- Рождественская М. В., 2022: О некоторых аспектах изучения «райско-палестинского текста» в древнерусской литературе. В сб.: *Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований*. № 4. СПб., 41–51.
- Slovar' 1987: *Slovar' knizhnikov I knizhnosti Drevnej Rusi*. [Dictionary of Scribes and Scribes of Ancient Russia] XI–pervaja pol. XIV v. L. Словарь, 1987: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I.: XI–первая половина XIV в. Л.
- Uspenskij 1971: *Uspenskij sbornik XII–nach. XIII v. Izd. podg. O. A. Knjazevskaja, V. G. Demjanov, M. V. Ljapon; pod red. S. I. Kotkova*. M.: Nauka. 1971. p. 466–473.
- Успенский 1971: *Успенский сборник XII–нач. XIII в.* [Uspensky collection. XII–early XIII c]. Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука.

Т. К. Салбиев
Владикавказский научный центр РАН, г. Владикавказ, Россия,
galabu054@gmail.com

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА НАРТА *СОСЛАНА / СОСРУКО*: КУЛЬТОВЫЙ АСПЕКТ

Изучение культового аспекта нарта *Сослана / Сосруко* позволяет выдвинуть новую версию происхождения этого образа, в которой он замещает Громовержца, как главного героя основного индоевропейского мифа. Участие в адыгском весеннем обряде ряженного указывает и на его противника, каковым по праву предстает нарт *Сырдон*, оборотень и заклятый враг *Сослана*. В результате, становится возможным сопоставление упомянутой пары с Волосом ~ Велесом, как еще одной славяно-иранской мифологической изоглоссы.

Ключевые слова: Нартиада, Сослан / Сосруко, Сырдон, Волос ~ Велес, индоевропейский основной миф, аграрный культ, реликвия Кардановых, этимология, контаминация, трансформация, славяно-иранская изоглосса.

Т. К. Salbiev
Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Vladikavkaz, Russia, galabu054@gmail.com

Epic hero nart *Soslan / Sosruko*'s Indo-European origin: ritual aspect

The study of the cult aspect of the nart of *Soslan / Sosruko*, where he turns out to be able to control winds and rainfall, allows one to put forward a new version of the origin of this epic hero, in which he appears to take role of the Thunderer, as the central character of the main Indo-European myth, reconstructed by V. V. Ivanov and V. N. Toporov. As a result, the most convincing etymology of his name is suggested to be the borrowing of Nogai *suslan* 'to have a formidable appearance', *suslā* 'gloomy', 'formidable', proposed by V. I. Abaev, being a synonym for his original Indo-European permanent epithet *næræmon* 'unrestrained', 'indomitable'. Tracing the elements of the agrarian cult of this epic hero, represented in the Adyghe tradition, it becomes possible to believe that the relic of the Kabardian Kardanovs family is not a "handkerchief / towel", but a banner cloth, used in the rite of the beginning of spring plowing. Participation in the Adyghe spring rite of the mummers indicates his opponent, which rightly appears to be the nart *Syrdon*, a werewolf and a sworn enemy of *Soslan*. In the long run, it becomes possible to compare the mentioned pair with the Slavic Volos~Veles within the framework of a number of already well-known common mythological isoglosses.

Keywords: Nartiada, Soslan / Sosruko, Syrdon, Volos-Veles, Indo-European basic myth, Thunderer, Serpent, agrarian cult, relic of the Kardanovs, etymology, contamination, transformation, Slavic-Iranian isoglosses.

Общепризнано, что эпический богатырь *Сослан / Сосруко* является одним из популярнейших персонажей Нартиады (Abayev 1990: 172). Отсюда и повышенный интерес эпосоведов к выяснению происхождения этого образа. Обобщая существующие на этот счет версии, Ю. А. Дзицкойты приходит к выводу, что при решении этого вопроса наиболее плодотворным является мифологический подход, трактующий его как индоевропейского солярного героя. При этом ученому приходится считаться и с тем, что некоторые исследователи справедливо увидели в нем также и черты культурного героя, которые, хотя и не противоречат его солярной природе, но оттеняют достаточно сложный характер самого этого образа. В этой связи заслуживает упоминания и тот существующий широкий разброс, который характерен для этимологий его имени и который, в конечном счете, отражает различия в предлагаемых трактовках семантики этого образа (Dzitstsoyту 2017: 295–297). Между тем есть весьма важное обстоятельство, хорошо известное специалистам, но пока еще не получившее с их стороны должной оценки, которое не может не учитываться при установлении источника происхождения этого образа. Заключается оно в том, что эпический богатырь, нарт *Сослан / Сосруко*, пожалуй, единственный из эпических героев, кто удостоился собственного полноценного культа.

Представляется, что обращение к содержанию этого культа позволяет не только пролить дополнительный свет на мифологические истоки рассматриваемого образа и уточнить этимологию его имени, но и проследить те трансформации и контаминации, через который он прошел в результате своей многотысячелетней исторической эволюции, а также выявить его связи с культовыми традициями генетически родственных индоевропейских народов, равно как и его типологическое своеобразие.

Забегая вперед, подчеркну, что учет трансформаций и контаминаций является ключевым условием для успешного решения рассматриваемой проблемы, поскольку культ *Сослана*

/ *Сосруко* со всей очевидностью является по своему содержанию аграрным и напрямую связан уже не с солярным, а с грозовым мифом. Наиболее значимые элементы этого культа обнаруживают себя, с одной стороны, в календарном празднике, отмечаемом летом в горной Дигории, и, с другой стороны, в особом культовом «платке / полотенце» — реликвии кабардинского рода Кардановых, принадлежавшем когда-то, согласно устной традиции, этому эпическому богатырю. При ближайшем рассмотрении и праздник, и реликвия оказываются тесно связанными между собой не только благодаря центральному персонажу, но и по своему внутреннему единству элементов единого грозового культового комплекса.

Праздник в селении Нар

Наиболее зримое воплощение культ нарта Сослана находит в осетинской этнокультурной традиции в летнем празднике жителей расположенного в дигорском ущелье высокогорного селения Нар. Сошлюсь в этой связи на сведения известного фольклориста Т. А. Хамицаевой, описавшей его во второй половине прошлого века. Говоря о содержании праздника, она замечает, что «люди в молитвословиях просили на этом празднике хорошей погоды и, как следствие ее, обильного урожая, ибо, по мнению Нарцев, *Сослан* обладает способностью воздействовать на погоду. Радуга в небе, которая считается хорошим предзнаменованием, называется *Сослани сѣндурæ* — лук Сослана» (Khamitsayeva 1971: 24–25). Наибольший интерес в приведенном описании календарного праздника в честь нарта Сослана представляет информация о том, что, согласно Т. А. Хамицаевой, во время торжеств употребляют только зерно, выращенное на особом участке поля, расположенном недалеко от селения Нар и называемом «Нарамон хума» — т. е. «нетерпеливое, быстрое поле», подобно тому, как самого Сослана называют Нарамон Сослан» (Ibid). Определение этого культового поля, совпадающее с эпитетом самого богатыря, несомненно, заслуживает более подробного рассмотрения.

Согласно авторитетному мнению В. И. Абаева, прилагательное *næræton* значит ‘несдержанный’, ‘неукротимый’, а по своей структуре может быть легко разделено на три части: отрицание *næ*, глагольный корень *ræm-* и суффикс *-on*. Корень *ram-* ‘покоиться’ распознается им в дигорском *ræmip* ‘стоять’,

‘покоиться’, представленном в *ūromyn / oramun* ‘останавливать’, *romyl* ‘воздержанный’, и, возможно, в названии праздника *Ræmon bon*. К образованиям подобного типа он также относит *næ-zær-on* ‘избегающий совместной жизни’, *næ-bæzz-on* ‘негодный’, *næ-wyn-on* ‘ненавистный’, *æ-gæen-on* ‘разнузданный’, ‘шалльной’. Неудивительно, что в записях эпоса прямо говорится: «*Soslan næræmon adtæj* — Сослан был несдержанным» (Абаев 1973: 170). Языковые и фольклорные данные, как видим, свидетельствуют о значимости эпитета и об абсолютно прозрачной его внутренней форме, что позволило перенести его на пашню, где выращивают зерно для праздника в честь этого героя. Учитывая календарный срок праздника — согласно записям В. Ф. Миллера 1880 года — июль месяц (Miller 1998: 357–358), зерно было из свежего урожая озимых, посеянных осенью, чем и было обусловлено их обозначение как «нетерпеливых, поспешных».

Примечательно, что тот же корень встречаем в названии праздника, открывающего весенние полевые работы — *Ræmon bon*, как одно из названий культовых действий, предшествующих вспашке и посеву полей, известных как *Хоры бон / Хумидайæн* (Uarziati 1917: 60–63). Уточняя этимологию В. И. Абаева, Дж. Ченг замечает, что *Ræmon bon* отмечался (у него ошибочно празднование перенесено на осень перед посевом озимых — *T.C.*) в честь осетинского громовержца и покровителя урожая *Wacilla*, эпитет которого значил ‘prudent, calm’. Он предлагает свою реконструкцию исходного этимона **rama-*, обосновывая это сопоставлением с позднеавестийским *ram-* ‘to rest’. В этом случае речь должна идти о причастии настоящего времени среднего залога, отчего будем иметь не краткий, а долгий гласный, то есть **ramāna-*. Тем самым предполагается для громовержца эфемистический эпитет «спокойный», данный, чтобы избежать проявлений его гнева, грозивших потерей урожая (Cheung 2002: 218). Подобная трактовка вполне согласуется с эпитетом нарта Сослана *næræmon* ‘несдержанный’, ‘неукротимый’, отражая его грозную природу. Такая семантика делала вполне органичным совмещение двух культов.

В свете сказанного, из всех известных на сегодня этимологий имени богатыря наиболее убедительной будет версия В. И. Абаева, который исходит из ногайского *suslan-* ‘иметь

грозный вид', *suslǝ* 'хмурый', 'грозный'. Он вполне убедительно поясняет, что средневековое имя богатыря не отменяет мифологической природы самого его образа, восходящего к глубокой архаике. Подобное положение отражает открытость эпоса к внешним контактам и влияниям со стороны соседних народов, с которыми аланы в средние века поддерживали обмен как духовными, так и материальными ценностями. Приведенное имя, на его взгляд, стало своеобразной данью тюрко-монгольской моде. При этом вариант имени богатыря *Sosruko* он рассматривает как его последующую адыгскую адаптацию, сопровождавшуюся заменой *l* → *r* и оформлением патронимическим суффиксом *qo* (*qwǝ*) 'сын' (Abayev 1979: 138–139). Принципиально важно то, что приведенная этимология имени богатыря, а именно, ее поздний и иноэтничный характер, не могут служить препятствием для отнесения его образа к индоевропейской эпохе. Напротив, продолжая его исконный эпитет — *naeræton* 'несдержанный', 'неукротимый', она является по сути его калькой. В рамках культа эпического богатыря, эта этимология указывает на связь Сослана с грозовым мифом, а также устраняет границы между этническими версиями эпопеи, делая их проницаемыми для культурного обмена.

Отсюда, вероятно, происходит и тесная взаимосвязь/ взаимовлияние аланской и адыгской версий эпоса, которые находят выражение в адыгизации имени Сослана. Неудивительно, что адыгская версия бережно хранит память и о грозовом культе этого богатыря, которая обнаруживает себя в одном из приписываемых ему особо почитаемых атрибутов.

Реликвия Кардановых

Вплоть до наших дней в адыгской традиции культ *Сосруко* оказывается воплощен в его «платке / полотенце» — семейной реликвии проживающих в селении Дыгулубгей Кардановых. Эта реликвия является объектом почитания и обладает чудесной способностью исцелять больных и вызывать дождь в засушливую пору (Kashnitskiy 2013). Относительно размеров и цвета этого культового куска материи сообщается, что он выцветшего синего цвета с золотистым (о чем позволяют судить его фотографии) орнаментом по краям, в длину 55 и ширину 40 см., то есть почти квадратной формы (Viktor 2015). Свойство платка вызывать при необходимости дождь служит

ясным указанием на его связь с уже рассмотренным аграрным культом, также связанным с атмосферными явлениями, в том числе и с осадками, что вновь ведет нас вновь к грозовому мифу. Как видим, род Кардановых и жители селения Нар оказываются в равной степени причастны к рассматриваемому культу. Остается вопрос о связи между «полотенцем / платком» и пашней.

Высока вероятность того, что в «полотенце» мы имеем полотнище ритуального знамени, прежде использовавшееся во время пахоты. Вот как описывает его Б. А. Калоев в связи с адыгскими обрядами, знаменовавшими начало весенних полевых работ. При выборе места для стана пахарей общины, знамя на длинном шесте водружалось рядом с шалашом старшего из них. Оно представляло собой квадратный кусок материи желтого цвета. Считалось, что чем длиннее шест, тем богаче будет урожай. «Знамя, являвшееся символом урожая и изобилия, строго охраняли, чтобы его не могли украсть пахари из соседнего села, что считалось не только большим позором, но и несчастьем». При завершении работ, когда пахари возвращались в село, впереди двигалась арба с этим знаменем. Процессию также сопровождал *ажегаф* — центральная фигура праздника, танцующий козел-клоун в черной войлочной маске, с длинным хвостом. Его глаза были обведены красной каймой, у него была длинная борода из шерсти, а голову венчали козлиные рога, кроме того, он носил вывернутую овчинную шубу, а на поясе у него висел деревянный фалос (Kaloyev 1981: 198–199). Плат, хранившийся как реликвия рода Кардановых, близок по своей форме к квадрату, и, хотя он голубого (то есть небесного цвета), он также содержит желаемый желтый цвет в виде плотного золотого орнамента.

Теперь от знамени пахарей было бы желательно перейти к образу эпического богатыря, и такая возможность существует. Описывая осетино-адыгские межэтнические контакты, В. С. Уарзиати отмечает примечательные параллели в празднествах, связанных с началом весенних полевых работ, известных в Осетии, о чем уже шла речь выше, как *Рамон бон*. Далее он указывает на наличие в адыгской мифологии особого образа покровителя хлебопашества, именуемого *Созыреш / Созырэши* (Uarziati 2018: 304). Вряд ли могут быть сомнения в том, что это тот же самый эпический герой. Более того, благодаря связи с

осетинским аграрным праздником он оказывается в роли, аналогичной громовержцу *Wacilla*, что служит дополнительным аргументом в пользу его связи с атмосферным мифом. Примечательно и то, что подобно «полотенцу / платку» Кардановых рассматриваемый образ не имеет общеадыгского распространения что указывает на его иноэтническое происхождение. Заимствование у алан В. С. Уарзиати объясняет более высоким у них уровнем развития земледелия, тогда как у адыгов ведущей отраслью было скотоводство (*Ibid.*). Ценность приведенного адыгского материала также и в том, что он свидетельствует о парном характере культа, где наряду с громовержцем (точнее его заместителем) также принимает участие и его ряженный антипод.

В свете приведенных данных образ Сослана / Сосуруко не может быть отделен от такого его смертельного врага, как нарт Сырдон. Нарт Сырдон ставший причиной его гибели, хорошо подходит под приведенное выше описание кабардинского ряженного *ажгегафа* (см. подробнее: Abayev 1990: 193). В литературе уже обращали внимание на особую связь между ними. С одной стороны, их относят к числу наиболее архаичных героев, входящих в эпопею по матрилокальному признаку, с другой стороны, как участников близнечного мифа (Meletinskiy 1957: 38, 51–52, 57–60). Для перехода от ареальных особенностей описания этой пары к генетическим наиболее плодотворным может быть сопоставление с известным славянским культом Волоса ~ Велеса, настолько тесно связанных между собой, как полагает В. Н. Топоров, что можно вести речь о «дублетной форме», имевшей два варианта (Топоров 1961: 29).

Волос ~ Велес

Именно как ясно различимую пару трактует этих персонажей славянской мифологии М. Фасмер. Для него древнерусский *Велесь* — языческий бог, почитавшийся наряду с другим богом по имени *Волось* (воспринимавшийся обычно как «скотий бог»). Отвечая оппонентам, он исходит из того, что эти два персонажа не могут быть отождествлены в силу фонетических трудностей (Vasmer 1986: 287–288, 343). Этой же позиции придерживается и Б. А. Успенский, опирающийся на широкий круг культурно-исторических данных и возводивший эти образы, вслед за Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым, к древ-

нейшему индоевропейскому мифу о поединке Бога Грозы со Змеем ради обладания скотом (см. подробнее: Ivanov, Todorov 1974: 75 сл.). Рассматривая его восточнославянскую реализацию, он допускает возможность осложнения мифа различными трансформациями и даже его нивелировке исходного противопоставления, а иногда даже к его инверсии (Uspensky 1982: 31). В нашем случае речь должна идти о трансформации, в результате которой *Сослан* / *Сосруко* занимает место Громовержца, что со всей ясностью проявляется в его культе. Представляется, что его связь с Волосом, а через него и с культом волос (см. об этом: Uspensky 1982: 33), наиболее зримо обнаруживает себя в его прославленной шубе из человеческих скальпов (Абаев 1990: 177–178). В роли змея же оказывается его извечный недруг и виновник его гибели — *Сырдон*, имя которого, согласно В. И. Абаеву, ясно делится на корень *Syrd* ‘зверь’ и старинный патронимический суффикс *-on*, примыкая к целому ряду других «зооморфных» имен Нартиады (Абаев 1979: 208). Тем самым в целом оно надежно трактуется как «звериный, звероподобный», что делает его сближение с ряженым, участвующим во вспашке поля, вполне уместным. Кроме того, персонаж оказывается близок и славянскому Велесу, подобно которому он также выступает покровителем рапсодов как создатель двенадцатиструнной арфы (Абаев 1990: 196–197). Укажу в этой связи на древнего песнотворца, «Велесового внука» Бояна из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», что, как принято считать, отражает связь культа Велеса с обрядовыми песнями и поэзией (Kravets 2006: 111). Это также, несомненно, роднит его с нартом *Сырдоном*. В целом же он вполне подходит на роль противника Громовержца, заместителем которого выступает *Сослан* / *Сосруко*, наделенный в культе способностью управлять дождем.

Таким образом, высока вероятность того, что в данном случае мы, в конечном счете, имеем дело с одной из славяно-иранских мифологических параллелей, отражающих их связи в области религиозных представлений хорошо известных науке (в связи чем см.: Todorov 1961: 17–18).

Литература

- Abayev, V. I. 1973: *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of Ossetian language]. Т. II. L — R. Leningrad: Nauka.
- Абаев, В. И. 1973: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. II. L-R. Л.: Наука.
- Abayev, V. I. 1979: *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of Ossetian language]. Т. III, S-T'. Leningrad: Nauka.
- Абаев, В. И. 1979: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. III, S-T', Л.: Наука.
- Abayev, V. I. 1990: *Izbrannyye trudy: Religiya, fol'klor, literature* [Selected Works: Religion, Folklore, Literature]. Vladikavkaz: Ir.
- Абаев, В. И. 1990: *Избранные труды: Религия, фольклор, литература*. Владикавказ: Ир.
- Cheung, J. 2002: *Studies in the historical development of the Ossetic vocalism*. Beiträge zur Iranistik. Band 21. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Dzitssoyty, Yu. A. 2017: К вопросу о мифологической природе нарта Soslana [On mythological nature of Nart Soslan]. In: *Voprosy osetinskoj filologii* [Problems of Ossetic Philology]. Tom I. / Yugo-Osetinskiy Gosudarstvennyy universitet im. A. A. Tibilova. — Tskhinval: Respublika.
- Дзиццойты, Ю. А. 2017: К вопросу о мифологической природе нарта Сослана. В сб.: *Вопросы осетинской филологии*. Том I. Цхинвал: Республика, 2017. С. 293–303.
- Vasmer, M. 1986: *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Tom I (A — D). М.: Progress, 1986.
- Фасмер, М. 1986: *Этимологический словарь русского языка*. Том I (А — Д). М.: Прогресс.
- Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. 1974: *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. Leksicheskiye i frazeologicheskiye voprosy rekonstruktsii tekstov* [Studies in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological problems of texts reconstruction]. М.: Nauka.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. *Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. М.: Наука, 1974.
- Kaloyev, B. A. 1981: *Zemledeliye narodov Severnogo Kavkaza* [Agriculture of the peoples of the North Caucasus]. М.: Nauka.
- Калоев, Б. А. 1981: Земледелие народов Северного Кавказа / Отв. редактор Л. И. Лавров. М.: Наука.
- Kashnitskiy, S. 2013: Platok bogatyrya Sosruko: relikviya prinosit gortsam udachu i izobilye [Scarf of the hero Sosruko: a relic brings good

- luck and abundance to the highlanders]. In: *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. URL: <https://aif.ru/society/41597> (date of application — 16.03.2024).
- Кашницкий, С. 2013: Платок богатыря Сосруко: реликвия приносит горцам удачу и Изобилие. В сб.: *Аргументы и факты*. URL: <https://aif.ru/society/41597> (дата обращения — 16.03.2024).
- Khamitsayeva, T. A. 1971: *Vverkh po Irafu* [Up the Iraf]. Ordzhonikidze.
- Хамицаева, Т. А. 1971: *Вверх по Ирафу*. Орджоникидзе.
- Kravets, S. L. 2006: Boyan. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*. T. 5. M.: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
- Кравец, С. Л. 2006: Боян. В: *Большая российская энциклопедия*. Т. 5 М.: Большая российская энциклопедия.
- Meletinskiy, Ye. M. 1957: Mesto nartskikh skazaniy v istorii eposa [The place of Nart tales in the history of the epic]. In: *Nartskiy epos. Materialy soveshchaniya 19–20 oktyabrya 1956 g.* [Nart epic. Proceedings of the meeting on October 19–20, 1956]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo. S. 37–81.
- Мелетинский, Е. М. 1957: Место нартских сказаний в истории эпоса. В сб.: *Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 г.* / Редакция В. И. Абаев, Г. З. Калоев, В. И. Чичеров. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во. С. 37–81.
- Miller, V. F. 1998: V gorakh Osetii (iz dnevnika) [In the mountains of Ossetia (from the diary)]. In: *V gorakh Osetii* [In the mountains of Ossetia]. Vladikavkaz: Ir. S. 335–376.
- Миллер, В. Ф. 1998: В горах Осетии (из дневника). В сб.: *В горах Осетии*. Владикавказ: Ир. С. 335–376.
- Toporov, V. N. 1961: Fragment slavyanskoy mifologii [Fragment of Slavic mythology]. In: *Kratkiye soobshcheniya* [Short reports]. Вып. 30. Akademiya nauk SSSR. Institut slavyanovedeniya. S. 14–32.
- Топоров, В. Н. 1961: Фрагмент славянской мифологии. В сб.: *Краткие сообщения*. Вып. 30. Академия наук СССР. Институт славяноведения. С. 14–32.
- Uarziati, V. S. 2017: *Izbrannyye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* [Selected works: Ethnology, Cultural studies, Semiotics]. Tom I. Vladikavkaz: Abeta.
- Уарзиати, В. С. 2017: *Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика*. Том I. Владикавказ: Абета.
- Uarziati, V. S. 2018: *Izbrannyye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* [Selected works: Ethnology, Cultural studies, Semiotics]. Tom II. Vladikavkaz: Abeta, 2018.
- Уарзиати, В. С. 2018: *Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика*. Том II. Владикавказ: Абета, 2018.
- Uspensky, B. A. 1982: *Filologicheskiye razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey (Relikty yazychestva v vostochnoslavyskom kul'te*

Nikolaya Mirlikiyskogo) [Philological research in the field of Slavic antiquities (Relics of paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra)]. М.: Izd-vo Mos. un-ta.

Успенский, Б. А. 1982: Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во Мос. ун-та.

Viktor, 2015: *Polotentse Sosruko kak adygskaya plashchenitsa* [Sosruko's towel as an Adyghe shroud].

URL: <https://viktorkotl.livejournal.com/116731.html> (date of application — 16.03.2024). Виктор, 2015: Полотенце Сосруко как адыгская плащеница URL: <https://viktorkotl.livejournal.com/116731.html> (дата обращения 16.03.2024).

А. Н. Соболев

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
sobolev@staff.uni-marburg.de, andrey.n.sobolev@mail.ru

ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ: НОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

На фоне крупных мировых достижений в области исследования конвергенции языков и культур, для современного российского языкознания можно оптимистически усматривать перспективу решить некоторые крупные теоретические проблемы, среди которых выделяется вопрос о строгом доказательстве методами гуманитарных наук существования языковых и, возможно, культурных союзов (нем. Sprachbund и Kulturbund) как особых языковых групп (отличных от языковых семей) и особых объединений культур. После рассмотрения ряда основных актуальных проблем лингвистической контактологии, краткой истории бытования понятия «языковой союз» применительно к языкам Балканского полуострова и критики наиболее распространенного нестрогого определения этого понятия, в настоящей статье предлагается новое определение союза как группы неблизкородственных языков, связанных закономерными функциональными соответствиями, по аналогии с наличием закономерных звуковых соответствий между языками как диагностическим признаком в теории языкового родства. В качестве диагностических, союзообразующих признаков предлагается рассматривать соответствия в инвентарях широко понимаемых функций (правил дистрибуции и значений) единиц и категорий разных языков, предположительно входящих в языковой союз. Сами языковые союзы, как и языковые семьи, предлагается считать онтологической данностью, т. е. реально существующими, а не произвольно конструируемые лингвистами группы.

Ключевые слова: языковая и культурная конвергенция, контактная лингвистика, теория языковых союзов, Балканский языковой союз.

A. N. Sobolev

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
sobolev@staff.uni-marburg.de, andrey.n.sobolev@mail.ru

Sprachbund: a new definition

Against the backdrop of significant global achievements in the field of research on language and cultural convergence, contemporary Russian linguistics can optimistically discern the prospect of addressing some major theoretical issues. Among these, the question of rigorously proving by methods of the humanities the existence of linguistic and possibly cultural unions (German: Sprachbund and Kulturbund) as distinct linguistic groups

(distinct from language families) and special cultural associations stands out. Following an examination of several key current issues in linguistic contactology, a brief history of the concept of “linguistic union” applied to the languages of the Balkan Peninsula, and criticism of the most common loose definition of this concept, this article proposes a new definition of union as a group of non-genetically related languages linked by systematic functional correspondences, analogous to the presence of systematic phonetic correspondences between languages as a diagnostic feature in the theory of linguistic kinship. As diagnostic features forming unions, correspondences in the inventories of broadly understood functions (rules of distribution and meanings) of units and categories from different languages presumably included in a linguistic union are suggested. Linguistic unions themselves, like language families, are proposed to be considered as ontological entities, i.e., existing realities rather than linguists’ arbitrarily constructed groups.

Keywords: language and cultural convergence, contact linguistics, theory of linguistic unions, Balkan Sprachbund.

Acknowledgement

This work has been carried out within the framework of the “Atlas of the Balkan Linguistic Area” project supported by the French National Research Agency (ANR-21-CE27-0020-ABLA) granted to Evangelia Adamou and the Russian Science Foundation (22-48-09003) granted to Andrey Sobolev.

Мейнстрим наиболее современных (20-е годы XXI в.) лингвистических и в несколько меньшей степени — культурно-антропологических исследований в области конвергенции языков и культур помимо прочего составляют:

(а) в области установления причинно-следственных связей как составной части философии науки — поиски материального, биологического субстрата языкового и культурного развития (в виде проверки «гипотезы о параллельном генетическом, языковом и культурном развитии») (Stamatoyannopoulos et al. 2017; Matsumae et al. 2021; Olalde et al. 2024)¹;

¹ См. принципы отбора, в особенности 2), в исследовании (Olalde et al. 2024: 5479): «... genetic material from 37 unrelated present-day Serb male individuals from Serbia (n=19), Montenegro (n=7), Croatia (n=5), North Macedonia (n=1) and Bosnia and Herzegovina (n=5). Serb Individuals were selected according to the following criteria: 1) Self-declared Serbs living on territories of former Yugoslavia where they historically lived. 2) Speakers of the Serbo-Croatian language. 3) Belonging to families that

(b) в сфере герменевтического процесса постижения языка как главного объекта лингвистики — «большой синтез» знаний о языковых контактах вообще в конкурирующих между собой «Handbook of Language Contact» ведущих издательств Routledge, Cambridge University Press, Oxford University Press, de Gruyter и Brill) и продолжение «большого синтеза» знаний об отдельных языковых семьях и ареалах (ср. серии Brill Encyclopedia, Handbooks of Linguistics and Communication Science [HSK] (Kosta et al. 2014) и др., а также отдельные выпуски Cambridge Language Surveys вроде (Johanson 2021; Friedman, Joseph [in preparation]) или Oxford Guides (Robbeets [in preparation]));

(c) в сфере методологии — применение математических моделей к крупным массивам данных с опорой на первичные сведения неизбежно низкого качества (Carling 2019) и картографирование явлений языка и культуры на новом технологическом уровне (Lameli et al. 2010), а также в отдельных произвольно конструируемых географических, исторических, политических, лингвистических и «культурных» ареалах (Kamusella 2021).

При этом следует иметь в виду, что наиболее значимые результаты в мировой лингвистике и культурной антропологии ожидаемо получены в крупных лабораториях вроде Surrey Morphology Group в Великобритании (<https://www.smg.surrey.ac.uk>), Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology в Германии (<https://www.eva.mpg.de>), Languages and Cultures of Oral Tradition CNRS во Франции (<https://lacito.cnrs.fr>), а также международными исследовательскими консорциумами (см., например, проект «Complex predicates in languages», <https://complete.huma-num.fr/index.htm>).

После неудавшейся попытки создать «Ethnologischer Atlas Europas und seiner Nachbarländer» в 1970-е гг. и на фоне фактически остановленного издания «Atlas linguarum Europae» были получены выдающиеся результаты целого ряда успешно завершённых международных лингвистических проектов, реализованных без институционального российского участия: Eurotyp. Typology of Languages in Europe (<https://www.degruyter.com>);

are or were in the past of Orthodox religion. 4) Knowing or still celebrating their family's Home patron saint, a cultural practice that is characteristic of Serb identity».

World Atlas of Language Structures, WALS (<https://wals.info>);
The Atlas of Pidgin and Creole Language Structures, APiCS
(<https://apics-online.info>).

Если полагать генеральной и перманентной целью российской фундаментальной гуманитарной науки ориентированное на постижение истины свободное и равноправное участие в современном мировом научном дискурсе с целью обретения верховенства толкования (англ. *sovereignty of interpretation*) по главным актуальным вопросам языковой и культурной эволюции, с использованием методов и подходов, а также форм институциональной организации именно и собственно гуманитарных наук, то по ряду отдельных направлений исследований в настоящее время можно оптимистически видеть перспективу достигнуть некоторых частных целей, решив крупные теоретические проблемы. Одной из таких является вопрос о строгом доказательстве методами гуманитарных наук существования языковых и, возможно, культурных союзов (нем. Sprachbund и Kulturbund) как особых языковых групп (отличных от языковых семей) и особых объединений культур. В отличие от языковых семей существование языковых союзов до сегодняшнего дня не считается в мировой науке строго доказанным, тогда как достижение этой теоретической цели имеет фундаментальное значение для понимания групп языков Европы, Евразии и мира и создаст прочную основу для дальнейших исследований и экспериментов на их материале. В настоящей статье выдвигается гипотеза о существовании закономерных, регулярных отношений между языками, по результатам контактного взаимодействия объединяемыми в конвергентную группу (языковой союз), так же существующую в реальности, как и языковая семья.

Одна из основных проблем в контактной лингвистике — вопрос о возможности установления корреляций и даже закономерных отношений обусловленности между а) внешними, т. е. социо- и антропологическими, параметрами конкретной контактной ситуации; б) материальными и структурными особенностями контактирующих языков; в) самими процессами языковой вариативности и изменения в контакте; и, наконец, г) собственно лингвистическими последствиями, результатами контакта, далеко не всегда опознаваемыми на фоне результатов внутренне обусловленного, самостоятельного развития. Языко-

вая и культурная конвергенция интенсивно изучаются в мировой лингвистике и культурной антропологии в следующих аспектах:

принципиальной возможности единого для всего человечества механизма языковой, а возможно, и культурной эволюции;

принципиальной возможности «чистоты» языкового и культурного развития (с оценочным отношением к межъязыковому взаимодействию и в особенности к влияниям как желательным или нежелательным);

разграничения внутреннего и контактно-обусловленного языкового и культурного развития и вариативности;

детального изучения прямых языковых и культурных влияний (с различием языков-доноров и культур-доноров и языков-реципиентов и культур-реципиентов);

детального изучения языковых ситуаций многоязычия (доминантных и сбалансированных типов), механизмов переключений кодов в речевой деятельности, формирования «смешанных», креольских языков и пиджинов (в увязке с социальной историей этносов, в т. ч. периодов колониальной зависимости (в смысле англ. *overseas colonialism*), «освоения территорий и ситуаций фронта» и проч.);

наконец, изучения особого типа конвергентного развития языков и культур и его наблюдаемого результата — языкового (Desnitskaya 1980; Hinrichs 2023) и, возможно, культурного союза (Burkhart 2014).

Открытием языковых союзов лингвистическая наука обязана Н. С. Трубецкому, который в статье «Вавилонская башня и смешение языков» (1923 г.) предложил отличать их от языковой семьи. Согласно классическому определению Трубецкого (Trubetzkoy 1928), языковой союз — это группа языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксисе, морфологии, иногда — внешнее сходство в фонетике и обладающих общим фондом культурных слов, но не связанных системой звуковых соответствий и исконной элементарной лексикой. Прототипическим примером языкового союза является балканский языковой союз. Одновременно с Трубецким разработкой теории языкового союза в 1930-е гг. занимался Х. Бекер, опубликовавший свои результаты лишь через 15 лет: «Языковым союзом (Sprachbund) мы считаем группу языков, настолько сблизившихся вследствие общих судеб в одном и том же культурном

пространстве (Kulturraum) и вследствие взаимовлияний, что в каждом из них примерно одно и то же может быть выражено примерно одним и тем же способом» (Becker 1948: 5). Бекер считал языковой союз результатом одностороннего языкового влияния.

В течение века от внимания лингвистов ускользало то исключительно важное обстоятельство, что определение Н. С. Трубецкого помимо прочего не предполагает наличия регулярных, закономерных соответствий между языками, составляющими языковой союз, и не обращается к причинам его возникновения. Относительно второго вопроса сегодня применительно к языкам Балканско-Карпатского региона можно уверенно утверждать, что поиски языков-доноров лингвистической балканизации (т. е. обретения этими языками в ходе их совместного развития т. наз. балканизмов — конвергентных черт, признаваемых союзообразующими) не дали убедительных результатов. В. Копитар и Ф. Миклошич объявляли источником балканизмов палеобалканский субстрат, Кр. Сандфельд — греческий язык, Г. Золта — балканскую латынь и балкано-романские языки; представители отдельных идиоэтнических филологий настаивали на независимом происхождении балканизмов в каждом балканском языке (Л. Милетич, А. Белич, Н. Андриотис и др.). В итоге в балканистике XXI в. (П.-Х. Илиевски, В. Фридман, Б. Джозеф) распространяется утверждение о нецелесообразности установления отношений донор-реципиент для Балканского языкового союза и бесперспективности поиска источников балканизации (Friedman, Joseph [in preparation]). На этом фоне полностью сохраняет свое значение тезис А. В. Десницкой о том, что предлагавшиеся решения «вопроса о причинах» — субстрат, греческое влияние, «многосторонние языковые контакты» и проч. — оставляют в стороне «вопрос об исторических условиях создания контактных ситуаций такой степени интенсивности, при которой могла возникнуть особая форма языковой общности» (Desnitskaya 1990: 6). В современном языкознании понятие языкового союза «прилагается к результатам конвергентного развития языков в пределах определенной географической зоны, в процессе которого в этих языках появились общие признаки типологического характера, не обусловленные общностью происхождения даже в тех случаях, когда

соответствующие языки являются исходно родственными» (Desnitskaya 1980: 136).

В настоящее время публикуется большое количество статей и монографий о языках, входящих в прототипический языковой союз — балканский; продолжают регулярно выходить международные периодические балканистические издания (*Linguistique balkanique* (Болгария), *Balkanica* (Сербия), *Zeitschrift für Balkanologie* (Федеративная Республика Германии), *Balkanistica* (USA)); проводятся конгрессы «Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы»; связанная языковым союзом тематика прочно закрепилась в программе Международных съездов славистов. Тем не менее, теория языкового союза неожиданно оказалась совершенно не востребована в современной западноевропейской балканистике, интерпретирующей Балканско-Карпатский регион как неуникальный субрегион Европы (Hinrichs 2014; специальный юбилейный выпуск *Zeitschrift für Balkanologie*. 58. 2022). Но также и для ареалов за пределами Европы (Enfileld 2003) не используется ни понятие, ни теория языкового союза (при этом в центре внимания оказывается столь важная для понимания механизма формирования союзов «полифункциональность (polyfunctionality)» языковых единиц и категорий. Более того, в западной лингвистике деконструируется понятие «*Sprachbund*», или «*linguistic union*», вместо которого вводится эвристически малоценное — «*linguistic area*» (Campbell 2017), оспаривается существование такого прототипического союза, как балканский (см., например, *WALS*), и одновременно вводятся в научный дискурс политически мотивированные «языковые союзы» вроде «западно-европейского союза Карла Великого» (Haspelmath 2001). В англоязычной лингвистической литературе против использования лексемы *union* ‘союз’ в качестве термина выдвигалось и то возражение, что он якобы подразумевает агентивность, активность языков, «(добровольно) вступающих» в особые отношения и выбирающих эту «опцию», и потому должен быть заменен «более удачным». При такой интерпретации странным образом не принимаются во внимание сами говорящие (т. е. носители контактирующих языков и культур), в соответствии с индивидуальными и коллективным этическими установками вполне обладающие и субъектностью, и агентивностью для

любых действий в ходе языкового и культурного взаимодействия (диалога культур).

При отказе от понятия и теории языкового союза, в качестве результатов языковых контактов обычно и прежде всего рассматривают заимствование (различной степени адаптированности языком-реципиентом), переключения кодов и появление «грамматик билингвов», широко понимаемую языковую конвергенцию, возникновение креольских языков и пиджинов, гибридизацию и формирование смешанных языков (O'Shannessy 2021). Поскольку за рубежом при достаточном финансировании особенно интенсивно исследовалась такая модель глубокой языковой конвергенции, как образование креольских языков, не удивляет, что в Германии предпринимались декларативные попытки интерпретировать все конвергентные языковые процессы, в т. ч. и приведшие к формированию прототипического языкового союза в Балканско-Карпатском регионе, как креолизирующие (Hinrichs 2004).

В новом обобщающем обзоре проблематики, связанной с рассмотрением понятий конвергенции и языкового союза в западной лингвистике, суммированы апории, неизбежно возникающие при нестрогом определении языковых союзов, и сделаны отрицательные заключения об отсутствии «внутренней ценности» у «этикеток» «linguistic area» и «Sprachbund», об отсутствии «метода, позволявшего бы устанавливать языковые союзы (areas) как сущности, отличные от случайного набора языков. Таким образом, несомненно, языковые союзы конструируются лингвистами (“Thus, ultimately, areas are established by linguists”) (Wiemer 2020: 182–183). В целом пессимистичны и обобщения в области лингвистической контактологии: «Specialists in language contact, however, find it difficult to “tease apart” the processes which led to the emergence of a Sprachbund, leaving the issue unresolved (Muysken 2013: 726)». Отметим, что обобщающий обзор механизмов конвергенции все еще остается в науке атомистическим и не привел наших коллег к установлению закономерных (т. е. регулярных и прогнозируемых) отношений между языками. Вполне вероятно, хотя бы частично пессимизм относительно эвристической ценности понятия языкового союза в контактной лингвистике может быть объяснен широким бытованием в свое время некритически воспринятых и не подтверждающихся в настоящее время априорных посту-

латов вроде того, что «билингвы тяготеют к образованию диасистемы используемых ими языков (varieties)». Новейшие наблюдения петербургских балканистов (М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, М. Л. Кисилиер, Д. В. Конёр, А. Л. Макарова и др.) над речевым поведением и языковыми системами двуязычных говорящих в балканских языковых ситуациях социально и когнитивно уравновешенного, недоминантного билингвизма опровергают этот тезис (Sobolev 2021).

Можно сказать, что современная лингвистика вне России колеблется между отрицанием такой лингвистической сущности, как языковой союз, и конструированием новых языковых союзов без должных на то оснований (иногда в качестве составляющей крупной геополитической проекции). Поставленная здесь проблема в общетеоретическом плане решается путем доказательства гипотезы о регулярных, неслучайных функциональных соответствиях между языками и культурами как диагностическом признаке языкового и культурного союза (по аналогии с наличием закономерных звуковых соответствий между языками как диагностическим признаком в теории языкового родства). Функциональными соответствиями следует признать таковые в инвентарях широко понимаемых функций (правил дистрибуции и значений) единиц и категорий разных языков, предположительно входящих в языковой союз. Таким образом решается вопрос о том, являются ли языковые и культурные союзы умоглядными конструктами лингвистов и антропологов или онтологической данностью, т. е. существующими в реальности группами языков, связанных закономерными отношениями. В ареально-типологическом плане проблема решается путем обнаружения регулярных, закономерных межъязыковых и межкультурных соответствий между языками ряда ареалов Европы, Евразии и мира, предположительно языковые союзы формирующими или формировавшими в прошлом.

Bibliography

- Adamou, Evangelia, Sobolev, Andrey N. (Eds). 2023: *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. <https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/> (Last accessed 2024-03-13).
- Becker, Henrik. 1948: *Der Sprachbund*. Leipzig und Berlin: Gerhard Mindt (Die Humboldt-Bücherei).

- Burkhardt, Dagmar. 2014: Kulturraum Balkan. In Hinrichs, Uwe (Ed.). *Handbuch Balkan*. Wiesbaden: Harrassowitz, 521–539.
- Campbell, Lyle. 2017: Why is it so Hard to Define a Linguistic Area? In Hickey, Raymond (Ed.). *The Cambridge Handbook of Areal Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 19–39.
- Carling, Gerd (Ed.). 2019: *Mouton Atlas of Languages and Cultures. Vol. 1. Europe and West, Central. And South Asia*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH. [DiACL. Diachronic atlas of comparative linguistics]
- Desnitskaya, Agniya V. 1980: *Yazykovoy soyuz kak kategoriya istoricheskogo yazykoznaniya* [Sprachbund as a category of historical linguistics]. Moscow: Institut yazykoznaniya AN SSSR.
- Desnitskaya, Agniya V. 1990: Predislovie [Preface]. In *Osnovy bakanskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Bakan linguistics]. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 3–10.
- Enfield, Nick. 2003: *Linguistic epidemiology; semantics and grammar of language contact in mainland Southeast Asia*. London; New York: Routledge Curzon, 2003.
- Friedman, Victor. Joseph, Brian. [in preparation]: *The Balkan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath, Martin. 2001: The European linguistic area: Standard Average European. In Haspelmath, Martin et al. (Eds.). *Language Typology and Language Universals*. Vol. 2. Berlin: De Gruyter, 1492–1510.
- Hinrichs, Uwe. 2004: Orale Kultur, Mehrsprachigkeit, radikaler Analytismus: Zur Erklärung von Sprachstrukturen auf dem Balkan und im kreolischen Raum. Ein Beitrag zur Entmystifizierung der Balkanlinguistik. *Zeitschrift für Balkanologie* 40 (2), 141–174.
- Hinrichs, Uwe. 2023: Language. In Mishkova, Diana. Trencsenyi, Balazs (Eds.). *European Regions and Boundaries. A Conceptual History*. New York: Berghahn Books, 322–349.
- Johanson, Lars. 2021: *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kamusella, Tomasz. 2021: *Words in Space and Time: A Historical Atlas of Language Politics in Modern Central Europe*. Budapest: Central European University.
- Kosta, Peter. Gutschmidt, Karl. Kempgen, Sebastian (Eds.). 2014: *Die Slavischen Sprachen, ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Vol. 2. Berlin & Boston: De Gruyter Mouton.
- Lameli, Alfred. Kehrein, Roland. Rabanus, Stefab (Eds.). 2010: *Language and Space: Language Mapping: An international handbook of linguistic variation*. Vols I–II. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Matsumae, Hiromi et al. 2021: Exploring correlations in genetic and cultural variation across language families in northeast Asia. *Science Advances*. 7 (34), 1–10.

- Muysken, Pieter. 2013: Language contact as the result of bilingual optimization strategies. *Bilingualism — Language and Cognition*. 16 (4), 709–730.
- Olalde, Iñigo et al. 2024: A genetic history of the Balkans from Roman frontier to Slavic migrations. *Cell*. 186, 5472–5485.
- O’Shannessy, Carmel. 2021: Mixed languages. In Adamou, Evangelia. Matras, Yaron (Eds.). *The Routledge Handbook of Language Contact*. London; New York: Routledge, 325–348.
- Robbeets, Martine. [in preparation]: *The Oxford guide to the Transeurasian languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Sobolev, Andrey N. (Ed.). 2021: *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Berlin; New York: de Gruyter. [Paper back edition 2022].
- Stamatoyannopoulos, George et al. 2017: Genetics of the peloponnesean populations and the theory of extinction of the medieval peloponnesean Greeks. *European Journal of Human Genetics*. 25, 637–645.
- Trubetzkoy, Nikolai S. 1928: Proposition 16. In *Actes du Premier Congrès International de Linguistes du 10–15 avril, 1928*. Leiden: Sijthoff, 17–18.
- Wiemer, Björn. 2020: Convergence. In Adamou, Evangelia. Matras, Yaron (Eds.). *The Routledge Handbook of Language Contact*. London; New York: Routledge, 276–299.

А. И. Солопов
МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. scatebr@mail.ru

ЭТИМОЛОГИЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛАТИНСКОГО *ĀREA* В СВЯЗИ СО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ПЛАВТА

В статье на основе анализа употребления слова *ārea* у Плавта предлагается новая реконструкция семантической эволюции этого слова и обосновывается необходимость возвращения к отвергнутой этимологии *ārea* < *āreō*. Подчеркивается роль птицеводного дела в культуре Древнего Рима.

Ключевые слова: *ārea*, *āreō*, Плавт, птицеводство, семантика.

Alexei I. Solopov
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. scatebr@mail.ru

Etymology and original meaning of the Latin *ārea* and Plautus's usage

In the present paper on the basis of the analysis of the use of the word *ārea* in Plautus a new reconstruction of the semantic evolution of this word is proposed. A necessity to return to rejected etymology *ārea* < *āreō* is substantiated. A role of the fowling in ancient Rome is stressed.

Key words: *ārea*, *āreō*, Plautus, fowling, semantics.

Латинское существительное *ārea*, как правило, считается не имеющим надежной этимологии. Это мнение прямо высказано в словаре Эрну-Мейе-Андре: «*pas de rapprochement sûr*» (Ernout, Meillet 1985: s.u.), несколько менее определено — Дж. Чедвиком в «Оксфордском словаре латинского языка»: «*dub.; perh. from AREO*» (Glare 1982: s.u.) и в работе М. де-Ваана: «*the form ārea does not correspond to a regular derivation type from a verb in -eō, and it is therefore uncertain that it belongs here*» (Vaas 2008: areo).

Вместе с тем словоупотребление Плавта, одного из древнейших римских авторов, как кажется, может пролить свет на историю и этимологию этого слова.

У Плавта существительное *ārea* известно только в одном значении: ‘место, где птицелов ловит птиц’. У русских птицеловов такое место называется ‘ток’ или ‘точок’. Слово *ārea* встретилось у Плавта всего три раза, из них два — в комедии

«Ослы» (Plaut. asin. 216; 220), третий раз — в комедии «Пуниец» (Plaut. Poen. 676). Приведем указанные контексты:

Clear(eta). Non tu scis? hic noster quaestus aucupi simillimust.
 auceps quando concinnauit *aream*, offundit cibum;
 aues adsuescunt: nécesse est facere sumptum qui quaerit lucrum;
 saepe edunt: semel si sunt captae, rem soluont aucupi.
 itidem hic apud nos: aedes nobis *area* est, auceps sum ego,
 esca est meretrix, lectus inlex est, amatores aues;
 bene salutando consuescunt, compellando blanditer,
 osculando, oratione uinnula, uenustula (Plaut. asin. 215–223).

«Клеарета: Знай, у сводни с птицеловом одинаков промысел.
 Птицелов, когда устроит *ток*, рассыплет корму там.
 Птицы привыкают. Хочешь прибыли — терпи расход.
 Склюнут много, а попались — птицелов свое возьмет.
 И у нас так. *Ток* — мой дом, а я ловец, а девушка —
 Корм, постель приманкой служит, птицы же — любовники»
 (пер. А. Артюшкова).

Adu(ocati). Neque nos hortari neque dehortari decet
 hominem peregrinum: tuam rem tú ages, si sapis.
 nos tibi palumbem ad *aream* usque adduximus:
 nunc te illum meliust capere, si captum esse uis
 (Plaut. Poen. 674–767).

«Свидетели: ... Мы голубя до *места* довели тебе —
 Так сам лови, коли поймать охота есть»
 (пер. А. В. Артюшкова).

Во всех контекстах у Плавта слово *ārea* употреблено в составе развернутого сравнения других занятий (напр., ремесла сводни в «Ослах») с ремеслом птицелова. Однако сам факт того, что в других значениях Плавт это слово не использует, говорит о том, что значение ‘птицеловный ток’ является первоначальным значением слова *ārea* или одним из первоначальных его значений.

Птицеловный ток обычно устраивается на относительно открытом месте в лесу, т. е. на поляне или прогалине. Поэтому можно предположить, что значение ‘птицеловный ток’ у слова *ārea* могло возникнуть естественным путем из более общего значения ‘прогалина’, которое, в свою очередь, могло появиться из практики подсечно-огневого земледелия.

Это позволяет вернуться к высказанной еще Г. Рейхельтом (Reichelt 1914: 314) и поддержанной Вальде-Гофманном этимологии *ārea* < *āreō* ‘быть сухим’ (санскр. *āsa-* ‘пепел’): «zu *āreō*, *āra* als ‘ausgebrannte, trockne, kahle Stelle’» (Walde 1938: s.u.). Эта этимология, как правило, отвергается современными этимологами, в частности, Эрну-Мейе-Андре и менее уверенно де-Вааном.

Словоупотребление Плавта, на наш взгляд, является серьезным аргументом в пользу этимологии *ārea* < *āreō*. Это позволяет реконструировать семантическую эволюцию слова *ārea* следующим образом: *‘выжженное место, росчисть, огнище’ > ‘прогалина’ > ‘ток, точок птицеловов’ (= *ārea* 1.e Glare) > ‘ток (основная часть гумна)’ (= *ārea* 2. Glare) > ‘ровное, свободное от построек место’ (= *ārea* 1.<a> Glare). С точки зрения словообразования существительное *ārea* могло быть образовано от глагола *āreō* при помощи, например, суффикса *-iā*: *ārea* < **āre-iā*.

Важно отметить, что этимология *ārea* < *āreō* была известна уже в античности, хотя и с неверной мотивацией: *ubi frumenta secta, ut terantur, [et] arescunt, area* (Varr. I. L. V 38); *sane area est locus uacuus, aut natura aut studio factus, ne quid inde edi nasciue possit: quasi qui exaruerit* (Seru. geo. I 178).

Литература

- Ernout, A., Meillet, A. 1985: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4me éd., augmentée d'additions et de corrections nouvelles par J. André*. P.: Klincksieck (= 1994).
- Glare 1968–1982: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
- Reichelt, H. 1914: Studien zur lat. Laut- und Wortgeschichte. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 46, 309–350.
- Vaan, M. de. 2008: *Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden-Boston: Brill.
- Walde, A. 1938: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann*. Heidelberg: Carl Winter (= 1954).

А. А. Солопова
МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. scatebrana@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЦВЕТА В «НАУКЕ ЛЮБВИ» ОВИДИЯ

В статье рассматриваются и упорядочиваются все контексты, в которых встречаются цветообозначения в «Науке любви» Овидия, проводится анализ особенностей функционирования цветовой лексики. Все случаи использования колоративов разделены на группы по цветам. Помимо этого для удобства анализа выделяются три художественные функции цвета (эмоциональная, метафорическая и описательная), объясняющие употребление Овидием цветообозначений в том или ином контексте.

Ключевые слова: Овидий, цветообозначения, «Наука любви», цвет, колоративы, color.

А. А. Solopova
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. scatebrana@gmail.com

Expressive functions of coloratives in Ovid's *Ars Amatoria*

In this article, we consider all the contexts in which color terms occur in Ovid's *Ars Amatoria* and analyze the features of the functioning of color vocabulary. By 'color terms', this article means not only the lexemes used to designate specific colors (so called "coloratives", e.g. 'blue' — 'caeruleus'), but also adjectives with the meaning 'variegated' or 'colorful'; verbs with the meaning 'to color', were also attributed to color designations, since semantically they are inextricably linked with color and often occur with coloratives in the same context. The word 'color' itself is analyzed, as well as contexts in which the colorative is not directly named, but is implied. All instances where coloratives are used, are grouped by color. For the purpose of analysis, we distinguish three functions of color (emotional, metaphorical and descriptive), to explain Ovid's use of color terms in a particular context. Based on the material of the article, as well as past research by the author on Ovid's other works, we identify notable differences in the distribution of coloratives by function across Ovid's works. In *Ars Amatoria*, unlike in his other works, the use of color designations is almost equally balanced between the descriptive and the metaphorical function.

Keywords: Ovid, color terms, coloratives, *Ars Amatoria*, color.

В статье предпринята попытка систематизировать все встречающиеся в «Науке любви» колоративы, а также объяснить, чем обусловлено их использование в каждом из контекстов. Целью предпринятого исследования является выявление особенностей использований колоративов и ответ на вопрос о том, можно ли относить их использование к чертам авторского стиля Овидия, одному из его художественных приемов. В данной статье речь пойдет об использовании цветообозначений в «*Arts amatoria*». Такой метод анализа кажется более удобным по сравнению с анализом каждого из цветов последовательно в каждом из произведений автора, так как рассмотрение цветовой лексики внутри произведения позволяет говорить о применении авторского подхода; о постоянстве применения этого подхода можно говорить после завершения анализа. Все случаи использования колоративов распределены на группы по цветам, внутри каждой группы цветообозначения классифицируются в соответствии с функцией, в которой они употребляются.

Используя классификацию колоративов, разработанную Е. Штенгеловым (Shtengelov 1970: 24–26), мы, несколько изменив ее терминологию, выделяем три основные функции цвета: эмоциональную, метафорическую и описательную. В оригинальной версии классификации метафорическая функция называется смысловой, что кажется нам менее точным. Эмоциональная функция цвета встречается в тех случаях, когда цветообозначение использовано для усиления воздействия на эмоции читателя или же передает эмоции, охватывающие лирических героев. Метафорическая функция подразумевает, что цветообозначение указывает не собственно на цвет описываемого объекта, но что цветообозначение используется метафорически — например, черные одежды подразумевают траур (Kazansky 2022: 217). Описательная функция используется в том случае, когда цветообозначение не имеет эмоциональной или метафорической функции. Распределение колоративов по функциям позволяет структурировать цветовую лексику и рассмотреть ее с точки зрения цели использования. Как правило, удастся выделить одну функцию.

При выделении группы лексем, относящихся к колоративам, мы ориентируемся на значения, приводимые в OLD. Так, у слова *candidus* есть значение «белый»; но имеется также ряд значений, с цветом связанных косвенно или же производных, потерявших цветовую семантику. Слово относится к группе колоративов, но значения вторичные, не имеющие отношения к

цветовому (в тех случаях, когда первично значение цвета), относятся к случаям использования лексемы в метафорической функции. У колоративов, имеющих цветное значение не в качестве первичного (например, *sanguinolentus* — обогранный кровью, окровавленный, цвета крови) цветное значение будет отнесено к случаям использования колоратива в метафорической функции. Контексты же, в которых называется собственно цвет и отсутствуют прочие семантические наслоения, относятся к функции описательной.

Суммарно цвет упоминается в «Науке любви» в 109 случаях. Рассмотрим, каким образом функционируют колоративы, последовательно обсуждая лексемы, относящиеся к конкретным цветам. В скобках после каждого колоратива указывается количество его использований.

Черный

Для обозначения черного цвета Овидий использует лексемы *niger* (7), *ater* (1), *nigresco* (1) — суммарно 9 случаев использования.

Описательная функция (6):

В нескольких контекстах черным называется цвет кожи. Например: *nigris ... ab Indis* ‘от темнокожих индусов’ (Ov. a. a. 1.53) — цвет кожи индусов, от которых была увезена Персеом Андромеда. Андромеда происходит из Эфиопии; Посидоний, ориентировавшийся на тексты Гомера, разделившего эфиопов на западных и восточных, отождествлял восточных эфиопов с индусами (Hollis 1977: 42).

Niger может обозначать загар: *debet et a radiis sideris esse niger* ‘(моряк) должен быть смуглым от лучей солнца’ — *sidus* обозначает здесь Солнце (Vömer 1969: 779) (Ov. a. a. 1.724). *Niger* может обозначать темный (смуглый) цвет кожи девушек: *nigrior Illyrica cui pice sanguis erit* ‘(та), у которой цвет (кожи) чернее илирийской смолы’ (Ov. a. a. 2.658). Примечательно, что лексема *sanguis* используется в значении *color* — это необычное использование, помимо Овидия встречается еще только у Плиния (Plin. ep. 1. 14. 8). Другой случай: *nigrior ad Phari confuge piscis opem* ‘(если ты) смуглая, прибегни к силе Фаросской рыбы’ (Ov. a. a. 3.270) — Овидий иронично дает советы девушкам с темной кожей, которые позволили бы им стать бледнее. Примечательно, что в обоих контекстах используется

сравнительная степень прилагательного: в первом случае — в составе сравнения, во втором — в абсолютном значении.

Черными могут называться испорченные зубы: *niger ... dens* ‘черный зуб’ (Оу. а. а. 3.279) — буквально обозначаются зубы почерневшие, колоратив имеет негативную коннотацию.

Черное пятно на лбу у белого быка: *signatus tenui media inter cornua nigro* ‘бык, помеченный тонким черным пятном между рогов’ (Оу. а. а. 1.291).

Метафорическая функция (2):

‘Черными’ днями Овидием иронично называются праздничные, в которые полагается дарить подарки: *quaque aliquid dandum est, illa sit atra dies* ‘тот, в который нужно что-то дарить, тот день черный’ (Оу. а. а. 1.418).

Лексема *niger* используется по отношению к цвету листвы миртового дерева — *nigraque myrtus* ‘черный мирт’ (Оу. а. а. 3.690). Цветовое значение прилагательного здесь не совпадает с фактическим цветом описываемого объекта; имеется в виду, вероятно, что его листва кажется более темной на фоне цвета листвы лавра. Интересно отметить, что в метафорической функции из колоративов черного цвета используется только лексема *niger*.

Эмоциональная функция (1):

От гнева пухнет лицо и краснеет от прилива крови *ora tument ira: nigrescunt sanguine uenae* — ‘лицо вспухает от гнева: от крови чернеют вены’ (Оу. а. а. 3.503). Контекст достаточно необычен — чаще всего для обозначения гнева используются колоративы красного цвета, Овидий же прибегает к черному. Можно также понимать это использование как подчеркнутую контрастность между цветом покрасневшего лица и вен на нем — необычно сочетание красного и черного цветов.

Темный

Лексемы с таким значением встречаются 7 раз. Встречаются следующие слова: *fusco* — делать темным, чернить (4), *pullum* — темный цвет (1), *opacus* — темный, тенистый (1), *decolor* — потемневший, темный (1).

Описательная функция (5):

Глагол *fusco* может обозначать цвет загара: *fuscentur corpora Campo* ‘темнеют тела на поле’ (Оу. а. а. 1.513) или же темный от природы цвет кожи (Оу. а. а. 2.657, Оу. а. а. 3.191).

По отношению к цвету испортившихся без должного ухода зубов Овидий использует глагол *fusco*: *ne fuscet inertia dentes* ‘да не сделает бездействие темными зубы’ (Оу. а. а. 3.197).

Выражение *nubis opacae* ‘темной тучи’ обозначает тучу, приносящую тень (Оу. а. а. 2.619).

Метафорическая функция (2):

Цвет кожи индуса обозначается лексемой *decolor* ‘темный’ — имеется в виду темный оттенок кожи (Оу. а. а. 3.130).

Темные ткани обозначаются лексемой *pullum*, лексема повторяется в строке дважды: *pulla decent niveas: Briseida pulla decebant* ‘темное подходит белой коже: Брисеиде подобало темное’ (Оу. а. а. 3.189).

Белый

Для обозначения белого цвета Овидием используются следующие колоративы: *eburnus* (3), *niveus* (4), *candidus* (7), *canus* (2), *albus* (2), *albens* (1), *pallidus* (2), *marmoreus* (2), *candor* (2), *canities* (1), *palleo* (4), *pallesco* (1), *caneo* (2), а также описательные конструкции, в которых не используется колоратив, но подразумевается белый цвет. Суммарно белый цвет обозначается 33 раза колоративами и 1 раз передается описательно.

Описательная функция (13):

Одной из самых трудных для обсуждения групп колоративов являются слова, способные одновременно обозначать материал и цвет (*augeus*, *marmoreus*, *eburneus*). Если обратиться к OLD, для каждого из этих слов есть вариант перевода, предусматривающий обозначение только цвета, то есть лексемы допустимо включать в группу колоративов. В тех же случаях, когда использование обозначает материал, но его именование не противоречит по смыслу цветовому значению, кажется разумным считать такие употребления использованиями описательной функции колоратива. Точно так же, как использование лексемы *gubog*, имеющей в качестве первичного значения цветочное, например, «стыд», не исключает лексему из группы коло-

ративов. Визуальное впечатление от мрамора или золота, а также стремление древних включить характеристики фактуры в цветообозначение позволяют сделать вывод о том, что в диаде цвет-материал в словосочетаниях вроде *marmorea templa* как правило нельзя исключить одну из составляющих. Мы исходим из того, что материал будет обозначаться обсуждаемыми ниже лексемами в тех случаях, когда присутствует компонент противопоставления (глиняные/золотые вазы, золотые/серебряные монеты). Помимо этого, перечисленные ниже лексемы могут встречаться не только в контекстах, где цветовое значение дублирует значение материала и совпадает с ним.

Лексема *marmoreus* используется по отношению к театру: *marmoreo ... theatro* 'в мраморном театре' (Ou. a. a. 1.103). Обозначается материал, из которого сделан театр, но также и белый цвет. Аналогичное использование: *marmoreis referant audita theatris* '(которые) доводилось слушать в мраморных театрах' (Ou. a. a. 3.317).

Колоратив белого цвета встречается по отношению к статуям богов: *caelestibus ... eburnis* 'ослепительным изображением богов' (Ou. a. a. 1.147).

При описании игральных костей встречается лексема *eburnus: seu ludet, numerosque manu iactabit eburnos* 'или играет, бросая рукой кости' (Ou. a. a. 2.203). Колоратив обозначает материал, но также и цвет.

Седыми называются волосы: *cani ... capilli* (Ou. a. a. 2.117). В аналогичном контексте используется лексема *albens: albentes ... comas* (Ou. a. a. 2.666), *quasque fuisse tibi canas a uirgine iuras* 'и (волосы,) которые, как ты клянешься, были седыми с юности' (Ou. a. a. 3.75), *canities* 'седина' (Ou. a. a. 3.163).

Встречается следующий контекст: *alba decent fuscas* 'светлые цвета подходят темнокожим' (Ou. a. a. 3.191). Колоративом белого цвета обозначаются одежды. В качестве примера приводится Андромеда — в той же строке *albus* повторяется: *albis, Cephei, placebas* 'белыми (одеждами) ты нравилась, дочь Кефея' (Ou. a. a. 3.191). Белые одежды Андромеды можно также понимать как символизирующие ее жертвенность.

Белым называется снег: *candida ... niues* (Ou. a. a. 2.232), чеснок: *candidus ... bulbus* (Ou. a. a. 2.421–422), пепел: *canet in igne cinis* 'пепел седеет в огне' (Ou. a. a. 2.440).

Эмоциональная функция (6):

Pallidus в нескольких контекстах обозначает бледность от любви: *pallidus ... Orion* ‘бледный (от любви) Орион’ (Ou. a. a. 1.731). По той же причине бледен и Дафнис: *pallidus ... Daphnis erat* (Ou. a. a. 1.732). Обозначается бледность от ревности: *palleat indicio criminis illa tui* ‘пусть побледнеет от признаков твоего проступка’ (Ou. a. a. 2.446), *palluit* (Прокрида бледнеет от ревности) (Ou. a. a. 3.703). Бледность от страха: *pallentes isto terrore puellas* ‘бледные из-за этого страха девушки’ (Ou. a. a. 3.487).

Бледность Ариадны в одном контексте передается описательно, колоратив не встречается: *nullus in exanimi corpore sanguis erat* ‘не осталось ни капли крови в ослабевшем (от страха) теле’ (Ou. a. a. 1.540). *Nullus sanguis* обозначает бледность — используется конструкция с отрицанием.

Метафорическая функция (17):

Белыми названы паруса: *candida cum rapta coniuge uela dedit* ‘белые паруса, увозя похищенную супругу’ (Ou. a. a. 2.6). Белый цвет парусов символизирует здесь успешно завершившееся предприятие.

Есть и контекст, связанный с магией: *nec data profuerint pallentia philtre puellis* ‘не пойдет на пользу (девушкам) принимать любовные напитки, приносящие бледность’ (Ou. a. a. 2.105). Колоратив обыгрывает здесь *pallor amantium* и используется в активном каузативном смысле.

Ослепительно-красивой названа шея ревнивой возлюбленной — колоративом передается ее красота: *candida ... colla* (Ou. a. a. 2.457).

Используется и лексема *pallida* для обозначения цвета кожи — с негативным оттенком, так обозначается нездоровая бледность (Ou. a. a. 3.269).

Candidus может также использоваться и в негативном смысле; так, для участвующего в состязаниях белый цвет кожи неприличен: *candida si fuerint corpora, turpis eris* ‘если будет белым твое тело — позор’ (Ou. a. a. 1.728). Влюбленному же, напротив, бледность подобает: *palleat omnis amans: hic est color aptus amanti* ‘пусть будет бледен влюбленный — для него это подходящий цвет лица’ (Ou. a. a. 1.729).

Candor обозначает белый (вместе с тем и прекрасный) цвет лица девушек: *scitis et inducta candorem quaerere creta* ‘вы

умеете и, применив мел, добиться белоснежного цвета кожи' (Ou. a. a. 3.199). Аналогичный контекст (речь снова о цвете кожи девушек): *niueae* 'белоснежные' (Ou. a. a. 3.309).

Candor может обозначать также цвет лица, покрытого белилами: *cur mihi nota tuo causa est candoris in ore?* 'зачем мне понимать, почему бело твое лицо?' (Ou. a. a. 3.227).

Albentesue rosas '(эта дева напоминает) беловатые розы' (Ou. a. a. 3.182) — любопытно, что таким способом Овидий описывает цвета одежд дев: приводится объемное перечисление, в котором ткани сравниваются по цветам с разнообразными объектами. *Albens* обозначает здесь бледноватый оттенок белого цвета, склоняющийся к серому.

Овидий полагает, что темные оттенки тканей подходят девам с бледной кожей: *pulla decent niueas* 'темное подходит светлокожим' (Ou. a. a. 3.189). *Niueus* по отношению к цвету кожи имеет положительную коннотацию.

Чтобы скрыть недостаточно красивую форму ноги, Овидий предлагает обуться в белоснежные башмаки: *in niuea ... aluta* (Ou. a. a. 3.271). *Niueus* обозначает здесь 'прекрасный' — 'в прекрасную кожу'.

В переносном смысле и колоратив *candidus* обозначает 'прекрасный', 'подобающий': *candida pax* 'безмятежный мир' (Ou. a. a. 3.502). Овидий ссылается здесь на золотой век; подобная сочетаемость редка, встречается еще только дважды (Tib. 1.10.45, Calp. Ecl. 1.54).

С наступлением зимы 'бледнеют листья': *pallescent frondes* (Ou. a. a. 3.704). Колоратив встречается через строку после упоминания того, как Прокрида бледнеет от ревности — Овидием сравнивается ее бледность с бледностью листвы. *Canent* употребляется, обозначая цвет листвы: *hos ego, qui canent, frutices uiolaria uidi* 'эти седые кусты я видел, пока они цвели фиалками' (Ou. a. a. 3.67). Колоратив обозначает, что листья теряют прежнюю свежесть, и выражает, таким образом, не только лишь цвет.

Прекрасны белые кони: *quattuor in niueis aureus ibis equis* 'на четырех белоснежных конях ты, золотой, отправишься в путь' (Ou. a. a. 1.214), бык — *candidus ... taurus erat* 'белоснежным был бык' (Ou. a. a. 1.290).

Красный

Красный цвет передается следующими лексемами: *ruber* (1), *purpureus* (7), *murex* (2), *concha* (2), *rubor* (2), *sanguinolentus* (2),

roseus (1), *rubeo* (3), *subrubeo* (1), *rubicundus* (1), *maculosus sanguine* (1). Суммарно 22 использования с участием колоративов, в одном случае обозначается цвет без использования колоратива.

Описательная функция (4):

Колоратив используется для обозначения цвета шафрана: *liquido ... rubra croco* ‘жидким рыжеватым шафраном’ (Оу. а. а. 1.104).

Purpureas amethystos ‘пурпурные аметисты’ (Оу. а. а. 3.181) — колоративом обозначается цвет дорогостоящих аметистов, которыми можно украсить свой наряд (лексема *amethystus* встречается здесь у Овидия впервые в латиноязычной литературе, в дальнейшем встречается редко (Gibson 2003: 168)).

Упоминается ‘песок, запятнанный кровью’ — *maculosae sanguine harenae* (Оу. а. а. 3.395). Роль колоратива здесь выполняет лексема *maculosus*, в сочетании с *sanguine* ясно, что подразумеваются пятна красноватого цвета на песке.

‘Холмы Гимета покрыты цветами пурпурного цвета’: *purpureos colles florentis Hymetti* (Оу. а. а. 3.687). Интересно, что грамматически *purpureus* относится к слову ‘холмы’, такой сочетаемости больше нигде у Овидия не найти.

Эмоциональная функция (1):

В контексте, где *hibo* обозначает ‘стыд’, речь идет о Луне: *rubori ... deae* ‘стыду богини’ (Оу. а. а. 3.83–84).

Метафорическая функция (17):

Purpureus ... Amor ‘пурпурный Амур’ — колоратив используется как эпитет Амура, т.к. пурпур ассоциируется с могуществом и богатством (Оу. а. а. 1.232).

Пурпурные ракушки называются в качестве источника пурпурной краски: *lectaque diuerso litore concha uenit* ‘являются собранные на различных берегах ракушки (пурпурной улитки)’ (Оу. а. а. 3.124). Цвет, таким образом, передается косвенно.

Волос Ниса пурпурного цвета: *purpureos capillos* ‘пурпурного цвета волос’ (Оу. а. а. 1.331). Пурпурный — необычное обозначение цвета волос. Цвет пурпура обычно подразумевает роскошь или высокое социальное положение, поэтому мог быть употреблен применительно к Нису. Кроме того, он подчеркивает уникальную значимость волоса: от него зависят жизнь самого Ниса, а также благополучие Мегары.

‘Окрашенная пурпуром шерсть’ *tincta murice lana* (Ov. a. a. 1.251) отсылает к дорогой, окрашенной в пурпурный цвет ткани. Аналогичное использование: *Tyrio murice, lana, rubes* ‘краснеешь ты, шерсть, тиррийской краской’ (Ov. a. a. 3.170). В этом же контексте встречается и колоратив *rubeo*. Цвет ткани передается и лексемой *purpureus*: *purpureis spargat sua corpora uirgis* ‘пусть украшает свое тело пурпурными полосками ткани’ (Ov. a. a. 3.269).

Rosea dea ‘розовеющая богиня’ обозначает Аврору, служит ее эпитетом — Овидий отсылает к гомеровскому эпитету ῥοδοδάκτυλος ‘розовоперстый’ (Ov. a. a. 3.84).

Румянец, который считался прекрасным на белоснежном лице, те, кому он не дан природой, придают себе искусственно: *sanguine quae uero non rubet, arte rubet* ‘та, что не румяна от природы (букв. ‘благодаря крови’), румяна благодаря искусству’ (Ov. a. a. 3.200). *Rubet* повторяется дважды и обозначает румянец, присутствует также уточняющая значение лексема *sanguine*.

Sangionolentus используется в метафорическом смысле — колоратив обозначает нечто наподобие ‘жестокий’ (Ov. a. a. 3.242).

Rubicunda обозначает румянец и пышное телосложение умброской женщины (Ov. a. a. 3.303).

Nec rubor est emisse ‘в этом нет никакого стыда’: в данном контексте слово *rubor* фактически заменяет собой лексему *pudor* (Ov. a. a. 3.167).

‘Окрашивать пурпурным вином’ *plenaque purpureo subrubet uua tero* (Ov. a. a. 2.316): в одном контексте встречаются сразу два колоратива красного цвета. Используется колоратив метафорически — окрашивается ‘наиболее прекрасное время в году’.

Желтый

Встречаются следующие колоративы желтого цвета и его оттенков, а также колоративы золотого цвета: *crocum* (3), *croceus* (2), *aureus* (3), *fuluus* (2), *flauus* (1). Суммарно 11 использований.

Описательная функция (8):

Crocum обозначает собой цвет шафрана, который разбрызгивают на празднестве: *nec fuerant liquido pulpita rubra croco* ‘не было на подмостках жидкого рыжевато-шафрана’ (Ov. a. a.

1.104). В этом же контексте используется колоратив *ruber*, обсужденный выше.

Волосы Ариадны называются лексемой *croceus*: *croceas comas* ‘шафранового цвета волосы’ (Оу. а. а. 1.530).

‘Коричневатым’ называется вепрь: *fuluus aper* (Оу. а. а. 2.373).

Колоратив используется по отношению к пиретру при приготовлении снадобья: *flaua pyrethra* ‘желтый пиретр’ (Оу. а. а. 2.418). Такое сочетание встречается только здесь.

Желтым Овидий называет цвет плаща при перечислении одежд разных цветов: *croceo uelatur amictu* ‘окутывается желтым плащом’ (Оу. а. а. 3.179). Традиционно желтый считается красивым, соблазнительным цветом (в гомеровской традиции), здесь же Овидий пишет о том, что каждая должна носить цвет, подходящий ей. В этой же строке колоратив желтого цвета упоминается еще раз: *ille crocum simulat* ‘этот напоминает шафран’ (Оу. а. а. 3.179). *Crocum* обозначает здесь, вероятно, краску желтого цвета, которой (по цвету же) подражает плащ.

Упоминаются Овидием и желтые тени для век: *uel prope tenato, lucide Cydne, croco* ‘или шафраном, рожденным тобой, прозрачный Кидн, недалеко’ (Оу. а. а. 3.204). Имеются в виду, вероятно, тени оттенка натурального, близкого к цвету кожи.

Fuluis ... uillis ‘рыжим руном’ — так называет Овидий золотое руно (Оу. а. а. 3.335). Эта лексема часто используется для обозначения золотого цвета.

Метафорическая функция (3):

Aureus ‘золотой’ относится к лирическому герою, имеются в виду богатые, украшенные золотом одежды (Оу. а. а. 1.214).

Aurea lora ‘золотые побеги’ (Оу. а. а. 1.550) обозначаются виноградные лозы, из которых состоит венок Диониса. Колоратив здесь, вероятно, является эпитетом божества.

‘Золотым’ называется Рим — *aurea Roma* (Оу. а. а. 3.113). Такое наименование означает ‘прекрасный, превосходный’, что возможно в истоке отсылает нас к идее о золотом веке человечества; неясно, подразумевал ли эту идею Овидий, когда он называет Рим в его современном виде прекрасным.

Зеленый

Для обозначения оттенков зеленого в «Ars amatoria» встречаются лексемы *uiridis* (6), *uireo* (1). Суммарно 7 употреблений.

Описательная функция (5):

Зеленым назван цвет моря: *nec semper uiridi concaua puppis aquae* ‘не всегда по зеленой воде (несется) полый корабль’ (Ou. a. a. 1.402), *clausurunt uirides ora loquentis aquae* ‘зеленые воды закрыли уста (еще) говорящего (Икара)’ (Ou. a. a. 2.92), *quos legit in uiridi decolor Indus aqua* ‘(камни), которые черный индус собирает в зеленой воде’ (Ou. a. a. 3.130). Использование этой лексемы для обозначения цвета воды не совсем обычно, чаще встречается *caeruleus*; по отношению к цвету воды можно говорить о взаимозаменяемости этих лексем — в той же сочетаемости мы видим использование слова *caeruleus*, например, несколькими строками выше (Ou. a. a. 3.126).

Как зеленый обозначается цвет дерна: *uiridi caespite* ‘зеленым дерном’ (Ou. a. a. 3.688).

Глагол *uireo* используется по отношению к злакам: *hac bene farra uirent* ‘так хорошо зеленеют хлеба’ (Ou. a. a. 1.758).

Метафорическая функция (2):

Зелеными называются листья деревьев: *dum nouus in uiridi coalescit cortice ramus* ‘пока в зеленой коре прорастает новая ветвь’ (Ou. a. a. 2.649). Имеется в виду свежая кора, на которой сделан надрез. В этом контексте можно также усмотреть сравнение свежего побега с новой любовью.

Колоратив зеленого цвета используется по отношению к юным людям: *uiridemque iuuentam* ‘зеленая молодежь’ — речь о том, что для искушения юношей и более зрелых мужчин следует использовать разные средства (Ou. a. a. 3.557). Такое же сочетание встречается не только здесь, но и, к примеру, у Вергилия (Verg. *Aen.* 5.295).

Синий

Синий цвет отражаен лексемой *caeruleus* (1) и ее усеченной формой *caerulus* (2) — всего 3 случая.

Описательная функция (2):

Синими Овидий называет оливковое дерево — колоратив относится к цвету его листвы: *caerula quot bacas Palladis arbor habet* ‘сколько плодов дает синеватое дерево Паллады’ (Ou. a. a. 2.518).

Синим называется цвет моря, в которое падает Икар: *caeruleae ... aquae* 'лазурная вода' (Оу. а. а. 3.126) — Овидий варьирует выбор лексем в схожих контекстах.

Метафорическая функция (1):

Синими называются волосы Посейдона, это частое использование данного колоратива в качестве эпитета морского божества: *coma ... caerulea* 'синие волосы' (Оу. а. а. 1.224).

Color

Лексема *color* 'цвет' встречается в «Науке любви» 11 раз.

В большинстве контекстов речь идет о цвете кожи или же об его изменениях в результате воздействия на человека эмоций.

Описательная функция (2):

В одном контексте *colores* обозначают краски: *cum tot prodierint pretio leuiore colores* 'при том, что есть краски и намного более дешевые' (Оу. а. а. 3.171).

Цвет может обозначаться и описательно с использованием лексемы *color*. Например: *aeris, ecce, color, tum cum sine nubibus aer* 'вот цвет неба, когда воздух лишен облаков' (Оу. а. а. 3.173). Имеется в виду голубой цвет.

Эмоциональная функция (4):

Сабинянка бледнеет от страха: *constitit in nulla qui fuit ante color* 'не стало ни у одной цвета, который был прежде' (Оу. а. а. 1.120). Бледность Ариадны обозначается следующим образом: *et color et Theseus et vox abiere puellae* 'и цвет (лица), и Тезей, и голос покидают деву' (Оу. а. а. 1.551). Дева бледнеет, узнав об измене; цвет уходит с ее лица: *color fugit* 'цвет сбежал (с лица)' (Оу. а. а. 2.450).

Румянец возвращается к Прокриде: *et mens et rediit uerus in ora color* 'вернулись и разум, и обычный цвет лица' (Оу. а. а. 3.730). Это передается словосочетанием *color uerus* — 'истинный', т. е. обычный цвет лица, румянец.

Метафорическая функция (5):

Моряку не полагается иметь белый цвет кожи — следует быть загорелым; встречается словосочетание *candidus color* (Оу. а. а. 1.723). Лексема *color* используется вместе с колоративом, обозначающим цвет; обозначается отсутствие загара. Тем-

ный цвет кожи может обозначаться лексемой *color* без использования какого-либо колоратива (Ou. a. a. 2.643). *Color* может также обозначать загар (Ou. a. a. 2.504).

Color aptus ‘подходящий цвет (лица)’ (Ou. a. a. 1.729) для влюбленного — бледность. В этой же строке встречается глагол *palleo* — ‘бледнеть’.

Цвет кожи также может называться *melior color* ‘лучший цвет’ (Ou. a. a. 3.164). Имеется в виду естественный цвет лица по сравнению с тем, каковой получает лицо, покрытое косметикой.

Tingo (1)

Важным, если речь идет о колоративах, является глагол *tingo* ‘окрашивать’. Он встречается один раз.

Описательная функция:

Упоминается *tinctorum lana* ‘шерсть, окрашенная пурпуром’ (Ou. a. a. 1.251); в том же контексте встречается и колоратив красного цвета.

Выводы

Итак, рассмотрим распределение колоративов по функциям в целом, переходя затем к обсуждению распределения у каждого конкретного цвета. Суммарно колоративы встречаются в «Науке любви» 109 раз и распределяются практически поровну между описательной (46 случаев) и метафорической (50 использований) функциями. В эмоциональной функции встретилось 12 использований. Отсутствуют использования в эмоциональной функции для темного цвета, желтого, зеленого и синего цветов, а также для лексемы *tingo*. У лексем *tingo* и колоративов темного цвета встречаются использования только в описательной функции.

Большинство контекстов, в которых фигурируют колоративы черного цвета (суммарно встретилось 9), относятся к описательной функции — 6 использований. Обозначаться может цвет смуглой или загорелой кожи, испорченных зубов, цвет темного пятна на лбу быка, цвет листьев миртового дерева. К метафорической функции относится 2 использования, к описательной — одно. Можно отметить также разницу в использовании между лексемами *ater*, *niger* — первая используется намного реже и встречается в меньшем количестве сочетаемостей; в

«Ars Amatoria» встретилось ее использование только в метафорической функции.

Колоративы темного цвета используются в описательной (5) и метафорической функциях (2). Ими обозначается цвет тканей, загара, зубов, не получающих должного ухода.

Количество использований колоративов белого цвета распределяется практически поровну между описательной (13 использований) и метафорической (18 случаев) функциями. Контекстов, в которых используется эмоциональная функция, 6. В описательной функции колоративы белого цвета могут обозначать белые объекты, при этом колоративом называется и материал: игральные кости, мраморное здание театра, статуи богов. Белыми называются также снег, чеснок, пепел; седые волосы; одежды белого цвета.

В эмоциональной функции цветообозначения белого цвета могут обозначать бледность от любви, ревности или страха.

К метафорической функции относится большинство использований. Колоративы используются по отношению к цвету кожи: бледной, не покрытой загаром; бледной от любви; прекрасной; увядшей; кожи, покрытой белилами. Могут они относиться к цвету бледноватых листьев, могут обозначать масть лошади.

Колоративы красного цвета используются преимущественно в метафорической функции (17) и относятся к людям. Могут они относиться к цвету лица, обозначая как *rubor pudicus* (эмоциональная функция), так и румянец пышущего здоровьем человека, а также румянец, искусственно нанесенный при помощи косметических средств. Примечательно, что, несмотря на тематику произведения, контекст, в котором упоминается *rubor pudicus* всего один — в других трудах Овидия их количество намного значительнее. Лексема *sanguinolentus* встречается в значении ‘жестокий’. Красный в метафорической функции может являться эпитетом Авроры или Амура, а также обозначать цвет объектов, окрашенных в красный цвет и его оттенки. В метафорической функции часто обозначается дороговизна — связано это с дороговизной самой пурпурной краски. В описательной функции (4 случая) колоративы красного цвета отмечают цвет крови, цвет цветов, цвет аметиста.

Колоративы желтого цвета не встречаются в эмоциональной функции. Все использования в метафорической функции относятся к использованию лексемы *aureus*. В метафорической функции золотой цвет обозначает великолепие Рима, является эпите-

том Диониса и отмечает роскошь одежд юноши. В описательной функции могут обозначаться цвет одежд, шафрана, тений для век, золотого руна, светло-русый цвет волос.

Колоративы зеленого цвета не встречаются в эмоциональной функции. Суммарно 7 использований, 5 из них приходится на описательную функцию, 2 — на метафорическую. В описательной цветообозначения отмечают цвет воды, дерна, хлебов. В метафорической обозначается свежая кора, колоратив *viridis* используется как эпитет юношей.

Суммарно 3 использования колоративов синего цвета. Ни один из них не встречается в эмоциональной функции. В описательной синий может обозначать цвет листвы оливкового дерева или морской воды. В метафорической — определять цвет волос Посейдона.

В эмоциональной функции лексема *color* обозначает бледность, если используется с отрицанием или глаголами с семантикой, например, 'исчезать', 'убегать' (*color fugit* 'цвет сбежал с лица' (Ов. а. а. 2.450)). *Color uerus* 'истинный цвет' может обозначать натуральный румянец. В метафорической функции — к ней относится большинство использований — может обозначаться цвет кожи, в этих случаях *color* используется с определением — *color candidus* 'прекрасный цвет лица', *color aptus* 'подходящий цвет лица'. Без использования определения *color* может обозначать темный цвет кожи. В описательной функции лексема обозначает собственно цвет или используется в значении 'краска'.

Можно отметить, что распределение по функциям значительно варьирует у Овидия от произведения к произведению: как правило, использований в эмоциональной функции меньше всего, а в метафорической функции — больше всего (так происходит, например, в «Метаморфозах», «Героидах» и «Любовных элегиях»). Использование описательной и метафорической функций распределилось практически поровну.

Литература

- André, J. 1949: *Étude sur les termes de couleur dans a langue latine*. Paris: Klincksieck.
- Bömer, F. 2006: *P. Ovidius Naso. Metamorphosen. Kommentar*. Heidelberg.
- Bradley, M. 209: *Colour and Meaning in Ancient Rome*. Cambridge.
- Brunelle, C. M. 2015: *Ovid. Ars Amatoria*. Book 3. Oxford.
- Gibson, R. K. 2003: *Ovid. Ars Amatoria*. Book 3. Cambridge.

- Glare (ed.). 1982: *Oxford Latin Dictionary*. Edited by P. G. W. Glare. Oxford.
- Hollis, A. S. 1977: *Ovid. Ars Amatoria*. Book I. Oxford.
- Janka, M. 1997: *Ovid. Ars Amatoria*. Buch 2. Kommentar. Heidelberg.
- Kazansky, N. N. 2022: *Problemi leksikologii latinskogo yazyka [Issues on lexicology in Latin language]*. St. Petersburg.
Казанский, Н. Н. 2022: *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.
- Shtengelov, E. 1970: [Colour in fiction literature]. *Nauka i zhizn'* [*Science and life*] 8. 24–26.
Штенгелов Е. Цвет в художественной литературе. *Наука и жизнь*. 1970. № 8. 24–26.

Cl. M. Taulli

Università Statale di San Pietroburgo, Russia. ctaulli2007@hotmail.it

IL LESSICO DEL GRECO MARIUPOLITANO: TRA GRECO, LINGUE TURCICHE E RUSSO

This article is intended to give a brief overview of the lexicon of Mariupolitan Greek. In the first part we will focus on the Greek lexicon, which is the majority, by paying particular attention to the phonetic and morphological changes in the transition from Medieval Greek to Mariupolitan Greek. In the second part of the article, however, an attempt was made to analyse, as far as possible, the phenomenon of language borrowing from both Turkic and Russian languages, by focusing on the phenomenon of readaptation to the “recipient” language from the phonetic and morphological point of view and by proposing, as far as possible, an approximate date. As regards borrowings from the Russian language, the phenomenon of the coexistence of two words, one Greek and one Russian, to indicate the same referent, has been highlighted, by confirming the fact that Mariupolitan Greek is gradually being lost, since the number of speakers is now extremely small and has a limited linguistic competence.

Keywords: Mariupol', greco, turco, russo, prestito, lessico.

Claudio Marcello Taulli

Saint Petersburg State University, Russia. ctaulli2007@hotmail.it

Лексикон мариупольского греческого: между греческим, турецким и русским языками

В данной статье представлен краткий обзор лексики диалекта приазовских греков. В первую очередь рассматриваются греческие лексемы, составляющие большую часть словарного состава диалекта. Особое внимание уделяется фонетическим и морфологическим изменениям от средневекового греческого языка к особенностям диалекта. Во второй части статьи предпринята попытка проанализировать заимствования из крымско-татарского и русского языков, оказавших значительное влияние. Приспособление заимствованных лексем к языку-«реципиенту» в ряде случаев позволяет предложить приблизительную дату заимствования.

Для заимствований из русского языка часто отмечается сосуществование двух слов — греческого и русского, для обозначения одного и того же понятия, что подтверждает факт постепенной утраты владения языком, поскольку число носителей мариупольского

диалекта уменьшается, и уже сейчас большинство из них имеет ограниченную лингвистическую компетенцию.

Ключевые слова: Мариуполь, греко, турко, русский, престо, лексико.

Questo articolo si prefigge come obiettivo quello di analizzare la struttura del lessico del greco mariupolitano, ponendo attenzione tanto alla matrice greca originaria quanto alle lingue con le quali è venuto a contatto. La prima parte di questo contributo, infatti, è dedicata al lessico di origine greca, che si caratterizza per la straordinaria conservatività rispetto al greco medievale, come dimostrato dai mutamenti fonetici e morfologici riportati. La seconda parte, invece, si focalizza precipuamente sul fenomeno dei prestiti dalle lingue che storicamente hanno influenzato il greco di Mariupol', cioè le lingue turciche e il russo. In questo frangente, viene messo in luce il fenomeno di coesistenza in contemporanea di parole greche e parole russe per il medesimo referente, sintomo di un progressivo deterioramento di questa lingua, dovuto alla scarsa competenza linguistica dei parlanti.

1.1 Il lessico mariupolitano di origine greca

Il lessico rappresenta, come accade assai di frequente, una delle parti della lingua che più è intaccata dai fenomeni di contatto linguistico. Se nella prima parte del suo lungo cammino, infatti, il greco mariupolitano è stata pesantemente influenzato dalle lingue turciche, soprattutto da turco e tataro di Crimea, negli ultimi 200 anni un ruolo di primo piano ha assunto la lingua russa che, per ragioni sia politiche sia economiche, è riuscita a penetrare pesantemente nei vari livelli della lingua¹. Questa lingua, dunque, ha recepito in maniera costante nuove parole, adattandole talvolta sia foneticamente sia morfologicamente alla matrice greca originaria.

Le parole di origine greca, infatti, costituiscono una percentuale oscillante tra il 70 e l'80% del lessico del greco mariupolitano e possono essere raggruppate in base all'assenza o alla presenza di mutamenti fonetici o morfologici peculiari che sono caratteristici del passaggio delle parole da greco medievale a greco mariupolitano².

Una prima categoria può essere individuata nelle parole che non hanno subito alcun mutamento e si sono conservate tali sia nel greco medievale sia nel greco mariupolitano e sono rimaste immutate anche nel greco moderno standard come στόμα, ψέμα, γαμπρός e παππάς.

¹ Chasiotis 1997: 43–54.

² Pappou-Žuravliova 1999: 671–673.

La seconda categoria raccoglie, invece, tutte quelle parole che hanno subito cambiamenti fonetici che sono caratteristici del greco mariupolitano e che possono anche divergere pesantemente tra un idioma locale e l'altro³:

κουπάδ', κουπάθ'	⟨ κοπάδιν	gregge
μιγαλώνου	⟨ μεγαλώνω	crescere

La terza categoria è formata da tutte quelle parole che subiscono cambiamenti di tipo morfologico. Di questi il prevalente è il metaplasmo di genere che vede il passaggio di nomi di genere maschile e femminile al genere neutro:

του φούρνου	⟨ ο φούρνος	forno
του αλεπού	⟨ η αλεπού	volpe

Il lessico mariupolitano sembra, inoltre, essere estremamente ricco di arcaismi:

ψειρού	⟨ ἐπιχειρῶ	tentare
χτηνό	⟨ κτήνος	animali
ραθ'	⟨ οὐράδιον	coda

È bene sottolineare, però, che non si tratta di sopravvivenze di una fase arcaica della lingua⁴. Si tratta, invece, di parole provenienti dal greco pontico che è una delle varietà di greco più conservative tuttora esistenti, in virtù del fatto che questa lingua ha cominciato ad avere un corso indipendente già a partire dallo XI sec⁵.

La vastità del lessico greco mariupolitano permette, inoltre, di classificare le parole in base alla loro categoria semantica, dimostrando in maniera ancora più evidente l'aderenza di questa lingua alla matrice greca originaria⁶.

Un primo gruppo di sostantivi è dato dai nomi di animali che dimostrano di essersi conservati sostanzialmente intatti nel lungo periodo, subendo, come di consueto, i mutamenti fonetici del dialetto mariupolitano:

σκανδέχοιρου,	σκανδέχουρ	⟨ ἀκανθόχοιρος	riccio
χοιρίθ', χοιρίδ'	⟨ χοιρίδιον		maiale
χλιδόν, χιλδόν	⟨ χελιδόνιον		rondine

Oltre ai nomi di animali, risultano di rilievo, in ragione della loro origine greca, i nomi di piante:

³ Per gli idiomi del dialetto mariupolitano. Cfr. Karpozilos 1986: 107–109 e Pappou-Žuravliova 1995: 178–180.

⁴ Henrich, Pappou-Žuravliova 2003: 128–144.

⁵ Mackridge 1991: 335–339.

⁶ Pappou-Žuravliova 1999: 674.

κουρμύθ', κρουμύδ'	⟨ κρομμύδιον	cipolla
διτρώ	⟨ δενδρόν	albero

Per lo stesso motivo, si possono aggiungere a questi i nomi che indicano oggetti di uso quotidiano:

ναυλή	⟨ αυλή	cortile
μαχάιρι	⟨ μαχαίριον	coltello
ψουμί	⟨ ψωμίον	pane

Le parole greche risultano assai preponderanti anche nell'ambito dei fenomeni naturali e dei periodi di tempo:

άνιμος	⟨ άνεμος	vento
ήλος	⟨ ήλιος	sole
σίφιφ', σίνιφου	⟨ σύννεφο ⟨ σύννεφος	nuvola
άνοιξ', άνοιξη	⟨ άνοιξη ⟨ άνοιξις	primavera
Κιρική, Κιρκή	⟨ Κυριακή	domenica

Si sono conservate nel greco mariupolitano anche tutte quelle parole che descrivono i rapporti di parentela tra i vari componenti di una famiglia. Bisogna, però, specificare che in questo campo molte parole greche sono state sostituite da prestiti derivanti dalle lingue turciche⁷:

αδρφός, αδριφός	⟨ άδελφός	fratello
πιθρός	⟨ πεθερός	suocero
μάννα	⟨ μάμμα	mamma

1.2 I prestiti: un fenomeno di contatto tra lingue turciche e russo

Il fenomeno del prestito è uno dei più caratteristici del greco mariupolitano e è frutto, come si è già anticipato precedentemente, della lunga coesistenza di questa lingua con le lingue turciche e con il russo nelle medesime aree geografiche: l'incontro e lo scontro di popolazioni favoriscono, infatti, una contaminazione, talvolta reciproca e talvolta unilaterale, tra le lingue.

Il greco mariupolitano, trovandosi per secoli in posizione subalterna rispetto al turco e al tataro, lingue dei nuovi padroni della Crimea dopo la conquista ottomana della fine del XV sec., ha recepito in maniera costante nuovi prestiti da queste due lingue. L'influenza linguistica, determinata in buona parte da ragioni politiche ed economiche nei confronti dei nuovi dominatori della penisola, fu tale che non soltanto la lingua greca ebbe sostanziali modifiche, soprattutto a livello lessicale, ma anche che una parte della popolazione di lingua greca decise

⁷ Pappou-Zuravliova 1999: 675.

consapevolmente di abbandonare la propria lingua madre in favore del tataro, dando origine ad una lingua di intersezione con il greco, quale è la lingua urum.

È importante aggiungere, inoltre, che risulta complesso stabilire esattamente quando le singole parole di origine turcica siano entrate nel lessico mariupolitano: il periodo di tempo in questione è assai lungo e oscillante tra i 300 e i 500 anni, se si considerano anche i contatti più antichi tra queste lingue⁸.

Un parametro che potrebbe essere utile, almeno in parte, per stabilire il momento di maggior affluenza di prestiti turcici potrebbe essere rappresentato dai mutamenti fonetici, analoghi alle parole di origine greca, a cui queste parole sono sottoposte, quando vengono accolte stabilmente nel lessico mariupolitano⁹:

[e] } [i]:	bela } μπίλα	dolore ¹⁰
	bereket } μπιρικέτ	fertilità
	пенжере } πιντζέρε	finestra

[o] } [u]:	тумалак } τουμαλάχης	mancino ¹¹
	бүя } μπούγια	colore
	бога } μπούγα	toro

[k] } [t̪] / [t̪ ^{si}] } [t̪]:	tufeki } τουφεκ' }	τουφετ' fucile ¹²
	belkini } μπέλκ'ιμ' }	μπέλτ'ιμ' forse
	aliket } αλικέτ }	αλιτ'έτ tromba d'aria

Se si può ipotizzare che gli stessi mutamenti fonetici nelle parole greche possono aver avuto luogo negli ultimi secoli dell'età bizantina, si potrebbe supporre che lo stesso fenomeno possa aver intaccato anche i prestiti da altre lingue, diffondendosi progressivamente alle nuove parole che entravano a far parte del lessico.

Questo sistema indubbiamente non permette di fornire una datazione precisa delle singole parole ma, quanto meno, riesce a collocarle successivamente rispetto ai fenomeni di chiusura vocalica e di palatalizzazione di [k] di fronte alle vocali [e] e [i]. A riprova della vasta diffusione di questo fenomeno è il caso della parola turca *kasevet* «sofferenza» che viene recepita nel greco mariupolitano come χασιβέτ:

⁸ Pappou-Žuravliova 1999: 676.

⁹ Simeonidis, Tompaidis 1999: 25–30.

¹⁰ I primi sono prestiti dalla lingua turca, mentre il terzo deriva dal tataro.

¹¹ Sono tutti tatarismi.

¹² È un prestito dal turco, come i due seguenti.

si tratta di una parola che, seppur entrata molto tardi nel lessico di questa lingua, mantiene comunque la chiusura di [e] in [i]¹³.

L'interesse per questa parola non è solamente legato al mutamento vocalico ma anche al mutamento consonantico di [k] in [x]: questo fenomeno non si realizza nelle parole di origine greca ma solo nelle parole di origine turca ed è una peculiarità della lingua urum che non si riscontra neppure nel tataro di Crimea¹⁴. Il greco mariupolitano sembra, dunque, ricevere gran parte di turchismi e tatarismi attraverso la lingua urum, come dimostrano i seguenti esempi:

[k] > [x]: kömşu > χουμῶου vicino di casa¹⁵
 kanat > κανάτ ala
 tayak > ταγιάχ bastone

Gli adattamenti dei prestiti nella lingua mariupolitana non sono solo fonologici ma anche morfologici. Se, infatti, le lingue turciche non presentano la categoria del genere in nessuno degli elementi costitutivi della lingua, il greco mariupolitano attribuisce un genere specifico a ciascuno dei prestiti in base alla loro funzione nella frase.

Per i nomi il genere privilegiato è indubbiamente il neutro: ai nomi non vengono quasi mai applicati morfemi grammaticali volti a determinare in maniera specifica caso, genere e numero¹⁶. Viene demandata all'articolo la funzione di marcare in maniera inequivocabile caso, genere e numero di questi sostantivi, la cui funzione logica è sempre determinata dal verbo di frase:

του μπόι < boy altezza¹⁷
 του τάχτα < ταχτα asse

A differenza dei sostantivi, l'aggettivo e il verbo presentano dei morfemi che permettono l'adattamento del prestito al sistema morfologico del greco mariupolitano: non sempre nella lingua di arrivo viene mantenuta intatta la categoria grammaticale della lingua di partenza. Frequente, infatti, è la creazione di aggettivi e verbi da forme sia nominali sia aggettivali tramite l'inserzione di suffissi specifici: per gli aggettivi estremamente comune è l'uscita in -ής [-'is], -σα [-sa], -κου [-sku], mentre per i verbi i suffissi produttivi nella creazione di questo tipo di forme sono -ίζου [-izu] e -εου [-evu]:

¹³ Pappou-Žuravliova 1999: 677.

¹⁴ Simeonidis, Tompaidis 1999: 33.

¹⁵ Sono tutti turchismi.

¹⁶ Simeonidis, Tompaidis 1999: 47.

¹⁷ Il primo è un prestito dal turco, mentre il secondo proviene dal tataro.

γιαραλίζου < yarali	ferire
τῆτῶακιάζου < çiçek	fiorire
λαχαρδέου < lakirdi	parlare

Se i prestiti dalle lingue turciche costituiscono all'incirca il 15-16% dell'intero lessico mariupolitano, negli ultimi due secoli il prolungato contatto con la lingua russa ha favorito progressivamente la diffusione di parole slave nella matrice greca del lessico tanto da arrivare a costituirne il 10%¹⁸. Il fenomeno è in costante aumento: i parlanti dimostrano frequentemente di non ricordare le parole originarie del dialetto tanto che vengono sistematicamente sostituite da parole russe.

Un altro fattore non secondario che influisce nell'inserzione di russismi nel dialetto greco mariupolitano è dato dal fatto che i villaggi greci non si trovano quasi mai in continuità gli uni con gli altri ma spesso sono contornati da villaggi russi: si vengono, allora, a verificare spostamenti di popolazione tra un villaggio e l'altro, provocando una commistione delle due popolazioni nel medesimo luogo e modificando non tanto la lingua russa, che rimane privilegiata, quanto la lingua greca che subisce progressivamente un processo di disgregazione¹⁹.

A differenza delle parole di origine turcica, i russismi tendono a essere meno adattati foneticamente e morfologicamente alla lingua greca: gli unici fenomeni di rilievo, come si è già detto precedentemente, sono legati al metaplasmo di genere, che comporta l'acquisizione del genere neutro di tutti i prestiti indipendentemente dal loro genere nella lingua di provenienza, la tendenza a formare alcuni nomi maschili con il suffisso -ης [-is] nella maggior parte dei casi e la creazione di aggettivi sul modello -ύς [-'is], -, -ύ [-'i], costruiti tendenzialmente a partire da aggettivi russi.

Dal punto di vista semantico, è possibile osservare che l'ambito in cui i russismi sono più evidenti è quello della vita quotidiana, con una maggior prevalenza nel settore della casa e degli oggetti domestici:

στακάν	< стакан	bicchiere
τῶατκα	< чашка	tazza
πόγριπ	< погреб	cantina
ταρέλκα	< тарелка	piatto

Molti russismi si registrano nel lessico che riguarda i luoghi pubblici. In questo deve aver influito in maniera preponderante il

¹⁸ Pappou-Žuravliova 1999: 677–679.

¹⁹ Pappou-Žuravliova 2005: 339.

regime comunista nella sua opera di russificazione delle popolazioni non russe:

κόλχοζ < КОЛХОЗ	colchoz
σόβχοζ < СОВХОЗ	sovchoz
σχόλια < ШКОЛА	scuola

Talvolta è possibile individuare più parole che hanno lo stesso significato ma di provenienza diversa: è il caso della sopravvivenza di parole greche che coesistono con parole russe. Sono estremamente importanti, perché permettono di osservare direttamente il processo di sostituzione progressiva delle parole e della ricezione dei russismi. I parlanti in cui si verifica più frequentemente, anche nello stesso discorso, l'alternanza tra parole greche e parole russe con il medesimo valore semantico sono le nuove generazioni, la cui educazione è impartita prevalentemente in russo nei contesti scolastici²⁰:

γιαλό < γιάλος	μόρε < море	mare
γάλα < γάλα	μαλακό < молоко	latte
ουρανό < ουρανόζ	νέμπα < неба	cielo
γράμμα < γράμμα	πίσμο < письмо	lettera

Lo stesso fenomeno si registra anche per le parole di origine turca che, come quelle greche, subiscono un processo progressivo di sostituzione con parole russe:

γκουλ < güil	τσιβίτοκ < цвeтoк	fiore
χαμττι < kamci	κνουτ < кнyт	ramo secco
χαρδάσ < kardaş	ντρούγης < друг	amico

La lingua russa è riuscita a raggiungere anche le parti più stabili di una lingua come le preposizioni e le congiunzioni: non è infrequente, infatti, che i parlanti, probabilmente per scarsa competenza linguistica, le utilizzino, quando parlano il greco mariupolitano. Questo, ancor più delle parole piene, è un sintomo del disfaccimento costante a cui questa lingua millenaria è sottoposta.

Bibliografia

- Chasiotis I. K. 1997: *Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Μετοικεσίες και εκτοπισμοί, οργάνωση και ιδεολογία*, Θεσσαλονίκη, University Studio Press.
- Christou C. 2012: Γλωσσική συρρίκνωση στο πεδίο του αρχαϊκού λεξιλογίου των ιδιώματων του Μαλι Γιάνισολ και της Γιάλτας της Κριμαϊοαζοφικής διαλέκτου, *Selected papers of the 10th International Conference of Greek Linguistics*, Komotini, Democritus University of Thrace, 1228–1234.

²⁰ Pappou-Žuravliova 2005: 340–342.

- Fotiadis K. 1990: *Ο Ελληνισμός της Κριμαίας. Μαριούπολη, δικαίωμα στη μνήμη*, Αθήνα. Ηρόδοτος.
- Hatzidaki A. 1999: The Greek dialect of Mariupol'. Maintenance or shift?, *Διαλεκτικοί θύλακοι της ελληνικής γλώσσας/Dialect enclaves of the greek language*, Αθήνα/Athens, 139–145.
- Henrich G. S., Pappou-Žuravliova E. (2003: *Λεξιλογικοί αρχαϊσμοί της μαριουπολιτικής ελληνικής διαλέκτου, Νεοελληνική διαλεκτολογία. Πρακτικά του τέταρτου Διεθνούς Συνεδρίου, Αθήνα, 6-8 Δεκ. 2001*, Αθήνα, Εταιρεία νεοελληνικής διαλεκτολογίας, 2003, 128–144.
- Karpozilos A. 1986: Οι Έλληνες της Μαριούπολης (Ζντάνοφ) και η διάλεκτός τους, *Αρχαίον Πόντου*, 40, 97–111.
- Mackridge P. 1991: The Pontic Dialect: A Corrupt Version of Ancient Greek?, *Journal of Refugee Studies*, 4, 335–339.
- Pappou-Žuravliova E. 1995: Η ταυρορουμαϊκή διάλεκτος των Ελλήνων της Αζοφικής στη νοτιοανατολική Ουκρανία (Περιοχή της Μαριούπολης), *Αρχαίον Πόντου*, 46, 162–274.
- Pappou-Žuravliova E. 1999: Το λεξικόλογιο των νεοελληνικών ταυρορουμαϊκών ιδιωμάτων της Νότιας Ουκρανίας, Ο Ελληνικός Κόσμος ανάμεσα στην Ανατολή και τη Δύση 1453–1981, *Πρακτικά του Α' Ευρωπαϊκού Συνεδρίου Νεοελληνικών Σπουδών, Βερολίνο, 2-4 Οκτ. 1998*, Αθήνα, Ελληνικά γράμματα, 1, 671–683.
- Pappou-Žuravliova E. 2005: Ρωσικά και Ουκρανικά λεξικολογικά δάνεια στην Ελληνική διάλεκτο της Μαριούπολης, *Άνθη Φιλίας. Τιμητικό αφιέρωμα στον Καθηγητή Κ. Μήνα*, Ρόδος, Διεθνές Κέντρο Λογοτεχνών και Μεταφραστών, 337–347.
- Simeonidis C. P., Tompaidis D. 1999: Η σημερινή ελληνική διάλεκτος της Ουκρανίας (Περιοχής Μαριούπολης), *Αρχαίον Πόντου*, 20.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБОЗНАЧЕНИЙ *МИРА* В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ» И РУССКИХ БЫЛИНАХ

Сходство, наблюдаемое в номинациях *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, может проявляться и на уровне *грамматики* (ср. преобладание форм мн. ч. у обозначений *иного мира*, трактуемых как разрозненные локусы, в совокупности образующие «загробное» пространство) и *метаописания* (ср. воздействие антропоцентрического фактора на конституирование изучаемых лексем: др.-исл. *ver-öld* ‘вселенная’, букв. ‘мужей век’; *отечество*). *Расхождения*, характерные для наименований *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, охватывают многие сферы и обусловлены различными факторами. Следует принимать во внимание специфику древнеисландского и русского памятников письменности (ср. преобладание композитов в первом случае и префиксально-суффиксальных дериватов во втором). Речь может идти о разной *глубине* фиксации *мифопоэтических* представлений: например, в «Старшей Эдде» наряду с обозначением *иного мира* (*хель*) фигурирует и его персонификация — великанша *Хель*, то есть воплощены более архаичные и детальнее представления как о происхождении, так и об устройстве вселенной. Имеет значение и ещё один параметр — распространение тех или иных мотивов на одном синхронном уровне. Наименования *этого мира* в былинах отличаются *гомогенностью*: по сути дела речь идёт о самом частотном обозначении *сей свет*, *белый свет*, в то время как в «Старшей Эдде» они *гетерогенны*: космолизованная вселенная складывается из множества *миров* — богов (*асов*, *ванов*, *альвов*), *великанов* и *людей*. Существенную роль могут играть идеологические установки (ср. языческие *святимища* (др.-исл. *vé*) и образ *отечества* как *святой Руси*, оплота православной веры) или воздействие ассоциаций, типичных для эддической героической модели мира.

Ключевые слова: древнеисландский язык, «Старшая Эдда», русские былины, мифопоэтическая модель мира, миф творения, семантическая реконструкция.

T. V. Toporova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. t1960@list.ru

Comparative analysis of *the world* notations in the Elder Edda and Russian epics

The similarity in the nominations of *the world* in the Elder Edda and Russian epics can manifest itself at the level of grammar (cf. the predominance of plural forms in the designations of *another world*, interpreted as disparate loci, together forming the “afterlife” space) and meta-descriptions (cf. the influence of the anthropocentric factor on the constitution of the studied lexemes: O.-Icel. *ver-ǫld* ‘universe’, lit. ‘men’s age’; fatherland). The discrepancies characteristic of the names of *the world* in the Elder Edda and Russian epics cover many areas and are due to various factors. The specificity of Old Icelandic and Russian written monuments should be taken into account (cf. the predominance of composites in the first case and prefix-suffix derivatives in the second). We can talk about different depths of fixation of mythopoetic ideas: for example, in the Elder Edda, along with the designation of another world (*Hel*), its personification, the giantess *Hel*, also appears), that is, more archaic and detailed ideas about both the origin and the structure are embodied universe. Another parameter is also important — the distribution of certain motives at one synchronous level. The names of *this world* in epics are distinguished by their homogeneity: in fact, we are talking about the most frequent designation of *сей свет*, *белый свет*, while in the Elder Edda they are heterogeneous: the cosmic universe consists of many worlds — *gods* (Aesir, Vanir, Alves), *giants* and *men*. Ideological attitudes (cf. pagan sanctuaries (O.-Icel. *vé*) and the image of the fatherland as *Святая Русь*, a stronghold of the Orthodox faith) or the influence of associations typical of the Eddic heroic model of the world can play a significant role.

Keywords: Old Icelandic, the Elder Edda, Russian epics, mythopoetic model of the world, creation myth, semantic reconstruction

Целесообразность сопоставления «Старшей Эдды» (Edda 1962; Starshaya Edda 1963) и русских былин (Onezhskie byliny 1894) детерминирована их принадлежностью одному жанру — эпосу, реализующему один и тот же тип творчества — *безличное авторство*, архаичному характеру изучаемых произведений, описывающих события начиная с X в., то есть *синхронных*, отражающих *мифопоэтическую* модель мира¹, и *поэтической* форме, в которой они зафиксированы.

¹Ср. определение этого термина: «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» (МНМ 1982: 161).

Выбор *объекта* исследования — номинаций *мира*, который следует «понимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле *мир* есть результат переработки информации о среде и о самом человеке» (МНМ 1982: 161). *Метод* исследования, представленный в *схеме описания эпического слова*, возник на базе лексикологических штудий ряда ключевых концептов в древнеиндийской «Ригведе» (Elizarenkova 1999) и тезаурусного описания фольклорного слова (Folklore lexicography 1994; Nikitina 1997), которые подверглись фундаментальной переработке (Торогова 2006).

§ 1. Структура семантического ряда *мир* в «Старшей Эдде» и русских былинах насчитывает одинаковое количество наименований — 8.

«Старшая Эдда»	Былины
др.-исл. <i>gar ginnunga</i> ‘бездна зияний’	<i>вселенная</i>
др.-исл. <i>garðr</i> ‘огороженное пространство’	<i>мир</i>
др.-исл. <i>heimr</i> ‘мир’	<i>нора</i>
др.-исл. <i>hel</i> ‘иной мир; загробное царство; его владычица’	<i>отечество</i>
др.-исл. <i>høll</i> ‘чертог’	<i>пещера</i>
др.-исл. <i>liós</i> ‘свет’	<i>подземелье</i>
др.-исл. <i>vé</i> ‘святилище’	<i>подоблачье</i>
др.-исл. <i>ver-öld</i> ‘вселенная’ (букв. ‘людей возраст’)	<i>свет</i>

Нельзя не заметить, что если в былинах в качестве номинаций *мира* фигурируют исключительно лексемы, то в «Старшей Эдде» представлены также словосочетания (ср. др.-исл. *gar ginnunga* ‘бездна зияний’) и композиты (ср. др.-исл. *ver-öld* ‘вселенная’, букв. ‘людей возраст’). К числу *совпадений* можно отнести наличие семантически нейтральных наименований (*мир*, др.-исл. *heimr* ‘мир’; *вселенная*, др.-исл. *ver-öld* ‘вселенная’); метафорическое употребление (*свет* → *белый свет*, *сей свет*, *этот свет*; др.-исл. *liós* ‘свет’ → *иной свет*, *загробный мир* (др.-исл. *annat liós*); функционирование нескольких обозначений *иного мира* (др.-исл. *hel* ‘хель, загробный мир’, *annat liós* ‘иной свет’, *Val-høll* ‘павших палата’ *vice versa* *подземелье*, *пещера*, *нора*); *антропоцентрический* фактор, детерминирующий семантику локуса указанием на его «человеческое» наполнение, как в др.-исл. *ver-öld* ‘вселенная’, букв. ‘мужей век’ или эксплицирующий идею общего происхождения, реализуемую

при помощи терминов родства (ср. *отечество*). На фоне перечисленных сходств обнаруживаются и существенные *расхожденья*, проявляющиеся, в частности, в неодинаковом членении различных зон универсума: в «Старшей Эдде» отражена более архаичная ситуация, так как репрезентировано обозначение исходного локуса космогенеза, *хаоса*, Мировой бездны (др.-исл. *gap ginnunga*), засвидетельствованное в составе апофатического описания², а в былинах данный феномен не зафиксирован. Иными словами, в «Старшей Эдде» отражена более полная картина мироздания (*хаос* → *космизированная вселенная*), а в былинах эта схема редуцирована (*космизированная вселенная*). Заслуживают упоминания и другие отличия: в «Старшей Эдде» наряду с номинацией одного из мифологических локусов фигурирует и его *персонификация* (ср. др.-исл. *hel* ‘иной мир; загробное царство’; др.-исл. *Hel* ‘великанша Хель, хозяйка потустороннего мира’); кроме того отмечен процесс, который можно реконструировать как развитие первоначального *локально-темпорального континуума*³. На конституирование эддического ряда обозначений *мира* оказывает влияние *аксиология*, предполагающая сакральность топосов, имеющих отношение к сфере ритуала (ср. др.-исл. *vé* ‘святилище’), тогда как в былинах «небесное» не несёт какой-либо ценностной характеристики, а всего лишь отсылает к верхней зоне универсума (ср. *подоблачье*).

§ 2. Частотность наименований *мира* в «Старшей Эдде» и былинах обнаруживает некоторые общие признаки, например, приблизительно одинаковый по величине разрыв между наименьшим и наибольшим показателем продуктивности лексемы (1 — 36 в первом случае и 1 — 39 во втором) или распределение по трём группам в зависимости от количества дистрибуций (минимальная: др.-исл. *gap ginnunga* ‘бездна зияний’, *ljós* ‘свет’, *ver-öld* ‘вселенная’, *vé* ‘святилище’; *вселенная*, *мир*, *подземелье*, *подоблачье*; средняя: др.-исл. *garðr* ‘огороженное простран-

² Ср.: *Ár var alda, þat er Ýmir bygði, / vara sandr né sær né svalar unnir; / i grð fannz æva né upphiminn, / gap var ginnunga, enn grás hvergi* (Vsp. 3) «В начале времён, когда жил Имир, / не было ни песка, ни моря, ни волн холодных, / земли ещё не было, ни верхнего неба, / бездна была зияний, и травы не было»*.

³ Ср. др.-исл. *ver-öld* ‘вселенная’, букв. ‘людей *возраст*’.

ство', *hel* 'загробный мир', *holl* 'чертог'; *отечество*, *нора*, *пещера*; максимальная: др.-исл. *heimr* 'мир'; *свет*) и один и тот же принцип построения подразделов (в частности, наиболее употребительна только одна лексема), а также тенденция к элиминированию абстрактных обозначений (ср. др.-исл. *ver-öld* 'вселенная'; *вселенная*, *мир*). Различие заключается в расстановке различных акцентов: в «Старшей Эдде» специально выделяется область ритуала (др.-исл. *vé* 'святилище'), а в былинах сакральность не концентрируется в особой номинации, она приписывается *свету*, ассоциирующемуся с *днём*, *солнцем* и сопровождающимся однокорневым эпитетом *светлый*, иллюстрирующим полноту данного качества. Нельзя упускать из вида актуальность идеологического и социального факторов в былинах (ср. ассоциации *отечества* со *святой Русью* и *православной верой*). Как свидетельствуют статистические данные, др.-исл. *heimr* 'мир' (36 словоупотреблений) эквивалентен в былинах *свет* (39 словоупотреблений), хотя причина их частотности различна, так как высокий показатель древнеисландской лексемы детерминирован наличием *многих* денотатов (ср. *мир* асов, альвов, великанов, людей), в былинах же преимущественно используется универсальная номинация, кодирующая *единственный* денотат — *этот свет*.

§ 3. Категория числа, зафиксированная в номинациях *мира* в «Старшей Эдде» и былинах демонстрирует подобие, состоящее в том, что у некоторых лексем доминирование **мн. ч.** по сравнению с **ед. ч.**, ср. др.-исл. *garðr* 'огороженное пространство' (15 vice versa 9); *нора* (19 vice versa 6), *пещера* (19 vice versa 9) объясняется трактовкой денотатов как отдельных, обособленных, разрозненных локусов, возникших либо под влиянием исторически сложившихся обстоятельств (ср. изолированные огороженные *дворы*), либо в результате воздействия мифопоэтической модели мира (совокупность *нор* и *пещер* как реализация стихии хаоса). Существенное различие заключается в наличии только в «Старшей Эдде» *уникальных* объектов, употребляемых исключительно в **ед. ч.** (ср. Мировую бездну (др.-исл. *gap ginnunga*), хель (др.-исл. *hel* 'загробный мир'), др.-исл. *veröld* 'мир' как ойкумену).

§ 4. Словообразование в обозначениях *мира*, типично только для «Старшей Эдды», а словообразование для былин (ср. префиксально-суффиксальные модели: *подземелье*, *подоблачье*).

Этот феномен коренится как в различных тенденциях, свойственных древнеисландскому и русскому языкам, так и в специфике эддического эпоса с его установкой на вариаты номинаций в виде композитов.

§ 5. Синонимы, представленные в наименованиях *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, обнаруживают изоморфизм при отождествлении *загробного мира* с локализацией *под землёй* (ср. др.-исл. *hel* — *под землёй (fyr iǰrð neðan* — Vсп. 42); *подземелье* — *мать сыра-земля*; *нора* — *земля*). Различия оказываются более показательными, они проявляются во взаимодействии эддических лексем (ср. соположение др.-исл. *garðr* ‘огороженное пространство’ и др.-исл. *hǰll* ‘чертог’; др.-исл. *heimr* ‘мир’ и др.-исл. *ver-gld* ‘вселенная’; др.-исл. *Val-hǰll* ‘павших чертог’ и др.-исл. *vé* ‘святилище’), влиянии мифопоэтической модели мира (ср. идентификацию одного из *миров* (др.-исл. *heimr* ‘мир’) с корнем мирового дерева ясеня Иггдрасиля или святилища (др.-исл. *vé* ‘святилище’) с руинами жилища Одина, с аллюзией на концепцию «гибели богов») на фоне иных явлений, наблюдаемых в былинах, — установления равенства между целым и частью (ср. *pars pro toto*: *улица* — *белый свет*), конкретно-исторических (*вселенная* — *орда*) и идеологических (*мир* — *святая Русь*) коннотаций.

§ 6. Антонимы, в качестве которых функционируют обозначения *мира*, а также фундаментальное для мифопоэтической модели мира противопоставление *своего* и *чужого* пространства, враждебного носителю архаичной традиции (ср. др.-исл. *hǰll* ‘чертог’ — *útan* ‘снаружи’; др.-исл. *heimr* ‘мир’ — *hel* ‘загробный мир’; *нора* — *дом*; *белый свет* — *пещера*), в качестве антропоцентрической модификации которого может выступать оппозиция *жизнь* — *смерть* (*сей свет* — *смерть*). Если в «Старшей Эдде» антиномии образуют различные номинации *мира*, вступающие во взаимодействие друг с другом (ср. др.-исл. *iǰtna heimar* «великанов миры» — *ása garðar* «асов огороженные пространства»; др.-исл. *heimr* ‘мир’ — *hel* ‘загробный мир’), или сталкиваются реализации статики и динамики (ср. др.-исл. *hǰll* ‘чертог’ — *vegr* ‘дорога, путь’), то в былинах на разных полюсах оказываются денотаты фигурирующих в мифопоэтической модели мира зон космизированной вселенной (ср. *подоблачье* — *море*; *подоблачье* — *сыра земля*).

§ 7. В былинах ассоциации, в которые вовлечены обозначения *мира*, весьма немногочисленны, а в «Старшей Эдде» они более развиты. Совпадения затрагивают фундаментальные отождествления *этого мира* с *жизнью* (*сей свет — жизнь*), а *иного* — со *смертью* (ср. др.-исл. *annat ljós* ‘тот свет’ — *dauðr* ‘мёртвый’; *пещера — смерть*). В конституировании ассоциаций в былинах могут принимать участие как содержательные (ср. мировоззренческий постулат *отечество — вера*), так и формальные (ср. поэтическая игра, рифму *нора — гора*) аспекты, а в «Старшей Эдде» особенно ощутимо воздействие героических представлений (ср. др.-исл. *hǫll* ‘чертог’ — *ǫl* ‘пиво’; др.-исл. *hǫll* ‘чертог’ — *gláðr* ‘радостный’; др.-исл. *garðr* ‘огороженное пространство’ — *hlymr, dynr, glaumr* ‘шум’).

§ 8. Посессоры денотатов, обозначающих *мир*, гораздо более разнообразны в «Старшей Эдде»: среди них упоминаются этносы (*гунны*), конкретные исторические личности (*Атли*), высшие чины социальной иерархии (*император*), различные мифологические персонажи (*боги, великаны*), *люди*, в том числе представители определённых профессий (*вёльва*) и животные (*нёс, петух*), в то время как в былинах упоминаются лишь хтонические *змея, змеёныши*, а также *птицы* как представители животного мира и *богатыри* и *пленники*, то есть проявляется, с одной стороны, воздействие мифопоэтической модели мира со свойственным ей членением на различные зоны с типичными для них обитателями (*небо — птицы; нижний ярус — змеи*), и доминирование военной тематики (*богатыри, пленники*), с другой.

§ 9. Атрибуты, сочетающиеся с обозначениями *мира*, обнаруживают совпадения в «Старшей Эдде» и былинах (ср. *весь мир*, др.-исл. *allr heimr*; *сей мир*, др.-исл. *þess heimr*) и сходные явления (ср. сочетание с числительным, воплощающим идею полноты (др.-исл. *níu heima* «девять миров») или соответствующим наречием (*много пещер*) и наличие физических характеристик денотата (ср. др.-исл. *hár hǫll* ‘высокий чертог’; *глубокая нора*). В обоих памятниках письменности засвидетельствована положительная оценка (*дивный мир, славная нора*), находящая высшее выражение в сфере сакрального (ср. др.-исл. *heilagr vé* ‘священное святилище’). В «Старшей Эдде» отражён экстралингвистический аспект, характеризующий «мир вещей» (ср. др.-исл. *studdr garðr* ‘укреплённое огороженное пространство’),

а в былинах реальную топонимику (*киевские пещеры*) и аксиологические коннотации (*своё, родное отечество*).

§ 10. Предикаты объекта, характеризующие наименования *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, иллюстрирует таблица:

«Старшая Эдда»	былины
др.-исл. <i>garðr</i> 'огороженное пространство' — видеть (др.-исл. <i>sác</i>); устанавливать (др.-исл. <i>logðo</i>)	<i>Мир</i> — быть (был во весь <i>мир</i>)
др.-исл. <i>höll</i> 'чертог' — видеть (др.-исл. <i>þeсрас</i>); поджигать (др.-исл. <i>brendi</i>)	<i>Нора</i> — посмотреть (на <i>нору</i>)
др.-исл. <i>heimr</i> 'мир' — помнить миры; из мира (др.-исл. <i>man ór heimi</i>); посетить (др.-исл. <i>sækia</i>); проходить миры (др.-исл. <i>hefi ... komit</i>); родиться в мир (др.-исл. <i>vart borin í heim</i>); сказать из мира (др.-исл. <i>seggia ór heimi</i>); видеть (др.-исл. <i>sá heima</i>), смотреть (др.-исл. <i>horfa heimi ór</i>)	<i>Отечество</i> — биться (за <i>отечество</i>) служить (за <i>отечество</i>) стоять (за <i>отечество</i>)
др.-исл. <i>hel</i> 'хель' — посылать (др.-исл. <i>sendoð</i>)	<i>Пещера</i> — проходить (много <i>пещер</i>) разбить (<i>пещеры</i>)
др.-исл. <i>vé</i> 'святилище' — править (др.-исл. <i>valda</i>)	<i>Свет</i> — видеть (не видеть <i>света</i> белого); глядеть (глядела на белый <i>свет</i>); прощаться (с белым <i>светом</i>)
др.-исл. <i>ver-öld</i> 'вселенная' — видеть (др.-исл. <i>sá</i>)	

Языковые факты, представленные в таблице, обнаруживают два весьма показательных совпадения: глагол *видеть*, фигурирующий в составе синтаксической конструкции с прямым объектом (*видеть мир*) и имеющий варианты (*глядеть, смотреть на мир*), свидетельствует о преимущественно зрительном восприятии денотата, а словосочетание *проходить миры / пещеры* отсылает к мифологическому мотиву освоения героем чуждого пространства благодаря знакомству с ним в результате продвижения и тем самым реализует идею преобразования *чуждого* пространства в *своё*, известное и предсказуемое, уже изведенное. Обращает на себя внимание и ещё одно обстоятельство: тяготение номинаций *мира* к воинской терминологии в былинах (ср. *биться, служить, стоять за отечество*), а в

«Старшей Эдде» — либо к сфере власти (др.-исл. *valda véom* «править святилищами»), либо к хозяйственной деятельности (др.-исл. *logðo garða* «устанавливать оградения»).

Предикаты локуса, типичные для номинаций *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, демонстрирует таблица:

«Старшая Эдда»	былины
др.-исл. <i>garðr</i> ‘огороженное пространство’ — быть / не быть; мучить; оставаться в; ходить в	<i>Вселенная</i> — быть (будет по всей вселенной)
др.-исл. <i>holl</i> ‘чертог’ — быть в; видеть в; встретить перед; говорить в; принимать в; собираться в	<i>Нора</i> — сидеть (в <i>норах</i> сидит)
др.-исл. <i>heimr</i> ‘мир’ — быть в; делать в; называться в;	<i>Пещера</i> — найти (в <i>пещере</i>); расплетать (в <i>пещере</i>)
др.-исл. <i>hel</i> ‘хель’ — иметь в; называться в;	<i>Подземелье</i> — полететь (по <i>подземелью</i>); ходить (по <i>подземелью</i>)
др.-исл. <i>vé</i> ‘святилище’ — жить в	<i>Подоблачье</i> — улететь (по <i>подоблачью</i>)
	<i>Свет</i> — не бывать (на белом <i>свете</i>); водиться (на сем <i>свете</i>); видеть (на свете не видано); ездить (на сем <i>свете</i> езживал); жениться (на сем <i>свете</i>); жить (на <i>свете</i>); летать (полететь по белу <i>свету</i>); уходить, ходить (по белу <i>свету</i>); родить (на сем <i>свете</i> спорожено); слышать (не слышали на сем <i>свете</i>).

Совпадения предикатов локуса, сопровождающих обозначения *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, исчерпываются несколькими примерами: наличием глагола *бытия* (*быть в мире*), имеющего модификации (*оставаться в мире*; *водиться на сем свете*); синонимичного глагола *жить* (*жить в мире* / *святилище*) и глагола движения (*ходить в огороженном пространстве* / *по подземелью* / *по белу свету*), а также глагола зрительного восприятия (*видеть в чертоге* / *на свете*). Языковые факты подтверждают актуальность оппозиции **статика** (*быть, жить* в

мире) — **динамика** (*ходить в мире*), а также приоритет *зрения* в познании окружающей среды. Нельзя не заметить, что в былинах глаголы движения представлены гораздо более разнообразно (ср. *уходить, ездить, летать*); кроме того в них фигурируют ключевые глаголы, маркирующие определённые сюжеты (ср. *жениться*), зафиксированные в особом классе текстов, например, в былинах о сватовстве Алёши Поповича к супруге Добрыни Никитича, покинувшего её и поехавшего поляковать. В «Старшей Эдде» акцент делается, с одной стороны, на ономастическом аспекте мифа творения, приравнивающим номинацию объекта началу его существования (ср. *называться* в каждом из миров = *быть* в них), и, с другой, на отсылке к героическому эпосу (*встречаться перед чертогом; собирать в чертоге; принимать в чертоге*).

Предикаты направления, цели, типичные для наименований *мира*, представлены в таблице:

«Старшая Эдда»	былины
др.-исл. <i>garðr</i> ‘огороженное пространство’ — идти (<i>í garðom ganga</i>); приходить (<i>föro at garðom</i>); выходить (<i>ór garði genginn; útan kom garða</i>); скакать (<i>reið í garð; ríðot at garð</i>)	<i>Нора</i> — нести (<i>унесла</i> в нору); пойти, приходить , ходить, входить, выходить , сходить, подъезжать, съездить, съезжать
др.-исл. <i>heimr</i> ‘мир’ — входить в (<i>fug innan kom heima</i>); посетить из (<i>vitia ór heimi</i>)	
др.-исл. <i>hel</i> ‘хель’ — освободить из (<i>leystu helio ór</i>); падать в (<i>falla til heliar</i>); поворачиваться к (<i>snugga heliar til</i>); убивать в (<i>í hel drepa; feldan, lamðan til heliar</i>); умирать из (<i>deyia ór helio</i>); идти в (<i>í hel koma; fara til heliar; næst heliar ganga; gecc til heliar</i>); приходить из (<i>ór helio kom; vitia ór helio</i>)	<i>Пещера</i> — выходить, выводить, достать (из <i>пещеры</i>); ехать (в <i>пещеры</i>), приезжать (к <i>пещерам</i>); заходить (в <i>пещеру</i>); пойти (<i>пошел по пещерам</i>); убраться (в <i>пещеры</i>); нести (<i>заносили в пещеру</i>)
др.-исл. <i>hǫll</i> ‘чертог’ — быть из (<i>kominn ór hǫll</i>); идти, входить, приходить , приезжать, уходить (<i>ganga hallir í; gecc inn hǫllina; hǫll gacc ór; kom hallar til; hǫll um kominn; at ... kom hǫll; kom at hǫllo</i>)	<i>Свет</i> — вздымать (<i>вздымали</i> на белый <i>свет</i>); выкупить (не <i>выкутить</i> со бела <i>света</i>); выводить (<i>выводит</i> на белый <i>свет</i>); выпускать (<i>выпусти</i> на белый <i>свет</i>); выходить (<i>выходил</i> на белый <i>свет</i>); попустить = родить (на белый <i>свет</i>); хотеть (<i>хотелось бы</i> на белый <i>свет</i>)

др.-исл. <i>liós</i> ‘(тот) свет’ — идти (<i>fara í liós annat</i>)	
др.-исл. <i>vé</i> ‘святилище’ — приходить из (<i>véom koma frá</i>); скакать к (<i>ríða vés</i>)	

Не вызывает сомнений тот факт, что и в «Старшей Эдде», и в былинах среди предикатов, выполняющих синтаксическую функцию направления, цели, сочетающихся с обозначениями *мира*, доминирующую позицию занимают глаголы *движения*, обладающие высокой степенью изоморфизма, хотя в древне-исландском эпосе они отличаются бóльшим разнообразием (ср., например, *скакать*). Заслуживает упоминания то обстоятельство, что в «Старшей Эдде» зафиксирована специфическая группа глаголов, ассоциирующихся с загробным миром, ср. *убивать в хель*, *умирать из хель*. Особый интерес представляет общий мифологический мотив *освобождения* людей из *мира иного*, имеющий множество модификаций: ср. освобождение (своей) головы из хель⁴ и «(в)здымание» (то есть подъём) мёртвого Михайло Потыка из сырой земли и его оживление при помощи «живой воды» или *выведение* Добрыней Никитичем из пещеры, олицетворяющей загробное царство, Забавы на белый свет.

Выводы. В результате сравнительного анализа номинаций *мира* в «Старшей Эдде» и русских былинах обнаруживаются интересные закономерности, реализующиеся на различных уровнях и имеющие различное происхождение.

К числу *универсалий*, составляющих ядро любой мифопоэтической традиции, относится оппозиция *свой* — *чужой*, засвидетельствованная в исследуемых источниках в виде нескольких вариантов (ср. этот свет — тот свет (др.-исл. *heimr* ‘мир’ — *hel* ‘загробный мир’; *нора* — дом; белый свет — пещера), жизнь — смерть (сей свет — смерть)), имплицитующих серию отождествлений (этот мир — жизнь; иной мир — смерть). Повсеместно распространённым явлением можно считать также локализацию иного мира *под землёй* (ср. др.-исл. *hel* — под землёй (*fyr iǫrð neðan* (Vsp. 42))); подземелье — мать сыра-земля; *нора* — земля) или доминирование *визуального*

⁴ Мотив *освобождения из хель* играет существенную роль в мифе о Бальдре.

восприятия среди предикатов объекта и локуса, сочетающихся с номинациями *мира*, детерминированное физиологией человека, получающего информацию преимущественно благодаря зрению, и лидирующее положение глаголов *движения* у предикатов, выполняющих синтаксическую функцию направления, цели.

Другую группу совпадений образуют примеры, иллюстрирующие воздействие *мифопоэтической модели мира* на языковые факты, проявляющееся в нескольких направлениях:

наличие *нескольких* «иномирных» локусов (ср. др.-исл. *hel* ‘хель’, *Val-höll* ‘павших чертог’, *liós annat* ‘тот свет’; *нора*, *пещера*, *подземелье*) иногда на фоне *единственного* обозначения *этого мира* (ср. *сей* / *белый свет*) может свидетельствовать о множестве пространств, ассоциирующихся с хаосом, не подвергшихся космизации и тем самым представляющих угрозу для гармоничного существования вселенной.

за синтаксической конструкцией закрепляется определённый сюжет (ср. предикаты локуса: *убивать*, *умирать в хель*; *жениться на сем свете* в былинах о сватовстве Алеши Поповича);

одна и та же синтаксическая конструкция ассоциируется с общим мифологическим мотивом (ср. использование предикатов прямого объекта в мотиве *прохождения миров* («Старшая Эдда») / *пещер* (былины) при описании стратегии поведения героя, осуществляющего космизацию вселенной, восстановление порядка, или предикатов направления, цели для описания *освобождения* людей из *мира иного*).

Сходство, наблюдаемое в номинациях *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, может проявляться и на уровне *грамматики* (ср. преобладание форм **мн. ч.** у обозначений *иного мира*, трактуемых как разрозненные локусы, в совокупности образующие «загробное» пространство) и *метаописания* (ср. воздействие антропоцентрического фактора на конституирование изучаемых лексем: др.-исл. *ver-öld* ‘вселенная’, букв. ‘*мужей* век’; *отечество*).

Расхождения, характерные для наименований *мира* в «Старшей Эдде» и былинах, охватывают многие сферы и обусловлены различными факторами.

Во-первых, должна приниматься во внимание специфика древнеисландского и русского памятников письменности —

эпоса и былин —, обнаруживающих тенденцию к преобладанию композитов в первом случае и префиксально-суффиксальных дериватов во втором.

Во-вторых, в некоторых случаях речь идёт о разной глубине фиксации *мифопоэтических* представлений: например, в «Старшей Эдде» фигурирует образ *Мировой бездны*, исходного локуса космогенеза (др.-исл. *gar ginnunga*), отражены представления о локально-темпоральном континууме (ср. др.-исл. *ver-öld* ‘вселенная’, букв. ‘мужей век’), наряду с обозначением *иного мира (хель)* фигурирует и его персонификация — великанша *Хель*, то есть воплощены более архаичные и детальные представления как о происхождении, так и об устройстве вселенной.

В-третьих, помимо глубины мифопоэтических представлений имеет значение и ещё один параметр — их «ширина», то есть распространение тех или иных мотивов в горизонтальной плоскости, на одном синхронном уровне. Наименования *этого мира* в былинах отличаются *гомогенностью*: по сути дела речь идёт о самом частотном обозначении *сей свет, белый свет*, в то время как в «Старшей Эдде» они *гетерогенны*: космозированная вселенная складывается из множества *миров* — богов (*асов, ванов, альвов*), *великанов* и *людей*.

В-четвёртых, нельзя исключать влияния помимо мифопоэтической модели мира и других концептуальных комплексов, в частности, типичных для *героического* эпоса эддических ассоциаций, например, др.-исл. *garðr* ‘огороженное пространство’ с *шумом* (др.-исл. *hlymr, dynr, glaumr*) или др.-исл. *hǫll* ‘чертог’ — с *пивом* (др.-исл. *ǫl* ‘пиво’) и *радостью* (др.-исл. *gláðr* ‘радостный’).

В-пятых, существенную роль могут играть идеологические установки (ср. языческие *святилища* (др.-исл. *vé*) и образ *отечества* как *святой Руси*, оплота православной веры).

Литература

- Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern 1968: Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1: Text. Vierte umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg.
- Elizarenkova, T. Ya. 1999: *Words and things in the Rig Veda*. Moscow: Eastern literature.

- Елизаренкова, Т. Я. 1999: *Слова и вещи в Ригведе*. М.: Восточная литература.
- Folklore lexicography 1994*. Rep. ed. A.T. Khrolenko. Kursk: KSPI, 1994. Issue 1.
- Фольклорная лексикография*. Отв. ред. А.Т. Хроленко. Курск: КГПИ, 1994. Выпуск 1.
- Mify narodov mira. Enciklopediya 1980–1982. 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1980–1982. 2 т.
- Nikitina, S. E. 1997: [On polysemy, diffusion of meanings and synonymy in the thesaurus of the folklore language]. In: *Shape of the word. Collection of articles in memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev*. Moscow, 360–373.
- Никитина, С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора. В сб.: *Облик слова*. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелёва. М., 360–373.
- Onezhskie by'liny`*, zapisanny`e A. F. Gilferdingom letom 1871 g., izd. vtoroe. T. 1–3 1894–1900. [Onega epics recorded by A. F. Hilferding in the summer of 1871, ed. second. T. 1–3]. In: *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*. T. LIX. С.-Pb.
- Онежские былины*, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. второе. Т. 1–3. В сб.: *Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук*. Т. LIX. С.-Пб., 1894–1900.
- Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah 1963 [The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes]. Moscow – Leningrad.
- Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях 1963. М.; Л.
- Toporova, T. V. 2006: *Principles of describing the epic word: the concept of a mountain in the Elder Edda*. Moscow: Academy of Humanitarian Research.
- Топорова, Т. В. 2006: *Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде»*. М.: Академия гуманитарных исследований.
- Vsp. — *Volusrá* «Прорицание вёльвы».

ИЕРАРХИЯ ИСКУССТВ: ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ ПРОТИВ ГАЛЕНА

В статье сравниваются два центральных для изучения античной атлетики текста — трактат Галена *Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine* и трактат Флавия Филострата *De Gymnastica*. Оба автора предлагают свою иерархию искусств, связанных с попечением о человеческом теле (ιατρική, γυμναστική, υγιεινή, παιδοτρική), и иерархию служителей этих искусств (ιατρός, γυμναστής, υγιεινός и παιδοτρίβης). Гален доказывает, что медицина превосходит прочие искусства, а врач выступает в роли надзирателя для гимнаста или педотриба, при этом профессиональный спорт подвергается ожесточенной критике. Гигиена, выделенная в отдельную область предшественниками Галена, присоединяется им к искусству врачевания. Филострат, в свою очередь, атакует врачей и стремится вернуть гимнастике былое величие, доказав, что гимнаст не только равен врачу, но даже стоит гораздо выше последнего.

Ключевые слова: Гален, Флавий Филострат, античная атлетика, античная медицина, γυμναστική, υγιεινή, παιδοτρική, γυμναστής, υγιεινός, παιδοτρίβης.

P. A. Troitskii

Lomonosov Moscow State University, pavel.troitskiy325@gmail.com

The hierarchy of arts: Philostratus vs. Galen

Two texts of utter importance for our knowledge of ancient athletic practices, Galen's treatise *Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine* and Philostratus' treatise *De Gymnastica*, are analyzed in this article. Both Galen and Philostratus proposed a concept of hierarchy of arts concerned with human body, namely ιατρική, γυμναστική, υγιεινή and παιδοτρική, as well as a hierarchy of practitioners of said arts defined by ancient Greek terms ιατρός, γυμναστής, υγιεινός and παιδοτρίβης. Galen in his *Thrasybulus* strives to demonstrate the supremacy of medicine and the leading role of a medical specialist in matters considering physical training (that is, of course, genuine physical training and not the debased art of athletic trainers, which is severely criticized in the treatise). Hygiene according to Galen is not to be considered an independent art, but rather a part of medicine. The main goal of Philostratus in his treatise is to rehabilitate gymnastics and athleticism in the eyes of his contemporaries. He lays blame on doctors for perverting

gymnastics naming them the reason of its decay, whereas physical trainers are being praised for their profound knowledge not only of human body, but also of human soul.

Key words: Galen, Philostratus, ancient athletics, ancient medicine, γυμναστική, ὑγιεινή, παιδοτριβική, γυμναστής, ὑγιεινός, παιδοτρίβης.

В истории античной атлетики имена двух авторов — Галена (129–216 гг. н. э.) и Флавия Филострата (ок. 170 — вторая половина 240-х гг. н. э.) — занимают особое место. Они оба жили в эпоху римского владычества, и им обоим была присуща тоска по временам расцвета эллинской культуры, которая с полной силой проявилась в их сочинениях, посвященных спортивной тематике. Первый в трактате *Thrasymbulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine* и второй в трактате *De Gymnastica* подвергли критике атлетические практики своей эпохи и предложили программы их реорганизации. Точное время создания этих текстов определить затруднительно. Считается, что «Фрасибул» Галена появился в 160-х годах или несколько раньше (Singer 2023: 68–69), а «Гимнастика» Филострата примерно в 220-х годах (Jüthner 1909: 88). Филострат с большой вероятностью был знаком с сочинениями своего старшего современника, и его трактат можно считать ответом Галену (König 2005: 302). «Фрасибул» был написан по следам публичных дебатов о том, в ведении какого искусства, врачебного или гимнастического, находится поддержание здоровья (τὸ ὑγιεῖνόν). Целью Галена было определить место медицины и гимнастики (ιατρική и γυμναστική), а также смежных с ними гигиены (ὑγιεινή) и педотрибики (παιδοτριβική) в общей иерархии искусств, связанных с заботой о человеческом теле. Филострат, в свою очередь, стремился к тому, чтобы, во-первых, объяснить причины упадка гимнастики и реабилитировать ее в глазах широкой публики, а во-вторых, описать то, каким должен быть учитель гимнастики (Philostr. *Gymn.* 1–2). Взгляды Филострата на иерархию искусств, отчасти схожие со взглядами Галена, имеют ряд серьезных от них отличий. В настоящей статье мы проанализируем эти отличия, сравнив роль, которую Гален и Филострат приписывают служителям этих искусств (ιατρός, γυμναστής, ὑγιεινός и παιδοτρίβης)¹ в своих трактатах.

¹ Для перевода всех этих терминов, кроме первого, мы будем использовать кальки: «гимнаст», «педотриб» и «гигиенист».

Так как в трактате «Фрасибул» демонстрируется виртуозное владение логическим методом, которому Гален отводил ключевое место и в философской, и в медицинской практике (Hankinson 2008: 68–70, Singer 2023: 21), представляется необходимым наметить основные пункты его аргументации. Прежде чем обратиться к вопросу, сформулированному в начале трактата, относится ли поддержание здоровья к медицине или гимнастике, Гален считает необходимым условиться об определениях. Для определения терминов «медицина» и «гимнастика» Гален вводит ключевое для всего трактата понятие цели искусства (τέλος) (*Thrasyb.* 5–6). Если принять в качестве цели медицины только созидание здоровья (ὕγιαιας ποίησις), а гимнастики — телесную крепость (εὐεξία), то, как показывает Гален, придется умножить число искусств, отделив от созидающих (αἱ δημιουργικαί) поддерживающие (αἱ φυλακτικαί). Подобное разграничение отвергается как ложный путь. Отметим, что уже на этом начальном этапе аргументации намечаются предпосылки для критики профессионального спорта: природная телесная крепость (ἡ κατὰ φύσιν εὐεξία) противопоставляется телесной крепости атлетов (ἡ ἀθλητικὴ εὐεξία), неестественной и вредной (*Thrasyb.* 9). Далее Гален показывает, что понятия здоровья и телесной крепости не только не противопоставлены, но связаны непосредственным образом: εὐεξία есть не что иное, как совершенное здоровье (ἡ τελεία ὑγίεια) (*Thrasyb.* 12). Следовательно, они находятся в ведении одного искусства, целью которого является наивысшее благо для человеческого тела (*Thrasyb.* 13). Это благо едино: то, что наделяет силой, наделяет и здоровьем и красотой (*Thrasyb.* 15). Наконец, Гален приближается к ответу на заданный изначально вопрос и определяет поддержание здоровья (τὸ ὑγιεῖνόν) как быстрое устранение незначительных повреждений (*Thrasyb.* 19–21). Отличие его от врачевания (θεραπευτικὴ) не качественное, ведь цель у них одна, а количественное: врачевание приходит на помощь в случае серьезных телесных повреждений или тяжелых заболеваний. Именно это количественное отличие ложится в основание первого разделения² обширного искусства, занимающегося

² Строго говоря, это второе разделение, а не первое: искусство, занимающееся человеческим телом, как мы узнаем в середине трактата, делится на две части — «творящую» (δημιουργοῦν) и «исправляющую» (ἐλασσορθούμενον). Однако первая часть целиком находится в ведении Природы, человек не способен на нее повлиять.

человеческим телом, для которого Гален выбирает рабочее название «исправляющего» (ἐπανορθωτική) искусства (*Thrasymb.* 30). Оно подразделяется на две части, а именно на врачебную (в данном случае термины τὸ θεραπευτικόν и τὸ ἰατρικόν используются в качестве синонимов) и «поддерживающую» (τὸ φυλακτικόν). Последняя, в свою очередь, оказывается трехчастной и состоит из поддержания наилучшего состояния здоровья (τὸ εὐεκτικόν), оздоровления тех, кто только недавно оправился от болезни (τὸ ἀναληπτικόν), и поддержания здоровья (τὸ ὑγιεινόν³), которое Гален помещает между первым и вторым. Физические упражнения относятся к сфере искусства гигиены (ἢ ὑγιεινῆ τέχνη) (*Thrasymb.* 34). Итак, Гален подводит читателя к тому, что гимнастика представляет собой лишь часть искусства гигиены, соответственно, поддержание здоровья не может быть частью гимнастики.

На искусстве гигиены следует остановиться подробнее. Гиппократ и Платон, как утверждает Гален, не пользовались ни термином «гигиена» (ἢ ὑγιεινή), ни термином «гигиенист» (ὁ ὑγιεινός) (*Thrasymb.* 39). Четкую границу между областью медицины и областью гигиены провел Эрасистрат (III в. до н. э.). Гален приводит любопытную цитату из его сочинения *Τὰ ὑγιεινά* (*Thrasymb.* 38): «Невозможно найти врача, который бы посвятил свою жизнь изучению гигиены» (οὐδὲ γὰρ ἰατρὸν εὐρεῖν ἔστιν, ὅστις δέδωκεν αὐτὸν εἰς τὴν [περὶ] τῶν ὑγιεινῶν πραγματείαν). Разграничение медицины и гигиены, на первый взгляд, соотносится с приведенными выше соображениями Галена о количественном отличии врачебного искусства от «поддерживающего». В сферу компетенции гигиениста входит следующее: знание видов телесных выделений, климатических свойств и эффектов, которые оказывают на здоровье еда и напитки, а также упражнения и повседневные занятия (ἐπιτηδεύματα) (*Thrasymb.* 40). Иными словами, врач печется о больном, гигиенист печется о здоровом. Однако эта стройная картина, где два искусства, объединенных общей целью, врачевание и гигиена, оказываются равноправными, отвергается в последней главе трактата. Врачевание, утверждает Гален, появилось раньше гигиены, и на самом деле все искусство, занимающееся человеческим телом, можно назвать медициной

³ Нельзя не отметить, что для Галена это понятие синонимично понятию τὸ φυλακτικόν (*Thrasymb.* 31), что несколько усложняет картину: для части и целого используется один и тот же термин.

(ιατρική), а всякого, кто практикует это искусство, — врачом (*Thrasymb.* 47). Великие врачи древности Гиппократ, Праксагор и Герофил были знатоками этой всеобъемлющей науки (ὅλης τῆς περὶ τὸ σῶμα τέχνης ἐπιστήμονες), в том числе и гигиены, и Гален, конечно, относит себя к числу таких же знатоков. Все, что может быть известно гигиенисту (ὑγιεινός), оказывается, таким образом, частью познаний врача (ὁ ἰατρός). Сам термин ὑγιεινός был, как предполагает Ютнер, введен в рамках полемики врачей и гимнастов для того, чтобы изъять из ведения последних диетические предписания и отказать гимнастам в каких бы то ни было медицинских познаниях (Jüthner 1909: 6, Ibáñez 2003: 149). Однако слово ὑγιεινός не прижилось, и Гален, по всей видимости, решает вернуть гигиену в лоно медицины.

Роль гимнаста в свете вышесказанного закономерным образом должна оказаться подчиненной, ведь все, что касается физической активности человека, включено в искусство гигиены, а последнее является частью медицины. Здесь необходимо вспомнить противопоставление атлетической телесной крепости и естественной (*Thrasymb.* 9), так как в представлении Галена существуют две гимнастики (и, соответственно, два гимнаста). Первая, получившая широкое распространение в эпоху Галена и глубоко им презируемая (*Thrasymb.* 34, 36, 45), занимается подготовкой атлетов. Ее Гален обозначает словом *κακοτέχνη* (*Thrasymb.* 41, 47), которое в данном случае можно перевести как «низкое или вредное искусство». Вторая, не претендующая на высокое положение, имеет врачевание в качестве своего руководителя (ἀρχιτεκτονική) (*Thrasymb.* 43), ведь именно врачи выступают в роли настоящих знатоков подлинной гимнастики (ἢ ὄντως γυμναστική) (*Thrasymb.* 41). Что касается адептов гимнастического искусства, то здесь деление очевидно. Грубые, необразованные и звероподобные (*Thrasymb.* 37) тренеры атлетов не заслуживают даже того, чтобы Гален обращал на них внимание, в то время как деятельность представителей подлинной гимнастики служит полезным подспорьем врачу. Область их компетенции Гален определяет как «знание воздействия всех упражнений [на человеческое тело]» (*Thrasymb.* 41). Подобное определение представляется небезынтересным: деятельность гимнаста, по мнению Галена, оказывается не практической, а теоретической или даже подчиненной логике (Felsenheld 2011: 28). Бремя физического труда полностью падает на педотриба, деятельность которого характеризуется как ἡ περὶ τὰ

παλαίσματα⁴ τέχνη (*Thrasyb.* 45), что можно перевести как «искусство приемов борьбы»⁵ или же просто как «искусство борьбы». Педотриб не обладает знанием того, что полезно, а что вредно для человека, и представляет собой слугу (ὕπηρετης) гимнаста (*Thrasyb.* 45), который может прибегать к услугам педотриба в тех редких случаях, когда его подопечному могут быть полезны принятые в палестре упражнения. Для занятия педотриба, тренирующего атлетов и не состоящего в подчинении гимнаста, Гален подбирает презрительное название καταβλητική (*Thrasyb.* 45), то есть «умения повалить противника». Стоит отметить, что среди искусств, подчиненных гимнастике, Гален называет также верховую езду, охоту, греблю, словом, все занятия, так или иначе требующие физических усилий (*Thrasyb.* 44).

Такова в общем приближении иерархия искусств, предложенная в трактате «Фрасибул». Рассмотрим теперь, что противопоставляет ей Филострат. Одна из глав этого трактата посвящена определению гимнастики (*Phylostr. Gymn.* 14). Представляется нелишним привести это определение: «Итак, чем же следует считать гимнастику? Ничем иным, кроме как видом мудрости, состоящим из врачебного дела (ιατρική) и искусства педотриба, правда, более полным, чем второе, и являющимся только частью первого. <...> Педотриб покажет виды приемов и даст советы, в какой момент, с каким усилием и до какой степени следует их осуществлять, а также покажет, как можно защищаться и как одолеть защищающегося, и то же объяснит и учитель гимнастики, если атлет еще этого не знает. Иногда ведь следует использовать приемы борьбы или панкратиона, иногда ускользнуть от обладающего преимуществом противника, а иногда отражать удары. Ничто из этого не было бы известно учителю гимнастики, если бы он не знал и того, что знает педотриб. Именно в этом оба искусства равны между собою. Однако очищение от телесных соков, избавление от лишнего в теле, размягчение затвердевшего, увеличение объемов тела, изменение и разогревание отдельных его частей — все это относится к искусству гимнаста. Педотрибу это либо не будет известно, либо, даже если что-то и случится ему знать, он будет

⁴ О понятии *πάλασμα* см. статью Э. В. Янзиной и О. В. Корнеева (Yanzina, Korneev 2022: 1212)

⁵ В качестве синонима к термину *παιδοτριβική* Гален использует слово *παλαίστρική* (*Thrasyb.* 43).

неправильно применять свои знания для обучения мальчиков, только мучая свободных людей благородной крови. Настолько, таким образом, гимнастика полнее упомянутой выше науки педотриба. К медицине же она имеет следующее отношение: болезни, которые мы называем катаром, водянкой, чахоткой и падучей, врачи лечат какими-нибудь вливаниями, целебным питьем и мазями, гимнасты же останавливают эти недуги при помощи диет и массажа. В случае же перелома, ранения, помутнения зрения или вывиха конечности следует обращаться к врачам, так как гимнастика никоим образом тут не поможет»⁶. Сразу же бросается в глаза сходство между взглядами Галена и Филострата на роль педотриба. Его область — борцовские приемы (*παλαίσματα*). Филострат, относившийся к борьбе с особым пиететом (Philostr. *Gymn.* 11), не вкладывает в это слово того негативного значения, которое мы встречаем во «Фрасибуле», однако педотриб у него выполняет служебную функцию и без надзора гимнаста может быть даже вреден для своих воспитанников. Педотриб и гимнаст у Филострата соотносятся примерно так же, как гигиенист и врач у Галена: компетенция первого полностью входит в компетенцию второго. Пристального внимания заслуживает то, как Филострат предлагает разграничить сферы гимнастики и медицины. Его первоначальное утверждение о том, что гимнастика представляет собой лишь часть врачебного дела, нельзя принять за чистую монету. Из последующих рассуждений Филострата видно, что гимнаст равен врачу, различие между ними состоит только в применяемых ими средствах. Характерно то, что Филострат выносит за пределы гимнастической науки перелома, ранения и вывихи — все это относится не к теоретической части медицины (той самой логической медицины, представителем которой был Гален), а к практической, более низкой. Сама мысль о том, что гимнаст может вылечить болезнь, показалась бы Галену абсурдной — мы видели, что для него гимнастика по определению предназначена только для здоровых людей.

Уравняв гимнаста и врача, Филострат не останавливается. В следующей главе трактата (Philostr. *Gymn.* 15) он маскирует еще одну атаку на врачей за притворным уважением к их занятию: «Никто не может сам знать всю медицину целиком, но один умеет лечить раны, другой помогать при лихорадке, третий сведущ в болезнях глаз, а четвертый врачует больных чахоткой.

⁶ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

Тем не менее заниматься даже какой-то малой частью медицины — уже великое дело, поэтому справедливо говорят врачи, что знают все, относящееся к медицине. Однако никто не смог бы подобным образом заявить, что овладел всей гимнастической наукой. Ибо тот, кто умеет тренировать бегунов, не сможет обучить борьбе или панкратиону, а тот, кто готовит к тяжелым состязаниям, окажется невежественным в других областях гимнастической науки». Во «Фрасибуле» мы находим перечисление хирургических операций, врачебных манипуляций и лекарственных средств (*Thrasyb.* 23–24), призванное продемонстрировать сложность и разнообразие, свойственные медицине. Здесь Филострат прибегает к схожему приему, ведь сложность искусства или науки подразумевает узкую специализацию. Но если Гален допускает, что один человек может овладеть всей совокупностью знаний (*Thrasyb.* 24), то для гимнастики такое не представляется возможным.

В конце трактата Филострат наносит медицине еще один удар. Врачи, говорит он, и стали причиной упадка гимнастики. Главная их вина состоит в нарушении диетических предписаний, выработанных гимнастикой (к примеру, они начали предлагать атлетам рыбные блюда, что категорически запрещено гимнастической наукой). Здесь речь Филострата звучит уже издевательски: «Кроме того, [врачи] выдумали небылицы о свинине и предлагают считать негодными свиней, живущих на морском берегу, из-за того, что они питаются морским чесноком, которым изобилует взморье и прибрежные пески, а также отказываться и от мяса свиней, живущих близ рек, потому что они питаются раками, и стали включать в диету атлета только мясо свиней, откормленных кизилом и желудями» (*Philostr. Gymn.* 44). Этот откровенно пародийный фрагмент, возможно, направлен против самого Галена, интересовавшегося диетической проблематикой и посвятившего ей часть своих сочинений (König 2005: 323). Даже если Филострат не имел в виду конкретного труда Галена, важен сам факт, что диететика, неотъемлемая, по мнению автора «Фрасибула», часть медицины (*Thrasyb.* 26, 35), изымается Филостратом из ведения врачей и передается гимнастам.

Если Гален критикует гимнастов, занимающихся подготовкой атлетов, за недостаток образования и культуры, то гимнаст в понимании Филострата являет собой воплощение эллинской культуры (König 2005: 331). Он должен не только разбираться в видах физических упражнений, массаже, диетах и даже

гуморальной теории (Philostr. *Gymn.* 26), но и быть сведущим в риторике (Philostr. *Gymn.* 25) и знатоком человеческих душ (Philostr. *Gymn.* 20–24). Врач у Галена назван «службой природы» (τῆς φύσεως ὑπηρετής) (*Thrasymb.* 26), гимнаста же Филострат именует «судьей природы» (Philostr. *Gymn.* 25) (φύσεως κριτής), поднимая его тем самым на недосягаемую высоту.

Литература

- Felsenheld, Édouard. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011.
- Galen: Writings on Health. *Thrasymbulus and Health (De sanitate tuenda)*. Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
- Galenus. *Thrasymbulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine*. In: *Claudii Galeni Pergameni scripta minora*. Vol. 3. Ed. Marquardt, J., Müller, I., Helmreich, G. Leipzig: Teubner, 1893, Repr. 1967.
- The Cambridge Companion to Galen. Ed. by R. J. Hankinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Jüthner, Julius. *Philostratos über Gymnastik*. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1909.
- König, Jason. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Nieto Ibañez, J. M. Galen's Treatise *Thrasymbulos* and the Dispute between Paidotribes and gymnasts. *Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum)*, 16, 2003. S. 147–156.
- Yanzina E. V., Korneev O. V. 2022: Ob interpretatsii nekotorykh terminov-agononimov v Pollucis Onomasticon III, 149–150, 155 [The ancient combat sports terms in the Onomasticon by Julius Pollux (III, 149–150, 155): translation, interpretation and commentary]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]*, 26, 1204–1234.
- Янзина Э. В., Корнеев О. В. 2022: Об интерпретации некоторых терминов-агонимов в Pollucis Onomasticon III (149–150, 155). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 26, 1204–1234.

А. А. Трофимов
ШАГИ РАНХиГС / МГЮА им. О. Е. Кутафина, Москва, Россия.
artemii.trofimov@gmail.com

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ «НАРТЕН-ПРЕЗЕНСОВ» В ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема реконструкции акростатических «нартеновских» презенсов, реконструируемых с долготой в корне в единственном числе в противоположность полной ступени во множественном. После анализа всех примеров в индоевропейских языках, привлекавшихся исследователями, преимущественно в древнеиндийском, делается вывод о том, что данный тип глагольных образований не может быть уверенно реконструирован для праязыка. В собственно в ведийском основе настоящего времени с долготным корнем в единственном числе ограничен презенсами, образованными от двух типов корней, вероятно, фонетически обусловленных. Данные хеттского и других индоевропейских языков не являются доказательными.

Ключевые слова: презенс, акростатический, ведийский, хеттский, аблаут, ударение, долгота.

А. А. Trofimov
SHAGI RANEPА / Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.
artemii.trofimov@gmail.com

On the Narten presents reconstructioun in the Proto-Indo-European language

The so-called Narten presents are reconstructed for Proto-Indo-European since 1968. Researchers suppose that they were formed from some roots of proto-language and were characterised by the length of the root vowel in singular and the full grade in plural. Though J. Narten herself used the German term “proterodynamisch” to name this class modern scholars predominantly designate present formations under consideration as “acrostatic”. According to their reconstruction, the root **stey-* ‘to praise’ formed the paradigm 3Sg. **stēyuti* vs 3Pl. **stēyūti* which resulted though in Vedic as 3Sg. *stāuti*, 3Pl. *stuvānti* with remodeling of the later form. The only Vedic verb showing the proposed opposition directly as described by J. Narten and other scholars is 3Sg *tāṣti*, 3Pl. *tākṣati* from the root *taks-* ‘to form by cutting, plane, chisel, chop; to fashion, form, make, create’. In this paper I examine all PIE and Vedic examples of Narten presents in order to figure out whether they are phonetically independent. The analysis of

presents reconstructed in LIV as acrostatic (“akrodynamic”) and II class presents in Vedic demonstrating length in present singular allows to make a conclusion that the data of Hittite and other Indo-European languages are not decisive and all Vedic examples are phonetically motivated. The larger group of Vedic cases are II class presents formed from roots with *CeU(C)-structure. There are in addition some instances of roots ending in Vedic in *-kṣ*, *-j*, *-s*. It is not excluded that some type of internal Vedic or Indo-Aryan lengthening is due to this unexpected emergence of the long vowel *-ā-* in listed verbs. I conclude that Narten presents are not corroborated by data and this concept should be abandoned.

Keywords: presence, acrostatic, Vedic, Hittite, ablaut, accent, vowel length.

В современном индоевропейском языкознании широко распространена теория акцентно-аблаутных парадигм, основанная на представлении о прямом соотношении и зависимости индоевропейского аблаута от места ударения. В своих предыдущих статьях я уже указывал на наличие значительного количества исключений из этого правила, а именно на основы и отдельные словоформы с ударной нулевой ступенью, признать вторичными которые, на мой взгляд, не представляется возможным.

Еще одним методологически уязвимым местом данного подхода, ставшего практически общепринятым, как представляется, является реконструкция того или иного акцентно-аблаутного типа путем «сложения» форм, наблюдаемых в разных языках или группах. Например, в хеттском слово ‘колени’ имеет форму NSg. n. *gēnu*, в латыни – *genū*, *-ūs* n. что противоречит данным, в частности, греческого и древнеиндийского: ср. греч. *γόνυ*, *γόνᾶτος*, ион. эп. *γούῶτος* n. и др.-инд. *jānu-* n., реже m. ‘колени’. На основании таких данных реконструируется парадигма вида NSg. **gōnu*, GSg. **gēnus* (Beekes 2011: 208). В праязыковую парадигму исследователями включаются также формы с нулевой ступенью, ср. греч. *γῶνῆ* adv. ‘на колени’. На столь шатких основаниях даже реконструируется внутренняя история склонения в праязыке: «There was a conspicuous group of basic neuter nouns with *o*-grade direct cases which may originally have been acrostatic (ibid. pp. 4–8) but are reconstructable for late PIE as proterokinetic, e.g. **wódr̥* **udén-* ‘water’, **sóh₂wl* **sh₂uén-* ‘sun’, **móri* **mréy-* ‘sea’, **gōnu*

**ǵnéw-* ‘knee’, **dóru* **dréw-* ‘tree, wood’» (Ringe 2006: 46; Schindler 1975: 4-8).

В реконструкции глагола и отдельных праиндоевропейских глагольных категорий наблюдается похожая ситуация. Одной из категорий, которая считается обычно твердо установленным праязыковым типом, являются атематические нартеновские или акростатические презенсы, а в немецкой терминологии «Словаря индоевропейских глаголов» для их обозначения используется прилагательное *akrodynamisch* (LIV: 14-15).

Й. Нартен предположила наличие в праиндоевропейском особого типа глагольных презенсов с постоянным неподвижным ударением на корне (Narten 1968). Сама исследовательница использовала уже в названии по отношению к устанавливаемому ей типу термин *proterodynamisch*, но, как было сказано выше, впоследствии для обозначения этого типа презенсов в основном употреблялись другие прилагательные, прежде всего акростатические (англ. *acrostatic*). Парадигма, реконструируемая Й. Нартен для праиндоиранского состояния ведийского глагола *stu-* ‘славить, прославлять’, представлена исследовательницей в следующем виде:

IND. AKT.

**stáumi*: AV.+ *stáumi*, гат. авест. *stāumī* (?)

**stáušī*

**stáuti*: AV.+ *stáuti*, RV. *staut*, *astaut*

**stáumasi*

**stáutha*

**stáuati*

PART. AKT.

**stáuat-*: гат. авест. *stauuat-*

IND. MED.

**stáyai*

**stáušai*

stáyai* (stáutai*): RV *stave*, мл.-авест. *staoitā*

**stáumadhai*: мл.-авест. *staomaide*

**stáudhuyai*

**stáyatai*

PART. MED.

**stáyāna-*: RV. *stávāna-*, мл.-авест. *stauuana-* (Narten 1968: 18).

В дальнейшем индоевропейцы в основном приняли идею Й. Нартен и реконструировали данную акцентно-аблаутную

глагольную парадигму и на основании данных других индоевропейских языков. Например, Н. Эттингер реконструировал акростатические корневые презенсы на основании хеттских данных, где он считает написания *plene* указанием на праязыковую долготу (Oettinger 1979: 99-101). Презенсы с долготой в других языках также приводились как свидетельство для реконструкции нартеновских презенсов на уроне праязыка. Авторы «Словаря индоевропейских глаголов» реконструируют 52 нартеновских презенса, из которых 32 они считают надежными (LIV: 14-15; Meier-Brügger 2010: 301-302).

Тем не менее, уверенность в существовании данного типа презентных основ в праязыке представляется преждевременной. Ответ на вопрос, были ли в праиндоевропейском в действительности презентные парадигмы вида 3Sg. **stéuti* vs 3Pl. **stéunti*, как, впрочем, многое в сравнительно-историческом языкознании, зависит исключительно от того, насколько серьезны языковые свидетельства, которые положены в основу этой реконструкции. Нетрудно убедиться, что они исключительно слабы.

Расхождения между реконструкцией и языковой действительностью начинаются уже в самом главном примере, который является практически основным для Й. Нартен и обычно приводится другими исследователя в качестве образцового. Глагол **steu-* ‘прославлять’ в ведийском языке в презенсе II класса имеет следующие формы:

stáumi (AV.) *stáuti* (AV.); *stumási*, *stuvánti* (Macdonell 1916: 429).

Можно видеть, что во множественном числе в древнеиндийском представлена нулевая ступень *stu(v)-*. Поэтому Й. Нартен приходится объяснять формы *stumási*, *stuvánti* как ранневедийские аналогические образования (Narten 1968: 16).

Насколько мне известно, вообще реконструируемую модель 3 Sg. **C₁éC₂-ti*, 3Pl. **C₁éC₂-ṅti* и, соответственно, в праиндоиранском 3 Sg. **C₁áC₂-ti*, 3Pl. **C₁áC₂-ṅti* напрямую может продолжать вообще только один (!) ведийский презенс II класса. Речь идет о глаголе **takṣ-* ‘обтесывать; придавать какую-л. форму; обрабатывать дерево, плотничать’, презенс которого II класса в ведийском имеет как раз формы 3Sg. *tāṣṭi*, 3Pl. *tákṣati* при 2Sg. Ipv. *tālhi* (Macdonell 1916: 385). Примечательно, что форма *tāṣṭi* встречается только в поздневедийском (брахманы) при том, что в Ведах стандарт-

ным является презенс I класса – 3 Sg. *tákṣati*, данная форма омонимична 3Pl. (II) *tákṣati* (Whitney 1885: 59).

Все остальные корни ведийского языка, которые реконструируются индоевропеистами на прауровень как нартеновские / акростатические презенсы, имеют отклонения от схемы, предложенной автором. Например, форме 3Sg. *stáuti* соответствует во множественном числе *stuvánti*, а форме 3 Sg. *mārṣti* – 3 Pl. *mṛjánti*. Далее, реконструируемый как **h₂ed-* корень ‘есть’ должен был иметь в праиндоевропейском парадигму 3Sg. **h₂éd_{ti}* 3Pl. **héd_{nti}*, а в праиранском, соответственно, 3Sg. **ádti* ~ **átti*, 3Pl. **ádanti*, при этом его реально засвидетельствованные ведийские формы хорошо известны – 3Sg. *átti*, 3Pl. *adánti*. Наконец, глагол *śās-* ‘обучать, наставляя; приказывать’ имеет формы 3Sg. *śásti* и 3Pl. *śásati* с долготой как в единственном, так и во множественном числе (причем в 1 лице множественного числа наблюдается слабая форма корня *śismáḥ*), это может объясняться как реконструкцией 3Sg. **kéh_s-ti*, 3Pl. **kéh_s-nti*, так и, например, **3Sg. *kéh_s-ti*, 3Pl. **kéh_s-nti* – долготу стоящего перед ларингалом гласного в праязыке невозможно определить.

Таким образом, даже в ведийском, в языке, в котором данный тип, по мнению исследователей (Keydana 2016), представлен лучше всего, практически все глаголы демонстрируют трансформированную парадигму. Соответственно, и определение характера презентной основы в качестве нартеновской может зависеть попросту от того, есть ли форма с долготой в корне в одном из языков (причем не обязательно основа будет атематической – по мнению исследователей, тематическая основа I класса в ведийском вместо атематической основы II класса может быть получена путем добавления тематической гласной с сохранением долготы).

Неудивительно, что наличие в праязыке акростатических презенсов уже ставилось под сомнение. Как уже отмечалось выше, авторы LIV’a реконструируют данный тип презенсов, но делают осторожную оговорку: «Es ist möglich, daß diese Regel sekundär aus verschiedenen Quellen entstanden ist und dann generalisiert wurde, aber sicher noch im Urindogermanischen» (LIV: 15).

Более решительно пересматривает нартеновские презенсы Ф. Кортландт, который, опираясь на идею А. Лубоцкого, предполагает, что формы вроде *tāṣti* восходят к образованиям с редупликацией, то есть **tetk-*, а *dāṣti* ‘приносит жертву’ –

соответственно к **dedk-*; далее ср. «*mārṣti* ‘wipes’ < **me(m)rġ-*, *stáuti* ‘praises’ < **ste(st)u-*, with lengthening of the vowel replacing the lost consonants» (Kortlandt 2004: 9). К мнению Ф. Кортландта присоединяется М. де Ваан, который критически обсуждает авестийские формы, приведенные Й. Шиндлером для доказательства действия подобной схемы в праязыке (Vaan 2004); позднее похожим образом трактуется появление долготы в рассматриваемых презенсах Р. Сэнделл (Sandell 2014).

Г. Кейдана в статье «В защиту нартеновских корней» выдвигает аргументы против теории А. Лубоцкого – Ф. Кортландта о происхождении *tāṣti* < **tētk-ti* – исследователь предпочитает реконструкцию **tekp-* или **teks-*, указывая, что не все кластеры вида **kḥ* можно объяснить метатезой из **tk*; также, по его мнению, при подобной трактовке трудно объяснить распространение предложенной модели на остальные презенсы (Keydana 2016: 275-277). Далее он заключает свои рассуждения следующим образом: «To sum up: Whatever the prehistory of the Narten present may be, at least in Indo-Iranian a pattern of athematic verbs with lengthened grade in the singular and full grade in the plural of the active paradigm existed. In Vedic and Avestan, however, only remnants of the pattern survived. The collapse of the system is further illustrated by the fact that in some cases, Narten presents were turned into thematic ones preserving the long root vowel, while in others the lengthened grade spread into verb forms outside the present tense and even into derivatives. Taken together, these observations show clearly that the Narten present was already in a state of complete decay at the time of the earliest texts. Thus, it seems fair to conclude that they were most probably old» (Keydana 2016: 277).

При этом Г. Кейдана опять же не приводит никакого конкретного списка. Такой подход, как и в случае с другими акцентно-аблаутными парадигмами (прежде всего именными) представляется мне неверным. Если, как можно наблюдать в ведийском языке, какой-то тип глаголов выглядит редким, это еще не обязательно значит, что он находится на стадии практически полного исчезновения и представляет собой особый архаизм. Необходимо проверить, нельзя ли считать появление того или иного характерного признака (в данном случае долготы) свидетельством действия каких-нибудь внутриязыковых фонетических или морфонологических

процессов, присущих именно этому языку. Для этого необходимо проверить весь ряд корней предполагаемого типа в языке на независимость контекстов, другими словами – на разнообразие фонетических вариантов корней, в особенности в их исходе. Здесь стоит повторить, что только глагол *tāṣṭi* целиком выглядит так, как предсказывается моделью, более того, именно для этого типа Ф. Кортландт и его последователи предлагали фонетическое объяснение.

Я приведу далее два списка корней и основ, для которых предлагалась реконструкция нартеновских презенсов. Сначала будут перечислены все корни, которые часто относят к «протеродинамическому» типу (*akrodynamisch* — LIV: 32), чтобы продемонстрировать, на основании каких индоевропейских данных обычно постулируют такие презенсы. Затем последует список основ, которые засвидетельствованы в ведийском, с целью ответить на вопрос, можно ли выявить фонетически или морфонологически обусловленные типы в рамках древнеиндийского языка.

Список корней в LIV

1. ? **b^heg^u*- ‘davonlaufen, fliehen’ (LIV: 67; IEW: 116).

Презенс ? **b^héǵ^u*- / **b^hég^u*-: греч. *φέβομαι* ‘fliehe’; ст.-лит. *bégmi*, лит. *bégu*, (*bégti*) ‘laufen, fliehen’; др.-рус. (+) *бѣгу*, *бѣчи* ‘laufen’.

2. **deǵh₁*- ‘aufleuchten’ (LIV: 108; IEW: 183-184).

Презенс **dēǵh₁*- / **dēǵh₁*-: греч. *δέατο* Od. 6,242 ‘schien, hatte den Anschein’.

3. **dek-* ‘(an-, auf-)nehmen, wahrnehmen’ (LIV: 109-112; IEW: 189-190).

Презенс вед. **dék-* / **dék-*: вед. *dāṣṭi* ‘wartet auf, verehrt, huldigt, bringt dar’, Konj. *dāśat*, Ptz. *dāśat-*; авест. **dās-* в отглагольном прилагательном мл.-авест. *dāšta-* ‘dargebracht’; хот.-сакск. *dās-* ‘annehmen, ehrenvoll aufnehmen’; греч. *δέχεται* II. 12,147 ‘erwarten im Hinterhalt, lauern auf’.

4. **d^helb^h*- ‘graben, aushöhlen’ (LIV: 143; IEW: 246).

Презенс **d^hélb^h*- / **d^hélb^h*-: др.-англ. *delfan* ‘graben’; лит. (*nu*-)*delbiù*, *-dēlbtì* ‘(die Augen) niederschlagen’; ? тох. А *śalpatār* ‘wird erlöst’.

В тохарских языках засвидетельствованы продолжающие аористную основу формы тох. В 3pl. *tsālpāre* тох. А 3Sg. *tsālp* ‘wurde(n) erlöst’.

5. **d^heu-* ‘laufen, eilen’ (LIV: 147-148; IEW 259-60, 262).

Презенс **d^héu-* / **d^héu-*: вед. *dhāvati* ‘läuft, eilt’, *dhāvate* ‘läuft (dahin)’; ср.-перс. *daw-* ‘rennen, laufen’; греч. *θείω*, эпич. *θειώ* ‘laufe’; ? готск. **diwan* ‘sterben’.

6. **d^heuH-* ‘rasch hin und her bewegen, schütteln’ (LIV 149-150; IEW 261-3).

Презенс **d^héuH-* / **d^héuH-*: вед. *dhāvati* ‘reibt, spült ab’; мл.-авест. *fra-dauiata* V. 9,29 ‘soll sich abreiben’.

7. ? **ġeb^h-* ‘essen, kauen’ (LIV 161; IEW 382).

Презенс ? **ġēb^h-* / **ġēb^h-*: ст.-лит. *žėbmi* ‘esse langsam, kaue’.

8. ? **ġ^hreiH-* ‘den Mund verziehen, verlegen sein’ (LIV: 180).

Презенс ? **ġ^hrēiH-* / **ġ^hrēiH-*: вед. Ptz. (?) *á-hrayāṇa-* ‘dreist, frech’.

9. **g^(u)eġ^h-* ‘(ins Wasser) eindringen, hineinwaten’ (LIV: 183; IEW 465).

Презенс **g^(u)ēġ^h-* / **g^(u)éġ^h-*: вед. *gáhate* ‘dringt ein, steigt ins Wasser’.

10. ? **g^uelh₃-* ‘wünschen, wollen’ (LIV: 208-209; IEW 472).

Презенс **g^uélh₃-* / **g^uélh₃-*: греч. зап.-ион. гомер. *βόλομαι* ‘will, wünsche, ziehe vor’.

11. **h₁ed-* ‘(beißen >) essen’ (LIV: 230-231; IEW 287-289).

Презенс **h₁éd-* / **h₁éd-*: хетт. *ēdmi*, *adanzi* ‘essen’; вед. *átti*, *adánti* ‘essen’; греч. *ἔδμεναι* ‘essen’; лат. *edō*, *ēsse*, *edim* ‘essen’; др.-ирл. *ithid* ‘iġt’; валл. *ys* ‘iġt’; готск. *itan* ‘essen’; ст.-лит. *ėmi* ‘esse’; ст.-слав. *jamь*, (*jasti*) ‘essen’; ? алб. *ha* ‘iġt’.

12. ? **h₁eg^{uh}-* ‘trinken’ (LIV: 231; IEW 23).

Презенс **h₁é-h₁og^{uh}-* / **h₁eg^{uh}-*: хетт. *ekuzi/eukzi*, *akuanzi* ‘trinken’, палайск. *ahuwānti* ‘trinken’; тох. В *yokām* ‘trinkt’, тох. А *yoktsi* ‘trinken’.

Под вопросом в примечаниях рассматривается возможность реконструкции акростатического презенса **h₁éġ^{uh}-* / **h₁ég^{uh}-*.

13. **h₁len(ġ)^h-* ‘eidlich versichern’ (LIV: 247; IEW 676).

Презенс **h₁lén(ġ)^h-* / **h₁lén(ġ)^h-*: хетт. *likzi*, *linkanzi* ‘schwören’; греч. *ἐλέγχο* ‘beschuldige, beschimpfe’; ? тох. В *k-lyenktār* ‘*bestreitet’.

14. ? **h₂enk-* ‘zuteilen’ (LIV: 268; IEW: 45, 318).

Презенс **h₂énk-* / **h₂énk-*: хетт. *hikzi* ‘teilt zu, überreicht’, корень *henk-*.

15. **h₂merġ-* ‘abstreifen, (ab)wischen’ (LIV: 280-281; IEW 738).

Презентс **h₂mérĝ-* / **h₂mérĝ-*: вед. *márṣti* ‘wischt ab, reinigt’, 3pl. *mṛjánti*; мл.-авест. *marəzaiti* ‘streift, berührt’; греч. *ἀμέργω* ‘pflücke ab, ernte’.

16. ? **h₂seut-* ‘aufwallen’ (LIV: 285; IEW 914-915).

Презентс ? **h₂séut-* / **h₂séut-*: др.-англ. *sēoðan* ‘sieden, kochen (tr., intr.)’; ст.-лит. *siausti* ‘stürmt, tobt’, лит. *siąutu*, (*siąutėti*).

17. ? **h₂uet-* ‘ziehen, führen’ (LIV: 294).

Презентс **h₂uét-* / **h₂uét-*: хетт. *huezta* ‘zieht, führt’.

18. **h₃reg-* ‘gerade richten, ausstrecken’ (LIV: 304-305; IEW 854-857).

Презентс **h₃reg-* / **h₃reg-*: ? вед. *rāṣti* ‘herrscht’, *rājati* ‘herrscht; glänzt’; мл.-авест. *vī-rāzaiti* ‘herrscht’; хот.-сакс. *rays-* ‘lenken’; греч. *ὀρέγω* ‘strecke’; лат. *regō*, *-ere* ‘richten, lenken’; др.-ирл. *a-t:raig*, *a-ta:regat* ‘sich erheben’; готск. *rikan* ‘aufhäufen’; тох. В Konj. *rāsām* ‘soll ausstrecken, -breiten’.

19. **h₃rejH-* ‘wallen, wirbeln’ (LIV: 305; IEW: 330-331).

Презентс ? **h₃rějH-* / **h₃rějH-*: ст.-слав. *rějo*, (*rějati*) ‘fließen’.

20. **kēHs-* ‘анweisen’ (LIV: 318; IEW 533).

Презентс **kēHs-* / **kēHs-*: вед. 2Sg. *śāssi*, Ptz. *śāsat-* ‘unterweisen, anweisen, zurechtweisen’; авест. гат. *sāstī*, Opt. *sāhī* ‘unterweisen’; алб. *thom* ‘sage’.

21. **kēs-* ‘(ab)schneiden’ (LIV: 329; IEW 586).

Презентс **kēs-* / **kēs-*: вед. (YV) *vī śāsti* ‘zerlegt’;

В примечаниях указывается: «3Pl *śāsati*; Irv. *śāstu*, *śāsatu* mit Durchführung der R(ē), daneben aber *śāsanti* ŚB, mit Akzentverschiebung aus umgebildetem *śāsānti*».

22. **kremh₂-* ‘schlaff werden’ (LIV: 337-338; IEW 573).

Презентс **krémh₂-* / **krémh₂-*: греч. *κρέμαμαι* ‘hänge herab’.

23. **k^lelh₁-* ‘verlocken, betören, betrügen’ (LIV: 349; IEW 551).

Презентс **k^lélh₁-* / **k^lélh₁-*: греч. *κηλέω* ‘bezaubere, betöre’.

24. **kerH-* ‘ausstreuen, schütten’ (LIV: 353-355; IEW 933-935).

Презентс **kérH-* / **kérH-*: др.-хот. *kāriṇdā* ‘ziehen, schleppen weg’.

25. ? **k^(u)hed-* ‘(zer)quetschen’ (LIV: 359; IEW 634).

Презентс **k^(u)héd-* / **k^(u)héd-*: вед. *khādati* ‘kaut’; мл.-авест. *vī-xaḍa* ‘quetsche auseinander!’.

26. ? **k^(u)RemH-* ‘einen Schritt tun’ (LIV: 368-369).

Презентс **k^(u)RémH-* / **k^(u)RémH-*: вед. *krāmati*, *kramate* ‘schreitet’; ? согд. *γr’m* ‘komm!’.

27. *ksneŭ- ‘schärfen’ (LIV: 373; IEW 585).

Презенс *ksnĕŭ- / *ksnéŭ-: вед. *kṣṇaumi* ‘wetze, schärfe’; авест. гат. *xšṇauīšā* ‘mögest anhören’; др.-перс. *ā-xšṇauvaiy* ‘höre’.

28. *k^hej- ‘wahrnehmen, bemerken’ (LIV: 377-378; IEW 636-637).

Презенс *k^hĕj- / *k^héj-: вед. *cāyati* ‘nimmt wahr, bemerkt, beachtet’; греч. през. *τη-ε- ‘hüten’; ст.-слав. *čajō*, (*čajati*) ‘erwarten, hoffen’.

29. *k^hek- ‘sehen, erblicken’ (LIV: 383-385; IEW 638-639).

Презенс ? *k^hĕk- / *k^hék-: ? вед. (ŚB) *áva-kāśate* ‘wird sichtbar, erscheint’; мл.-авест. *ā-kasat* V. 22,2; 9 ‘erblickte’; др.-хот. мед. *nyaste* ‘verachtet’.

30. *k^hem- ‘(hinunter)schlucken, einsaugen’ (LIV: 389-390; IEW 640-641).

Презенс *k^hĕm- / *k^hém-: вед. (YV^P) *ā-cāmati* ‘schlüpf’; мл.-авест. Конж. *a-šamāṭ* ‘soll schlürfen’; хот.-сакск. *tsām-* ‘schlüpfen’; совр. исл. *hvoma* ‘verschlucken, verschlingen’.

31. *k^hieu- ‘sich in Bewegung setzen’ (LIV: 394-395; IEW 539).

Презенс *k^hĕŭ- / *k^héŭ-: вед. Конж. *cyavante* ‘werden sich bewegen’; авест. гат. 3Pl. *šauuaitē* ‘unternehmen’.

32. *leiH- ‘gießen’ (LIV: 405-406; IEW 664-665).

Презенс *lĕiH- / *léiH-: ? греч. *λείβω* ‘gieße aus’; лит. диал. *lejù*, (*lieti*), лтш. *leju*, (*liēt*) ‘gießen’; ст.-слав. *lějō*, (*lijati*) ‘gießen’.

33. *leuH- ‘abschneiden, lösen’ (LIV: 417; IEW 681-682).

Презенс ? *lĕuH- / *léuH-: тох. В *lyewetār* ‘sendet’.

34. *med- ‘messen, für Einhaltung sorgen, sich kümmern’ (LIV: 423; IEW 705-706).

Презенс *mĕd- / *méd-: греч. *μήδομαι* ‘erwäge, ersinne, beschließe’; *μέδω* ‘herrsche, walte’, *μέδομαι* ‘sorge (für), bin bedacht’; др.-ирл. *midithir*, *-midethar* ‘urteilt, beurteilt’; готск. *mitan* ‘messen’.

35. *neuH- ‘schreien, brüllen’ (LIV: 456-457; IEW 767).

Презенс ? *nĕuH- / *néuH-: вед. Ipf. *anāvan* RV 10,68,1 ‘schrien’, мед. *návate* ‘brüllt’.

36. *(h₁)rep- ‘(an sich) reißen, rupfen’ (LIV: 507; IEW 865).

Презенс *(h₁)rĕp- / *(h₁)rép-: греч. *ῥέπτομαι* ‘rupfe, reiße ab’; лит. *(ap)-rėpiu*, *(-rėpti)* ‘umgeben, umfassen’; алб. *rjep* ‘zieht aus, beraubt’.

37. *sed- ‘sich setzen’ (LIV: 513-515; IEW 884-887).

Презенс ? **séd-* / **séd-*: ? вед. *sādád-yoni-* RV 5,43,12 ‘auf seinem Platz sitzend’; ? др.-ирл. *-said, sedait* ‘sitzen, sich setzen’; ? др.-исл. *sitja* ‘sitzen’; ? ст.-лит. *sédmi*, лит. *sédu, (sėsti)* ‘sich setzen’.

38. **seĭk-* ‘erreichen’ (LIV: 522; IEW 893).

Презенс **sėĭk-* / **sėĭk-*: лит. *siėkiu, (siėkti)* ‘wonach langen; erreichen, reichen bis’.

39. **sekH-* ‘abtrennen’: ‘schneiden’, ‘unterscheiden’ (LIV: 524; IEW 895-896).

Презенс **sėkH-* / **sėkH-*: ст.-слав. *sěko, (sěsti)* ‘hauen, fällen’.

40. **smeĭ-* ‘lachen, lächeln’ (LIV: 568-569; IEW 967).

Презенс **smėĭ-* / **smėĭ-*: вед. *smáyate* ‘lächelt’; lett. *smeju, (smiēt)* ‘lachen, verspotten’; ст.-слав. (+) *smějō se, (smijati se)* ‘lachen’; тох. В *smiyām* ‘lächelt’.

41. **steu-* ‘bekannt sein; preisen’ (LIV: 600-601; IEW 1035).

Презенс **stėu-* / **stėu-*: вед. *astaut* ‘pries, lobte’, 1Pl. *stumási*; авест. гат. *stāumī* ‘preise’, Ptz. *stauuat-*, мл.-авест. 3Sg. Inj. Med. *staota*; мл.-авест. 1Sg. Akt. *staomi*, мед. *-stuiiē*; греч. *στεῦται* ‘gibt kund, rühmt sich, verspricht’.

42. **teh₂(ĝ)* ‘berühren, fassen’ (LIV: 616-617; IEW 1054).

Präsens ? **tėh₂(ĝ)* / **táh₂(ĝ)*: готск. *tekan* ‘berühren’; тох. В *cešām*, 3Pl. *ceken-* ‘berühren’.

43. **tetk-* ‘erzeugen, herstellen’ (LIV: 638-639; IEW 1058-1059).

Презенс **tėtk-* / **tėtk-*: вед. *tāṣṭi* ‘zimmert, schafft, verfertigt’, 3Pl. *tákṣati*; авест. гат. *tāšt* ‘bildet(e)’, мл.-авест. *auui ... tāṣti* ‘zerlegt’; лтш. *tešu, (tėst)* ‘behauen’; ст.-слав. *tešō, (tesati)* ‘hauen, fällen’.

44. ? **teup-* ‘sich niederkauern, sich klein machen’ (LIV: 641; IEW 1085).

Презенс ? **teup-* / **teup-*: лит. *čiāupiu, (čiāupti)* ‘fest zusammenpressen’.

45. ? **tresk-* ‘ausquetschen, dreschen’ (LIV: 651; IEW 1072).

Презенс ? **trėsk-* / **trėsk-*: готск. *þriskan* ‘dreschen’; ? лит. *trėškiu, (trėkšti)* ‘quetschen, pressen’.

46. **t^heng^h-* ‘ziehen’ (LIV: 657; IEW 1067).

Презенс ? **t^hėng^h-* / **t^hėng^h-*: тох. В *ceŋkem* ‘sie hemmen’.

47. **ued^hh₁-* ‘stoßen’ (LIV: 660; IEW 1115).

Презенс **uėd^hh₁-* / **uėd^hh₁-*: хетт. *wizzai* ‘drängt, schlägt, stößt’; греч. *ἔθων* ‘stoßend (und wühlend)’.

48. **ueh*₂- ‘sich wenden’ (LIV: 663).

Презенс **uēh*₂- / **uéh*₂-: хетт. *wēhzi*, *wahhuweni* ‘sich wenden’

49. **uek̂*- ‘wünschen’ (LIV: 672; IEW 1135).

Презенс **uēk̂*- / **uék̂*-: хетт. *wēkzi*, *wekkanzi* ‘wünschen, verlangen’.

50. **uelh*₁- ‘(aus)wählen’ (LIV: 677-678; IEW 1137).

Презенс **uēlh*₁- / **uélh*₁-: лат. *uult* ‘will’, Konj. *uelim*; умбр. *veltu* ‘soll wählen’; готск. *wili* ‘will’; ст.-лит. *velmi* ‘wünsche, will’; ст.-слав. *veljo*, *veliši*, (*velěti*) ‘wollen; befehlen’.

51. **ues*- ‘grasen, weiden, verzehren, essen’ (LIV: 693-694; IEW: 1171).

Презенс ? **uēs*- / **ués*-: ? хетт. *wesiyattari* ‘weidet’; лат. *uēscor*, *-ī* ‘sich nähren’;

? готск. *wisan* ‘schwelgen, sich freuen’.

В списке «протеродинамических» презенсов по терминологии авторов словаря также ошибочно указываются корни **Hmelk̂*- и **Huer*- (LIV: 711–712), хотя презенсы для них восстанавливаются в соответствующих словарных статьях как **Hmélk̂*- / **Hmĭk̂*- и ? **Huér-je*- (LIV: 226–228). Поэтому количество примеров расходится с подсчетами авторов (как сомнительный случай включен презенс ? **h*₁*éġ^{uh}*- / **h*₁*éġ^{uh}*- ‘пить’ — такая возможность реконструкции указывается в примечаниях).

Можно видеть, что многочисленные на вид данные на поверку выглядят как разрозненные свидетельства различных групп языков, не складывающиеся в определенную систему. Отдельные презенсы считаются «нартеновскими» просто благодаря показаниям одной-двух групп языков. Хеттские формы при кажущейся надежности и прозрачности не являются показательными. А. Клюкхорст считает, что реконструкция «нартеновских презенсов» с опорой на написания *plene* в настоящем времени хеттских глаголов вроде 1Sg. *e-et-mi* ‘я ем’ неправомерна, поскольку написание *plene* не указывает на изначальную долготу, а только на место праязыкового ударения (Kloekhorst 2008: 120, примечание 243; Kloekhorst 2014: 26-172). Подобной трактовки хеттского *scriptio plena* в целом придерживается и А. С. Касьян: «место хеттского *plene* прямо соответствует месту акцента в др.-греч., др.-инд., слав. и других и.-е. языках. Таким образом, *plene* необходимо считать отражением фонетической сущности, а именно: *plene* выписывается в

старых ударных слогах» (Касьян 2008: 9). Соответственно, А. Клюкхорст реконструирует перечисленные в составленном по материалам LIV¹а списке хеттские глаголы *ēdmi*, *adanzi* ‘есть’ как **h₁éd-ti*, **h₁d-énti*; хетт. *likzi*, *linkanzi* ‘клясться’ как **(h₁)lén(ġ)^h-ti*, **(h₁)ln(ġ)^h-énti*; *wēhzi*, *wahhuweni* как **uéh₂-o- (?)*; *wēkzi*, *wekkanzi* как **uék-ti*, **uk-énti* и т. д. Это позволяет утверждать, что данные хеттского действительно нельзя считать доказательными при реконструкции интересующей нас категории, на что указывается и в (Keydana 2016: 272).

Что касается свидетельств других языков, то они еще менее ясны: например, вокализм греч. *φεβομαι* ‘убегать; избегать; отправляться в изгнание’ в противоположность ст.-лит. *bégmi*, лит. *bėgu*, (*bėgti*) ‘бежать, убегать’; др.-рус. (+) *бѣгу*, *бѣчи* ‘бежать’ может просто объясняться действием закона Винтера, что признается и в соответствующей словарной статье (LIV: 67); подобная трактовка может быть применена в случае ст.-лит. *ėmi* ‘ем’; ст.-слав. *jamь*, (*jasti*) ‘есть’ (LIV: 230-231). И вообще за пределами индоиранских языков и хеттского нет глаголов, в которых наблюдалось бы однозначное синхронное распределение долготы в единственном числе презенса в противоположность краткости во множественном.

Можно видеть, что проблему реконструкции «Нартен-презенсов» действительно стоит рассматривать прежде всего на древнеиндийском материале. Второй список форм – те ведийские основы второго класса глаголов, которые имеют долготный корень в презенсе.

Ведийские основы с презенсом II класса с долготным корнем в единственном числе по данным У. Д. Уитни (Whitney 1885)¹:

ās- ‘sit’: 3Sg. *āste* 6–7
kṣu- ‘sneeze’: 3Sg. *kṣāuti* 3Pl. *kṣuvānti* 30
kṣnu- ‘wet’: 1Sg. *kṣnāumi*, 3Sg. *kṣnāuti* 31
khyā- ‘see’: 2Sg. *khyāsi*, 3Sg. *khyāti* 33
cakās- ‘shine’: 3 Sg. *cakāsti -sati* 43
caḥ- ‘see’: 3Sg. *cāste*, 3Pl. *cākṣate* 44
jaḥ- ‘eat’: 3Sg. *jaḥsiti*, 2Sg. Ipv. *jaḥdhi* 51
taḥ- ‘fashion’: 3 Sg *tāṣti*, 3 Pl. *tākṣati* 59

¹ Также указываются корни, которые не имеют долготы в ведийском, но используются исследователями в качестве данных для реконструкции акростатических презенсов в праязыке.

- tu-* ‘be strong’: 3Sg. *tavīti* [*tāuti*] 63
dyu- ‘attack’: гапакс Саяны *pra dyāuti* 79
drā- ‘run’: 3Sg. Ipv. *drātu* 79
drā- ‘sleep’: 3Sg. *drāti* 79-80
dhyā- ‘think’: 3Sg. *dhyāti* 85
nu-, nū- ‘praise’: 3Sg. *nāuti* , 3Pl. *nuvānti* 91
nu- ‘move’: 3Sg. *nāuti* 91
psā- ‘devour’: 3Sg. *psāti* 104
brū- ‘say’: 3Sg. *brāvīti*, 3Pl. *bruvānti* 107
bhā- ‘shine’: 3Sg. *bhāti* 110
mṛj- ‘wipe’: 3Sg. *mārṣṭi*, 3Pl. *mṛjānti* 125
yā- ‘go’: 3Sg. *yāti* 131
yu- ‘unite’: 3Sg. *yāuti*, 3Pl. *yuvati* 131-132
ru- ‘cry’: 3Sg. *rāuti* [*ravīti*], 3Pl. *ruvanti* 141
vā- ‘blow’: 3Sg. *vāti* 157
śas-, śās- ‘cut’: 3Sg. *śāsti*, 3Pl. *śāsati* 172
śās-, śis- ‘order’: 3Sg. *śāsti*, 3Pl. *śāsati* 172
sū-, su- ‘generate, enliven, impel’: 3Sg. *sūte*, 3Pl. *sívate*,
 вариант *sāuti* 188
sku- ‘tear’: 3Sg. *skāuti* 191
stu- ‘praise’: 3Sg. *stāuti*, 3Pl. *stuvānti* 193
snā- ‘bath’: 3Sg. *snāti* 195
snu- ‘distil’: 3Sg. *snāuti* 195-196
hnu- ‘hide’: 3Sg. *hnāuti* 208

При рассмотрении приведенных данных необходимо сразу отбросить все формы, долгота которых обусловлена наличием ларингала в корне, то есть те, праформы которых выглядят как *CeH(C)-: *ās-* < *HeHs- (*h₁eh₁s-), *khyā-* < *k^hk̂-eH- и т. д., а именно *drā-1*, *drā-2*, *dhyā-*, *psā-*, *bhā-*, *yā-*, *vā-*, *snā-*, а также *śās-*, *śis-*. Оставшиеся корни распадаются на две основные группы.

В первую входят все древнеиндийские корни вида *CU-*, восходящие к праиндоевропейским корням структуры *CEŪ-, они имеют в единственном числе презенс с долгим дифтонгом *āu*, то есть продленную ступень корня. Те корни, которые для древнеиндийского записываются преимущественно в виде *CŪ-* и восходят к праиндоевропейским корням структуры *CEŪH-, демонстрируют презенсы 3Sg. *Cāvī-ti*, ср. *tavīti* от корня *teuḥ₂- (LIV: 639-640), *brāvīti* от корня *mleuḥ₂- (LIV: 446-447) и *ravīti* от корня *h₃reuḥ- (LIV: 306). Интересно, что два из перечис-

ленных презенсов имеют варианты *tāuti* и *rāuti*, аналогичные по образованию тем, которые наблюдаются у *aniṭ*-корней.

Более того, данное правило не имеет исключений — не наблюдается ведийских и древнеиндийских корней вообще, которые бы заканчивались на *-u* или *-ū* и у которых в спряжении настоящего времени был бы вокализм $o < *au- < *eu$. Напротив, древнеиндийские корни со срединным гласным *u* или *ū* могут закономерно образовывать дифтонг *o*, ср. *próthati* ‘snort’, корень *pruth-* (Whitney 1885: 103); *plóṣati* ‘burn’, корень *pluṣ-* (Whitney 1885: 142); и тд.

Стоит отметить, что подобное поведение обсуждаемых корней и образованных от них основ уже было замечено исследователями. Так, в своей грамматике санскрита сам У. Д. Уитни в § 626 отмечает: «The roots of the (root-)class ending in *u* have in their strong forms the *vṛddhi* instead of the *guna* — strengthening before an ending beginning with a consonant: thus, from $\sqrt{stu-}$, *stāumi*, *ástāut*, and the like»; ниже в § 633 исследователь пишет, что «some of the roots in *u* are allowed to be inflected like *brū-*, namely *ku-*, *tu-*, *ru-* and *stu-* (Whitney 1896: 238–239).

Р. Сэнделл в докладе, посвященном происхождению долготных «нартеновских» презенсов в праиндоевропейском, приводит восемь ведийских корней обсуждаемого типа, причем на основании того, что некоторые формы засвидетельствованы только в поздневедийском, он не исключает, что некоторые из них представляют собой аналогические образования: *kṣu-* ‘sneeze’, *kṣnu-* ‘sharpen’, *nu-* ‘low’, *yu-* ‘bind’, *ru-* ‘low’, *sku-* ‘poke’, *stu-* ‘praise’, *snu-* ‘drip’ (Sandell 2014: 9).

Наиболее логично предположить, что описываемая ситуация является обусловленной именно фонетическими или морфонологическими процессами, причем, что весьма вероятно, собственно древнеиндийскими. По неизвестной причине дифтонг **au* удлинялся во всех рассматриваемых формах, а параллельно в последовательности **aui*, по всей видимости, происходило удлинение последнего гласного, который является продолжением **ə* / **H*/. Можно думать о добавлении какого-то гласного неполного образования при присоединении окончаний к корням структуры **CEU-* и **CEUH-*. Особенно удивительно в связи с этим, что подобный эффект работает только для перечисленных случаев и не распространяет свое действие,

например, на корни вида **CEI-* и **CEIH-*, максимально формально близкие: ср. *kṣéti* ‘живет’, корень *kṣi-*.

Тем не менее, как представляется, нет весомой причины проецировать данный класс глаголов на праиндоевропейский уровень. Гораздо логичнее объяснять его как собственно ведийский, в том числе потому, что множественное число рассматриваемых презенсов в основном содержит нулевую ступень, что и ожидалось бы от любой слабой формы.

Еще один ряд древнеиндийских корней, которые считаются восходящими к «Нартен-презенсам», более малочисленный, — это те, которые имеют исход на *-kṣ*, *-j* и *-ś*, а именно:

cakṣ- ‘see’: 3Sg. *cákṣte*, 3Pl. *cákṣate*

jakṣ- ‘eat’: 3Sg. *jakṣiti*, 2Sg. Ipv. *jagdhi*

takṣ- ‘fashion’: 3 Sg *tāṣṭi*, 3 Pl. *tákṣati*

mṛj- ‘wipe’: 3Sg. *mārṣṭi*, 3Pl. *mṛjánti*.

К ним также примыкает один корень с исходом на *-s*: *śas-*, *śās-* ‘cut’: 3Sg. *śāsti*, 3Pl. *śāsati*.

Можно отметить, что именно в первых двух случаях речь однозначно идет об удвоении, и как раз никакого долготного презенса ни в том, ни в другом случае не наблюдается. Долгота в *tāṣṭi* и *mārṣṭi*, возможно, все же может объясняться как компенсаторное удлинение перед тяжелыми кластерами вроде **kḥpt-* или **rġt-* или — что даже вероятнее — перед их праиндоарийскими коррелятами. В ведийском есть формы, которые выглядят похожим образом и не показывают никаких следов компенсаторного удлинения, например, причастие *taṣṭá-* (Keydana 2016: 276). Однако стоит отметить возможность разного вокализма в этих двух формах: *tāṣṭi* продолжает **tékḥpti*, а праформу для *taṣṭá-* реконструировали в том числе в виде **t^hḥp-to-*; таким образом, компенсаторное удлинение в качестве объяснения для этого ряда случаев не исключено.

На основании проанализированных данных можно сделать вывод, что реконструкция акростатических презенсов в том виде, в котором это предлагала делать Й. Нартен и другие исследователи, не выдерживает проверки материалом. Долгота в единственном числе в тех ведийских презентных основах, которые привлекались в качестве наиболее надежной основы для реконструкции «Нартен-презенсов», встречается в корнях определенной структуры и может быть фонетически обусловленной.

Библиография

- Beekes, R. S. P. 2008: *Comparative Indo-European Linguistics: An introduction. Second edition.* Revised and corrected by M. de Vaan. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- IEW — Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* Bern: French & European Publications.
- Kassian, A. S. 2008: *Памятники хеттского языка: орфография, фонетика, лексика, текстология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. [Hittite language documents: orthography, phonetics, lexicon, textology. PhD thesis abstract].* Moscow.
- Касьян, А. С. 2008: *Памятники хеттского языка: орфография, фонетика, лексика, текстология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* Москва.
- Keydana, G. 2016: In defence of Narten roots. *Indogermanische Forschungen* 121: 271–293.
- Kloekhorst, A. 2008: *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon.* Leiden; Boston: Brill.
- Kloekhorst, A. 2014: *Accent in Hittite. A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics.* Wiesbaden: Harrasowitz Verlag.
- Kortlandt, F. 2004: Accent and Ablaut in the Vedic Verb. *Indo-Iranian Journal* 47: 7–15.
- LIV – *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen.* Unter Leitung von H. Rix ... bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer, 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert. 2001.
- Meier-Brügger, M. 2010: *Indogermanische Sprachwissenschaft. 9., durchgesehene und ergänzte Auflage.* Unter Mitarbeit von Matthias Fritz und Manfred Mayrhofer. Berlin; New York: De Gruyter.
- Macdonell, A. A. 1916: *A Vedic grammar for students.* Oxford: Clarendon Press.
- Narten, J. 1968. Zum “proterodynamischen” Wurzelpräsenz. In: J. C. Heesterman, G. H. Schokker, V. I. Subramoniam (eds.) *Pratidānam. Indian, Iranian, and Indo-European studies presented to Franciscus Bernardus Kuiper on his sixtieth birthday.* The Hague: Mouton, 1968.
- Oettinger, N. 1979: *Die Stammbildung des hethitischen Verbuns.* Nürnberg: Hans Carl.
- Ringe, D. 2006: *A Linguistic History of English. Vol. I. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic.* Oxford: University Press.
- Sandell, R. 2014: The Phonological Origins of Indo-European Long-vowel (“Narten”) Presents.

- Schindler 1975: L'Apophonie des thèmes indo-européens en *-r/n'*. *Bulletin de la Société de Linguistique* 70: 1–10.
- Vaan de, M. 2004: 'Narten' roots from the Avestan point of view. In: A. Hyllested, A. R. Jørgensen, J. H. Larsson (eds.) *Per aspera ad asteriscos. Studia Indogermanica in honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen, 591–599.
- Whitney, W. D. 1885: *The Roots, Verb-forms and Primary Derivatives of the Sanskrit Language*. A Supplement to his Sanskrit Grammar. Leipzig: Breitkopf and Härtel.
- Whitney, W. D. 1896: *Sanskrit Grammar Including both the Classical Language, and the older Dialects, of Veda and Brahmana*. Leipzig: Breitkopf & Härtel; Boston: Jinn & Company.

А. А. Филатов

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
alexfil1997@mail.ru

ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ В ПАПИРУСНОМ ИСТОЧНИКЕ IV В. (Р. Оху. 6 903)¹

Статья посвящена папирусному документу из Египта (IV в.), содержащему текст жалобы жены на собственного мужа. Среди бытовых сцен фигурируют детали, позволяющие судить о религиозной принадлежности супругов. Одна из них может служить свидетельством высокой популярности иудейских обычаев (в частности, почитания субботы) в среде христиан Ближнего Востока. Данный фрагмент раскрывает связь этого документа с трудами лидеров и историков Церкви IV–V вв. и превращает папирус в ценный источник по истории отношений иудеев и христиан в Поздней империи.

Ключевые слова: христианство, иудаизм, Римский Египет, Поздняя Римская империя, папирология.

А. А. Filatov

St.Petersburg State University. St.Petersburg, Russia.
alexfil1997@mail.ru

Christianity and Judaism in papyri source of the 4th century (P. Oxy. 6 903)

The article is devoted to the papyri document from Oxyrhynchus (Egypt, 4th century) containing text of wives' complaint against her own abusive husband. The details occurring amongst domestic scenes give some information about spouses' religious affiliation (like mentions of bishops and church). One of them may serve as an evidence of high-level popularity of Jewish customs in milieu of Middle-Eastern Christianity. It concerns the most enigmatic phenomena in history of Judaism and its' influence in Ancient world — veneration of Sabbath. The passage unfolds connection of this document with works of leaders and historians of the Church in IV-V centuries like John Chrysostom's sermons «Against the Jews» or Socrates and Sozomen's «Histories of the Church». This infrequent evidence transforms the papyrus to precious source on the history of Jewish-Christian relations in Late Roman Empire.

Key words: Christianity, Judaism, Roman Egypt, Late Roman Empire, papyrology.

¹ Работа выполнена под научным руководством к.и.н., доцента кафедры Истории Древней Греции и Древнего Рима А. Д. Пантелеева.

Р. Оху. 6 903 (IV в.) представляет собой уникальный источник для изучения бытовых отношений в позднеантичном Египте. Написанный на греческом языке, он был обнаружен в 90-е гг. XIX в. в Оксирихе Б. Гренфеллом и А. Хантом, которым и принадлежит его первая публикация (Grenfell, Hunt 1908: 238–241). Довольно объемный документ раскрывает перед читателем семейную драму и является, фактически, обвинением, составленным женой против собственного мужа. Имена супругов не указаны, как и адресат письма. О дальнейшей судьбе документа ничего не известно — был ли он передан в суд, или инцидент так и не получил публичной огласки.

Супруга обвиняет мужа в различных оскорблениях (ὕβρεων) и обидах, нанесенным ей, ее воспитанницам (τροφίμα[ι]ς), рабам (δούλοις) и даже собственному сыну хозяина, исполнявшему обязанности домоправителя (τὸν προνοητὴν καὶ τὸν υἱὸν αὐτοῦ). Текст гласит, что жену, ее подопечных и рабов обвиняемый запер в подвале (τὰ κατὰγαια) и удерживал там в течение семи дней, а других рабов подверг бичеванию (ἀλοκτίνας) αὐτοῦς τῶν π[λ]ηγῶν). Но чем дальше заходит повествование, тем все более необычные детали раскрываются перед читателем. Рассказывается о том, как глава семьи пытал воспитанниц своей жены огнем, раздев их донага (καὶ πῦρ προσήνευκεν ταῖς τροφίμα[ι]ς μου γυμνῶσας ἀ[τὰ]ς παντελῶς), в попытке заставить их таким образом отдать ему имущество жены. С той же целью он бичевал рабов — чтобы выведать, что из его имущества жена удержала за собой.

Далее истец рассказывает некоторые подробности заключения их брака — обвиняемый клялся (ᾧμοσεν) никогда не обижать свою будущую супругу «в присутствии епископов и своих братьев» (ἐπὶ παρουσίᾳ τῶν ἐπίσκοπων καὶ τῶν ἀδελφῶν αὐτοῦ). В этом фрагменте (Р. Оху. 6 903, 15–18) впервые появляются детали, указывающие на профессиональную принадлежность супругов. Далее автор документа говорит: «и брак был заключен» (καὶ γαμικὸν γέγονεν), и это говорит о том, что, скорее всего, термин «ἐπίσκοποι» в данном случае употреблен в своем христианском значении и обозначает представителей клира. Также в пользу этой версии говорит тот факт, что «епископы» упомянуты перед «братьями». Сложно представить, чтобы свидетели из среды знакомых и друзей стояли по степени важности

перед братьями, даже в том случае, если под последними подразумеваются не кровные родственники. Б. Гренфелл и А. Хант считают, что здесь упоминаются именно епископы (bishops) (Grenfell, Hunt 1908: 240). Такой же вариант понимания предлагают Л. Блумелл и Дж. Уэймент (Blumell, Wayment 2015: 446–450).

Однако даже если под «ἐπίσκοποι» подразумеваются не священнослужители, то следующий фрагмент (Р. Оху. 6 903, 19–21) развеивает все сомнения относительно конфессиональной принадлежности супругов. По словам жены, когда она «отправилась в церковь в субботу» (ἀπελθοῦσα [εἰς τὸ κυριακὸν ἐν σαμβάθῳ), муж силой удержал ее дома. По ее словам, он «запер перед ней дверь снаружи и спросил: «Зачем ты пошла в церковь?» (ἐποίησεν τὰς ἔξω θύρας αὐτοῦ ἐγκλισθῆναι ἐπάνω μου λέγων ὅτι διὰ τί ἀπῆλθας εἰς τὸ κυριακόν;). В данном отрывке перед исследователем возникают два особо важных термина, интерпретация которых превратила Р. Оху. 6 903 в один из наиболее ценных источников по истории иудео-христианских отношений в период Поздней античности. Один из них — «κυριακόν» — вероятнее всего обозначает церковь. Эта версия была поддержана практически всеми исследователями, которые приняли именно такой вариант толкования. В самом деле, смысловой контекст данного эпизода, а также предлог «[εἰς τὸ» вполне позволяют с этим согласиться. Значительно более спорным является выражение «ἐν σαμβάθῳ». Б. Гренфелл и А. Хант в своем издании прописали начальную сигму заглавной буквой, предположив, вероятно, что этим термином обозначен некий населенный пункт (Grenfell, Hunt 1908: 240). В свою очередь, В. Чериковер (Cherikover 1964: III, 447–450), а также Л. Блумелл и Дж. Уэймент (Blumell, Wayment 2015: 447–450), оставив начальную сигму строчной, оспорили версию первых издателей, заявив об упоминании в этом фрагменте субботнего дня. Такого же мнения придерживается и Дж. Роуландсон (Rowlandson 1998: 207–208). В действительности, их версия звучит очень правдоподобно; выражение «ἐν σαμβάθῳ» вполне можно перевести как «в субботу». На данный вариант указывает не только предлог «ἐν», но и сравнение с другими папирусными материалами — как датируемыми IV в., так и более ранними.

Традиционное написание слова «σάββατον», фигурирующее в литературных источниках, претерпевало сильные изменения в зависимости от региона. В особенности такие метаморфозы

прослеживаются в записях бытового характера, подобно Р. Оху. 6. 903. Зачастую для грекоязычных документов, обнаруженных на территории Египта, в слове «σάββον» характерно наличие буквы «ϐ», заменяющей первую из двух «β». В свою очередь, «τ» нередко заменяется на «θ».

Упоминание субботы и однокоренных с ней слов нередко можно обнаружить в папирусных источниках II–IV вв. Одним из наиболее известных в науке является документ из архива Феофана, чиновника из города Гермополя (IV в.). Данный источник представляет собой список его затрат на пути из Египта в Антиохию (Р. RyI 4 630–637) (Matthews 2006: 41–138). В одном из отрывков внушительного по объему текста сообщается, что в селении Остракинэ (Ὀστρακίνη), в окрестностях Пелузия, Феофан потратил 300 драхм «ради субботы(?)» (ὕπερ Σαββαθ() α) (Р. RyI 4 637, 472–77):

ἐν Ὀστρακίνη	в Остракинэ
σταφυλῶν εἰς ἄριστ(ον) (δραχμαὶ) σ	виноград на завтрак: 200 драхм
τ[υρί]ων (δραχμαὶ) σ	сыр: 200 драхм
σ[ι]κυδίων (δραχμαὶ) ρ	огурцы: 100 драхм
ὕπερ Σαββαθ() α (δραχμαὶ) τ	на 1 субботу: 300 драхм
ἐξαπλίων (δραχμαὶ) ρ	ексатилии: 100 драхм.

Этот спорный момент стал предметом научной дискуссии, в рамках которой высказывались разные мнения, и среди исследователей встречаются как сторонники, так и противники версии о следе иудейской религии. Издатель не дает четких комментариев на тему связи этого термина с иудаизмом (Roberts 1952, IV, 104–124). В свою очередь В. Чериковер рассматривал данный фрагмент в рамках концепции сильного иудейского влияния в Египте и считал, что в этом случае имеет место именно упоминание субботы. На основании этого он даже выдвинул предположение о существовании в Остракинэ еврейской общины (Cherikover 1964: III, 15). С другой стороны, М. Чоат придерживался противоположной точки зрения, считая, что ни о каком влиянии иудаизма здесь речи быть не может. Его версия, необходимо отметить, не содержит достаточной аргументации (Choat 2009: 41–75). Несмотря на критику, эту гипотезу следует принять во внимание. В указанном фрагменте цифирь отсутствует у всех числительных, что весьма характерно для папирусных текстов. Соответственно, «τ» в

одной строке с «ὄδερ Σαμβαθ() α», скорее всего, также является числительным и вполне может обозначать сумму, пожертвованную в честь праздника. Это вряд ли можно назвать свидетельством о приверженности Феофана к иудаизму. Подлинные религиозные воззрения Феофана не известны. *Ex silentio* считается, что он был язычником (Rees 1968: 164–183). Однако вполне реально рассматривать как проявление уважения и благоговения перед обычаями древнего народа. О популярности субботы говорят также многочисленные имена, однокоренные со словом «Σαμβαθα» или «σάββατον». Помимо имени Савватий (Σαββάτιος), встречающегося на страницах трудов историков Церкви V в. (Soz. VII, 18; Socr. V, 21), в тех же папирусах (в том числе, датируемых IV в.) нередко можно обнаружить упоминания имени «Самбатсион» (Σαμβατίον, Σαμβατίων) (Cherikover 1964: III, 83–87, 112–116). Имена иногда служат своеобразным указателем того, какой религии мог придерживаться его носитель или его родители (Bagnall 1982, 105–124; Williams 2005: 21–40; Cornthwaite 2017: 277–297).

Помимо этого, одним из наиболее известных источников по данной теме является остракон O. Mich. 1 657, обнаруженный на территории Караниса (III-нач. IV вв.), также представляющий собой список из пяти имен (Cherikover 1964: III, 81–82). Первым в этом списке стоит загадочное (Σαμβᾶθις), остальные принадлежат античным богам — Артемиде, Куре (Персефоне), Дионису и Деметре. В данном случае намного больше ученых сошлись во мнении о влиянии иудаизма. По версии В. Черикова Σαμβᾶθις — имя собственное, производное от σάββατον, и принадлежит объекту религиозного почитания — обожествленной язычниками субботе, культ которой автор считает весьма популярным на Ближнем Востоке (Cherikover 1964: III, 44–56). Его поддерживает Г. Йюти, рассматривающий этот пример как проявление смешения иудейской традиции с верованиями восточных народов — в частности, жителей Месопотамии, среди которых был популярен культ оракула Самбэтэ (Youtie 1944: 209–218).

O. Mich. 1 657: Σαμβᾶθις
 Ἀρτέμις
 Κουρα
 Διονύσο []
 Δημ. []

На возможную связь рассматриваемого отрывка о конфликте супругов с иудейской традицией, как представляется, могут пролить свет восемь проповедей Иоанна Златоуста, прочитанных им во второй половине IV в. в Антиохии. Хронологическая и географическая служит связующим звеном между этими источниками. Однако вопрос о субботе занимает важное место практически в каждом сохранившемся труде Отцов или историков Церкви. В своих обращениях к народу Антиохии Иоанн осуждает многих своих единоверцев за следование еврейским обычаям — посещение синагоги, празднование Пасхи одновременно с иудеями и т. д. И вопрос о субботе является в его речах одним из наиболее ключевых, повторяемых оратором снова и снова (Ioann. Chrys. I 8; III 3).

Судя по сказанному Иоанном, изначальная близость обеих религий приводила к тому, что многие простые христиане не видели разницы между своими и иудейскими обычаями. Кроме того, некоторые миряне отличались большим благоговением перед молитвенными домами иудеев, чем перед собственными храмами. Златоуст сам цитирует таких людей — они говорили, что в синагоге лежит закон и книги пророков ($\nu\omicron\mu\omicron\varsigma \ \epsilon\kappa\epsilon\iota \ \kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota \ \kappa\alpha\iota \ \pi\rho\omicron\phi\acute{\eta}\tau\omega\nu \ \beta\iota\beta\lambda\acute{\iota}\alpha$) (Ioann. Chrys. VI 6). По мнению многих христиан того времени (к негодованию Иоанна), клятвы, данные в синагоге, были особенно страшны (Ioann. Chrys. I 2). Этот благоговейный трепет приводил к тому, что, судя по проповедям «Против иудеев», многие христиане могли вообще не видеть никаких различий между церковью и синагогой. В свою очередь, в папирусе говорится, что жена отправилась в субботу в церковь ($\tau\omicron \ \kappa\upsilon\rho\iota\alpha\kappa\acute{o}\nu$). Христиане, как правило, посещали храм в воскресный день, о чем говорят, к примеру, те же проповеди Златоуста, читаемые им по воскресеньям (Ioann. Chrys. I 1). Вместе с тем, Сократ Схоластик сообщает, что во многих регионах Империи существовала такая практика — посещать церковь по субботам, подобно иудеям (Socr. V 22). Особо среди всех он выделяет именно Египет, говоря о широком распространении этого обычая, противниками которого были только александрийцы. Это указание Сократа позволяет сделать предположение о происхождении мужа, участника конфликта из Александрии. Однако, несмотря на такую корреляцию источников, нельзя вполне исключить, что под « $\tau\omicron \ \kappa\upsilon\rho\iota\alpha\kappa\acute{o}\nu$ » может подразумеваться синагога.

В данном контексте очень важен призыв Иоанна Златоуста не посещать синагогу (Ioann. Chrys. IV 7): « $\kappa\alpha\tilde{\nu} \ \omicron\iota\kappa\epsilon\tau\eta\nu \ \epsilon\chi\eta\varsigma, \ \kappa\alpha\tilde{\nu}$

γυναῖκα, κάτεχε ἐπὶ τῆς οἰκίας μετὰ πολλῆς τῆς σφοδρότητος. Εἰ γὰρ εἰς θέατρον οὐκ ἐπιτρέπεις ἀπελθεῖν, πολλῶ μᾶλλον ἐπὶ συναγωγῆς τοῦτο χρῆ ποιεῖν· μείζων γὰρ ἡ παρανομία ἐκείνης αὐτῆ· ἐκεῖ ἄμαρτία τὸ γινόμενον, ἐνταῦθα δὲ ἀσέβεια». — «Если есть у тебя слуга, или жена, удерживай [их] дома с **большим** усердием. Ибо если не позволяешь [им] в театр уходить [из дома], то тем более — в синагогу. [В таком случае] еще большим становится ее (жены) беззаконие. Там (в театре) происходит грех, а здесь — нечестие».

В анализируемом тексте папируса сказано, что жена отправилась в церковь именно в субботу, из-за чего последовала негативная реакция мужа и вопрос «διὰ τί ἀπῆλθας εἰς τὸ κυριακόν;». Сложно представить, чтобы христианина удивил сам факт того, что жена отправилась в храм. Намного более вероятно, что его смутил день, который она выбрала. Не исключено, что в данном фрагменте можно видеть редкий пример влияния речей проповедников, подобных Иоанну Златоусту (можно, и его самого), на настроения рядовых христиан Ближнего Востока. В пользу данной версии говорит уже упомянутая хронологическая и региональная близость. Сложно судить о реальной степени благочестия этого человека, однако такой «проступок» мог предоставить ему своеобразную санкцию на применение силы в отношении супруги. Более подробно судить об этом не представляется возможным, однако, вероятно, что в этом фрагменте фигурирует пример внутренних противоречий христианского общества, которые Иоанн Златоуст публично «обнажил» в своих проповедях.

Таким образом, Р. Оху. 6 903 представляет собой не только любопытный источник по истории бытовых отношений в Римском Египте, но и особо важный документ, который, вероятно, содержит редкое свидетельство влияния позднеантичного иудаизма на сознание христианского населения в IV в., а также борьбы с этим явлением, отголоски которой постоянно прослеживаются в трудах Отцов и историков Церкви.

Литература

- Bagnall, R. S. 1982: Religious Conversion and Onomastic Change in Early Byzantine Egypt. *The Bulletin of the American Society of Papyrologists*,. Vol. 19, No. 3/4, 105–124.
- Blumell, L. H., Wayment, T. A. 2015: *Christian Oxyrhynchus: Texts, Documents, and Sources*. Waco, Texas: Baylor University Press,

- Cherikover, V. 1964: *Corpus Papyrorum Iudaicarum*. Vol. III. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Choat, M. 2009: The public and private worlds of Theophanes of Hermopolis Magna. *Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester*. Vol. 88, No. 1, 41–75.
- Cornthwaite, C. 2017: Wayward Jews, God-fearing Gentiles, or Curious Pagans? Jewish Normativity and the Sambathions. *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Period*. Vol. 48, No. 2, 277–297.
- Grenfell, B. P., Hunt, A. S. 1908: *The Oxyrhynchus papyri*. London: Egypt Exploration Fund. Vol. 6.
- Ioannes Chrysostomus. 1862: *Adversus Iudaeos Orationes VIII. Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Parisiis J.-P. Migne. Vol. 48.
- Matthews, J. 2006: *The Journey of Theophanes. Travel, Business, and Daily Life in the Roman East*. New Haven and London: Yale University Press.
- Rees, B. R. 1968: Theophanes of Hermopolis Magna. *Bulletin of the John Rylands Library*. Vol. 51, No. 1, 164–183.
- Roberts, C. H. 1952: *Catalogue of the Greek and Latin Papyri in the John Rylands Library at the University of Manchester*. Vol. 4. Manchester: Manchester University Press.
- Rowlandson, J. 1998: *Women and Society in Greek and Roman Egypt. A Sourcebook*. Cambridge University Press.
- Williams, M. H. 2005: Jewish Festal Names in Antiquity — A Neglected Area of Onomastic Research. *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Period*. Vol. 36, No. 1, 21–40.
- Youtie, H. C. 1944: Sambathis. *Harvard Theological Review*. Vol. 37, No. 3, 209–218.

М. В. Фионин

Институт Восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия. maxfionin@mail.ru

РАЗНОЧТЕНИЕ В ЛЕКЦИОНАРИИ D 227 (ИН 3:15)

В статье рассматривается вариант чтения ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχει ζωὴν αἰώνιον «чтобы всякий, кто верует в него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:15), засвидетельствованный в лекционарии D 227 из собрания Института Восточных рукописей РАН.

Автор статьи предполагает, что здесь мы имеем дело с ошибкой переписчика, поскольку грамматически нормативным вариантом является употребление глаголов в наклонении конъюнктив в придаточных предложениях цели с союзом ἵνα «чтобы». Писец либо использовал прототип уже содержащий ошибку, либо допустил её сам. Кроме того, автор отмечает, что вариант ἔχει в Ин 3:15 встречается и в других рукописях Евангелий начиная с VIII в.

Ключевые слова: библистика, новозаветная текстология, евангельские лекционарии, Евангелие от Иоанна, рукописный фонд ИВР РАН.

M. V. Fionin

Institute of Oriental Manuscripts RAS, Saint-Petersburg, Russia. maxfionin@mail.ru

The variant reading in lectionary D 227 (JN 3:15)

The article discusses the variant of reading John 3:15: ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχει ζωὴν αἰώνιον “that whoever believes in Him should not perish but have eternal life”, is attested in the Lectionary D 227 from the collection of the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences.

The author suggests that here we are dealing with a copyist's error, since the grammatically normative option is the use of verbs in the conjunctive mood in purpose clauses with the conjunction ἵνα ‘in order that’. The scribe seems to be used a prototype that already contained an error, or made it himself. In addition, the author notes that the variant ἔχει in John 3:15 is found in other manuscripts of the Gospels starting from the VIII century.

Keywords: Bible Studies, New Testament Studies, Gospel of John, Variant Readings, New Testament manuscripts, Collection IOM RAS.

Рукопись D 227 из собрания ИВР РАН — евангельский лекционарий XII в, являющийся предметом нашего диссертаци-

онного исследования¹. В ходе нашего исследования мы определили, что евангельский текст рукописи является разновидностью Византийского типа текста или текста большинства рукописей.

В начале отметим, что, несмотря на то, что минускульные рукописи в целом и лекционарины в частности содержат поздний Византийский тип текста, даже в поздних рукописях могут быть засвидетельствованы ранние чтения. Пример таких вариантов приводит в своей статье Д. Паркер. Он сделал обзор трех чтений: (Parker 2016: 21–31). Однако в нашей небольшой заметке речь пойдет не о раннем чтении, а о разночтении, по-видимому, возникшем вследствие итацизма и вошедшем в ряд евангельских рукописей, начиная с VIII в.

Фрагмент, о котором пойдет речь (Ин 3:15) находится в литургическом чтении четверга Светлой недели (Ин 3:1–15), расположенном на лл. 4–5 рукописи D 227.

В начале нашего небольшого обзора покажем несколько отличий рукописи D 227, евангельский текст которой относится к Византийскому типу от более раннего варианта новозаветного текста, представленного в издании Нестле-Аланда 28. Для наглядности, поместим в таблицу стихи Ин 3:13–15. В первой колонке текст издания Нестле-Аланда (NA 28), во второй Византийский текст (Robinson 2005) и в третьей текст рукописи D 227.

NA 28 (Ин 3:13–15)	Византийский тип текста (Ин 3:13–15)	D 227 (Ин 3:13–15)
<p>Καὶ οὐδεὶς ἀναβέβηκεν εἰς τὸν οὐρανὸν εἰ μὴ ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς, ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου.</p> <p>¹⁴ Καὶ καθὼς Μωϋσῆς ὑψώσεν τὸν ὄφιν ἐν τῇ ἐρήμῳ, οὕτως ὑψοθῆναι δεῖ τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου,</p> <p>¹⁵ ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων ἐν αὐτῷ ἔχη ζωὴν αἰώνιον.</p>	<p>Καὶ οὐδεὶς ἀναβέβηκεν εἰς τὸν οὐρανόν, εἰ μὴ ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς, ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ὁ ὢν ἐν τῷ οὐρανῷ.</p> <p>¹⁴ Καὶ καθὼς Μωϋσῆς ὑψώσεν τὸν ὄφιν ἐν τῇ ἐρήμῳ, οὕτως ὑψοθῆναι δεῖ τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου.</p> <p>¹⁵ ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχη ζωὴν αἰώνιον.</p>	<p>Καὶ οὐδεὶς ἀναβέβηκεν εἰς τὸν οὐνόν, εἰ μὴ ὁ ἐκ τοῦ οὐνοῦ καταβάς, ὁ υἱὸς τοῦ ἀνοῦ ὁ ὢν ἐν τῷ οὐρανῷ.</p> <p>¹⁴ Καὶ καθὼς Μωϋσῆς ὑψώσε τὸν ὄφιν ἐν τῇ ἐρήμῳ, οὕτως ὑψοθῆναι δεῖ τὸν υἱὸν τοῦ ἀνοῦ.</p> <p>¹⁵ ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχει ζωὴν αἰώνιον.</p>

¹ Подробнее о рукописи см. Fionin 2015.

Сразу же можно выделить три отличия между ранней редакцией текста, представленного в 28-м издании Нестле-Аланда, и Византийским текстом. Во-первых, дополнение к 13-му стиху ὃν ἐν τῷ οὐρανῷ «сущий на небе» в Византийском тексте. Этой интерполяции нет в авторитетных ранних рукописях — Синайском (κ) и Ватиканском (В) кодексах (IV в.). Далее, особенность написания имени Моисей в 14-м стихе: в ранних вариантах Μωϋσῆς, а в Византийском тексте — Μωσῆς. И, наконец, авторитетные ранние рукописи ℱ⁷⁵ (III в.) и В (IV в.) в 15-м стихе предлагают πιστεύων ἐν αὐτῷ «верующий в Него», а Византийский текст меняет союз ἐν на εἰς и добавляет ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόλλῃται «чтобы [всякий], кто верует в него не погиб»². Необходимо сказать несколько слов об этих вариантах 15-го стиха, раннем ἐν αὐτῷ и более позднем εἰς αὐτόν. Как справедливо заметил Б. Метцгер: «За исключением этого отрывка, четвертый евангелист всегда использует εἰς после πιστεύειν (34 раза), и ни разу ἐν. С другой стороны, если ἐν αὐτῷ здесь оригинально, то смысл вполне может заключаться в том, «что всякий, кто уверует в Него (т. е. полагающийся на Иисуса как на причину) имеет вечную жизнь». В пользу такой интерпретации говорит манера Иоанна ставить деепричастие с ἐν перед глаголом, когда фраза является выразительной или метафорической (ср. Ин 5:39; 16.33; и 1 Ин). Таким образом, в целом значение ℱ⁷⁵ и В, будучи неоднозначным, по-видимому, лучше всего объясняет рост других вариантов» (Metzger 2002: 175).

Завершая текстологический разбор трех стихов 3-ей главы Евангелия от Иоанна, можно твердо утверждать, что в приведенном фрагменте рукописи отчетливо видна близость ее текста именно к Византийскому типу.

И наконец, самый интересный момент при текстологическом сравнении вариантов 15-го стиха — это разночтение внутри Византийского типа текста. Более частотным и грамматически правильным является, представленный в издании Робинсона (Robinson 2005) вариант: ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν ἀλλ' ἔχη ζωὴν αἰώνιον «чтобы всякий, кто верует в него не

² Здесь глагол ἀπόλλυμι стоит в конъюнктиве и в сочетании с союзом ἵνα имеет значение цели.

погиб, но имел жизнь вечную». В таблице мы видим, что в рукописи D 227 из собрания ИВР РАН вместо ἔχη, стоит ἔχει.

Постараемся более детально рассмотреть это различие внутри Византийского типа текста. В Евангелии от Иоанна есть несколько мест, где встречается сочетание слов ἔχη/ἔχει ζωὴν αἰώνιον. Приведем здесь по изданию Византийского текста М. Робинсона (Robinson 2005) все места Евангелия от Иоанна, где встречаются варианты ἔχη/ἔχει в сочетании с ζωὴν αἰώνιον.

1. Ин 3:36 Ὁ πιστεύων εἰς τὸν υἱὸν ἔχει ζωὴν αἰώνιον· «верующий в сына имеет жизнь вечную».
2. Ин 5:24 καὶ πιστεύων τῷ πέμψαντί με, ἔχει ζωὴν αἰώνιον «верующий пославшему меня имеет жизнь вечную».
3. Ин 6:47 ὁ πιστεύων εἰς ἐμέ, ἔχει ζωὴν αἰώνιον. «верующий в меня имеет жизнь вечную».
4. Ин 6:54 Ὁ τρώγων μου τὴν σάρκα καὶ πίνων μου τὸ αἷμα, ἔχει ζωὴν αἰώνιον «вкушающий мою плоть и пьющий мою кровь имеет жизнь вечную».

Во всех четырех случаях глагол ἔχω форме настоящего времени, в изъявительном наклонении, 3 л. ед.ч. И эта форма во всех приведенных случаях грамматически верна.

В четвертом Евангелии есть и три других случая, в которых глагол ἔχω в сочетании с ζωὴν αἰώνιον стоит в форме конъюнктива настоящего времени, в 3 л. ед.ч.

1. Ин 3:15 ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχη ζωὴν αἰώνιον «чтобы всякий, кто верует в него не погиб, но имел жизнь вечную».
2. Ин 3:16 ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχη ζωὴν αἰώνιον. «чтобы всякий, кто верует в него не погиб, но имел жизнь вечную».
3. Ин 6:40 ἵνα πᾶς ὁ θεωρῶν τὸν υἱὸν καὶ πιστεύων εἰς αὐτόν, ἔχη ζωὴν αἰώνιον «чтобы всякий, кто видит сына и верующий в него имел жизнь вечную».

В перечисленных местах употребление глагола ἔχω в форме конъюнктива настоящего времени тоже грамматически правильно, поскольку мы имеем дело с придаточным предложением цели, которое в данном случае вводится союзом ἵνα 'чтобы', глаголы ἀπόλλυμι и ἔχω стоят в конъюнктиве, что является классическим случаем придаточного предложения цели с союзом ἵνα.

Не только рукопись D 227 содержит такое разночтение. Чтение εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχει ζωὴν αἰώνιον рукописи D 227 подтверждается рядом источников VIII–X вв., среди них Базельский кодекс E^c (VIII в.), Борилианский кодекс F^e (1000 в.) и кодекс Вольфа H^e (IX в.). Этот список можно дополнить благодаря недавно опубликованному изданию Евангелия от Иоанна, выполненному Д.Р. Палмером. В примечании к Ин 3:15 приведены варианты разночтений данного стиха. Выделим интересующее нас: «εἰς αὐτὸν μὴ ἀποληται ἀλλ' εχει E F H S Y Λ Ψ Ω 047 0211» (Palmer 2024: 15).

Если говорить о минускульных рукописях, то ἔχει в Ин 3:15 засвидетельствовано в семье 13, некогда исследованной супругами Кирсоппом и Барбарой Лейками, и коллацию которой провел Дж. Гирлингс в своей публикации (Geerlings 1959: 11).

Почему же в рукописи D 227 и некоторых других встречается вариант в Ин 3:15 ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχει ζωὴν αἰώνιον, и глагол ἔχω стоит в изъявительном наклонении?

По-видимому, мы имеем здесь дело с ошибкой переписчика. Как отмечают авторы классического труда по грамматике языка Нового Завета Ф. Бласс и А. Дебрунер: «[Глагол] в изъявительном наклонении настоящего времени после ἵνα - это, конечно, всего лишь искажение текста» (Blass, Debruner 1961: 187). Дж. Бойер добавляет, что «никто не предполагает, что существует разница в значении, подразумеваемом при использовании индикатива после ἵνα», т. е. даже если предположить, что индикатив после ἵνα в придаточном цели не ошибка, то на смысл рассматриваемого текста это не влияет (Boyer 1991: 88).

Интересно, что в упомянутых Д.Р. Палмером Базельском кодексе E^c (VIII в.) и в Борилианском кодексе F^e (1000 г.) Ин 3:15^b μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχει ζωὴν αἰώνιον дублируется в Ин 3:16.³ Нам представляется, что вполне правдоподобным объяснением может быть гармонизация. Дело в том, что в

³ В Борилианском кодексе л. 371, фото рукописи доступны на сайте Утрехтского университета: <https://www.uu.nl/en/special-collections/collections/manuscripts/other-medieval/codex-borelianus>. В Базельском л. 256. Фото рукописи доступны на сайте <https://ia802201.us.archive.org/22/items/codex-basilensis/Codex%20Basilensis.pdf>.

унциальных тетрах Базельском кодексе E^c и Борилианском кодексе F^c стихи 15 и 16 идут подряд, друг за другом и лексически близки, поэтому либо переписчик пользовался прототипом, в котором эти стихи были уже гармонизированы, т. е. 15 стих уже был дополнен $\mu\grave{\eta}$ ἀπόληται и ἔχω стоял индикативе настоящего времени 3 л. ед. ч, либо сделал это сам.

В рукописи D 227 такого дублирования нет. Рукопись D 227 это лекционарий, следовательно, Ин 3:15^b принадлежит чтению четверга пасхальной недели на л. 5, а Ин 3:16 находится в другом чтении (вторник второй недели по Пасхе), расположенном на л. 8, а не идет следом.

Мы можем предположить, что ἔχει в Ин 3:15 лекционария D 227 может быть объяснено либо тем, что переписчик уже пользовался прототипом, содержащим эту ошибку, либо допустил её сам. Например, при работе над рукописью переписчик мог мысленно проговаривать следующую строку текста, а поскольку η и дифтонг ει произносятся в византийском произношении одинаково как «и», то он вполне мог допустить ошибку итацизма. Примеры подобных ошибок приводят в своей книге Б. Мецгер и Б. Эрман (Metzger, Ehrman 2005: 254–257).

Мы проверили все оставшиеся места рукописи D 227, где встречается ἔχη/ἔχει в сочетании с ζῶην αἰώνιον и во всех случаях не было ошибок. Возможно, когда переписчик понял, что допустил ошибку итацизма, и стал внимательнее работать над рукописью.

Литература

- Blass, F., Debrunner, A. 1961: *A Greek Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature*. Chicago: University of Chicago Press.
- Boyer, J. L. 1991: Adverbial clauses: statistical studies. *Grace Theological Journal*. Vol. 11.1, 71–96.
- Geerlings, J. ed. 1959: *The lectionary text of Family 13, according to Cod. Vat. Gr. 1217 (Gregory 547)*. Salt Lake City: University of Utah Press.
- Fionin, M.V. 2015: Greek lectionary from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Tom LXXIV. Vizantiya v kontekste mirovoj kultury. Materialy konferencii, posvyashhennoj pamyati A. V. Bank (1906–1984)*. [Proceedings of the State Hermitage Museum. Vol. LXXIV. Byzantium in the context of world culture.

- Materials of the conference dedicated to the memory of A. V. Bank (1906–1984)], 241–259.
- Фионин, М. В. 2015: Греческий лекционарий из собрания Института восточных рукописей Российской академии наук. *Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А. В. Банк (1906–1984)*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 241–259.
- Metzger, B. M., Ehrman, B. D. 2005: *The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption, and Restoration*. Fourth Edition. New-York; Oxford: Oxford University Press.
- Metzger, B. M. 2002: *A Textual Commentary on the Greek New Testament*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Novum Testamentum Graece*. 28th revised edition / Ed. by Nestle E., Aland K. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2012.
- Palmer, D. R. 2024: *The Gospel of John part of The Holy Bible Revised*, 2nd Edition January 2024 (First Ed. was Dec. 1998). <https://bibletranslation.ws/trans/johnwgrk.pdf>
- Parker, D. 2016: *New Testament Textual Traditions in Byzantium / The New Testament in Byzantium*. Edited by Derek Krueger and Robert S. Nelson. Dumbarton Oaks Byzantine Symposia and Colloquia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 21–31.
- Robinson, M. A. ed. 2005: *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform* / Ed. by Maurice A. Robinson and William G. Pierpont. Southborough, MA: Chilton Book Publishing.

Л. Р. Франгулян
Институт востоковедения РАН / МГЛУ, Москва, Россия
8liya8@gmail.com

ПОНЯТИЕ ΠΑΡΡΗΣΙΑ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ У КОПТОВ-ХРИСТИАН

Понятие *παρρησία* известно с V века до н. э. как обозначающее свободную речь гражданина в собрании. Затем это понятие переходит в частную сферу и отражает этические коннотации — свободная, чуждая лести речь, обращенная к другу. Парресией стали интересоваться философы, из которых эпикурейцы и киники уделяли ей больше всего внимания. Эллинизированные иудеи при переводе Ветхого Завета ввели рассматриваемое понятие в религиозную сферу. В Новом Завете *παρρησία* использовалась и в известных до этого смыслах, и в новых контекстах, в частности, стала ассоциироваться со Страшным судом. Египтяне-христиане вместе с пеневолом Библии на коптский язык заимствовали и это слово (*παρρησια*). Коптские авторы часто применяли его, в том числе в оригинальных контекстах, например, в связи с архангелом Михаилом.

Ключевые слова: парресия, *παρρησία*, дерзновение, коптская традиция, архангел Михаил.

L. R. Frangulian
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences/ Moscow State
Linguistic University
Moscow, Russia. 8liya8@gmail.com

Παρρησία in Historical Development and Its Perception among Coptic Christians

The notion of *παρρησία* is known from the 5th century BC as denoting the free speech of a citizen in an assembly. The notion then moves into the private sphere and reflects ethical connotations — free speech, alien to flattery, addressed to a friend. Parrhesia became of interest to philosophers, of whom the Epicureans and the Cynics paid the most attention to it. The Hellenised Jews, while translating the Old Testament, introduced the notion in question into the religious sphere: God possesses parrhesia, as well as the righteous man during prayer. In the New Testament, *παρρησία* was used both in previously known senses and in new contexts, in particular, it came to be associated with the Last Judgement. Egyptian Christians, along with the translation of the Bible into Coptic, also borrowed this word (*παρρησια*). However, the Coptic text does not match the Greek text in all cases, and there are more inconsistencies in the

translation of the Old Testament. Sometimes authors do translate *παρρησία* with the original Coptic word, sometimes there are translator/copyist errors or a peculiar translation of a difficult to understand place. Coptic authors often applied *parrhesia*, including in original contexts, such as in connection with the archangel Michael.

Keywords: *parrhesia*, *παρρησία*, boldness, Coptic tradition, Archangel Michael.

Слово «парресья» известно в греческой культуре с V в. до н. э. Ему соответствует социокультурное понятие, которое берет свое начало в политическом дискурсе. Составленное из *πᾶν* ‘все’ и *ῥῆσις* ‘высказывание, речь’ *παρρησία* означает ‘свободная речь, откровенная речь, откровенность, прямота’. Постепенно это понятие приобретало новые коннотации, и его значение становилось шире. В трудах эллинизированных иудеев выявляется связь парресьи с Богом и совестью, под пером христианских авторов продолжается трансформация значения *παρρησία*. В современном мире данное слово изучается разными исследователями; к нему апеллирует папа римский Франциск в связи с концепцией коллегиальности/соборности. Еще, будучи архиепископом Буэнос-Айреса, он считал парресью необходимым качеством хорошего проповедника (Weiten 2023: 20), вкладывая в это понятие дополнительные христианские смыслы, о которых будет сказано ниже.

Прежде чем перейти к особенностям коптского восприятия данного слова необходимо показать, в каких значениях оно использовалось у греков, у иудеев, новозаветными и церковными авторами. Вне общей картины понять самобытность того, в каком значении копты переняли данное слово, будет сложно. Интерес к соответствующему понятию особенно усилился после того, как на него обратил внимание известный французский мыслитель XX в. М. Фуко¹. Для нашего исследования

¹ Хотя Фуко не считал себя ни историком, ни филологом-классиком, благодаря своему образованию и знанию древнегреческого и латинского языка в 80-е гг. XX в. в рамках своих исследований он приступил к изучению античного наследия на языках оригинала (Mochalova 2015: 9–10). Несмотря на глубокое погружение мыслителя в исследование о парресьи и интерес к его работе, некоторые выводы и замечаний Фуко или неоднозначны, или пересматриваются (Акаев, Kalashnik: 26–27; Suvák, Flachbartová, Sucharek 2017: 52, сн. 4). Иногда Фуко обсуждает феномен парресьи в таких ситуациях, о связи

будет особенно важно обозначить развитие рассматриваемого понятия в коптской традиции, проанализировав употребление слова *παρρησία* в тексте Библии, а также в контекстах, показывающих своеобразие коптского узуса.

Слово *παρρησία* засвидетельствовано в V в. до н. э. у Еврипида² (4 раза), у Аристофана (1 раз). В этот ранний период слово употребляли политические ораторы, например, Демосфен. Это неудивительно, так как именно в рамках афинской демократии сложилось самое раннее значение *παρρησία*, а именно: право (или привилегия) свободного гражданина³ открыто и смело высказать свое мнение, которое равнозначно истине⁴, в народном собрании и в общественных местах (например, Magtow, 1982: 433; Leppin 2022: 20). Для обладания этим даром необходимо было соответствовать определенным критериям: иметь родителей-афинян, быть взрослым человеком, не иметь в своей жизни обвинений в бесчестии, в самой речи не должно быть противозаконных предложений (Foucault 2014: 44; Papademetriou 2018: 19).

Фуко отмечает, что в начале V в. до Р. Х. и особенно в IV в. *παρρησία* оказывается «не столько правом реализовать всю полноту свободы, сколько опасной практикой с непредсказуемым результатом, при осуществлении которой нет места ни предосторожностям, ни ограничениям» (Foucault 2014: 45). Однако, если из-за речи парресиаста полис подвергался опасности, то ее могли остановить (Leppin 2022: 21–24). Самому человеку, который высказывается откровенно, *παρρησία* может

которых с *παρρησία* в древности не упоминалось. Однако в большинстве случаев иначе как проявлением «свободной речи» или связью с ней объяснить особенности этих ситуаций невозможно. К сожалению, Фуко недооценивал паррессию в христианстве и почти не рассматривал с этой точки зрения тексты Нового Завета (Hovey 2007: 72–78).

² Э. Петерсон предполагает, что истоки происхождения слова лежат в кругу софистов (Peterson 2018: 347 сн. 5).

³ Анализ аттических трагедий показывает, что и женщине давалось право на свободное выражение своих мыслей, но только в случае, когда это было связано с противостоянием тирании. См. подробнее Roisman 2004.

⁴ Вопрос, насколько высказываемое мнение равнозначно истине, даже не обсуждался, так как парресиастическое высказывание воспринималось только как истинное.

вредить, если он говорит против мнения большинства, примеры чего зафиксированы, например, в «Апологии Сократа» и в «Речи о мире» Исократ (Foucault 2014: 47–48). Платон в трактате «Государство» (VIII, 557–561)⁵ указывает на отрицательные стороны «свободной речи» при демократии: свобода в высказывании своего мнения приводит к тому, что каждый научается следовать только своим решениям и желаниям, что вредит государству. Позднее, когда расширилось понимание парресии, отмечались и другие ее негативные стороны: ее связывали с отсутствием самоконтроля, с агрессией, бесстыдством и пьянством (Leppin 2022: 86–91).

Помимо политической сферы слово *παρρησία* и связанное с ним понятие свободы высказывания распространяются на этическую сферу употребления. Уже Исократ говорит, что парресия представлена в возможности друзей порицать друг друга (Исократ, К Никоклу, 3). Для философов же *παρρησία* становится необходимой частью жизни. В уста Сократа вложена следующая фраза: «Я полагаю, чтобы надежно испытать душу в том, правильно она живет или нет, надо обладать тремя качествами — знанием, доброжелательством и прямоотой (*παρρησία*)» (Платон, Горгий, 487а). Парресия теперь не только привилегия гражданина, но и добродетельное качество человека. Для Аристотеля, редко упоминавшего *παρρησία*, она заключается в том, как человек говорит и с кем (Mulhern 2004); философ связывает «свободную речь» с душевным величием (*μεγαλοψυχία*) и считает ее важной для общения с друзьями и братьями и опасной при тирании (Mulhern 2004: 315–320? 329; Leppin 2022: 68–69).

Этическая сторона «свободной речи» получила осмысление в сочинениях эпикурейцев и киников. Из первых Филодем оставил сочинение под названием «О парресии» (дошло фрагментарно). Для автора разговор об откровенной речи оказывается частью рассуждений о дружбе, которую, как известно, высоко ценили эпикурейцы. Здесь *παρρησία* — это определенный метод, выражающийся в откровенном порицании друзьями (а также учителем и учеником) друг друга, необходимый для развития и улучшения личных качеств каждого и без которого

⁵ Для всех греческих цитат античных и иудейских авторов (кроме Филодема) см. <https://scaife.perseus.org/library/>.

дружба не может существовать. В этом плане лесья противопоставляется парресии и отсутствует там, где есть дружба (Konstan, Clay, etc 1998: 5–8). Можно добавить, что Плутарх написал труд под названием «Как отличить лесеца от друга?», в котором много сказано о ложной парресии. Древнегреческий философ описал правила, необходимые для соблюдения, чтобы парресиастический диалог состоялся⁶: не критиковать прямо и публично, прибегать к *παρρησία* нечасто; парресиаст должен быть мужественным и тактичным, а тот, к кому обращена «свободная речь», должен сохранять благоразумие и быть готовым подчиниться (Leppin 2022: 73–80).

У киников же *παρρησία* стала определенной обязанностью философа и в их поведении даже граничила с дерзостью. Ярким представителем этой школы считается Диоген, поведение которого часто было шокирующим. Плутарх в произведении «Об изгнании» (раздел 16) утверждает, что, несомненно, Диоген обладал *παρρησία* (Peterson 2018: 352). Фуко много говорит о рассматриваемом понятии в приложении к кинической школе (Suvák, Flachbartová, Sucharek 2017: 59–61). С одной стороны, он выделяет особый стиль проповеди у этих философов и провокационный диалог, который невозможен без парресии (Foucault 2022: 287–311), с другой, исследователь рассуждает о том, что образ жизни киника также был формой парресии — киник являлся «пророком свободоречья» (Foucault 2014: 172–179).

Таким образом, с развитием понятия ширился набор целей, для чего использовать *παρρησία*, и становились разнообразными обстоятельства, при которых советовалось прибегнуть к «свободной речи». Конфронтация, на которую киники вызывали своих оппонентов с помощью *παρρησία*, для Плутарха была провалом парресиаста, целью диалога которого, по мнению этого философа, должна была быть по большей части дидактика (Leppin 2022: 104–105). В эпоху же эллинизма правители нуждались, чтобы в их окружении был парресиаст: в присутствии мужественно и откровенно говорящего с правителем человека видели отражение демократического прошлого (Leppin 2022: 65). Парресиастом при правителе мог быть

⁶ Плутарх также дает право на паррессию женщинам; об этом же говорится и в других источниках. См. подробнее Leppin 2022: 86.

философ, близкий человек из окружения (родственник, евнух), посланники и др. Условия парресиастического диалога даровали равенство двух личностей на момент разговора, не ставили под сомнение власть и главенство правителя и позволяли ему переносить критику без потери лица. Ожидалось, что властитель делал это терпеливо (образцом выступал Александр Македонский, выслушивающий Диогена) и менялся в лучшую сторону (Leppin 2022: 95–96, 144–145, 176–180).

Ни до эллинистического периода, ни во время него не известно использование рассматриваемого понятия свободы и откровенности языческими авторами при описании отношений с богами⁷ (Peterson 2018: 355). Впервые это встречается в иудео-эллинистическом контексте. Древним иудеям понятие парресии в его изначальном политическом значении не было знакомо, хотя это не говорит об отсутствии возможности говорить открыто при народе. В Септуагинте⁸ существительное *παρρησία* засвидетельствовано⁹ 12 раз (Лев 26. 13; Прем 5. 1; Притч 1. 20; Притч 10. 10; Притч 13. 5; Иов 27. 10; 1 Макк 4. 18; 3 Макк 4. 1; 3 Макк 7. 10; 4 Макк 10. 5; Есф 8. 12s; Сир 25. 28), глагол *παρρησιάζομαι* используется пять раз (Пс 11. 6; Пс 93. 1; Сир 6. 11; Притч 20. 9; Иов 22. 26) — и это достаточно мало по сравнению с Новым Заветом. Как отмечает К. Пападеметриу, в еврейском языке нет полностью подходящего эквивалента, и *παρρησία/παρρησιάζομαι* используются для перевода еврейских слов, означающих ‘прямо, выпрямившись’ (תִּימְמָה), ‘радоваться’ (גִּיל), ‘храбро говорить’ (דַּבַּר בְּהִלָּה), ‘светить, сиять’ (נִפְי). В семи случаях (Сир 25. 28; Прем 5. 1; Сир 6. 11; Сир 25. 28; 3 Макк 4. 1; 3 Макк 7. 10; 4 Макк 10. 5) выбор греческого слова никак не связан с еврейским оригиналом (Papademetriou 2018: 28–29). Если обобщить все ветхозаветные примеры, то можно сделать несколько выводов: 1. Бог говорит и действует с парресией, 2. Премудрость говорит с парресией, 3. праведник обладает парресией, в том числе во время молитвы (Marlow

⁷ Стоит отметить, что Исократ в речи «Бусирис» (40) называл парресию в отношении богов — богохульством.

⁸ Рассмотрены канонические и неканонические книги, а также 4 Макк.

⁹ Иногда подсчет различается из-за разночтений в рукописях. Например, С. Марроу отмечает, что в Сир 25. 28 в Ватиканской рукописи вместо *παρρησία* используется *ἐξουσία* (Marlow 1982: 438).

1982: 438). Таким образом, в иудаизме времен Септуагинты Бог имеет паррессию, т. е. правдивость, и заключается она в Его верности обещаниям и в Его чудесах, совершенных на благо Его людей. Также Бог ожидает, чтобы и Его избранные имели *παρρησία* по отношению к Нему, условие чему — праведность, благочестие, исполнение божественных установлений, т. е. привилегия дерзновенного открытого обращения к Богу дается исходя из верности законам Бога (Papademetriou 2018: 29).

Из эллинизированных иудейских авторов к паррессии апеллировали Филон Александрийский и Иосиф Флавий. Еще ранее в иудейском псевдоэпиграфе «Послание Аристея к Филократу» (ок. 150–100 гг. до Р. Х.), написанном образованным иудеем в апологетических целях, сказано о друзьях, что они дают полезные советы «с полной откровенностью» (§ 125). Филон Александрийский часто говорит о паррессии. Например, в произведении «Кто может быть наследником божественного?» он рассказывает о таком необычном для того времени феномене, как паррессия слуги перед господином (§ 5–7), которую он переводит в возможность быть откровенным (здесь Филон использует глагол *ἐλευθεροστομέω*) перед Богом. Филон указывает, что чистая совесть и любовь к Богу являются условием для приобретения паррессии. Связь паррессии и совести неизвестна по античным источникам, хотя, по мнению Петерсона, вряд ли была новой для того времени (Peterson 2018: 354). В обращении же к Господу необходимо следовать двум следующим правилам: «ни говорить откровенно без осторожности, ни осторожничать, избегая откровенной речи»¹⁰ (§ 28: *μήτε ἄνευ εὐλαβείας παρρησιάζεσθαι μήτε ἀπαρρησιάστως εὐλαβεῖσθαι*). Также в духе эпикурейской традиции Филон отмечает, что *παρρησία* — это свойство дружбы, а все праведники — друзья Бога, как например Моисей (§ 21). Нельзя не отметить, что праведность и паррессия, возможно, менее определено, но все же соотносятся и в Ветхом Завете, что должно было повлиять на Филона (Marrow 1982: 438).

Иосиф Флавий же чаще использует понятие *παρρησία* в античном значении (Marrow 1982: 439; Papademetriou 2018: 23–24). Однако засвидетельствованы отрывки в «Иудейских древностях», где автор упоминает паррессию перед Богом. Во-

¹⁰ Перевод Л. Р. Франгулян

первых, во второй книге глава 4. 4 Иосиф призывает жену Потифара одуматься и иметь «крепкую откровенность по совести перед Богом и перед людьми»¹¹ («πολλὴν τὴν ἀπὸ τοῦ συνειδότος καὶ πρὸς τὸν θεὸν παρρησίαν καὶ πρὸς τοὺς ἀνθρώπους»). Во-вторых, в пятой книге глава 1. 13 Иисус Навин, видя отчаяние войска, «получает дерзновение перед Богом» (*παρρησίαν λαμβάνει πρὸς τὸν θεόν*) и далее молиться к Богу о победе (Нав 7. 7). В остальных случаях, по большей части, парресия имеет отношение к свободе, правде и чести.

Новозаветная парресия, несомненно, связана с иудейской трактовкой понятия. Но исследования также показывают, что авторам Нового Завета были известны значения, придаваемые слову *παρρησία* философами и риторам эллинистического периода (например, Fredrickson 1996). В этой части Библии рассматриваемое понятие засвидетельствовано 40 раз (31 раз как существительное, 9 раз как глагол). Больше всего (если считать в рамках одного произведения) — 12 раз — слово встречается в Деяниях (2. 29, 4. 13, 4. 29, 4. 31, 9. 27, 9. 28, 13. 46, 14. 3, 18. 26, 19. 8, 26. 26, 28. 31), 9 раз — в Евангелии от Иоанна (7. 4, 7. 13, 7. 26, 10. 24, 11. 14, 11. 54, 16. 25, 16. 29, 18. 20), 4 раза — в первом Послании апостола Иоанна (2. 28, 3. 21, 4. 17, 5. 14) и 1 раз — в Евангелии от Марка (Мк 8. 32); а также 14 раз — в разных Посланиях апостола Павла (Евр 3. 6, Евр 4. 16, Евр 10. 19, Евр 10. 35, 1 Фес 2. 2, Еф 3. 12, Еф 6. 19, Еф 6. 20, Флм 1. 8, 2 Кор 3. 12, 2 Кор 7. 4, 1 Тим 3. 13, Кол 2. 15, Флп 1. 20)¹². Возникает вопрос, почему апостол Лука не использует *παρρησία* в Евангелии, даже в том единственном месте, где он зависит, очевидно, от Евангелия от Марка, а в последнем оно присутствует. Исследование Н. Нойманна доказывает, что для Луки в парресии был важен элемент откровенной и смелой публичной проповеди об истине перед языческими и иудейскими правителями (что видно из Деяний и что соответствует античному пониманию, перенесенному в контекст христианского миссионерства). В Евангелии же от Марка описанная

¹¹ Перевод Л. Р. Франгулян

¹² Есть еще один пример, который не включен в списки, так как на греческом языке в нем присутствие слова *παρρησία* лишь подразумевается. В Вульгате же используется «*fiducia*», в синодальном переводе — «уверенность». См. 2 Кор 3. 4.

ситуация — первое объявление о будущих страданиях — недостаточно конфликтна, и поэтому Лука не стал вводить в свой текст это слово (Neumann 2018: 77). Παρρησία в Евангелиях от Марка и от Иоанна используется только в двух формах — ἐν παρρησίᾳ (2 раза: Ин 7. 4, 16. 29) и παρρησίᾳ (8 раз) — и всегда выступает характеристикой деятельности Спасителя. В предложной конструкции парресия ассоциируется с публичным действием, а без предлога засвидетельствована с *verba dicendi* в значении «откровенно»¹³ (Joüon 1940: 239–240).

Рассмотрим несколько примеров, в которых отмечаются новые ассоциации, ставшие важными для христианской традиции. По Петерсону одной из таких ассоциаций является объединение παρρησία с идеей Страшного суда в 1 Ин 2. 28 и 4. 17 (Peterson 2018: 358). В этот день христиане будут иметь — в синодальном переводе — «дерзновение», устаревшее для современного русского языка слово, но в данном случае достаточно точно по значению отражающее суть παρρησία, как «исключительное право обращаться, просить» (Большой словарь...). В «Словаре трудных слов из богослужения» О. А. Седаковой есть значение «право свободного доступа» (Sedakova, 2008: 110)¹⁴. Оно засвидетельствовано в Евр 10. 19, где указывается, что христиане, «имея дерзновение» могут «входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа», т. е. если тема о доступе праведника к Богу наблюдается уже в иудейской традиции, то жертва Христа как причина этого доступа¹⁵ — новозаветная особенность (Marrow 1982: 441, 446).

Оригинальными также можно назвать слова, с которыми парресия соотносится в новом контексте:

надежда (Евр 3. 6: «Χριστὸς δὲ ὡς υἱὸς ἐπὶ τὸν οἶκον αὐτοῦ· οὗ οἶκός ἐσμεν ἡμεῖς, ἐάν τὴν παρρησίαν καὶ τὸ καύχημα τῆς ἐλπίδος

¹³ В синодальном тексте следующие переводы: «открыто», «явно», «прямо», «быть известным».

¹⁴ В данном случае значение по словарю Д. Н. Ушакова «смелое, решительное, дерзкое устремление к чему-н.» (Ушаков) менее отвечает контексту, чем значение по церковнославянским словарям. Стоит отметить, что перевод слова παρρησία с оригинала на другие языки не всегда точно передает заложенный смысл. Например, см. далее 2 Кор 7. 4 Marrow 1982: 445. Синодальный перевод этого отрывка также неточен.

¹⁵ См. Еф 3. 12, также Еф 6. 19, 1 Фес 2. 2, 1 Тим 3. 13.

κατάσχωμεν»¹⁶; 2 Кор 3. 12: «Ἐχοντες οὖν τοιαύτην ἐλπίδα πολλῆ παρρησία χρώμεθα»¹⁷),

милость и благодать (Евр 4. 16: «προσερχώμεθα οὖν μετὰ παρρησίας τῷ θρόνῳ τῆς χάριτος, ἵνα λάβωμεν ἔλεος καὶ χάριν εὐρώμεν εἰς εὐκαιρον βοήθειαν»¹⁸),

хвала (2 Кор 7. 4: «πολλή μοι παρρησία πρὸς ὑμᾶς, πολλή μοι καύχησις ὑπὲρ ὑμῶν»¹⁹),

вера (1 Тим 3. 13: «οἱ γὰρ καλῶς διακονήσαντες βαθμὸν ἑαυτοῖς καλὸν περιποιῶνται καὶ πολλὴν παρρησίαν ἐν πίστει τῇ ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ»²⁰),

воздаяние (Евр 10. 35: «Μὴ ἀποβάλητε οὖν τὴν παρρησίαν ὑμῶν, ἥτις ἔχει μεγάλην μισθαποδοσίαν»²¹).

Во всех новозаветных примерах изучаемое понятие ассоциируется или со Христом, или с апостолами, или с христианами. Христос имеет паррессию по божественной природе, открыто обращаясь к людям; апостолы имеют ее, потому что наделены парресией как даром, будучи истинными посланниками Христа; наконец, христиане обладают парресией как в земной жизни, так и в день Страшного суда вследствие своей причастности Плоти Христа (Papademetriou 2018: 33). Как доказывает В. С. Ворстер в Новом Завете слово *παρρησία*, с одной стороны, выступает для описания действия, которое происходит 1. открыто, 2. без ограничения, 3. публично. С другой, это качество или особенность, которая характеризуется 1. дерзновением, 2. свободой, 3. неосужденностью (Vorster 1971: 54). Все это, несомненно, позволяет говорить о христианской паррессии как об особом типе *παρρησία*, и вопрос о тонкостях значения и переводе этого слова на русский язык требует дальнейшего исследования.

¹⁶ Христос — как Сын в доме Его; дом же Его — мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца.

¹⁷ Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением.

¹⁸ Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.

¹⁹ Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами.

²⁰ Ибо хорошо служившие приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса.

²¹ Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние.

Невозможно не упомянуть, как христианская *παρρησία* функционировала в последующий период. Во-первых, парресия ожидалась от мучеников, монахов и епископов. Поведение первых определялось, в том числе, ею: их исповедание веры, прямые ответы на вопросы гонителей и бесстрашные предсмертные слова (Dinkler 2016: 333–334). Мученик обладал парресией и на небе перед Богом, и на земле перед правителем, но «свободная речь» была направлена не на последнего, а произносилась ради свидетельства перед толпой очевидцев; некоторые из них сами становились мучениками (Leppin 2022: 132–133, 184). Упоминание *παρρησία* становится топосом, доказывающим истинность призвания мученика (Peterson 2018: 359–360). Суд же над мучеником как место проявления «свободной речи» возродил в христианской среде элементы гражданской парресии, только теперь казнь парресиаста расценивалась не как провал, а как его победа (Leppin 2022: 147, 184). Монахи и епископы также с дерзновением должны были выступать перед властителями (Leppin 2022: 134–142). Неизвестно, насколько изучаемое понятие было распространено в VII–IX вв. Но из-за исторической ситуации Феодор Студит вновь ввел его в оборот и вновь объединил с темой мученичества, хотя сам, положительно оценивая *παρρησία* на небесах по отношению к Богу, без одобрения относился к парресии в монастыре, когда монахи дерзновенно высказывали свое личное мнение (Hatlie 1996: 272–275, 286).

Во-вторых, отцы Церкви часто апеллировали к парресии. Например, Григорий Нисский связывает понятие со свободой от рабства греха — люди получают *παρρησία* в Раю (Ramelli 2010: 651). Василий Великий отмечает, что до грехопадения человек обладал парресией по отношению к Богу. У святых за ее обретением следует, например, послушание им животных (Paschalidis 2018: 223–225). Для Иоанна Златоуста парресия была крайне важна, в своих произведениях он упоминает ее более тысячи раз (Leppin 2022: 156) Это понятие для святителя связано и со смирением, и с мужеством, и с откровенностью; молитва предполагает наличие *παρρησία* у молящегося, и чем сильнее парресия, тем выше вероятность быть услышанным. Покаяние в грехе восстанавливает *παρρησία*. По Златоусту парресия — дар от Бога по делам людей (Bartelink 1997). Таким образом, парресия в христианстве рассматривается и в рамках

морального или интеллектуального достижения личности, и как дар от Бога и к Богу же обращенный (Leppin 2022: 132, 183).

Прежде чем переходить к исследованию коптской традиции, стоит напомнить, что вследствие разных исторических процессов до одной пятой части всего словарного состава языка египтян-христиан составляют греческие заимствования. Раньше это считалось показателем бедности и ограниченности воспринимающего языка²². Теперь благодаря развитию лингвистических методов становится очевидным, что разнообразие и эффективность способов освоения материала коптским языком свидетельствует о его открытости к изменениям и развитости. Уже на раннем этапе (IV в.) грецизмы не только не ощущались привнесенными извне, но на равных правах дополняли синонимический ряд того или иного слова, а часто получали добавочное семантическое значение. Таким образом, коптский язык представляет собой интересный пример для исследования того, как приживаются заимствования в воспринимающем языке, и многие заимствования в языке египтян-христиан требуют дальнейшего анализа (Golovnina 2018).

Рассматриваемое слово в коптском онлайн-словаре²³ имеет семь вариантов написания²⁴: *παρρησια*, *παρρησια*, *παρρησια*, *παρρησια*, *παρρησια*, *παρρησια*. Это передает диалектные фонетические особенности прочтения и окказиональные особенности. Приводится 12 возможных переводов слова, большинство из которых различаются не семантикой, а тем, кто обладает парресией. Можно выделить 4 группы значений слова: 1. свобода, откровенность, смелость, уверенность, 2. свобода действия/речи (Христа, ангелов, апостолов, святых, будущего мученика, верующих), 3. уверенность (в Боге), доверие (Богу), 4. возможность говорить публично.

²² Например, У. Э. Крам, составитель самого авторитетного Коптского словаря, изданного в 1939 г. (Cram 1939), исключил греческие заимствования из него, хотя позднее и понял свою ошибку (Draguet 1960: I).

²³ Эта платформа — удобный инструмент работы для коптологов: на ней как выложен Словарь Крама в режиме поиска, так и представлены греческие заимствования. Словарь постоянно обновляется.

²⁴ Однокоренной глагол, к сожалению, не представлен в словаре, хотя засвидетельствован в коптской литературе.

В коптской литературе слово *παρρησία*²⁵ впервые, без сомнения, появляется в переводе Библии²⁶. Коптские стихи, содержащие рассматриваемое заимствование (в вариантах написания *παρρησια*, *παρρησια* и глаголы *παρρησιαζε*, *παρρησιαζε*), как по количеству (11 ветхозаветных, 41 новозаветных²⁷), так и по выбранным переводческим эквивалентам, не полностью соответствуют греческим. Соотношение греческого текста Библии и коптского позволяет составить такую классификацию несоответствий:

Ветхий Завет

1. шесть стихов из Септуагинты — Прем 5. 1; 1 Макк 4. 18; 3 Макк 4. 1; 3 Макк 7. 10; 4 Макк 10. 5; Есф 8. 12s — не имеют известного нам коптского перевода, так как эти книги не дошли до нас в переводе египтян-христиан;

2. в одном коптском стихе засвидетельствован перевод греческого слова без заимствования:

²⁵ Исследованию этого слова посвящена рубрика в статье Дж. Дрешера, изданной в двух частях в 1969–1970 гг. Целью ученого было предоставить малоизвестные значения определенных греческих слов, как по греческим источникам, так и по переводам на коптский язык (Drescher 1970: 149–152). Однако переводами Дрешер считал оригинальные коптские произведения, как например, «Поставление архангела Михаила», поэтому к этой статье можно обращаться, только учитывая ее особенности. Самобытное использование понятия коптами Дрешер не выделил, хотя обсудил варианты перевода слова в разных контекстах.

²⁶ Для выявления цитат была использована электронная версия коптской Библии, бохайрский вариант которой (более поздний, Ветхий Завет дошел фрагментарно, переводился с Септуагинты) был внесен в базу под руководством библеиста и коптолога К. Аскеланда (Bohairic Bible), а саидский (более ранний) — под его же руководством в сотрудничестве с Ф. Шульцом (Sahidic Bible). К сожалению, современные критические издания Старого и Нового Завета на коптском языке пока отсутствуют. Ситуацию осложняет тот факт, что до нас не только не дошло ни одной рукописи, в которой содержалась бы вся Библия, но даже ряд книг не дошел полностью в составе одной рукописи. Однако саидский перевод представляет собой большой интерес для компаративистских исследований (Feder 2008: 11–12).

²⁷ Из них два написания ошибочны, но предполагается именно рассматриваемое понятие (см. ниже).

Притч 10. 10

ὁ ἐννεύων ὀφθαλμοῖς μετὰ δόλου συνάγει ἀνδράσι λύπας ὁ δὲ ἐλέγγων μετὰ παρρησίας εἰσπνοποιεῖ.

πετχωρм ннецвал зноуκροу φнаσεγзлгтп езоуη нпρωме петхпю δε зноуоуоуωηз евол φнаааγ пейрнн.

Кто мигает глазами с коварством, тот собирает людям печаль, а обличающий с дерзновением умиротворяет²⁸.

Здесь *зноуоуоуωηз евол* эквивалентно *μετὰ παρρησίας*; в переводе коптская фраза означает «открыто», «явно» и никаких других ассоциаций не несет. Это единственный случай в Библии (на саидском диалекте), когда для слова *παρρησία* в качестве перевода было выбрано исконно коптское словосочетание.

3. один греческий стих передан в сокращенном варианте. и слово *παρρησία* оказалось в той части, которая подверглась выпадению:

Сир 6. 11–12

¹¹καὶ ἐν τοῖς ἀγαθοῖς σου ἔσται ὡς σὺ καὶ ἐπὶ τοὺς οἰκέτας σου παρρησιάζεται ¹²ἐὰν ταπεινωθῆς ἔσται κατὰ σοῦ καὶ ἀπο τοῦ προσώπου σου κουβήσεται.

¹¹зп некпетнаноуq м]моу ехн некззмзл ¹²ечна† оувнк.

¹¹В имении твоём он будет как ты, и дерзко будет обращаться с домочадцами твоими, ¹²но если ты будешь унижен, он будет против тебя и скроется от лица твоего.

Перевод коптской фразы — «в имении твоём над рабами твоими он будет против тебя». Предполагается, что коптский переводчик книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, работал с древней версией греческого текста (Feder 2008: 18).

4. в одном коптском стихе можно говорить о возможной ошибке переводчика/переписчика:

Иудиф 10. 18

καὶ ἐγένετο συνδρομή ἐν πάσῃ τῇ παρεμβολῇ διεβοήθη γὰρ εἰς τὰ σκηνώματα ἢ παρουσία αὐτῆς καὶ ἐλθόντες ἐκύκλουν αὐτήν ὡς

²⁸ Здесь использован перевод П. А. Юнгера, который точно отражает греческий текст. Далее — синодальный, хотя и сделанный с масоретского текста, в данных ниже стихах верно отражающий также и греческий текст.

εἰστήκει ἔξω τῆς σκηνῆς Ολοφέρνης ἕως προσήγγειλαν αὐτῷ περὶ αὐτῆς.

АҮՄ ԱԿՓՄՏ ՆՏԱ ՆԵՄԵՐՆԿ ՔՐԱԻ ՔՆ ԿՊԱՐԵՄՎՈԼՆ ԿԻՐՏ ԱՏՐՈՒՄ
ԿԱՐ ՔՆ ՆԵՄԱՆԱՓՈՓԵ ԿԻՐՈՒ ՆՅԻ ԿԵՏԱՐՐՆՏԻԱ ԱՄՄ ԱԿՄՏԵ ԵՐՈՏ
ԵՏԱՐԵՐԱՏՏ ԿՎՈԼ ՆԵՏԵՔՆՆԻ ՆՈԼՈՓԵՐՆՏՏ ՓԱՆՏՈՒՃԻՍՈՒՄ ՈՒՅ
ԵՂՎՆՆՏՏ.

Во всем стане произошло движение, потому что весть о приходе ее разнеслась по шатрам: сбежавшиеся окружили ее, так как она стояла вне шатра Олоферна, пока не возвестили ему о ней.

Греческое слово παρουσία ‘приход’ было передано коптским паррнсѝа. Если видеть здесь осознанный выбор переводчика, то дословный перевод «потому что ее смелость стала новостью...» возможен только с учетом новозаветного значения парρησία (см. ниже Деян 4. 13). Такой перевод имеет смысл, так как поступок Иудифь расценивался как мужественный. Тогда переводчики переосмыслили библейский текст и внесли в него собственную трактовку событий или же сделали перевод с несохранившейся версии.

5. один стих, будучи изначально темным местом, был переведен своеобразно:

1 Цар 21. 7

καὶ ἐκεῖ ἦν ἓν τῶν παιδαρίων τοῦ Σαουλ ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ συνεχόμενος νεεσσαραν ἐνώπιον κυρίου καὶ ὄνομα αὐτῷ Δωὴκ ὁ Σύρος νέμιων τὰς ἡσιόνους Σαουλ.

ՆԵՐԵՕՄԱ ԸԵ ՆՆԵՐՄՐԱԼ ՆՏԱՕՄԼ ՄՄԱՄ ՄՔԵՐՕՕՄ ԵՂՄՄԱՄ ԵՓՅՆՍ
ԵՄՆՏՂՔԱՐՐՆՏԻԱ ՄՄԱՄ ՈՒՔՐԱՉ ՄՔԵՄՃՈԵԻՏ ԵՔԵՄՐԱՆ ՔԵ ԸՈՆԿ
ՔԱՏՕՄՄԱԻՍ ԵՂՄՕՈՆԵ ՆՆԵՄԱՏՔՐՈՔ ՆՏԱՕՄԼ.

Там находился в тот день один из слуг Саула, удержанный перед лицом Господа, по имени Доик, Идумеянин, пасущий мулов Сауловых²⁹.

В греческом тексте вызывает вопрос, что подразумевается под «συνεχόμενος νεεσσαραν ἐνώπιον κυρίου». Слово νεεσσαραν — это транскрипция еврейского слова, скорее всего, повторяющего значение «συνεχόμενος» (συνέχω ‘держатель, соединять,

²⁹ Перевод с греческого языка Франгулян Л. Р. Синодальный перевод: «Там находился в тот день пред Господом один из слуг Сауловых, по имени Доик, Идумеянин, начальник пастухов Сауловых».

связывать'). Исследователи при сравнении с еврейским текстом предполагают, что здесь имеется в виду, что Доик отмечал праздник перед Богом, так как это был некий особый день (McCarter 1984: 350). В коптской фразе глагол *ⲉⲛⲓⲡ* — это квалитатив от *ⲉⲛⲓⲡⲉ* «брать, хватать, арестовывать», который можно перевести как «быть ответственным, виновным, обязанным. быть пригодным». Однако, по какой причине во фразе вместо еврейской транскрипции идет *ⲉⲛⲓⲡⲧⲡⲁⲣⲛⲥⲓⲁ*³⁰, неясно. Дословный перевод коптского отрывка таков: «...один из слуг Сауловых, виновный, так как у него не было дерзновения перед его Господом»³¹. Так как слуга Диок впоследствии явил себя не с лучшей стороны, возможно, переводчик таким образом отразил несправедность этого слуги. Тогда примечательно, что переводчики заимствовали слово из греческого языка, и снова отмечается осознанная переработка текста (или наличие иной версии оригинала).

Новый Завет

1. в двух стихах коптские авторы вместо *παρρησία* перевели *παροῦσία*:

Деян 4. 13

θεωροῦντες δὲ τὴν τοῦ Πέτρου παρρησίαν καὶ Ἰωάννου καὶ καταλάβόμενοι ὅτι ἄνθρωποι ἀγράμματοί εἰσιν καὶ ἰδιῶται ἐθαύμαζον ἐπενίψκόν τε αὐτοὺς ὅτι σὺν τῷ Ἰησοῦ ἦσαν.

ⲉⲩⲛⲁⲩ ⲁⲉ ⲉⲧⲡⲁⲣⲣⲟῦⲥⲓⲁ ⲙⲡⲉⲧⲣⲟⲥ ⲙⲏ ⲓⲱⲣⲁⲛⲛⲏⲥ ⲁⲩⲉⲓⲙⲉ ⲁⲉ
ⲣⲉⲛⲣⲁⲙⲉ ⲛⲉ ⲛⲣⲏⲁⲓⲱⲧⲏⲥ ⲛⲥⲥⲟⲟῦⲛ ⲁⲛ ⲛⲥⲣⲁⲓ ⲁⲩⲣⲁⲡⲏⲣⲉ ⲁⲩⲟῦⲱⲛⲟῩ
ⲁⲉ ⲁⲉ ⲛⲉϥⲱⲟⲟⲡ ⲡⲉ ⲙⲏ ⲓⲥ.

Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом.

1 Ин 5. 14

³⁰ *ⲉ* вводит обстоятельственное предложение. под *ⲙⲏⲧⲁ* можно подразумевать выражение «он имеет» (где *ⲁ* — это суффиксальное местоимение 3 л. ел. ч. м. р., отражающее владельца), а *παρρησία* — это предмет владения.

³¹ Далее перевод с коптского — Л. Р. Франгулян, если не отмечено иного.

καὶ αὕτη ἐστὶν ἡ παρρησία ἣν ἔχομεν πρὸς αὐτόν ὅτι ἐάν τι αἰτώμεθα κατὰ τὸ θέλημα αὐτοῦ ἀκούει ἡμῶν.

αὐτῶ ται τε τππαρροϋϋα³² ετε οϋντανϋ εροϋν εροϋ χε πετενναγτει μμοϋ κατὰ πεϋοϋϋαϋ ϋναϋϋτμ ερον.

И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас.

Отметим, что в бохайрском переводе эта ошибка отсутствует.

2. в одном стихе на коптском языке используется предложное выражение ϋν οϋπαρρηϋα, формирующее наречие, для передачи греческого слова δημοσία «всенародно»:

Деян 18. 28

εὐτόνωϋ γὰρ τοῖϋ Ἰουδαίοιϋ διακατηλέϋχετο δημοϋσία ἐπιδεικνὺϋ διὰ τῶν νοαῶῶν εἶναι τὸν Χοιϋτὸν Ἰηϋοῦν.

неϋχϋππο γαρ нниоϋδαи емате ϋн οϋπαρρηϋα еϋтамо μμοоϋ евол ϋн неграфн χε иϋ пе пехϋ.

ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос.

Возможно, переводчик опирался на иной оригинал. Примечательно, что на бохайрском диалекте используется перевод без использования заимствованного слова — ϋн οϋτῶϋρο νοϋονϋ евол «с явленной силой/сильно и открыто».

Анализ показывает, что в переводе Ветхого Завета несоответствий больше. Считать пароϋϋα вариантом написания παρρηϋα, что отражено в коптском онлайн-словаре, кажется неверным. Это или ошибка восприятия малоизвестного слова и путаница его с другим, похожим по звучанию, или осознанный выбор переводчика, или работа с неизвестной нам версией библейского текста. На саидском диалекте переводчик один раз обошелся без заимствованного слова. Понятие, соответствующее παρρηϋα не было известно в древнеегипетском языке и, конечно, в раннем переводе в большинстве случаев оно попало в воспринимающий язык как заимствование. На бохайрском же диалекте, Библия на котором была составлена позже, в новозаветных книгах из 41 стиха в 23 в переводе используется в

³² Лишняя буква π в начале слова, возможно, опечатка.

той или иной форме коптский глагол *ⲟϥⲟⲩⲛⲉ* «открывать/обнаруживать», «быть открытым/обнаруженным», «появляться». Значение этого глагола и производных от него в коптском языке намного уже, чем *παρρησία* в греческом, и такой перевод значительно упрощает первоначальный смысл и разнообразие оттенков, вложенных в *παρρησία*. Насколько читатели и слушатели могли прочувствовать различия, остается неизвестным и требует дальнейшего изучения, которое не входит в задачи данной статьи.

Перейдем к рассмотрению коптских текстов³³, в которых используется слово *παρρησία*. Невозможно говорить о принципиально новом понимании, но оригинальное использование засвидетельствовано. Например, в коптском апокрифе «Успение Иоанна» (рукопись Британского музея Or. 6782 (cc0572); датируется X–XII вв.; текст написан в IV–V вв.) сказано по отношению ко Христу следующее:

ⲧⲏⲛⲉⲟⲟϥ ⲛⲁⲕ ⲧⲙⲉⲛⲉ ⲡⲓⲛⲧⲟⲛⲉⲛⲉ ⲡⲉⲟⲟϥⲛⲉ ⲧⲉⲟⲙ ⲧⲉⲛⲧⲟⲩⲛⲉ ⲧⲡⲁⲣⲛⲉⲥⲓⲁ
ⲧⲙⲏⲧⲣⲙⲉⲛⲉ ⲡⲉⲛⲛⲁⲙⲡⲟⲩⲧ³⁴

Мы славим Тебя, о Истина, Упокоение, Слава, Сила, Заповедь, Парресья, Свобода, Наше Убежище!

Свобода и парресья идут отдельно, поэтому здесь можно видеть влияние Евангелий и подразумевать открытость Христа миру, откровенность и истину Его проповеди.

В рукописи CAT. NO. 138 (98:Ms3) литургического назначения, найденной при раскопках в Монастыре св. Антония в Египте и дошедшей фрагментарно (Blid, El-Antony etc 2016: 196), плохо сохранившийся текст связан, скорее всего, по мнению издателя, с таинством крещения. Отрывок с *παρρησία* таков:

...ⲉⲁⲓⲥⲭⲱ ⲛⲥⲟⲩⲥ ⲛⲏⲓⲛⲉⲩⲛⲟⲩⲓ ⲛⲧⲉ ⲡⲓⲣⲟⲩⲓ ⲛⲁⲡⲁⲥ ⲉⲁⲓⲧⲓⲱⲧⲥ
ⲛⲏⲁⲡⲓⲣⲟⲩⲓ ⲛⲉⲩⲉⲣⲓ ⲟϥⲟⲩ ⲡⲁⲓⲣⲏⲧⲓ ⲛⲁⲣⲉⲓⲧⲓ ⲛⲡⲉⲥⲟⲩⲱⲩ ⲉⲧⲧⲣⲁⲡⲉⲗⲁ ⲉⲟⲟϥⲁⲩⲱⲩ
ⲡⲉⲛⲛⲁⲙⲡⲟⲩⲧⲁ...

³³ Отмечается использование слова и в документах, но последние останутся вне нашего рассмотрения (Leppin 2022: 196, сн. 16).

³⁴ Dormition of John. Здесь выложен коптский текст, изданный У. Баджем (Budge 1913: 51–59).

...отвергнув дела ветхого человека и облачившись делами нового человека, и таким образом пусть он даст ответ у святого престола в парресиях...

Примечательно использование мн. ч., возможно, вызванное тем, что человек будет отвечать на несколько вопросов (или давать несколько обещаний, точнее сказать нельзя). Скорее всего, подразумевается откровенность перед Богом.

Под пером Шенуте, широко почитаемого египтянами-христианами архимандрита, жившего в IV–V вв., саидский диалект коптского языка приобрел литературный статус. Этот автор виртуозно пользовался своим родным языком, хотя некоторые отрывки из его произведений сложны для понимания. Анализ разных текстов Шенуте позволяет говорить, что 1. для него парресия была основана на послушании Священному Писанию и настоятелю монастыря (Leppin 2022: 142–143), 2. используя слово паррсиа, он описывал свою борьбу с беззаконием людей, имеющих власть (López 2013: 55, также сн. 91). Отметим некоторые другие примеры, где Шенуте применял рассматриваемое понятие.

Свод правил, перемешанный с наставлениями, сохранился фрагментарно (MONB.YA 421–428, рукопись IX–XIII вв.)³⁵:

...ετνε παι ναατοϋ νινφνε ιποϋοειν ετε νετμοοϋε νε ρη τπαρрсиа ηϋποταγη νιμ ρι мнтстмнт³⁶ νиμ ρи ρωβ νиμ ναγαθον...

...поэтому блаженны сыны Света, то есть те, которые ходят во всемирном, всепослушном и всеблагом дерзновении...

Единственный сохранившийся отрывок из *проповеди «Не потому, что лисица...»*³⁷ (MONB.XH, рукопись VIII в.)³⁸:

³⁵ Shenute. Acephalous 22. Здесь выложен коптский текст, изданный И. Лейпольд (Leipoldt 1913: 124–129).

³⁶ мнтстмнт «послушание», синоним греческого слова ρϋποταγη (ὀλοταγή) «подчинение», «повиновение».

³⁷ Начальные слова проповеди.

³⁸ Shenute. Not Because a Fox Barks. Здесь выложен коптский текст, изданный Э. Шассина (Chassinat 1911: 38–50).

...δε μηπαρρησια ουοοп нау зп тпнтзμζαλ ннезвнүе етоу нтзе нтауχουос δε нау нре еннаφχω нтω.дн мпни мпχоеиc зп ноука зп оумо...

...так как нет у них³⁹ свободы открыто говорить в рабстве многочисленных дел, как они сказали: «Каким образом мы сможем воспеть дом Божий в чужой земле?»⁴⁰...

Отрывок из *письма Шенуте «Авраам, наш отец...»* (MONB. YA 518–520, рукопись IX–XIII вв.)⁴¹:

...ετве παι ρω αcχοοc зноуπαρρησια зμψооуи мпноүте нби тмаау мпφнре етои нтоотс: δε ноүхе евол нтеизμζαλ мп псеснре...

...поэтому, действительно, мать⁴² сына, который рос при ней, сказала открыто в познании Бога: «Выгони эту рабыню и сына ее»⁴³...

Очевидно, что Шенуте был знаком с разными коннотациями, которые стали частью понятия парресии в христианском мире. Засвидетельствовано и состояние, в котором пребывает праведник и которое связано со смирением, и возможность молитвы, которой можно быть лишенным не из-за собственного нечестия, но из-за горестных событий, и право, полученное от познания Бога.

В своем великом почтении к архангелу Михаилу копты наделили парресией и его, что можно назвать главной самобытной чертой коптского предания, связанного с рассматриваемым словом⁴⁴. В ряде текстов засвидетельствованы следующие отрывки:

³⁹ О евреях в вавилонском плену.

⁴⁰ Ср. Пс 136. 4.

⁴¹ Shenute. Abraham Our Father. Здесь выложен коптский текст, изданный И. Лейпольдом (Leipoldt 1913: 26–27).

⁴² Сарра, жена Авраама.

⁴³ Быт 21. 10.

⁴⁴ В Лестнице (4. 44) и во фрагментах об авве Аммоне засвидетельствовано (Nau 1914: 487), что в Царствии Небесном люди будут дерзновенно общаться с ангелами (Leppin 2022: 170).

«Слово в честь архангела Михаила, произнесенное Тимофеем Александрийским» (псевдоэпиграф; рукопись X в. Британского музея Ог. 7029; текст составлен, возможно, в VI–VII в.):

...†παρακαλει δε μωσθη ω несннү ммергт ... δεκας
εтетнасαρετηγτη εвол ηχινβονс нн гι καταλαλια гι χωρη ...
ηтетнбнπε ηтетηталο η ηетнβιχ нн ηетн†γχη ητη†πενογοι гη
ογπαρρнсια нн ογттво нн ογсүнηδισιс εηαηογс ωα
παρηстратηгос ηтβом ηппнүε миханл... (Budge 1915: 522–523)

...я призываю вас, возлюбленные братья ... удалиться от всякого насилия, клеветы, скверны ... чтобы вы поспешно воздвигли ваши руки и души, и мы отправились дерзновенно с чистотой и благой совестью к архистратигу небесных сил Михаилу...

«Энкомий в честь архангела Михаила и Гавриила, произнесенный Афанасием Александрийским» (псевдоэпиграф; рукопись IX–X в. из библиотеки Пирпонта Моргана М602; текст составлен, возможно, в VII–VIII в.):

εκωανттво гар ηπεκμανηкотк, πειωт нн пωηρε насмоү ерок
δε акттво ηпгамос εттайнү ωантекχι ηпнүстнрюη αγω
κηαπαρρнсιαζε мнок нн миханл нн гавриел ηппаү етек†πεκογοι
επεөүсiαстнрюη. (Saweros 2019: 5)

Если ты очистишь свое ложе, Отец и Сын благословят тебя, потому что ты очистил честной брак до принятия Таинства⁴⁵, и ты будешь говорить открыто о себе с Михаилом и Гавриилом в час, когда отправишься к жертвеннику.

«Поставление архангела Михаила» (апокриф; рукопись IX–X в. из библиотеки Пирпонта Моргана М602; текст составлен в VI–VII в.):

...πεχαç ηαү δε тωοүн μαρον гιχм птооү ... ηтетηηαү
εтеηноб ηπαρρнсια ηтаπειωт χαριε мнос ммиханл. (Müller 1962: 28)

...сказал им: «Поднимитесь! Давайте пойдем на гору ... Вы увидите великое дерзновение, которым Отец одарил Михаила».

⁴⁵ Имеется в виду Причастие.

...ερεναμαϑενтнс нау етπαρρнсiα нтагтаас наκ, етве де акмерепеεовви нтаμεрттс. (Müller 1962: 48)

...Пусть Мои ученики увидят дерзновение, данное тебе Мной, так как ты возлюбил смирение, которое Я возлюбил.

Далее в тексте архангел приносит к Иисусу души, рассказывает об их добрых поступках, связанных в том числе с почитанием самого архангела, и Иисус дарует им спасение.

«Слово Макария, епископа г. Ткоу, в честь святого архангела Михаила» (рукопись IX в. из библиотеки Пирпонта Моргана M592; текст составлен в V в.):

...εσαϑχιεмот ммате εχн нетннү ераттс мπεϑλιψανον ... миханл де нточ пноб пархаггелос нтеize ан те тεπαρρнсiα εχн ουχωρα ноуот ми зенполис ми зентоу ми зентме, алла нечнттϑангтнч порϑ εвол εχм пкосмос тнрч εϑсопс εχωоу. (Lafontaine 1979: 304–305)

...святой⁴⁶ дарует благодать лишь тем, кто приходит к его мощам ... Дерзновение же великого архангела Михаила о каждой области, городе, окрестности и селении не таково, но милосердие его распространяется по всему миру, потому что он ходатайствует обо всех. (Frangulian, Vinichenko 2022: 1227)

...ουнттс парρнсiα ммау εροуε енетоуαав тнроу αуω ϑεнн εροун епноуте мπεροоу ми тεуωн εϑсоптс εχωн. (Lafontaine 1979: 319)

Архангел⁴⁷ имеет бóльшее дерзновение, чем все святые. Он днем и ночью рядом с Богом и молится за нас. (Frangulian, Vinichenko 2022: 1235)

Вышеприведенные примеры показывают оригинальное направление, по которому развивалось использование *παρρησία* в коптской традиции, — парресия и архангел Михаил. С одной стороны, христиане должны обладать парресией, которая есть плод праведной жизни, чтобы иметь возможность обращаться к архангелу Михаилу. Возможность откровенного разговора, что

⁴⁶ В коптской фразе «он».

⁴⁷ В коптской фразе «он».

стоит рассматривать как особый тип молитвы, с архангелами Михаилом и Гавриилом во время Причастия подается через телесную чистоту. С другой стороны, сам архистратиг также обладает парресией. Только в его случае это дар «дерзновенного общения» от Бога за смирение, который стал присущ Михаилу и теперь безусловно принадлежит ему. Что подразумевается под смирением архангела, не указано. Однако учитывая, что текст «Поставления» посвящен среди прочего рассказу о падении Сатаны и возвеличиванию вместо него Михаила, то, скорее всего, имеется в виду эта покорность архангела, явленная в послушании Богу, а не павшему ангелу. Кроме того, парресия архистратига превышает дерзновение всех святых, так как она охватывает весь мир, и выражается в его ходатайстве за людей перед Богом по его же милосердию. Становится ясно, что в рамках текстов в честь архангела парресия праведника и парресия Михаила — это две равноуровневые парресии. Для первого она заключается в молитве к архистратигу, для второго — в прошении Бога за людей.

Итак, понятие *παρρησία* (смелое, откровенное слово) оставалось востребованным на протяжении многих веков и вошло в разные политические, философские и религиозные системы. В каждой из них это понятие, не теряя предыдущих значений, наполнялось дополнительными смыслами, которые отвечали новым вызовам и соответствовали новым реалиям. Античность подарила миру паррессию, эллинистический иудаизм открыл взаимосвязи праведник–парресия–Бог и Бог–парресия–праведник/избранный народ, христианство закрепило эти связи и углубило их, соединив со Христом. Для парресии всегда задавались определенные условия как ситуации, так и внутреннего состояния человека; парресия всегда коррелировала с истиной; наконец, парресия — это и право, и дар, и качество, и состояние, и возможность. Каждая же христианская традиция добавила своеобразные контексты и смыслы. По крайней мере, так можно сказать о коптской традиции, в которой общехристианское понимание парресии дополнилось частным, особенно ярко явленным на примере предания об архангеле Михаиле.

Литература

- Akaev, S. A., Kalashnik P. V. 2021: Politicheskie implikacii filosofskoj parresii v pozdnih lekcijah Mishelja Fuko: Genealogija kritiki i real'nost' filosofii. *Politija [Politeia]* 4, 24–42.
- Акаев, С. А., Калашник П. В. 2021: Политические импликации философской парресии в поздних лекциях Мишеля Фуко: Генеалогия критики и реальность философии. *Полития* 4, 24–42.
- Bartelink, G. J. M. 1997: Die parrhesia des Menschen vor Gott bei Johannes Chrysostomus. *Vigiliae Christianae* 51/3, 261–272.
- Blid, J., El-Antony, M., Lundhaug, H., Zaborowski, J., Polliack, M., Worku, M. G., Rubenson, S. 2016: Excavations at the Monastery of St Antony at the Red Sea: The Monastery in Literary Sources during the Period of Study. *Opuscula: Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome* 9, 133–215.
- Bohairic Bible URL: <http://www.crosswire.org/study/wordsearchresults.jsp?mod=BohairicBible> (дата обращения: 19.03.2024).
- Bol'shoj slovar' Cerkovnoslavjanskogo jazyka Novogo vremeni [Large Dictionary of the Church Slavonic Language of the New Age]. URL: <https://β.церковнославянский.онлайн/#!/словарь/статьи/5547> (date of access: 17.03.2024).
- Большой словарь Церковнославянского языка Нового времени. URL: <https://β.церковнославянский.онлайн/#!/словарь/статьи/5547> (дата обращения: 17.03.2024).
- Budge, E. A. W. 1913: *Coptic Apocrypha in the dialect of Upper Egypt*. London.
- Budge, E. A. W. 1915: *Miscellaneous Coptic Texts in the Dialect of Upper Egypt*. London.
- Chassinat, É. G. 1911: *Le quatrième livre des entretiens et épîtres de Shenouti*. Le Caire.
- Crum, W. E. 1939: *A Coptic dictionary*. Oxford.
- Dinkler, M. B. 2016: Genre Analysis and Early Christian Martyrdom Narratives: A Proposal. In: *Sibyls, scriptures, and scrolls: John Collins at seventy 1*, 314–336.
- Dormition of John. URL: <https://data.copticscriptorium.org/texts/dormitionjohn/dormition-of-john-mercad-in-budge-ed/analytic> (дата обращения: 19.03.2024).
- Draguet, R. 1960: *Index copte et grec-copte de la Concordance. Nouveau testament sahidique*. Louvain.
- Drescher, J. A. B. 1970: Graeco-Coptica II. *Museon* 83, 139–155.
- Feder F. 2008: The Coptic Version(s) of the Book of Jesus Sirach. In: *Studies in the Book of Ben Sira. Papers of the Third International Conference on the Deuterocanonical Books, Shime'on Centre, Pápa, Hungary, 18–20 May, 2006*, 11–20.
- Foucault, M. 2014: *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhde Frans v 1983–1984 uchebnom*

- godu [*Courage of Truth: The Government of Self and Others II; Lectures at the Collège de France, 1983–1984*]. St Petersburg. Фуко, М. 2014: *Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллежде Франс в 1983–1984 учебном году*. Спб.
- Foucault, M. 2022: *Rech' i istina. Lekcii o parrhesii (1982–1983) [Speech and truth. Lectures on Parrhesia (1982–1983)]*. Moscow. Фуко, М. 2022: *Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983)*. М.
- Frangulian, L. R., Vinichenko, A. V. 2022: Slovo Makarija, episkopa g. Tkou, v chest' svjatogo arhangela Mihaila (M.592 f. 27v — 37 r) [Exegesis on the feast day of Archangel Michael ascribed to Macarius of Tkow (M. 592 f. 27v — 37r)]. *Orientalistica [Orientalistica]* 5(5), 1223–1238.
- Франгулян, Л. Р. Виниченко, А. В. 2022: Слово Макария, епископа г. Ткоу, в честь святого архангела Михаила (М.592 f. 27v — 37 r). *Ориенталистика* 5 (5), 1223–1238.
- Fredrickson, D. E 1996: Παρρησία in the Pauline Epistles. In: *Friendship, Flattery, and Frankness of Speech*, 161–183.
- Golovnina, N. G. 2018: Transformacija grecheskih zaimstvovanij v koptskom jazyke (na materiale monasheskih pravil prp. Pahomija i Shenute) [Transformation of Greek Loanwords in Coptic (with Monastic Rules of Pachomius and Shenoute as Examples)]. *Vestnik PSTGU [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology]* 57, 131–140.
- Головнина, Н. Г. 2018: Трансформация греческих заимствований в коптском языке (на материале монашеских правил прп. Пахомия и Шенуте). *Вестник ПСТГУ* 57, 131–140.
- Hatlie, P. 1996: The Politics of Salvation: Theodore of Studios on Martyrdom (Martyrion) and Speaking out (Parrhesia). *Dumbarton Oaks Papers* 50, 263–287.
- Hovey, C. 2007: Free Christian Speech: Plundering Foucault. *Political Theology* 8 (1), 63–81.
- Joüon, P. 1940: Divers sens de παρρησία dans le Nouveau Testament. *Recherches de science religieuse* 30/2, 239–242.
- Konstan, D., Clay, D., Glad, C. E., Thorn, J. C., Ware, J. 1998: *Philodemus: On Frank Criticism*. Atlanta.
- Lafontaine, G. 1979: Un éloge copte de Saint Michel attribué à Macaire de Tkow. *Le Muséon* 92, 301–320.
- Leipoldt, J. 1913: *Sinuthii archimandritae vita et opera omnia*. Vol. 4, E Typographie reipublica.
- Leppin, H. 2022: *Paradoxe der Parrhesie: eine antike Wortgeschichte*. Mohr Siebeck Tübingen.
- López, A. G. 2013: *Shenoute of Atripe and the Uses of Poverty: Rural Patronage, Religious Conflict, and Monasticism in Late Antique Egypt*. Berkeley, Los Angeles, London.
- Marrow, S. B. 1982: “Parrhēsia” and the New Testament. *The Catholic Biblical Quarterly* 44/3, 431–446.

- McCarter, P. K. (transl., comm.) 1984: *I Samuel. (The Anchor Yale Bible Commentaries)*. New York.
- Mochalova, I. N. 2015: Antichnye shtudii Mishelja Fuko: genealogija sub#ekta [Michel Foucault's Ancient Studies: Genealogy of the Subject]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]* 2.2, 9–20.
- Мочалова, И. Н. 2015: Античные штудии Мишеля Фуко: генеалогия субъекта. *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина* 2.2, 9–20.
- Mulhern, J. J. 2004: Παρρησία in Aristotle. In: *Free Speech in Classical Antiquity*, 313–339.
- Müller, C. D. G. 1962: *Die Bucher Der Einsetzung Der Erzengel Michael Und Gabriel*. *Scriptores Coptici* 31.
- Nau, F. (ed.) 1914: Ammonas, successeur de saint Antoine. *Patrologia Orientalis* 11/4.
- Neumann, N. 2018: Παρρησία in Erzähltexten: Handlungsschemata bei Lukian und in der Apostelgeschichte. In: *Parrhesia. Ancient and Modern Perspectives on Freedom of Speech*, 60–79.
- Papademetriou, K. 2018: The Performative Meaning of the Word παρρησία in Ancient Greek and in the Greek Bible. In: *Parrhesia. Ancient and Modern Perspectives on Freedom of Speech*, 15–38.
- Paschalidis, S. 2018: Saints et animaux, anticipation du royaume dans la littérature byzantine. In: *La restauration de la création. Quelle place pour les animaux?*, 213–230.
- Peterson, E. 2018: Zur Bedeutungsgeschichte von Parrhesia. In: *Bella Parrhesia. Begriff und Figur der freien Rede in der frühen Neuzeit*, 347–363. (первоначальное издание статьи 1929 г.: Peterson, E. 1929: Zur Bedeutungsgeschichte von Parrhesia. *Reinhold Seeberg Festschrift* 1, 283–297).
- Ramelli, I. 2010: Οικείωσις in Gregory's Theology: Reconstructing His Creative Reception of Stoicism. In: *Gregory of Nyssa: Contra Eunomium III: an English translation with commentary and supporting studies: proceedings of the 12th International Colloquium On Gregory Of Nyssa (Leuven, 14–17 September 2010)*, 643–659.
- Sahidic Bible URL: <http://www.crosswire.org/study/wordsearchresults.jsp?mod=SahidicBible> (дата обращения: 19.03.2024).
- Saweros, I. 2019: *Another Athanasius. Four Sahidic Homilies Attributed to Athanasius of Alexandria*. *Scriptores Coptici* 51.
- Sedakova, O. A. 2008: *Slovar' trudnyh slov iz bogosluzhenija: Cerkovnoslavjano-russkie paronimy [Dictionary of Difficult Words from the Service: Church Slavonic-Russian Paronyms]*. Moscow.
- Седакова, О. А. 2008: *Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы*. М.
- Shenute. Abraham Our Father. URL: https://data.copticscriptorium.org/texts/abraham_our_father/abraham-our-father-ya-518-20/analytic (дата обращения: 19.03.2024).

- Shenute. Acephalous 22. URL:
https://data.copticscriptorium.org/texts/acephalous_work_22/acephalous-22-ya-421-28/analytic (дата обращения: 19.03.2024).
- Shenute. Not Because a Fox Barks. URL:
https://data.copticscriptorium.org/texts/not_because_a_fox_barks/not-because-a-fox-barks-xh-204-216/analytic (дата обращения: 19.03.2024).
- Roisman, H. M. 2004: Women's Free Speech in Greek Tragedy. In: Sluiter I., Rosen R. M. (eds) *Free Speech In Classical Antiquity*, 91–114.
- Suvák, V., Flachbartová, L., Sucharek P. 2017: *Care of the Self: Ancient Problematizations of Life and Contemporary Thought*. Leiden, Boston.
- Unnik, W.C. van 1980: The semitic background of *παρρησία* in the New Testament. In: *Sparsa collecta, Part 2. I Peter, Canon, Corpus Hellenisticum, Generalia*, 290–306.
- Ushakov, D. M.: *Tolkovyj slovar' [Explanatory Dictionary]*. URL:
<https://ushakovdictionary.ru/> (date of access: 17.03.2024).
- Ушаков, Д. М.: *Толковый словарь*. URL:
<https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 17.03.2024).
- Vorster, W. S. 1971: The meaning of ΠΑΡΡΗΣΙΑ in the Epistle to the Hebrews. *Neotestamentica* 5, 51–59.
- Weiten, G. 2023: *Il concetto di sinodalità di Papa Francesco*. Regensburg.

А. В. Харламова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
anastasia_kharlamova@icloud.com

ДИФТОНГИ [ea] и [oa] в АРУМЫНСКИХ ГОВОРАХ Г. СЕЛЕНИЦА (АЛБАНИЯ) И С. АНИЛИО (ГРЕЦИЯ)¹

Статья посвящена сопоставлению фонетических характеристик дифтонгов [ea] и [oa] в арумунских говорах Селеницы (Музекея, Албания) и Анилио (Пинд, Греция). Базой для работы послужили аудиоматериалы, записанные нами в 2018–2019 гг.

Инструментальный анализ материалов показывает, что [ea] и [oa] присутствуют в обоих говорах, однако в Селенице их произношение нисходящее, в Анилио же — восходящее. По нашей гипотезе, говор Анилио отражает исконное арумунское состояние, а в говоре Селеницы характер дифтонгов изменился под влиянием албанской фонологии. Гипотеза подробно рассмотрена на фоне имеющихся данных балканистики, фонологии и типологии.

Ключевые слова: дифтонги, языковые контакты, арумунский язык, албанский язык.

A. V. Harlamova
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
anastasia_kharlamova@icloud.com

Diphthongs [ea] and [oa] in the Aromanian dialects of Selenica (Albania) and Anilio (Greece)

The article is dedicated to the comparison of phonetic characteristics of the diphthongs [ea] and [oa] in the Aromanian dialects of Selenica (Muzeqe, Albania) and Anilio (Pindos, Greece). The study is based on audio materials we recorded in 2018 and 2019.

In an overview of existing research of the Aromanian dialects of Selenica and Anilio, we show that these dialects have not been studied separately from the linguistic point of view. As diphthongs [ea] and [oa] are among the key features used to distinguish the North and South Aromanian dialect zones, they have been chosen as the focus of our study: the expectation was that [ea] and [oa] would be absent in the dialect of

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ № 19-18-00244 «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диахии, диахронии и диастратии» и № 22-48-09003 «Атлас балканского языкового ареала».

Selenica (North Aromanian) and present in the dialect of Anilio (South Aromanian).

However, the instrumental analysis of our data shows that [ea] and [oa] occur in both dialects, but in Selenica they are pronounced as falling diphthongs, while in Anilio as rising ones. Our hypothesis is that the dialect of Anilio reflects the original Aromanian pronunciation, but in the dialect of Selenica the diphthongs' character has been changed due to the influence of Albanian phonology, since most of the Albanian diphthongs are falling. Therefore, we are dealing with the borrowing of linguistic patterns rather than linguistic units; a process documented in studies of typology and specifically the Balkan languages.

Other studies show that a reverse process occurs in Pindos where Anilio is located, since the northwestern Greek dialects have developed diphthongs likely due to the contact with Aromanian. The different directions of borrowing in the language contact situations of Selenica and Anilio may be explained by the fact that Albanian diphthongs are very frequent while Standard Greek has no phonological diphthongs.

Our study contributes to the research of the phonetic and phonological nature of diphthongs and shows that phonological conclusions should be drawn based on a thorough phonetic analysis.

Keywords: diphthongs; language contact, Aromanian language, Albanian language

Введение

В настоящем исследовании впервые проводится сопоставление фонетических характеристик двух территориальных вариантов арумынского языка — говоров г. Селеница, расположенного в южноалбанской краине Малая Мюзекя, и с. Анилио, которое находится в общине Мецово периферии Эпир (Греция).

Эти говоры практически не изучены в лингвистическом аспекте. Из научных работ, имеющих в нашем распоряжении, говор Селеницы упоминается в обзоре арумынских населённых пунктов Юго-Восточной Европы Т. Каля (Kahl 1999), в посвящённой арумынам Албании монографии (Riska 2005), в «Лингвистическом атласе арумынского диалекта» Н. Сараманду (Saramandu 2014), в исследовании фрако-дакийских реликтов в румынском языке (Brâncuş 2009), а также в описаниях предварительных этапов нашей работы (Harlamova 2019б), однако он ранее не был исследован подробно.

Говор Анилио упомянут в (Kahl 1999); кроме того, его материалы были собраны экспедициями В. Дамена и Й. Крамера, результаты которых были приведены в (Römer et al. 1977; Kramer et al. 1978; Kramer et al. 1981) и унифицированы в

(Dahmen, Kramer 1985; Dahmen, Kramer 1994), но в ходе этих экспедиций основной акцент был сделан на изучение лексики, тогда как вопросы фонетики были затронуты лишь атомарно в виде комментариев к тем или иным словоформам, представлявшим интерес для авторов.

Селеница находится примерно в 15 км к северо-востоку от Влёры; ее население, согласно переписи 2011 года, составляет 2235 человек — православных арумын и албанцев-мусульман. По утверждениям наших информантов, арумын в городе примерно две трети, основная масса арумынского населения прибыла из Воскопои в XVIII в., что согласуется с историческими данными об упадке Воскопои и массовых переселениях оттуда в этот период (Chernyak 1990: 201). Албанцы, как сообщили нам информанты, стали приезжать в Селеницу только в начале XX в. в связи с расширением работ по добыче битума рядом с городом.

Анилио (арум. Кьяре — Hitas 2017: 11) — полностью арумынское село (за исключением незначительного количества греков и албанцев, приезжающих из других регионов для работы в гостиничном бизнесе), расположенное примерно в 5 км от арумынского культурного центра Мецово; по данным 2011 года, в Анилио проживает 587 человек. Впервые упоминается в XVIII в. (Hitas 2017: 41).

В (Saramandu 2014) Селенице посвящён крайне небольшой объём текста на стр. 33–34. Упомянуто, что проживает в Селенице около 8000 человек², а говор местных арумын относится к фаршеротской группе. Необходимо отметить, что единственный информант из данного населённого пункта, чья речь была записана составителями атласа, — Козма Митро (1948 г. р.); он впоследствии был и нашим информантом, и, на наш взгляд, репрезентативным образцом говора его речь считаться не может, так как г-н Митро — выпускник филологического факультета Тираны, до выхода на пенсию преподаватель языков, а также знаком с методами ведения полевых лингвистических исследований. Так, например, авторам атласа г-н Митро сообщил, что арумыны Селеницы называют себя арумынами-фаршеротами, хотя мы в ходе нашей работы не встречали лексемы «фаршероты» в качестве сколько-нибудь употребительного этнонима —

² Подобные расхождения в оценке численности населения, на наш взгляд, связаны с тем, учитываются или не учитываются при подсчётах близлежащие — также арумынские — сёла.

вероятнее всего, г-н Митро назвал наиболее «научное», «правильное» из известных ему наименований арумын.

В (Kahl 1999) указано, что Селеница — ставшее постоянным бывшее зимнее поселение, в котором минимум 50% населения — арумыны (Kahl 1999: 144), тогда как Анилио — ставшее постоянным бывшее летнее поселение; 100% его населения — арумыны (Kahl 1999: 134). Каль также отмечает, что арумыны Селеницы в культурном плане ориентируются как на Румынию (под влиянием Общества арумын Албании, организованного при румынском посольстве в Тиране), так и на Грецию (Kahl 1999: 76) и что в Анилио сформировано общество арумын, входящее в Общегреческое объединение культурных сообществ влахов (Kahl 1999: 70). Относительно диалектной принадлежности говоров Селеницы и Анилио у Калья сведений нет, но упомянуто, что жители Селеницы — мюзекеры (Kahl 1999: 144).

В арумынском диалектологическом атласе (Neiescu 1997) не упомянуты ни Селеница, ни Анилио, однако данный атлас примечателен тем, что является одной из немногих работ, где мюзекерские говоры арумынского языка эксплицитно рассматриваются как отдельная от фаршеротских говоров группа; кроме того, отдельно выделяются говоры «качаунов», об отличиях которых от мюзекерской речи сообщали и наши информанты (Neiescu 1997: 15).

В исследовании Г. Брынкуша Селеница названа в числе арумыноязычных пунктов Албании, в которых были собраны лексические материалы (палеобалканский фонд), однако за пределами кратких описаний лексем, обнаруженных в её говоре, больше никаких данных по последнему не приводится (Brâncuș 2009: 95–119).

Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, специальных лингвистических исследований арумынских говоров этих населённых пунктов прежде не проводилось. В силу географического положения последних наша изначальная рабочая гипотеза состояла в том, что говор Селеницы относится к северноарумынской диалектной зоне (Н. Сараманду обозначает его как фаршеротский (Saramandu 2014: 34)), а говор Анилио — к пиндским говорам южноарумынской зоны. В качестве основных признаков, по которым различаются северная и южная диалектные зоны, Б. П. Нарумов называет противопоставление [ə] и [i] (отсутствует в северных, присутствует в южных) наличие дифтонгов [ea] и [oa] (в северных подвергаются монофтонгизации, в южных сохраняются), наличие неслоговых

конечных [i] и [u] (в северных могут утрачиваться, в южных сохраняются) (Narumov 2001: 638).

Целью нашего исследования является контрастивное описание и объяснение причин различий между изучаемыми говорами. Задачи — сравнение говоров Селеницы и Анилио по критерию наличия/отсутствия дифтонгов [ea] и [oa], выявление в обоих говорах характеристик исследуемых дифтонгов и/или звуков, появившихся в результате их монофтонгизации, сопоставление ситуаций арумынско-албанской (Селеница) и арумынско-греческой (Анилио) фонетической интерференции на частном примере процессов, затрагивающих [ea] и [oa] в говорах данных населённых пунктов, обобщение наблюдений и их содержательная интерпретация.

Дифтонги [ea] и [oa] появились в восточнороманских языках ещё в ходе становления данной группы, возникнув в результате дифтонгизации латинских, а также славянских [e] и [o] перед слогами, содержащими [a], [ə] или [e] (Rosetti 1943: 21–22). Наличие/отсутствие дифтонгов [ea] и [oa] — одна из основных изоглосс, разграничивающих арумынские диалектные зоны (см. выше); падение дифтонгов характеризуется как «основная черта, отличающая говор фаршеротов» (Marković 2007: 19). В связи с этим [ea] и [oa] и их фонетические характеристики в рассматриваемом материале и были выбраны предметом настоящего исследования.

В исследовании использовались методы полевой лингвистики (анкетирование, запись нарративов и диалогов), инструментально-акустического анализа (согласно принципам, выработанным в Лаборатории модулирования речевой деятельности СПбГУ и Лаборатории фонетики Оксфордского университета), а также согласно методологии описательной и сравнительной диалектологии, ареальной балканской и общей типологии.

Полевая работа в Селенице и Анилио. Языковая ситуация в исследуемых пунктах

В Селеницу нами было проведено четыре экспедиции: в июне 2018 г. и в мае, июне-августе и сентябре 2019 г.; наша экспедиция в Анилио состоялась в феврале 2019 г. Было установлено, что в обоих пунктах уровень владения арумынским варьируется от свободного среди старшего поколения до начального среди младшего, в связи с чем нашими основными информантами стали представители старшего поколения — г-жа Эли

Префтай (65 лет) в Селенице, г-жа Артемисия Капети (84 года) в Анилио.

При помощи программы Voice Memos на iPhone нами было записано около 12 часов спонтанной речи и ответов на вопросы специальной фонетической анкеты из Селеницы и около 7 часов из Анилио: нарративы и диалоги на арумьинском языке и доминантном языке региона. Транскрибирование собранных материалов проводится с использованием программ Sound Forge 13 и Speech Analyzer. Sound Forge, на наш взгляд, больше всего подходит для чернового транскрибирования с использованием, как правило, только осциллограмм, в то время как Speech Analyzer мы чаще всего используем для анализа уже транскрибированного материала или уточнения сделанной первоначальной транскрипции — в частности, для установления величин формант.

Транскрипция была записана Международным фонетическим алфавитом³.

В ходе исследования было выявлено, что языковая ситуация в Селенице и Анилио сходна: все арумьины билингвальны, арумьинский язык преимущественно используется старшим поколением, младшее поколение говорит на нём плохо или знает только отдельные слова и фразы. Однако в Селенице престиж языка более высок, чем в Анилио: молодые арумьины Селеницы, даже знакомые с арумьинским языком только на начальном уровне, сообщали нам, что планируют изучать его, в то время как представители младшего поколения в Анилио в ответ на вопрос об арумьинском языке сообщали, что это «язык бабушек и дедушек». Кроме того, информанты из Селеницы используют арумьинский язык в повседневном общении с детьми, в то время как в Анилио мы наблюдали повседневное общение на арумьинском (без стимуляции с нашей стороны) только между представителями старшего поколения.

Можно предположить, что это связано с тем, что в Селенице, где проживают две этнические группы (арумьины и албанцы-мусульмане), чётко осознающие свои различия, язык является одним из ключевых маркеров религиозно-культурной идентичности, в то время как Анилио, за вычетом немногочисленных приезжих, — чисто арумьинское село, поэтому необхо-

³ В том числе символами МФА являются [R] (обозначение дрожащего увулярного) и [j] (обозначение йота/звонкого палатального аппроксиманта).

димости подчёркивать свою этническую принадлежность перед ближайшими соседями у жителей нет.

В соответствии с нашей рабочей гипотезой о диалектной принадлежности исследуемых говоров, мы ожидали, что в говоре Селеницы дифтонгов [ea] и [oa] обнаружено не будет, в то время как в материалах из Анилио они будут присутствовать. В результате проведённого анализа было установлено, что эти дифтонги фиксируются в записях из обоих населённых пунктов (например, [də'mneatsə] 'утро', [moaʃə] 'старуха.NOM.PL' в Селенице, [ts'eap'] 'луковица.NOM.PL', [a'rvoanə] 'обручение' в Анилио), однако их фонетические характеристики различны для говора Селеницы и говора Анилио.

Зафиксированные нами дифтонги, как мы установили с опорой на (Papaḡagi 1974), в большинстве случаев являются этимологически исконными ([k'eamə] 'звать.PRS.3PL', [soakra] 'свекровь.DEF' в Селенице, [bə'searikə] 'церковь', [a'oa] 'здесь' в Анилио). Лексемы неисконного происхождения, содержащие дифтонги, в транскрибированных к настоящему моменту материалах единичны (например, [xoa] (в Селенице)/[xoagə] (в Анилио) 'село' < греч. χωρά).

Дифтонги могут как реализоваться полностью, так и редуцироваться в одних и тех же лексемах; оба вида реализации данных звуков могут иметь место и в корнях ([feta]/[feta] 'дочь.DEF'), и в аффиксах [mea]/[me] 'моя'). Кроме того, как произнесение дифтонга полностью, так и его монофтонгизация были зафиксированы в речи одних и тех же информантов, в том числе в пределах одного и того же монолога (например, г-н Паскаль Котта, информант из Селеницы, произнёс [oam] 'люди' и сразу же, поясняя значение слова на албанском, добавил [om_n'ers]).

[ea] и [oa] в говоре арумын Селеницы

В транскрибированных на данный момент материалах из Селеницы (1:53:14) мы обнаружили и словоформы с полным произнесением дифтонга (см. таблицу 1), и случаи редукции дифтонга до монофтонга (см. таблицу 2). Здесь и далее в таблицах сначала приводятся словоформы с дифтонгом в корне, затем с дифтонгом во флексии.

Таблица 1. Словоформы с полностью реализованным дифтонгом

Ожидаемая форма	Зафиксированные формы	Перевод
[dimi'neatsə]	[də'mneatsə] (1)	‘утро’
['feata]	['feata] (1)	‘дочь.DEF’
['featə]	['featə] (1)	‘дочь’
['kl'eamə]	['k'eamə] (1)	‘звать.PRS.3PL’
[a'vea]	[a'vea] (2) [a'v'ea] (1) [a'bea] (1)	‘иметь.IPF.3SG’
[fə'tsea]	[fə'ts'ea] (1) [fu'tsea] (1)	‘делать.IPF.3SG’
['mea]	['mea] (1)	‘моя’
[f'e'dzea]	[s'i'dzea] (1) [s'jə'dzea] (1)	‘сидеть.IPF.3SG’
['hoarə]	['xoa] (1)	‘село’
['moaʃe]	['moaʃə] (1)	‘старуха.NOM.PL’
['noastra]	['noastə] (1) ['noas] (1)	‘наша’
['noastre]	['noastr'i] (1)	‘наши.F’
['oam'in'i]	['oam] (1) ['oamn'i] (1) ['oamn'a] (1)	‘люди’
['soakra]	['soakra] (1)	‘свекровь.DEF’
['soakri]	['soakri] (1)	‘свекровь.GEN.SG’

Таблица 2. Словоформы с редуцировавшимся дифтонгом. Случаи редукции до второго компонента отмечены курсивом

Ожидаемая форма	Зафиксированные формы	Перевод
[bi'searikə]	[b'i's'eRka] (1) [b'i'serka] (2) [b'i'serkə] (3) [bə'serkə] (1) [bə'serk'e] (1) [bə's'eRkə] (1) [b'i'sek] (1) [b'i'seR] (1) [bə'ser'] (1)	‘церковь’

[dimi'neatsə]	[dumə'netsa] (1) [də'mn'etsa] (1)	‘утро’
['easti]	['est'i] (12) ['est'] (1) ['esti] (4) ['est'e] (1) ['jastə] (1) ['jes't'i] (2) ['estə] (4) ['əstə] (3) ['es'i] (3) ['əsi] (1) ['əs'i] (1)	‘быть.PRS.3SG’
['featə]	['feta] (2) ['fet] (1) ['fetʃ] ⁴ (1)	‘дочь’
[kur'tʃeəua]	[kur'tʃ'aua] (1) [kur'tʃ'au] (2) [kur'cʃau] (1)	‘Корча’
[mu'l'earə]	[mu'l'jera] (3) [mu'l'jer] (5) [mu'l'je] (1) [mu'l'er] (2) [mu'l'ira] (1) [məl'jera] (3) [mujera] (1)	‘жена’
[a'tsea]	[a'tsa] (5)	‘эта’
[a'vea]	[a've] (8) [o've] (4)	‘иметь.IPF.3SG’
[fə'tsea]	[fə'tse] (1) [fə'tsə] (1)	‘делать.IPF.3SG’
['mea]	['me] (4)	‘моя’
[nu'mea]	['num'ə] (1)	‘называть.PRS.3SG’
[a'proape]	[a'prop'i] (3) [a'prop'ə] (1)	‘приблизительно’
[doausprə'dzatsə]	[ntauspə'rdzatsə] (1)	‘двенадцать’
['hoarə]	['xorə] (1) ['xor] (3)	‘село’

⁴ В данном случае имеет место стяжение [t] с начальным звуком последующей словоформы *și* ‘и’.

['noastra]	['nostə] (5) ['nosə] (1) ['nos] (1)	‘наша’
['oamni]	['om] ⁵ (1) ['amn'i] (2)	‘люди’
['oarə]	['ora] (1)	‘раз; час’
['roate]	['rotə] (2)	‘могут’
['roartə]	['porta] (1)	‘дверь’
['soakrə]	['sokre] (2)	‘свекровь’

Даже при полной реализации дифтонга его первый элемент, как правило, более чем вдвое превосходит второй по длительности. Произведённые при помощи Speech Analyzer замеры величин первой и второй формант на различных отрывках дифтонга (20%, 50% и 75% от общей длительности звука) демонстрируют, что длительность первого элемента дифтонга составляет более 50% от общей, в связи с чем в случаях монофтонгизации монофтонг в большинстве случаев совпадает по параметрам также именно с первым элементом ([ea] > [e], см. рис. 1; [oa] > [o], см. рис. 2).

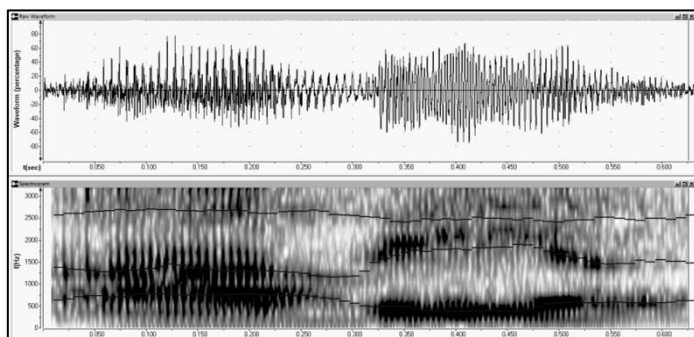

Рис. 1. avea [a'vea] ‘иметь’ в говоре Селеницы. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

⁵ Спорный случай, так как, возможно, информантом подразумевалась форма единственного числа *om* ‘человек’. Однако в монологе это слово было переведено албанской формой множественного числа *njerëz* ['om'n'ers] и использовалось в контексте, также предполагающем форму множественного числа (речь шла о численности населения Воскопои).

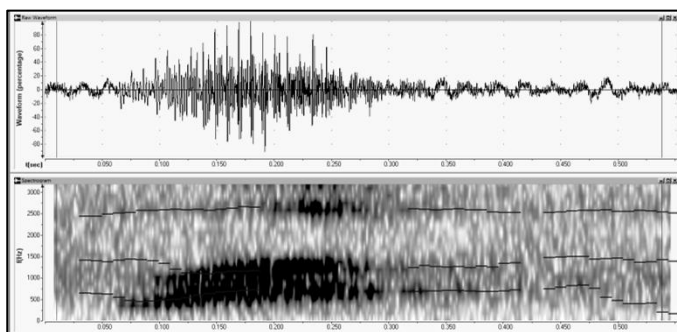

Рис. 2. оарт [oart] 'восемь' в говоре Селеницы. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

Исключения, как мы можем видеть из таблиц, единичны, причём, что касается топонима 'Корча', высока вероятность, что в случае с ним имела место лексикализация формы [kurtʃau] по всем албанским диалектам арумынского языка.

Переход дифтонгов в соответствующий первому элементу монофтонг под влиянием фонетической системы доминантного/обладающего престижем языка наблюдается и в других балканских идиомах, например, в румынских заимствованиях в славянских говорах микрорегиона Карашево (Копуог 2022: 67).

[ea] и [oa] в говоре арумын Анилио

В проанализированных на данном этапе материалах из Анилио (00:10:20), где ожидалось бы дифтонги, также реализуются и с полностью сохранённым дифтонгом (см. таблицу 3), и с дифтонгом, подвергшимся редукции (см. таблицу 4).

Таблица 3. Словоформы с полностью реализованным дифтонгом

Ожидаемая форма	Зафиксированные формы	Перевод
['beau]	['bea] (2)	'пить.PRS.1SG'
[bi'searika]	[bə'searikə] (1) [bə'sear'ikə] (1)	'церковь.DEF'
[bi'searikə]	[bə'searikə] (1)	'церковь'
['easti]	['eas'i] (1) ['easti] (1) ['eastə] (1)	'быть.PRS.3SG'
['feata]	['feata] (1)	'дочь.DEF'

['featə]	['featə] (1)	‘дочь’
[grə'pseafte]	[γrə'pʃeafʲti] (1)	‘писать.PRS.3SG’
['kearə]	['g'earə] (2) ['k'ear'] (2) ['k'ear] (1)	‘Кьяре (арумынское название Анилио)’
['nveasta]	['nveasta] (3) ['nveasə] (1)	‘невеста’
['nveastəl'ej]	['nveastəl'je] (1)	‘невеста.DAT.SG’
[pə'reasin'li]	[o'reasədi] (1)	‘пост’
['tseapi]	['ts'eaɸ'] (1)	‘луковица.NOM.PL’
[a'tseali]	['tseal'] (1)	‘те’
[a'tseam]	[ə'tseam] (2)	‘приносить.IPF.1PL’
['di'ani]	['dean'] (1)	‘PREP.GEN год.PL’
['lunea_a'tseam]	[lunea'ts'am] (1)	‘в понедельник приносим’
[va si aflə]	[və's'eaf'l'a] (1)	‘открыть.FUT.3SG’
[va si aflə]	[və's'eaf'l'ə] (1)	‘открыть.FUT.3PL’
[a'oa]	['oa] (5) [a'oa] (9) [ə'oa] (1)	‘здесь’
[a'oatsi]	[a'oats] (1) [a'oats'i] (1)	‘здесь’
[arə'voanə]	[a'rvoanə] (1)	‘обручение’
['hoara]	['xoarə] (1)	‘село’
['oarə]	['oarə] (1)	‘раз; час’
['oatsi]	['oatsə] (1)	‘здесь’
[tsearə]	[tsear'i] (1)	‘свеча’

Таблица 4. Словоформы с редуцировавшимся дифтонгом.

Ожидаемая форма	Закрепленные формы	Перевод
[bi'searika]	[bə's'ar'ika] (1)	‘церковь.DEF’
['easti]	['jas'i] (1) ['jasti] (1)	‘быть.PRS.3SG’
['gean ¹]	['jan'ə] (1)	‘душа.NOM.PL’
[γi'nea]	[γ'i'n'a] (1)	‘прийти.IPF.3SG’
['kearə]	[k'jar] ⁶ (1)	‘Кьяре (арумынское название Анилио)’
[pə'reasin'li]	[pə'r'asədl'i] (1)	‘пост’

⁶ Спорный случай по причине слабой разборчивости речевого потока.

[tseal]	' [ts'al] (1)	‘этот’
[a'tsea]	[a'ts'a] (1) [a't's'a] (1)	‘эта’
[a'tseam]	' [ts'am] (2)	‘приносить.PRS.1PL’

Как мы видим, в противоположность наблюдаемой в Селенице картине, при редукции в дифтонгах в речи арумын Анилио утрачивается или существенно сокращается первый компонент.

Проведённые при фонетическом анализе замеры демонстрируют, что и в реализованных полностью дифтонгах в большинстве случаев второй компонент составляет свыше 50% от общей длительности звука (см. рис. 3–4).

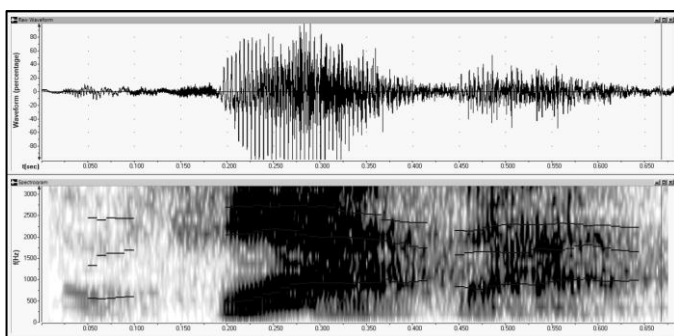

Рис. 3. feata [feata] ‘дочь.DEF’ в говоре Анилио. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

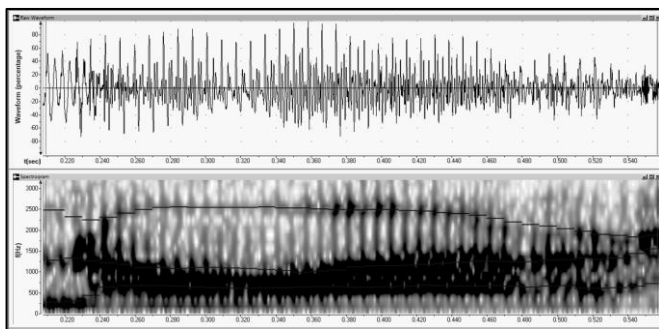

Рис. 4. oaḡă [oaḡă] ‘раз; час’ в говоре Анилио. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

Описанные нами различия в произнесении дифтонгов и закономерностях их редукции в Селенице и Анилио отражены и в письменной речи. Так, в Селенице арумынская надпись на

табличке перед церковью гласит *Biserica Aȳiu Thanas* ‘Церковь святого Афанасия’, а в книге уроженца Анилио (Hitas 2017) при транслитерации арумынских текстов греческим алфавитом ударение ставится на второй элемент дифтонга — например, *Κεάρε* (*Cheare*) ‘Анилио’, *Βουλόαγκα* (*Vuloaga*) ‘Поляна (элемент топонима)’ (Hitas 2017: 11, 24 и др.).

Дифтонги в других арумынских говорах Албании и Греции

Сведения о фонетических свойствах дифтонгов в арумынских говорах Албании и Греции крайне малочисленны.

Подробных исследований фонетических особенностей арумынских говоров Албании нам не известно, так как активное развитие инструментальной фонетики и возрастающая доступность звукозаписывающей аппаратуры в XX веке совпали с периодом албанского коммунизма, когда албанские учёные не имели доступа к техническим новшествам, а у зарубежных исследователей не было возможности работать на территории страны.

Одна из немногих работ, где отмечено наличие в северно-арумынских говорах [ea] и [oa] — книга (Coteanu 1961), в которой приведены тексты, произнесенные арумынами из Албании и содержащие дифтонги (Coteanu 1961: 262–263), однако никаких комментариев относительно этого факта автор не приводит.

В атласе арумынских говоров П. Нейеску дифтонги всегда записываются со знаком ударения над вторым компонентом, в связи с чем невозможно определить, в каких идиомах они восходящие, в каких — нисходящие; причём, согласно Нейеску, как албанские и македонские, так и греческие говоры арумынского демонстрируют и нередуцированное произношение дифтонгов, и монофтонгизацию их до первого компонента (Neiescu 1997: 129 и далее).

Весьма любопытным представляется тот факт, что ряд содержащих дифтонги лексем (например, *nveastă* ‘невеста’, *seară* ‘вечер’), по данным Нейеску, произносится с особенно явным ослаблением⁷ первого компонента только в говорах на

⁷ Так как Нейеску не использовал при картографировании Международный фонетический алфавит, под особенно явным ослаблением мы подразумеваем те случаи, когда звук (компонент звука) записан над строкой.

территории Северной Македонии — т. е. где, наоборот, ожидалась бы высокая частотность ослабления второго компонента (Neiescu 1997: 129; 136; 143; 147; 151; 185; 191; 194; 195; 200; 201; 223; 228; 237; 238; 275; 292; 299; 300; 302; 318).

Исключения, за вычетом глагольных флексий, единичны: *ndeasâ* ‘густой лес’, где произношение дифтонга с ослабленным *e* зафиксировано Нейеску в с. Скепури округа Берат в Албании (Neiescu 1997: 148); *oamin* ‘люди’, *oait* ‘овца’, *deanâ* ‘холм’ и *ahuleaști* ‘трогать.PRS.3SG’, где ослабление первой фазы дифтонга зафиксировано в с. Пояни округа Фьер в Албании (Neiescu 1997: 222; 224; 270; 311); *să moarǎ* ‘умереть.SUBJ.3SG’, где ослабление присутствует в с. Стан-Карбунара округа Люшня в Албании (Neiescu 1997: 296); ряд глагольных словоформ в имперфекте, где ослабление присутствует в говорах Албании или Греции (Neiescu 1997: 193; 205; 206; 210; 211).

Причины расхождения данных Нейеску как с результатами нашего исследования, так и с большинством имеющихся в нашем распоряжении библиографическими данными могут быть, на наш взгляд, следующими. В фокусе работы Нейеску находится лексический фонд арумынского языка, и в предисловии атласа фонетический аспект работы упоминается вскользь, когда автор отмечает, что алфавит транскрипции был разработан на основе алфавита, разработанного авторами «Румынского лингвистического атласа» (Neiescu 1997: 15). Вследствие этого мы не можем достоверно установить характер произношения дифтонгов, так как, за исключением случаев, когда ослабленный компонент дифтонга записывается над строкой, знак ударения всегда стоит над вторым компонентом.

Другим следствием того, что Нейеску прежде всего исследовал лексику арумынского языка, является различная выборка лексики в нашей работе и его атласе. При записи спонтанной речи информантов мы не ставили себе цели получить, например, редкие лексемы, такие, как *ndeasâ* ‘густой лес’. Так как каждая лексическая единица может подвергаться лингвистическим процессам в различной степени (см., например, выше наше предположение о лексикализации лексемы ‘Корча’ с дифтонгом, редуцировавшимся до второй фазы), это также могло сыграть роль в конечном результате анализа выборки.

Кроме того, в выборку исследуемых Нейеску идиомов не входят говоры Селеницы и Анилио. Даже географически очень

близкие говоры арумынского как языка меньшинства, у которого отсутствует литературный стандарт, могут сильно различаться в лингвистическом плане — так, сами наши информанты утверждали, что в расположенных в нескольких километрах от Селеницы сёлах Армен и Любоне «другой язык».

Обзору арумынских говоров Албании, в том числе рассмотрению особенностей их фонетики, посвящена значительная часть монографии (Riska 2005), но А. Риска прежде всего приводит обобщающую информацию, редко останавливаясь на материалах конкретных диалектов — так, описывая разные варианты реализации дифтонгов (с редукцией второго компонента, без редукции, с редукцией первого компонента), он приводит данные говоров «горных» и «равнинных» арумын, но не поясняет, какие говоры относятся к которой категории и из каких конкретно идиомов взяты данные по дифтонгам (Riska 2005: 92).

В ходе пробной экспедиции по арумыноязычным пунктам Южной Албании (более детальное описание экспедиции см.: Harlamova 2019a) нами помимо речи арумын Селеницы были записаны также аудиоматериалы из г. Корча, с. Воскопоя, с. Косина и с. Андон Почи. На настоящий момент проведён предварительный анализ этих записей; дифтонги обнаружены в записях из Корчи и Андон Почи, причём они имеют восходящий характер. Высока вероятность, что это следствие влияния южноарумынской фонетики — и Корча, и Андон Почи расположены гораздо ближе, чем Селеница, к южной диалектной зоне. Кроме того, зафиксированные на данный момент восходящие дифтонги использовались образованными, многоязычными информантами, которые могли быть знакомы с южноарумынским произнесением.

Что касается южноарумынской зоны, в отчётах о диалектологических экспедициях В. Дамена и Й. Крамера, проводимых в арумынские населённые пункты Греции и Югославии, в издании *Balkan-Archiv* упоминания о фонетических особенностях тех или иных звуков единичны; относительно дифтонгов присутствует только краткий комментарий к записанной в селе Маловиште арумынской словоформе с утраченным дифтонгом (при том, что, как правило, монофтонгизация в говоре села не фиксируется): авторы предполагают, что это, вероятно, следствие македонского влияния (Römer et al. 1977: 122–123).

В изданном М. Коккой сборнике арумынских текстов из села Неа-Зои (периферия Трикала, Греция) (Kokka 1992) первый компонент дифтонгов в транскрипции записывается как полугласный.

В монографии, посвящённой арумынскому говору греческого села Кранея/Турья (Bara et al. 2005), к которой прилагаются сделанные в селе аудиозаписи, дифтонги как отдельные фонемы не выделяются и какие-либо фонетические их свойства также не рассматриваются (Bara et al. 2005: 23), однако приведённые в работе транскрипции демонстрируют восходящий характер [ea] и [oa] — при транскрибировании словоформ с ударным дифтонгом знак ударения ставится перед вторым компонентом (Bara et al. 2005: 19 и далее). Кроме того, в ходе нашей собственной работы с аудиоматериалами из Турьи, методика и результаты которой описаны в (Harlamova 2016), мы установили, что дифтонги в говоре данного села являются восходящими.

Исследования проблемы североарумынских дифтонгов

По-видимому, в связи с тем, что само наличие дифтонгов считается южноарумынской чертой (так, в (Dahmen. Kramer 1976: 68) утверждается, что «у фаршеротов [авторы обозначают всю североарумынскую зону как фаршеротскую] вообще больше нет ни *ea*, ни *oa*»), в нашем распоряжении нет работ, где отдельно рассматривалась бы тема североарумынских дифтонгов и механизма их редукции.

Единственное известное нам исследование, в котором вообще указано на возможность наличия в североарумынской зоне нередуцированных дифтонгов — (Riska 2005), однако подробного рассмотрения этой проблематики в нём не приведено (Riska 2005: 91–92).

В комментариях к англо-арумынскому словарю (Vrabie 2000) без каких-либо указаний на различия диалектных зон оговорено, что «в арум. дифтонге *ea* символ *e* обозначает глайд. Моносиллабические кластеры *ea* и *ia*, особенно после палатальных согласных, практически не различаются в арумынском» (Vrabie 2000: 29), при этом свидетельство североарумынской монофтонгизации до первого компонента присутствует даже в диалектном тексте, приведённом в этих же комментариях (*plioia* < *plioia* ‘дождь’) (Vrabie 2000: 34).

В арумыноведении давно известно о том, что дифтонги [ea] и [oa] в фаршеротском диалекте редуцируются до соответствующего первому компоненту монофтонга — описания данного явления мы находим в монографии Т. Капидана, с пометой о том, что это оно характерно именно для арумынских говоров Албании (Capidan 1932: 243; 272); в дальнейшем с опорой на Капидана и арумынский атлас (Dahmen, Kramer 1985) на это указывает и Нарумов в (Narumov 2001: 638). Однако нам не удалось обнаружить в известных нам исследованиях наблюдений о различном произнесении самих дифтонгов в северно- и южноарумынской диалектных зонах — так, у Н. Сараманду в обзоре фонетических черт речи пиндских и грамостенских арумын дифтонги записаны со знаками краткости под [e] и [o] (Saramandu 2008a: 158; 2008c: 132), но тот же самый способ записи использован и при описании северноарумынских фонетических явлений (Saramandu 2008b: 172).

Единственная имеющаяся в нашем распоряжении работа, где заострено внимание на различии характера произнесения дифтонгов в разных говорах арумынского — «Язык олимповалахов» Г. Вейганда, однако Вейганд, во-первых, упоминает это различие только применительно к дифтонгу [ea], во-вторых, не указывает, каково распределение вариантов его произнесения по диалектным зонам, отмечая лишь, что «в других диалектах ударение [в дифтонге ea] падает на a, вследствие чего e затем становится закрытым и также переходит в i» (Weigand 1888: 21).

Таким образом, нами впервые установлено, что нисходящий характер произнесения [ea] и [oa], ранее упомянутый Вейгандом, является характерной чертой мюзекерского арумынского говора Селеницы.

Причины различий в фонетических характеристиках дифтонгов

Наша гипотеза в настоящий момент заключается в следующем: исконным для арумынского языка является восходящее произнесение. Это подтверждается как прямыми свидетельствами записи дифтонгов большинством исследователей с обозначением редукции первого компонента — см. выше примеры таких работ (Vrabie 2000; Saramandu 2000a; 2000b; 2000c), —

так и косвенным свидетельством: румынские дифтонги, по сообщению авторов (Rosetti 1958: 27; Chitoran 2002: 203, 204 и далее; Gogin 2006: 2 и далее; Marin 2014: 89 и далее), являются восходящими. Развитие же нисходящего характера у дифтонгов в говоре Селеницы, по нашему мнению, является следствием влияния албанской фонетики, так как частотные албанские дифтонги в идиоме наших информантов — нисходящие⁸.

Примечательно, что в албанских диалектах, где происходит монофтонгизация дифтонга, получающийся в результате процесса монофтонг также совпадает по параметрам с первым элементом изначального звука — это явление наблюдается в арбрешском говоре с. Эянина (Калабрия, Италия), где зафиксирован переход [ua] > [u:] (Altimari 1987: 370), в гегском говоре с. Аррен краины Люма ([ie] > [i]) ([Hoxha 1990: 86), в гегском говоре г. Дуррес ([ue] > [u:], [ye] > [y:], [ie] > [i:]) (Çeliku 1990: 295–296), в тоскском говоре региона Томорица ([ue] > [u:]) (Xhaferri 1990: 338). В некоторых говорах происходит даже вторичная дифтонгизация: так, например, в говоре общины Макеллара (округ Дибер) зафиксированы результаты перехода [ue] > [u] > [ou] (Keshi 1990: 167).

Эти данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в наших материалах из Селеницы наблюдается заимствование не самих по себе звуков, а фонетических закономерностей, характерных для доминантных языков исследуемых населённых пунктов. Следует отметить, что, например, Я. Матрас и Э. Адаму, указывая в посвящённой языковым контактам монографии на разграничение заимствования «лингвистической материи» и копирования «лингвистических закономерностей», тем не менее рассматривают и то, и другое именно в рамках понятия заимствования (Matras, Adamou 2021: 237).

Что касается Анилио, в работе (Baltazani, Topintzi 2009) высказано весьма обоснованное, на наш взгляд, предположение о том, что в греческих диалектах северо-запада Греции наблюдаются результаты влияния арумынской фонетики как раз в плане дифтонгов и дифтонгоидных сочетаний: глайды [j] и [w] именно в исследуемых авторами диалектах, ареал которых во мно-

⁸ За исключением восходящего варианта дифтонга [ie], который в ряде исследований (Cimochowski 1951: 9–10; Veci 1982: 51–52; 2007: 302) рассматривается как отдельная от нисходящего [ie] единица.

гом совпадает с ареалом романских говоров Греции, приобрели характер полугласных, сходный с характером первых компонентов арумынских дифтонгов (Baltazani, Topintzi 2009: 65).

Фонологический аспект проблемы

Изучение дифтонгов в фонологическом аспекте затруднено проблемами с определением самого понятия дифтонга. Ещё А. Росетти отмечает, что «среди лингвистов нет согласия относительно определения дифтонга; определения, которые уже предложены, нередко бывают изменены» (Rosetti 1934: 21). Согласно (Rozental', Telenkova 1985: 64), дифтонг представляет собой «сочетание в одном слоге двух гласных — слогового и неслогового». Однако даже это общее определение не всегда применяется исследователями: в статье, посвящённой фонологическому анализу дифтонгов, Л. Забулене отмечает, что относительно данного понятия «следует подчеркнуть отсутствие законченной теории и противоречивость имеющихся» (Zabulene 1976: 87). Действительно, например, в (Ahmanova 1966: 132) одно и то же определение («сочетание двух гласных — слогового и неслогового») даётся и дифтонгу как таковому, и скользящему, или ложному дифтонгу. Насколько мы можем судить по литературе, имеющейся в нашем распоряжении, к настоящему моменту ситуация мало изменилась: «вопрос о фонологической интерпретации дифтонгов до сих пор остаётся спорным» (Baykova, Baykova 2020: 14), авторы работ последних лет признают, что существуют разнообразные определения природы дифтонгов (см., например, обзор подобных определений в (Radnayeveva 2019: 14–15)). И. Мэддисон характеризует поиски определения дифтонга как «особенно проблематичный» вопрос современной фонологии, отмечая, что «термин используется разными авторами для описания трёх весьма различных структурных закономерностей и часто используется непоследовательно даже одним и тем же автором» (Maddieson 2023: 249).

Отдельных исследований, посвящённых фонологическому статусу арумынских дифтонгов, в нашем распоряжении не имеется. По мнению некоторых исследователей, они являются бифонемными сочетаниями — так, М. Караджу-Мариоцеану характеризует их как сочетания полугласных и гласных

(Caragiu-Marioțeanu 1964: 539)⁹. Однако при изучении аналогичных дифтонгов в румынском ещё в 1958 г. Н. И. Дукельский, используя метод пересадки звуков на материале фонограмм, установил, что акустические характеристики [oa] — Дукельский определяет данный звук как дифтонгоид «^oа» — свидетельствуют о том, что «^oа» представляет собой отдельную фонему, а не позиционный вариант /a/ или /o/ (Dukel'skiy 1958: 91–93; 95).

Это подтверждается и современными исследованиями: при изучении аналогичных дифтонгов /ea/ и /oa/ в румынском Й. Киторан и С. Марин было установлено, что их артикуляторные и акустические свойства подтверждают то, что дифтонги являются единой вершиной слога (Chitoran, Marin 2019: 130–131), соответственно, на основании этого мы можем предположить, что /ea/ и /oa/ представляют собой фонемы, а не бифонемные сочетания и в арумынском, так как в плане и артикуляторно-акустических свойств, и дистрибуции арумынские /ea/ и /oa/ достаточно близки к румынским¹⁰.

В фонологическом плане также весьма интересна теория, согласно которой в фонологии одного языка не могут присутствовать одновременно восходящие и нисходящие дифтонги — аргументы в пользу этой теории высказаны, например, в (Booij 1989) на примере материала фризского и других германских языков. Впрочем, полученные другими авторами материалы опровергают такое предположение — в посвящённой сложным гласным монографии Л. Д. Раднаевой описаны дифтонги бурятского языка, где соотношение длительности первого и второго элементов различно (Radnaeva 2019: 146–147).

Однако, как мы считаем, здесь мог сыграть роль тот факт, что выводы работы (Booij 1989) сделаны на основе данных

⁹ Необходимо отметить, что некоторые исследователи, например, А. Росетти, считают румынские [j] и [w] полусогласными, отличая их тем самым от полугласных — первых компонентов дифтонгов (Rosetti 1960: 60). При этом сам же Росетти ранее утверждал, что йот является полугласным (Rosetti 1943: 20). Таким образом, связи с противоречивостью понятия полусогласного мы не используем данный термин.

¹⁰ Кроме того, в румынской лингвистической традиции, к которой принадлежат Й. Киторан и С. Марин, арумынский язык относится к диалектам румынского, однако в их работе, посвящённой румынскому языку в целом, не упомянуто о каких-то принципиальных отличиях арумынских дифтонгов от румынских.

индоевропейских языков, а выводы (Radnayeva 2019) — на основе данных языка алтайской семьи; возможно, закономерности, связанные с относительной длительностью компонентов дифтонга, относятся к числу соответствий, объединяющих языки одной семьи, однако в разных языковых семьях являются различными. Хотя можно предположить, что предложенное в (Booij 1989) правило не представляет собой исключительно индоевропейскую особенность: в некоторых работах, касающихся идиомов иных языковых семей, она также выявляется — так, в (Zhang, Hu 2019) авторы приходят к выводу, что в варианте китайского диалекта сянь, распространённом в г. Сюйпу, традиционно выделяемые восходящие дифтонги являются бифонемными сочетаниями, а к фонологическим дифтонгам относятся только дифтонги нисходящие (Zhang, Hu 2019: 3963).

Если мы предположим, что вышеописанная теория верна для индоевропейских языков и фонологическая система языка билингвов наподобие старших поколений арумын Селеницы (т. е. знающих оба языка с рождения при доминантном албанском) является единой и для албанского, и для арумынского кода, то «перестройка» арумынских дифтонгов под албанские объяснима и с фонологической точки зрения.

Возможная нехарактерность селеницкого произнесения дифтонгов для северноарумынской зоны

Следует оговориться, что в посвящённой албанскому языку и его диалектам монографии А. В. Десницкой отмечено, что в албанских говорах Мюзекки дифтонги [ua], [ye], [ie] в открытых слогах внутри слова и в закрытых слогах являются восходящими (Desnitskaya 1968: 269–270). Мы вынуждены отметить, что в нашем распоряжении нет более поздних работ, которые были бы посвящены мюзекерским дифтонгам: Б. Беци в монографии по албанской диалектологии (Beci 2016) также приводит вышеуказанные выводы А. В. Десницкой касательно зависимости произношения дифтонга от его положения в словоформе и качества слога (Beci 2016: 123).

Однако в албанской речи жителей Селеницы нами не было зафиксировано ни одного подобного случая — вышеперечисленные дифтонги всегда являются нисходящими в речи наших информантов. Возможно, использование восходящих дифтон-

гов, обозначенное уже Десницкой как консервативная черта (Desnitskaya 1968: 270), окончательно прекратилось в течение последних десятилетий под влиянием литературного языка¹¹.

Кроме того, нельзя исключать и той возможности, что арумыны Селеницы как переселенцы из более южных регионов изначально говорили на идиоме, в котором не было восходящих дифтонгов, поскольку полное отсутствие последних характерно для всего юга тоскской диалектной зоны (Desnitskaya 1968: 270) — в частности, для говоров Воскопои, откуда происходит большинство арумынских семей Селеницы, произнесение дифтонгов с ударением на первом компоненте фиксировалось ещё в конце XVIII–начале XIX века (Desnitskaya 1968: 318–319).

По гипотезе М. С. Морозовой, южнотоскская инновация, выразившаяся в закреплении нисходящего характера дифтонгов, распространилась в конце XV–начале XVI века (Morozova 2013: 593). Длительное сохранение в говоре переселенцев фонетических явлений, несмотря на их отсутствие в доминантном говоре, наблюдается и в других идиомах, в том числе принадлежащих к Балканскому языковому союзу: так, отмечается, что в настоящее время в речи проживающих в Тиране носителей гегского диалекта по-прежнему присутствует противопоставление гласных по долготе/краткости, несмотря на интенсивное влияние литературного (тоскского) албанского языка (Riverin-Coutlée et al. 2021: 1452).

Мы можем предположить, что процессы, проходящие с [ea] и [oa] в говоре Селеницы, характерны именно для арумынских идиомов данного региона, но не для всей североарумынской зоны. Для сравнения: в говоре македонских арумын с. Крушево в определённых позициях в ударных слогах имеет место варьирование [ea] и гласного переднего ряда, однако в начале слова [ea] реализуется как [ja], а [oa] может реализоваться как [ua]; после палатальных же и палатализованных [ea] переходит в [a] (Gołąb 1984: 29–34), в то же время в безударных слогах наблюдается редукция [ea] > [i], [oa] > [u] (Gołąb 1984: 46).

¹¹ На наш взгляд, представляет интерес частичное сохранение восходящего характера дифтонгов в арбрешских диалектах, таких, как, например, говор Сан-Марцано (Shkurtaj 2004: 72) — дополнительное свидетельство того, что изначально в албанском также существовала более явная вариативность в произнесении дифтонгов.

Заемствование фонетико-фонологических закономерностей в других ситуациях языкового контакта

Ситуации заимствования языковых закономерностей, но не единиц, в ситуации билингвизма уже фиксировались среди других языковых меньшинств: так, например, ещё в 1960 г. Э. Р. Тенишев, исследуя фонологию саларского языка, приходит к выводу, что «влияние китайского языка глубоко проникло в структуру саларского <...> вместе с китайскими словами были не только восприняты отдельные звуки, но был усвоен и сам процесс переходов палатализованных смывчных зубных в аффрикаты» (Тенишев 1960: 101).

В русистике бытует теория, предполагающая развитие аканья в русском языке, по меньшей мере, частично под влиянием гармонии гласных в финно-угорском субстрате (Knyazev 2000: 75). При изучении языковой ситуации Закарпатья было отмечено, что просодика венгерских говоров данного региона претерпела значительные изменения под влиянием просодики находящихся в контакте с ними говоров украинского и словацкого языков (Агра 1973: 4).

Что касается балканских языков, то И. Савицка отмечает, что в македонском языке, вероятно, в силу его активной интерференции с греческим частотны вокальные кластеры, обычно нетипичные для языков славянской группы (Sawicka 1997: 26–30), а также в (Sawicka 2021) приходит к заключению, что в первую очередь именно под влиянием греческой фонологической системы македонский язык сохранил назальность (Sawicka 2021: 349).

Дальнейшие исследования фонетики говоров балканских меньшинств и находящихся с ними в контакте говоров доминантных языков, несомненно, позволят установить, насколько распространено и как происходит заимствование фонетических закономерностей среди идиомов Балканского языкового союза.

Противоположные направления заимствований закономерностей в североарумынских и южноарумынских говорах: возможная причина

Итак, можно полагать, что в находящемся в фокусе нашего внимания говоре Селеницы имело место заимствование структуры албанских дифтонгов, в то время как при контакте южноарумынских говоров с греческим, напротив, структура арумын-

ских дифтонгов влияет на фонетику греческих говоров северо-запада Греции. Однако вследствие этого возникает вопрос, по какой причине заимствование произошло в «разных направлениях». В ряде перечисленных выше исследований наглядно продемонстрирована возможность заимствования языковых закономерностей из субстратного языка в доминантный — см., например, (Knyazev 2000; Bužarovska 2020; Tsimpli et al. 2022).

С нашей точки зрения, причина заключается в отсутствии дифтонгов в современном литературном греческом языке. Можно предположить, что становление дифтонгов в северо-западных греческих говорах произошло в связи с крайне высокой частотностью [ea] и [oa] в южноарумынской речи.

С другой стороны, в таком случае встаёт вопрос, почему имело место развитие дифтонгов в греческих говорах, а не полная их утрата в арумынском. Но, хотя причины именно такого направления развития мы на данный момент не можем объяснить исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, известны свидетельства аналогичных фонетических процессов и в других идиомах. Так, в (Vollmann, Moosmüller 1999) на примере нескольких записей речи одних и тех же информантов, сделанных с промежутком в десять лет, демонстрируется, что, вероятнее всего, в венском стандартном варианте немецкого языка тенденция к монофтонгизации усилилась под влиянием венского диалектного варианта, где она фиксировалась уже в 1950-е годы (Vollmann, Moosmüller 1999: 348).

Что касается нисходящего характера дифтонгов в речи арумын Селеницы, албанские дифтонги представляют собой обширную и также весьма частотную группу, поэтому какое-то влияние на их структуру со стороны дифтонгов из фонологической системы языка меньшинства представляется нам маловероятным в принципе, в то время как обратное влияние вполне возможно.

Таким образом, если наша гипотеза верна, она свидетельствует о том, что вероятность заимствования как единиц, так и языковых закономерностей усиливается при а) отсутствии соответствующих заимствуемым единиц/закономерностей в системе языка-реципиента; б) частотности заимствуемых единиц/закономерностей в языке-доноре. При этом первая из причин является фонологической, вторая касается фонетики, что дополни-

тельно подтверждает необходимость комплексного, фонетико-фонологического взгляда на языковую интерференцию.

Выводы

Исходя из результатов фонетического анализа наших материалов, мы можем сделать следующие выводы:

1) В говоре Селеницы присутствуют дифтонги [ea] и [oa], крайне нехарактерные для североарумынской диалектной зоны. Это может быть отличительным признаком малоизученной группы мюзекерских говоров.

2) Ситуация с использованием дифтонгом [ea] и [oa] в речи информантов из Анилио соответствует изначально ожидаемой, из чего можно сделать вывод, что по этому параметру арумынский говор Анилио является типичным представителем южно-арумынской диалектной зоны.

3) Фонетические особенности исследуемых дифтонгов в говорах Селеницы и Анилио различаются: в Селенице большей длительностью обладает первый элемент дифтонга, в то время как в Анилио — второй. На наш взгляд, ситуация в говоре Селеницы вызвана влиянием фонетической структуры албанского языка, где, как правило, преобладают нисходящие дифтонги, а восходящий характер дифтонгов Анилио отражает исконное восточнороманское состояние.

4) Если фонологическая система языка билингвов Селеницы едина и для албанского, и для арумынского кода, вероятно, изменение структуры арумынских дифтонгов закономерно и с фонологической точки зрения в связи с невозможностью одновременного наличия в фонологической системе восходящих и нисходящих дифтонгов.

5) Нельзя исключать возможности того, что нисходящий характер дифтонгов в говоре Селеницы развился ещё до переселения его носителей из Воскопои в результате контакта с албанскими говорами южнотоскской зоны в конце XV—начале XVI века, так как, по данным некоторых исследователей, нисходящие дифтонги не характерны для албанских говоров Мюзекки.

6) Возможно, причиной того, что в Селенице заимствование структуры дифтонгов прошло из доминантного языка в язык меньшинства, в то время как в Анилио имела место обратная ситуация, является частотность дифтонгов в албанском и отсутствие их в литературном греческом языке.

Заключение

Как мы можем наблюдать из имеющейся в нашем распоряжении литературы, исследование природы дифтонгов крайне затруднено в связи с отсутствием консенсуса относительно самого понятия дифтонга. Как единица, состоящая из двух компонентов, дифтонг вызывает ряд вопросов и с фонологической, и с фонетической точки зрения.

Вслед за специалистами Санкт-Петербургской лингвистической школы мы полагаем, что оптимальный подход к изучению дифтонгов должен отталкиваться прежде всего от их реализации в звучащей речи. Фонологические обобщения, на наш взгляд, правомерны лишь с опорой на результаты всестороннего фонетического анализа.

Применительно к нашему материалу на данном этапе сделать подобные обобщения затруднительно, так как фонетика балканских языков изучена мало, а работы, посвящённые артикуляторной и акустической фонетике, крайне редки. Однако нам представляется, что без составления фонетической базы данных балканских идиомов и уже на её основы выявленных фонологических закономерностей неизбежны неполные и противоречивые результаты исследований.

Всестороннее исследование арумынских говоров Селеницы и Анилио может послужить этапом подготовки к созданию такой базы. Дальнейшая наша работа будет включать в себя акустический анализ дифтонгов, артикуляторный и акустический анализ прочих звуков, присутствующих в говорах, привлечение данных супraseгментной фонетики.

Литература

- Ahmanova, O. S. 1966: *Slovar' lingvističeskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
Ахманова, О. С. 1966: *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия.
- Altimari, F. 1987: Sistemi zanor i së folmës arbëreshe të Ejaninës (Kalabri). Gj. Shkurtaj (përkth. nga ital.). *Dialektologjia shqiptare* 5, 363–371.
- Arpa, S. S. 1973: [The melodics of Hungarian colloquial speech in comparison with the melodics of Ukrainian and Slovak colloquial speech of the residents of Zakarpattia Oblast of the UkSSR] In: *Symposium po problemat karpatskogo yazykoznanija (24–26 aprelya 1973 g.)*. Tezisy dokladov i soobshcheniy. [Symposium on Problems of Carpathian Linguistics (24–26 April 1973). Abstracts of lectures and presentations]. Moscow: Nauka, 4–5.

- Арпа, С. С. 1973: Мелодика венгерской разговорной речи в сравнении с мелодикой украинской и словацкой разговорной речи жителей Закарпатской области УССР. В сб.: *Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.). Тезисы докладов и сообщений*. М.: Наука, 4–5.
- Baltazani, M., Topintzi, T. 2009: The phonology and phonetics of glides in North-Western Greek dialects. *Modern Greek Dialects and Linguistics Theory* 4 (1), 61–74.
- Bara, M., Kahl, T., Sobolev, A. N. 2005: *Yuzhnoarumynskiy govor sela Turia (Pind)* [*The South Aromanian dialect of the village Turia (Pindos)*]. München: Biblion Verlag.
- Бара, М., Каль, Т., Соболев, А. Н. 2005: *Южноарумынский говор села Турья (Пинд)*. München: Biblion Verlag.
- Baykova, O. V., Baykova, A. V. 2020: [On the acoustic structure and phonological status of diphthongs in the German dialect islands (based on the data from Sozimsky and Chernigovsky villages of Kirov Oblast)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"* [*Papers of Tver State University. Philology Series*], 2 (65), 13–22.
- Байкова, О. В., Байкова, А. В. 2020: Об акустической структуре и фонологическом статусе дифтонгов в немецких островных диалектах (на примере посёлков Созимский и Черниговский Кировской области). *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*, 2 (65), 13–22.
- Beci, B. 1982: E folmja e Mirditës. *Dialektologjia shqiptare* 4, 26–143.
- Beci, B. 2016: Struktura dialektore e shqipës. Një qasje e re. Tirana: UET Press.
- Beci, B. 2007: Të folmet qëndrore të shqipës së veriut. Tirana: EDFA.
- Bondarko, L. V., Volskaya, N. B., Kuznetsov, V. I., Svetozarova, N. D., Skrelin, P. A. 2000: *Fonologiya rechevoy deyatel'nosti* [Phonology of speech act]. Saint-Petersburg: Izdatelstvo SPb universiteta.
- Бондарко, Л. В., Вольская, Н. Б., Кузнецов, В. И., Светозарова, Н. Д., Скрелин, П. А. 2000: *Фонология речевой деятельности*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Booij, G. 1989: On the representation of diphthongs in Frisian. *Journal of Linguistics* 25, 319–332.
- Brâncuş, G. 2009: *Kërkime mbi fondin trako-dak te gjuhës rumune*. L. Topçiu (përkth. nga rumunishtja). Tirana: Shtëpia Botuese 55.
- Bužarovska, E. 2020: The Contact Hypothesis Revised: DOM in the South Slavic Periphery. *Journal of Language Contact*, 13, 57–95.
- Capidan, Th. 1932: *Aromânii. Dialectul aromân. Studiu lingvistic*. Bucureşti: Academia Română.
- Caragiu-Marioţeanu, M. 1964: Phonologie aroumaine. *Revue roumaine et linguistique* 9, 535–545.
- Chernyak, A. B. 1990: [The Aromanian language]. In: A. V. Desnitskaya et al. (eds.) *Osnovy balkanskogo yazykoznaniiya. Yazyki balkanskogo regiona. Ch. 1 (novogrecheskiy, albanskiy, romanskiye yazyky)* [*Basics*

- of Balkan linguistics. The languages of the Balkan region. P. 1 (Modern Greek, Albanian, Romance languages)*. Leningrad: Nauka, 192–220.
- Черняк, А. Б. 1990: Арумынский язык. В кн.: А. В. Десницкая и др. (ред.) *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки)*. Л.: Наука, 192–220.
- Chitoran, I. 2002: A perception-production study of Romanian diphthongs and glide-vowel sequences. *Journal of the International Phonetic Association* 32 (2), 202–222.
- Chitoran, I., Marin, S. 2019: Vowels and diphthongs: the articulatory and acoustic structure of Romanian nuclei. In: M. Gibson, J. Gil (eds.). *Romance Phonetics and Phonology*. Oxford: Oxford University Press, 118–132.
- Cimochowski, W. 1951: *Le dialecte de Dushmani: description de l'un des parlars de l'Albanie du nord*. Poznań: Poznańskie товарищество przyjaciół nauk.
- Coteanu, I. 1961. *Elemente de dialectologie a limbii române*. București: Editura științifică.
- Çeliku, M. 1990: E folmja e qytetit të Durrësit dhe e rrethinave të tij. *Dialektologjia shqiptare* 6, 285–328.
- Dahmen, W., Kramer, J. 1985: *Aromunischer Sprachatlas. Atlasul lingvistic aromân. Bd. 1*. Hamburg: Buske.
- Dahmen, W., Kramer, J. 1994. *Aromunischer Sprachatlas. Atlasul lingvistic aromân. Bd. 2*. Veitshöchheim bei Würzburg: Wissenschaftlicher Verlag A. Lehmann.
- Dahmen, W., Kramer, J. 1976: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Jahre 1976. *Balkan-Archiv, Neue Folge* 1. Berlin: Lehmann, 7–78.
- Desnitskaya, A. V. 1968: *Albanskiy yazyk i yego dialekty [The Albanian language and its dialects]*. Leningrad: Nauka.
- Десницкая, А. В. 1968: Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука.
- Dukel'skiy, N. I. 1958: [The method of transplanting speech sounds in phonetics]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics]* 1958-1, 85–96.
- Дукельский Н. И. 1958: Метод пересадки звуков речи в фонетике. *Вопросы языкознания* 1958 (1), 85–96.
- Elezović, G. 1950: [More significant differences between two groups of dialects in the Albanian language: Geg and Tosk]. *Južnoslovenski filolog [South Slavic philologist]* XVIII, 107–122.
- Елезовић, Г. 1950: Знатније разлике између две групе говора у арбанашком језику: гегиске и тоскиске. *Јужнословенски филолог* XVIII, 107–122.
- Gogin, G. 2006: *Diftongii ascendenți (studiu de fonetică experimentală)*. Chișinău: Academia de Științe a Republicii Moldova, Centrul de Instruire Universitară, Postuniversitară și Perfectionare.

- Goļab, Z. 1984: *The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SFR Yugoslavia*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts.
- Gosturani, Xh. 1975: E folmja e Hasit. *Dialektologjia shqiptare* 3, 211–269.
- Harlamova, A. V. 2016: *Affrikaty v arumynskoy spontannoy rechi (na materiale govorov s. Kranea/Turia i g. Resen)*. [Affricates in Aromanian spontaneous speech (based on data from the dialects of the village Kranea/Turia and the town Resen)]. Thesis presented in fulfillment of the requirements of the Bachelor of Arts degree. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University.
- Харламова А. В. 2016: Аффрикатy в арумьнской спонтанной речи (на материале говоров с. Кранья/Турья и г. Ресен). Дипломная работа на соискание степени бакалавра гуманитарных наук. СПб.: СПбГУ.
- Harlamova, A. V. 2019: [Phonetic features of the Aromanian dialect of the town of Selenica (Albania): results of a preliminary study]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 23 (2), 1076–1086.
- Харламова, А. В. 2019 (6): Фонетические особенности арумьнского говора г. Селеница (Албания): результаты предварительного исследования. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23 (2), 1076–1086.
- Hitas, F. 2017: *Sti skia tu iliu. To Anilio tis Pindu [In the shadow of the sun. Anilio of Pindos]*. Athens: Eptalofos ABEE.
- Χήτας, Φ. 2017: *Στη σκία του ήλιου. Το Ανήλιο της Πίνδου*. Αθήνα: Επτάλοφος ΑΒΕΕ.
- Hoxha, S. 1990: E folmja e Arnit. *Dialektologjia shqiptare* 6, 57–188.
- Kahl, T. 1999: *Ethnizität und räumliche Verteilung der Aromunen in Südosteuropa*. Münster: Institut für Geographie der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster.
- Keshi, S. 2005: Disa dukuri për të folmen e Mbiudhës së Maqellarës në Dibër. *Dialektologjia shqiptare* 7. Tirana: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 158–220.
- Knyazev, S. V. 2000: [On the question of mechanics of the appearance of akanye in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics]* 2000 (1), 75–101.
- Князев, С. В. 2000: К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке. *Вопросы языкознания* 2000 (1), 75–101.
- Kokka, M. 1992: *Texte aromâne din comuna Nêa-Zoi, jud. Tricala (Grecia)*. București: Universitatea București, Facultatea de Litere.
- Kolgnji, J. 2002: *Palatalization in Albanian: An Acoustic Investigation of Stops and Affricates*. Presented to the Faculty of the Graduate School of the University of Texas at Arlington in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Arlington: University of Texas.
- Konyor, D. V. 2022: *Leksicheskiye sistemy v situatsii tesnogo yazykovogo kontakta: slavyanskiy i rumynskiy govory Karashevo [Lexical*

- systems in a situation of close language contact: the Slavic and Romanian dialects of Caraşova*. Saint-Petersburg: Nauka.
- Конёр, Д. В. 2022: *Лексические системы в ситуации тесного языкового контакта: славянский и румынский говоры Карашево*. СПб.: Наука.
- Kramer, J., Dahmen, W., Fiacre, K.-J., Kramer, B., Ritter, A., Römer, C., Schlösser, R. 1978: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Sommer 1977 und im Frühjahr 1978. *Balkan-Archiv. Neue Folge* 3, 15–70.
- Kramer, J., Wild, B., Fiacre, K.-J., Schlösser, R., Wessling, M. 1981: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Frühjahr 1980 und im Sommer 1980. *Balkan-Archiv. Neue Folge* 6, 7–80.
- Marin S. Romanian diphthongs /ea/ and /oa/: an articulatory comparison with /ja/ – /wa/ and with hiatus sequences. *Revista de Filologie Română* 31, 83–97.
- Maddieson I. 2023: Investigating the ‘what’, ‘where’ and ‘why’ of global phonological typology. *Linguistic Typology* 27 (2), 245–266.
- Marković, M. 2007: *Aromanskiot i makedonskiot govor od Ohridsko-Strushkiot region vo balkanski kontekst* [The Aromanian and Macedonian dialect of Ohrid-Struga region in the Balkan context]. Скопје: Makedonska akademija na naukite i umetnostite.
- Марковиќ, М. 2007: *Ароманскиот и македонскиот говор од Охридско-Струшкиот регион во балкански контекст*. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите.
- Matras, Y., Adamou, E. 2021: Borrowing. In: Y. Matras, E. Adamou (eds.). *The Routledge Handbook on Language Contact*. Abingdon; New York: Routledge, 237–251.
- Morozova, M. S. 2013: [Tendencies of development of diphthongs ua / ue, ye, ie in Albanian dialects: from the center to the periphery]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 17, 584–595.
- Морозова М. С. 2013: Тенденции развития дифтонгов ua / ue, ye, ie в албанских говорах: от центра к периферии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 17, 584–595.
- Narumov, B. P. 2001: [The Aromanian language/dialect]. In: T. Yu. Zhdanova et al. (eds.) *Yazyki mira. Romanskiye yazyki*. [Languages of the world. Romance languages]. Moscow: Academia, 636–656.
- Нарумов, Б. П. 2001: Арумынский язык/диалект. В сб.: Т. Ю. Жданова и др. (ред.) *Языки мира. Романские языки*. М.: Academia, 636–656.
- Neiescu, P. 1997: *Mic atlas al dialectului aromân din Albania și din fosta Republică iugoslavă Macedonia*. Bucharest: Editura Academiei Române.
- Papahagi, T. 1974: *Dicționarul dialectului aromân*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

- Radnayeveva, L. D. 2019: *Slozhnyye glasnyye v vokalicheskoy sisteme* [Complex vowels in the vowel system]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo universiteta.
- Раднаева Л. Д. 2019: Сложные гласные в вокалической системе. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета.
- Riska, A. 2005: Arumunet. Shënime për gjuhën dhe kulturën. Elbasan, Sejko.
- Riverin-Coutlée, J., Cunha, C., Kapia, A., Harrington, J. 2021: Dialect features in heterogenous and homogenous Gheg speaking communities. *Interspeech 2021. Brno, Czechia*, 1449–1453. https://www.isca-speech.org/archive/pdfs/interspeech_2021/riverincoutlee21_interspeech.pdf
- Römer, C., Dahmen, W., Kramer, B., Kramer, J., Ritter, A., Rolshoven, J., Schlösser, A. 1977: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Frühjahr 1977. *Balkan-Archiv. Neue Folge* 2, 91–180.
- Rosetti, A. 1960: Asupra clasificării fonemelor semivocale (sau semi-consoane). *Fonetică și dialectologie*, II. 59–61.
- Rosetti, A. 1943: *Geschichte der rumänischen Sprache. Allgemeine Begriffe*. Bukarest: Die Dacia-Bücher.
- Rosetti A. 1934: Remarques sur les diphtongues. *Bulletin linguistique*, II. Paris; București: Librairie E. Droz; Editura “Cultura Națională”, 21–33.
- Rosetti, A. 1958: Slavo-romanica. Sur la constitution du système vocalique du roumain. In: E. Petrovici (ed.) *Romanoslavica. I*. București: Asociația slaviștilor din Republica Populară Romîna, 27–30.
- Rozental', D. E., Telenkova, M. A. 1985: *Slovar'-spravochnik lingvističeskikh terminov. Izd. 3-e, dopolnennoye* [Dictionary-handbook of linguistic terms. 3rd edition, extended]. Moscow: Prosveshcheniye.
- Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. 1985: *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.: Просвещение.
- Saramandu, N. 2014: *Atlasul lingvistic al dialectul aromân. Vol. 1*. M. Nevacı (ed.). București: Editura Academiei Române.
- Saramandu, N. 2008(a): Concordances linguistiques entre l'aroumain et parlars daco-roumains du Banat. In: N. Saramandu. *La romanité orientale*. București; Tübingen: Editura Academiei Române; Gunter Narr-Verlag, 157–164.
- Saramandu, N. 2008(b): Les dialectes roumains au nord et au sud du Danube. In: N. Saramandu. *La romanité orientale*. București; Tübingen: Editura Academiei Române; Gunter Narr-Verlag, 167–178.
- Saramandu, N. 2008: « Généalogique » et « typologique » points de vue sur la formation des dialectes roumains. In: N. Saramandu. *La romanité orientale*. București; Tübingen: Editura Academiei Române; Gunter Narr-Verlag, 128–133. (c)
- Sawicka, I. 1997: *The Balkan Sprachbund in the light of phonetic features*. Warszawa: Wydawnictwo Energeia.

- Sawicka, I. 2021: The origin of nasality in Macedonian dialects. *Vilnius University Open Series. Studies in Baltic and Other Languages*, 340–353.
- Shkurtaj, Gj. 2004: L'importanza dei dati delle parlate arbëreshe d'Italia per la storia della lingua albanese e per gli studi sulla dialettologia albanese. In: *Atti del 3o seminario internazionale di studi albanesi (Rende — Lungro — Frascineto — S. Basile, 18–21 dicembre 1997). Omaggio ad Antonino Guzzetta*. Calabria: Università della Calabria, 69–81.
- Tenishev, E. R. 1960: [From observations of the Salar language]. *Voprosy yazykoznanije [Questions of linguistics]* 1960 (4), 37–52.
Тенишев Э. Р. 1960: Из наблюдений над саларским языком. *Вопросы языкознания* 1960 (4), 37–52.
- Tsimpli, I. M., Prentza, A., Kaltsa, M. 2022: Bidirectional Language Contact Effects at the DP Domain: The Case of Greek and Vlach Aromanian Speakers. *Languages*, 7. <https://www.mdpi.com/2226-471X/7/2/150/pdf>
- Vollmann, R., Moosmüller, S. 1999: The change of diphthongs in Standard Viennese German: the diphthong /æ/. In: *Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences, San Francisco, CA, USA, 1999*. San Francisco: University of California, 345–348.
- Vrabie, E. 2008: *An English-Aromanian (Macedo-Romanian) Dictionary*. D. Dyer (foreword). Oxford, MS: University of Mississippi.
- Weigand, G. 1888: *Die Sprache der Olympo-Walachen nebst einer Einleitung über Land und Leute*. Leipzig: Johann Ambrosius Barth.
- Weigand, G. 1895: *Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren. Erster Band. Land und Leute*. Leipzig: Johann Ambrosius Barth.
- Xhaferri, H. 1990: E folmja e Tomoricës. *Dialektologjia shqiptare* 6, 329–370.
- Zabulene, L. 1976: [On the principles of phonological analysis of diphthongs in synchrony and diachrony]. *Kalbotyra* 27 (3), 87–101.
Забулене, Л. 1976: О принципах фонологического анализа дифтонгов в синхронии и диахронии. *Kalbotyra* 27 (3), 87–101.
- Zhang, Z., Hu, F. 2019: Vowels and Diphthongs in the Xupu Xiang Chinese Dialect. *Interspeech 2019. Graz, Austria*, 3960–3964. https://www.isca-speech.org/archive/pdfs/interspeech_2019/zhang19m_interspeech.pdf

А. А. Хлевов
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.
hlefov@mail.ru

И. Б. Губанов
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, РАН, СПб., Россия.
gilya1969@mail.ru

КОРОТКОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ СКАНДИНАВИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: САКСЫ И СКАЛЬМЫ ПО ДРЕВНЕИСЛАНДСКИМ ТЕКСТАМ

В данной статье рассматривается контекст употребления двух терминов для обозначения клинкового оружия в древнеисландских текстах — *сакса* и *скальма*. Произведен контекстный анализ употребления этих терминов как в прозаических текстах исландских саг, так и в поэтических текстах «Старшей Эдды» (в текстах песен «Старшей Эдды» термин *скальм*, как обозначение короткого меча, вошел в состав варьирующихся эпических формул). Авторы приходят к выводу, что термин *скальм* выходит из употребления, как обозначение реального оружия, задолго до эпохи викингов. В «эпоху викингов» им вооружены не люди, а тролли и йотуны. Но в героический век скальмами пользуются герои. Присутствие скальмов в составе поэтических формул, описывающих снаряжение героев, вполне может свидетельствовать о древности этих обозначений меча.

Ключевые слова: сакс, скальм, средневековое оружие, вендельский период, эпоха викингов, исландские саги, героический эпос, саги о древних временах, Старшая Эдда.

Alexander A. Khlevov
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.
hlefov@mail.ru

Илья В. Губанов
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS,
St. Petersburg, Russia.gilya1969@mail.ru

Short-bladed weapons of Scandinavia in the early Middle Ages: seaxes and skalms according to Old Icelandic texts

This article examines the context of the use of two terms for bladed weapons in Old Icelandic texts — *seax* and *skalm*. A contextual analysis of the use of these terms was carried out both in the prose texts of the Icelandic sagas and in the poetic texts of the Elder Edda (in the texts of the Elder Edda songs, the term *skalm*, as a designation for a short sword, was included in the varying epic formulas). The authors conclude that the term

“scalm” fell out of use as a designation for a real weapon long before the Viking Age. In the “Viking Age” they were armed not by people, but by various evil spirits — trolls and jotuns. But in the epic heroic age, heroes use scalm. The presence of scalm in poetic formulas describing the heroes’ equipment may well indicate the extreme antiquity of these sword epithets.

Keywords: seax, scalm, medieval weapons, Vendel period, Viking Age, Icelandic sagas, heroic epic, sagas of ancient times, Elder Edda.

В истории средневекового оружия особое место занимает боевой нож, традиционно определяемый термином «сакс». Происхождение и история саксов неоднократно становились предметом обсуждения в литературе (Kazansky 2012: 111–124; Brown 1997; Underwood 2000; Henson 2001; Pollington 1996). Это оружие археологически фиксируется в Северной Европе (Дании) как минимум с III в. до н. э. С течением времени саксы образовали отдельный подкласс холодного клинкового оружия, весьма разнообразный в своих формах и, очевидно, способах применения. Известны короткие клинки, длиной от 7,5 до 15 см, несомненно, имевшие преимущественно хозяйственное применение, а также длинные, достигающие 80 см. Большинство саксов, впрочем, оставалось в пределах 40–50 см и представляло собой универсальное рубящее и колющее оружие ближнего боя с клиновидным в поперечном сечении простым непрофилированным лезвием с прямой режущей кромкой и более или менее выраженным спуском на обухе, что обеспечивает саксам классического периода Великого Переселения народов и более позднего времени узнаваемость (Short). Эволюция саксов, в частности, детально рассмотрена в работе Томаша Власатого (Vlasatý 2020). Особняком стоят чрезвычайно характерные для Северной Европы ранней эпохи викингов однолезвийные мечи, имеющие типично каролингскую форму гарды и навершия, но являющиеся в части клинка типичными длинными саксами. Неудивительно, что их точная классификация и отнесение к типу мечей или саксов по сию пору вызывают дискуссии.

В меровингское (применительно к Северу — вендельское) время сакс был распространен не только среди германцев (Olsén 1945). По существу, в меровингское время сакс у мужчины в германском мире был столь же обычен, как кинжал у кавказских народов в Новое время. Типология этого вида

вооружения достаточно разработана (Docherty). Саксы постепенно исчезают из археологических комплексов Скандинавии на протяжении IX–начала X вв., заменяясь каролингскими мечами в период экспансии викингов, затем вновь появляются в X в., но в начале XI в. в большинстве регионов Скандинавии окончательно выходят из употребления. Время исчезновения саксов из военного обихода уловить трудно в силу того, что с христианизацией редуцируется традиция погребения с оружием. Изобразительные и письменные источники не дают достаточной информации. Поэтому наши осторожные умозаключения, что саксы выбывают из повседневного арсенала в Скандинавии примерно в XI в. носят предположительный характер. Что касается континентальной Западной Европы, то там сакс вообще не вошел в набор вооружения ни каролингских всадников, ни пехотинцев. Это, впрочем, не отменяет использования ножей, в бытовых и хозяйственных целях. В Восточной Европе, напротив, саксы известны и в более позднее время (Salmin 2016: 466–475; Stasiuk, Mikhailov, Salmin 2018: 264–274).

Популярность саксов была исключительно высока и обеспечивалась их универсальностью как боевого оружия, так и предмета повседневного использования с очень широким диапазоном функций, что определило множественность терминов, которыми обозначалось это оружие. Классическими и регулярно употреблявшимися были, наряду с саксом, термины «лангсакс» (длинный нож) и «скрамасакс» (обычно понимаемый как «нож ран», «наносящий раны»). Точное соотнесение терминов с известными типами клинков вызывает некоторые затруднения, но широко распространённой является точка зрения, что лангсаксами именовались как раз ножи длиной от 40 и более сантиметров, однозначно имевшие боевое предназначение, а скрамасаксы — это ещё более длинные клинки, оптимизированные для рубящих ударов и близкие по функционалу к мечам.

Однако в скандинавских текстах — в прозаических сагах, а также в песнях «Старшей Эдды» — периодически встречается специфический термин «*skalm*». Контексты не оставляют сомнений, что за ним скрывается предмет вооружения с относительно небольшим клинком — короткий меч или, собственно, сакс. Однако каково соотношение понятий сакс и скальм и каким образом мы можем развести эти термины, соотнося их с материальным миром?

Сказать со всей определённой, какая археологическая реальность скрывается за термином «скальм» и как это соотносилось с саксом, довольно затруднительно. Помочь в прояснении этого вопроса может анализ текстов саг, в которых упоминаются эти, безусловно, жизненно важные для людей предметы вооружения.

Обратимся к примерам исландских саг, имеющих достаточно надёжную внутреннюю хронологию. В сагах нередко упоминаются саксы. В том числе рассказывается и о боевом применении сакса вплоть до начала XI в.

Так, в «Саге о Ньяле» саксом вооружен младший брат знаменитого героя Гуннара с Конца Склона (сам Гуннар вооружен мечом, копьем и часто использует лук), подробно описывается техника применения сакса в бою (подвиги Гуннара по внутренней хронологии саги датируются началом последней четверти X столетия).

В «Саге о Греттире» Греттир в начале XI в. достает свое главное оружие — роскошный сакс с односторонним лезвием из кургана знатного норвежского вождя. Судя по относительной внутренней хронологии саги, в курган сакс должен был попасть около середины X в. Герой активно использует сакс — по частоте упоминания этого оружия (52 раз, против всего лишь 21 упоминания меча). Греттир, с момента добычи, постоянно употребляет свой сакс в различных ситуациях, действует им в традиционной манере, а также поражает своих врагов ударом по голове фухтелем (обухом рукояти) (Сага о Греттире: 48). Есть и интересный эпизод, в котором Греттир проникает в логово великана-йотуна, где, помимо висящего на стене меча (*sverð*), в арсенале йотуна фигурирует некий *heptisax*, в русских переводах обозначенный как «тесак» (Там же: 66). В буквальном смысле это «сакс с рукояткой», что заставляет предположить, что это некий акцент на её особую конструкцию.

В фантастической истории о борьбе с женщиной-троллем Греттир также в итоге поражает ее своим саксом. И вот здесь в арсенале великанши фигурирует именно скальм. На это последнее обстоятельство особенно следует обратить внимание. Судьба старинного короткоклинкового оружия в исландском фольклоре сходна. Скальм и сакс часто фигурируют в фантастических историях о битвах с отвратительными великанами — троллями и троллихами, а также с мертвецами в курганах.

Такие истории встречаются не только в т. н. «сагах о древних временах», но и в «сагах об исландцах». Саксами и скальмами часто вооружены тролли, троллихи и мертвецы. Есть и варианты: тролля либо мертвеца поражают клинковым оружием, которое называется скальмом или саксом, причем различия между этими видами оружия не усматривается.

Однако особо следует отметить, что в отличие от термина «сакс», использование термина «скальм» как реального боевого оружия в эпизодах саг, которые хронологически достаточно надежно соотносятся с «эпохой викингов», фактически не встречается (есть единичный случай убийства скальмом). В одном случае скальм упомянут как рабочий нож для разделки туши кита, который вынужденно в безвыходной ситуации используется как оружие (Сага о Греттире, 12).

Приведём несколько упоминаний сакса в сагах об исландцах, даже вполне реалистического характера.

Пример 1. *Борьба с мертвецом, защищающим в кургане свои сокровища.*

Собственно, это достаточно распространенный фольклорный мотив, и именно в борьбе с мертвецом, защищающим свои сокровища в кургане, Греттир получает свое главное оружие — богато украшенный сакс. Однако самый выразительный пример такого рода содержится в саге, которую исследователи относят к жанру «саг о древних временах». Это «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков» (*Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana*).

«Меньше, чем месяц спустя после их приезда, Аран внезапно упал замертво, когда входил в свои палаты. Тело обрядили для погребения согласно обычаю. Асмунд воздвиг над Араном курган и подле тела разместил коня вместе с уздой и седлом, а также стяги и оружие, сокола и пса, которые принадлежали покойному. Аран был посажен в кресло в полном воинском облачении.

Асмунд принес в курган другое кресло и расположился в нем после того, как курган был закрыт. В первую ночь Аран встал с кресла, убил сокола и собаку и съел их. Во вторую ночь он опять встал, убил коня и разорвал его на куски; затем он стал рвать плоть коня зубами, и кровь стекала у него изо рта, откуда он ел. Он предложил Асмунду разделить с ним трапезу, но

Асмунд ничего не ответил. В третью ночь на Асмунда напала сонливость, и он пришел в себя лишь тогда, когда Аран схватил его за уши и оборвал их.

Асмунд выхватил *сакс* и снёс Арану голову. Затем он развел огонь и сжег Арана, обратив его в пепел. Асмунд направился к канату и был поднят наверх. Затем курган снова закрыли.

Асмунд забрал все сокровища из кургана с собой».

Но если сакс, как мы видели, употреблялся и в эпизодах, описывающих сражения между людьми («Сага о Ньяле», некоторые места «Саги о Греттире» и др.) то, напротив, в сагах (подчеркнём — именно в прозаических текстах саг) *скальм* употребляется практически исключительно в сказочных сюжетах — им вооружены тролли и троллихи или противостоящий им герой-победитель.

Здесь особенно показателен следующий **Пример 2**, где фигурируют великанша с саксом и великанши со скальмами. Это отрывок из весьма короткой саги о древних временах, которая носит название «Сага об Иллуги зяте Грид» (Illuga saga Gríðarfóstra). Фольклорный сюжет сватовства отважного юноши, победившего злых великанш и снявшим старое заклятие, весьма занимателен, однако изложить его в подробностях не представляется возможным в краткой статье. Отметим лишь случаи употребления терминов:

«...на этих его словах Грид бросила Иллуги назад. Он повернулся к своей невесте и очень обрадовался. И когда ему с ней было очень хорошо, Грид обмотала его волосы вокруг своей руки, отдернула его к краю кровати и замахнулась *саксом* ему в голову:

— Смелый ты, но теперь ты тут же будешь убит.

Но Иллуги сказал, что не боится смерти...

...Тогда Грид сказала:

— ...Ведь таким способом я многих убила, всех, кто испугался моего ужасного *сакса*. Шестнадцать храбрых мужчин я убила этим ножом, и это была вовсе не женская работа...

...И никогда ты не освободишься от этого проклятия, пока не встретишь такого человека, который не испугается твоего огромного *сакса*, которым ты замахнёшься.

...И в конце этого рассказа в пещеру вошли семь великанш с острыми *скальмами*, напали на Грид и рубили её сильно и

часто. Хильд очень перепугалась. Иллуги пришёл к Грид на помощь, и рубил их быстро и часто, и не останавливался до тех пор, пока все они не умерли, и тогда он сжёг их в костре.

Совершенно в ином контексте термин скальм употребляется в исландском эпосе. В эпических песнях «Старшей Эдды» термин скальм используется трижды.

В знаменитом «Прорицании Вёльвы» при описание грядущего века насилия перед последней битвой богов и чудовищ и гибели богов (Рагнарёк) использован эпитет «век скальмов» (наряду с «веком секир»). Особенно важно, что в двух героических эпических текстах — в знаменитых «Речах Хамдира» и во «Второй песне о Гудрун» — *скальмы* как обозначение клинкового оружия героев оба раза встречаются в составе формулы. В обеих песнях герои «подпоясаны скальмами», причем в сочетании с красными (меховыми?) плащами, которыми они встряхивают. Заметим, что наряду со скальмами в обеих песнях используются и более употребительные названия мечей (вероятно, с обычными длинными обоюдоострыми клинками) — *sverð* и *hjör*.

Так, в отрывке из «Речей Хамдира», в котором герои готовятся выступить против конунга Йормунрекка, чтобы отомстить за казненную им жену, их сестру Сванхильд: «*Skóku loða, skalmir festu, höfðu loða rauða, stuttar brynjur, steyrða hjalma, skalmum gyrðir...*» («встряхнули плащами, скальмы прикрепили, имели плащи красные, короткие кольчуги, острые (букв. «крутые») шлемы, скальмами подпоясанные...»).

Достаточно очевидно, что, когда эти два вида оружия с коротким клинком — саксы и скальмы — выходят из военного употребления, обозначавшие их термины сохраняются в фольклорных текстах, перейдя в сказочные сражения с великанами, великаншами и мертвецами. В этих текстах термины «сакс» и «скальм» синонимичны, хотя следует отметить, что в сагах сакс (в отличие от скальма) широко и активно используется и в описании реальных сражений, датируемых вплоть до середины XI столетия, когда в археологических комплексах изредка продолжают встречаться массивные однолезвийные боевые ножи-саксы. Иначе говоря, имеет место тот весьма нечастый случай, когда датировка вещей по текстам хорошо соотносится с археологической датировкой. Таким образом, данные саг в данной ситуации хронологически вполне соответствуют историческим

реалиям — саксами вполне могли быть вооружены как Гуннар с Конца Склона в конце X в., так и Греттир в первой трети XI в.

Вероятно, термин «скальм» выходит из реального употребления задолго до эпохи викингов. В эпический героический век скальмами подпоясаны герои — Сёрли и Хамдир из «Речей Хамдира» и лангобарды из «Второй песни о Гудрун». Присутствие скальмов в составе поэтических формул, описывающих снаряжение героев, вполне может свидетельствовать о глубокой древности этих обозначений меча. Вряд ли сказители более позднего времени знали, как выглядели соответствующие клинки. Данные археологии позволяют лишь высказывать предположения относительно оружия, с которым можно соотносить скальмы эпохи Великого Переселения народов или даже более раннего времени. Из контекста саг как будто не следует, что скальмы обязательно были короткими мечами, хотя переводчики часто именно так их и толкуют. Возможно, скальм — это синоним древнего традиционного короткоклинкового оружия германцев — сакса.

Литература

- Brown, T. 1997: *English Martial Arts*. London.
- Docherty, F. *The Anglo Saxon Broken Back Seax*. [Электронный ресурс]. URL: http://myarmoury.com/feature_seax.html. (Дата обращения: 07.10.2023).
- Henson, D. 2001: *The English Elite in 1066: Gone but not forgotten*. London.
- Olsén, P. 1945: *Die Saxe von Valsgårde*. Uppsala.
- Pollington S. *The English Warrior from earliest times to 1066*. London, 1996.
- Short, W. R. *Viking Age Arms and Armor Viking Sax*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hurstwic.org/history/articles/manufacturing/text/viking_sax.htm. (Дата обращения: 07.10.2023).
- Underwood, R. 2000: *Anglo-Saxon Weapons and Warfare*. London: Tempus Pub Ltd.
- Vlasatý, T. Evolution of Scandinavian long knives. [Электронный ресурс]. URL: <https://sagy.vikingove.cz/en/evolution-of-scandinavian-long-knives/>. (Дата обращения: 07.10.2023).
- Kazansky, M. M. 2012: [On the origin of scramaseax]. *Stratum Plus Journal*. 5, 111–124.
- Казанский, М. М. 2012: О происхождении скрамасакса. *Stratum Plus Journal*. 5, 111–124.

- Saga o Grettire*. 1976: Perevod s drevneislandskogo O. A. Smirnitskoy, redaksiya M. I. Steblin-Kamenskogo. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka» [Grettir's Saga. Translation from Old Norse by O. A. Smirnitskaya, ed. by M. I. Steblin-Kamensky. Novosibirsk: Publishing house "Nauka".
- Saga o Grettire*, 1976: Пер. с др.-исландского О. А. Смирницкой, редакция М. И. Стеблин-Каменского. Новосибирск: Изд-во «Наука».
- Salmin, S. A. 2016: Weapons of the Pskov necropolis X–XI centuries. In: *Old Russian necropolis of Pskov of the 10th– early 11th centuries*. Vol. 2. St.Petersburg, 466–475.
- Салмин, С. А. 2016: Оружие псковского некрополя X– нач. XI в. В сб.: *Древнерусский некрополь Пскова X– начала XI века*. Т. 2. СПб., 466–475.
- Stasiuk, I. V., Mikhailov, A. V., Salmin, S. A. 2018: Finds of combat knives in the North-West of Rus' (Izhora plateau, Pskov region). *Archeology and history of Pskov and the Pskov land*. Vol. 33. Moscow; Pskov, 264– 274.
- Стасюк, И. В., Михайлов, А. В., Салмин, С. А. 2018: Находки боевых ножей на Северо-Западе Руси (Ижорской плато, Псковская область). *Археология и история Пскова и псковской земли*. Вып. 33. Москва; Псков, 264– 274.

И. В. Хорькова
Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ),
Москва, Россия. stauross@yandex.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЯТОЙ КНИГИ АРНОБИЯ О МИСТЕРИЯХ

Статья посвящена исследованию источниковой базы пятой книги труда Арнобия «*Adversus nationes libri septem*» (Семь книг против язычников). Эта книга не раз привлекала внимание ученых как в связи с интересом к ее содержанию (данные о тайных мистериях), так и в связи с возникающими проблемами касательно заимствования Арнобием этих данных у языческих и христианских авторов. Наше исследование материалов пятой книги приводит к заключению о зависимости Арнобия от сочинений Теренция Варрона и о незнакомстве его с трудами других христианских писателей.

Ключевые слова: христианская апологетика; Арнобий Афр; Климент Александрийский; источниковедение; тайные мистерии; Теренций Варрон.

I. V. Khor'kova,
Law Institute of the Russian university of transport (MIIT).
Moscow, Russia. stauross@yandex.ru

Source studies problems of Arnobius' fifth book on the mysteries

The article is devoted to the study of the source base of the fifth book of Arnobius' work *Adversus nationes libri septem*. This book has repeatedly attracted the attention of scholars both in connection with the interest in its content (data on secret mysteries) and in connection with the emerging problems regarding Arnobius' borrowing of these data from pagan and Christian authors. Some researchers insist on Arnobius' dependence on Clement of Alexandria. Comparing the material of Arnobius with parallel places from Clement's Exhortation to the Hellenes, the author of the article makes arguments in favor of the opinion of those scholars who believe that Arnobius and Clement had a common source. Perhaps this source was Varro's work *Antiquitates rerum divinarum* or reference books written on the basis of this work.

Our study of the materials of the fifth book leads to the conclusion about Arnobius' dependence on the works of Terentius Varro and his unfamiliarity with the works of other Christian writers.

Key words: Christian apologetics; Arnobius Afer; Clement Alexandrinus; source study; secret mysteries; Terentius Varro.

Настоящая статья посвящена исследованию источниковой базы пятой книги труда Арнобия Афры «*Adversus nationes libri septem*» (Семь книг против язычников). Именно эта книга вызывает интерес исследователей в силу того, что в ней излагаются сведения по тайным мистериям античности.

В начале пятой книги Арнобий задает риторический вопрос: «Разве фантазией поэтов измышлено то, что содержат пользующиеся доверием, серьезные и тщательные исторические произведения и что передается в таинственных мистериях?»¹ (Arn. AN V. 1). Так описательно Арнобий указывает на свои источники — серьезные и тщательные исторические произведения, рассказывающие о тайных мистериях (*illa, quae historiae continent graves seriae curiosae quaeque in arcanis mysteriis traditis*). И первое, о чем повествует автор, — спор царя Нумы с Юпитером по поводу способа очищения от удара молнии. Изложение легенды Арнобий берет из второй книги младшего анналиста Валерия Анциата и снабжает главы 2–4 критическими замечаниями по поводу этого рассказа.

Главы с 5 по 17 повествуют о происхождении культа Великой матери богов со ссылкой на известного теолога Тимофея. Трудно сказать, кого именно имел в виду Арнобий, возможно, элевсинского жреца IV в. до н. э. (Arnobius 2008: 281). Кроме него он упоминает в качестве источника понтифика Валерия (Arn. AN V. 7) и Варрона (Arn. AN V. 8). Относительно первого есть несколько предположений. Переводчик и исследователь сочинения Арнобия Н. М. Дроздов предполагает, что под этим именем скрывается Валерий Флакк (I в. н. э.), член коллегии пятнадцати для священнодействий, или же упомянутый в первой главе младший анналист Валерий Анциат (Arnobius 2008: 284). Однако этот последний не мог быть понтификом. Известно, что он был клиентом консула 100 г. н. э. Л. Валерия Флакка, который и открыл ему доступ к понтификальным книгам (Sidorovich 2005: 145). Не исключено, что Арнобий ошибочно приписывает ему титул понтифика именно в связи с использованием в сочинении сведений из понтификальных анналов.

В 18 главе Арнобий бегло упоминает празднества в честь Фенты Фатуи (*Fenta Fatua*) или Доброй Богини со ссылкой на

¹ Здесь и далее перевод Н. М. Дроздова.

шестую (греческую) книгу сочинения о богах Секста Клодия (*Sextus Clodius indicat sexto de diis graeco*) и сочинение о причинах Бутаса (*in causalibus Butas*). О Доброй Богине упоминают также Макробий и комментатор Сервий. Макробий идентифицирует ее с Фауной, Фатуей и Опой и производит имя *Fauna* от *fando* (*for, fari* — говорить) (*Macr. Sat.*, I. 12. 21–22). Сервий сообщает, что она — непорочная и искусная во всех науках дочь Фавна (*Serv. Aen.*, VIII. 314ff).

Однако ближе всего к сообщению Арнобия о Доброй Богине текст Лактанция. Этот автор пишет, что Фавна-Фатуя была сестрой и женой Фавна. Согласно Гавию Бассу, она предсказывала судьбу (*fatum*) женщинам (то есть здесь тоже имеется в виду этимология *Fauna* — от *fando*). На грамматика I в. до н. э. Гавия Басса ссылается в своем труде Авл Геллий (*Aul. Gell.* III. 18).

Со ссылкой на Варрона Лактанций сообщает, что Фауна была очень целомудрена, никто кроме мужа не видел ее и даже не знал имени, почему она и почитается женщинами в тайне и носит имя *Вона Деа*. Далее Лактанций также ссылается на греческую книгу Секста Клодия (*Sextus Clodius in eo libro, quem graece scripsit*) (*Lact. DI* I. 22). Предполагают, что Клодий — учитель и друг Марка Антония, преподаватель риторики (Aronobius 2008: 291). Вероятно, Арнобий и Лактанций использовали один источник, говорящий о Фауне.

Ссылка на сочинение Бутаса «О причинах», упомянутое Арнобием, есть также у Плутарха в биографии Ромула (*Plut. Rom.* 21). Плутарх дополнительно сообщает, что этот автор пересказывает «в элегических двустихьях баснословные причины римских обычаев»² (*Βούτας δέ τις, αἰτίας μυθώδεις ἐν ἐλεγείοις περὶ τῶν Ῥωμαϊκῶν ἀναγράφων*). Имя Бутаса упомянуто у Плутарха в связи с учреждением праздника Луперкалий. Сочинение «О причинах» повествовало о появлении древнейших римских праздников.

Затем в сочинении Арнобия следует рассказ о зачатии и рождении царя Сервия Туллия со ссылкой на Флакка. Под именем Флакк разумеется Граний Флакк, теолог I в. до н. э., написавший сочинение «*De Indigitamentis*» (*Cens. DN* III. 2).

Все легендарные сюжеты они повествуют о религиозных обрядах и обычаях, бытовавших на италийской почве, включая

² Перевод С. П. Маркиша.

культ Великой матери богов, который был введен в Риме в конце второй Пунической войны в 204 г. до н. э. При детальном рассмотрении упомянутых легендарных историй обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: все они так или иначе связаны с отношением к вину в различных культах. В первом из упомянутых рассказов находим следующее повествование: «Numam illum regem, cum procurandi fulminis scientiam non haberet esset que illi cupido noscendi, Egeriae monitu custos duodecim iuvenes apud aquam celasse cum vinculis, ut cum Faunus et Martius Picus ad id locorum venissent haustum — nam illis aquandi sollemne iter hac fuit — inviderent constringerent conligerent. Sed quo res fieri expeditius posset, regem pocula non parvi numeri vino mulsoque complexse circaque accessus fontis insidiosam venturis opposuisse fallaciam. Illos more de solito bibendi adpetitione correptos ad hospitia nota venisse. Sed cum liquoribus odoratis offendissent fragrantia pocula, vetustioribus anteposuisse res novas, invasisse aviditer, dulcedine potionis expetos hausisse plus nimio, obdormivisse factos graves; tum bis senos incubuisse sopitis, iniecisse madidatis vincla... (царь Нума не знал средств очищения после молнии и желал узнать это, по совету Эгерии он скрыл двенадцать невинных юношей с веревками близ воды, чтобы, когда придут Фавн и Марций Пик на это место зачерпнуть воды — потому что они обыкновенно ходили этим путем — напасть на них, схватить и связать. Но, чтобы это можно было легче выполнить, царь наполнил значительное число бокалов вином и хмельным медом и поставил их при входе к источнику как коварную западню для тех, кто придет. Те, побуждаемые желанием пить, пришли обычным образом на известные места. Но когда они обнаружили сверкающие бокалы с ароматной жидкостью, то предпочли старому новое, с жадностью набросились под влиянием сладости напитка, выпилиего слишком много и, опьянев, заснули; тогда двенадцать [юношей] напали на уснувших и наложили путы на опьяневших...) (Arn. AN V. 1).

Этот рассказ передан Плутархом (Plut. *Numa* 15) и Овидием в «Фастах» (Ovid. *F.*, 285–344). Плутарх сообщает о подмешанных к воде источника вине и меде, а Овидий — о выставленных в дубовой роще под Авентинским холмом кубках с вином.

В длинном повествовании о происхождении культа Кибеллы имеется сходный пассаж о вине: «Cuius cum audacia quibusnam modis posset vel debilitari vel conprimi saepenumero esset deorum in deliberatione quaesitum, haesitantibus ceteris huius muneris curam Liber in se suscipit. Familiarem illi fontem, quo ardorem fuerat suetus et sitiendi lenire flagrantiam ludo et venationibus excitatam, validissima succendit vi meri. Necessitatis in tempore haustum accurrit Agdestis, immoderatus potionem hiantibus venis rapit: fit ut insolita re victus soporem in altissimum deprimatur» (Так как в совете богов часто возникал вопрос о том, каким образом можно было бы обуздать или прекратить дерзость его (Агдестиса — И. Х.) и так как другие оставались в нерешительности, то заботу о выполнении этой задачи принял на себя Либер. Он влил большое количество крепкого вина в хорошо знакомый ему источник, в котором тот обыкновенно охлаждал жар и утолял жажду, возбуждавшиеся играми и охотой. Агдестис прибегает туда утолить жажду в положенное время, с жадностью глотает питье без надлежащей меры, и, таким образом, происходит то, что он вследствие необычайности погружается в глубокий сон) (Arn. AN V. 6). Далее уже об Аттисе сообщается, что он «per vinum deinde confitetur et ab Agdesti se diligi et ab eo donis silvestribus honorari; unde vino, quod silentium prodidit, in eius nefas est sanctum sese inferre pollutis» (под воздействием вина он сознался и в том, что его любит Агдестис и в том, что он награждает лесными дарами; поэтому вино (раз оно побудило нарушить молчание) запрещено, и не дозволено входить в его святилище тем, которые опорочили себя винопитием) (Arn. AN V. 6). Оба приведенных рассказа повествуют о тайном смешении вина с водой источника с целью усыпить одного или нескольких персонажей.

О Доброй Богине известно, что она «murteis caesam virgis, quod marito nesciente seriam meri ebiberit plenam, signumque monstrari quod, cum ei divinam rem mulieres faciunt, vini amphora constituat obiecta nec myrteas fas sit inferre verbenas» (была высечена миртовыми прутьями за то, что без ведома мужа выпила полный кувшин вина. На это ясно указывает также то, что когда женщины совершают ей жертвоприношение, то ставится закрытый большой сосуд с вином и не позволено приносить миртовые ветви) (Arn. AN V. 18). Сведения

Лактанция практически совпадают с арнобиевыми: Секст Клодий в книге на греческом языке говорит, что она тайком выпила кувшин вина и опьянела, за что муж ее забил до смерти миртовыми розгами. Затем он раскаялся и воздал жене божеские почести. Поэтому во время празднования в ее честь ставится большая закрытая амфора вина (*Lact. DI I. 22. 9–11*). В древнейший период римской истории известно о запрете женщинам пить вино. Тертуллиан сообщает, что женщин, застигнутых в винном погребе, казнили голодной смертью (*Tert. Apol. VI. 4*). Он же и Лукан рассказывают о некоем Метеннии, который забил жену насмерть за употребление вина и был оправдан Ромулом (*Luc. Fars. XIV. 14.89*; *Tert. Apol. VI. 4*).

О вине не говорится только в отрывке о рождении царя Сервия Туллия. Все предыдущие примеры могут косвенно говорить об источнике информации Арнобия, которым был труд, состоящий из тематических примеров, в данном случае — о коварстве вина и о героях, которые пострадали от этого его качества. Конечно, Арнобий мог и сам сделать подборку примеров. Но с другой стороны, единичное упоминание таких авторов как Тимофей, Секст Клодий, Бутас, на которых он ссылается как на источники, заставляет сомневаться в том, что он использовал их сочинения непосредственно. Как показывает практика, Арнобий чаще всего ссылается на авторов, упомянутых в его непосредственном источнике. Следует также отметить, что источником Арнобия служат сочинения Варрона.

В главах 19–29 Апологии Арнобия содержится материал о чужеземных мистериях. Для этих глав можно говорить о сходстве излагаемой Арнобием информации о мистериях с рассказами Климента Александрийского из его сочинения «Увещевание к язычникам». На это сходство уже обращали внимание исследователи (Arnobius 2008: 292–294, 296–297, 299; Climent Alexandrinus 2009: 156; Hagendahl 1958: 39–40, 392; Hagendahl 1983: 33; Opelt 1975: 171; Sitte 1970: 20; Tullius 1934: 40). Многие ученые разделяют мнение о непосредственной зависимости Арнобия от Климента (Kettner 1877: 4–7; Röhricht 2017: 10–11; 34–38), включая переводчика и исследователя сочинений Климента А. Ю. Братухина (Climent Alexandrinus 2009: 166). Остановимся на этом вопросе более подробно.

Сопоставим сообщения Арнобия (главы 19–29) с информацией Климента Александрийского, сравнивая фактический материал, поскольку текстуальное сопоставление в силу разных языков наших авторов представляется малопродуктивным. Первый пассаж Арнобия звучит так: «Мы опустим ужасные Вакханалии, которые по-гречески называются омофагиями, в которых вы, выставляя себя находящимися в иступлении и лишенными здравого ума, обвиваете себя змеями и терзаете окровавленными челюстями внутренности издающих крики козлов» (Arn. AN V. 19). Климент сообщает следующее: «Вакханты чтят оргиями иступленного Диониса, пожирая в священном безумстве сырое мясо, и освящают рассеченные мертвые туши, увенчав себя змеями, крича в ликовании «Эван!» — «Ева!», — имя той, из-за которой началось заблуждение человеческого рода. А знаком вакхических мистерий является посвященный змей. Сразу надо заметить, что имя Хевйа, произносимое с густым придыханием, по-еврейски означает «змея»³ (Clem. Pr., 12, 2). Очевидна разница в информации, передаваемой Арнобием и Климентом. Названия омофагии (ὄμοφαγία) у Климента нет, как и указания на то, чье мясо поедают вакханты. В то же время Климент устанавливает связь между вакхическим возгласом «Эван» и именем прародительницы человеческого рода — Евы, чего нет в сообщении Арнобия. Если бы он заимствовал этот пассаж непосредственно у Климента, он обязательно воспользовался бы таким удачным сравнением. Однако он им не пользуется. Вообще в сочинении Арнобия отсутствуют какие-либо следы знакомства с Ветхим заветом.

Отметим, что схожие описания можно найти в сочинении Фирмика Матерна «De errore profanarum religionum» (Об ошибочности языческих религий). Этот автор относит описанные Арнобием и Климентом оргии к Дионису Загрею и сообщает, что участники праздника разрывают на части живого быка и изображают безумие (Firm. Mat. *De err.*, 6).

Далее Арнобий переходит к мистериям Афродиты: «Опустим тайное служение Кипрской Венере, учредителем которого считается царь Кинира и участвующие в котором делают денежные взносы как блуднице, и получают в дар фаллос как знак благоволения богини» (Arn. AN V. 19). Такая же инфор-

³ Здесь и далее перевод А. Ю. Братухина.

мация имеется у Фирмика Матерна (*Firm. Mat. De err.*, 10). Речь идет о первом царе Кипра Кинире, родоначальнике Кинирадов, жрецов Афродиты Пафосской, которому приписывают учреждение этого культа. Сообщение Климента о мистериях Афродиты более детально (*Clem. Pr.*, 14). Он приводит ее эпитеты — пенорожденная (ἀφρογενής) и кипророжденная (κυπρογενής) и заменяет обычный эпитет φιλομειδής (улыбчивая) на φιλομηδέα, намекая на известный миф о рождении Афродиты от соединения отсеченных органов Урана с морской водой (*Hes. Theog.*, 188–192). В связи с этим посвящаемый в мистерии получает крупинку соли и фаллос, а также приносит в дар богине монету как блуднице. О жрецах богини, потомках царя Кинира, и учреждении им культа сообщает также Тацит (*Tac. Hist.* II. 3).

Далее Арнобий описывает празднество Корибантов, спутников Реи-Кибелы. На этом празднике передается священная тайна (*mysterium*): брат был убит братьями, из его крови вырос сельдерей (*arion*), который запрещено подавать на стол, чтобы не вызвать гнев Манов умершего (*Arn. AN V.* 19). Сообщение Климента содержит большее количество деталей: Корибанты убили своего третьего брата, покрыли его голову багрянницей и похоронили, принеся на медном щите к подножию Олимпа. Жрецы этих мистерий именуются «анактотелестами» (*Ἀνακτοτελεστάς*), т. е. «совершающими владыками». Запрещается подавать на стол сельдерей (*σέλινον*), так как он вырос из крови Корибантов (*Clem. Pr.*, 19).

После этого Арнобий сообщает о “других Вакханалиях”, на которых посвященным открывают тайны: играющий Либер был растерзан Титанами, разрублен на части и сварен. Явившийся Юпитер за это преступление низверг Титанов в Тартар. Об этом событии свидетельствуют игральные кости, зеркало, вращающиеся колеса, мячи и золотые яблоки от девственных Гесперид (*talos speculum turbines, volubiles rotulas et teretis pilas et virginibus aurea sumpta ab Hesperidibus mala*). О них «сообщает в своих стихотворениях Фракиец (Орфей)» (*Arn. AN V.* 19). В параллельном пассаже Климента читаем следующее: «Мистерии Диониса совершенно бесчеловечны. Когда вокруг него, еще ребенка, носились в пляске куреты, Титаны, обманув его игрушками, растерзали младенца, как говорит фракиец Орфей:

Бубен, волчок и куклы, суставы которых подвижны,
И золотые плоды Гесперид, сладкогласно поющих».

Знаками посвящения в мистерии являются бабки, мяч, волчок, яблоки, бубен, зеркальце и клочок шерсти (*ἀστράγαλος, σφαῖρα, στρόβιλος, μῆλα, ῥόμβος, ἔσολτρον, λόκος*). Титаны варят в котле растерзанного младенца. Зевс поражает их молнией, а останки Диониса Аполлон хоронит на Парнасе (*Clem. Pr.*, 17–18).

Итак, «другие Вакханалии» Арнобия — это орфические таинства, посвященные Дионису-Загрею. Информация Климента объемнее и детальнее. Он даже приводит стихи Орфея, которые Арнобий только упоминает. Состав мистериальных символов несколько различается у наших авторов. В списке Арнобия отсутствует *λόκος* (кочка шерсти) и *ῥόμβος* (бубен, кубарь), но есть *volubiles rotulas* (вращающиеся колеса). Последовательность перечисления символов тоже различна, к тому же Арнобий большинство предметов называет во множественном числе, в отличие от Климента. В то же время Арнобий упоминает о Манах умершего, чего нет у Климента.

Главы 20–24 в апологии Арнобия посвящены изложению мифа, который воспроизводится в мистериях Фригии и Илиона. Юпитер в образе быка соединяется со своей матерью Церерой, которая приходит в ярость, отчего получает прозвание *Vrmo* (гневная). Юпитер умиливает ее принесением в жертву тестикул породистого барана. Церера производит на свет дочь необыкновенной красоты по имени Либеры или Прозерпина. Повзрослев она вступает в связь с Юпитером, принявшим образ дракона. Прозерпина рождает быка от этой связи. В доказательство правоты своего изложения событий Арнобий приводит «гекзаметр Тарентинца» (Орфея): «*Taurus draconem genuit et taurum draco*» (бык произвел дракона и дракон быка). Эти мистерии носят название Себадийских (*Arn. AN V.* 20–21).

В параллельном пассаже из «Увещания» Климента этот материал подразделяется на мистерии Деметры и мистерии Сабазия. К мистериям Деметры относится ее связь с Зевсом, его раскаяние и мольбы с масличными ветвями, питьем желчи и извлечением сердца. Принесение в жертву тестикул барана является ложным самооскоплением Зевса. Кроме того, Климент добавляет изречения, произносившиеся при этом таинстве: «*ἐκ τυμῶν ἔφαγον: ἐκ κυμβάλου ἔπιον: ἐκερνοφόρησα: ὑπὸ τὸν παστὸν ὑπέδυν*» (из тимпана я вкусил, из кимвала я испил,

кернос я нес, под брачным укрылся ложем) (Clem. *Pr.*, II. 15). К мистериям Сабазия относится соединение Зевса с Корой-Персефой, «бог через лоно» и рождение быкообразного ребенка. Климент приводит более полный текст стихотворения:

Бык змѣя был отцом, и змей — отцом быка.

Стрекало, о пастух, сокрыто на горе (Clem. *Pr.*, II. 16).

Надо отметить, что само название мистерий нашими авторами передается по-разному. У Климента эти мистерии именуется Сабазийскими (Σαβαζίων γοῦν μυστηρίων), а у Арнобия — Себадийскими (*ipsa novissime sacra et ritus initiationis ipsius, quibus Sebadii nomen est*). Обряд, который Климент именует «бог через лоно», у Арнобия описан более подробно, чем у Климента. Если последний замечает, что змѣя протягивают по груди приобщающихся к тайнам (δράκων δέ ἐστὶν οὗτος, διελκόμενος τοῦ κόλλου τῶν τελουμένων) (Clem. *Pr.*, II. 16), то Арнобий сообщает, что «золотой змей опускается на грудь посвященных и затем его вынимают из нижних частей изнутри» (*aureus coluber in sinum demittitur consecratis et eximitur rursus ab inferioribus partibus atque imis*) (Arn. *AN V*. 21).

Мистерии Сабазия имеют фригийское происхождение, были перенесены в Грецию, где фригийский бог плодородия Сабазий был отождествлен с Дионисом. Цицерон упоминает Сабазии, празднества в честь Диониса, отцом которого был царь Азии Кабир (Cic. *ND III*. 23. 58). Валерий Максим упоминает культ Юпитера Сабазия, который иудеи принесли в Рим (Val. Max. I. 3. 3). У Фирмика Матерна приведенная Климентом формула посвящения относена к мистериям Аттиса (Firm. Mat. *De err.*, 18). Как видим, вопрос запутан, и уже древние писатели приводят в отношении Сабазийских/Себадийских мистерий противоречивые сведения.

Три следующие главы апологии Арнобия (24–26) посвящены мистериям, связанным с Церерой и Прозерпиной. В 24 главе наш автор называет аттический праздник Тесмофорий, посвященный этим двум богиням (Деметре и Персефоне в греческом варианте) и связывает его с мифом о похищении Прозерпины-Персефоны «царем Манов» Аидом. Климент также связывает этот миф с Тесмофориями: «Хочешь расскажу тебе о собирании цветов Персефой и о лукошке, и о ее похищении Аидом, и о расселине в земле, и о свиньях Евбулея,

поглощенных вместе с богинями, по какой причине на Тесмофориях свиней сбрасывают в так называемые мегароны?» (Clem. Pr. II. 17).

В 25–26 главах Арнобий переходит к мифам, связанным с Элевсинскими мистериями. В частности он рассказывает, как странствующая в поисках дочери Церера приходит в Элевсин, где жили Бавбо, Триптолем, Эвмолп, Эвбулей и Дисавл. Бавбо (Baubo) оказывает Церере гостеприимство и угощает кикееном⁴. Удрученная горем богиня сначала отказывается, но развесявшись из-за бесстыдного поступка Бавбо, принимает напиток. В доказательство правдивости своего рассказа Арнобий приводит стихи «сына Каллиопы» (Орфея) и формулу принятия в мистерии: “Ieiunavi atque ebibi cyceonem”; “Ex cista sumpsi et in calathum misi”; “Accepi rursus, in cistulam transtuli” (Я постился ипил кикееон; из ларца я взял и в корзину положил; снова взял и переложил в ларчик)⁵ (Arn AN V. 25–26).

Повествование Климента близко арнобиеву. Он перечисляет те же имена жителей Элевсина и добавляет, что от Эвмолпа произошел афинский род Эвмолпидов. Затем Климент приводит тот же орфический стих и ту же формулу Элевсинских мистерий: «ἐνήστευσα, ἔπιον τὸν κικεῶνα, ἔλαβον ἐκ κίστης, ἐργασάμενος ἀπεθέμην εἰς κάλαθον καὶ ἐκ καλάθου εἰς κίστην» (я постился, пил кикееон, получил из корзины, потрудившись, отложил в лукошко и из лукошка в корзину) (Clem. Pr. II. 20–21).

Употребление Арнобием в этом пассаже греческих слов в латинской транскрипции (cyceon — κικεῶν, cista — κίστη, cistula (уменьшительное от cista), calathus — κάλαθος) определенно говорит о греческом источнике, хотя могло быть не прямым. Текст формулы Элевсинских мистерий у наших авторов, хотя и не значительно, но различается.

Имя Бавбо — соответственно Baubo у Арнобия и βαυβώ у Климента переключается с именем Ямбы из Гомерового гимна к Деметре (V. 195–211). Это служанка элевсинского царя, рассмешившая Деметру острыми шутками. Однако о ее непристойных действиях здесь речь не идет, но она также связана с приготовлением обрядового напитка:

⁴ Cyceonem. Имеется в виду кикееон (κικεῶν) — ритуальный напиток Элевсинских мистерий.

⁵ Здесь перевод автора статьи.

Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным⁶

(V. 208–211).

Переводчик труда Арнобия Н. М. Дроздов считает, что это сообщение Арнобия не могло быть заимствовано у Климента. По его мнению, Арнобий пользовался редакцией орфических стихов, отличной от версии Климента (Drozdov 2008: 53).

Наконец, в 28 главе Арнобий пересказывает миф о Либере и Прозимне, которому посвящены *Alimuntia* — Галимунтские — от *Ἀλμυοῦς* мистерии (Arn. *AN* V. 28). Либер хотел попасть в Тартар, но не знал дороги туда. Влюбленный в него Прозимн (*Prosumnus*) обещает показать путь за услуги интимного характера. Либер соглашается, причем дает клятву, что выполнит обещание после посещения подземного мира, но по возвращении не застаёт Прозимна в живых. Тогда Либер отправляется на могилу и выполняет клятву посредством известных телодвижений.

У Климента этот миф рассказан после повествования о «множественности» богов и об их любовных похождениях (*Clem. Pr.* II. 34). Содержание его не отличается от редакции Арнобия. Единственным расхождением можно назвать следующее: Арнобий указывает, что описываемое событие произошло еще до обожествления Либера-Диониса, Климент же называет его богом. В другой редакции этот миф содержится у Гигина (*Hug. Astr.* II. 5. 2).

Подводя итог сравнению материалов Арнобия и Климента, следует отметить, что информация, приводимая обоими апологетами, очень близка по содержанию, но не идентична. Исследуя литературные приемы Климента, А. Ю. Братухин считает его текст вполне оригинальным, учитывая возможную посвященность этого апологета в элевсинские таинства (Bratukhin 2016: 8). Он пишет, что Климент, излагая детали, либо говорит о малоизвестных разновидностях мистерий, либо «позволяет себе искусственно создавать на бумаге некие эклектичные таинства, в которых знающие люди могли бы находить знакомые черты известных им обрядов» (Bratukhin 2009: 24; 2016: 75). Но в таком случае материал Климента

⁶ Перевод В. Вересаева.

уникален и единичен, раз он сам компоновал и редактировал его, а возможно и домысливал что-то. В этой связи вопрос о зависимости Арнобия от Климента приобретает особую остроту. Относительно сходства информации этих авторов А. Ю. Братухин полагает, что Арнобий в некоторых пассажах неправильно понимает греческий текст Климента (Climent Alexandrinus 2009: 166), вероятно, с этим связывая разночтения. То есть он примыкает к тем исследователям, которые определяют информацию Арнобия как заимствованную непосредственно из труда Климента.

Нельзя забывать, что в пятой книге арнобиевой апологии греческому материалу о мистериях предшествует римский, отсутствующий у Климента. И таким же образом построено повествование во всех книгах «Против язычников», носящих полемический характер. То есть материал греческий и римский соседствуют и плотно переплетаются. На наш взгляд, это указывает на характер непосредственного источника апологии Арнобия, который содержал как римский, так и греческий и другой чужеземный (египетский, малоазийский) материал, тематически скомпонованный по различным религиозным вопросам, сходный по структуре, например, с сочинением Валерия Максима «Девять книг достопамятных деяний и высказываний». Подробно исследовавший последние три книги Арнобия Ф. Туллиус полагает, что его непосредственным источником в рассматриваемой пятой книге было сочинение I в. н. э. «De mysteriis» (О мистериях); в качестве источников Климента он предполагает сочинения греческого происхождения (Tullius 1934: 25, 40, 57, 66, 99). На это можно возразить, что Арнобий и Климент не могли выбрать из совершенно разных источников практически идентичный материал, при этом почти одинаково скомпоновав его. Логичнее предположить использование этими авторами общего источника или разных источников, восходящих к общему архетипу.

Н. М. Дроздов считал, что исследователи, настаивающие на буквальном заимствовании Арнобием информации из сочинения Климента, не придают значения тем подробностям, которых нет у последнего, а потому их мнение не может быть признано основательным (Drozдов 2008: 50–52), с чем нельзя не согласиться. По его мнению, разногласия между пассажами Арнобия и Климента объясняются не ошибками первого при переводе греческого текста, а противоречивостью самих мифологических сказаний (Drozдов 2008: 52). К тому же трудно

заподозрить в плохом знании греческого языка и греко-римской мифологии известного риторика, читавшего в подлиннике сочинения Платона. Ошибки же там, где они действительно имели место, очевидно принадлежат переписчикам, а не Арнобию (Drozдов 2008: 54–56).

Интересным представляется замечание А. В. Каргальцева: «Интересен тот факт, что, хотя наш автор (Арнобий — И. Х.) глубоко вдохновлен проблемой языческих культов и получает многочисленные сведения от Климента, но собственно христианское богословие александрийца практически игнорируется Арнобием» (Kargal'cev 2023: 81–82). Не странно ли, что неосведомленный в христианских вероучительных вопросах Арнобий не восполняет этот пробел за счет Климента, но заимствует у него только материалы о язычестве, которыми сам хорошо владеет и мог взять его у языческих авторов.

Выходя за рамки исследуемой нами пятой книги, обратимся к параллельным пассажам Арнобия и Климента касательно храмов, построенных над могилами смертных. Арнобий пишет: «*In historiarum Antiochus nono Athenis in Minervio memorat Caecropem esse mandatum terrae; in templo rursus eiusdem, quod in arce Larisae, esse conditus scribitur atque indicatur Acrisius, Eric(h)thonius Poliadis in fano, Dairas et Immaradus fratres in Eleusinio consaepto, quod civitati subiectum est. Quid Celei virgines? non in Caereris Eleusinae humationis <usae> perhibentur officio? non in Dianae delubro, quod in Apollinis constitutum est Delii, Hyperoche Laodiceque, quas advectas illuc esse finibus ex Hyperboreis indicatur? In Didymaeo Milesio aleochum dicit habuisse suprema Leandrius funeris. Leucophrynae monumentum in fano apud Magnesium Dianae esse Myndius profitetur ac memorat Zeno. Sub Apollinis arula, quae Telmessi apud oppidum visitur, Telmessum esse conditum vatem non scriptis constantibus indicatur? Ptolomaeus Agesarchi de Philopatore quem edidit primo. Cinyram regem Paphi cum familia omni sua, immo cum omni prosapia in Veneris templo situm esse litterarum auctoritate declarat» (Антиох в девятой книге «Истории» упоминает, что в Афинах в храме Минервы был предан земле Кекроп, далее, в ее же храме, находящемся в акрополе Лариссы, похоронен, как пишут и указывают, Акрисий, в храме Полиады — Эрихтоний, в Элевсинской ограде, вблизи города — братья Дайра (Dairas) и Иммарад (Immaradus). Что сказать о дочерях Келея? Не погребены ли они, как утверждают, в храме Элевсинской Цереры? Не [погребены ли] в святилище Дианы, устроенном при храме*

Аполлона Делосского, Гипероха и Лаодика, прибывшие туда, как указывают, из Гиперборейской страны? Леандрий говорит, что Клеох (Cleochum) получил последние почести в Милетском храме Аполлона Дидимского. Зенон Миндийский объявляет и говорит, что в святилище Дианы при Магнезии находится надгробный памятник Левкофрины. Не свидетельствуют ли произведения писателей единогласно, что под жертвенником Аполлона, который можно видеть в городе Телмессе, похоронен прорицатель Телмесс? Птолемей, сын Агезарха, в первой книге о Филопаторе сообщает на основании документов, что царь Кинира вместе со своим семейством и даже со всем потомством похоронен в Пафе, в храме Венеры) (Арн. AN VI. 6).

У Климента находим следующее сообщение: «ἐν τῷ νεῷ τῆς Ἀθηνᾶς ἐν Λαρίσῃ ἐν τῇ ἀκροπόλει τάφος ἐστὶν Ἀκρισίου, Ἀθήνησιν δὲ ἐν ἀκροπόλει Κέκροπος, ὡς φησὶν Ἀντίοχος ἐν τῷ ἐνάτῳ τῶν Ἱστοριῶν. τί δὲ Ἐριχθόνιος; οὐχὶ ἐν τῷ νεῷ τῆς Πολιάδος κεκήδευται; Ἰμμάραδος δὲ ὁ Εὐμόλπου καὶ Δαείρας οὐχὶ ἐν τῷ περιβόλῳ τοῦ Ἐλευσινίου τοῦ ὑπὸ τῇ ἀκροπόλει; αἱ δὲ Κελεοῦ θυγατέρες οὐχὶ ἐν Ἐλευσίνι τετάφαται; τί σοι καταλέγω τὰς ἐξ Ὑπερβορέων γυναῖκας; Ὑπερόχη καὶ Λαοδίκη κέκλησθον, ἐν τῷ Ἀρτεμισίῳ ἐν Δήλῳ κεκήδευσθον, τὸ δὲ ἐν τῷ Ἀπόλλωνος τοῦ Δηλίου ἐστὶν ἱερῶ. Λεάνδριος δὲ Κλέοχον ἐν Μιλήτῳ τεθάφθαι ἐν τῷ Διδυμαίῳ φησὶν. ἐνταῦθα τῆς Λευκοφρύνης τὸ μνημεῖον οὐκ ἄξιον παρελθεῖν ἐπομένους Ζήνωνι τῷ Μυνδίῳ, ἢ ἐν τῷ ἱερῶ τῆς Ἀρτέμιδος ἐν Μαγνησίᾳ κεκήδευται, οὐδὲ μὴν τὸν ἐν Τελμησσῶ βωμὸν τοῦ Ἀπόλλωνος: μνήμα εἶναι καὶ τοῦτον Τελμησσοῦ τοῦ μάντεως ἱστοροῦσιν. Πτολεμαῖος δὲ ὁ τοῦ Ἀγησάρχου ἐν τῷ α τῶν περὶ τὸν Φιλοπάτορα ἐν Πάφῳ λέγει ἐν τῷ τῆς Ἀφροδίτης ἱερῶ Κινύραν τε καὶ τοὺς Κινύρου ἀπογόνους κεκηδεῦσθαι» (В храмах Афины в Ларисе, в акрополе, есть гробница Акрисия; в Афинах же, в акрополе, — гробница Кекропа, как говорит Антиох в девятой книге «Историй». А Эрихтоний? Разве он не погребен в храме Полиады? Иммарад же, сын Евмолпа и Даиры, разве не в ограде Элевсина, что под акрополем? Дочери Келея не похоронены ли в Элевсине? Зачем мне перечислять тебе гиперборейских женщин? Их зовут Гипероха и Лаодика; они похоронены на Делосе в Артемисии, что находится в капище Аполлона Делосского. Леандрий утверждает, что Клеох похоронен в Милете в Дидимее. Тут, следуя за Зеноном миндийцем, несправедливо будет обойти молчанием ни могилу Левкофрины, погребенной в капище Артемиды в Магнезии, ни алтарь Аполлона в Тельмессе: алтарь этот, как говорят, является надгробным

памятником прорицателю Тельмессу. Птолемей, сын Агесарха, в первой книге о Филопаторе говорит, что в храме Афродиты в Пафосе погребены Кинир и его потомки) (Clem. Pr. III. 45).

Мы так подробно приводим эти пассажи Арнобия и Климента в связи с тем, что они могут прояснить ситуацию с источником информации. Сообщения практически идентичны. Даже авторы, на которых ссылаются апологеты, одни и те же. Это девятая книга «Истории» Антиоха, Леандрый, Зенон Миндийский и первая книга о Филопаторе Птолемея, сына Агезарха. Первый из перечисленных — греческий историк V в. до н. э. Антиох Сиракузский, сын Ксенофана, автор сочинений «Сицилийские дела» и «Италийские дела», упоминается Дионисием Галикарнасским (Dion. Halic. AR I. 22). Со вторым автором — Леандрием — связан ряд вопросов. А. Ю. Братухин и А. Д. Пантелеев пишут, что само имя Леандрый — это испорченный вариант имени милетского историка Меандрия (Clement Alexandrinus 2009: 173; Arnobius 2008: 315), Арнобий же, заимствуя материал у Климента, также употребляет искаженное — Леандрый. Однако вариант имени Леандрый (Λεάνδρος или Λεάνδριος) встречается не только у Климента и Арнобия. Такое написание имени есть в Схолиях к Аристофану (Ἰστορεῖ δὲ καὶ Λεάνδρος ἐν δευτέρῳ Μιλησιακῶν προδοῦναι Μίλητον) (Schol. Aristoph. Pac. 363, FHG II, 334, fr. 1), схолиях к Аполлодору (Λεάνδρος καὶ Καλλίμαχος εἶπεν) (Schol. Apoll. Rh. II. 706, FHG II, 337, fr. 10) и у Диогена Лаэртского (παρὰ Λεανδρίῳ λαβὼν τοῦ Μιλησίου) (Diogenes L. I. 27; I. 41, FHG, 335–336, fr. 2, fr. 4). Значит, разночтения имели место в разных рукописях и не могут свидетельствовать об использовании Арнобием именно текста Климента.

Сочинение Птолемея Агезарха Мегалополитанского «Ἀπὸ τοῦ Φιλοπатора ἱστορίαι» (История о Филопаторе) упоминается также Афинеем (FHG III, 66, fr. 2, 3, 4). Грамматик Зенон Миндийский известен Диагену Лаэртскому (VII. 35) и Евсевию Кессарийскому (Euseb. Praep. Evang. II. 6).

Есть одно несоответствие между текстами Арнобия и Климента в пассаже о могиле Иммарада. У Климента сообщается, что Иммарад, сын Евмолпа и Дайры (Ἰμμάραδος δὲ ὁ Εὐμόλλου καὶ Δαείρας), похоронен под акрополем в ограде Элевсина (Clem. Pr. III. 45). Арнобий пишет, что в Элевсинской ограде, вблизи города похоронены братья Дайра и Иммарад (Dairas et Immaradus fratres in Eleusinio consaepto) (Arn. AN VI. 6). Арнобий опускает «сын Евмолпа», а Дайра оказывается

мужского рода, при том что даже имя (Dairas) упомянуто в той же форме, что и у Климента (Δαείρας). Дaira — женское божество Элевсинского круга или эпитет Персефоны. Скорее всего здесь ошибка, но чья? Н. М. Дроздов пишет, что о какой бы то ни было связи между Дайрой и Евмолпом сообщают только Климент и Арнобий. Павсанию известно, что Иммарад был сыном Евмолпа (Ἰμμάραδος τὸν Εὐμόλμου) (Paus. I. 5.2; 27.4; 38.3), но о Дaire он ничего не говорит, а о ее связи с Евмолпом упоминает только Климент.

В конце шестой главы находится очень важное сообщение Арнобия: «Infinitum est et immensum, quibus quique in fanis toto sint in orbe describere, nec exactam desiderat curam ... polyandria illa Varronis quibus templis contegantur quasque in se habeant superlati ponderis moles» (Было бы делом бесконечным и чрезмерным описывать, в каких храмах на всей земле и кто находится, и нет нужды в точном исследовании, в каких храмах находятся [указываемые] **Варроном** кладбища и какие тяжелые массы нагромождены на них) (Arn. AN VI. 6). То есть основной источник Арнобия в шестой главе — Варрон. Действительно, шестая книга «Божественных установлений» Варрона, которая называлась «De sacris aedibus» (О священных зданиях), была посвящена храмам и истории их постройки (Sidorovich 2005: 205). Об этой книге Варрона упоминают Августин (Aug. CD III. 17) и Макробий (Macr. Sat. I.8.1). Значит все перечисленные в этой главе греческие авторы не были непосредственными источниками Арнобия. Они попали в апологию из сочинений Варрона. Если рассмотренный материал принадлежит Варрону, это аннулирует зависимость Арнобия от Климента и устанавливает зависимость Арнобия и Климента от Варрона. Весь пассаж о кладбищах переписан Арнобием и Климентом из сочинения Варрона. При этом Климент заимствовал только греческий материал, а Арнобий — и латинский, и греческий. Климент ссылается на Варрона в «Увещании» только один раз, когда говорит о копье Ареса (Марса), то есть в связи с римским материалом (Clem. Pr. IV. 46). Надо полагать, в остальных случаях, когда Климент заимствует у Варрона греческий материал, он приводит имена греческих авторов, на которых ссылается сам Варрон.

Возвращаясь к исследованию источниковой базы пятой книги апологии Арнобия, следует сказать, что параллельные пассажи из Арнобия и Климента — результат использования ими общего источника, которым могло быть неохранившееся

произведение Варрона «Божественные древности», как мы это видели в шестой книге. И именно это сочинение Варрона Арнобий определяет как «пользующееся доверием, серьезное и тщательное историческое произведение» в первой главе пятой книги (Ar. AN V. 1). Ссылки на сочинения Варрона рассыпаны по всем книгам апологии нашего автора, равно как и критика метода этимологического анализа, широко используемого Варроном в своих трудах, так что зависимость Арнобия от сочинений Варрона представляется совершенно очевидной. Не исключено также использование нашим автором трудов младшего анналиста Валерия Анциата⁷.

Говоря о знакомстве Арнобия с сочинениями своих единомышленников — христианских писателей, следует отметить, что, кроме спорного мнения о заимствовании им материалов у Климента Александрийского, никаких других следов их присутствия в апологии, и в частности в пятой книге, нет.

Литература

- Arnobius 2008: *Protiv yazychnikov* [Against pagans]. St. Petersburg.
Арнобий 2008: *Против язычников*. Пер. Н. М. Дроздова. Под ред. А. Д. Пантелеева. СПб.
- Bratukhin, A. Yu. 2016: *Poisk literaturnogo stilya v rannej cerkvi v tvoreniiakh Klimenta Aleksandrijskogo i Tertulliana* [Search for literary style in the early church in the creations of Clement of Alexandria and Tertullian]. St. Petersburg.
- Братухин, А. Ю. 2016: *Поиск литературного стиля в ранней церкви в творениях Климента Александрийского и Тертуллиана*. СПб.
- Bratukhin, A. Yu. 2009: [Titus Flavius Clement — a conciliator of opposites]. In: *Kliment Aleksandrijskij. Uveshchevanie k yazychnikam* [Clement of Alexandria. Exhortation to the Gentiles]. St. Petersburg, 5–46.
- Братухин, А. Ю. 2009: Тит Флавий Климент — примиритель противоположностей. В сб.: *Климент Александрийский. Увещевание к язычникам*. СПб., 5–46.
- Drozдов, N. M. 2008: [Ancient Christian writer Arnobius and his apology of Christianity]. In: *Arnoby. Protiv yazychnikov* [Arnobius. Against pagans]. St. Petersburg, 9–120.

⁷ Более подробно вопрос об использовании Арнобием сочинения Валерия Анциата рассмотрен в статье автора «К вопросу об источниковой базе “Adversus nationes”: Валерий Анциат».

- Дроздов, Н. М. 2008: Древнехристианский писатель Арнобий и его апология христианства. В сб.: *Арнобий. Против язычников*. СПб., 9–120.
- Climent Alexandrinus 2009: *Uveshchevanie k yazychnikam [Exhortation to the Gentiles]*. St. Petersburg.
- Климент Александрийский 2009: *Увещевание к язычникам*. Пер. А. Ю. Братухина. СПб.
- FHG — *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Hrsg. Von C. Müller. Paris, 1848–1853.
- Hagendahl, H. 1958: *Latin fathers and the classics. A study on the apologists, Jerome and other Christian writers*. Göteborg.
- Hagendahl, H. 1983: *Von Tertullian zu Cassiodor. Die profane literarische Tradition in dem lateinischen christlichen Schrifttum*. — Göteborg.
- Kargal'cev, A. V. 2023: [Apologist Arnobius — Christian rhetorician from Sikka Veneria]. *Hypothekai* 7, 75–89.
- Каргальцев, А. В. 2023: Апологет Арнобий — христианский ритор из Сикки Венерии. *Hypothekai* 7, 75–89.
- Kettner, G. 1877: *Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Arnobius*. Naunburg.
- Khor'kova, I. V. 2020: [On the issue of the source base “Adversus nationes”: Valery Antsiat]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 24/1, 1319–1328.
- Хорькова, И. В. 2020: К вопросу об источниковой базе «Adversus nationes»: Валерий Анциат. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24/1, 1319–1328.
- Opelt I. 1975: Schimpfwörter bei Arnobius dem Älteren. *Wiener Studien* 9, 161–173.
- Röhricht, A. 2017: *De Clemente Alexandrino Arnobii in irridendo gentilium cultu deorum auctore*. London.
- Sidorovich, O. V. 2005: *Annalisty i antikvary. Rimskaya istoriografiya konca III–I vv. do n. e. [Annalists and antiquaries. Roman historiography of the end of the III–I centuries BC]*. Moscow.
- Сидорович, О. В. 2005: *Анналисты и антиквары. Римская историография III–I в. до н. э. М.*
- Sitte, A. 1970: *Mythologische Quellen des Arnobius*. Wien.
- Tullius, F. 1934: *Die Quellen des Arnobius im 4, 5 und 6 Buch seiner Schrift Adversus nationes*. Berlin.

А. Б. Черняк
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
abchernyak@mail.ru

**К ПРОБЛЕМАТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТЫНИ
(по поводу книги Дага Норберга
«Manuel pratique de latin médiéval». Paris 1968)**

*Памяти Эбби Зайделя*¹

¹ Эбби Зайдель (Hans Eberhard Seidel 28.11.1947–27.9.2006) окончил классическую гимназию в Гёттингене и затем кафедру славистики в Университете по специальности «Русский язык». В 1973–75 годах проходил стажировку в ЛГУ. Меня с ним познакомил англист Юрий Клейнер. К сожалению, после защиты докторской диссертации он не смог получить место на своей кафедре и вынужден был довольствоваться скромной должностью преподавателя гимназии в соседнем Госларе. Летом 1995 года, будучи стипендиатом библиотеки Карла Августа в Гольфельгюттеле, рядом с Брауншвейгом, я не раз ездил к нему в гости в Гослар на электричке. Он жил с женой и двумя детьми в симпатичном домике у подножия большой горы, поросшей лесом. Все члены семьи были музыкантами; сам Эбби профессионально играл на скрипке. В докольном этаже у него был оборудован кабинет с очень неплохой библиотекой латинских и греческих авторов. Он меня как-то привел к букинисту в Гёттингене, где я приобрел несколько книг и потом долгое время получал каталоги и даже кое-что заказывал через Эбби. К сожалению, эта идиллическая жизнь была у них не очень долгой: сначала умерла от рака языка его милая жена Инзе, а потом от инсульта и он сам. Дом продали, а детей — сына Тильмана и дочь Кристину, уже довольно взрослых, вероятно, взяли под опеку родственники, жившие в Бременхаффене.

Настоящая статья была написана где-то в 1975 году и передана Эбби перед его отъездом на родину. Он собирался перевести ее на немецкий и показать ее своему учителю, профессору К. Х. Шмидту, редактору знаменитого журнала *Indogermanische Forschungen*. 20 лет спустя, когда я оказался в Германии, я снова на какое-то время погрузился в средневековую латынь (Tscherniak 1997). На этот раз я сразу писал по-немецки, но Эбби, разумеется, отредактировал мой текст. Он надеялся, что после его публикации я получу приглашение в какой-нибудь немецкий университет. Но этого не случилось. Правда, профессор Удо Киндерманн, редактор *Mittelateinisches Jahrbuch*, где выш-

В статье, написанной в 1975 году, отражена позиция специалиста в области романского языкознания по отношению к актуальным и сейчас концепциям так называемой «шведской школы» (работы Эйнера Лефстедта и его учеников). В учебнике Дага Норберга прежде всего обращает на себя внимание датировка перехода латыни в романский 700-м годом основанная на увеличении числа вульгаризмов в текстах предшествующего столетия. Но исчезновение форм дат. и твор. мн. ч. на *-bus* нельзя датировать VII в., так как они отсутствуют во всех романских языках. В письме бл. Иллидия VII в. шведский ученый лишь чуть изменяет рукописное *feniscere* на *finiscere*, которое не имеет опоры в галло-романском: следует писать *seniscere*, меровингскую форму классического *senescere* ‘стареть, хиреть’.

В известной поэме «Шуба без меха» Гугона Орлеанского (Примаса) XII в. текст взят из сборника Лангоша с грубой опечаткой: *Te mordax aquilo per me fiet quasi pilo* вместо рукописного *fiet* (от лат. *ferire*). Тем не менее, невозможная конструкция *te mordax fiet* = *mordere* объясняется в его комментарии. Последняя ошибка была выявлена в рецензии Б. Лефстедта 1974 г., с которой я смог ознакомиться лишь много позже.

Ключевые слова: Даты исчезновения латыни в Галлии; латинские свидетельства и романские языки; культ вульгаризмов у представителей шведской школы; стихотворение Примаса «Шуба без меха».

A. B. Chernyak

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. abchernyak@mail.ru

**On the problems of Medieval Latin
(regarding Dag Norberg's book: Manuel pratique de latin
médiéval. Paris 1968)**

The article, originally written back in 1975, reflects the Romanist's position pertaining to so called «Swedish School» (works of Einar Lefstedt and his disciples In Dag Norberg's *Practical Manual of Medieval Latin* our attention above all gets attracted by his dating the transition of Latin into Romanic language to 700, based only on increasing number of vulgarisms in texts in the previous century. We must not date the disappearance of the forms of Dat. and Instr.Pl. in *-bus* to the 7th century though as they are nowhere in evidence in Romance languages. In the script of Saint Eligius from 7th century the Swedish scholar slightly changes text hand *feniscere* to *finiscere* whereas such a form can't be found in Gallo Romance. There should be Merovingian form *seniscere* of classical form *senescere* ‘to get older; to get weak bodied’) instead.

ла моя статья, прислал мне свою монографию (Kindermann 1998), а потом его великолепный ежегодник стал понемногу приходить в БАН.

The text of the famous 12th century poem «Pontificum spuma, fex cleri, sordida struma...» by Hugo Primas (from Orleans), which was taken from the publication of Largosch, contains a terrible typo: *Te mordax aquilo per me fieret quasi pilo* instead of text *hand feriet* (from lat. *ferire*). None the less the impossible construction *te mordax fieret* = *mordere* finds its explanation in D. Norberg's commentary. Although the mistake was noticed by B. Lefstedt in his review in 1974 I only could see the comment much later.

Keywords: Dates of the disappearance of Latin in Gaul; Latin evidence and Romance languages; the cult of vulgarisms among representatives of the Swedish school; Primas' poem *A Fur Coat Without Fur*.

Настоящая статья не является рецензией в строгом смысле слова: книга виднейшего скандинавского латиниста была своевременно и обстоятельно отрецензирована во многих журналах Старого и Нового Света, так что нет нужды повторять, что она состоит из введения и антологии текстов с параллельным французским переводом и комментарием, выполненными с большой тщательностью и что никто другой кроме Норберга не мог бы это выполнить на таком высоком уровне. Все это абсолютно верно, так же как и то, что почти все эти сведения можно извлечь из издательского проспекта, а все прочее всем и так хорошо известно. Скорее можно было бы отметить ряд неожиданных и очень запоминающихся деталей введения: любопытные примеры позднелатинского перехода от абстрактного значения к конкретному (см. указанное сочинение стр.15), например, общеизвестное *testimonium témoin* (свидетель) и менее очевидное *officium, obsequium* 'fonctionnaire' (служащий) или *coniugium, matrimonium* 'femme' (жена). Здесь следовало бы упомянуть и рум. *femeie* 'femme' < familia, существенно дополняющие соответствующие разделы «Основ» Бурсье (Бурсье 1952: 202–203, §§ 75–79). Любопытна и курьезная фигура позднелатинского грамматика из Бордо, учившего своих учеников спрягать *interrogare, interrogabo* и *interrogam* (по третьему и четвертому спряжению), *videre, videbo* и *videam*, или наоборот *agere, agam* и *agebo* и т. д. (см. там же с. 53). Запоминается и превосходное описание средневековых аллитераций и рифм и вообще весь очерк эволюции стихосложения, что, впрочем, и следовало ожидать от крупнейшего специалиста в этой области. Благодаря этим и десяткам других аналогичных мелочей мы как-то незаметно понимаем, как учились, говорили и писали по латыни

люди средневековой Европы и это ощущение самого непосредственного контакта с весьма трудным и сложным материалом есть, по-видимому, одно из несомненных достоинств этого учебника.

Но учебники пишутся для студентов, и их задача, как известно, давать читающему основательные знания, соединяя приятное с полезным. В симпатичной книжке Норберга *dulcia* на наш взгляд решительно преобладают. Библиография очень ограничена: за дальнейшей информацией автор отсылает к работе: Martin McGuire. *Introduction to Medieval Latin studies* (Washington D. C., 1964), хотя очевидно, что вряд ли многие станут утруждать себя дальнейшими поисками. Не отражена в книге и литература, вышедшая в 50-е–60-е годы, в частности отсутствует какое-либо упоминание интереснейшей монографии Avalle (1965; 1970), о чем нельзя не пожалеть, так как производимые Авалле и другими итальянскими романистами исследования раннесредневековых рустичных скрипт, как нам кажется, представляют огромный интерес как раз для французской высшей школы и потому заслуживают всяческой популяризации. Напротив, как уже отмечалось в одной из доступных нам рецензий, работы шведских ученых и, в частности, самого Норберга и его учеников, представлены весьма полно, что не может не вызывать упрека в некоторой, хотя и вполне понятной, односторонности. Наконец, французский перевод *en regard* ко всем без исключения текстам, приведенным во второй части книги, представляет студентам, пожалуй, слишком много удобств: В. Вянянен в своей антологии прибегает к этому приему только в двух случаях (см. PLV).

Впрочем, хоть и куда более «облегченный», чем, скажем, обстоятельное «Введение» Штрекера (Strecker 1948), труд Норберга все же не является чисто популяризаторским: порой автор обращается к сложным и сугубо специальным вопросам и, к сожалению, не всегда с успехом. Мы имеем в виду в первую очередь проблему возникновения романской речи, в частности, на территории Галлии. Этому вопросу Норберг в свое время посвятил специальную статью (Norberg 1966), в которой он утверждал, что латынь как таковая исчезает в Галлии примерно к 700 г.², так как уже в текстах VII века появляются или

² Об этой дате смотрит так же Chernyak 2020.

становятся все более и более многочисленными целый ряд явлений, принадлежащих к романскому языку, например, будущее *daras* у Фредегария; *portas* вместо *portae* им. мн. числа; *suus* вместо *eius*; *eorum (illorum)* вместо *suus* и т. д. Причину тому, вслед за П. Рише (Riché 1962), он усматривал 1) в развале системы школьного образования, уже не сдерживавшей свободного развития языка, и 2) в изменении самооценки французов и, соответственно, их ориентации не на прошлое, а на будущее³. Последний довод представляется нам весьма сомнительным, и, по-видимому, не случайно, что в учебнике шведский ученый говорит только о школах (там же, стр. 27), что тоже не выглядит особенно убедительно. Важнее другое: сама попытка датировать смену языков вызывает серьезные сомнения. Речь идет о процессе, длительность которого установить мы не в состоянии за полным отсутствием аналогий. В самом деле, кто наблюдал, как быстро один язык переходит в другой и отдельные этапы которого не зафиксированы на письме⁴? Поэтому седьмое столетие, отводимое Норбергом под формирование романского языка, легко может оказаться слишком тесным для этой, несомненно, очень медленной и постепенной эволюции, протекавшей подспудно и вследствие этого не допускающей абсолютно точной датировки. Можно и нужно датировать только отдельные языковые явления, но и то лишь самым приблизительным образом и не придавая большего значения времени их фиксации в текстах, чем наличию их в других романских языках. Хорошо известно, что нередко очень древние феномены оказываются засвидетельствованными сравнительно поздно, а относительно более новые вместе с ними или даже раньше, чего Норберг в своей статье совершенно не учитывает, ставя в один ряд с такими примерами как *daras*, *illorum* и т. д. исчезновение форм именного склонения *-is -bus*, отсутствующих во всех романских языках, что вынуждает нас датировать это явление не позднее чем II–III вв. н. э.⁵ Вообще говоря, известное

³ Norberg 1966: 356: «on ne se tourne plus vers le passé, mais vers l'avenir»

⁴ См. очень важную, хотя и не упомянутую Норбергом, книгу: Reichenkrohn 1965: 195 сл.

⁵ Там же стр. 31: “La seule conclusion que nous puissions en tirer (имеются в виду примеры типа ...cedo tibi.. aquas aquarumque decursibus, Formulae Andecavenses, MGH, Leg. S.V.) sur la langue vivante, c'est que

недоверие к реконструкциям и граничащая с перестраховкой осторожность в вопросе о хронологии отдельных романских инноваций является характерной особенностью нашей эпохи, но Норбергу, вероятно, следовало бы, по крайней мере, в учебнике, последовать примеру Штрекера (Strecker 1948) и Вянянена (ILV) и как эти и многие другие солидные ученые, не касаться вовсе «проклятых тем», которые к тому же не имеют прямого отношения к представляемой им дисциплине.

Из этого, разумеется, вовсе не следует, что романистика как таковая несущественна для специалиста по средневековой латыни. Напротив, каждому известно, что порой именно туда следует обращаться при анализе необычных оборотов и форм, нередко встречающихся в раннесредневековых текстах. К сожалению, нам приходится констатировать, что как раз сам Даг Норберг при всем своем интересе к романской проблематике не всегда в достаточной мере учитывает материал романских языков. Мы продемонстрируем это на одном, но весьма существенном, примере. На стр. 106 учебника шведский ученый приводит письмо бл. Элигия бл. Дезидерию, взятое из его же собственного издания (Epist. Desid. II 6, p. 52 sq.) В комментарии на стр. 108 под 4 *adcriscere* он рассматривает встречающиеся в письме инхоативные формы, среди них и *feniscere*, которое он интерпретирует как простой дуплет *fenire*⁶, а в издании даже предлагается включить этот неизвестный доселе лексикографам глагол в соответствующие словари⁷. Мы, со своей стороны, рекомендовали бы лексикографам прежде всего обратить внимание на то, что а) соответствующая романская форма известна только в испанском и португальском *fenecer*, где инхоативный суффикс *-ecer* является до сих пор продуктивным (Iliescu 1959);

la terminaison *-ibus* était sortie de l'usage courant». На самом деле мы имеем здесь всего лишь *terminus ante quem*, и к тому же малосущественный, так как в данном случае *terminus post quem* следует отодвинуть вперед на пять столетий. — Теперь 50 лет спустя я представляю себе проблемы эволюции романской речи (и, в частности, латинского склонения) несколько иначе. См. Chernyak 2015 и 2022.

⁶ Там же: «Souvent il n'y a plus de différence entre l'inchoatif et la verbe simple, cf. 1.10 *feniscere*, c'est à dire *feniscere*, au lieu de *finire*»

⁷ См.: op.cit., p. 53,9: «Verbum denique inchoatum quod est *finiscere* lexicis addendum est».

б) в прочих романских языках с помощью этого суффикса образуются только формы Ind. Praes. и Impf., причем даже во французском, где он распространился на формы 1 и 2 Pl. и причастие настоящего времени, в инфинитив он все-таки не проникает; в) в мерovingской латыни, в частности, у Григория Турского⁸ формы на *-sc-* не пользуются особенной популярностью, и характерно, что все прочие упоминаемые Норбергом глаголы, такие как *adcriscere*, *floriscat* и *innotiscere* засвидетельствованы, разумеется, с нормальным вокализмом, уже в классической латыни⁹. Все это, на наш взгляд, делает реальное существование формы *feniscere* в мерovingском тексте VII в. более чем сомнительным и тем более в таком ответственном жанре как епископская переписка, где вульгаризмов по возможности избегали. Естественно поэтому предположить здесь ошибку копииста, случай весьма нередкий для данной рукописи, ср., например, в том же самом пассаже: ... *ut nec uestra (sc. memoria) apud nos feniscere nolit* «de même que votre souvenir ne s' éteindra jamais en nous», где *nolit* есть не что иное, как молчаливое (и, по-видимому, вполне логичное!) исправление рукописного *nouit*, сохраненного в тексте издания 1961 года. Соответственно и вместо *feniscere*, исправленного корректором рукописи на *finiscere* в духе интерпретации Норберга, следует читать *seniscere*, т. е. *senescere* 'стареть, хиреть, ослабевать', что при минимуме исправлений (*f* на *s*) дает хороший смысл.

Настоящий случай, как нам кажется, достаточно ясно показывает, что при работе над средневековыми текстами необходимо постоянно учитывать не только их внешние приметы: географическую локализацию и датировку, но и внутренние, такие как, например, уровень образованности автора. Нам представляется совершенно очевидным, что столь образованный и грамотный, насколько можно судить исходя из письма, клирик, как бл. Элигий, не мог использовать столь странную во всех отношениях форму: ведь хотя VII в. и считается периодом

⁸ См. Bonnet 1890: 472 «Je ne pense pas qu'il y ait des inchoatifs nouveau à signaler chez G. Au contraire, il lui arrive d'employer le verbe primitif, même inusité autrefois, à la place du verbe inchoatif, comme *reuirere* conf. 50 p. 778, II pour *reuirescere* ».

⁹ О формах на *-sc-* в латыни см. K. Sittl в ALLG I, 465–533 (index verborum pp. 528–532 — около 500 слов).

упадка культуры, ясно, что и тогда, тем более среди высшего духовенства, должны были попадаться люди, хорошо знавшие латынь. Конечно, подобные ощущения субъективны, но все же не следует ими пренебрегать. Вот другой пример, гораздо более убедительный. На стр. 184–185 своего учебника Норберг приводит известное стихотворение «Шуба без меха», принадлежащее замечательному поэту XII в. Гугону Орлеанскому (Примасу), где ст. 15 выглядит следующим образом: «*te mordax aquilo per me fieret quasi pilo*». Смысл его для человека, незнакомого ранее со стихотворением, совершенно непонятен и может быть уяснен только с помощью очень нужного здесь перевода: «*N' était que de moi, le vent du nord te transpercerait comme un javelot*»¹⁰. и комментария, где *expressis verbis* сказано, что *te* зависит от *mordax fieret*, заменяющего глагол *morderet* ‘кусать’, чему даются многочисленные параллели¹¹.

После этого не нужно быть Бентли или Хаусменом, чтобы догадаться, что вместо *fieret* следует читать *feriet* (третье лицо буд. вр. от глагола *ferire* ‘ударять, колоть’. Сравнение с критическим изданием В. Мейера (Primas 116), разумеется, целиком и полностью подтверждает это очевидное чтение. Речь здесь идет, таким образом, об обыкновенной опечатке, допущенной К. Лангошем в одном из его ранних изданий¹², а от него, к нашему огромному сожалению, перекочевавшей в учебник Норберга.

Но на ошибках, как известно, учатся, и из этого досаднейшего промаха виднейшего шведского латиниста мы должны извлечь все возможные выводы. Первый напрашивается сам

¹⁰ Ср. весьма свободный русский перевод «Я от зубов аквилона не буду надежным заслоном». (Пам. стр.497).

¹¹ Там же, 186,15: «*te mordax fieret*. Synt. — Le complément direct *te* dépend ici de *mordax fieret* parce que ces mots remplacent le verbe *morderet*. C'est une construction *ad sensum* qui se trouve dès le latin archaïque. Cf. Pacuvius chez Aulu-Gelle, I, 24, 4 *hoc nolebam nescius ne esses*; Grégoire de Tours, Glor. Conf., 17 *nomen ignari erant*; Venance Fortunat, Vita Nartini, IV, 540 *nec se mente capax*; Vita Hugberti, I, MGH, Mer., VI, p. 483, 20 *nec immemor erat magistri sui beneficia*». Далее следует ссылка на E. Löfstedt. Syntactica, 1933, I, 255.

¹² На странице 184 учебника Норберг дает следующее примечание: «Ces épigrammes ont récemment été publiées par K. Langosch. Hymnen und Vagantenlieder Bale, 1954, p. 184». Опечатка, видимо, идет оттуда. Она присутствует и в более новых изданиях, ср., напр., Vagantendichtung / Lat. u. Deutsch hgg. u. üb. v. K. Langosch, Dieterich, s.a.,s.194.

собой: при переписывании люди ошибаются; допустил ляпсус Лангош, делали их и средневековые писцы. Хорошо, что в данном случае в нашем распоряжении есть две авторитетные рукописи и издание В. Майера. В случае с *feniscere*, где в нашем распоряжении находится всего лишь одна испещренная ошибками полуграмотных копиистов рукопись IX в., задача уже намного сложнее. Отсюда еще один вывод: нужно быть очень внимательным и каждое чтение проверять, сообразуясь, прежде всего, со здравым смыслом. Трудно даже представить, чтобы такой выдающийся мастер как Примас мог прибегнуть к столь вычурному, если вообще не невозможному, обороту как *te mordax fieret*.

Разница между этой ghost-construction и контекстом настолько велика, что мы сильно сомневаемся, чтобы данный пример мог фигурировать, скажем, в числе ста очень полезных упражнений, которые можно найти в интересной книге Торпа (Thorpe 1972). Такого рода опечатки сразу бросаются в глаза и исправляются механически, так что мы совершенно уверены, что это сделал бы не только сам мэтр, но и любой участник стокгольмского семинара (О семинаре см. Lokrans 1970). В чем же тогда дело?

Как нам кажется, ответ на этот вопрос надо искать совсем не в какой-то степени характерном для нашего времени нежелании или неумении использовать конъектуры: в том же издании переписки бл. Дезидерия имеется немало исправлений, предложенных как самим Норбергом (см. выше *nolit < novit*), так и его учениками. Однако нетрудно убедиться, что хирургическое вмешательство распространяется только на, так сказать, классический фонд средневековой латыни; напротив, вульгаризмы и вообще любые аномалии уже *eo ipso* окружены пиететом и являются предметом самого бережного и внимательного изучения. Но существует же предел, который никогда не переступал сам Эйнар Лефстед, произведший настоящую революцию своими работами в области изучения поздней латыни и заслуженно снискавший себе и своей школе огромную репутацию. Конечно, плохо, когда старые издатели систематически правили поздних авторов, но и современную «грамматику наоборот» тоже вряд ли можно приветствовать. Несомненно, ошибки Норберга нельзя осуждать слишком строго: повинен в них не он один: в первом случае он делит вину с предыдущими издате-

лями и исследователями, не говоря уже о своих собственных учениках, а во втором немалая доля ответственности лежит на К. Лангоше. Но за комментарий отвечает сам Норберг, и вот это больше всего и настораживает. Оказывается, что любое чтение, даже самую очевидную нелепость, можно великолепно объяснить и — самое ужасное — в случае с Примасом мы видим, что ученейшее объяснение со ссылками на литературу и источники явно стоило автору меньше труда, чем понадобилось бы для сверки текста с критическим изданием! Это свидетельствует о том, что, несмотря на все несомненные успехи, достигнутые во многом благодаря усилиям лингвистов, наш уровень знания поздней и средневековой латыни оставляет желать лучшего.

Дальнейший прогресс в этой очень трудной области возможен, по-видимому, только при условии овладения исследователем приемами работы не только латинской филологии, но и романской компаративистики¹³. Это в свою очередь предполагает более или менее основательное знакомство с такими не слишком популярными среди европейских филологов языками как сардинский и румынский (См. Malkiel 1972). И главное, разумеется, следует быть бдительнее по отношению к тексту. Сейчас уже нельзя решать текстологические проблемы так, как делалось, скажем, еще сорок лет назад, да и не имеет большого смысла это делать: ведь такой казус как, например, вышеупомянутое *feniscere* может послужить отличной темой для небольшого этюда, где как латинский, так и романский материал был бы изложен значительно шире и, соответственно, интереснее, чем это оказалось возможным сделать в настоящей статье.

Из всего вышеперечисленного вовсе не следует, что наше отношение к симпатичному учебнику Дага Норберга существенно отличается от *communis opinio* рецензентов и вообще ученого мира. Мы несколько не сомневаемся, что и при всех отмеченных — легкоустраняемых — недостатках это удачное пособие окажет высшей школе большие услуги. Наши замечания предназначаются для переиздания, которое, вероятно, не заставит себя ждать. Более модернизированный в плане библиографии и менее оптимистичный в изложении теоретических и текстологических проблем «Учебник средневековой латыни»

¹³ Что настойчиво рекомендует такой специалист как Бенгт Лефстедт (Löfstedt 1970)

Дага Норберга будет, несомненно, достойно представлять ту суровую науку, в которой его автор добился столь значительных успехов.

Послесловие

Это местами довольно пространное сочинение (в данной версии я кое-что убрал, в том числе несколько ненужных примечаний) мой приятель Эбби Зайбель (см. прим.1) перевел на немецкий язык и представил на суд проф. Шмидту, редактору *Indogermanische Forschungen*. Тот одобрил, и мне оставалось только дать согласие на публикацию перевода. Но я знал, что для сотрудничества в западноевропейских журналах требовалось специальное разрешение, так как в 1975 году в Париже вышла моя французская статья о Секвенции св. Эвлалии IX века (Chernyak 1975). Я полагал, что на этот раз оформление пройдет гораздо легче, но директор института чл.-корр. АН СССР А.В. Десницкая передала мою статью Е.А. Реферовской и моя бывшая руководительница, очень хорошо ко мне относившаяся, тем не менее решительно воспротивилась. По ее мнению я не имел права писать такие вещи о таком авторитетном специалисте как Даг Норберг. Елизавета Артуровна не была лично знакома со шведским профессором, но знала его работы и была о нем самого высокого мнения. Вероятно не в последнюю очередь потому, что он писал на превосходном французском. Переубедить ее не было никакой возможности, тем более что Агния Васильевна устранилась, (я предполагаю, что она вообще не хотела, чтобы ее сотрудники слишком много печатались на Западе). Надо было настаивать. Вероятно, следовало обратиться к Г. В. Степанову, но мне не хотелось поднимать лишнего шума, тем более что у меня тогда было много своих проблем. Таким образом мне пришлось написать в Геттенгем Эбби, что мне не дают разрешение на публикацию. Профессор Шмидт не сразу понял, что произошло и просил Эбби подбодрить меня (Эбби передал мне его слова: "Ermuntern Sie ihn !"). К сожалению, я уже принял решение отказаться. Мне было очень жаль и Шмидта и Эбби, и особенно Эбби, который рассчитывал, что его имя появится в журнале и что он получит гонорар за перевод.

Последнее было далеко не лишним, так как он должен был купить мне дорогой словарь В. Мейер-Любке (ERW я пользуюсь и по сей день).

Через некоторое время я узнал, что в 1974 году вышла большая рецензия Бенгта Лефстедта (племянника Э. Лефстедта) на учебник Норберга (Löfstedt 1974), к сожалению, в отсутствующем в наших библиотеках журнале (Получив ее по Международному библиотечному абонементу, я увидел, что казус с Примасом получил в ней должную огласку. Так моя несчастная статья попала на 50 лет в долгий ящик).

Я не осуждаю Е. А. Реферовскую: вероятно, тон моей рецензии показался ей слишком резким. “Der Ton macht die Musik” — учила меня одна молодая сотрудница Венского института классической филологии, читая в мае 2005 года мое заявление с претензиями к междугородней автобусной компании (за мной не заехали вечером в Верону и я провел ночь на вокзале, а потом целый день добирался поездами до Вены). Но профессора Шмидта моя статья вполне устраивала: науку, судя по всему, в основном делают мужчины.

Данная статья и сейчас сохраняет свое значение, хотя бы уже потому, что конъектура *seniscere* < *feniscere* не была упомянута в последней немецкой рецензии. Виртуальным защитникам Дага Норберга надо возразить, что и сам Эйнар Лефстедт не всегда безгрешен, и что авторитетное «Введение в вульгарную латынь» финна В. Вянянена (ILV) тоже отчасти продукт шведской школы (см. Chernyak 2024).

Литература

- Avalle d' A. S., 1965: *Protostoria della lingue romanie* (del. sec. VII ai Ciuramenti di Strasburge e con particolare riguardo al territorio gallo-romanso). Torino 1965.
- Avalle d' A. S., 1970: Latino “circa romancum” e “rustica romana lingua” (testi del VII, VIII, IX secolo). Padova (2 ed. 1970).
- Bonnet M., 1890: *Le latin de Grégoire de Tours*. Paris.
- Bourciez, É. 1952: *Éléments de linguistique romane*. Transl. by T. E. Venzel and E. V. Venzel. Moscow.
- Бурсье, Э. 1952 *Основы романского языкознания*. Пер. Т. Е. и Е. В. Вентцель. М.1952.
- Chernyak, A. 1975: Pour l'interprétation du vers 15 de la «Séquence de sainte Eulalie». *Romania*. T. 96/2, 145–162.
- Chernyak, A. B. 2015: *The linguistic situation in the Roman Empire: reports of ancient authors and early Roman glottonyms*. St. Petersburg: «Nestor-History». 176 p.

- Черняк, А. Б., 2015: *Языковая ситуация в Римской империи: сообщения древних авторов и раннероманских глоттонимов*. СПб: «НесторИстория», 2015.
- Chernyak, A. B. 2020: [About Latin/Romance and Romance diglossia (relating to Marc van Uytfanghe's article «La diachronie latino-romane: le conflit des chronologies et la diglossie» in ZRPh 128, n. 3 (2012) 405–466)]. *Aristeas XXII*, 285–292.
- Черняк, А. Б. 2020: О латинском/романском и о романской диглоссии (по поводу статьи: Marc van Uytfanghe. La diachronie latino-romane: le conflit des chronologies et la diglossie в ZRPh 128, n. 3 (2012), 405–466. *Aristeas XXII*, 285–292.
- Chernyak, A. B. 2024: [Egeriana VI: “Frozen nominatives” in the text of Egeriana (in print)].
- Черняк, А. Б. 2024: Egeriana VI: «Застывшие номинативы» в тексте Эгерии (Itin. Eg. 24,8 antecessus; 29,6 rectus). (В печати)
- Chernyak, A. B. 2022: Common Romance: phonetics (vowel system). *Aristeas XXII*. М.: «Logos», 44–53.
- Черняк, А. Б. 2022: Общероманский: фонетика (система гласных). *Aristeas XXII*, 44–53.
- Epist. Desid. — Norberg, D. (ed.), 1961: *Epistulae S. Desiderii Cadurcensis*. (= *Studia Latina Stokholmiensia VI*).
- Iliescu, M. 1959: La productivité de la IVe conjugaison latin dans les langues romanes. *Recueil d'études romanes*. Bucarest, 87–102.
- ILV — Väänänen, V. 1981: *Introduction au latin vulgaire*. 3me éd. Paris [Р. 189–192 (текст, гл. 1-3 и 36) и 213 (комментарий)]
- Kindermann, Udo, 1998: *Einführung in die lateinische Literatur des mittelalterlichen Europa*. Turnhout.
- Löfstedt, V. 1970: Spätes Vulgärlatein — ein abgegrastetes Feld. *IF* 75, 107–131.
- Löfstedt, V. 1974: Рец. на: Norberg Dag. Manuel pratique de latin médiéval. Paris 1968. *Archiv für das Studium der neuen Sprachen und Literaturen*. 211 (1974), 406–414.
- Löfstedt, E. 1933: *Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins*. Erster Teil: *Über einige Grundfragen der lateinischen Nominalsyntax*. Lund: Gleerup et alib.
- Lokrans, M. 1970: Dag Norberg e la sua scuola Pubblicazioni, metodi, scopi *Aevum* 44, 368–380.
- Malkiel, Y., 1972: *Comparative Romance Linguistics. Current Trends in Linguistics*. Vol. 9: Linguistics in Western Europe. Pt. II, Mouton.
- Mon. — *Monuments of Medieval Latin Literature of X–XII centuries*. Moscow, 1972. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков*. М. 1972.

- Norbrg, D. A., 1966: Quelle époque a-t-on cessé de parler latin en Gaule ? *Annales XXI* (1966), 316–356.
- Primas — Meyer, W. (ans., hgg.), 1907: Die Oxforder Gedichte des Primas Magistrer Hugo von Orle. *Göttingen Nachrichten, Ph.-hist.. Kl.*, 1907.
- Reichenkrohn, G., 1965: *Historische Latein-Altromanische Grammatik*. Th. I, Wiesbaden.
- Rishé, P., 1962: *Education et culture en occident barbare*. Thèse.
- Strecker, K. 1948: *Introduction à l' étude du latin médiéval?!* trad. par P. van de Woestijne, 3 éd.
- Thorpe, J., 1972: *Principles of textual criticism*. California.
- Tscherniak, A. B. 1997: Flüchtige Bemerkungen zu *Carmen Harleianum*. *Mittellateinisches Jahrbuch* 1997. Bd. 32/2, 19–22.

Н. С. Чиж

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. n.s.chizh@yandex.ru

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВАРИАНТА ЕГИПЕТСКОЙ ИДЕОГРАММЫ $m\text{š}^c$ (A12) В ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОГО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА¹

В статье рассматривается используемый в Первый переходный период вариант изображения идеограммы $m\text{š}^c$ (A12 по списку Гардинера), изображающей мужчину с инструментом, который можно интерпретировать как мотыгу или кайло. Привлекая письменные, образительные и материальные источники, автор проводит связь между этой уникальной идеограммой и тем, как египтяне изображали и обозначали разрушение крепостных стен, которые они уничтожали посредством мотыги. Рассматриваемый вариант появляется и исчезает в эпоху смут Первого переходного периода, сопровождавшихся, помимо прочего, осадами и разрушением стен из сырцового кирпича. Появление такого варианта является отражением актуальных обстоятельств междоусобных войн Первого переходного периода.

Ключевые слова: Древний Египет, Первый переходный период, военная история, идеография.

N. S. Chizh

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia. n.s.chizh@yandex.ru

On Circumstances of the Origins of a Variant of $m\text{š}^c$ (A12) Ideogram in the Sources of the First Intermediate Period

The present article deals with a First Intermediate Period variant of $m\text{š}^c$ ideogram (A12 in Gardiner sign-list) which depicts a man with a tool which may be interpreted as a hoe or a pick. Through textual, iconographic and material sources the author establishes a connection between this unique ideogram and the way Egyptians described and represented the demolition of defensive walls by means of a hoe. The variant in question appears and then vanishes during the upheaval of the First Intermediate Period, which is characterised as a period of armed conflicts accompanied, among other things, by sieges and destruction of mud-brick walls. The appearance of this variant is therefore assumed to reflect the historical circumstances of the wars of the First Intermediate Period.

Keywords: Ancient Egypt, The First Intermediate period, military history, ideography.

¹ Выражаю благодарность И. В. Богданову за обсуждение статьи и сделанные замечания.

Идеограмма с общепринятой в египтологии лексической интерпретацией *mš*^c — A12 по списку Гардинера (Gardiner 1957: 443) — используется для написания ряда лексем, связанных прежде всего с военной деятельностью². Стандартная форма этого знака изображает мужчину с пером на голове, в одной руке которого практически всегда находится лук, а в другой — иной инструмент или оружие (чаще всего это булава или стрелы). Такой вид идеограмма сохраняет вплоть до эллинистического времени с некоторыми вариациями (Kurth 2007: 131), но выделяется, однако, Первый переходный период египетской истории, когда количество новых вариантов знака было особенно велико.

Следует отметить, что Первый переходный период характеризуется многочисленными локальными военными конфликтами, которые в конце концов вылились в полноценную войну между двумя крупнейшими политическими образованиями того времени — царствами IX–X династий со столицей в nn-nsw.t (позже известный среди эллинов как Гераклеополь Великий) и фиванской XI династии, под эгидой которой произошло объединение раздробленного Египта и началась новая эпоха — т. н. Среднее царство³.

Источники по военной истории эпохи Старого царства немногочисленны, но в Первый переходный период тексты биографий, иконографические мотивы и титулатура указывают на постепенно милитаризирующееся общество, на изменения в организации армии и социальном положении военных людей. Резкое увеличение вариантов идеограммы *mš*^c находится в русле этих общих тенденций.

Децентрализация Первого переходного периода привела к тому, что локальные культурные традиции стали развиваться самостоятельно, независимо от центра и демонстрируя

² В первую очередь для написания лексемы *mSa* и её дериватов (ÄWMR: 1142–1144). Иные частые употребления знака в качестве детерминатива: *mnf3.t* / *mnfy.t* ‘пехота’ (ÄWMR: 1075); *phr.t* ‘патруль’ (ÄWMR: 939). Более редкие употребления: для лексемы *šn.yt* ‘свита’ (Луврская стела C3; ÄWMR: 2468); *hy* в написании титула *im.j-r3-hy* ‘начальник войск-*hy*’ (Fischer 1959: 269).

³ Для подробного описания военного конфликта двух египетских царств см.: Gomaā 1980: 123ff.; Brovarski 2018: 32ff.

зачастую сильные различия (Fischer 1968: 133f.). Обретение самостоятельности хорошо виден на примере трансформаций идеограммы *mš^c*, поскольку именно в Первый переходный период появляются многочисленные её вариации, частично уже описанные в египтологической литературе (Fischer 1962; Brovarski 2018: 329). В данной статье мы хотели бы рассмотреть те варианты знака A12, на которых изображается мужчина со специфическими инструментами, обычно трактуемыми как оружие (Brovarski 2018: 328; рис. 1.). Один из этих инструментов (рис. 1) и является предметом исследования данной работы. На наш взгляд, некоторые источники позволяют предположить, что это была разновидность мотыги или кайла⁴.

Интересующий нас инструмент является более редким в вариациях знака *mSa* и сохранился на очень ограниченном количестве памятников, среди которых стоит отметить прежде всего (рис. 1):

- 1) Стела *ʿb-iḥw* (CG 1609; Borchardt 1964: 82; Brovarski 2018: pl. 12.6.; Рис. 1.1.).
- 2) Саркофаг *špsj-pw-mnw* (ГМИИ I.1.a 5304-5305; Livshitz 1971; рис. 1.2.)⁵.
- 3) Стела *dmj* (Музей Метрополитен 65.107; Allen 1921; Goedicke 1960; Schenkel 1965: 116f., n. 83; Zelenkova 2008: Dok. 146; рис. 1.3.).
- 4) Знаки гробницы *ʿnh.tj=fj* в Моалле (Vandier 1950; рис. 1.4.)⁶.

⁴ Фигуры на знаках *mš^c* могли иметь разные предметы в руках и быть в разных положениях: помимо вышеупомянутой позы с натянутыми луком, существует один пример, когда мужчина, запечатленный в идеограмме, замахивается с топором в руках (гробница Инеткемет (Brovarski 2018: 142, fig. 9.4.). Для датировки: Brovarski 2018: 105), держит в руках посох (Brovarski 2018: fig. 11.20 (a-d)), метательное оружие (?) (Brovarski 2018: fig. 11.20 (f)), щит (вариация знака A12 в качестве детерминатива лексемы *βz.t* 'отряд' (Brunner 1937: 66), копье (ГМИИ I.1.a 5307; Livshitz 1971: 6).

⁵ Другие части этого саркофага также опубликованы: Livshitz 1967.

⁶ Стоит обратить внимание на знак из гробницы Анхтифи, где метательная палка и мотыга переданы особенно отчетливо (Vandier 1950: pl. XXI). На последних двух вариациях (рис. 1.4.) фигуры держат,

Конструкция этих инструментов отличается от стандартной: рядовая мотыга представляла из себя составной инструмент, где рабочую часть для твердости и регулирования угла применения привязывали к черенку — именно в таком виде мотыга изображена на часто используемой графеме *mr* (U6; Gardiner 1957: 516), где ее части неизменно скреплены веревкой. В музейных коллекциях, однако, сохранились египетские мотыги разных периодов, которые по конструкции напоминают те, что изображены на интересующих нас вариациях знака *ms*⁷.

Существует, тем не менее, и реже используемая идеограмма, где мотыга изображена без связывающей обе части инструмента веревки — т. н. мотыга *hnn*, запечатленная в знаке \llcorner (U8; Gardiner 1957: 516). Этот знак используется как двусогласный знак *hn*, детерминатив для лексемы *hnn* (мотыга)⁸, элемент

видимо, плотницкие тесла, изображенные в той же гробнице (Vandier 1950: pl. XXIX–XXX).

⁷ К сожалению, большая часть из нужных нам мотыг являются моделями, созданными не для использования (некоторые из них, впрочем, тоже не имеют веревки: статуэтка из Британского музея EA 45195 (VI династия; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA45195 (дата обращения — 13.02.2024)); мотыга из Института изучения древних культур в Чикаго E18799 (XVIII династия; URL: <https://isac-idb.uchicago.edu/id/60e880f3-a96f-4c94-baed-6177447765c4> (дата обращения — 13.02.2024)); мотыга из Лувра N 2253A (XVIII династия; URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010023884> (дата обращения — 13.02.2024)); Из настоящих, функциональных инструментов можно привести: мотыги из гробницы I династии в Саккаре, по форме идентичные тем, что мы имеем в некоторых вариациях (рис. 1.1; рис. 1.4.) (Emery 1939: 434, fig. 33); мотыга из Туринского музея Prov. 4420 (III–IV династия, массив; URL: <https://collezioni.museoegizio.it/it-IT/material/Prov.4420> (дата обращения — 13.02.2024)); мотыга из Музея Питри при Университетском Колледже Лондона LDUCE-UC16694 (XII династия, составная; URL: <https://collections.ucl.ac.uk/Details/collect/58255> (дата обращения — 13.02.2024)); мотыга из Британского музея 5408 (Новое царство, массив; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA5408 (дата обращения — 13.02.2024)).

⁸ ÄWMR: 1707; Petrie 1892: pl. XV. Рельеф из Бени Хасана доказывает, что название мотыги *Hnn* и мотыги со скрепляющей веревкой было одно и то же (Newberry 1893: pl. XXIX; *sk3 m hnn* — ‘вспахивание мотыгой’).

составной идеограммы для лексем $b3\text{𓆎}$ (ÄWMR: 783; PT 650 = Allen 2005: N 319) и $hbs\text{𓆎}\text{𓆎}$ (ÄWMR: 1854; PT 509 = Allen 2005: P 462; PT 478 = Allen 2005: N 428) со значением ‘пахать’, а также входит в состав идеограммы для лексемы $grg\text{𓆎}$ — ‘основывать’ (U17; U18; Gardiner 1957: 517f.; ÄWMR: 2605f.)⁹.

Идентификация инструмента с мотыгой возможна благодаря сохранившемуся рельефу эпохи Старого царства из саккарской гробницы Каимхесита, изображающего осаду поселения или крепости (Quibell, Hayter 1927: 25; McFarlane 2003: 34, pl. 48; рис. 2). На этом рельефе несколько мужчин явно используют мотыгу для уничтожения крепостных стен, построенных из кирпича-сырца¹⁰. Несоразмерность мотыги на рельефе Каимхесита и инструментов на наших вариациях знака $m\text{𓆎}$ не влияет на возможность идентификации их с мотыгой/кайлом — разные размеры мотыг достаточно хорошо показываются вышеупомянутыми примерами в музейных коллекциях¹¹. Следует отметить, что снос стен мотыгами не раз изображался в египетских источниках. По всей видимости, именно это событие изображено на т. н. «Палетке городов» (CG 14238; Wilkinson 1999, 41f.; Vogel 2004: 11; рис. 3)¹² и в обозначении

⁹ Для особо похожего на наши мотыги знака см. гробницу Мечена начала IV династии (LD II: Tf. 6)

¹⁰ Уничтожение крепостных стен, вероятно, показано еще на одном рельефе Старого царства — из гробницы Инти в Дешаше, где несколько мужчин пользуются длинными, возможно, металлическими стержнями (Kapawati 1993: 24f., pl. 26). Кирпич довольно легко крошился, но египтяне исправили эту проблему не качеством, а количеством: именно по этой причине, полагаю, некоторые стены египетских крепостей в Нубии имели до 8 м в толщину (Vogel 2010: 19).

¹¹ Размер инструмента, сконструированного по модели мотыги, мог быть и совсем небольшим. См., например, мотыжку из гробницы Рехмира, которую использовали при добыче массы для изготовления кирпичей (Davies 1943: Pl. LVIII).

¹² На палетке запечатлен ряд поселений или крепостей, вероятно, ливийских, над которыми находятся символы божеств или царской власти с мотыгами, рабочая часть которых вонзается ими в стену. Существует и иная точка зрения о том, что действие это символизирует не разрушение, а основание этих городов, но Г. Дрейер, на примере других источников раннединастического периода, где мотыга ассоциируется с крепостью с разрушенной стеной, убедительно показал, что подразумевается именно разрушение (Dreyer 2005: 260).

года при царе II династии Нинечере на Палермском камне (Wilkinson 2000: 125f., PS r. IV.8; Gilbert 2004: 97).

В условиях ограниченных ресурсов и сложности организации крупных торговых походов и экспедиций за сырьем в период смут, рабочую часть мотыги могли заменять на новую, экономя запасы дерева в и так скудном на древесину Египте¹³. Использование металлических рабочих частей в таком случае было нецелесообразно¹⁴. Кремень в качестве рабочих частей мотыг также не был редкостью (Petrie 1917: 18).

В этой связи следует отметить, что у глаголов с основными значениями ‘пахать’ есть второе значение ‘разрушать’, ‘уничтожать’, ‘сравнивать с землёй’, зафиксированное еще со Старого царства (*hb3* (ÄWAR: 933); *b3* (ÄWAR: 406))¹⁵. Значение ‘уничтожать’ для этих глаголов встречается также в надписях Среднего (*hb3* (ÄWMR: 1853); *b3* (ÄWMR: 783)), Нового царства¹⁶ и дальнейшие периоды¹⁷. Так как интересующие нас вариации идеограммы *mšc* датируются Первым переходным периодом, ограничимся примерами хронологически смежных эпох — Старым и Средним царством.

Особенно обратите внимание на ярлык Дена, где мотыга глубоко входит в стены поселения (Dreyer 2005: Abb. 6c). Также см. Gilbert 2004: 98.

¹³ У. М. Ф. Питри отмечает, что египетские мотыги вряд ли могли использовать для работы над чем-то, что заставляло бы с силой их вытаскивать (Petrie 1917: 18). По его мнению, работа велась над чем-то рыхлым, например, землей. Сырцовый кирпич также подходит под данную характеристику.

¹⁴ Мотыги с медной рабочей частью, тем не менее, использовались уже в I династию (Emery 1939, 435f., Fig. 34–35, pl. LXV). По форме они практически идентичны тем, что держат в руках интересующие нас вариации знака *mšc*.

¹⁵ При чтении могут возникнуть некоторые сложности, так как один и тот же детерминатив — птица-bA (G29; Gardiner 1957: 470) с мотыгой в лапах — может использоваться с обеими лексемами. Без фонетических компонентов невозможно точно установить, какая из этих двух подразумевается. Соответственно, оба варианта равнозначно возможны.

¹⁶ Табличка Карнарвона (Gardiner 1916: 106); Лондонский медицинский папирус (Wreszinski 1912: 169, 19.7); Рельеф из Мединет Абу (Картотека TLA: DZA 27.729.870).

¹⁷ Храм Тахарки в Карнаке (Картотека TLA: DZA 27.729.850).

Старое царство:

- 1)
-
- (PT 650).

 $b_3=f n=f inb.wt^{18} st.t$

«Уничтожит он для него (умершего царя Неферкара — Н. Ч.) крепости Азии».

- 2)
-
- (Urk. I. 103.8).

 $b_3.n=f t_3 hr.jw-š^c$ «Разрушило оно (войско — Н. Ч.) страну тех, что на песке»¹⁹.

- 3)
-
- (Urk. I. 133.9-10; Edel 2008: 683, Tf. XXXIV)
- ²⁰
- .

 $iw h_3b.n wj \{n\}^{21} hm n.j nb(=j) r b_3 wdb w_3w_3.t ir.t$

«Послал меня (его) величество мой господин, чтобы уничтожить берег Вават и Ирчет».

Первый переходный период:

¹⁸ В эпоху Старого царства использовалось несколько лексем, означавших 'крепость': *mnnw* (ÄWAR: 535), *wn.t* (с ссылкой на этот пассаж Текстов Пирамид см. ÄWAR: 346); *inb.t* (ÄWAR: 153; дериват лексемы *inb* 'стена' (ÄWAR: 153)). Первый из трех знаков крепостей в этом пассаже используется как детерминатив для лексем *wn.t* и *inb.t*, причем для *inb.t* используется знак как овальной, так и прямоугольной крепости. Детерминатив для лексемы *mnnw* изображает совершенно другой вид крепости, отсутствующий в нашем пассаже. Компромиссным вариантом, таким образом, является чтение *inb.w* или *inb.wt*, что дословно можно перевести как 'стены' в первом случае и 'крепости' — во втором.

¹⁹ В данном случае имеются в виду бедуины юга Палестины.

²⁰ Интересующий нас глагол *b_3* Э. Эделем был прочитан как *hb_3* (Edel 2008: 683).

²¹ Ошибочное написание *n*. Ср. параллельный нашему пассаж на южной стороне фасада: *iw gr h_3b.n wj hm n.j nb(=j) r sh_3p h_3s.wt (i)ptn* (Edel 2008: Tf. XXXIII) — «Послал меня (его) величество мой господин, чтобы успокоить эти чужеземные страны».

ir nfr n [wnn]²² m-^c=k

k3 pr=k hb3(.w)

«Если от тебя ничего не будет,
то дом твой будет разрушен».

Среднее царство:

m3^c m3^c hn^c im.j-r3 mnf3.t m3^c r b3 st.t iw3 (Altenmüller 2015: 28ff.)²³.

«Отправка войск вместе с начальником пехоты войска,

чтобы разрушить Азию, страну Ива».

Не случайно, на наш взгляд, мотыги/кайла появляются в вариациях знака *m3^c* именно в Первый переходный период, в эпоху бушевавшей между номами междусобной войны. Военные действия и осады городов (Vogel 2004: 41ff.), включали уничтожение крепостных стен из сырцового кирпича²⁴. Во время боя, очевидно, было затруднительно заниматься сносом стен: рабочие были открыты для обстрела лучников. Множество сцен осады включает в себя, прежде всего, осадные лестницы, которые и использовались для взятия стен²⁵, но после боя, чтобы уничтожить оборонительную способность города или крепости, стены из кирпича, вероятно, сносились. Это действие по уничтожению стен называли *hb3* или *b3* —

²² Наиболее вероятная реконструкция по: Hsieh 2021: 258ff. Также см. Drioton, Lauer 1958: 240; *ir nfr n wnn m-^c=tn dd.hr=tn ...* — «Если у вас ничего нет, то скажите...». Для других примеров этого, по-видимому, устойчивого выражения см. Edel 1964: 591f., §1136.

²³ Также см.: Altenmüller 2015: 67; Farag 1980: 79. Здесь группа знаков во фразе ...r bA iwAj bA iAsy — «...уничтожить (крепость) Иваи и (крепость) Иаси» — визуально едина: знак птицы bA расположен над знаком крепости, а мотыга в когтях вонзается в стены.

²⁴ Камень в Египте использовался для культовых построек. Вне Египта, тем не менее, некультовые постройки могли также строить из камня (Форт Рас Будран на южном Синае (Vogel 2010: 6, 19)).

²⁵ К вышеупомянутым сценам из гробниц Инти и Каимхесита следует добавить осаду из гробницы Интефа в Асасифе (Arnold, Settgest 1965), рельеф из храма Ментухотепа в Дейр эль-Бахри (Smith 1965: fig. 185).

‘запахивание’, поскольку главным инструментом при этом стала служить мотыга или разновидность кайла²⁶.

В заключение стоит сказать, что наличие у запечатленного в знаке *mš*^c воина не связанных с военной деятельностью инструментов возможно, так как сама лексема *mš*^c в широком смысле значит «экспедиция, отряд» (ÄWMR: 1143f.), причем не обязательно собранный для осуществления военных кампаний.

Таким образом, можно предположить, что междоусобные войны в Первый переходный период, сопровождавшиеся, разрушением крепостей, повлияли на изменение в изображений идеограммы A12.

²⁶ Идентификация инструмента с бумерангом или метательным оружием нам кажется маловероятной. Ср. формы этого оружия разных периодов: Британский музей EA 62080 (Бадари; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA62080 (дата обращения — 13.02.2024)); Британский музей EA 59703 (Бадари; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA59703 (дата обращения — 13.02.2024)); Туринский музей S. 11112 (I-II династия; URL: https://collezioni.museoegizio.it/it-IT/material/S_11112/ (дата обращения — 13.02.2024)); Лувр E 11356 (Первый Переходный период — Новое царство; URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010007738> (дата обращения — 13.02.2024)); особенно ср. с: Dunham 1937: pl. 33, n. 85); Музей Метрополитен 12.182.67 (Среднее царство; URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/544270> (дата обращения — 13.02.2024)); Музей Метрополитен 15.3.1117 (Среднее царство; URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/557007> (дата обращения — 13.02.2024)); Музей Метрополитен 19.3.166 (Второй переходный период; URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/555864> (дата обращения — 13.02.2024)); Музей Метрополитен 36.3.204 (XVIII династия; URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/549074> (дата обращения — 13.02.2024)); Берлинский музей ÄM 4734/02 (XIX династия; <https://recherche.smb.museum/detail/756544> (дата обращения — 13.02.2024)); Лувр AF 6595 (Новое царство; URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010007635> (дата обращения — 13.02.2024)).

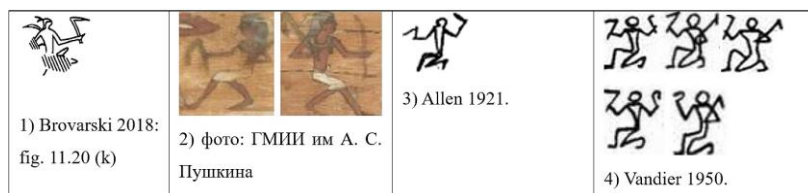

Рис. 1. Вариации идеограммы $m\dot{s}c$ на памятниках Первого переходного периода.

Fig. 1. Variations of $m\dot{s}c$ ideogram in the sources of the First Intermediate Period.

Рис. 2. Рельеф осады из гробницы Каимхесита (McFarlane 2003: pl. 48).

Fig. 2. Relief from the tomb of Kaimhesit (McFarlane 2003: pl. 48).

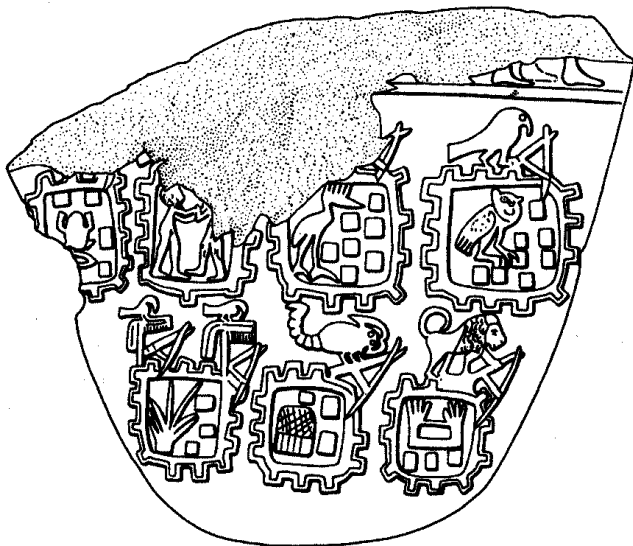

Рис. 3. «Палетка городов» (Dreyer 2005: Abb. 5).

Fig. 3. «City Palette» (Dreyer 2005: Abb. 5).

Сокращения

- ÄWAR — Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I, Alters Reich und Erste Zwischenzeit*. Mainz am Rhein.
- ÄWMR — Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II, Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Mainz am Rhein.
- ГМИИ — Государственный музей Изящных Искусств им. А. С. Пушкина.
- CG — Catalogue général.
- PT — Sethe, K. 1908–1922: *Die altaegyptischen Pyramidentexte nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums*. Bd. I–IV. Leipzig.
- LD — Lepsius, K. R. 1849: *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien: nach den Zeichnungen der von Seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV. nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition*. Abth. II. Berlin.
- Urk. — Sethe, K. 1933: *Urkunden des Alten Reichs*. Bd. 1. Leipzig.
- TLA — Thesaurus Linguae Aegyptiae; URL: <https://aew.bbaw.de/tla/index.html> (дата обращения — 12.02.2024).
- DZA — Digitalisierte Zettelarchiv des “Wörterbuches der ägyptischen Sprache”; URL: <http://aew.bbaw.de/tla/servlet/DzaBrowser> (дата обращения — 12.02.2024).

Литература

- Allen, J. P. 2005: *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. Atlanta.
- Allen, T. G. 1921: The Story of an Egyptian Politician. *The American Journal of Semitic Languages and Literatures* 38/1. 55–62.
- Altenmüller, H. 2015: *Zwei Annalenfragmente aus dem frühen Mittleren Reich*. Hamburg.
- Arnold, D., Settgast, J. 1965: Erster Vorbericht über die vom Deutschen Archäologischen Institut Kairo im Asasif unternommenen Arbeiten. *Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts: Abteilung Kairo*. 47–61.
- Borchardt, L. 1964: *Denkmäler des alten Reiches*. Tome II. Le Caire.
- Brovarski, E. 2018: *Naga ed-Der in the First Intermediate Period*. Atlanta.
- Brunner, H. 1937: *Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut (mit Übersetzung und Erläuterungen)*. Gluckstadt-Hamburg-New York.
- Davies, N. de G. 1943: *The Tomb of Rekh-mi-re' at Thebes*. Vol. II. New York.
- Dreyer, G. 2005: Narmerpalette und Städtepalette. Die Unterwerfung des Deltas. In: K. Daoud, S. Bedier, S. Abd el-Fatah (ed.) *Studies in Honor of Ali Radwan*. Le Caire.
- Drioton, E., Lauer, J.-Ph. 1958: Un groupe de tombes a Saqqarah: Icheti. Nefer-Khouou-Ptah, Sebek-em-Khen et Ankhi. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 55. 207-251.
- Dunham, D. 1937: *Naga-ed-Der Stelae of the First Intermediate Period*. London.
- Edel, E. 1964: *Altägyptische Grammatik*. Bd. II. Roma.
- Edel, E. 2008: *Die Felsgräbernekropole der Qubbet el-Hawa bei Assuan*. I. Abt. Bd. 2. Paderborn.
- Emery, W. B. 1939: A Preliminary Report on the First Dynasty Copper Treasure from North Saqqara. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 39. 427–437.
- Farag, S. 1980: Une inscription memphite de la XIIe dynastie. *Revue d'Égyptologie* 32. 75-82.
- Fischer, H. G. 1959: A Scribe of the Army in a Saqqara Mastaba of the Early Fifth Dynasty. *Journal of Near Eastern Studies* 18/4. 233–272.
- Fischer, H. G. 1962: The Archer as Represented in the First Intermediate Period. *Journal of Near Eastern Studies* 21/1. 50-52.
- Fischer, H. G. 1968: *Dendera in the Third Millennium B.C. down to the Theban Domination of Upper Egypt*. New York.
- Gardiner, A. H. 1916: The Defeat of the Hyksos by Kamose: The Carnarvon Tablets, No. 1. *Journal of Egyptian Archaeology* 3. 95–110.
- Gardiner, A. H. 1957: *Egyptian Grammar: Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. 3rd Edition. Oxford.
- Gardiner, A. H., Sethe, K. 1928: *Egyptian Letters to the Dead. Mainly from the Old and Middle Kingdoms*. London.

- Gilbert, G. P. 2004: *Weapons, Warriors and Warfare in Early Egypt*. Oxford.
- Goedicke, H. 1960: The Inscription of *dmi*. *Journal of Near Eastern Studies* 19/4. 288–291.
- Gomaà, F. 1980: *Ägypten während der Ersten Zwischenzeit*. Wiesbaden.
- Hsieh, J. 2021: *Ancient Egyptian Letters to the Dead: The Realm of the Dead through the Voice of the Living*. Leiden.
- Kanawati, N. 1993: *Deshasha. The Tombs of Inti, Shedu and Others*. Marrickville.
- Kurth, D. 2007: *Einführung ins Ptolemäische: Eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken*. Teil 1. Hützel.
- Livshitz, I. G. 1967: [Inscriptions from Wooden Sarcophagus Fragments of “count, sole friend (of the king)” *špsj-pw-mnw*]. *Epigrafika Vostoka [Epigraphy of the Orient]* 18. 3–15.
Лившиц И. Г. 1967: Надписи на фрагментах деревянного саркофага «князя, единственного друга (царя)» *špsj-pw-mnw*. *Эпиграфика Востока* 18. 3–15.
- Livshitz, I. G. 1971: [Inscriptions from Akhmim]. *Epigrafika Vostoka [Epigraphy of the Orient]* 20. 4–14.
Лившиц, И. Г. 1971: Надписи из Ахмима. *Эпиграфика Востока* 20. 4–14.
- McFarlane, A. 2003: *Mastabas at Saqqara. Kaiemheset, Kaipunesut, Kaiemensu, Sehetepu and Others*. Oxford.
- Newberry, P. E. 1893: *Beni Hasan. Part I*. London.
- Petrie, W. M. F. 1892: *Medum*. London.
- Petrie, W. M. F. 1917: *Tools and Weapons*. London.
- Quibell, J. E., Hayter, A. G. K. 1927: *Excavations at Saqqara: Teti Pyramid, North Side*. Le Caire.
- Schenkel, W. 1965: *Memphis. Herakleopolis. Theben: die epigraphischen Zeugnisse der 7.-11. Dynastie Ägyptens*. Wiesbaden.
- Smith, W. S. 1965: *Interconnections in the Ancient Near East: A Study of the Relationships between the Arts of Egypt, the Aegean, and Western Asia*. New Haven.
- Vandier, J. 1950: *Mo'alla. La tombe d'Ankhtifi et la tombe de Sébekhotep*. Le Caire.
- Vogel, C. 2004: *Ägyptische Festungen und Garnisonen bis zum Ende des Mittleren Reiches*. Hildesheim.
- Vogel, C. 2010: *The Fortifications of Ancient Egypt 3000–1780 BC*. Oxford.
- Wilkinson, T. A. H. 1999: *Early Dynastic Egypt*. London-New-York.
- Wilkinson, T. A. H. 2000: *Royal Annals of Ancient Egypt*. London; New York.
- Wreszinski, W. 1912: *Der londoner medizinische Papyrus (Brit. Museum Nr. 10 059) und der Papyrus Hearst in Transkription, Übersetzung und Kommentar*. Leipzig.
- Zelenkova, L. 2008: *Die privaten Stiftungsinschriften des funerären Bereichs des Alten Reiches und der 1. Zwischenzeit*. Wien.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА О ВЕКАХ В «ГЕОРГИКАХ» ВЕРГИЛИЯ

Статья посвящена трансформации мифа о веках в «Георгиках» Вергилия. Мы сравниваем миф о веках в «Трудах и днях» Гесиода, «Явлениях» Арата, рассказ об эволюции людей в «О природе вещей» Лукреция и миф о веках у Вергилия. Как и поэма в целом, этот сюжет в «Георгиках» представляет собой синтез предшествующей дидактической традиции. Подобно Гесиоду, Вергилий дает надежду на «Золотой век в настоящем», вслед за Аратом сожалеет об уходе Справедливости. В отличие от греческих предшественников (но подобно Лукрецию) Вергилий пишет и о прогрессе, к которому привели окончание Золотого века и появление труда. Кроме того, мы полагаем, что миф о веках в «Георгиках» имеет этиологическую функцию: он объясняет появление в жизни людей labor, труда.

Ключевые слова: Вергилий, Георгики, миф о веках, Золотой век, Лукреций.

O. V. Sharshukova

Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. sharshukovaov@yandex.ru

Transformation of the myth of the Ages in Virgil's *Georgics*

This paper considers the transformation the myth of the Ages in Virgil's *Georgics*. The motive is an important part of the didactic tradition, and many other didactic topics (labor, the absence of justice, violence) are closely connected to it. I analyze and compare narrative of the Ages in Hesiod's *Works and Days*, *Phaenomena* of Aratus, the story of the evolution of the mankind in Lucretius' *On the Nature of Things* and the myth of the Ages in the *Georgics*. It is evident that this narrative in the *Georgics* (like the poem on the whole) is a synthesis of the preceding tradition. Virgil goes back nearly to Hesiod's traditional version of the myth in the first book, and also gives a hope of 'a Golden Age in the present' in the second. It is also mentioned that Justice had left mankind, as in Aratus' *Phaenomena*. Although Lucretius rejects myth and tells of the evolution instead, his narrative also can be treated as another version of this story and undoubtedly is an important precedent for Virgil. Like Lucretius and unlike their Greek predecessors, Virgil does not lament the moral decadance of the mankind here (or at least does it not so evidently). It is obvious that in the *Georgics* (and in the *On the Nature of Things*) not only evils followed the Golden Age, but the progress as well. It is a paradox that Virgil includes this idea in the traditional version of myth of the Ages: in

the *Georgics* it was Jupiter who stimulated this progress as a benevolent deity who resembles Aratus' Stoic Zeus. I also suppose that in the *Georgics*, this narrative has an etiological function (like in Aratus) and explains the presence of labor (an important concept of every didactic poem and the *Georgics* in particular) in the human life.

Keywords: Virgil, *Georgics*, myth of the Ages, Golden Age, Lucretius.

Миф о веках или о смене поколений — один из важнейших мотивов традиции дидактического эпоса, последователем которой является Вергилий. Многие из ключевых для дидактической традиции тем и понятий (осуждение войн и насилия, справедливость, труд) тесно связаны именно с этим мифом. Миф о веках в «Георгиках» представляет собой синтез и переосмысление предшествующей традиции. Также в поэме этот миф трансформируется, как мы полагаем, в подобие этиологического мифа, объясняющего появление труда в жизни людей.

Первое и наиболее развернутое повествование о смене поколений и деградации человечества мы находим в первой половине поэмы Гесиода «Труды и дни», а чуть ниже Гесиод пишет о справедливом и несправедливом полисах. Затем миф о веках мы видим в «Явлениях» Арата и в «Георгиках» Вергилия. Важно отметить, что и в поэме Лукреция, который отрицает возможность вмешательства богов в жизнь людей¹ (Lucr. V. 198–199), некое подобие этого гесиодовского сюжета также присутствует: культурному прогрессу человечества сопутствует моральная деградация (Lucr. V. 925–1457). В «Георгиках» Вергилия миф о смене веков описывается в первой книге, где Юпитер положил конец Золотому веку, в результате чего в жизни людей появился труд. Также в конце второй книги мы находим описание счастливой жизни земледельцев, подобное жизни Сатурна.

В «Трудах и днях» Гесиода пять поколений (γένος) людей сменяют друг друга, и каждое из них хуже предыдущего. Первое поколение (Op. 109–126) названо Золотым, следующее (127–142) — Серебряным, третье (143–155) — Медным, за ним следует поколение героев (156–174), и наконец, поэт рассказы-

¹ Лукреций, как правило, отвергает мифы, а Ифигению в Авлиде Лукреций приводит в качестве примера, к чему может побуждать смертных страх перед богами (Lucr. I. 101).

вает о пятом, Железном (175–201), современником которого является сам.

Далее Гесиод изображает два полиса. В одном из них люди справедливы, и боги в награду за это позволяют им жить в условиях, близких к условиям Золотого века (Ор. 225–237). Несправедливых же боги жестко наказывают, посылая им всевозможные беды Железного века (Ор. 238–247).

У Арата миф о веках трансформируется и сокращается. В «Явлениях» говорится точно о трех поколениях: золотом, серебряном и медном. Каждое из них, как и у Гесиода, хуже предыдущего. Кроме того, миф о веках в «Явлениях» — это этиологический миф, объясняющий происхождение созвездия Девы.

Лукреций, хотя и отказывается в силу своего рационализма от традиционного мифа о веках, все же в пятой книге описывает историю развития человечества, и в том числе переход от каменных орудий к медным, и затем — к железным. Сначала рассказывается о первобытных людях (Lucr. 925–1010), которых поэт впоследствии называет «землеродными» (*terrigena*; V.1411, 1427). Позже Лукреций возвращается к описанию поколения людей, которые пользовались медными орудиями (V. 1287–1292), а затем переходит к открытию железа и к современному состоянию человечества (1293–1308). Речь идет практически о двух поколениях: о «землеродных» людях и о дальнейшем развитии человечества, где медное и железное поколения практически объединены.

В творчестве Вергилия концепция мифа о веках претерпевает трансформацию. В четвертой эклоге есть упоминание о новом веке героев (*alter erit tum Tiphys, et altera quae vehat Argo | delectos heroas, Ecl. IV 34–35*) и о новом Золотом веке.

В «Георгиках» же, если говорить о первой книге, где речь идет об окончании Золотого века, веков два: Золотой и нынешний, который не называется Железным (хотя об изготовлении орудий из железа говорится — *ferri rigor, I. 143*). Более того, Золотой век также не назван таковым в первой книге поэмы. В 122–146 ст. речь идет о Сатурновом «времени до Юпитера» (*ante Iovem, 125*). Рассказ о медном поколении людей в «Георгиках» заменяет мрачное описание гражданских войн в конце первой книги, хотя читателю очевидно, что это происходит во времена Вергилия, то есть в Железном веке.

В то же время в конце второй книги после описания счастливой жизни земледельцев Вергилий пишет, что подобную жизнь когда-то вел «золотой Сатурн» (*aureus hanc vitam Saturnus in terris agebat*, II. 538). Это описание «Золотого века сейчас» напоминает о гесиодовских справедливом и несправедливом полисах (Perkell 2002: 24) и дает надежду на то, что это мифологическое время не до конца утрачено.

Золотой век в традиции также описывается по-разному.

Так, в «Грудах и днях» в жизни Золотого поколения не было старости и труда (Op. 113–114), а земля давала обильный урожай сама собой (117–118). В жизни справедливых людей (225–237) нет войн, несчастий и голода, земля также дает им обильное пропитание (но уже не сама по себе, хотя об этом не говорится прямо; ведь здесь речь идет уже не о Золотом веке, а о близких к нему условиях во времена века Железного).

В «Явлениях» Арата главным персонажем мифа о веках является Справедливость, и в Золотом веке она жила на земле вместе с людьми. Она побуждала их жить честно (Phaen.107). В ту эпоху люди вели простой образ жизни, не торговали и не плавали по морю (111), но все же, в отличие от гесиодовского и затем вергилиевского мифа о веках, пахали землю (112).

Лукреций в пятой книге «О природе вещей» пишет, что древние люди не пахали землю, а она порождала все «по своей воле» (*quod terra creatat / sponte sua*, V. 937–938). В их жизни не было огня (953–954) и законов (958–959). Это описание жизни древнейших людей не идеализировано, как миф о Золотом веке, но все же Лукреций отмечает, что, несмотря на все трудности, тогда не было и нынешних опасностей: войн и мореплавания (999–1001).

Открытие золота Лукреций упоминает позже (V. 1113), но это не связано с «Золотым веком». Наоборот, богатство развращает людей, заставляет испытывать страсти и заботы, а истинное счастье в том, чтобы жить, довольствуясь малым:

*quod si quis vera vitam ratione gubernet,
divitiae grandes homini sunt vivere parce
aequo animo...*

Если кто-то управляет своей жизнью верным принципом, великие богатства для людей — жить скромно и со спокойной душой (1117–1119).

Вергилий в первой книге «Георгик» пишет, что до Юпитера люди не подчиняли себе землю (*ante Iovem nulli subigebant arva coloni*, I. 125²). Земля, как и у Лукреция и Гесиода (Mynors 1990: 27; Thomas 1988: 89), приносила плоды сама, по своей воле (*ipsaque tellus / omnia liberius nullo poscente ferebat*, I. 127–128).

Это время также отличалось безопасностью и изобилием: описывается, как Юпитер затем сделал змей ядовитыми, волков — хищными, сделал так, чтобы появились морские бури, страхнул мед с листвы, положил конец тому, чтобы вино текло реками и скрыл от людей огонь:

*Ille malum virus serpentibus addidit atris
praedarique lupos iussit pontumque moveri
mellaque decussit foliis ignemque removit
et passim rivis currentia vina repressit* (129–132).

В конце второй книги Вергилий, подобно Гесиоду, пишет о простой и лишенной пороков жизни земледельцев, противопоставляя их горожанам. В их жизни нет раздоров и войн (*procul discordibus armis*, II. 459), справедливейшая земля сама дает им пропитание (*fundit humo facilem victum iustissima tellus*³, II. 460). В то же время сельские жители здесь очевидно занимаются земледелием, потому что живут во времена Вергилия, в железном веке; А. Цанкер называет это «сельскохозяйственным Золотым веком» (*agricultural golden age*, Zanker 2010: 501).

Их жизнь проста, и они, в отличие от горожан, терзаемых стремлением к наживе, умеют довольствоваться малым (*exiguoque adsueta iuventus*, II. 472), подобно людям Золотого века у Арата и прежде всего — мудрецу Лукреция (V. 1118–1119). В то же время жизнь крестьян во второй книге «Георгик» — явно не эпикурейский отстраненный идеал, а скорее традиционный римский: они трудятся сообща и «знают сельских богов» (*fortunatus et ille deos qui novit agrestis*, II. 493; о противоречии между эпикурейским познанием и знанием богов у Вергилия, см. Gale 2000: 11).

Золотой век в дидактических поэмах противопоставляется нынешнему времени, хотя миф о веках и не всегда иллюстрирует деградацию человечества.

² Почти софокловское восприятие труда земледельца как насилия над землей; см. также Nelson 1998: 83–84; 87.

³ См. также Sharshukova 2022a.

В «Трудах и днях» Гесиода мы находим мрачное предсказание о том, что боги дадут Железному поколению людей тяжелый труд, горе и заботы (*κάματος, ὀϊζύς, μερίμναι* — Ор. 177–178), люди перестанут быть гостеприимными и почитать старших (182–188), насилие заменит правду и справедливость (189–194), а Стыд и Справедливость покинут людей (*Αἰδώς καὶ Νέμεσις* — 197–201). Здесь в центре внимания Гесиода и ухудшение условий жизни (необходимость трудиться для выживания), и моральная деградация человечества. Несправедливым людям в Железном веке Зевс шлет в наказание голод и болезни (Ор. 243).

В «Явлениях» Арата смена Серебряного поколения медным ознаменована появлением войн (Phaen. 125). Люди Медного поколения также первыми начали есть мясо вола (131–132), о чем позже напишет Вергилий.

Главный персонаж аратовского мифа о веках — Дева, Справедливость, которая, ужаснувшись деградации людей, покинула их и отправилась на небо (Phaen. 133). В то время как у Гесиода тоже есть упоминания о том, как Стыд и Справедливость (*Αἰδώς καὶ Νέμεσις*) покинули человечество, ужаснувшись людским деяниям (Ор. 197–201), в «Трудах и днях» это лишь одна из многочисленных бед Железного века. У Арата же уход Справедливости — одно из важнейших событий этого мифа и главная беда нынешнего времени.

В поэме «О природе вещей» с открытием меди, а затем и железа в жизни людей появились войны и междоусобицы, а затем все новые виды оружия и ведения боя, которые Лукреций с ужасом описывает (*inque dies belli terroribus addidit augmen* — [раздор] день ото дня прибавлял новых ужасов войны, V. 1306).

Один из главных пороков человечества и даже «вина» (*culpa*, V. 1425) его поколения, как считает Лукреций — страсть к стяжательству и излишеству (*nunc aurum et purpura curis / exercent hominum vitam belloque fatigant* — сейчас золото и пурпур терзают жизнь людей и изматывают войной, V. 1423–1424).

С другой стороны, чуть выше Лукреций пишет, что в жизни людей появились одежда и огонь (V. 1011), они стали милосерднее и добрее друг к другу (1018–1020). После же рассказа о войнах и изобретении все новых и новых видов оружия он рассказывает о других, мирных, достижениях человечества: например, это развитие плодоводства и сельского хозяйства (V.

1350–1360), появление музыки (1378; после следует описание сельского праздника, как впоследствии в конце второй книги «Георгик»), прядение ткани (1411).

Прогресс у Лукреция — это не проявление божественной воли, а результат развития людей:

usus et impigrae simul experientia mentis
paulatim docuit pedetemptim progredientis

Нужда и опыт деятельного разума, идущего вперед шаг за шагом, постепенно научил [людей ремеслам и искусствам] (1452–1453).

В поэме «О природе вещей» деградация человечества не выглядит однозначной, хотя развитие цивилизации действительно принесло с собой беды и пороки, Лукреций воспекает и достижения человеческого разума в конце книги. А над свойственными современным людям пороками можно возвыситься и отстраниться от этих страстей.

Вергилий заимствует у Арата (Thomas 1988: 263) одну из характеристик людей Железного века: в «Георгиках» люди также отведали мясо быка (*impia quam caesis gens est epulata iuvenis*, *Georg.* II. 537). Это яркий пример *impietas* и впоследствии даже могло считаться правонарушением (Mynors 1990: 176).

Вслед за Аратом Вергилий в конце восхваления жизни в деревне упоминает о покинувшей землю Справедливости, последние следы которой остались в деревне (*extrema per illos / Iustitia excedens terris vestigia fecit*, II. 473–474). В то же время Вергилий не объясняет причин ее ухода (можно предположить, что она покинула человечество, особенно жителей городов в связи с их пороками).

Горожане во второй книге «Георгик» погрязли в пороках Железного века (даже законы названы «железными» — *ferrea iura*, 501; Thomas 1988: 256): это стремление к власти, к славе, к богатству, раздоры и междоусобицы (II. 501–512; Page 1963: 259; Perkell 2002: 25).

Там же, в конце второй книги, поэт пишет о войнах в связи с мифом о веках (во времена Сатурна, в Золотом веке не было войн, которые появились впоследствии):

necdum etiam audierant inflari classica, necdum
impositos duris crepitare incudibus enses

Тогда еще не слышали, как звучат трубы, и как звенят мечи на твердых наковальнях (II. 538–540).

О другой из гесиодовских бед Железного века, болезнях, Вергилий подробно пишет в конце третьей книги, где все живое погибает от страшной эпидемии.

В то же время, если обратиться к первой книге «Георгик», где излагается собственно миф о веках, мы видим, что основное отличие нынешнего времени от Золотого века — появление в жизни людей ремесел и труда. Люди научились добывать огонь, плавать по морю, наблюдая за светилами, охотиться и ловить рыбу, делать орудия из железа.

tum variae venere artes. Labor omnia vicit
improbis et duris ingens in rebus egestas

Тогда пришли разные ремесла. Непомерный труд и огромная нужда в тяжелых обстоятельствах победили все (I. 145–146).

Эти строки вызывают в памяти *usus et experientia mentis* Лукреция. В то же время, в отличие от «О природе вещей», у Вергилия это часть традиционного мифа о веках: люди не сами пришли к прогрессу, но их подтолкнул к этому Юпитер. В дальнейшем же Церера научит человека пахать.

Также у Вергилия появление труда выглядит мрачнее, чем воспевание деятельного разума у Лукреция, и *labor improbus* здесь напоминает скорее о гесиодовском *κάματος*, мучении для людей.

Хотя *labor improbus* можно интерпретировать по-разному⁴ (Jenkyns 1993: 243; Sharshukova 2022b: 117–119), в поэме есть разные образы труда — от тяжелого труда земледельца в первой книге, который практически находится в состоянии войны с природой (Nelson 1998: 83–84), до успешного завершения трудов Аристея в четвертой книге. К тому же, в первой

⁴ Campbell 1982: 567 пишет о положительных коннотациях *labor* в римской культуре и о связи этого понятия с *virtus*; Jenkyns 1993: 243 предлагает так называемую «прогрессивную» интерпретацию *labor improbus* — ведь труд привел к развитию. См. также Sharshukova 2022b: 118–119). В то же время ряд ученых (Richter 1957: 139–140; Mynors 1990: 29–30; Thomas 1988: 92–93) придерживается точки зрения, что *labor improbus* в «Георгиках» — тяжелый беспрестанный труд, который несет с собой страдания и часто оказывается бесплодным.

книге определенно нет речи о деградации людей: наоборот, необходимость трудиться и появление ремесел — это все же развитие⁵, хотя оно и дается тяжело⁶. Парадоксальным образом здесь поэт привносит лукрецианское воспевание прогресса в более традиционную версию мифа о веках.

Причины смены поколений (или окончания Золотого века) также по-разному представлены в дидактической традиции.

Так, у Гесиода миф о веках — один из нескольких излагаемых в первой половине поэмы мифов, одна из целей которых — показать всеисилие Зевса (οὕτως οὐτι πη ἔστι Διὸς νόον ἐξάλέασθαι — никак невозможно избежать замысла Зевса, Ор. 105). Поколения в «Трудах и днях» действительно сменяются по воле Зевса, кроме Медного, которое погибло по своей собственной вине (Ор. 153–155). В некоторых случаях боги губят одно из поколений в наказание за их пороки (так погибло Серебряное поколение людей, 138–139). В то же время, если следовать справедливости и трудиться, боги позволяют людям избежать бед Железного века (225–237), в противном же случае они шлют им болезни, междоусобицы и войны. Вероятно, беды Железного века в «Трудах и днях» можно считать божественной карой, которую люди навлекают сами на себя.

Арат не называет прямо причины смены поколений, представляя этот процесс как естественный ход событий. Дж. Кэмпбелл даже полагает, что в «Трудах и днях» и «Явлениях» нет причинно-следственной связи между моральной деградацией человечества и наступлением Железного века (Campbell 1996: 236).

В то же время Справедливость покинула людей, ужаснувшись их деяниям (καὶ τότε μισήσασα Δίκη κείνων γένος ἀνδρῶν, Phaen. 133), то есть здесь также можно увидеть связь между

⁵ В то же время технический прогресс может нести с собой и моральную деградацию (Campbell 1982: 576); Вергилий же о пороках людей Железного века пишет, но только в конце второй книги, тем самым разделяя прогресс и декаданс.

⁶ Ст. Харрисон также отмечает, что Вергилий отвергает свойственное дидактической традиции «пессимистичное» представление о деградации людей со временем. Ученый рассматривает рассказ о металлах в *laudes Italiae* во второй книге «Георгик», который остался за рамками настоящего исследования (Harrison 2007: 148).

нравственным упадком и сменой поколений (т.е. ухудшением условий жизни людей). Также Зевс в «Явлениях» — благодетель, устроивший все на благо людей (ὁ δ' ἦπιος ἀνθρώποισιν δεξιὰ σπυρίνει, Phaen. 5–6), и поэтому ухудшение человеческого рода — следствие пороков самих людей, а не божественной воли.

В поэме Лукреция «О природе вещей» мы наблюдаем другую картину. Поскольку Лукреций пишет не о деградации человечества, а о его развитии со всеми бедами и достижениями, это естественный ход событий, а также триумф человеческого разума. Люди сами являются причиной своих бед и творцами своих достижений.

Вергилий прямо пишет, что Юпитер завершил Золотой век по своей воле, но не в качестве наказания, а чтобы подтолкнуть человечество к развитию, чтобы люди не закоснели в бездействии (*pec torpere gravi passus sua regna veterno*, I.124). Этот поступок Юпитера оценивается учеными по-разному (например, негативно («весьма сомнительное благодеяние») — Zanker 2010: 502; в большей степени положительно — Campbell 1982: 568).

Мы полагаем, что Юпитер в поэме все же скорее благосклонен к смертным, хотя, возможно, и не настолько, как у Арата. Вергилий называет его *pater* (*pater ipse*, I. 121), пишет о нем в тех же выражениях, что Лукреций — о благодетеле человечества Эпикуре (*primusque per artem*, I. 122 — *quique per artem*, Lucr. V. 10; Gale 2000: 66). И очевидно, что смена поколений в первой книге «Георгик» — не божественная кара.

В третьей книге, где рассказывается об эпидемии в Норике, причины ее подробно не описываются, говорится лишь (в духе Лукреция), что к болезни привели «непогода неба» и жара (*tempestas caeli, aestus*, III. 478–479). Чуму в третьей книге «Георгик» нельзя считать гесиодовской божественной карой.

В то же время, если снова обратиться к концу второй книги, где земледельцы существуют в условиях, близких к условиям Золотого века, здесь можно увидеть несколько другую картину, подобную гесиодовской: им позволено вести относительно безмятежное существование из-за их нравственных качеств, потому что они лишены пороков Железного века, свойственных горожанам, но трудятся и почитают богов.

В «Трудах и днях» Гесиода миф о веках имеет назидательный смысл, что, возможно, даже сближает его с басней⁷. Здесь осуждаются несправедливость, насилие и многие другие людские пороки. В то же время Гесиод, рассказывая о справедливом и несправедливом полисах, показывает, что, если жить справедливо, есть возможность избежать многих бед века Железного и приблизиться к условиям жизни Золотого.

Арат в «Явлениях» практически не поучает читателя, а отстраненно сожалеет об утраченном Золотом веке и об уходе Справедливости (хотя и осуждает людские пороки).

Лукрецию в поэме «О природе вещей» описание поэтапного развития человечества нужно скорее для того, чтобы объяснить нынешнее состояние, в том числе для того, чтобы опровергнуть традиционный миф о веках и показать, что причина прогресса — не божественная воля, а человеческий разум.

Как и во многом поэма в целом, миф о веках в «Георгиках» — синтез предшествующей дидактической традиции.

Во второй книге поэмы Вергилий подобно Гесиоду показывает, что земледельцы, ведущие честную и простую жизнь и почитающие богов, живут в условиях, близких к условиям Золотого века. Воздерживаясь от пороков, люди могут рассчитывать на благосклонность богов.

В то же время в первой книге, где излагается миф об окончании Золотого века, мы не находим ни сожаления о деградации, ни явного нравоучения. Автор здесь призывает читателя к труду, но прежде всего — показывает, как труд появился в жизни людей. Здесь миф о веках (как и у Арата) трансформируется в миф этиологический. В «Явлениях» сюжет о смене поколений объясняет происхождение созвездия Девы, а в «Георгиках» — появление одного из важнейших понятий поэмы, труда (*labor*)⁸.

⁷ Мы полагаем, что миф о веках был в числе характерных для басни сюжетов. Например, именно этот сюжет мы находим в прологе-вступлении у баснописца Бабрия. По всей видимости, миф о веках здесь заимствован у Гесиода, веков также пять. Как и во многих дидактических поэмах, люди в Золотом веке не знали лжи, а земля сама приносила плоды.

⁸ Также и второй важнейший для понимания «Георгик» миф об Аристее и Орфее формально этиологический: он объясняет происхождение бугонии (IV. 315).

Как и Лукреций, Вергилий не показывает очевидной деградации в мифе о веках. Наоборот, окончание Золотого века приводит к развитию человечества. В то же время Лукреций, отрицая вмешательство богов в жизнь людей, отказывается от традиционного мифа, а Вергилий к нему возвращается: ведь смена поколений в «Георгиках» происходит по воле Юпитера.

Литература

- Campbell, J. S. 1982: The Ambiguity of Progress: «Georgics» I, 118–159. *Latomus* 41, 566–576.
- Campbell, J. S. 1996: Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics. *L'Antiquité Classique* 65, 231–238.
- Gale, M. 2004: *Virgil on the Nature of Things: the Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harrison, S. 2007: *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. Oxford: Oxford University Press.
- Jenkyns, R. 1993: Labor improbus. *The Classical Quarterly* 43, 243–248.
- Mynors, R. A. B. *Virgil. Georgics*. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. Oxford: Clarendon Press.
- Nelson, S. A. 1998: *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. Oxford: Oxford University Press.
- Page, T. E. 1963: *P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica*. With introduction and notes by T. E. Page. London: Macmillan&Co.
- Perkell, C. 2002: The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil. *Vergilius* 48, 3–39.
- Richter, W. 1957: *P. Vergilii Maronis Georgica*. Herausgegeben von W. Richter. München: Hueber.
- Sharshukova, O. V. 2022a: [Labor in Virgil's Georgics]. *Vestnik RGGU [RSUH Bulletin]* 6, 114–129.
- Шаршукова, О. В. 2022a: Labor в «Георгиках» Вергилия. Вестник РГГУ 6, 114–129.
- Sharshukova, O. V. 2022b: [Iustissima tellus in Virgil's Georgics]. *Indo-evropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 26, 2, 1181–1191. Индоевропейское языкознание и классическая филология 26, 2, 1181–1191.
- Thomas, R. F. 1988: *Virgil. Georgics*. Ed. by R. F. Thomas. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zanker, A. T. 2010: Late Horatian Lyric and the Virgilian Golden Age. *The American Journal of Philology*, 131, 495–516

ПРОБЛЕМНЫЕ СТРОКИ В «СФОРЦИАДЕ» ФРАНЧЕСКО ФИЛЕЛЬФО

В статье рассматриваются строки, выглядящие проблемными в editio princeps (De Keyser 2015) эпической поэмы знаменитого итальянского гуманиста Франческо Филельфо (1398–1481) «Сфорциада» (Sphortias, 1451–1473), посвященной установлению в Милане власти герцога Франческо Сфорцы. Хотя за изданием, подготовленным Йеруном Де Кезером, стоит явно аккуратной проделанная работа над рукописями, в нем остаются места, вызывающие вопросы. Предлагается разделить их на три группы: места, в которых издатель некорректно сообщил рукописные чтения и где, соответственно, текст следует исправить на основании рукописей (5.262 <annos> aluisse, 6.668 extorque[re]t, 8.268 insit] infit); места, в которых проблема решается за счет изменения пунктуации и уточнения интерпретации (4.304–305, где следует читать nec Cleopatra uiro non solo — Caesaris igni / arsit amans! и понимать «И Клеопатра не то что не удовлетворялась любовью к одному мужчине — она воспылала любовью к (самому) Цезарю!»); места, возможно требующие конъектуральной правки (3.330 ponite <et> (?), 5.586 suas... quae... summis] suis... cum... summa (?)). В двух приложениях обсуждается, соответственно, один дополнительный случай неточного сообщения издателя ренессансного латинского текста о данных рукописей («Карлиада» Уголино Верино, 1.28, где следует печатать scintilla<n>t) и теоретический вопрос о том, допустимы ли конъектуры при издании нововременных текстов, в традиции которых есть экземпляры, характеризующиеся разными формами авторизации текста. Автор статьи защищает тезис о том, что даже в таком (очень распространенном случае) конъектуральная правка может быть уместна, т. к. автор может пропускать отдельные ошибочные чтения в выправляемом им экземпляре или даже при самостоятельном создании экземпляра, содержащего новую версию текста. Первый из этих случаев иллюстрируется примером из традиции трактата Энеа Сильвио Пикколомини «О воспитании детей», второй — примерами из истории текста русского перевода «Метаморфоз» Овидия, выполненного С. В. Шервинским.

Ключевые слова: текстология, Франческо Филельфо, новолатинская литература, новолатинская поэзия, латинский эпос, конъектура, Уголино Верино, Энеа Сильвио Пикколомини.

M. V. Shumilin

RANEPА / A. M. Gorky Institute of World Literature, RAS /
National Research University Higher School of Economics.
Moscow, Russia. mvshumilin@mail.ru

Problematic Lines in Francesco Filelfo's *Sphortias*

The article considers apparently problematic lines in Francesco Filelfo's (1398–1481) epic poem *Sphortias* (1451–1473) as published in the *editio princeps* by Jeroen De Keyser (2015). Although the edition is clearly based on an accurate and attentive work with the manuscripts, there still remain places there that beg further questions. I suggest that they divide in three groups: (i) passages in which the manuscript data has not been reported correctly and which consequently need to be changed in accordance with the actual manuscript readings (5.262 <annos> *aluisse*, 6.668 *extorque[re]t*, 8.268 *insit] infit*); (ii) places in which changing the punctuation and adjusting the interpretation help to solve the issue (4.304–305, where we should read *nec Cleopatra uiro non solo — Caesaris igni / arsit amans!* and understand this text as 'Not only was Cleopatra not content with a single man, but she even fell in love with Caesar himself'); (iii) places possibly requiring conjectural interventions (3.330 *ponite <et>* (?), 5.586 *suas... quae...summis] suis... cum... summa* (?)). The two appendices to the article discuss correspondingly an additional example of a passage in which the manuscript data has not been reported faithfully by an editor of a Renaissance Latin text (Ugolino Verino, *Carlias* 1.28, where *scintilla<n>t* has to be printed) and the theoretical question of whether conjectures are generally appropriate in the editions of (early) modern texts the tradition of which includes witnesses characterized by different forms of direct authorial intervention. I argue that even in this (widespread) case conjectures might be required since authors are able to overlook erroneous readings in the exemplars they correct and reproduce them in the new copies they produce personally. The first of this cases is illustrated with an example from the tradition of Enea Silvio Piccolomini's *De educatione liberorum*, the second one with more recent examples from the history of the text of the Russian translation of Ovid's *Metamorphoses* by Serguey Shervinsky.

Keywords: textual criticism, Francesco Filelfo, Neo-Latin Literature, Neo-Latin Poetry, Latin Epic, conjecture, Ugolino Verino, Enea Silvio Piccolomini.

Эпическая поэма знаменитого итальянского гуманиста Франческо Филельфо (1398–1481) «Сфорциада» (*Sphortias*, 1451–1473), посвященная кондотьеру, а затем миланскому герцогу Франческо Сфорце, возможно, должна рассматриваться как изначально один из кандидатов на роль главного латинского эпоса XV в., но по некоторым причинам не стала таковым

и оставалась неопубликованной до 2015 г.¹ Editio princeps Йеруна Де Кейзера (De Keyser 2015) основано на в целом явно очень аккуратной работе с рукописями и адекватной их оценке (см. ниже Приложение 2), однако, как, вероятно, в любой работе такого рода, в ней остаются несколько мест, которые выглядят проблемными. В настоящей статье я разберу шесть таких строк, проблемных с метрической², смысловой или языковой точки зрения.

В каждом случае, если решение проблемы вообще доступно, оно, вероятно, должно принадлежать к одной из трех групп: (1) неточности издателя в сообщении рукописных чтений (я приведу дополнительный пример этого явления в Приложении 1); (2) проблемы, которые решаются без изменения текста — при помощи уточнения пунктуации и интерпретации текста; (3) проблемы, возможно требующие конъектурального вмешательства.

Поскольку первый пункт требует обращения к рукописям, я сверял в каждом случае доступные мне рукописи из используемых Де Кейзером. В частности, он использует семь рукописей с непрерывным текстом поэмы (две из них содержат только книги I–IV, остальные — только книги I–VIII) и две рукописи, содержащие отрывки из поэмы (одна из них, написанная рукой самого Филельфо, — C в обозначениях Де Кейзера — содержит отрывки недописанных книг IX, X и XI, которых я не буду касаться в настоящей статье)³. Я сверил из

¹ См. о поэме также: Adam 1974, Bottari 1986, Ianziti 1988: 61–80, Robin 1991: 56–81, Kallendorf 2007: 17–66, Ivanova 2007: 284–286, De Keyser 2016, van Watershoot 2021. Книга III поэмы была ранее опубликована в качестве приложения в Robin 1991: 177–196 (очень неаккуратно), прочие ее части не публиковались.

² О метрике Филельфо (как в его гекзаметрических произведениях, так и в прочей поэзии) существует статья Charlet 2018, но она посвящена статистическим закономерностям и не касается аномалий. Некоторые метрические проблемы в тексте поэмы обсуждал Галеотто Марцио в своих инвективах против Филельфо, также изданных Де Кейзером в том же томе вместо с ответом Филельфо, в котором он оправдывает свои более спорные метрические практики (De Keyser 2015: 299–367).

³ Некоторые места из IX книги производят впечатление возможно проблемных, но, чтобы судить о них, нужно сверить рукопись C, а эта возможность мне сейчас недоступна. В 9.96 фраза *decernunt omnino*

них обе рукописи, содержащие книги I–IV (*F* и *V* в сиглах Де Кейзера), и две рукописи, содержащие книги I–VIII (*N* и *P* в сиглах Де Кейзера). Таким образом, в пассажах из книг I–IV сверены 4 рукописи, в пассажах из книг V–VIII — 2 рукописи; во всех случаях в их число входит рукопись, которую Де Кейзер кладет в основу своего текста (*N*).

Третий пункт может показаться методологически проблемным. Я уже упомянул, что одна из рукописей, используемых Де Кейзером, является автографом Филельфо. Правда, этот аргумент против конъектурального подхода на самом деле не так силен, как может показаться. Рукопись *C* пропускает многие места поэмы, причем важнейший недостаток издания Де Кейзера заключается в том, что он не дает точно понять, какие именно. Из III книги, по его сообщению, в *C* есть 312 строк (De Keyser 2015: XVII); в аппарате к III книге он цитирует *C* несколько раз в строках 476–702, так что похоже, что конкретно там присутствует вторая половина книги с какими-то пропусками (в каждой дописанной книге поэмы по 800 строк). Тогда разбираемое ниже место из III книги скорее всего в *C*

nihil в начале гекзаметра подразумевает, что финальная *-o* в слове *omnino* считается краткой вопреки классическим образцам, и это можно было бы легко исправить, написав *decernunt nihil omnino* (у классических поэтов *nihil omnino* всегда в таком порядке: ср. Lucr. 2.249, Hor. Sat. 2.8.94, Mart. 3.45.4, 4.66.2), но можно допустить, что Филельфо считал допустимым сокращение финального *o* в любом слове (ср. Leumann 1977: 110, Norberg 2004: 3; в слове *omnino* TLL фиксирует сокращение финального гласного дважды у одного корреспондента св. Августина: TLL 9.2.594.79–80). Следует изучить практику Филельфо в этом отношении. В пассаже 9.358–361 (*Qua muri cecidere, trabes patefacta ruinis / subuertae [sic] loca quaeque suo munimine claudunt, / crassa quibus cumulatur humus, quae robore multo / pressa uicem solidae ualeat depromere molis* «Где стены были разрушены, поваленные (?) бревна закрывают своим укреплением все открывшиеся в результате разрушений места; под них наваливается жирная земля, чтобы она, сдавленная большим весом, могла заменять твердую глыбу») непонятна форма *subuertae* в 359 строке, можно было бы ожидать *subuersae*, если речь не идет о каком-то более серьезном искажении. В обоих случаях речь может идти об ошибках/описках в черновике Филельфо, которые он исправил бы впоследствии. Однако следует для начала разобраться, действительно ли такой текст стоит в рукописи, или искажение внесено издателем.

отсутствует. Из IV книги в *C* представлено 470 строк (De Keyser 2015: XVII); в аппарате ссылки на *C* встречаются на протяжении всей IV книги, так что следует предположить, что там много отрывков из книги с разбросанными пропусками. В этом случае неясно, есть ли в *C* разбираемый ниже пассаж из IV книги. В аппарате к нему *C* не цитируется. Из V книги в *C* представлено 497 строк (De Keyser 2015: XVII); Де Кейзер цитирует *C* в аппарате к строкам 15–352, так что похоже, что в рукописи представлена первая половина книги с каким-то «хвостиком». Если это так, то из обсуждаемых ниже строк 5.262 может быть в *C* (но в аппарате к ней *C* не упоминается), а 5.586 скорее не должна быть. Из VI книги в *C* представлена 681 строка (De Keyser 2015: XVII–XVIII); Де Кейзер цитирует *C* в аппарате к строкам 151–746, так что обсуждаемое ниже место из VI книги вполне может быть в *C*, хотя в аппарате к нему *C*, опять же, не упоминается. Из VIII книги в *C* представлены 716 строк, т.е. почти вся книга (De Keyser 2015: XVIII); скорее всего там есть и обсуждаемый ниже отрезок из этой книги, хотя сказать точно сложно, потому что в аппарате к нему *C* опять не упоминается. Таким образом, в предельном случае все обсуждаемые пассажи вообще могут отсутствовать в *C*, но в любом случае пассажи, в связи с которыми ниже будут обсуждаться конъектуральные решения, как раз все с наибольшей вероятностью в *C* не представлены.

Тем не менее, проблема, связанная с непосредственным участием автора в тексте дошедших рукописей, остается. По Де Кейзеру (De Keyser 2015: XIV–XVII), дошедшие до нас рукописи делятся на несколько групп, соответствующих разным стадиям работы Филельфо над текстом (и самой поздней стадии соответствует рукопись *N*, в которой уже учтена правка, отвечающая на критику Галеотто Марцио). Если это так и при этом какой-то текст присутствует сразу в нескольких из этих групп рукописей (а это так для всех рассматриваемых ниже случаев), то получается, что он был просмотрен автором при совершении правки и оставлен неизменным. Идея, что в таком случае допустимы конъектуры, нуждается в теоретическом обосновании; этот вопрос будет разобран ниже в Приложении 2.

Далее пассажи будут приведены в порядке данного выше списка возможных подходов к их решению. Все цитаты приводятся по тексту Де Кейзера.

(1)

5.260–262

Addimus auri

munera, quis omnem famulatum diuite mensa
regis more queas aluisse per omnis.

(Венецианский посол Якопо Антонио Марчелло соблазняет Бартоломео Коллеони перейти на сторону венецианцев) «Прибавляем к этому дары [в виде] золота, при помощи которых ты смог бы, напоподобие царя, кормить всю прислугу богатым столом через все (?)».

В 262 строке в тексте Де Кейзера недостает стопы. При этом фраза *per omnis*, которая должна значить что-то вроде «всегда», выглядит неполной. И действительно, в обеих сверенных мной рукописях (*N* и *P*) строка выглядит как *regis more queas annos aluisse per omnis*. Аппарат Де Кейзера молчит об этом, сообщая только, что в рукописи *T post correctionem* вместо *omnis* стоит *omnes*. Можно предположить, что текст со словом *annos* на самом деле стоит во всех рукописях (входит ли в их число *C* или нет) и исказился по недосмотру издателя.

6.665–668

Ille,

quem nondum Alcippes cepere obliuia natae,
bile fremens, Neptune, tuum ferit ense tridentem
uiribus indomitis, quem dextra extorqueret inerti.

«Гот же, до сих пор не забывший о дочери Алкиппе⁴, скрипя зубами от желчи, бьет мечом с неукротимой силой по твоему, Нептун, трезубцу, чтобы выбить его из вялой десницы».

В 668 строке лишний слог в пятой стопе. Действительно, в рукописях *NP* вместо этого читается *uiribus indomitis, quem dextra extorquet inerti*, несмотря на молчание аппарата Де Кейзера; этот текст дает также вполне уместный смысл («...выбивая его из вялой десницы»), так что, очевидно, его следует печатать в изданиях; вероятнее всего, он стоит и в прочих рукописях.

⁴ Речь о Марсе/Аресе, дочь которого Алкиппа была изнасилована сыном Нептуна/Посейдона Галлиротием: Apollod. 3.180, Paus. 1.21.4.

8.267–268

Tunc tempestiua disertis

Barbarus ora sonis ita soluens leniter insit...

«Тогда [Франческо] Барбаро, своевременно открывая уста для красноречивых звуков, так мягко пусть будет присутствовать (?)».

Требуемый смысл, конечно, «мягко говорит так» (далее следует монолог Барбаро), и его легко получить, исправив *insit* на палеографически схожее *infit*. Такой текст мы и находим в *NP*, хотя Де Кейзер молчит о нем в аппарате. Очевидно, такой текст и следует печатать, и скорее всего он стоит и в остальных рукописях.

(2)

4.302–305

Clara Semiramidos fama est uulgata per orbem,

quam non unus amor rapuit, non una uoluptas.

Nec Cleopatra uiro non solo Caesaris igni

arsit amans. Cur, Lyda, tuo non cedis amanti?

(Венера уговаривает пьячентинку Лиду изменить мужу с Карло Гонзагой) «Распространена по миру ясная слава Семирамиды, а ей владела не одна любовь, не одно желание. И Клеопатра тоже пылала от любви к одному мужу (?), от пыла к Цезарю. Что же ты, Лида, не уступаешь влюбленному в тебя?»

Формулировка строки 304 странна и непонятна, если *nes* + *pop* дают положительный смысл: Клеопатра явно плохой пример верности единственному возлюбленному, и общий контекст вместе с предшествующим примером скорее предполагают, что речь должна идти о *множественности* возлюбленных Клеопатры. Я полагаю, однако, что проблему здесь можно решить, изменив пунктуацию⁵ на *Nec Cleopatra uiro non solo — Caesaris igni / arsit amans!* и поняв «И Клеопатра не то что не удовлетворялась любовью к одному мужчине — она воспылала любовью к (самому) Цезарю!» Полная подразумеваемая конструкция тогда будет *Nec (modo) Cleopatra uiro non solo (arsit amans), (sed etiam) Caesaris igni arsit amans*. Любовь к Цезарю

⁵ В части рукописей есть интерпункция после *uiro*, которая, однако, не проясняет смысл строки.

будет мыслиться как нечто еще более амбициозное, чем полиамория.

(3)

3.330–334

Ponite ante oculos ubi segnius ire periculis
ac leuius pugnare manu studeatis, anhaeli
immanisque hostis ludibria mille deorum
templa per et natas et amatae coniugis omne
dedecus atque probrum.

(Речь Герардо Дандоло к пьячентинцам перед битвой) «Представьте, что видите, если вы будете слишком вяло идти навстречу опасностям и прилагать слишком мало усилий к битве, тысячу надругательств со стороны запыхавшегося и страшного врага по всем храмам богов и по всем вашим дочерям, и всяческий позор и бесчестие вашей возлюбленной супруги».

Зияние после *ponite* в 330 строке выглядит непривычно для метрики Филельфо (есть ли к нему какие-то параллели в его корпусе, нужно исследовать специально). При этом в аппарате Де Кейзера вариантов к этой строке нет, и в рукописях *FVNP* (а значит, вероятно, и в прочих тоже) действительно такой текст. Можно допустить, что при переписывании выпало изначально стоявшее после *ponite* постпозитивное *et*.

5.585–588

Nic deiecta tenax firmavit ut anchora nauis
quaeque suas aequant quae turribus aethera summis,
tum caedes hinc inde ruunt et funera mille
reddita funeribus quatiunt hululatus aras.

(В ходе боя с миланцами на реке По венецианцы причаливают у моста) «Тут как закрепил сброшенный цепкий якорь корабли и те, которые уравнивают свои, которые эфир с вышними башнями (?), так сразу со всех сторон обрушивается резня, и тысяча смертей, ставшая ответом на смерти, потрясает воплями воздух».

Строка 586, по-видимому, не дает смысла. При этом она выглядит именно так в проверенных мной рукописях (*NP*), и в аппарате к ней Де Кейзер ничего не пишет. Напрашивается какое-то достаточно масштабное исправление вроде *quaeque suis aequant cum turribus aethera summa* «и те (корабли — в смысле “включая такие корабли?”), которые достигают высшего эфира своими башнями» (если допустить, что такой образ

может описывать носовые и кормовые надстройки кораблей, «ахтеркастели» и «форкастели»). По поводу конструкции *sum + Abl.* в инструментальном значении см. TLL 4.1369.40–1370.17, Hofmann, Szantyr 1972: 259–260.

**Приложение 1. Дополнительный пример
искажения ренессансного латинского текста издателем
относительно текста рукописей**

Для поэмы Уголино Верино (1438–1516) «Карлиада» (*Carlias*, первое издание 1480), посвященной мифологизированным подвигам Карла Великого, существует современное научное издание Николауса Турна (Thurn 1995). Строки 1.23–31 выглядят в его издании так:

Vt uidit celsi bacchato e uertice saxi
magnanimos proceres foelicia pandere uentis
carbasa et aequoreos tuto decurrere fluctus
ingentem classem uictorisque arma potentis
despexit toto longe radiantia ponto
(per noctem ut caelo scintillat astra sereno,
sic procul auratae fulgebant aequore puppes),
constitit atque caput cinctum serpentibus atris
quassans uipereo secum est haec ore locutus...

(Сатана наблюдает с развалин Дельфийского оракула, как флот Карла Великого возвращается с победой с Ближнего Востока) «Как увидел он с бывшей некогда местом вакхических неистовств вершины высокого камня, как храбрые представители знати простирают навстречу ветрам счастливые паруса и как огромный флот безопасно проплывает по морским струям, и как узрел он блестящее оружие мощного победителя, блеск от которого далеко распространялся по всему морю (как ночью на ясном небе сияет звезда (?), так позолоченные корабли издалека блистали на морской глади), сразу встал и, потрясая головой, оплетенной черными змеями, стал говорить сам с собой так своими гадючьими устами...»

Множество кораблей, конечно, должно сравниваться не с одной звездой, и трактовка формы *astra* как единственного

числа (очевидно, перешедшего в женский род) затруднительна; даже несмотря на аналогию со словом *stella*, TLL совсем не фиксирует такой формы в античных текстах; романские языки также сохраняют для слова мужской род (Meyer-Lübke 1911: 49). При этом заставляющая видеть в *astra* форму единственного числа глагольная форма *scintillat* как раз метрически проблемна: удлинение ее финального слога выглядит немотивированным. Все проблемы решаются, если написать *scintillant* вместо *scintillat*: «как ночью на ясном небе сияют звезды, так позолоченные корабли издалика блистали на морской глади». И именно такой текст и обнаруживается в сверенной мной рукописи Firenze BML Plut. 39.41, даже при том что Турн использовал ее. Очевидно, в тексте следует печатать *scintillant*.

Приложение 2. Авторские и авторизованные свидетельства о тексте в текстологии авторов Нового времени

Специфическое отличие текстологии нововременных памятников заключается в том, что часто до нас доходят свидетельства (рукописи и т.п.), непосредственно созданные либо отредактированные авторами произведений. Казалось бы, это ставит нас в лучшее положение, потому что у нас оказывается больше информации о воле автора; в итоге именно вокруг таких свидетельств в значительной степени и вертятся многие подходы к изданию текстов Нового времени⁶. Можно сделать отсюда вывод, что конъектуральная правка и использование чтений из неавторизованных свидетельств неуместны в таких традициях; очевидно, из этого положения до сих пор исходят многие издатели неолатинских памятников (включая Де Кейзера, полностью отказавшегося от конъектуральных вмешательств в обсуждаемом издании). Однако этот взгляд встречается с трудностями⁷. В некоторых случаях получающийся текст содержит явные ошибки, в которых трудно признать

⁶ См., напр., Bowers 1959, Tanselle 1992, Spiridonova 2019; характерно, что уже Маас начинает свою «Критику текста» с оговорки, что «в нашем распоряжении нет автографов греческих и латинских классиков» (Maas 1950: 5).

⁷ В разных традициях текстологии произведений Нового времени на них уже периодически указывали: см. Van Hulle 2004: 15–20 о немецкой издательской традиции, и ср.: Reyser 1978: 14–22.

волю автора. Я разберу один пример из написанных в Италии латинских текстов XV в.⁸

Для сочинения гуманиста Энеа Сильвио Пикколомини, позднее ставшего папой римским с именем Пия II (1405–1464), «О воспитании детей» (*De liberorum educatione*, 1450) существует рукопись, содержащая, как утверждается, исправления рукой автора (Melk SB 1799). На этой рукописи (и там, где правка есть, и там, где ее нет, — а вообще ее очень мало) основывают свой текст Рудольф Волькан и вслед за ним Джоэл Нельсон и Крейг Каллендорф (Wolkan 1912: 103–158, Nelson 1940, Kallendorf 2002: 126–259). В итоге оба текста содержат множество явных ошибок, причем, как показывает сверка с самой рукописью, значительная часть этих ошибок к рукописи не восходит, а является дефектами издания Волькана, которые воспроизвели Нельсон и Каллендорф, думая, что Волькан в каждом случае опирается на рукопись. Часть таких ошибок исправляет с использованием другой (не авторизованной) рукописи (Firenze BNC Conv. soppr. J I 31) в своем издании Эудженио Гарен, к сожалению, не уточняя, каковы конкретно источники его инноваций в том или ином месте (Garin 1958: 198–295). В итоге текст Гарена, чьи исправления, к сожалению, отвергнуты в новейшем издании Каллендорфа, явно самый лучший из современных текстов произведения; но еще качественней до-волькановская издательская традиция, восходящая к *editio princeps* 1470 г. Я разберу одно место, где, я полагаю, обращение к авторизованной рукописи явно ухудшило текст, *De liberorum educatione* 15 (цитирую по Каллендорфу, Kallendorf 2002: 144):

⁸ Другой такой пример можно найти в основанном на аналогичном подходе издании сочинения Флавио Бьондо (1392–1463) «Восстановленный Рим» (*Roma instaurata*, 1444–1448) Анны Раффарен, где глава 1.73 содержит анаколуп, который явно не мог быть задуман в таком виде автором (Raffarin-Dupuis 2005: 85: *Pudet uero pigetque quod a Capitolio incipientem eius deformitatem referre* «Но стыдно и досадно, что, начиная с Капитолия, сообщать о его упадке»), однако в этом случае возможно, что речь идет просто о неточности издателя, как в ряде разобранных выше в статье и в Приложении 1 примеров, т.к. из четырех авторизованных рукописей, на которых Раффарен строит текст, я сверил доступные мне три (*ORV*), и в них на самом деле пропущено слово *quod*. Аппарат издания молчит об этом.

Si quis praeterea passulis, amygdalis, confectis ex zucharo cibis, paruis auiculis, haedulis agricultis leuioribusque semper mensis utatur, quibus demum ferculis releuari restaurarique poterit, si ceperit aegrotare?

«Если же кто-то, помимо того, всегда будет питаться изюмом⁹, миндалем, сахарными конфетами, маленькими птичками, сельско-взращенными (?) козлятами и более легкими блюдами, то какой же пищей он сможет принести себе облегчение и восстановиться, если заболит?»

Слово *agricultus* непонятно и вообще вряд ли существует, так что очевидно, что вместо него следует принимать чтение, напечатанное в издании 1470 г. и у Гарена и на самом деле фиксируемое даже в мелькской рукописи, *agniculis* («...маленькими птичками, козлятами, ягнятами и [вообще] блюдами полегче...»). Однако проблемы данного текста, как кажется, не ограничиваются этим: перечисляются скорее примеры не «легкой пищи» (OLD s.u. *leuis*¹ 8), а примеры приятной, услаждающей пищи, соответствующей общему контексту главы, в которой обсуждается пищевая изнеженность при воспитании. Это скорее должно называться *leniores mensae* (OLD s.u. *lenis*¹ 3). И Гарен, и мельская рукопись читают *leuioribus*, но чтение *lenioribus* фиксируется в *editio princeps*; вероятно, следует предпочесть его. Очевидно, если даже действительно текст мелькской рукописи правлен самим автором, это не значит, что он вычитал весь текст с одинаковой внимательностью и нигде не пропустил искажений, попавших в текст при переписывании.

Как работают такие случаи, будет понятней, если разобрать одну более близкую к нам по времени аналогию. Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991) знаменит, среди прочего, своим переводом «Метаморфоз» Овидия. Впервые он был опубликован в 1937 г. (Shervinskiy 1937); на протяжении жизни Шервинский дорабатывал перевод, так что при жизни вышло еще два отредактированных издания (Shervinskiy 1977, 1983)¹⁰. Помимо того, существует также машинопись перевода РГАЛИ, Ф. 1364, Оп. 3, Ед. хр. 35–38; она не датирована, но относится к

⁹ Нельсон и Каллендорф почему-то переводят «дроздами» (thrushes: Nelson 1940: 109, Kallendorf 2002: 145); у Гарена корректный перевод *uva passa* (Garin 1958: 213); ср. DMLBS s.u. *passula*, Hoven 2006: 388.

¹⁰ Отрывки из поэмы также были перепечатаны в издании Shervinsky 1938, вероятно, без отличий от текста 1937 г.

периоду между первым и вторым изданием¹¹. На каждом новом этапе в тексте появляются осмысленные исправления, которые, очевидно, происходят из авторской редакции¹². При этом на разных этапах в текст проникают закрепляющиеся в нем впоследствии явные искажения. Напр., в 2.549–50 фраза Овидия ‘non utile carpis’ / inquit ‘iter’ переведена в версии 1937 г. как «Ты безгодный предпринял / Путь, — говорит», однако в машинописи и всех последующих версиях пунктуация выглядит так: «Ты, безгодный, предпринял / Путь, — говорит». Это изменение явно противоречит оригиналу и, очевидно, спровоцировано порядком слов в русской фразе, прочитанной без сверки с текстом Овидия. В 4.31 слово *Ismenides* переведено как «исмѣнянки» в версии 1937 г., но в машинописи искажено в «исмѣянки» (в изданиях 1977 и 1983 г. то же самое, но без знака ударения). Рациональных оснований для такого изменения, по видимому, нет. Множество подобных примеров указывают на то, что при переработке переводчик фокусировался не на точности соответствия оригиналу, а на улучшении стиля русского языка, и просматривал русский текст сам по себе, не кладя рядом латинский текст Овидия¹³. Соответственно, перед созда-

¹¹ Можно было бы предположить, что машинопись связана с подготовкой издания 1977 г. и близка к нему по дате, однако исправленная описка «дамъ» в рукописной записи на л. 30 ед. хр. 35, вероятно, указывает скорее на раннюю датировку.

¹² Теоретически возможно, что часть правок принадлежит редакторам, но прямых утверждений о внешней редакции в изданиях 1977 и 1983 г. нет, и в издании 1977 г. перевод назван просто «переводом С. В. Шервинского» в отличие от издания 1937 г., где он назывался «переводом С. В. Шервинского под редакцией Ф. А. Петровского». Издание 1983 г. было приурочено к 90-летию переводчика, и, вероятно, также странно было бы, если бы исправления не согласовывались с юбилеем. Кроме того, инновации изданий 1977 и 1983 г. по своему характеру полностью соответствуют тем, которые появляются уже в машинописи (и которые, очевидно, вообще сложно объяснить чем-то кроме авторской правки).

¹³ Это, очевидно, связано с тем, что исключительно на стиле русского языка, а не на точности соответствия оригиналу, полностью были сфокусированы и реакции на издания 1937 г.: рецензия А. Федорова (Fedorov 1939) и рукописные замечания И. Л. Поливанова, преподававшего у Шервинского латынь в Поливановской гимназии, сохранившиеся в архиве переводчика (РГАЛИ, Ф. 1364, Оп. 3, Ед. хр. 709).

телем научного издания перевода встала бы теоретическая проблема: с одной стороны, финальная версия автора — это, очевидно, версия издания 1983 г.; с другой стороны, в этой версии содержится множество мест, которые сам переводчик, очевидно, счел бы ошибками, если бы ему на указали, что они являются таковыми. Значит, авторские версии могут при определенных обстоятельствах не только сохранять (вопреки замыслу автора) внесенные кем-то еще (например, при переписывании более ранних версий текста) ошибки, но даже вносить новые искажения, которые одновременно проблемно считать полноценными продуктами сознательной авторской воли.

Применительно к рассмотренным случаям XV в. отсюда, видимо, следует, что неправильно полностью отказываться от издательского вмешательства в тех традициях, где есть авторские или авторизованные свидетельства о тексте¹⁴. Это вмешательство может иметь разные формы: в каких-то случаях может быть достаточным привлечение, как у разумно подошедшего здесь к вопросу Де Кейзера, неавторизованных рукописей (возможно, их продуктивно в таких случаях описывать скорее в стемматической, а не «редакциоцентричной» перспективе), но в каких-то (как в случае «Сфорциады» Филельфо, все рукописи которой, по-видимому, уже учтены издателем) оно, вопреки популярной точке зрения, вероятно, может корректным образом быть и конъектуральным. Можно приветствовать, что представление об уместности конъектур в издании новолатинских памятников теперь популяризуется многими томами гарвардской серии *The I Tatti Renaissance Library*; отметим также, что во времена, когда эта идея была гораздо более неортодоксальной, ее защищал в ряде своих работ Г. Э. Зенгер (Saenger 1904, 1905, 1907, 1909, 1911–1912).

¹⁴ Если верно, что ошибки закрались в текст рукописей Филельфо именно в тех местах, которые пропущены в его авторской копии *C*, то, возможно, это говорит о разной вероятности появления существенных искажений в традициях, включающих сохранившиеся авторские свидетельства, и в традициях, включающих сохранившиеся авторизованные свидетельства. Возможно, если бы Филельфо переписал соответствующие места, он исправил бы ошибки, и они не проникли бы в последующие версии текста.

Литература

- Adam, R. G. 1974: *Francesco Filelfo at the Court of Milan (1439–1481): A Contribution to the Study of Humanism in Northern Italy*. Diss. Oxford.
- Bottari, G. 1986: *La Sphortias*. In: Avesani, R. et al. (ed.) *Francesco Filelfo nel quinto centenario della morte*. Padova.
- Bowers, F. 1959: *Textual and Literary Criticism*. Cambridge.
- Charlet, J.-L. 2018: *La métrique latine de Filelfo: épopée, satire, élégie, ode*. In: De Keyser, J. (ed.) *Francesco Filelfo, Man of Letters*. Leiden-Boston, 191–238.
- De Keyser, J. 2015: *Francesco Filelfo and Francesco Sforza: Critical Edition of Filelfo's Sphortias, De Genuensium deditone, Oratio parentalis, and his Polemical Exchange with Galeotto Marzio*. Hildesheim.
- De Keyser, J. 2016: *Picturing the Perfect Patron? Francesco Filelfo's Image of Francesco Sforza*. In: Baker P. et al. (eds.) *Portraying the Prince in the Renaissance: The Humanist Depiction of Rulers in Historiographical and Biographical Texts*. Berlin, 391–414.
- Fedorov, A. 1939: [Review of: Shervinskiy 1937]. *Literaturny kritik* 4: 187–193.
- Федоров, А. 1939: Рец. на: Шервинский 1937. *Литературный критик* 4: 187–193.
- Garin, E. 1958: *Il pensiero pedagogico dello Umanesimo*. Firenze.
- Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. München.
- Hoven, R. 2006: *Lexique de la prose latine de la Renaissance*. Leiden–Boston.
- Ianziti, G. 1988: *Humanistic Historiography under the Sforzas: Politics and Propaganda in Fifteenth-Century Milan*. Oxford.
- Ivanova, J. V. 2007: [Humanist Poetry]. In: Andreev, M. L. (ed.) *Istoriya literaturny Italii [A History of Italian Literature]*. Vol. 2. Book 1. Moscow, 254–321.
- Иванова, Ю. В. 2007: Поэзия гуманизма. В кн.: Андреев, М. Л. (ред.) *История литературы Италии*. Т. II. Кн. 1. М., 254–321.
- Kallendorf, C. W. 2002: *Humanist Educational Treatises*. Cambridge (Massachusetts).
- Kallendorf, C. W. 2007: *The Other Virgil: 'Pessimistic' Readings of the Aeneid in Early Modern Culture*. Oxford.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München.
- Meyer-Lübke, W. 1911: *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Nelson, J. S. 1940: *Aeneae Silvii De liberorum educatione: A Translation, with an Introduction*. Washington.

- Norberg, D. 2004: *An Introduction to the Study of Medieval Latin Versification*. Washington.
- Raffarin-Dupuis, A. 2005: *Flavio Biondo. Rome restaurée*. T. I. Paris.
- Reyser, S. A. 1978: *Osnovy tekstologii [The Basics of Textual Criticism]*. Leningrad.
- Рейсер, С. А. 1978: *Основы текстологии*. Л.
- Robin, D. 1991: *Filelfo in Milan: Writings 1451–1477*. Princeton.
- Saenger, G. E. 1904: *K latinskim stikhotvorenyam Yana Kokhanovskogo [On the Latin Poems by Jan Kochanowski]*. Kyiv.
- Зенгер, Г. Э. 1904: *К латинским стихотворениям Яна Кохановского*. Киев.
- Saenger, G. E. 1905: [Notes on Neo-Latin Texts]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveschenia* 361, October (Sect. of Class. Phil.), 433–453.
- Зенгер, Г. Э. 1904: Заметки к неолатинским текстам. *Журнал министерства народного просвещения* 361, Октябрь (Отд. класс. фил.), 433–453.
- Saenger, G. E. 1907: [Review of: Wierzbowski T. *Wiersze polityczne i przepowiednie, satyry i paskwile z XVI wieku*. Warszawa, 1907]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveschenia* 11, September (Sect. of Rev. and Bibl.), 208–226.
- Зенгер, Г. Э. 1907: Рец. на: Wierzbowski T. *Wiersze polityczne i przepowiednie, satyry i paskwile z XVI wieku*. Warszawa, 1907. *Журнал министерства народного просвещения* 11, Сентябрь (Отд. крит. и библи.), 208–226.
- Saenger, G. E. 1909: [Notes on Latin Texts of the 15th Century]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveschenia* 19, January (Sect. of Class. Phil.), 1–59.
- Зенгер, Г. Э. 1909: Заметки к латинским текстам XV века. *Журнал министерства народного просвещения* 19, Январь (Отд. класс. фил.), 1–59.
- Saenger, G. E. 1911–1912: [Critical Notes on the Text of Conrad Celtis' Epigrams]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveschenia* 35, September (Sect. of Class. Phil.), 405–450, October (Sect. of Class. Phil.), 472–496; 36, November (Sect. of Class. Phil.), 532–547; 37, January (Sect. of Class. Phil.), 27–59.
- Зенгер, Г. Э. 1911–1912: Критические заметки к тексту эпиграмм Конрада Цельтиса. *Журнал министерства народного просвещения* 35, Сентябрь (Отд. класс. фил.), 405–450, Октябрь (Отд. класс. фил.), 472–496; 36, Ноябрь (Отд. класс. фил.), 532–547; 37, Январь (Отд. класс. фил.), 27–59.
- Shervinskiy, S. V. 1937: *P. Ovidiy Nazon. Metamorfozy [P. Ovidius Naso. Metamorphoses]*. Moscow–Leningrad.

- Шервинский, С. В. 1937: *П. Овидий Назон. Метаморфозы*. М.; Л.
- Shervinskiy, S. V. 1938: *Publii Ovidiy Nazon. Metamorfozy* [*Publius Ovidius Naso. Metamorphoses*]. Moscow.
- Шервинский, С. В. 1938: *Публий Овидий Назон. Метаморфозы*. М.
- Shervinskiy, S. V. 1977: *Ovidiy. Metamorfozy* [*Ovid. Metamorphoses*]. Moscow.
- Шервинский, С. В. 1977: *П. Овидий Назон. Метаморфозы*. М.
- Shervinskiy, S. V. 1983: *P. Ovidiy Nazon. Lyubovnyye elegii. Metamorfozy. Skorbnyye elegii* [*P. Ovidius Naso. Amores. Metamorphoses. Tristia*]. Moscow.
- Шервинский, С. В. 1983: *Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии*. М.
- Spiridonova, L. 2019: *Tekstologiya: Teoriya i praktika* [*Textual Criticism: Theory and Practice*]. Moscow.
- Спиридонова, Л. 2019: *Текстология: Теория и практика*. М.
- Tanselle, G. T. 1992: *A Rationale of Textual Criticism*. Philadelphia.
- Thurn, N. 1995: *Ugolino Verino. Carlias. Ein Epos des 15. Jahrhunderts erstmals herausgegeben von Nikolaus Thurn*. München.
- Van Hulle, D. 2004: *Textual Awareness: A Genetic Study of Late Manuscripts by Joyce, Proust, and Mann*. Ann Arbor.
- van Watershoot, B. 2021: Francesco Sforza's Friends and Foes. Techniques of Characterization in Filelfo's Sphortias. *Humanistica Lovaniensia* 70.1, 23–57.
- Wolkan, R. 1912: *Ein Briefwechsel des Eneas Silvius Piccolomini*. Bd. 2. Wien.

ЭРАТОСФЕН И ПОСИДОНИЙ КАК ИСТОРИКИ ГЕОГРАФИИ

В статье приводятся дополнительные аргументы в пользу того, что сходство между рассказами Гемина, Агафемера и Страбона об истории географических идей объясняется влиянием Посидония. В частности, именно этим может объясняться то, что Агафемер и Страбон, выделяя заслуживающих упоминания авторов из числа живших после Эратосфена, называют одни и те же три имени: Кратет, Гиппарх, Посидоний. Аналогичным образом сходство списков имён, значимых для рассказа об истории географии до Эратосфена, которые приводят Агафемер, Страбон и Плиний, обычно объясняется тем, что все трое опирались на историографический очерк Эратосфена. Сопоставление списка имён, восходящего к Эратосфену, и трёх имён, предположительно обусловленных влиянием Посидония, с аналогичными списками в других источниках (Агафархид, Псевдо-Скимн, Плиний, Авиен, Маркиан) и с прочими сведениями показывает, что остальные античные географы, скорее, были не согласны с Эратосфеном и Посидонием в том, каких авторов следует упоминать в историографическом очерке. Это означает, что современные представления об истории античной географии, базирующиеся, в первую очередь, на Страбоне и Агафемере, в основе своей были обусловлены мнением всего двух авторов — Эратосфена и Посидония — которые другие античные географы, скорее, не разделяли.

Ключевые слова: античная география, Эратосфен, Посидоний, Агафемер, Страбон, Гемин.

Dmitry A. Shcheglov

Independent researcher, Russia. shcheglov@yandex.ru

Eratosthenes and Posidonius as historians of geography

The article introduces additional arguments supporting the idea that the similarities between the accounts of the history of geography presented by Geminus, Agathemerus, and Strabo can be attributed to the influence of Posidonius. Specifically, this idea could explain why Agathemerus and Strabo, when listing noteworthy authors after Eratosthenes, highlight the same three names: Crates, Hipparchus, Posidonius. Similarly, the correspondences between the lists of noteworthy geographers before Eratosthenes

given by Agathemerus, Strabo, and Pliny are commonly explained by their reliance on Eratosthenes' historiographical account. Comparing the list of geographers mentioned by Eratosthenes and the three later authors highlighted by Agathemerus and Strabo with similar lists from other sources (Agatharchides, Pseudo-Scymnus, Pliny, Avienus, Marcianus) reveals that other ancient geographers tended to disagree with Eratosthenes and Posidonius regarding which authors deserved to be included in the historiographical account. This suggests that our modern understanding of ancient geography, primarily based on Strabo and Agathemerus, was essentially shaped by the views of just two authors — Eratosthenes and Posidonius—which were, most likely, not commonly held among other ancient geographers.

Keywords: ancient geography, Eratosthenes, Posidonius, Agathemerus, Strabo, Geminus.

О развитии географии в античности рассказывают не так много источников. Всего два источника приводят связанные историографические очерки: подробный — «География» Страбона (по сути, целиком I–II книги; именно из них происходит львиная доля сведений о географах эпохи эллинизма), похожий, но краткий — «Очерк географии» некоего Агафемера (его можно условно считать старшим современником Страбона)¹. Ещё четыре автора в начале своих сочинений приводят списки наиболее значимых географов (или иных значимых для географии авторов): Агафархид («Об Эритрейском море»; ок. 145–132 гг. до н. э.; *FGrH* 86), Псевдо-Скимн (поэма «Обход земли...»; вероятно, ок. 127–94 гг. до н. э.; *FGrH* 2048), Авиен (поэма «Морские берега»; вторая половина IV в.; *FGrH* 2009) и Маркиан (эпитама «Перипла Внутреннего моря» Мениппа; вероятно, V в.; *FGrH* 2027). Ещё два источника (Плиний в II–VI книгах и Стефан Византийский) ссылаются на предшественников достаточно часто, чтобы тех можно было ранжировать по числу цитирований, а Плиний дополнительно даёт списки своих источников для каждой из книг (не совпадающие с тем, какие авторы цитируются в этих книгах).

¹ Единственное основание для датировки — то, что самый поздний автор, известный Агафемеру — это Менипп, тогда как ни Исидор, ни Юба II, ни Страбон, писавшие на рубеже эр и в первой четверти I в. н. э., ему не известны. Издания и переводы с комментариями: Diller 1975; Podossinov 2009a; Leroy 2018. Электронное издание текста Агафемера: <http://www.digitalagathemerus.org>.

Агафемер в самом начале своего сочинения приводит, по сути, краеугольное свидетельство для реконструкции всей истории античной географии (пер. А. В. Подосинова с изменением): «Первым, кто решился изобразить ойкумену на таблице, был Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса. После него Гекатей Милетский, который много странствовал, настолько усовершенствовал это произведение, что привел всех в восхищение: ведь [даже] Гелланик Лесбосский — муж, сведущий во многих науках, излагал историю безо всякого изображения. Затем Дамаст Сигейский, переписав очень многое из Гекатея, написал перипл. Вслед за ним Демокрит, Эвдокс и некоторые другие составили периоды земли и периплы. (2) Древние изображали ойкумену круглой (*παλαιοὶ τὴν οἰκουμένην ἔγραφον στρογγύλην*), посреди же неё лежит, по их мнению, Эллада, а посреди [Эллады] — Дельфы: ведь там находится пуп земли. Первым же, кто заметил, что земля удлинённой формы (*προμήκης ἐστὶν ἢ γῆ*) и в длину в полтора раза больше, чем в ширину, был Демокрит, муж весьма многоопытный. С ним согласился и Дикеарх Перипатетик, Эвдокс же считал, что длина земли в два раза больше ширины (*τὸ μῆκος διπλοῦν τοῦ πλάτους*), Эратосфен — больше, чем в два раза. Кратет [представлял себе землю] как полукруг, Гиппарх — трапециевидной, другие же — подобной хвосту. Посидоний Стоик [считал, что земля] похожа на пращу и в средней своей части, простирающейся с юга на север, широкая, на восток же и запад — узкая, при этом восточные части, лежащие в Индии, более широкие, [чем западные]». Далее Агафемер рассказывает ещё о «розе ветров» Тимосфена (2.7), а в качестве наиболее «достойных доверия» авторов (*ἀξιόπιστοι*: 5.20) называет Артемидора и Мениппа, у которых он, вероятно, заимствует сведения напрямую².

Очерк Агафемера тематически распадается на три части: параграф I рассматривает вопрос о том, кто впервые изображал

² К Артемидору восходят большая часть приведённых Агафемером измерений расстояний, о чём свидетельствует их совпадение с аналогичными данными Плиния (2.242–246), который ссылается на Артемидора, и Маркиана (*Peripl. maris externi*, 1.5–6 Müller I pp. 520–521). У Мениппа Агафемер заимствует, как он сам отмечает (5.20), данные о периметре островов. Об Артемидоре и Мениппе как прямых источниках Агафемера см. Podossinov 2009b: 279.

или описывал ойкумену, параграф 2 — вопрос о форме ойкумены, параграфы 3–5 — вопрос о делении ойкумены на части. Давно было отмечено, что явное совпадение между списком имён в параграфе 1 Агафемера, сведениями Страбона, и начальной частью списков среди источников Плиния к книгам III–VI, указывает на то, что все трое опирались на историографический очерк Эратосфена (Nicolai 1986). Более примечательно и нуждается в отдельном объяснении то, что совпадение между сведениями Страбона и Агафемера наблюдается и далее — в рассказе о географах после Эратосфена.

Страбон включает Гиппарха, Посидония и Артемидора в пятёрку главных эллинистических географов, наравне с Эратосфеном и Полибием. При этом он, как и Агафермер, ставит в один ряд Эратосфена, Гиппарха, Полибия и Посидония, отмечая их специально (1.2.1 C14) как заслуживающих особого рассмотрения во вводной части своего труда (книгах I–II), а Артемидора в этих книгах не рассматривает. Кроме того, Страбон особо отмечает значение Кратета для географии, в частности, рассказывая о созданном им глобусе Земли, иллюстрирующем странствования гомеровских героев (2.5.10 C116 = *FGrH* 2113 F 13). Можно сказать, что у Страбона, как и у Агафемера, Кратет оказывается наиболее значимым для географии автором в столетии, разделяющем Эратосфена и Гиппарха. Отсутствие Полибия в списке имён Агафемера может иметь простое объяснение: Агафермер перечисляет мнения о форме и границах ойкумены, а Полибий полагал (*Hist.* 3.38), что на севере, в Скифии, и на юге, в Эфиопии, она не имеет известных границ, и форма её, соответственно, остаётся не определенной.

Комментаторы уже обращали внимание на то, что список авторов, высказывавшихся о форме ойкумены, у Агафемера замыкает Посидоний, и предполагали на этом основании, что он и послужил источником всего списка (Kidd 1988: 716–717; Legoу 2018). В подтверждение этого предположения я хочу обратить внимание на показательные переклички между сведениями Агафемера, Страбона и Гемина («Введение в явления»). Посидония Гемин ни разу не упоминает, однако, по общему признанию, следует в русле его идей³. Гемин, как и Агафермер

³ Evans, Berggren 2006: 13, 23–24.

(текст см. выше), обсуждает вопрос о форме ойкумены (16.21–28 = *FGrH* 2113 F 13) и так же отмечает, что некоторые составители карт ошибочно изображали её круглой (οἱ δὲ στοργγύλας γράφοντες τὰς γεωγραφίας), тогда как на самом деле её длина вдвое больше ширины (διπλάσιον ἔχον τὸ μῆκος τοῦ πλάτους). Далее Гемин упоминает и о сферической карте Кратета — явно той же самой, о которой рассказывает и Страбон (2.5.10 C116 = *FGrH* 2113 F 31): «устанавливая странствия Одиссея и вычерчивая всю сферу Земли, ограниченную кругом (τὴν ὄλην σφαῖραν τῆς γῆς καταγράφων τοῖς ἀφορίζομένοις κύκλοις), как мы об этом говорили выше, (Кратет) изобразил лежащий между тропиками океан, сказав, что такое расположение полностью согласуется с утверждениями математиков» (пер. А. И. Щетникова; Schetnikov 2011). Агафемер (1.2), характеризуя форму ойкумены Кратета как «полукруглую» (ἡμικύκλιον), явно имел в виду описанную Геминем схему, где ойкумена ограничена окружностью (очевидно, меридианом) и океаном, заключённым между тропиками. Далее Гемин (6.16; 16.26–27) обсуждает те же предложенные Кратетом толкования Гомера, что и Страбон: о «поселённых двойко» эфиопах (*Odys.* 1.23–24; *FGrH* 2113 F 13 = *Gemin.* 16.21–28; *Strab.* 1.1.24–25 C31–32; 2.3.7 C103, причём в последнем отрывке Страбон отмечает, что Посидоний критиковал Кратета: *Posid.* F 49 EK = *FGrH* 87 F 28) и о странствиях Одиссея, перенесённых в Атлантический океан (*Gemin.* 16.21–22; *Strab.* 2.4.4 C157). Наконец, Страбон сообщает (1.2.21 C29), что Посидоний (F 137 EK = *FGrH* 87 F 74), обсуждая названия ветров у Гомера, среди авторитетов в этом вопросе, наряду с Бионом и Аристотелем, называл Тимосфена, чью «розу ветров» подробно описывает Агафемер (2.7). Во фрагментах Посидония нет прямых ссылок на Гиппарха, однако ещё одна примечательная переключка между рассматриваемым текстом Агафемера и сведениями Страбона позволяет предположить, что суждения Кратета и Гиппарха о форме ойкумены обсуждались вместе уже в их общем источнике, т. е., вероятно, у Посидония. Ещё Г. Бергер предположил, что «трапецевидная» форма ойкумены, которую Агафемер приписывает Гиппарху, в действительности относится к очертаниям сетки параллелей и меридианов (Berger 1869: 35–37). Именно такую сетку, соответствующую в современной терминологии «трапецевидной проекции», описывает Страбон

непосредственно вслед за рассказом о глобусе Кратета (2.5.10 C117; подробнее см. Berger 1880: 200; Shcheglov 2007: 129–135). Поскольку, как показано выше, тот же рассказ о глобусе Кратета лежит в основе сообщений Гемина и Агафемера, которые вместе со Страбоном зависят от Посидония, можно предположить, что и «трапециевидная проекция» Гиппарха также упоминалась Посидонием. Отмеченные параллели не означают, что сведения о Кратете и Гиппархе Страбон заимствовал из Посидония, поскольку к их сочинениям он явно имел прямой доступ, но только позволяют предположить, что его внимание именно к этим авторам могло быть обусловлено влиянием Посидония, чьё мнение он ценил почти так же высоко, как и мнение Эратосфена.

В чём состоит важность этих наблюдений? Кратет, Гиппарх и Посидоний занимают почётные места в любых изложениях истории античной географии. Однако так происходит только благодаря сведениям Страбона и Агафемера. Если их исключить, обнаружится, что в связи с географией ни один из этих авторов не пользовался широкой известностью. Без Страбона и Агафемера, о Гиппархе и Посидонии осталось бы всего, соответственно, 4 и 3 упоминания, касающихся географии. Птолемей (*Geogr.* 1.4.2) сообщает, что Гиппарх указал широты небольшого числа городов. Цицерон (*Att.* 2.6) отмечает, что Гиппарх критиковал Эратосфена. Помпоний Мела, согласно одному из вариантов восстановления текста (3.7.70), приписывает Гиппарху мнение об острове Тапробана как о начале «другого мира», т. е. неисследованного южного континента. Плиний приводит мнение Посидония о положении Индии (6.57) и отмечает, что Гиппарх критиковал Эратосфена и давал иное значение окружности Земли (2.149). Клеомед, рассказывает об измерении Посидонием окружности Земли (7.1–48) и о его теории зон (1.4.90–146), которую упоминает и Ахилл Таций (*Isag.* 31). Некоторые сведения, почерпнутые из сочинения Посидония «Об океане», но без ссылки на него, приводит Диодор (5.17, 20, 21 = *FGrH* 87 F 116, 117.38.4; и ещё более — почерпнутые из его «Истории», также без ссылок). Кратет широко известен как комментатор Гомера, в том числе, географических реалий, упоминающихся в его поэмах. Однако общие представления Кратета о форме ойкумены и об окружающем её океане, помимо Страбона и Агафемера, упоминает только

Гемин в рассмотренных выше пассажах. Источники, упоминающие наибольшее количество авторов (в том числе малоизвестных), так или иначе связанных с географией (Афиней, Авиен, Маркиан, Стефан Византийский), от которых поэтому можно было бы ожидать ссылок и на географические работы Кратета, Гиппарха и Посидония, их, тем не менее, не приводят (Афиней часто ссылается на Кратета и Посидония, но вне связи с географией, а Стефан на Кратета ссылается всего один раз: s.v. Τάρταρος). Так же и Плиний, хотя и упоминает их вскользь, но на деле в своих географических книгах их сведения никак не использует. Если судить с позиций «вульгарной наукометрии» (т. е. только по числу цитирующих источников, без учёта содержания цитат), то Кратет, Гиппарх и Посидоний отнюдь не были самыми известными географами II–I вв. до н.э., а такие авторы, как, например, Мнасей (Cappelletto 2003), Исидор (*FGrH* 781), Юба (*FGrH* 275) и Нимфодор (*FGrH* 572), которыми современные изложения истории античной географии обычно пренебрегают, в этом отношении им, как минимум, не уступали. Более того источники, которые, как и Страбон с Агафемором, по-своему выделяют наиболее значимых для географии авторов этого периода, называют иные имена. Плиний (3.17; 5.16; 6.139–140, 170) тремя наиболее значимыми географами, наравне с Эратосфеном, считает Агриппу, Юбу II и Исидора, а Маркиан (1.2–3, 6) — (как и Агафемер) Артемидора, Мениппа, а также Страбона и ещё упоминает Эвдокса Родосского, чья датировка не вполне ясна. Стефан Византийский наиболее значимых авторов специально не выделяет, однако тройку наиболее часто цитируемых им авторов II–I вв. до н.э., близких географии, составляют Александр Полигистор (97 раз), Полибий (90) и Аполлодор Афинский (86)⁴. Афиней, Элиан и Суда не упоминают о географических работах Кратета, Гиппарха и Посидония, однако называют целый ряд других географов, относящихся к этому же периоду, о которых Страбон и Агафемер умалчивают: Мнасей, Полемон (*FGrH* 1752), Сем (*FGrH* 396), Исидор, Юба, Тимаген (*FGrH* 88), Нимфодор (Страбон лишь вскользь упомянул Полемона и Тимагена: 1.2.2 C15; 4.1.13 C188; 9.1.16 C396; 15.1.57 C711). Важное следствие из всего сказанного состоит в том, что выбор Агафемором и

⁴ Подсчеты сделаны по изданию Billerbeck, Neumann-Hartmann 2017.

Страбоном Кратета, Гиппарха и Посидония в качестве географов наиболее достойных упоминания после Эратосфена определялся, возможно, не столько тем, что они независимо друг от друга описывали одну и ту же реальность, сколько тем, что они оба находились под влиянием Посидония.

Аналогичная ситуация наблюдается при сравнении того, как более ранняя история географии представляется в источниках, опиравшихся на Эратосфена (Страбон, Агафемер, Плиний), и в остальных. Сравнение списка имён, упоминавшихся Эратосфеном, с аналогичными списками в других источниках позволяет оценить, насколько полны были сведения Эратосфена и насколько его представления об истории географии разделялись другими географами.

Всего во фрагментах Эратосфена упоминаются 23 автора, писавших о географии, ещё 3 имени Страбон и 1 имя Плиний черпают, вероятно, тоже у него, но уже без ссылок⁵. Агафархид (*FGrH* 86 F 64 = *Phot. Bibl.* 250 p. 454b) упоминает 6 авторов: Лик, Тимей, Гекатей (скорее Милетский, чем Абдерский), Василис, Диофант, Деметрий (очевидно, из Каллатиса). Только один из них (Гекатей) упомянут во фрагментах Эратосфена. Псевдо-Скимн во введении (109–127) даёт список из 8 наиболее значимых авторов (помимо Эратосфена): Эфор, Дионисий Халкидский, Деметрий из Каллатиса, Клеон, Тимосфен, Каллисфен, Тимей, Геродот. В других частях поэмы он упоминает ещё Феопомпа и Гекатея (вероятно, Абдерского). Только трое из них (Геродот, Эфор, Тимосфен) упомянуты во фрагментах Эратосфена. Авиен (34–50) даёт список из 12 наиболее значимых авторов, которые могли быть известны Эратосфену:

⁵ Издание: Roller 2010. В хронологическом порядке, не считая Гомера: Анаксимандр, Гекатей, Гелланик, Дамаст, Геродот, Демокрит, Ктесий, Эвдокс, Эфор, Пифей, Поликлит, Онесикрит, Неарх, Орфагор, Андросфен, Анаксикрат, бематисты (Страбон не называет имён, но из совпадений с данными Плиния 6.61–62 понятно, что имелся в виду Бетон или Диогнет), Дикеарх, Патрокл, Филон, Мегасфен, Деимах, Тимосфен. Без ссылки на Эратосфена упомянуты: Аристокл (Bergler 1880: 273, 278–279), Офел (17.3.3 C826), Каллимах (Blomqvist 1992: 57). К Эратосфену же, восходит, вероятно, ссылка Плиния на Клитарха (6.36, 198). Здесь не учтены упомянутые Эратосфеном Ксанф, Эвгемер, Стратон и Архимед, которых едва ли можно отнести к «географам».

Гекатей Милетский, Гелланик, Филей, Скилак, Павсимах, Дамаст, Бакор, Эвктемон, Клеон, Геродот, Фукидид, а также Гимилькон (упомянут далее по тексту: 117, 383, 412). Из них четверо (Гекатей, Гелланик, Геродот, Дамаст) упоминается во фрагментах Эратосфена и ещё двое (Скилак и Фукидид) явно должны были быть ему известны. Маркиан (1.2) называет 13 имён: Скилак, Ганнон, Эутимен, Филей, Пифей, Клеон, Андро-сфен, Апелл, Тимосфен, ещё четверо с неясной датировкой — Эвдокс Родосский, Сосандр, Симмей, Ботфей. Только три из них (Пифей, Андро-сфен, Тимосфен) упомянуты во фрагментах Эратосфена, и ещё два (Скилак, Апелл/Офел) явно были ему известны. В общей сложности все четыре списка упоминают имена 32 авторов, которые могли быть известны Эратосфену, из них минимум трое — это историки, слабо связанные с географией (Фукидид, Феопомп, Дионисий Халкидский), но из остальных 29 только 8 точно и ещё 2 предположительно обнаруживаются среди 27 авторов, упомянутых во фрагментах Эратосфена или вероятно ему известных. Иными словами, представления Эратосфена и других географов о том, каких авторов следует упомянуть в рассказе об истории географии, большей частью не совпадали.

Всем изложенным выше я не призываю к «отмене» привычных представлений об истории античной географии: не хочу сказать, в частности, что Кратет, Гиппарх и Посидоний на самом деле не имели того значения, какое им приписывают, и что их места должны быть отданы недооценённым, скажем, Мнасею, Исидору и Юбе. Мой тезис состоит в том, что привычная для нас история во многом была сформирована личным мнением всего двух мыслителей — Эратосфена и Посидония, чьё влияние обеспечило ей решающее преобладание над альтернативными точками зрения, которых придерживались другие авторы и которые остались известны нам только в менее связанном изложении в источниках «второго ряда». Мнение Эратосфена и Посидония, определившее их выбор того, каких авторов упомянуть, а о каких умолчать, было, очевидно, обоснованным. Однако выслушать и в должной мере оценить альтернативные точки зрения у нас уже нет возможности.

Литература

- Berger, H. 1869: *Die geographischen Fragmente des Hipparch*. Leipzig: B. G. Teubner.
- Berger, H. 1880: *Die geographischen Fragmente des Eratosthenes*. Leipzig: B.G. Teubner.
- Billerbeck, M., Neumann-Hartmann, A. 2017: *Stephani Byzantii Ethnica*. Vol. V: *Phi — Omega, Indices*. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Blomqvist, J. 1992: 'Alexandrian Science: The Case of Eratosthenes.' In: *Ethnicity in Hellenistic Egypt*. Edited by Per Bilde. Aarhus: Aarhus University Press, 53–73.
- Cappelletto, P. 2003: *I frammenti di Mnasea: introduzione testo e commento*. Milan: LED.
- Diller, A. 1975: 'Agathemerus, *Sketch of Geography*.' *Greek, Roman and Byzantine Studies* 16(1), 59–76.
- Evans, J., Berggren, J. L. 2006: *Geminus's Introduction to the Phenomena. A Translation and Study of a Hellenistic Survey of Astronomy*. Princeton: Princeton University Press.
- Kidd, I. G. 1988: *Posidonius*. Vol. II. *The Commentary: (i) Testimonia and Fragments 1–149 & (ii) Fragments 150–293*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leroy, P. O. 2018: 'Agathemerus (2102).' In: *Die Fragmente der Griechischen Historiker*. Part V. Edited by H.-J. Gehrke and F. Maier. [Electronic resource]. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1873-5363_jcv_a2102.
- Nicolai, R. (1986): 'Il cosiddetto canone dei geografi.' *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 17, 9–24.
- Podossinov, A. V. 2009a: [Agathemerus. *Sketch of geography*. Introductory article, translation from ancient Greek, and commentary by A. V. Podossinov]. In: *Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakul'teta MGU*. T. 2. Moscow: Indrik, 167–181.
- Подосинов, А. В. 2009а: Агафемер. Очерк географии. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий А. В. Подосинова. В сб.: *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ*. Т. 2. М.: Индик, 167–181.
- Podossinov, A. V. 2009b: 'Agathemerus' *Sketch of geography* and his sources.' In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Avtor i ego istochnik: vospriyatie, otnoshenie, interpretaciya*. XXI Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 14–17 April 2009. Moscow, 268–274.
- Подосинов, А. В. 2009б: «Очерк географии» Агафемера и его источники. В сб.: *Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация*. XXI Чтения памяти члена-корреспондента

- АН СССР Владимира Терентьевича Паашто*. Москва, 14–17 апреля 2009 г. М., 2009. С. 268–274.
- Roller, D. W. (2010) *Eratosthenes' Geography: Fragments Collected and Translated, with Commentary and Additional Material*. Princeton: Princeton University Press.
- Schetnikov, A. I. 2011: [Geminus. *Introduction to phenomena*. Preface, Russian translation and commentary by A. I. Shchetnikov]. *ΣΧΟΛΗ* 5(2), 174–233.
- Щетников, А. И. 2011: Гемин. Введение в явления. Предисловие, русский перевод и комментарий А. И. Щетникова. *ΣΧΟΛΗ* 5(2), 174–233.
- Shcheglov, D. A. 2007: 'Ptolemy's Latitude of Thule and the Map Projection in the Pre-Ptolemaic Geography.' *Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption (AKAN)* 17, 121–151.

Э. В. Янзина
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. lepusravus@hotmail.com

О. В. Корнеев
МГПУ, Москва, Россия. kov108@hotmail.com.

О ЗНАЧЕНИИ ВЫРАЖЕНИЯ $\gamma\rho\rho\grave{\alpha}$ $\pi\acute{\alpha}\lambda\eta$ В ТРАКТАТЕ ФИЛОСТРАТА «О ГИМНАСТИКЕ»

В статье предлагаются возможные варианты интерпретации выражения $\gamma\rho\rho\grave{\alpha}$ $\pi\acute{\alpha}\lambda\eta$ — букв. «круглая борьба», которое неоднократно встречается в трактате «О гимнастике» знаменитого писателя эпохи Римской империи (II–III вв.) Флавия Филострата (в главах 11 и 35), но до сих пор не получило внятного истолкования. В статью анализируются все специальные связанные с борьбой контексты употребления прилагательного $\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$ («круглый») и однокоренных ему слов — прилагательных $\acute{\upsilon}\pi\acute{\omicron}\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$ («слегка округленный») и $\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$ («хорошо закругленный»), а также глагола $\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\omega$ («округлять, делать круглым»). Для наглядности в ряде случаев представлен иллюстративный материал, сохраненный памятниками античного изобразительного искусства.

Ключевые слова: Флавий Филострат, «О гимнастике», античная борьба, древнегреческие термины-агононимы, $\gamma\rho\rho\grave{\alpha}$ $\pi\acute{\alpha}\lambda\eta$.

E. V. Yanzina
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. lepusravus@hotmail.com

O. V. Korneev
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia. kov108@hotmail.com

$\Gamma\rho\rho\grave{\alpha}$ $\pi\acute{\alpha}\lambda\eta$: why does Philostratus in the *Gymnasticus* call wrestling rounded?

The article deals with the *Gymnasticus* written by the famous Greek writer of the Roman imperial period Flavius Philostratus (II–III AD). The *Gymnasticus* is probably the least well known of Philostratus' surviving works and is full of specialized athletic vocabulary which is often difficult to understand. Among these aenigmatic words is the $\gamma\rho\rho\grave{\alpha}$ $\pi\acute{\alpha}\lambda\eta$ — lit. “rounded or curved wrestling” that is mentioned four times in this work (ch. 11, 35). Using all available ancient sources, both written and visual, the authors of the article give some new interpretations of this difficult expression. They pay special attention to the literary texts where $\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$ and its cognate words $\acute{\upsilon}\pi\acute{\omicron}\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$ ‘somewhat curved’, $\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$ ‘well-curved’ and $\gamma\rho\rho\acute{\omicron}\omega$ ‘make round’ are used in connection with the ancient Greek wrestling.

Key words: Flavius Philostratus, *Gymnasticus*, ancient wrestling, ancient Greek wrestling terms, $\gamma\rho\rho\grave{\alpha}$ $\pi\acute{\alpha}\lambda\eta$.

Статья посвящена трактату Περὶ γυμναστικῆς («О гимнастике») знаменитого античного писателя II–III веков, виднейшего представителя второй софистики Флавия Филострата.

Этот трактат занимает особое место в творческом наследии Филострата. С одной стороны, он созвучен другим произведениям писателя, который всю свою жизнь был апологетом традиционной греческой культуры и ее ценностей, в том числе и идеалов античной атлетики. Трактат являет собой по форме риторическое сочинение и содержит полемику с предшественниками и современниками Филострата (главным образом, с Галеном). С другой стороны, «Гимнастика» — это блестящий образец жанра греческой технической прозы эпохи Римской империи, он носит обобщающий и систематический характер и по сути представляет собой энциклопедию античного спорта.

При этом «О гимнастике» Филострата до сих пор остается одним из самых малоизученных произведений этого автора. В качестве иллюстрации можно привести цитату из предисловия к новейшему лёбовскому изданию Филострата, подготовленному Джейффри Растином и Джейсоном Кёнигом (Philostratus 2014: 333): “The *Gymnasticus* is probably the least well known of Philostratus’ surviving works. That is perhaps not surprising: structurally speaking it is a rather disjointed text. The Greek is often difficult, especially in the second half, which is full of specialized medical and athletic vocabulary” («“Гимнастика” Филострата, возможно, является наименее изученным из его сохранившихся произведений. И это не удивительно. С точки зрения структуры, это довольно неоднородный текст. Греческий там часто труден для понимания, особенно во второй половине, которая насыщена специфической медицинской и атлетической терминологией»).

Хотелось бы отметить, что сказанное касается не только второй половины трактата, но и в первой части встречается много выражений, часто терминологического свойства, которые не вполне понятны даже тем, кто знает греческий и знаком с греческой медицинской и спортивной терминологией.

К числу таких выражений относится γυρὰ πάλῃ — букв. «круглая борьба», которое Филострат трижды упоминает в 11-й главе «Гимнастики».

В статье представлена попытка дать возможную интерпретацию этих мест трактата.

Приведем по порядку все контексты.

1. παγκράτιον γοῦν καὶ πυγμὴν [καὶ πάλην] ἀκονιτὶ στεφανοῦν δεινὸν ἡγούμενοι τὸν παλαιστὴν οὐκ ἀπελαύνουσιν, ἐπειδὴ ὁ νόμος τὴν τοιάνδε νίκην μόνη ζυγχορεῖν φησι **τῇ γυρᾷ** καὶ ταλαιπώρῳ **πάλη** — «В то время как элейцы считают странным, если победа в панкратионе или в кулачном бою достанется кому-то “без пыли”¹, они не воспрещают этого борцам, потому как закон гласит, что подобная победа допускается только в приносящей муки и **«круглой» борьбе**»².

2–3. πάλη δὲ ταῦτόν μὲν ἐν προαγῶνι, ταῦτόν δὲ καὶ ἐν ἀγῶνι· παρέχεται γὰρ ἑκατέρα πεῖραν, ὅποσα οἶδε καὶ ὅποσα δύναται, **γυρὰ** τε εἰκότως εἴρηται· **γυρὸν γὰρ πάλης** καὶ **τὸ ὀρθόν**. ὅθεν Ἥλειοι στεφανοῦσι τὸ γυμναστικώτατον κάκ μόνου τοῦ γεγυμνάσθαι — «Что же касается борьбы, то тут тренировочное состязание ничем не отличается от настоящего. Оба они предоставляют возможность испытать, что атлет знает и что может, и борьба заслуженно называется **«круглой»**, **«круглой»** также называется и **борьба в стойке**. Поэтому элейцы награждают венком победителя в этой требующей наиболее тяжелой подготовки дисциплине даже за одну только подготовку к соревнованиям».

Возникает вопрос, почему Филострат называет борьбу «круглой» и что означает здесь прилагательное «круглый».

Необходимо отметить, что прилагательное γυρός, а также произведенное от него прилагательное ὑλόγυρος («слегка округленный») встречается применительно к борьбе также в 35-й главе «Гимнастики». Казалось бы, это место должно дать ключ к пониманию значения γυρός в 11-й главе, но, к сожалению, это не так.

В 35-й главе Филострат рассуждает о том, какая внешность и телосложение должны быть у идеального борца и среди прочего указывает, какая должна быть у него спина. Приведем

¹ Под пылью имеется в виду специальная гимнастическая пыль (κόνης), напоминающая по консистенции современный тальк. Ею атлеты посыпали себя перед тренировками и состязаниями. Таким образом, «без пыли» означает здесь «без вступления в состязание». Подробнее о гимнастической пыли, ее разновидностях и свойствах см.: Yanzina, Korneev 2016: 1146–1147.

² Приведенные здесь и далее переводы из «Гимнастики» Филострата выполнены П. А. Троицким. Все остальные переводы с древнегреческого выполнены авторами настоящей статьи.

это место: *νῶτα δὲ χαρίεντα μὲν ὀρθά, γυμναστικώτερα δὲ τὰ ὑπόγυρα, ἐπειδὴ καὶ προσφυέστερα τῷ τῆς πάλης σχήματι γυρῶ τε ὄντι καὶ προνεύοντι* — «Конечно, прямая спина красива, но **чуть округленная** лучше подходит для борьбы, потому что она естественнее для **скругленной** и наклонной **стойки борца**».

В данном случае значение *γυρός* вполне понятно. Более того, это прилагательное, уже начиная с поэм Гомера, используется для характеристики особенностей осанки человека и позиции верхней части его спины и плеч.

Так, например, в XIX песни «Одиссеи» (246) в описании внешности глашатая Одиссея Еврибата сказано, что он был *γυρός ἐν ὤμοισι, μελανόχροος, οὐλοκάρηνος* (букв. «был он округл в плечах, смуглокож, с курчавой головой»).

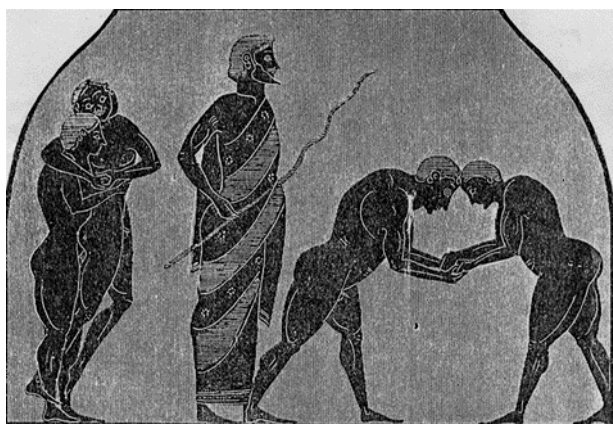
Что касается специальных связанных с борьбой контекстов, то в «Эфиопике» Гелиодора мы встречаем, правда, не прилагательное *γυρός*, а однокоренной ему глагол *γυρόω* — «округлять, делать круглым» в описании боевой стойки борца, то есть той исходной позиции, из которой он начинает поединок и которая позволяет ему в дальнейшем успешно атаковать и защищаться от атакующих захватов противника. Герой Гелиодора, готовясь к схватке с противником, выставляет руки вперед, крепко упирается ступнями в землю, сгибает ноги в коленях, **округляет спину и плечи**, слегка наклоняет шею и, сжавшись всем телом, с нетерпением ожидает начала поединка (*Aeth.* X, 31 — *προβάλλει τε ἐκτάδην τὸ χεῖρε καὶ τοῖν ποδοῖν τὴν βᾶσιν εἰς τὸ ἔδραϊον διερεισάμενος τὴν τε ἰγνὴν σιμῶσας καὶ ὤμους καὶ μετὰφρενα γυρώσας καὶ τὸν ἀνχένα μικρὸν ἐπικλίνας τό τε ὄλον σῶμα σφηκῶσας εἰστήκει τὰς λαβὰς τῶν παλαισμάτων ὠδίνων*).

Такая исходная позиция борца с округлением верхней части спины нередко изображалась и на памятниках античного искусства (илл. 1–2).

Таким образом, в 35-й главе «Гимнастики» Филострата мы, по всей видимости, имеем дело с другим значением прилагательного *γυρός*, не подходящим к контексту в 11-й главе.

Илл. 1. Стойка борца. Греческая ваза 430 г. до н. э. (Poliakoff 1987: fig. 19).

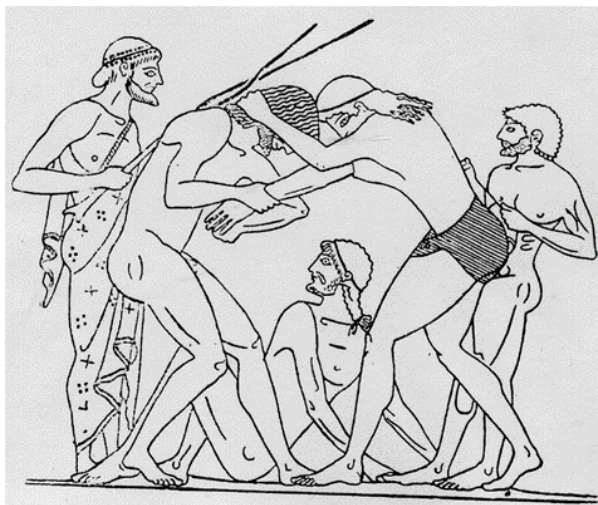

Илл. 2. Стойка борца (пара борцов справа). Аттическая чернофигурная амфора. 2-я пол. VI в. до н.э. Мюнхен, 1461 (Gardiner 1905: fig 4).

Попутно отметим, что применительно к борьбе в одной из эпиграмм «Греческой антологии» встречается образованное от γυρός сложное прилагательное εὔγυρος — букв. «хорошо закругленный» (XVI, 25). Это эпиграмма поэта I в. н. э. Филиппа Фессалоникийского, в которой он описывает статую шестикратного победителя Истмийских игр Дамострата из Синопы: Τὸν ἐκ Σινώπης εἰ κλύεις Δαμόστρατον/ πίτυν λαβόντα τὴν κατ' Ἴσθμον ἐξάκις,/ τοῦτον δέδορκας· οὐ κατ' εὔγυρον πάλην/ ψάμμον πεσόντος νῶτον οὐκ ἐσφράγισεν./ ἴδ' ἐς πρόσωπον θηρόθυμον, ὡς

ἔτι/ σφῆζει παλαιὰν τὰν ὑπὲρ νίκας ἔριν./ λέγει δ' ὁ χαλκός· “Ἄ βάσις με λυσάτω,/ χάς ἔμπνοος νῦν ἔβδομον κόνισομα” — «Если ты слышал о Дамострате из Синопы, том самом, который шесть раз получил на Истме венок из сосновых ветвей, его-то как раз ты и видишь. Он ни разу **в хорошо закругленной борьбе** [не упал] и не оставил на песке отпечатка собственной спины. Взгляни на его лицо, оно, как у дикого зверя, одушевлено пылом состязания и еще хранит ту древнюю эриду к победе. А бронзовая статуя говорит: “Пусть пьедестал отпустит меня, чтобы я и теперь, словно живой, в седьмой раз посыпал себя гимнастической пылью для состязаний”».

Хотя контекст, конечно, не позволяет уверенно определить значение прилагательного εὔγυρος³, однако, возможно, что эпитет εὔγυρος применительно к борьбе указывает на круговой характер движений или на переплетенную позицию тел борцов, взявших в захваты друг друга (как, например, на илл. 3–5).

Илл. 3. Поединок Аталанты и Пелея. Чернофигурная амфора. Конец VI в. до н. э. Мюнхен, Staatliche Antikensammlung und glyptothek, 1541 (Gardiner 1905: Fig. 13).

³ К слову заметим, что в греческой литературе (правда, уже у византийских авторов) прилагательное εὔγυρος встречается еще только в двух местах — при описании архитектурной детали (формы базы статуи, изображающей колесницу (Georg. Cedr. Comp. I, 566)) и при описании царской диадемы (Comm. Alex. III, 4, 1)).

Илл. 4. Чернофигурная амфора. 520–510 гг. до н.э. Тарквинии, Археологический музей, 5654 (Poliakoff 1982: Pl. 6).

Илл. 5. Бросок с захватом руки на плечо (*εις ὕψος ἀναβαστάσαι τὸν ἀντίπαλον*). Краснофигурный килик работы Онесима. 490–480 гг. до н.э. Париж, Национальная библиотека, 523.

Если же вернуться к вопросу, как понимать выражение *γυρά πάλη* в 11-й главе «Гимнастики» Филострата, то ответ, вероятно, следует искать в самом тексте. Мы предлагаем еще раз рассмотреть этот текст, точнее его финальную часть с того момента, когда Филострат отмечает, что он, кажется, понимает причину, по которой элейцы считают победу «без пыли» справедливой только для борьбы:

καὶ σαφῆς ἐμοὶ γ' οὖν ἡ αἰτία, δι' ἣν ὁ νόμος οὕτω προστάττει· τοῦ γὰρ δὴ ἀγωνίσασθαι ἐν Ὀλυμπία δεινοῦ ὄντος χαλεπώτερον ἔτι τὸ γυμνάζεσθαι δοκεῖ. τὰ μὲν οὖν τῶν κούφων γυμνάζεται ὁ δολιχοδρόμος ὀκτώ που ἢ δέκα στάδια καὶ ὁ πένταθλος τὸ δεῖν' ἀπὸ τῶν κούφων, οἱ δρομεῖς δίαυλον ἢ στάδιον ἢ ἄμφω ἀπὸ τῶν τριῶν. χαλεπὸν ἀπὸ τῶν τοιούτων οὐδέν· ὁ γὰρ τρόπος τῶν κούφων γυμνασιῶν ὁ αὐτός, ἦν τε Ἡλεῖοι γυμνάζωσιν, ἦν τε ἕτεροι· ὁ δὲ βαρύτερος ἀθλητῆς γυμνάζεται μὲν ὑπὸ Ἡλείων κατὰ τὴν ὥραν τοῦ ἔτους, ὅτε μάλιστα ὁ ἥλιος τὴν ἰλὸν ἐν κοίλῃ Ἀρκαδία αἶθει, κόνιν δὲ ἀνέχεται θερμότεραν τῆς Αἰθιοπῶν ψάμμου, καρτερεῖ δὲ ἐκ μεσημβρίας ἀρξάμενος. καὶ τούτων οὕτω ταλαιπώρων ὄντων τὸ ἐπιπονώτατον οἱ παλαισταὶ εἰσιν· ὁ μὲν γὰρ πύκτης, ἐπειδὴν ὁ τοῦ σταδίου καιρὸς ἦκη, τρωθήσεται καὶ τρώσει καὶ προσβήσεται ταῖς κνήμαις, γυμναζόμενος δὲ σκιὰν τῆς ἀγωνίας ἐπιδείξεται, καὶ ὁ παγκρατιαστῆς ἀγωνιεῖται μὲν πάντα τρόπον, ὅποσοι ἐν τῷ παγκρατίῳ εἰσίν, γυμνάζεται δὲ ἄλλοτε [καὶ] ἄλλω, πάλη δὲ ταῦτόν μὲν ἐν προαγῶνι, ταῦτόν δὲ καὶ ἐν ἀγῶνι· παρέχεται γὰρ ἑκατέρα πεῖραν, ὅποσα οἶδε καὶ ὅποσα δύναται, **γυρά τε εἰκότως εἴρηται· γυρὸν γὰρ πάλης καὶ τὸ ὀρθόν.** ὅθεν Ἡλεῖοι στεφανοῦσι τὸ γυμναστικώτατον κακὸν μόνου τοῦ γεγυμνάσθαι — «Мне, конечно, кажется ясной причина такого постановления. Олимпийские состязания и так тяжелы, подготовка же к ним считается еще более тяжелым испытанием. В легких видах состязаний ⁴

⁴ Согласно античной классификации (Philostr. Gymn. 3; ср. Dionys. Hal. Ant. Rom. VII, 72, 2 и др.), все виды атлетических состязаний разделялись в античности на «легкие» (τὰ κούφα) и «тяжелые» (τὰ βαρύτερα). Первую группу составляли στάδιον («бег на стадий»), δόλιχος («длинный бег»), ὀπλίται («бег в доспехах»), δίαυλος («двойной бег»), ἄλμα («прыжки») и, возможно, ἀκόντιον («метание копья»). Во вторую группу, помимо единоборств — борьбы (πάλη), кулачного боя (πυγμή) и панкратиона (παγκράτιον), входило также метание диска (δίσκος). Пятиборье занимало между этими группами промежуточное положение (πένταθλος δὲ ἀμφοῖν συνηρόσθη — Philostr. Gymn. 3).

участник длинного бега будет бегать дистанцию где-то в восемь или десять стадиев⁵, участник пятиборья тоже будет выполнять какое-нибудь легкое упражнение, бегуны же, выступающие в оставшихся трех видах бега⁶, будут тренироваться в двойном беге или в беге на один стадий или и в том, и в другом. Ничего трудного в этом нет, потому что метод тренировок в легких видах состязаний один и тот же, хоть бы элейцы занимались тренировкой атлета⁷, хоть бы другие. А атлета, занимающегося тяжелыми дисциплинами, элейцы тренируют в ту пору года, когда солнце сильнее всего сушит грязь в лощинах Аркадии. Атлет терпит более раскаленную, чем эфиопские пески, пыль и стойко выдерживает испытания начиная с полудня⁸. Хотя эти тренировки крайне мучительны, борцам приходится труднее всего. В самом деле, кулачный боец, когда ему придет время выступать на стадионе, будет получать и наносить раны и наносить удары в голень противника, во время же тренировки он будет показывать только бой с тенью. Панкратист, в свою очередь, во время игр будет соревноваться, используя все приемы, какие есть в панкратионе, но упражняться до соревнований будет то в одном, то в другом. Что же касается борьбы, то тут тренировочное состязание

⁵ Стадий равен примерно 180 м. Таким образом, дистанция, которую должны были преодолеть участники соревнований в длинном беге, составляла приблизительно 1,4 или 1,8 км.

⁶ Имеются в виду стадий, двойной бег, бег в доспехах.

⁷ На Олимпийских играх существовало особое правило, в соответствии с которым атлеты должны были упражняться в течение одного месяца под руководством местных должностных лиц элладодиков (Philostr. Gymn. 54; Paus. VI, 23, 1). Последние имели право отстегать атлета за непослушание или вовсе не допустить его к состязаниям

⁸ Олимпийские игры устраивались каждый четвертый год, с 11 до 15 дня священного месяца Иеромении, который начинался с первого новолуния после летнего солнцестояния (июнь-июль), и обычно приходились на июль-август. Согласно Павсанию (VI, 24, 1), тренировки в легких видах состязаний проводились утром, а в тяжелых — после полудня. Под пылью (κόνις) здесь имеется в виду измельченный песок, которым посыпали место для тренировок и состязаний в борьбе и некоторых других дисциплинах. Место это называлось κονίστρα или σκάττα (ср. σκάπτω — «копать, рыхлить»), и атлеты сами с помощью специальных инструментов, напоминающих по виду кирку или мотыгу, должны были приводить его в надлежащее состояние.

ничем не отличается от настоящего. Оба они предоставляют возможность испытать, что атлет знает и что может, и борьба заслуженно называется «круглой», это касается и борьбы в стойке. Поэтому элейцы награждают венком победителя в этой требующей наиболее тяжелой подготовки дисциплине даже за одну только подготовку к соревнованиям».

Выделим ключевые моменты в этом рассуждении Филострата.

1. Из всех тяжелых видов состязаний (не говоря уже о легких) только борец вынужден, тренируясь в Элиде под присмотром и руководством элланодиков, демонстрировать всю свою силу, навыки, умения и мастерство (*παρέχεται γὰρ ἑκατέρᾳ πεῖραν, ὅποσα οἶδε καὶ ὅποσα δύναται*) и только в борьбе тренировка носит круговой, то есть, как бы мы сказали, всесторонний, всеобъемлющий, комплексный, полный характер или представляет собой полный цикл.

2. В отличие от других дисциплин тренировочное состязание в борьбе ничем не отличается от настоящего (*πάλη δὲ ταῦτόν μὲν ἐν προαγῶνι, ταῦτόν δὲ καὶ ἐν ἀγῶνι*). Поэтому борьба заслуженно называется «круглой» (*[πάλη] γυρά τε εἰκότως εἴρηται*) или, иными словами, всеохватной и полной. Причем то же самое касается и борьбы в стойке (*γυρὸν γὰρ πάλης καὶ τὸ ὀρθόν*).

3. Поэтому вполне понятна позиция элейцев, которые только в этой требующей наиболее тяжелой подготовки дисциплине считают допустимой победу без участия в соревнованиях («без пыли») и награждают победителя венком за одну только подготовку к выступлению на Олимпийских играх.

К сожалению, нам не удалось найти сходных контекстов употребления прилагательного *γυρός* ни в греческих литературных, ни в эпиграфических источниках.

Но если посмотреть на синонимы, которые приводят для *γυρός* греческие лексикографы, то среди этих синонимов, наряду с прилагательными *στρογγύλος*, *περιφερής* и пр., оказываются и производные прилагательные от слова *κύκλος* («круг, цикл»), такие, как *κυκλοειδής*, *κυκλωτερής*, и, кроме того, в качестве синонима однокоренного *γυρός* существительного *γῦρος* («круг, окружность») лексикографы указывают *κύκλος* (Zonar. γ 458; Suda γ 510; Etym. Magn. 243 и др.).

Таким образом, представляется не совсем неуместным провести аналогию между значением упоминаемого Филостратом в 11-й главе прилагательного $\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}$ и прилагательным, производным от существительного $\kappa\acute{\upsilon}\kappa\lambda\omicron\varsigma$ — $\acute{\epsilon}\gamma\kappa\acute{\upsilon}\kappa\lambda\omicron\varsigma$ («круглый, круговой, общий для всех, общеобразовательный, всесторонний»), которое в сочетании с существительными $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\acute{\iota}\alpha$, $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$, $\mu\alpha\theta\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$, $\tau\acute{\epsilon}\chi\upsilon\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\alpha\iota$ и др. где-то с эллинистической эпохи начинает использоваться для обозначения как общего образования, так и всей доступной сферы знаний (Dionys. Hal. Comp. 25; Plut. Lib. educ. 7 c; Mus. 1135 d; ср. Alex. 7; Athen. Deipn. IV, 83; XIII, 53 и др.). Как пишут греческие лексикографы, $\acute{\epsilon}\gamma\kappa\acute{\upsilon}\kappa\lambda\omicron\upsilon\upsilon$: $\tau\omicron$ $\acute{\alpha}\pi\alpha\upsilon\tau\alpha\chi\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\theta\omicron\lambda\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$ — букв. ««энциклопедическое» — повсюду всеобщее» (Etym. Magn. 311 и др.), а в сферу «энциклопедического» они включают грамматику, поэтическое искусство, риторику, философию, математику и вообще любое искусство и знание ($\acute{\epsilon}\gamma\kappa\acute{\upsilon}\kappa\lambda\omicron\varsigma$: $\acute{\eta}$ $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\eta}$: $\acute{\eta}$ $\pi\omicron\iota\eta\tau\iota\kappa\acute{\eta}$: $\acute{\eta}$ $\rho\eta\tau\omicron\rho\iota\kappa\acute{\eta}$: $\acute{\eta}$ $\phi\iota\lambda\omicron\sigma\phi\acute{\omicron}\iota\alpha$: $\acute{\eta}$ $\mu\alpha\theta\eta\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\eta}$: $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\acute{\alpha}\pi\lambda\omicron\omega\varsigma$ $\pi\acute{\alpha}\sigma\alpha$ $\tau\acute{\epsilon}\chi\upsilon\eta$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\eta$ — Zonar. ϵ 6 и др.).

Точно так же, как прилагательное $\acute{\epsilon}\gamma\kappa\acute{\upsilon}\kappa\lambda\omicron\varsigma$ применимо к тому, что охватывает полный круг знаний и наук, так и прилагательное $\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}$ из 11-й главы «Гимнастики», вероятно, по мысли Филострата, включает весь круг приемов и техник, используемых в борьбе, то есть, несколько модернизируя, можно сказать, что $\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}$ — это «энциклопедический», но для борьбы.

Таким образом, мы полагаем, что по отношению к борьбе прилагательное $\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}$ встречается в «Гимнастике» Филострата в двух значениях — для характеристики округлой позиции верхней части спины и плеч борцов в боевой стойке (в 35-й главе) и для указания на полный, всеобъемлющий, всесторонний, охватывающий весь круг навыков и технических действий в борьбе характер тренировки (в главе 11), а встречающееся в упомянутой эпиграмме Филиппа однокоренное $\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}$ сложное прилагательное $\acute{\epsilon}\gamma\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}$, вероятно, предполагает круговой тип движения и переплетенное в захватах положение тел борцов. Но вполне возможно, что Филострат в 11-й главе «Гимнастики» сознательно «играет» со всеми тремя нюансами значения $\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}$ и использует это прилагательное как наиболее подходящее для данного контекста.

Литература

- Anna Comnena. *Alexias*, ed. B. Leib, Anna Comnène. *Alexiade*, 3 vols. Paris: Les Belles Lettres, 1:1937; 2:1943; 3:1945.
- Anthologia Graeca, ed. H. Beckby, *Anthologia Graeca*, 4 vols., 2nd edn. Munich 1–2:1965, 3–4:1968.
- Athenaeus. *Deipnosophistae*, ed. G. Kaibel, *Athenaei Naucraticae deipnosophistarum libri XV*, 3 vols. Leipzig 1–2:1887, 3:1890; repr. Stuttgart 1–2:1965, 3:1966.
- Dionysius Halicarnassensis. *De compositione verborum*, ed. H. Usener and L. Radermacher, *Dionysii Halicarnasei quae exstant*, vol. 6. Leipzig: Teubner, 1929 (repr. Stuttgart: 1965).
- Etymologicum magnum, ed. T. Gaisford, *Etymologicum magnum*. Oxford 1848, repr. Amsterdam 1967.
- Gardiner E. N., 1905: Wrestling. *Journal of Hellenic Studies*, vol. XXV, London, 14–31, 263–293.
- Georgius Cedrenus. *Compendium historiarum*, ed. I. Bekker, *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope*, 2 vols. [Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn: Weber, 1:1838; 2:1839].
- Heliodorus. *Aethiopica*, ed. R. M. Rattenbury, T. W. Lumb and J. Maillon, *Heliodore. Les Ethiopiques Theogene et Chariclee*, 3 vols., 2nd edn. Paris, 1960.
- Homerus. *Ilias*, ed. Th. W. Allen, *Homeri Ilias*, vol. 3. Oxford, 1931.
- Pausanias. *Graeciae descriptio*, ed. F. Spiro, *Pausaniae Graeciae descriptio*, 3 vols. Leipzig, 1903.
- Philostratus. *Heroicus, Gymnasticus, Discourses 1 and 2*, ed. and trans. by J. Rusten and J. König. Cambridge (Mass.) — London, 2014.
- Plutarchus. *Aristides, Theseus, Romulus, Cato Maior, Cimon, Comparatio Cimonis et Luculli, Solon, Publicola, Pericles, Fabius Maximus, Alcibiades, Demosthenes, Timoleon, Pelopidas, Marcellus, Alexander, Caesar, Philopoemen, Marius, Agis et Cleomenes, Antonius, De musica*, ed. K. Ziegler, *Plutarchi vitae parallelae*, vols. 1.1, 4th edn.; 1.2, 3rd edn.; 2.1, 2nd edn.; 2.2, 2nd edn.; 3.1, 2nd edn.; 6.3, 3rd edn. Leipzig 1.1:1969, 1.2:1964, 2.1:1964, 2.2:1968, 3.1:1971, 6.3:1966.
- Plutarchus. *De liberis educandis*, ed. F. C. Babbitt, *Plutarch's moralia*, vol. 1. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1927 (repr. 1969).
- Plutarchus. *De musica*, ed. K. Ziegler, *Plutarchi moralia*, vol. 6.3, 3rd edn. Leipzig: Teubner, 1966.
- Poliakoff M. B., 1987: *Combat sports in the ancient world: competition, violence and culture*. New Haven and London.
- Poliakoff M. B., 1982: Studies in the terminology of the Greek combat sports. *Beiträge zur klassischen Philologie*. Heft 146. Königstein/ Ts.
- Suda vel Suidas. Lexicon*, ed. A. Adler, *Suidae lexicon*, 4 vols. *Lexicographi Graeci* 1.1-1.4. Leipzig 1.1:1928, 1.2:1931, 1.3:1933, 1.4:1935; repr. Stuttgart 1.1:1971, 1.2:1967, 1.3:1967, 1.4:1971.

- Yanzina E. V., Korneev O. V., 2016: O nekotorykh aspektakh podgotovki antichnykh atletov-edinobortsev k sostyazaniyam: praktika i terminologiya trenirovochnogo protsessa [Some comments on the ancient combat sports athletes training: practices and terms]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 20, 1143–1161.
- Янзина, Корнеев 2016: О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20(2), 1143–1161.
- (Pseudo)-Zonaras. Lexicon, ed. J. A. H. Tittmann, Iohannis Zonarae lexicon ex tribus codicibus manuscriptis, 2 vols. Leipzig 1808, repr. Amsterdam 1967.

A. A. Evdokimova

Institute of linguistics of RAS. arochka@gmail.com

**ACCENTUATION IN THE BYZANTINE LAPIDARY
INSCRIPTIONS OF CONSTANTINOPLE AND THE PROCESS OF
MONOPHTHONGIZATION OF DIPHTHONGS. NEW MATERIAL
FROM THE DUMBARTON OAKS ARCHIVE**

The article presents 29 lapidary accented Byzantine Greek inscriptions placed in the 2nd half. XX cent. in the Archaeological Museum of Istanbul, dating from the VIII–XV centuries, and for the most part originating from Constantinople and its environs. The photographs of some of these inscriptions are stored in the Dumbarton Oaks archive in the collection of Igor Ševčenko (we are very grateful to the archive and Ekaterina Ševčenko for permission to use them for our article (the 6 photos are published with permission of the Estate of Ihor Ševčenko)). The analysis of the usage of accentuation systems in these monuments revealed that in 20 inscriptions words were presented within the framework of the Byzantine accentuation system and in 11 of them they were combined with words with stress and/or breathing mark on the first element of diphthong, which was characteristic of the Alexandrine accentuation system. In the remaining 10 inscriptions there is a shift of stress to the right (3) and a combination of systems with shift of stress to the right and with to the left (4). Three inscriptions from the last category have a shift to the left only in diphthongs. This distribution can be interpreted as highlighting the position of the diphthong and the existence in the tradition of a tendency to mark the first of its two elements with accentuation marks.

Key words: Greek accentuation, Lapidary Byzantine inscriptions, Byzantine Greek language, Alexandrine accentuation system, Byzantine accentuation system, Constantinople, archive Dumbarton Oaks, collection of Ihor Sevchenko, Byzantine epigraphy.

A. A. Евдокимова

Институт языкознания РАН. arochka@gmail.com

**Акцентуация в лапидарных византийских надписях
из Константинополя и процесс монофтонгизации дифтонгов.
Новые материалы из архива «Дамбартон Оукс»**

В статье представлены 29 лапидарных акцентуированных византийских греческих надписей, находившихся во 2 пол. XX вв. в археологическом музее Стамбула, датированных с VIII–XV вв., и по большей части, происходящих из Константинополя и его окрест-

ностей. Часть из этих надписей в виде фотографий хранится в архиве Dumbarton Oaks в коллекции Игоря Шевченко (благодарим архив и Екатерину Шевченко за разрешение использовать их в нашей статье). В результате анализа использования систем акцентуации в этих памятниках было выявлено, что в 20 надписях представлены слова в рамках византийской системы акцентуации и в 11 из них они сочетались со словами с ударениями и/или придыханиями на первом элементе дифтонга, что было характерно для александрийской системы акцентуации. В оставшихся 10 надписях наблюдается сдвиг ударения вправо (3) и сочетание систем сдвига ударения вправо и влево (4), причем в 3 из последней категории сдвиг влево только в дифтонгах. Такое распределение можно трактовать как выделение позиции дифтонга и существования в традиции тяготения к маркированию первого из двух его элементов.

Ключевые слова: греческая акцентуация, лапидарные византийские надписи, византийский греческий язык, александрийская система акцентуации, византийская система акцентуации, Константинополь, архив Dumbarton Oaks, коллекция Игоря Шевченко, византийская эпиграфика

In memoriam of V. A. Dybo

The research of phonetic changes in Byzantine Greek cannot neglect the cases when accent mark is placed on the first part of the diphthong. The fact of the monophthongization makes us regard such examples as an impact of the Alexandrine accentuation system. However, they may also result from selfdictation (i.e. spelling) aimed at correct writing. The both explanations seem possible as we do not know how the placement of accent marks was taught at that period. Definitely, there are manuscripts and inscriptions where the accent marks were placed not by the scribe but by someone else. In his book on Ancient Greek accent, Prof. Iosif M. Tronsky (1962: 16) mentions that a special person would write accent marks according to grammar treatises if the papyrus was not copied from the original text with accentuation.

According to Prof. Tronsky (1962: 4), a consonant could constitute one mora with a vowel if they had an appropriate location and syllable type. Tronsky stated that initial consonants joined the first mora of the long vowel or the single mora of a short vowel. In the closed syllable final consonants constituted the second mora, or joined the second mora of the long vowel. Moreover, the boundary between moras in the first case was between a vowel and a consonant. All accentuation systems used in Byzantine inscriptions in fact graphically mark moras' boundaries and indicate if a

consonant becomes the constituent of the same mora with a vowel and by means of the accent shift to the right or to the left. Reduction of the vowels along with monophthongization destroyed original rules. Byzantine lapidary inscriptions, unlike other types of inscriptions, seem to follow the original accentuation pattern (including diphthongs) which appeared before the monophthongization. However, the reading of these inscriptions could follow other rules than those of their composition.

The analysis of the accentuated inscriptions on metal found in Italy revealed a number of features (like certain elements of the Alexandrian accentuation system) which did not match the accentuation pattern of the lapidary inscriptions in the same territory (Evdokimova 2023). The reason is that all these metal decorative art objects and relics were brought from Constantinople as gifts to local Italian rulers. This fact makes necessary to analyze the lapidary Greek inscriptions of Constantinople as a possible original source for our understanding of the rules of accentuation. I would like to thank Kateryna Ševčenko and Dumbarton Oaks Research Library and Collections in general for the opportunity to use the negatives from the collection of Ihor Ševčenko (6 photos are used with the permission of the Estate of Ihor Ševčenko¹).

1. The first inscription from Constantinople is a marble block from the Theodosian land walls, from the tower in front of a fortification 77a with the inscription of John Palaiologos dated 1432/3. The photo was taken in the archaeological museum of Istanbul, room 20, No. 1648 (col. I. Ševčenko) where the block is kept. Previously, it published with tracing, without any photographs (Meyer–Plath, Schneider, 1943: 136, №45). The

¹ Other photos and tracings are from the publications of the inscriptions.

negative from the Ihor Ševčenko collection in the Dumbarton Oaks archive has a code D.O. Center for Byz Study L61–314 (IS). Dimensions (from the previous publication): h. 0,405 m, l. 1,61 m, h. of letters 0,13 m.

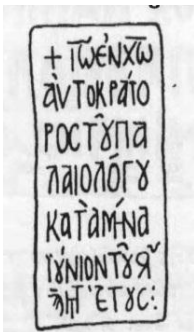
The acute is shifted to the left in the verb "ἀνεκάν'ισε" and takes place on the first part of the diphthong. At the same time, another acute appears on the stressed syllable (post-tonic), shifted to the left and falling on the consonant "ν". Since there are no signs above the other "ν" in this line, then the previous case is not an example of paleography. The full text with all signs looks like: "ἀνεκάν'ισε το κάστρον όλον ἰώ ε'ν χ'ω ἀυτοκράτωρ ὁ παλαιολόγος ε'ν ἔτει στᾶ μα". In the edition, when deciphering the text, all accent marks are unified according to the Byzantine accentuation system. In the drawing, some accent signs are missing or displaced. Letters accentuated with serifs, sigma and epsilon are lunate and there are the minuscule forms in the abbreviations.

2. There is a range of the other inscriptions, dedicated to Joann Paleologue and containing the identical text, but they differ in the accentuation as other parameters (orthography, paleography etc) in the edition made by Meyer–Plath and Schneider. The first inscription is dated by 1443/4 y. It was found in the tower in front of a fortification #12 and filled with lead (Meyer–Plath, Schneider, 1943: 127, №11, №132a, van

Millingen 1899: 105). In its picture the gravis is under the proclitic between two abbreviations: "ἐν". The acute is shifted to the left and falls between a vowel and a consonant: "Παλαιολόγου". The spiritus is shifted to the left too and falls on the space before the vowel, and the gravis is shifted to the right and gets into the space between a vowel and a consonant: "ε'τους". The Byzantine accentuation system are presented in two words: "αὐτοκράτορος", "τοῦ".

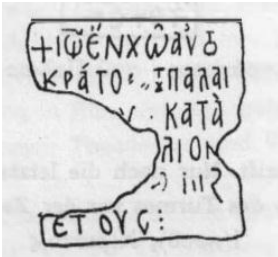
3. The second inscription is dated in 1440 and situated in the tower in front of a fortification #27. The letters were filled with lead (Meyer–Plath, Schneider, 1943: 127, №17; van Millingen 1899: 105; Janin 1964: 274).

The abbreviation mark is united with the acute, which falls on a vowel, other accent marks are absent: "Ιω(αννου)", "Χ(ριστ)ω". The aspiration mark is shifted to the left to the space between a vowel and consonant "ε'ν", "α'υτοκράτορος". And other acute is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant: "μ'ηνα". The gravis is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant in "κατ'α", the circumflex twice in the same position "τ'ου" and the acute once "Παλαιολόγου". The acute is shifted to the right to the space between a vowel and a

consonant, the trema is used on an initial iota before the diphthong: "ἰου'νιον". The gravis is used instead of the acute, and is shifted to the left to the space before the initial vowel: "ἔτους".

4. The third inscription is dated 1439 and situated in the tower before the fortification #34. Font was with lead filling (Meyer-Plath, Schneider, 1943: 128, №19; Janin 1964: 275).

As in the previous inscription, here the abbreviation mark is united with the acute, which turn up on a vowel, others accentuation marks are absent: "Ἰώ(αννου)". The acute is on the proclitic: "ἐν", the breathing mark is shifted to the right to the space between two elements of diphthong: "ἀ'υτοκράτορος". The Byzantine accentuation system used in two lexemes: "Χ(ριστ)ῶ", "κατὰ".

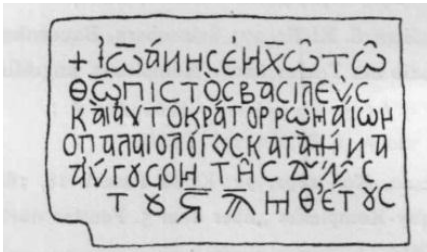
5. The fourth inscription is dated 1439 and situated in the tower before the fortification #37a. Font was with lead filling (Meyer-Plath, Schneider, 1943: 130, №25; van Millingen 1899: 106; Janin 1964: 276).

The aspiration mark is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant in preposition "ἐ'ν" and in the noun "ἀ'υτοκράτορος", but the acute put up exactly over a vowel. The circumflex is shifted to the left to the space between the both diphthong elements: "τῶ'ν". The acute has a small shift to the left to the space between a vowel and a consonant: "Παλαιολ'ογου". Within the Byzantine

accentuation system: the circumflex is shifted a little bit to the right, for not to join with the abbreviation mark: "Χ(ριστ)ῶ", over the traditional ligature "τοῦ", without distortions: "κατὰ", "μῆ'να", "ἔτ[ο]υς", "Ἰαννουάριον".

6. The fifth inscription is dated 1441 and situated between 12 and 13 towers of the Theodosian walls. The letters were filled with lead (Meyer-Plath, Schneider, 1943: 140, № 59, van Millingen 1899: 126).

The abbreviation mark is over the consonant, and the circumflex turn up exactly the vowel: "Χ(ριστ)ῶ". The abbreviation mark combines with the circumflex: "θ(ε)ῶ". The gravis is shifted to the left to the first

element of the diphthong "καί", the aspiration mark is shifted to the first element, and the acute is exactly over the vowel: "ἀ'υτοκράτορ",

the gravis is shifted to the left to the first element of the diphthong "καί", the aspiration mark is shifted to the first element, and the acute is exactly over the vowel: "ἀ'υτοκράτορ",

"ἀγουστον". The acute is shifted to the right to the first element of the diphthong: "Ρωμάων". The aspiration mark is shifted a little bit to the left to the space before the vowel, and the acute to the right to the space between a vowel and a consonant: "ἑ'τους". The Byzantine accentuation system is presented in more words than in previous inscriptions: "έν", "τῶ", "πιστὸς", "κατὰ", "τῆς" "μήνα", "βασιλεὺς", "Παλαιολόγος". The aspiration turn up exactly the vowel as and the acute with the abbreviation mark: "Ἰωάν(ν)ης".

7. The sixth inscription is dated 1448 and saved not in a whole (Meyer–Plath, Schneider, 1943: 141–142, №66, Lehmann–Hartleben 1922: 113–114, Abb. 8). This marble block (h. 0,80 m.) was found in 1918 in the ruins of the Panagia church in Eximarmar. The letters were filled with lead.

The circumflex in the second word is shifted to the left to the first element of the diphthong and part of it in the space between the elements: "το̂υ". The acute in the third word is exactly on the vowel: "Παλαιολόγου". The circumflex in the fourth word is shifted to the left to the first part of diphthong and small part of it over the space between two elements: "το̂υ".

8. The unpublished fragment of the inscription, which the negative has a cipher D.O. L67–868(IS) in the Ševčenko's collection.

Text: οδΩ ρ

π

[Θε]οδω ρ[ου] || ...π

Translation: of Theodor

Paleography: the majuscule letters with serifs. The delta is triangular with a long hasta in the bottom. Omicron is semi-diamond-shaped. Omega is rounded with a little narrowing in the bottom and has

short vertical hasta in the middle. Rho has elongated vertical hasta. The first line is presented by the lower fragments of the vertical hastas of the letters with serifs.

In the second line the abbreviation mark turn up on the most likely over the name in the Genitive case: «[Θε]οδω ρ[ου]». The acute is shifted a little bit to the right and almost hits on the space between a vowel and a

consonant. In the third line the upper part of the letter, judging by the outlines, is most likely «π».

9. The marble fragment is broken on all sides (Çukun bostar). Its origin is from Constantinople, kept at the time of shooting by Ihor Ševčenko in the archeological museum in the Istanbul, not edited. The negative chipper in the archive Dumbarton Oaks is

D.O. Field

Text:]ΩΝΟΜΑΓΜΕΝ[

]Ω/ΗΝ Μ'Η ΠΛΕ'ΟΝ ΖΗ[

Τ]ῆς ἱΚΕΤ[

ὄνομασμέν[οι?...] || ω/ην μῆ
πλέον ζῆ [...] || τῆς ἱκετ[ηρίας...] /
ἱκετ[είας...]

Translation: called... don't
more live... of invocation /
supplication

Paleography: Marble block is

lined and the traces of lines are seen between the letters. The uncial narrow letters with serifs, epsilon and sigma are lunate, pi with extended horizontal, alpha with slanting crossbar. «μ» is with a small vertical hasta in the middle. In the second line some letters are united. The paleographical features could be dated as VIII–XIII cent. (Oikonomides, 1986: 168).committee L67–371(IS).

The accentuation marks are lost in the first line. The gravis is shifted a little bit to the left in μῆ, but the acute is exactly under a vowel in "πλέον" in the second line. The circumflex is long and under a vowel and the space between a vowel and a consonant in the article "τῆς". Iota has trema and the mark of the rough breathing under the trema in the third line.

10. Next not edited fragment of the inscription on the marble block at the time of the photo was stored in Constantinople in an archeological museum (çukun bostar). The negative is located in the collection of Ihor Ševčenko and is marked as D.O. Field committee L67–380 (IS).

Text: Ν ΑΜΑ

Η

ἄφεσι]ν ἀμα[ρτίων] || ὅση

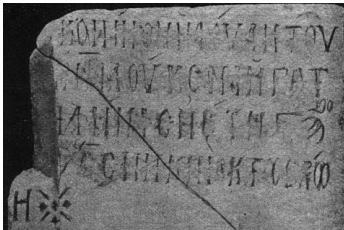
Translation: absolution

In the second line "ση" can be interpreted as a part of a name. Paleography: the letters are majuscule, sigma is lunate. "μ" is united with triangular alpha with long horizontal hasta in the bottom and has a special rectangular form.

The mark of smooth breathing is under the alpha in the first line. But if our interpretation is correct, here is a mistake, because we wait the mark of rough breathing under the alpha in the word "ἀμα[ρτίων]".

Comparison with examples from the TLG corpus revealed two possible contexts. One of them as in prayer quote "I believe" from Ephes 938 y. (Engelmann, Knibbe, Merkelbach 1980: № 1278): "πιστεύομεν [εἰς μίαν ἁγίαν καθολικὴν καὶ ἀποστ]ολ[ικὴν ἐκκλησίαν] [ὁμολογοῦμεν ἐν βάπτισμα εἰς ἄφεσιν [ἀμαρτιῶν]" (we believe in the holy universal and apostolic church, we recognize one baptism for the remission of sins). Or the second is as in the prayer from Thessalonica V cent. "δὸς ἄνεσιν καὶ ἄφεσιν ἀ[μ]α[ρτιῶν]" (Feissel 1983, 180) and in not dated inscription from Parthenon from Athens: "δὸς αὐτ(ὸν) ἄφεσιν ἀμαρτιῶ[ν]" (Orlandos 1973, 18).

11. Constantinople, the archeological museum, the slab from Proconese marble with two inscriptions, was found in the Galata, from the mosque Arab-Cami (in the Karaköy quarter of Istanbul) 1408–1483 y. From the archive of I. Ševčenko (neg. D.O. Field committee L67–865 (IS)), was edited with unified accentuation marks (Laurent 1936: 220–222, fig. 1, Mango 1951: 64, №19a). The photos located in the Dumbarton Oaks archive fixed the worst condition of the inscription, if we compare it with the variant in edition of 1936 y. The letters accentuated with serifs, epsilon and sigma are lunate, the accentuation marks helped Laurent to make their interpretation.

Paleography: letters majuscule with serifs, epsilon and sigma is lunate, V-shaped upsilon.

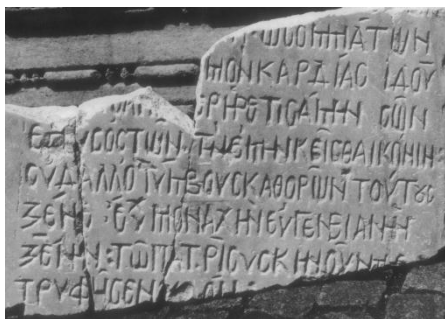
The accentuation marks are long.

The acute is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant: "κομ'ῆθη". The acute is shifted to the left to the first element of diphthong

"δούλη". In the article the long circumflex is shifted to the left to the first element of the diphthong and part of it on the space between two elements: "τοῦ". In two words the acute is shifted to the right to the space between two letters: "οκτοβρι'ω", "Πετ[ραλ]ιφ'να". The aspiration is shifted to the right to the space between a vowel and consonant: "ε'ν", in the second case turns up on the consonant. The acute is exactly over the vowel, the aspiration mark is omitted: "έτη". The Byzantine accentuation system is presented in three words: "ἦ", "δοῦκενα", "μηνι".

12. Marble funerary slab of the nun Xene Eugeniene in three pieces fixed in the archeological museum of the Istanbul inv. No. 6144 (negative D.O. Field committee L69–3), found in the course of the restoration Yedikule, XIV cent., published with unified accentuation marks (Mango, Sevchenko 1978: 14–15, fig. 18). Entered the Museum in 1968. Dimensions from the publication: H. 40 cm; w. 63,5 m.; th. 4 cm.; height of

letters 3 cm.; interlinear spaces 1,5–2 cm. As C. Mango and I. Sevchenco wrote in their commentary: "The inscription is in dodecasyllables, separated either by two points or by a space" (Mango, Sevchenco 1978: 15, № 18). We took all the restitution from their edition.

Paleography: letters are majuscule, sigma and epsilon lunate, V-shaped upsilon. Omega is rounded with all hastas equivalent to each other. Mu is similar with the letter from 10 inscription of this article. Delta is triangular with long horizontal hasta.

The circumflex are long and turns up to the two letters,

more often to the both part of diphthong: "ἰδοῦ", "κεῖσθαι". The acute is long and turns up to the vowel and the space between letters. The part of the accentuation marks is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant: "ἡρεῖσα μὴν", "Ξενην". The gravis is shifted to the right into the consonant "v" in the second line in the noun "συντριμῶν" and in the fourth line in the article "την", the gravis took the same position in the sixth line in the noun "μοναχὴν". The circumflex is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant in the fifth line: "καθορῶν". In the next line the breathing mark is shifted to the left to the space before the initial vowel: "ἔυχ()", but the acute is shifted to the first element of the diphthong. The second element of the diphthong and part of a consonant sign make with each other horizontal ligature. The breathing mark is shifted to the left to the space between two elements of diphthong, and the gravis is shifted to the right to the consonant "v" in the family name "Εὐγενεῖανην". The acute is shifted to the right turns up to the consonant "v" in the beginning of the next line in word "ξενε". The first two letters has the abbreviation mark in the name "Ξενην", but the abbreviation itself is absent. The circumflex is shifted to the left to the first and second elements of the diphthong: "συσκηνοῦν". The circumflex is shifted to the right a little bit and with its one part falls into the space between a vowel and a consonant in next line in the noun "τροφῆς". The Byzantine accentuation system is presented in the words: "ομμάτων", "καρδίας", "σῶν", "ὄστων", "κόνιν", "τούτους", "τύμβους", "ἐμην", "οὐδ", "τῶ", "Πατρι", "χ[λ]όη".

13. Upper left corner of the marble slab was made in Constantinople and it was in the archeological museum inv. No. 6049 (Published Mango, Sevchenco 1978: 9–10, fig. 12), there is a photo made by C. Mango. When C. Mango and I. Sevchenco found it in 1967, it was in the Topkapi Sarayı, first court, near the laboratory of the archaeological museum, they

identified it as funerary? and dated from probably XIII cent. Dimensions from the publication: h. 27 cm; w. 15 cm; th. 6 cm: height of letters 2,5–4 cm; interlinear spaces 2,5 cm.

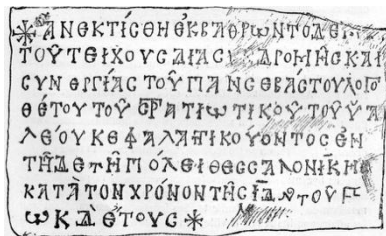
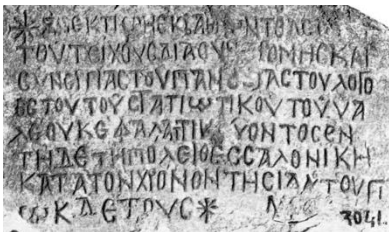

Text: ομιλ[ῶν?]/ ο Μίλ[ῶν/ Μίλ[τιάδης— —]||ἡθῶν/βοηθῶν ο[— —] || δ'ε μου σ[α— —]||κω'ν ακ[ου?— —] ||·ο/ε]υς βα'[- 2

Paleography: letters are majuscule with serifs, ε is lunate, Y-shaped upsilon. Omega is smaller than other letters and near closed rounded with small vertical hasta. Alpha has special form: rectangular with long right vertical hasta. Delta is triangular. Horizontal hasta in "μ" and the form of the letter is similar with the letter from the 10th inscription in this article.

The gravis is long and turns up not only exactly to a vowel and between a vowel and a consonant, in the third line there is a shift to the left "δ'ε", in the fourth line with shift to the right "κω'ν".

14. The graved marble block with a building inscription was found in Thessaloniki during the demolition of the marine wall, delivered to Istanbul in the archeological museum Inv. No. 3041 and the negative in archive of Ševčenko (D.O. L61–518(IS), BF P 2001.000759). The text was published and dated 1315/6 y. (Duchesne, Bayet 1876: 66, №109; Mordtman 1879: 193–194; Papadopoulos–Kérameus 1885–1889: 630–632; Speiser 1973: 170–171, №23). Dimensions from the Speiser edition: l. 66 cm, h. 40 cm, th. 6 cm. Tracing is from the Mordtman's edition.

In terms of the Byzantine accentuation system: "ἀνεκτίσθη", "τοῦ", "πόλει", "τῆ". The circumflex is shifted to the right to the space after second element of the diphthong: "του~", or between a vowel and a consonant: "συ[v]δρομη~ς", "τη~ς". The long circumflex is covered both

² Here I wrote some my own interpretations of these text

elements of diphthong: "καῖ", "στ<ρ>ατιωτικοῦ". The acutes are shifted to the right into the space between a vowel and a consonant: "παν[σ]εβαΐστου", "λογοθεΐτου", "χροΐνον", "βαΐθρων", "Υαλεΐου", and the trema is written under the iota between two consonants: "Θεσσαλονίκη". The aspiration mark is shifted to the right into the space between a vowel and a consonant: "εΐκ". The first acute is on the first element of diphthong in the unstressed syllable (post-tonic, under the ending), if only this is not a defect on the stone "τείχους". The gravis turns up the unstressed syllable is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant, but the acute upon the stressed syllable is shifted to the left to the space between two elements of diphthong: "κεΐφαλατικ[ε]ΐοντος". The first acute in the word is on unstressed syllable and marked the prefix: "σύνεργίαις". The aspiration mark and the acute are shifted to the right into the space between a vowel and a consonant: "εΐτους".

15. The fragments of the sarcophagus, the archeological museum Inv. No. 4366 and Inv. No. 4355, were found by Th. Macridy in 1929 in the tombs in Fenari Isa Camii (the monastery of Lips). The inscription is dated from 1303 y. and published four times (Macridy 1964: 268–269, fig. 66–68; Firatli 1990: 194, № 418; Mango, Hawkins 1968: 180–181, n°27, fig. 32–35; Rhoby 2014: 621–623, TR 58). Dimensions from the publication of Firatli: fragment A — l. 41 cm; w. 33 cm. Fragment B: l. 24 cm; w. 20 cm; h. max 4,5 cm. According to the opinion of Mango and Hawkins, all the sarcophag complex was 1,75 m in the length and 60/65 cm in the width. The analysis of the symbols and monograms in the fragments lets Mango, Hawkins identified Theodosia as the imperatrice Theodora, which was by female-line from dynasty Angeloi. Rhoby wrote, that some fragments with name Αγγελίνα and others monograms were lost to the end of 1960e, and we can't to review this identification. Macridy defined the largest fragment as the metric epitaph, but didn't write its meter (Macridy 1964: 268), Rhoby analysed its structure and had hypothesis that the form Θεοδοσίην

instead of more usual Θεοδοσίαν points the possibility of the using here hexameter or elegiac distich instead of dodecasyllable. But the first line could be the first part of the dodecasyllable with observation of prosodia grosso modo and with right internal endings (Rhoby 2014: 623).

...α]κουσον ακουσματ[α/ων...
]θευδοσι'ην μι[
]αν τε φιλαν[δρον? (Firatli)
 ...,]να λελο[πεν? (Firatli)
]κοιτις ετικ[τεν (Rhoby)

Paleography: letters majuscule with serifs, epsilon and sigma are lunate, Y-shaped upsilon. The accentuation marks are long.

The aspiration mark is shifted to the right a little bit, the accent mark is omitted in the first line in the noun "ἀκουσματ[α/ων]. That's why we can't make the certain reconstruction of the word form. The acute is shifted to the left into the first element of diphthong in the unstressed syllable (pretonic, first root in the word) in the second line in the name "Θέυδοσ'την". The main stress, the second acute is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant. The third line is without any accentuation marks. The acute is shifted a little bit to the left in the fourth line: "λέλοιπεν".

The other fragments of this inscription were traced by Macridy and now we have only this tracing without any accentuation marks (Macridy 1964: fig. 67). The fragments thyself are lost. C. Mango and Hawkins proposed a reconstruction of the whole inscription (Mango, Hawkins 1968: 181, pic. A), but they didn't use the fragments B and C, how Macridy they marked.

16. A fragment of marble epitaph stele of Maria Paleolog with relief sculpture of the lower part of a girl was in the room 19 in the vicinity of St. Sophia (from Ferari Isa) and in the archeological museum Inv. No. 4020 (Ševčenko collection, two negative chifer in the Dumbarton Oaks archive: D.O. Center for Byz Study L67–764(IS) and L61–360(IS)), found in the Constantinople in Atmeydan (Forum of Arcadius) probably in 1917, published with the unified accentuation marks (Firatli 1990: 67, №115; Mango 1951: 64, № 18; Macridy 1964: 271, fig. 69; Rhoby 2014: 628–632, TR62, pic. LXXXIV) and there is in the database PHI7. The inscription consists of two fragments. According to Firatli dimensions of the big fragment: h. 49 cm; w. 50 cm; th. 5 cm. Dimensions of the small fragment: h. hypothetical 27,5 cm; w. hypothetical 17,5 cm. Firatli dated it from the ending XIII– the beg. XIV cent. T. Papamastorakis placed in his work the tracing with accentuation marks (Παπαμαστοράκης 1997: 301, pic. 14), but some of them are wrong or omitted.

The gravis is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant: "ἐμβάλω`ν" in the second line. And the circumflex is moved to the left into the space between a vowel and a consonant "τῶν". The acute is shifted to the right to a consonant: "ἐ`σχον", the gravis is moved to the left into the first element of diphthong "καί" in the third line. The gravis moves to the left to the space between two consonants: "π`ρο". The circumflex is shifted to the left to the space between two elements of diphthong: "τοῦ". The acute is moved to the left into the space between a consonant and a vowel: "τ`αφ` (ov) ||". The gravis is shifted to the left to the space between a consonant and a vowel: "πικρ`αν". The gravis is moved to the left into the previous consonant "τ`ην", the small marble chip is similar to the acute: "ἐκ". The acute is shifted to the left into the space between a vowel and a consonant: "δακρῶν". The circumflex is moved to the left into the first element of diphthong: "ῶραιε", "προλαβοῦ". The gravis turns up the abbreviation: "Χ(ριστ)ε". The gravis is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant: "τη`ν" twice, "νυκτο`ς", "μητρῆκη`ν" and to a consonant three times in the article "τη`ν", "λυ`κτο`ν" and with adding of the rough breathing mark after omicron: "νοήτη`ν". The gravis is moved to the left to the first element of diphthong "καί".

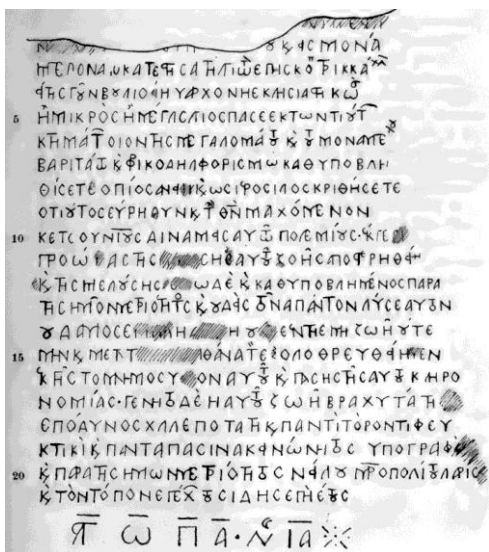
The breathing mark is exactly under a vowel, but the acute is shifted to the right into a consonant "ἐ`νδύ`σον", "ἀ`μφιον" and the same positions with the adding of the trema on iota between two consonants: "ἐ`ντρευξῖν". The acute is between a vowel and a consonant and the trema on iota between two consonants: "ἐ`μιξῆα". The breaking mark is shifted to the left

into the first element of diphthong: "ἔισδεδεγμένο(ς), "ἔις". The acute is moved to the left to the space between a consonant and the first element of diphthong: "θ'είου". The circumflex is moved to the left into the space between a consonant and a vowel: "ἤμ'ας". The circumflex is shifted to the left to the space between two elements of diphthong in "προσλαβοῦ".

The acute is shifted a little bit to the left into the space between a vowel and a consonant, and the hyphens in the end of the line: "δαυτμ'ον̄(ων)" (see Evdokimova 2022). The circumflex is moved to the left into the first element of diphthong: "τᾶντα", the gravis is shifted to the left "σεβα'στη" and the acute is shifted to the left: "Μαρ'ια".

The Byzantine accentuation system: "ἡμῖν", "παστάδα", "ἄνοιξ(ον)", "τάξον", "τῶν", "τῶ", "τάγμα", "κατοικίαν", "Παλαιολόγου", "θυγάτηρ", "πένθο(ς)", "γράφω", "μοναχῆ", "γάμου", "ἡμᾶς", "τὸ". Byzantine accentuation system with trema on the iota between two consonants: "πίστη", "πῖκράν", "κλίνην". Without any accentuation marks: "νυμφίω", "κλαυθμῶ".

17. This round marble column broken at top of the bottom with an inscription on the shaft was found in 1895 in the open well in the armoury Tophane and dated 1371/2. The tracing was made by Th. Preger from Alf Koerte faximile and published with his interpretation (Preger 1899: 485–488). Ševčenko examined it in the Istanbul archeological museum (Çukur bostan) Inv. No. 2056 (collection of Ševčenko negative mark: D.O. Center for Byz Study L67–468(IS)). His photo was published by D. Feissel and A. Avramea (Feissel, Avramea 1987: 383–385, №24, pl. IX). Dimensions from the Preger publication: h. 2,5 m, diameter 0,32 m, height of letters 2,5 cm.

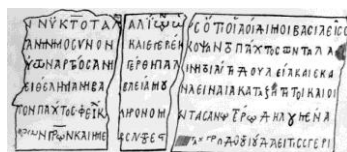
According to the inscription tracing about to all words with initial vowel haven't the aspiration marks. The gravis and the acute is used without any aspiration marks: "υπογραφῆ[ν]", "ἐπῆ", "έτους", "ἐπέχ(ων)", "ούτε", "ἐκκλησιαστικῶς", "οπῖος", "ουδεις", "ἐξολοθρευθειη", "ακοινώνητος", "εὐρη", "ἐπόδονος", "αποστερηθειη", "ώ[ο]ας", "αυτοῦ" three times, "αυτῶ" twice, "εἰ", "ἀπάντων", "εἰ", "εὐρη". The acute is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant: "μετριότητος", «Μον'ἀμπελον», to the first element of diphthong: "Νείλου". The acute is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant: "μ(ητ)ροπολίτου", "βραχυτάτη", "κτημάτ(ων)" and between two vowels: "μετριότητος". The circumflex is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant: "ἡμῶν". The circumflex is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant: "γῆς", "τῶν", "τοῦν". Two stress marks on the word, one in abbreviation, but there is no any enclitic in this phrase: "θάνατ' = θάνατ(όν), the gravis is on the unstressed syllable. The gravis is shifted to the right to a consonant: "ἐκκλησιαστικῶς". The rough breathing instead of smooth is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant: "εῖν". The acute is used instead of the circumflex "τιούτος". The third syllable from the end of the word has a gravis "τόροντι". The acute is shifted to the left to the space between pretonic vowel and a consonant, the aspiration mark is omitted: "έκπε[ση]". The acute is used instead of the circumflex: "τιούτος", "λύσε".

The Byzantine accentuation system: "πολεμίους", "μετριότητος", "τόν", "τόπον", κ(αι)" 9 times, "φευ|τικί", "κληρο|νομίας", "παντί", "κριθήσετε", "μαχόμενον", "βαρυτάτω", "καθυποβληθήσετε", "ζωῆ" twice, "λύσε", "ἦ" three times, "μικρὸς", "μέγας", "τιούτ(ων)", "Τρικκάλλ(ων)", "Μεγαλομ(υ)άτου", "ζωῆ", "μελλούσης", "δὲ", "καθυποβλημένος", "ζωῆς", "τῶν"=τ(όν), "θ(εο)ῶν", "γοῦν", "βουληθειη", "τόν", "τόπον", "παντί", "γοῦν", "τιούτ(ων)", "κτημάτ(ων)", "κριθήσετε".

Without marks: "του" twice, "Σιδης", "παρα", "της" fifth times, "ἡμων", "Λαρισσ[ης]", "πανταπασιν", "αγιωτ(ατη)", "και" twice, "εις", "ἀπ|οκατεστησα", "τη" twice, "εκ" twice, "ως", "οιον", "επισκοπ(η)", "αρχον", "αποσπασε", "των", "ουν", "Μοναμπελου", "φρικωδει", "αφορισμω", "αν", "ιεροσιλος", "ειη", "ο", "κε", "τους", "ου(ρα)νιους", "δυναμεις", "προ", "χαλεποτατη", "γενητο", "μνημοσυ[ν]ον", "πασης", "μετα", "ουδαμος", "μην", "αυτου", "αυτον", "ου(τ)ε", "εμη", "και", "μεν", "γης", "δε", "η", "το".

18. From the walls of Trebizond six blocks of black stone: inscriptions of Night Watchmen of Trebizond 1302, 1315 y. They were entered in the archeological museum in Istanbul in 1908. There are two connected to each other inscriptions, which were dated: the first 1302 (Millet 1895: 499–500, II) and the second — 1305 (Grégoire, 1909: 489–499) and published with the unified accentuation marks. The negative chipper of the second inscription from the Ševčenko collection is D.O. Center for Byz Study

L61–372. When he took his photos, this inscription was in Room 20 #777. The tracing with accentuation marks as in the second inscription was made by H. Grégoire (Grégoire, 1909: 489–499) from the word "νυκτοταλαλίων" to the end of the text. Dimensions from his article: Fragm. 1: h. 0,385 m; w. 0,445 m; Fragm. 2: h. 0,365 m, w. 0,34 m. Fragm. 3: h. 0,24 m, w. 0,26 m. L. of the 4–6 fragments is 1 m 05. The letters are h. 3–5 cm and w. 1–2 cm, and their paleography is similar with the official inscriptions in XIV cent. (Grégoire, 1909: 492). Also H. Grégoire noted that some of the accentuation marks weren't visible when he observed it and the marks of the smooth breathing are usually omitted.

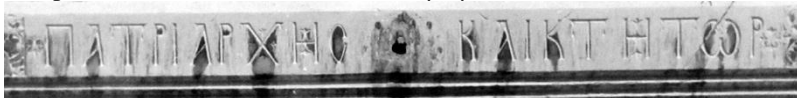
The trema and the acute is exactly under the iota in the words: "μηνί", "ιουνίω", "νυκτοταλαλίω" (trema is under the upsilon too). The trema is under the iota without any stress marks: "μηνί", "νοεμβρίω".

Byzantine accentuation system: "βασιλεῖς", "πάχτος", "ῶς", "ὄτι", "οἶ", "τοιαύτη", "δουλεία". Without any breathing marks: "επεριέκοψαν", "αρτίος". The breathing marks without any stress marks: "αὐτων". The breathing mark is omitted: "Ιούδα".

Without any accentuation marks: "μνημοσυνον", "και" three times, "το", "των", "παλιν", "η" four times, "ει", "τις", "εγερη", "μου", "ειναι", "ακαταζητητοι", "οι", "κληρονομο[ο]υν", "τας", "αυτου", "ανωτέρω", "προδοτου", "μερις", "εστ[ω]", "με]τα".

The acute is shifted to the left into the first element of diphthong and the breathing mark is omitted: "αίδιμοι". The acute is moved to the right into the space between a vowel and a consonant, the breathing mark is absent: "αγγελῆθη". The acute is shifted to the right into the space between the second part of a diphthong and a vowel: "βασιλειά", φειλ(ει), "τω~ν". The acute is moved to the left to the space between a consonant and a vowel: "θ'ελημων". The acute is shifted to the right into the consonant: "δηλουμένας", "πάχτος".

19. The dedicatory inscription from Thessaloniki of the patriarch Niphon 1310–1314 y. (col. Ševčenko), was published without photo (Spieser 1973: 168–169, №20, Pl. V, fig 3). It was found on the west door in the church of Saint apostles. The inventory number is D.O. Field committee L61–139 in the archive Dumbarton Oaks. The gravis is shifted to the left and falls on the space between a consonant and the first part of the diphthong "κ`α". The acute moves to the right into the space between a vowel and a consonant: "πατριαρχης". The acute is shifted to the left into the space between two consonant: "κ`τητωρ".

We add the other lapidary accentuated inscriptions from the different publications:

20. The marble long narrow line with majuscule metrical building inscription of Leon in the west tower 37 of the Theodosian walls, date 717–741 y. (CIG IV 312, Nr. 8665; van Millingen 1899: 98–99; Meyer–Plath, Schneider 1943: 130, №24; Janin 1964: 269; Rhoby 2014: 681–683, TR85, pic. CX–CXI). Tracing (Meyer–Plath, Schneider 1943: 130, №24). Rhoby narrowed the date to the 741 and characterized two dodecasyllables of this inscription as verses with right inside endings but without prosodia because of some offences (Rhoby 2014: 682–683).

As we see in the pictures the acute in the first word is shifted a little bit to the right to the space between two vowel: "Λε'ων". Other words are accentuated in Byzantine accentuation system: "Κωνσταντινω", "πύργον", "τόν", "τόνδε", "τών", "βάθρων". There is one of the oldest accentuated inscription in the Byzantine Empire. C. Mango described this fact in his article (Mango 1991, I: 243, II: 134, Taf. 19).

21. The fragment of the architrave (98× 21 sm) is situated in the Theodosian walls of Constantinople in the Romanos gateway between towers 59 and 60 and dated from XI cent. or after by the paleography features (Dethier, 1867: 5; Janin, 1964: 280. Abb.: CVII; Asutay-Effenbeger 2007: 74, abb. 86; Rhoby 2014: 677–679, Nr TR81, pic. CVII). Tracing (Meyer–Plath, Schneider 1943: 135, №41). Rhoby identified this text as a gift inscription and the epigram minimum from four

dodekasyllables with saved prosodia and right inside endings (Rhoby 2014: 679). Some accentuation marks are faulty in the tracing.

The gravis is shifted to the left and falls into the first element of diphthong in the conjunction "κὰι". The gravis is moved to the left into the space between a consonant and a vowel "πρ`ιτ".

The acute is shifted to the left into the space between a vowel and a consonant: "πα´υσεπτος". The acute is moved to the left into the space between two elements of diphthong in the virb "ἐτε´υξεν". The breathing mark is rectangular and exactly under a vowel. The smooth breathing mark is shifted to the left into the first part of diphthong: "ὄ[υτος]", "εὐ[γένης]". The breathing mark is rectangular and under a vowel, and the circumflex is under the spiritus: "ἦ´ν".

Byzantine accentuation system: "μὲν", "[Γ]εώργιος".

22. The fragment of white marble relief from Bosphor, Tophane X–XI cent. has prayer graffiti with traditional formula "Κ(ύρι)ε βοήθει". This inscription was published twice (Firatli 1990: 83, pic. 142; Mango 1951: 66, Galata 2). It entered in museum from 1865, Inv. No. 904. Dimensions from the Firatli publication: h. 38 cm, w. 35 cm, th. 4,5 cm.

The circumflex is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant: "τῶ". The Byzantine accentuation system is presented in two words: "μωναχῶ", "σῶ". Other words in the inscription are without any accent marks.

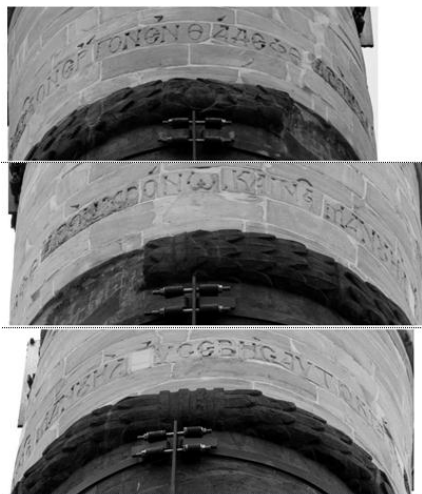
23. The marble block was found on the lintel of the original Maritime Gateis, placed in the archeological museum in Istanbul Inv. No.5445 and dated X–XI cent. by paleographical and onomastical features. This metrical inscription (dodekasyllables) was published (Mango 1995: 648, pic. 6; Rhoby 2014: 623–624, TR59) Dimensions from the Rhoby publication ca. 110 × 36 cm. Mango noted: "the occasional use of accents, the divided kappa, the form of the beta with an enlarged lower loop" (Mango 1995: 648).

The circumflex is shifted to the left into the first part of diphthong "θη̃ιον". The acute is moved to the left into the first part of diphthong "λαβόι". The acute is used instead of circumflex: "δεί".

Byzantine accentuation system: "κῦρος", "πῦρ". The other accentuation marks are not seen exactly.

24. The inscription is situated in the porphyreous column on the height of the 30 meters in Forum of Constantine (Mango 1951: 62, №II, CIG 8790, Rhoby 2014: 614–616, TR55, pic. LXXVIII–LXXX). This text is a traditional building inscription. Rhoby dated this epigram from 1143–1180 y. by some historical and paleographical datas (Rhoby 2014: 615–616). According to the Rhoby these two prosodic dodekasyllables are with the right by their position inside endings.

The breathing mark and the acute is shifted to the right to the next consonant rho: "εῖργον". The breathing mark is moved to the right to the space between a vowel and a consonant and the acute to the left to the space between a consonant and a vowel: "ε̃νθ'αδε". The gravis is shifted to the right into the space between a vowel and a consonant: "φθαρε̃ν", "Μανουη̃λ", "ἔυσεβη̃ς". The circumflex is moved to the left into the space between a consonant and a diphthong: "θη̃ιον", "καιν̃ει". The smooth breathing mark is

shifted to the left into the first part of diphthong: "ἔυσεβη̃ς", "ἄυτοκράτω[ρ]". The acute is exactly under a vowel: "χρόνω", "ἄυτοκράτω[ρ]"

25. The white marble slab (168 × 81 cm) was found in 1912 about Haznedar Tchiftlik near Byzantine Hebdomon (now BakÖrköy), dated from XII cent. and now it store in archeological museum Inv. No. 2641 (Buckler 1926, 1: 305–308; Rhoby 2014: 624–625, TR60). Dimensions from Bucler's publication: h. 0,81 m, w. 1,68 m., th. 0,04 m. The height of the letters is 7–8 sm. Bucler and C. Mango dated from XII cent. by the paleography (Buckler 1926: 305; Mango 1951: 66, Nr. 4, Abb. 114). Bucler wrote that the author of the epitaph could be John Tzetzes, famous Byzantine poet (Buckler 1926: 306). He also marked that all words are accentuated right, except the pronoun τίς with an acute. Rhoby remarks that

the epigram consists of six Byzantine dodekasyllables with right inside endings with good prosodia as in professional poetry (Rhoby 2014: 625).

As we see that the combination from the Byzantine accentuation system and the system with the accent shift to the left is presented in this monument. The only one conjunction «καὶ» is written in the three variations: 1) the gravis in the second part of the diphthong, 2) the gravis in the first part of the diphthong, 3) the gravis between the two parts of the diphthong.

The spiritus is shifted to the left into the first element of the diphthong in the last line, but the circumflex is long and falls on the vowel and the consonant both in the «ἐυσεβῶς». The breathing mark is shifted also to the left into the first element of diphthong «ὀυκέτας», but the acute is exactly under the vowel in other example with initial diphthong. The breathing mark is situated between the two elements of diphthong in the first word «ε'υ». But there is a more interesting example, when the breathing mark occurs formally in the first element of diphthong, but the second element is written not as the vowel "υ", but as the consonant «β». This case is more relevant to the real pronunciation of the word «ἐβδόκηση». This example proves that the diacritical marks wasn't only a visualization of the grammatical rules in this period, as it was earlier (see: Tronsky: 18).

We can't speak about the consistent using of the shift to the left, there are examples of the shift to the right with the marking the consonant by the acute in the words «ὀ'ταν το'θει» in the last line.

The breathing mark moves to the left into the first element of the diphthong, the same shifting of the gravis occurs in the second of this line «και». Although the other gravis is long and the bottom part of it points at the second element of the diphthong in the first «και». The acute is shifted to the right into the space between the vowel and the consonant in the second line. The breathing mark moves to the left to the first part of diphthong, writing in the abbreviation in the last word of the line.

The long circumflex falls on both parts of diphthong. The sign of dieresis is shifted to the right into the second part of diphthong in the third line. The acute occurs actually under the sigma after the shifting to the right in the pronoun «τι'ς». The Rhoby explained this marking of the

usual proclitic by the acute as prosodic feature (Rhoby 2014: 625). The gravis is shifted to the left and marked the first part of diphthong in the conjunction «κᾰῦ». The acute moved to the left into the consonant in the word «τεῖρου». The gravis is displaced to the right into the space between a vowel and a consonant in the «πιστου`ς».

26. The late Byzantine epitaph from Fethiye Djami was found in the pavement of the main church (Mango, Hawkins 1964: 333, fig. 38; Schreiner 1971: 236, №12; Rhoby 2014: 656–657, TR72). It consists of eight pieces, which were fitted together and mounted in a frame with resulting measures 0.90 x 0.86 m. The height of the letters is 8 cm and the width of interlinear spaces is 14 cm. According to the opinion of C. Mango and Hawkins, the paleography of the letters cannot be earlier than XIV cent. (Mango, Hawkins 1964: 333) The inscription is dodecasyllables, has 7 verses and the beginning of each verse being marked by three vertical dots. Rhoby wrote that only the 2–4 verses have good prosodic quality (Rhoby 2014: 657).

The aspiration mark is shifted to the right: to the beginning of consonant «v» "εῦθάδε" and to the end of consonant: "εν᾽τᾰῦθα". The circumflexes are long and turn up to the both elements of diphthong and to the one of the nearest consonants: "εν᾽τᾰῦθα", "προσηνοῦς", "τοῦ", "κεῖται". In the second line the acute is shifted to the right to the space between a vowel and a consonant: "ποιμνίαρχου". The trema is on the iota between two consonants: "χρηματίσαντός", the acute is near under it small angle-wise. The long gravis turn up to a vowel and a consonant: "Μανουηλ", "της". The similar features has a long acute: "εὔσεβοφροῦ(ως)".

27. The memorial tablet of Manuel Phakrases Cantacuzine in the white marble block consists of three parts and entered in the museum in 1944. It was found in Golden Horn (Çibali Kapısı) and dated from circa 1370–1409 y. (Firatli 1990: 41, pic. 78a; van Millingen, 1899: 191). Dimensions from Firatli's publication: h. 95 cm, w. 47 cm, th. 12,5 cm.

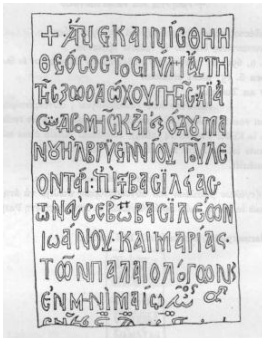

The gravis is shifted to the right and a consonant "Μανουηλ", the circumflex a little bit to the right "Φακραση". In the second line the circumflex is shifted to the left to the space between two elements of diphthong "τοῦ", "Κατακουζηνοῦ".

28. The building inscription was found in the marble block from the walls of Constantinople in the 35 tower and dated from 1438 (van Millingen 1899: 106–107; Meyer-Plath, Schneider, 1943: 128, №20; Asutay-Effenberger 2007: 87, abb. 72). The inscription is situated nowadays in the Kaiser-Friedrich-Museum in Berlin. Dimensions from the Meyer-Plath, Schneider publication: h. 0,88 m, w. 0,80 m.

The acute is on the unstressed syllable: "ἄνεκαινίσθη". The acute and the spiritus are shifted to the left to the first element of diphthong: "ᾗτη". The spiritus is shifted to the right and falls into the space between a vowel and a consonant: "ε'πι", "ε'ν". The smooth breathing spiritus is used in the place of the gravis after the iota with trema: "διᾶ". The small shift of the circumflex to the right falls into the space between a vowel and a consonant: "συνδρομη̃ς", "πηγη̃ς", "τω̃ν".

The circumflex is shifted to the left to the space between a vowel and a consonant "εῦσεβ̃ω(v)". The gravis is shifted to the left into the space between two elements of diphthong "κα'ι". The gravis is shifted a little bit to the right to the space between a vowel and a consonant: "Μανουη'λ". The trema turns up iota between two consonant, the acute is shifted to the right into the space between two vowels: "βασι̃λε'ων", the acute is moved to the left into the first element of diphthong: "βασι̃λείας". The circumflex is shifted to the left into the space between two elements of diphthong: "το̃ν". The acute is moved to the left into the space between a vowel and a consonant: "Παλαιολ'ογον".

The Byzantine accentuation system: "θεόσωστος", "μηνι", "ἐξόδου", "πύλη", "τῆς", "ζωοδόχου", "Μαίω", "Λεοντάρι", "Μαρίας". Without the breathing mark: "Ιωάννου". The trema is under the upsilon and before a vowel: "Βρϋεννίου".

29. The inscription with raised letters was situated in the Constantinople Land Walls. The marble block entered the Istanbul Museum and dated c. 1452 (Meyer-Plath — Schneider 1943: №46). Dimensions from the publication: l. 1,40 m, h. 0,295 m. The height of the letters is 19,5 cm.

The gravis is shifted to the right into the space between a vowel and a consonant "Μανουη'λ". The circumflex is exactly under the vertical ligature "τοῦ". The smooth breathing is shifted to the left into the space before an initial vowel and the acute is exactly under a vowel: "Ίάγαρι".

The analysis of these 29 inscriptions showed us that there were four strategies of the accentuation mark putting of diphthong in the lapidary tradition of Constantinople. The first one to mark the first element of diphthong as in the Alexandrine accentuation system (14 inscriptions: 1, 5³, 6, **11**, 12, 16, 17, 18, 20, 23, 24, **25**, **26**, **28**), the second to mark the second element as in the Byzantine accentuation system (10 inscriptions: 2, 6, **11**, 17, 18, 20, 23, **25**, 26, 29), the third — between two elements (12 inscriptions: 3, 4, 5, 7, **11**, 12, 14, 16, 21, **25**, 27, **28**). And the fourth unites the two traditions in which we can't say exactly the location of the stress in the diphthong. One of them is the using of long accentuation marks turning up the both elements (12, 25, 26) and the second to write the diphthong itself in the ligature (29) and to put the stress under it. The stress is before diphthong in 3 cases (3, 19, 21), after diphthong 2 cases (14, 18). In regard to other positions in the words the authors of some inscriptions didn't use the smooth breathing marks (17, 25). The trema is between a vowel in 3 inscriptions (17, 26, 28), between two consonants in 4 inscriptions (14, 16, 26, 28). There is a shift to the left (in 6 cases: 1, 2, 3, 5, 13, 22), a shift to the right (in 11 cases: 3, 8, 9, 14, 15, 20, 24, 25, 26, 27), the using of the both shift types (in 7 cases: 11, 12, 16, 17, 18, 19, 21, 28), a shift to the right only for the breathing mark (1, 3, 5, 6, 14, 28). 9 inscriptions are metrical, dodecasyllables (12, 15, 16, 20, 21, 23, 24, 25, 26), only three of them used the system with the shift combination. The Byzantine accentuation system is presented in 20 inscriptions (1, 2, 4–7, 9–14, 16–18, 20–23, 28). The accent mark under the consonant presented in five cases (12, 18, 24, 25, 26). Four inscriptions have words with the accentuation marks on an unstressed syllable (14, 15, 17, 28), as it was usual for the Alexandrine accentuation system. The addition of all these 29 inscriptions in the BGAT corpus (see Evdokimova 2023b) helps us to have regard to their data about the usage of the accentuation system in each word and their accentuation paradigms as they were in practice. As we see, the lapidary material proved our conclusions about the usage of the Alexandrine accentuation system and some its features in Constantinople, which we did based on the inscriptions made in the reliquaries and other objects of the metalwork (Evdokimova 2023a). The cases with stress between two elements or after both elements can confirm the hypothesis about marking the border of the mora after the monophthongization. The

³ We use underlining for those inscriptions that are also presented in another category, and highlighting together with underlining for inscriptions from three categories.

received distribution of the accentuation shift usage can be interpreted as highlighting the position of the diphthong and the existence in the tradition of a tendency to mark the first of its two elements with accentuation marks.

Bibliography

- Asutay–Effenberger N. 2007: *Die Landmauer von Konstantinopel–Istanbul Historisch–topographische und baugeschichtliche Untersuchungen (Millennium–Studien)*. Berlin–New–York: Walter de Gruyter.
- Buckler W.A. 1926: Deux inscriptions de Constantinople. In: *Byzantion* 3, 305–308.
- CIG = *Corpus inscriptionum graecarum*. 4 vols. Berlin 1828–1877.
- Dethier Ph. A. 1867: *Nouvelles découvertes archéologiques faites à Constantinople*. Paris: Librairie de L. Hachette; Berlin: Librairie d' Oemick.
- Duchesne L., Bayet Ch. 1876: *Mémoire sur une mission au mont Athos*. Paris: E. Thorin.
- Ebersolt J. 1921: *Mission archéologique de Constantinople*. Paris.
- Engelmann H., Knibbe D., Merkelbach R. 1980: *Die Inschriften von Ephesos. Teil 4: Nr. 1001–1445 (Repertorium)*. Habelt, Bonn (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, Bd. 14).
- Evdokimova A. A. 2022: Sinonimia akcentnyh znakov ili znak perenosa (ένωτικόν) v vizantijskih nadpisjah [Synonymy of accent marks or a hyphen (ένωτικόν) in Byzantine inscriptions]. In: *Indoevropеiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 26, 1, 397–401.
- Евдокимова А. А. Синонимия акцентных знаков или знак переноса (ένωτικόν) в византийских надписях. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26, 1, 397–401. DOI: 10.30842/ielcp230690152626.
- Evdokimova A. A. 2023a: Sistemy akcentuacii v vizantijskih grecheskih nadpisjah na metalle v Italii. [The accentuation systems in the Byzantine Greek inscriptions on the metal objects in Italy] In *Chersōnos themata: Imperia i polis. XV mezhdunarodny vizantijskiy seminar. Materialy nauchnoy konferentsii* [Chersonos themata: Empire and Polis. The 15th International Byzantine Seminar. Materials of the Scientific Conference]. Simferopol, IT “Arial” Publ., P. 97–110.
- Системы акцентуации в византийских греческих надписях на металле в Италии. В: *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XV международный византийский семинар. Материалы научной конференции*. Симферополь: ИТ "Ариал", 97–110.
- Evdokimova A. A. 2023b: Korpus akcentuirovannyh vizantijskih pismennyh pamyantikov i metody ego razmetki [Corpus of Accentuated Byzantine Written Monuments and Methods of Its Markup]. In: *Kompiuternaya lingvistika i intellektualnye*

- teknologii: po materialam mezhdunarodnoy konferencii "Dialog 2023"* [Computer linguistic and intellectual technologies. Materials of the Scientific Conference "Dialogue 2023"]. Moscow. P. 1–11. Корпус акцентуированных византийских письменных памятников и методы его разметки. В: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции "Диалог 2024". Москва. С. 1–11 (<https://www.dialog-21.ru/media/5873/evdokimovaaa063.pdf>).
- Grégoire H. 1909: *Le veilleurs de nuit à Trébizonde (XIV siècle)*. In: *Byzantinische Zeitschrift* 18, 489–499.
- Feissel D. 1983: *Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle* (BCH Suppl. 8). Athens, Paris.
- Firatli N. 1990: *La Sculpture byzantine figurée au Musée archéologique d'Istanbul*. ("Bibliothèque de l'Institut français d'études anatoliennes d'Istanbul," 30). Paris: Jean Maisonneuve.
- Janin R. 1964: *Constantinople Byzantine. Développement Urbain et Répertoire Topographique*. Paris: Institut Français d'Études Byzantines.
- Krischen Fritz. 1974: *Die Landmauer von Konstantinopel*. Volume 6 of *Denkmäler antiker Architektur*. Berlin: De Gruyter.
- Laurent V. 1936: *Inscriptions grecques d'époque romaine et byzantine*. In: *Échos d'Orient*, tome 35, n°182, 220–233. DOI: <https://doi.org/10.3406/rebyz.1936.2867>
- Lehmann–Hartleben K. 1922: *Archaeologisch–Epigraphisches aus Konstantinopel und Umgebung*. In: *Byzantinisch–neugriechische Jahrbücher* 3, 103–119.
- Macridy Th. 1964: *The Monastery of Lips and the Burials of the Palaeologi*. In: *DOP* 18, 253–277.
- Mango C. 1951: *The Byzantine Inscriptions of Constantinople: A Bibliographical Survey*. In: *American Journal of Archaeology* 55, 52–66.
- Mango C. 1991: *Byzantine Epigraphy (4th to 10th centuries)*. In: Harlfinger D., Prato G. *Paleografia e codicologia greca*. Atti del II Colloquio internazionale, Berlino–Wolfenbüttel, 17–21 ottobre 1983, Alessandria. I 235–249, II 115–146.
- Mango C., Hawkins E. 1964: *Report on Field Work in Istanbul and Cyprus, 1962–1962*. In: *DOP* 18, 319–333.
- Mango C., Ševčenko I. 1978: *Some Recently Acquired Byzantine Inscriptions at the Istanbul Archaeological Museum*. In: *DOP* 32, 1–27.
- Mango C. *Ancient Spolia in the Great Palace of Constantinople*. In: *Byzantine East, Latin West. Art Historical Studies in Honor of Kurt Weitzmann*. Princeton, p. 645–57.
- Meyer-Plath B., Schneider A.M. 1943: *Die Landmauer von Konstantinopel*. Berlin.
- van Millingen A. 1899: *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and the Adjoining Historical Sites*. London.

- Millet G. 1896: Inscriptions byzantines de Trébizonde. In: *Bulletin de correspondance hellénique*, 20, 496–501; doi: <https://doi.org/10.3406/bch.1896.3612>.
- Mordtmann M.A. 1879: Inscriptions Byzantines de Thessalonique. In: *Revue archéologique*, 37, 193–203.
- Oikonomides N. A collection of dated Byzantine lead seals. Washington: Dumbarton Oaks, 1986.
- Orlandos A. K., Vranoussis L. 1973: *Tā Charάγματα τοῦ Παρθενώου*. Athens.
- Papamastorakis T. 1997: Epitimvies parastasis kata ti mesi ke isteri vizantini periodo. [Tomb performances during the middle and late Byzantine period.] In: *Deltion tis Hristianikis Arheologikis Eterias* [Bulletin of the Christian Archaeological Society], 19, 285–304. <https://doi.org/10.12681/dchae.1174>.
- Παπαμαστοράκης Τ. 1997: Επιτύμβιες παραστάσεις κατά τη μέση και ύστερη βυζαντινή περίοδο. In: *Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*, 19, 285–304. <https://doi.org/10.12681/dchae.1174>.
- Preger Th. 1899: Inschriften aus Konstantinopel. In: *Byzantinische Zeitschrift*, 8 (1899), 485–488.
- Rhoby A. 2014: *Byzantinische Epigramme auf Stein nebst Addenda zu den Bänden 1 und 2*. Wien.
- Ševčenko I. 1970: The Inscription of Justin II's Time on the Mevlevihane (Rlicsion) Gate at Istanbul. In: *Zbornik radova Bizantološkog Instituta*, 12, Beograd. (https://zrvi-visanu.rs/onlinearchive/zrvi/ZRVI_12.pdf)
- Schreiner P. 1971: Eine Unbekannte Beschreibung der Pammakaristoskirche (Fetiye Camii) und weitere Texte zur Topographie Konstantinopels. In: *DOP* 25, 219–248.
- Speiser J.–M. 1973: Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance: I. Les Inscriptions de Thessalonique. In: *Travaux et mémoires* 5, 145–180.
- Tronsky I. M. 1962: *Drevnegrecheskoe udarenie* [Ancient Greek Accent]. Moscow; Leningrad, Clarendon Press.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФ. М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО (1903–1981)
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 16–18 ОКТЯБРЯ 2023 Г.

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL MEMORIAL CONFERENCE
«120 YEARS OF PROF. MIKHAIL IVANOVICH STEBLIN-KAMENSKIJ»
ST. PETERSBURG, OCTOBER, 16–18, 2023

DOI: 10.30842/ielcp2306901528102

Б. С. Жаров
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия. bzharov@gmail.com

**МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ
ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА, АСПИРАНТА, МЛАДШЕГО
КОЛЛЕГИ**

Автор статьи, бывший 60 лет преподавателем и 15 лет заведующим кафедрой скандинавской и нидерландской филологии Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, вспоминает о годах, проведенных рядом с профессором Михаилом Ивановичем Стеблин-Каменским. В студенческие годы он посещал его лекции и занятия, слушал блестящие рассказы о людях и событиях, затем получал большую помощь в работе над курсовыми и кандидатский диссертацией. Позже был свидетелем мудрого руководства первой в стране специальной кафедрой по скандинавистике с первоклассным преподавательским составом.

Ключевые слова: Ленинградский (Санкт-Петербургский) государственный университет, скандинавская филология, М. И. Стеблин-Каменский как педагог, ученый и организатор.

Boris S. Zharov
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. bzharov@gmail.com

**Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky in the eyes of his student,
postgraduate student, and later his junior colleague**

The author of the article, who was a teacher for 60 years and head of the Department of Scandinavian and Netherlandish Philology at the Leningrad (St.Petersburg) State University for 15 years, recalls the years spent next to Professor Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky. During his student years, he attended his lectures and classes, listened to brilliant stories about people and events, then received great help in working on

term papers and a Ph.D. thesis. Later he witnessed the wise leadership of the first special department in Scandinavian studies in the country with a first-class teaching staff.

Key words: Leningrad / St. Petersburg State University, Scandinavian philology, M.I. Steblin-Kamensky as a teacher, scientist and organizer.

Тоурбергюру Тоурдарсон? Кто это? С этим вопросом в голове я шел 12 марта 1959 года по коридору филологического факультета университета в Ленинграде. Может показаться странным, что я так хорошо помню вопрос и еще дату. Но из дальнейшего видно, почему.

Студентов и преподавателей кафедры скандинавской филологии неожиданно попросили собраться в одной из больших аудиторий. «Михаил Иванович будет говорить о Тоурбергюре Тоурдарсоне». Я, конечно, знал, что профессор М. И. Стеблин-Каменский, заведующий кафедрой, читавший у нас теоретические дисциплины, крупнейший специалист по древнеисландской литературе, недавно побывал в Исландии. Но хотя я учился уже на третьем курсе датского отделения и, как полагается, думал, что много знаю, я никогда не слышал о Тоурбергюре Тоурдарсоне. Не прояснили ситуацию и другие студенты трех скандинавских отделений, которые шли по коридору в том же направлении, даже те, что учились на пятом курсе.

И когда мы собрались в аудитории 198 с окнами на Неву, с видом на освещенный заходящим солнцем Медный всадник на противоположном берегу, Михаил Иванович необыкновенно торжественно провозгласил: «Именно сегодня исполняется 70 лет Тоурбергюру Тоурдарсону, самому замечательному из всех современных исландских писателей». После чего стал рассказывать о жизни и творчестве писателя.

Михаил Иванович был божественным рассказчиком. После поездок в другие города или страны он говорил о них так, что приходили слушать преподаватели других кафедр. А тут он был явно на подъеме, говорил и говорил все более и более увлеченно об удивительной жизни и еще более удивительных книгах исландского писателя, с которым он встречался в Исландии. Закончил он так: «А теперь, если вы не против, я пойду на почту и от имени всех нас pošлю Тоурбергюру Тоурдарсону поздравительную телеграмму!» Прозвучали бурные аплодисменты собравшихся. А рассказ и дата остались в памяти навсегда.

Когда в середине 1950-х годов я пришел на филологический факультет изучать датский язык, не было — сейчас это звучит странно — да, не было кафедры скандинавской филологии. Наша маленькая датская группа и параллельная норвежская были ничтожно малой частью большой кафедры германской филологии с преобладанием студентов английского и немецкого отделений. Более того, кабинет был один — общий еще и для кафедры романской филологии. Вот уж в нем-то мы точно чувствовали себя песчинками в пустыне. Мы гордились, что наш преподаватель Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова была дочерью знаменитых переводчиков Ганзенов, которые переводили сказки Андерсена. Она приносила нам распечатанные ею по ночам на пишущей машинке датские тексты из библиотеки ее родителей, поэтому необходимости ходить в кабинет за другими пособиями не было, как, впрочем, не было этих других пособий. Где-то вверху над нами существовала загадочная «кафедра», которая иногда принимала решения, почему-то всегда неприятные.

У кафедры был заведующий, но о нем знали только, что его зовут Михаил Иванович. Впервые мы увидели профессора Стеблин-Каменского как человека во плоти и крови на открытом заседании кафедры, когда он рассказывал присутствующим о своей поездке в Исландию, как выяснилось, его первой поездке в жизни, хотя к этому времени он очень долго занимался языком, литературой и историей этой страны. И о чудо! Столь далекая в пространстве и — во всяком случае, в моем сознании — далекая страна вдруг стала близкой. Я никогда раньше не слышал, чтобы человек рассказывал так живо и интересно. Природа, исторические места, разговоры с интересными людьми — слушателей увлекало все. Хорошо, что позднее рассказ об этой поездке был опубликован в журнале «Новый мир», хотя мне кажется, что устный вариант был лучше. По окончании задавались вопросы про Исландию. А потом одна преподавательница английского языка спросила: «Вы сказали, что была остановка в Шотландии. Можно подробнее?» Михаил Иванович удивился: «Но это всего лишь несколько часов в аэропорту. Правда, там мы пообедали. Обслуживал нас официант, который выглядел как настоящий лорд, передвигался, говорил, все делал медленно и с очень большим достоинством. Было даже как-то неловко утруждать его своими просьбами». Слушатели были в восторге.

Потом пришло время, когда Михаил Иванович пришел к нам в аудиторию как преподаватель читать курс лекций по древнескандинавской литературе. К этому времени вышла книга «Исландские саги», и я уже пробовал ее читать. Вообще-то я читал много и легко, и когда взял томик в руки, прикинул, что дня за три одолею. Не тут-то было. Я увяз в десятках персонажей, в их сложных взаимоотношениях, нелогичных поступках и загадочных реалиях и отложил на лучшее будущее. Как раз это будущее и наступило, когда я оказался слушателем курса Михаила Ивановича. Архаичные древние памятники словно ожили, заиграли яркими красками.

Узкая длинная аудитории. Михаил Иванович прохаживается вдоль ряда столов, сжимая в руке листки бумаги. Иногда в них заглядывает, но рассказывает легко и свободно. И увлекается сам. От старших студентов дошел рассказ о том, как однажды он долго говорил, не замечая, что стоит на собственном плаще. Когда позже я вернулся к чтению исландских родовых саг, у меня было впечатление, что это совершенно другое чтение, словно все происходящее теперь освещал яркий прожектор.

Преподавателей в дальнейшем у нас было немало, но в каждом теоретическом курсе мы пользовались уже вышедшими к этому времени капитальными трудами Михаила Ивановича «История скандинавских языков», «Древнеисландский язык», «Грамматика норвежского языка» и поражались многообразию его интересов.

В 1958 году на факультете прошли большие перемены. Существовавший в городе в послевоенные годы 1-й педагогический институт иностранных языков (1-й ЛГПИИЯ) был закрыт, существенно расширен прием на филологический факультет, и только старшекурсники института закончили у себя в 1960 г. На филологический факультет пришла оттуда большая группа преподавателей, кафедр стало больше. Михаил Иванович стал инициатором того, что появилась — причем впервые в истории страны — отдельная кафедра скандинавской филологии, которую он возглавил и руководил которой весьма успешно еще двадцать лет.

На четвертом курсе Михаил Иванович стал моим научным руководителем, я начал писать у него курсовую работу по грамматике датского языка. Известны руководители, которые неделями как бы «читают», то есть просто держат у себя дома работы студентов и аспирантов. Вот этого никогда не было с Михаилом Ивановичем. Он все написанное мною прочитывал

сразу и давал очень четкие и полезные указания, что так, что не так, что еще надо сделать. Однажды он сказал: «Если в работе что-то есть, то главное можно выразить одним предложением. А если нельзя, значит, там вообще нет ничего, много слов и только. Прежде чем написать свою статью, я ее долго обдумываю, потом сажусь и быстро пишу, потому что знаю, что хочу сказать». Это была очень хорошая школа.

У меня в планах было и дальше заниматься датской грамматикой, но в конце четвертого курса Михаил Иванович уговорил меня перейти на фонетику. Причина, как я понимаю, была в моих успехах в области датского произношения, как известно, невероятно трудного. Здесь придется вернуться к началу обучения. Ректор ЛГУ А. Д. Александров, в то время невероятно популярный у студентов всех факультетов, незадолго до этого совершил поездку в Данию. По-видимому, он рассказал там о существовании датского отделения, потому что в копенгагенском университете ему подарили книгу по датской фонетике, написанную известным ученым П. Дидериксеном, и комплект из нескольких шеллачных трехминутных пластинок с образцами произношения. Наша преподавательница была дочерью датчанина, но в теории фонетики разбиралась плохо. Уроки датской фонетики у нас вела Ирина Борисовна Ефремова, норвегист, которая очень профессионально объясняла датские звуки, а затем включала патефон и заставляла нас многократно слушать и повторять, исправляя наше произношение.

Конечно, оригинальные пластинки очень быстро испортились бы при интенсивном использовании, поэтому делались копии на рентгеновской пленке, где порой были видны ребра и кости. После занятий студенты собирались в очень маленькой аудитории кафедры фонетики, чтобы лишний раз послушать удивительные звуки: двадцать гласных фонем против шести русских и еще загадочный «толчок». При этом неукоснительно соблюдалось простое правило: перед тем, как поставить запись на пленке, надо было прокрутить обычную пластинку. В роли пробного шара иногда выступала пластинка с записью японской речи. Однажды после занятий несколько студентов включили такую японскую пластинку и, подустав от трудов праведных, замолкли, что случалось крайне редко. В аудиторию вбежал один из наших, опоздавший, быстро сел и стал внимательно слушать. Остальные не сговаривались, и глазом не моргнув, продолжали молчать. Варвары! Опоздавший слушал, с ужасом смотрел на нас, тер виски, естественно не воспринимая

язык, который интонационно был похож на датский. И только потом был взрыв хохота.

Остальные студенты относились к датской фонетике довольно спокойно, а мне нравилось. Кроме этого, несколько позже аспект разговор на занятиях по датскому языку стала вести Эстер Самуиловна Вейф, женщина, которая родилась и выросла в Дании и сохранила на всю жизнь нетронутым копенгагенское произношение. На основании занятий фонетикой, общения с датчанкой, а также встреч с приезжавшими датскими гостями я приобрел очень хорошие навыки в этой области.

По рекомендации Михаила Ивановича я на пятом курсе стал специализироваться в области фонетики, слушал лекции по общей фонетике у Льва Рафаиловича Зиндера, посещал занятия Маргариты Ивановны Матусевич и других фонетистов. И в это же самое время начал преподавать фонетику на первом курсе датского отделения. На одно из занятий пришел Михаил Иванович и потом дал несколько советов. Вводный курс датской фонетики стал моей дипломной работой, впоследствии в расширенном виде он был издан, это была первая книга в стране по датской фонетике. Михаил Иванович заговорил о возможной преподавательской работе на кафедре, это и произошло после моего окончания университета.

Попасть в этот удивительный коллектив было счастьем. Михаил Иванович однажды сформулировал это, когда в 1969 году отмечалось, причем весьма торжественно, 150-летие Санкт-Петербургского, тогда Ленинградского университета, основанного как тогда традиционно было принято считать, в 1819 г. Состоялось большое общегородское заседание в «Октябрьском» зале, а на факультетском выступали заведующие кафедрами. Михаил Иванович, рассказывая о нашей кафедре, начал так: «Однажды группа викингов наткнулась на местных жителей в каком-то месте Европы, и предводитель аборигенов спросил у викингов, кто у них главный, чтобы вступить с ним в переговоры. Последовал ошеломляющий ответ: “У нас нет главного. Мы все равны!”» Михаил Иванович сделал эффектную паузу и продолжил: «Вот у нас на кафедре именно так. Все равны. При этом каждый является лучшим специалистом страны в своей области. С. С. Маслова-Лашанская — лучший знаток шведской грамматики, В. П. Берков — норвежского и исландского языка, И. П. Куприянова — скандинавской литературы, Б. С. Жаров —

датской фонетики». Перечислив всех преподавателей, Михаил Иванович вздохнул: «Только у меня нет своей области. Я, конечно, мог бы поговорить со средневековым скандинавом, если бы он вдруг появился среди нас, но это маловероятно». Смех и аплодисменты присутствующих. Принцип взаимоуважения и равенства был основополагающим на кафедре вместе с принципами высокого педагогического мастерства и активной научной деятельности. Понятно, что все происходило при его непосредственном участии.

Эти годы были периодом консолидации научных сил, занимающихся исследованиями в области скандинавистики. Историки, экономисты, литературоведы и лингвисты стали регулярно встречаться на всесоюзных конференциях и теперь не только в публикациях, но и при личной встрече могли обсуждать назревшие проблемы. Всем стало ясно, какой огромной фигурой в науке был Михаил Иванович. На 3-й конференции, проходившей в Тартуском университете (фактически на студенческой базе в Кяэрику) в 1966 г., он был признан патриархом скандинавистики. Михаилу Ивановичу было чуть более 60 лет, и он не был рад такому определению, но если опустить возрастной фактор, то в высоком смысле это было совершенно справедливо, что подтвердили бурные аплодисменты присутствующих.

Михаил Иванович всегда внимательно следил за студенческой жизнью, иногда ему приходилось решать проблемы. В 1960-е годы не было платных студентов, но были целевые. Если государственное предприятие испытывало нужду в определенных специалистах, оно могло прислать кандидата, который поступал без экзаменов, получал стипендию от своего предприятия, а через 5 лет был обязан вернуться на родное предприятие. Однажды поступила заявка от крупного завода одного из городов страны на целевого специалиста по датскому языку. Приехавшая девушка оказалась весьма нерадивой, и через какое-то время встал вопрос об отчислении. Появился представитель завода, который горячо отстаивал необходимость продолжения обучения данного студента и потребовал встречи с заведующим кафедрой. Случайно выяснилось, что девушка была дочерью директора завода. Во время их разговора Михаил Иванович не стал говорить об этом факте, а сказал, что присланный кандидат оказался не очень удачным, но он понимает острую необходимость в специалистах по датскому языку на данном металлургическом заводе, и предложил прислать

хорошего выпускника уже сегодня. Представитель завода к такому повороту не был готов. Он исчез, надобность в специалисте по датскому языку почему-то отпала.

В 1978 году научная общественность отмечала 800-летие со дня рождения самого знаменитого из всех исландцев Снорри Стурлусона, создателя «Младшей Эдды» и «Круга Земного». Наша кафедра отметила дату заседанием, на котором выступил Михаил Иванович. Он начал так: «О жизни Снорри в общем мало что известно. Вместо того, чтобы выдумывать что-то, я лучше почитаю вам страницы из его произведения, которое я сейчас перевожу с несколькими коллегами для предстоящего первого на русском языке издания “Круга Земного”». И он стал читать свой перевод. Через короткое время всем присутствующим стало казаться, что не профессор, живущий в XX веке, а сам мудрый, все знающий, все понимающий Снорри рассказывает нам о том, что он узнал интересного и теперь делится знаниями со слушателями, своими современниками. Когда Михаил Иванович остановился, свистящим шепотом присутствующие сказали: «Еще!».

Таким мудрым, все знающим, все понимающим ученым и руководителем был для нас, студентов и преподавателей, наш Михаил Иванович Стеблин-Каменский.

Н. А. Бондарко
ИЛИ РАН, СПб., Россия, n-bond@yandex.ru

А. А. Еселева
ИЛИ РАН, СПб., Россия, eselana@mail.ru

**ДРЕВНЕСАКСОНСКАЯ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ПОЭМЫ
«БЫТИЕ» В КОНТЕКСТЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПЕРЕЛОЖЕНИЙ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ НА ГЕРМАНСКИЕ
ЯЗЫКИ: МЕЖДУ ТОЧНЫМ ПЕРЕВОДОМ И НОВЫМ
ПОЭТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ**

Статья посвящена особенностям составления, переложения и бытования христианских текстов в ранних германских языках. Сопоставляются два варианта древнегерманской поэмы по мотивам Книги Бытия, которые восходят к общему древнесаксонскому источнику, но один фрагментарно представлен на древнесаксонском языке (IX в.), а другой дошел до наших дней на западносаксонском диалекте древнеанглийского языка (нач. XI в.). К сопоставительному анализу привлекаются древнегерманские переводы Молитвы Господней.

Ключевые слова: Бытие; междиалектный перевод; ранние переложения библейских текстов на германские языки.

N. A. Bondarko
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, SPb., Russia,
n-bond@yandex.ru

A. A. Eseleva
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, SPb., Russia,
eselana@mail.ru

**Old Saxon and Old English Poems ‘Genesis’
in the Scope of Early Medieval Germanic Adaptations of Biblical
Texts: between the Exact Translation and a New Poetic Text**

The paper analyses early Germanic poetic adaptations of Biblical texts. Two related texts — the Old Saxon and the Old English poems ‘Genesis’ — are contrasted. Although the languages of the texts should rather be considered as dialects, the poems at large belong to different traditions, except for one part of the Old English ‘Genesis’ (*Genesis B*), which had been translated from the protograph of the Old Saxon poem, most probably, in order to replace the missing parts of the Old English text. Early Germanic poetic adaptations of Biblical texts allowed considerable

variation but at the same time medieval authors aimed to create the most precise and understandable translation variant possible — this is illustrated with examples from the Old Saxon and Old English poems ‘Genesis’, Old Saxon poem ‘Heliand’, Old English and Old High German versions of the Lord’s Prayer.

Keywords: Old Saxon Genesis, Genesis A, Genesis B, Old English, Old High German, the Lord’s Prayer, early medieval adaptations of Biblical texts interdialectal translation.

Библейские сюжеты в большой мере представлены в древнегерманской поэзии, в особенности, в сравнительно хорошо сохранившихся поэтических памятниках древнеанглийского языка¹. К таким памятникам относится поэма «Бытие» (*Genesis*), представляющая собой поэтическое переложение первых 22 глав Книги Бытия. Древнеанглийская поэма «Бытие» дошла до нас в одной рукописи, созданной около 1000 года (*Oxford, Bodleian Library, Junius 11*)². Сохранилось около 3000 строк древнеанглийской поэмы, при этом более 600 строк имеют происхождение, отличное от остальных. Это предположение впервые выдвинул Эдуард Сиверс в 1875 году (Sievers 1875). Он присвоил двум частям древнеанглийской поэмы названия *Genesis A* (основной текст) и *Genesis B* (интерполяция, строки 235-851), утверждая, что последняя является почти дословным переложением с утраченного саксонского оригинала. В 1894 году гипотеза Э. Сиверса триумфально подтвердилась, когда в библиотеке Ватикана была обнаружена рукопись, содержащая фрагменты утраченной саксонской поэмы — *Palatinus Latinus 1447* (Майнц, IX в.). Фрагменты получили в литературе название *Vatican Genesis*. В данной статье древнеанглийская и древнесаксонская поэмы «Бытие»³ рассматрива-

¹ Подробнее о переводах Библии в древнеанглийский период см.: СНВ2: 362–377.

² Знаменитый *Cædmon Manuscript*. О датировке существуют разночтения: «ученые предлагали датировки рукописи в диапазоне от 950 до 1050 года, что делает ее современницей других основных древнеанглийских кодексов» (Lockett 2013); по мнению А. Доуна, рукопись создана в самом начале XI века (Doane 1991), согласно Х. Гнойсу и М. Лэпиджу — на рубеже X–XI вв, либо в начале XI века (Gneuss & Lapidge 2014: № 640).

³ Тексты приводятся по изданиям Doane 1991 и Doane 2013.

ются в контексте традиции переложения библейских сюжетов на древние германские языки.

А. Доун отмечает, что обнаружение фрагментов саксонской поэмы не внесло ясности в изучение вопроса, поскольку то, что было найдено, оказалось всего тремя фрагментами, и таким образом, «Бытие» как памятник древнесаксонского языка осталось в тени «Хелианда». А. Доун предлагает расценивать *Vatican Genesis* и *Genesis B* как равноценных свидетелей утраченного произведения каролингской эпохи, которое в своем исходном виде было, вероятно, столь же значительно, как «Хелианд» (Doane 1991: ix–x). Таким образом, древнесаксонский и древнеанглийский текст связаны общим протографом.

Общепринятые термины «древнесаксонский» и «древнеанглийский» формируют не вполне верную предпосылку о том, что сопоставление проводится между двумя языками. Следует уточнить, что древнеанглийский текст дошел до нас преимущественно в западносаксонской версии (на этом диалекте сохранились и многие другие поздние редакции памятников древнеанглийского периода). Если обозначить исследуемые тексты как *Saxon Genesis* и *West Saxon Genesis*, то становится очевидна их диалектная близость. Как отмечает О. А. Смирницкая относительно древнесаксонского фрагмента о Грехопадении из *Vatican Genesis* и *Genesis B*, «ввиду большого сходства между древнесаксонским и древнеанглийским языками (особенно в поэзии), оба текста, обозначаемые по традиции как «оригинал» и «перевод», относятся друг к другу скорее как разнодиалектные варианты: большинство строк различаются лишь фонетикой и морфологией слов, изменения, вносимые англосаксонским переводчиком, ничем не отличаются по существу от вариантов, возникающих при переписке» (Smirnitskaya, Tikhomirov 1982). Следующий пример иллюстрирует минимальные различия между двумя вариантами, ср.:

VatGen 14–16a

Nu sculun uuit nu libbian, nu hier huuilum uuind kumit sudan efto nordan.	efto hu sculun uuit an thesum liahta uuesan? uuestan efto ostan,
---	---

‘Как должны мы теперь жить или как должны мы на этом свете быть?
 когда здесь временами ветер находит с запада или востока,
 юга или севера?’

GenB 805–807a

hu sculon wit nu libban,	одде on þis lande wesan,
gif her wind cymð	westan одде eastan,
suðan одде norðan?	

‘Как должны мы теперь жить или на этой земле быть,
если здесь ветер находит с запада или востока,
юга или севера?’

Можно отметить, что построение фразы древнеанглийского текста практически идентично древнесаксонскому. Наблюдается только одна лексическая замена (*liaht / land*) и соответствия союзов (*efto / одде, nu / gif*). Но из трех дошедших до наших дней фрагментов древнесаксонского «Бытия» лишь один — о Грехопадении — в ряде мест почти дословно совпадает с текстом древнеанглийской поэмы. Другие два фрагмента — о Каине и о Содоме — сюжетно соотносятся с частями *Genesis A*. При этом интерпретации сюжета существенно различаются, ср.:

GenA 1012b–1013a

... and his blod to me cleopað and cigeð? ‘и его кровь ко мне вопиет и вызывает’.

VatGen 51a

Dror hruopit is te drohtina selbun ‘кровь взывает его к Господу самому’

Общий источник парафраз — библейская цитата из Вульгаты: *vox sanguinis fratris tui clamat ad me de terra* — ‘голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли’ (*Vulgate Gn 4.10⁴*).

Приведенные примеры отражают закономерность — *Genesis A* систематически оказывается ближе к тексту Вульгаты, чем соответствующие древнесаксонские фрагменты *Vatican Genesis*, ср.:

Vulgate Gn 4.15

sed omnis qui occiderit Cain septuplum punietur ‘всякому, кто убьет Каина, всемеро будет отмщено’

GenA 1040–1043a

gif monna hwelc mundum sinum	
aldre beneoteð	hine on cumeð
æfter þære synne	seofonfeald wracu,
wite after weorce	

‘Если какой-либо человек своими руками лишит тебя жизни, на него падет за тот грех возмездие семикратное, наказание за проступок’

⁴ Латинский текст здесь и далее приводится по *Vulgata Clementina*.

VatGen 72b–74

thoh uuillik thi frithu settean,
 togean sulic tekean so thu an treuuua maht
 uuesan an thesero uuerolde thoh thu is uuiridic ni sis.

‘Но хочу я тебе печать поставить, показать такой знак, так что ты сможешь под защитой быть в этом мире, хотя ты этого и не достоин’

Сопоставление общих сюжетных фрагментов в *Genesis A* и *Vatican Genesis* свидетельствует о независимом происхождении переложений и значительной свободе при поиске поэтической формы для перевода библейского текста на ранние германские языки.

При этом *Genesis A*, с одной стороны, и *Genesis B* и *Vatican Genesis*, с другой стороны, по-разному интерпретируют библейские сюжеты. Так, поэма о Грехопадении имеет больше сходства с «Потерянным раем» Дж. Мильтона, чем с Вульгатой. «Мильтоновские мотивы» объясняются иными, не сохранившимися источниками⁵, к которым обращался автор древнесаксонской поэмы. Об этих источниках находятся лишь косвенные свидетельства, но очевидно, что источником для *Genesis A* послужила преимущественно Вульгата.

Выдвигалось немало версий о причинах, которые привели к появлению интерполяции *Genesis B* в древнеанглийском тексте. Наиболее вероятно, что древнеанглийская поэма, сохранившаяся в рук. *Junius 11*, имела достаточно долгую историю бытования⁶. В рукописи, с которой переписчик делал список ок. 1000 г., значимый фрагмент о Грехопадении отсутствовал или был испорчен. Поэтому писец привлек материал из известной ему древнесаксонской поэмы (которая, по-видимому, была в его распоряжении в более полном варианте, чем дошла до наших дней). Помимо текста, из древнесаксонской поэмы были заимствованы и иллюстрации. Возникло причудливое сочетание двух различных интерпретаций библейского сюжета.

Характер расхождений в области содержания различных версий одного библейского сюжета в раннесредневековой духовной литературе имеет смысл рассматривать на фоне

⁵ Такими, как латинская поэма V в. епископа Авита Венского *De Mosaicae historiae gestis*.

⁶ А. Доун допускает, что в устной форме поэма могла сложиться ранее VIII в. (Doane 2013: 40).

распространенной практики языкового варьирования, свойственной литературе этого периода в целом. Материалом для сравнения могут и должны служить многочисленные переводы главной христианской молитвы «Отче наш».

Особенности истории распространения этого текста в средневековой письменности Западной Европы на местных языках заключаются в следующем:

1) изначально Молитва Господня представлена в двух близких, но всё же не полностью идентичных вариантах: в Евангелиях от Матфея (Мф. 6:9—13) и от Луки (Лк. 11:2—4); кроме того, существовала отдельная рукописная традиция этого текста в составе богослужебных книг;

2) оригинальный древнегреческий текст, как правило, не был доступен для средневековых переводчиков, которые работали с латинскими вариантами молитвы;

3) при наличии некоторых разночтений в латинских версиях *Pater Noster* все переводчики на древнегерманские языки стремились к точной передаче смысла текста и старались не прибегать к перефразированию — впрочем, имелись и исключения.

Рассмотрим сначала аспекты языкового варьирования на материале переводов *Pater Noster (Vulgate Mt 6.9 — 13)* на разные диалекты древнеанглийского языка:

1. pater noster qui es in caelis
 2. sanctificetur nomen tuum
 3. adveniat regnum tuum
 4. fiat voluntas tua sicut in caelo et in terra
 5. panem nostrum supersubstantialem da nobis hodie
 6. et dimitte nobis debita nostra sicut et nos dimittimus debitoribus nostris
 7. et ne nos inducas in tentationem sed libera nos a malo
- Amen.

Среди возможных разночтений есть лишь одно, представляющее собой предмет богословских споров. В прошении о даровании «насущного», или же «ежедневного» хлеба (п. 5) Иероним Стридонский, на переводе которого основывается текст Вульгаты, использует словосочетание *panis supersubstantialis* в тексте Евангелия от Матфея, однако в Евангелии от Луки используется другой вариант: *quotidianum (cotidianum)*, впервые засвидетельствованный у Тертуллиана⁷. Выбор в

⁷ См.: Brown 1975: 251.

пользу *quotidianum* характерен также для литургической традиции и встречается, например, в Римском миссале (*Panem nostrum cotidianum da nobis hodie*). Оба латинских варианта восходят к одному и тому же греческому слову, встречающемуся только в Новом Завете: τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον (*tòn árton hēmôn tòn epiúsion dòs hēmín sēmeron*).⁸

Не вдаваясь в детали богословской интерпретации, обратим внимание на то, как передается это место, а также ряд других различий, в древнеанглийских переводах. Рассмотрим шесть переводных памятников: А — перевод Евангелия от Матфея (Skeat 1970), В — перевод Евангелия от Луки (Skeat 1970), С — Рашвортские Евангелия, глоссы к Евангелию от Матфея (Tamoto 2013), D — Кентерберийская Псалтирь (Liles 1967), E — Версия Эльфрика (Clemoes 1997), F — Версия Вульфстана (Bethurum 1957).

Panem nostrum **supersubstantialem** / **cotidianum** da nobis hodie:

A: Urne gedæghwamlican hlaf syle us to dæg

B: Syle us todæg urne dæghwamlican hlaf

C: hlaf userne ure dæghwæmlicu **instondenlice** sel us to dæge

D: Breod hlaf ure degwamlich **geof** us to dæg

E: Syle us todæg urne dæghwomlican hlaf

F: **Geunn** us to **pissum** dæge dæghwamlices **fosters**.

Сравнение приведенных переводов 5-й строки *Pater Noster* показывает, с одной стороны, что возможны вариации в выборе порядка слов и лексического варианта слова, ср. *geunnan* (F) и *gifan* (D) вместо доминирующего *sylan* (A, B, C, E); *foster* (Gen. *fosters*, F) вместо преобладающего *hlaf* (A–E).

Тем не менее, наблюдается только один вариант в передаче проблемного слова, а именно — при помощи прилагательного

⁸ См.: *Catechism of the Catholic Church — The seven petitions*, § 2837: «“Ежедневный” <...> означает то, что необходимо для жизни, и в более широком смысле — всякое благо, достаточное для существования. Взятое в переносном смысле (*epi-ousios*: «сверхсущественное»), оно напрямую относится к Хлебу Жизни, Телу Христову, «лекарству бессмертия», без которого в нас нет жизни. Наконец, в этой связи становится очевидным его небесное значение: «день сей» — это День Господень, день праздника Царства, предвосхищаемого в Евхаристии, которая уже является предвкушением грядущего Царства. По этой причине Евхаристическую литургию уместно совершать каждый день.»

(*ge*)*dæg**wamlic*(*h*), которое является прямым эквивалентом лат. *quotidianus/cotidianus*, исключающим многозначность варианта *supersubstantialis*.

Аналогичную картину показывают переводы *Pater Noster* на древневерхненемецкий язык IX в.⁹:

a) *grooth unseer emezzihic* *kip uns hiutu* («Санкт-Галленский Paternoster»; алеманнский диалект; конец VIII в.);

b) **Pilipi** *unsraz emizzigaz* *kip uns eogauuanna* («Фрайзингский Paternoster»; баварский диалект);

c) *Broot unseraz emezzigaz* *gip uns hiutu* («Отче наш» из «Вейсенбургского Катехизиса»; рейнско-франкский диалект);

d) *unsar brot tagalihhaz* *gib uns hiutu* («Отче наш» из «Евангельской гармонии» Татиана: 34,6; восточно-франкский диалект);

e) *Vnser tágelicha brôt.* *kib uns hiûto* («Отче наш» из «Ноткеровой Псалтири»; алеманнский диалект, поздний период древневерхненемецкого языка) (AhDL: 174).

Значение «насущенный» передается либо прилагательным *tagelich*, либо *emezzig/emezzihic*. Для обозначения «хлеба», в основном, используется лексема *brot*, однако «Фрайзингский Paternoster» дает вариант *pilipi*: не хлеб, а пища — в самом общем смысле. В этом же тексте привычное наречие *hiutu* уступает место более редкому в данном контексте *eogauuanna*.

Наиболее интересный пример переложения латинского текста представлен в древнесаксонской поэме «Хелианд» (40-е годы IX в.):

Gef ûs dago gehuulikes rād, *drohtin the gōdo,*
thîna hêlaga helpa... (ст. 1607–1608; AhDL: 176).

Здесь характерным для древнесаксонской и древнеанглийской поэзии образом использован прием, связанный с частичной (контекстуальной) синонимией. Некое понятие, называемое в первой долгой строке, перефразируется с помощью другого выражения (как правило, формульного), в следующей строке. В рассматриваемом примере подобным образом оказываются соотнесены именные словосочетания *gehuulikes rād* («всяческий совет») и *thîna hêlaga helpa* («твоя святая помощь/поддержка»). Традиционно считается, что оба синонима — *rād* и *helpa* —

⁹ См. все данные о цитируемых текстах и подробный филологический комментарий к переводам «Отче наш» в: AhDL: 349–352.

отражают духовный смысл *panis supersubstantialis*. Однако недавно К. Сипионе в специальной статье, посвященной переводу молитвы Господней в «Хелианде» (Sipione 2014), предложила иную, филологически более убедительную интерпретацию этого места. Др.-сакс. *râd* имеет также значение *Vorrat* — «съестные припасы», а следовательно, может отражать буквальное значение слова *panis*; напротив, *helpa* имеет смысл более абстрактный и поэтому соотносится со спиритуалистической интерпретацией «хлеба насущного». Иными словами, объектом прошения в древнесаксонском тексте является пища телесная и духовная (Sipione 2014: 218–221).

Таким образом, рассмотренные нами примеры передачи библейских сюжетов и текстов на древние западногерманские языки свидетельствуют о том, что переводчики раннесредневекового периода старались тщательно передавать смысл латинского оригинала. Как при адаптациях ветхозаветных сюжетов, так и при прямом переводе евангельского слова, эти люди, принадлежавшие к духовному сословию, стремились не заместить оригинал (как это было уже в эпоху Реформации), а сделать его предельно доступным и понятным для не сведущего читателя. Тенденция к точности — особенно в случае передачи слов самого Христа — реализовывалась вовсе не в ущерб поэтике нового германоязычного текста. И наоборот, доступность и понятность переводного текста не означала, что его создатель сознательно допускал для себя возможность серьезного изменения исходного смысла.

Литература

- AhDL — *Althochdeutsche Literatur* 2007: Eine kommentierte Anthologie. Althochdeutsch/Neuhochdeutsch. Übers., hrsg. u. komm. Von St. Müller. Stuttgart: Philipp Reclam.
- Bethurum, D. 1957: *The Homilies of Wulfstan*. Oxford.
- Brown, C. 1975: *The New International Dictionary of New Testament Theology*. Zondervan Publishing House.
- Catechism of the Catholic Church* https://www.vatican.va/archive/ENG0015/_PAA.HTM, *The seven petitions*, § 2837 (*дата обращения 01.02.2024*).
- CHB2 — *The Cambridge History of the Bible* 1969: The West from the Fathers to the Reformation. Ed. by G. W. H. Lampe. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
- CLASP — *A Consolidated Library of Anglo-Saxon Poetry*

- <https://clasp.ell.ox.ac.uk/db-latest/apmo/entry/640> (дата обращения 05.03.2024).
- Clemons, P. A. M. 1997: *Ælfric's Catholic Homilies: The First Series*. EETS s.s. 17, Oxford.
- Doane, A. N. 1991: *The Saxon Genesis: An Edition of the West Saxon Genesis B and the Old Saxon Vatican Genesis*. University of Wisconsin Press.
- Doane, A. N. 2013: *Genesis A: A New Edition, Revised*. Tempe, AZ: ACMRS.
- Gneuss, H., Lapidge, M. 2014: *Anglo-Saxon Manuscripts: A Bibliographical Handlist of Manuscripts and Manuscript Fragments Written or Owned in England up to 1100*. University of Toronto Press.
- Lapidge, M. 2006: Versifying the Bible in the Middle Ages // *The Text in the Community. Essays on Medieval Works, Manuscripts, Authors and Readers*. Eds. J. Mann & M. Nolan. University of Notre Dame Press, 11–40.
- Liles, B. L. 1967: *The Canterbury Psalter: An Edition with Notes and Glossary*. Stanford.
- Lockett, L. 2013: *The Junius Manuscript*.
<https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780195396584/obo-9780195396584-0145.xml> (дата обращения 21.03.2024).
- Sievers, E. 1875: *Der Heliand und die angelsächsische Genesis*. Halle a.S.: M. Niemeyer.
- Sipione, C. 2014: «Lord, teach us the sacred words!»: Some reflections concerning the Lord's Prayer in the Heliand. *Filologia germanica*. Vol. 6. P. 207–227.
- Skeat, W. W. 1970: *The Four Gospels in Anglo-Saxon, Northumbrian, and Old Mercian Versions*. Darmstadt.
- Smirnitskaya, O. A., Tikhomirov, V. G. 1982: *Древнеанглийская поэзия [Old English Poetry]*. М.: Наука.
Смирницкая, О. А., В. Г. Тихомиров. 1982: *Древнеанглийская поэзия*. М.: Наука.
- Tamoto, K. 2013: *The Macregol Gospels or The Rushworth Gospels*. John Benjamins Publishing Company.
- Vulgata Clementina*: <https://vulsearch.sourceforge.net/html/index.html> (дата обращения 05.03.2024).

Е. А. Власова

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия.
kealis@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ПИСЬМЕ СПИРАНТИЗАЦИИ /g/ В МОЛИТВЕННИКЕ Нем. О. I 96 ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье анализируется частотность употребления на письме одного из основных признаков средненижнегерманского консонантизма, связанного со спирантизацией -g-. Это явление представляет собой важную и широко обсуждаемую в основных отечественных трудах по немецкой диалектологии и немецкоязычных грамматиках по средненижнегерманскому языку проблему, связанную с реализацией спирантного *gh* на письме. В качестве материала используется рукописный молитвенник из собрания Российской национальной библиотеки под шифром Ф. 956 Нем. О. I № 96.

Одной из предполагаемых причин более частотного употребления *gh*- в одних частях или текстах молитвенника по сравнению с другими выдвигаются личные предпочтения переписчика. Дальнейшие перспективы изучения проявления спирантизации -g- на письме могут лежать в области сравнения материала молитвенника Ф.95 Нем. О. I № 96 с другими рукописными источниками религиозного содержания и имеющими чётко атрибутированное происхождение.

Ключевые слова: средненижнегерманский язык, диалекты, рукописные молитвенники, Германия.

Е. А. Vlasova

Russian National Library, St. Petersburg, Russia. kealis@gmail.com

Features of manifestation of spirantization on the /g/ in the prayer book of the Nem. O. I 96 from the collection of the National Library of Russia

The article analyzes the frequency of use in writing of one of the main signs of Middle Low German consonantism associated with spirantization /g/. This phenomenon is an important and widely discussed problem in the main Russian works on German dialectology and German-language grammars on the Middle Low German language related to the implementation of the spirant *gh* in writing.

The material used is a handwritten prayer book from the collection of the Russian National Library under the code F.956 Nem. O.I No. 96. One of the alleged reasons for the more frequent use of *gh* is that in some parts or texts of the prayer book, in comparison with others, the personal preferences of the scribe are put forward. Further prospects for studying the

manifestation of spirantization -g- on the letter may lie in the field of comparing the material of the prayer book F.956 Nem. O.I No. 96 with other handwritten sources of religious content and having a clearly attributed origin.

Keywords: manuscript, prayer books, diachronic dialectology, Germany, Middle Low German.

В настоящей статье рассматривается важная и широко обсуждаемая в основных отечественных трудах по немецкой диалектологии (Žirmunski 2010) и немецкоязычных грамматиках по средненижнемецкому языку (Lasch 1914) проблема реализации спирантного *gh*. В качестве материала используется рукописная книга из собрания Российской национальной библиотеки под шифром Ф.956 Нем. О.І №96. Этот рукописный источник не фигурирует в обзоре средненижнемецкой прозы (Bondarko, Logutova, Lyakhovityskiy 2012). На портале Handschriftencensus среди источников, относящихся к собранию Российской национальной библиотеки, упоминаний о рукописи с таким шифром также нет. В связи с этим наиболее доступным кратким описанием молитвенника может служить опись первого теологического раздела фонда 956, составленная О. Н. Блѣскиной, научным сотрудником Отдела рукописей РНБ.

Обращаясь к отечественным исследованиям, посвящённым различным аспектам средненижнемецкого языкового ареала, следует отметить определённый сложившийся ракурс, направленный на изучение грамматических особенностей бытования средненижнемецкого. В качестве примера можно привести статью Д. Б. Крюковой 2021 года, анализирующей двухкомпонентный глагольный комплекс на средненижнемецком материале (Kryukova 2021). Важнейший вклад в изучение бытования средненижнемецкого в условиях языково-культурной общности Ганзейского союза был сделан Е. Р. Сквайрс (Squires 2009; 2022). В рамках исследований средненижнемецкой лексики можно рассматривать статью Е. А. Власовой, посвящённую особенностям языка *Нового благочестия* в рукописных источниках (Vlasova 2017). Исследователи также занимались и вопросами текстологического характера (см. издание (Tsaraeva 2018)). Сложности языковой атрибуции, локализации и датировки исследуемых источников вынуждали филологов (Bondarko, Kryukova 2016) и историков (Logutova 2017) привлекать данные кодикологического анализа. Ряд исследований, проводимых на материале северных диалектов в немецких

средневековых рукописях, связан с особенностями реализации консонантных или вокалических диалектных особенностей (Vlasova 2014).

Согласно имеющемуся описанию рукописный памятник второй половины XV века представляет собой конволют, собранный из трех частей. Молитвенник насчитывает 157 листов и имеет кожаный переплёт. К основной части на л. 1–111v относятся переводы из Библии, молитвенные тексты, псалмы, снабжённые рубриками на латинском и средненижненемецком языках. В рубриках содержатся различные указания – например, на необходимые к прочтению молитвы, среди которых наибольшее число упоминаний, в соответствии со средневековой традицией, имеет молитва *Vater unser* (*Отче наш*). Вторая часть молитвенника (начиная с л. 112r) открывается рубрикой, сообщающей о том, что далее последуют выдержки из книги св. Августина. Третья часть (л. 154 и далее) обнаруживает свод правил благочестивого образа жизни.

На средненижненемецкий характер языка рукописи указывает последовательное отсутствие группы явлений, относящихся ко второму передвижению согласных. Интересно отметить, что среди особых признаков, обнаруживаемых на письме, рукопись Ф.956 Нем. О.І № 96 демонстрирует в ряде исключительных случаев написание согласного *t* как *th*. В своей средненижненемецкой грамматике А. Лаш подчёркивает, что написание через *th* является признаком средненижненемецкого, относящегося к периоду XI–XII веков, например, *voer sathanas* (4v) — ‘перед сатаной’ (Lasch 1914: 88).

Говоря о проблеме спирантизации *g*, необходимо разделять собственно спирант – *gh* и смычный *g*. В качестве основной мы принимаем точку зрения А. Лаш. Так, по её мнению, это явление выходило за пределы средненижненемецкого ареала и существовало задолго до среднего периода нижненемецкого языка (Lasch 1914: 146). В качестве доказательства она приводит данные из рукописей XII–XIII веков различного происхождения (Lasch 1914: 140). Причиной расхождения *g/gh* А. Лаш считает различие долгих и кратких гласных (Lasch 1914: 138). Преимущественно *gh* встречалось в начале слова перед *-e* или в ауслауте. На такую особенность указывал также А. Korlen, имея в виду появление *gh-* перед *e-*, *i-[u]*, в иных случаях — использование *g* (Korlen, Statwech 1906).

Развитие явления спирантизации в случае с приставкой *ge-* привело В. М. Жирмунского, автора фундаментального труда

по немецкой диалектологии, к мысли о том, что в результате спирантного характера начального *g*-неударная приставка *ge*- в нижненемецких диалектах подверглась фонетической редукции и в большинстве из них исчезла. Окончательное завершение этого процесса приходится на средненижненемецкий период (Žirmunski 2010: 604). В молитвеннике Ф.956 Нем. О.І №96 XV в. содержатся признаки «классического средненижненемецкого» и, соответственно, используется большое количество лексем с приставкой *ge*-. Этот факт опровергает положение об окончательной редукции этой приставки в средненижненемецкий период¹.

Примечательно, что текст всего молитвенника последовательно демонстрирует случаи использования префикса *ge*- в виде варианта без *h*, что является признаком классического средненижненемецкого XV в. (Peters 1988). Если В. М. Жирмунский (Žirmunski 2010: 216) указывал на отпадение префикса *ge*- «повсюду уже в средненижненемецкий период», то Р. Петерс, наоборот, отмечал широкое употребление префикса *ge*- в период «классического средненижненемецкого» (Peters 1988). В отличие от В. М. Жирмунского, Р. Петерс не связывает продвижение префикса *ge*- с верхненемецким влиянием (Peters 1987: 83; Žirmunski 2010: 216).

Необходимо отметить, что отпадение приставки *ge*-, используемой в качестве перфективного показателя у глагольных причастий, по мнению В. М. Жирмунского, представляло собой основу для сохранения простого прошедшего времени (Žirmunski 2010: 605). Однако наличие большого числа глаголов, употребляемых в перфекте с приставкой *ghe/ge*- в рассматриваемом молитвеннике, свидетельствует о том, что в средненижненемецком также могла быть реализована возможность использования перфекта для передачи значения прошедшего времени.

В случае с реализацией приставки *gh-/g-* оказалось невозможным проследить закономерность появления написания *gh*- в том или ином случае. См.: *wi hebben alle gheduldēt* (25v) ‘мы

¹ Следует отметить, что в связи со спирантным характером средненижненемецкого *g* в разговорной речи могла происходить полная редукция приставки *ge*-. Письменные источники редко могут в полной мере отразить реалии разговорной речи. Примеры написания приставки *ge-/ghe-* через *j* в исследуемом рукописном источнике нами встречены не были.

всё претерпели'; *he heft id gemaket* (15r) 'он его создал'; *hebbe ik id is doch gesecht* (19r) 'я уже это говорил'; *dede my ghehoret hebben* (22v) 'те, кто мне не внимал'; *de my geschapen heft* (84r) 'Тот, кто создал меня'; *we heft gewa[n]delt de dusternisse* (28r) 'Мы прошли через темноту'; *ik hebbe vor di gebedendat din loue nicht affinegaunde also du gesterket bist so sterke dine brodere* (2v) 'я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и как ты еси укреплен [в вере], так и братьев твоих укрепил'; *Wente ik hebbe iw en exempel gegeuen dat gi don scholen also ik iw gegeuen unde gedan hebbe* (4r) 'Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я дал и сделал вам' (Синодальный перевод); *he genomen hadde* (2v) 'он взял'; *Do he ere vote gedwagen hadde unde sik wedder kledede do ginck he sitten unde sprak* (2v) 'Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, усевшись, сказал им'.

При отсутствии определённой закономерности возникновения *gh-* в приставке *ge-*² можно было бы указать на текстуальное окружение в качестве причины использования в том или ином случае *gh-*. К таким выводам можно прийти в случае анализа примера на л. 4v: *ghede[n]ket mynes sermons den hebbe ic ghespreken* 'помните о моей проповеди, которую я произнёс', где оба глагола имеют вариант приставки с *gh-*. В то же время в молитвеннике обнаруживаются и обратные примеры — как в предложении: *Gude ihesu haddes tu ghewult du haddest se wol alle geslagen* (60r) 'Благый Иисусе, если бы Ты пожелал, ты бы всех их сразил', где *ghewult* 'пожелал', соседствует с *geslagen* 'сразил'.

В целом, анализ особенностей передачи спирантного *gh-* на письме показал, что материал молитвенника Ф.956 Нем. О.І № 96 подтверждает широкий характер распространения этого явления в средненижненемецком письменном языке, о чём свидетельствуют многочисленные примеры. Далее следует констатировать преимущественный характер возникновения *gh-* перед *e-* в приставке *ghe-/ge-* (возможно, появление *-gh-* в ауслуате: *vraghet* 'спросили', но также перед *e-*) и отсутствие явно прослеживаемой закономерности в случаях употребления того или иного варианта. В качестве предполагаемой причины более частотного употребления *gh-* в одних частях или текстах

² См. примеры выше, где слабые и сильные глаголы, имеющие долгие или краткие гласные, стоящие после префикса, с одинаковой степенью частотности могут обнаруживать *gh-*.

молитвенника по сравнению с другими необходимо считать личные предпочтения переписчика. Дальнейшие перспективы изучения проявления спирантизации -g- на письме видятся в сравнении материала молитвенника Ф.956 Нем. О.І №96 с другими рукописными источниками религиозного содержания, имеющими чётко установленное происхождение.

Литература

- Bondarko, N., Kryukova, D. 2016: [The Middle Low German prayers and glosses in a collection of Latin liturgical texts of the 15th century (the National Library of Russia, Lat. O. I. 904)] In: *Indoeuropejsko jazykoznanie i klassicheskaia filologija* [Indo-European studies and classical philology] 20(1), 78–89.
Бондарко Н. А., Крюкова Д. Б. Средненижненемецкие молитвы и глоссы в сборнике латинских богослужебных текстов XV века (РНБ, лат. О. і. 904) 20(1), 78–89.
- Bondarko, N., Logutova, M., Lyakhovitskiy, E. 2012: *Mittelniederdeutschegeistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg*. In: *Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hg. von A. Breith u. a. Stuttgart: HirzelVerlag*, 2012, 123–155. (= *Zeitschrift für deutsches Altertum; Beiheft 15*).
- Kryukova, D. 2021: [The two-component verb complex in the Middle Low German translations of the Psalter: to the problem of variation]. *Indoeuropejsko jazykoznanie i klassicheskaia filologija* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 25–1 (2021), 661–678.
Крюкова, Д. Б. 2021: Двухкомпонентный глагольный комплекс в средненижненемецких переводах Псалтири: к проблеме языкового варьирования. *Indoeвропейское языкознание и классическая филология* 25–1 (2021), 661–678.
- Lasch A. 1914: *Mittelniederdeutsche Grammatik* (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte: A, Hauptreihe 9). Halle, 1914.
- Logutova, M. 2017: [Late Medieval German Prayer Books: Religious Consciousness of the Turn of the 14–15th Centuries] In: *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego Novogo vremeni* [Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture]. 2017. Vol. 3 (2), 51–74. 67
Логутова, М. Г. 2017: Роль позднесредневековой молитвы в подготовке восприятия идей Реформации (по немецкоязычным рукописным молитвенникам Российской национальной библиотеки). *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*, (3 (2)), 51–74.

- MHW — Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / Begr. von A. Lasch u. C. Borchling, fortgef. v. G. Cordes u. A. Hübner. Hrsg. von D. Möhn. Bd. 1–2, 3 (1. Lieferung). Neumünster, 1956–2004.
- Peters, R. 1988: *Katalog sprachlicher Merkmale zur variablen-linguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen*. Teil 1 (= Niederdeutsches Wort 27).
- Squires, E. R. 2009: *Die Hanse in Novgorod. Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen. Mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England*. Böhlau Vlg., Köln, Weimar, Wien.
- Squires, E. R. 2022: [Book printing and the evolution of the law of Hansa cities]. In: *Rumyantsevskije chtenija-2022 [Rumyantsev readings 2022]*. 236–241.
- Сквайрс Е. Р. Книгопечатание и эволюция городов Ганзы. В сб.: *Румянцевские чтения*. 2022. 236–241.
- Tsapraeva, S. 2018: *Das Rostocker Tierepos' Reynke Vosz de olde' (Ludwig Dietz, 1539) im Kontext der niederdeutschen 'Reynke de Vos'-Überlieferung des 15. und 16. Jahrhunderts und der Rostocker Drucktradition der Mitte des 16. Jahrhunderts*. Tectum/Nomos, Baden-Baden. 358 S.
- Vlasova E. 2014: [Features of Middle Dutch and Middle Low German vocalism in prayer books of the XV–XVI centuries] In: *Acta Linguistica Petropolitana. Colloquia classica et indo-germanica, VI., pamjati Leonarda Georgievicha Gercenberga* [in memory of Leonard Georgievich Herzenberg]. 10 (1), 452–463.
- Власова Е. А. Особенности средненидерландского и средне-нижненемецкого вокализма в молитвенных книгах XV–XVI вв. *Colloquia classica et indo-germanica, VI., памяти Леонарда Георгиевича Герценберга* / отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский, Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2014, 452–463. (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН; Т. X, Ч. 1).
- Vlasova, E. A. 2017: [Lexical peculiarities of the Devotio Moderna language on the material of handwritten prayer books] In: *Problemi jazyka [Language problems]*. 18–28.
- Власова, Е. А. 2017: Лексические особенности языка «Нового благочестия» на материале рукописных молитвенников из РНБ. В сб. *Проблемы языка*. 2017. 18–28.
- Žirmunski V. 2010: *Deutsche Mundartkunde*. Berlin, 2010.

Электронные ресурсы

<https://handschriftencensus.de/18883>

М. А. Волконская
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. mary.volkonskaya@gmail.com

О «ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ АЛЛИТЕРАЦИОННОЙ ПОЭЗИИ

Вопрос о том, что подразумевается под термином «поэтическая лексика» применительно к древне- и среднеанглийской аллитерационной поэзии, до сих пор остается спорным. При установлении статуса той или иной лексемы исследователи привыкли полагаться на данные о том, встречается ли данная единица за пределами поэтических памятников или нет. Опираясь на материал корпуса древнеанглийских текстов, а также раннесреднеанглийской поэмы Лаямона «Брут» и иных среднеанглийских источников, в настоящей работе мы рассмотрим ряд примеров, которые заставляют по-новому взглянуть на вопрос отнесения тех или иных лексем к «поэтической лексике» в средневековой английской аллитерационной поэзии.

Ключевые слова: аллитерационная поэзия, древнеанглийский, среднеанглийский, Лаямон, поэтизмы.

Maria Volkonskaya
HSE University, Moscow, Russia. mary.volkonskaya@gmail.com

On “poetic words” in medieval English alliterative poetry

In his Candidate of Sciences (Ph. D.) thesis, written in 1942, M. I. Steblin-Kamenskij studied the stylistic features of Old English poetry. The cornerstone of his thesis is the claim that the diction of Old English poetry is quite different from prose. It is a separate form of the language, and, as follows from Steblin-Kamenskij’s analysis of noun-epithets, it is also rather conservative. Following his ideas, O. A. Smirnitskaya has convincingly shown that alliterative poetry is a special stage in the development of poetic form, which is characterized by a systemic dual unity of verse and language. However, the nature of Old English poetic diction is still under debate. In defining the status of a particular lexeme as “poetic” or “predominantly poetic”, researchers tend to rely on whether it is confined in usage to poetic texts only or predominantly — occurring mainly in verse with some limited incidence in non-poetic texts. Furthermore, it is usually taken for granted that poetic words have certain stylistic qualities, adding a sense of elevation to non-poetic contexts. Based on the data from the DOE Web Corpus, as well as Lawman’s early Middle English poem *Brut* and other Middle English sources, this paper will consider a number of examples (namely, three simplexes for ‘man, warrior’

— *beorn, guma, rinc*) that might shed new light on the nature and limits of “poetic diction” in medieval English alliterative poetry.

Keywords: alliterative poetry, Old English, Middle English, Lawman, poetic words.

Изучение особенностей древнеанглийского поэтического стиля легло в основу кандидатской диссертации М. И. Стеблин-Каменского, написанной в Ленинграде во время блокады летом и осенью 1942 г. (ее сокращенное изложение представлено в Steblin-Kamenskij 1946). В своей работе он исходил из того, что древнеанглийский поэтический язык имеет особый, отличный от прозаического, лексический состав и представляет собой отдельную форму языка, причем — как следовало из анализа субстантивных эпитетов — достаточно консервативную (Steblyn-Kamenskij 1946: 41–51). Отталкиваясь от положений М. И. Стеблин-Каменского, О. А. Смирницкая в дальнейшем убедительно показала, что аллитерационная поэзия — особый этап в развитии стихотворной формы, который характеризуется системным двуединством стиха и языка (Smirnitskaya 1994: 423–424). Однако вопрос о том, что подразумевается под термином «поэтическая лексика» применительно к аллитерационной поэзии, как эта лексика соотносится с лексикой общего словаря, продолжает оставаться спорным.

При обсуждении статуса той или иной лексемы исследователи привыкли полагаться на данные о том, засвидетельствована ли данная единица за пределами поэтических памятников или нет (Stanley 1971: 385–387; Frank 1994: 89–90). В то же время отмечалось, что некоторые лексемы, традиционно считающиеся поэтизмами, встречаются и в непоэтических памятниках — это не зависит ни от происхождения, ни от времени создания данного памятника (Frank 1994: 106). При этом обычно считается само собой разумеющимся, что поэтизмы обладают особой стилистической окраской, и авторы вводили их в прозаические произведения с определенной целью. Так, Э. Г. Стэнли, рассматривая использование поэтизмов во фрагменте древнеанглийской гомилии о Судном дне, отмечает, что ее автор, вероятно, «опознавал и осознанно использовал данные единицы как знак того, что его дискурс в данном случае является поэтическим» (Stanley 1985: 368). В некоторых случаях за использованием или, наоборот, отказом от использования поэтизмов усматривали особенности развития авторского стиля: например, Эльфрик семь раз использует в своих ранних

гомилиях поэтизм др.-англ. *metod* 'судьба; творец', но в дальнейшем отказывается от него (Godden 1980: 217–219).

Резюмируя наблюдения исследователей, М. Гриффит выделяет четыре типа контекстов за пределами классического древнеанглийского стиха, в которых может встречаться поэтическая или преимущественно поэтическая лексика: 1. расшатанный (неканонический) аллитерационный стих; 2. памятники, написанные ритмической прозой; 3. риторически возвышенная проза; 4. глоссы (Griffith 2014: 100–104). Но если первые два типа контекстов генетически восходят к стиху (что может объяснить проникновение в них поэтической лексики), даже в последних двух случаях, согласно Гриффиту, данные лексемы всё равно сохраняют отмеченный нейтральный статус, поскольку и вне поэзии они употребляются в возвышенных контекстах. Так, в глоссах, по его наблюдениям, поэтизмы появляются в тех случаях, когда в оригинале имеется редкая или стилистически возвышенная лексема. Например, комментируя отрывок из «Трактата о девстве» Альдхельма, глоссатор использует поэтизм др.-англ. *folm* 'ладонь' там, где в латинском тексте используется редкая лексема *vola* 'ладонь' вместо распространенной *manus* (Griffith 2014: 111).

Однако все эти исследователи принимают за данность, что лексемы, не засвидетельствованные или практически не засвидетельствованные за пределами поэтических памятников, заведомо были поэтизмами по своей функции, то есть отличались от нейтральной лексики как слова торжественные или возвышенные. Такая модель свойственна современному языковому сознанию, но не может быть в полной мере перенесена на язык древних памятников по двум причинам. Во-первых, говоря о древнеанглийской поэзии, необходимо помнить, что «до нас дошла только маленькая часть этой поэзии, и неизвестно, какое место занимало в этой поэзии то, что сохранилось» (Steblin-Kamenskij 1946: 14). Отдельные лексемы могли сохраняться исключительно в поэтических памятниках не в силу своих особых свойств, но лишь в силу специфики своего денотата, как, например, лексемы, связанные с пережитками языческих практик (Smirnitskaya 1994: 229). Но — что более важно — определенные слова общего языка могли развивать в поэтическом языке свои особые коннотации, становясь, таким образом, поэтизмами в функциональном плане: «определителем поэтизмов является стих... тот особый ценностный и ассоциативный ореол, который сопутствует данному слову в поэзии (и

отличает его от прозаического двойника, если таковой имеется) выявляется не иначе, как через посредство метрики и аллитерации» (Smirnitskaya 1994: 230). Что же касается тех лексем, которые засвидетельствованы преимущественно в поэзии, но изредка появляются и в непозитических контекстах, то их функция может быть установлена лишь путем специального изучения, но не выводится как данность из внешнего признака употребительности.

Опираясь на материал торонтского корпуса древнеанглийских текстов Dictionary of Old English Web Corpus (DOEWC)¹, который объединяет все сохранившиеся памятники — поэзию, прозу и глоссы, а также соотнося полученные данные с информацией о дальнейшей судьбе изучаемых лексем (речь идет прежде всего о раннесреднеанглийской поэме Лаямона «Брут», а также материале из электронного словаря среднеанглийского языка Middle English Dictionary (MED)), в настоящей работе мы рассмотрим три примера, которые заставляют по-новому взглянуть на вопрос отнесения тех или иных лексем к «поэтической лексике» в средневековой английской аллитерационной поэзии. Все рассматриваемые нами далее лексемы тяготеют в своем употреблении к поэтическим текстам и относятся к группе простых синонимов, обозначающих ‘мужа; воина’.

Первая лексема — др.-англ. *beorn* (основа на -а-, *m.*) — этимологически связана с наименованием медведя, ср. др.-сканд. *björn* (основа на -и-, *m.*) ‘медведь’, *bera* (основа на -и-, *f.*) ‘медведица’, а также др.-англ. *bera* (основа на -п-, *m.*) ‘медведь’, и толкуется как наименование воина, обусловленное специфическими качествами данного зверя, его силой и свирепостью. Аналогичное соответствие мы находим в паре др.-англ. *eofor* ‘вепрь’ — др.-сканд. *jöfur* ‘воин’. Согласно корпусу DOEWC, в древнеанглийской прозе есть случаи смешения существительных *beorn* ‘воин’ и *bearn* ‘ребенок, отпрыск’ (от глагола *beran* ‘носить, рожать’), ср. следующий пример из грамоты: *And þe land be westan æt Fittingtune & æt Niwantune he becwæð his sweostrun & heora beornun* (Ch 1488) — «И землю к западу у Фиттингтуна и Нивантуна он завещал своим сестрам и их детям». Такие примеры контаминации в дальнейшем встретятся и в среднеанглийских памятниках, где ср.-англ. *burn(e)* зачас-

¹ Если не указано иное, далее в работе все написания цитат и сокращенные названия древнеанглийских памятников приведены согласно данному корпусу.

тую смешивалось со ср.-англ. *barn* (MED). К этим примерам примыкает спорный случай с памятной надписью на фрагменте каменного креста в Дьюсбери (отметим использование в ней аллитерации, сближающее данный текст со стихом): *rhtae besun <aefter> beornae, gibiddad <daer> saule* (Inscr 12), относительно интерпретации которой мнения исследователей расходятся. Как отмечается в (CASSS 8: Dewsbury 10), форму *beornae* в данном контексте можно интерпретировать как имя собственное, о котором см. ниже («<воздвиг> знак в память о Беорне, молитесь за его душу»), или как имя нарицательное, причем оба варианта перевода представляются возможными («<воздвиг> о -be(o)ght'e знак в память, сыне/воине, молитесь за его душу»), хотя на основании имеющихся параллелей с аналогичными памятными надписями, в которых используются термины родства, предпочтительным кажется первый вариант («о... сыне»).

Исключив подобные случаи контаминации, мы обнаружим, что лексема *beorn*, согласно данным корпуса DOEWC, не встречается за пределами поэтических памятников. Более того, из 130 выявленных контекстов нет ни одного, где эта лексема не была бы отмечена аллитерацией, тяготея при этом к первой (40% случаев) и третьей (44,5%) вершинам. Эта лексема также была довольно распространена как компонент двучленных имен собственных: *Beornhēah*, *Beornwulf*, **Frēobeorn* (Feilitzen 1937: 200; 254, note 2). Такого рода имена, являясь яркой особенностью древнегерманского именослова, имели ряд архаических особенностей, сближающих их с мифопоэтической традицией (Торогова 1996: 241). Встречается *Beorn* и как простое имя собственное, которое получило распространение, вероятно, под скандинавским влиянием (Redin 1919: 4; Feilitzen 1937: 200), что может косвенно указывать на то, что лексема *beorn* не была ограничена лишь поэтической сферой. Представляется, что в пользу этого говорит и тот факт, что в среднеанглийском данная лексема получила распространение в именах прозвищного типа, восходящих к роду занятий (Clark 2006: 566–577): согласно MED, с конца XII века встречаются такие имена, как *Willelmus Bern*, *Wlwich le boerne*, *Stephanus le Borne*, *Walterus le Borne*, *Henricus le Bern*.

Др.-англ. *guma* (основа на -n-, *m.*) ‘мужчина, муж’ (др.-сакс. *gumo*, др.-верх.-нем. *gumo*, *gomo*, ср.-верх.-нем. *gome*, др.-сканд. *gume*, гот. *guma*) имеет индоевропейские параллели (лат. *homo* ‘человек’). Изучая семантическую сферу, закреплённую

за данным синонимом в древнеанглийской поэзии, Н. Б. Пименова отмечает его аттракцию к семантическим подсистемам битвы, золота, пира и отмеченность выдающимися качествами (самыми важными свойствами эпического героя): в эпическом мире *guma* — это «муж-воин, близкий к битве и гибели, дающий дары и обладающий дарами (и вместе с ними честью), приносящий честь на пиру, мудрый и т. п.» (Pimenova 2004: 412).

Хотя число контекстов с данной лексемой в поэтических памятниках сопоставимо с *beorn*, видимо, слово *guma* принадлежит более низкому рангу: оно, в отличие от *beorn*, может не отмечаться аллитерацией. Из 160 выявленных контекстов аллитерацией не отмечены 9%; из них в 4% случаев *guma* занимает четвертую вершину, в 5% случаев — вторую. Например, весьма примечателен следующий контекст, выбивающийся из героической тональности, описанной выше, где Беовульф говорит о побежденном им чудовище Гренделе: *feasceaft guma / frofre gebohte* (Beo 973) «жалкое создание / облегчения <не> нашло». Остальные контексты, в которых *guma* участвует в аллитерации, распределены следующим образом: 25% — первая вершина, 21% — вторая, 43% — третья.

По данным корпуса, в прозе данная лексема встречается четыре раза. В одном случае, по всей видимости, она является частью топонима (что косвенно указывает на устное бытование): *To gumas graue* (Ch 567) «До рожи воина». Также мы находим *guma* в древнеанглийском переводе «Утешения философией» Бозция — в обращении короля Альфреда, уснащенном аллитерацией: *Wella, wisan men, wel; gað ealle on þone weg ðe eow <lærað> þa foremæran bisna þara godena gumena & þara weorðgeornena wega þe ær eow wæron* (Bo 40.139.5) «О, мудрецы, идите все по тому пути, которому учат славные примеры хороших людей и тех благородных мужей, что были до вас». Наконец, последние два контекста встречаются в одном памятнике — в трактате монаха и ученого начала XI века Бюрхтферта «Руководство» (*Enchiridion*), который, восхваляя Беду Достопочтенного, дважды называет его *gumena se getyddusta/getiddusta* (ByrM 1) «из мужей наимудрейшим». Представляется, что у Альфреда и Бюрхтферта употребление *guma* связано не столько с возможной принадлежностью лексемы к возвышенному стилю, но с тем, что здесь представлен тот же понятийный ряд отмеченности великих мужей прошлого положительными качествами (мудростью и т. п.), который выявляется на материале поэзии. Впрочем, эпическая

семантика данной лексемы вне поэзии оказывается не вполне устойчивой, и помимо приведенного выше топонима мы находим пример ее конвенционализации также и в глоссах: *incredibiles ungelefe gum.* (OccGl 51.4.3) «неверующие». Представляется, что на то же указывает и употребление *guma* как второго элемента в распространенном преимущественно в прозе композите др.-англ. *brȳd-guma* ‘жених’.

Др.-англ. *ginc* (основа на *-a*, *m.*, ср. др.-сакс. *gink*, др.-сканд. *rekkr* < **renk-*) связано с прилагательным *ganc* ‘гордый, властный, сильный’ с другой ступенью аблаута. Из 55 контекстов в поэзии данная лексема встречается в позициях, не отмеченных аллитерацией, в 14,6% случаев (11% — четвертая вершина, 3,6% — вторая вершина); остальные контексты, отмеченные аллитерацией, распределяются так: третья вершина — 41,8%, первая — 23,6%, вторая — 20%. Таким образом, как и *guma*, это слово принадлежит более низкому рангу, чем *beorn*. Н. Б. Пименова выделяет следующие основные контексты, определяющие специфику употребления данного слова: описание ослабленной активности (не действующий герой, а герой как объект чужих действий); обозначение неполноценности или слабости дружины, воинов или предводителя; обозначение подчиненного социального статуса (младший родственник или же герой, связанный узами договора или обета с вышестоящим по рангу лицом); обозначение второстепенных персонажей или неиндивидуализированной дружины вокруг героя (Pimenova 2008).

Согласно корпусным данным, *ginc* также встречается в семи контекстах в глоссах, причем все контексты единообразны и относятся к одному источнику — упоминавшемуся выше «Трактату о девстве» Альдхельма, например: *hircitallo robusto iunge gince | hysse* (AldV 1) «юный муж | юноша»; *ut effebo hircitallo swa beardleasum gince* (AldV 3.1) «как безбородый юноша» и т. п. Примечательно, что во всех случаях толкуется необычная форма *hircitallo*, abl. sing. (к прилагательному *hirqitallus* ‘достигший половой зрелости’). Таким образом, ассоциативные связи, выявленные у лексемы *ginc* на материале поэзии, в данном случае, как представляется, сохраняются. М. Гриффит отмечает, что число поэтизмов в глоссах к «Трактату о девстве» необычайно велико (Griffith 2014: 110); можно предположить, что глоссатор был хорошо знаком с древней поэтической традицией, а потому следовал в своем употреблении ее семантическим закономерностям.

Следующее появление рассматриваемых нами лексем на историко-лингвистической сцене — среднеанглийская поэма Лаямона «Брут», написанная в конце XII — начале XIII века. Данный текст, считающийся первым памятником английской артурианы, примечателен тем, что его стих и язык имитируют древнеанглийскую аллитерационную поэзию; повествуя об истории Британии, Лаямон транспонирует в мир героического эпоса свой ключевой источник, англо-нормандский «Роман о Бруте» Васа, выводя его из стилистики рыцарского романа (Bennett 1986: 70–72). Как и в древнеанглийских памятниках, в «Бруте» используется поэтическая синонимика, обозначающая ключевые элементы героического мира, но функционально эти лексемы несопоставимы: синонимы у Лаямона не сохраняют ту ценностно-ассоциативную информацию, которая проявлялась в древнеанглийской поэтической традиции как система метрических рангов. Так, *beorn* и *gume* у Лаямона отмечены аллитерацией лишь примерно в половине случаев (55% и 50% из 76 и 85 контекстов соответственно), но при этом нередко употребляются в составе клише в рифме. *Rink* встречается в «Бруте» Лаямона лишь в одном контексте; в более поздних среднеанглийских памятниках начинает также использоваться форма *genk*, что, вероятно, объясняется влиянием генетически тождественного скандинавского *rekkr* в диалектах северного и западного Мидленда. В дальнейшем употребление данных лексем будет ограничено преимущественно памятниками «аллитерационного возрождения», где они превращаются в традиционно воспроизводимые клише, которые тяготеют к отмеченности в стихе, иными словами, конвенциональные приметы «исконной» поэзии (Brink 1920).

Однако сравнение текстов ограничивает поле зрения исследователя лишь видимыми фактами, между тем как известные нам древнеанглийские и среднеанглийские памятники представляют собой лишь «вершину айсберга» и неизбежно дают ограниченное представление о древне- и среднеанглийской лексике. Мы можем предположить, что древнеанглийские лексемы *beorn*, *guma*, *ginc*, известные нам как «поэтизмы», имели распространение и за пределами засвидетельствованных форм древнеанглийского языка. Данные топонимики и антропонимики, а также факты среднеанглийского языка служат поддержкой такого предположения. Следовательно, единичные примеры «сверхпоэтического» употребления древнеанглийских лексем, которые мы находим в корпусных данных, свидетельствуют не столько о

том, что употребление синонимов в прозе вторично и функционально ограничено (ненейтральной стилистической функцией), сколько о глубинной и актуальной связи с устной поэтической традицией (что подтверждается сохранением ценностно-ассоциативного ореола данных лексем в отдельных прозаических контекстах), а также о том, что данные лексемы могли иметь более широкое устное бытование. Следует допустить, что этот слой устной традиции, с которым контактировала классическая аллитерационная поэзия, не исчез в одночасье с ее гибелью, но послужил своего рода «питательной средой» для последующих поэтов, которые, как Лаямон, желали прикоснуться к прошлому. Однако в среднеанглийских памятниках эта традиция нашла отражение уже на иных основаниях: синонимы в них используются как слова отмеченные, то есть во вполне привычной для нас поэтической функции. Таким образом, сохранность лексем в данном случае оказывается таким же внешним признаком, как и употребительность той или иной лексемы в засвидетельствованных древнеанглийских памятниках.

Литература

- Bennett, J.A.W. 1986: *Middle English literature*. Oxford: Clarendon Press.
- Brink, A. 1920: *Stab und Wort im Gawain: eine stilistische Untersuchung*. Halle.
- CASSS 8 — *The Corpus of Anglo-Saxon Stone Sculpture. Vol. 8: Western Yorkshire*. Durham University, 2022.
URL: <https://chacklepie.com/ascorpus/catvol8.php>.
- Clark, C. 2006: Onomastics. In: *The Cambridge History of the English Language. Vol. II. 1066–1476*. Cambridge: Cambridge University Press, 542–606.
- DOEWC — *Dictionary of Old English Web Corpus*. University of Toronto, 2009. URL: <http://tapor.library.utoronto.ca/doecorpus/>.
- Feilitzen, O. von. 1937: *The pre-Conquest personal names of Domesday Book*. Uppsala.
- Frank, R. 1994: Poetic words in late Old English prose. In: *From Anglo-Saxon to early Middle English: studies presented to E. G. Stanley*. Oxford: Clarendon Press, 87–107.
- Godden, M. R. 1980: Ælfric's changing vocabulary. *English studies* 61, 206–223.
- Griffith, M. 2014: Old English poetic diction not in Old English verse or prose — and the curious case of Aldhelm's five athletes. *Anglo-Saxon England* 43, 99–131.

- MED — *The Electronic Middle English Dictionary based on Middle English Dictionary by H. Kurath, Sh. Kuhn*. University of Michigan, 2001. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>.
- Pimenova, N. B. 2004: [Two Old Germanic “poetic archaisms” (lexical concreteness and stylisticity in the historical and typological perspective)]. In: *Slovo v perspektive literaturnoj ehvolyucii [The word in the perspective of literary evolution]*. Moscow, 408–423.
- Пименова, Н. Б. 2004: Два древнегерманских «поэтических архаизма» (предметность и стилистичность слова в историко-типологической перспективе). В сб.: *Слово в перспективе литературной эволюции*. М., 408–423.
- Pimenova, N. B. 2008: [Old English poetic lexicon: rinc “man, warrior”]. In: *Germanistika. Skandinavistika. Istoricheskaya poehatika [Germanistics. Scandinavian studies. Historical poetics]*. Moscow, 295–303.
- Пименова, Н. Б. 2008: Древнеанглийский поэтический словарь: rinc «муж, воин». В сб.: *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика*. М., 295–303.
- Redin, M. 1919: *Studies on uncompounded personal names in Old English*. Uppsala.
- Smirnitskaya, O. A. 1994: *Stix i yazyk drevnegermanskoj poehzii [The verse and language of Old Germanic poetry]*. Moscow.
- Смирницкая, О. А. 1994: *Стих и язык древнегерманской поэзии*. М.
- Stanley, E. G. 1971: Studies in the prosaic vocabulary of Old English verse. *Neuphilologische Mitteilungen* 72, 385–418.
- Stanley, E. G. 1985: *The Judgement of the Damned* (from Cambridge, Corpus Christi College 201 and other manuscripts), and the definition of Old English verse. In: *Learning and literature in Anglo-Saxon England*. Cambridge: CUP, 363–391.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1946: [On the development of Old English poetic style (noun-epithet in Old English poetry)]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena [Scientific memoirs of the Herzen State Pedagogical Institute]* 48, 7–60.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1946: К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля (субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии). *Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена* 48, 7–60.
- Toporova, T. V. 1996: *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskije dvuchlennye imena sobstvennye [Culture in the mirror of language: the Old Germanic compound proper names]*. Moscow.
- Топорова, Т. В. 1996: *Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные*. М.

Natalija Ganina
Moskauer Staatliche Lomonossov-Universität, Russland. ganina@philol.msu.ru

DIE RUNENINSCHRIFTEN VON RÜGEN

В статье рассматриваются рунические надписи на предметах, находящихся в Музее Штральзунда (Museum Stralsund, ранее Штральзундский Культурно-исторический музей), которые были исследованы автором в фондах музея. В связи с этим обсуждается проблема рунической письменности на Рюгене. В качестве примера для сравнения и противопоставления в более широком контексте привлекается руническая надпись из соседнего с Рюгеном Грайфсвальда.

Ключевые слова: рунические надписи, Рюген, Штральзундский Музей.

Н. А. Ганина
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ganina@philol.msu.ru

The runic inscriptions from Rügen

The article is concerned with the runic inscriptions on the objects in the Museum Stralsund (formerly the Kulturhistorisches Museum Stralsund), which were investigated by the author in the Museum's collections. In this context, the problem of runic writing on Rügen is discussed. A runic inscription from the Rügen's neighbouring town Greifswald is used as an example to compare and contrast in a broader context.

Key words: runic inscriptions, Rügen, Museum Stralsund

Im Museum Stralsund befinden sich zwei von der Insel Rügen stammende Objekte mit Runeninschriften, nämlich der Runenknochen von Ralswiek (Inventarnummer Hd 648) und das Steinchen von Rügen (Inventarnummer SK 5423). Beide Gegenstände wurden von mir i. J. 2009 in den Beständen des Museums untersucht (Ganina 2009) und mit dem damaligen Museumsdirektor Andreas Grüger sowie mit dem früheren Museumsdirektor Peter Herfert erörtert¹.

¹ Ich bedanke mich bei Dr. Andreas Grüger (Stralsund) für die Konsultationen vor Ort im Sommer 2009. Für weitere Besprechung des Stoffes bin ich Peter Herfert (1935–2017) tief verbunden. Nach meiner Anfrage im Frühling 2023 wurden die Angaben von Prof. Dr. Burkhard Kunkel (Stralsund) überprüft, bei dem ich mich aufs Herzlichste bedanke.

Der Runenknochen von Ralswiek (Museum Stralsund, Hd 648) gehört zu den interessantesten Ergebnissen der archäologischen Ausgrabungen auf Rügen in den 70er Jahren des 20. Jahrhunderts.² Das Objekt wurde von Peter Herfert i. J. 1972 aufgefunden und beschrieben (Herkert 1972–1973: 66). Es handelt sich um eine Wrackfundstelle im Gelände des fossilen Strandbereichs am Südrande der alten Siedlung in den Ralswieker „Schwarzen Bergen“. Ralswiek war ein bedeutender Seehandelsplatz der Wikingerzeit. Keramische Funde erlauben eine Datierung der Siedlung in die Mitte des 9. bis zum Ausgang des 10. Jahrhunderts, wobei die genau datierbaren Spuren der metallurgischen Produktion am Nordostrand der Siedlung und zwar zwei eiserne Schlüssel, aus dem 10. Jahrhundert stammen (Herkert 1972–1973: 10, 13). Neben den Schlüsseln wurden auch zwei Schreibgriffeln für das Schreiben auf den Wachstafeln gefunden, der eine aus Geweih, mit einem geschnitzten Tierkopf, der andere aus Holz, die das Schreiben auf Wachstafeln belegen (Herkert 1972–1973: 13). An der Wrackfundstelle wurden drei Wracks entdeckt, die zum Typ der Kielboote mit krummen Balkenstegen angehören (Herkert 1972–1973: 14). Da dieser Komplex sich durch die zahlreiche Tierknochen im Strandbereich (der hohe Anteil an Pferde- und Hundeknochen, weiterhin Schwein, Schaf und Rind, selten auch Katze) bzw. durch menschliche Skelettreste mit merkwürdigen Beschädigungen auszeichnet, handelt es sich am ehesten um einen Opferplatz, wobei man eher eine skandinavische Bevölkerungsgruppe als die Ranen selbst vermuten möchte (Herkert 1972–1973: 19–21).

Der Tierknochen (Länge 82 mm, Gewicht 22, 33 g) wurde auf der Wrackfundstelle aufgefunden und bezieht sich damit auf den Opferplatz und nicht auf die Spuren der alltäglichen Schriftlichkeit wie die Schreibgriffeln innerhalb der Siedlung. Herfert kommt zum Schluss, dass die Runen nicht mit Griffeln, sondern mit dem Messer eingeschnitten waren und haben im Zusammenhang mit dem Fundkomplex vermutlich kultischen Charakter (Herkert 1972–1973: 13f.).

Die Inschrift auf dem Tierknochen von Ralswiek besteht aus ca. vier Runenzeichen, von denen die Anfangsrunen **tu** gut lesbar sind. Weitere Runen sehen als Binderunen oder runenähnliche Zeichen aus. Die Runen **tu** sind deswegen bzw. im allgemeinen Kontext des Funds als Begriffsrunen **t** für *urgerm. *tīwaz* ‘Gott’, ‘Gott des Sieges’, **u** für *urgerm. *ūruz* ‘Auerochs’ zu interpretieren. Als

² Aktueller Standort: Museum Stralsund, Karton Ralswiek Knochenobjekte.

Parallele führt Herfert einen Runenknochen aus Lund an, dessen Inschrift ebenfalls mit den Runen *tu* beginnt (Herkert 1972–1973: 31, Anm. 6). Der letztere Runenknochen wurde während der archäologischen Ausgrabungen i. J. 1969 im Lunder Viertel Repslagaren entdeckt und von Sven B. F. Jansson beschrieben (Jansson 1970). Bei näherer Betrachtung zeigt sich, dass der Runenknochen von Lund keine genaue Übereinstimmung bietet. Der Knochen ist größer als der von Ralswiek, es handelt sich um einen Teil einer Rippe oder eines Kreuzbeins. Die Runeninschrift aus zehn Runen lautet *tutaporere* (Jansson 1970: 112) und bilden eine umfangreichere Mitteilung. Weiterhin wird sie nach Auswertung von Birgitta Sjöholm auf die Zeit um 1200 datiert (Jansson 1970: 111). Allerdings gibt es auch vergleichbare Elemente, und zwar die Anfangsrunen **tu**, die auch in diesem Fall als Begriffsrunen vorkommen, und zehn runenähnliche Zeichen auf der Rückseite des Knochens, einige von denen (z. B. gewisse Gemeinsamkeiten mit den Zeichen auf dem Runenknochen von Ralswiek aufweisen.

Das Runensteinchen von Rügen (Museum Stralsund SK 5423, 50x 37 mm) stammt wahrscheinlich von Wittow, wo er als Lesefund auf einem Acker entdeckt wurde. In der Edition der südgermanischen Runeninschriften wird das Runensteinchen von Rügen mit Signatur *^oSG-102[†] Rügen als verschollen („als Kriegsverlust zu betrachten. Bereits 1992 wurde eine Anfrage negativ beschieden“) und zweifelhaft aufgelistet (Düwel, Nedoma, Oehrl 2020: 546). Es handelt sich offensichtlich um ein doppeltes Missverständnis, denn i. J. 2009 war das Runensteinchen im Museum vorhanden (Autopsie und Fotos im Sommer 2009) und befindet sich dort auch heute³. Mit einem Kriegsverlust sowie einer sicheren Fälschung haben wir bei dem seit 1945 aus dem Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte verschwundenen Tonköpfchen mit Runen aus „Hinterpommern“ zu tun, was Klaus Düwel völlig zu Recht unterstreicht (Düwel 1999: 37). Das Runensteinchen von Rügen gehört in einen ganz anderen Kontext.

Nach der Auskunft von Peter Herfert kam „der kleine Runenstein 1869 aus der Sammlung des Sagarer Gastwirts Schepler [...] in das Provinzialmuseum für Neuvorpommern und Rügen nach Stralsund. Hier erhielt er von Rudolf Baier die Inventarnummer 1869: 11/16 und später, um 1934, von dem Greifswalder Studenten Heiligendorff [...] die zusätzliche Sach-

³ Aktueller Standort: Museum Stralsund, Magazin M Böttcherstraße, Karton 224.

katalognummer 5423“ (Düwel, Nedoma, Oehrl 2020: 546). Diese in Rot ausgeführte Nummer steht noch im rechten Teil der Vorderseite des Steinchens neben dem Loch (Autopsie und Fotos 2009).

Die Beschreibung des Runensteinchens von Rügen im Katalog der südgermanischen Inschriften ist ganz treffend: „eine rundliche Sandsteinscheibe mit Durchbohrung und flächiger Riefenverzierung“. (Düwel, Nedoma, Oehrl 2020: 547)⁴. Es handelt sich wirklich um eine gelbgraue Steinscheibe in Form einer Kartoffel mit einer bogenartigen Vertiefung an der Oberseite und mit horizontal-diagonaler Verzierung. Die Vertiefung entstand wegen der Durchbohrung des Steinchens. Düwel, Nedoma und Oehrl fassen es richtig zusammen: „Die obere Hälfte der Steinscheibe war abgebrochen, das Loch beschädigt. Um den Gegenstand weiterhin nutzen zu können, wurde ein zweites, kleineres Loch gebohrt“ (ebd.)

Die Inschrift besteht aus vier Runen, wobei die zweite Rune χ ‘g’ am deutlichsten zu sehen ist. Da diese Rune aus dem älteren Futhark stammt, wurde der Runensteinchen von Rügen in den Katalog der südgermanischen Runeninschriften aufgenommen (Düwel, Nedoma, Oehrl 2020). Die Frage nach der Datierung der Inschrift bzw. nach skandinavischer oder nichtskandinavischer Herkunft bleibt offen, denn die Rune χ ‘g’ kann sowohl in die Völkerwanderungszeit führen oder als Überrest in einer jüngeren Inschrift auftauchen. Am ehesten handelt es sich um eine Runeninschrift der Übergangszeit, denn weitere Runeninschriften im älteren Futhark sind auf Rügen nicht belegt (die Rugier sowie andere ostgermanische Stämme verließen Rügen bereits im 6. Jahrhundert).

Die Inschrift wird folgendermaßen gelesen: *fgiu* (Arntz 1936: 152; Arntz 1937: 7), *agil* (Eggers 1968: 7; Findell 2012: 452–453); dagegen (Ganina 2009; Düwel, Nedoma, Oehrl 2020: 547, Anm. 2), *fgnu* als Variante zu *fgiu* (Ganina 2009). Die erste Rune ist mit Sicherheit als \mathfrak{F} **f** (nicht \mathfrak{F} **a**) zu lesen. Bei der Interpretation der Inschrift handelt es sich um Begriffsrunen: **f** für urgerm. **fēhun* ‘Besitz, Glück’, **g** für urgerm. **g^ē/γō* ‘Gabe’, **i** für urgerm. **īsaz* ‘Eis’ oder **n** für urgerm. **nauðiz* ‘Not’, **u** für urgerm. **ūruz* ‘Auerochs’. Nach (Arntz 1937: 7) sollte es als Glücksformel *f gi[b]u* ‘Besitz ich gebe’ gelesen werden, aber die Rune **g** bedeutet als solche ‘Gabe’, so dass diese Lesung überflüssig zu sein scheint. Da die Rune **i** ‘Eis’ ausgeprägt negative Bedeutung hat, wäre bei der Deutung eher an der Rune **n** ‘Not’ zu denken. Da die Rune **i** ‘Eis’

⁴ Bei (Melnikova 2021: 64) irrtümlich: „Knochen“.

ausgeprägt negative Bedeutung hat, wäre bei der Deutung eher an der Rune **n** ‘Not’ zu denken.

Die Funktion des Gegenstandes braucht Klärung. Helmut Arntz hatte das Steinchen von Rügen als „Runen-Amulett“ präsentiert (Arntz 1936; Arntz 1937). Diese Interpretation wurde im mit einem gewissen Vorbehalt aufgenommen: „Das Loch dürfte der Befestigung an einem Band gedient haben, möglicherweise wurde der Stein als Amulett getragen“ (Düwel, Nedoma, Oehrl 2020: 547). Allerdings ist das Steinchen fast so groß wie eine Handfläche und so schwer und plump, dass es kaum als Amulett getragen werden kann (Autopsie 2009). Es wird nicht umsonst vermutet, dass das Objekt aufgrund der Verzierung und des Materials eher an einen Spinnwirtel erinnert (Düwel, Nedoma, Oehrl 2020: 547). Ein Spinnwirtel ist aber auch ein kleiner Gegenstand. Seiner Größe und Form nach sieht das Steinchen von Rügen wie ein Webgewicht aus, auch die Größe des ursprünglichen Lochs spricht zugunsten eines breiten Bandes. Auch die Linien-Verzierung kann auf das Gewebe andeuten. Inschriften auf Webgewichten sind in der Antike gut belegt (Krasnodubets 2021), auch in der runischen Überlieferung bekannt, obwohl nicht immer zwischen einem Spinnwirtel und einem Webgewicht unterschieden wird, vgl. das Webgewicht von Upstad (Norwegen), das Webgewicht von Vatnahverfi (Grönland), vielleicht auch das Webgewicht von Belmonte mit teils runenähnlichen Zeichen (⁹SG-41 Belmonte, Gemeinden Pertusio, Prascorsano und Valperga, Prov. Turin) (Düwel, Nedoma, Oehrl 2020: CCXVII).

Daraus ergibt sich die Frage, ob das Objekt als Webgewicht oder als Netzsenker zu interpretieren ist. Das Problem ‘Netzsenker oder Webgewicht?’ ist in der Forschung bekannt — vgl. (Rahmstorf 2015) zum bronzezeitlichen Stoff aus Anatolien. Da Webgewichte genauso wie Spinnwirtel meist aus Keramik (grob gebranntem Ton) hergestellt werden, wäre hier eher an einen Netzsenker zu denken. Dafür sprechen auch die Größe bzw. die rundliche Form des Objekts. Dann kann die Linien-Verzierung den Begriff des Netzes wiedergeben. Als Entsprechung in der runischen Überlieferung kommt in diesem Fall der Netzsenker von Førde (Norwegen) vor, dessen Inschrift im älteren Futhark *aluko* lautet (N KJ49, Krause/Jankuhn 1966: 110)⁵.

⁵ Der Runenstein von Fuglset (N KJ49B) ist wie bekannt eine Fälschung (Knirk 2021).

Bisher sind keine weiteren Runeninschriften von Rügen bekannt. Natürlich ist das Thema der runischen Überlieferung auf Rügen von Fälschungen nicht frei, dazu siehe (Düwel 1999: 37). Allerdings können solche Fälschungen wegen ihres ausgeprägt künstlichen Charakters aufgedeckt werden, vgl. die Geschichte des „Runensteins von Drewoldke“ — einer Fälschung aus dem 18. Jahrhundert nach dem Vorbild des Runensteins von Tullstorp (Schweden) (Krieg/Mohr 1999).

Im benachbarten Greifswald, und zwar im Zisterzienser-Kloster Eldena wurde eine Runeninschrift auf Backstein an der Außenseite der Ostwand des Klausurflügels entdeckt (Herold, Magin 2009)⁶. Die Inschrift lautet *þiri*, darauf folgt ein Endzeichen in Form eines größeren Andreaskreuzes. Die Inschrift wird als Form des Namens Thorir (Theirir/Thirir) gedeutet, wobei es sich um eine Handwerker-signatur handelt. Die Inschrift im jüngeren Futhark wird auf die Zeit um 1250–1260 datiert und als Beleg des noch in der zweiten Hälfte des 13. Jahrhunderts fassbaren dänischen Einfluss im Kloster Eldena eingeschätzt (ebd.). Diese Inschrift der christlichen Epoche bietet ein Gegenbeispiel zu den Runeninschriften von Rügen, die in den altgermanischen Kontext gehören.

Die runische Überlieferung von Rügen und Umgebung ist gering, aber anschaulich. Die Runeninschriften bezeugen die Anwesenheit der Germanen bzw. Skandinaven in der multi-ethnischen Kontaktzone. Die Typologie der Funde lässt vermuten, dass die Erweiterung des Kreises der Runeninschriften von Rügen vor allem durch archäologische Ausgrabungen möglich sein könnte.

Literatur

- Arntz, H. 1936: Neue Runenfunde. *Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie*. 1, 150–156.
- Arntz, H. 1937: Das Runenamulett von Rügen. *Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit*. 13, 6–8.
- Ganina, N. 2009: Bericht über die Ergebnisse der wissenschaftlichen Arbeit im Rahmen des Forschungsprojekts ‘Runeninschriften als Zeugnisse zur Anwesenheit von Germanen in Kontaktzonen Mittel- und Osteuropas’ (Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Historisches Institut, 01.07–31.08.2009) (ungedruckt).

⁶ DI 77, Greifswald, Nr. 1 (Jürgen Herold, Christine Magin), in: www.inschriften.net, urn:nbn:de:0238-di077g014k0000107 (Abrufdatum 21.06.2023). Mein herzlicher Dank gilt Dr. Christine Magin (Greifswald) für die Konsultationen im Juli-August 2009.

- Düwel, K. 1999: Die von den Göttern stammenden... Runen und Runeninschriften in Mittel- und Nordeuropa. *Rugia Journal*, 33–40.
- Düwel K., Nedoma, R., Oehrl, S. 2020: *Die südgermanischen Runeninschriften. Mit Beiträgen von M. Paysan, P. Pieper, D. Sauer und F. Stein. Teil 1. Einleitung und Edition.* Berlin/Boston (Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde 119).
- Eggers, H. J. 1968: Wikinger-Runen aus Pommern. *Baltische Studien* (Neue Folge). 54, 7–13.
- Gläser, M., Sudhoff, I., Hansen, P. B., Jensen, A. E. (Hrsg.) 2004: *Venner og fjender/Freunde und Feinde. Alltagsleben an der Ostsee 700 - 1200/ dagligliv ved Ostersøen 700–1200.* Lübeck.
- Findell M. 2012: *The Germanic Diphthongs in the Continental Runic Inscriptions.* Berlin/Boston (Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde 79).
- Herfert, P. 1972–1973: Ralswiek: Ein frühgeschichtlicher Seehandelsplatz auf der Insel Rügen. *Greifswald-Stralsunder Jahrbuch.* 10, 7–33.
- Herold, J., Magin, C. 2009: *Die Inschriften der Stadt Greifswald, ges. und bearb. von J. Herold, C. Magin,* Wiesbaden (Die deutschen Inschriften 77).
- Jansson, S. B. F. 1970: Nytt runfynd i Lund // *Kulturen. En årsbok till medlemmarna av kulturhistoriska föreningen för södra Sverige (Kulturens årsbok).* Lund. 111–112.
- Knirk, J. E. 2021: Runestone N KJ49B Fuglset // *Futhark: International Journal of Runic Studies* 11 (2020, publ. 2021). 177–181.
- Krasnodubets, E. M. 2021: [Webstuhlgewichte aus den von V. V. Borisova von 1955 bis 1957 entdeckten Töpferwerkstätten von Chersonesos] In: [Antike Reliquien von Chersonesos: Entdeckungen, Funde, Theorien. Materialien der wissenschaftlichen Tagung, Sewastopol, den 20.–24. September 2021]. Sewastopol, 160–166.
- Краснодубец, Е. М. 2021: Ткацкие грузила из гончарных мастерских Херсонеса, открытых В. В. Борисовой в 1955–1957 гг. In: *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 20–24 сентября 2021 года.* Севастополь, 160–166.
- Krause, W., Jankuhn, H. 1966: *Die Runeninschriften im älteren Futhark.* Bd. 1. Göttingen.
- Krieg, G., Mohr, L. 1999: Der „Runenstein von Drewoldke“ auf der Insel Rügen: Das Produkt eines Fälschers aus dem 18. Jahrhundert und sein schwedisches Vorbild in Tullstorp/Provinz Skane // Beiträge zur Runensteinforschung. Hg. von R. H. Schmeissner (Steinkreuzforschung 10). Regensburg. 39–49.
- Melnikova, E. A. 2021: [Runisches Schrifttum auf der Peripherie der skandinavischen Welt. Teil 3. Die westslawische Region]. *Graphosphaera.* 1, 57–72.

- Мельникова, Е. А. 2021: Руническая письменность на периферии скандинавского мира. Часть 3. Западнославянский регион. *Graphosphaera*. 1, 57–72.
- Rahmstorf, L. 2015: An introduction to the investigation of archaeological textile tools. In: Andersson Strand, E., Nosch, M.-L. (Eds). *Tools, Textiles and Contexts. Investigating textile production in the Aegean and Eastern Mediterranean Bronze Age*. Oxford (Ancient Textiles Series 21). 1–23.

Н. Ю. Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет;
Сретенская духовная академия, Москва, Россия; ngvozd@yandex.ru

СУБСТАНТИВНЫЙ ЭПИТЕТ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье обсуждается вклад в изучение древнеанглийских поэтических композитов с субстантивным эпитетом выдающегося отечественного ученого М. И. Стеблин-Каменского, а также развитие его идей в работах О. А. Смирницкой и Н. Ю. Гвоздецкой. В описании семантики и функции таких композитов М. И. Стеблин-Каменский выделяет ряд антиномий, обнаруживающих архаическую природу эпического творчества англосаксов: их 'пережиточный' характер, отражающий 'окачествление' древнего нерасчлененного имени, не противоречит их эстетической функции; их внешнее подобие моделям словосложения современных германских языков скрывает за собой кардинальное отличие их семантики (близость качественным прилагательным); их теснейшая связь с аллитерацией не позволяет свести их к механическому приему стихосложения и не означает их полной «десемантизации». Данные особенности получают новое осмысление в свете концепции архаического аллитерационного стиха, разработанной О. А. Смирницкой. Композит трактуется ею как продуктивный элемент особого поэтического языка, складывающегося вместе с канонизацией метрики и направленного на передачу значимостей связного эпического текста. Двойственный характер композита проистекает из двойственной природы эпического творчества, не разграничивающего исполнение и сочинение. Н. Ю. Гвоздецкая интерпретирует эти особенности древнеанглийского поэтического композита как отражение его нарративных функций: будучи сложным именем, композит называет и отождествляет, и вместе с тем, содержит в себе зародыш рассказа, обнаруживая способность как развертываться в сообщении, так и запечатлевать рассказ в образе. Взаимопревращение номинации и предикации позволяет композиту стать надежным средством воспроизведения и обновления информации при передаче традиции.

Ключевые слова: древнеанглийская поэзия, эпическое творчество, архаическое авторство, поэтические композиты, субстантивный эпитет, архаический аллитерационный стих, М. И. Стеблин-Каменский.

N. Yu. Gvozdetskaya

Russian State University for the Humanities;
Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia; ngvozdz@yandex.ru

Substantive Epithet in Old English Poetry: Origins and Prospects of Research

The paper discusses the contribution made by the outstanding Russian scholar M. I. Steblin-Kamensky to the study of Old English poetic compounds with the substantive epithet, as well as the development of his ideas in the works of O. A. Smirnitskaya and N. Yu. Gvozdetskaya. In describing the semantics and functions of such compounds, M. I. Steblin-Kamensky identifies a number of antinomies that reveal the archaic nature of the Anglo-Saxon epic art: their 'vestigial' character, reflecting the 'qualitative meaning' of an ancient undifferentiated name, does not, however, contradict their use as a living artistic means; their apparent similarity to the word structure models of modern Germanic languages conceals a cardinal difference in their semantics (their resemblance of qualitative adjectives); their close connection with alliteration does not allow them to be reduced to a mechanical technique of versification and does not imply their complete 'desemantization'. These features receive new interpretation in the light of the concept of archaic alliterative verse developed by Olga Smirnitskaya. The compound is interpreted by her as a productive element of a special poetic language that develops together with the canonization of metrics and is aimed at conveying the meanings of a coherent epic text. The dual nature of the compound stems from the dual nature of epic art, which does not distinguish between performance and composition. Natalya Gvozdetskaya interprets these features of the Old English poetic compound as its special narrative functions: the poetic compound names and identifies the epic entities, and at the same time, contains the 'germ' of the story, revealing the ability to both unfold into a message and capture the story in an image. The mutual conversion of nomination and predication allows the compound to become a reliable means of reproducing and updating information during the transmission of tradition.

Key words: Old English poetry, epic art, archaic authorship, poetic compounds, substantive epithet, archaic alliterative verse, M. I. Steblin-Kamensky.

М. И. Стеблин-Каменский известен в кругах ученых-германистов и специалистов по древнегерманской словесности как непревзойденный знаток древнеисландской литературы и истории скандинавских языков. Однако не следует забывать, что его интерес к словесному творчеству древней Скандинавии, рассматриваемому в плане исторической поэтики и становления

литературы, вырос на почве иной словесной культуры, во многом родственной скандинавской, а именно поэтического искусства англосаксов, которому была посвящена его кандидатская диссертация, заочно защищенная в 1943 г. Институте мировой литературы АН СССР в Ташкенте во время ленинградской блокады¹. Уже в этом первом его научном труде намечился подход к анализу древнегерманских памятников, который впоследствии лег в основу осмысления им их жанрового и языкового своеобразия.

Исследование частного вопроса — семантики и функции композитов (сложных слов) с субстантивным эпитетом — служит в указанном труде основанием для более общих выводов, касающихся происхождения и развития также других сторон древнеанглийского поэтического стиля — синонимии, метафорических перифраз (кеннингов), эпической вариации. Анализируя взгляды зарубежных ученых, М. И. Стеблин-Каменский показывает, что отношения между формой и содержанием в древнеанглийской аллитерационной поэзии отличаются от таковых в поэзии нового времени.

Древнеанглийский субстантивный эпитет, «инкорпорированный» в сложное слово (ср. поэтическое племенное название *Gār-Dene*, букв. «копье-даны», в поэме «Беовульф»), расценивается в эволюционно-типологической перспективе как языковая «окаменелость», пережиток первобытного образного мышления, которому свойственно «окачествование» названия предмета², и вместе с тем — как живой и действенный художественный прием героико-эпического повествования, который нельзя приписывать лишь консервации архаизмов или несовершенству

¹ Рукопись этой диссертации, по-видимому, не сохранилась. Диссертация опубликована в сокращении под заглавием «К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля (субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии)» в Ученых записках Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (кафедра всеобщей литературы, т. 48, 1946). Ссылки в нашей статье даются на повторную публикацию данной работы со слегка измененным названием в (Steblin-Kamenskij 1978).

² Ср.: «Инкорпорированный эпитет — это пережиток того состояния языка, когда название отвлеченного признака, т. е. имя прилагательное, еще не дифференцировалось от названия вещи» (Steblin-Kamenskij 1978: 27).

стихотворной техники³. Буквальный перевод таких композитов ('Spear-Danes') показывает их мнимое формальное сходство со словосложением современных германских языков и одновременно — кардинальное отличие в семантике (неспособность служить логическим определением вторых компонентов, то есть сближаться с относительными прилагательными) и сфере употребления (поэзия, а не техническая терминология). Смысловая близость качественным прилагательным («копье-даны» как «доблестные даны») еще не позволяет утверждать их тождества последним⁴. Их «орнаментальность», определяемая как кажущееся «излишество» (доходящее иногда чуть ли не до бессмыслицы), не означает, однако, их полной десемантизации, ибо даже в случае несоответствия контексту (так, «доблестные даны» не могут противостоять чудовищам) субстантивные эпитеты сохраняют некое «усилительное» значение, отвечающее эмоционально приподнятому тону древнеанглийской аллитерационной поэзии, ср. композит *heado-fūg* в «Беовульф», букв. «бой-огонь», который относится не к огню во время боя, а к подземному огню, и означает «губительное, ужасное пламя».

Таким образом, вырисовывается взгляд на древнеанглийский субстантивный эпитет как на явление языка, «стадиально отличное» и от первобытного нерасчлененного имени, и от обособившихся от него в более позднюю эпоху имен прилагательных, а вместе с тем — явление, определяемое потребностями художественного творчества. Тем самым формируется более глубокий исторический подход к языку, который не сводится к реконструкции более ранних состояний в диахронии, но учитывает их отображение и функциональную направленность в синхронии дошедших до нас древних текстов, благодаря чему историческая поэтика получает свое законное место в истории языка.

³ Ср.: «в древнеисландской поэзии субстантивный эпитет уже не живой стилистический прием, позволяющий образование новых соединений этого типа» [каковым, как подразумевается, остается древнеанглийский субстантивный эпитет — Н. Г.] (Steblyn-Kamenskij 1978: 36).

⁴ Ср.: «Однако древнеанглийский инкорпорированный эпитет не представляет собой полной аналогии соединениям определяющего с определяемым, на которые указывает В. М. Жирмунский [‘камень+хлеб’ = ‘твердый хлеб’ — Н. Г.], так как в эпоху, к которой относятся доступные нам поэтические памятники, <...> соединения такого типа были уже не нормой, а пережитком» (Steblyn-Kamenskij 1978: 28–29).

Более того, сама антиномичность приведенных суждений намекает на иной способ обращения раннесредневековых англосаксонских поэтов со словом (в сравнении с поэтами более позднего времени), указывая на архаический характер их творчества — представление, которое легло в основу разработанной М. И. Стеблин-Каменским концепции нетождества древнего и нового литературного сознания.

Труды М. И. Стеблин-Каменского (первым из которых стала анализируемая работа) положили начало новому направлению в филологии — как в истории языка, так и в изучении литературных памятников, что нашло отражение в двух юбилейных сборниках научных статей, подготовленных к столетию ученого в Санкт-Петербурге и Москве (*Philologica Scandinavica* 2003; *Слово в перспективе литературной эволюции* 2004). Некоторые из этих работ «могут быть прочитаны... как единая книга со своим общим замыслом» (Smirnitckaya 2004: 11). Останемся на развитии идей ученого, касающихся места и роли сложных слов в построении древнеанглийского аллитерационного стиха и поэтического нарратива.

Признавая, что аллитерация выступает основным организующим моментом стиха, который связывает между собой и усиливает три (реже две) метрические вершины, несущие наибольшую смысловую нагрузку в пределах долгой строки (отчего все упомянутые выше стилистические средства работают на аллитерацию и расширяют ее возможности), М. И. Стеблин-Каменский, вместе с тем, утверждает, что сама по себе аллитерация не способна вызвать к жизни эти средства, поскольку более поздний аллитерационный стих (некоторые древнеанглийские поэмы христианского содержания или среднеанглийская поэзия) может обходиться без них. Аллитерация (взятая сама по себе) использует, но не предопределяет наличие синонимов, композитов с субстантивным эпитетом, эпической вариации, которые «продолжают жить в поэтическом языке как живой памятник пройденной стадии развития мышления», «образного мышления, бедного общими понятиями» (Steblyn-Kamenskij 1978: 12, 11). Отвергая «требования аллитерации» как причину возникновения субстантивного эпитета, ученый делает (на первый взгляд) парадоксальный вывод: «объяснение его существа надо искать в особенностях строя древнеанглийского языка» (Steblyn-Kamenskij 1978: 17). Но какого же языка? Ясно, что речь идет не о том (пройденном) этапе развития, отразившемся в аллитерирующих (и нередко связываемых

повтором субстантивного эпитета) именах членов королевских династий (ср. Hrōðgār и Hrōðmund, Neogogār и Neogoweard в «Беовульф»), когда «совпадение или сходство имен означало и физическое родство» (Steblyn-Kamenskij 1978: 38). Но и не об общенародном языке, современном эпохе бытования аллитерационной поэзии (для которого «орнаментальные» субстантивные эпитеты не характерны). Ясно, что речь идет о языке поэтическом, с его эмоционально-приподнятым стилем, подчеркиваемым аллитерацией. Однако не образуется ли в таком случае порочный круг в рассуждениях?

Разрешить этот парадокс помогает концепция, сформулированная в докторской диссертации О. А. Смирницкой⁵. Специфика древнеанглийского аллитерационного стиха осмысливается ею в тесной связи со взглядом на древнегерманскую эпическую поэзию как на архаическую стадию в развитии поэтического творчества, когда «метрика как мера еще не была отвлечена от языка как ритмизуемого материала. <...> Эпический поэт владел не стихотворной формой как таковой, но оформленным и известным ему из традиции поэтическим языком. <...> Поэт овладевал метрическими правилами вместе с эпическими формулами, столь же естественно, как ребенок овладевает самыми сложными синтаксическими правилами родного языка» (Smirnitskaya 1994: 4–5). Иначе говоря, «стих вырастает из общего языка и трансформирует его в поэтический язык. <...> Канонизация метрики и складывание особого поэтического языка, выделяющегося не столько отдельными 'поэтизмами', сколько своей особой системной организацией, предстают перед нами как две неразделимые стороны единого процесса» (Smirnitskaya 1994: 49–50).

В таком случае аллитерация — созвучие корневых слогов, связанное (в диахронии) с германским начально-корневым ударением, — выступает не как «техника» стиха, способная использовать любой языковой материал, но как неотъемлемая сторона эпического слова, показатель его «мотивирующей силы», поскольку «связывает в строке важнейшие слова, представляя сходство звучаний как подтверждение истинности речений. Поэт оперирует не звуками как элементами плана выражения языка, а созвучными знаками... В сущности, вся

⁵ Защищена в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова в 1988 г. Опубликована в виде монографии в (Smirnitskaya 1994), на которую и даются ссылки в настоящей статье.

аллитерационная поэзия есть не что иное, как возведение в канон принципа мотивированности языкового знака — за счет принципа его условности» (Smirnitckaya 1994: 71).

В новом ракурсе видится здесь и функция сложного слова, которому «принадлежит ключевая роль не только в германском поэтическом словаре, но не в меньшей степени и германском стихе. Поистине, это то зерно, из которого развивается вся эпическая поэзия» (Smirnitckaya 1994: 117). Не имея места раскрыть в деталях глубокий и обоснованный взгляд О. А. Смирницкой на германские поэтические композиты, отметим, что именно сложному слову отводится ею решающая роль в канонизации краткой строки: «КС канонизируется при подчиняющем воздействии структур сложного слова. <...> Просодические структуры сложного слова лежат в основе краткой строки» (Smirnitckaya 1994: 123, 158). Вместе с тем, поэтическая форма справедливо рассматривается ею как нечто единое с поэтикой эпоса в целом, поэтому и древнеанглийский поэтический композит, очевидно, не может быть адекватно описан без раскрытия его семантической значимости в эпическом тексте.

М. И. Стеблин-Каменский называет субстантивный эпитет «орнаментальным», иначе «украшающим», но также и «как бы украшающим». Обращает на себя внимание последнее именование, за которым, возможно, скрывается сомнение ученого в адекватности данного термина. И дело не в диффузной семантике субстантивного эпитета, который при восхвалении, например, воинов-вождей не способен дифференцировать их качества, служащие основанием для похвалы (композит *Gār-Dene* «копье-даны» может пониматься как «славные, доблестные, воинственные, и т.п. даны»), а в том, что семантику хвалебного эпитета (независимо от его уместности в контексте) никак нельзя рассматривать просто как «украшающую добавку» к основному, денотативному значению имен эпических героев. Осмелимся предположить, что *Gār-Dene* в «Беовульфе» — это все же не те самые даны, которые упоминаются в исторических сочинениях древности. Эпическая поэзия является «приподнятой» не только в эмоциональном плане, она реально подымает свои денотаты над обыденностью, творя из них новые сущности, ведь *Gār-Dene* обитают в недостижимом идеальном прошлом, что подчеркивается аллитерацией их имени с композитом *gēar-dagum* ('days of yore') уже в первой строке поэмы. Действительно, по словам О. А. Смирницкой, «канонизация

аллитерационного стиха должна была иметь своей необходимой стороной трансформацию общего языка в особый поэтический язык, обладающий новыми семантическими возможностями» (Smirnitskaya 1994: 6).

Смысл этих семантических возможностей архаического аллитерационного стиха раскрывается О. А. Смирницкой, прежде всего, на материале поэтических синонимов⁶. «Стирая предметно-логические различия между словами, стих подставляет на их место тончайшие различия в эстетической (ценностной) информации, выраженной через метрику и аллитерацию» (Smirnitskaya 1994: 252). Эта ценностная информация не может быть приравнена к наращиванию контекстуальных смыслов в поэзии нового времени, ибо «в каждом конкретном отрезке эпической речи равно проявляются все признаки традиционного поэтического языка» в силу нерасчлененности воспроизведения и сочинения в архаическом типе авторства (Smirnitskaya 1994: 129).

На наш взгляд, подход О. А. Смирницкой, базирующийся на утверждении архаического характера древнегерманского аллитерационного стихосложения (утверждении, связанном с идеей М. И. Стеблин-Каменского об архаическом литературном творчестве), позволяет по-новому взглянуть на проблему описания семантики древнеанглийского поэтического слова в целом, включая субстантивный эпитет⁷. Принципиальным представляется при этом ослабление или снятие трех дихотомий, на которых зиждется структурное описание лексического значения в современных языках: противопоставление свободного и связанного, контекстуального и системного, коннотативного и денотативного значений. Всякое значение в архаическом аллитерационном стихе оказывается в некотором роде «связанным» контекстом вследствие предопределенности эпическими формулами, а оценочные (точнее, ценностные) смыслы эпического слова (то есть, в современном понимании, коннотации) по условию составляют часть эпического «денотата»⁸. В таком

⁶ В нашей статье не затрагиваются возможные семантические трансформации грамматических элементов поэтического языка, выявленные О. А. Смирницкой.

⁷ См. об этом в докторской диссертации (Gvozdetskaya 2000). Основные положения этой диссертации изложены в статье (Gvozdetskaya 2003).

⁸ См. об этом подробнее в (Gvozdetskaya 2003: 32).

случае семантика «орнаментального» субстантивного эпитета является не украшающей добавкой, а неотъемлемой частью обозначаемого композитом лица или предмета, в силу ее срещенности с той социально-значимой информацией, которую передает эпическое слово.

Концепция О. А. Смирницкой также создает предпосылки для обнаружения особой ценности композитов с субстантивными эпитетами в плане построения эпического повествования (так сказать, нарративной значимости их семантики). Ср.: «Стих... играет на двойственности сложного слова: акцентная цельнооформленность позволяет ему служить эталонной моделью («изготовкой») КС, тогда как двухвершинность служит основанием для его приравнивания к словосочетанию. На уровне ДС проясняется внутренняя форма сложного слова, актуализируется та сторона его семантики, которая сближает его с единицами речи... <...> Но снятие противопоставления языка и речи, а именно выявление моментов созидания (*energeia*) в поэтическом слове и момента данности (*ergon*) в поэтической речи — в этом проявляется суть и смысл самого эпического творчества как искусства, в котором сочинение неотграничимо от воспроизведения» (Smirnitskaya 1994: 129).

По-видимому, не случайно уже в первых трех строках «Беовульфа» появляются три композита с субстантивными эпитетами: *Hwæt, we Gar-Dena / in geardagum // þeodcyninga / þrym gefrunon // hu þa ædelingas / ellen fremedon* (Beowulf, 1–3) «Что ж, мы доблестных данов (букв. копьё-данов) / в давние дни // великих конунгов (букв. племя-конунгов) / славу узнали, // как те витязи / подвиги совершали»⁹. Два из них, эпитеты *gar* и *þeod*, не только возвеличивают датских конунгов, но намекают на те атрибуты героев, которые в последующих строках обозначены в предикативных структурах («славу узнали» и «подвиги совершали»). «Расширение» имени в краткий рассказ о его носителе можно наблюдать в некоторых строках «Видсида» — поэмы, где вымышленный сказитель перечисляет множество эпических имен собственных (в том числе двучленных, близких композитам с субстантивным эпитетом), но лишь некоторые из них сопровождаются указаниями на деяния их носителей. Создается впечатление, что поэт мог бы, но пока не

⁹ Оригинал «Беовульфа» цитируется с указанием номеров строк по изданию (Swanton 1990). Перевод автора статьи.

хочет раскрыть все богатство преданий, скрывающееся за именами, представляя аудитории лишь свой «репертуар»¹⁰.

Примеры соотнесенности композитов с развертыванием эпической темы могут быть умножены на материале «Беовульфа»¹¹, однако встречаются и за пределами древнейшей героической традиции, в эпосе христианском. Так, в зачине поэмы «Елена» композиты сопровождают «портретную» характеристику императора Константина: ...*ahæfen hildfruma / to hereteman. // Wæs se leodhwata / lindgeborga // eorlum arfæst, / ædelinges weox // rice under roderum; / he wæs riht cyning, // gudwearð gumena.* (Elene, 10–14a)¹² «...возвышен битвоводитель / до воеводы. // Был тот храбрый (букв. племя-храбрый) / воин (букв. щито-защитник) // к эрлам щедр¹³, / выросло княжье // царство под небесами; / он был истинный конунг, // защитник (букв. битво-страж) воинов». В первой из приведенных строк иногда предполагают отзвуки реального события (в 306 г. Константин стал цезарем Британии и Галлии). Однако, на наш взгляд, трудно расслышать таковые в тавтологичных композитах с субстантивными эпитетами (*hildfruma*, *hereteman*), которые, как и следующие за ними *leodhwata*, *lindgeborga*, *gudwearð*, прежде всего, создают вокруг «эпизированного» в поэме исторического лица ореол власти и славы, тем самым подготавливая рассказ о его победоносных войнах с варварами. Интересно, что рассказ этот не только содержательно иллюстрирует смысл указанных композитов, но, развивая тему битвы, также формально воспроизводит их первые компоненты, особенно *hild* «битва» и *here* «войско», внедряемые в текст в

¹⁰ В этой поэме особенно заметна роль древнегерманских двучленных имен собственных как «протостихового материала», однако направленного на «выражение значимостей связного эпического текста» (Smirnitskaya 1994: 157–158, 167–168). Трактовка таких имен А. Хойслером как «маленьких поэм» (Steblin-Kamenskij 1978: 38) может, вероятно, толковаться и в смысле понимания имени как некоего «триггера» эпического рассказа. Подробнее о соотношении именных структур с предикативными в «Видсиде» см. (Gvozdetskaya 2018).

¹¹ Разнообразные текстуальные механизмы, позволяющие рассматривать композит как «свернутое высказывание», рассмотрены в (Gvozdetskaya 2004).

¹² Оригинал «Елены» цитируется с указанием номеров строк, но без пометок долготы гласных по (Gradon 1996). Перевод автора статьи.

¹³ Одно из возможных толкований композита *arfæst*, не охватывающее всей его диффузной семантики.

составе формульных словосочетаний или аллитерационных коллокаций, ср. *hergum to hilde* (Elene, 32a) «войскá на битву»; *herge to hilde* (Elene, 52a) «войско на битву»; *heria hildfruma* (Elene, 101a) «войск битвоводитель»; *hrora to hilde*; / *here wicode* (Elene, 65) «...смелых на битву; / войско остано-вилось»¹⁴.

Намек на текучесть границы между композитом с субстантивным эпитетом и словосочетанием содержится уже в упомянутой работе М. И. Стеблин-Каменского: «рассматриваемые ‘сложные слова’ — это, по существу, не слова с цельным лексическим содержанием, не семантические целые. Они скорее представляют собой синтаксические соединения определяющего с определяемым... <...> Многие из них... представляют собой... слова, созданные только для данного случая» (Steblin-Kamenskij 1978: 27). На важность для архаического стиха образований *ad hoc* указывает О. А. Смирницкая (Smirnitskaya 1994: 171). В семантическом плане эти редкие композиты, встречающиеся только в пределах одного памятника, могли бы показаться бессмысленными (такова лексема *hrofsele*, *Beowulf* 1515a, букв. «крыша-зал»), если не принимать во внимание их связи с эпическим рассказом: в данном случае речь идет о подводном жилище, где герой смог на время укрыться от бушующих вод («где никакая вода ему повредить не могла, ни хватка потока», *Beowulf* 1514–1516a)¹⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что в условиях архаического поэтического творчества древнеанглийский поэтический композит с субстантивным эпитетом наилучшим образом обеспечивал хранение и воспроизведение художественно важной информации при передаче эпической традиции. «Будучи именем, он называет и отождествляет. Как сложное имя, он содержит в себе зародыш рассказа. Он приглашает к разворачиванию в сообщение и одновременно может выступать средством запечатления рассказа в образе. Объединяя две стороны эпического творчества (воспроизведение и сочинение), композит используется в тексте как арена взаимопревращений номинации и предикации, чем и объясняется его семантическая специфика» (Gvozdet'skaya 2003: 38).

¹⁴ Более подробно см. об этом в (Gvozdet'skaya 2016).

¹⁵ М. Суонтон переводит этот композит как ‘vaulted hall’, то есть «сводчатый зал» (Swanton 1990: 107). Заметим, что для древнеанглийского эпоса нехарактерны указания на детали архитектуры.

Литература

- Gradon P. O. E. (ed.). 1996: *Cynewulf's Elene*. 2nd edition. Liverpool University Press.
- Gvozdetckaya N. Yu. 2018: [Finite and non-finite clauses with proper names in the Old English poetic discourse (based on the material of the poem 'Widsið')]. *Rhema. Rema*, 1, 28–45.
- Гвоздецкая, Н. Ю. 2018: Финитные и нефинитные клаузы с именами собственными в древнеанглийском поэтическом дискурсе (на материале поэмы «Видсид»). *Rhema. Rema*, 1, 28–45.
- Gvozdetckaya, N. Yu. 2000: *Problemy semanticheskogo opisaniya drevne-angliiskogo poehticheskogo slova: Opyt tekstotsentricheskogo analiza : dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk : 10.02.04* [Problems of semantic description of the Old English poetic word : An attempt of text-centric analysis: dissertation ... Doctor hab. of Philology : 10.02.04]. Ivanovo.
- Гвоздецкая, Н. Ю. 2000: *Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова: Опыт текстоцентрического анализа: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04*. Иваново.
- Gvozdetckaya, N. Yu. 2003: [Prolegomena to the text-centric description of the semantics of the Old English poetic word]. In: *Philologica Scandinavica. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Steblin-Kamenskogo / Otv. red. B. S. Zharov* [Philologica Scandinavica: Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. I. Steblin-Kamensky. Ed. by B. S. Zharov]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 28–42.
- Гвоздецкая, Н. Ю. 2003: Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова. В сб.: *Philologica Scandinavica: Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 28–42.
- Gvozdetckaya, N. Yu. 2004: [Old English poetic style: word and text]. In: *Slovo v perspektive literaturnoi ehvolyutsii. K 100-letiyu M.I. Steblin-Kamenskogo*. Otv. red. O. A. Smirnitskaya [Word in the perspective of literary evolution. To the 100th anniversary of M. I. Steblin-Kamensky. Ed. by O. A. Smirnitskaya]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 307–333.
- Гвоздецкая, Н. Ю. 2004: Древнеанглийский поэтический стиль: слово и текст. В сб.: *Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского*. Оtv. ред. О. А. Смирницкая. М.: Языки славянской культуры, 307–333.
- Gvozdetckaya, N. Yu. 2016: [Nominal compounds in the Old English poetic text (syntactic-narrative aspect)]. *Rhema. Rema*, 3, 47–62.

- Гвоздецкая, Н. Ю. 2016: Именные композиты в древнеанглийском поэтическом тексте (синтактико-нарративный аспект). *Rhema. Рема*, 3, 47–62.
- Philologica Scandinavica. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Steblin-Kamenskogo / Otv. red. B. S. Zharov* [Philologica Scandinavica: Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. I. Steblin-Kamensky. Ed. by B. S. Zharov]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003, 28–42.
- Philologica Scandinavica: Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003, 28–42.
- Slovo v perspektive literaturnoi ehvolyutsii. K 100-letiyu M. I. Steblin-Kamenskogo. Otv. red. O. A. Smirnitskaya*. [Word in the perspective of literary evolution. To the 100th anniversary of M. I. Steblin-Kamensky. Ed. by O. A. Smirnitskaya]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 307–333.
- Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского. Отв. ред. О. А. Смирницкая*. М.: Языки славянской культуры, 2004, 307–333.
- Smirnitskaya, O. A. 1994: *Stikh i yazyk drevnegermanskoi poehzii* [Verse and language of Old Germanic poetry]. Vol. I–II. Moscow: Filologiya. Смирницкая, О. А. 1994: *Стих и язык древнегерманской поэзии*. Т. I–II. М.: Филология.
- Smirnitskaya, O. A. 2004: [Preface]. In: *Slovo v perspektive literaturnoi ehvolyutsii. K 100-letiyu M. I. Steblin-Kamenskogo. Otv. red. O. A. Smirnitskaya* [Word in the perspective of literary evolution. To the 100th anniversary of M. I. Steblin-Kamensky. Ed. by O. A. Smirnitskaya]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 9–17.
- Смирницкая, О. А. 2004: Предисловие. *Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского*. М.: Языки славянской культуры, 9–17.
- Steblyin-Kamenskij, M. I. 1978: [Substantive epithet in Old English poetry (concerning the question of the development of the Old English poetic style)]. In: Steblin-Kamenskii, M. I. *Istoricheskaya poehatika* [Historical Poetics]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 4–39.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1978: Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии (к вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля). В сб.: *Стеблин-Каменский, М. И. Историческая поэтика*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 4–39.
- Swanton, Michael (ed.). 1990: *Beowulf*. Manchester University Press.

Д. С. Глебова
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. kashalotdar@gmail.com

**«AT MÆLA FAGRT OK HYGGJA FLÁTT»:
К РЕЦЕПЦИИ ЭДДИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ
В САГАХ ОБ ИСЛАНДЦАХ
(случай *bjarnar saga hítðelakappa*)**

В статье разбирается случай использования в одной из саг об исландцах, *Bjarnar saga hítðelakappa*, антитетической формулы *at mæla fagrt ok hyggja flátt* (говорить красиво и думать ложно). Хотя эта формула в её различных проявлениях попадает к XIII в. во многие древнеисландские тексты, в «Саге о Бьёрне Богатыре долины реки Хит» она окружена несколькими сюжетными и лексическими отсылками к гномической части «Речей Высокого», что позволяет рассматривать ее не как затертое клише, а как часть нарративной стратегии составителя саги. Так, в то время как советы в «Речах Высокого» описывают здравомысленное поведение, позволяющее человеку выжить, в «Саге о Бьёрне» следование этим советам, наоборот, приводит главного протагониста саги к смерти. Этот случай предлагается рассматривать не как пример фонда образности, объединяющего эддическую поэзию и сагу, а скорее, как пример диалога эпохи записи саг с эддической традицией. Характер этого диалога может оцениваться по-разному — в данной работе делается попытка подойти к нему с точки зрения концепции М.И. Стеблин-Каменского о «синкретической правде».

Ключевые слова: *Hávamál*, *Bjarnar saga hítðelakappa*, эддическая поэзия, саги об исландцах, антитетические формулы, XIII век, синкретическая правда.

Daria Glebova
HSE University, Moscow, Russia. kashalotdar@gmail.com

**«At Mæla Fagrt ok Hyggja Flátt»: To the Reception of Eddic Imagery
in the Sagas of Icelanders (A Case of *Bjarnar saga hítðelakappa*)**

The article analyses the usage of the antithetic formula *at mæla fagrt ok hyggja flátt* in one of the sagas of Icelanders, *Bjarnar saga hítðelakappa*. Although by the 13th c. this formula appears in its various forms in many different Old Icelandic texts, in *Bjarnar saga* it is surrounded by several allusions to the gnostic part of *Hávamál* on the lexical and content levels. This connection allows one to see this formula not as a typical cliché but as a part of the narrative structure of the saga

compiler: while the advices given in *Hávamál* describe the common sense behaviour that helps a person to survive, in *Bjarnar saga* the hero following *Hávamál* finds only death. Such a case can be interpreted not as a mere example of the common eddic and saga imagery corpus but as an example of a dialogue between the age of saga writing and eddic tradition. As the nature of this dialogue can be assessed from different perspectives, this paper attempts to approach it from the point of view of M. I. Steblin-Kamenskij's concept of *syncretic truth*.

Key words: *Hávamál*, *Bjarnar saga hitdælakappa*, eddic poetry, sagas of Icelanders, antithetic formulas, 13th century, syncretic truth.

I.

Эддическая поэзия и саги в корпусе древнеисландской словесности обычно выделяются в две отдельные группы, сильно отличающиеся как по форме, так и по содержанию. При всех отличиях, однако, их полезно рассматривать в совокупности, так как в период записи и распространения саг в XIII в. эти типы текстов находятся во взаимодействии: так, например в одну рукопись могут записываться и эддическая песнь, и сага¹. Кроме того, в эддической поэзии и сагах можно проследить общие сюжеты, мотивы, образы и формулы, а в некоторых случаях — говорить не только об общем фонде образности², но и о диалоге эпохи записи саг с эддической традицией, относящейся в восприятии исландцев XIII в. к давнему прошлому³. Так, например, А. Я. Гуревич и Т. М. Андерссон объясняли параллели с сюжетом из цикла о Сигурде Драконобойце в «Саге о Гисли сыне Кислого» тем, что в XIII в. героические идеалы утратили былую ценность — однако, если Андерссон видел в «Саге о Гисли» сомнение в героических идеалах былых времен и их критику, то Гуревич, наоборот, рассматривал

¹ Так в энциклопедической компиляции *Hauksbók*, составленной Хауком Эрлендссоном (сейчас разнесенной на три рукописи: AM 371 4to, AM 544 4to, AM 675 4to), «Прорицание Вэльвы» соседствует с «Сагой об Эйрике Рыжем» и «Луцидариусом» (*Elucidarius*) [URL:<https://handrit.is/manuscript/view/en/AM04-0544/0#mode/2up>; <https://handrit.is/manuscript/view/en/AM04-0675/0#mode/2up>] (дата обращения 21.06.2023)

² К таким общим образам можно отнести, например, фигуру женщины, подталкивающей мужчин к мести (Clover 2001, Gropper 2017).

³ Ср. сам термин для типичного метра эддических песен, *fornyrðislag*; букв. песня (*lag*) древних слов (*fornyrði*). Он встречается уже в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона (*Hár*: 38).

возвращение к героическим идеалам в саге как к чему-то, чего XIII веку уже не хватало, и потому оно было притягательно⁴. Не пытаясь решить этот спор, я бы хотела рассмотреть этот диалог саг с миром эддической поэзии сквозь призму концепции М. И. Стеблин-Каменского о сагах как синкретической правде.

В «Мире саги» Стеблин-Каменский заметил, что в синкретической правде герой-идеолог, в отличие от реалистического романа, невозможен, так как история о герое воспринимается рассказчиком синкретической правды как правдивая (Steblyn-Kamenskij 1984: 72). Сага, как отмечает Стеблин-Каменский, не притча или басня, а нечто противоположное ей (Там же) — т. е. у саги задача не поместить настоящее в декорации прошлого⁵, а, наоборот, рассказать о прошлом настоящему. Такой взгляд на прагматику рассказывания саг подразумевает, что о прошлом говорится, потому что прошлое ценится, а значит в цене и те яркие образы и детали, которые с этим прошлым связаны в памяти рассказчика и его аудитории — ср., например, многочисленные случаи, когда рассказчики саг, уже давно христиане, не изымают из саг описания дохристианских обрядов, а лишь отмечают, что герои делают так потому, что «это было в обычае того времени»⁶. Частью такого «фонда прошлого» являются образы и речения из эддических текстов. Использование

⁴ Andersson 1968: 41; Gurevich 2009 (1979): 134–135. Ср. схожую с трактовкой Гуревича интерпретацию в недавней книге Ричарда Харриса, который пишет о ностальгии исландцев XIII в. по своему героическому прошлому: «In fact, the nostalgic element of *Njáls saga* and others of its genre easily suggests a shared sense of a Golden Age, when people had behaved in better ways than could be said of them when the composer wrote, or when at least they could have been excused on the grounds of lacking Christian awareness» (Harris 2022: 132). Функции использования эддической образности в сагах рассматриваются в ряде работ (напр., North 1991, Hermann Pálsson 1999a, 1999b, Tulinius 2002).

⁵ Такой подход к сагам было особенно популярен в середине XX в.: ср., например, интерпретацию «Саги о людях со Светлого озера» как *roman à clef* в Varði Guðmunsson 1953, а также критику этого подхода в Tirosch 2019: 269–270.

⁶ Ср., например, в той же «Саге о Гисли»: «Þat var þá margra manna siðr at fagna vetri í þann tíma ok hafa þá veizlur ok vetrnáttablót» (*Gísl*: 36). «В те времена у многих людей было в обычае справлять приход зимы пирами и жертвоприношениями» (пер. О. А. Смирницкой; Сага о Гисли 1979: 35). Такие примеры встречаются довольно часто и потому здесь я их опускаю.

подобных маркеров старины могло иметь разные локальные цели — так в «Саге о Гисли» параллелизм с историей Сигурда Драконобойцы составляет практически эпический героический фон (Gurevich 2009 (1979): 131–132), а в «Саге о Греттире» паремии из «Речей Высокого» создают скорее пародийный образ героя (Harris 2022: 35, 195). В дальнейшем я попробую показать, что эддические образы могли также использоваться как система мотивировок, позволяющая аудитории понять, почему то или иное событие, нераздельно связанное в традиции с тем или иным предком, вообще происходило.

Речь пойдет об антитетической формуле *at mæla fagrt ok hyggja flátt* (говорить красиво и думать ложно), которая в «Саге о Бьёрне Богатыре Долины реки Хит» используется для характеристики Торда сына Кольбейна. Так, после возвращения Бьёрна, сына Арнгейра, в Исландию, Торд приезжает к нему домой и зовет к себе зимовать, мотивируя это тем, что хочет проверить, в силе ли их мировая, которую ранее установил между ними конунг Олав Святой. Рассказчик отмечает, что Торд обращается к Бьёрну «красивыми словами»⁷. Этой характеристике от повествователя вторит мать Бьёрна, Тордис, которая говорит Бьёрну следующее:

«*Þat mun sýna, at ek mun ekki mjök talhlýðin. Hugðu svá at, Björn»,*
segir hon, «at því flára mun Þórðr hyggja sem hann talar sléttara, ok
*trú þú honum eigi» (BjH: 138)*⁸.

Как отметили ещё комментаторы в издании саги серии *Íslenzk fornrit* (BjH: 138, сн.1), в этой реплике матери Бьёрна проступают слова из «Речей Высокого», где та же формула встречается в висах 45 и 91:

45. Ef þú átt annan
þanns þú illa trúir,
vildu af honum þó gott geta,
fagrt skalt við þann mæla
en flátt hyggja
ok gjalda lausung við lygi. (*Hm*: 330)

91. Bert ek nú mæli,
þvíat ek bæði veit,
brigðr er karla hugr konum;
þá vér fegrst mælum
er vér flást hyggjum,
þat tælir horska hugi⁹. (*Hm*: 340)

⁷ Þórðr fór þar um fögrum orðum (BjH: 138).

⁸ «Вот что ясно так это то, что меня не очень-то можно провести речами. Подумай-ка, Бьёрн, о том, — говорит она, — что чем хуже намерения Торда, тем красивее он говорит — не верь ему!» [Здесь и далее перевод мой, если не оговорено иное. — ДГ]

⁹ «Но если другому / поверил оплошно, / добра ожидая, / **сладкою речью** / **скрой злые мысли** / и лги, если лжет он»; «Откровенно

В саге появляется вариант той же формулы. Во фразе «**flára** mun Þórðr **hyggja** sem hann **talár sléttara**» есть прямое лексическое совпадение в первой части о ложных мыслях (ср. лишь разные морфологические формы прилагательного «flár», flátt hyggja = flára hyggja); в части о красивой речи использованы синонимы: «fagr» (красивый) / «slétt» (плавный (о речи)); «tæla» (говорить) / «tala» (говорить, разговаривать).

По мнению Э. Финли, формула в речи Тордис не обязательно отсылает именно к «Речам Высокого», так как она является «общим местом», встречаясь и в висе 91, и в других сагах (Finlay 2000: 25, f. 59). Однако существенно наблюдение комментаторов *ÍF*, что недалеко от речи Тордис есть и другая формулировка, отсылающая к 45 висе «Речей Высокого», «ok gjalda lausung við lygi»: слова *lygi* и *lausung* возникают в предыдущей главе, когда Оддню, жена Торда, узнав о возвращении Бьёрна, говорит Торду, что он полон «лжи и предательства»¹⁰. Таким образом в речах женщин о Торде перед приглашением на зимовку собирается своего рода лексический образ 45 висы «Речей Высокого»¹¹. Вопрос в том, как именно эта отсылка к «Речам Высокого» работает в «Саге о Бьёрне»?

скажу / о мужах и о женах: / мужи тоже лживы; / **красно говоря**, / **но задумав коварство**, / — улестим даже умных» (пер. А. Корсуна; Речи Высокого: 193, 197).

¹⁰ «...ek hugða þik vera góðan dreng, en þú ert fullr af *lygi ok lausung*» (*BjH*: 135). «Я считала тебя хорошим человеком, а ты полон лжи и предательства».

¹¹ Высказывалось предположение, что так как 45 виса «Речей Высокого» особенно пересекается с висами 42 и 91 «Речей Мудрого» (*Hugsvinnsmál* [далее в тексте: *Hug*]), следует считать, что эта виса составлялась под влиянием *Hug* (von Zee 1972: 9); поэтому можно было бы предположить, что и в «Саге о Бьёрне» исследуемая паремия появляется из *Hug*, а не из «Речей Высокого». С этим трудно согласиться как раз потому, что чуть ранее в речи Оддню возникает аллитерирующая пара «*lygi ok lausung*», которая есть в «Речах Высокого», но отсутствует в *Hug*. Кроме того, сама идея первичности *Hug* по отношению к «Речам Высокого» является спорной: конкретно в случае висы 45 в «Речах Высокого» есть композиционное единство с висой 44, которого нет ни в *Hug*, ни в его латинском источнике, *Disticha Catonis* (McKinnell 2007: 81). В целом, во многих случаях расхождений между текстами в *Hug* особенно ярко проявляется христианская мораль: какие-то морализаторские фрагменты добавляются, а те, что с точки зрения христианской морали выглядят спорными, наоборот, убираются (McKinnell 2007). Так как трудно представить

II.

Эпизод приглашения на зимовку у Торда является, пожалуй, самым загадочным в саге — перед ним Торда и Бьёрна уже примирил в Норвегии Олав Святой, а в самой саге дается как минимум три разных мотивации действия Торда: 1) он хочет подтвердить их перемирие (адресована Бьёрну)¹², 2) он хочет избежать конфликта из-за пересудов людей, которые начнут их чернить (адресована Оддню)¹³, 3) он желает искупить вину перед Оддню (адресована Оддню)¹⁴. Вполне возможно, что такое множество мотивировок является приемом саговой поэтики, так как схожий принцип повествования, привлекающий внимание аудитории, встречается и в других сагах об исландцах¹⁵. Последующие комментаторы саги не стали исключением, благодаря чему этот эпизод обрел уже несколько интерпретаций. Так, одни исследователи интерпретируют приглашение Торда, выбирая одну из данных самим Тордом мотивировок: искупление вины перед Оддню (Andersson 1967: 133); желание подтвердить перемирие (de Looze 1986: 483). Другие исследо-

себе христианского книжника, который специально убирает все фрагменты, напоминающие о христианской морали, я согласна с выводом Д. Маккинелла, что скорее это составитель *Hug* пользуется и «Речами Высокого», и *Disticha Catonis*, а параллели между последними двумя текстами скорее являются типологическими (McKinnell 2007: 88–89). В таком случае, интересующее меня речение в висе 45 «Речей Высокого» вполне могло быть известно составителю «Саги о Бьёрне» по устной автохтонной традиции, а не обязательно по *Hug*, куда это речение попадает оттуда же.

¹² «Þat er ørendi mitt hingat, at vita, hvárt þú vill halda sættir við mik, þær er konungr gerði milli okkar, ok skuli nú hvárrgi eiga öðrum sakar at bæta, ok er þat merkiligt, er skilríkr maðr hefir samit milli okkar; en var mér þat í hug um hríð, at vit myndim ekki sættask» (*BjH*: 137). «Такое вот у меня дело: хочу узнать, хочешь ли ты соблюдать соглашение со мной — то, которое между нами заключил конунг. Теперь ни у одного из нас не должно быть причин для мести, и это особенно почетно, что столь достойный человек нас рассудил. Но недавно мне пришло в голову, будто мы не помирились».

¹³ «kvaðzk eigi vilja, at menn gengi milli þeira ok rœgði þá saman...» (*BjH*: 136). «...сказал, что не хочет, чтобы люди ходили промеж ними и чернили их друг перед другом...».

¹⁴ «Hann segir, at þangat hafi hann boðit Birni, ok kvaðsk þat hafa gert til yfirbóta við hana» (*BjH*: 138). «Он говорит, что он пригласил к ним Бьёрна, и сказал, что сделал это, чтобы искупить перед ней вину».

¹⁵ Armann Jakobsson 2004.

ватели, наоборот, вместе с Оддню и Тордис отказываются верить Торду и считают в сцене приглашения знаки, указывающие на зловещие намерения Торда: так, по мнению Фредерика Хайнеманна, синий плащ, в котором едет Торд, говорит о том, что он собирается продолжить распрю с Бьёрном, что считают и Тордис, и Бьёрн — ведь обычно в синем плаще в сагах об исландцах изображаются убийцы (Heinemann 1993: 427). При этом если мать пытается предупредить Бьёрна о том, что дело закончится плохо, то Бьёрн, по Хайнеманну, сам хочет продолжить распрю с Тордом и потому принимает приглашение (Там же). К той же интертекстуальной стратегии прочтения этого эпизода присоединился недавно Ричард Харрис, который рассматривает в качестве интертекстуального знака отсылку к «Речам Высокого» в речи Тордис — по его мнению, Тордис дает Бьёрну предостережение именно о предательской сущности Торда, а он от неё отмахивается (Harris 2022: 43–44). В такой перспективе, с помощью контекста из «Речей Высокого» Тордис по «красивым словам» идентифицирует того, кому не следует доверять, в то время как мужчины, Бьёрн и его отец Арнгеир, не видят угрозы.

У каждого из обозначенных направлений интерпретации есть свои недочеты, которые не позволяют принять ни одно из них. С одной стороны, прочтения, идущие за мотивировками Торда, вообще не учитывали интертекстуальные детали, которые все же есть и требуют внимания. С другой стороны, существующие интертекстуальные прочтения слишком упрощают и сагу, и её поэтику. Главная проблема интерпретаций и Хайнеманна, и Харриса состоит в том, что, согласившись на зимовку, Бьёрн попадает совсем не в западню, а даже наоборот, сам начинает вести себя на зимовке так, как не полагается гостю (см. подробнее ниже). Торд же при этом, наоборот, не делает ни попыток убийства (на что намекал бы синий плащ), ни предательства (на что намекало бы речение Тордис в интерпретации Харриса)¹⁶. Более того после нескольких столкновений во время зимовки повествователь саги позволяет себе

¹⁶ Здесь я согласна с мнением Д. Сэвборга, что в этом эпизоде синий плащ является важным элементом знаковой системы, направленной в первую очередь на аудиторию саги — встречая в саге синий плащ, аудитория понимает, что где-то впереди убийство; однако, это совсем не значит, что сами герои понимают, что их ждет, скорее совсем наоборот (Sävborg 2007: 381).

редчайшую для саг об исландцах оценку состояния персонажей, указывая, что Торд считал поведение Бьёрна неблагоприятным, а Бьёрн так себя вел потому, что не доверял Торду:

Þat fannst á, at Þórði þótti framlög sín mikil, en ekki gott í mót koma. Björn galt ok slíkt í mót, því at honum þótti heimboðit Þórðar verit hafa með glysmálum einum, en veitt kotmannliga, ok þótti illt eina fyrir vert, ok þótti báðum þá verr en áðr (BjH: 149)¹⁷.

Таким образом, речь Тордис все еще требует комментария, а эпизод — интерпретации. До сих пор слова Тордис рассматривались комментаторами как слова героя-резонёра, которому следует доверять, так как с ним должны быть согласны и рассказчик, и аудитория. Но что, если слова Тордис передают «истину», которую Бьёрн не игнорирует, а, наоборот, принимает — и тем самым эти слова лишь объясняют для аудитории его последующее поведение?

III.

Чтобы реконструировать прагматику использования исследуемого речения в саге, стоит обратить внимание на его контекст в «Речах Высокого». 45 виса, где встречается анти-тетическая формула и аллитерирующая пара «*lygi ok lausung*», располагается в гномический части «Речей Высокого» и противопоставляется висе 44. В последней говорится о поведении с другом, которому доверяешь: если хочешь получить от верного друга хорошее, то дари ему подарки, навещай и делись своими ощущениями/мыслями. В висе 45 описывается обратная ситуация — если доверия нет, то нужно думать ложно, а говорить красиво, и ложь оплачивать ложью. Таким образом в висах 44–45 описывается ситуация идеального обмена, либо позитивного (дары), либо негативного (ложь). При этом выбор соответствующей стратегии поведения в зависимости от ситуации возможен только в случае, если человек обладает здравым смыслом (*vit*) — главным качеством, которому

¹⁷ «Было заметно, что Торд считал, что вложения его были велики, а ничего хорошего в ответ не пришло. Бьёрн тоже платил ему такой монетой, так как считал приглашение Торда лживым и исполненным недостойно, и думал, что на такое можно ответить только плохим. Думали друг о друге оба хуже, чем раньше».

посвящена большая часть вис 1–39, где перечисляются результаты отсутствия здравого смысла¹⁸.

Среди качеств Бьёрна, упоминаемых в саге до приглашения на зимовку к Торду, есть такие, которые с точки зрения гномической части «Речей Высокого» как раз можно было бы назвать отсутствием *vit*. Так, Бьёрн ведет себя как дурак, который ничего не понимает (ср. *Hm*: в. 5), так как он пьет с недругом без меры (*Hm*: в. 11-14; *BjH*: 117-119), тем самым ставя себя в слабую позицию. Более того, сам Бьёрн, выпивая с Тордом, упоминает, что еще недостаточно знаком с обычаями людей; ср. в 18 висе именно путешествия и знакомство с обычаями людей является способом обрести здравый смысл. В висе 18 есть и текстуальное пересечение с сагой — в висе нужно «широко», т.е. много, на дальние дистанции, путешествовать, чтобы знать, что у людей на уме («*viða ratar*»), а Бьёрн же знает обычаи людей недостаточно «широко» («*óviða kannat hafa*»):

<p>«ek þykkjumk... <i>óviða kannat hafa</i> góðga manna síðu» / на мой взгляд...недостаточно еще знаю обычаи добрых людей (<i>BjH</i>: 118)</p>	<p>18. Sá einn veit er <i>viða ratar</i> ok hefir fjöld um farit, hverju geði stýrir gumna hverr, sá er vitandi er vits (<i>Hm</i>: 325)¹⁹.</p>
---	--

Таким образом, в перспективе гномической части «Речей Высокого» во время зимовки у ярла Эйрика Торду удастся убедить Бьёрна в том, что он его друг, поскольку у Бьёрна еще недостаточно здравого смысла (*vit*).

После возвращения из Норвегии поведение Бьёрна меняется, так как теперь оно соответствует поведению человека, имеющего *vit*. Так, принимая приглашение Торда, Бьёрн при этом ведет себя прямо противоположным благодарному гостю по «Речам Высокого» образом, т. е. злоупотребляет гостепри-

¹⁸ Человек становится объектом для насмешек (5, 24); не умеет отличать добрый совет от дурного (18); путает улыбку и реальную поддержку на тинге (25); думает, что все знает, но дельно ответить ни на что не может (26); болтливость (6, 27–29); пьянство (11–14); глупость, которая проявляется в побеге от смерти (16) и в тревожности вместо сна (23).

¹⁹ Знает лишь тот, / кто много земель / объездил и видел, — / коль сам он умен, — / что на уме / у каждого мужа (пер. А. Корсуна; Речи Высокого: 191).

имством. То, что это именно стратегия поведения, подчеркивает упомянутое выше пояснение рассказчика о том, что Бьёрн считал приглашение Торда неискренним. Поведение Бьёрна и пояснение рассказчика вместе отражают стратегию висы 45: если не доверяешь, отвечай ложью на ложь, т. е. плохим на плохое; в данном случае, на недостойное приглашение в гости — недостойным поведением в гостях. Существенно, что рассказчик в своем пояснении даже использует тот же глагол, который встречается и в висе 45: Один советует «отплачивать» ложью за ложь (*gjalda lausung við lygi*; *Hm*: 330), а рассказчик говорит, что Бьёрн «отплатил» Торду неблагодарностью, так как считал, что приглашение Торда было сделано неискренне (*Björn galt ok slíkt í mót, því at honum þótti heimboðit Þórðar verit hafa með glysmálum einum*; *BjH*: 149). Таким образом, Бьёрн преобразуется за время путешествий, обретает здравый смысл и потому прислушивается к совету матери и поступает ровно по завету висы 45 из «Речей Высокого», т. е. отвечает Торду той же неискренностью, какая, по мнению Бьёрна и его матери, отличает самого Торда.

Проблема, как уже было сказано, однако, заключается в том, что, судя по тому же пояснению рассказчика, Торд недоумевает, почему Бьёрн так на него реагирует. То же недоумение прослеживается и в главах, описывающих зимовку Бьёрна, где можно найти немало причин, почему Торду объективно могло бы не нравиться поведение Бьёрна: Бьёрн первым сочиняет вису о Торде и Торд этим недоволен, как и тем, как Бьёрн ведет себя с женщинами у него дома (*BjH*: 130); Торд не понимает, почему Бьёрн кормит собаку, когда у них ограничены ресурсы (*BjH*: 146); Торд верит Кальву Зловестнику, что это Бьёрн испортил его сено (*BjH*: 147-148). С точки зрения Торда, это и правда неблагодарный гость и никакого зловещего плана по уничтожению Бьёрна в эпизодах зимовки он не реализует. Таким образом, пояснение рассказчика и описание реакций Торда во время зимовки свидетельствует в пользу того, что Торд изначально против Бьёрна ничего не замышляет²⁰. А

²⁰ При этом не стоит забывать о том, что Торд все же говорит с Бьёрном «красивыми словами». Так как это часть антитетического речения *mæla fagrt / hyggja flátt*, то можно было бы предположить, что аудитория рассказчика саги должна была считывать сигнал о потенциальном предательстве, см. о предательских коннотациях этой формулы в McDougall 1983: 155–231. Красивые слова в сагах и правда

значит и предостережение матери, напоминающей Бьёрну о максиме из «Речей Высокого» оказывается, на самом деле, ложным — принимая её совет, Бьёрн попадает впросак, так как оплачивает неблагодарностью не за неискренность, а за реальную попытку гостеприимства. В результате именно это несоответствие его поведения ситуации становится катализатором дальнейшего развития конфликта, который приводит Бьёрна к гибели.

Значит ли все вышесказанное, что «Сагу о Бьёрне» нужно читать как текст-осуждение старых нравов, воплощаемых отсылкой к «Речам Высокого» — ведь стратегия поведения Бьёрна в итоге до добра не доводит? На мой взгляд, совсем не обязательно. Появление «Речей Высокого» может объясняться желанием рассказчика саги мотивировать действия Бьёрна, которые аудитории XIII в. могли быть неясны, а вот о бесконечных стычках скальдов и трагическом конце Бьёрна наверняка было известно. Будучи ограниченным известиями, о которых знают из устной традиции и рассказчик, и его аудитория, рассказчик свободен в интерпретации событий. При этом он использует доступный ему арсенал средств, одним из которых как раз становятся отсылки к нравам «старины», в том числе в виде отсылок к эддической образности.

Вопрос в том, каковы границы свободы в такой интерпретации. В случае «Саги о Бьёрне» можно подумать, что доверие/недоверие Бьёрна стало важной темой в традиции рассказов о нем и Торде. Способами ее воплотить в саге становятся описанные выше эпизоды, где Бьёрн то доверяет, то не доверяет Торду, когда нужно было делать обратное. Можно было бы осторожно предположить, что еще одним таким способом воплотить традицию о Бьёрне в тексте саги является указание, что Бьёрн ставит церковь апостола Фомы в Полях

иногда становятся маркером коварных замыслов — стоит вспомнить хотя бы Мёрда сына Вальгарда, который именно «красивыми словами» сначала втирается в доверие к сыновьям Ньяля («Hann sló á mikit **fagrmæli** við þá», *Nj*: 275), а потом настраивает их против Хёскульда сына Траина, из-за чего в итоге все они вместе с Ньялем и его женой будут сожжены. Однако встречаются случаи, когда герой «красивыми словами» делает предложение, от которого невозможно отказаться (ср. красивые речи Олава сына Трюгтви при попытках обращать людей в христианскую веру (*ÓT*: 305)). Поэтому мне представляется, что указание на «красивые» речи в сагах пока еще требует отдельного исследования.

(*Vellir*) (*BjH*: 163) — апостола, известного как Фома Неверующий, т.е. человек, проявивший недоверие как раз в случае, когда следовало поверить. Учитывая, что нет никаких иных указаний, почему Бьёрн мог бы посвятить церковь именно ему (Finlay 2000, 146, f. 114), вполне возможно, что атрибуция церкви Бьёрна именно Фоме возникла как попытка христианского книжника на уровне почитания святых выразить тему доверия/недоверия, накрепко увязанную с рассказами о расправе самых воинственных скальдов прошлого в его округе.

Литература

- Andersson 1967: *The Icelandic Family saga: An Analytic Reading*. Cambridge, MA: Harvard University press.
- Andersson 1968: Some Ambiguities in *Gísla saga*: A Balance Sheet. *Bibliography of Old Norse-Icelandic Studies*, 7–42.
- Ármann Jakobsson 2004: Some Types of Ambiguities in the Sagas of the Icelanders. *Arkiför nordisk filologi* 119, 37–53.
- Raði Guðmunsson 1953: *Ljósvetninga Saga og Saurbæingar*. Reykjavík: Menningarsjóður.
- BjH — *Bjarnar saga Hítðælakappa*, in: *Borgfirðinga sögur* 1938. Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gáfu út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag (ÍF 3), 111–211.
- Clover 2001: Hildigunnr's Lament, in: *The Cold Counsel. The Women in Old Norse Literature and Myth*. Ed. by S. M. Anderson, K. Swenson. New York: Routledge, 15–54.
- Finlay 2000: Introduction, in: *The Saga of Bjorn, Champion of the Men of Hitardale*. Trans. by A. Finlay. Enfield Lock: Hisarlik Press, viii–lv.
- Gísl — *Gísla saga*, in: *Vestfirðingasögur* 1943. Björn K. Þórólfsson, Guðni Jónsson gáfu út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag (ÍF 6), 1–118.
- Gropper 2017: The fatal role of women in Medieval Icelandic literature — the example of *Njáls saga*, in: *Die Faszination des Verborgenen und seine Entschlüsselung — Raði sār kunni: Beiträge zur Runologie, skandinavistischen Mediävistik und germanischen Sprachwissenschaft*. Her. von J. Krüger, V. Busch, K. Seidel, C. Zimmermann, U. Zimmermann. Berlin: De Gruyter, 147–167.
- Gurevich 2009 (1979): [Edda and Saga], in: *Izbrannye trudy. Norvezhskoye obschestvo* [Selected works. Norwegian society] Moscow.
- Гуревич, А. Я. 2009 (1979): «Эдда» и сага. В сб.: *Избранные труды. Норвежское общество*. М.: Традиция. Первое издание: Гуревич, А. Я. 1979: «Эдда» и сага. М.: Наука.
- Harris 2022: *Wisdom of the North. Proverbial Allusion and Patterning in the Icelandic Saga*. *Islandica LXIV*. New York: Cornell Univ. Lib.
- Hát — Snorri Sturluson. *Edda: Háttatal* 2007. Ed. A. Faulkes. London: University College London.

- Heinemann 1993: Intertextuality in Bjarnar saga hitdælakappa. *Saga-Book* 23, 419–432.
- Hermann Pálsson 1999a: *Hávamál í ljósi íslenskrar menningar*. Reykjavík: Háskólaútgáfan.
- Hermann Pálsson 1999b: *Oral Tradition and Saga Writing*. Wien: Fassbaender.
- Hm — Hávamál, in: *Eddukvæði I: Goðakvæði* 2014. Jónas Kristjánsson, Vésteinn Ólason gáfu út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag (ÍF 36), 322–355.
- de Looze 1986: Poet, Poem, and Poetic Process in "Bjarnarsaga Hitdælakappa and Gunnlaugssaga Ormstungu". *The Journal of English and Germanic Philology* 85/4, 479–493.
- McDougall 1983: *Studies in the Prose Style of the Old Icelandic and Old Norwegian Homily Books*. PhD diss. University College London.
- McKinnell 2007: The Making of "Hávamál". *Viking and Medieval Scandinavia* 3, 75–115.
- Nj — *Njáls saga*. Einar Ól. Sveinsson gáf út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag (ÍF 12), 1–464. 1954.
- North 1991: *Pagan Words and Christian Meanings*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- ÓT — Ólafs saga Tryggvassonar, in: Snorri Sturluson. *Heimskringla* 1941. Bjarni Aðalbjarnarson gáf út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag (ÍF 26), 225–372.
- Rechi Vysokogo — Rechi Vysokogo [Sayings of the High One]. Trans. A. Korsun. In: *Beowulf. Elder Edda. The Song of the Nibelungs* 1975. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 190–204. Речи Высокого. Пер. А. Корсуна. В сб.: *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах* 1975. М.: Художественная литература, 190–204.
- Saga o Gisli — Saga o Гисли / Пер. О. А. Смирницкой. В сб.: *Исландские саги. Ирландский эпос*. М.: Худ. лит-ра, 1973, 23–80.
- Sävborg, D. 2007: *Sagan om kärleken. Erotik, känslor och berättarkonst i norrön litteratur 950–1350*. Uppsala: Uppsala Universitet.
- Steblin-Kamenskij 1984: *Mir sagi. Stanovlenije literatury [The Saga Mind. The Development of Literature]*. Leningrad: Nauka. Стеблин-Каменский, М. И. 1984: *Мир саги. Становление литературы*. Л.: Наука.
- Tirosh 2019: *On the Receiving End: The Role of Scholarship, Memory, and Genre in Constructing Ljósvetninga saga*. PhD dissertation. University of Iceland.
- Tulinius 2002: *The Matter of the North: The Rise of Literary Fiction in Thirteenth-Century Iceland*. Odense: Odense University Press.
- von Zee 1972: Disticha Catonis und Hávamál. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 94, 1–18.

Т. Н. Джаксон
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.
Tatjana.Jackson@gmail.com

О «РОМАНИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ» В САГАХ: ОЛАВ ХАРАЛЬДССОН — «ТОМЯЩИЙСЯ ОТ ЛЮБВИ СКАЛЬД» ИЛИ ОСКОРБЛЕННЫЙ КОНУНГ?

В свете неявной, но очевидной читателю дискуссии между М. И. Стеблин-Каменским и А. Я. Гуревичем относительно неотражения/отражения в сагах «романических чувств/переживаний» в статье рассматривается реакция норвежского конунга Олава Харальдссона на разрыв помолвки с Ингигерд, дочерью шведского конунга Олава Эйрикссона, нашедшая отражение в целом ряде саг и других памятников древнескандинавской письменности и весьма противоречиво трактуемая исследователями.

Ключевые слова: исландские саги, любовь в сагах, Олав Харальдссон, Олав Эйрикссон, Ингигерд, Астрид.

Tatjana N. Jackson
Institute of World History, RAS, Moscow, Russia.
Tatjana.Jackson@gmail.com

‘Romantic feelings’ in the sagas. Óláfr Haraldsson, a ‘lovesick skald’ or an offended king?

In the light of the implicit, though obvious to the reader, discussion between M.I. Steblin-Kamenskij and A.Ya. Gurevich regarding the non-reflection/reflection of ‘romantic feelings/experiences’ in the sagas, the paper discusses the reaction of the Norwegian king Olav Haraldsson to the break of his engagement with Ingigerd, the daughter of the Swedish king Olav Eiriksson, that is reflected in a number of sagas and other Old Norse-Icelandic sources and has contradicting interpretations in scholarly literature.

Keywords: Old Icelandic sagas, love in the sagas, Óláfr Haraldsson, Óláfr Eiriksson, Ingigerðr, Ástríðr

Книгу «Эдда и сага», вышедшую в 1979 г., А. Я. Гуревич посвятил слушателям лекций, читанных им на филологическом факультете МГУ начиная с 1975 г. В ней он избрал стиль лекционного изложения хорошо осмысленного им самим материала, отказавшись в значительной мере от ссылок на чужие работы, хотя его книга и не была лишена дискуссионности.

Безличными оборотами типа «при этом исходят из предпосылки, что...» уже в предисловии к книге или разбросанными по тексту отсылками вроде «по мнению отдельных/некоторых исследователей», «как полагают» и проч. А. Я. нередко заменял название имен тех исследователей, с чьим мнением он не был согласен и вступал в спор. Мне довелось посещать те лекции, и у меня осталось в памяти, что А. Я. говорил однажды о различной трактовке любви в сагах им самим и М. И. Стеблин-Каменским. Обратившись к книге, я обнаружила в ней такое утверждение: «Полагают, что “романические переживания” в сагах не казались чем-то достойным изображения» (Gurevich 1979: 135). Читателю, знакомому с трудами М. И. Стеблин-Каменского, не составит труда понять, с кем в данном случае ведет дискуссию А. Я. Гуревич.

Действительно, в «Мире саги» у М. И. Стеблин-Каменского имеется такая фраза: «романические переживания не только не казались чем-то достойным изображения, но не было и подходящих слов, которыми можно было бы их описать» (Steblin-Kamenskij 1971: 72). Однако речь у М. И. идет не столько об отсутствии у древних исландцев соответствующей лексики, сколько о специфике жанра саги. Его сравнение изображения любви в сагах и современных романах помогает читателю осознать, что «в сагах переживания... сами по себе не были объектом изображения»; «объектом изображения в сагах были всегда те или иные события», а переживания описывались в саге только если без них нельзя было изложить эти события. На примере «Саги о людях из Лососьей Долины», где любовь Гудрун к Кьяртану совершенно очевидна, М. И. демонстрирует, что там «не говорится прямо о ее переживаниях, и те ее слова или действия, в которых проявляется ее чувство к Кьяртану, сообщаются лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания хода событий в распре». Более того, за различными словами и поступками Гудрун могло скрываться разное: ее «любовь к Кьяртану, ненависть к нему, чувство гордости, оскорбленное женское самолюбие, страсть к украшениям (...), ненависть к сопернице, жажда мести или все эти чувства вместе». В результате, по мнению М. И., изображение переживаний в сагах всегда представляло собой «лишь побочный продукт изображения чего-то другого». «Даже когда то, что сообщается в саге, нельзя истолковать иначе, как проявление романического чувства, сознательный объект изображения все

же не это чувство, а нечто совсем другое» (Stebelin-Kamenskij 1971: 72–73).

А. Я. Гуревич тоже считал, что «любовная тема в сагах не самостоятельна», но для него она — «функция самоутверждения героя». Ее несамостоятельность, полагал он, «нисколько не умаляет значимости любовной проблематики в сагах». По его мнению, в «Саге о людях из Лососьей Долины» «значимость любовной темы весьма велика», и хотя «эта тема всплывает только в некоторых местах повествования», она «в очень большой степени движет поступками персонажей». А. Я. Гуревич утверждал, что «для того чтобы оценить любовную тематику саг, ее нужно сравнивать с любовной тематикой рыцарского романа той же эпохи, а не романа нового времени», и что «романическая любовь в сагах изображается совсем иначе, чем в средневековом романе, но от этого она становится только более убедительной» (Gurevich 1979: 136).

Оба исследователя в своих рассуждениях о любви в сагах обращались к материалу «родовых саг» («Саги об Эгиле Скаллаgrimссоне», «Саги о людях со Светлого Озера», «Саги о людях из Лососьей Долины», «Саги о Гуннлауге Змеином Языке», «Саги о Кормаке»). Я решила взглянуть с той же точки зрения на «королевские саги» и выбрала в них самую, пожалуй, известную историю — представленную в нескольких источниках и многократно исследованную саговедами — о том, как норвежский конунг Олав Харальдссон, в дальнейшем Олав Святой (1014–1028; годы жизни: 995–1030), посватался к принцессе Ингигерд, дочери шведского конунга Олава Эйрикссона Шётконунга (995–1022), как получил от отца невесты согласие, а затем внезапный отказ, как принцесса была отдана замуж за «конунга Ярицлейва», Ярослава Владимировича Мудрого (вел. кн. киевск. с 1016 по 1054), как Олав отреагировал на создавшуюся ситуацию и какой выход из нее был найден. Хотелось бы понять, как в этом рассказе изображаются чувства Олава Харальдссона и какую роль этот рассказ играет в структуре саги об Олаве.

Интересующие нас сведения содержатся у немецкого хрониста Адама Бременского в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (ок. 1070 г.); в норвежских синоптиках конца XII в. — «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха и «Обзоре саг о норвежских конунгах»; в двух ранних сагах об Олаве Святом — «Древнейшей саге» (ок. 1200 г.) и «Легендарной саге» (нач. XIII в.); в сводах королевских саг

первой трети XIII в. — «Гнилой коже», «Красивой коже» и «Круге Земном» Снорри Стурлусона; в созданной Снорри раньше «Круга Земного» (но многократно перерабатывавшейся впоследствии) «Отдельной саге об Олаве Святом»; в исландских анналах. Адам в гл. II.39 своей хроники упоминает лишь о браке Ингигерд и Ярослава (Schmeidler 1917: 99). Теодорик Монах и автор «Обзора» утверждают, что Олав женился на Астрид, внебрачной дочери Олава Шётконунга, а до этого был обручен с ее сводной сестрой Ингигерд, но их отец в гневe разорвал эту помолвку и (как уточняется в «Обзоре») отдал ее Ярицлейву (Storm 1880: 29; Vjarni Einarsson 1985: 26). Единственное чувство, которое ясно названо в этих кратких заметках, — это гнев шведского конунга, информацию о чем находим и в более поздних источниках.

Развернутые повествования начинаются с «Легендарной саги». Важное место в них занимает сюжет, связанный с попыткой Олава Харальдссона наладить дипломатические отношения между Норвегией и Швецией. Изгнав из страны хладирских ярлов Хакона и Свейна, Олав Харальдссон стал (в 1014 г. по хронологии «Круга Земного») единоличным правителем Норвегии, аннулировав тем самым раздел Норвегии между Швецией и Данией, произведенный после победы коалиционного войска над норвежским конунгом Олавом Трюггвасоном в битве при Свёлде в 1000 г. Это привело к конфликту между шведским и норвежским конунгами. История о том, как доверенные лица Олава Харальдссона предпринимали сложные попытки заключить мир и, в частности, устроить брак норвежского конунга Олава и Ингигерд, дочери шведского конунга Олава, получила в историографии название «Fridgerðarsaga» («Сага о заключении мира»).

Как рассказывается в «Легендарной саге», в качестве посланцев Олава Харальдссона в Швецию отправились исландский хёвдинг Хьяльти Скеггьясон и человек Олава Бьёрн Окольный. Предложение Ингигерд выйти замуж за Олава Харальдссона не входило в их первоначальные планы. Мысль, как следует из текста саги, приходит к Хьяльти в ходе его бесед с Ингигерд, которой он постоянно восхваляет Олава, но сначала не как жениха, а исключительно с целью убедить ее поговорить с отцом о возможном примирении двух правителей. Хьяльти добился успеха: в своих частных беседах он убедил Ингигерд считать ее брак с Олавом желанным, а затем уговорить согласиться и своего отца. Поскольку Олава Харальдссона также

устроивало это предложение, то договоренность о браке была достигнута во время встречи двух конунгов. Как отметила А. Хайнрикс, «жених и невеста никогда не встречались — о любви тут речи нет», и подчеркнула, что на первом плане определенно находится политика (Heinrichs 1999: 37).

У Снорри Стурлусона в «Круге Земном» брак Олава и Ингигерд тоже предложен исландцем Хьяльти. Разговаривая со шведским конунгом, тот сообщает, что, как он слышал, об этом говорили в Норвегии и в Вестра-Гаутланде, что люди жаждут мира и конунг Норвегии стремится прийти к соглашению с ним. Он также добавляет: «Говорят, что он хотел бы взять в жены твою дочь Ингигерд, а такое сватовство было бы лучшим путем к миру» (Kuzmenko 1980: 209). Чуть далее ярл Рёгнвальд Ульвссон формулирует это еще яснее: «Мы думаем, что нет лучшего способа помирить конунгов, чем сделать их родичами (через брак. — *Т. Д.*)» (Kuzmenko 1980: 217). Действительно, хорошо известен и широко обсуждается в литературе тот факт, что брак в средние века служил средством укрепления политических союзов. Постепенно родство через брак стало в средневековой Скандинавии важнее кровного родства, поскольку его можно было использовать для укрепления союзов, возникавших ввиду определенных политических интересов. Саги показывают, что объединение семей посредством брака означало, что мужчины, представители этих семей, вступали в своеобразный военный союз (Jackson 2019). Так что совсем не удивительно, что эта версия примирения конунгов пришла в голову посланникам норвежского конунга.

Однако неожиданно для Олава Харальдссона всё закончилось тем, что Олав Шётконунг разорвал сделку. Он выдал свою дочь замуж за конунга Ярицлейва, который как раз вовремя посватался за нее. Никаких исторических или политических причин для этого второго сватовства автор саги не предлагает. Но причина замены жениха весьма примечательна: гнев отца невесты, отмеченный уже в «Обзоре» и у Теодорика. Только в сагах его гнев имеет объяснение: Ингигерд, отвечая на его хвастовство после удачной охоты, уязвила его гордость сравнением со своим женихом, сказав, что его добыча ничто по сравнению с тем, как Олав уничтожил одиннадцать мелких конунгов за одно утро. Этот анекдот, фигурирующий во всех источниках (о нем сообщается в «Легендарной саге», «Красивой коже», «Круге Земном» и нескольких редакциях «Отдельной саги»),

скорее всего, восходит к устной традиции, о чем свидетельствует несовпадение деталей в разных его версиях.

В центре внимания автора «Легендарной саги» находятся чувства Олава Харальдссона. Здесь автор нарушает, на мой взгляд, каноны жанра, добавляя к рассказу о внешних проявлениях чувств Олава — конунг отказывается пить, предпочитает одиночество, пренебрегает своими королевскими обязанностями (что могло бы пониматься как свидетельство любовной тоски) — формулировку мыслей и чувств как Олава, так и его людей, о чем автору саги не может быть известно: он утверждает, что Олав воспринял расторжение помолвки как «позор и бесчестье», а также что его воины (и он сам в первую очередь) этим очень огорчены. Сомневаюсь, что воины Олава расстроены его любовной неудачей — скорее, речь идет об оскорблении чести и достоинства их правителя.

На основании сказанного мне трудно согласиться с мнением А. Хайнрикс, которая описывает состояние Олава после заключения брака Ингигерд и Ярослава как *Liebesschmerz*. Любовная болезнь, также называемая *amor hereos* в медицинских описаниях средневековья, тесно связана, по ее утверждению, с понятием «придворной любви». В медицинских сборниках она причислена к психическим заболеваниям и наиболее близка к «меланхолии». Исследовательница уверена, что поведение Олава, как оно описано в саге, указывает не столько на оскорбленное мужское достоинство, сколько на приступ *amor heroes* (Heinrichs 1999: 27, 38). Д. Сэвборг тоже не соглашается с А. Хайнрикс, что состояние Олава в этой ситуации можно назвать любовным недугом, но по совсем иной причине: исследователь считает, что к любовному недугу относятся только те случаи, когда сама страсть порождает тоску и симптомы болезни. Он классифицирует состояние Олава как «любовную скорбь по потерянной невесте» и видит здесь гораздо более универсальное явление, чем любовная болезнь, вызванная самой страстью (Sävborg 2007: 534, n. 195).

Что же позволяет ученым заключить, основываясь на «Легендарной саге», что Олав испытал не что иное, как любовь? По их словам, это его чувство можно увидеть в его поведении, когда к нему приходит Астрид, сводная сестра Ингигерд, незаконнорожденная дочь конунга Швеции. Она трижды навещает Олава, но он не хочет с ней разговаривать. Он молчит, когда она приветствует его и когда она просит его не думать о его горе, и когда она передает ему шелковую рубашку

— подарок Ингигерд. Он, так сказать, приходит в себя только тогда, когда Астрид предлагает ему себя в жены. Олав принимает ее предложение с радостью, и его настроение сразу же улучшается. Д. Сэвборг подчеркивает, что в саге никак не упоминается и не изображается любовь Олава к Ингигерд, но сильная эмоциональная реакция в связи с ее потерей вряд ли может быть истолкована как-либо иначе, чем выражение такой любви. В качестве параллели он приводит случай с Кьяртаном из «Саги о людях из Лососьей Долины», чья тоска по одной женщине также излечивается женитьбой на другой (Sävborg 2007: 164–165). Однако у меня вновь возникают серьезные сомнения. Я чувствую в молчании Олава, его нежелании говорить с кем-либо и проч. уязвленное тщеславие и растоптанную гордость правителя, союз с которым оказался нежелательным для другого государя; посредством же брака с Астрид, заключаемого без ведома отца невесты, он получал, с одной стороны, возможность отплатить шведскому конунгу за нанесенное оскорбление, а с другой стороны, вступить с ним в отношения свойства, что в практическом отношении предполагало взаимовыгодный союз. Так же и А. Хайнрикс оценивает предложение Астрид самой себя в жены Олаву без согласия своего отца как способ «искупления его позора из-за нарушения шведским конунгом своего слова» (Heinrichs 1999: 39).

Надо сказать, что Снорри Стурлусон в «Круге Земном» тоже объясняет продолжительное молчание Олава, как и вообще его состояние после разрыва шведским конунгом помолвки, его гневом, а вовсе не любовными страданиями: «Когда Олав услышал все, что ему велел передать ярл, он страшно разгневался и не мог найти себе покоя. Прошло несколько дней, прежде чем с ним можно было разговаривать». К этому Снорри добавляет, что на встрече со своими войсками Олав пообещал, «что следующим летом будет набирать ополчение по всей стране и выступит против конунга шведов, чтобы отомстить ему за то, что тот нарушил слово» (Kuzmenko 1980: 229, 230).

В «Круге Земном» инициатором брака Олава и Астрид выступил ярл Рёгнвальд Ульвссон, а в «Красивой коже» предложение отдать Астрид Олаву исходило непосредственно от ее отца. Результат был в любом случае выгодным для многих. Незаконнорожденная дочь шведского конунга стала королевой Норвегии, а Олав забыл о своих обидах и вернулся к королевским обязанностям. В 1019 г., согласно исландским анналам,

были заключены оба брака: Ингигерд вышла замуж за русского князя Ярослава Мудрого, а Олав Харальдссон женился на ее сводной сестре Астрид, дочери шведского конунга Олава и его наложницы Эдлы.

Что касается упомянутой мною выше «любобной истории», то источником формирования в древнескандинавской литературе темы любви между Олавом и Ингигерд, на которую как бы намекает автор «Легендарной саги» и которая совершенно явно озвучена, например, конунгом Ярицлейвом в «Гнилой коже», можно считать одну (или две) из девяти скальдических строф (*Lausavisur*), сочиненных самим конунгом Олавом Харальдссоном (№№ 8 и 9 в издании: Poole 2012: 527–528). Строфы датируются 1029 годом, когда Олав укрывался от своих противников на Руси, при дворе князя Ярослава Мудрого. Пересмотрев свое прежнее мнение, я склонна думать, что строфа Олава о женщине, у которой имеется «земля в Гардах», — даже если она и посвящена Ингигерд — не является отражением длившейся долее десятилетия любви Олава к Ингигерд. Я полагаю, что на Руси, впервые в жизни встретившись с Ингигерд, Олав мог сочинять строфы, обращенные к своей бывшей невесте, и делать это, например, в качестве увеселения на пиру. Такие развлечения не редкость в описаниях саг (яркий пример находим в «Саге об Эгиле Скаллагримссоне»). Сочиняя в банкетном зале, Олав вполне мог преподнести свои отношения с гостеприимной хозяйкой и сестрой своей жены в форме скальдического мансёнга (Matyushina 1994), тем более что тема потери любимой женщины была излюбленной у ранних исландских скальдов, когда они сочиняли о любви, и описанное не обязательно должно было точно соответствовать реальным фактам (Poole 1985: 130). Устная традиция сохранила эти строфы, сочиненные Олавом Святым, и более поздние составители саг распоряжались ими по своему усмотрению (Jackson, in print).

Итак, в целом ряде древнескандинавских источников — чаще устами других персонажей, но где-то и в авторском комментарии — утверждается существование любви между норвежским конунгом Олавом Харальдссоном и шведской принцессой Ингигерд, ставшей женой русского князя. Однако совершенно очевидно, что там, где источники описывают сватовство Олава к Ингигерд и реакцию Олава на разрыв отцом невесты помолвки, речь идет не о проявлениях любви, а об уязвленной гордости (и не столько мужской, сколько королевской). Вопрос о том, какую роль этот рассказ играет в

структуре саги об Олаве Святом, трактуется в историографии по-разному. Л. Лённрот читает эту часть саги так, что Олав «был глубоко унижен и подавлен», а всю «Сагу о заключении мира» в изложении «Легендарной саги» он воспринимает как «полумифическое нравоучение о гордыне, смирении и компенсации» (Lönnroth 1976: 18). А. Хайнрикс понимает мораль «Легендарной саги» так, что будущий святой не нуждается в своем прошлом ни в какой любви, а потому автор саги демонстрирует, что Олав как добрый христианин преодолевает свою *amor hereos* (Heinrichs 1999: 44). На мой взгляд, автор «Легендарной саги», излагая переданную ему традицией «любовную историю», говорит в первую очередь о чести и достоинстве правителя. В саге эта история занимает свое место не ради того, чтобы изобразить любовные переживания конунга Олава, а чтобы отразить целый ряд исторических событий, но также дать автору саги возможность выразить свои взгляды.

Источники и литература

- Bjarni Einarsson 1985: *Ágrip af Nóregskonunga sögum*. Ed. by Bjarni Einarsson (Íslenzk fornrit; 29). Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag.
- Gurevich, A. Ya. 1979. *Edda i saga*. Moscow: Nauka.
Гуревич А. Я. 1979. *Эдда и сага*. М.: Наука.
- Heinrichs, A. 1999: Wenn ein König liebeskrank wird: Der Fall Óláfr Haraldsson. In *Die Aktualität der Saga: Festschrift für Hans Schottmann*. Ed. by S. T. Andersen, 27–51 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; 21). Berlin, New York: de Gruyter.
- Jackson, T. N. 2019: Marriages and political alliances in medieval Scandinavia in the light of Old Norse-Icelandic sources. In *The North, the East and West meet. Festschrift for Jens Petter Nielsen*. Ed. by K. A. Myklebost and S. Bones, 153–162. Tromsø: Orkana Akademisk.
- Jackson, T. N. (in print): ‘They Loved Each Other with Secret Love’: Old Norse Sources on Relations between Ingigerðr, the Wife of the Russian Prince Yaroslav the Wise, and the Norwegian King Óláfr Haraldsson. In *Love and Emotions in Old Norse Literature*. Ed. by D. Sävborg and Brynja Þorgeirsdóttir. Turnhout: Brepols.
- Kuzmenko, Yu. K. 1980: Saga ob Olave Svjatom. Tr. by Yu. K. Kuzmenko. In: *Snorri Sturluson. Krug Zemnoj [Heimskringla]*. Ed. by A. Ya. Gurevich, Yu. K. Kuzmenko, O. A. Smirnitskaia and M. I. Steblin-Kamenskij. Moscow: Nauka.

- Кузьменко, Ю. К. 1980: Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузьменко. В кн.: Снорри Стурлусон. Круг Земной. Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука.
- Lönroth, L. 1976: Ideology and Structure in *Heimskringla*, *Parergon*. 15, 16–29.
- Matyushina, I. G. 1994 : *Magiya slova. Skaldicheskiye khulitel'nyye stikhi i lyubovnaya poeziya*. (Istoricheskaya poetika ; 8). Moscow, RGGU.
- Матюшина И. Г. 1994: Магия слова. Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия (Историческая поэтика 8). М.: РГГУ.
- Poole, R. 1985: Some Royal Love-Verses, *Maal og Minne*, 1985, 115–131.
- Poole, R. 2012: Óláfr inn helgi Haraldsson, *Lausavisur*. Ed. by R. Poole. In *Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 1*. Ed. by D. Whaley, 516–528. Brepols, Turnhout.
- Sävborg, D. 2007 : *Sagan om kärleken: Erotik, känslor och berättarkonst i norrön litteratur* (Acta Universitatis Upsaliensis, Historia Litterarum, 27). Uppsala: Uppsala universitet.
- Schmeidler, B. 1917: *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. Ed. by B. Schmeidler. 3rd ed. (Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi [2].) Hannover and Leipzig: Hahnsche Buchhandlung.
- Stebelin-Kamenskij, M. I. 1971. *Mir sagi*. Leningrad: Nauka.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1971: *Мир сагу*. Л.: Наука.
- Storm, G. 1880: Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium. In *Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen*. Ed. by G. Storm, 1–68. Kristiania: Brøgger.

М. В. Домосилецкая
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
marinaling@mail.ru

ВИНОГРАД В АЛБАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: албанские названия растений с опорой на лексему *виноград*

Статья посвящена группе из 42 албанских фитонимов, называющих 30 местных растений. Это ассоциативное поле с предметно-понятийным ядром «виноград», объединенное албанской исконной лексемой *rrush*. Виноград служит прототипом переосмысления албанцами окружающей флоры. Анализируются признаки растений, по которым происходит их уподобление винограду. В основном это сходство плодов или уподобление их соцветий кистям винограда и степень съедобности растения для человека. С точки зрения структуры все фитонимы — двухсоставные. Семантика атрибутирующего компонента либо связана с животным миром (*нёс, медведь, кукушка, кошка* и др.), либо подчеркивает произрастание в иной среде или пришлость из иных мест: *морской, земляной, французский* и др.

Ключевые слова: албанская фитонимия, виноград.

M. V. Domosiletskaya
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
marinaling@mail.ru

Grape in the world view of the Albanian language: Albanian plant names based on the lexeme “grape”

The paper deals with a group of 42 Albanian phytonyms naming 30 indigenous plants. This is an associative field with the conceptual core “grape”, expressed by the original Albanian lexeme *rrush*. The grape serves as a prototype for the Albanian rethinking of the surrounding flora. The characteristics of plants that make them comparable to grapes are analyzed. Basically, the similarity of the fruit or flower to grapes and the degree of edibility of the plant for humans: tasty but “not quite grapes”; tasteless and inedible, “pseudo-grapes”; inedible but eaten by animals. “Grape-like” plants growing in a characteristic location are a special group. Structurally, all the phytonyms presented are two-word phytonyms; no analytical names of plants formed from the lexeme *rrush* were found. The semantics of the attributive component is almost entirely related to the animal world and expresses the common feature of being “pseudo, wild”. The most striking metaphorical connections are *qeni* (*i qenit*) ‘dog’, *gjarpi* (*i gjarpit*) ‘snake’, *i maces* ‘cat’, *arushe* ‘bear, she-bear’, *i qyqes* ‘cuckoo’. Such names do not directly reflect knowledge about the animal: the

speakers do not mean that this or that animal uses the plant to eat; there's no real resemblance of these plants to what the animals look like. The motivational connection between naming an animal and the corresponding attribute in a two-word phytonym, even if it once existed (perhaps on a mythological and sacred level), is now gone, and the etymological myth has been lost. As well as the zoonyms, there are also other attributive words that underline the “otherness” of this “pseudo-grape”, “quasi-grape”: growing in a different environment, coming from other places: *i detit* ‘sea’, *toke* (*i tokës*) ‘earth’, *frëngu* (*i frëngut*) ‘French’. Nowhere in the attribute component, even in phytonyms naming plants that are harmful to humans, are any lexemes used that clearly lead directly to evaluative negative associations. In the attribute component, no lexemes are used anywhere that unequivocally directly cause evaluative negative associations, even in phytonyms that name plants harmful to humans.

Keywords: Albanian phytonymy, grapes

1. Введение

Система именовании важных и просто интересных для человека растений, по крайней мере замеченных и отмеченных этносом в процессе их выделения и номинации, антропоцентрична. Она очень древняя и поэтому основана, прежде всего, на степени полезности растений для человека, учитывая их питательные, лечебные и даже магические способности.

В центре внимания — группа из 42 албанских фитонимов, называющих 30 растений, образующих ассоциативное поле, связанное со стержневым понятием «виноград», которое и формирует его предметно-понятийное ядро. виноград, как весьма важное, полезное и издревле известное албанцам растение, служит прототипом переосмысления ими окружающей флоры. Лексема *rrush*, *-i m.* ‘виноград’¹ — албанское слово исконного индоевропейского происхождения; ср. параллельное др.-греч. *ῥάϝ, ῥάϝος* ‘виноградина’, см. также латинские названия городов: в Сицилии *Ragusa* и в Далмации *Ragusium* — итал. *Ragusa*, ныне *Дубровник* (Topalli 2017: 1289). Лексема *rrush* достаточно

¹ В данной статье лексема *hardhi*, *-a f.* ‘виноградная лоза’, т. е. вьющийся стебель > виноград как растение целиком, не рассматривается, хотя несомненно особым образом присутствует в албанской метафорической картине: см. *Hardhia e bën rrushin, ferra merr uratën* (Fjalor 1984: 1722) букв. «Лоза дает виноград, колючка (колючий куст) принимает благословение (благодарность)», т. е. описывается ситуация, когда работу выполняет один, а пожинает ее плоды или принимает благодарность другой, ср. рус. «*Чужими руками жар загребать*».

широко используется в создании биномиальной народной фитосистематики. Она базируется на метафорическом описании мира, на эксплицитном сравнении схожих, с точки зрения носителей албанских идиомов, ботанических реалий.

Материал собран по лексикографическим источникам (см. список литературы), включающим как общенациональную албанскую лексику, так и диалектизмы².

2. Албанские фитонимы с опорной лексемой *виноград*

Можно выделить **несколько групп растений**, в чем-то сходных между собой при уподоблении их с виноградом. Это эксплицитное сравнение строится преимущественно по двоякому принципу: сходство плодов обоих растений и степень их съедобности для человека.

2.1. Растение похоже на виноград, но *не совсем виноград*. Оно вкусно для человека, который **может есть эти ягоды**. Для имплицитного сопоставления с виноградом используются эпитеты: *куриный, птичий, кошачий, собачий, змеиный, земляной, французский, венецианский, серезский*. Привязка первых пяти атрибутивных компонентов к ядерной лексем «виноград» не совсем логически ясна, номинационный «посыл» затемнен. Можно только предположить, что они скорее всего не экспрессивные, а носящие дополнительную семантику «ненастоящий, не для человека, псевдо-». Последние три дополнительно отражают пришлость, завозной характер этого растения.

Fragaria vesca земляника лесная диал. *rrush pule, rrushi i pulës* букв. «виноград курицы, куриный виноград» (Fjalor 2006: 864; Lloshi 2010: 293).

Grossularia reclinata крыжовник обыкновенный *rrush frëngu, rrushi i frëngut* «виноград француза, французский виноград», *rrushi i Venedikut* «виноград (из) Венеции», *rrushserez, rrushi i Serezit* «виноград (из) Сереза³» (Fjalor 2006: 864; Lloshi 2010: 292; Susuri 2006: 275), диал. *rrush toke, rrushi i tokës*

² К сожалению, богатый фитонимическими описаниями словарь Дж. Лоши (Lloshi 2010) не содержит указаний на территориальное распространение растений, в отличие, например, от диалектного материала в *этимологическом* словаре К. Топалы (Topalli 2017), в котором часто содержатся соответствующие справки.

³ Идет речь о селении Serez в вилаете Кайсери (Kayseri, Кесария) в центральной части Анатолии, то есть воспринимается как завозное из Турции растение.

«виноград земли, земляной виноград», *rrushfrëng* (Lloshi 2010: 292; Susuri 2006: 275).

Ribes petraeum смородина скальная *rrushi i maces, rrush mace* «виноград кошки, кошачий виноград» (Lloshi 2010: 292; Susuri 2006: 275; Fjalor 2003: 245). Имеет крупные красные кислые плоды в кистях, напоминающих виноградную кисть. В Албании произрастает на каменистых склонах гор и высокогорных пастбищах в Албанских Альпах, на хребте Кораби и в горном массиве Панарит на юге страны (Mitrushi 1955: 173).

Solanum nigrum паслен черный народн. *rrushi i arushës* «виноград медведицы», *rrush gjarpri, rrushi i gjarprit* «виноград змеи, змеиный виноград», *rrushi i qenit, rrush qeni* «виноград собаки, собачий виноград», *rrushi i zogut* «виноград птицы, птичий виноград» (Fjalor 1984: 1067; Lloshi 2010: 129, 292-293; Fjalor 2003). Шаровидные чёрные ягоды около 1 см в диаметре, собраны в кисти-полузонтики, в зрелом виде можно употреблять в пищу, однако в незрелом виде содержат алкалоиды.

Sorbus aucuparia рябина обыкновенная диал. (Люма) *rrush qeni, rrushi i qenit* «виноград собаки, собачий виноград» (Fjalor 2006: 864; Lloshi 2010: 349; Mitrushi 1955: 105). В Албании это дерево с обильными кистями оранжевых и красных ягод растёт только в горных лесах на высоте от 500 до 1500 м.

Vaccinium myrtillus черника обыкновенная народн. *rrushi i zogut* «виноград птицы, птичий виноград» (Fjalor 1984: 1067; Lloshi 2010: 292-293), диал. (Вэрча)⁴ *rrush mali, rrushi i malit* «виноград горы», *rrushi i zi* «виноград черный» (Lloshi 2010: 344; Mitrushi 1955: 436).

Единственное растение, которое употребляется в пищу человеком, но сходство которого с виноградом албанцы усматривают *не* в его съедобных ягодах — это *Muscari comosum* гадючий лук — народн. *rrushqyqe, rrushi i qyqes* букв. «виноград кукушки» (Susuri 2006: 203; Fjalor 2003: 190, 268). Луковицы вполне съедобны, а вот что в облике растения напоминает гроздь винограда, так это торчащие вверх кистевидные лиловые соцветия.

2.2. Растение схоже с виноградом по каким-то внешним признакам (в основном по ярким ягодам), тоже *не совсем виноград*, «*псевдо-виноград*», «*якобы виноград*», при этом оно не только *невкусно, но иногда ядовито для человека*. Животные, имена которых звучат в составных фитонимах, не

⁴ Невысокие горы Вэрча в округе Эльбасан в Центральной Албании.

употребляют его в пищу. Фигурируют эпитеты: *морской, свиной, лисий, собачий, волчий, кошачий*.

Использование этих преимущественно анималистических атрибутов, переведенных русскими притяжательными прилагательными, более логически ясно. Можно предположить, что они, помимо того, что содержат дополнительную семантику «ненастоящий, псевдо-», скорее всего уже экспрессивные, носящие в себе определенную ироничную окраску. Они подчеркивают, что обозначаемые фрукты/ягоды не предназначены для человека, они вредны и враждебны человеку. Эпитет же «морской» вообще довольно частотен в албанском для наименования «ненастоящих» растений⁵: *bathë deti* букв. «боб морской», название рожкового дерева *Ceratonia siliqua* со съедобными плодами-стручками в явном сопоставлении с «настоящим» бобом — *bathë Vicia faba* боб садовый; *qepa e detit* букв. «лук моря, морской лук» *Scilla maritime*, растение из семейства лилейных, обладающее крупной несъедобной луковицей; *laboti i detit* букв. «лебеда моря, морская лебеда» *Atriplex halimus* — соляное растение, встречающееся в сухих и песчаных местах и употреблявшееся в пищу только в голодные годы бедняками, в отличие от съедобной *laboti* 'Atriplex, лебеда' и др.

Arum maculatum аронник пятнистый. Восприятие в виде кисти винограда некрупных торчащих початков цветка с плотно пригнанными оранжевыми и черным ягодками приводит к созданию метафорического переноса: диал. *rrush qeni* «виноград собаки» (Fjalor 2003: 28). В свежем виде растение ядовито, но при варке и сушке становится безопасно. Благодаря содержащимся в нем щелочам в народе используется при мыловарении.

Bryonia бриония — группа многолетних лиан. По целому ряду внешних признаков в народном сознании ассоциируется с виноградом: брионии лазящие, рассеченные листья их очень напоминают виноградные, брионии имеют редкие кисти с округлыми черными ягодками, правда несъедобными⁶. См. народн. *rrush mace* «виноград кошки», *rrush qeni* «виноград пса» (Fjalor 2003: 43).

⁵ Ср. аналогичное по функции рус. «конский»: *конский щавель, конский каштан, конский орех, конская кислица*.

⁶ Только рыхлый крахмалистый корень используется в виде сырья в народной медицине.

Ephedra distachya хвойник двухколосковый народн. *rrushi i detit* букв. «виноград моря, морской виноград» (Lloshi 2010: 292). Красные зрелые шаровидные шишкоягоды (женские шишки) достигают около 1 см в диаметре.

Ilex падуб, остролист народн. *rrushi i thiut* «виноград свиньи, свиной виноград» (Lloshi 2010: 293). Произрастает в Албании почти повсеместно на высоте 900–1600 м в широколиственных лесах (Mitrushi 1955: 303). Его шарообразные яркие костянки красного и оранжевого цвета очень ядовиты. Важно подчеркнуть, что никаких желудеподобных плодов, любимых свиньями, падуб не формирует.

Osyris alba озирис белый народн. *rrushkuqe* букв. «виноград красный» (Fjalor 1984: 1067; Fjalor 2003: 207). Растение-паразит, питающееся от корней соседних растений, с тонкими похожими на метлу веточками; обладает яркими оранжево-красными одиночными ягодами.

Paris quadrifolia вороний глаз четырехлистный народн. *rrushi i dhelprës* «виноград лисы, лисий виноград» (Lloshi 2010: 324). Ядовитое травянистое растение с одной черной крупной круглой ягодой на верхушке.

Phytolacca decandra лаконос *rrushi i qenit* «виноград собаки, собачий виноград» (Lloshi 2010: 60). Многочисленные фиолетово-черные ядовитые ягоды расположены в виде кисти.

Sambucus ebulus бузина травянистая народн. *rrushi i qenit, rrush qeni* «виноград собаки, собачий виноград» (Lloshi 2010: 277; Fjalor 2003: 255). На верхушках стеблей на месте метельчатых соцветий созревают кupy мелких (4 мм) многочисленных блестящих плодиков; эти темные небольшие грозди несъедобны, но обладают в очень малом количестве сильным терапевтическим эффектом и используются в народной медицине.

Symphoricarpos occidentalis снежнягодник западный *rrushi i ujkut* «виноград волка, волчий виноград» (Lloshi 2010: 590). Имеет обильные, горькие и несъедобные, белые или розоватые мягкие ягоды диаметром до 9 мм.

Tamus communis тамус обыкновенный народн. *rrushi i gjarpërit, rrushgjarpër* «виноград змеи» (Lloshi 2010: 253; Susuri 2006: 321; Fjalor 2003: 282). Травянистая лиана с шаровидными красными ядовитыми ягодами.

Сюда же можно отнести и ***Cornus sanguinea*** кизил (дёрен) кроваво-красный, широко распространенное в Албании растение — народн. *rrushzëzë* букв. «виноград черный» (Fjalor 2006: 864), не обладающее яркими эпитетами-характеристиками и

ограничившееся лишь компонентом *-zezë* ‘черная’. Он передает реалистичную характеристику кустарника как сходного плодами с виноградом с исключительно черными ягодами. Само растение названо в научной номенклатуре по стеблям кроваво-красного цвета, в качестве же плодов имеет несколько шаровидных несъедобных *черных* ягод-костянок величиной 5–8 мм, собранных в небольшую гроздь.

2.3. Растение схоже с виноградом по каким-то внешним признакам (в основном по ярким ягодам), но *совсем не* виноград. Оно не только невкусно, но иногда ядовито для человека — его *иногда могут есть только животные*, причем способность ими потреблять эти ягоды может быть как реальной, так и приписываемой. Эпитеты: *медвежий, куропаточий, заячий, кукушечий, дикий*.

Actaea spicata воронец колосистый *rrush i egër* букв. «виноград дикий» (Susuri 2006: 8). Многолетнее травянистое растение с продолговатыми черными блестящими сочными мелкими плодами-ягодами, собранным в кисть наподобие виноградной. Ядовито, содержит алкалоиды; используется для приготовления черной краски.

Arctostaphylus uva-ursi толокнянка обыкновенная диал. (гегское) *rrush arushë, rrushi i arushës* букв. «виноград медведицы, медвежий виноград» (Fjalor 2006: 864; Lloshi 2010: 210; Mitrushi 1955: 433), народн. *rrush qeni* букв. «виноград собаки, собачий виноград» (Fjalor 2003: 24). В Албании растет в субальпийских местностях и в светлых горных смешанных лесах с включением хвойных пород на высоте примерно от 1000 до 2000 м над уровнем моря — в особенности в Албанских Альпах, на горах Maja e Hekuravës и Gjallicë (возле Кукеса на северо-востоке страны), Mali i Thatë в Дибре (Mitrushi 1955: 434); в зрелом виде представляет собой лакомство для медведей. Листья используются человеком в народной медицине.

Daphne oleoides волчегодник маслиноподобный народн. *rrush thëllëz, rrushi i thëllëzës* букв. «виноград куропатки» (Fjalor 2006: 864; Lloshi 2010: 357), диал. (Круя) *rrush fëllëzë* (Mitrushi 1955: 233; Fjalor 2003: 95). Встречается в горной местности по всей Албании. Плоды у него, ярко-оранжевые сочные костянки, ядовиты для человека, в качестве корма привлекательны для всевозможных птиц: дроздов, куропаток, зарянок. Также см. *Daphne mezereum* волчегодник обыкновенный — *rrush qeni* букв. «виноград собаки» (Fjalor 2003: 94).

Sedum dasyphyllum очиток густолистный *rrushi i egër* «виноград дикий» (Lloshi 2010: 292). Карликовый кустарник, крохотные, круглые бирюзово-серые плотно посаженные друг к другу листья которого образуют словно маленькие кисти зелёного винограда.

Sedum sexangulare очиток шестигранный *rrushi i lepurit* букв. «виноград зайца, заячий виноград» (Lloshi 2010: 292). Густо посаженные, вечнозеленые, мясистые продолговатые, ярко-зеленые листья напоминают гроздь винограда.

Sedum telephium очиток обыкновенный *rrushi i qyqes, rrushqyqe* «виноград кукушки, кукушечий виноград» (Fjalor 2006: 864; Lloshi 2010: 292).

В случае с названиями очитков имеем возможность пронаблюдать, как бинарные словосочетания помогают также в народной фитонимии дифференцировать разные виды одного растения читок *Sedum* (о. густолистный, о. шестигранный, о. обыкновенный), которые различаются по внешнему облику даже на взгляд обывателя, особенно того, кто хорошо знаком в повседневной жизни со всеми⁷.

2.4. Растение схоже с виноградом, но произрастает **в специфическом, характерном месте**; также ему приписывается «инородное» происхождение.

Arctostaphylus uva-ursi толокнянка обыкновенная *rrushi i alpeve* букв. «виноград Альп, альпийский виноград» (Fjalor 1984: 1067; Lloshi 2010: 210). О произрастании ее в горах см. выше в 2.3.

Sedum serpentine = *S. album* очиток белый букв. «виноград камней, каменный виноград» *rrushi i gurëve* «виноград камней, каменный виноград» (Lloshi 2010: 292). Крохотные, овальные розово-красные плотно посаженные друг к другу листья образуют словно маленькие кисти розового винограда. Название по характерному каменистому топосу произрастания. Также другой вид очитка — *rrushmuri* букв. «виноград стены, стеной виноград» ‘*Sedum dasyphyllum* очиток густолистный’ (Fjalor 2003: 264). Здесь мясистые зеленые листочки образуют подобие длинных виноградных гроздей. Растение селится в расщелинах камней, в частности образующих искусственные постройки.

Vaccinium myrtillus черника обыкновенная народн. *rrush mali, rrushi i malit* «виноград горы, горный виноград» (Fjalor

⁷ Что, следует признаться, нечасто имеет место.

2006: 864; Lloshi 2010: 344; Fjalor 2003: 299). Произрастает там же в горных лесах, что и толокнянка (см. выше).

См. также завозной, с точки зрения албанцев, характер растения — якобы оно оттуда родом: *rrush frëngu*, *rrushi i frëngut* «виноград француза, французский виноград», *rrushi i Venedikut* «виноград (из) Венеции», *rrushi i Serezit* «виноград (из) Сереза». Можно обратить внимание также на удвоение «чужеродности» при названии нехарактерного для Албании поздно введенного в культуру выращивания — *rrushfrëng kinez* букв. «французский виноград китайский» = «крыжовник китайский» — ‘*Actinidia deliciosa* актинидия деликатесная’ (Susuri 2006: 9).

3. Структурные и семантические особенности фитонимов с опорной лексемой *виноград*

С точки зрения структуры все представленные фитонимы — двухсловные. Интересно, что имеющийся пока в распоряжении материал не дал никаких следов аналитических именовании растений, образованных от лексемы *rrush*, что вполне, однако, потенциально возможно. Внутренняя форма простых фитонимов может демонстрировать связь с иным растением, выраженным однокорневым словом. Ср., к примеру, мотивированные суффиксальные диалектные образования от таких ярких, «базовых» фитонимов, как крапива, перец, сосна, яблоня: *hidhëz*, *hizë* ‘*Celtis australis*, каркас южный’ < *hith*, *hithër* ‘*Urtica urens*, крапива жгучая’ (уподобление по форме листьев), *piperlicë* ‘*Physalis alkekengi*, физалис обыкновенный’ < *piper* ‘*Piper*, перец’, букв. «перчик» (по форме и цвету ярко-оранжевых плодов), *pishak* ‘*Juniperus oxycedrus*, можжевельник колючий’ < *pishë* ‘*Pinus*, сосна’ (по колкой хвое), *mollofakë* ‘*Salvia pomifera*’ — вид шалфея (по характерному фруктовому запаху) < *mollë* ‘яблоня, яблоко’ и *mollëzë* букв. «яблочко» ‘*Lathyrus aphaca*, чина безлисточковая’ (причина переноса не совсем ясна, скорее всего окказиональная положительная экспрессивность).

Приведенные выше двухсоставные фитонимы строятся по традиционной албанской синтаксической схеме: существительное *rrush*, играющее роль «родового» компонента + атрибутирующее существительное в аблативе в неопределенной форме (*toke* ‘земли’, *qeni* ‘собаки’) или в генитиве в определенной форме (*i tokës*, *i qenit*): *rrush toke*, *rrushi i tokës* «виноград земли, земляной виноград» ‘крыжовник’. Иных структурных типов двусоставных народных ботанических именовании в ассоциа-

тивном поле «Виноград» ничтожно мало, хотя таковые встречаются в албанской фитонимии. См., к примеру, (а) фитонимы-словосочетания существительного с артиклевым прилагательным: *pishë e bardhë* букв. «сосна белая» '*Pinus sylvestris*, обыкновенная сосна', *acacia e blertë* букв. «акация зеленая» '*Mimosa decurrens*, мимоза ниспадающая'. К этому типу здесь и относится именование очитка *Sedum dasyphyllum* — *rrushi i egër* букв. «виноград дикий». И (б) фитонимы-словосочетания существительного с безартиклевым прилагательным: *pishë përdhese* букв. «сосна приземленная, у земли» '*Lycopodium*, плаун', *acacia ujëse* букв. «акация водная, водяная» '*Gleditsia*, гледичия'. Ко второму типу структурно очень близки стоящие здесь особняком два именования растений — *rrushkuqe* букв. «виноград красный» 'озирис белый' и *rrushzëzë* букв. «виноград черный» 'кизил (дёрен) кроваво-красный'. В отличие от основной массы приведенных фитонимов этого ассоциативного поля, они представляют собой сложенные из двух основ композиты, сросшиеся из существительного *rrush* 'виноград' и соответствующего прилагательного.

Что касается семантики атрибутирующего компонента, можно сказать, что она связана практически полностью с животным миром и выражает общий признак «псевдо-, дикий», в группе 2.2. даже — «не для человека, вредный для человека». В группе фитонимов 2.1. это: *gjarpri* 'змеиный', *i maces* 'кошачий', *qeni (i qenit)* 'собачий', *pule (i pulës)* 'куриный', *i zogut* 'птичий', *arushe* 'медвежий, медведицы', *i qyqes* 'кукушечий'; 2.2. *i dhelprës* 'лисий', *i gjarprit* 'змеиный', *mace* 'кошачий', *i qenit* 'собачий', *i thiut* 'свиной', *i ujkut* 'волчий'; 2.3. *arushe (i arushës)* 'медвежий, медведицы', *i lepurit* 'заячий', *qeni* 'собачий', *i qyqes* 'кукушечий', *thëllëz (i thëllëzës)* 'куропаточий'. В таких названиях нет прямого отражения знаний о животном: говорящие не подразумевают, что именно то или иное животное использует растение в пищу; никакого реального сходства этих растений с обликом животных тоже нет. Мотивирующая связь именования животного и соответствующего атрибута в двухсловном фитониме, даже если и когда-то была (может быть, на мифологическом уровне и сакральном), то теперь стерта, а этимологический миф утрачен.

Наиболее яркими метафорическими связями в национальном сознании и самыми широкими возможностями комбинирования, как видно, обладает *qeni (i qenit)* 'собачий'. В данном микрополе оно может «обслуживать» 8 растений: аронник,

брионию, волчегоник, лаконос, травянистую бузину, паслен, рябину, и толокнянку. По 2 растения включают такие эпитеты, как *gjarpri (i gjarpit)* 'змеиный', *i maces* 'кошачий', *arushe* 'медвежий, медведицы', *i qyqes* 'кукушечий'. Они встречаются в именовании нескольких «виноградоподобных», с точки зрения носителей идиома, растений, чаще всего несъедобных для человека. Здесь находят отражение некие национально-культурные оценочные стереотипы, причем с отрицательными *опосредованными* коннотациями в отношении некоторых представителей животного мира: змей, волка, кошки и др.

Вообще можно заметить, что в компоненте-атрибуте нигде не использованы лексемы, *однозначно напрямую* вызывающие оценочные отрицательные ассоциации, даже в фитонимах, называющих вредные для человека растения, хотя в албанском это не редкость, ср.: *bari i dreqit, bari i shejtanit* букв. «трава дьявола, чертова трава», *bar shpirre* «трава-удушье, трава-душительница» — все '*Cuscuta*, повилика' — паразитическое растение, сорняк, обивающий растение-хозяина и удушающее его, *xerxele helmmybtëse* букв. «абрикос, наполненный ядом, ядовитый» '*Daphne mezereum*, волчье лыко', *dru shurrë pele* букв. «дерево моча кобылы» '*Rhamnus fallax*, крушина ломкая' — листопадный кустарник или небольшое дерево, свежая кора которого имеет очень неприятный гнилостный запах, вызывает рвоту, животными и скотом не поедается.

Кроме зоонимического кода в данном ассоциативном поле представлена и иная атрибутирующая лексика, подчеркивающая «инакость» этого якобы винограда: произрастание в иной среде, пришлость из иных мест: *i detit* 'морской', *toke (i tokës)* 'земляной', *frëngu (i frëngut)* 'французский'.

4. Выводы

Мерилом в народной антропоцентрической картине мира является человек. Прагматическая значимость или просто притягательность каких-то растений для человека и, наоборот, их бесполезность и даже вред для его организма часто можно видеть преломленными в народной фитонимии. Это хорошо демонстрирует предложенная классификация албанских фитонимов с ядерным компонентом *rrush* 'виноград'. Виноград, как испокон веков знакомая албанцам и даже их палеобалканским предкам культура, активно включена в систему ассоциативных связей. Понятие «виноград» служило — на базе метафорического переноса — для создания новых фрагментов знания об

окружающей действительности, что нашло свое отражение в албанской языковой картине мира в виде специфического ассоциативного поля народной фитонимии, связанного с виноградом.

Функционально-прагматическое изучение смыслового содержания данной группы фитонимов как фрагмента языковой картины мира показало, что *только малая часть* объективных характеристик обозначаемых растений отражена в их названиях, и прежде всего это — пригодность в пищу. Системно-структурное описание фитонимов данного ассоциативного поля демонстрирует их прозрачную организацию вокруг ядерного понятия *виноград*. Заложенные во внутренней форме наименований образы, основанные на метафорическом освоении мира, ярки, нестерты и эмоциональны. Таков взгляд носителей албанского языка на родную флору «сквозь призму» винограда.

Литература

- Fjalor 2006: Thomai, J. et al. *Fjalor i gjuhës shqipe*. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë.
- Fjalor 2003: Krasniqi, F. et al. *Fjalor i emrave të bimëve. Dictionary of plant names*. Tiranë: Akademia e shkencave e Republikës së Shqipërisë. Instituti i Kërkimeve Biologjike; Prishtinë: Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës. Seksioni i Shkencave të Natyrës.
- Fjalor 1984: Kryered. Kostallari, A. *Fjalor i shqipes së sotme*. Tiranë: Akademia e shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.
- Lloshi, Xh. 2010: *Fjalor i emrave të bimëve dhe të kafshëve shqip-latinisht dhe latinisht shqip*. Tiranë: Logos-A.
- Mitrushi, I. 1955: *Drurët e shkurret e Shqipërisë*. Tiranë: Instituti i shkencave.
- Susuri, L.R. 2006: *Fjalor i bimëve bujqësore, pyjore dhe barojave. Latinisht, shqip, anglisht, gjermanisht, frëngjisht dhe italisht*. Prishtinë: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës.
- Topalli, K. 2017: *Fjalor etimologjik i gjuhës shqipes*. Tiranë: Qendra e studimeve albanologjike; Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë.

Е. Л. Жильцова
МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. el-zhilc@yandex.ru

ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ СВЯЗУЮЩИЕ НАРЕЧИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ РОЛЬ В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

В статье на материале произведений современной шведской художественной литературы рассматриваются семантика и текстообразующие функции шведских наречий *dock*, *däremot*, *tvärtom*, *ändå*. Общим для них является значение противопоставления, реализующееся как противоположность, контраст, противоречие или уступительность. Данные наречия обеспечивают смысловую и коммуникативную целостность текста, устанавливая связь между частями предложения, отдельными предложениями или целыми фрагментами текста.

Ключевые слова: шведский язык, связующие наречия, противительные отношения, противопоставление, уступительность.

E. L. Zhiltsova
Lomonosov Moscow State University. Russia. el-zhilc@yandex.ru

The adversative connecting adverbs in the Swedish language and their role in the structural organization of text

The article examines the semantics and text-forming functions of the adversative connecting adverbs *dock*, *däremot*, *tvärtom*, and *ändå* in the Swedish language on the material of the works of modern Swedish fiction. Joint to such adverbs is the meaning of opposition, which each of them implements in different ways: as an opposite, contrast, contradiction or concessive relation. These adverbs provide the logical, semantic and communicative integrity of the text and serve to establish a connection both between parts of the sentence and between individual sentences in the text or the text's fragments.

Keywords: Swedish, connecting adverbs, adversative relations, opposition, concessive relation

В шведском языке смысловая и логическая связность, или когерентность (Andersson 1979: 131; Enkvist 1979: 102), текста осуществляется с помощью целого ряда средств, носящих общее название коннекторы. Наиболее естественными коннекторами являются союзы, обеспечивающие структурную, смысловую и коммуникативную целостность текста (Leusheva 2001:

333). Наряду с союзами это могут быть и наречия, выражающие модальные, причинно-следственные, противительные или уступительные отношения (Leusheva 2001: 334). Такие наречия носят в шведской грамматике название связующих (*konjunktionella*) и выступают в предложении в функции фразовых обстоятельств (*satsadverbial*) (SAG 1999: 122), указывая на смысловую соотнесенность как отдельных предложений, так и целых фрагментов текста.

Функционально многие из этих наречий близки сочинительным союзам, и даже их классификации основаны на одних и тех же принципах, что обусловлено идентичностью выражаемых ими логических связей. Поэтому шведские связующие наречия, как и сочинительные союзы, подразделяются на присоединительные, противительные, разделительные, поясняющие и следствия (SAG 1999: 122–123).

Однако в синтаксическом плане между наречиями и союзами существует важное различие: наречия, в отличие от союзов, могут занимать позицию не только в начале предложения или его части, но и в его середине после финитной формы глагола, где обычно располагаются фразовые обстоятельства, либо в конце предложения. Когда же наречия помещаются в начало предложения, то они в большинстве случаев вызывают инверсию, которой после союзов по правилам шведской грамматики никогда не бывает.

Связующие наречия в шведском языке многочисленны. В «Шведской академической грамматике» их насчитывается более 90 (SAG 1999: 122–150). Среди них выделяется группа наречий, посредством которых устанавливаются противительные отношения между ситуациями, описываемыми в отдельных предложениях или в более крупных фрагментах текста. По мнению авторов «Шведской академической грамматики», «синтаксическое и семантическое употребление противительных наречий изучено недостаточно» (SAG 1999: 135). В настоящей статье на материале произведений современной шведской художественной литературы осуществляется попытка проанализировать семантику, а также коммуникативные и текстообразующие функции четырех наиболее употребительных шведских связующих противительных наречий: *dock* ‘но, однако, всё же, всё-таки’, *däremot* ‘напротив’, *tvärtom* ‘наоборот, напротив’, *ändå* ‘тем не менее, однако, всё же, всё-таки, всё равно’.

Наречие *dock*

В исследованном материале противительное наречие *dock* всегда занимает в предложении характерную для фразовых обстоятельств постфинитную позицию: *De var maskerade med latexmasker från Walt disneys värld och döptes med en inte helt obegriplig polislogik till Kalle Anka-ligan. Tidningarna döpte dock om dem till Björnligan, vilket lät lite mer seriöst...* (L 14) 'На них были маски из латекса, как в фильмах Уолта Диснея, и, по вполне понятной полицейской логике, их назвали Лигой Дональда Дакка. **Однако** газеты переименовали их в Медвежью лигу, что звучало несколько более серьезно...'¹

В данном примере семантика противопоставления, характерная для противительных наречий (SAG 1999: 135), реализуется в форме противоречия: действие, описанное во втором предложении, противоречит действию, о котором говорится в первом, осуществляется вопреки ему.

Содержание предложения, имеющего в своем составе наречие *dock*, может противоречить не только содержанию непосредственно стоящего перед ним предложения, но и содержанию более развернутого предшествующего отрывка текста: *Blomkvist går tydligen hem hos kvinnor. Han har haft flera kärlekshistorier och väldigt många tillfälliga förbindelser. Kort sagt — han har ett rikt sexliv. En person är dock sedan många år återkommande i hans liv och det är ett rätt ovanligt förhållande* (L 58–59) 'Видно, что Блумквист нравится женщинам. У него было несколько романов и очень много случайных связей. Короче говоря — у него богатая сексуальная жизнь. **Но** один человек уже много лет присутствует в его жизни, и это довольно необычные отношения'.

Ситуации, представленные в предложениях с наречием *dock*, могут соотноситься не только с предшествующим, но и с последующим контекстом. Такие предложения помещаются обычно в начале главы, раздела или абзаца, и их содержание слабо связано с тем, о чем было сказано ранее. Наречие в них, не утрачивая значения противопоставления, указывает также на новую фазу в развитии действия или переход к новой теме, а вся ситуация, описанная в предложении, представляет собой предпосылку для того, о чем будет сказано ниже, и поясняется последующим контекстом. Так, в приводимом ниже примере герой, размышляя о своем разговоре с другом, безуспешно

¹ Здесь и далее примеры переведены автором.

пытается понять его смысл и, наконец, находит один пункт, который, в противоположность всему остальному, ему понятен, и объясняет, почему: *En sak var Mikael dock helt på det klara med. Om mötet på Arholma hade varit arrangerat av en konspiratör i syfte att fånga Mikaelns uppmärksamhet så hade Robert inte kunnat göra en bättre insats. Men mötet på Arholma hade varit en slump* (L 66) ‘Но одно было Микаэлю совершенно ясно. Если бы встреча на Архольме была устроена каким-нибудь заговорщиком с целью привлечь его внимание, то Роберт справился бы со своей задачей как нельзя лучше. Но встреча на Архольме была случайной.’

Наречие *ändå*

В проанализированном материале наречие *ändå* встречается в предложениях как в характерной для фразового обстоятельства предфинитной позиции, так и начале самостоятельного предложения или второй части сложносочиненного. Во втором случае оно всегда вызывает инверсию:

De hade seglat ... i knappa fem sekundmeter, ändå hade informationsnissens nya flickvän omedelbart blivit sjösjuk (L 21) ‘Они плыли ... со скоростью не больше пяти метров в секунду, тем не менее у новой девушки айтишника сразу началась морская болезнь’.

В приведенном примере наречие *ändå* придает всему высказыванию уступительное значение. Первая часть высказывания обозначает событие, являющееся недостаточным препятствием для осуществления другого события, составляющего содержание его второй части. Второе событие, таким образом, совершается вопреки тому, чего можно ожидать, зная о первом событии.

Следует также отметить, что значение уступительности может передаваться рассматриваемым наречием и в рамках простого предложения: *Hon var utvakad och trött men ändå märkligt samlad* (МК 88) ‘Она устала и была измучена бессонницей, но тем не менее необычайно собрана’. В данном примере семантика уступительности сочетается со значением противопоставления, выраженным противительным союзом *men* ‘но’, который объединяет в предложении именные части сказуемого.

Ändå сочетается с союзом *men* не только в рамках простого предложения, но также в самостоятельных и сложносочиненных предложениях: *Killarna hade mest skriket och knuffats, det*

hade inte blivit något direkt handgemang, men ändå dröjde det knappt en minut innan Norrmalmspiketen kommit farande (ML 127) ‘Парни в основном кричали и толкались, никакой настоящей драки не было, **но тем не менее** не прошло и минуты, как подъехала дежурная полицейская машина района Нормальм’.

Об уступительной семантике наречия *ändå* свидетельствует и тот факт, что оно нередко употребляется в главной части сложноподчиненных предложений со значением уступительности, дополнительно усиливая это значение: *Trots att det fanns en hel del journalister som ägnade sig åt ubåtarna var Håkan ändå inte nöjd.* (МК 110) ‘**Хотя** было довольно много журналистов, интересовавшихся подводными лодками, Хокан **всё равно** был недоволен’.

В некоторых контекстах, когда *ändå* сочетается с отрицанием, оно имеет значение ‘в любом случае’ и указывает на то, что действие не может осуществиться ни при каких условиях по причине, о которой в предложении обычно также сообщается: *Nina såg på mannen och fick hejda en impuls att backa. Hon skulle ändå inte komma någon vart, kaffeautomaten stod i vägen* (ML 56) ‘Нина посмотрела на мужчину, и ей пришлось подавить импульсивное желание отойти назад. Ей **всё равно не** удалось бы этого сделать, мешала кофе-машина’. В этом случае наречие дополнительно подтверждает отрицание, выполняя таким образом усилительную функцию.

Аналогичную функцию наречие *ändå* имеет и в сочетании с модальной частицей *ju* ‘же, ведь’, выражающей абсолютную уверенность говорящего в своём высказывании. Употребление же наречия усиливает эту уверенность: *Det var den gången då jag pantsatte mitt fickur, jag var ju ändå utbildad urmakare, klockan var mitt lärningsverk* (Ld 106) ‘Это было в тот раз, когда я заложил свои карманные часы, я **же всё-таки** по профессии часовщик, эти часы я собрал, когда учился’.

Наречие *tvärtom*

Противительное наречие *tvärtom* может занимать обычную для фразовых обстоятельств предфинитную позицию в предложении: *Det finns ju inga bevis, röt han. Den här utredningen för oss inte fram till klarhet. Den leder tvärtom rakt ut i de politiska träskmarkerna* (МК 13) ‘Нет же никаких доказательств, – орал он. — Это расследование **не** ведет нас к ясности. Оно, **напротив**, ведет прямо в политическое болото’.

Однако значительно чаще оно стоит в инициальной позиции. При этом порядок слов после него может быть как инвертированным, так и прямым: *Han var alltid på sin vakt gentemot främmande människor, han trodde alltid att de skulle se med förakt på det faktum att han var polis. Men hos ingen av dem hade han kunnat märka sådana tendenser. Tvärtom hade de visat ett verkligt intresse för hans arbete* (МК 37) ‘Он всегда был осторожен по отношению к посторонним людям, он всегда считал, что они с презрением будут относиться к тому факту, что он полицейский. Но ни у кого из них он **не** смог заметить подобных тенденций. **Напротив**, они проявляли неподдельный интерес к его работе’; *Mitt intryck var att karln helt enkelt var en bluff. Han var inte alls särskilt ekonomiskt begåvad. Tvärtom, jag uppfattade honom som ofattbart grund i vissa frågor* (L 30) ‘У меня было впечатление, что этот человек просто шарлатан. Он совсем **не** был одарен в экономической области. **Напротив**, я считал его знания по некоторым вопросам крайне поверхностными’.

Как видно из примеров, посредством наречия *tvärtom* выражается противоположность одной ситуации или события другому. От позиции наречия зависит, насколько интенсивно проявляется эта противоположность. Когда наречие занимает предфинитную позицию или вызывает инверсию, находясь в начале предложения, речь обычно идет просто о противоположности одной ситуации другой. Когда же после находящегося в инициальной позиции наречия инверсии не происходит, то подчеркивается резкий контраст.

Тот факт, что наречие не влияет на структуру предложения, в которое входит, как бы выпадает из нее, свидетельствует о том, что оно становится более самостоятельным, приближаясь по своей функции к предложению. В таких случаях на наречие *tvärtom* падает логическое ударение, происходит его смысловое выделение, что позволяет сфокусировать внимание на том резком контрасте, который оно выражает. На письме такое выделение обозначается пунктуационно с помощью запятой, но чаще — типе: *I Armanisks ögon var Lisbeth Salander den mest kompetenta researcher han träffat på. Under de fyra år hon arbetat för honom hade hon **inte** schabblat på något enda uppdrag eller lämnat en enda medioker rapport. **Tvärtom** — hennes produkter var i en klass för sig.* (L 38) ‘В глазах Арманского Лисбет Саландер из тех, кого он встречал, была самым компетентным специалистом по расследованиям. За те четыре года, что она

работала на него, она **не** отнеслась спустя рукава ни к одному поручению, **не** сдала ни одного посредственного отчета. **Наоборот** — всё, что она делала, было выше всяких похвал’.

Еще одна особенность высказываний с наречием *tvärtom* состоит в том, что в первой их части всегда имеется отрицание. Оно указывает на то, что ситуация, которая была возможна или даже ожидаема, не осуществилась. Та же ситуация, которая произошла в действительности и составляет содержание второй части высказывания, является полной противоположностью первой, о чем как раз и свидетельствует употребление наречия *tvärtom*.

Наречие *däremot*

В исследованном материале наречие *däremot* почти никогда не встречается в постфинитной позиции, обычной для фразовых обстоятельств. Для него характерна инициальная позиция, в которой оно всегда вызывает инверсию: *Jag satt där i bilen och funderade. Åska är jag rädd för, mänsklig ondska skrämmer mig, **däremot** är jag inte vidskeplig. Jag tror inte på andar, på spöken, tomtar och troll* (LD 245) ‘Я сидел в машине и размышлял. Грозы я боюсь, человеческая злоба пугает меня, **зато** я не суеверен. Я не верю в духов, в привидения, в гномов и троллей’.

В данном примере рассматриваемое наречие служит для выражения отношений, так называемого возмездительного противопоставления (Yermakova 2006: 8), когда ситуация, представленная во второй части высказывания, компенсирует отрицательную ситуацию, описываемую в его первой части.

Как показал анализ материала, в большинстве примеров с наречием *däremot* реализуются именно отношения возмездительного противопоставления. Это касается и тех достаточно многочисленных контекстов, в первой части которых имеется отрицание: *RubINETTE var en förbluffande anspråkslös blomma. Den hade **inte** kända medicinska egenskaper. Den kunde **inte** ätas, den var oanvändbar som krydda. **Däremot** hade den en viss betydelse för Australiens urinvånare som traditionellt betraktade trakten och floran kring Ayers Rock som helig* (L 6) ‘Тонкосемянник был крайне неприязненным цветком. У него **не** было известных лечебных свойств. Он был **несъедобен** и **не** использовался как приправа. **Зато** он имел определенное значение для коренного населения Австралии, которое традиционно считало местность и флору вокруг Айерс Рок священными’.

Такие случаи следует, однако, отличать от высказываний с отрицанием в первой части, в которых наречие *däremot* указывает на противопоставление, контраст, приближаясь по своей функции к наречию *tvärtom*: *Martinsson verkade betryckt där han satt vid bordet. Wallander undrade om han var sjuk. – Nej, inte sjuk, svarade Martinsson. Men däremot inställd på att det är över nu. Min tid som polis.* (МК 77) ‘Сидевший за столом Мартинссон казался удрученным. Валландер поинтересовался, не болен ли он. — Нет, **не** болен, — ответил Мартинссон. — **А** настроен на то, что оно закончилось. Моё время в качестве полицейского’.

В данном отрывке противопоставлены два разных состояния субъекта высказывания, одно, по некоторым признакам ожидаемое, но не имевшее места в действительности, и второе, реальное.

В высказываниях с наречием *däremot* могут быть противопоставлены не только разные состояния субъекта, но и сами субъекты. В этом случае *däremot* занимает не характерную для других рассматриваемых наречий позицию после подлежащего: *Mornillas ansikte var fortfarande spetsigt. Kroppen däremot var rund och fyllig* (LD 207) ‘Лицо Морнилле по-прежнему оставалось заостренным. Тело же **напротив** было округлым и полным’. В данном высказывании выражен контраст между частями тела, обладающими разными свойствами.

Проведенный анализ показал, что шведским наречиям *dock*, *ändå*, *tvärtom* и *däremot* соответствуют разные типы противительных отношений. Обладая общим значением противопоставления, каждое из них реализует его по-своему.

Наречие *dock* чаще всего выражает противоречие одной ситуации по отношению к другой. Кроме того, оно единственное из всех рассмотренных наречий может осуществлять связь не с предыдущим контекстом, а с последующим. В этом случае характер отношений, передаваемых наречием, меняется. Оно не обозначает противоречие, а указывает на предпосылку для содержания дальнейшей речи.

Основной тип отношений, выражаемых наречием *ändå*, — уступительные. Такие отношения в высказываниях с рассматриваемым наречием могут возникать как внутри предложения, так и между предложениями или даже целыми фрагментами текста. В составе главной части уступительных сложноподчиненных предложений, а также в сочетании с отрицанием и с

модальной частицей *ju* наречие *ändå* приобретает усиленную функцию.

Наречие *tvärtom* всегда выражает отношения диаметральной противоположности, нередко принимающие форму резкого контраста. Особенно сильным такой контраст бывает в том случае, когда наречие занимает в предложении инициальную позицию и после него отсутствует инверсия. Отличительной особенностью высказываний с наречием *tvärtom* является обязательное употребление в их первой части отрицания.

При сопоставлении цельных ситуаций, выраженных предложениями или фрагментами текста, наречие *däremot* всегда указывает на отношения возмездительного противопоставления. Когда же с его помощью сопоставляются субъекты или их свойства, то между ними возникают отношения обычного нейтрального противопоставления.

Таким образом, шведские связующие наречия, выражающие противительные отношения, играют существенную роль в коммуникативной и смысловой структуре текста, являясь важным текстообразующим фактором.

Литература

- Andersson, E. 1979: An Analysis of Textual Cohesion in a Passage from Maria Gripe's "Hugo och Josefin". In: *Publications of the Research Institute of the Abo Akademi Foundation*, Abo: Abo Akademi Publ., 122–141.
- Enkvist, N. E. 1979: Text, Cohesion and Coherence. Cohesion and Semantics. In: *Publications of the Research Institute of the Abo Akademi Foundation*, Abo: Abo Akademi Publ., 98–121.
- Larson, S. 2005: *Män som hatar kvinnor*. Stockholm: Norstedts Förlag.
- Leusheva, V. V. 2001: [About the role of connectors in the structural organization of text]. In: *XIV konferenciya po izucheniyu skandinavskih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov [XIV conference on the study of the Scandinavian countries and Finland. Abstracts]* Arhangel'sk: Pomorskij gosuniversitet Publ., 333–334.
- Леушева В. В. 2001: О роли коннекторов в структурной организации текста. В сб: *XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов*. Архангельск: Поморский госуниверситет, 333–334.
- Lundgren M. 1996: *21 nästan sanna berättelser*. Stockholm: Pocketförlaget, 254 s.
- Mankell H. 2009: *Den orolige mannen*. Stockholm: Leopard Förlag. 555 s.
- Marklund L. 2010: *Livstid*. Stockholm: Piratförlaget, 428 s.

- Svenska Akademiens Grammatik. Bd. 3 Fraser. Stockholm: Svenska Akademiens förlag, 1999.
- Yermakova T. A. 2006: Vozmestitel'naya semantika i sposoby yeo vyrazheniya [Compensatory semantics and ways of its expression]. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Rjazan', RGU, 19 p.
- Ермакова Т. А. 2006: Возместительная семантика и способы ее выражения. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Рязань, РГУ.

Список сокращений

- SAG — Svenska Akademiens Grammatik
L — Larsson
LD — Lundgren
MK — Mankell
ML — Marklund

DOI: 10.30842/ielcp2306901528112

С. В. Иванов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
serge0ivanov@gmail.com

А. Н. Левичкин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
alevi66@gmail.com

ЛЮБЕКСКИЙ КАЛЕНДАРЬ 1519 ГОДА КАК ИСТОЧНИК РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ О ЗНАКАХ ЗОДИАКА, КРОВОПУСКАНИИ И УРОСКОПИИ

В статье сообщается об обнаружении первоисточника русских естественнонаучных текстов, известных по рукописям XVI–XVIII вв. Исследование показывает, что это переводные тексты, оригиналом которых является любекский календарь 1519 г., написанный на нижненемецком языке. Особенности перевода и сопроводительных иллюстраций позволяют точно указать на это издание и исключить прочие возможные кандидатуры. Исследование дополняется параллельным изданием нижненемецких и русских текстов. Таким образом пополняется круг установленных нижненемецких источников и переводной литературы XVI в., а также вводится в оборот блок ранее не издававшихся источников.

Ключевые слова: переводная литература XVI в., календари, медицинские трактаты, нижненемецкая литература

S. V. Ivanov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St.Petersburg, Russia.
serge0ivanov@gmail.com

A. N. Levichkin

Institute for Linguistic Studies, RAS, St.Petersburg, Russia.
alevi66@gmail.com

The Lübeck Calender of 1519 as a source for Russian medical texts on the zodiac signs, phlebotomy, and uroscopy

The paper announces the identification of a source for some Russian scientific texts from the 16th–18th century manuscripts. The study shows that these texts have been translated from the Lübeck calendar of 1519 written in Low German. The peculiarities of the translation and accompanying illustrations allow for the exact identification of this edition as an immediate source and for the exclusion of other possible candidates. A parallel edition of the Low German and Russian texts follows the study.

Thus, a previously unconsidered Low German source and Russian translation are introduced and for the first time edited here.

Keywords: 16th-century translations, calendars, medical treatises, Low German literature

Естественнонаучные и медицинские сочинения, в изобилии появившиеся на Руси в XVI–XVII вв., в последнее время стали объектом пристального внимания и новых исследований¹. Быстрое увеличение числа русскоязычных текстов в тот период было связано с переводческой деятельностью и с присутствием образованных иностранных специалистов. Изучение этого аспекта также интенсифицировалось, особенно в том, что касается биографий иностранных медиков на русской службе и переводов т. н. геннадиевского круга².

Тем не менее, поиск источников для множества текстов, ходивших в рукописях и пользовавшихся, как можно судить по количеству списков, немалой популярностью, остается насущной задачей. В этой статье мы покажем, что источником для блока статей по знакам зодиака, флеботомии и уроскопии, встречающегося в русских рукописях XVI–XVII вв., послужил нижненемецкий календарь.

Нижненемецкий оригинал

Это «Новый календарь» (*Eyn nyge kalender*), изданный в Любеке в 1519 г. в двух вариантах, которые отличаются друг от друга указанием издателя — в одном случае «в типографии Стеффена Арндеса» (VD16 N 2133, BC 627), в другом — «искусством Ханса Арндеса» (VD16 N 2132, BC 626).³ Расширенным переизданием этого календаря является календарь, выпу-

¹ См., например: Simonov 2007; Gerasimova, Mil'kov, Simonov 2015; Ippolitova 2008; Isachenko 2009b.

² См. из обобщающих работ Unkovskaya 1999; Wimmer 2005; Dumschat 2006.

³ Здесь и далее библиографическая информация дается в виде ссылки на *Gesamtkatalog der Wiegendrucke* (GW) — каталог инкунабул — и *Verzeichnis der im deutschen Sprachbereich erschienenen Drucke des 16. Jahrhunderts* (VD 16) — указатель немецких печатных изданий XVI в. Для нижненемецких изданий дополнительно приводится номер по указателю BC: Borchling & Claussen 1931–1936. Ввиду почти полной тождественности двух изданий 1519 г. в дальнейшем мы используем только издание VD16 N 2132.

щенный в Росток в 1523 г. Людвигом Дицем (Ludwig Dietz) под названием *Schapherderskalender* («Пастуший календарь», VD16 ZV 13793, BC 762).

Эта подборка нижненемецких календарей, в свою очередь, продолжает традицию верхненемецкого так называемого «Немецкого календаря»⁴. Если сравнить «Новый календарь» 1519 г. с ульмским изданием «Немецкого календаря» 1498 г. (*Das ist der teutsch kalender mit den figuren*, GW M16032), то сразу обращает на себя внимание сходство в составе статей, особенно в собственно календарно-астрономической части, однако в «Немецком календаре» отсутствует трактат об уроскопии, добавленный в любекском издании.

Следует отметить, что печатные календари в целом демонстрируют тенденцию к разрастанию за счет включения все более разнообразного и отвечающего запросам более широкой аудитории материала. Календарь, составленный известным астрономом Иоганном Региомontanом и вышедший в 1474 г. в Нюрнберге (GW M37472)⁵, кроме календарной части содержит астрономическую информацию с многочисленными таблицами на 30 листах. Несколько другая традиция стоит за «Немецким календарем», изданным Иоганном Блаубирером в Аугсбурге в 1481 году (GW M16008). Восходящий к рукописным календарям, он демонстрирует гораздо более разнообразную тематику: здесь появляются разделы про темпераменты, флеботомию, астрологию, четыре ветра, и объем составляет уже 78 листов⁶. Этот тип календаря выдержал 17 изданий до 1500 года; статьи в них менялись местами, иногда материал добавлялся, иногда опускался, но в целом состав оставался довольно стабильным. В XVI веке он продолжал пользоваться популярностью, как показывают издания Аугсбург 1517 (VD16 ZV 28690) или

⁴ О «Немецком календаре» в целом см. Brévert 1988a и 1988b.

⁵ Факсимильно издан: *Der deutsche Kalender des Johannes Regiomontan* 1937.

⁶ Об этом издании и его рукописных прототипах см. Brévert 1988a. В частности, особое внимание уделяется так называемому Кодексу Шюрштаба (Цюрих Zentralbibliothek, Ms. C 54), созданному около 1465 г. и уже содержащему большую часть текстов, позднее вошедших в печатный «Немецкий календарь». Издание более ранней редакции см. в работе Parent 1988.

Страсбург 1518 (VD16 D 1463)⁷. К сожалению, календарная традиция и текстология недостаточно изучены, поэтому на данный момент невозможно в деталях описать историю текстов в составах верхненемецких компиляций традиции «Немецкого календаря», а также установить все сходства и отличия этой традиции от нижненемецких переработок.

Впрочем, на этом добавление материала не остановилось, так как в упомянутом выше ростокском издании 1523 года (далее — РК 1523) к календарю после завершающей подписи «Нур endet siek der schapherders kalender» присовокуплен большой трактат по физиогномике. Здесь нужно сказать несколько слов о французском «Пастушьем календаре» (*Calendrier des bergers*), потому что можно встретить утверждения, будто любекский календарь является переводом с французского (см. Schulte Herbrüggen 1987: 238, 274). Однако это неверно: французская традиция *Calendrier des bergers* включает в состав календаря существенное число текстов морально-религиозного содержания и, напротив, не содержит некоторых текстов, которые присутствуют в любекском издании — в том числе уроскопического трактата. Конечно, часть текстов в самых разных видах календарей пересекается, и нельзя исключить возможности перехода текстов или контаминации разных ветвей традиции. Тем не менее, в данном случае поводом для зачисления нижненемецких изданий в традицию *Calendrier des bergers* послужило, по-видимому, лишь название ростокского издания (*Schapherderskalender*), которое действительно означает «Пастуший календарь», но само издание не имеет ничего общего с французскими календарями. Возможно, название было заимствовано из близко родственной нидерландской традиции (здесь мы объединяем голландскую и фламандскую), так как антверпенское издание 1514 г., например, также называлось *Der Scaepherders kalengier* — и также, судя по всему, на

⁷ Brévert (1988b: 338) насчитывает 33 издания календаря Блаубирера в промежутке между 1481 и 1522 гг. О страсбургском издании 1518 г. см. Duntze 2007: 103–106. О Любекском календаре 1519 г. и его источниках теперь подробно см. Elbing 2022; тем не менее, мы сохранили наши транскрипции и описание материала, сделанные независимо.

самом деле стоит ближе к традиции «Немецкого календаря», чем к традиции «Пастушьего».

Однако какова бы ни была запутанная история немецких календарей, для нас важно то, что несколько текстов из любекского издания 1519 года (далее — ЛК 1519) совпадают с русскими до такой степени, что их следует считать непосредственными источниками русских переводов. Чтобы аргументировать это утверждение, следует в первую очередь дать описание состава ЛК 1519. Предварительно отметим, что это богато иллюстрированное издание, содержащее несколько миниатюр на полную страницу и множество миниатюр меньшего размера: эта особенность характерна в целом для календарей той эпохи, к какому бы типу они ни относились. Кроме того, в оригинале нумерация листов дается буквенно-цифровыми обозначениями — например, Mi или Piiii; мы изменили ее для простоты на обычную систему (f. 1r, 2v и т. д.). Жирным шрифтом выделены статьи, переведенные на русский.

Состав Календаря 1519 года

f. 1r Титульный лист

f. 1v–2r Регистр

1) Предисловие к календарю

f. 2v–4r De vorrede van dussem nygen kalender. De weysen meisters vnde ghelerden schryuen alsusz <...> О возрасте человеческого, 72 года, сопоставление 12 месяцев с разными возрастами, также четырех времен года.

f. 4r–v Wo men dussen nauolgende kalender recht vorstan schal.

f. 4v Wo men den nygen manen yn dem kalender vynden schal.

2) Календарь

f. 5r–22v Описание двенадцати месяцев с диетическими, флеботомическими, астрономическими характеристиками, календарь-святцы к каждому месяцу.

3) Календарные и астрономические материалы

f. 23r–25r Nyr na volgen twe schyuen. — Таблицы с воскресной буквой и золотым числом.

f. 25r–35v Nyr na volget de natur vnde reigeringhe vnde egeschop der .vij. planeten. — О планетах, стихотворные тексты с иллюстрациями.

f. 35v–36r Ock ys tho wetende van den .vij. planeten vnde erer nature. — О планетах и темпераментах.

f. 36r–v Van der Sonnen lope dorch de .xij. teken vnde van deme Mane. — О прохождении солнца и луны по знакам зодиака.

- f. 36v–37r Wultu wethen alle tyt regen efft schone weder dat ganzse yar dorch. — Погода в зависимости от положения планет.
- f. 37r–v Wultu practiseren vnd vinden den planeten eines minschen. — Определение планеты человека.
- f. 37v–38r Wultu wethen wat planete alle daghe vnde alle stunde regeret. — Определение планеты для дня и часа.
- f. 38v Van der betekynghe vnde bedudinghe des Cometen. Cometa de ys euner sterne ghelick <...> — О комете.
- 4) О знаках зодиака
- f. 38v–39r **Nu secht dyt bock vnde leret vordan. van den .xij. teken des ghesterns. vnde van erer krafft.** — О знаках зодиака, вступление.
- f. 39r Иллюстрация «зодиакального человека».
- f. 39v **Item to bether vnderrichtinghe desser vorghesettheden figure.** — Соотношение знаков зодиака и частей тела.
- f. 40r–45r О каждом знаке.
- f. 45r–53v Hyr na volghen de woninghe der .xij. teken des hemmels. de men nōmet Aspecten der planeten. — О домах в знаках зодиака.
- f. 53v–55r Hyr schal men segghen van den choren der hemmele. vnde erem lope vnde nature. <...> De hemmel vnde sine zyringhe schal vns gades vnde siner almechticheit vormanen <...> — Об одиннадцати небесах.
- 5) Перевод астрономического трактата De sphaera mundi Иоанна де Сакробоско
- f. 55v–63v Van deme lope der werlt vnde der planeten. vnde van eren Clymaten. Vnde ersten van Spera mundi.
- 6) О четырех темпераментах
- f. 63v–67r Hyr na volghet de .iiij. complexien der mynschen.
- 7) О признаках здоровья и болезни, склонности к разным заболеваниям
- f. 67r–v Hyr na volghet wo men eynen mynszken kennen schal. wer he sunt effte kranck sy.
- f. 67v–68r Dyt synt de teken dar men by merken mach wer de lude vngesunt synt an ereme lychame.
- f. 68r–69r De teken dar men by mercken mach wer ein mynsche to sekedaghen gheneget ys.
- 8) Диетические предписания на времена года
- f. 69r–70r Eyn regement yn deme Lenten.
- 9) Трактат о флеботомии
- f. 70v **Hyr na volghet van ader lathen. Vnde ynt erste ein figure. wor ynne du vyndest. vor wat kranckheit men ader lathen schal.** — Вступление с иллюстрацией.

- f. 71r –72v **Van vthlegynge aller aderen. dysser figure.** — Аннотация к иллюстрации, описание всех жил.
- f. 73r–74r **Vtherwelde daghe to lathende.** — Подходящие дни для кровопускания.
- f. 74r **Tho erkennen notroffticheyt des aderlathendes.** — Признаки необходимости кровопускания.
- f. 74r–75r **By der aderlatynge moet men myt vlyte wol anmerken dryerleyge.** — Инструкции для кровопускания.
- f. 75r–v **Wo men dat blot schal beseen.** — Инструкции по осмотру крови.
- f. 75v–76r **Van koppe setthende.** — О постановке банок.
- f. 76r–v **Cristere to settende.** — О постановке клистира.
- f. 76v–77v **Van deme badende.** — О купании.
- 10) Трактат об уроскопии, перевод раздела из Лечебника Ортольфа Баварского
- f. 78r–v **Van deme wather to beseende.** — Вступление.
- f. 78v **Wo sick van ethende vnd drinckende vorwandelt de natur des waters.** — Как от еды и питья изменяется урина.
- f. 79r **Wo me de vrine edder dath wather entfanghen schal.** — Как забирать урину.
- f. 79r–v **Wo de meister dat wather schal bekennen.** — Как исследовать урину.
- f. 79v–80r **Wo dat water schal gestalt syn.** — Определение особенностей урины.
- f. 80r **Van onderschedinge des minschen wathers.** — О разных видах урины.
- f. 80r–v **Van deme wather dat veth ys.** — О жирной урине.
- f. 80v **Wen de vrine ys watervarwich.** — Об урине водянистого цвета.
- f. 80v–81r **Van der dunnen vrine edder water.** — О жидкой урине.
- f. 81r–v **Van wather an swarter varwe.** — О черной урине.
- f. 81v **Van deme wytten vnde lutteren watere.** — О белой и чистой урине.
- f. 81v–82r **Van deme bleken wathere.** — О темной урине.
- f. 82r–v **Van deme water dar alse wolken ynne synt.** — Об урине с хлопьями.
- f. 82v **Van gheleme wather.** — О желтой урине.
- f. 83r–v **Wo men den cirkel des waters merken schal.** — О круге в урине.
- f. 83v **Van schumen des wathers.** — О пене в урине.
- f. 83v **Van deme vnklaren wathere.** — О мутной урине.
- f. 83v **Van blotuar wather.** — О кровавой урине.
- f. 83v–84r **Van deme sande in deme watere.** — О песке в урине.

- f. 84r Van deme schumighen wather edder vnreinen wather. — О пенистой или нечистой урине.
- 11) О лекарствах
f. 84r–v Van arstedye to brukende.
- 12) О неясных случаях нездоровья, инструкции
f. 84v–85r **Wen eyn minsche nicht wol to passe ys. wo he sick denne holden schal.**
- 13) Дни, в которые нельзя пускать кровь, ставить банки и прочее
f. 85r–v Dyt sint de vorworpen daghe.
- 14) О четырех ветрах
f. 85v–86r Van den .iiij. winden vnde erer natur. wo se vnse nature vpholden.
f. 86r Hyr endiget sick de Nyge kalender. Gedruckt yn der keyserliken stadt Lubeke. Dorch de kunst Hansz arndes. In deme yare na der bort Cristi vnser heren. Also me schreff. Dusent. vyff hondert. vnde negenteyn. Am auende vnser leuen vrouwen hemmeluart.

Русский перевод и установление оригинала

Из материалов, собранных в ЛК 1519, на русский язык были переведены три фрагмента:

- 1) начало раздела о знаках зодиака (№ 4 в описании),
- 2) трактат о флеботомии полностью (№ 9 в описании),
- 3) большая часть трактата об уроскопии (№ 10) с добавленными в конце парой фраз из раздела № 12.

Возможные причины такой фрагментарной выборки мы обсудим ниже. Здесь же особо подчеркнем, что с этим переводом в русскую литературу и медицину впервые вошел Ортольф Баварский (Ortolf von Baierland), врач, живший в XIII в. в Южной Германии и оставивший написанный на немецком языке «Лечебник», который оказал значительное влияние на немецкие медицинские тексты и пользовался чрезвычайной популярностью вплоть до XVI в. Известно шесть полных верхненемецких изданий «Лечебника», вышедших еще до 1500 г., но влияние «Лечебника» заключалось не только в изданиях самого текста, но и в том, что отдельные его разделы начинали ходить в качестве самостоятельных текстов и включались в разнообразные сборники и компиляции (см. Riha 2014: 36). В связи с историей нашего сборника ЛК 1519 прежде всего нужно обратить внимание на полный нижненемецкий перевод «Лечебника», изданный в 1484 г. в Любеке под названием *Bock der arstedien van allen krankheyden* (GW M28465) Бартоломеем

Готаном — известным печатником, судьба которого через некоторое время оказалась связана с Россией. По-видимому, именно из этого издания раздел об уроскопии был заимствован в ЛК 1519. То, что он был единственным дополнением к статьям, переведенным из «Немецкого календаря», показывает, что этот материал показался составителю полезным и необходимым в контексте календарно-медицинской тематики.

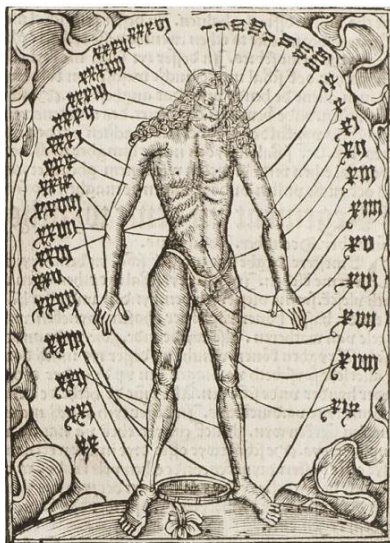
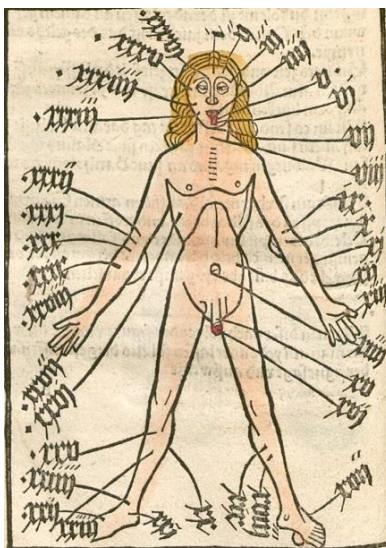
Ввиду сложной истории и многообразия текстов, о которых идет речь, целесообразно подробно остановиться на критериях, которые послужили основой для утверждения, что ЛК 1519 является непосредственным источником русского перевода. Этот вопрос необходимо разбить на две части и обсудить 1) критерии, по которым источником определяется нижненемецкий текст календарной традиции (то есть календарей ЛК 1519 и РК 1523) и 2) критерии, по которым непосредственным источником определяется именно издание ЛК 1519.

О том, что перевод был осуществлен с нижненемецкого календаря, свидетельствует прежде всего сличение текстов: параллельное издание, которое приводится в этой статье, позволяет судить о степени их близости. Кроме того, об этом же говорит состав текстов: если текст о знаках зодиака и трактат о флеботомии издавна входили в «Немецкий календарь», то трактат об уроскопии, как только что было показано, был добавлен только к нижненемецкой версии календаря. Таким образом, все три текста вместе могли быть найдены только там. Наконец, о том, что из рассмотрения можно исключить остальные кандидатуры, говорят текстуальные различия. Ниже мы приводим таблицу, в которой сопоставляются небольшие фрагменты из вступления к трактату об уроскопии. В таблице представлены следующие издания: Aug. 1488 = аугсбургское полное издание «Лечебника» Ортольфа, верхненем. язык (GW M28458); Ghotan 1484 = нижненем. перевод «Лечебника», изданный Готаном (GW M28465); ЛК 1519 (текст совпадает с РК 1523) и русский перевод по рукописи РГАДА, ф. 188, № 649 (1616 г.).

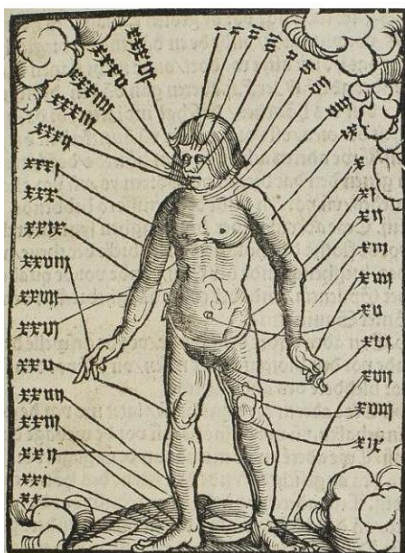
Aug. 1488	Ghotan 1484	ЛК 1519 / РК 1523	рус. пер.
<p>Ysaac künig Salomonis sun in Arabia der macht ein büch von dem harn das got nie bessers geschüff</p> <p>das vername ein mayster der hieß Constantinus ein münich von dem berg Cassin genannt. Vnde pracht es von kriechischer zungen in dye lateinische zungen.</p> <p>Nun will ich maister Ortloff in dem namen des himlischen vaters das büch in teütsch zungen machen vnd pringen durch meiner sel willen.</p>	<p>Ysaac koningk salomonis sone in arabien / makede en bock van schedinghe des waters / dat ghot ne beters gheschop.</p> <p>Dat vornam en meister de hete Constantinus / en monnick van deme berge cassin geheten vnde brochte dat vth grekescher tungen in latin.</p> <p>Nu so wil ik meyster Ortolf in deme namen des hemmelschen vaders dat bok in dudesche tungen bringen vmbe hulpe miner sele.</p>	<p>Meister Isaac. koninck salomonis sone. yn Arabyen. makede ein bock van schedynghe des wathers. dat got ne bethers gheschop.</p> <p>Dat vornam ein meister de hethē Constantinus. ein monnick van deme berghe Cassyn gheheten. vnde brochte dat vth grekescher tunghen yn latin.</p> <p>Nu so wil yck meister Ortloff in deme namen des hemmelschen vaders. dat sulue bock yn dudesche tungen brynghen vmbe hulpe miner selen. vnde nutticheit des minsliken slechtes.</p>	<p>Мáстерь ѱсáкъ кралá солó- мона сынъ, во áрапскóю странѠ ёдінѠ кнѱгѠ состáвилъ. Ѡ разсѠжéний оуринномъ. ѱ тѠ оурасѠмльъ ёдінъ мáстерь ёмѠ же ѱма ко^нста^{нт}и^н мнихъ, из горы ёа^ж ѱменю^т касиѠ^н. ѱ перевель ёа з грéческого ѱзыка на латы^нской. А нѱвъ ѱзъ мáстерь ортóлфъ, во ѱма бжѱе, тѠ кнѱгѠ перевести хощѠ с латы^нска^{го} ѱзыка на немéцкѱй. дѱи моёй на полсѠ. а къ оуѠбóдю родѠ члческомѠ</p>

Как видно по этой таблице, тексты разных вариантов весьма близки, но, тем не менее, текст ЛК 1519 / РК 1523 содержит дополнения, которых нет в предшествующих изданиях и которые были переведены на русский. Исаак получает обозначение «мастер», а в конце добавляется фраза *vnde nutticheit des minsliken schlethes* «на пользу роду человеческому», которая также присутствует в русском переводе.

Несмотря на то, что тексты ЛК 1519 и РК 1523 чрезвычайно похожи, мы располагаем рядом признаков, которые с очевидностью указывают на то, что РК 1523 не мог быть оригиналом перевода, и наоборот — что этим оригиналом могло быть только издание ЛК 1519. Во-первых, в этих изданиях отличаются иллюстрации. В целом надо заметить, что при устойчивой передаче текстов в календарях постоянно обновлялся иллюстративный материал, который может поэтому рассматриваться как существенный сопоставительный признак. Ниже мы приводим иллюстрации т. н. «Кровопускательного человечка» (Aderlass-Männlein) — изображения человеческого тела с указанием жил, который стандартно фигурировал в западноевропейских трактатах о флеботомии — из издания «Немецкого календаря» Ульм 1498 (GW M16032), ЛК 1519, РК 1523 и из харьковского списка «Травника Любчанина» (далее — ТЛ) 1534 г.⁸

⁸ Изображение заимствовано из статьи Mогозов 2004.

Сходство между иллюстрацией ЛК 1519 и харьковского списка ТЛ представляется очевидным: сохранены даже рамка, изображение облаков по углам, нижняя часть изображения с цветком. Однако столь же важным показателем является вторая — текстологическая. Здесь мы должны вернуться к упомянутой выше фрагментарной выборке. При сопоставлении текста ЛК 1519 с русским переводом бросается в глаза тот факт, что некоторая нелогичность и обрывочность русского текста объясняются разрывами в последовательности листов и переходами между листами в ЛК 1519. Так, русский текст начинается следующей фразой:

(ОЛДП F.49, л. 360об.)

Велми потребно ёсть члкомъ вѣдѣти ёстество вѣ зодѣи к̄ содержанію здравіа, і о пребываніи живота. А в началѣ здѣ послѣдует образецъ в коёмъ познати можемъ, вѣ зодѣи в которомъ мѣсте котѣрая зодія обладаётъ удѣ человеческій.

Нижне немецкий текст показывает, что вступление на самом деле обширнее, но оказалось в русском переводе сокращено, причем опущена была начальная часть на обороте листа 38, а перевод начинается ровно с лицевой стороны листа 39. Переведенная часть дана курсивом:

(f. 38v) ¶ Nu secht dyt bock vnde leret vordan. van den .xij. teken des ghesterns. vnde van erer krafft. Dat synt de .xij. straten an deme hemmel / de vnse leuent bewegen vnde ghewalt dar ouer hebben. Dar vmbe is (f. 39r) *yd groet van nõden den mynschen to wethen de natur der .xij. teken / to entholdynghe der ghesuntheit vnde vorlengynghe des leuendes. Vnde ynt erste volget eine figur / war ynne men merken mach wo de .xij. teken des minschen lycham regeren.*

Сходную картину мы наблюдаем в конце компиляции:

И ꙗще оурина не мно́га бѣдетъ ꙗ красна̀, в̄ водоточивной бѣлести, то ѣсть смѣртно. И ꙗще члѣкъ имѣеть вели́кой о́гонь. ꙗ тако́ва же оу него̀ оурина, то знаменде^т о́гневѣю. И ꙗще та же оурина гѣста ꙗ сверхѣ блѣдна. ꙗ пла́вае^т в̄ ней какъ бы крѣпѣ пшени́чные, то знаменде^т смѣртнѣю бѣлестъ. *И ꙗще оурина черлена ꙗ не смѣртнаа во о́гневоѣ, или во и́ной бѣлести. ꙗ жи́лы кровáвыа надѣлиса. тогда̀ по совѣтѣ мастерскомѣ бола́щемѣ кровь пѣска́е^м. что^б перегорѣлаа вредите́лнаа исходила. ꙗ бола́щій пра́ныа ѣствы. и лѣкѣ и чесно́кѣ, и и́ны^х горáчественыхъ зѣлей да не кѣсть.*

Этому отрывку соответствует следующий нижненемецкий текст:

(f. 82v) ¶ Is des waters weinich. vnde rot in einer water sucht. dat ys dotlick. Is dat de minsche grote hytte heft so de febris. ys dat wather dicke. vnde bauen bleckuar. vnde swemmet dar ynne also tho brakene wethen korne. dat bedudet ene dotlike suke effte kranckheit. dar nene hulpe ane ys.

[далее следуют лл. 83 и 84]

(f. 85r) scherighen hungher vnde vor dorst. Vnde ethen nicht vele men myt lusten. Ethet he ane lusten. dat maket em grothe kranckheit. *Vnde hõden sick vor krudedede kost myt pepere vnde knofloke bereth. dar van ouerscherighe hyttthe eme komen mach.* ¶ *Isz ouer dat water rod vnde de ader grot vnde ys stark. so mach me em en weinich vth der ader lathen. dat dat vorbrande vnde bõze blot vth den aderen kome.*

Здесь первая часть русского перевода (до курсива) идет по тексту трактата об уроскопии, но затем неожиданно

прерывается и без каких-либо знаков обрыва переходит к следующей фразе, которая обнаруживается гораздо дальше в нижнем. тексте и относится уже не к трактату Ортольфа, а к разделу № 12 по нашему описанию. Очевидно, два листа оригинала (ff. 83–84) были пропущены целиком, и перевод возобновился со следующего листа (f. 85). Ошибку было не так легко осознать, потому что текст после стыка также содержит сведения об уроскопии, так что его в принципе можно принять за продолжение текста и не заметить разрыв.

Также переставлен оказался лист, следующий за перечислением жил, на котором содержится перечень подходящих для кровопускания дней (f. 73). Его перевод читается в конце русской компиляции, тогда как за переводом перечисления жил идет перевод сразу f. 74 (Майстръ ипократь глаголетъ).

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о том, что издание ЛК 1519 является источником, с которого был осуществлен русский перевод, так как подобные разрывы из-за пропуска листов оригинала совпадают только с этим изданием и никаким другим. Почему возникли эти разрывы — был ли дефектным экземпляр, которым пользовался переводчик или, может быть, он получил задание перевести определенные тексты из сборника и неудачно определил их границы — можно на данный момент только гадать.

Рукописная традиция русского перевода и издание текста

Текст русского перевода дошел до нас в составе нескольких сборников, которые можно разделить на две категории: 1) сборники с текстом «Травника Любчанина» и 2) сборники с текстом компиляции «О рождении младенческом».

«Травник Любчанина» является переводом нижненемецкого травника *Gaerde der Suntheit*, выпущенного в Любеке в 1492 г. (GW M09748) Стеффеном Арндесом — то есть в той же типографии, в которой позднее был издан ЛК 1519. Этот нижненемецкий травник был переведен, вероятнее всего, известным врачом на службе великих князей Николаем Бюловым, выходцем из Любека, в 1534 г.⁹ За самим травником в этом издании следует раздел о камнях и минералах, за

⁹ О ТЛ существует богатая литература, из недавних работ укажем Isachenko 2009a; Muskala 2012; Morozov 2016. О Бюлове с литературой см. Wimmer 2005: 101–110; Dumschat 2006: 580–581; Ivanov, Levichkin 2022.

которым идет завершающий книгу раздел об уроскопии (*Hirna volghet dat veerde deel disses bokees. vnde secht vns van allen varwen des waters der mynschen: In den vorghenomenen capitelen vindestu bescreuen wo me raet mach gheuen den mynschen to mennigherleye kranchheit*). Этот раздел был также переведен на русский, и можно предположить, что его наличие послужило поводом для добавления перевода статей из ЛК 1519, так как они схожи по тематике. Так образовалась последовательность текстов, в которую вошли сразу два трактата по уроскопии — однако из разных источников, поскольку первый является переводом раздела из *Gaerde der Suntheit*, а следующий — переводом трактата Ортольфа из ЛК 1519. К этой компиляции мы вернемся ниже.

Перевод статей из ЛК 1519 представлен в следующих рукописях ТЛ¹⁰:

1) Харьков, Центральная научная библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (ХНУ), № 159/С, 1534 г., в лист, 580 л. (с иллюстрациями). Этот список был относительно недавно открыт Б. Н. Морозовым и считается автографом перевода ТЛ¹¹. К сожалению, этот важнейший список остался нам недоступен, однако иллюстрации¹², а также описание рукописи, составленное Т. А. Исаченко (2009b: 135–153), не оставляют сомнений в том, что в нем уже содержатся статьи из ЛК 1519. Так, Т. А. Исаченко (2009b: 150) указывает на присутствие в рукописи статьи о флеботомии на лл. 569об.–572об. и статьи «Велми человеком потребно есть человеком ведати естество 12 зодий»; Б. Н. Морозов и Р. А. Симонов (2004: б) помещают иллюстрацию «кровопускательного человечка» на л. 566об.: эти статьи, очевидно, тождественны статьям из ЛК 1519. Что касается трактата об уроскопии из ЛК 1519, то пока что нет данных о его наличии в харьковской рукописи, однако следует учитывать, что подробного описания завершающих ее дополнительных материалов нет. Весьма вероятно, что этот текст скрывается в описании под заглавием «Об уринах:

¹⁰ В списках ТЛ Вильнюс, Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (МАН), ф. 22, № 25 (1660–1680 гг.), РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1685 (конец XVIII в.) и Музей-заповедник «Александровская слобода», АМ 8047, РК 13 (сер. XVII в.) окончание рукописей утрачено.

¹¹ Morozov 2004. См. также Isachenko 2009a.

¹² Приведены в статьях Morozov 2004; Morozov, Simonov 2004.

В последней же беседе обрящешь всякий цвет уринной человеческой, и тако книга сия ту скончается», поскольку именно так в рукописи № 3 (см. ниже) вводится трактат об уроскопии из ЛК 1519.

2) РГАДА, ф. 188, собр. ЦГАДА, № 649 (прежний шифр: ГИМ, собр. Уварова, № 2191 (623)), 1616 г., 337 л. (с иллюстрациями). Здесь вслед за разделом об урине из ТЛ (лл. 315–318) читается трактат об уроскопии «О уринном разсужении» (лл. 318–321) из ЛК 1519, л. 321об. оставлен пустым, далее с л. 322 идет сборник рецептов. Т. А. Исаченко (2009b: 157) отмечает, что «книга была отделена от переплета и ее листы перепутаны». Возможно, прочие статьи из ЛК 1519 также были утрачены.

3) РНБ, ОСПК, № F.VI.9/1–2, без начала, начинается с гл. 137 (с иллюстрациями), вторая пол. XVII в. Рукопись переплетена в два тома. Во втором томе, F.VI/9–2 сразу за разделом об уроскопии из ТЛ идут раздел об уроскопии из ЛК 1519 (лл. 359–369об.), раздел о флеботомии (лл. 370–382об.), на л. 383 заголовок «Вelmi потребно есть ведати человеком о естестве и о пребывании живота человеческому здравию zde в начале последует о крови рожечного пускания», затем оставлен пропуск до конца листа. Далее следует переставленная глава из того же раздела о флеботомии «В сии дни подобает кровь пускати во весь год» (лл. 383–384). Отметим, что раздел об уроскопии из ЛК 1519 начинается здесь с нового листа заголовком «О тех же уринах» и далее: «В последней же беседе обрящешь всякий цвет уринной человеческой, и тако книга сия ту скончается»: см. выше к списку № 1. Можно предположить, что эта фраза служила завершением трактата об уроскопии из ТЛ, но в итоге оказалась перенесена в начало трактата об уроскопии из ЛК 1519. Пустая статья «Вelmi потребно есть ведати» на л. 383, кажется, является искажением статьи о знаках зодиака: поэтому она осталась незаполненной. Аналогичная картина наблюдается в следующем списке № 4.

4) ГИМ, собр. Уварова, № 387–1 (2192) (Царск. 615), сер. XVII в., в лист, 746 л. (с иллюстрациями). Статьи из ЛК 1519 располагаются сразу за ТЛ: у трактата об уроскопии утрачено начало, примерно один лист, начинается с полуфразы на л. 729об.–730об., затем пустая статья с заголовком «Вelmi потребно есть ведати человеком о естестве и о пребывании живота человеческому здравию zde в начале последует о крови рожечного пускания» и переставленная статья из раздела о

флеботомии «В сии дни подобает кровь пускати во весь год» 731–732об. (см. выше в № 3), затем продолжение трактата об уроскопии 732об.–735, раздел о флеботомии (оставлено место для иллюстрации) 735об.–741 и далее опять повторена статья «В сии дни подобает кровь пускати во весь год» 742–742об.

5) РГАДА, ф. 196, оп. 1, собр. Ф. Ф. Мазурина, № 1488, XVII в., в лист, 534 л. (оставлены места для рисунков). Список ТЛ обнаружен А. Н. Левичкиным. Трактат о флеботомии на лл. 508–516об. Раздел о знаках зодиака начинается на л. 516об., на л. 517 оставлено место для рисунка. Далее на лл. 518об.–536об. читается трактат об уроскопии.

Второй тип сборников, в которых присутствуют переводные статьи из ЛК 1519, содержит компиляцию, составленную главным образом из статей, переведенных из польского издания: Hieronim Spiczyński: O ziołach tuteicznych i zamorskich i o mocy ich, a k temu księgi lekarskie (Kraków, 1542)¹³.

В компиляцию, о которой идет речь, вошли следующие разделы:

- из «Травника Спичиньского»: 1) Книга о рождении младенческом, 2) О различных болезнях дитячьих¹⁴, 3) О маслах, 4) О каменех, 5) О зверех, 6) О птицах, 7) О рыбах, 8) О различных болезнях, 9) Другой лечебник (начало: «Отнятие крови из носа»),

- из неизвестного источника 10) Статьи «О четырех составах круга летнаго», «Филона врача ипократа о человеческом возрасте»,

- из ТЛ 11) Об урине.

- три уже известных раздела из перевода ЛК 1519.

Следует отметить, что эти статьи в разных сочетаниях встречаются также в рукописях ТЛ — особенно часто статьи из

¹³ Об этом тексте см. Rostafiński 1888. Связь этого перевода с т. н. «Травником Бутрулина», который также является переводом издания Спичиньского, на данный момент не прояснена. Несмотря на распространенное мнение, вполне вероятно, что это два разных перевода одного источника. О «Травнике Бутрулина» см. Zmееv 1895: 37–38; Ruposova 1987; Nikolaev 2008: 95–96. Полный текст «Травника Бутрулина» дошел в единственном списке кон. XVII в. (ГИМ, Епарх. 751). Возможный оригинал, список из коллекции Баузе утрачен в пожаре 1812 г.

¹⁴ Текст отрывка «О рождении младенческом» по списку № 7 с сокращениями издан в работе [Isachenko] 1992.

ЛК 1519 сопровождаются статьями «О четырех составах круга летного» и «Филона врача ипократа о человеческом возрасте». Учитывая, что эта комбинация идет вместе с трактатом об уроскопии из ТЛ, весьма вероятно, что эти три раздела формировали ядро особой компиляции, к которому затем были добавлены статьи из «Травника Спичиньского».

6) РНБ, собр. ОЛДП, № F.49, кон. XVII в., в лист, 380 л. Статьи из ЛК 1519: трактат о флеботомии лл. 350об.–360, 361об.–362об.; о знаках зодиака лл. 360об.–361об.; трактат об уроскопии (без начала): лл. 368об.–375об.

7) РГБ, собр. Д. В. Пискарева, № 196, 1665 г., в лист, 288 л. Статьи из ЛК 1519: трактат о флеботомии лл. 270об.–276; о знаках зодиака: лл. 276об.–277об.; трактат об уроскопии: лл. 282–288

8) РНБ, собр. СПБДА, № 409, кон. XVII — нач. XVIII в., в лист, I + 256 + II л. Статьи из ЛК 1519: трактат о флеботомии лл. 241–245, 245об.–246; о знаках зодиака: л. 245–245об.; трактат об уроскопии: лл. 250–254об.

9) РНБ, F.VI.8, кон. XVII — нач. XVIII в., в лист, I + 104 + IV л. Статьи из ЛК 1519: трактат о флеботомии лл. 27–38, 41–42об.; о знаках зодиака: лл. 38–39об.; трактат об уроскопии лл. 48об.–57об.

10) РНБ, ОСПК, № Q.VI.17, XVIII в., в 4-ку, 324 + II л. Статьи из ЛК 1519: трактат о флеботомии лл. 305–312, 313об.–314; о знаках зодиака лл. 312–313об.; трактат об уроскопии лл. 319–323об.¹⁵

Время и обстоятельства перевода

Когда и кем был осуществлен перевод трех разделов из ЛК 1519, с точностью сказать невозможно, так как у нас нет прямых указаний на переводчика. Однако ряд соображений вытекает из рукописной передачи этого текста, а также из сведений об оригинале. Как было указано выше, тексты из ЛК 1519 стабильно входили в состав рукописей с текстом ТЛ: более того, они присутствуют уже в предполагаемом автографе ТЛ, харьковском списке 1534 г. К сожалению, до публикации полного описания рукописи или издания ТЛ нельзя ответить на

¹⁵ Материал из ЛК 1519 отсутствует в следующих рукописях с компиляцией «О рождении младенческом»: РНБ, ОСПК, № F.VI.2 (перв. четв. XVIII в.) и РГБ, ф. 218, собр. Отдела рукописей, № 1219 (перв. четв. XVIII в.).

вопрос, были ли они внесены в рукопись позднее основного текста или одновременно с ним. Кажется, их наличие во всех основных списках ТЛ, которые восходят к харьковскому списку, позволяет говорить о том, что статьи из ЛК 1519 присутствовали в харьковском списке до изготовления первой копии с него, а это в свою очередь позволяет предположить, что они не являются поздней припиской.

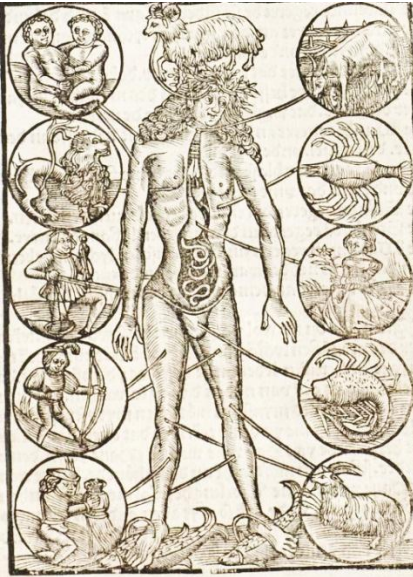
Установление нижненемецкого оригинала, с которого был выполнен перевод, также дает возможность поставить вопрос: случайно ли сочетание в одной и той же рукописи 1534 г. переводов двух нижненемецких медицинских произведений, изданных в Любеке в типографии одной и той же семьи печатников? Отсюда вытекает другой вопрос: правомерно ли предполагать, что «немчин любчянин», которого отождествляют с Николаем Бюловым, был ответственен не только за перевод *Gaerde der Suntheit*, но и статей из ЛК 1519? На данный момент эти вопросы должны остаться без ответа, но мы надеемся, что дальнейшие кодикологические, палеографические и текстологические исследования ТЛ когда-нибудь прольют на них свет.

Издание

Ниже приводятся текст нижненемецкого оригинала по изданию Lübeck 1519 (VD16 N 2132, BC 626) и русского перевода по двум спискам. Поскольку самый ранний известный и доступный нам список РГАДА, ф. 188, собр. ЦГАДА, № 649 (№ 2 в перечне выше) содержит только трактат об уроскопии, было принято решение воспроизвести прочие статьи по весьма исправному списку РНБ, собр. ОЛДП, № F.49 (№ 6 в перечне выше). При этом порядок следования статей дается по нижненемецкому оригиналу; также восстанавливается изначальный порядок следования для переставленных листов (см. выше в разделе *Русский перевод и установление оригинала*).

Русский текст передается с сохранением всех букв оригинала, надстрочных знаков и знаков придыхания. Киноварные написания даны жирным шрифтом. Соответствующие правила соблюдаются при воспроизведении нижненемецкого текста; сокращения раскрываются и обозначаются курсивом.

(f. 38v) ¶ **Nu secht dyt bock vnde leret** vordan. van den .xij. teken des ghesterns. vnde van erer krafft. Dat synt de .xij. straten an deme hemmel / de vnse leuent bewegen vnde ghewalt dar ouer hebben. Dar vmbe is (f. 39r) yd groet van nōden den mynschen to wethen de natur der .xij. teken / to entholdynghe der ghesuntheit vnde vorlengynghe des leuendes. Vnde ynt erste volget eine figur / war ynne men merken mach wo de .xij. teken des minschen lycham regeren.

(f. 39v) ¶ Item tho bether vnderrichtinghe desser vorghesettheden figure. Isz tho wethen dat de Weder regeret an des mynschen lycham dat hōuet vnde dat angesichte.

De Steer regeret an deme lycham des mynschen den hals vnde den knop van der kelen.

De Twelinck regeret de schūlderē. de armen. vnn̄de de hende.

De Kreuet regeret an des mynschen lycham. de borst. de maghen. de mylten. vnde lunghen.

De Louwe regeret dat herte. de leuer. de beiden syden. vnde den rugghe.

De Iunckfrouwe hefft ghewalt an des mynschen lycham ouer den buck. dat yngheweyde. vnde de neren.

De Waghe regeret an deme lycham dat nederste an dem buke. den nauel. vnde ersbyllen

Scorpio regeret de blase vnn̄de dat ghemechte. de packderme vnde wat dar vmbe trent ysz.

De Schutte regeret de hūfft. de beene bauen den kneen.

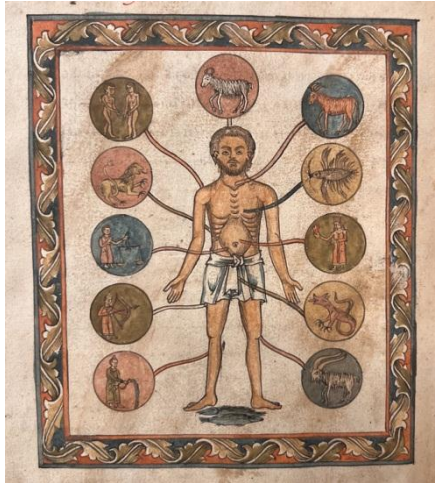
De Stenbock regeret an des minschen licham de kneye.

De Waterman regeret an des mynschen lycham de beene van den kneen nedderwart wenthe an de enckel.

De Visck regeret an deme lycham des minschen de vōthe.

ОЛДП F.49, л. 360об.

Велмѣ потребно ѣсть члкомъ вѣдѣти естество вѣ зодѣи к̄
содержанію здравіа, і о̄ пребываній живота. А в началѣ здѣ
послѣдуе^т образецъ в коёмъ познати мѡжемъ, вѣ зодѣи в которо^м
мѣсте котѡрая зодѣя обладае^{тъ} ѹдъ челоѡвѣческой.

(л. 361) **Е**же къ болшему ра³суженію выше назнѡменованому
обра³цу вѣдомо да бѹди.

Чтѡ овѣнъ соде^ржитъ в тѣле члѣскомъ главѹ и лицѡ.

Телѣцъ содержитъ в тѣле члѣскомъ шѣю и гортанъ и глотку.

Близнецъ соде^ржитъ в тѣле челоѡвѣскомъ плѣчи и мѣшцы и
руцѣ.

Ракъ соде^ржитъ в тѣле члѣскомъ грудъ стома^x селезень и
плѡче.

Левъ соде^ржитъ в тѣле члѣскомъ ср^дце и печень и ѡба бока
такѡ же и спѣну.

Дѡва содержитъ въ тѣле члѣскомъ брюхо. тако же і кишки и
почки.

Брѣмъ содержитъ в тѣле члѣскомъ испо^днюю частъ брюха и
пѹпъ и ѡбѡ бе^дры.

Ско^рпѣи содержитъ в тѣле члѣскомъ пузырь и мехиръ и за^дни
прохо^д.

Стрелѣцъ о^бдержитъ в тѣле члѣскомъ стѣгна и бедра до
колѣней.

Козій рѡгъ соде^ржитъ в тѣле члѣско^м колѣни.

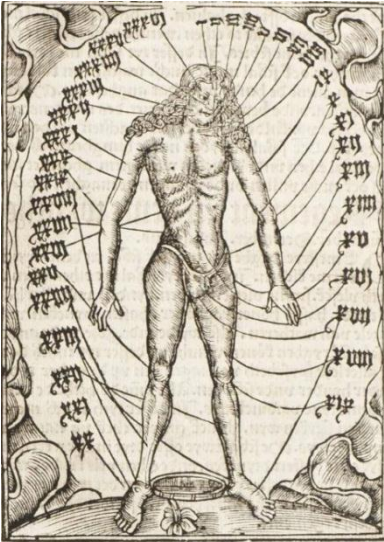
Водолѣй содержитъ в тѣле члѣскомъ бе^дра и икры до
лодыжекъ.

Рыбы содерджа^т в тѣле члѣско^м плѡсны и нѡги.

¶ Item So du nu wol vorstanden hefft wo de .xij. teken ouer des mynschen lycham ghewalt hebben. vnnd ein ytlick teken syne sunderliken ledemathe hefft de yd ansuth vnde regeret. So ys ock van nõden dar by to wethen. dat men neen ledemath des mynschen môt roren myt yser effte myt stale wen de Mane yn deme teken ys dat ouer dath sulue lydt herschende ys. Dar vmbe wen de Mane ys yn deme Weder. schal men nicht lathen an deme hõuede. Vnde wen de Mane ys yn deme Twelinghe schal men nicht lathen yn deme armen. vnde ock so myt allen anderen teken. wo hyr na nõch vorstentliker ghesat vnde declarert wert. vnnd ynt erste van deme teken des Weder.

(f. 70v) ¶ **Hyr na volghet van ader lathen**

Vnde ynt erste ein figure. wor ynne du vyndest. vor wat kranckheit men ader lathen schal. also de schrifft ok hyr na leret

(f. 71r) **Van vthlegynge aller aderen.** dysser figure.

¶ De ader an *deme* vorhouede ys gud lathen vor oghen gheswere. vnde vor de grothen wedaghe des hõuedes. vor vnmacht. vnde de eyn dõuendich bregghen hebben. vnde *deme* dat hõuet altyt we doet. vnde nicht slapen kan.

¶ De ander aderen. Merck .ij. aderen ghan van den *dumyghen* an beiden syden des hõuedes. de schal me lathen vor de suke vnde kranckheit der oren. vnde vor den vlote vnde dunkerheit der oghen.

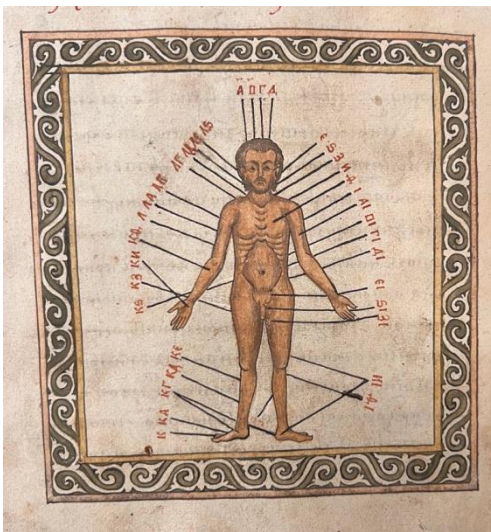
¶ De .iij. Twe aderen achter an *deme* houede. de schal men lathen den gennen den dat bregghen vorworren ys. vnde vor alle suke des hõuedes. vnde vor eine gude dechtenisze to hebbende.

¶ De .iiij. Twe aderen vnder der tunghen synt gudt tho lathende vor den vlôte des hõuedes vnde ghebreke der thene. vnde gheswere des bregghens vnde der kelen. vnde vor de quade suke ghenõmet Epilencia. vnde ock teghen dat ghebreck yn *deme* halse. ghenõmet Squinancia.

Ннѣ разумѣль еси что ѿ зодѣй о^бласть II (л. 361об.) имѣють в тѣле члѣвческомъ. а едѣнѣ кождо свой удѣ о^со^нѣ держимъ и паствить для тог^о потребно е^сть вѣдати что^о на пристойтъ. никако же приткнутисѣ желѣзомъ и укладомъ е^гдѣ луна стойтъ в томъ зодѣи котóрой у^д тотъ соде^ржитъ и паствить для тог^о. е^гдѣ луна е^сть во с^овнѣ тогда кр^ови не п^уститъ и^з главы, а е^гдѣ луна е^сть въ близнецѣ тогда кр^ови не п^уститъ и^з руки ѿ запястья до рамени. тако же разсужай себѣ и по инымъ удомъ.

ОЛДП F. 49, л. 350об.

Здѣ послѣ^дуетъ ѿ крови жи^лное пуска^ніе а в началѣ едѣнѣ обра^з, в немъ же обр^ицѣши для ко^ек^а болести жи^лную кр^овь пу^сца^етъ. ꙗко^ж здѣ учить наче^ртаніе.

II (л. 351) Толкованіе всѣхъ жилъ сег^о образа.

Перваѣ жи^ла средѣ лба. пуска^емъ для с^очнаго отоку, и для велики^а болести главны^а, и для неустро^енн^а. тако же и тѣмъ кои нецѣлоумны с^утъ ѿ мозгу. тако же и у^д коихъ всегда глава болѣтъ. и тѣмъ кои спати не м^огутъ.

Вторая жи^ла да вѣси что двѣ жи^лы и^ссходѣтъ изъ високъ из^о с^обоихъ странъ ко лбу. тѣхъ пуска^емъ ѿ всякаго недуга и болестей ушны^х, и ѿ течений темностей с^очны^х.

Третьяя же двѣ жи^лы в заты^лкѣ главномъ пуска^емъ тѣмъ кои умомъ смущені и ѿ всяки^а болести главны^а. тако^ж и для добры^а пам^яти.

Четвертая двѣ жи^лы исп^одъ языка пуска^емъ для течений главны^х, и для болести зубны^а и болѣчки мо^зговы^а и го^рлянны^а. и для вредительны^а болести епеленс^а названой тако^ж и для болести го^рляной. сквина^нс^а названой.

¶ De .v. Ein ader vnder deme kynne. vor de gheswelle *der* wanghen. vnde vor den bloet ganck der nesen. vnde ock vor den schorff. vnde vor bleddere des anghesichtes.

¶ De .vi. Twe aderen an deme halse. lathet me vor de gheswelle der kynnebacken. vnde vor den snoue. vnde vor de wedaghe des herthen.

¶ De .vij. Twe aderen in dem munde an dem gabel. vor de bulen des anghesichtes. vnde den grynt des hōuedes.

¶ De .viiij. Twe aderen vp dem dumen. gud vor de suke des houedes. vnde *den blotganck. vnde bulen. vnde* vor *andere* gebreke.

¶ De .ix. De myddel ader an beyden armen leth me to *deme* herthen. lunghen. neren *vnde* de einen swaren athem hebben.

¶ De .x. Hyr merke dat .iiij. aderen yn yewelkem arme ligghen. de bōuenste ys de hōuet ader vnde werth ghenōmet (f. 71v) Cephalica. De myddelste ysz de herth ader. vnde wert ghenōmet Mediana. De vnderste ysz de leuer ader yn deme rechteren arme. vnde yn deme luchteren arme ys yd de mylth ader. vnde wert ghenōmet Basilica. vnde sint gud tho lathende vor alle auerulodicheit des blododes. Ok synt se gud tho lathende vor de dusternisse der oghen vnde wedaghe der Brust. de schal me slan. vp sunthe Ambrosius dach.

¶ De .xi. Twe myddel aderen. de de ligghen mydden auer den arme. sint gud to lathen vor dat hertheleit. vnde brynghet deme minschen vele klockheit tho. vnde ys gud vor alle swarheit der lede. des magen. der ribben. vnde syden. *vnde* auerscherynghe des blododes.

¶ De .xij. Twe aderen an der syden des armen. ys gud to lathende vor alle vuelnisse vnde kranckheit der leuer. der ribben. des magens. der mylthe. vnde des blōdens der nesen. vnde dat stekent der syden. De lath yn deme Meye. *vmbe* trent des hilghen Cruces dach.

¶ De .xiiij. De mylth ader ys gud vor vuelbloet des herten vnde steke des herthen. bōse vuchticheit. vnde alle ghebreke der mylthen.

¶ De .xiiij. Twe aderen vp dem nauel. gud vor gheswylle des ghemehtes. vor de gicht. vor *den* steen yn der blasen.

¶ De .xv. Twe aderen an deme nauel. ghud vor alle ghebreken des ghemehtes vnde des stenes yn der blasen. *vnd* vor de gheilicheit der neren. vnde bulen vnde wathersucht. vnde vor de gycht yn deme rugghe.

¶ De .xvi. Eyn ader vor vp deme ghemechte. ys gud vor den rysenden stein vnde swulst des ghemehtes. vnde vor de wathersucht.

¶ De .xvij. Eyn ader vnder dem ghemechte. gud lathen vor de ghebreke vnde gheswulst des ghemehtes. vnde ock vor de wathersucht.

Пятак едина жила по^д бороною пускаёмъ для о́току ќго^днаго и для течёниа кровавога и^з ноздрё^и. и для коробы и прыщён личны^х.

Шестая двѣ жилы и^з шѣи пускаёмъ для о́току || (л. 351об.) в скороны^х, и для насмо^рка и б́лести се^рдечныа.

Се^дман двѣ жилы во^ртѣ на дѣсна^х, пускаёмъ для о́току личнаго, и для коробы главныа.

Осман двѣ жилы на в́ска^х пускаёмъ для б́лести гла^вныа. и для у́тробы кровавыа и для ины^х ра^зличныхъ болестей.

Девятая сре^дняя жила изо о́бои^х мышекъ, пускаёмъ для б́лести се^рдечныа, и плóчныа и поче^чныа. тако же и ѿ тн^жкаго во^здыханіа.

Десятая здѣ да вѣси. что три жилы во о́бои^х рука^х. ве^рхнаа же ёсть голо^вная жила. а именуётся сефоліка. сре^дняя ^ж ёсть се^рдечнаа жила, а именуётся медиіна испо^дняя ^ж ёсть печенная жила въ правой руцѣ, а в лѣвой руцѣ та ёсть жила селезённаа, а именуётся базилика. тѣ^х пускаёмъ ѿ преизлішности крóви. тако ^ж пристойтъ ихъ пустіти ѿ тёмности о́чныа и ѿ б́лести грудныа.

Перванадесят двѣ жилы котóрые леж́а^т попере^р руки, пристойтъ пуска́ти ѿ се^рдечныа б́лести, и наводитъ ч́лку бл́горазуміе, и по^лзуётъ ѿ вс́кїа тягости || (л. 352) сустáвныа и стомáховы, и ре́брь и боко^в, и ѿ преизлішности кровавыа.

Вторанадесят двѣ жилы и^з стороны вы́ше запістыа пускаёмъ ѿ вс́каго согнїтіа и б́лести печенныа и ѿ течёниа крóви и^з ноздрей, и ѿ колóтиа в́ боцѣ^х, а пу́щаёмъ е́а въ м^сцѣ маіе.

Третьянадесять селезённаа жила пристойтъ пустіти ѿ гнилыа крóви се^рдечныа и ѿ колóтиа се^рдечнаго, и ѿ вредїте^лныа мóкrostи и ѿ вс́кїа б́лести селезенныа.

Четвертанадесятъ двѣ жилы по^д пупомъ, пу́щаёмъ и^х ѿ о́току мехирнаго и ѿ грыжи, и ѿ камени в пузырѣ.

Піятанадесят двѣ жилы по^д пупомъ, пускаёмъ ѿ вс́кїа б́лести мехирныа. и ѿ камени в́ пузырѣ и ѿ ќрости поче^чныа, и ѿ водоточивныа б́лести, и ѿ грыжи спінныа.

Шестанадесят жила пущена све^рху мехирна по^лзуётъ дроблѣнію камени и о́току мехирному и воднаму недугу.

Се^дманнадесят жила испо^д мехиря пускаёмъ ѿ о́току мехи^рнаго, и ѿ водоточивныа б́лести.

¶ De .xviiij. Twe aderen an ysliker syden der schenen. ys gud (f. 72r) vor de wathersucht ghelathen. efft se yn der blasen ys. vnnd vor de tzeterynghe der aderen. vnde vor de masselsuke. dar van de minsche syne varwe vorlust.

¶ De .xix. Twe aderen vnder den kneen an beyden beenen de schal men lathen vor dat we der derme. vnde kurrent des bukes. vnde gheswulst der bene.

¶ De .xx. Twe aderen bouen an den enckelen. vor de rudicheit vnde bledere der beene.

¶ De .xxi. Twe aderen ynwendich der waden. vor de sucht vnde vor ander ghebreke des lyues vnde beene.

¶ De .xxij. Twe aderen an beiden enckelen. vor de blederen an den beenen vnde lenden. vnde vor dat breck der waden vnde sunderlike den vrouwen ys dat nutthe de nicht gherenighet sint na der ghehort. vnde ere recht nicht hebben to rechter tyt.

¶ De .xxiiij. Twe aderen by den enckelen vthwendich an beyden benen. sint gud vor de suke des ruggghen. der lenden der neren. vnde des yngheweydes. vnde beswarynghe der naturliken gheleder. an vrouwen vnd an mannen. vor hindernisse der kolden pisse. vnd me schal de deste vakener lathen. vnde nicht tho vele. Wen me nu ghelathen hefft. So schal men nicht slapen noch arbeit dōn. noch tho vele ethen Men schal ethen broet dat eine nacht olt ys. vnde versche eyer. hūner. vnde ock de yuchghe. vnde alle dat lycht tho vordouwende ys.

¶ De .xxiiij. Eine ader an deme vōthe. vor den vlōthe der oghen. vnde dat oghen sweren. vnde. flecken. vnde vor den steen. vnde vlōte an den beenen. vnde bringhet den vrouwen ock ere kranckheit.

¶ De .xxv. Twe aderen de hethen Salfoca. de schal men nycht slaen. wente we se sleit edder dar an lathet. deme geyt de sele alle lachende vth.

¶ De .xxvi. Twe aderen an yewelyker syden. an den kle(f. 72v)nen teen. ys gud vor de suke der lenden vnde der blasen. der moder. vnde vor vele ander bōse vlōthe.

¶ De .xxvij. Eyn ader am ende des ruggghen. vor de suke der lenden. vnde starket den rugghe.

¶ De .xxviij. Twe aderen tuscken dem klenen vyngher vnde deme gholt vyngher. ys gud vor eine vorstoppede borst. vnd so einem nicht lustet tho ethende. vnde vor alle bōse ghebreke der mylthen. vnde dat kolde terciana vnde quartana.

¶ De .xxix. Ein ader vp dem ellebōgen. vor alle suke des hōuedes vnde vlote der oghen.

¶ De .xxx. Eyn ader heth Pulmatica. am rechten armen vor dat herthe wee vnde ghebreck der lunghen. vnde des hūsten.

Осмáянадеся^Т || (л. 352об.) двѣ жи́лы и³ ѿбои^Х голеней пуска́емъ ѿ водоточивнаго недуга, ꙗ́ще то́тъ недугъ в пузырѣ стои́тъ, и́ для бѣнѣй жи́льны^Х, и́ для недуга ѿ ко́его члѣкъ лице свое перемѣнитъ.

Девѣ́таянадесять двѣ жи́лы изо обои^Х ногъ испо^П колѣ^Нку пу́щенъ, по^Пзуе́тъ бо́лести во чревѣ и́ въ брюхе, та́ко же и́ о́току но^Ж но́му.

Двадесѣ́таи двѣ жи́лы выше лоды́жекъ пуска́емъ для хрúны и́ корóсты голенныя.

Двадесѣ́Т пѣрвая двѣ жи́лы пу́щены изъ ыкрѣ. пристои́тъ ѿ различныхъ недúговъ тѣлесны^Х и́ ножны^Х.

Двадесѣ́Т вторáи двѣ жи́лы на обои^Х лодышка^Х, пуска́емъ для чирьевъ ножны^Х и́ бедряны^Х и́ для бо́лестей и́крны^Х. и́ то́ о́собнѣ пристои́тъ жонка^М ко́и не вычища́ются послѣ рóду. и́ ко́и не имѣю́тъ менстрова теченія сво́его въ подо^{НО}. вре́мя.

Двадесѣ́Т третья двѣ жи́лы вѣ́ше обо^Рника пуска́емъ изо обои^Х ногъ. по^Пзуе́тъ бо́лести спи́нной и́ бедри́ной и́ почечной и́ всѣ^Х ну́триныхъ. тако́ ^Ж и́ для о́тлгченія е́стествоны^Х || (л. 353) у́дóвъ в́ мужескомъ полу́ и́ въ женско^М и́ для странгѣ́вы бо́лести. а́ пуска́емъ ты́и жи́лы ча́сто, а́ непомно́жку. а́ послѣ пуска́нiа не спи́, ни па́ки дѣлай, и́ не ѿбѣда́йся но́ ю^Ж хлѣ^Б ко́торой но́чь перележа́лъ и́ и́йца свѣ́жие, и́ кúря и́ у́ху хлеба́и тако́ ^Ж и́ и́ныи е́ствы е́жъ ко́торые со́бою ско́ро но́ите^Пны сýтъ.

Двадесѣ́Т четве́таи жи́ла вѣ́ше пнѣты пуска́емъ для теченія ѿчны^Х и́ для прыщѣ́й во о́ча^Х. и́ для ѿблiвы, и́ для страда́нiа ка́менiа. и́ для о́току но́жнаго, и́ ѿ то́го пуска́нiа двiжется менстрова въ жонкахъ.

Двадесѣ́Т пнѣтая двѣ жи́лы ^{СУТ} названы са^Поока, тѣхъ да не пуска́емъ. ꙗ́ще и́хъ пу́стишь, тогда захненешиси́ и́ ра³смѣ́ивси́ дшю испу́стишь.

Двадесѣ́Т шеста́и двѣ жи́лы изо обои^Ххъ страна́въ пони́же боковъ пуска́емъ ѿ бо́лести по́кнiчныа и́ пузы^Рныа и́ матриковы, и́ ѿ и́ны^Х различныхъ теченiй.

Двадесѣ́Т седма́я жи́ла на конецъ спи́ны пуска́емъ ѿ бо́лести по́кнiчныа, и́ спи́на ѿ то́го у́крѣпiтси́.

Двадесѣ́Т осма́я двѣ жи́лы про||л.353об.)ме^Ж безы́мiнника и́ мизинца, пуска́е^М ѿ залегáнiа плiо́чнаго, и́ ѿ несладостнаго прiя́тiа бра́шеннаго, и́ ѿ всiкiа вредителныа бо́лести селезенныа, и́ ѿ ое^Рбе триднѣвныа и́ четвероднѣвныа.

Двадесѣ́Т деви́тая жи́ла на^П локте́мъ пуска́емъ ѿ всiкiа бо́лести главныа и́ ѿ теченiй ѿмра́чны^Х.

Тридесѣ́тая е́ди́на жи́ла и́мену́ема пу^Пматика на право^П рукѣ вѣ́ше лóкти пуска́емъ ѿ бо́лести се^Рдечныа. тако́ ^Ж и́ ѿ плю́ча и́ ѿ кашли́.

¶ De .xxxī. Twe aderen an beyden armen. de eine ys de mylth ader vp deme lyncken arme. de ander ys de leuer ader vp deme rechteren arme. vor tzytteren vnde beuent der arme vnde hande. vnde ghebreck der leuer vnde mylthe. vor de vpblasynge der gallen vnde sucht des rugghen. der ribben. der syden. vnde aller gheleder. vnde vor dath blodent der nesen.

¶ De .xxxij. Twe aderen an den wanghen. vor de rudicheit. grynt. vnde swilnisse des anghesichtes.

¶ De .xxxiiij. Twe aderen yn der krummede der oren. vor dat susent vnde zyteren des hōuedes.

¶ De .xxxiiij. Twe aderen hynder den oren. vor de suke der tene. vnde bladeren des anghesichtes.

¶ De .xxxv. Eyn ader vp der nesen. ys gud vor de vloete des hōuedes vnde des anghesichtes.

¶ De .xxxvi. Twe adere beneuen dem wynckel der oghen by der nesen. ys gud tho lathen vor den neuel vnde dunckerheit vnde vlōte der oghen.

(f. 73r) ¶ **Vtherwelde daghe to lathende.**

In dussen nauolgheden daghen. ys yd besunder gud lathen.

¶ Int erste. Vp sunte blasius dach.¹ De ander dach Philippi vnd Jacobi.² De drudde dach Bartholomei.³ De veerde dach Martini.⁴ Ock doen ein deels meister hyr tho sunthe Valentinus dach.⁵ vnde sunthe Steffens dach.⁶ Vnde also weren der laet daghe .vi.

(f. 73v) ¶ Eyn yslick minsche de ouer .xx. yaren ys. de schal lathen yn dussen na volgenden daghen. In dem .xvi. daghe des Mertzmanten. an dem rechten arme. vmbe des hōrens willen. Des .xxvi. daghes ym Aprille. an dem lyncken armen. vmbe des ghesychtes willen. Des vefften effte sestent daghes yn dem Meyge. an yslykem armen vmbe des snouen willen. ¶ In dessen .iiij. daghen schal nemant lathen. wedder minsche noch beeste. Also ys De .xxv. dach yn deme Mertzmanne. De erste dach yn dem August manne. De leste dach des Nouember. ¶ Alle aderen de to deme hōuede ghan de schal men lathen na ethen. Vnde alle de anderen an den armen schal men nuchteren lathen.⁷

¹ 3 февраля. ² 1 мая. ³ 24 августа. ⁴ 11 ноября. ⁵ 14 февраля. ⁶ 26 декабря. ⁷⁻⁷ Перевод пассажиа отсутствует в списках №№ 2–10. Список № 1 остался недоступен.

Тридесѣтъ пе^рвая двѣ жи́лы во ѡбои^х рука́хъ выше предиречѣнны^х, е́дина ѣсть селезеннаѣ в лѣвой руцѣ. другая ^ж печеннаѣ в пра́вой странѣ. тѣ^х пускае^м ѿ триасновѣнїи и бїенїи ручны^х. тако ^ж и ѿ болести печенныѣ и селезенныѣ, тако же и ѿ надыманїи жѣлчи и ѿ болести спїнныѣ и ребренныѣ и боковыѣ и ѿ всѣ^х ѹдѡвъ. тако же и ѿ теченїи крѡви из ноздрѣй.

Тридесѣтъ втораѣ двѣ жи́лы и^з скороней пускае́мъ для корѡсты и нечистоты, и ѡтоку личнаго.

Тридесѣтъ третьяѣ двѣ жи́лы || (л. 354) в заги́бѣ^х ѹшны^х пускае́мъ для шу́му и триасновѣнїи главнаго.

Тридесѣтъ четве^ртаѣ двѣ жи́лы за ѹшима, пускае́мъ для зубныѣ болести и для прыщѣй на лицѣ.

Тридесѣтъ пїятаѣ жи́ла на конецъ но́са, пускае́мъ для теченїи главнаго. тако же и личнаго.

Тридесѣтъ шестаѣ двѣ жи́лы во ѹзгѣхъ ѡчны^х подле носа пускае́мъ для ѡблакъ и темностей о^чны^х.

Конецъ то^ткованїю жи́ль.

ОЛДП F. 49, л. 361об.

Сїѣ сѹтъ и^збранныѣ дниѣ крѡвь пуцѣати во весь го^л бе^збранны.

В трѣтїи дѣнь м^цѣ оеврала. **Д**а в первый дѣнь маїа. **Д**а въ, кѣд м^цѣ августа. **Д**а въ аї дѣнь м^цѣ ноѣбрка.

Нѣцый же ма́стеры прибавливають к тому, дї дѣнь м^цѣ оеврала.

¶ De hōchgelerde mester Auicenna schryuet *vnde* secht. Dat ader lathen ys eyn anfanck aller ghesuntheyt. Id ghyfft gūden mōth *vnde* ghedechtenisse. Id reinighet de blase. *vnde* den *magen*. de lunghe. leuer. *vnde* dat bregghen. *vnde* warmet dath marck. *vnde* doet vp dat horent. *vnde* renyget de *tunghe*. stillet dat beuent. *vnde* vordryuet de trachtheyt des lyues. Id reinyghet *vnde* lutert de *stemmen*. *vnde* vorluchtet dat vorstant *vnde* de synne. *vnde* werpet vth dat bōse blot *vnde* gyfft ein lanck leuent. *vnde* maket ghesunde lūde.

¶ Vort an schal me merken. an welkem ende yn deme liue de ghebreke synt. dar enteghen schal me an dem ghesunden ende de aderen lathen. *vnde* wen men des morgens lathen wyl. so schal me des auendes Galligan seden yn wyne. *vnd* dryncken den so me slapen wil ghan.

¶ De mestere spreken. dat allen lūden ys aderlathen ghud de rudich *vnde* schoruedich synt. edder gheswere. effte bulen an dem lyue hebben. offte vthsetsicheit. offte bōse rōde varwe hebben. edder de steliken yn grothen vratze *vnde* vullen leuen.

¶ We tho der aderen wil lathen de schal dath blot lathen ghan bet yd sick vorwandelt. ys yd swarth *vnde* dycke. so lath yd lōpen bet yd luther edder roder *vnde* dunner wert.

(f. 74r) ¶ De meister Ipocras spryckt. we aderlaten ouergyfft. *vnde* beydet dar tho langhe mede. de vallet yn grothe kranckheit. wente de aderen tho vul werden *vnde* hebben nenen vtghanck. so moth dat ouerflodige blot vulen. dar van *kumt* dat febers. quade hetthe. *vnde* de worm. *vnde* maket wedaghe *deme* hōuede. den oghen. den tenen. *vnde* alle dem lyue ynwendich *vnde* vthwendich. Dar *vmbe* ys aderlathen gud tho rechter tyth ghebruket.

¶ We tho der ader leth. de schal des ersten daghes metich syn mit ethende *vnde* dryncken. *vnde* nicht vnkusch syn. des anderen daghes schal he rowen *vnde* vrolich sin *vnde* wol leuen. Des drydden daghes schal he stille syn *vnd* nicht vtghan. Des veirden daghes schal he baden. Des vyfften daghes schal he syn werck dōn.

¶ Alle aderen an dem arme ynwendich schal me nuchteren lathen *vnde* am knee. De ander aderen. der hende *vnde* vōthe. der bene. des hōuedes. *vnde* am lyue. der lenden. *vnde* des rugghen. Desse aderen schal me lathen wen me hefft gegeten.

Высокоучителный ависенъ пишетъ, чтоо кровопусканіе жилное начатокъ ёсть здравію. и ѿ того бываётъ весе^тство и добраи памиать и вычиститъ || (л. 362) пузырь и стома^х и плюче и печень и мозгъ главной. и нагрѣтъ мозгъ в костехъ и слу^х сотворитъ, и кзыкъ чиститъ и трисновеніе уйметъ. и лбность тѣлесную ѿгонитъ и чиститъ и кнность гласу подаётъ и просвѣтитъ разуму и смысла и кровь лиханъ исходитъ. и животь продолжитси и ³дравіе наводитъ. Сіе же разумѣи что в котóромъ ўдѣ на тѣле болестъ, в томъ мѣсте крови не пускаёмъ, но противу того мѣста на ³доровомъ мѣсте кровь пускаёмъ или рожки поставліёмъ. **И** аще ўтре хоще^м кровь пушати тогда на канунѣ вечере га^тганъ варити в винѣ, и то вино пити ложася спати. **В**рачеве глаголють что всѣмъ людемъ добро ёсть кровь пустити кои собою коростоваты и прыщеваты, и чи^реваты, и тѣ^м котóрые прокаже^нны суть. тако ^ж и тѣ^м кои собою че^рлены и угреваты, тако ^ж и тѣ^м кои всегда во о^биденіи и в пид^нствѣ бываю^т. **А**ще кто кровь жи^нную пусти^т то^т крови да не уйме^т дондеже премѣнитси. аще || (л. 362об.) кровь черна и густа или то^нкостна.

ОЛДП F. 49, л. 354

Маи́стръ ипокра́тъ глаго́летъ.

Кто кровь жилную пускавъ и потомъ перестанетъ. и временемъ проткнетъ тотъ впадаётъ в великую болестъ понеже жилы испо^нниютси, а исхода не имѣютъ. и такъ преи³лишнаа кровь ра³горитси, и ѿ того родитси оѣбре. тако же и вредителное горкчество. и творитъ болестъ главѣ и очамъ и зубомъ. и всему тѣлу в нутри ино ёсть добро кровь жилную пустити во время подобно. **А** кто кровь жилную пускаётъ тотъ бы в тотъ день не о^бидался ни опива^нси и блуда не твори^т, а на другоу день || (л. 354об.) да опочинетъ и весель да будетъ. В третій же день да упокойтси и не выхóдитъ. В четве^ртый же день в мы^лню пойдеть. В пятый же день дѣло своё дѣлаётъ. **В**сѣ жилы ѿ запастыа до рамени тако же и жилы колѣнныа пускаёмъ нека^нши. **А** иныа жилы ручныа и ножныа и главныа и на тѣле кко же в ли^двиахъ и^т в спінѣ тѣхъ всѣхъ пускаёмъ по^сле брашна.

¶ **Tho erkennen notroffticheyt** des aderlathendes.

¶ De notorfft des aderlathendes. schal me dar by erkennen. Deme mynschen kamen vele sware drome vor. vnde ysz ganz trach an deme lyue. vnde swarmodich. vnd em lustet nicht tho ethende. vnde werden vnderwylen bulen. vnde sweren an deme lyue. dat vleck huppet em vnder der huth. de aderen sint ser vul. de pulsz ys grôot. vnde dat water ys rôot vnde dicke.

¶ **By der aderlatynge moet men** myt vlyte wol anmerken dryerleyge. In dat erste. dat oelder van *deme* mynschen. In dat ander. dat oelder van deme Mane. In dat drudde. dat teken dar de Mane ynne beweghet wert. Van deme ersten moth me merken desse regulen (f. 74v) Vor .xiiiij. yaren. vnde na .Ix. yaren denet nemande de aderen tho lathende. De ander regule ys. dat de van .xx. yaren sint vnde dar enbauen. scholen lathen yn deme ersten quarter des manes. Vnde de van .xxx. yaren synt. scholen lathen yn dem anderen quarter. Vnd de van .xl. yaren. synt vnde dar enbauen. scholen lathen yn dem drudden quarter des Manes. In deme veerden quarter enthemet nemande tho lathende. wente dat quarter suet dat older an. welker oelder neen bloet hefft. Hyr vth schal men merken. dat de yunghen lûde scholen lathen. wen de Mane wasset. vnde de olden wen de Mane afbrickt. Item van deme anderen. alze dath older. van deme Mane. moet me merken desse regulen. De erste regel ys. Wen de mane erst entsenghet. vnde ock wen se vul ys. so schal me nenerleygeweisz lathen. De ander regel ys. Dat me vor deme vefften dage vnde na deme .xxv. daghe des Manes. schal me ok nycht lathen. Item yn dat drudde. van der tyt. Merke desse regulen De erste ys. dat yn der koldesten. vnde hetesten tyt. also yn den hunde daghen (de anghan des achten daghes na Petri vnde Pauli warende bet des achten daghes na Laurentij) ys nenerleigeweisz to latende. De ander regel ys. Dat yn deme Meyge vnde yn deme Herueste. seer gud tho lathende ys. mer wen yn deme Wynther vnde Samer. wente denne synt de minschen meer schicket tho kranckheiden. De drudde regel ys. Dat me yn deme Meyge vnde Samer. schal lathten yn der rechteren syden. vnde yn deme Herueste vnde Wynther. schal me laten an der luchteren syde. In dat lateste. schal me merken vnde wethen van den teken. desse regulen. Alze wen de Mane ys yn vurighen edder luchtighen teken. so ys yd vele bether to der ader lathende efft se were yn erdeszken effte waterghen teken. Auer ys de yenne de lathen wil van sangwinier complexie. so synt de erdeszke teken vor em de besten. Is he ok colerice nature. so sint (f. 75r) de wather teken vor em de beste. Vnde ys he melancolier natur. so synt de luchtighe teken vor em de beste. Is he auer flegmatiker. so synt de vurighen teken vor em de beste.

Item wen du to den aderen lathen wult. so snydt Galligan vnde nym den yn de munt. vnde kouwe ene Dat holt dat gude bloet by dy. vnde dat bôse gheit van dy.

О познáníи нўжи кровопускáníю.

Нўжу чтò надобе^Т кровь пушати, тѣ^М сѡпознаваемъ, коли члкъу приходитъ сонъ тѡгостень и грѣженіе, а тѣло^М станеть тѡжекъ и лѣнивь, а брашна прїитїи не мыслитъ. а нѣогда растутъ у него на тѣле чїрыи и мѣти, и мѣсо по^Д кожею двїжетца и жїлы ве^Ммї напо^Д нїкїютси. и живѡтнаѡ жїла вельми тепѣтси, а урина егѡ черлена и густа.

В **жилно^М кровопускáníи с прилѣжаніе^М велики^М три вѣщи подобае^Т разумѣти.**

Первое лѣта челѡвѣческа. ||

(л. 355) Второе мѡлода и вѣтха мѣсечнаго.

Третіе^Ж зодїе в котѡро^М луна о^Бхѡдитъ.

О **пѣрвой вѣщи примѣчай сіе правїло.**

Прѣже, дїи лѣтъ и послѣ^Ж 3 лѣ^Т, не пристойтъ никому кровь жїльную пустїти. **В**торое чтѡ тѣмъ людемъ котѡрые кѣ ти лѣтъ и повѣше, тѣ жилную кровь да пускаютъ в пѣрвомъ перекрѡе молодово^М. а тѣ котѡрые въ лї лѣтъ тѣ да пускаю^Т в другомъ перекрѡе по^Д полнѣ, а тѣ котѡрые въ м лѣтъ и вѣше тѣ да пускаю^Т в трѣтїемъ перекрѡе, сїрѣ^Ч во уще^Рбѣ. **А** в послѣднемъ перекрѡе никому ни пристойтъ пускати. понеже ветховѡй перекрѡй зрїть старѡсти, а старѡсть ни кѡея в себѣ крови не имѣеть. **Б** сїхъ предиреченныхъ примѣчай чтѡ молодые люди кровь да пускаютъ егда луны прибывае^Т, старые же да пускаютъ егда луны убывае^Т. **З**дѣ да примѣчаеши о лунѣ. **В** пѣвыхъ что в настанїе мѣца. тако же егда мѣцъ полонъ в тѣ^Х в дву дне^Х нико^Ж кровь да пускаемъ. **В**торое же что прѣ^Ж пѡтїи днѣй после настанїи, ни пѡки || (л. 355об.) послѣ^Ж кѣ днѣй того^Ж мѣца, кровь ника^Ж да пускаемъ. **Т**ретіе же примѣти времѡ годовѡе чтѡ в болши^Х морѡзѣхъ. да в лѣтнее въ жа^Ркѡе времѡ, кѣко во дне и кѡи начнутси в той же дѣнь послѣ петрѡва дни а скончаютси в той же дѣнь послѣ а^Рхидїи^Кконова лаврентїева дни, и в тѣ времена ника^Ж кровь да пускаемъ а веснѣ и в ѡсень лѣтши есть кровь пускати, неже^Д лѣте и зимѣ. понеже в тѣ^Х временѣ^Х естество члѣское устроѣно к немощемъ. **А** веснѣ и лѣте пускаемъ кровь ис правые руки. **А** в осе^Н и в зиму пускаемъ кровь и³ лѣвые руки. **П**рїстойтъ же вѣдати и сѡ зодїи^Х чтѡ егда луна есть в зодїе сѡгненной и сѡблѡчной, тогда лѣтчи есть кровь пускати, нежели егда луна в земно^М и водкномъ знаменїи. **Н**ѡ аще хотѣщимъ кровь пушати, а снѣ^Ж есть естествомъ сангвинеусъ, тогда емѡ пушати пристойтъ егда луна в земномъ знаменїи, и аще ѡнъ естество^М колери^К тогда да пушѣеть в водкно^М знаме^Ни. || (л. 356) и аще ѡнъ естествомъ тогда кровь да пѡститъ в знаменїихъ аѣрныхъ. и аще ѡ^Н естествомъ флегмѡтикъ тогда кровь да пѡститъ в знаменїихъ сѡгненныхъ. **Е**гда кровь и³ жїлѣ хѡщеши пустїти, тогда рѣжъ мѣлко галгану и жѡй во^Р тѣ тогда дѡбраѡ кровь не йдетъ а лихѡя выйдеть.

¶ **Wo men dat blot schal beseen.**

Item wen ein minsche tho der ader hefft ghelathen. so schal dat blot eine kleine wyle stan. *vnde* me schal dath denne beseen. Is yd den schön. roth. *vnde* steit bauen. *vnde* hefft ein wenich luters wathers. *vnde* ys sothe *vnde* ruket wol. so ys de minsche ghesunt. Nu ys yd. dat dat blot schümet. he heft quat an der borst. Is dat blot blaw. so heft he quat an der mylte. Is dat blot grôn. he hefft quat an *deme* herthen. Isz dath blot ghel. so ys he kranck an der leuer. Isz yd ock heth *vnde* swart. so ys dat blot tho langhe ghehouden. Isz dat blot rot *vnde* hefft einen swarten *vmberinck* al *vmbe gande*. Dat ys gesat to *vthsettiszckheit*. Is yd swart blot. *vnde* dryuet dar water vp. he ys geneget to *der* quartane Men driuet dar vp blot *vnde* wather gemenget. dath ys ghesat tho der wather sucht. Isz yd rot bloet. *vnde* lutteck waters dar vp dryuet *vnde* dat wather ys klar. dat ys gud blot. Nu merck vort an. ys dat blot waterich. so dat yd ghelopen ys. *vnde* nicht hastelick bestat. dat ys ein teken van quader fuchticheit yn *deme* lichamme. Men ys yd so dat yd bestande blefft. *vnde* vele waters dar vp vletet. dat ys ein teken van kolder vuchticheit. Isz dat dar lutteck waters vp ys offte al droge. dat ys ein teken. dat de naturlike hetthe al vortheret ys. *vnd* ys ein teken van myddeler complexien. Isz ock dat blot mer swart wen rot. dat ys melancolie. *Vnde* blyfft ock dat bloet hastliken besthandede. yd en were dat yd in der kulde stonde. dat ys quat blot. Wes (f. 75v) blot vele schumet. dat ys *van* ouerscheriger humoren. Ghud blot schal wesen slicht. klar *vnde* rot. *vnghelick van* varwen. dat ys *vnghelick van* humoren. Wes blot gheuarwet ys also zepe. de schal dicke lathen to *der* tyt. dat dat blot werde bet *gedan*. *wente* he ys gesat to *der* quartanie. also dicke geprouet ys.

¶ Item Latet ein kranck minsche vp dem arme. so nym ein drope des suluen blodes. *vnde* lath ene vallen in ein water. blift he by einander *vnde* vallet to grunde. so geneset de minsche. bliuet he auer nicht by einander. *vnde* dat blot sweuet bauen vp *deme* wather. so geneset de minsche gar seldom.

Послѣ кровопусканїи кровь да постоитъ маленько. и потомъ еи смотримъ и аще кровь хороша и черлена наверху плавающу имѣя на себѣ малу и чїсту воду, а собою блговонна тотъ члкъ здравъ. и аще та кровь имѣеть на себѣ пѣну малу и чїсту тогда тотъ члкъ имѣеть у собя болѣсть в персѣх. и аще кровь сїяя тогда болѣсть в селезѣни. и аще кровь зелена, тогда срѣце болно, и аще кровь желта, тогда болѣсть в печени. и аще кровь горича и черна тогда кровь передѣжана ѣсть. и аще кровь черлена имѣя около тазу кружало чернѡ прилѣпше, то знаменуетъ прокаженїе. и аще кровь собою черна и плавае навѣхъ еи маленька || (л. 356об.) вода, тотъ члкъ уклонїется на четвероднѣвную ѡebre. но аще на той крови плаваеъ кровь смѣшена с водою, то знаменуетъ что водоточївная болѣсть в томъ кївїтск. и аще кровь черлена, и навѣху плаваеъ вода чїста то ѣсть кровь здрава. Разумѣи здѣ аще кровь выпущена и³ жилъ, собою водкнѡстна а нескоро загустѣеть то ѣсть знаменуетъ вредїте^лныя волгости тѣлесныя. но аще кровь скоро загустѣеть и множествена вода навѣхъ еи плаваеъ, то ѣсть знаменїе студѣныя во^лгости. и аще на^л крови^ю маленько воды станетъ или сѣхо, то ѣсть знаменїе что естествое горичество истреблено ѣсть, а тотъ члкъ естествомъ ѣсть средостень, и аще кровь боле ѣсть черна нежели черлена, то ѣсть знаменїе меланколїево, и аще кровь загустѣеть кїко стоя въ студѣномъ мѣстѣ, то ѣсть болнак кровь. и аще многу пѣну на себѣ имѣеть то знаменуетъ преи³лишенство мѡкрости тѣл(л.357)лесныя. Дѡбрак кровь собою ѣсть то^нкостна и свѣтла и черлена неравны^м цвѣтомъ сїрѣчь не ѡ равнаго естества исходї. и аще кровь собою цвѣто^м аки мѣло размылено тотъ часто кровь пускаетъ. понѣже уклонїетск къ ѡebre четвероднѣвной и то много ѣсть испїтано. Аще котѡрый члкъ болїщїи кровь пусти^т и³ руки, и ты во^ми едїну каплю тоѣ крови, и пусти в сосу^л исполненъ водою, и аще та капля падетъ на днѣ и не ра³дѣлїтся, тогда тотъ члкъ ѡ тоѣ болѣсти встанет. и аще кровь ра³дѣлїтск и навѣхъ воды плаваеъ тогда рѣ^лко болїщїи встанетъ.

Здѣ скончаск сказанїе о жи^лной крови.

¶ Van koppe setthende

(f. 76r) Dat lathent dat me doet mit koppe setthende. vthwendich an deme lyue. dat ys gud. wente men wert dar *van* nicht so kranck also *van deme* ader lathen. Me schal merken dat dar vele stede an deme liue sint. dar men de koppe hennesetthen mach. Also an dath vorhouet. vor alle ghebreke *der oghen*. *swimmyge*. gheswere. *vnde* alle kranckheit des hōuedes. Me settet se *vnder* deme kynne. vor geswelle des mundes. des thene vlesches. *vnd smerthe* der thene. *Vnder* an de Brust vor de smerthe der Brust *vnde* des athems. An de stede der leuer. dat se nicht dorre werde *vnde* brune. An de stede des magen. vor de gheswelle des magen. *vnde* warmet ene. *vnde* dryuet de vnreinicheit van eme. *Vp* de borst *vnde* hande. vor alle kranckheit des hōuedes. *der oghen* *vnde* der oren. *Vp* den rugghe. vor alle kranckheit. *Vp* de lenden *vnde* erszbyllen vor rudicheit. gheswere. *vnde* ouerflodighe vnkuscheit. *Vp* de enckelen der vōthen. vor de bulen *vnde* *swimmyghe*. *Vp* dat dicke van deme bene. vor alle ghebreke der kolden pysse. *Vnder* den nauel. vor dat mylthe stekent. *vnde* dat we dōn des bukes.

¶ Cristere to settende.

¶ De meister Almansor spryckt. Dat cristeren ein edele arstedye sy. *vnd* dryuet vele der bōsen materien. *van* deme minschen. Dat sint auer de lūde de des bedorff hebben mer wen der ander lude. Id synt de. de grot *vnde* vet sint. *vnde* de vele spyse *vnd* aueth ethen. *vnde* de wenich lopen *vnde* ryden. Ock spryckt Almansor so ein mynsche de spyse ethet de de enen to stole maket ghan. na der arsten rade. *vnde* to rechten tyden. dat yd de aller beste arstedye sy den minschen tho beholden. ¶ De meister Auicenna sprickt *vnde* ock Almansor. Id sy nutthe den lūden de hyttych *vnde* dorre sint. yn einem ghemeinen steruen. Dat se drincken gersten wather (f. 76v) *vnde* ock sust ander klare wather. *Vnde* ys nutthe. dath ein minsche en weinich etykes yn der spyse effte drancke to sick nemet. *vnde* besunder so de lucht vorgyfftyget ys. also yn der pestelencie.

(л. 357)

О рожѣчномъ поставленіи.

Кровопусканіе рожѣчное вѣтъ тѣла до^бро ѣсть. а члѣкъ не толь бе³сильствуетъ ѿ того ꙗко же ѿ жи^лнаго кровопусканіа. Здѣ да вѣси что многіе мѣста сѹтъ на тѣле гдѣ рожки поставліаю^тсѹ. Среди лба рожѣкъ поставліае^{мъ} по^лзуе^т всѣкимъ болестемъ со^чнымъ і ѿмороку и ѿтоку и всѣкой бо^лѣсти главно^и. || (л. 357об.) Та^ко же ро^жки поставліае^{мъ} по^л бороною, ѿ ѿтоку ку^птнаго и ѿ бо^лести дѣсны и зубныа. По^л грудю же рожки поставліае^{мъ} ѿ бо^лести грудей и ѿ тн^жкаго во³дыханіа. Рожки поставліае^{мъ} на печени длѣа то^го, что^бы печень не высыхала и не загорѣлася. Ро^жки поставліае^{мъ} на^л стомахомъ для ѿтоку стомахова. и нагрѣе^т его и всѣкую нечистотѹ выгонитъ. Рожки поставліае^{мъ} на гру^{ди} и на запѣстыа^х ѿ всѣкѣа бо^лести главныа и со^чныа и ѹшныа. Рожки поставліае^{мъ} на хребтѣ ѿ всѣкѣа бо^лести. Ро^жки поставліае^{мъ} на ля^двикхъ и на бе^ра^х ѿ коросты и ѿ све^рбежу, и ѿ преи³лишнѣа нечистоты. Ро^жки поставліае^{мъ} по^л лодышками ѿ ѿтоку и ѿ ѿмороку. Ро^жки поставліае^{мъ} на икрѣ^х, ѿ стра^нгвиѣвы болѣзны. Ро^жки поставліае^{мъ} по^л пупомъ, пользуетъ бо^лести селезе^нно^и и ѹсовемъ, та^ко же и бо^лести нутреной.

ОЛДП F. 49, л. 357об.

О поставленіи клестеро^в.

О^учитель а^лманзо^р глаголетъ что кресте^р нарѣчито ѣсть врачеваніе и вы^гони^т || (л. 358) вредите^лныа сѹщества и³ члѣка, а нѣкоторымъ бо^ле пристойтъ нѣжели и^нымъ. а сѹтъ тѣи ко^и собою велики и тѹкостны, брашна приѣмлю^т множественѣ і ѹжинаю^т а мало дѣлаю^т или ѣ³дятъ. та^ко же алманзо^р глаголетъ. ѡще котѣрый члѣкъ брашно приѣмлетъ ко^е прохо^л творитъ по совѣту ма^стера в подо^бно вре^мна. то^го ѣсть пренарѣчѣишее врачеваніе члѣку ко здравію.

О^учитель ависенъ та^ко же і алманзоръ глаголетъ. что кресте^р поставити подо^бно ѣсть тѣмъ лю^демъ ко^и горячи и сѹхи сѹтъ, во вре^мна повѣтрости. та^ко же да пию^т во^ду кѣченную та^ко^ж и и^ныа воды исто^чниковъ чисты^х. та^ко же потре^бно ѣсть всѣкому члѣку по вся^к день при^ити маленько ѹксусу въ ѣствѣ сво^ей и ѿсо^бнѣ. а егда аѣръ кѣдови^лно ѣсть, ꙗко быва^етъ во время повѣтрости.

¶ **Van deme badende.**

De mester Haly sprickt. dat men yn neneme hethen vurighen teken yn *den* batstauen schal ghan. Also yn deme Wedder. Louwen. vnde Schutthen. Ock nicht yn kolden erdescken teken. (f. 77r) Also yn deme Steer. Iunckfrouwe vnde Steenbocke. De lûde scholen *baden* de nycht arbeiden. vnde altyt vele vnde wol ethen. vnde seer wyn edder beer dryncken. dar *van* wasset de fuchticheyt twiscken velle vnde vleschke. desse minscken moten alle *baden* yn sweyt bade. De ander minschen de sere arbeiden edder ryden yn hytthe. dat en de sweit vp der huth licht. de scholen *baden* yn wather bade. dat en dat sweyt aff gha. De ersten mōghen ock *baden* yn der batstauen. dat se den sweit vth theen. Aquarius de meister sprickt. wen me *baden* wil edder koppe setthen. so schal de mane syn ym affnemende. Id ysz gud badent wen de mane ys ym Scorpione Viscke Watermanne. Kreuete Wage vnde Twelinge.

Du schalt dyne bene vaken wascken yn warmen wathere. dath make to mathe warm. vnde do dar yn kamellen blōmen. dat ys den oghen. deme bregghen. vnde deme hōuede ghud. Me schal ock dat hōuet alwege nuchteren wascken. effte gar langhe na deme ethen. vnde schal dat to .xv. daghen ein male dōn. vnde schal dat ouer .xx. daghe nicht vnderweghen lathen. Me schal ock yn *den* batstauen nicht to hant ghan so me gethen hefft effte wen de minsche vōlet dath he vol ys. Me schal beiden so langhe dat de spyse mer dan halff vordouwet ys. drie edder veer stunde na deme ethende. Me schal ock nicht dryncken yn dem bade edder batstauen. wente dar kumpt der leuer grot schaden *van*. Me schal ock na dem *baden* nicht drade ethen edder dryncken. bet so lange dat de minsche wedder kolt wert. Me schal ock nycht tho heth noch to kolt *baden*. wenthe tho heth dōt de sweit holer nicht recht vp yn deme vleszke. vnnd dat sweit blyuet twiscken velle vnde vleszke. Me schal ock nicht to heth *baden* vnde to langhe. wente yd krencket vnde tuet de naturlike hytthe to sere vth. vnd maket den minschen vnlustich. so dat eme nicht lustet to ethen noch to dryncken. edder to slapen.

О вхожѣніи банномъ.

Оучитель галиенъ глаголетъ. что в зодіи горічемъ и ѿгняномъ в баню не ходи^м ꙗко же во ѿвнѣ и в во лвъ и в стрѣцѣ. || (л. 358об.) тако же не входимъ и в зодіи^х студѣныхъ и земныхъ ꙗко же в телцѣ и в дѣвѣ и в козорозѣ. людемъ тѣ^м пристойтъ паритиски кои не рабѣютъ и всегда вслѣсть брашно приѣмлютъ, и с преи³лишествомъ вино или пиво пѣютъ и ѿ того рожаѣтси во^ггость проме^ж кожи и тѣла, и тѣмъ людемъ пристойтъ паритиски в сухомъ пару. а иныи^м людемъ кои ве^тми рабѣютъ и ѣ³дятъ во дни жа^пкѣи. а потъ на тѣле проліѣтси, и тѣ да парятси в мы^ннѣ с водою, да потъ смываю^т. **А**ще в мылно ит^ти хощеши, или рожки ставити тогда луна да будетъ во ущербѣ. а добро ѣсть пойти в баню егда луна в ско^ппѣи и в рыбѣ и в водолѣи и в ракъ, и въ крбѣ и в близнецѣ.

Пристойтъ всякому члѣку ноги парити водою теплою в которой варена ѣсть романова трава, понеже то ѿчамъ и мозгу и главѣ лечба ѣсть. Главу же паримъ на дще ср^дце, или до^гго спѣтси после стола и то творимъ чре³ѣи де^н. а кѣ ти дне^н || (л. 359) не перепусти. а в мы^нню не ходи бо^пзо после стола. или егда члѣк пѣанъ но ждемъ докуды изнойтси г или д часы после стола. а в мыльне да не пѣемъ. понеже ѿ того великаѣ болѣсть бываѣтъ печени. тако же и нескоро после мылни кдѣимъ или пѣемъ дондеже тѣло ѿохлодитси. а паримси в сре^днемъ пару а не въ жа^пкомъ. понеже жа^пкой па^п не попуститъ отворитси потницѣ и с тѣла. а потъ станетъ промежъ тѣла и кожи. а недо^брѣ паримси сноино и до^гго. понеже ѿ того бе³силіе бываѣтъ, и естественную теплотъ силно выткнетъ и наводитъ чело^вѣку на ѿхотство къ ѣ^же и к питію и ко спанію. а послѣ и^схоженіи мы^ннаго нескоро студѣтси. понеже ѿ того бываѣтъ великаѣ па^кость мозгу и главѣ и кѣстемъ и спѣнѣ. и ѿ того родѣтси судора^{га} и грыжа. терезвое же парѣніе либѣвость наводитъ тѣлу а то пристойтъ вельможамъ и цѣломудреннымъ людемъ. либѣвымъ же людемъ пристоймъ паритиски егда брашно вполы || (л. 359об.) изноѣтъ, и ѿ того ѿни тѣкѣсть приѣмлютъ. частое же парѣніе болѣсть наводитъ.

Me schal sick nicht lathen kolt werden na deme baden. wenthe dat (f. 77v) brynghet schaden dem breghen. deme hōuede. den beenen. deme marche. vnde deme rugghe. vnde maket de kramp vnde gycht. Ock nuchteren baden maket magher lūde. vnde ghehoret grothen vnde wysen luden to. Mager lūde scholen baden so de spyse wol halff vordouwet ys. dat maket se tho nemende. To vele baden bekamet nemande wol. Welke de den vloten hebben. effte dat houet we deit. edder de ogen edder de thenen. edder nyge wunden hebben. vnde sere yn hytthe edder kulde ghewandelt synt. edder gychtich sint. vnde hytthe hebben. edder vele gethen hebben. desse scholen nicht yn dat bath ghan. Anders se vallen yn grōthe wedaghe. De minsche schal vor to stole ghan er he yn dat bat gheyt. vnde enweinich ghan sick to bewegende. Nemant schal kolden wyn edder beer. edder anders wes dryncken yn deme bade. Na dem bade schal ock nemant ethen. peper. cypollen. knofloff. effte wat sere hytthet. dyth schole gy flytliken merken. wenthe hyr van kumpt gherne de Slyncksucht. Nemant schal ok langhe baden. he sy den veth.

We wol swethen wil yn deme bade. de dryncke vorhen nyctes nycht. Item an deme bade lycht mennigherleye vramen. alse de meister Almansor vnde Auicenna beschreuen hebben. wente yd weket dat krancke lyff. vnde dar van syck de hud opent tho swetende. vnde de tho hope gesammelde vnreinicheit wech gheit. vnde bosen wynde losen syck vth deme lyue. vnd schicket den lycham to slape. vnde vorminret de bōsen vuchticheit des liues. vnde vordriuet de wedaghe des liues. vnde stoppet den vletenden buck. vnde sachtet de modicheit. vnde maket lust to ethende. Ock deit dat bad vnderwilen schaden. Wente yd benympt deme lyue al sine krafft. vnde brynghet deme herthen ouerscherighe hytthe. dat dem minschen duncket dat dat herthe vorbernet. vnde maket ock den minschen vp ryspen. vnde bringhet deme mischen [!] bōse vuchticheit. zo mer to deme dōde. Wen he sik nicht recht schicket tho deme bade. so vor gesecht ys.

Аще когò у́троба де^ржит^т или глава́ болѣтъ или о́чи или зу́бы болѣтъ или грыжа или о́токъ, или кто о^бѣлскѣ тѣ да не входя^т в мы́лню, и́ аще за прѣступаю́тъ, тѣ в великой недугъ впа́даю́тъ. а пре^ж вхоженіа ба́ннаго члѣкъ да и́детъ на сто^лчакъ. и́ пото́мъ ма́ло походить. Никто́ же да не пѣтъ вина́ или пѣва, или ино́го студенаго пита́ в мы^лне. а́ по́сле мы́лни да не и́димъ ника́ко же пе^рцу, лу́ку чесноку́, или и́ныя ко́и е́стествомъ горю́чи сýть, и́ то с прилежа́ніемъ внима́й, поне́же ѿ того́ родѣтскѣ бо́лестъ ко́н имену́етскѣ канину^с а́петитусъ, сирѣчь не́исытъ.

А́ ктò хо́щеть гора^з до потѣти в мы^лне, то́ прѣже мы́лни да не пѣтъ в мыле^нно^м парѣніа различна́ е́сть врачба́, ꙗ́ко же у́чители алманзоръ, и́ ависенъ глаго́лютъ. поне́же парѣніе нутрь мя^хчитъ. и́ потницы о́творкѣю́тскѣ, и́ собира́телнаа вредѣтельнаа мо́кро^стъ || (л. 360) и́сходитъ. и́ вѣтръ вредѣтелноа о́воркѣтскѣ, и́ со́нь наво́дитъ и́ ума́литъ телѣсную вредѣтелную мо́крость. и́ у́тробное течѣніе завкѣжетъ, и́ у́томленіе холо́дитъ, и́ сла́дость въ бра^шнѣ наво́дитъ. а́ ино́гда ба́ня бо́лестъ наво́дитъ. поне́же сила телѣснаа ѿ того́ малѣтъ. да мнѣтскѣ члѣку что́ у́ него́ се^рдце загорѣлоскѣ, и́ рыга́ніе творѣтъ, и́ вредѣтелнаа мо́крость ѿ того́ рожа́етскѣ и́ сме́рть наво́дитъ а́ще небреже́ніемъ въ ба́ню по́йде ꙗ́ко же выше́ писа́но е́сть;

(f. 78r) **Van deme wather to beseende**

Meister Isaac. koninck salomonis sone. yn Arabyen. makede ein bock van schedynghe des wathers. dat got ne bethers gheschop. Dat vornam ein meister de hethe Constantinus. ein monnick van deme berghe Cassyn gheheten. *vnde* brochte dat vth grekescher tunghen yn latin. Nu so wil yck meister Ortolff in *deme* namen des *hemmelschen* vaders. dat sulue bock yn dudesche tunghen (f. 78v) brynghen *vmbe* hulpe miner selen. *vnde* nutticheit des minsliken slechtes.

Wo sick van ethende *vnd* drinckende vorwandelt de natur des waters.

Wen wy *ethen* *vnde* dryncken dat gheit alle in den *magen*. *vnde* wert dar ynne vordouwet. so de spyse de dar sedet yn *deme* *grapen*. van der spyse nympt de mage so vele also er nutthe ysz to erer vodinge. Wat dar ouer bliuet. dat gheit yn eine *darmen* de yn de *maghen* gheit. dar *van* nympt de *darme* ok ere bedorff. *vnde* send dat ander noch yn *eynen* *darmen*. *Vnde* wen de spyse *vnde* de *dranck* yn der *maghen* vordouwet ys so thud de leuere den *dranck* to sick myt eineme swete. recht also de seghelsten dath yseren tho sick thud. Tho hant so de *dranck* in de *leueren* komet. so vorwandelt he sick *vnde* wert to blode. *vnde* de leuer beholt dar *van* dat beste blod. Vort *van* der leuern gheit eine grote adere. also de en wenich *van* der leueren komet so delet se sick yn twe *aderen*. de eine gheit vth *vnde* delet sick in vele *aderen*. de dar gan tho allen leden de yn *deme* minschen sint. *vnde* brynghen den ere vodinghe wente dat leuent ys yn *deme* blode. De andere adere geit by syck. dar vth thud de lunghe den schumen des blodes to sick. *vnde* de galle dat hethe blot. Dar na sammelt dat sick yn den *aderen* to den *neren*. *vnde* klaret sick dar. *vnde* dar van komet dat wather *vrina*. dar na schedet syck yn klene *aderen*. recht so ein swet yn de *blasen*. *vnde* de blase hefft .ij. dinck de se to sammende drucken. wen de blase *denne* vul wert. so gan de dynger *van* en ander *van* swarheyt des waters. so lopet dat water *van* *deme* minschen. Dar na drucket de .ij. *dingen* de *blasen* to sammende. vp dat de *vrine* nicht stede *van* *deme* minschen lopet. Dat *vnreine* der spyse geit *van* der *eneme* *darmen* in de *anderen* so lange bet se de minsche vorlatet.

РГАДА ф. 188, № 649, л. 307

О оуринномъ ра³свженіи:

Мáстеръ исáкъ кралà солóмона сýнъ, во áрапскóю странѸ едінѸ кнѷгѸ составилъ. о разсвженіи оуринномъ. и то оурашмѣль едінъ мáстеръ емѸ же йма ко^нста^нти^н мнихъ, из горы еá ж имендѷт^т касиѷ^н. и перевелъ еà з греческаго кúзыка на латы^нской. А ннѷ азъ мáстеръ ортолѣфъ, во йма бжѷе, тѸ кнѷгѸ перевести хоцѸ с латы^нска^{гѷо} кúзыка на немѣцкїи. дщи моѣй на полсѸ. а къ оугóдїю родѸ члѣскомѸ:—

Како ѿ брашна, и ѿ питїа пренїтсѧ свщество оуринное:

Чтò мы їди^м и пѣмъ, то все войде^т в̄ stomachъ, и тамо изноѣ^т. їко брашно кое варимъ в̄ горшкѣ, ѿ брашна прїемлетъ stomachъ себѣ, еліко еѣ потребно е^с к̄ питанїю. а что оставаѣ^т, то войде^т в̄ кишкѸ коа и³ходитъ ѿ stomachа. и та тако же возме^т свою часть к̄ питанїю. и потóмъ досталь во индѷю кишкѸ войде^т:

А егда брашно и питие в̄ stomachе изноитсѧ, тогда пѣчень привлачи^т к себѣ питие пото^м, їко же магни^т желѣсо. потóмъ егда питїе дойдетъ пѣчень. тогда скóро пренїтсѧ в̄ кровь. а пѣчень в себѣ оставлѧѣ^т лѣшнѷю крóвь. а ѿ печени изходитъ великаа жїла. а коли та жїла недалеко ѿходитъ ѿ печени, тогда она раздѣлитсѧ на двѣ жїлы. едїна исходи^т, и раздѣли^тсѧ во многїе жїлы, которые распространѧютсѧ по всѣ^м оудомъ в̄ тѣле члѣскомъ, и подаю^т їмъ їхъ питанїе. понѣже живо^т стоить в̄ кровї. Дрвгáа ж жїла йде^т о себѣ. а из нее тáне^т плоче пѣнѸ тоѣ крови к себѣ. а жѣлчь привлече^т к себѣ горѧчество кровáвое. и пото^м собираѣтсѧ в̄ жїлахъ почечны^х. и тамо чиститсѧ. и ѿ того родїтсѧ оурина, и разойдетсѧ в̄ малые жїлы, и тако войдетъ ѧки потъ в̄ пѣзырь. а пѣзырь їмѣ^т двѣ вѣщи котóрые егò вмѣсто стеснаю^т. а егда пѣзырь исполнитсѧ, тогда тѣ двѣ вѣщи ра³стѣпатсѧ ѿ тагости Ѹринныа. || (л. 307об.) и тако оурина исходи^т ѿ члѣка. и паки тѣ двѣ вѣщи пѣзы^р стѣснѧю^т. длà того чтòбы оурина не всегда сѧкла и³ члѣка. Нечистотá же брашеннаа йдетъ ѿ кишкї до кишки, донде же испскаѣтсѧ:

(f. 79r) Wo me de vrine edder dath wather entfanghen schal.

Dat water schal me entfangen in .ij. vate. dat ene to middernacht. dat ander vro yn deme morgen. Dat de arste seen mach wo de wather schapen synt. wen se van deme minschen ghan. Etlick geit lutter van deme minschen. vnde wert dar na wlomich. vnde etlick dicke. Dar na des morgens schal me dat wather beseen. so bekennet me des minschen natur deste bet. wente de nature ys starker yn deme slape. vnde wen ein minsche arbeit. ofte he wakede. wente dar van de nature wert kranck. Men schal ok dat glasz schöne wasschen. vnde setthen dat yn eine stede dede noch to heth noch tho kolt sy. dat yd van der kolde edder van der hytthe sine staltenisse nicht vorlese. ¶ Men schal dat water nicht vele vmbe dregen. ok nicht yn mennich vat gethen. dat yd van deme dregende vnde van deme getende nicht wlomich edder schumich werde. vnde sick vorwande. Warmet me se ok. so wert se rot vnde bet vordouwet. wen se to vorne was. so wert de arste bedrogen. doch ys dat not so mot me dat sachte by dem vure edder yn warmen watere dōn. Dat wather schal ok men to einer tyt yn dat glasz entfanghen wesen. dat men mōghe bekennen wer des waters vele edder klene sy. dat van deme minschen gheit. Ock schal me dat water bedecken dat dar nene vnreinicheit in valle.

Wo de meister dat wather schal bekennen.

So de meister dat wather besut. schal he merken. wer des vele edder klene sy. edder metlick. edder to vele edder to klene. Is des tho vele dat schut vnderwilen van kranckheit. so de nature de ouerscherige fuchticheit van sick driuet. Edder so ein sunt minsche to vele ethet edder dryncket. vnde klene arbeitet. vnde de vuchticheit nicht vordouwet. Dar vmbe hebben de kyndere vele waters. dat se vele drincken. vnde (f. 79v) weinich arbeiten. Edder yd komet van kranckheit der blasen vnde der lenden. dat se dat wather nicht holden kōnen. Men schal ok merken off des wathers klene sy. Isz des klene. dat komet vnderwilen dar van. dat de minsche en wenich ethet ende dryncket. vnde grot arbeit hefft dar van hehet werdet. vnde kumpt vnderstunden van ouerscherygeme swete. edder stolgande. wente we vakene vnde vele to stole geit. de heft klene water.

Како оурынѸ вь стекланицѸ испѸскаѸмъ.:

ОурынѸ испѸскае^М вь двѣ скланицы, едѸнѸ вь полънощѣ. а дрѸгѸю оутре на зорѣ, длѧ того чѸтѸбы врачѣ мѸгль срѣти каковѣ цвѣтѣ тѣ оурины Ѹмѣю^Т. егда Ѹни Ѹсходѧ^Т ѿ чѸлка. Нѣкаа оурина Ѹсходи^Т чиста ѿ чѸлка. и пото^М станеть мѸтна, а Ѹнаа станеть гѸста. ПотѸмъ оутре ра³свѣтаѸюще оурынѸ посмотримъ, и тако Ѹпознавае^М чѸлескаго естества горѧ^По. Понѣже естество есть силнѣе вь спаниѣ, нежелѣ коли чѸлкѣ работае^Т, илѣ егда бди^Т. Занѣже ѿ того естество Ѹдрахлѣвае^Т. Тако же скланицѸ чѸсто вым^ыѧе^М, и постаѡи^М еѧ вь мѣсте гдѣ недобрѣ теплотно. а недобрѣ стѸдено. длѧ того чѸтѸбы ѿ стѸдености. илѣ ѿ горѧчества, оурина сѸщества своѣго не пременила. тако же оурынѸ недобрѣ ѿ мѣста на мѣсто перенѸси^М, илѣ ѿ сѸдна вь сѸдно переливае^М, чѸтѸбы ѿ перенашива^на илѣ ѿ переливанья не ѸзмѸтилѧса. илѣ пѣневата стала, и не переѸночилѧса. И ѧще оурынѸ нагрѣе^М, тогда Ѹна черлена стане^Т, и боль ноѸнѣе Ѹвѣтѧса, нежелѣ прѣже было, и тѣмъ мастерь прѣ^нстѣтѧса. Но ѧще нѣжа бѸде^Т, тогда подлѣ Ѹгнѧ, илѣ вь водѣ тѣплой поддержи^М. оурынѸ же Ѹдны^М выпѸско^М вь склѧницѸ спѸскае^М. длѧ то^Го да Ѹпознѧти мѸжемъ оурыннѸе, илѣ мнѸжество, илѣ малѸсть коа ѿ чѸлка Ѹсходи^Т. тако же и оуриналь покрѸемъ горѧ^По. чѸтѸбѣ никакаа нечистѸтѧ тѧмо не вѣпала:–

Тѣ^М Ѹбычае^М мастерь оурынѸ да Ѹпознаѣеть:–

Егда мастерь оурынѸ смѸтритѣ, тогда да примѣчае^Т мнѸжество илѣ малѸсть оурыннѸю, илѣ средѸсть. илѣ ѧще чре^с мѣрѸ малѸстна есть. И ѧще чре^с мѣрностна есть. то бывѧе^Т нѣкогда ѿ бѸлести. понѣже естес^{тв}о преѸзлѣшнѸю мѸкрѸсть ѿ себѣ ѸзгѸни^Т. Или ѧще здоровѣй чѸлкѣ мнѸго Ѹсть и пѣе^Т, а мало работае^Т а волѸгѸсть не Ѹзноѡѡвае^Т. длѧ того Ѹтроки малѣя мнѸгѸ оурынѸ испѸскаѸю^Т. Занѣже Ѹни мнѸго пѣю^Т а мало работаю^Т. Ѹногда же то бывѧе^Т ѿ бѸлести пѢзырнѣя и почечнѣя. чѸтѸ Ѹни оурынѸ держѧти не возмѸгѸтъ.:

Тако же примѣчай малѸсть оурыннѸю. оурыннѧѧ^{же} малѸсть бывѧе^Т нѣкогда ѿ оумалениѧ брашна и питѧа прѣѧтѧа. а велѣми работае^Т и потѣе^Т тотѣ чѸлкѣ. и ѿ того потѸ илѣ прохода оурина оумалѣѣтѧса. занѣже || (л. 308) кѸто чѧсто на прохѸ^д ходитѣ, тотѣ малѸ оурины спѸсти^Т.

Merke so de minsche kranck ys. vnde vele dryncket. vnde nicht vele tho stole gheit. vnde nicht swetet. edder offte em de sten nicht en hyndert. dat ghans ein bōse teken ys. wente yd bedudet dat de nature so kranck ys. dat se dat wather *van* dem minschen nicht vorlathen mach. edder bedudet so grothe hytthe. dat dat blot edder de vuchticheit yn dem minschen vorbernet. edder vorswyndet. Is des waters nicht to weinich noch to vele. dat bedudet dat de nature wol ghetempereret ys.

Wo dat water schal gestalt syn.

Men schal merken. wer dath wather rot edder wyt ys. dicke edder dunne. edder stynckende ys. Isz dat wather rot edder dicke edder wlomich. dath bedudet dat de minsche kranck ys van vuchtigher vnde hether nature. dat ys *van* deme blode. wenthe de hytthe maket dat water rot. vnde de fuchticheit maket dat dicke. Is dat wather wyt vnde dunne. so ys dem minschen we van kolder vnde dorrer natur wente de kulde maket dat wyt. so du sust in dem wynter. so yd vreset vnde wert tho yse vnde to snee. Isz dat water rod vnde dunne. dat komet van hethe vnde dorrer nature. Isz dat wather wyt vnde dicke. so ys *dem* minschen we van kulde vnde van vuchticheit. Isz dat wather noch to dunne noch tho dicke. noch to rot noch to wyt. dat bedudet *einen* sunden minschen. Merke. dat wather werth vnderwylen rot yn grother kranckheit. also yn der coliken vnde yn deme (f. 80r) knypende. vnde bedudet doch nene hythe. so sleit de pulsz langsemen vnde em dorstet nicht. vnde hefft nicht vele hytthe. Du schalt ok merken *den* roke des waters. effte yd stincke edder ouele smecket. Stincket dat vnderwilen. dat komet dat de mynsche stynckende spyse gethen hefft. Is dat nicht vnde styncket dat water alle tyt. dat bedudet dath de vuchticheit yn deme minschen vnde dat blot yn em vulet. dat he kortlyken dat febris edder ander kranckheit kryghet.

Примѣчай, ꙗще члѣкъ болень ёсть, а много пье^т, а мало на проходъ ходить, а не потѣеть, и ꙗще камене^м не страже^т, то сло знаменіе ёсть. Понёже то знаменде^т, что ёстество толь болно ёсть что оурины из себе испдсти^{тн} не може^т. или знаменде^т толь велико горѣчество. что кровь или волюсть в члѣце перегорѣла ёсть, и потреблена. и ꙗще оурины бде^т не добрѣ мало а не добрѣ много. то знаменде^т что ёстество средостно ёсть и в свое^м сшществ^б. не велми горѣче, а не велми стддено:—

Оуринѣ пристойтъ таковѣ цвѣтъ имѣти:—

Примѣчае^м ꙗще ёсть оурина черлена, или бела или гѣста, или житка. или вонаща. И ꙗще оурина черлена, или гѣста, или мѣтна. то знаменде^т, что члѣкъ боле^н ёсть ѿ волгости, и ѿ горѣчаго ёстества, то ёсть ѿ крови. понёже горѣчество доспѣвае^т оуринѣ черленѣ. а волюсть доспѣвае^т оуринѣ гѣстѣ. И ꙗще оурина бѣла и тонка, тогда тотъ члѣкъ болень ѿ стдденаго и ѿ сѣхаго ёстества. Занёже стдденость твори^т бѣлость ꙗко же срѣмъ в зимѣ, егда моро^з тогда лёдъ и снѣгъ. И ꙗще оурина черлена и тонка, то бывае^т ѿ горѣчества, и ѿ сѣхаго ёстества. И ꙗще оурина ёсть бѣла и гѣста, тогда тотъ члѣкъ болѣнъ ѿ стддености, и ѿ волюсти. и ꙗще оурина недобрѣ гѣста, и недобрѣ житка, и недобрѣ гѣста, и недобрѣ черлена. и недобрѣ бѣла, то знаменде^т совершеное здравіе члѣческое. Размѣй что во ино врема оурина стане^т черлена, в великой болести, ꙗко же в коликовѣ болести. и в чемеревѣ болести бывае^т. но тогда в тѣхъ болестехъ не знаменде^т горѣчества. А жажа егò не иметь, а тѣло непли^т. а жила животнаа тихонко бѣтса. Тако же примѣчай, дѣх оуринного, имѣет ли оурина дѣхъ смердѣщъ или иное притра^нства. Вонает же нѣкогда оурина, и то бывае^т что то члѣкъ ѣствѣ смердѣщѣ ѣль. И ꙗще ѣствы смердѣща не ѣль, а оурина вонае^т всегда, то знаменде^т, что волюсть в члѣце. тако же и кровь в нёмъ гние^т. и вѣбрзе фебре и иныа болести на нёмъ бѣдѣтъ:.

Van vnderschedinge des minschen wathers.

Du schalt merken dat der yunghen kyndere water. dar vmbe dat se vucht sint van nature. vnde vakene ethen vnde drincken wyt ys. vnde des schal vele syn. Na .xv. yaren sint se hether nature. so schal ere wather schōne vnde goltuare syn. ¶ Der olden lūde wather schal wyt vnde dunne sin wente se sint kolt. vnde ock blyuet ere water rod vnde vnghebraken. Dat ethent vorwandelt ok dat water. wente ethet de minsche hete spyse vnde drincket heth ghedrencke. so werth syn wather desto roder. ethet he ock kolde spyse vnde dryncket kolden dranck. alse wather. so wert sin wather wyt. Van bade edder van grotheme arbeide. edder van torne wert dat wather ock desto roder. vnde ock van ouerscherigher hytthe. alse yn deme samer. Ether auer vnde dryncket de minsche to sere. so wert dat water rod vnde vnuordouwet. vnn̄d wen de minsche ys so van kranckheit der nature. so en kan de meister de suke vnde sine nature nicht wol bekennen.

Van deme wather dat veth ys.

In deme wather ys oft dat vet ys. vnde dar vp ein wolke alse ene spennewebbe. dat schut vnderstunden wen dat vetthe vmbe de neren smelthet. vnde dat se dorren. so hefft de minsche des waters desto kleyner. vnde des febris hytte (f. 80v) vnde bedudet an deme minschen ene kranckheit dat he vorgheynt vnde aff nemet. so hefft de mynsche an sineme lyue grothe vnreine hytthe. Vnde alse dat wather van deme mynschen gheynt. so openbaret sick de vettycheit vnde de wulke nycht. men wen yd en weynich ghestan heft. Komet yd auer van den lenden tho. so apenbaret sick de vetticheit yn deme alse dat wather van deme menschen gheit.

О разсуженіи оурины члѣска:

Примѣчае^М, что молоды^Х отроковъ оурина, длѧ того что они волгостны сѣть естество^М, а часто кѣдѧ^Т и пью^Т, собою белѧ и множествена. а после, еі. лѣтъ, тогда они естество^М сѣть горячи, а водѧ ихъ свѣтла ѧки злато. Стѧры^Х же людѣй оурина белѧ и тонкостна есть. понеже || (л. 308об.) они стѣдены. нѣкогда^{же} водѧ ихъ черленѧ б^{ез} смѣщеніѧ. тѧко^{же} и ѿ брашна пременѣтсѧ оурина. Занеже ѧще члѣкъ кѣсть ѣствѣ прѧнѣю. и пѣ^Т хмельное питье, тогда оурина еѣо станѣтъ бѣлѧ черленѧ. И ѧще онъ кѣсть ѣствѣ коѧ холоди^Т, и пѣ^Т питіѣ стѣденое кѣко же водѧ, тогда оурина еѣо станѣ^Т белѧ. ѿ мылни и ѿ великѧ работы и ѿ гнѣва, оурина велми станѣ^Т черлена. Аще ли члѣкъ кѣсть или пѣтъ чре^с мѣрѣ, тогда оурина еѣо станѣтъ черлена. и неноеніѣ кѣвитсѧ. И ѧще члѣкъ таковъ есть ѿ болѣсти естественна. тогда мастеръ болѣсти, и естества еѣо не мѣжетъ опознѧти:—

О оуринахъ коіи салны сѣть,

Въ оурине есть нѣкаѧ вещь, подобно салѣ, а на вѣрхъ оурины плаваѣ^Т нѣкаѧ вещь, подобно паоучине, и то бываѣ^Т еѣгда сало тѧе^Т ѿ почекъ и пѣчки и³сыхаю^Т. и тогда оурина велми мѧла и³ходи^Т, а имѣѣ^Т горячество ѧки в ѣебре. а то знаменѣю^Т томѣ члѣкѣ болѣсть что онъ одрахлаѣ^Т и обе³силѣствѣ^Т, а великѧ нечистоты горячество в себѣ имѣѣтъ. а еѣгда оурина и³сходи^Т, тогда не кѣвитсѧ ни салость. ни ѣблакъ. но мѧло постоѧвъ. но ѧще тѧѣтъ сало в лѧдвѧ^Х. тогда кѣвитсѧ салость в то же вѣремѧ еѣгда оурина и³пѣщена:

Wen de vrine ys watervarwich.

Vnderwilen de vrine edder dat wather *van* deme *minschen* ys gewarwet alsoe wather vnde ys dunne. vnderstunden hefft yd ene dunker varwe vnde ys dicke. vnderwilen noch tho dicke noch to dunker. Is dat wather noch tho waterich noch tho dunne noch to dunker. dat bedudet eyne gude nature des minschen. Isz auer dat wather des minschen to waterich. dat komet vnderwilen dar van. dath de minsche to vele ghegethen vnde ghedruncken hefft. dat de nature nicht vordouwen mach. Komet yd auer *van* krankheit to. so bedudet dat de minsche ene krancke leueren hefft dat se dat dicke *van* krankheit der nature *van* sick nycht brynghen mach. vnde dar *van* kumpt ene wedaghe in der vorderen syden. vnde werket vnderwilen vnnaturlike hytte an sick. alsoe dat febris. Licht ouer de minsche yn ener suke. vnde syn wather ys wyth vnde wather varwich. dat bedudet eine langhe suke *van* kulde. Isz dat ock dat de minsche wat to betheringhe keret. vnde syn wather nicht duster edder wlom wert yn deme bodeme des glaszes. dat bedudet dat de minsche wedder wert vallende in de suke. wente de vuchticheit blifft by em. de mit der dustericheit des waters scholde *van* em ghan. des steit to vruchtende vor eine lange suke vnde krankheit den minschen.

Van der dunnen vrine edder water.

(f. 81r) Vnderwylen gheit dat wather. yd sy *denne* rod edder wyt. edder ghel. edder bleck. *van* deme mynschen. vnde blyuet dunne yn deme glase. Vnderwilen ys dat dicke vnde wert *dunne*. ¶ Gheit dat water *dunne van* deme minschen. vnde wert nicht duncker. vnde dat de krankheit grot ys. allermest yn einer suke. dat bedudet eine langhe krankheit. dat sick de suke wert wedder de nature. vnde de arste dat nicht kennen mach er de suke ein ende hefft. ¶ Wert ok dat wather duncker. vnde he suth dat sick de dunkerheit neddene yn dat wather senket. so wet he dat de nature mit *der* suke strydet. edder to der suntheit. edder to deme dode. edder in dat myddel. Alze Constantinus de meister vth Isaac boke gesproken hefft. to ghantz ghesunt effte de dusterheit yn *deme* wather wert wyt. vnde sennewold. edder runt alsoe ein rip appel. bauen smaler vnde breder to samende yn *deme* bodeme senket. vnde alsoe dat glasz enweinich roret. dat sik de dusternisze runt ghesammelt vorlathe vnde schede. Id bedudet auer den doet aldermeist yn einer suke. offte de dunkerheit offte de wolken rot synt. ¶ Isz ouer de dunkerheit vnnnd de wolken grone. so ys to vruchtende de dot des krancken ein dele. Offt yd ein ander suke sy. dat sick de suke *van* der hytthe yn dat houet legge. vnde de minsche syne varwe vorleset ¶ Du schalt merken. yo sik dat water er wandelt. vnde wert vnder duster vnde bauene klaer. io de minsche er ghesunt wert.

Колѣ оурина ёсть воданостна:

Нѣ в кое врѣмѣ оурина ѿ члѣка исходѣ ёсть ѣки вода и тонка, а иногда темностна и гѣста, иногда же ни темностна ни гѣста. И ѣще оурина не велми воданостна и тонкостна и темностна, то знаменде^т доброе естество члѣческое. И ѣще оурина велми ёсть воданостна то бывае^т ѿ лишнаго идѣнѣя и питѣя. А естество того не може^т изнойти. Но ѣще то бывае^т ѿ болести, тогда то знаменде^т, что тотъ члѣкъ болнѣ печень имѣе^т. а гѣстость длѣ болести естественна не может испѣсти^{ти}. а болестъ идѣтса в право^м бока, с нѣкоторы^м неестественны^м горѣчество^м, подобно ѣко в ѣебри; и ѣще нѣкии члѣкъ обдержанъ ёсть болестью, а оурина его бела и воданостна, то знаменде^т долгю болестъ ѿ стѣдености. И ѣще члѣкъ послышитса ѣко емѣ полѣчши, а оурина его нетемностна, и немѣтна стане^т во днѣ склѣанично^м, то знаменде^т что того члѣка опѣ^т побѣ^тки имѣтъ. Занеже волгость остѣлѣса в нѣтри коей было и^тходить ис темности оуриной. и страхъ ёсть боѣтисѣ о продо^тженѣи тоѣ болести того члѣка:—

О тонкости оуриной.

Нѣ в которое врѣмѣ и^тходи^т оурина черлена, или бела. или же^тта. или блѣдна и^т члѣка. А стане^т тонко во днѣ || (л. 309) в склѣанице. нѣкогда же и^тходи^т гѣсто. А стане^т жѣтко. и ѣще оурина тонка и^тходи^т. и не бѣде^т темностна, а в великой болести, то знаменде^т продолженѣе болести. и болестъ бѣретса противѣ естества, и того врачъ опознѣти не може^т дондеже болестъ переменѣтса. И ѣще оурина стане^т темностна, и видишь что темность на днѣ в склѣанице ссѣдетса, тогда разѣмѣи, что естество з болестью бѣретса. или ко здравѣю, или к смерти, или к средности. ѣко же оучѣтель конста^{нт}и^н глѣтъ, по исѣковѣ книги о полномъ здравѣи. И ѣще темность в оуринѣ переменѣтса. и станѣтъ бѣла. и на днѣ ссѣдетса подобно сосрѣломѣ нѣблокѣ, сверхѣ оуско, а на днѣ тоѣсто, и то^м ѣще склѣаницѣ двѣжешъ. а то разбѣдетса по всѣй склѣаницѣ, и то знаменде^т смѣртъ во всѣкой болести. И ѣще та же темность имѣе^т облакъ зеленъ, и то ёсть смѣртное знаменѣе. И ѣще тѣмъ же цвѣто^м оурина бывае^т, а не в той болести, то знаменде^т что болестъ в головѣ встѣпила. а члѣкъ лицѣ переменѣтъ. Да вѣдомо тебѣ бѣдетъ. чѣмъ вода переменѣтса, а по^т исподомъ стане^т темностно. а сверхѣ чѣсто. и чѣмъ такъ ставѣтса, тѣмъ члѣкъ болѣ оздравлѣе^т.

Van wather an swarter varwe.

Is ouer dat wather swart *vnde* dycke. dat bedudet den dot. *vnde* allermeist yn einer suke. wen yd nicht van der blasen komet. kumpt yd nicht van der blasen. so ys em vor yn dem lyue we. so hefft de minsche nycht vele hytthe. Vnderstunden bedudet yd eine kranckheit van der kynder stede. so schal dat wather wen yd eine wile sthan hefft bauene dunker syn *vnde* vnder dicke. Vnderwilen bedu(f. 81v)det dat sick de nature reinighet. *vnde* se de sucht vth deme minschen dryuet. *vnde* aldermest so ein dat febris .iiij. werve hefft ghehat. zo schal des waters vele syn *vnde* dunne. ¶ Isz dat wather bouen swart *vnde* vnder dunne. vnd hefft de minsche eine suke *vnde* eme dath hōuet we deit so wert sick de suke wandelende mit blōdende vth der nesen.

Van deme wyttten vnde lutteren watere.

Is dat water wyt *vnde* lutter also reine water. dat bedudet de krankheit *der* milthen. so ys *deme* minschen we yn *der* luchteren syden. Ock bedudet yd de vnuordouwelicheit vnd de kolde nature des minschen. ¶ Isz auer dat wather wyt *vnde* bouen swartlicht *vnde* schynende. dat betekent de wathersucht. ¶ Isz auer dat wather wyt *vnde* dunne. dat betekent de vallende suke. so schal ock dat wather schynende sin *vnde* swart. ¶ Isz ock dat wather wyt *vnde* dunne. dat bedudet eine kranckheit in den lenden. ¶ Isz ock dat wather wyt *vnde* dunne *vnde* ligghen vmbe vp deme bodeme klene korneken also sandes korne. dat betekent de kranckheit der blasen. so dat de minsche syn wather nicht holden mach. ¶ Is ouer dat wather wyt vnd *dunne* in einer kranckheit. dat betekent ene langhe suke *van* kulde. *vnde* de minsche mot sik vruchten.

О чёрной оуринаѣ.

Аще оурина черна и гѣста, то ѣсть знаменіе смѣртное. и то ѣсть извѣстно аще болѣсть не ѿ пѣсырѣ. нѣкогда же та же вода знаменде^т. что ѣстество чисти^т и болѣсть из нѣтри иѣсходитъ. и то бывае^т вѣ чертоднѣвной трасавицы. а тогда оурина бывае^т множествена. аще оурина сверхѣ черна. а по^д иѣподомъ. а члѣкъ аще боле^н. а глава ѣмѣ боли^{тъ}, то знаменде^т, что болѣсть пременитсѣ а кровь из носа потечеть:.

О бѣлыхъ и о свѣтлыхъ оуринахъ:.

Аще оурина ѣсть белѣ и свѣтлѣ, аки рѣчнаѣ вода, то знаменде^{тъ} болѣсть селезеннѣю. а тогда боли^{тъ} лѣваѣ сторона оу члѣка. тако же то знаменде^т неноѣнїе, и стѣденое ѣстество члѣское. И аще оурина ѣсть белѣ, а сверхѣ черна а чїста. то знаменде^т водоточївной ото^к. И аще оурина ѣсть белѣ и тонка. то знамендуе^т ѣпеленчїевѣ болѣсть. а такоже сверхѣ черна и чїста. И аще оурина белѣ и тонка, то знаменде^т болѣсть вѣ поѣсницы. И аще оурина белѣ и тонка. а на днѣ плаваю^т аки зѣрна песѣчныѣ, то знаменде^т что тотъ члѣкъ водѣ оудержати в себѣ не мѣжетъ. И аще оурина белѣ и тонка вѣ нѣкоторой болѣсти, то знаменде^т что болѣсть продолжитсѣ. а страхъ ѣсть о животоѣ ѣго:—

Van deme bleken wathere.

Eyn wather hethet in latine Liuida. dath ys blekuar edder blawvar. nicht vullen swart. dat komet vnderwilen dat de minsche dat febris heft *vmbe* den drudden dach dat *van* kulde kamet *vnde van* hytte. *vnde* de kulde ys in deme lyue. *vnde* de hytthe ys butenwendich vth deme lyue. Ock bedudet dat stolangant. so schal des waters weinich syn. *wente* dat water gheit mit deme stolanghe hen. Heft he ock dat febris nicht. so heft he grote hytthe in sick. dar *van* de vuchticheit vorteret wert. ¶ Dat water wert ok vnderwilen bleck (f. 82r) *van* kranckheit der *lunghe*n. dat schud vnderewilen *van* deme vlothe des houedes. dar vth vletet dat ghevulet *vnde* vuchtich ys. dat bekenne aldus. Dat wather ys *bauen* schumich. *vnde* deme zeken ys we in der luchteren syden. Komet dat ok to *van* der leueren. zo ys dat wather blekuar. *vnde* dicke. *vnde* dem zeken ys we in der vorderen syden. Vnderwilen wert dat ock blekuar. dat komet tho *van* kranckheit des ghedermetes. dat bekenne aldus. Deme minschen ys we vnder deme nauele. Ock komet dat to *van* den wormen. so ys de minsche amechtich. *vnde* yd bythet em sere yn deme lyue. so ys syn wather vnklar *vnde* rod. Komet yd ock to *van* vele stolghant. so ys des wathers nicht vele. ¶ Vnderwilen bedudet yd ein swel yn der maste darmen. dat ys in der darmen dar de spyse dor gheit *van* deme minschen. dat bekenne aldus. Wenthe *van* der swellinghe kan he nicht tho stole ghan *vnde* vorlathen. ¶ Ock wert yd blekuar. so en vrouwe ere kranckheit to vele edder to weinich hefft. so schal dat wather dicke syn. *vnde* etlike dynghe scholen neddene vp der grunt ligghen. *vnde* er is beneddene dem nauel we. ¶ Komet dat ok *van* der blasen. so licht yd neddene yn der grunt. also klye. ¶ Ock bedudet dat blekuar wather vnderwilen *den* dot. vnderwilen ok nicht. Schal de minsche genesen so wert dat water lutter *vnde* *bauen* vnklar. Schal he ok steruen. zo ys des wathers weynich. *vnde* vorluttert sick nicht.

Van deme water dar also wolken ynne synt.

Is in deme wather also wolken in einer suke. dat bedudet vnderwilen dat leuent. offte ein slapet. *vnde* he noch by synnen ys. *vnde* sothe *vnde* sachte slapet. Slapet he vnsachte *vnde* hefft sine synne nicht. *vnde* den athem vnsachte to sick thud. dat bedudet den dot. ¶ Isz dat wather wolkenuar *vnde* dicke. *vnde* vele sandes licht vp der grund. dat (f. 82v) betekent den sten. Isz yd ock so ghestalt. *vnde* neen sand licht vp der grund. dat bedudet eine suke de heth Colica. vnd ys eyne suke yn deme vndersten dermete. Dar ys vnderwilen ene sweringhe. dat bekenne by der swellinghe de dar ys. Isz yd em de steen. so is dar nene grothe swellinghe. *vnde* de vorlatinghe des waters deyt em we. ¶ Is dat wather bleck *vnde* wolkenuar. *vnde* ys *bauen* blekuar. *vnde* dat also stoff dar ynne vletet. dat bedudet ein swel yn deme lyue. Vnderwilen bedudet dat ock de wather sucht.

О блѣдной оуринаѣ:

Нѣкаа оурина именовѣтсѧ по латински ливида, а то ѣсть II (л. 309об.) блѣдна, или темносинѧ, а не совершенно черна. А то иногда бывае^т оу члѣка, кой обдержанъ ѣсть триднѣвною ѡебрию, коа бывае^т ѡ стѣдености. и ѡ горѧчества стѣденость же стойтъ в нѣтри. а горѧчество внѣ тѣла. Иногда то знаменѣ^т проходъ. а тогда оурина мала. И ѧще онъ ѡебрию не обдержанъ ѣсть, тогда онъ великой огонь в себѣ имѣ^т, ѡ котораго волѣгость истреблѣтсѧ. оурина же иногда блѣдна бывае^т ѡ болѣсти плѣчной, и то бывае^т иногда ѡ теченіа главнаго. егда възгри и инѧя во^лгости текѣ^т из ноздрей. А то тѣмъ опознавае^м. ѧще оурина наверхѣ пѣнѣ имѣ^т. и болѧи болѣсть слышитъ в лѣвой сторонѣ. тогда то ѡ главѣ. и ѧще болѣсть ѡ печени, тогда оурина блѣдна и гѣста. а болѧщій болѣсть слыши^т в правой странѣ. Нѣкогда же оурина блѣда, и то бывае^т ѡ болѣсти в кишкахъ, и то тѣмъ опознавай. что боли^т емѣ по^л пѣпо^м. Иногда же то бывае^т ѡ глисты, а тогда оурина егѣ нечѣста и черлена. И ѧще то бывае^т ѡ многи^х проходѣвъ, тогда оурина мала бывае^т. а во инѣе время то знаменѣ^т что болѧчка в кишкѣ, сквоѣ которѣю брашно идетъ, и то тѣмъ опознавай, что длѧ опѣхли, и не може^т ходити на проходъ и скверны скинѣти. тако же и оурина воднастнаа живѣтъ в жѣнка^х, егда чре^с мѣрѣ болѣсть сво^ю имѣю^т, или совершенно идетъ, тогда оурина гѣста станѣ^т, а во днѣ ложитсѧ ѧки отрѣби, а по^л пѣпо^м болно. И ѧще то бывае^т ѡ пѣзырѧ, тогда такъже во днѣ ложатсѧ ѧки отрѣби. Иногда же блѣднаа оурина знаменѣ^т смерть. иногда же то знаменіе несмертно ѣсть. И ѧще члѣкъ здоровѣ бѣдетъ, тогда вода во днѣ бѣдетъ свѣтла. а наверхѣ мѣтна. И ѧще оурина бѣде^т мала, а станѣтъ несвѣтла. и то ѣсть знаменіе смертное:.

О оурине в котѣрой бывае^т подобно ѡблакомъ.

ѧще въ оуринѣ ико же ѡблацы в болѣсти ивѧтсѧ, знаменѣтъ нѣкогда живѣтъ. ѧще онъ в свое^м оумѣ^е и спитъ слѧдко и тихо. И ѧще онъ спитъ некрѣтко. а не имѣ^т оу себѣ своего оума, и тѧжко к себѣ дѣхъ привлѧчи^т, а то ѣсть знаменіе смертное. И ѧще оурина ѣсть всѧ во ѡблацѣ, и гѣста, а на днѣ оу неа многѣ пѣсокъ лежи^т. И то знаменѣ^т камѣнь в нѣтри. И ѧще же оурина тѣмъ же цвѣто^м. а на днѣ оу неа песѣкъ не лежитъ, то знаменѣ^т болѣсть коа именовѣтсѧ колика. и то ѣсть болѣсть во йстахъ. Нѣкогда же тамъ бывае^т ѣтокъ и гнѣсть. И тѣмъ опознаваѣшъ, что та болѣсть II (л. 310) ѡ тогѣ. И ѧще та болѣсть ѡ камени. тогда ѣтокѣ великого нѣтъ. но пропѣскѣ емѣ водной тажекѣ. И ѧще оурина блѣдна и блѧчна, а вѣрѣ тонкѣстна. и в ней плавае^т ѧки пылъ, то знаменѣ^т апостемѣ в нѣтри. а нѣкогда то же знаменѣтъ идрѣпосію:

Van gheleme wather.

Eyn wather heth vrina citrina. vnde ys gheschapen also ein gel appel. so eyn sotebetick. ys dar bauen vele schumen so bedudet yd an deme minschen de suke der borst vnde ene vortheringhe der dorringhe des lyues. ¶ Isz dat wather dunne vnde schynet. dat bedudet ene suke der milten. Heft yd ock nenen schumen vnde ys des vele. dat bedudet dat de minsche yn deme lyue bestoppet ysz. vnde mach nicht to stole ghan. vnde bedudet eine krancke leueren. ¶ Isz dat ouer so ghestalt yn deme anbegynne ener suke. so bedudet dat ene langhe suke daghe. Dar vmbe moth me vruchten vor den minschen. dat he ock vnderwylen syne synne vorlese. ¶ Isz ock dat wather rod goltuar. noch to dunne noch tho dicke. dat bedudet enen sunden minschen. ¶ Isz dat wather rod vnde nicht to weinich yn einer suke. dat ys ghud. Men ys des weinich vnde de wolke in deme wathere swart so ys dat dotlick. ¶ Isz dat water rod also blot dat ys dotlick. yo tho voren wen em de tunghe struff ys. vnde efft se vorbrant ys. ¶ Is des waters weinich. vnde rot in einer water sucht. dat ys dotlick. Is dat de minsche grote hytte heft so de febris. ys dat wather dicke. vnde bauen bleckuar. vnde swemmet dar ynne also tho brakene wethen korne. dat bedudet ene dotlike suke effte kranckheit. dar nene hulpe ane ys.¹

(f. 85r) scherighen hungher vnde vor dorst. Vnde ethen nicht vele men myt lusten. Ethet he ane lusten. dat maket em grothe kranckheit. Vnde hōden sick vor krudede kost myt pepere vnde knofloke bereth. dar van ouerscherighe hytthe eme komen mach. ¶ Isz ouer dat water rod vnde de ader grot vnde ys stark. so mach me em en weinich vth der ader lathen. dat dat vorbrande vnde bōze blot vth den aderen kome.

¹ Далее два листа оригинала (ff. 83–84) в переводе пропущено, см. статью.

О оурина подобней цвѣтомъ ѣки злато.

Оурина нѣкаа именовѣтса по латине. оурина ситрина. а цвѣто^м подобна кблокѣ же^т томѣ горѣ^то созреломѣ, имѣа оу себѣ наверхѣ многѣ пѣнѣ. то знаменде^т бѣлестъ в пѣрсе^х. тако же и свхотнѣю всего тѣла. И ѣще та же оурина тонка и свѣтла. то знаменде^т бѣлестъ селезеннѣю. I ѣще та же оурина не имѣетъ пѣны на себѣ а много ѣѣ. то знаменде^т что тотъ члѣкъ на проходѣ не ходи^т. а нѣтръ оу него затвори^тса. тако же то знаменде^т бѣлестъ печеннѣю. И ѣще такова оурина кѣвитса в началѣ бѣлести. то знаменде^т что той бѣлести протѣнѣтиса, а страхъ что обезѣмее^т. И ѣще оурина черленѣ и желтѣ, а не гѣста и не житка то знаменде^т совершеное здравіе члѣческое. И ѣще оурина черленѣ а немало еѣ в бѣлестѣ, то ѣсть доброе знама. но ѣще оурина мала. и ѣлакъ в ней чернѣ. то ѣсть знама смѣртное. И ѣще оурина краснѣ ѣки кровъ и то ѣсть знама смѣртное же. а то ѣсть извѣстнѣиши ѣще оу болащѣаго кѣзыкѣ острѣповаѣ^т, ѣки ѣжже^т. И ѣще оурина не многа ѣдетъ а краснѣ, в водоточивной бѣлести, то ѣсть смѣртно. И ѣще члѣкъ имѣетъ великой ѣгонѣ. а такова же оу него оурина, то знаменде^т ѣгневнѣю. И ѣще та же оурина гѣста а свѣрхѣ блѣдна. а плавае^т в ней какъ бѣ крѣпы пшеничныя, то знаменде^т смѣртнѣю бѣлестъ. И ѣще оурина черленѣ а не смѣртнаа во ѣгневой, или во иной бѣлести. а жѣлы кровѣвыя надѣлиса. тогда по совѣтѣ мастерскомѣ болащѣемѣ кровъ пѣскае^т. что ѣ перегорѣлаа вредѣтелнаа исходила. а болащѣи прѣныя ѣствы. и лѣкѣ и чеснокѣ, и ины^х горѣчественныхъ зѣлей да не ѣсть:.

Библиография

- Borchling, C. & Claussen, B. 1931–1936: *Niederdeutsche Bibliographie: Gesamtverzeichnis der niederdeutschen Drucke bis zum Jahr 1800*. 3 Bde. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag.
- Brévard, F. B. 1988a: Johann Blaubirers Kalender von 1481 und 1483: Traditionsgebundenheit und experimentelle Innovation. *Gutenberg-Jahrbuch*, 74–83.
- Brévard, F. B. 1988b: The German Volkskalender of the Fifteenth Century. *Speculum* 63/2, 312–342.
- Der deutsche Kalender des Johannes Regiomontan: Nürnberg, um 1474. Faksimiliedruck nach dem Exemplar der Preußischen Staatsbibliothek*. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1937.
- Dumschat, S. 2006: *Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland*. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 67.) Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Duntze, O. 2007: *Ein Verleger sucht sein Publikum: Die Straßburger Offizin des Matthias Hupfuff (1497/98–1520)*. (Archiv für Geschichte des Buchwesens, Studien 4.) München: K.G. Saur.
- Elbing, B. 2022: Antike Astronomie, mittelalterliche Medizin und Astrologie: Fachhistorie des mittelniederdeutschen Lübecker nyge kalender von 1519. Oldenburg: Isensee.
- Gerasimova, I. A., Mil'kov, V. V. & Simonov, R.A. 2015: *Sokrovennye znaniya Drevnej Rusi [Hidden knowledge of Old Russia]*. Moscow. Герасимова, И. А., Мильков, В. В. & Симонов, Р. А. 2015: *Сокровенные знания Древней Руси*. М.: Кнорус.
- Ivanov, S. V. & Levichkin, A. N. 2022: [Was Nikolaus Bülow the translator of the “Tale about Distillation of Waters”?] *Slověne* 11/1, 146–165.
Иванов, С. В. & Левичкин, А. Н. 2022: Николай Бюлов — переводчик «Сказания о пропущении вод»? *Slověne* 11/1, 146–165.
- Ippolitova, A. B. 2008: *Russkie rukopisnye travniki 17-18 vekov: Issledovanie fol'klora i etnobotaniki [Russian manuscript herbals of the 17th-18th century: A study of folklore and ethnobotany]*. Moscow. Ипполитова, А. Б. 2008: *Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники*. М.: Индрик.
- Isachenko, T. A. 1992: *Kniga o rozhdenii mladencheskom i o tom, kak detej malych berech, kormit' i lechit' [The Book on the Infant Birth and on how to care for, nurse and treat little children]*. Moscow. [Isachenko, T. A.] 1992: *Книга о рождении младенческом и о том, как детей малых беречь, кормить и лечить*. М.: Воскресение.
- Isachenko, T. A. 2009a: [Is the Charkov copy of the Herbal of 1534 an Autograph of Nikolaus Bülow's translation?] *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Rus'. Issues of Medieval Studies]* 2 (36), 97–109.

- Исаченко, Т. А. 2009а: Является ли Харьковский список Травника 1534 г. автографом перевода Николая Бюлова? *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2 (36), 97–109.
- Isachenko, T. A. 2009b: *Perevodnaya moskovskaya knizhnost'. Mitropolichij i patriarshij skriptorij 15-18 vv.* [Translation literature in Muscovy. Metropolis and Patriarch's Scriptorium of the 15th-18th century]. Moscow.
- Исаченко, Т. А. 2009b: *Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв.* М.: Пашков дом.
- Morozov, V. N. 2004: [Vertograd zdraviyu: A Herbal from the Library of Ivan the Terrible]. *Rodina [Homeland]* 4, 36–40.
- Морозов, Б. Н. 2004: Вертоград здравию: Травник из библиотеки Ивана Грозного. *Родина* 4, 36–40.
- Morozov, V. N. 2016: [On study of manuscripts and illustrations of Lubchanin's Herbal]. In: *Srednevekovaya pis'mennost' i knizhnost' 15-17 vv. Istochnikovedenie. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii 7-8 dekabrya 2015 g., g. Alexandrov [Medieval writing and literature of the 15th to 17th century. Source studies. Collected papers of the international academical and practical conference held on December 7-8, 2015 in Alexandrov]*. Vladimir.
- Морозов, Б. Н. 2016: К вопросу об изучении списков и иллюстраций Травника Любчанина. В сб.: *Средневековая письменность и книжность XV–XVII вв. Источниковедение. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 7–8 декабря 2015 г., г. Александров.* Т. 2. Владимир: Транзит-Икс, 37–73.
- Morozov, V. N. & Simonov, R. A. 2004: [Dating and attribution of medical-astrological calculations added to the Herbal of 1534]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Rus'. Issues of Medieval Studies]* 4, 5–21.
- Морозов, Б. Н. & Симонов, Р. А. 2004: Датировка и атрибуция медико-астрологических расчетов, приписанных к Травнику 1534 года. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 4, 5–21.
- Muskala, J. 2012: [Towards textual criticism of Lubchanin's Herbal: some observations]. In: Sheina, I. M., Nikitin O. V. (eds.) *I. I. Sreznevskij i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: K 200-letiju so dnya rozhdeniya I. I. Sreznevskogo. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 26-28 sentyabrya 2012 g., Ryazan' [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: For the 200th anniversary of I. I. Sreznevsky. Collected papers of the international conference, September 26-28, 2012]*, 258–268.
- Мускала, Ю. 2012: К текстологии Травника Любчанина (некоторые наблюдения). В сб.: И. М. Шеина, О. В. Никитин (отв. ред.). *И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г.* Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 258–268.

- Nikolaev, S. I. 2008: *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi 16-17 vekov: Bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian literary relations of the 16th-18th century: Bibliographical materials]. St Petersburg.
- Николаев, С. И. 2008: *Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы*. СПб: Нестор-История.
- Parent, A. 1988: Das «Iatromathematische Hausbuch» in seiner bisher ältesten Fassung: die Buchauer Redaktion Heinrich Stegmüllers von 1443. Ph.Diss. Montreal.
- Riha, O. 2014: *Das Arzneibuch Ortolfs von Baierland*. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag.
- Rostafiński, J. 1888: Nasza literatura botaniczna XVI. w. oraz jej autorowie lub tłumacze. *Pamiętnik Akademii Umiejętności: Wydział Matematyczno-Przyrodniczy* 14, 152–207.
- Ruposova, L. P. 1987: [The Herbal of the Serpuchov Voivode Foma Afanasievich Buturlin as a source for the history of the Russian language (medical terminology)]. In: *The history of the Russian language and linguistic source studies*. Moscow: Nauka, 170–177.
- Рупосова, Л. П. 1987: Травник серпуховского воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина как источник по истории русского языка (наименования из области медицины). В сб.: *История русского языка и лингвистическое источниковедение*. М.: Наука, 170–177.
- Schulte Herbrüggen, H. 1987: Der Schäfer-Kalender. Zur unbeachteten Rolle des Kalendrier des bergiers als Übermittler des Danse macabre in die englische Literatur. In: *Festschrift Otto Schäfer zum 75. Geburtstag am 29. Juni 1987*. Hrsg. von Manfred von Arnim. Stuttgart: Hauswedell, 237–288.
- Simonov, R. A. 2007: *Matematicheskaja i kalendarno-astronomicheskaja mysl' Drevnej Rusi: Po dannym srednevekovoj knizhnoj kul'tury* [Mathematical, calendrical and astronomical thought of Old Russia: Based on the materials of the medieval book culture]. Moscow.
- Симонов, Р. А. 2007: *Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси: По данным средневековой книжной культуры*. М.: Наука.
- Unkovskaya, M. V. 1999: *Brief Lives: A Handbook of Medical Practitioners in Muscovy, 1620–1701*. London: Wellcome Institute.
- Wimmer, E. 2005: *Novgorod — ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)*. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa 13.) Hamburg: Verlag Dr. Kovac.
- Zmeev, L. F. 1895: *Russkie vrachebniki. Issledovanie v oblasti nashej drevnej vrachebnoj pis'mennosti* [Russian medical books. A study in the field of our ancient medical writings]. St Petersburg.
- Змеев, Л. Ф. 1895: *Русские учебники. Исследование в области нашей древней учебной письменности*. СПб.: В.Ф. Демаков.

Ю. А. Клейнер
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия. yurikleiner@hotmail.com

«НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ: НАЗВАНИЕ И СУТЬ», ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Название статьи является отсылкой к опубликованной в 1968 году работе М. И. Стеблин-Каменского, посвященной его полемике с Хрейтном Бенедиктссоном, где, в связи с проблемой неточных внутренних рифм типа д.-исл. *hond* — *handa* и возможности рифмовки членов нейтрализуемых оппозиций, в принципе, рассматривались вопросы фундаментального характера: типы нейтрализуемых оппозиций, статус немаркированного члена в них, изоморфизм и др. Впоследствии ряд понятий, покрываемых термином «нейтрализация», был переосмыслен, в том числе, в работах М. И. Стеблин-Каменского и его Школы. Тем не менее, в силу внешних причин, проблема, в целом, фактически отошла в область истории языкознания.

Ключевые слова: нейтрализация, рифмы, пражская фонология, Школа Л. В. Щербы, М. И. Стеблин-Каменский.

Yuri Kleiner
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
yurikleiner@hotmail.com

“Neutralization, the word and the thing” fifty-five years later

The title echoes M. I. Steblin-Kamenskij’s 1968 paper dealing with his polemic with Hreinn Benediktsson, where, in connection with the problem of imperfect internal rhymes such as Old Icelandic *hond* — *handa* and the possibility of rhyming the members of neutralized oppositions in principle, questions of fundamental nature were considered, such as types of neutralized opposition, status of the unmarked member in them, isomorphism, etc. Subsequently, a number of notions covered by the term “neutralization” were revised, particularly, in the works by M. I. Steblin-Kamenskij and those of his School. Nevertheless, due to external reasons, the problem as a whole has actually been relegated to the field of the history of linguistics.

Key words: neutralization, rhymes, Prague phonology, Lev Shcherba school, M. I. Steblin-Kamenskij.

Проблема, обозначенная в названии русскоязычной версии статьи М. И. Стеблин-Каменского (Steblyn-Kamenskij 2003: 663–667), обсуждалась в его полемике с Хрейтном Бенедиктссоном

(Steblin-Kamenskij 1968), соответствующая работа которого появилась пятью годами ранее (Benediksson 1963). Предметом полемики послужили неточные внутренние рифмы типа д.-исл. *hond* — *handa* и — шире — нейтрализация противопоставления гласных, которая обеспечивала такую возможность. То, что понятие, центральное для всех без исключения направлений классической фонологии, обсуждалось на страницах ведущего международного журнала, свидетельствует о существовании общей для еще многочисленного в 60-е годы XX века фонологического сообщества проблематики, а значит, и единой тогда фонологии.

Этот период был весьма непродолжителен. Последовавшее затем состояние фонологической науки очень точно описал В. Б. Касевич: «часто прекращение активного обсуждения объясняется не упрочением общепринятых решений, а, скорее, переключением внимания лингвистического сообщества на какие-то другие вопросы. <...> Но свидетельствует ли это о том, что в учебники вошло некоторое классическое решение проблемы? Нет — просто в центре внимания (который определяется самыми различными вещами, в том числе и просто модой) оказались совсем другие проблемы» (Kasevich 2006: 7). Сказанное здесь о проблеме моно-/бифонемности в полной мере относится и к нейтрализации. Вместе с архифонемой, это понятие, вошло в учебники, но лишь как примета Пражской школы, своего рода ее «различительный признак», такой же, как непризнание нейтрализации Школой Л. В. Щербы или гиперфонема Московской школы, ср:

«По отношению к проблеме нейтрализации фонологических оппозиций лингвисты делятся на два противоположных лагеря. Принципиально не признают нейтрализацию представители ленинградской школы Л. В. Щерба, Д. Джоунз, представители американской школы — К. Пайк, Ч. Хоккет, З. С. Харрис и другие. Принципиально признают нейтрализацию фонологических оппозиций Н. С. Трубецкой и Н. И. Дурново, «пражцы», московская школа; из зарубежных фонологов наиболее последовательным сторонником нейтрализации является А. Мартине. Последний предпринял попытку несколько модифицировать теорию нейтрализаций, разработанную Трубецким. Некоторая модификация теории нейтрализации предпринята и московской школой, в частности, В. Н. Сидоровым был введен термин «гиперфонема». Московская фонологическая школа с ее учением о позициях сильных и слабых, о вариантах и вариациях, с учением

Р. И. Аванесова о сильных и слабых фонемах и о перекрещивающихся рядах чередований внесла значительный вклад в теорию фонологических нейтрализаций» (Zhuravlev 1972: 39).

По сути, это лишь констатация факта принятия (соотв. неприятия) не сформулированной окончательно идеи. Единства нет даже среди тех, кто допускает существование нейтрализации как фонологического явления. Так, М. В. Панов очень резко выступал против отождествления «архифонемы» и «гиперфонемы»: «[А]рхифонемы и гиперфонемы — разные понятия. Нельзя их смешивать! ... Гиперфонема существует там, где ... невозможно приведение [фонем] к сильной позиции» (Panov 1979: 181, прим. 1). Смещение понятий может быть следствием различных причин, в том числе, фундаментального характера, например, неразграничения фонетики и фонологии, ср.: «Система фонологических нейтрализаций и описание случаев диссимилиации и ассимиляции, аккомодации — совершенно не одно и то же, хотя бы потому, что это разные уровни — фонологический и фонетический» (Zhuravlev 1972: 39). В свою очередь, вопрос о двух уровнях (или науках)¹ имеет прямое отношение к расхождениям в трактовке нейтрализации, причину которых М. В. Панов видел «в том, что различно исходное понятие — фонема» (Panov 1979: 183).

Как и в случае любого частного фонологического явления, трактовка нейтрализации зависит от решения более общих проблем — фонема, сегментация, оппозиция и т. п. Этому в значительной своей части была посвящена программная работа М. И. Стеблин-Каменского, написанная в соавторстве с Г. В. Воронковой (Steblin-Kamenskij 2003: 675–688; Voronkova, Steblin-Kamenskij 1975), единственным по-настоящему серьезным откликом на которую была статья А. С. Либермана (Lieberman 1971; 1974). Обе статьи пришлись на время, когда интерес к проблемам классической фонологии уже шел на спад. Фонологическое сообщество эпохи Трубецкого распалось на непересекающиеся практически течения, по большей части, отошедшие от фонологии как науки о минимальных единицах

¹ Этот вопрос служил камнем преткновения в споре советских фонетистов с Н. С. Трубецким в «Дискуссии о фонеме» 1951–1952 гг., которую упоминает М. И. Стеблин-Каменский (2003: 665, прим. 1); см также: Kleiner 2017.

плана выражения² и потому оставивших без внимания и критику якобсоновских «различительных признаков» (Воронкова и Стеблин-Каменский), и признаки, реальность которых обосновывалась лингвистическими процедурами (Либерман). Даже то, что англоязычные версии двух статей публиковались в обратном порядке — Voronkova, Steblin-Kamenskij 1975 (= Voronkova, Steblin-Kamenskij 1970) после Liberman 1974 (= Liberman 1971), — указывает на отношение к обсуждаемым проблемам, в сущности, переводящее их в область истории языкознания. Впрочем, и цитировавшаяся выше статья В. К. Журавлева не содержит ссылок на работы его недавних предшественников. Но остается в силе сделанный автором вывод: «...нет ни одного языка, система нейтрализации которого была бы полностью описана» (Zhuravlev 1972: 39). Сохраняются и разногласия между школами, продолжающими полемику вокруг проблемы, которая, таким образом, остается частью живой фонологической традиции.

Один из главных источников разногласий — расширительное понимание термина «нейтрализация», который используется для обозначения различных по своей природе явлений, как в фонологии, где он «был распространен на любое отсутствие различия» (Steblyn-Kamenskij 2003: 665)³, так и за ее пределами и даже за пределами лингвистики. Что касается собственно языкознания, то здесь речь скорее идет об осторожном отношении М. И. Стеблин-Каменского к «идее изоморфизма» и отождествлению внешне сходных явлений двух планов языка, ср. в этой связи: «...нейтрализация фонологических противопоставлений далеко не тождественна тому, что называется этим термином в морфологии и лексикологии, и ... попытки применить его вне фонологии приводит к расплывчатой метафоре» (Steblyn-Kamenskij 2003: 664).

² Ср. определение нейтрализации как “The identical *phonetic* realization of distinct phonemic forms” (Fromkin 2000: 562; курсив мой — Ю. К.) или “rules of devoicing, deaspiration, and/or deglottalization which eliminate contrasts among laryngeal features” в разделе, посвященном «внутренней организации звуков речи» (Clements, Hume 1996: 263).

³ На отношении М. И. Стеблин-Каменского к «переносу фонологических терминов в описания нефонологических явлений» (Steblyn-Kamenskij 2003: 647), несомненно, сказалось неприятие «анекдотических оппозиций Леви-Стросса» и идей Р. О. Якобсона, которому «фонологическая метафора была близка» (см.: Liberman 2003: 882, 883).

Крайний случай обособления фонологии — отделение ее (а вместе с ней — нейтрализации) от морфонологии: “Neutralization has all too often and easily been linked to the so-called ‘morpho(pho)nology’... but this facile link can only be unfortunate. Neutralization is purely a *phonological* phenomenon while morpho(pho)nology is concerned with formal variations of monemes ... and is therefore separate from phonology” (Akamatsu 1988: 130). С морфо(но)логией безусловно не связаны относимые к «нейтрализации» случаи типа *...brauchte die Frau nur einige Tage im Krankenhaus zu bleiben*, где *Tag* значит ‘сутки’ (= ‘день и ночь’), ср. *Nach all den schlaflosen Nächten, den Tagen voller Angst* (De Backer 2014:2). или омонимия грамматических форм, например, чеш. *kosti* ‘им. мн. ч. и дат. ед.’ от *kost* ‘кость’ (Trnka 1982: 313). Дело обстоит иначе в случае «вариативности монем», когда омонимия «действительна лишь для определенного фонологического контекста» (Kasevich 2006: 244), как при чередовании согласных в исходе слова и интервокальном положении в немецком, /ta:k/ *Tak* /ta:gə/ *Tage*, или русском, /got/ *pod*, /roda/ *pada*⁴.

Оба примера представляют собой классический случай «нейтрализации», но, как заметил М. И. Стеблин-Каменский, «...внимание ученых было в продолжение долгого времени поглощено ... вопросом о том, как следует называть звук, выступающий в позиции нейтрализации: реализацией фонемы, с которой он фонетически совпадает, вариантом фонемы, с которой он морфологически совпадает, или представителем особой фонологической единицы (архифонемы, смешанной фонемы и т. д.). Неудивительно поэтому, что более существенные аспекты фонологической нейтрализации, а именно ее структурная функция и ее механизм, были забыты» (Steblyn-Kamenskij 2003: 665).

Отношение к нейтрализации школы Л. В. Щербы (ЛФШ) наиболее эксплицитно сформулировал В. Б. Касевич:

«Нейтрализация — это контекстуально обусловленное уничтожение оппозиции, такое положение, когда под влиянием контекста, т. е. в слабой с данной точки зрения позиции, утра-

⁴ Как считал Л. Р. Зиндер, звонкий согласный в /ta:gə/ *Tage*, является, наряду с суффиксом *-e*, показателем множественного числа, а глухое /t/ на конце слова /got/ *pod*, вместе с нулевым окончанием, признаком именительного и винительного падежа (Zinder 1979: § 54).

чивается различие между двумя (или более) единицами, которые в другом контексте, в сильной позиции, противопоставлены. Что же перестает различаться?.. Перестают различаться морфемы⁵: эти морфемы противопоставлены в вариантах *рог-а* — *рок-а*, но перестают различаться в варианте /rok/ — *рог* и *рок*. Что же касается фонем, то различие между ними вообще не может быть утрачено, так как для этого требуется совпадение означающих при возникающей неоднозначности означаемого, но у фонем нет означающего и означаемого, это единицы незнаковые. При замене варианта /gog/ на вариант /rok/ происходит нейтрализация морфем, вызванная чередованием фонем, которое, в свою очередь, обусловлено контекстом, позицией. Такова точка зрения школы Щербы. Понятие архифонемы оказывается, таким образом, излишним» (Kasevich: 46–47).

Сказанное не означает, естественно, что понятие «оппозиция» зарезервировано исключительно за морфемами, а не относится, в равной степени, ко всем языковым единицам, в том числе, к фонемам, само существование которых обеспечивается исключительно их противопоставленностью друг другу. В силе остается и вопрос о фонологическом контексте возникновения омонимии и фонологических же средствах, используемых для ее разрешения, то есть, о структурной функции и механизме явления, которое пращцы назвали нейтрализацией.

В связи с «тем, что именуют термином “архифонема”» Л. Р. Зиндер пишет: «“архифонема”, представляет лишь связь, отношение между фонемами, но отношение не является субстанцией, а потому и не может выступать в потоке речи как составная часть слова. Поэтому что-то должно заменять ее в реальной речи. По его [Трубецкого] мнению, глухие шумные фонемы, выступающие в конце слов в русском языке, по существу, являются не соответствующими фонемами, а представителями архифонемы» (Zinder 1979: § 55). По мнению Л. Р. Зиндера, «[е]динственной фонетической единицей, обнаруживающейся в результате непосредственного анализа речевого

⁵ Ср. добавление во втором издании «Общей фонетики»: «...никакой “нейтрализации”, в смысле неразличения фонем, НЕ возникает; в таких случаях может утрачиваться лишь возможность различения слов и морфем» (Zinder 1979: § 53).

потока, в результате его членения, является фонема» (Zinder 1979: § 56).

Но как замечает по сходному поводу М. И. Стеблин-Каменский:

«фонемы не наблюдаемы непосредственно, т. е. представляет собой не физическую, а только функциональную реальность. Следовательно, нельзя описать фонемы непосредственно, как описывают физическую реальность, и можно только описать ту физическую реальность, наблюдая функционирование которой в качестве языка, заключают о существовании фонем, т. е. ... физическую реальность тех сегментов, на которые распалась звуковая цепочка в результате ее функциональной членности. Каждый такой сегмент это, очевидно, частный случай того, что называют «реализацией» той или иной фонемы или ее «манifestацией» или «имплементацией» и тем самым хотят или не хотят этого, ясно выражают, что физическая реальность и фонема лежат в двух разных и несовместимых плоскостях (правда, лингвистическая терминология настолько неточна, что любую реализацию фонемы в известных контекстах можно назвать также и просто “фонемой”») (Steblyn-Kamenskij 2003: 677).

«Две плоскости» соответствуют реализации фонемы и ее функции — смысловозначительной (пражцы) и конститутивной (ЛФШ)⁶. Последняя отражает точку зрения говорящего (порождение речи). В плане восприятия ей соответствует «опознавание», в которое входит и смысловозначение, ср.: «функция фонемы заключается не в том, чтобы различать слова или

⁶ Ср.: «...что означает “различительная функция фонемы”? Ситуация выглядит так, как если бы фонемы различали единицы, которые существуют независимо от фонем, т.е. эти единицы были бы конституированы «чем-то», а различались бы благодаря фонемам. Но положение определено не таково: фонемы прежде всего делают возможным существование соответствующих единиц (т.е. морфем). Это, следовательно, и есть их основная функция — конститутивная» (Kasevich 2006: 43). Ср. также: «[Е]динственная функция фонемы — конститутивная... Способность различать слова — свойство фонемы, вытекающее из этой функции. Различается ли план выражения каких-нибудь двух слов одной фонемой, двумя, тремя и т. д. — это скорее свойство плана выражения в целом. Для определения фонемного состава слова не имеет никакого значения, существуют ли к нему квазиомонимы ... или не существуют» (Zinder 1979: § 65).

словоформы (хотя потенциально фонема такой способностью всегда обладает), а в том, чтобы опознавать эти языковые единицы» (Zinder 1970: 109). В свою очередь, опознавание (и смысловоразличение как частный случай) относятся как к целому (морфема, слово), так и составляющим его единицам, в нашем случае, фонемам.

В слабой позиции смысловоразличение отсутствует. Тем не менее, «[п]о мнению представителей школы Л. В. Щербы, фонологическая интерпретация такого конечного сегмента, как /к/ определяется тем, что коль скоро в системе фонем русского языка есть фонема /к/ и известны ее дифференциальные признаки, то, обнаружив в тексте сегмент с соответствующими признаками (вернее, их *коррелятами*), следует фиксировать фонему /к/» (Kasevich 1977: 41; курсив мой — Ю. К.). Сегмент, восстанавливаемый на основании «коррелятов признаков» — это, строго говоря, еще не фонема, а, скорее, ее «манифестация или имплементация», по-прежнему нуждающаяся в отождествлении. То же относится к «представителю архифонемы», о котором говорит Трубецкой (чуть дальше, на с. 89, вообще говорится о «звуке, который появляется в позиции нейтрализации»). Под архифонемой же понимается «совокупность смысловоразличительных признаков (не коррелятов — Ю. К.), общих для двух фонем» (Trubetskoj 1960: 87). Поскольку признаки выводятся из противопоставлений, «отношение между фонемами, которые представляет «архифонема»» (Зиндер), в данной конкретной позиции могут характеризоваться только отрицательно: «член оппозиции, выступающий в позиции нейтрализации, представлен *не* звонким и *не* глухим» (Trubetskoj 1960: 88; курсив мой — Ю. К.).⁷

⁷ Вот как описывает взаимоотношения между фонемой, архифонемой и представителем того и другого М. В. Панов: «Как относятся фонемы /т/ и /д/ к архифонеме /Т/? Как вообще относятся нейтрализованные фонемы к «своей» архифонеме? Одинаково ли отношение фонемы /т/ к архифонеме /Т/ и фонемы /д/ к той же архифонеме /Т/? На первый взгляд кажется, что различий нет. И то, и другое — отношение более конкретной единицы к более абстрактной. Но так только на первый взгляд. Обратим внимание, что архифонема /Т/ (на конце слова) и фонема /т/ реализуются одним и тем же звуком: [т]. Язык демонстрирует более близкие отношения между /т/ и /Т/, чем между /д/ и /Т/. Звук [т] выражает фонему /т/, и он же (в других позициях) — архифонему /Т/; значит, между ними нет таких различий, которые выразились бы в положительном признаке» (Panov 1979: 182).

То же относится и к отсутствию противопоставления в случае ограниченной дистрибуции. Говорится, правда, что различие, например, русск. /b/ и /p/, чередующихся в конце слов, «не утрачено и в этом фонетическом положении»:

«при соответствующей ситуации любая из них может быть произнесена и услышана также в так называемой слабой позиции. Когда необходимо, например, подчеркнуть, что в конце данного слова пишется буква *з*, а не *с*, или что в данном слове пишется буква *о*, а не *а*, то для этого нередко пользуются не описательными, а чисто произносительными средствами говорят: «Нужно писать *раз*, а не *рас*, или *вокзал*, а не *вакзал*» и т. п. ... Таким образом, можно сказать, что хотя в конце слов, а также и перед глухими согласными в русском языке встречается только второй член противопоставления «*z* — *s*», он сохраняет свою «индивидуальность, остается той же фонемой /s/, что и в других фонетических положениях, и не смешивается с фонемой /z/» (Zinder 1979: § 53).

Речь идет, скорее, об искусственном восстановлении *морфемы* путем «озвучивания» ее письменной формы (“*spelling pronunciation*”), с добавлением признака при столь же искусственном отождествлении «имплементации» (Стеблин-Каменский) с одним из членов противопоставления в сильной позиции. В естественных условиях, где разрешения омонимии не происходит, «имплементация» в позиции неразличения совпадает с немаркированным (глухим) членом противопоставления (отсюда орфографические ошибки — *гот*, вместо *год*⁸). В сильной позиции, напротив, возможно отождествление с маркированным членом оппозиции, например, в речи детей, *танГи*, *Дон КихоДа*, или в формах незнакомых слов, *грант* — *гранДы*, ср. вошедшие в язык: *юБочка*, *сваДебный*, но в *гардероПе* и т.п.; то же в нем. *Sarg* ‘гроб’, среднемецком заимствовании из лат. *sarcophagus* с усечением: совр. *Sarg* — мн. *Särke*.

На этом строится сознательная игра слов: «Глаз Божий»: название интернет-платформы и фильма, посвященного истории Музея изобразительных искусств (2012). Но то же происходит и в случае ненамеренных оговорок, ср. (в интервью по

⁸ Одну из причин предпочтения глухого члена оппозиции на конце слова, М. В. Панов видит в том, что «в речи (при достаточно большой текстовой выборке) [т] встречается более часто, чем [д]» (Panov 1979: 183).

радио): — ...глас народа — глас Божий. — Не дать высказаться глазу Божьему?

Во всех этих случаях не реализуется ни смысловозначительная/опознавательная, ни конститутивная функция фонемы, а значит, мы имеем дело с совершенно особым фонологическим явлением.

Связана ли нейтрализация с возможностью рифмовки? Исключить этого нельзя, хотя бы потому, что она свидетельствует об «акустической или артикуляторной близости “звуков”» (Грубецкой). С другой стороны не рифмуются *j'aimai* и *le mois de mai*, «parce que *j'aimai* se termine par un *e* fermé (*é*) [*e*], tandis que l'*e* est ouvert dans *mai* (*è*) [*ɛ*]» (Lote 1996: 215), хотя противопоставление /*ɛ*/ : /*e*/ является нейтразуемым (Trubetskoj 1960: 87). Явно не связаны с нейтрализацией рифмы *home* : *noon*, *blame* : *tane* в среднеанглийском (Jefferson et. al. 2014) или ранненовоанглийские *proved*: *loved*, *obey* : *tea*, *full* : *rule* (Hanson 2002). В *hond* — *handa* вообще имеет место «дистантная ассимиляция». В связи с этим, нелишне вспомнить, что материал стиха — не гласные и согласные, а слоги. Они рифмуются (или не рифмуются) в соответствии с правилами стихосложения, строящимися с учетом особенностей фонологической системы данного языка, в число которых, наряду с прочим, может входить и нейтрализация составляющих слоги единиц.

Литература

- Akamatsu, Ts. 1988: The theory of neutralization and the archiphoneme in functional phonology. In: *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science*. Series IV, Current issues in linguistic theory. Vol. 43. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Benediktsson, Hr. 1963. Phonematic neutralization and inaccurate rhymes. *Acta Philologica Scandinavica*. Vol. 27, 1–18.
- Clements, G. N. & E. V. Hume 1996: Internal organization of speech sounds. In: Goldsmith, J. A. (ed.). *The handbook of phonological theory*. Cambridge (Mass.): Blackwell Publishers.
- De Backer, M. 2014: *Lexical neutralisation. Theoretical and empirical perspectives*. Gent: Universiteit Gent.
- Fromkin, V. (ed.) 2000: *Linguistics. An introduction to linguistic theory*. Malden, Massachusetts, USA: Blackwell Publishers.
- Hanson, K. 2002: Vowel variation in English rhyme. In: *Studies in the history of the English language. A millennial perspective*. Ed. by

- Donka Minkova and Robert Stockwell. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 207–230.
- Jefferson, J. A., Minkova D., Putter A. 2014: Perfect and Imperfect Rhyme: Romances in the *abab* Tradition. In: *Studies in Philology*. Vol. 111/4, 631–651.
- Kasevich, V. B. 1977: *Elements of General Linguistics*. Moscow: Nauka.
Касевич, В. Б. 1977: *Элементы общей лингвистики*. М.: Наука.
- Kasevich, V. B. 2006₁: [Author's Preface]. In: Kasevich, V. B. *Trudy po jazykoznaniju [Writings on Linguistics]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 7–8.
Касевич, В. Б. 2006₁: От автора. В сб. Касевич, В. Б. *Труды по языкознанию*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 7–8.
- Kasevich, V. B. 2006₂: [Phonological problems of general and oriental linguistics]. In: Kasevich, V. B. *Trudy po jazykoznaniju [Writings on in Linguistics]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 9–238.
Касевич, В. Б. 2006₂: Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. В сб. Касевич, В. Б. *Труды по языкознанию*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 9–238 (1-е изд.: 1983).
- Kasevich, V. B. 2006₃: [Morphonology]. In: Kasevich, V. B. *Trudy po jazykoznaniju [Writings on Linguistics]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 239–370.
Касевич, В. Б. 2006₃: Морфонология. В сб.: Касевич, В. Б. *Труды по языкознанию*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 239–370 (1-е изд.: 1986).
- Kleiner, Yu. 2017: Two debates in Soviet linguistics in the early 1950s ('on linguistics' and 'on the phoneme'). In: *14th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIV)*. Paris. August 28 — September 1, 2017. *Conference Handbook*, 118–119.
- Lieberman, A. S. 1971: [The order of rules in phonology and the reality of distinctive features] *Voprosy jazykoznanija [Issues in Linguistics]* 3, 60–72.
Либерман, А. С. Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков. *Вопросы языкознания* 3, 60–72.
- Lieberman, A. S. 1974: The order of rules in phonology and the reality of distinctive features. *Linguistics* XII (126), 45–62.
- Lieberman, A. S. 2003: [M. I. Steblin-Kamenskij. A view of work and memories]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii [Writings on Philology]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 877–909.
Либерман, А. С. 2003: М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания. В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 877–909.

- Lote, G. 1996: *Histoire du vers français*. Tome IX. Troisième partie: Le XVIIIe siècle. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence.
- Panov, M. V. 1979: *Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika* [*Modern Russian. Phonetics*]. Moscow: Vysshaja shkola.
- Панов, М. В. 1979: *Современный русский язык. Фонетика*. М.: Высшая школа.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1968: Neutralization, the word and the thing (a propos of certain Old Icelandic rhymes). *Philologica Pragensia* XI (1), 29–32.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: [Isomorphism and ‘phonological metaphor’]. In: Steblyn-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii* [*Works in Philology*]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul’tet SPbGU, 647–651.
- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: Изоморфизм и «фонологическая метафора». В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 647–651 (1-е изд. 1967).
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: [Neutralization, the word and the thing (a propos of certain Old Icelandic rhymes)]. In: Steblyn-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii* [*Writings on in Philology*]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul’tet SPbGU, 663–667.
- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: Нейтрализация: понятие и суть (по поводу некоторых древнеисландских рифм). В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 663–667 (1-е изд.: 1974).
- Trnka, V. 1982: Morphological oppositions. In: Trnka, V. *Selected Papers in Structural Linguistics. Contributions to English and General Linguistics written in the years 1928–1978*. Janua Linguarum, Series Maior 88, Berlin, New York; Amsterdam: Mouton, 303–316.
- Trubetskoj, N. S. 1960: *Osnovy fonologii* [*Principles of Phonology*]. Moscow: Izdatelstvo inostranoj literatury.
- Трубецкой, Н. С. 1960: *Основы фонологии*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Voronkova, G. V., & M. I. Steblyn-Kamenskij 1975: The phoneme — a bundle of distinctive features? *Linguistics* XIII (146), 78–89.
- Voronkova, G. V., Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: [The phoneme — a bundle of distinctive features?]. In: Steblyn-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii* [*Works in Philology*]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul’tet SPbGU, 675–688.
- Воронкова, Г. В., Стеблин-Каменский, М. И. 1975: Фонема — пучок РП? В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 675–688 (1-е изд.: 1970).

- Zhuravlev, V. K. 1972: [On the problem of neutralization of phonological oppositions]. *Voprosy jazykoznanija [Issues in Linguistics]* 3, 36–49.
Журавлев, В. К. 1972: К проблеме нейтрализации фонологических оппозиций. *Вопросы языкознания* 3, 36–49.
- Zinder, L. R. 1970: [On 'minimal pairs']. In: *Jazyk i chelovek. Sbornik statej pamiaty professora Petra Savvicha Kuznetsova (1899–1968) [Language and Man. A collection of papers in memoriam Professor Petr Savvich Kuznetsov (1899–1968)]*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 105–109.
Зиндер, Л. Р. 1970: О «минимальных парах». В сб.: Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). М.: Изд-во Моск. ун-та (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 4), 105–109.
- Zinder, L. R. 1979: *Obschaya Fonetika [General Phonetics]*. Moscow: Vysshaja shkola.
Зиндер, Л. Р. 1979: Общая фонетика. М.: Высшая школа. (1-е изд.: 1960).
- Zinder, L. R. 1997: *Teoreticheskij kurs fonetiki sovremenного nemetskogo jazyka [Theoretical Course in Phonetics of Modern German]*. St. Petersburg: Izdatelstvo SPbGU.
Зиндер, Л. Р. 1997: *Теоретический курс фонетики современного немецкого языка*. СПб.: Изд. СПбГУ.

Э. Б. Крылова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва,
Россия. krelvira@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДАТСКИХ НАРЕЧИЙ *ned* ‘ВНИЗ’ И *op* ‘ВВЕРХ’ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ

В статье дается анализ особенностей использования в речи датчан предельных наречий *ned* ‘вниз’ и *op* ‘вверх’. Особое внимание в исследовании уделяется выявлению и описанию типичных контекстов употребления наречия *ned* ‘вниз’. Анализ примеров с наречием *op* ‘вверх’ дается главным образом в случае возможности употребления данного показателя в сходных контекстах, чтобы продемонстрировать особенности каждого из них и выявить случаи исключительных контекстов.

Анализ языкового материала показывает, что семантический потенциал наречия *ned* ‘вниз’ допускает его употребление в ситуации снижения, уменьшения, упрощения как в базовом физическом, так и в различных ментальных пространствах: движение от более высокой точки к более низкой, от целого объекта к его более мелким деталям, от более важного к менее значимому.

В результате сравнения контекстов использования наречий *ned* ‘вниз’ — *op* ‘вверх’ удалось выявить и объяснить употребление *ned* в таких типичных для него контекстах, как сфера обслуживания и кулинарные рецепты, тогда как наречие *op* активно используется как показатель направления движения от общего к частному.

Ключевые слова: датский язык, языковые средства пространственно-временной семантики, динамические показатели, ментальное пространство.

Elvira Krylova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. krelvira@mail.ru

Features of functioning of the Danish adverbs *ned* ‘down’ and *op* ‘up’ as indicators of special-temporal semantics

The article analyzes the peculiarities of the use in Danish speech of the limiting adverbs of the direction *ned* ‘down’ — *op* ‘up’. Particular attention in the study is paid to identifying and describing typical contexts for the use of the limiting adverb *ned* ‘down’. The analysis of examples with the

adverb *op* 'up' is given mainly if it is possible to use this indicator in similar contexts, in order to demonstrate the features of each of them and identify cases of exceptional contexts.

The analysis of the linguistic material shows that the semantic potential of the adverb *ned* 'down' allows its use in a situation of reduction, simplification both in the basic physical and in various mental spaces: movement from a higher point to a lower one, from a whole object to its more small details, from most important to least important.

As a result of comparing the contexts of the use of adverbs *ned* 'down' — *op* 'up', it was possible to identify and explain the use of *ned* in such typical contexts as the service sector and culinary recipes, while the adverb *op* is actively used as an indicator of the direction from general to specific.

Key words: Danish language, spatio-temporal semantics, dynamic indicators, mental space.

Средства датского языка, формирующие различные виды пространств, представляют особый интерес для исследования в связи с их активным использованием в речи датчан и сложностью употребления носителями языка. Это вызвано, прежде всего, их неизученностью, использованием разных наречно-предложных сочетаний в одних и тех же контекстах, а также возможностью их опущения. Анализ функционирования пространственных показателей в датском языке свидетельствует об особенностях пространственной интерпретации мира датчанами (Durst-Andersen 2011; Hansen 2011; Hovmark 2005, 2009; Krylova 2017, 2020). Подробное рассмотрение всех случаев использования пространственных наречий в отдельных коммуникативных ситуациях может способствовать выявлению их семантических инвариантов и объяснению роли данных средств в формировании различных видов пространств.

Пространство, определяемое О. Н. Селиверстовой как «нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие», предполагает наличие нескольких семантических разновидностей пространственных отношений, которые могут быть объективными и субъективными и проявляться в событийной, динамической, субъектной и параметрической локализациях (Seliverstova 1983: 143).

Человек использует в речи потенциал единиц языковой системы, создавая таким образом новые значения для своей субъективной интерпретации мира. Антропоцентричность высказывания с пространственными показателями заключается в том, что говорящий строит его, основываясь на двух видах пространств — деятеля и наблюдателя (Boldyrev 2019: 30). Про-

странственные наречно-предложные сочетания, используемые говорящим в различных ситуациях, выполняют своего рода ориентирующую функцию. Основанием для выбора говорящим определенных компонентов такого сочетания является «инвариантно-вариативный принцип пространственного построения высказывания» (Boldyrev 2019: 30)

Наиболее характерными для любого языка являются средства, формирующие границы таких видов пространств, как вертикальное и горизонтальное. Простое движение в границах вертикального пространства в датском языке передается предельными наречиями *op* ‘вверх’ — *ned* ‘вниз’. Движение в границах горизонтального пространства маркируют наречия *hen* ‘туда’, особенностью которого является движение к определенной точке на той же плоскости, что и отправная, и *bort* ‘прочь от чего-то’, а также наречия *frem* ‘вперед’ — *tilbage* ‘назад’. Движение между внешним и внутренним пространством передается наречиями *ud* ‘наружу’ — *ind* ‘внутри’.

Объектом нашего анализа являются предельные наречия *ned* ‘вниз’ и *op* ‘вверх’, которые употребляются в сочетании с пространственными предлогами в определенных контекстах и часто кодируют информацию, понимание которой очень важно для иностранцев, изучающих датский язык. Для иллюстрации особенностей функционирования исследованных показателей в данной статье будут главным образом использованы материалы электронного корпуса датского языка, демонстрирующие всю полноту контекстов их употребления (korpus.DK).

I. Предельное наречие *ned* ‘вниз’ используется в языке для обозначения направления движения сверху вниз в трехмерном пространстве внешнего мира: *at komme ned fra himlen* ‘спуститься с неба вниз’ / *ned til fjerde etage* ‘вниз на четвертый этаж’ / *ned til træernes rødder* ‘вниз до корней деревьев’. Данный показатель маркирует как ощущение субъекта, движущегося вниз, так и восприятие такого движения наблюдателем:

- (1) *Snart stod de ved trappen, der førte ned i en mørk kælder.*
‘Скоро они остановились у лестницы, ведущей в темный подвал’.
- (2) *Pelsen gik helt ned til fødderne.* ‘Шуба доходила до пят’.

Движение взгляда, как и продвижение тела вверх, маркируются наречием *op* ‘вверх’: *at kigge op på Månen* ‘посмотреть на Луну’, *at gå op til et højdepunkt* ‘дойти до вершины’, *at komme op på første sal* ‘подняться на второй этаж’.

Наречие *ned* ‘вниз’ может использоваться для обозначения направления движения в сторону объектов, лежащих ниже исходного места на географической карте: *ned til Lolland* ‘к острову Лолланд’ / *ned fra Island* ‘из Исландии’ / *ned til Tunesien* ‘в Тунис’ / *ned til kineserne* ‘к китайцам’. При этом данный пространственный показатель может относиться не к тому объекту, который обозначен существительным, следующим непосредственно за наречно-предложной парой, а к стоящему за ним или даже отсутствующему в ближайшем контексте. Это свидетельствует о том, что говорящий использует в таких случаях пространственные показатели, маркирующие основные или наиболее релевантные для слушающего локализации:

- (3) *Bagefter tog vi ned til en hytte i Frankrig.* ‘Затем мы поехали в небольшой домик во Франции’ (*ned* маркирует направления движения из Дании во Францию)
- (4) *Vi tog tit og ofte ned til mine forældre for at hjælpe i haven.* ‘Довольно часто мы ездили к родителям, чтобы помочь им в саду’ (*ned* маркирует направление движения вниз от дома дочери к месту проживания родителей).

Обычный уровень расположения домов, деревень, городов является более высоким по отношению к саду, огороду, лесу, полю, а также по отношению к любой водной поверхности и таким объектам, как гавань, корабль и т.п. В связи с этим, направление движения к ним также маркируется наречием *ned*: *at køre ned i en park eller skov* ‘поехать в парк или лес’, *at tage ned til stranden* ‘отправиться на пляж’, *at gå ned til havet* ‘спуститься к морю’:

- (5) *Så gik jeg ned i haven og ned ad den lille sti.* ‘Потом я спустился в сад и пошел по узкой тропинке’.
- (6) *Han gik ned til havnen og om bord på et skib.* ‘Он спустился в гавань и сел на корабль’.

Движение в противоположную сторону маркируется, соответственно, наречием *op* ‘наверх’:

- (7) *Manden var i mellemtiden gået op ad en lille gyde, som førte op fra havnen.* ‘Тем временем мужчина прошел вверх по узкому переулку, идущему от гавани’.

Показатель *op* ‘вверх’ может использоваться и в типичных для *ned* ‘вниз’ контекстах, приведенных выше, но в таком случае он маркирует прежде всего необычную локализацию

объектов, о чем часто даются пояснения в ближайшем контексте:

- (8) *Man skal gå en tur **op** i skoven, som begynder lige nord for landsbyen.* Нужно пойти погулять в лес, который начинается к северу от деревни.

II. Традиционное расположение жилых комнат на верхних этажах дома, а кухни, столовой и других помещений общего пользования на нижнем способствовало использованию наречия **ned** для обозначения движения вниз с целью приема пищи, общения с другими людьми и т. п.:

- (9) *Litten kom ikke **ned** til middagsbordet, men fik sin mad bragt **op**.* 'Литтен не спустилась к обеду, но еду ей принесли наверх'.
 (10) *Næste dag sov hun til klokken fjorten, stod **op**, tog bad og **kom ned** til kaffe.* 'На следующий день она проспала до двух часов дня, встала, помылась и спустилась к кофе'.

Такое восприятие пространства приводит к возникновению представления о расположении «внизу» ближайших мест для приема пищи, даже если речь идет о посещении ресторанов, кафе и пр. В этом случае можно говорить о формировании своеобразного ментального пространства, не соответствующего организации реального (Fausonnier 1985, Haynes 1981, Osorina 2017):

- (11) *Vil du spise morgenmad som en vaskeægte italiener, skal du altså **ned på** den lokale hjørnecafé.* 'Если Вы хотите позавтракать, как настоящий итальянец, то вам нужно пойти в ближайшее кафе на углу'.
 (12) *Så gik vi **ned** for at spise **på** en grill...* 'Потом мы пошли поесть в ближайший гриль-бар'.

Показатель **op** 'вверх' в контекстах, типичных для использования наречия **ned** 'вниз', будет маркировать особую ситуацию и сообщать слушающему, что, например, гостиничный номер говорящего находится ниже этажа, на котором расположен ресторан:

- (13) *Jeg gik **op** for at spise morgenmad <...> Vi kom tilbage til hotellet og jeg gik **ned på** værelset og fik en time på øjet.* 'Я поднялся позавтракать <...> Мы вернулись в гостиницу, я спустился в номер и немного подремал'.

Если употребление наречия **ned** в выражениях *at gå ned efter morgenbrød og cigaretter* 'спуститься/сбежать за хлебом и

сигаретами' можно объяснить как маркирование быстрого и легко выполнимого действия, то более сложными для понимания являются случаи использования *ned* в таких контекстах, как *at tage ned til damefrisøren* 'сходить в женскую парикмахерскую', *at køre ned til købmanden* 'съездить в магазин' *at gå ned til stylisten* 'сходить к стилисту'. Анализ материала позволяет заключить, что показатель движения вниз *ned* употребляется в контекстах, где речь идет об объектах сферы обслуживания. Наречие *ned* в этих высказываниях не кодирует информацию о локализации данных объектов в реальном пространстве по отношению к субъекту движения, об этом свидетельствует и активное использование *ned* в рекламе, приглашающей клиента в салон красоты, в автомастерскую или, например, в магазин красок Sadolin:

- (14) *Kig ned til Sadolin forhandleren*. 'Загляните в салон красок Садолин'.
 (15) *Kom ned i en af vores butikker*. 'Приходите в один из наших магазинов'.

Здесь мы можем говорить об определенном аналитическом понимании обоими коммуникантами значения данного наречия как показателя пространственно-временной локализованности, поскольку движение вниз ощущается самим субъектом движения и воспринимается его наблюдателем как более легкое и быстрое. В следующем примере говорящий использует наречие *ned* для формирования у слушающего представления о том, что рекламируемое действие не требует больших затрат времени и сил:

- (16) *Alle jer læsere, der enten er børn eller har børn, skulle tage og se ned til os — DE GRØNNE SPEJDERE*. 'И всем вам, нашим читателям, как детям, так и их родителям, стоило бы заглянуть к нам — ЗЕЛЕНЫМ СКАУТАМ'.

Таким образом, можно заключить, что показатель *ned* 'вниз' является прототипическим для описанных контекстов и может использоваться как представителями магазинов и сервисных служб, так и их клиентами:

- (17) *Vi gik ned på arbejdsformidling og fandt et arbejde som medhjælper i en park*. 'Мы пошли в службу занятости и нашли работу помощника в парке'.

- (18) *Men hun går **ned** til "Salon Bibbi", når spidserne skal klippes og håret vaskes.* 'Однако она идет в «Салон Бибби», когда ей надо подстричь кончики волос и помыть голову'.

III. Пространственный показатель **ned** используется также в ситуации детализации процесса движения к отдельному элементу из их множества: **ned til hver enkelt gæst** 'к каждому гостю', **helt ned til hvert enkelt sekund** 'в каждую секунду', **ned til mindste detalje** 'до мельчайших деталей'. В связи с этим наречие часто используется в позитивном контексте о хорошо продуманных планах, о внимании к деталям, что допускает употребление здесь таких усилительных маркеров, как *helt* 'совсем', *hver enkelt* 'каждый отдельный', *enhver* 'каждый, любой', *mindst* 'мельчайший' и др.:

- (19) *Du kan blandt andet se dit elforbrug helt **ned til hver enkelt** time.* 'К тому же ты сможешь проверить свое потребление электричества за каждый час'.
- (20) *Systemet er gennemtænkt og forberedt **ned til hver** detalje.* 'Система продумана и проработана до мельчайших деталей'.

Обратный процесс движения от деталей к целому маркируется наречием **op** 'вверх':

- (21) *Hver eneste detalje fra knap til skjorte, tørklæder etc. går **op i en helhed**.* 'Абсолютно каждая деталь, от пуговицы до сорочки, шарфа и пр., входит в единое целое'.

IV. Характерным для использования наречия **ned** является его сочетание с предлогом **i** 'в' в контексте существительных со значением вместилища: *at komme ngt **ned i** sækken* 'положить что-то в мешок' / ***ned i** posen* 'в пакет' / ***ned i** kurven* 'в корзину' / ***ned i** gryden* 'в кастрюлю'.

- (22) *Knus peberkornene groft **ned i** en skål.* 'Перец горошком крупно помелите в миску'.
- (23) *Før du serverer, stikker du en stor dusk persille **ned i** gryden.* 'Перед окончанием готовки положите большой пучок петрушки в кастрюлю'.

Своеобразным метонимическим переносом отсюда можно, видимо, считать функционирование сочетаний данного наречия с предлогами **til** 'к' или **i** 'в' в контексте глаголов *at komme* 'помещать', *at lægge* 'класть', *at sænke* 'опускать' в кулинарных текстах:

- (24) *Kom løget ned til kålen. Læg flæsket ned i midten af kålen.* ‘Добавьте лук в капусту. Положите свинину в середину капусты’.
- (25) *Andre grønne vækster sænkes ned i frituren.* ‘Другие зеленые ростки опускаются во фритюр’.

V. Сочетание наречия *ned* с предлогами *fra* ‘от, из’ и *til* ‘к, в’ маркирует направление движения в сторону уменьшения, сокращения, понижения объекта: *at klippe planten ned til 20 sm* ‘укоротить растение до 20 см’, *at klippe filmen ned til 80 minutter* ‘сократить фильм до 80 минут’. В данной функции *ned* может использоваться как показатель сокращения времени, уменьшения звука, скорости или числа объектов:

- (26) *Det er gratis at registrere sig og kan gøres på helt ned til 15 minutter.* ‘Зарегистрироваться можно бесплатно, и это не займет больше 15 минут’.
- (27) *Her foreslog man, at antallet af matroser skulle skæres helt ned til fem.* ‘Тут предложили, что число матросов должно быть сокращено до пяти’.

В свою очередь, несоответствующее норме усиление, удлинение или увеличение маркируется наречием *op* ‘вверх’ с предлогом *til* ‘к, в’:

- (28) *Mit kamera kan tage op til tre billeder i sekundet.* ‘Мой фотоаппарат может делать до трех снимков в секунду’.
- (29) *Patienter kan vente i op til 58 uger undersøgelse.* ‘Пациентам приходится ждать обследования до 58 недель’.

VI. То, что движение вверх ощущается субъектом и воспринимается наблюдателем как более сложное, объясняет использование наречия *op* ‘вверх’ с предлогом *til* ‘к, в’ в ситуации обращения субъекта в вышестоящую инстанцию: *at gå op til ministeren* ‘дойти до министра / пойти к министру’, *op til kommandanten* к коменданту, *op til chefredaktøren* ‘к главному редактору’:

- (30) *Jeg gik direkte op til direktøren for at kræve en forklaring.* ‘Я пошел прямо к директору, чтобы потребовать объяснений’.
- (31) *Hvis børnene ikke laver deres lektier, så kan de komme op til inspektøren.* ‘Если дети не сделают уроки, то могут оказаться у инспектора школы’.

Наш вывод о том, что использование наречия *op* в контекстах, характерных для употребления показателя *ned*, маркирует движение от общего к частному и направление в сторону увели-

чения, подтверждается и аналогичной функцией наречия *ned* в контекстах, типичных для использования показателя *op*. Так, в следующем примере выбор говорящим наречия *ned* объясняется только тем, что кабинет инспектора находится на нижнем этаже:

- (32) *Alle vendte det døve øre til og lod hende lege med tanken om at sende samtlige elever ned til inspektøren til skræk og advarsel.* ‘Все пропустили мимо ушей все сказанное, что привело ее к мысли, а не отвести ли их всех к инспектору’.

Таким образом, мы показали логику возникновения у иностранцев наречия *ned* переносных значений и употребление его в ряде контекстов, которые вызывают затруднения у иностранцев, изучающих датский язык. Традиционное для Дании расположение спален на верхних этажах дома привело к возникновению у датчан представления о том, что прием пищи, взаимодействие с окружающими и посещение общественных мест связано с движением вниз, откуда и проистекает частое использование *ned* в рекламе ресторанов, парикмахерских и т.п. Метафорическим переносом объясняется его употребление в ситуации движения от множества к отдельному предмету (детализация) и в сторону уменьшения/сокращения объекта; метонимическим — в кулинарных текстах, когда добавление продукта к блюду не связано с опусканием его в емкость. Кроме того, было рассмотрено, в каких контекстах наречие *op* выступает антонимом наречия *ned*, а в каких нет.

Источники и литература

- Boldyrev, N. N. 2018: [Anthropocentricity of space and time as forms of linguistic construal of the world]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. Is. XXXII, 26–35.
- Болдырев, Н. Н. 2018: Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания. *Когнитивные исследования языка*. Вып. XXXII, 26–35.
- Durst-Andersen, P. 2011: *Bag om sproget: Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation*. Hans Reitzels Forlag. København.
- Fauconnier, G. 1985: *Mental spaces: roles and strategies*. Cambridge: Mass.
- Hansen, E., Heltoft, L. 2011: *Grammatik over det Danske Sprog*, bind 1–3. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense: Syddansk Universitetsforlag.
- Haynes, R. M. 1981: *Geographical Images and Mental Maps*. Basingstoke & London: Macmillan.

- Hovmark, H. 2005: Sproglig kodning af rumlig orientering — eksempler på brug af verdenshjørner i danske dialekter. I: Peter Widell & Mette Kunøe (udg.): *10. Møde om Udforskningen af Dansk Sprog*. Århus. 209–218.
- Hovmark, H. 2009: Ude og hjemme — om brugen af retningsadverbier i Jylland og på Øerne. *Ord & Sag* 29. 5–27.
- KorpusDK. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk/> (дата обращения: 01.07.2023)
- Krylova, E. B. 2017: [A person in an interior or an interior with a person: on the expression of spatial relations in Danish]. In: N. D. Arutiunova (Ed.). *Logicheskij analiz yazyka. Chelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vnesnyaya zhizn' cheloveka v yazyke*. [Logical analysis of language. Man in the interior. The inner and outer life of a person in language. Moscow: YASK Publishing House] M.: Izdatel'skij dom YASK. 161–171.
- Крылова, Э. Б. 2017: Человек в интерьере или интерьер с человеком: о выражении пространственных отношений в датском языке. В сб.: Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке*. М.: Издательский дом ЯСК, 161–171.
- Krylova, E. B. 2020: [Features of the functioning of spatial semantics in Danish speech] In: *Zvegincevskie chteniya — 2020: [Zvegintsev Readings-2020: To the 60th anniversary of the department and department of theoretical and applied linguistics and the 110th anniversary of the birth of V. A. Zvegintseva]* Moskva, 71–73.
- Крылова, Э. Б. 2020: Особенности функционирования средств пространственной семантики в речи датчан. Сб. *Звегинцевские чтения-2020: К 60-летию отделения и кафедры теоретической и прикладной лингвистики и 110-летию со дня рождения В. А. Звегинцева. Материалы конференции* (Москва, 30–31 октября 2020 г.). М., 71–73.
- Osorina, M. V. 2017: [Mental spais as mental reality]. *Vestnik SPbGU. Psihologiya i pedagogika*. [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. Pedagogic]. Т. 7, issue 1. 6–24.
- Осорина, М. В. 2017: Ментальные пространства как психическая реальность. *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика*. Т. 7. Вып. 1, 6–24.
- Seliverstova, O. N. 1983: [Concepts «set» and «space» in the semantics of syntax]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series]. Т. 43. 142–150.
- Селиверстова, О. Н. 1983: Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 43. М. 142–150.

Ю. К. Кузьменко

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
jk7559873@gmail.com

ОБ АВТОРСТВЕ СКАЗОЧНЫХ САГ

При сравнении авторства в родовых сагах с авторством скальдов М. И. Стеблин-Каменский ввел понятие синкретической правды и неосознанного авторства (в родовых сагах) и авторства только формы (в скальдической поэзии). Он, однако, считал, что неосознанное авторство характерно не только для родовых саг, но и для сказочных саг, к которым он относил саги о древних временах и рыцарские саги и в которых «невозможно обнаружить никакого следа осознанного авторства или осознанного мастерства». Однако Стеблин-Каменский отмечает, возможность эмбриональной формы художественной правды в сказочных сагах. В предлагаемой статье я рассматриваю те признаки сказочных саг, которые свидетельствуют о формировании в них понятия авторства. К таким признакам относятся осознанный вымысел, авторские отступления и авторское «я».

Ключевые слова: авторство в древнеисландской литературе, родовые саги, сказочные саги, развитие авторства.

Yury Kuzmenko

Institute for Linguistic Studies, RAS, St.-Petersburg, Russia.
jk7559873@gmail.com

On the authorship of fairy tale sagas

When comparing authorship in family sagas with that of the skalds, M. I. Steblin-Kamensky introduced the concept of syncretic truth and unconscious authorship (in family sagas) and authorship of form only (in skaldic poetry). He believed, however, that unconscious authorship was characteristic not only of family sagas, but also of fairy tale sagas, to which he included legendary sagas and chivalric sagas, and in which “no trace of conscious authorship or conscious craftsmanship can be detected”. Steblin-Kamensky notes, however, the possibility of an embryonic form of artistic truth in fairy tale sagas. In the proposed paper, I examine those features of fairy tale sagas that indicate the formation of the notion of authorship in them. These attributes include conscious fiction, authorial digressions, and the authorial self.

Keywords: authorship in Old Icelandic literature, family sagas, fairy tale sagas, development of authorship

К сказочным сагам М. И. Стеблин-Каменский относил саги о древних временах и рыцарские саги (Steblyn-Kamenskij 1984). Термина «саги о древних временах в северных странах» нет в древнеисландских текстах. Он был создан датским филологом начала XIX века Карлом Кристианом Равном (Rafn 1829-1830), который назвал так изданные им саги, повествующие о временах до заселения Исландии. Прототипами героев этих саг были реальные скандинавы и их действие происходило в Скандинавии или в соседних странах, прежде всего на Британских островах и на Руси (в Гардах). Равн включил в свой список саг о древних временах 31 сагу. Однако современные исследователи, в частности авторы проекта Арнамагнеанского Института доводят количество саг о древних временах до 36 (Ney et al. 2009: 12–13). Хотя самая заметная из нового списка саг о древних временах, сага об Ингваре Путешественнике, повествует о временах уже после заселения Исландии, по всем остальным признакам (фантастичность историй, реально существующий прототип, действие происходящее в Скандинавии или в странах прилегающих к Скандинавии (в Древней Руси) эта сага, безусловно, соответствует сагам о древних временах. Именно сочетание сказочной фантастики с элементами действительности характерная черта сказочных саг. Соотношение правды и вымысла в этих сагах соответствует соотношению правды и вымысла в эпосе. Недаром составитель саги о Хрольве Пешеходе сравнивает эту одну из самых сказочных саг с сагой о троянцах скальда Гомера и сагой об Александре Македонском мастера Готье (GöngHr). Наиболее заметно соотношение элементов правдивости и сказочного вымысла в саге об Ингваре Путешественнике (Yngv.). Здесь очевидная сказочность истории сочетается не только с существованием реального прототипа Ингвара Путешественника, но и с реальностью самого похода Ингвара в Серкланд, о чем свидетельствуют около 30 рунических камней в Швеции, поставленных в память о шведах, погибших в этом походе.

Если термина «саги о древних временах» не было в древней Исландии, то термин «рыцарские саги», которые Стеблин-Каменский также относил к сказочным сагам, мы встречаем в этих сагах. Для рыцарских саг, которые были свободными переложениями латинских текстов или текстов провансальских трубадуров и северофранцузских труверов существовал особый термин *riddarasögur* «рыцарские саги». Именно так назывались саги со многими сказочными сюжетами, которые либо были

вольными переложениями латинских, англо-норманских, старофранцузских и окситанских текстов, либо были собственно норвежскими и исландскими сагами, построенными по модели этих текстов. В одной из рукописей рыцарских саг (в саге о Магусе ярле) именно так называются саги такого типа: *Frásagnir... svo sem... Þiðreks saga, Flóvenz saga eðr aðrar riddarasögur*⁶ «Рассказы, такие как сага о Тидреке, сага о Фловенте или другие рыцарские саги» (Glauser 2005: 372). Вполне вероятно этот исландский термин был переводом со старофранцузского *roman de chevalerie* или заимствован из древневерхне-немецкого (см. древневерхне-немецкие слова типа *ritterschaft*).

При сравнении авторства в родовых сагах с авторством скальдов М. И. Стеблин-Каменский ввел понятие синкретической правды и неосознанного авторства (в родовых сагах) и авторства только формы (в скальдической поэзии) (Steblyn-Kamenskij 1965; 1971; 1973; 1984). Естественно, что человек, рассказывающий, а позднее записывающий сагу, не мог считать себя автором правдивой истории (с его точки зрения), в той же степени, как и скальд не мог считать себя автором факта, о котором сообщал. Однако скальд считал себя автором формы. Стеблин-Каменский считал, что неосознанное авторство характерно не только для родовых саг, но и для сказочных саг, в которых «невозможно обнаружить никакого следа осознанного авторства или осознанного мастерства» (Steblyn-Kamenskij 1984: 214). Однако М. И. Стеблин-Каменский отмечает, возможность эмбриональной формы художественной правды в сказочных сагах (Steblyn-Kamenskij 1973: 41). И ему вторит Буххольц, говорящий о «вырабатывающемся осознании авторства» в сагах такого типа (Buchholz 1973, 2). А. С. Либерман считает, что понятие неосознанного авторства относится только к устной традиции. Написание саги по его мнению не могло быть неосознанным и те, кто составлял сагу уже были авторами, но их авторство было неполным, потому что оно не включало понятие авторских прав (Lieberman 2018). Однако любой переводчик или копировальщик письменной саги мог включать в текст, что ему заблагорассудится, что говорит о том, что в это время не было особой разницы между устным и письменным текстом. Однако мысль о неполном авторстве кажется мне важной и мне хотелось бы обратить внимание на те признаки сказочных саг, которые говорят о формирующемся понятии авторства. К таким признакам относится осознанный вымысел, авторские отступления и авторское «я».

Осознанный вымысел

Самый известный случай осознанного вымысла, который осознается и рассказывающим и слушающими предоставляет нам сага о Торгильсе и Хавлиди, в которой рассказывается о свадебном пире в Рейкьяхolare в 1119 г., где развлекались различными способами, в том числе слушанием саг. Большинство упоминаемых в саге историй не дошло до нас, однако сага о Хромунде Грипссоне сохранилась и в риме XV века, и в прозаической саге о древних временах, основанной на этом риме в позднем списке XVII века и в 38 более поздних рукописях (Jesch 1984). Судя по этим текстам сага о Хромунде была типичной сагой о древних временах с множеством фантастических сюжетов (Hróm.). Считается, что ее прототипом было историческое лицо, жившее в Телемарке в первой половине VIII века. Он назван в Книге о взятии земли как предок исландского первопоселенца Ингольва Арнарсона (Brown 1946–1953). Однако большинство событий, описываемых в этой саге несомненная сказочная фантастика. Текст саги важен не только потому, что он подтверждает существование таких саг в устной традиции в XII. веке, до того как они были записаны, что было и без того очевидно из факта широкого использования этих саг на рубеже XII–XIII веков Саксоном Грамматиком в первых девяти книгах Деяний датчан (Campbell 1946–1953; Friis-Jensen 2009) и в саге об Инглингах Круга Земного Снопори Стурлусона (Jørgensen 2009). Знаменитый рассказ в саге о Торгильсе и Хавлиди важен еще и потому, что он единственное в своем роде свидетельство об отношении людей того времени к сагам, в которых господствует сказочная фантастика. И именно саги такого типа и назвал самыми забавными присутствующий на свадьбе король Сверрир, и очевидно такими же были и другие рассказанные на свадьбе саги: ... *Hrólf frá Skálmarnesi sagði sögu frá Hröngviði víkingi ok frá Ólafi liðsmannakonungi ok haugbroti Bráins berserks, ok Hrómundi Greipssyni och margar vísur með. En þessaru sögu var skemmt Sverri konungi, ok kallaði hann slíkar lygisögur skemmtiligstar. Ók þó kunna menn at telja ættir sínar til Hrómundar Gripssonar. Þessa sögu hafði Hrólfur sjálf saman setta. Ingimundur prestr sagði sögu Orms Barreyjarskálds ok vísur margar ok flokk góðan við enda sögunnar, er Ingimundur hafði ortan, ok hafa þó margir fróðir menn þessa sögu fyrir satt»*

(ÞorgHafll. 10)¹. Такую оценку сказочных саг мы находим и в Саге о Торстейне сыне Викинга, где прямо говорится, что эта сага самая забавная (*in gamansamligasta ÞórsVík. 25*).

Правда и вымысел в сказочных сагах

Составитель сказочных саг очень часто сам комментирует, насколько правдив соответствующий эпизод. Рассказав несколько эпизодов о сражениях, составитель саги о Хрольве Сыне Гаутрека замечает: «*Hvárt sem sátt er eða eigi, þá hafi sá gaman af, er þat má at verða, en hinir leiti annars þess gamans, er þeim þykkir betra*» — «Правда это или нет, пусть радуется тот, кто должен это делать, а другие пусть поищут себе другое развлечение, которое покажется им лучше» (HrllfGautr. 37). Рассказчик саги сомневается в правдивости саги, однако самое главное, чтобы сага развлекала. Еще более ясно эта мысль высказана в саге о Хрольве Пешеходе (GöngHr, 38)... *Munu þær ok fár eða engar fornra manna sögur, at menn vili með eidum sanna, at svá hafi verit sem sagðar eru, því at flestar verða orðum auknar, verða ok eigi öll orð ok atvik greind í sumum stöðum, því at flest er seinna en segir... Hafa ok forn kvæði ok frásagnir meir verit fram sett til stundligrar gleði en ævinligs átrúnaðar*².

Многочисленные ремарки составителя саги о том, что многое в таких сагах может быть выдумкой, не смущают составителя саги, поскольку он считает, что основная функция таких саг — развлечение, а не выяснение истины (см. выше GönHr.). Он рассказывает о целях саги и сам комментирует,

¹ «... Хрольв из Скаульмарнеса рассказал сагу о Хрэнгвиде викинге и об Олаве конунге войска и о взломе кургана Трайном берсерком и о Хромунде Грипссоне и многие стихи. И эта сага позабавила Сверрира конунга и назвал он такие лживые саги самыми забавными. Но, однако, люди могут возводить свой род к Хромунду Грипссону. Эту сагу составил сам Хрольв. Преподобный Ингимунд рассказал сагу об Орме скальде с острова Баррей и много стихов и хороший флокк (небольшой стих без рефрена) в конце саги, которые он сам сочинил (*hafði ortan*), и многие мудрые люди считают эту сагу правдой».

² «Немного есть или совсем не найдется саг про людей давних времен, о которых можно было бы сказать наверняка, что все в них правда потому, что **многое в этих сагах преувеличено**. Да и нельзя проверить каждое слово или событие, потому что большинство событий произошло гораздо позже, чем об этом рассказывается... **Древние песни и сказания служат больше временному развлечению, нежели постижению вечной истины**»

насколько правдив может быть соответствующий эпизод, а насколько он вымысел. Причем эти два положения часто вступают в противоречие друг с другом. С одной стороны утверждается правдивость саги, хотя многое, по мнению составителя саги, может показаться вымышленным, а с другой стороны, составитель саги говорит о том, что главное в сагах с вымыслом заключается в том, чтобы развлекать слушающего. В саге о Хрольве Пешеходе выражается сомнение в правдивости эпизода, когда карлик Мёндуль при помощи волшебной мази приживляет отрубленные у Хрольва Пешехода ноги (GöngHríf. 25): *Nú þótt mönnum bykki slíkir hlutir ótrúligir, þá verðr þat þó hvern at segja, er hann hefir sét eða heyrtr... Þarf ok engi meira trúnað á at leggja, en hafa þó gleði af, á meðan hann heyrir.* «Теперь людям такое кажется невероятным, но каждый должен говорить только то, что сам слышал или видел... Но никто не должен верить в то, что слышишь, если история, которую слушаешь, развлекает».

В некоторых случаях сомнения в правдивости саги оказываются даже чрезмерными. Составитель саги об Ингваре Путешественнике, сомневается, в том, что в ней правдиво описано путешествие сына Ингвара Свейна по горной реке Yngv. 15 (14): *En vitrum mönnum bykkir þat ekki sannligt vera mega, nema áin felli svá þröngt, at gnúpar tæki saman eða væri skógar svá þröngir, at saman tæki þess á meðal, er gnipur stæðist á. En þó at þetta megi vera, þá er þó eigi sannligt.* «Но некоторым мудрым людям кажется неправдоподобным, что река может быть такой узкой, а скалы сходятся так близко, или что леса на скалах бывают такими дремучими, что вершины деревьев переплетаются. **Хотя так и могло быть, все же это кажется невероятным**». Исследования древнегрузинских источников, однако, показали реальность похода скандинавов по горным рекам Грузии (Larsson 1986–1989), описание, которого оказывается вполне реалистичным.

Уже благодаря употреблению термина *ævintýr(i)* ‘приключение, выдумка, сказочная история’, который появился в исландском в XII–XIII веках из средненижненемецкого *ēventūre* или из средневерхненемецкого *āventiure* ‘опасное путешествие, рискованное предприятие’, которое в свою очередь было заимствовано из старофранцузского *aventure* из позднелатинского **adventura* ‘то, что может произойти, приключение’ позднелатинского *adventurous* ‘приключение, подвиг’ слушатель предупреждается, что речь пойдет о сказочной саге с фантас-

тическими эпизодами. Чаще всего мы встречаем этот термин в рыцарских сагах и в сагах о древних временах (ср. примеры Cleasby, Vigfusson 1957: 759). Часто встречаются и украшения такого названия, см., напр., *fagrar dæmisögur ok ævintýr* (Rémm) «красивые басни и приключения», *æfintýr og fagra frasaugn* (Nit.), «приключение и красивый рассказ»; *æina fagra saugu* «одну красивую сагу», *eina kátliga frasögn* (Gautr. 1). См. также: *Heyrið mér, góðir vinir...því at betra er at heyra fagrar dæmisögur ok ævintýr frá ágætum mönnum sögð, heldr en at heyra únytsamligt skvaldr framflutt með úhyggiligum hlátri* (Rémm. 1). «Послушайте меня, добрые друзья ... потому что лучше слушать красивые басни и приключения, рассказанные о знаменитых людях, чем бесполезную болтовню с неприятным хохотом, как это делают многие глупцы». Уже по этим названиям можно заключить о том, что рассказчик или чтец готовит своего слушателя к тому, что сага будет сказочной, несмотря на то, что составитель саги убеждает читателя, в том, что эта сага создана не на потеху и не для развлечения.

Очевидно, что для Сверрира и для его современников существовало только два типа саг: «лживые» и «правдивые». Термин Сверрира *lygisögur* «лживые саги», по данным Спуркланна, всего два раза встречается в текстах, причем для обозначения жанра только один раз (Spurkland 2018). Гораздо чаще для обозначения вымысла используется слово *skrök* «выдумка» и производные от него, см. глагол *skrökva* «выдумывать», который мы встречаем в этом прологе и которому соответствуют целый ряд существительных и прилагательных, которые обозначают выдуманные саги: *skrök* «ложь, выдуманная история», *skrökvað* «выдуманно». Такие *skrökligr skröksamligr* «лживый, выдуманный», *skrökmál* «выдуманная история», *skrökmaðr* «рассказчик выдуманной истории», *skröksögur* «выдуманные саги» *stjúpmæðrasögur* «саги мачехи», что примерно соответствуют нашему «бабушкины сказки», *lygisögur* «лживые саги» (Spurkland 2012: 173–184). Эти слова противопоставлялись словам со значением «правда, правдивый», см. sb. *sannindi*. adj. *sannr* (*sönn, satt*), см. *hvárt þat væri skrök eðr sannindi* «было ли это выдумкой или правдой» (Cleasby, Vigfusson 1957: 559).

Если для Сверрира лживые саги типа саги о Хромунде были самыми забавными, то все приведенные выше многочисленные названия сказочных саг всегда выступают с негативной коннотацией, противопоставляясь названиям саг со значениям «правдивый, правда». Составитель сказочной саги, предупредж-

дает слушателя, что сага будет не выдумкой (*skrök*) и не чепухой (*hégomi*) или вздором (букв. *lok-lausa* «без крышки»), а правдой: *Saga síá er eigi samansett med loklausu heldr er hun sönn* «Сага эта не составлена из вздора, а она правдива» (Flovent. II). В действительности же такое уверение было литературным приемом, поскольку именно развлекательные сказочные саги, судя по количеству сохранившихся рукописей, ценились больше всего. Составитель саги прекрасно понимал особенности сказочных саг и готовил слушателей к тому, что именно выдуманная сага будет предложена слушателям.

Обращение к слушателям и авторское «я»

В сказочной саге чтец или рассказчик часто обращается к слушателям с призывом послушать сагу, см., напр. *Heyrið, unga menn...* «Послушайте, молодые люди...», *Hæyrið, horskir menn...* «Послушайте, мудрые люди...»; *Heyrið mér, góðir vinir* «Послушайте меня, добрые друзья...» и т. п. А в конце саги мы часто видим благодарность тому, кто слушал сагу, см. Vald.12: *En þá lýkst hér þetta æfintýr. Hafi sá þökk er las ok sá er skrifaði ok þeir er til hlýddu en hinir skömm en óhljóð gørdi* «И здесь заканчивается это приключение. Спасибо тому, кто читал и тому, кто написал, и тем, кто слушал, и позор тем, кто шумел» или Str. I (19) *En yðr sé fræði ok friðr ok fagnaðr er hæyrt hafed* «А у вас пусть будут знания, мир и веселье, у тех, кто слушал». В авторских ремарках в начале или конце саги составитель сообщает об источниках саги и о том, насколько ей можно верить. Причем верить сказочной саге совсем не обязательно, главное, чтобы она развлекала.

Естественно, что при неосознанном авторстве в родовых сагах мы не встретим ни прологов, ни эпилогов, ни авторского «я», ни заявлений о том, что верить саге необязательно. И наоборот, сознание авторского «я» мы наибольшей очевидностью встречаем и в скальдической поэзии и в Первом грамматическом трактате, посвященном изобретению исландского алфавита. Автор трактата употребляет авторское «я» именно тогда, когда сообщает предлагаемые им новшества. Употребление «я» связано с представлением о личном вкладе, о том новом, что предложено автором Первого грамматического трактата для улучшения исландского алфавита. Причем количество таких «я» по моим подсчетам очень велико, 69 случаев на семи страницах текста трактата, напр.: 1. *hefi ek ok ritat oss*

islendingum stafróf... (Leoni 1975, 84: 16) «...я составил для нас исландцев алфавит...». 2. *Við þá hljóðstafi fimm, er áðr váru í látínustafrófi... þar hefi ek við görva þessa stafi fjóra* (Leoni 1975: 84: 26–27) «К тем пяти буквам, которые были в латинском алфавите, я добавил эти четыре буквы...». Этот далеко не полный обзор употребления «я»³ свидетельствует о том, что автор ПГТ несомненно сознавал свое авторство, и то новое, что он предлагал для усовершенствования исландского алфавита. Очевидно, что трактат — это произведение авторское, и отличается по этому параметру от родовых саг. Осознание собственного авторства, выраженное в употреблении местоимения «я», отличает ПГТ от авторства родовых саг, но объединяет ПГТ и с сагами о древних временах и с рыцарскими сагами. См., напр., *Þessi veizla var sjau nætr standandi með sama sett skipan verandi sem ek em nú greinandi...* (GöngHr. 27) «Этот пир продолжался семь ночей и был устроен так, как я сейчас об этом рассказываю...». Или в саге о Хрольве Гаутрекссоне: *Þykki mér best sóma, at finna eigi til, þeir eigi um bæta* «мне кажется лучше всего подходит не обвинять и не улучшать» (HrGautr. 37). Str. XIII (1): *Mjök líkar mér ok giarna vil ek sýna yðr þann strengleik er heitir i völsku chefrerfullen, geitalauf i norrænu* («Мне очень нравится, и я с удовольствием покажу вам этот стренглейк⁴, который по-французски называется шефрефуллен, а по-западноскандинавски *geitalauf* «лист козы» Str. XII (3). *En nú er þesse saga ritad svá sem ek gat giörst skynjat ok skilt* «Теперь эта сага написана так как я смог (ее) почувствовать и понять». Str. XI (4): *margir segja þessa sögu med öðrum hætti, en ei las ek annat en nú hefi ek sagt yðr* «Многие рассказывают эту сагу по-другому, но я не читал ее иначе чем сейчас рассказал вам».

Хотя авторское «я» чаще всего встречается в прологах или эпилогах сказочных саг, в тех несказочных сагах, в которых наиболее явно чувствовалось их составление и составители которых нам известны (Сага об Исландцах Ари Торгильссона и Круг Земной и Младшая Эдда Снорри Стурлусона), мы также

³ Подробнее об этом см. Kuzmenko 2011

⁴ *Strengleikar* (игры струн) прозаический сборник, состоящий из 21 текста, который является переводом-переложением на древнезападноскандинавский со старофранцузского стихов (лэ) Марии Французской, сделанного в XIII веке. В прологе имеется в виду, вероятно, этот 21 текст (*efni*).

встречаем авторское «я»⁵. Эти саги ближе всего к авторским сагам (известен составитель, частое использование авторского «я»).

«Составление» сказочной саги

Рассказчик сказочной саги считает себя не автором, а составителем. В сказочных сагах никогда не говорится о сочинении саги, а говорится только о ее составлении (*setning*, *samansetning*, ср. глагол *setja saman* ‘составить’, см. *Þessa sögu hafði Hrólfr sjálfr saman setta* «Эту сагу Хрольв сам составил» (ÞorgHafl. 10), см. также: *Margar frásagnir hafa menn saman sett til skemmtanar mönnum* «многие рассказы люди составили для забавы» (GöngHr. Form.). Этим же термином «составить сагу» обозначает свою деятельность и Снорри Стурлусон, который составил Младшую Эдду и Круг Земной: *Bók þessi heitir Edda, hana hefir saman setta Snorri Sturluson* «Эта книга называется Эдда, ее составил Снорри Стурлусон» (Cleasby, Vigfusson 1957: 114), ср. также: *hann (Snorri) sammansetti Eddu* (ibid.). Повидимому, под словом *setja saman* ‘составить’ имеется в виду нанизывание эпизода за эпизодом или их отбор и размещение имеющегося в традиции материала (Buchholz 1973: 3). Для понятия «сочинить» существует другой глагол *yrkja*, который употребляется только по отношению к поэзии. В приведенном выше отрезке из саги о Торгильсе и Хавлиди говорится о том, что Хрольв сам **составил** (*hafði sjálfr saman setta*) сагу о Хромунде Грипссоне, а Ингимунд рассказал сагу об Орме скальде, которую он закончил песнями и хорошим флокком, которые он **сочинил** (*hafði ortan*). Чаще всего под составлением саги имеют в виду ее устное исполнение, однако под составлением может подразумеваться и опора на разные письменные источники. В саге о Карле Магнусе мы видим указание в тексте, как ее надо составлять: *Hér í milli skal lesa af enu unna kverinu um þat er Karlamagnús keisari sótti helgadoma til Miklagards ok af Salino biscupi, ok þá þessa tvá kapitula sem her standa ok eru næst firir Landres þátt* (Karl. 40) «Здесь посередине надо читать один

⁵ «*Á bók þessi lét ek rita fornar frásagnir um höfðingja, svá sem ek hefí heyrт fróða menn segja, eptir því sem mér hefir kent verit*»; В этой книге я велел записать древние рассказы...как я их слышал от мудрых людей ... так как мне были рассказаны» (Hmkr. Prol.) «... **görða ek fyrst byskopum örur Þorlaki ok Katli ok syndak bæði þeim ok Sæmundi presti**» (ÍslB. Prol.) «... я сделал сначала нашим епископам Торлаку и Кетилу и показал ее им и преподобному Сэмунду».

обработанный листок о том, как кесарь Карл Великий принес святыню в Миклагард и о епископе Салино, а потом эти две главы, которые записаны здесь, и они идут сразу же перед прядью о Ландресе». В данном случае очевидно, что речь идет не об устном исполнении, а о письменном тексте. Эта ремарка говорит о том, в каком порядке следует читать указанные отрезки.

Если в родовых сагах мы имеем дело с синкретической правдой и неосознанным авторством (нельзя быть автором правды), а в скальдической поэзии, как это показал М. И. Стеблин-Каменский, с авторством формы, то в Первом грамматическом трактате мы имеем дело уже с осознанным авторством. Авторство же сказочных саг оказывается действительно неполным, однако целый ряд моментов свидетельствует о развивающемся авторском сознании: авторские ремарки, авторское «я», осознанный вымысел. Составитель сказочных саг оказывается автором не содержания эпизодов (*atburðr*), а их составления (*sammansettning*). Причем составитель сказочной саги не делает различия между устным исполнением и чтением, или устным исполнением на основании чтения. И в том и в другом случае возможно перестановка или добавление эпизодов. Мы видим, что по целому ряду признаков сказочные саги в отношении авторства занимают промежуточное положение между родовыми сагами, с неосознанным авторством и Первым грамматическим трактатом с осознанным авторством.

Тексты саг

- Fornaldarsögur Norðurlanda* útg. af Guðni Jónsson 1950.
 Gautr. — Gautreks saga. *Fornaldarsögur Norðurlanda* útg. af Guðni Jónsson (далее FSN) 1959, Bd 4. 1–50.
 GönHr — Göngu-Hrólfs saga. *FSN Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson bjóu til prentunar*. Bd. 4. Reykjavík, 1944, 161–280.
 HrGautr. — Hrólf's saga Gautrekssonar. *FSN*. Bd 4, 1959, 51–176
 Hróm. — Hrómundar saga Gripssonar. *FSN*. Bd 2, 1959, 271–286
 IslB — *Ari Þorgilsson hinn fróði Islendingabók. Utgitt av Anne Holtmark*. Dreyers Forlag, Oslo. Ejnar Munksgaard, København, Läromedelsförlagen, Stockholm, 1951.
 Karl. — *Karlamagnus saga ok kappa hans*, útg. Bjarni Vilhjálmsson. Bd 1–3, Reykjavík, 1950.
 Nit. — Nitida saga. *Late Medieval Icelandic Romances 1–5*. Ed. A. Loth (Editiones Arnarnænar ser B/24). Kopenhagen, 1965, 1–33.
 Ré. — Rémundar saga keisarsonar. *Riddarasögur* Bd 5, 1951, 161–339

- Str. — Strengleikar. *Twenty-one Old French lais*. Ed. R. Cook, M. Tveitane. Oslo, 1979.
- Vilm. — Vilmundar saga viðutan. *Riddarasögur* Bd 6, 1951, 1–62
- YEdda — *Edda Snorra Sturlusonar*. Udg. efter håndskrifterne af Finnur Jónsson. Gyldendalske Boghandeln — Nordisk forlag, København, 1930.
- Yngv. — Yngvars saga víðförla. *FSN* Bd 2, Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson sáu um útgáfuna. Reykjavík. 1954. 423–459
- ÞorgHafl. — *Þorgils saga ok Haflíða*. Guðni Jónsson bjó til prentunar (из первого тома саги о Стурлунгах)
- ÞórsVík — Þórsteins saga Víkingssonar. *FSN* Bd 3, 1959, 1–73.
- Heimskr. — Snorri Sturluson, Heimskringla Nóregs konunga sögur udgivet af Finnur Jónsson. G.E.C. Gads Forlag — København, 1911.

Литература

- Brown, U. 1946–1953: The Saga of Hrómund Gripsson and Thorgils saga. *Saga-book of the Viking Society*, v. 13, 51–78.
- Buchholz, P. 1979: Lügengeschichten? Wahrheit und Wunder in altisändischer “Traditionstheorie”. *Vortrag 4. Internationale Sagakonferenz*, München, 1–10.
- Campbell, A. 1946–1953: Saxo Grammaticus and Scandinavian historical tradition. *Saga-book of the Viking Society*, v. 13, 1–22.
- Cleasby, R., Vigfusson, G. 1957: *An Icelandic-English Dictionary*. 2nd Edition. Oxford, At the Clarendon Press.
- Glauser, J. 1985: Erzähler – Ritter – Zuhörer: das Beispiel der Riddarsögur. Erzählkommunikation und Hörergemeinschaft im mittelalterlichen Island. In: *Les sagas de chevaliers (riddarsögur)*. Presses de l'Université Paris Sorbonne. Paris, 1985, 93–119.
- Glauser, J. 2005: Romance (Translated *riddarsögur*). In: Rory Mc Turk (ed.). *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*. Malden, Oxford: Victoria, 2005, 372–387.
- Jesch, J. 1984: Hrómundr Gripsson revisited. *Skandinavistik*, Bd 14, 2, 89–105.
- Jørgensen, J. G. 2009: Ynglingasaga mellom fornalderssaga og kongesaga. In: *Fornaldarsagaerne*.... 49–59.
- Kuzmenko, Yu. K. 2011: [On the author of the First Icelandic Grammatical Treatise]. In: *Laurea Lorae. In memoriam of L. G. Stepanova*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 117–136.
- Кузьменко Ю. К. К вопросу об авторе «Первого исландского грамматического трактата». В сб.: *Laurea Lorae. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой*. СПб «Нестор История», 2011, 117–136
- Larsson, M. G. 1986–1989, Yngvarr's Expedition and the Georgian Chronicle. *Saga Book of the Viking Society*, Vol. XXII, 98–108.
- Lassen, A., Ney, A., Jakobsson Á. (eds.) 2012: *The Legendary Sagas*,

- Origins and Development*. Reykjavík: University of Iceland Press.
- Leoni, F.F. *Il primo trattato gramaticale Islandese*. (Studi Linguistici e Semiologici 5), Bologna, 1975.
- Liberman, A. S. 2018: *The Saga Mind and the Origin of the Sagas of Icelanders*. Lewiston, Lampeter: the The Edwin Mellen Press.
- Ney, A. et al. Indledning. *Fornaldarsagaerne*...9–17.
- Ney, A., Jakobsson Á., Lassen A. (eds.) 2009: *Fornaldarsagaerne: Myter og virkelighed*. Studier i de oldislandske fornaldarsögur Norðurlanda. Mueum Tusculanums Forlag. Københavns Universitet, 2009.
- Spurkland, T. 2012: Lygisögur, skröksögur and stjúp-mæðrasögur. *The Legendary Sagas*..., 173–184.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1965: O realizme islandskih sag. [On the realism of Icelandic sagas]. *Vestnik Leningradskogo Universiteta* № 8, 2, 107–115.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1965: О реализме исландских саг. *Вестник Ленинградского университета* № 8. Серия истории, языка и литературы. Вып. 2, 107–115.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1973: *The Saga Mind*, Odense universitets forlag. Odense.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1984: *Mir sagi*. Stanovlenie Literatury [Saga mind. Development of the literature]. Leningrad, Nauka.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1984 *Мир саги. Становление литературы*. Л.: «Наука».

А. С. Либерман
Миннеаполис, США

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ЗАКОН ЗЕЛИНСКОГО

В своей книге «Миф» М. И. Стеблин-Каменский рассмотрел, хотя и вкратце, различие между перспективой, как она понимается сегодня, и так называемой обратной перспективой, известной из средневековой живописи. До эпохи Возрождения художник был частью изображаемой им сцены. Открытие перспективы означало, что портрет, образно говоря, вырывался из рамы. Стеблин-Каменский использовал скандинавские мифы, чтобы пояснить свою точку зрения. Хотя «Миф» был переведен на английский язык, но на его появление почти не обратили внимания, и все же менталитет, лежащий в основе обратной перспективы, лежит в основе всего древнего и средневекового словесного искусства, о чем свидетельствует закон Зелинского. Этот закон, который обращается к неспособности поэта «Илиады» описать два действия, происходящие одновременно в двух разных местах, едва ли вообще известен за пределами классической науки, хотя он определяет структуру всей эпической поэзии и волшебной сказки. Цель статьи — объединить мысли Стеблина-Каменского об обратной перспективе, закон Зелинского и, кстати, закон Акселя Ольрика «Двое на сцену», хотя Ольрик и не знал о публикации Зелинского.

Ключевые слова: книга Стеблина-Каменского «Миф», средневековая ментальность, Ренессанс, прямая перспектива, обратная перспектива, «Илиада», закон Зелинского, закон Акселя Ольрика «Двое на сцену», волшебная сказка.

Anatoly Liberman
Minneapolis, USA.

M. I. Steblin-Kamenskij, Literary Perspective, and Zelinski's Law

In his book *Myth*, M. I. Steblin-Kamenskij discussed, even though in brief, the difference between perspective, as it is understood today, and so-called inverse perspective, known from medieval painting. Before the Renaissance, the artist was part of the scene he depicted. The discovery of perspective meant that, figuratively speaking, the portrait broke loose from the frame. Steblin-Kamenskij used Scandinavian myths to clarify his point. Though *Myth* has been translated into English, its appearance has been barely noticed, and yet the mentality at the bottom of inverse perspective

underlies all ancient and medieval verbal art, as evidenced by Zelinski's Law. This law, which addresses the *Iliad* poet's inability to describe two actions happening simultaneously in two different places, is hardly at all known outside Classical scholarship, though it determines the structure of all epic poetry and of the wonder tale. The purpose of the paper is to combine Steblin-Kamenskij's thoughts on inverse perspective, Zelinski's Law, and, incidentally, Axel Olrik's Law "Two to a scene," even though Olrik was unaware of Zelinski's publication.

Key words: Steblin-Kamenskij's book *Myth*, medieval mentality, Renaissance, direct perspective, inverse perspective, the *Iliad*, Zelinski's Law, Axel Olrik's Law "Two to a scene," wonder tale.

«Миф», последняя книга М. И. Стеблин-Каменского (Steblin-Kamenskij 1976)¹, не только не произвела впечатления, сравнимого с тем, которое произвел «Мир саги», но, судя по всему, осталась незамеченной, хотя тоже была переведена на английский язык (Steblin-Kamenskij 1982)² и содержит множество оригинальных мыслей. Можно только пожалеть, что она не заинтересовала медиевистов. Для самого М. И. «Миф» был заключительной ступенью в реконструкции истории авторства, но этого вопроса я здесь касаться не буду, а хотел бы обратить внимание на первые страницы главы «Пространство и время в эддических мифах». Перед тем, как исследовать скандинавский материал, М. И. говорит о вещах более общих и противопоставляет прямую перспективу обратной.

Как он объясняет на с. 32: «Прямая перспектива — это торжество субъективной, личностной точки зрения художника: объект изображается таким, как он представляется художнику, наблюдающему его с какой-то индивидуальной точки зрения, а не таким, как он существует сам по себе. Художник помещает себя как бы вне изображаемого, смотрит на него со стороны. Другими словами, изображается не столько сам объект, сколько отношение художника к изображаемому объекту или условия наблюдения этого объекта». Обратная перспектива, та, которая господствовала в средневековом искусстве, помещает художника внутрь картины. После Джотто и особенно после великих итальянских мастеров пятнадцатого века и Дюрера прямая перспектива в изобразительном искусстве стала законом.

Что такое обратная перспектива, известно каждому, кто видел детские рисунки и так называемую примитивную и средневековую живопись. Открытие перспективы (до которого,

кажется, никогда не доходит своими усилиями ни один ребенок) не было изолированным явлением в истории европейской культуры. Его аналоги обнаруживаются в развитии языка (синтаксиса) и словесного творчества. Фольклорные тексты и детские рассказы о только что виденных событиях обходятся почти только паратаксистом, то есть не нуждаются в подчинительных союзах. Даже в таком литературном языке, как древнеисландский, преобладает единственный подчинительный союз (er); заметно уступает ему по частотности *sem*. Что касается *er*, то он просто сигнал присоединения, и в переводе мы гадаем, имеется ли в виду, *что, где, как, когда* или *потому что*.

Цель моих заметок — показать, что обратная перспектива определяет композицию фольклора и всей ранней литературы, кроме древнеисландской. Естественно, что, находясь внутри картины, видишь только то, что перед тобой, а о событиях, происходящих в других местах, судить не можешь. Столь очевидное наблюдение вроде бы не заслуживает комментариев. Но существен вывод из него. Без всякой связи с вопросом об обратной перспективе его сделал в 1896 году Ф. Ф. Зелинский (Zelinski 1896: 101–121)³, заметивший, что Гомер в «Илиаде» не умел описывать действия, происходящие одновременно в разных местах. Он сформулировал закон хронологической несовместимости. Я не знаю, существует ли перевод этой замечательной статьи. За пределами российской филологии (включая фольклористику, в частности работы В. Я. Проппа) ссылки на нее не попались мне ни разу. Прекрасно осведомленный в научной литературе Аксель Ольрик (Axel Olrik) о наблюдениях Зелинского не знал (к Ольрику я вернусь ниже).

Понимание закона Зелинского объясняет поразительные несуразности в эпосе и прозе. Приведу несколько характерных примеров. В древнеанглийской поэме «Беовульф» герой побеждает чудовище по имени Грендель. Король (конунг) Хродгар устраивает пир, после которого дружина засыпает там, где кончился праздник, а Беовульфа отводят в специальное помещение за пределами дворца. Недавно ликовавшие воины не подозревают, что у Гренделя есть мать. В ту же ночь она приходит во дворец (Хеорот) и производит там страшное опустошение. Конунг посылает гонца к Беовульфу. Тот является, вежливо спрашивает, как дела, и получает полный отчет. Неужели гонец не рассказал Беовульфу, для чего тот снова

понадобился конунгу? Несомненно, рассказал, но мы об их беседе ничего знать не можем, потому что остались во дворце. А только и надо было сказать: «Пока Хродгар ждал Беовульфа, гонец поведал ему о катастрофе, произошедшей ночью». Но этот барьер он преодолеть не мог.

Способность перескакивать с одного места действия на другое, то, что иногда называют кинематографическим взглядом на сюжет, — позднее достижение. Шекспир владел этим взглядом вполне. Например, в «Генрихе V» сценки английский лагерь — французский лагерь чередуются с поистине кинематографической быстротой. Но Шекспир писал не поэмы, а пьесы — обстоятельство, о котором речь пойдет в конце этих заметок.

Действие закона Зелинского без труда прослеживается в средневековой литературе. Классический пример — «Парцифаль» Вольфрама. Он особенно характерен потому, что в этом произведении одновременно действуют два основных персонажа: Парцифаль и Гаван. Такое построение сюжета нехарактерно для рыцарского романа, и сразу замечаешь, как трудно Вольфраму справиться с сюжетом. Он, конечно, пересказывал и дополнял старофранцузский текст о Персевале, но в данном случае это обстоятельство роли не играет. Мы читаем, что произошло с Парцифалем, а потом Вольфрам заявляет: «Пора нам вернуться к Гавану», — и следует множество страниц о приключениях второго героя. Вольфраму хотелось бы соединить повествовательные нити, но он не знал, как это сделать. Однажды Гаван встречает впавшего в транс Парцифала: тот увидел три капли крови на снегу, задумался об оставленной дома жене и перестал замечать окружающий мир. Другой раз Гаван по ошибке сражается с Парцифалем: лица обоих прикрыты забралами, и они не подозревают, кто их противник. Легко видеть, как искусственны эти эпизоды.

Еще в XVIII веке авантюрный роман типа «Тома Джонса» Генри Филдинга построен в соответствии с законом Зелинского. С героем происходят разные приключения, а добродетельная и терпеливая невеста, подобно Сольвейг и жене Парцифала Кондвирамур, забыта (они ждут суженого или мужа). Наверно, оставшаяся дома женщина небезразлична авторам (Вольфраму явно небезразлична), но как к ней вернуться? Странствования Пер Гюнта занимают всю жизнь, а герои типа

Парцифалья и Тома Джонса возвращаются домой молодыми, и женщины не успели состариться. Такая композиция немислима в литературе XIX века, хотя даже Диккенс любил отсылать своих мужских персонажей в далекие края почти до последней главы, чтобы не надо было ими заниматься (так в «Домби и сын» и в «Холодном доме»), но, конечно, когда Оливер Твист сбегает из работного дома, мы следим то за ним, то за его преследователем. Диккенс, не следует забывать, знал и любил литературу восемнадцатого века и был многим ей обязан.

Закон Зелинского (следствие обратной перспективы) определяет построение и волшебной сказки. Все ситуации однотипны. В собрании братьев Гримм есть сказка, в которой герой должен проникнуть во дворец и унести клетку с птицей. От этого зависит его спасение, причем всё надо успеть сделать до полуночи. Он проникает во дворец вовремя, смотрит на висящие на стене часы (!), видит, что у него в запасе есть еще пять минут: торопиться незачем, можно вздремнуть, и засыпает. Преследователи настигают его, и всё начинается сначала. Почему герой делает такую немислимую глупость? Ответ, уже известный нам, очевиден. Рассказчику надо было сказать примерно так: «Когда герой схватил клетку, его преследователи вплотную приблизились ко дворцу». Но сказать он так не мог и попал в ту же ситуацию, что и гонец Хродгара. Казалось бы, чего проще? И тем не менее сказочные персонажи постоянно засыпают в самый неподходящий момент. Примеров множество, но я ограничусь только еще одним, чтобы подчеркнуть, как тривиально развитие подобного сюжета.

В сказке из того же собрания «Шестеро идут по свету» (N 74) главный персонаж отправляется в путь и по дороге встречает разных людей, каждый из которых обладает каким-нибудь волшебным даром. В частности, один из них — самый быстрый бегун на свете. Товарищи приходят в город, где, естественно, живет незамужняя принцесса. Она очень быстро бегаёт и выйдет замуж лишь за претендента, который ее перегонит. Условие такое: надо взять пустую кружку, добежать до дальнего колодца, наполнить ее и вернуться во дворец. Главный герой спросил принцессу, может ли вместо него побежать его товарищ. Принцесса неосторожно согласилась. Непобедимый бегун наполнил кружку и был уже у ворот, когда принцесса только успела сделать несколько шагов. Осталось

вручить заветный предмет и сыграть свадьбу. Но бегун и здесь решил, что времени много и вполне можно отдохнуть (поспать). Как ему удалось спасти положение, я рассказывать не буду. Главное — уже знакомая нам бессмыслица. Повествование в очередной раз разбилось об отсутствие гипотаксиса и подчинительных союзов, в невозможность сказать: «Когда бегун уже входил в ворота дворца, принцесса только начала свой забег».

Быть может, самый драматический пример о засыпающих персонажах можно найти в сцене из Нового Завета, которая посвящена моленью о чаше. Иисус окружен апостолами, но оставляет их и идет молиться в Гефсиманский сад. Возвратившись, Иисус застаёт своих спутников спящими. С небольшими вариациями этот сюжет рассказан в трех евангелиях из четырех. Персонажи и сами удивлены: как можно было уснуть в такой момент? Они ссылаются на то, что либо очень устали, либо что их склонила печаль. Но мы понимаем, что дело не в усталости и не в печали. Библейский рассказ построен в соответствии с законом Зелинского: евангелист не мог следить одновременно и за Иисусом, и за апостолами.

Сон не единственный способ устранить «лишних» персонажей и сосредоточиться на одном действующем лице и на одной сюжетной линии. Типичный пример — сказка «Два брата» (N 60) из того же собрания, что «Шестеро идут по свету». Двое молодых людей отправляются в путь и расстаются на перекрестке: один идет налево, другой — направо. При расставании они втыкают в дерево нож и договариваются, что будут следить, не покрылся ли нож ржавчиной: если покрылся, значит, случилась беда. Естественно, рассказчику не уследить одновременно за двумя дорогами. Пошедшего налево сразу обращает в камень ведьма, и вся длинная сказка посвящена второму брату. Когда он уже готовится к свадьбе, то вспоминает о брате, возвращается к перекрестку, видит ржавый нож, убивает ведьму, и оба отправляются в путь. Они снова вместе, и следует заключение о свадьбе и второго молодого человека. Не обратись тот в камень, сказочник бы не знал, что с ним делать.

В 1908 году, то есть на двенадцать лет позже Зелинского, Аксель Ольрик сделал доклад на конгрессе в Берлине, и вскоре доклад в форме статьи был опубликован в ведущем немецком журнале. Эта статья («Эпические законы народного творчест-

ва») (Olrík 1909: 1–12), которую лучше читать в английском переводе, потому что английский текст снабжен полезным комментарием, не устарела. Сегодня все выводы кажутся банальными, но впервые их в таком сгущенном виде сформулировал именно Ольрик, фольклорист, прекрасно осведомленный в специальной литературе. На Зелинского ссылки нет, из чего я заключаю, что на немецкий язык та основополагающая статья переведена не была. Не упомянул ее в комментарии и Дандес. Подтверждает мой вывод и то обстоятельство, что Ольрик обратил внимание на особенность, родственную той, которую обсуждал Зелинский, и назвал ее законом «Только двое на сцене» (с. 135–136). Этому закону посвящен небольшой абзац, и немногочисленные примеры заимствованы из «Старшей Эдды». Ольрик, в частности, пишет: «Только два персонажа могут действовать одновременно. Этот закон имеет такую силу, что птица может обратиться к Сигурду, только когда Регин засыпает, — обстоятельство, не имеющее с точки зрения развития сюжета ни малейшего смысла».

Ниже (с. 137), но без ссылки на сформулированный закон Ольрик добавляет: «Современная литература ... охотно переплетает нити повествования. Но в фольклоре всё сосредоточено на одном действии. Рассказчик никуда не отвлекается и не возвращается, чтобы восстановить пропущенное. Если пропущенные детали необходимы, они будут восполнены в диалоге. ... Когда в сагах встречаешь фразу вроде 'а теперь два события будут рассказаны вместе', перед нами уже не фольклор, а хорошо развитое литературное сочинение». И дальше: «При наличии единой повествовательной линии фольклор не владеет техникой перспективы в живописи (!). Он владеет последовательностью изображения, как в барельефе. Фольклор построен, как скульптура и архитектура. Отсюда тирания числа и прочие требования симметрии». Быть может ссылка на скульптуру и архитектуру не вполне корректна. Скульпторы и архитекторы имеют дело с трехмерным пространством, и открытие перспективы могло начаться только в их искусстве.

В связи с засыпающим Регином, о котором говорит Ольрик, можно сослаться на сказочный сюжет типа «Персей и Андромеда». В волшебной сказке дракон или иное чудовище взымает с города ежегодную дань: чтобы откупиться (иначе он сожжет город), ему посылают на съедение или поругание невинную

девушку. В какой-то момент очередь доходит до единственной дочери царя. Принцесса ведет себя мужественно: она готова погибнуть, чтобы спасти город. Ее приковывают к скале. Появляется чудовище, но в то же время появляется и герой. Давний смысл легенды давно забыт. Перед нами дракон, жертва и избавитель. Когда начинается битва, принцесса падает в обморок. Казалось бы, она, добровольно принеся себя в жертву, должна была неотрывно следить за ходом сражения, от которого зависит ее жизнь и судьба города. Но рассказчик не может держать в поле зрения и битву, и принцессу: сцена выдерживает только двух участников. Когда чудовище побеждено, принцесса приходит в себя. В каком-то смысле сюжет типа «Спящая красавица» идеален для фольклора: все спят, и по прошествии ста лет принц может без помех приблизиться к зачарованному царству.

Вскользь брошенное замечание Ольрика о сагах в высшей степени уместно, потому что саги, едва ли не единственные в европейской средневековой литературе, не подчиняются закону Зелинского. Я здесь имею в виду только так называемые саги об исландцах и ограничусь самым небольшим количеством примеров, но замечу, что фраза Ольрика о хорошо развитом литературном сочинении требует комментария: откуда в тринадцатом веке вдали от центра могло такое сочинение возникнуть?

Примеры того, как нарушается в сагах закон Зелинского, встречаются постоянно (их не надо выискивать). Почти в каждой саге кто-нибудь за кем-нибудь гонится или две группы людей готовятся к сражению, и рассказано, что где происходит, — в точности, как у Шекспира. Незабываема и сцена сожжения Ньяла мы видим то поджигателей, то обитателей фермы. В той же «Саге о Ньяле» собрались враги Гуннара. Они остановились неподалеку, и снова прожектор высвечивает то одну, то другую группу. Любопытно начало восьмой главы «Саги о Боси»: «Два события происходят в одно и то же время, так что мы должны будем вернуться к тому месту, на котором прервали наш рассказ». Вольфрам (в «Парцифале») тоже несколько раз говорит нечто подобное, чтобы, почти извиняясь, объяснить возвращение после долгого перерыва к Гавану, но для пишущего сагу такие перескоки естественны.

Причина неподчинения сагового стиля закону Зелинского лежит, видимо, не так уж глубоко. Дело, скорее всего, в том, что саги испытали сильное влияние «Эдды», а эддические песни в высшей степени театрализованы, ибо в значительной мере основаны на диалоге. Мы не знаем, часто ли разыгрывались сцены в средневековой Исландии (главное исследование на эту тему — книга Терри Ганнела — Gunnell 1995), но древнеисландская проза на редкость сценична.

Хотя в сагах ссылки, подтверждающие такой вывод, редки, это обстоятельство ничего не доказывает: банальные события и не должны упоминаться. Отсутствие, неупоминание чего-то всегда можно использовать в любую сторону. И всё же кое-какие намеки сохранились. В восьмой главе «Саги о Ньяле» трое подростков изображают неудачные попытки Хрута совершить половой акт. В двенадцатой главе «Саги о Гуннлауге, Змеином языке» два норвежца пародируют сражение Гуннара с Хравном. Разумеется, обе сцены не имели цели рассказать о драматизации быта в Исландии. Театр без декораций и занавеса и в лучшем случае на примитивных подмостках позволяет самым естественным образом переходить от сцены к сцене. Продолжал господствовать паратаксис, но без осложнений, неизбежных в повествовательном тексте. Я думаю, что Ричард Аллен, далекий от соображений, изложенных выше, нашел счастливую формулировку, назвав саговый стиль паратаксическим (Allen 1971: 92).

Открытие перспективы было не изолированным явлением, а частью эпохального перехода от средневековья к Новому времени, к Возрождению. Портрет выскочил из рамы. Раскрепостилось сознание, изменилось искусство, возник новый синтаксис. В связи со сказанным замечу, что дети проходят аналогичный процесс взросления: они становятся не лучше, а другими. Приведу пример из своего опыта. Я читал своему одиннадцатилетнему сыну «Хижину дяди Тома». В книге две линии: продажа и гибель дяди Тома, и спасение Элизы (Элайзы) и ее малолетнего сына. Рассказывается об их судьбе попеременно. Когда дядю Тома погрузили в трюм парохода, направляющегося на плантацию, действие переходит к Элизе, и она долго в центре внимания. Через сколько-то глав автор возвращается к Тому: его, как сказано, мы оставили в трюме.

«Он всё еще никуда не приплыл? — удивился мой сын, — ведь прошло много времени». Сколько я ему ни объяснял, что речь идет о повествовательном, а не о реальном времени, он так и не понял, в чем дело, и долго повторял свой вопрос, явно не удовлетворившись моим ответом. Для дяди Тома повествовательное время не совпало с реальным. Оно остановилось, и эта несуразность оказалась для подростка непреодолимым барьером (вот если бы пароход стоял на якоре или если бы все на нем заснуло!).

Прямая перспектива изменила и характер юмора: смеяться стали не только над клоунадой (среди многого другого), но и услышав шутку. В языке понадобилось слово остроумный. Человек научился мыслить не одними «иконами», но и «знаками»¹. Обратив внимание на роль обратной перспективы, М. И. Стеблин-Каменский убедительно истолковал представления средневековых авторов о природе разорванных пространства и времени. Я лишь попытался вставить его наблюдения в более широкий контекст. Таково, замечу, свойство всех работ М. И. Существенно не то, полностью ли мы принимаем его выводы, но, что бы он ни написал, всегда так нетривиально и увлекательно, что побуждает идти по его следам. Хотелось бы думать, что его работы будут вдохновлять исследователей и через пятьдесят, и через сто лет после его смерти, а для тех,

¹ Кое о чем из рассказанного на последних страницах этой статьи говорится в заключительной главе моей книги «The Saga Mind and the Beginnings of Icelandic Prose». Lewiston, 2018. А эпизод о чтении «Хижины дяди Тома» я заимствовал из своей дневниковой повести «Отец и сын». М., 2021. Вскоре после того, как мои заметки были представлены для опубликования, я обнаружил статью Ruth Scodel «Zielinski's Law Reconsidered». *Transactions of the American Philological Association* 138, 2008, pp. 107–125. Из нее я узнал, что статья Зелинского тогда же появилась по-немецки и что существует ее недавний перевод и на английский язык. Классики, как я и знал, были осведомлены об идеях Зелинского, но эти идеи никогда не вышли за пределы исследования «Илиады» (поэтому и Аксель Ольрик не заметил немецкой статьи). Кое-кто согласился с выводами Зелинского, а кое-кто предложил свой анализ разных эпизодов. Скодел положительно оценивает закон. Однако важны не эти разногласия, которым я не судья. Моей целью было показать универсальность закона для всей устной традиции, как бы ни был он применим к отдельным эпизодам поэмы Гомера.

кому выпала великая удача знать его при жизни, он никогда и не умирал.

Литература

- Allen, R. E. 1971: *Fire and Iron: Critical Approaches to 'Njals saga'*. Pittsburg.
- Gunnell, T. 1995: *The Origin of Drama in Scandinavia*. Suffolk, Rochester.
- Olrik, A. 1909: Epische Gesetze der Volksdichtung. *Zeitschrift für Deutsches Altertum* 51, 1–12. (Перевод в антологии *The Study of Folklore*. Engelwood Cliff, N. J, 1965, 129–141).
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1976: *Myth*. Leningrad.
Стеблин-Каменский, М. И. 1976: *Миф*. Ленинград.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1982: *Myth*. Translated by Mary P. Coote, with the assistance of Frederic Amory. Ann Arbor.
- Zielinski, F. F. 1896: [The Law of Chronological Incompatibility and the Composition of the Iiad]. In: *ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ: Sbornik statey po filologii i lingvistike v chest' F. F. Korsha* [*ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ: Collection of articles on philology and linguistics in honor of F. F. Korsh*]. Moscow, 101–121.
- Зелинский, Ф. Ф. 1896: Закон хронологической несовместимости и композиция «Илиады». В сб.: *Характериа: Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Ф. Корша*. М., 101–121.

А. Н. Ливанова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия. a.livanova@spbu.ru

НОРВЕЖСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОЛВЕКА СПУСТЯ

В 1968 году Михаил Иванович Стеблин-Каменский опубликовал в журнале «Вопросы языкознания» статью «Возможно ли планирование языкового развития?» с подзаголовком «норвежское языковое движение в тупике». В статье характеризуются взгляды сторонников основных направлений в языковом движении страны, а также проведенные в ней реформы орфографии. Скорее отрицательно оценив результаты языкового движения, происходившего в Норвегии в течение ста с лишним лет, М. И. Стеблин-Каменский ставит под сомнение как возможность, так и целесообразность языкового планирования.

В прошедшие со времени публикации статьи более пятидесяти лет реформирование орфографии продолжилось, но с несколько иными целями. Нет признаков того, что в Норвегии предполагают отказаться от языкового планирования, опыт которого можно во многих отношениях оценить как поучительный.

Ключевые слова: М. И. Стеблин-Каменский, норвежский язык, букмол, лансмол, риксмол, новонорвежский язык, языковое движение, реформы орфографии, планирование языкового развития

Aleksandra Livanova
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. a.livanova@spbu.ru

The Norwegian language movement half a century later

In 1968, Mikhail Steblin-Kamenskij published an article in the journal *Voprosy Yazykoznaniiya* (Issues in Linguistics) entitled «Is Planning of Language Development Possible?» with the subtitle «Norwegian Language Movement at a Dead End». The article characterises the views of the proponents of the main trends in the country's language movement, as well as the orthography reforms it has implemented. Rather negatively assessing the results of the language movement that took place in Norway for more than a hundred years, Steblin-Kamenskij questions both the possibility and the expediency of language planning.

In the more than fifty years since this article was published, spelling reforms have continued, but with somewhat different aims. There is no indication that Norway is contemplating abandoning language planning, the experience of which can be regarded as instructive in many respects.

Key words: Mikhail Steblin-Kamenskij, Norwegian language, bokmål, landsmål, riksmål, New Norwegian, language movement, orthography reforms, planning of language development

В 1968 году Михаил Иванович Стеблин-Каменский опубликовал в журнале «Вопросы языкознания» статью «Возможно ли планирование языкового развития?» с подзаголовком «норвежское языковое движение в тупике». В этой статье он дает оценку «результатов языкового движения, происходившего в Норвегии в течение последних ста с лишним лет», отметив, что литература по этому вопросу необозрима. Со времени публикации статьи прошло более пятидесяти лет, литературы прибавилось, однако большей частью это полемически заостренные выпады приверженцев одних взглядов против сторонников других. Дальнейшее изложение представляет собой попытку вкратце и по возможности объективно охарактеризовать ход языкового развития в Норвегии в этот период и оценить его результаты.

Свою статью Михаил Иванович начинает с указания, что «всякое лингвистическое описание это проблема прежде всего терминологическая» (Steblyn-Kamenskij 2003: 652), и определяется с терминологией: язык — это «звуковой, или устный, язык»; литературный язык «используется как стандарт, или норма, в определенном обществе, не только сам по себе, но и в своем письменном отражении, и противопоставляется местным диалектам» (Steblyn-Kamenskij 2003: 652–653). Однако, как остроумно заметил социальный антрополог Хилланд Эриксен, «норвежский — это определенно язык. Вернее, норвежский — это, по меньшей мере, два языка» (Hylland Eriksen 1993: 52). В законе о языке два официально равноправных письменных варианта норвежского языка, букмол и новонорвежский, называются формами языка, *målformer*. Эти две формы, развивавшиеся с начала XIX в. (хотя и под другими названиями) подлежат нормированию в отличие от устного языка, который существует в виде диалектов и не нормируется никак: «Норвегию часто называют “диалектным раем Европы”» (Parazian 2020). Понятие же «литературный язык» в Норвегии не в чести.

Сторонники обеих форм стремились добиться так называемой норвегизации языка, понимавшейся как приведение письменного языка в соответствие с распространенным в стране произношением (при том, что произношение принципиально не нормировалось), а также как освобождение его от черт, разделя-

емых с близкородственными шведским и особенно датским языками. Пути достижения этих целей виделись ими, однако, настолько по-разному, а социальная база сторонников конкурирующих взглядов была настолько разной, что на многие десятки лет страна погрузилась в языковую борьбу: «С середины XIX в. языковой раскол стал в Норвегии перманентным состоянием» (Steblyn-Kamenskij 2003: 652–653). На популярной карикатуре 1917 года зеваки спрашивают людей на баррикадах: «Как далеко зашла у вас революция?». Ответ: «Пока мы сражаемся по поводу того, как писать это слово».

В статье Стеблин-Каменский характеризует взгляды сторонников основных направлений в языковом движении страны, выбравших разные пути для достижения общей цели – формирования языка норвежской нации. Два из них определились и оформились организационно в самом начале XX века. Это был, во-первых, *Noregs Mållag*, созданный в 1906 г. сплотившимися в эту организацию сторонниками лансмолы (с 1929 года называемого новонорвежским), искусственно созданного языковедом-самоучкой Иваром Осеном на основе собранных им образцов народной речи. Во-вторых, созданный в 1907 г. союз сторонников риксмолы, *Riksmålsforbundet*, считавших возможной норвегизацию уже сложившегося в городах на основе грамматики близкородственного датского языка и норвежской фонетики датско-норвежского смешанного говора. Ко времени написания статьи Михаила Ивановича, то есть к концу шестидесятых, «борьба риксмолы с лансмолом отошла на задний план» (Steblyn-Kamenskij 2003: 660): к двум указанным направлениям добавилось утопическое движение за *samnorsk*, «общенорвежский язык», однако от идеи искусственно соединить две конкурирующие языковые формы практически все отказались как от нереалистичной еще в 70-е годы прошлого века. Но это не значит, в Норвегии отказались от идеи языкового планирования.

Само регулирование официальных письменных языков осуществляется в Норвегии посредством реформ орфографии. Однако реформировались, и очень непоследовательно, не только орфография и до некоторой степени лексический состав, но и морфология. Кодифицировалось употребление почерпнутых из диалектов просторечных словоизменительных показателей в парадигмах существительных и глаголов, что привело к изменению количества граммем категории рода существительного. Бурное реформирование языка политиками не находило

поддержки у большинства норвежцев, в том числе у языковедов, поскольку уследить за всеми нововведениями было сложно.

Примером могут служить формы числительных. В одних норвежских диалектах десятки ставятся перед единицами, в других наоборот, при этом числительные «семь» и «двадцать» употребляются в разных вариантах. При первом способе это *sju* и *tjue*, при втором *syv* и *tyve*. Соответственно, двадцать семь это либо *tjuesju*, либо *syvogtyve*, где *og* — сочинительный союз «и» (числительные пишутся по-норвежски в одно слово). Вторую форму, единственно возможную в датском языке и широко распространенную в городах, и не только среди образованных слоев населения, в букмолле то запрещали, то разрешали лишь в качестве факультативной. Поскольку подобных изменений после каждой из реформ оказывалось немало, учителям школ, которым спускались новые правила орфографии, приходилось постоянно привыкать к нововведениям, а ученики с трудом усваивали меняющиеся правила. В узусе распространились невозможные ранее гибридные формы, например, *tjuesyv*. Нередко один и тот же человек писал числительные в тексте по-разному. Последними же реформами разрешены оба варианта, и люди, привыкшие в устной речи употреблять *syvogtyve*, могут использовать эту форму на письме в любой сфере. В лансмолле, а теперь новонорвежском, разрешено только *tjuesju*. Однако найти информацию о действующих на данный момент правилах непросто. Знакомый норвежский писатель, пишущий на обоих вариантах языка, ответил на мой вопрос следующее: «Насколько мне известно, разрешено использовать и новый способ счета: *tjuesju*, и старый: *sju og tjue*, но относительно новых правил я совсем не уверен. Сам я всегда пользуюсь новым способом: *tjuesju*. Да, расплывчато ответил я на вопрос, ответ на который сходу не дадут даже норвежцы — преподаватели норвежского!»

Так что хотя тот же Хилланд Эриксен утверждал, что в основе языкового конфликта лежат далеко не только споры по поводу форм числительного «двадцать семь» (Hylland Eriksen 2005: 17), свою лепту в конфликт эти споры внесли и вносят по сию пору. Название модного парикмахерского салона в благополучной части столицы, омонимичное номеру дома, где салон расположен, одной своей формой говорит о том, что это заведение позиционирует себя как элитное и верное традициям (<https://www.syvogtyve.no/>).

Со времени опубликования статьи Стеблин-Каменского были проведены еще три реформы орфографии: букмола в 1981 и 2005 годах, новонорвежского в 2012 г. Результаты реформ букмола кратко охарактеризованы в учебнике (Berkov 2012: 93–94 и далее), реформа же новонорвежского на момент публикации учебника еще не была завершена. Главное, что все три реформы явились мерой, призванной упорядочить запутанные правила. Было сокращено число разрешенных вариантов, уменьшен разнობой. Это знаменовало сдвиг в сторону менее идеологизированной, более реалистичной и пригодной для воплощения в жизнь языковой политики. Важную роль в этом сыграл созданный в 1966 г. консультативный орган, Языковой совет (*Språkrådet*), в который входят поровну сторонники букмола и новонорвежского.

Благодаря целенаправленной работе Совета норвежский парламент Стортинг в 2021 г. принял вступивший в силу 1 января 2022 г. Закон о языке, имеющий, разумеется, два названия, букмольное *Lov om språk* и новонорвежское *Språkløva*. Закон закрепил достигнутые реформами обеих языковых форм результаты, пусть и не разрешив всех существующих противоречий (так, после реформы новонорвежского в 2012 году глагол «желать» можно писать восемью разными способами).

Реформы способствовали сближению всех трёх письменных языков на базе узуса. При этом количество пользователей лансмола, несмотря на усилия властей, в том числе финансовые вливания, неуклонно снижается. 90% населения на письме используют букмол, и в основном это умеренный букмол, который практически неотличим от неофициальной формы, риксмола, которая используется рядом негосударственных СМИ. Дело в том, что орфография, принятая союзом сторонников риксмола, также претерпела изменения, выразившиеся в приведении написания в соответствие с произношением, характерным для реально существующей, хотя и негласной устной нормы, так называемого стандартного восточно-норвежского. Хотя это «речевая практика образованных слоев населения (упоминать образованность считается недемократичным) ... она более или менее прослеживается в речи образованных людей» (Berkov 2011: 47–48). За сто с лишним лет эта норма избавилась от пережитков произношения, ориентировавшегося на датскую письменную норму.

Предпосылкой успешного реформирования явились подробные описания норвежского языка, созданные как сторонниками разных форм, так и претендующие на академическую объективность. Так, в 1997 г. вышла долгожданная научная грамматика *Norsk referansegrammatikk*. Показательно, что авторы разделов этой монографии писали на той форме языка, которую считают для себя более естественной: двое на букмоле, один — на новонорвежском. Теперь не скажешь, что «современная норвежская грамматика — это одна из самых неисследованных грамматик мира» (Steblyn-Kamenskij 2003: 661). Завершено издание многотомного словаря новонорвежского языка и диалектов, авторитетный словарь риксмолла доступен онлайн. Бурному развитию научных исследований способствовало изменение финансовых возможностей: из бедной окраины Европы Норвегия благодаря обнаружению нефти у своих берегов и разумному распределению полученных средств превратилась в страну с одним из самых высоких уровней жизни населения.

Соотношение между предпочитающими одну из двух официальных форм постепенно, но неуклонно меняется в пользу букмола, невзирая на усилия властей по насаждению новонорвежского в госструктурах. Ежегодно публикуются данные о проценте родителей, выбирающих в качестве языка обучения для своих детей в начальной школе новонорвежский, и проценте новобранцев, указывающих предпочтительную форму. Число выбирающих новонорвежский с указанных в статье Михаила Ивановича 20,5% в 1964–1965 гг. снизилось до 11,5% в 2022–2023 учебном году (Fakta om grunnskolen 2022-2023: 9). Еще ниже процент новобранцев, выбирающих новонорвежский. В 2008 году он составил 8,2% против 11,2% в 1997 г.

С другой стороны, изменилось место новонорвежского в литературе. М. И. Стеблин-Каменский отмечал, что «Ряд талантливых писателей способствовал разработке лансмолла как литературного средства» (Steblyn-Kamenskij 2003: 661). Хотя число публикуемых на этой форме языка книг уступает числу книг на букмоле — в 2007 г. на новонорвежском вышло 7% книг — они перестали по умолчанию ассоциироваться с литературой о селе или истории Норвегии. Появились урбанистические романы. Некоторые авторы сознательно выбирают новонорвежский как искусственный язык, с которым можно экспериментировать.

Можно согласиться с тем, что «стандартный язык большинства (букмол) обладает социальным престижем, но не имеет национального (поскольку происхождение его отчасти датское)» (Parazian 2020). Однако все свидетельствует о том, что национальные чувства норвежцев вполне удовлетворены полной допустимостью диалектов в устной речи.

«Если конечная цель национального языкового движения заключается в том, чтобы у нации был единый литературный язык..., то национальное языковое движение в Норвегии потерпело неудачу» (Steblyn-Kamenskij 2003: 661). Однако нет единого для всех наций срока и способа формирования единого литературного языка, а норвежская ситуация далеко не уникальна. Ситуация в Греции, где также сосуществуют два письменных языка, названа в статье (Елоева 2011: 85) «противоречивой и сумбурной» при том, что непрерывная письменная традиция поддерживается в этой стране более трех тысячелетий. А ведь норвежский язык получил возможность развиваться как язык нации лишь чуть более двухсот лет тому назад, после отделения страны от Дании в 1814 г. «Сознательная активность людей по отношению к языку наиболее ярко и значительно проявляется в периоды формирования литературных языков или смены одной нормативно-стилистической системы новой нормой», указывает социальная типология языков (Mechkovskaja 2006: 243). Именно такой период переживает Норвегия, где нормативно-стилистическая система датско-норвежского языка меняется на собственную национальную систему, а литературный язык находится в стадии формирования.

Однако за прошедшие два столетия языковая борьба в целом утратила остроту. Участники языкового движения ставят перед собой несколько иные цели, совместно выступая против общей угрозы — засилья английского языка, и ведут активную разработку норвежской научной терминологии на обеих языковых формах.

В самосознании норвежцев огромную роль играет понятие национальной идентичности. Бесспорно норвежскими по сию пору многими признаются только диалекты. Однако под влиянием социального престижа букмола и возросшей мобильности населения многие диалекты утрачивают свои уникальные особенности. Наблюдается их регионализация вокруг нескольких центров. Как пишет Эрик Папазян, «похоже, мы следуем примеру прочей Европы, и диалекты с опозданием в 150 лет или

около того постепенно сменяются языковой нормой» (Parazian 2020).

Целью языкового планирования в Норвегии было дать возможность каждому жителю страны говорить так, как он привык, не ощущая своей ущербности, и писать на том варианте языка, который ближе к его устной речи, то есть его диалекту. Показателен пример писателя Туре Ренберга. На начальном этапе творчества, переняв у городской элиты слегка пренебрежительное отношение к новонорвежскому, он писал на букмоле, но в последние годы перешел на новонорвежский, близкий диалекту его детства, и тексты Ренберга стали заметно лучше.

Конечно, не все проблемы решены.

Использование диалектов журналистами на общенациональном новостном вещании многим мешает понимать смысл сказанного. Делясь печальным опытом общения с чат-ботом налоговой службы, норвежский журналист так характеризует идиолект этого существа (?): «Автоматический голос с настолько своеобразным диалектом, что его не взяли бы на работу даже на Центральное вещание Норвегии» (Rakvaag 2023).

Какие-то правила нельзя назвать иначе как перегибами. В государственных СМИ определенный процент материалов должен быть представлен на новонорвежском или диалектах. Для этого на новонорвежский язык нередко переводятся печатные материалы и даже интервью людей, пользующихся букмолем.

Требование к чиновникам обращаться к гражданам на их форме языка иногда выливается в анекдотичные ситуации, не говоря уже о том, сколько времени и средств требует его исполнение. Один норвежец уже 35 лет воюет с дорожной инспекцией, присылающей ему извещения о штрафе за превышение скорости на букмоле, в то время как он требует употребления в обращении к нему новонорвежского. Бывает, на почте требуют марку с надписью Noreg, а не Norge. Первый вариант пока остается единственным официальным новонорвежским названием страны.

Остается верным наблюдение, что «рядовой норвежец, как бы он ни был невежествен в языкознании, как правило, убежден в том, что он вполне компетентен решать любые языковедческие проблемы» (Steblyn-Kamenskij 2003: 662). Но у этого явления есть и плюсы. Британский социолингвист Питер Традгилл (Peter Trudgill), много внимания уделивший языковой ситуации в Норвегии, считает, что борьба сторонников разных

языковых форм способствовала повышенному вниманию норвежцев к вопросам языка, результатом чего явилась высокая толерантность к вариативным формам языка и осмысленная свобода в их использовании (Øvregaard 2008).

В. П. Берков, долгое время скорее отрицательно относившийся к самой идее сосуществования двух официальных форм языка, позже, получив возможность наблюдать на месте, в Норвегии, не всегда очевидные на расстоянии импликации такого состояния, высказывался гораздо менее категорично. Констатируя фактическую ликвидацию четкой нормы в результате языкового планирования, Валерий Павлович задается «еретическим вопросом»: «А что если допустимость разных вариантов, напротив, благо?», и продолжает: «Будущее покажет, так ли уж плох пример Норвегии» (Berkov 1999: 33). Та же мысль акцентирована в более поздней статье (Berkov 2011: 49).

«Орфографический хаос» (Steblyn-Kamenskij 2003: 659) в Норвегии не изжит. Однако он же наблюдается, например, в комментариях в сети интернет на русском языке — едином, нормируемом, литературном, многожды детально описанном. Возможно, если бы замысловатых правил на каждый мелкий случай было меньше, грамотные граждане имели бы меньше поводов для сетований, а школьники с большей охотой и с толком изучали бы не столь многочисленные и не столь богатые исключениями правила.

Сближение позиций сторон в первой четверти XXI века, развитие лексикографии привели к тому, что раздаются голоса в пользу введения элементов нормирования устной речи. Еще недавно это вызывало резкое неприятие, в особенности у сторонников новонорвежского с их девизом «snakk dialekt, skriv nynorsk!» (говори на диалекте, пиши на новонорвежском).

Нет признаков того, что от языкового планирования в Норвегии предполагают отказаться. В 2018 г. норвежское государство выделило на решение вопросов языка больше средств, чем на содержание дорог и оборону вместе взятые. Эти деньги тратятся не впустую. Языковое законодательство успевает своевременно реагировать на потребности языкового сообщества, а также исправлять неизбежные недочеты.

Литература

- Berkov, V. P. 2012: *Istorija norvezhskogo jazyka* [History of the Norwegian language]. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University.
Берков, В. П. 2012: *История норвежского языка*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ.
- Berkov, V. P. 1999: [New in Norwegian language]. *Skandinavskaja filologija = Scandinavica* [*Scandinavian philology = Scandinavica*] 6, 14–34.
Берков, В. П. 1999: Новое в норвежском языке. *Скандинавская филология = Scandinavica* 6, 14–34.
- Berkov, V. P. 2011: [Some thoughts on the linguistic norm]. In: Berkov, V. P. 2011: *Works on linguistics*. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 41–49.
Берков, В. П. 2011: Несколько соображений о языковой норме. В кн.: Берков, В. П. 2011: *Работы по языкознанию*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 41–49.
- Eloeva, F. A. 2011: [Diglossie après Diglossie. The case of modern Greece], In: *Lingvistika ot Vostoka do Zapada. V chest' 70-letija V. B. Kasevicha* [Linguistics from East to West. In honour of V. B. Kasevich's 70th anniversary], 2011. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 85–92.
Елоева, Ф. А. 2011: Diglossie après Diglossie. Случай современной Греции. В сб.: *Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича*, 2011. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 85–92.
- Fakta om grunnskolen 2022–2023 // <https://www.udir.no/tall-og-forskning/statistikk/statistikk-grunnskole/analyser/fakta-om-grunnskolen/fakta-om-grunnskolen/>
- Hylland Eriksen, Th. 1993: *Typisk norsk*. Oslo: Huitfeldt.
- Hylland Eriksen Th., 2005: Språkspill. In: Uri H. (red.). 2005: (Nesten) alt du trenger å vite om norsk. Oslo: Kunnskapsforlaget, 18–19.
- Mechkovskaja, N. B. 2006: *Obshhee jazykoznanie. Strukturnaja i social'naja tipologija jazykov*. [General linguistics. Structural and social typology of languages]. Moscow: Flinta: Nauka.
Мечковская, Н. Б. 2006: *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*. М.: Флинта: Наука.
- Papazian, E., 2020: *Having an Armenian surname was unusual in Norway*. <https://mirrorspectator.com/2020/05/09/eric-papazian-having-an-armenian-surname-was-unusual-in-norway/>
- Rakvaag, G., 2023: *Chatten om skatten: Kunstig uintelligens*. <https://www.dagsavisen.no/debatt/kommentar/2023/04/27/chatten-om-skatten-kunstig-uintelligens/>

Steblyn-Kamenskij M. I., 2003. Is it possible to plan language development? In: Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: *Works on philology*. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 652–662.

Стеблин-Каменский, М. И. 2003: Возможно ли планирование языкового развития? В сб.: *Труды по филологии*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 652–662.

Øvregaard, Å., 2008: *Når dialect blir maktspråk*.

<https://www.aftenposten.no/meninger/kronikk/i/nw6xL/naar-dialekt-bliir-maktspraak>

Е. В. Литовских

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. elitovskih@mail.ru

«ПРЯДЬ О ХАВРБЬЁРНЕ»: УЧАСТИЕ ПОТУСТОРОННИХ СИЛ В ЗАСЕЛЕНИИ ИСЛАНДИИ

«Прядь о Хаврбьёрне» представляет собой один из показательных примеров, когда освоение Исландии описывается как происходящее с помощью сверхъестественных сил. Судьба героев пряди, тесно связанная с потусторонним миром, благодаря своей необычности и красочным фольклорным мотивам легко запоминалась. Это способствовало ее сохранению в устной традиции, хотя сама прядь, вероятно всего, является по своей сути топонимическим преданием (т. е. выполняет наиболее типичную функцию прядей в «Книге о занятии земли») и / или раскрывает смысл препозитивного расширения имени.

Ключевые слова: «Книга о занятии земли», пряди об исландцах, фольклор, топонимика, источниковедение, история Исландии.

E. V. Litovskikh

Institute of World History, RAS, Moscow, Russia. elitovskih@mail.ru

***Hafrbjarnar þáttur*: the participation of otherworldly forces in the settlement of Iceland**

The medieval Icelandic historical work “Book of the Settlement” (*Landnámabók*), the earliest surviving edition of which (*Sturlubók*) dates from 1275–1280, provides rich material on the events of the first period of settlement in Iceland. *Hafrbjarnar þáttur* from the *Landnámabók* is one of the most prominent examples of the settlement of Iceland being described as assisted by supernatural forces. A *bergbúi* came to Hafrbjörn in a dream, but from the context of the *þáttur* it is not clear what kind of supernatural creature it was, a troll, alf, or someone else. He offered Hafrbjörn a *félag*. As evidence of this cooperation in the real world, a goat (*hafr*, from which he obtained the prepositive extension of his name) was sent to Hafrbjörn later, and then his livestock increased dramatically, and he became rich. In the future, the participation of supernatural forces in the life of this family does not stop: the earth spirits (*landvættir*) accompanied Hafrbjörn himself to the assembly (*þing*), and his brothers to hunting and fishing, providing the whole family with success in business and wealth. In addition, in the first part of the *þáttur*, which refers to the lands occupied by Moldagnúpr, the meanings of toponyms associated with the first place of his family’s settlement in Iceland are explained. Mentioned in the chapter immediately following the *þáttur*, the toponym *Hafrsá* (“River of the Goat”) is likely

derived from a prepositional extension of the name Hafrbjörn. The fate of the heroes of the *þáttir*, closely connected with the other world, was easily remembered due to its unusualness and colorful folklore motifs. This contributed to its preservation in oral tradition, although the *þáttir* itself is most likely a toponymic tradition in its essence (i.e., it performs the most typical function of *þættir* in the *Landnámabók*) and/or reveals the meaning of the prepositive extension of a name.

Keywords: *Landnámabók*, *þættir*, folklore, toponymy, source criticism, history of Iceland.

Средневековое исландское историческое сочинение «Книга о занятии земли» (*Landnámabók*), самая ранняя сохранившаяся редакция которого (*Sturlubók*) датируется 1275–1280 гг., дает богатый материал о событиях первого периода заселения Исландии. «Прядь о Хаврбьёрне» из гл. 86 «Книги» (S 328–329, N 284. Vls. 328–332 по изданию: *Landnámabók* 1986) представляет собой один из показательных примеров, когда освоение Исландии описывается как происходящее с помощью сверхъестественных сил.

Деление на порядковые главы свойственно только редакции *Sturlubók* «Книги о занятии земли», в рукописи редакции *Hauksbók* (вторая по старшинству из сохранившихся редакций) этот фрагмент озаглавлен «Fra Mollða-G[nvp]» («О Мольдаг-нупе»), т. е. по имени отца Хаврбьёрна, поскольку именно он был первопоселенцем и основателем нового, уже исландского рода; см.: *Landnámabók* 1974: 62r–63r). Глава 86 по редакции *Sturlubók* входит в четвертую часть «Книги» и повествует о занятии земли в Восточной четверти Исландии, на южной оконечности острова (поскольку деление на четверти в Исландии — явление административное, оно не полностью совпадает с географическим расположением).

Фрагмент «Книги о занятии земли», состоящий из гл. 78–87 (т. е. включающий в себя интересующую нас гл. 86), как мы полагаем, принадлежал перу незаслуженно забытого исландского ученого конца XI — начала XII в. Колльскегга Асбьёрнсона Мудрого (подробнее об этом см.: Litovskikh 2020: 150–152). Стиль изложения Колльскегга (что видно даже по сохранившемуся в составе редакции *Sturlubók* — и, возможно, частично переработанному автором этой редакции Стурлой Тордарсоном — тексту) отличался конспективностью: при строго последовательном — с северо-востока на юго-запад — изложении истории заселения этой части Восточной четверти в этом

фрагменте практически отсутствуют пряди (о применимости данного термина к определенным разделам «Книги о занятии земли» см.: Gurevich 2004: 34) и висы. Прядей всего две на весь фрагмент: это «Прядь о Хаврбьёрне» и уже рассматривавшаяся нами ранее «Прядь о Лодмунде Старом» (о ней см. подробнее: Litovskikh 2023). Из вис в интересующий нас фрагмент включено лишь одно четверостишие, как раз в гл. 86. При этом весь текст Колльскегга перенасыщен формульными оборотами. Большинство абзацев начинаются с вводных формул «X hét maðr» («Жил человек по имени X») и «X fór til Ísland» («X поехал в Исландию»), за которыми практически сразу следуют содержащие топонимическую информацию формулы «X nam [land] frá... til...» («X занял [землю от... до...]») и «X bjó» («X жил в...»). Следует отметить также, что именно на этот фрагмент приходится множественное употребление завершающего смысловые части оборота «egu frá komnir» («от которого пошли» — Landnámabók 1974. К. 76. Bls. 54–55; К. 80. Bls. 57–58; К. 81. Bls. 58–59; К. 84. Bls. 60–61), отсутствующего в основном тексте редакции *Sturlubók*.

Хаврбьёрн (*Hafr-Björn*, т.е. «Бьёрн-Козел», он же Букк-бьёрн, *Bukkr-Björn*, значения первых основ см.: Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1874: 85, 231) был предком по материнской линии епископа Магнуса Энарссона (1152–1176) и известного исландского историка Стурлы Тордарсона (1214–1284). В отличие от большинства первопоселенцев, связанных брачными узами со многими исландскими родами и поэтому упоминаемыми в «Книге» в нескольких главах, информация о Хаврбьёрне содержится только в гл. 86 (о браке сына Хаврбьёрна Свертинга с внучкой Тунгуодда Хунгерд вскользь говорится в гл. 20 [S 37] — Landnámabók 1986: 75). При этом Хаврбьёрн и его братья Торстейн Обломок (*Hrungnir*) и Гнуп являются второстепенными персонажами «Саги о Гуннлауге Змеином Языке». Однако ни Мольдагнуп, ни Хаврбьёрн с братьями не упомянуты в числе самых знатных и известных первопоселенцев Восточной четверти, список которых (аналогично соответствующим спискам самых выдающихся первопоселенцев других четвертей) приведен в «Книге» в конце гл. 87 (S 335 — Landnámabók 1986: 336). Хаук Эрлендссон в своей редакции «Книги о занятии земли» (*Hauksbók*) добавляет в конце пряди в гл. 86: «frá Moldagnúpi er margt stórmenni komit á Íslandi bæði byskupar ok lögmenn» («От Мольдагнуна пошло много выдающихся людей в Исландии, епископы и законоговорители»),

подразумеваемая, скорее всего, то, что его потомками были уже упомянутый Магнус Эйнарссон и знаменитый законоговори-тель Скафти Торродссон (ум. в 1030 г.). Вполне вероятно, что история о Хаврбьёрне могла сохраниться как родовое предание о предке таких знатных и известных исландцев, ее помнили и пересказывали в роду самого автора редакции *Sturlubók* — Стурлы Тордарсона, и именно через эту редакцию она попала во все более поздние, чем в том числе и обусловлены мини-мальные разночтения в тексте пряди по разным редакциям.

Отец Хаврбьёрна, Мольдагнуп (*Molda-Gnúpr*, т. е. «Гнуп-Земля»), значение первой основы см.: Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1874: 434), и его братья были кузнецами, т. е. людьми, считающимися в родовом обществе традиционно связанными с потусторонним миром и сверхъестественными силами. Мольдагнуп, как и прочие его родичи, обладал беспокойным нравом (что также было общим местом в восприятии кузнецов) и оказался вынужден отправиться на поселение в Исландию «*fyfir víga sakir þeirra bræðra*» («из-за их с братом убийств»).

Как правило, имена с препозитивными расширениями являются уникальными, но в данном случае оказалось не так. Тезка Хаврбьёрна обнаруживается в «Саге о Стурлунгах»: это знатный исландец XIII в. Хаврбьёрн Стюркарссон, сводный брат аббата Рунольва Олавссона (и он же упоминается в продлении генеалогии [Н 353] в редакции *Hauksbók* «Книги о занятии земли» — Landnámabók 1986: 395). При этом Хаврбьёрн Стюркарссон не являлся потомком Хаврбьёрна Мольдагнупссона, т. е. нельзя утверждать, что он получил это имя от своего предка как родовое.

Тем более интересно, что имена с препозитивными расширениями имеют в интересующем нас роду и отец, и сын (Мольдагнуп и Хаврбьёрн). Доказательством, что это именно расширения, а не просто редкие двухосновные имена, может служить тот факт, что в тексте «Книги» раскрывается значение первой основы имени отца (она дана по родовому хутору *Moldatún* в Норвегии) и приводится подробное объяснение о причинах получения этого расширения сыном (собственно, прядь в гл. 86).

Про самого Хаврбьёрна в пряди рассказывается, что, когда он был уже взрослым, к нему во сне пришел «житель гор» (*bergbúi*). Р. Клисби приводит в качестве значений этого слова как «a berg-dweller», так и «a giant» (Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1874: 60), однако из контекста пряди непонятно,

какое именно сверхъестественное существо это было, тролль, альв или кто-либо еще. Сюжеты о различных «жителях гор» и их контактах с людьми (как мирных, так и влекущих за собой всяческие неприятности) очень популярны в западно-скандинавском фольклоре, сюда можно отнести такие норвежские сказки, как, например, «*Høna tripper I berget*» и «*Ekebergkongen*» (Asbjørnsen, Мое 1843. Bd. 1. АТ 311). Наиболее часто с «жителями гор» ассоциируются тролли. Однако в одной из исландских сказок («*Bjargbúi í kolskógi*») специально оговаривается, что «житель гор» троллем не являлся: «*Hann hefði átt að segja að það hefði ekki verið tröll, heldur hefði það verið einhvör bjargbúi*» («Он должен был сказать, что это был не тролль, а горный житель» — Jón Árnason 1955. Bd. III. Bls. 237).

«Житель гор» предложил спящему Хаврбьёрну сотрудничество (*félag*, досл. «товарищество, партнерство», см.: Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1874: 148; о значении термина и его бытовании, с библиографией см.: Lárusson 1959; Melnikova 1982), т. е. узы, которые в средневековом скандинавском обществе были очень распространены и создавались для совместного совершения торговых сделок, политических акций и пр. И Бьёрну — с использованием в тексте пряди типичной для родовых саг литоты — «*hann þóttist játa því*» («показалось, что он согласился»).

В качестве свидетельства этого сотрудничества в реальном мире через некоторое время Хаврбьёрну был послан козел (*hafr*, из-за которого он и получил первую основу в качестве расширения своего имени), после чего поголовье скота, принадлежавшее Хаврбьёрну, резко увеличилось, и Хаврбьёрн разбогател. В дальнейшем участие сверхъестественных сил в жизни этой семьи не прекращается: «по мнению ясновидящих» («*þat sá ófreskir menn*», под словом *ófreskr* обычно подразумевались языческие провидцы и предсказатели), духи земли сопровождали самого Хаврбьёрна на тинг, а его братьев на охоту и рыбалку («*landvættir allar fylgdu Hafrbirni til þings, en þeim Þorsteini ok Þórði til veiða ok fiskjar*»), обеспечивая всей семье успех в делах и богатство.

Помогавшие им «духи земли» — это исландские *landvættir*, второстепенные божества скандинавского языческого пантеона, к которым также относились дисы, фюльги, альвы и пр. (Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1874: 372; подробнее о них см.: Jackson, Podossinov 2001). Традиционно считалось, что ими охраняется как вся Исландия в целом, так и отдельные участки

ее местности и конкретные люди, и получить их поддержку, несомненно, было большой удачей, способствующей усилению и процветанию всего рода.

Помимо этого, в тексте первой части пряди, где говорится о землях, занятых Мольдагнупом, поясняются значения топонимов, связанных с первым местом поселения его рода в Исландии. Про топоним *Álftaver* («Лебединое Гнездовье») говорится, что «*þar var þá vatn mikit ok álftveiðar á*» («там тогда было большое озеро, на котором охотились на лебедей»). Топоним *Tjaldavöllr* («Поле землянок») стал называться так, поскольку «*þá flýðu þeir vestur til Haufðabrekku ok gjaurðu þar tjalldbúðir, er heitir á Tjaldavelli*» («они убежали [от разлившейся лавы] на запад к Обрыву Мыса и построили землянки в том месте, которое зовется Поле Землянок»).

Следует отметить также, что упоминаемый в гл. 87 (S 334, H 293 — *Landnámabók* 1986: 334–335), непосредственно следующей за рассматриваемой прядью, топоним *Hafrsá* («Река Козла»), вполне вероятно, образован от препозитивного расширения имени Хаврбьёрна. Это предположение представляется возможным сделать на основании того, что в гл. 87 описывается территория, непосредственно граничащая с владениями Хаврбьёрна: «*Björn ... nam land milli Kerlingarár ok Hafrsár ok bjó at Reyni*» («Бьёрн ... занял землю между Старухиной Рекой и Рекой Козла и жил в Рябиннике»). Чуть ниже в этой же главе говорится: «*Loðmundr inn gamli nam land milli Hafrsár ok Fúlalækjar, sem fyrir er ritat*» («Лодмунд Старый занял землю между Рекой Козла и Вонючим Ручьем, о чем уже писалось»), хотя и не приводится никакого объяснения внутреннего смысла самого топонима *Hafrsá*. Колдуну Лодмунду Старому, как уже говорилось выше, была посвящена отдельная прядь в гл. 79 «Книги о занятии земли» (S 289, H 250 — *Landnámabók* 1986: 304–305). В ней также приводятся сведения о занятых им территориях, границы которых проходили, среди прочего, по Реке Козла: «*hann nam þar land, sem súlurnar haufðu komit, ok á milli Hafrsár ok Fúlalækjar; það heitir nú Jökulsá á Sólheimasandi*» («он занял там землю, к которой прибило столбы, между Рекой Козла и Вонючим Ручьем; теперь это место называется Ледниковой Рекой на Песках Солнечного Края»). Таким образом, топоним *Hafrsá* был значимым для определения границ исландских поселений, и прядь, раскрывающая его значение, могла сохраниться в памяти исландцев как топонимическое предание.

Тем самым, судьба героев пряди, тесно связанная с потусторонним миром, благодаря своей необычности и красочным фольклорным мотивам легко запоминалась. Это способствовало ее сохранению в устной традиции, хотя сама прядь, вероятнее всего, является по своей сути топонимическим преданием (т.е. выполняет наиболее типичную функцию прядей в «Книге о занятии земли») и / или раскрывает смысл расширения имени.

Литература

- Asbjørnsen, P. Ch., Moe, J. E. 1843: *Norske folkeeventyr*. Christiania, Bd. 1.
- Cleasby, R., Gudbrand Vigfusson 1874: *An Icelandic-English Dictionary*. Oxford.
- Gurevich, E. A. 2004: *Drevneskandinavskaya novella: poetika "pryadej ob islandcah"* [Old Norse novella: the poetics of þættir]. Moscow.
- Гуревич, Е. А. 2004: *Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах»*. М.
- Jackson, T. N., Podossinov, A. V. 2001: [On the issue of zooanthropomorphic symbols in the archaic model of the world (*Landvættir in the Óláfs saga Tryggvasonar* by Snorri Sturluson)]. *Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]* 4, 149–167.
- Джаксон, Т. Н., Подосинов, А. В. 2001: К вопросу о зоантропоморфных символах в архаической модели мира (*Landvættir в «Саге об Олаве Трюггвасоне»* Снорри Стурлусона). *Вестник древней истории* 4, 149–167.
- Jón Árnason 1955: *Íslenzkar þjóðsögur og ævintýri*. Reykjavík, Bd. III.
- Landnámabók // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út (Íslenzk Fornrit; I). Reykjavík, 1986. Bls. 1–397.
- Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út (Íslenzk Handrit. Ser.: In folio. Bd. 3). Reykjavík, 1974.
- Lárusson, M. M. 1959: Félag. *Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingtid til reformasjonstid*. Bd. IV. Lund, 212–213.
- Litovskikh, E. V. 2020: [The first Icelandic historians (XI — early XII century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya [Perm University Herald. History]* 1(48), 146–154.
- Литовских, Е. В. 2020: Первые исландские историки (XI — начало XII в.). *Вестник Пермского университета. Сер.: История*. 1(48), 146–154.
- Litovskikh, E. V. 2023: [*Loðmundar gamla þáttur* in the *Landnámabók*: the conflict of two sorcerers]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Vyp. XXXV. Puti i sposoby razresheniya konfliktov*. [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Vol. XXXV. Ways and means of settling conflicts] Moscow, 117–120.

- Литовских, Е. В. 2023: Прядь о Лодмунде Старом в «Книге о занятии земли»: конфликт двух колдунов. *Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXV. Пути и способы разрешения конфликтов*. М., 117–120.
- Melnikova, E. A. 1982: [Early forms of trade unions in medieval Northern Europe]. *Skandinavskij sbornik*. [Scandinavian compilation] Tallinn, Vol. XXVII. 19–29.
- Мельникова, Е. А. 1982: Ранние формы торговых объединений в средневековой Северной Европе. Скандинавский сборник. Таллин, Т. XXVII. 19–29.

Alexander Mankov

Institute of Linguistics, RAS / St. Tikhon's University for the Humanities,
Moscow, Russia. mankov@iling-ran.ru

ON THICK *l*¹

The article describes the distribution of two allophones of the phoneme /*l*/ in Swedish dialects of Estonia and, in the first hand, in the dialect of Gammalsvenskby, where I carried out fieldwork and interviewed speakers of the dialect. It is shown that these allophones appeared in the Proto-Scandinavian period, before the syncope of the unstressed vowels, though the present-day quality of thick *l* may be due to a later development. I suggest that the emergence of two allophones of /*l*/ is related to the emergence of similar allophones of /*r*/, which, in turn, was caused by PScand. **R* having become an allophone of /*r*/.

Keywords: retroflex flap, “thick” *l*, historical phonology, Swedish dialects of Estonia.

A. E. Маньков

Институт языкознания РАН / ПСТГУ, Москва, Россия. mankov@iling-ran.ru

О «толстом» *l*

В статье рассматриваются правила распределения двух аллофонов фонемы /*l*/ в шведских диалектах Эстонии и прежде всего в диалекте села Старошведское (Херсонская обл.), где автор проводил полевые исследования. Показывается, что эти аллофоны возникли в праскандинавскую эпоху, до синкопы безударных гласных, хотя современное качество «толстого» *l* могло возникнуть позже. Выдвигается предположение, что возникновение двух аллофонов /*l*/ связано с возникновением двух аллофонов у фонемы /*r*/ в праскандинавском, которое, в свою очередь, обусловлено превращением прасканд. **R* (< **z*) в аллофон /*r*/.

Ключевые слова: ретрофлексный флэп, «толстое» *l*, диахроническая фонология, шведские диалекты Эстонии.

Thick *l* (Sw. »*tjockt l*») is a retroflex flap. It is pronounced with the tip of the tongue raised towards the top of the hard palate² and then making a single touch of the area just above the protuberance

¹ I am grateful to Elis J. Ahlberg for his meticulous comments on this article.

² Hence the Swedish term *kakuminalt l* used alongside *tjockt l*, to Lat. *caecūmen* ‘peak’.

behind the upper teeth. Auditively, it is a very short, one-touch consonant which may resemble a lisped *r*. However, in the dialect speech that I heard, it is clearly distinct from both *r* (trilled) and *l* (dental). In the IPA it is designated as ɾ , in the Swedish Dialect Alphabet *ʀ* or — in the 1880s — *ʀ* (Eriksson 1961: 77). Below it is designated as *ʀ*. Standard Swedish has lost it and generalised the dental *l* in all positions, but it is preserved in dialects. M.I. Steblin-Kamenskij (1965: 21) correctly described the general tendency for *l* and *ʀ* to be in complementary distribution. In this article I will study the distribution of *l* and *ʀ* in Swedish dialects of Estonia, primarily in the dialect of Gammalsvenskby; combinations of *r* and dental consonants are also taken into account. The examples are taken from this dialect unless otherwise specified. The source of data is interviews with its fluent speakers recorded during my trips to the village. I have devised the following spelling system for the dialect of Gammalsvenskby (Mankov 2019).

Vowels: *a* [a], *ā* [a:], *e* [e], *ē* [e:ⁱ, e:],³ *i* [i], *ī* [i:], *o* [o], *ō* [o:], *u* [u], *ū* [u:], *y* [y], *ä* [ɛ], *ā* [ɛ:], *ö* [œ], *ō* [œ:], *ü* [ɥ],⁴ *ū* [u:], *äi* [ɛ:i, eɪ], *öü* [œ:u, œɥ].⁵

Consonants: *b* [b], *d* [d], *ḍ* [ḍ] (as in Sw. *bord*), *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l] (as in Sw. *lära*, *mål*), *ʀ* [ɾ], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] before *k*), *ŋ* [ŋ], *ɲ* [ɲ], *p* [p], *r* [r] (trilled), *s* [s], *ʃ* [ʃ],⁶ *t* [t], *ṭ* [ṭ], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *ʒ* [ʒ].

Some forms from previous descriptions of Swedish dialects of Estonia may sometimes raise doubts as to the accuracy of their representation in published works, i.e. it is not always clear if they were recorded correctly. However, in this article I do not deal with this problem and cite the forms as they are given in the sources. Previous scholars used a variety of spelling systems, sometimes I provide a transliteration using the spelling that I devised for the dialect of Gammalsvenskby.

³ [e:ⁱ] is usually pronounced within morphemes, [e:] at the end of morphemes.

⁴ Central rounded open vowel; lower than Standard Sw. [ø], lips are rounded and protruding.

⁵ The diphthongs usually shorten before long consonants or groups of consonants. In this case the second element is pronounced extrashort, e.g. *g[ɛi]glar* ‘gills’.

⁶ Note that it is alveopalatal and sounds identical to Russ. *u* or Germ. *sch*; it is not postalveolar as Standard Sw. *rs*.

1. Distribution of *l* and *l̥* in synchrony

(for more examples see Mankov 2019: 78).

l occurs in the following positions, cf. Eriksson (1961: 77–78): 1) word-initially or, to be more precise, at the beginning of stressed morphemes,⁷ e.g. *l̥ias* ‘obey’, *l̥ägge* ‘put’; 2) when doubled: *bill* ‘uncle; old man’, *vallar* ‘herdsman’; if *ll* shortens, it remains *l* and does not give *l̥*: *väliṅ* ‘soup’, cf. Sw. *välling*; 3) before *d*, *t* within morphemes (see section 2.1); 4) after *d*, *t*: *fräidlendär* ‘cheerful’, *bittle* ‘early’; 5) after *s*, *x*: *slō* ‘to strike’, *gnixl* ‘to whine’; 6) before *s* + consonant: *älsk* ‘to want’; 7) after *i*, *ī*, *äi*:⁸ *fila* ‘to wag tail’, *fil* ‘file’ (tool), *däil* ‘to divide’; historically, here also belongs *äild* ‘fire’ (see section 3). The fact that it is only *l* rather than *l̥* that occurs after these vowels is due the phonetic dissimilarity between *l̥* and *i*, *ī*, *äi*: *l̥* is pronounced with the tongue being backward whereas *i*, *ī*, *äi* are front vowels. Note also the combination *lld*, where *d* is an epenthetic consonant which appears on a morpheme boundary: *falldär* pres. sg. of *fall* ‘fall’.

l̥ occurs: 1) intervocalically and word-finally after vowels: *fālan* ‘beautiful’, *fūl* ‘bird’; 2) before *k*, *g*, *p*, *m*, *v*, *f*: *fōlk* ‘people’, *fōlge* ‘to follow’, *hōlp* ‘to help’, *bōlm* ‘to stir’, *halm* ‘straw’, *goļv* ‘flour’, *hōlft* preterite of *hōlp*; earlier, *l̥* occurred intramorphemically before *s* and *n*, but the combinations *l̥s*, *l̥n* assimilated and gave *s*, *n* (see section 2.1); 3) after *k*, *g*, *p*, *b*, *v*, *f*: *tikkle* ‘often’, *glēm* ‘forget’, *plant* ‘plant’, *blū* ‘blood’, *flū* ‘to fly’, *gnavlar* pres. sg. of *gnavōl* ‘to gnaw’; 4) in the suffix *-liṅ*: *armliṅ* ‘orphan’.

Loanwords usually have *l*: *alesk* ‘dumpling’, *blūd* ‘saucer’ etc.

2. Combinations of *l*, *r* with dental consonants (*d*, *t*, *s*, *n*); the combination *rl*.

2.1. Combinations *l*, *r* + *d*, *t*, *s*, *n* within morphemes.

When the combinations *ld*, *lt* in East Swedish dialects are originally intramorphemic, they are not assimilated and remain *ld*, *lt* (Jansson 1942: 51; Wessén 1965: § 53). Examples from

⁷ *l̥* never occurs at the beginning of stressed syllables. This explains why the suffix *-läik* has [l], e.g. *bräiläik* ‘breadth’. In all likelihood, it used to carry the secondary stress, due to which forms with this suffix were prosodically equalled with compounds. Cf. the suffix *-liṅ*, which was always unstressed and is therefore pronounced with *l̥*.

⁸ In the dialect of Runö, *l̥* is possible after *ī*, see section 3.2.

Gammalsvenskby include *färald* ‘butterfly’, *höld* ‘to hold’, *mūld* ‘dry earth; dust’, *söld* ‘sieve’, *galt* ‘hog’, *gilt* ‘sow’, *mält* ‘spleen’, here also belongs *lt* in old borrowings: *filt* ‘blanket’, *bält* ‘belt’. Note that PGerm. **lþ* gives *ll*: *güll* ‘gold’ (Tamm 1887: 78).

The preservation of *ld*, *lt* makes a contrast to *rd*, *rt*, which are assimilated within morphemes and give postalveolar *d̥*, *t̥*. This is because in the combinations *ld*, *lt* the consonants have different manners of articulation (lateral vs. plosive), but the same place of articulation (apico-dental), so they have fewer prerequisites to assimilate. In this case, the assimilation is only possible by the manner of articulation and not by the place, because consonants which have the same place of articulation obviously cannot assimilate one another by the place of articulation. In Swedish dialects of Estonia, the assimilation by the manner did not take place in *ld*, *lt*, but in Standard Swedish it did (in *ld*), hence *hålla* ‘to hold’ etc. (Tamm 1887: 79; Wessén 1965: § 53). In the combinations *rd*, *rt* the consonants differ both in regard to the place (alveolar vs. dental) and to the manner (sonorant vs. plosive), i.e. they allow assimilation by both these parameters, which actually happened: *rt* > *rt̥* (progressive assimilation by the place) > *t̥t̥* (regressive assimilation by the manner), e.g. *sjät̥t̥a* ‘heart’. This also explains why PGerm. **lþ* (unlike *lt*) gave *ll*: it is the same type of assimilation as in *rt*, *rd*. It should be noted that the places of articulation of consonants in the combinations *rt*, *rd* (and *lþ*) are not so distant as to prevent the assimilation. In such combinations as *lk* the distance is considerable, which explains the absence of assimilation.

The combination *rt* does not cause lengthening of the preceding vowel⁹, due to which the intramorphemic *t̥t̥* is long. As for *rd* (< OSw. *rð*), the preceding vowel was lengthened already in Old Swedish (Wessén 1965: § 37), e.g. *gōd* ‘yard’. The development was therefore *rd* > *rð* > *d̥*, rather than **d̥d̥*, because otherwise the overlength **ṽd̥d̥* would have appeared, which is not allowed in the present-day prosody of the dialect.

The combinations *ls*, *rs* within morphemes are always assimilated, which is due to the same reason: the consonants have different places and manners of articulation. In the contemporary

⁹ However, cf. *l̥o̥t̥* ‘cloudberry’ (Sw. *hjordron*) in the dialect of Nuckö (Danell 1951: 160).

dialect of Gammalsvenskby the results of the assimilation of *ls* and *rs* are the same in terms of articulation, cf. *hās* ‘neck’ (< **hāls*; note that *a* was lengthened before *ls*) and *fošš* ‘rapid stream’ (Sw. *fors*, the combination *rs* has not lengthened the preceding vowel). However, the earlier dialect did distinguish **ls* and **rs*, the former combination gave a retroflex *s* (designated as *s* in the Swedish Dialect Alphabet), the latter a postalveolar *s* (*ʂ*), cf. *hās*, *foš* (Karlgrén 1953: §§ 21, 33).

The intramorphemic combination *rn* in the dialect of Gammalsvenskby is invariably reflected as an ordinary dental *n*: *bjūn* ‘bear’.

2.2. Combinations *l*, *r* + *d*, *t*, *s*, *n* on morpheme boundaries.

On synchronically distinguishable morpheme boundaries in inflexion, the combinations *ld*, *lt* etc. are not preserved. The following assimilations have taken place: *l+t* > *t̥* (postalveolar *t̥*), e.g. *fḁt̥t* neuter of *fālan* ‘beautiful’; *l+d* > *d̥*: *skjō̆d̥* preterite of *skjöle* ‘rinse’; *l+s* > *ʂ*: *skjō̆ʂ* (< **skjō̆ls*) pres. sg. of *skjöles* ‘be washed off’; *l+n* > *ŋ* and *n*: *spō̆ŋ* def. sg. of *spōl* ‘mirror’, *būn* ‘be inflamed’ (Sw. *bulna*). The consonant *ŋ* regularly occurs only in monosyllabic stems when the definite article *-n* < *-en* is added. In di- and trisyllabic stems *ŋ* often gives *n*, e.g. *kvärvän* / *kvärven* def. sg. of *kvärvöl* ‘door bolt’. There is also fluctuation in the quantity of *t̥*, cf. *snā̆t̥/snatt̥* ‘soon’ (originally the neuter of the otherwise unattested adjective corresponding to Sw. *snar* ‘quick’), *bō̆t̥/bŏtt̥* neut. of *bōlan* ‘blunt’, *hā̆t̥/hatt̥*, i.e. [ha:t̥], [ha:t̥:], and also [ha:t̥:], neut. of *hālan* ‘slippery’. The fluctuation is due to the fact that either the long *t̥* is generalised or the root vowel preserves its length. The overlength, i.e. the preservation of both the long vowel and the long consonant, is not allowed in the contemporary dialect. It should also be noted that the phonetically regular preterite forms of such verbs as *skjöle* ‘rinse’, *sjöle* ‘sell’ (with the initially short root vowel) would be **sjō̆dd̥*, **skjō̆dd̥*, i.e. with *Ŷld* > *Ŷl̆d* > *Ŷdd̆*. However, such forms never occurred in my interviews, the vowel is always lengthened, the consonant is short: *sjō̆d̆*, *skjō̆d̆*. This is because the long *dd̆* is generally not common in the dialect due to such cases as *gō̆d̆* (see section 2.1). Analogy with preterites of verbs where the root vowel was always long is also possible, e.g. *hē̆d̆*, *ī̆d̆*, *lā̆d̆*, *mī̆d̆*, *rē̆d̆* to *hēr* ‘hear’, *īr* ‘whirl’ (of snow), *lār* ‘learn’, *mār* ‘build from stones’, *rēr* ‘mix’. Moreover, *lg+d* also gives *d̆*, the preceding vowel lengthens:

fölge ‘follow’ — *fōd*, *svölge* ‘swallow’ — *svōd*, *tjölgje* ‘carve’ — *tjōd*. A long *d* has only occurred in the preterite of *fēr* ‘lead’ which was pronounced [fē:d], but also [fe:d].

The same assimilations take place in combinations with *r*, i.e. $r+t > t/tt$: *klattt/klāt* neut. of *klāran* ‘clear’; $r+d > d$ (see *hēd* above), $r+s > sš$: *r[ē]sš* pres. sg. of *rēras* ‘move’, $r+n > ŋ$ in monosyllabic stems: *tjūŋ* def. sg. of *tjūr* ‘bull’. In disyllabic stems *rn* often gives *n*: *biggan/ biggan* def. sg. of *biggar* ‘builder’ (Mankov 2019: 80).

On morpheme boundaries in word formation, namely in compounds, combinations of *l* with the following dentals can be both assimilated and preserved: *būmōl-tække* ‘cotton blanket’, *hāl-stikke* ‘hailstone’, *kōl-strunk* ‘cabbage head’, *maŋ(ŋ)ōl-stukk* ‘rolling pin’, alongside *jūttrā* ‘fir tree’, *maŋl-štukk* ‘rolling pin’. The same concerns *r* + dentals in compounds: *ēr-snipa* ‘ear lobe’, *fīnstās-klē* ‘curtain’, *fō-skokk* alongside *fōr-skokk* ‘flock of sheep’, *ōr-tītaš* and *ō-tītaš* ‘for years’ (Sw. *årtiotal*s).

As for the phonological status of *t*, *d*, *s*, I propose the following solution: within morphemes they are phonemes, on morpheme boundaries they are realisations of /rt/, /rd/, /rs/, /ld/, /lt/. The postalveolar [ŋ] on morpheme boundaries is a realisation of /rn/ and /ln/, in such forms as *gōdŋ* def. sg. of *gōd*, it is an allophone of /n/.

2.3. The combination *rl*.

It was shown above that in combinations with *r*, first a progressive assimilation by the place of articulation, then a regressive assimilation by the manner of articulation took place. The combination *rl* should therefore have given **r_l*, then **ll*, where *l* is a postalveolar (rather than retroflex) *l*. This would have created an opposition *l ~ ɭ ~ l̥*. However, it would be asymmetrical and redundant. Such sequence as [t] ~ [t̥] (retroflex *t*) ~ [t̥] (postalveolar *t*), which in all likelihood existed in the dialect (see 2.1), was a realisation of /t/ ~ /lt/ ~ /rt/. The sequence [l] ~ [ɭ] ~ [l̥] would be a realisation of /l/ ~ /rl/ (because [l] and [ɭ] are allophones of /l/); this would create asymmetry. For this reason, in *rl* there was no progressive assimilation *rl > r_l*, and only the regressive assimilation *rl > ll > l* took place. The examples are *kāliŋ* ‘woman’ (OSw. *kārling*), *hōle* ‘very’. The latter form goes back to **hōlet*, which originally is the neuter of the non-attested adjective **hōlendār* <

**horlendär* < **hordlendär*, cf. Sw. *hårdlig* (Danell 1905–34: 183); as for the loss of *d*, cf. *l̥gd* > *ḡ* in *svölge* — *svōḡ* in 2.1.

On synchronic morpheme boundaries occur *rl* alongside *l*, but never a postalveolar *l*: *Hon jār lāt* [-rl-] ‘She’s lazy’. Compare also *färlīt se* alongside *fälīt se* ‘to hope’.

3. The heteromorphemic combination *ld* vs. *ḡ*.

As was mentioned, the original intramorphemic *ld* is preserved in Swedish dialects of Estonia, while *ld* with a morpheme boundary between *l* and *d* gives *ḡ*. There are however forms in which *l* and *d* are divided by a morpheme boundary, but in one case the outcome is *ld* (as if the form were originally intramorphemic), in the other *ḡ*. Such forms in the dialect of Gammalsvenskby are *būld* ‘furuncle’ and *kjōḡ* ‘cold’ (noun). Before we study these two forms, it should be noted that the Standard Swedish words that are relevant in this context are *böld* ‘id.’, *köld* ‘id.’, *bolde* ‘furuncle’, *däld* ‘small valley’, *mäld* ‘grist’, *stöld* ‘theft’, *väld* ‘unfairness’ (Tamm 1887: 78–81). The question is why they preserve *ld* and not assimilate it to *ll* (as in *hälla*, *kall* etc.). Tamm explained it by the influence of those forms where the suffix *-d-* was preserved, e.g. *tyngd* (ibid.: 79). According to A. Kock (1893: 259), all these forms had thick *l*, which, unlike the dental *l*, did not cause the assimilation *ld* > *ll*. It was also proposed that the thick *l* in such forms as OSw. *byld*, *kyld* could also be due to the influence of *bulen*, *kulen* where *l̥* was phonetically regular; thus e.g. H. Pipping (1914: 27–28). I think that we should take into account the fact that these forms are bimorphemic (unlike *häll-*, *kall*), and the morpheme boundary is clearly distinguishable. All these forms preserve a link to the related roots with *l*: *bulen* ‘swollen’, *kall* ‘cold’, *dal* ‘valley’, *mala* ‘grind’, *stjåla* ‘steal’, *vilja* ‘want’. It was the clearly visible morpheme boundary between *l* and *d* rather than the supposedly retroflex character of *l* that has prevented *ld* from being merged into *ll* in Standard Swedish.

The word *eld* ‘fire’ probably never had the thick *l*: it goes back to PScand. **eilḡa-* < PGerm. **aili-ḡa-* (on its derivation see Kroonen (2013: 11)), and *l̥* was not possible after *äi* < *ei* (see section 1). This word lost its link with the primary root, which triggered the assimilation, hence the form *ell* attested in the 16th century (SAOB: E 405). A similar case is probably Sw. *kväll* ‘evening’ (cf. OIcel.

kveld). If the etymology that relates it to OE *cwelan* ‘to die’ is correct, this noun was derived with a suffix that contained PScand. **ǰ*; its relation to the primary root became obscure a long time ago, which made this form monomorphemic, having eliminated the obstacle to the assimilation *ld* > *ll*.

Now we need to look into why Swedish dialects of Estonia sometimes have *ld* and sometimes *ɖ* on a morpheme boundary. I suppose that the reason for this was the distribution of the varieties of *l* in the older period. Basically, this distribution seems to have been the same as in contemporary dialects. Immediately before *d*, the phoneme /l/ was realised as a dental *l*, both intra- and heteromorphemically. In the intervocalic position, /l/ had a different quality and ultimately gave the thick *l*. If a vowel that followed such *l* later syncopated, *l* and the following *d* assimilated, i.e. **VIVd* > **Vɪd* > *Vɖ*. This means that *l* had two different allophones before the syncope, i.e. as early as in Proto-Scandinavian. However, we do not know what the original quality of the second allophone was; its retroflex character could be a later development. For the dating of *ɖ* see Ronge (1993: 200; 15th century in Sweden), Andersson (2016: 21; first half of the 14th c.), Fridell (2017: 167; late 14th c. — 16th cc.); cf. Kuzmenko (1995: 125).

These regularities may explain the words for ‘furuncle’ and ‘cold’ in Swedish dialects of Estonia. If a suffix that contained a dental consonant (namely, **ǰ*) was added directly to the root, the combination has remained *ld*; if there was a vowel between *l* and **ǰ* (this vowel later syncopated), we get *ɖ*. One more circumstance should be taken in to account. There was a whole range of suffixes with the consonant **ǰ*, some of them contained *i* before *ǰ*: PScand. **-ǰi-*, **-iǰu*, **-ǰa-* (PIE **-ti-*, **-itā*, **-to-*), **-ǰan-*, **-iǰan-*. Some of them were synonymous, and, consequently, derivatives with these suffixes could contaminate, which obscured the initial distribution of *ld* (< **-l-ǰV-*) and *ɖ* (< **-l-iǰV-*).

3.1. The noun *būild* ‘furuncle’.

It has two varieties in Swedish dialects of Estonia, with *ld* and with *ɖ*. The form with *ld* occurs in the contemporary dialect of Gammalsvenskby: *būild*, def. sg. *-n*, pl. *-ar*, def. pl. *-a(na)* m. It was recorded by Karlgren (1953: 17): *būild*, *-ŋ*, *-ar*, *-a* m., and in the dialect of Nuckö: *būild* m. (Danell 1951: 60). I suppose that it is an

old formation, going back to PGerm. **bl̥-đá-* m., PIE **b^hel-* ‘to grow, spread, swell’ (IEW: 120–121). The suffix is PIE **-t-ó-*, which in this case was added directly to a zero-grade root, the stress is on the thematic vowel. This suffix was used to make participial adjectives and corresponding nouns (Brugmann 1906: 394ff.; Olson 1916: 546; Kluge 1926: § 117). The development is PScand. **bulđa-* > **bulđ-* > *būld*; the form without *a*-umlaut has been generalised, cf. Wessman (1936–38: I, 115ff.); *ld* usually lengthens the preceding vowel (cf. *hōld* ‘to hold’). However, it cannot be excluded that the suffix was **-đan-*: **bul-đan-* m. with the following transition from the weak declension to the strong: *būld* is strong; the weak form would be **būld-an* in the def. sg. form, but it was never heard in my interviews. In this case, this form would be identical to Sw. *bolde*, which either goes back to PScand. **bul-đ-an-* or to **bul-i-đ-an-* m. The suffix **(i)þ-an-* was used in nouns for ailments, e.g. OE *bruneþa* ‘itching’, *spiwepa* ‘vomiting’, *wlætta* ‘nausea’ and many others, including the word for death, OIcel. *dauði* (Kluge 1926: § 118; Krahe, Meid 1967: § 119); this corresponds well with the sense of the Swedish word.

The form with *đ* has the following phonetic variants.

With *ū+đ*. Vendell recorded it in the dialects of Dagö, Gammalsvenskby, Runö, Nuckö: *búđ* (= *būđ* in my transliteration), pl. *-ar*, feminine in Gammalsvenskby, masculine on Dagö (Freudenthal, Vendell 1886: 36); *bud* m. on Runö (Vendell 1882–87: 84); *bud* (*u* = *u* here) m. on Nuckö (Vendell 1904–1907: 96). It probably goes back to PScand. **bul-i-đ-an-* m. or **bul-i-đ-ō* f.; the intervocalic *l* gives *l̥* with the following assimilation, i.e. **bulđu* > **bulđ* > *būđ*).

With *ē + đ* in the dialect of Nuckö: *bēđ* n. (Danell 1951: 68) and *ō + đ* in the dialect of Rågöarna: *bōđ*, *-ēr* f. (Freudenthal, Vendell 1886: 39); *o* is [œ:]. I explain it as a contamination of **bul-đi-* f. and **bul-i-đ-ō* f. The form **bul-đi-* gave PScand. **bylđ-* (with a dental *l*); the vowel *ē* in the dialect of Nuckö is due to the delabialisation of *ō* (lengthened before *ld*) < OSw. *y* (Danell 1905–34: 98; Hultman 1939: 162). The consonant *đ* is taken from *būđ* < **bul-i-đ-*. The neuter gender of *bēđ* instead of the original feminine (cf. OSw. *byld* f.) should not necessarily be old; it could be caused by the fluctuation between f. and n., typical of the dialect of Nuckö; for its explanation, see (Danell 1905–34: 226). Note that in Standard

Swedish, **bul-ði-* gave *böld* (Tamm 1877: 28); judging by the available materials, this form has no direct cognates in Swedish dialects of Estonia.

The discussed forms are summarised as follows.

PScand. **bul-ða-* m.: *būld* Gsvby, *buld* Nuckö;

PScand. **bul-ð-an-* m.: OSw. *bulde*, *bolde*, *boldhe*; Sw. *bolde*; ? *būld* m. Gsvby, Nuckö;

PScand. **bul-ið-an-* m.: *búd* m. Dagö, Nuckö, *bud* Runö;

PScand. **bul-ði-* f.: OSw. *byld*, *böld* f.; Sw. *böld*;

PScand. **bul-ið-u* f.: *búd* f. Gsvby;

Contamination of **bul-ði-* f. and **bul-ið-ō* f.: *beđ* n. Nuckö, *bod* f. Rågöarna.

3.2. The noun *kjōđ* ‘cold’.

Similar developments are seen in the word for ‘cold’. In my interviews it occurred as both fem. (*ūte sliĳ kjōđ* ‘in such a cold’) and masc. (*e sliĳär kjōđ*). In Swedish dialects of Estonia, this noun is probably a contamination of PScand. **kul-ið-an-* m. (Hultman 1908: 196) and **kul-ði-* f.; *đ* (< **lð*) comes from the former, the *i*-umlauted vowel from the latter. Both these forms are attested in Old Swedish: *kulde* m., *kyld* f. The vowel *y* before *đ* lowered to *ō* and developed a palatal element *j* (Hultman 1939: § 88). An identical form was recorded by Vendell in the dialects of Gammalsvenskby, Rågöarna, Vippal: *kiōđ* f. (Freudenthal, Vendell 1886: 103); Tiberg (1940: 329) recorded *kiōđđ* on Rågöarna, the same form was recorded by R. Pöhl (1944: 21): *kiōđ*. Other dialects differ in terms of the development of the vowel.

The dialect of Nuckö has *kēđ* f. (Freudenthal, Vendell 1886: 101), *keđ* f. (Danell 1905–34: 98; 1951: 236; Hultman 1939: 162).

As for the dialect of Runö, Vendell (1882–87: 105) recorded *kuud* f. This dialect shows a specific development of long *ī* and *ȳ*, which give *ū* or *jū* before *l*, e.g. *huł* ‘to rest’, *stur* ‘rudder, steering wheel’, *puł* ‘willow’ (Icel. *hvíla*, *stýri*, *píll*), see Vendell (1882–87: 20), Hultman (1894: § 67), Franzen (1959: 51). Before the thick *l* the short vowel *y* gives *ō* > *ā* in this dialect, cf. *fæle* ‘to follow’ (Hultman 1894: § 1.11). But in front of *đ* the vowel *y* lengthened

before the change $y > \ddot{o} > \ddot{a}$ started to operate and took part in the change $\bar{y} > j\ddot{u}$, hence *kjūd* (Hultman 1894: § 1.28, footnote 3)¹⁰.

The dialect of Ormsö has \bar{i} : *kīd* f. (Freudenthal, Vendell 1886: 103). Here the original vowel y also lengthened before d prior to the change $\bar{y} > \ddot{o}$, and then delabialised.

4. The origin of /l/

I suppose that the emergence of /l/ or, to be more precise, of two allophones of /l/ is related to the emergence of *R* in Proto-Scandinavian. As a result of the operation of Verner's law, PGerm. /s/ split into two allophones, [s] and [z]. After the stress established on the first syllable, *s* and *z* became two different phonemes. While /s/ occurred in all positions, the occurrence of /z/ was limited to the intervocalic and word-final positions. The limited distribution of /z/ has led to this phoneme being used intervocalically and word-finally as an optional allophone of /s/. The optional character and, consequently, phonological weakness of [z] resulted in the disappearance of the allophonic variation, with [s] having been generalised. This is seen in Gothic. In West-Germanic and Scandinavian languages the development was different because here /z/ was subject to rhotacism. The result was the emergence of a new phoneme /R/. It had the same restrictions in the distribution as /z/, i.e. it was possible intervocalically, word-finally, and before \ddot{o} , *n*, whereas the old phoneme /r/ occurred in all positions. The articulatory proximity between /r/ and /R/ accompanied by the limited distribution of /R/ led to /r/ and /R/ becoming allophones, with /R/ repeating the fate of /z/, because at a certain stage it came to be an optional allophone of /r/. This allophonic variation was also eliminated. However, different languages generalised different varieties of the articulation of /r/. For example, Faroese and English

¹⁰ An interesting case in connection with this is the word *kiolmt* f. 'measure for dry goods, e.g. grain' in the dialect of Runö (Vendell 1882–87: 105). It is borrowed from Est. *külimit*, dial. *külimet* (Lagman 1971: 64; cf. Saxén 1895–1897: 159). As Elis Ahlberg suggests (personal communication), it was probably borrowed after the change $y > \ddot{o}$ before the thick *l* and therefore did not take part in this change. However, it took part in the change $\bar{y}/\bar{i} > j\ddot{u}$, but with a slightly different outcome (the difference is due to the fact that the vowel was originally short), hence the supposed development *külimit* > **kīlmit* > **kjołmit* > *kjołmt*.

have generalised the pronunciation as an approximant which may go back to /R/, while Icelandic, Norwegian and Swedish have the trilled articulation which was characteristic of /r/. The emergence of two allophones of /r/, viz. [r] and [R], had one more consequence for the system of consonants. Under the influence of [r] ~ [R] the phoneme /l/ also split into two allophones, i.e. the one occurring word-initially, in gemination and in combination with *t*, *d*, and the one occurring intervocalically and word-finally. The first allophone was in all likelihood a dental [l]. We do not know how the second allophone was initially pronounced, but eventually it gave the retroflex flap in Scandinavian dialects. The velarised *l*, typical of English, may also go back to the second allophone of the old /l/. Its original quality could therefore be due to the backward position of the tongue.

References

- Andersson, T. 2016: Dateringen av supradentalerna rn, rs, rt i Sverige. *Namn och bygd*, 5–49.
- Brugmann, K. 1906: *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, II.1. 2 ed. Strassburg.
- Danell, G. 1905–34: *Nuckömålet*. Stockholm.
- Danell, G. 1951: *Ordbok över Nuckömålet*. Uppsala; Copenhagen.
- Eriksson, M. 1961: Svensk ljudskrift 1878–1960. *Svenska landsmål och svenskt folkliv*.
- Franzen, G. 1959: *Runö ortnamn*. Uppsala; Copenhagen.
- Freudenthal, A., Vendell, H. 1886: *Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna*. Helsinki.
- Fridell, S. 2017: Supradentalernas datering. In: Östman, J.-O. et al. (eds). *Ideologi, identitet, intervention*. Helsinki, 161–169.
- Hultman, O. 1894: *De östsvenska dialekterna*. Helsinki.
- Hultman, O. 1908: *Hälsingelagen och Upplandslagen Ärfdabalk i Cod. Ups. B49. Språkhistorisk undersökning jämte tvänne exkurser*. Helsinki.
- Hultman, O. 1939: *Efterlämnade skrifter*, II. Helsinki.
- IEW — Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bern; Munich.
- Jansson, V. 1942: Om de östsvenska dialekternas ställning. *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 47–71.
- Karlgren, A. 1953: *Gammalsvenskby. Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet*. Stockholm.
- Kluge, F. 1926: *Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte*. 3 ed. Halle.

- Kock, A. 1893: Behandlingen av fornsvenskt kort y-ljud och supradentalers invärkan på vokalisationen. *Arkiv för nordisk filologi*, 50–85, 235–268.
- Krahe, H., Meid, W. 1967: *Germanische Sprachwissenschaft, III. Wortbildungslehre*. Berlin.
- Kroonen G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston.
- Kuzmenko, J. 1995: Det tjocka l-ets historia i nordiska språk. In: Åström, P. (ed.) *Studier i svensk språkhistoria*, 4. Stockholm, 119–127.
- Lagman, H. 1971: *Svensk-estnisk språkkontakt*. Stockholm.
- Mankov, A. 2019: The Dialect of Gammalsvenskby: an Outline of its Phonology. *Svenska landsmål och svenskt folkliv*. Vol. 142, 67–105.
- Olson, E. 1916: *De appellativa substantivens bildning i fornsvenskan*. Lund.
- Pipping, H. 1914: Till frågan om l- och n-ljudens kvalitet i de nordiska språken. *Studier in nordisk filologi*. Vol. 7.
- Pöhl, 1944: *Typord för undersökning av de svenska folkmålen (2:a uppl.)*. *Estland, Lilla Rågö. Undersökningen gjord år 1944 av Rain Pöhl*. Manuscript kept at the Institute for Language and Folklore (ISOF), Uppsala, Sweden, folder 17102.
- Ronge, H. 1993: Kakuminalt l — ålder och ursprung. In: Wollin, L. (ed.). *Studier i svensk språkhistoria*, 3. Uppsala, 193–201.
- SAOB — *Svenska Akademiens ordbok över svenska språket*, I–. Lund, 1898– (<https://www.saob.se/>).
- Saxén, R. 1895, 1897: Finska lånord i östsvenska dialekter. *Svenska landsmål och svenskt folkliv*.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1965: Om alveolarer og kakuminaler i norsk og svensk. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. Vol. XX, 18–27.
- Tamm, F. 1877: *Om fornnordiska feminina afleda på ti och på ipa*. Uppsala.
- Tamm, F. 1887: *Fonetiska kännetecken på lånord i nysvenska riksspråket*. Uppsala.
- Tiberg, N. 1940: Rågösvenskan. In: Söderbäck, P. (ed.). *Rågöborna*. Stockholm, 327–356.
- Vendell, H. 1882–87: *Runömålet*. Stockholm.
- Vendell, H. 1904–1907: *Ordbok över de östsvenska dialekterna*. Helsinki.
- Wessén, E. 1965: *Svensk språkhistoria*, I. Stockholm.
- Wessman, V. E. V. 1936: *De finlandssvenska dialekternas labiala vokaler*, I. Helsinki.

И. В. Матыцина
МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. imatits@gmail.com

ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ИХ МЕСТО В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Одной из наиболее узнаваемых особенностей шведского языка официально-делового общения является широкое употребление отглагольных существительных для обозначения действий, процессов и результатов действий. Наиболее часто используются модели с суффиксами *-(n)ing* и *-ande/-ende*. Эти две модели различаются и значением, и употреблением:

1) Если суффикс *-(n)ing* имеет выборочную сочетаемость с глагольными основами, то суффикс *-ande/-ende* характеризуется практически неограниченной продуктивностью.

2) Если слова, образованные при помощи суффикса *-(n)ing*, могут быть по значению как конкретными, так и абстрактными, то подавляющее большинство существительных с суффиксом *-ande/-ende* имеет абстрактную семантику и несет на себе отчетливый отпечаток канцелярского языка. Это делает такие слова объектом пристального внимания со стороны лингвистов, по мнению которых употребление конструкций с девербативами требует нормирования и должно быть ограничено теми контекстами, где они передают значения, которые не могут быть переданы иначе — при помощи придаточных предложений или инфинитивных конструкций без значительного удлинения фразы или искажения смысла.

Ключевые слова: шведский язык, стилистика, словообразование, язык официально-делового общения.

I. V. Matitsina
Lomonosov Moscow State University. Russia. imatits@gmail.com

Attributive-Nominal Word Groups and Their Significance in Swedish for Official and Business Communication

One of the most typical features of Swedish for official and business communication is numerous deverbatives that are used to denote actions, their results and processes. Models with suffixes *-(n)ing* and *-ande/-ende* are extremely frequent. Both differ in meaning and use:

1) Suffix *-(n)ing* collocates with definite verb stems, whereas suffix *-ande/-ende* is characterized by nearly unlimited productivity;

2) While words formed with suffix *-(n)ing* can have both abstract and concrete meaning, the absolute majority of nouns with suffix *-ande/-ende* are abstract and definitely mark *officialese* — this is what makes such words so attractive for linguists who consider it is necessary to normalize the use of deverbative constructions that should be limited by those cases in which they convey the meaning that has no variety of expression — by means of subordinate clauses or infinitive constructions — without considerable phrase lengthening or semantic change.

Keywords: the Swedish Language, stylistics, word formation, language of official and business communication.

Одной из наиболее ярких особенностей официально-делового языка является количественное преобладание субстантивных конструкций над вербальными и использование различных именных сочетаний клишированного характера. Шведские лингвисты называют это явление «**субстантивная болезнь**» (*substantivsjuka*), то есть злоупотребление именами существительными.

В руководстве по составлению текстов официально-делового стиля Б. Мольде и М. Вестман (Molde, Westman 1975) приводят примеры из документов, которые не соответствуют требованиям «политики доступного языка» (*klarspråk*¹). В приведенном ниже отрывке из правил дорожного движения существительные обильно употребляются в составе предложно-субстантивных «цепочек» в сочетании с «юридическими» местоимениями (*ifrågavarande, sistnämnda*), что, по мнению авторов руководства, сильно осложняет восприятие текста:

Ifrågavarande omkörningsförbud omfattar en sträcka av 1 800 meter och börjar resp. slutar vid samma punkter för de olika trafikriktningarna. På grund av sistnämnda förhållande synes sträckan för omkörningsförbudet ha blivit betydligt längre än vad som ur trafiksäkerhetssynpunkt kan anses erforderligt. Med hänsyn härtill bör en minskning ske av förbudssträckans längd, vilken för varje färdriktning bör göras så kort som möjligt. Härvid bör principerna för utfärdade föreskrifter för anbringande av spärllinje vinna tillämpning. «Вышеозначенный запрет на обгон распространяется на расстояние в 1 800 м, и его начальная/конечная точки совпадают для обоих направлений движения. По указанной причине участок дороги с запретом на обгон

¹ Политика «доступного языка» реализуется в Швеции со второй половины XX века и имеет своей основной целью нормирование, регулирование и упрощение языка официально-делового общения.

значительно превышает нормы, определенные правилами дорожной безопасности. В связи с этим необходимо **сокращение зоны запрета на обгон** до минимально возможных для каждой полосы движения размеров. При этом следует руководствоваться **принципами имеющихся предписаний по использованию сплошной линии [на автомагистралях]**».

Как видно из приведенного примера, многие существительные, употребляющиеся в документах, являются девербативами, образованными при помощи суффиксов *-(n)ing*, *-else*, *-eri*, *-an*, *-nad* и *-ande/-ende*². За исключением моделей с суффиксами *-ande/ -ende* и *-(n)ing*, все остальные в настоящее время являются малопродуктивными³. Суффиксы *-(n)ing* и *-ande/-ende* нередко рассматриваются вместе в разделах работ, посвященных отглагольным существительным, однако, в их семантике и употреблении есть разница.

Б. Луман насчитал пять основных групп отглагольных существительных с суффиксом *-(n)ing*:

- *nomina agentis* (субъект действия: *ledning*, *hägring*),
- *nomina acti* (результат или продукт действия: *röjning*, *byggning*, *skrivning*),
- *nomina instrumenti* (инструмент или средство для осуществления действия: *betalning*, *färgsättning*),
- *nomina loci* (место действия: *inlämning*, *parkering*),
- *nomina temporis* (время действия: *gryning*)⁴.

При помощи этого суффикса образуются как абстрактные, так и конкретные существительные от основ глаголов, обозначающих активное целенаправленное действие, поэтому, например, от глаголов *hata* (ненавидеть), *snöa* (идти (о снеге)), *inhålla* (содержать) не могут быть образованы существительные **hatning*, **snöning* och **inhållning* (Holmer 2022: 26). Кроме того, суффикс *-(n)ing* не может присоединяться к основам некоторых возвратных и отложительных глаголов (*bemödaisig*, *förbarmasig*, *misslyckas*), инхоативных глаголов

² Суффикс *-ande/-ende* является омонимом суффикса причастий настоящего времени (Svenska akademiens grammatik 2010: 34, 39).

³ По поводу суффикса *-eri* мнения лингвистов расходятся. Академическая грамматика шведского языка относит его к числу продуктивных, а, например, Г. Юсефсон считает его малопродуктивным и отмечает, что немногочисленные новые слова с этим суффиксом часто имеют негативные коннотации (Josefsson 2005: 124).

⁴ Holmer 2022: 71.

(*slockna, somna, sjukna* и др.), глаголов на *-iga* (*berättiga, fullständiga, immundiga* и под.) и глаголов на *-ja* (*nyttja, vittja, bedja* и др.) (Holmer 2022: 28).

Что же касается суффикса *-ande/-ende*, то он характеризуется почти неограниченной продуктивностью: теоретически при помощи него можно образовать существительное от любого глагола. Вероятно, причина в том, что данный суффикс омонимичен суффиксу причастий настоящего времени (Svenska akademiens grammatik 2010: 34, 39) и так же сочетается с основами глаголов разных классов. Суффикс *-ande* присоединяется к основам подавляющего большинства слабых и сильных глаголов (*byggande* < *bygga*, *frågande* < *fråga*, *skrivande* < *skriva*), при этом у ряда сильных глаголов, например, таких как *bli* и *dra* он присоединяется к основе полной формы (ср. *blivande* < *bli(va)*, *dragande* < *dra(ga)*). Суффикс *-ende* присоединяется к основе глаголов третьего класса, односложных, с долгим корневым гласным: *boende* < *bo*, *gående* < *gå*. Но этот суффикс малопродуктивен, так как в современном языке новые глаголы обычно пополняют первый класс, который является индуцирующим (Holmer 2022: 25). Не образуются существительные с суффиксом *-ande* от депонентных, возвратных, вспомогательных глаголов, а также от тех, которые употребляются исключительно в разговорной речи (Holmer 2022:31), поскольку девербативы с суффиксом *-ande* имеют ярко выраженный налет книжности. Как отмечает У. Турель, большинство таких лексем имеет абстрактную семантику, именно поэтому они «несут на себе более отчетливый отпечаток канцелярского языка, чем слова с суффиксом *-(n)ing*» (Thorell 1981: 97).

Интересно, что в 1900 г. из 7-ого издания Словника Шведской Академии (SAOL:7) многочисленные слова с суффиксом *-ande/-ende* были исключены, как не представляющие интереса для лексикографии: с точки зрения авторов словаря, такие лексемы в большинстве случаев обозначают опредмеченное действие и сближаются по значению с инфинитивом соответствующего глагола (ср. *ett skrivande* — писание и *att skriva* — писать, *ett väsende* — шипение и *att väsa* — шипеть) (Holmer 2022:1). Однако, в действительности ситуация не столь однозначна: в зависимости от акциональности исходного глагола, и, прежде всего, от того, является он предельным или непредельным, образованные от него существительные могут иметь значение не только действия, но и результата действия: *ett meddelande* (сообщение), *ett anförande* (выступление) и *ett*

yttrande (выражение). Причем у целого ряда слов именно результативное значение стало основным, а значение действия отошло на второй план.

Варьируя суффиксы *-(n)ing* и *-ande/-ende*, от одной и той же основы глагола можно образовать лексемы со значением длительного или однократного действия: в первом случае будет использован суффикс *-ande/-ende* (*ett vissslande som pågick hela natten* — свист раздавался всю ночь (=всю ночь свистели)), во втором — суффикс *-(n)ing* (*det hördes en vissling* — раздался свист).

У. Турель (Thorell 1981: 97) предлагает следующие правила дистрибуции суффиксов *-(n)ing* и *-ande/-ende*:

А) для непереходных глаголов модель с суффиксом *-(n)ing* используется при обозначении однократного действия, а модель с суффиксом *-ande/-ende* для обозначения повторяющегося или продолжительного действия;

Б) для переходных глаголов модель с суффиксом *-(n)ing* используется с более конкретным, модель с суффиксом *-ande* — с более абстрактным значением (ср. *utrotande av fördomar* «искоренение предрассудков» — *utrotning av skadeinsekter* «уничтожение вредных насекомых»).

Рассматриваемые модели появились достаточно поздно — их не было в древнем языке, свободном от заимствований и отражающем условия жизни в традиционном крестьянском обществе. Позднее, с усилением влияния нижненемецкого языка, такие существительные стали весьма многочисленными, а модели — продуктивными. Очень частотными были в нижненемецком суффиксы *-ing* и *-nisse* (*betaling, rekning, vengnisse, schickennisse, bedrövenisse*). Первый из них был заимствован шведским вместе со словами, в состав которых он входил, в форме *-ning* (*betalning, räkning, skildring, vandring*), второй не прижился и был замещен суффиксом *-else* (ди. *-elsi* < контаминация снн. *-nisse* и скандинавского суффикса *-sl*): так, средне-нижнемецкое *vengnisse* превратилось в шв. *fängelse*, ср. ди. *Fangelsi* (Steblyn-Kamenskij 2002: 167).

Абстрактные отглагольные существительные с суффиксом *-ande* также стали образовываться в шведском языке в Средние века под влиянием нижненемецкого. Нижнемецкие слова на *-en* (генитив *-endes*, дат.п. *-ende*) в шведском имели два пути развития. Часть из них начала изменяться по типу древнескандинавской модели на *-an*, которая тем самым получила «второе дыхание» (*anropan, begäran, förmodan*), другие приобрели

суффикс *-ande* (*ätande, drickande, ropande, suckande, byggande*), в результате чего совпали по форме с причастиями I (Wessen 1970: 22). Э. Вессен (Wessen 1958: 121) считает одним из первых письменно зафиксированных примеров слово *tröstande* (утешение), встречающееся в записи Откровений святой Биргитты (80-е годы XV века). Некоторые специалисты по истории шведского языка возводят данную форму к латинскому герундию (Beckman 1964: 134), а Ф. Тамм в 1878 г. указывал на наличие связи между этой моделью и немецкими субстантивированными причастиями I с суффиксом *-ent* (Holmer 2022: 34). Вессен считает эту модель типично шведской языковой инновацией и пишет о том, что в датском и норвежском языках существительные с суффиксом *-ende* не являются столь частотными (Wessen 1970: 22). Что же касается древнеисландского языка, то там были субстантивированные причастия I, которые, как отмечает М. И. Стеблин-Каменский, выступали как юридические термины для обозначения деятеля (*dømandi* ‘судья’, *søkjandi* ‘истец, *verjandi* ‘ответчик’) (Steblyn-Kamenskij 2002: 167) и не использовались для называния отвлеченных явлений и понятий. В современном шведском языке в отличие от субстантивированных причастий со значением деятеля (*en studerande* — учащийся, общий род, артикль *en*), абстрактные существительные с суффиксом *-ande* называют процессы и состояния и принадлежат к среднему роду (артикль *-ett*). Отношение к таким существительным у нормализаторов языка достаточно негативное и может быть выражено кратко цитатой из монографии выдающегося ученого и нормализатора шведского языка Э. Велландера: «У нас слишком много слов на *-ande* (Wellander 1955: 597). И далее: «Поэзия не приемлет абстрактности, поэтому отглагольные существительные на *-ande/-ende* встречаются в стихах реже, чем в прозе. Но и прозаики их тоже избегают из-за тяжеловесности и канцелярского привкуса» (там же). Признавая, что в ограниченном количестве девербативы позволяют представить действие/процесс компактно и делают текст более лаконичным, Э. Велландер отмечает, что от скопления слов с суффиксами *-ande* и *-(n)ing* написанное «каменеет», теряет «дыхание» (Wellander 1939: 272). В качестве типичной для канцелярита конструкции он приводит предложение *Verkstället av höbärningen äger rum* (*Имеет место реализация уборки сена, ср. разг. *Di bärgar höt*— Они убирают сено) (Wellander 1939: 266). В другой работе Велландер (Wellander 1950) приводит примеры из полицейских

протоколов: *avvikande från olycksplats* (оставление места происшествия), *otillbörligt verkande vid val* (использование недозволенных методов ведения выборной кампании), *olovligt anordnande av vadhållning i samband med kapplöpning eller annan tävlan* (прием незаконных ставок при проведении скачек и других соревнований). Эти формулировки, по мнению ученого, следует упростить: *smitning* (побег), *valfusk* (мошенничество при проведении выборов), *tipping* (развод на ставках).

Не только Э. Велландер, но и другие лингвисты пытались регулировать употребление существительных с суффиксом *-ande* с целью разумного сокращения их количества и определения тех контекстов, где они были бы уместны. В 1936 г. К. Ларссон (цит. по Holmér 2022: 70) рассматривает разные виды конструкций с такими словами и приходит к выводу, что наилучшей, со стилистической точки зрения, позицией для них является употребление в определенной форме без зависимых слов (*utförandet tog lång tid* — исполнение заняло долгое время). Форму генитива от существительных с суффиксом *-ande*, по мнению Ларссона, лучше не употреблять, такие конструкции надо заменять инфинитивными: *behaget att äga en sportstuga* (вм. *sportstugeägandets behag*). То же можно сказать и о предложных словосочетаниях, в состав которых входят девербативы с суффиксом *-ande* (вм. *riskan för sammanstörtande var stor* — риск обрушения был велик — *riskan att (något) skulle sammanstörta var stor*). Далее Ларссон рассматривает случаи, когда существительные с суффиксом *-ande* имеют зависимые слова, и отмечает, что наиболее частотными являются конструкции, в которых перед существительным с суффиксом *-ande* стоит определение, выраженное прилагательным: *ett snabbt avgörande erfordras* — требуется быстрое решение. Такие сочетания, а также те, где перед девербативом стоит притяжательное местоимение или генитивный атрибут, вполне допустимы и могут использоваться даже строгими стилистами: *hans insjuknande var ett svårt avbräck* — его болезнь стала серьезным ударом (для...), *bokens genomläsande tog lång tid* — прочтение книги заняло долгое время. Менее желательны конструкции, в которых зависимый компонент представлен субстантивным сочетанием с предлогом *av* (*Skrivande av dramer är en svår konst* «Написание пьес — это сложное искусство»). К категории совсем нежелательных Ларссон относит случаи, когда существительное с суффиксом *-ande* имеет несогласованное постпозитивное определение, выраженное инфинитивным

оборотом (*strävandet att uppnå målet* — стремление достичь цели).

По мнению К. Ларссона, суффикс *-ande* может выполнять различные функции: 1) служить показателем абстрактности значения слова (*skrivandets konst* — искусство сочинительства, в отличие от *konsten att skriva* — искусство (=умение) писать и *skrivkonst* — навыки письма) — эту функцию Ларссон считает наиболее важной для данного суффикса; 2) быть показателем степени интенсивности действия, передавать его длительность/однократность (*plaskandet och skrikandet* — плескание и крики; ср. *plasket och skriket* — всплеск и вскрик); 3) выступать показателем результативности (*stadgande, anförande, antagande*) — такие слова с конкретным значением, по мнению исследователя, должны быть заменены более благозвучными синонимами и, если не запрещены, то, по крайней мере, ограничены в употреблении (Holmer 2022: 70)⁵.

Изучив использование отглагольных существительных в научных и официально-деловых текстах по экономике, медицине и технике от 1700 до 1985 г., Х. Нэслунд (Näslund 2002: 177) приходит к выводу, что количество отглагольных образований с суффиксом *-ande* и *-ende* снижается с началом реализации «политики доступного языка» в связи с тем, что они становятся предметом критики со стороны лингвистов, в частности, Э. Веландера (Näslund 2002: 177). Пик использования таких слов приходится на 1935–1945 г. г., потом их количество начинает уменьшаться, прежде всего, за счет более активного использования существительных с суффиксом *-(n)ing* (Näslund 2002: 183). Нэслунд считает это результатом усиления процессов специализации и ужесточения требований к профессионализму и эффективности пишущего (Näslund 2002: 182), поскольку, как указывалось выше, суффикс *-(n)ing* воспринимается как более конкретный и не вызывает ассоциаций с канцеляритом.

Интересно наблюдение Л. Хольмер (Holmer 2022: 37), которая, сравнив между собой разные издания монографии

⁵Есть, однако, данные о том, что при переводе научных и научно-популярных текстов с английского на скандинавские языки при обозначении процесса и действия чаще используются предикативные конструкции, а при обозначении результата действия нередко случаи использования отглагольных существительных рассматриваемого типа (Nordrum 2007).

Э. Велландера «Riktig svenska», делает вывод о том, что в 70-е годы XX в. (то есть спустя примерно 10–15 лет после начала реализации «политики доступного языка») этот выдающийся шведский лингвист стал уделять гораздо меньше внимания борьбе с отглагольными существительными и даже признал, что заклеименная им в 30-е годы «субстантивная болезнь» уже не представляет большой опасности для официально-делового стиля. Опираясь на свидетельство Нэслунда, Хольмер объясняет это тем, что в последней трети XX века употребление таких слов значительно сократилось, хотя, действительно, представляло реальную проблему для языка в 1930-е годы (Holmer 2022: 38).

В настоящее время, по данным шведских исследователей, количество отглагольных существительных в официально-деловых текстах составляет около 25% от общего количества существительных (Nordman 1992; Kiiski 2013: 41). Нередко они используются в составе «расщепленного сказуемого» в сочетании с глаголами стертой семантики *göra* (делать), *utföra* (выполнять), *verkställa* (реализовывать), *åstadkomma* (осуществлять), *innebära* (означать) и под. (Kiiski 2013: 36): *Selma Lagerlöf gjorde sitt framträdande som författarinna...* «Сельма Лагерлёф начала свою деятельность в качестве писателя...» (Holmer 2022: 68). Такие случаи лингвисты считают типичным проявлением «субстантивной болезни» и предлагают использовать отглагольные существительные только тогда, когда они передают значения, которые не могут быть переданы иначе без значительного удлинения фразы или искажения смысла. «Поскольку злоупотребление отглагольными существительными придает тексту бюрократический характер, и одновременно делает формулировки расплывчатыми, их использование в современном языке законов и документов должно быть ограничено» (Svenskt lagspråk 2017).

Несмотря на то, что переизбыток абстрактных отглагольных существительных и именных групп в текстах официально-делового стиля шведские эксперты считают нежелательным, умеренное использование таких лексем и конструкций позволяет экономить место и языковые ресурсы, поскольку они могут заменить собой целое предложение, например, вместо: *Man vågar emellertid icke tro att den omständigheten att avtalet nu har undertecknats, betyder ett avgörande steg mot bättre relationer* (букв. *Трудно поверить, что факт того, что договор подписан, является решающим шагом к улучшению отношений) с

успехом используется сочетание с девербативом *Man vågar emellertid icke tro att avtalets undertecknande betyder ett avgörande steg mot bättre relationer* (Трудно поверить, что факт подписания договора является решающим шагом к улучшению отношений) (Kiiski 2013: 37).

Есть также в структуре документа позиции, в которых употребление девербативов желательно. Это заголовки и рубрики, где формы на *-ande* выступают в безартиклевой форме: *Utlämnande av uppgifter* (Svenskt lagspråk 2017: 75). Использование отглагольных существительных позволяет избежать указания на модус и время совершения действия, а также на того, кто его совершил и на кого/что оно было направлено, тем самым утверждению придается более обобщенный и авторитетный характер: *Visst förekom det punschdrickande, men något utbrett spritmissbruk kan jag inte minnas från min tid i Uppsala* (Да, конечно, распитие пунша имело место, но пьянства в мое время в Упсале я не припоминаю) (Karlgrén 1971: 11 цит. по Holmér 2022:36). Таким образом, употребление девербативов в текстах официально-делового стиля нередко объясняется стремлением пишущего повысить точность формулировок и весомость сказанного за счет использования терминов и элиминирования некоторых грамматических категорий глагола.

Литература

- Beckman, N. 1964: *Svensk språklära*. 5 upplagan. Stockholm: Bonniers.
- Holmér, L. 2022: *Neutrala substantiv på -ande i text och ordbok*. Göteborgs universitet: BrandFactory, [Электронный ресурс] URL: <https://gupea.ub.gu.se/bitstream/handle/2077/72009/Inlaga-Holmer-2022.pdf?sequence=2> (accessed: 19.04.2023)
- Josefsson, G. 2005: *Ord*. Lund: Studentlitteratur.
- Kiiski S. K. 2013: *Svenskt juridiskt språk*. Östra Finlands universitet, [Электронный ресурс] URL: <https://docplayer.se/7222805-Svenskt-juridiskt-sprak-en-studie-av-ordfrekvenser-i-direktivet-om-fri-rorlighet-for-personer-inom-eu-med-kvalitativa-iakttagelser.html> (accessed: 24.04.2023)
- Molde B., Westman M. 1975: *Offentlig svenska — en textbok*, Skrifter utgivna av Svenska språknämnden 54, Esselte Studium: Stockholm [Электронный ресурс] <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1179517/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 12.04.2023)
- Nordman, M. 1992: *Svenskt fackspråk*. Lund: Studentlitteratur.
- Nordrum L. 2007: *English lexical nominalizations in a Norwegian-Swedish contrastive perspective*, Göteborgs universitet, Humaniora,

- [Электронный ресурс] URL: <https://www.forskning.se/2007/12/10/substantivsjuka-i-norska-och-svenska/#> (accessed: 19.04.2023).
- Steblin-Kamenskij, M. I. 2002: *Drevneislandskij yazyk, izd. 2 ispr.* [The Old Icelandic Language] Moscow: Editorial URSS. Стеблин-Каменский, М. И. 2002: *Древнеисландский язык*, изд. 2-е испр., Москва: Едиториал УРСС.
- Svenska akademiens grammatik.* 2010. vol. 2, Ulf Teleman, Staffan Hellberg, Erik Andersson; under medverkan av Lisa Christensen. Stockholm: Svenska akademien.
- Svenskt lagspråk i Finland.* 2017. Utarbetat av statsrådets svenska språknämnd. Helsingfors: Statsrådets kansli [Электронный ресурс] URL: <https://vnk.fi/documents/10616/3457865/Svenskt+lagspråk+2017> (accessed: 19.04.2023).
- Thorell, O. 1981: *Svensk ordbildningslära.* Stockholm: Esselte Studium.
- Wellander, E. 1939: *Riktig svenska: en handledning i svenska språkets vård.* Stockholm: Norstedt.
- Wellander, E. 1950: *Kommittésvenska — en undersökning och ett försök till riktlinjer.* Bilaga till trycksakskommitténs betänkande. In: SOU 1950:26. Stockholm: Idun. [Электронный ресурс]. URL: <http://regina.kb.se/sou/> (accessed: 20.06.2019).
- Wellander, E. 1955: *Riktig svenska.* 3 uppl. Stockholm: Norstedts.
- Wessén, E. 1958: *Svensk språkhistoria II. Ordbildning.* Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Wessén, E. 1970: Om det tyska inflytandet på svenskt språk under medeltiden; Skrifter utgivna av Nämnden för svensk sprakvård, 12, Stockholm: Norstedt & Söner.

МИФ И ИСТОРИЯ В «САГАХ О БРИТТАХ»

Изучение семантики и функции интерполяций в краткой редакции «Саг о бриттах» (Книга Хаука, АМ 544 4то) позволяет определить цели, которые ставил перед собой создатель исландской саги, трансформируя латинский текст Гальфрида Монмутского. Функция наиболее пространной интерполяции (поэмы «Пророчество Мерлина») состоит в изложении британских легенд при помощи поэтических тем, традиционных для скандинавской профетической поэзии (междоусобные распри, вражда сородичей, гибель всего живого), и средств (эддический размер форнюрдислаг, скальдический квидухатт, скальдический синтаксис с переплетением предложений и скальдическая фразеология: кеннинги и хейти). Интерполяция об Освальде Святом представляет собой связующее звено между рассказами о мифологических правителях Британии, в частности, о короле Артуре, и о норгумбрийских предводителях, дающих образец христианского поведения. Характерные черты стиля интерполяции об Освальде Святом — результат сознательной стилизации по образцу саг об исландцах с их простым синтаксисом, обиходной лексикой и прозаизмами. Интерполяция списка правителей Британии, заключающаяся упоминанием уэссекского короля Этельстана и его воспитанника Хакона (будущего короля Норвегии Хакона Доброго), сына Харальда Прекрасноволосого, была призвана наметить генеалогическую связь между британскими и норвежскими династиями. В идеологических целях мог использоваться этиологический миф о происхождении правителей Британии от троянцев в начальной интерполяции, основанной на «Энеиде» и «Героидах». Интерполяция рассказа об Энее и его потомках способствовала соотнесению с «Сагой о троянцах», включенной в те же рукописи (АМ 544 4то и АМ 573 4то), и представлению повествования в обеих сагах как последовательного изложения всемирной истории. Рецепция повествования о легендарных королях Гальфрида Монмутского и мифа о чужеземном происхождении в исландских «Сагах о бриттах» позволяла установить культурные связи между историческим прошлым Исландии и мифологическим прошлым европейских народов, представляя их в единой хронологической последовательности.

Ключевые слова: Саги о бриттах, Книга Хаука, Прорицание Мерлина, Прорицание вёльвы, История королей Британии, Гальфрид Монмутский, Старшая Эдда, поэзия скальдов, саги об исландцах, Святой Освальд, троянский миф, король Артур, Мерлин.

Inna Matyushina

E. M. Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

I.Matyushina@exeter.ac.uk

Myth and History in *Breta sǫgur*

The article, which is devoted to the study of the semantics and functions of the interpolations in the short version of *Breta sǫgur* (in *Hauksbók*, AM 544 4to), is aimed at shedding light on the intentions and creative input of the translator of the Icelandic saga into the Latin text of Geoffrey of Monmouth. The article argues that the most semantically important is the interpolation of *Merlinusspá*, whose function is not only to narrate war and conflict but also to present British legends with the help of traditional Old Norse themes (feuds, the enmity of kinsmen, the death of all living things) and poetic means (Eddaic meter *fornyrðislag*, skaldic *kviðuháttir*, skaldic syntax with interwoven sentences and skaldic phraseology: kennings and heiti). The interpolation concerning Saint Oswald can be interpreted as a link between the mythological rulers of Britain, particularly King Arthur, and the Northumbrian leaders, who provide a model of Christian behaviour and achieve sanctity. The characteristic features of the style of the Saint Oswald interpolation appear as a result of conscious stylisation, following the pattern of the Icelandic sagas with their simple syntactic structures and prosaic vocabulary. Similar functions of forming links between Scandinavian and British history can be singled out in the interpolation of the list of British rulers, consisting of the Wessex king Æthelstan and his foster-son Hakon, the son of Haraldr hárfagri, whose numerous offspring became heroes of Icelandic sagas. The interpolation of the narrative about Aeneas and his descendants allows the creator of *Breta sǫgur* to establish a connection with the *Trójumanna saga*, included in the same manuscripts (AM 544 4to and AM 573 4to) and to present both sagas as a consistent narrative of world history. In this interpolation, based on the *Aeneid* and the *Heroides*, the aetiological myth about the origin of the rulers of Britain from the Trojans could also have been used for ideological purposes: the version of *Breta sǫgur* in *Hauksbók* was intended to secure for Iceland and Britain (whose inhabitants considered themselves descendants of Brutus, an offspring of Aeneas) the same Trojan origin as for the citizens of the Roman Empire. The correlation of the Trojan myth with British and Scandinavian history, and the dynasty of the rulers of Norway with the legendary and historical Anglo-Saxon kings in *Breta sǫgur*, was aimed at including the Old Norse world into universal history dating back to Antiquity. The reception of the legendary narrative of Geoffrey of Monmouth in the Icelandic *Breta sǫgur* made it possible to establish cultural links between the Old Norse historical

past and the European mythological past, presenting mythology and history in a single chronological sequence.

Keywords: Breta sǫgur, Hauksbók, Merlinusspá, Völuspá, Prophetiae Merlini, Historia Regum Britanniae, the Poetic Edda, Skaldic poetry, íslendingasǫgur, Geoffrey of Monmouth, Saint Oswald, the Trojan myth, King Arthur, Merlin.

«Саги о бриттах» (Breta sǫgur), основанные на «Истории королей Британии» (Historia Regum Britanniae, ок. 1136 г.) Гальфрида Монмутского, датируются концом XII – началом XIII вв. и считаются первыми сохранившимися произведениями артуровского цикла в Скандинавии¹. «Саги о бриттах» дошли до нашего времени в двух редакциях: пространной (в рукописях AM 573 4to, 1330–1370 гг., и Stock. Papp. fol. no. 58, копии XVII в. с утраченной «Книги Орма Сноррасона», Ormsbók, XIV в.) и краткой в Книге Хаука (Hauksbók, AM 544 4to, 1302–1310 гг.), составленной исландским законоговорителем Хауком Эрлендссоном² и включающей историографические и поэтические тексты³. Книга Хаука пострадала от времени и попыток реставрации в XV в., что делает понимание некоторых фрагментов текста затруднительным. Пространная редакция тоже сохранилась не полностью: в Стокгольмской рукописи (Stock. Papp. fol. no. 58) текст обрывается на середине, что соответствует кн. V в «Истории» Гальфрида. В рукописи AM 573 есть несколько лакун, а окончание «Саг о бриттах» содержит «Прядь о Вальвене» (Гавейне), следующую за рассказом о смерти короля Артура (ср. кн. XI в «Истории» Гальфрида). Фрагмент саги, местами не поддающийся прочтению, но излагающий сюжет подробнее, чем другие источники, включен в исландскую рукопись, найденную в 1968 г. в Дублине и до сих пор неопубликованную. Плохая сохранность рукописей саги делает невозможным ни их систематическое сравнение, ни полноценное исследование их соотношения с латинским оригиналом. Можно заметить, однако, что композиция «Саг о бриттах» следует за

¹ О датировке «Саг о бриттах» см.: Rikhardsdottir, Eriksen 2013: 3–28; Gropper 2015: 48; о датировке «Прорицания Мерлина» см. Leach 1911: 607–610; Eysteinnsson 1953–55: 95–112; Hamel 1936: 197–24, Rafnsson 1999: 377–419.

² Предполагалось, что большая часть текстов в рукописи Книги Хаука написана самим законоговорителем Хауком Эрлендссоном между 1302–1310 гг. (Sverrir Jakobsson 2007: 22–38).

³ О составе и датировке Книги Хаука см.: Rowe 2008: 51–76.

«Историей» Гальфрида, повествуя о легендарных и исторических правителях Британии от Брута, потомка Энея, до последнего предводителя бриттов Кэдвалла, побежденного саксами в конце VII в. В редакции, сохранившейся в Книге Хаука, создатель саги вводит несколько значимых дополнений, изучению которых посвящена предлагаемая статья. Анализ семантики и функции интерполяций в краткой редакции «Саг о бриттах» позволяет определить авторский вклад и цели, которые ставил перед собой создатель исландской саги, трансформируя латинский текст Гальфрида Монмутского.

Предполагались оба возможных варианта соотношения редакций: пространная версия была сочинена на основе краткой⁴, или, напротив, краткая редакция — это сокращенный вариант пространной версии, появившийся в результате конденсации текста (Kalinke 2015: 8–32). Согласно противоположной точке зрения, краткий вариант саги представляет собой интерлингвальный перевод с латыни на исландский, а пространная версия стала следствием интралингвального перевода, превратившего исландское сочинение в рыцарскую сагу (Groppe 2014: 219–234). Следует обратить внимание на то, что обе версии, весьма вольно передающие содержание латинского текста, существовали одновременно, а потому трудно судить, какая из них ближе к оригинальному переложению Гальфрида на исландский язык.

Краткая редакция «Саг о бриттах», сохранившаяся в Книге Хаука, отличается от пространной функционально, тематически и стилистически. Стиль саги близок к стилю саг об исландцах, характерные черты которого были выделены М. И. Стеблин-Каменским: «преобладание синтаксических структур, максимально простых по построению и элементарно между собой связанных <...> преобладание самых простых, элементарных слов и в то же время большая идиоматичность выражения, обилие стереотипных выражений, обилие указательных и личных местоимений и наречий времени и места» (Steblyn-Kamenskij 1984: 62–63). Особенности стиля саг об исландцах характерны для устной речи, а их прозаизм — следствие того,

⁴ Обсуждение соотношения двух версий саги содержится в: Würth 1998: 58, 2008: 166; Kalinke 2009: 217–230. Калинке считает пространную версию более близкой к первоначальному переводу (Kalinke 2015: 8–32); Гроппер предполагает, что краткая редакция была создана раньше, чем пространная (Groppe 2015: 58).

что они восходят к устной традиции (Stebelin-Kamenskij 1984: 62). Однако «Саги о бриттах» представляют собой переложение письменного текста, следовательно, можно предположить, что характерные черты их стиля — результат сознательной стилизации их создателя, следовавшего образцу саг об исландцах.

В отличие от краткой версии, пространная редакция «Саг о бриттах» (в рукописи АМ 573 и в Книге Орма) стилистически близка рыцарским романам, использующим гиперболы, повторы, восклицания: Nu em ek sarliga suikin oc hormliga gint. Ho ho segir hon mikil oskaup ero vorðin. Sua er sem ek se vorðin banamaðr bonda míns sua agætz. Nonum vnna ek sem likama sialfrar minnar oc sua sem lifi minu «Я была сейчас больно обманута и пагубно предана. Увы, увы, — говорит она, — случилось большое несчастье. Я стала убийцей своего мужа, который был таким замечательным. Его любила я, как саму себя и как свою жизнь»⁵. Многословные описания эмоциональных состояний персонажей, подобные приведенному (со скоплениями синонимов, парными перифрастическими оборотами, повторами междометий), не встречаются в краткой редакции саги в Книге Хаука, предназначенной для просвещения аудитории и беспристрастно излагающей события в хронологической последовательности. В пространной редакции изображения эмоций усложняются и детализируются; сцены рыцарских развлечений, турниров и пиров амплифицируются; приводятся подробные описания яств, напитков, посуды, одеяний, украшений, музыкальных инструментов. Пространная редакция саги призвана развлекать, а не наставлять, она следует традиции рыцарских романов, первые переводы которых появились в Норвегии в эпоху правления короля Хакона Хаконарсона⁶.

Различие в жанровых атрибуциях краткой и пространной редакций саги подтверждается составом рукописей. Книга Хаука включает, помимо краткой версии «Саг о бриттах» и «Саги о троянцах», исландские исторические сочинения, такие как «Книга о Занятии Земли» (Landnámabók) и «Сага о Крещении» (Kristni saga), следовательно, «Саги о бриттах» осмысливаются составителем рукописи как историческое сочинение.

⁵ Предполагалось влияние на пространную версию «Саг о бриттах» «Романа о Бруте» Васа (Kalinke 2015: 16–30).

⁶ Высказывалось предположение о том, что «Саги о бриттах» были созданы вместе с переводами рыцарских романов при дворе норвежского короля Хакона Хаконарсона (Vassianti 2019: 284).

Рукопись АМ 573, содержащая пространную версию «Саг о бриттах», состоит из «Саги о троянцах» и «Пряди о Вальвене» (Гавейне), входящей в состав «Саги о Парсевале» и представляющей собой перевод рыцарской саги. Включающая пространную версию «Саг о бриттах» Книга Орма не сохранилась, однако ее состав реконструируется на основании указателя XVII в.: в нее включены «Сага о троянцах», «Сага об Эреке», «Сага об Ивене», «Сага о Парсевале» (Broberg, 1908, 42–66; Gödel, 1904, 357–374). Книга Орма и рукопись АМ 573 состоят из саг, представляющих собой переложения французских рыцарских романов, следовательно, их составители относили пространную редакцию «Саг о бриттах» к рыцарским романам.

Создатель «Саг о бриттах» в Книге Хаука последовательно сокращает текст Гальфрида, пропуская подробные описания, авторские отступления, параллели с общественным устройством Британии, отрицательные характеристики Скандинавии и ее населения. В кратком варианте саги из Книги Хаука пропущены первые разделы сочинения Гальфрида, включающие посвящения лондонскому архиепископу Вальтеру, пролог, авторские комментарии источников. Вместо географического описания Британских островов, которое предваряет историческое сочинение Гальфрида, следующего традиции Гильдаса, Ненния, Григория Турского и Павла Орозия, создатель саги вводит рассказ о странствиях Энея после окончания Троянской войны, встрече с Дидоной, прибытии в царство Латина и битве с Турном, основанный на «Героидах» Овидия (VII) и «Энеиде» Вергилия (I, III, 1–300, V)⁷. Интерполяция рассказа об Энее и его потомках позволяет создателю исландской саги установить связь с включенной в те же рукописи (АМ 544 4to и АМ 573 4to) «Сагой о троянцах» и представить повествование в обеих сагах как последовательное изложение всемирной истории. В рукописи Книги Хаука (АМ 544 4to) «Сага о троянцах» заканчивается предложением, предваряющим «Саги о бриттах»: *en her eftir hefir sogv fra Enea ok þeim er Bretland bygdv* «и здесь начинается сага об Энее и тех, кто населял (или основал) Британию», в рукописи 573 4to: *Her eftir hefiaz upp Breta sogur fyrst fra Enea oc hans ætt monnum. Turno oc Bruto oc Arturo oc odrum þeim er bygdu Bretland* «здесь начинаются саги о бриттах,

⁷ Об «Энеиде» как одном из источников средневековых памятников, повествующих о Бруте и включающих «Саги о бриттах» см. Tétrel 2010: 490–514.

прежде всего, об Энее и его потомках, Турне, и Бруте и Артуре, и о других, которые населяли (или основали) Британию». В обеих рукописях среди основателей Британии упоминается Эней, однако в версии Книги Хаука, в которой основное внимание уделяется конфликтам, сражениям и распрям, рассказ об Энее, его сыне Аскании, рождении Сильвия, отца Брута, победе Энея над Турном вдвое короче, чем в рукописи AM 573 4to.

Создатель саги в Книге Хаука распространяет описание битвы, дополняя его речью одного из воинов Турна, который призывает горожан, осажденных его войском, сдаться (*þer heyrtr at ecki folk er harðara en saxar því heita þeir sem stein því erv þer miok heimskir ef þer vilið beriaz við os* «вы слышали, что нет народа, более сурового, чем саксы, потому они зовутся «камнем»; поэтому вы очень глупы, если хотите сражаться с нами»). В речи воина допускается анахронизм (вместо племени рутулов, мифическим вождем которого был Турн, упоминается племя саксов), предвосхищающий завоевание англосаксами Британских островов и многовековую борьбу коренного населения с иноземными захватчиками, героем которой кельтские легенды изображают короля Артура. Благодаря намеренному анахронизму создатель саги проводит параллель между античной мифологией и германской историей, акцентируя внимание на описании битвы и перебранке перед боем, тем самым сближая структуру саги с композицией саг об исландцах.

В заключение саги в Книге Хаука приводится каталог уэссекских королей от Кэдвалла до Этельстана, в котором правители Британии соотносятся с норвежскими королевскими династиями, так как один из первых норвежских конунгов Хакон, сын Харальда Прекрасноволосого, был воспитанником уэссекского короля Этельстана: *Eftir hann ríkti iatvard svn hans ííj ar xx. Eftir hann aðalstein goði xi ar xx ví vikvr þri daga hann fostradi hakon svn haralz konvngs*⁸ «После него правил его сын Ятвард (Эдуард) двадцать четыре года. После него правил Адальстейн (Этельстан) Добрый двадцать девять лет, шесть недель и три дня. Он воспитал Хакона, сына Харальда конунга». В саге идет речь о Харальде Прекрасноволосом, о кото-

⁸ До сих пор не существует отдельного издания обеих редакций «Саг о бриттах», за исключением двух публикаций Книги Хаука: Eiríkur Jónsson and Finnur Jónsson 1892–1896: 231–302 и факсимильного издания Jón Helgason 1960. Текст краткой редакции включен в неопубликованную диссертацию: Black 2014.

ром рассказывают многочисленные скандинавские источники (в частности, «Глюмдрапа» скальда Торбьёрна Хорнклови, «Язвительное послание» Йорунн Девы-скальда, «Сага о Харальде Прекрасноволосом» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона), — первом конунге Норвегии, родоначальнике династии норвежских правителей, упоминаемом в исландских генеалогиях. Сага устанавливает родство исторического конунга Харальда Прекрасноволосого и его сына Хакона, воспитанника короля Этельстана с мифическими предками последнего: троянским царем Приамом и его внуком (или сыном) Брутом⁹. Интерполяция в перечне британских владык была призвана включить норвежских конунгов в династию королей Британии, основание которой связывали с троянскими правителями. Интерес к троянской истории, о котором свидетельствует, в частности, рассказ о происхождении Тора, Одина и асов из Трои в Прологе к Снорриевой Эдде, объясняется существованием в Средние века традиции возведения к ней королевских генеалогий (Steblyn-Kamenskij 1970: 224).

Стремление к историзации характерно для включенных в текст «Саг о бриттах» повествований о Святой Урсуле и Святом Освальде. Источником рассказа о Святой Урсуле, возможно, послужил текст Гальфрида, который упоминает имя Урсулы, дочери правителя Корнуолла Дионота, в историческом контексте. Гальфрид говорит о победах военачальника бриттов Конана, его обращении к Дионоту с просьбой найти жен для его воинов (Конан пожелал для себя дочь Дионота Урсулу), о крушении кораблей, на которых плыли тысячи дев из Британии, и о гибели дев от руки Вания и Мелги, правителей гуннов и пиктов. В рассказе об Урсуле в исландской саге тоже преобладают исторические детали, связанные с правителем Арморики Конаном и королем Британии Дионотом, отцом Урсулы, ее путешествием с одиннадцатью тысячами дев в Кёльн, покорением города гуннским правителем Аттилой и его решением обезглавить всех дев за их отказ стать наложницами гуннов. Единственным свидетельством того, что создатель саги опирался на агиографические источники, можно считать упоминание о христианской вере британских дев и язычестве гуннов (en af þvi at þær varv kristnar þa villdv þær eigi samþyckia

⁹ Если в Книге Хаука потомком царя Приама изображается конунг Хакон, сын Харальда Прекрасноволосого, то в рукописи AM 573 мифическим потомком царя Приама изображается король Артур.

við heidna menn «так как они были крещёными, у них не было согласия с языческими мужами»). На основании приведенного упоминания трудно судить о том, мог ли создатель саги творить в условиях формирующегося культа Святой Урсулы.

Если краткое повествование о Святой Урсуле занимает часть главы о Максентии, то рассказ о Святом Освальде, образует в «Сагах о бриттах» отдельную главу, в которой тоже заметно стремление к объективности. Рассказ о Святом Освальде в саге можно условно разделить на три части. В первой говорится о том, как король бриттов Кэдвалла преследовал нортумбрийского правителя Освальда до границы с Шотландией, а затем послал сражаться с ним мерсийского военачальника Пенду. Окруженный войском Пенды, Освальд повелел воздвигнуть крест, призвал к нему своих воинов, приказал им встать на колени и обратиться к Господу молитву о помощи, после чего одержал победу над врагом. Во второй части идет речь о том, что Кэдвалла, узнав о победе Освальда, собрал огромную рать, которая численно превосходила войско Освальда. Поняв, что сопротивление бесполезно, Освальд сел, закрыл лицо ладонями, погрузился в молитву обо всех участниках битвы, и отошел ко Господу. Люди говорили, что Пенда мог придти и убить его, однако после этого все воины обратились в бегство. В третьей части рассказа о Святом Освальде идет речь о чуде излечения, когда старик из войска Кэдвалла с глубокой раной на руке, споткнулся, невольно омочил свою руку в крови короля Освальда и получил немедленное исцеление. Рассказ о чуде и описание кончины Освальда не встречаются в других источниках о святом. Предполагалось, что создатель саги мог заимствовать их из глоссы в тексте латинского жития Святого (Würth 1998: 77). Однако возможно, что создатель саги почерпнул сведения о Святом Освальде из «Церковной истории англов» Беда Достопочтенного, хотя житие Святого рассказывается в ней не совсем так, как в саге (Освальд одержал победу над Кадваллоном, но был убит Пендой). Агиографические фрагменты в саге тоже могли появиться под влиянием сочинения Беда, в котором присутствуют многочисленные рассказы о Святых, включенные в историческое повествование. Вместе с тем рассказы о посмертных чудесах исцеления сохранились и в сагах «Круга Земного» (CCXLV), в частности, в «Саге об Олаве Святом», в которых М. И. Стеблин-Каменский видит «проявление объективности автора», его стремление к добросовестному изложе-

нию и сохранению стиля (Steblyn-Kamenskij 1984: 172–173). Можно предположить, что агиографическая интерполяция была включена под влиянием труда Беды Достопочтенного и составлена по образцу королевских саг. Функция интерполяции в структуре «Саг о бриттах», вероятно, состояла в создании нарративного перехода от рассказа о смерти Кэдвалла к заключению о короле Этельстане и Харальде Прекрасноволосом.

История британских правителей представлена в краткой версии саги из Книги Хаука не только в повествовании о событиях прошлого, но и в поэме «Прорицание Мерлина» (Merlínusspá). Поэма представляет собой свободное переложение «Пророчества Мерлина» (Prophetiae Merlini, ок. 1134 г.) Гальфрида, сочиненного раньше «Истории», но добавленного в нее как часть книги VII. «Прорицание Мерлина» приписывается в Книге Хаука исландскому монаху Гуннлаугу Лейфссону из Тингэйпар (ум. 1218/ 1219 г.): hereftir hefir Gvð[vn]lavgr mvnkr ort kvæði þat er heitir Merlinvsspá «монах Гуннлауг сочинил стихотворение, которое называется “Прорицание Мерлина”». Одни исследователи считают, что поэма и сага принадлежат перу Гуннлауга Лейвссона и созданы примерно в 1200 г. (Kalinke, 2009: 217; Gropper 2011: 48); другие, что две части поэмы принадлежат разным создателям¹⁰, третьи, что поэма была сочинена как самостоятельное произведение, а позднее была включена в состав «Саг о бриттах» (Lavender 2006: 135).

Прорицания обращены правителю бриттов Вортигерну, который строит башню на горе, однако видит, что все построенное исчезает к утру (6–8); мудрец по имени Амброзий (или Мерлин) объясняет королю причину происходящего (9) и рассказывает, что под горой скрывается озеро, в котором спят белый и красный драконы (10–11), а когда озеро осушают (13–14), драконы просыпаются и вступают в бой (15–19): красный дракон — это бритты, а белый — язычники англы, вторгшиеся в страну. Главная часть «Прорицания Мерлина» посвящена повествованию о борьбе бриттов с англами, которые явились с большим войском и обманули бриттов. Мерлин предрекает, что к власти придет король в обличье вепря (Артур), который разгромит саксов и покорит иров, англоv, скоттов, франков, побережье Норвегии и северных данов (Nóregs síðu ok Norðr-

¹⁰ Симоне Хёрст предположила, что поэма была сочинена в течение разных временных промежутков, охватывающих период от 1210 г. до 1270 г. (Horst 2006: 30–31).

Dana, 25.5)¹¹. Создатель поэмы устанавливает связь между легендарными королями Британии, которые в прозаической части саги возводились к троянским правителям, и скандинавскими конунгами, которые оказываются включенными в британскую историю, и следовательно, в историю Трои, пересказанную в интерполяции об Энее.

Вторая часть «Прорицания Мерлина» содержит описание великих бед, междоусобных распрь, гибели людей и всего живого, которые предшествуют концу света: *Sultr verðr ok sótt — sék mart fyrir — manndauðr mikill; mein gengr of þjóð* «Голод начнется, и болезнь, великая гибель людей — я многое вижу — горе постигнет народ» (25); *Verðr á foldu, kvað inn fróði halr, / styrjöld mikil, stórar ógnir, / víg ok vélar, vargöld ok kold / hrími hvers konar hjörtu lúða* «Приходит на землю, — сказал муж мудрый, — великая война, большие горести, битва и предательства, век волков, и сердца людей окованы хладом и морозом» (51); *Verst es í heimi; veitat sonr fǫður* «Хуже в мире, сын отца не знает» (54.1). Самая знаменитая эддическая поэма «Прорицание вельвы» тоже повествует о падении нравов, разрушении родовых связей, жестоких битвах: *Bræðr munu berjask ok at bönum verðask, / munu systrungar sífjum spilla; / hart er í heimi, hórdómr mikill, / skeggöld, skalmöld, skildir ro klofnir, / vindöld, vargöld, áðr veröld steypisk; / mun engi maðr öðrum þurma*. «Братья будут биться между собой и станут убивать друг друга, / родичи нарушат родовые обычаи; / тяжело в мире, / блуд великий, / век мечей, топоров, / треснут щиты, / век ветров, век волков, / пока не настанет конец света; / ни один человек не пощадит других» (Vsp. 45). Трудно не заметить тематического сходства обеих поэм (упоминания о войнах, гибели людей, человеческой жестокости, вражде сородичей: сыновей, отцов и братьев) и вербальных совпадений (*vargöld* 'век волков' в обеих поэмах; *Geisar geimi* 'море бурлит' в «Прорицании Мерлина» 1.61, *geisar eimi* 'пар пышет' в «Прорицании вельвы» 57.5)¹².

Обе поэмы рисуют картину гибели всего живого. В «Прорицании Мерлина» говорится, что небесные светила изменят ход, и море поднимется до небес: *En grund ept þat gróða hafnar; /*

¹¹ «Прорицание Мерлина» цит. по: Finnur Jónsson 1915: 10-45.

¹² Аргументацию противоположной точки зрения, согласно которой «Прорицание Мерлина» оказало влияние на «Прорицание вельвы» см. Sveinbjörn Rafnsson 1999: 377-419.

né skúr ofan ór skýjum kemr. / Sól ok máni sjölf annan veg / fara fagrsköpuð, en þau fyrr hafi «После этого земля перестает плодоносить, и дождь не льется с небес. Сами солнце и луна, прекрасно сотворенные, идут иным путем, а не тем, как прежде» (58); Ok þar á hlýrni heiðar stjörnur / má marka því / moldar hvergi. Sumar fara ofgar, sumar annan veg / af inni gömlu göngu sinni (59) «И там на земле нельзя различить яркие звезды на небе. Одни идут вспять, другие — иной дорогой, прочь от своего древнего пути»; Geisar geimi; gengr hann upp í lopt «Море бурлит, оно поднимается до неба» (61). В «Прорицании вёльвы» тоже идет речь о море, земле, небесных светилах (солнце, луне, звездах): Sól tér sortna, sígr fold í mar, hverfa af himni heiðar stjörnur; geisar eimi ok aldrnari, leikr hár hiti við himin sjalfan «Солнце чернеет, земля тонет в море, жаркие звезды срываются с неба, неистовым становится пар и питающее жизнь пламя, огонь поднимается до самых небес» (Vsp. 57). Обе поэмы завершаются апокалиптическим видением конца света: если «Прорицание вёльвы» рассказывает о мифологическом прошлом, настоящем и будущем, кульминацией которого станет Рагнарёк, гибель богов и жизни на земле, то «Прорицание Мерлина» тоже изображает прошлое, настоящее и будущее, распри британских правителей, их сражения с друг с другом и с врагами, тоже ведущие к уничтожению всего живого. «Прорицание вёльвы» рисует картины возрождения всего живого (результат цикличного восприятия времени), но и «Прорицание Мерлина» тоже оставляет надежду на спасение как воздаяние за благие дела. «Прорицание Мерлина» говорит о наказании за грехи и завершается призывом творить добро, избегать дурных дел, не следовать предательским советам, радоваться и обращать молитвы к Господу. Поэма Гуннлауга и «Прорицание вёльвы» содержат «собственную морально-философскую концепцию: в мифологических образах трактуются проблемы возникновения зла в мире, борьбы добра и зла и искупления зла» (Steblyn-Kamenskij 1963: 214).

Сходство обеих поэм прослеживается не только на тематическом и структурном уровнях, но и на стилистическом, языковом и метрическом. В «Прорицании Мерлина» используются два размера: скальдический квидухатт, в котором нечетные строки состоят из трех ударных слогов: 'Líðr byskups stóll / Lundúnum ór (I,30.1–2) «Престол епископа перемещается из Лондона», и эддический форнюрдислаг, каждая строка которого состоит из четырех ударных слогов, причем аллитерация

обычно связывает первый и/или второй и третий ударные слоги: *Hljóðs bið ek allar helgar kindir, meiri ok minni mögu Heimdallar* «Я прошу слушать все священные роды, большие и меньшие, потомки Хеймдаля» (Vsp. 1). М. И. Стеблин-Каменский называет форнюрдислаг «эпическим размером» и приводит его этимологию (*fornyrðislag* < *forn* ‘древний’, *orð* ‘слово’, *lag* ‘размер’): «В этом размере каждые две строки связаны попарно аллитерацией... Эпический размер — это размер большинства песней «Эдды» и всех ее повествовательных песней» (Steblyn-Kamenskij 1979: 36–37). Форнюрдислаг традиционно употребляется в эддических песнях, включающих профетические строфы, таких как «Прорицание вёльвы» (*Völuspá*), «Пророчество Грипира» (*Grípispá*), «Речи Фафнира» (*Fáfnismál*), «Песнь о Хюндле» (*Hyndluljóð*), а потому мог быть выбран в качестве основного размера создателем «Прорицания Мерлина».

В «Прорицании Мерлина» используется не только эддическая и скальдическая метрика, но и скальдический синтаксис, в частности вставные предложения (*þat es nýlunda* «это новость») и переплетения предложений (*Lát grund grafa... niðr ór fjalli* «вели копать замлю...внизу из горы»): *Lát grund grafa, / gera skorninga, / sagði Merlínus / menja deili. / ‘Veitið vatni, / ok vitið síðan, / hvat spát hafi / spillir bauga, / — þat es nýlunda — / niðr ór fjalli’* «Вели копать землю, делай канавы, — сказал Мерлин раздавателю обручий (Вортигерну). — Осуши озеро и потом узнаешь, что разрушитель колец (Мерлин) пророчил — это новость — внизу из горы» (I,13). В «Прорицании Мерлина» широко применяются поэтические синонимы, хейти (*flotnar* ‘люди’ I,3.3; II,1.1), сложные слова (*lofsæl* — ‘счастливым хвалой’ II,34.10, *fleinpollr* ‘древо копыя’ II,11.8) и кеннинги (на 171 строфу поэмы приходится более ста кеннингов)¹³, составляющие характерную черту эддической и скальдической фразеологии¹⁴. Здесь встречаются и мифологические кеннинги: воин обозначается как *Mistar vinn* — ‘друг Мист (=валькирии)’ I,75.1, женщина именуется *gull-Skǫgul* ‘Скёгуль (= валькирия) золота’ II,13.2, море называется *Ránar vegr* ‘путь Ран’ (=валькирии) I,89.1); и традиционные скальдические кеннинги, обозначаю-

¹³ Классификация кеннингов в «Прорицании Мерлина» на пять групп (скандинавская мифология, животные, люди, битвы и оружие, части тела и здания) предложена в: Cudmore 2018: 38–44.

¹⁴ О стиле и стихосложении эддических песней см. Steblin-Kamenskij 1975: 186–195.

щие такие денотаты, как корабль (sunddýg 'олень волны' II,17.1); змей (heiðar hvalgr 'кит пустоши' II,46.4, belti grundar 'ремни земли' II,16.2); муж (auðstafr 'посох богатства' II,6.2; yngva vinr 'друг конунга' I, 9.5; gumna vinr 'друг мужей' I,20.1; spillir bauga 'уничтожитель колец' I,13.4 menja deilir 'делитель ожерелий' I,13.2), и кеннинги, не зарегистрированные в сохранившейся эддической и скальдической поэзии (например, кеннинги змеи, которые служат в поэме для обозначения белого и красного драконов: rauða ok hvíta seil rás «красная и белая веревка земли» I,12.8; ljósum fjöturr laufviðar «белым оковам лиственного дерева» I,42.8; fásýnir fræknir baugr fróns «редко виденные яростные кольца земли» I,15.8; urðar sigðr «сerp груды камней» II,46.8). Кеннинги неодинаково распределяются в нарративном пространстве поэмы: они редко встречаются в описании конца света, но преобладают в рассказах о битвах.

В «Прорицании Мерлина» амплифицированы описания сражений, которые нередко включаются в скальдические панегирики правителям: 'Hríð gerisk hjalma, hlífar klofna; / eru rammliða randir kníðar. / Gnesta geirar, es guðr vakin; / verðr víða lið at vallroði «Буря шлемов (=битва) начинается, кольчуги раскалываются, мощно бьются щиты, копьязвеня, бой пробуждается, войско обгаляет поле боя» (33, ср. также 35, 64-69). Как и в скальдических стихах, в поэме Гуннлауга содержание нуждается в разгадывании, однако смысл предсказаний затемнен не только посредством стихотворной формы, фразеологии и синтаксиса, как в поэзии скальдов, но и при помощи намеренной туманности выражения. Способ существования поэмы идентичен бытованию поэзии скальдов, которая цитируется в сагах в подтверждение сказанного в прозе. Если скальдические стихи существуют как цитаты в королевских сагах, основная функция которых состоит в повествовании о норвежских королях, то поэтическая интерполяция Гуннлауга включена в историческую хронику о правителях Британии, каковой представляются «Саги о бриттах» в Книге Хаука. Вероятно, Гуннлауг привлек внимание к «Истории» Гальфрида своим переложением «Прорицания Мерлина», сочиненным в традиции эддических песней и скальдических стихов, перекинув мост из Британии в Исландию, тем самым сделав возможным ее последующий перевод в Скандинавию.

Интерполяция поэмы «Пророчество Мерлина» представляется наиболее семантически важной, ее функция состоит не только в повествовании о распрях и войнах в назидание потом-

кам, но и в изложении британских легенд при помощи традиционно скандинавских поэтических тем (междоусобные распри, вражда сородичей, гибель всего живого) и средств (эддическими размерами, скальдической фразеологией и синтаксисом). Интерполяция об Освальде Святом представляет собой связующее звено между рассказами о мифологических правителях Британии, в частности, короле Артуре, и о нортумбрийских предводителях, дающих образец христианского поведения. Возможно, что интерес к «Истории» Гальфрида и его выбор в качестве оригинала для исландского переложения связан с возможностью интерпретации этого труда как источника сведений о скандинавской предыстории (Гальфрид сообщает, что король Туле сражался на стороне короля Артура, которому подчинились Оркнейские острова, Норвегия, Готланд и Дания). Сходные функции имела и интерполяция списка правителей Британии, завершавшаяся упоминанием о уэссекском короле Этельстане и его воспитаннике Хаконе (будущем короле Норвегии Хаконе Добром), сыне Харальда Прекрасноволосого, многочисленные отпрыски которого стали героями саг об исландцах. В идеологических целях мог использоваться и этиологический миф о происхождении правителей Британии от троянцев в начальной интерполяции, основанной на «Энеиде» и «Героидах». В «Сагах о бриттах», включенных в рукопись «Книги Хаука», троянский миф и история британских правителей соотносится с историческим прошлым Исландии, которое тем самым оказывается включенным в мировую историю, восходящую к античности. Вероятно, «Саги о бриттах» были призваны обеспечить для Исландии и Британии (жители которой считали себя происходящими от Брута, потомка Энея) то же происхождение, что и для граждан римской империи, которая, согласно Вергилию, восходила к Трое. Соотнесение скандинавской истории с историей Британии, а династии правителей Норвегии с легендарными и историческими англосаксонскими королями в «Сагах о бриттах» способствовало легитимизации власти в Скандинавии и на Британских островах. Рецепция повествования о легендарных королях Гальфрида Монмутского и мифа о чужеземном происхождении в исландских «Сагах о бриттах» позволяло установить культурные связи между историческим прошлым Исландии и мифологическим прошлым европейских народов, представляя их в единой хронологической последовательности.

Литература

- Baccianti, S. 2019: The Latin connection: Geoffrey of Monmouth in Iceland. In: A. Byrne, V. Flood (eds), *Crossing borders in the Insular Middle Ages*, 30, Turnhout: Brepols, 279–297.
- Black, R. C. 2014: *Breta sögur from AM 544 4to: an Edition and Translation*. The University of Washington.
- Broberg, S. A. G. 1908: Ormr Snorrasons bok, *Arkiv för nordisk filologi*, 20, 42–66.
- Cudmore, D. 2018: Prophet, Poet, Seer, Skald: Poetic Diction in Merlinusspá, *International Journal of Language Studies*, 12, 29–60.
- Cusack, C. M. 1999: Hagiography and History: The Legend of Saint Ursula. In: C. M. Cusack, P. Oldmeadow (eds), *This Immense Panorama. Studies in Honour of Eric J. Sharpe*, *Sydney Studies in Religion* 2, 89–104.
- Eiríkur Jónsson, Finnur Jónsson, 1892–96: *Hauksbók udgiven efter de arnamagnæanske håndskrifter no. 371, 544 og 675, 4to samt forskellige papirhåndskrifter*, Bd. 1 København: Det Kongelige nordiske oldskrift-selskab, 231–302.
- Eysteinnsson, J. S. 1953–55: The Relationship of Merlinusspá and Geoffrey of Monmouth's Historia, *Saga-Book*, 14, 95–112.
- Gödel, V. 1904: Ormr Snorrasons bok. *Nordiska studier tillagnade Adolf Noreen på hans 50-årsdag den 13. mars*. Uppsala: Appelbergs boktryckeri, 357–374.
- Gropper, S. 2015: Breta sögur and Merlínusspá. In: *The Arthur of the North: The Arthurian Legend in the Norse and Rus' Realms*, ed. by Marianne E. Kalinke. Cardiff: University of Wales Press, 48–60.
- Hamel A. G., 1936: The Old Norse Version of the Historia regum Britanniae and the Text of Geoffrey of Monmouth, *Etudes Celtiques* I, 197–224.
- Horst, S. 2006: Die Merlínusspá — ein Gedicht von Gunnlaugr Leifsson?, *Skandinavistik*, 36, 22–31.
- Jón Helgason, 1960: *Hauksbók: The Arnamagnæan Manuscripts 371, 4to, 544, 4to, and 675, 4to*, ed. by Manuscripta Islandica, 5. København: Ejnar Muunksgaard.
- Jónsson, Finnur, 1915: *Den norsk-islandske skjaldedigtning*. Bd. II. København, Kristiania: Gyldendal, Nordisk forlag, 10–45.
- Kalinke M. 2015: Arthur, King of Iceland. *Scandinavian Studies* Vol. 87, No. 1, 8–32.
- Kalinke, M. 2009: The Arthurian Legend in Breta sögur: Historiography on the Cusp of Romance. In: *Greppaminni: Essays in Honour of Vésteinn Ólason*, ed. by Margrét Eggertsdóttir et al. Reykjavík: Hið íslenska bók-menntafélag, 217–30.
- Lavender, Ph. 2006: Merlin and the Völva. *Viking and Medieval Scandinavia* 2, 111–139.
- Leach, H. G., 1911: De Libello Merlini, *Modern Philology*, 8, 607–610.

- Rafnsson Sveinbjörn, 1999: Merlínusspá og Völuspá í sögulegi samhengi. *Skirnir*, 173, 377–419.
- Rikhardsdóttir, S., Eriksen, S.G. 2013: État présent Arthurian Literature in the North. *Journal of the International Arthurian Society*, I, 1, 3–28.
- Rowe, E. A. 2008: Literary, Codicological, and political perspectives on Hauksbók, *Gripla* XIX, 51–76.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1963. Kommentarii. *Starshaja Edda*. [Commentaries. *The Elder Edda*]. Leningrad: Leningradskoje otdelenije Izdatel'stva Akademii nauk SSSR, 214–257.
Стеблин-Каменский, М. И. 1963: Комментарии. *Старшая Эдда*. Л.: ЛО Изд-ва Академии наук СССР, 214–257.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1975: Starshaja Edda. In: *Beovulf. Starshaja Edda. Pesn' o Nibelungah* [Beowulf. The Elder Edda. The Song of the Nibelungs]. BVL, Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 182–213.
Стеблин-Каменский, М. И. «Старшая Эдда». В: *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*. БВЛ, М.: Художественная литература, 182–213.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1979. *Drevneskandinavskaja literatura* [Old Norse Literature]. М: Nauka. Стеблин-Каменский М. И. 1979. *Древнескандинавская литература*. М: Наука.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1984. *Mir sagi* [The World of Saga]. Leningrad: Nauka. Стеблин-Каменский, М. И. *Mur sagu*. Л.: Наука.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1984: *Stanovljenje literatury* [Formation of literature]. Leningrad: Nauka.
Стеблин-Каменский, М. И. *Становление литературы*. Л.: Наука.
- Sverrir Jakobsson, 2007: Hauksbók and the Construction of an Icelandic World View, *Saga-Book* 31, 22–38.
- Tétrel, H. 2010: Trojan Origins and the Use of the Æneid and Related Sources in the Old Icelandic Brut. *Journal of English and Germanic Philology* 109, 490–514.
- Würth, S. 1998: *Der Antikenroman in der isländischen Literatur des Mittelalters: Eine Untersuchung zur Übersetzung und Rezeption lateinischer Literatur im Norden*. Basel: Helbing & Lichtenhahn.
- Würth, S. 2008: Historiography and Pseudo-History. *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*. Ed. R. McTurk. Malden, Oxford: Blackwell, 155–172.

И. М. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия. i.mikhailova@spbu.ru

ИДЕИ КНИГ М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО О ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК КЛЮЧ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭМЫ МАРТИНУСА НЕЙХОФА «АВАТЕР» (1934)

В своих книгах о древней литературе, а также в полемических статьях М. И. Стеблин-Каменский ярко и эмоционально защищает «гипотезу нетождественности», согласно которой к древней литературе исследователь не должен подходить с мерками современного человека, но обязан учитывать ее принципиальное отличие от сегодняшней литературы, заключающееся в безоговорочной вере всех членов общества а синкретическую правду, в неосознанном авторстве и в невыделенности человека из коллектива. В настоящей статье предлагается прочитать знаменитую и загадочную поэму Мартинуса Нейхофа «Аватер» с учетом перечисленных черт древней литературы, которой во время работы над поэмой увлекался нидерландский автор. Такое прочтение дает ответ на вопрос, зачем он использовал в этой поэме форму моноримов и почему «Аватер» производит столь сильное впечатление на искушенных читателей.

Ключевые слова: М. И. Стеблин-Каменский, древнескандинавская литература, гипотеза нетождественности, Мартинус Нейхоф, поэма «Аватер».

Irina Michajlova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
i.mikhailova@spbu.ru

Ideas of M. I. Steblin-Kamenskij's books on Medieval Scandinavian literature as a key to the interpretation of Martinus Nijhoff's poem *Awater* (1934)

In his books about Medieval Scandinavian literature, as well as in polemical articles, M. I. Steblin-Kamenskij vividly and emotionally defends the “hypothesis of non-identity”, according to which a researcher should not approach Medieval literature with the standards of a modern person, but must take into account its fundamental difference from today's literature, which consists a) in the unconditional belief of all members of society in the syncretic truth, b) in the unconscious authorship and c) in the non-separateness of a person from the collective. In this article, it is

proposed to read the famous and mysterious poem by Martinus Nijhoff “Awater”, taking into account the listed features of Medieval literature, which the Dutch poet was fond of while working on the poem. Such a reading gives an answer to the question why Nijhoff used the monorhymes in this poem and why “Awater” makes such a strong impression on sophisticated readers.

Key words: M. I. Steblin-Kamenskij, Medieval Scandinavian literature, hypothesis of non-identity, Martinus Nijhoff, poem *Awater*.

Одно дело — изучать, другое — понимать.
М. И. Стеблин-Каменский. Миф.

Если загадка скальдов действительно разгадана Михаилом Ивановичем, то пропасть между скальдами и авангардистами XIX–XX веков, быть может, не так и широка.
А. Либрман. М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания.

В наше время смешно быть поэтом, надо находиться в гуще жизни.
Мартинус Нейхоф. О собственном творчестве.

1. Введение

В 2021 г. в Нидерландах вышел в свет том переводов знаменитой, но до сих пор неразгаданной поэмы Мартинуса Нейхофа «Аватер» на 22 языка (Nijhoff 2021). Многочисленные статьи, монографии и диссертации, посвященные «Аватеру», дают ответ на частные вопросы, однако не приближают нас к пониманию секрета художественной силы этой поэмы с ее незамысловатым сюжетом из повседневной жизни, написанной моноримами, то есть в форме средневековых *chanson de geste*. Рассмотрев важнейшие отличия миропонимания древних людей, запечатленные в древних литературных памятниках и описанные М. И. Стеблин-Каменским, попытаемся найти ответ на вопрос, в чем состоит переключка между столь дорогими Михаилу Ивановичу духовными ценностями древних скандинавов и тем архаичным жизнеощущением, которое открыл для себя Нейхоф, изучая средневековую литературу, и попытался воплотить в поэме «Аватер».

2. М. И. Стеблин-Каменский о внутреннем несходстве древней литературы с современной. Гипотеза нетождественности

В предисловии к «Становлению литературы» М. И. Стеблин-Каменский рассказывает о том, как за сорок лет до выхода

в свет этой книги он увлекся древнеисландской литературой: «Я читал древнеисландскую литературу так, как я привык, не будучи литературоведом, читать современную литературу, т. е. просто для своего удовольствия» (Steblyn-Kamenskij 1984: 142–146). По ходу чтения его поразило в древней литературе то, что он назвал «глубоким внутренним несходством с той литературой, в которой я был хорошо начитан раньше, т. е. с литературой нашего времени». Ему стало ясно, что читаемые им памятники сочинялись совсем не так, как в более позднее время, и рассчитывались на совсем другое восприятие. Важнейшие моменты в таком несходстве — это полная уверенность и пишущего, и его читателей в том, что все описываемые события именно так и происходили на самом деле (см. в следующем параграфе о «синкретической правде») и связанное с этим представления автора о том, что он просто записывает всем известные вещи, как это мог бы сделать на его месте любой другой (см. ниже о неосознанном авторстве). Сюда же добавляются совсем иные, чем у нас, представления древних исландцев о времени, о добре и зле, о смерти и т. п. По мнению Михаила Ивановича, для полноценного изучения древней литературы необходимо учитывать это «глубинное несходство», которое дает возможность проникнуть в мир тогдашнего человека и понять его логику, а не подходить к отдаленным от нас во времени памятникам с современными мерками, не проецировать на них свои собственные современные идеи, что может заставить эти памятники «светиться, так сказать, отраженным светом» (Ibid., 17), но не позволит проникнуть в их суть. На основе таких наблюдений и размышлений М. И. выдвинул «гипотезу нетождественности» и противопоставил ее «гипотезе тождественности» (Lieberman 2003: 891): сторонники первой подходят к изучению древней литературы исходя из ее несходства с современной, сторонники второй игнорируют это несходство.

Целый ряд статей М. И. представляет собой дискуссию со сторонниками гипотезы тождественности, например, с П. Халльбергом, и отличаются остротой и полемичностью, (Steblyn-Kamenskij 2003: 846–850). Из них становится ясно, насколько интересен, важен и дорог Михаилу Ивановичу этот несхожий с современным, ушедший в далекое прошлое мир древней литературы.

Здесь же хочется вспомнить его выступление на СНО Кафедры скандинавской филологии примерно в 1978-м году с

докладом о Снорри Стурлусоне и его «Круге земном», когда М. И. кратко рассказал об этой фигуре и об этом памятнике, но большую часть времени просто читал вслух большие фрагменты текста в своем переводе, приговаривая, что сам текст намного важнее и интереснее, чем то, что о нем можно рассказать.

«Гипотезу нетождественности» М. И. Стеблин-Каменского подхватили отечественные специалисты по герменевтике, принадлежащие к следующему поколению, такие как А. А. Брудный (1932–2011) и Ю. А. Сорокин (1936–2009), охотно цитирующие М. И. в своих книгах и статьях как образец умения проникнуть в психологию людей, отдаленных от нас во времени и в пространстве (Brudny 1998; Sorokin 2003: 7–8).

3. Понятия синкретической правды, неосознанного авторства и вопрос о прогрессе литературы в книгах М. И. Стеблин-Каменского

Из описанных Михаилом Ивановичем представлений, которые были свойственны людям в эпоху возникновения эпических сказаний и полностью исчезли в наше время, несколько подробнее остановимся на трех, перечисленных в названии данного параграфа.

В современной культуре М. И. предлагает различать два вида правды: правду научную (историческую) и правду, рожденную фантазией человека, умеющего вжиться в чью-то жизнь (Steblyn-Kamenskij 1984: 20–23). Историк основывает свое исследование на объективно существующих источниках и сообщает читателю неоспоримые сухие факты, которые говорят о жизни прежних эпох с внешней стороны, не помогая читателю почувствовать себя внутри описываемого мира. Автор исторического романа или романа-биографии изображает эмоции и психологию своих героев в той мере, в какой это позволяет ему его фантазия: «Во всей ее живой полноте действительность прошлого может быть только синтезирована, воспроизведена в результате творческого обобщения» (Steblyn-Kamenskij 1984: 21). Эта синтезированная правда дает читателю «яркое и живое представление о действительности прошлого» (Ibid.), но читатель понимает, что эти описания домыслены автором и не верит им безоговорочно. Для авторов и адресатов эпических сказаний противоположности между этими правдами, по мысли М. И., не существовало, для них описываемые в эпосе события были живыми, и они стопроцентно

верили, что все эти герои говорили именно те слова и совершали именно те поступки, про которые рассказывает автор.

Неосознанное авторство теснейшим образом связано с понятием синкретической правды. Ведь если весь коллектив знает и не сомневается в истинности одних и тех же событий и одних и тех же идеальных представлений, то автор эпического произведения только записывает всем известное, ничего не прибавляя и не убавляя, не сочиняя и не умалчивая. Автор стремится изложить всем известное как можно ярче и выпуклее, и в этом проявляется его творческое начало. «Неосознанное авторство не подразумевает, конечно, отсутствия авторства или творчества вообще. Но оно несомненно подразумевает особый характер творчества» (Steblyn-Kamenskij 1984: 48).

На вопрос о том, имеет ли смысл говорить о прогрессе в литературе, М. И. однозначно отвечает отрицательно: «Историческое развитие в литературе, как и в искусстве и в духовной жизни вообще, неизбежно подразумевает не только приобретения, но и потери. В частности, прогресс в средствах выражения в литературе может сопровождаться регрессом в ее содержательности. Те духовные ценности, которые были утрачены человечеством в его развитии, могут сохраняться навеки в древних литературных произведениях»» (Steblyn-Kamenskij 1984: 20).

Совершенно очевидно, что для М. И. древняя литература представляет собой огромную ценность именно благодаря сохранившимся в ней духовным ценностям, неразрывно связанным с явлением неосознанного авторства и синкретической правды: «Так, изживание неосознанного авторства влекло за собой изживание определенных представлений о человеческой личности, ее невыделенности из коллектива, ее единстве с природой <... > определенного соотношения формы и содержания, правды и вымысла...» (Steblyn-Kamenskij 1978: 137). И глубоко закономерно, что привидение — дух человека, умершего семьсот лет назад и недавно потревоженного при прокладке трубы на месте его захоронения, — о встрече с которым М. И. рассказывает в последней главе «Мира саги», жалеет современных людей в первую очередь за их разобщенность, «отделенность от коллектива», что они уже не знают имен своих предков и даже не знают по имени тех, кто живет в соседнем доме: «Ему было жалко людей, которых он встречал: ведь они уже при жизни

были такими же безродными и одинокими, какими оказался он, пролежав семьсот лет в земле» (Stebelin-Kamenskij 1984, 121).

Мы остановились на этих трех чертах древней литературы, описанных М. И., потому что именно они оказались опорой для крупнейшего нидерландского поэта Мартинуса Нейхофа в его поисках выхода из духовного и творческого кризиса начала 30-х годов, когда он попытался начать жить с нуля: переехал в незнакомый город, покрасил стены квартиры в белый цвет, поступил в университет на 1-й курс и стал изучать древнеевропейскую литературу.

4. Нидерландский поэт Мартинус Нейхоф (1894–1953) и его творческий кризис конца 20-х– начала 30-х годов

Мартинус Нейхоф¹ начинал свой творческий путь как последователь символизма. Его ранние сборники «Прохожий» (1916) и «Формы» (1924), восторженно принятые соотечественниками, включают необыкновенно изящные стихи на традиционные для символизма темы одиночества, изолированности от мира, тщеты окружающей жизни, стремления к сверхреальности. Герои его ранних стихов — это пылкий и неверный лютнист, графиня в изящном будуаре, играющий на спинете Моцарт, китайский танцор, осознающий бренность бытия, оживший путто с фонтана в итальянском городке и т. п. Все стихи отличаются музыкальностью, излюбленные формы Нейхофа в этих сборниках — сонет, баллада, терцина. После издания «Форм» поэт оказывается в тупике: чувствует себя оторванным от реального мира и не видит возможности дальнейшего развития в прежнем направлении. Он улавливает происходящие в европейском обществе изменения, «восстание масс», кризис прежних идеалов красоты и считает невозможным более оставаться, как он сам это формулирует, «поэтом в бархатной куртке и с длинными волосами» (Nijhoff 2003: 157). Выход из тупика он ищет в работе над переводами писателей разных стран и разных времен, однако найти новый творческий метод и душевный покой оказывается необычайно трудно.

¹ Подробнее см. Michajlova, Purin 2013: 82–91

5. Нейхоф открывает для себя средневековую литературу

Его новое поэтическое кредо начинает обретать форму после уже упомянутого переезда в Утрехт в 1932 г., в процессе изучения в университете древней литературы и параллельных размышлений о творчестве современных поэтов и художников. Нейхоф приходит к выводу, что в последнее десятилетие «поэзия стала более объективной. Уже не лирическое излияние, но краткие фрагменты объективной жизни, составленные и сложенные вместе, скорее в том стиле, в каком раньше создавались эпические поэмы. Личность автора созерцает себя не как поэта, но как человека» (Nijhoff 2003: 159).

Уже раньше, в своем единственном прозаическом произведении — рассказе «Перо на бумаге» звучала та же мысль о необходимости для поэта покинуть башню из слоновой кости, жить среди людей, почувствовать себя одним из них. Явившийся поэту Крысолов из сказки объясняет ему, как надо писать, чтобы за тобой пошли и крысы, и дети, и взрослые читатели:

Тебе посоветую пока что начать вот с чего. Описывай ощущения только других людей. Сочувствие к ближнему — не обязанность, а данная человеку от рождения страсть, и корень ее гнездится в силе притяжения, магнетически связывающей всю сущую плоть. Ради собственной пользы развивай эту страсть, сделай ее осознанной, живи и мысли эмоциями других людей (Nijhoff 2003: 117).

О своем стремлении к общности с окружающими и о понимании, что такая общность, необходимая для полноты жизни, существовала в архаичном обществе, Нейхоф подробно рассказывает в статье «О собственном творчестве»:

В наше время смешно быть поэтом, надо находиться в гуще жизни. И тогда будут переброшены эти наплавные мосты. Воображение устремляется в доисторические времена, ибо там жизнь, воспоминания устремляются в страну детства, ибо там жизнь, одинокий устремляется к массам, ибо там жизнь (Ibid., 159).

Представляется совершенно логичным, что для своей первой поэмы, написанной в результате преодоления пережитого кризиса, поэт выбрал форму «роландова стиха» как отсылку к

средневековым *chanson de geste*, надеясь, что это поможет ему передать столь важное для него архаичное ощущение невыделенности индивидуума из коллектива.

Поэма состоит из восьми строф-тирад, содержащих каждая от 13 до 50 десятисложных, с цезурой после 4-го или 6-го слога, стихов, связанных ассонансами, причем ассонируют только ударные гласные последнего слова каждой строки, заударные гласные в расчет не принимаются, так что происходит неупорядоченное чередование мужских и женских клаузул.

6. Поэма Нейхофа «Аватер» (1934)

Фабула поэмы простая и почти будничная. Ее эпиграф ('Ik zoek een reisgenoot' «Ищу спутника для путешествия») Нейхоф, по его утверждению, взял со страницы объявлений в газете, а фамилия главного героя — это реальная фамилия пациента в больнице, где работал его знакомый врач. Эти два «реди-мейда», разумеется, идеально соответствуют двум глубинным образам бытия: «жизненный путь» и «вода — первооснова жизни». Дело в том, что в фамилии Аватер Нейхоф услышал два раза повторенное слово «вода»: в Нидерландах множество речек называется 'de Aa'², а слово *water* не нуждается в объяснении. Вода как первичная стихия — первый образ, к которому обращается Нейхоф в начальной строфе, служащей введением к поэме:

Wees hier aanwezig, allereerste geest,
die over wateren van aanvang zweeft.

Сойди сюда, первоначальный Дух,
Носившийся над водами.³

Здесь же Нейхоф провозглашает свою новую художественную программу, диаметрально противоположную тому стремлению к приукрашиванию будничной жизни, которым полны его ранние сборники:

Het wil niet, als geheel een vorige eeuw,
ruinhopen zien en zingen van mooi weer,

² Как указывают этимологи, это слово соответствует двн. *aha*, гот. *ahwa*, лат. *aqua* (Veen, Sijts 1997).

³ Стихотворные русские переводы отрывков из поэмы приводятся по книге М. Нейхоф. *Перо на бумаге*. (Nijhoff 2003: 57–66)

«Оно (мое произведение) не хочет так, как в прошлом веке, видеть груды мусора, а петь о хорошей погоде».

Следующие семь строф содержат собственно фабулу. Рассказчик, от лица которого написана поэма, описывает рабочий день Аватера в офисе, затем объясняет, что не раз видел Аватера, проходящего мимо его окна, и предположил, что этот человек может стать его спутником и другом на время путешествия. Но прежде чем вместе отправиться в путь, будет благоразумным один вечер походить за ним следом, чтобы понять, подходящий ли это человек. Рассказчик поджидает Аватера у выхода из его офиса и далее сопровождает его по городу, как тень. Аватер идет по оживленной улице, останавливается у витрины турбюро, бреется в парикмахерской, заходит в кафе, где играет сам с собой в шахматы. В ресторане, куда Аватер идет обедать после кафе, выясняется, что это известный человек, его называют артистом, и по настоятельной просьбе присутствующих он исполняет романс (переделка 250-го сонета Петрарки). Овации не успели закончиться, а Аватер уже снова идет по ночной улице. Недалеко от вокзала проходит митинг: девушка-солдат Армии Спасения с развевающимися на ветру волосами призывает собравшихся любить ближнего. Здесь Аватер, наконец, замечает рассказчика и, похоже, хочет с ним заговорить, но рассказчик спешит дальше: он оставляет Аватера на митинге, чтобы успеть на поезд. И заканчивается поэма удивительно красивым описанием готовящегося к отправлению паровоза (в русском переводе, ради сохранения женского рода, используется слов «машина»). По мнению А. Л. Сётемана, в этом образе Нейхоф изобразил Нику Самофракийскую XX века (Sötemann 1985: 246). Последние две строки таковы:

Zij zingt, zij tilt een knie, door stoom omstuwd.
Zij vertrekt op het voorgeschreven uur.

И вот она, колена подымая,
Отходит в срок, ликуя и взывая.

7. Трактовка и восприятие поэмы. Иосиф Бродский читает «Аватера»

Сам Нейхоф объяснил суть своей поэмы в нескольких словах:

«Следование за Аватером, любовь, которой я проникся к нему, сделали для меня выносимой жизнь в пустыне или, во всяком случае, путь через пустыню. Путешествие началось со следования за Аватером, но любовь не переросла в привязанность. Любовь дала мне сил ровно столько, сколько нужно было для продолжения путешествия. Надеюсь, что поэма более или менее передает эту мысль» (152–153).

Несмотря на такое «простое и понятное» авторское объяснение множество исследователей пытались и пытаются трактовать поэму в самых разных ракурсах. Литературоведы рассматривают историю его создания, рисуют маршрут движения Аватера на карте Утрехта, расшифровывают намеки, выявляют аллюзии и интертекстуальные связи (несомненно, Ветхий и Новый Завет, героический эпос, Петрарка, Мильтон, Джойс, по мнению некоторых, также Г. Х. Андерсен и Боттичелли). В 1981 г., в приближении к 50-летию создания поэмы в Нидерландах был издан сборник посвященных ей статей объемом 400 страниц, после которого было написано еще немало исследований. Однако они не раскрывают секрета магической притягательности текста Нейхофа. На наш взгляд, секрет состоит именно в том, что за счет аллюзий, таинственности и красоты стиха Мартинус Нейхоф, проникшийся духом архаичной европейской поэзии, сумел показать один вечер из жизни конторского служащего XX века так, что читатель ощущает связь этой жизни (а значит и своей тоже), а также материального окружения современной жизни с тысячелетиями человеческой истории. Иными словами, поэт достигает «эпической широты диапазона, эпического охвата действительности, эпического реализма и эпической объективности» — тех черт, которые М. И. считает характерными для классических образцов эпического творчества (Steblyn-Kamenskij 1978: 106).

Как известно, почитателем поэмы «Аватер» был, среди прочих, Иосиф Бродский, назвавший ее ‘one of the grandest works of poetry in this century’. Нидерландский писатель Кейс Верхейл оставил воспоминания о том, как Бродский впервые прочитал «Аватера» в английском переводе в 1974 г., когда впервые участвовал в фестивале Poetry International в Роттердаме (Verheul 2015: 194–196).

Бродский высказывает восхищение поэмой «Аватер» и рекомендует его в нескольких своих эссе. Однако, насколько

мне известно, нигде не объясняет, чем замечательна эта поэма. Впрочем, читать прекрасный текст, разумеется, важнее, чем рассуждать нем, в этом нельзя не согласиться с М. И. Стеблин-Каменским.

Заключение

Таким образом, яркие и убедительные книги М. И. Стеблин-Каменского помогают почувствовать его увлеченность тем героическим и одновременно чистым, во многом детским миропониманием древних людей, которое дошло до нас благодаря древнескандинавской литературе. Это же миропонимание, в особенности ощущение невыделенности индивида из коллектива, обнаруженное Нейхофом в европейском героическом эпосе, позволило поэту показать в своей поэме один вечер из жизни Аватера так, что читатель ощущает связь жизни героя поэмы с тысячелетиями человеческой истории. В результате поэт достигает, цитируя М. И. Стеблин-Каменского, «эпической широты диапазона, эпического охвата действительности, эпического реализма и эпической объективности».

Литература

- Brudny, A. A. 1998: *Psikhologicheskaya germeneytika* [Psychological hermeneutics]. Moscow: Labirint.
Брудный А. А. 1998: *Психологическая герменевтика*. М.: Лабиринт.
<https://scibook.net/obschaya-filosofiya/vvedenie26940.html>
- Liberman, A. S. 2003: *M. I. Steblin-Kamenskiy. Vzglyad na yego tvorchestvo i vospominaniya* [M. I. Steblin-Kamenskij. A look at his work and memoirs]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. Works on philology. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 877–909.
- Либерман А. С. 2003: *М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания*. В кн.: Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 877–909.
- Michajlova, I. M., Purin A. A. 2013: *Martinus Nijhoff*. In: *Ot «Lisa Reynarda» do «Sna bogov». Istoriya niderlandskoy literatury* [From 'Reynard the Fox' to 'Dream of the Gods'. History of Dutch Literature. Vol. Saint Petersburg: Alexandria, 82-91.

- Михайлова И. М., Пурин А. А. 2013: Мартинус Нейхоф. *От «Лиса Рейнарда» до «Сна богов».* История нидерландской литературы. Т. 2. Санкт-Петербург: Alexandria, 2013, 82-91.
- Nijhoff, M. 2021: *De dikke Awater, vertaald in 22 talen.* Utrecht, ILFU.
- Nijhoff, M. 2003: *Pero na bumage* [The pen on paper]. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University.
- Нейхоф М. 2003: *Перо на бумаге.* СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ.
- Nooit zag ik Awater zo van nabij*, 1981: Teksten omtrent Awater van Martinus Nijhoff, Red. door D. Kroon. 's-Gravenhage: Bzztôh.
- Sorokin, Yu. A. 2003: *Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermeticheskiye protsedury* [Translation studies: the status of a translator and psychohermeneutic procedures]. Moscow: 'Gnosis'.
- Сорокин, Ю. А. 2003: *Переводоведение: статус переводчика и психогерметические процедуры.* М.: «Гнозис».
- Sötemann, A. L. 1985: 'Awater' na vijftig jaar. In: A. L. Sötemann, *Over poetica en poëzie.* Groningen, 229–246.
- Steblyn-Kamenskij M.I. 1978: *Historical poetics* [Istoricheskaya poetika]. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1978: *Историческая поэтика.* Л.: изд-во ЛГУ.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1984. *Mir sagi. Stanovleniye literatury* [Saga world. The formation of literature. Leningrad: Nauka.
- Стеблин-Каменский М.И. 1984. *Мир саги. Становление литературы.* Л.: Наука.
- Steblyn-Kamenskij, 2003: Further considerations on approaches to Medieval literature. In: Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: *Works on philology.* St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 846–850.
- Steblyn-Kamenskij, 2003: Further considerations on approaches to Medieval literature. В: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии.* СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 846-850.
- Veen, P. A.5F. van, Sijs N. van der. 1997: *Etymologisch woordenboek: de herkomst van onze woorden,* 2e druk, Van Dale Lexicografie, Utrecht; Antwerpen.
- Verheul, K. 2015: *Tanets vokrug mira. Vstrechi s Iosifom Brodskim* [Dance around the World. Meeting Joseph Brodsky]. St. Petersburg: Symposium.
- Верхейл К. 2015: *Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским.* СПб: Symposium.

Т. А. Михайлова
Институт языкознания РАН, Москва, Россия. tamih.msu@mail.ru

ИРЛАНДСКИЕ САГИ: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ (СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА)¹

В работе проводится сопоставление двух моделей классификации древнеирландских саговых нарративов. Первая модель опирается на протагониста цикла (или группу лиц) и была названа нами субъектной. Она распространена в современной кельтологии, но также находит параллели уже в самой среднеирландской ученой традиции. Вторая модель опирается на центральное действие, описанное в саге и кодируемое «опорным словом» названия, и была названа предикативной. Эта модель классификации была распространена в среднеирландской традиции и нашла воплощение в так называемых списках саг, сгруппированных по этому принципу. Одновременно субъектный принцип классификации может быть назван синтагматическим, тогда как второй — парадигматическим, чем предположительно и объясняется ограниченность набора опорных лексем, составляющих реестр названий саг. В то же время в работе делается вывод, что оба типа классификации на самом деле в качестве материала имеют не собственно саги как тексты, но сумму традиции, составляющую основу базовых знаний как раннего поэта-филида, так и *literati* в монастырской среде.

Ключевые слова: Древнеирландская литература, саговые нарративы, классификация саг, героическая биография, Иной мир, история и псевдо-история.

Т. А. Mikhailova
Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia. tamih.msu@mail.ru

Irish sagas: the problem of classification (syntagmatic and paradigmatic)

The paper deals with two classification models of Early Irish saga narratives. The first model has as basic pattern a narrative protagonist (or a group of characters). This model is called by the author — a subject classification. It is spread among modern celtologists and has parallels in Medieval Irish learned tradition. The second model has a basic pattern the “key word” of the saga title describing the main action of the narrative.

¹ «Исследование выполнено в рамках работы над коллективным проектом РНФ № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии».

This model is called by the author — a predicative classification. This model served as a base of so called ‘tale lists’ of Middle Irish learned tradition. At the same time, the subject model could be regarded as a syntagmatic classification principle, so the predicative model could be called — paradigmatic. It might explain limited set of “key words” of saga titles. The author remarks, also, that two classification models deal not with real texts or saga narrative but with a kind of summa tradition, that forms the basis or the background of the oral poets-filed as well as later monastic literati.

Key words: Early Irish literature, saga narratives, tale classification, heroic biography, Otherworld, history and pseudohistory.

В современной ирландистике принято выделять циклы саг, на основе персонажей или определенной территории. Однако далеко не все дошедшие до нас тексты могут попасть в такую классификацию, хотя говорить однозначно, что выделение циклов полностью ошибочно, мы тоже не можем.

Среди всего сагового наследия древней Ирландии действительно можно выделить несколько циклов, причем основным критерием при этом в первую очередь служит система главных действующих лиц, а также, может быть, определенный фокус изложения и отчасти хронология:

- мифологический (повествующий о создании мира, Потопе, и о последовательном заселении острова разными племенами)
- уладский (или цикл Кухулина и Конхобара, действие которого происходит примерно в I в. до н. э. — I в. н. э.)
- лейнстерский (повести о Финне мак Кумале и его воинах, III в.)
- королевский (или исторический — до XI в.).

Как отмечает М. Ни Вролхань, данный принцип классификации нарративного материала предположительно существовал уже в среднеирландский период: «в середине XII в. поэт Гилла Мо Дуту Уа Касаде составил так называемые списки знаменитых жен (Banshenchus) и распределил материал хронологически: в начале — из Книги захватов Ирландии, потом из саг Уладского цикла, Лейнстерского, а затем перешел к списку королей» (Ní Bhrolcháin 2009: 6). Отчасти данный хронологический принцип классификации лежит и в основе разделения исландских саг на «саги о древних временах», «саги об исландцах», «Сагу о Стурлунгах», повествующих уже о событиях относительно поздних. Как писал М. И. Стеблин-Каменский, «различия между сагами сводятся к тому, что в них рассказывается о далеком, менее далеком и недавнем прошлом, а также к тому, что в них говорится о событиях в Исландии и вне ее»

(Steblin-Kamesnkij 2003: 358). Важно и то, что как он отмечает, саги, относящиеся к разным циклам, как правило, различаются и по стилю изложения материала.

Применительно к сагам ирландским хронологический принцип также может лежать в основе классификации, однако он кажется скорее не надежным, причем по многим причинам. Во-первых, исторический процесс по самой своей природе континуален, и провести четкую линию между сагами о псевдо-исторических королях, сагами о королях исторических, а также — сагами об уладах, которые также были частью истории острова, довольно трудно. Так, например, одна из наиболее интересных для интерпретации саг — «Разрушение Дома Да Дерга» (см: Предания и мифы: 1991), повествующая о гибели верховного короля Конайре формально относится к уладскому циклу, т. к. в ней действует сын Конхобара — Кормак, однако мотивный инструментарий текста позволяет отнести ее и к мифологическим текстам, и к повестям о королях. Сам же король Конхобар, живший, согласно преданию, в I в. н. э. (он умер, узнав о распятии Христа), как нам кажется, не может быть назван одним из легендарных правителей Ирландии, поскольку саги о нем и его воинах по стилю изложения существенно отличаются от повестей о «реальных» (пусть на самом деле и вымышленных) королях².

Во-вторых, как мы понимаем, в качестве объекта классификации, зародившейся уже в самой среднеирландской ученой традиции и затем повторенной поздними исследователями, лежит не собственно саговый материал, дошедший до нас в виде сложившихся и зафиксированных в рукописях нарративов, включая и не дошедшие до нас тексты, возможно, существовавшие лишь в устной форме, но некая обобщенная псевдо-историческая традиция, общее «знание», составлявшее фоновую базу, на которой затем могли возникнуть саги, но могли не возникнуть. И речь идет в данном случае не о каких-то полузабытых преданиях о давнем прошлом. Как пишет П. И. Ламбер, ирландский «мифологический» цикл на самом деле, как известно, представляет собой *историю* заселения

² См. описание саг о королях Ирландии в (Dillon 1946). П.-И. Ламбер отмечает, что так называемый «уладский цикл», повествующий о воинах короля Конхобара и связанный с северо-востоком острова, на самом деле есть лишь одна из ветвей королевского цикла, лишь описанная по ряду причин более детально (Lambert 1981: 30).

острова, причем начинается эта история, естественно, от сотворения мира и Потопа: так средневековые ирландские *literati* пытались вписать свою микро-историю в глобальный процесс создания, становления и развития всего христианского мира. Но согласно выработанным нами формальным критериям (см. Mikhailova 2022), так называемая «Книга захватов Ирландии», в которой содержатся эти предания, не имеет саговой формы, и поэтому не может быть включена в «циклы» дошедших до нас саг. Другое дело, что отдельные ее сюжеты, например — повести о Битвах при Маг Туиред действительно сохранились также в виде отдельных саг, по своему стилю отличающихся от текста «Книги захватов», представляющей собой исторический трактат. Таким образом, существующая «классификация саг» оказывается на самом деле классификацией стоящей за текстами сюжетной нарративной традиции, не все элементы которой нашли свое воплощение в собственно саговых нарративах. Данное отличие довольно тонко и на принцип классификации на самом деле почти не влияет.

Выделение циклов с опорой на действующих лиц опирается на принцип, который мы предлагаем назвать субъектно-объектным. Он же лежит в основе выделения микро-циклов внутри саг исторических: так, например, в монографии М. Диллона выделен цикл «Домналла, сына Айнмире», включающий в себя три саги — «Пир в гусиной крепости», «Битва при Маг Рат» и «Безумие Суибне» (Dillon 1946: 56–74)³. Все три текста представляют собой исторические повести, охватывающие период примерно с 628 до 647 г., причем центральным событием цикла является битва при Маг Рат 637 г., в которой войска ирландского короля Домналла противостояли объединенным силам пиктов и в ходе которой король Дал Арайде Суибне потерял рассудок. О самом короле Домналле при этом в сагах рассказывается очень мало, но именно он представляется исследователям главным лицом цикла. Аналогичным образом в ряде саг, относящихся к циклу «Кухулина и Конхобара», король Конхобар или герой Кухулин могут и не действовать, но сюжет саги обычно в той или иной степени связан с псевдо-историей племени уладов.

³ Соблюдается данный принцип и в работе Д. Вили, посвященной согласованию сагового материала с собственно историей — в основе выделения микроциклов королевских саг лежат наиболее важные короли, а шире — династические группы (см. Wiley 2008).

Однако данное деление традиции представляется исследователям отчасти условным и искусственным, поскольку на уровне интуитивном далеко не все саги попадают в названные группы. В книге М. Диллона «Древнеирландская литература» в качестве отдельных «жанров» приводятся также — «Приключения», «Странствия» и «Видения» (см. Dillon 1948), причем здесь, как видно уже из названий, принцип субъектный уступает место другому, основанному уже скорее на стиле изложения материала⁴. Так, например, включенная им в раздел «Приключения» сага «Приключение Коннлы», повествует о том, как к юному принцу Коннле явилась женщина из Иного мира и увлекла его за собой в хрустальной ладье. Но в то же время, герой саги является старшим сыном короля Конна-стабитв, который, согласно Анналам, правил Ирландией в середине II в., и таким образом сага должна быть отнесена к циклу историческому. Более того, рассказ о странном исчезновении наследника объясняет, почему Конна сменил на троне другой его сын — Арт. Включенная им в этот же раздел сага «Болезнь Кухулина», в которой рассказывается о посещении героем Иного мира, вне всяких сомнений относится к уладскому циклу. «Придирик» подобного рода к классификации Диллона можно добавить очень много, поскольку, какой бы магистральный сюжет ни лежал в основе предания, описанный в нем субъект не может не быть включенным в одну из групп — мифологические персонажи, улады, Финн и его воины, исторические и псевдо-исторические короли. Видимо, дело в том, что на уровне интуитивном современные исследователи ощущают несовершенство субъектной классификации, согласно которой рассказ о выигранном королем сражении ставится в один ряд с легендой о посещении им же Иного мира. Естественно, сама традиция противоречия здесь не видела, но данная «уступка стилю», как мы понимаем, является одновременно и шагом в сторону другой классификации, в основе которой лежит принцип, названный нами предикативным.

Все сказанное о противоречивости и сложности выделения среди сагового корпуса определенных циклов, относится к традиции современной. Для самих носителей, составителей и компиляторов нарративов этой проблемы просто не могло

⁴ А. А. Смирнов называл такие саги «фантастическими», см. (Ирландские саги 1933).

существовать, по крайней мере — на формальном уровне, поскольку в основе разработанной в самой средневековой Ирландии системы классификации саговых нарративов лежал принцип, опирающийся не на то, кем было совершено то или иное действие, но на само данное действие.

Названия саг, появившиеся уже, как мы понимаем в момент их фиксации в рукописи, строятся обычно по определенному принципу: опорное слово, обозначающее действие или абстрактное существительное, за ним следует обычно имя собственное в генитиве — «Рождение Кухулина», «Смерть Кухулина», «Разрушение Дома Да Дерга» и так далее.

Это и есть, собственно говоря, традиционный ирландский принцип классификации саг, дошедший до нас в названиях-ярлыках. Название саги является своеобразным «сюжетным кодом», ориентированным на горизонт ожидания аудитории: Плавания, Смерти, Сватовства, Разрушения крепостей, Угоны скота, Битвы и проч. При этом для носителей традиции, как мы понимаем, было важнее, из чего состоит основной фабульный каркас саги, чем то, кто является ее основными протагонистами — улады, исторические короли, Финн и его воины или даже троянцы и греки. Например: «Рождение Конхобара» (уладский цикл) и «Рождение Монгана» (королевский цикл), «Похищение Грайнне» (цикл Финна) и «Похищение Дейрдре» (уладский цикл), «Разрушение Трои» (переложения античных сюжетов) и «Разрушение Дома Да Дерга» (уладский цикл) и так далее.

Практика использования опорных слов в названиях саг, безусловно, вторична по отношению к появлению самих нарративов и относится уже к среднеирландской ученой традиции. Скорее всего, она возникла на стадии письменных фиксаций и соответствующих компиляций. И если современный субъектный принцип классификации саг предстает как несовершенный и отчасти — натянутый и искусственный, то же, наверное, можно сказать и об автохтонной классификации.

Так, с одной стороны, широкое семантическое поле опорного слова заглавия саги реализуется по-разному в разных текстах, что особенно ясно видно на примере переводов названий: так сага «Сватовство к Эмер» повествует о том, как Кухулин раздобыл себе жену, в то время как сага «Любовь к Этайн» — о любви бога Мидира к жене земного короля. При этом в оригинале оба текста названы одинаково: *Tochmarc Émile* — *Tochmarc Étaine*. То же можно сказать, например, и о группе саг с опорным словом *compert* 'зачатие-рождение'.

Др.ирл. *compert* буквально означает «совместное ухватывание (бранье), совместное несение» и, таким образом, более точным был бы перевод — «Зачатие». Однако ориентация уже на собственно сюжет саги, в котором в фокусе фабулы находится рассказ о том, как герой появился на свет, предполагает трактовку лексемы как «рождение» (ср. «Рождение Конхобара», «Рождение Кухулина», но «Зачатие Монгана»). Как и в предыдущем случае, проблема перевода (то есть — понимания) названия вызвана широтой семантического поля опорного слова, что, в общем, скорее естественно.

Условность «названия» саги, к какому бы циклу в нашем современном понимании этого слова она бы ни относилась, с одной стороны, предстает как очевидная: нарратор имеет в своем реестре ограниченное число глагольных имен и поэтому вынужденно называет текст одним из них, вычлняя в нем то, что может быть названо смысловым или сюжетным ядром. Естественно, многие побочные сюжетные линии при этом отступают на второй план. Однако, при этом традиция эстетики тождества, которой подчинена была и средневековая ирландская словесность, диктовала и стоящий за названием сюжет: так саги, называемые «Пирь» (*Fled*), повествовали не столько о пирах как таковых, сколько о конфликте, неизбежно возникающем на данном пиру, о распрях и их последствиях. Поэтому слушатель, уже знакомый, например, с сагой «Пир у Брикрена», вправе был ожидать, что и среднеирландская повесть, названная «Пир в Гусиной крепости» (*Fled Dun na nGed*), также будет посвящена рассказу о произошедшей на пиру расправе.

С другой стороны, ряд текстов дошел до нас в разных рукописях с разными «ярлыками-заголовками», что показывало возможность трактовать с разной степенью фабульной нагруженности разные элементы сюжета. Так, например, сага о том, как невеста короля Конхобара Дейдрде бежала со своим возлюбленным Найси, сыном Уснеха, фигурирует и как «Изгнание сыновей Уснеха» (*Longas mac nUislenn*) и как «Похищение Дейдрде сыновьями Уснеха» (*Aithed Deirdrinne re massaib Uislenn*). И это естественно, поскольку сага как нарративная единица складывается из разных эпизодов. Резюмируя, можно сказать, что лежащий в основе автохтонной классификации саг предикативный принцип оказывается не менее условным и искусственным, чем современный субъектный принцип. Знание этих повестей входило в реестр знаний филидов, которые были не только поэтами, но и носителями исторической традиции в

целом. В их обязанности входило не только знание, но и умение рассказать о том, что они знают.

Слово *scél*, подобно французскому *novelle*, имеет не только значение «повесть» в широком смысле слова, но и — «новость, событие». Полисемия «новость» и «повесть, рассказ» была в свое время обыграна в небольшой повести, в которой рассказывается о том, как ко двору короля Тары Домналлу Мак Муирхертаху († 980) пришел поэт Урард мак Койси. Король спросил, есть ли у него какие-нибудь новости, на что поэт, сделав вид, что не понял смысла вопроса, ответил, что «повестей» у него очень много, и король может выбрать сам, какую ему хотелось бы услышать. Он перечислил десятки названий, завершив список сагой «Разрушение крепости Маэля Мильскотаха», в которой говорилось о предках короля Домналла (на ней тот и должен был остановить свой выбор). Однако, поэт неожиданно добавил еще одно название: «Путь памяти Урарада Мак Кйоси», где рассказ о причиненных ему обидах, вновь обыграв синонимию лексемы *scél* 'повесть, новость'. Эта повесть предваряет один из так называемых «списков саг» — интересных свидетельств классификации нарративов самой традицией.

До нас дошло несколько списков названий саг, составленных среднеирландскими писцами, которые пытались таким образом классифицировать и осмыслить все обилие известных им прозаических преданий. Как пишет об этом в книге, посвященной классификации саг, П. Мак Кана, это было скорее «манипулирование письменной традицией, чем попытки записать традицию устную» (Mac Cana 1980: 73). Перечисление саг в них группируется по опорным словам, то есть подчиняется принципу, названному нами предикативным Естественным, при этом сами тексты очень разнятся по своему содержанию. Так, например сага «Приключение сыновей Эохайда Мугмедона» рассказывает о встрече королевских сыновей в лесу с богиней власти, а «Приключение Неры» — о посещении коннахтским воином волшебного холма-сида. Однако, проследить некую важную компоненту, объединяющую эти сюжеты, можно: это контакт с Иным миром, как бы он ни был представлен конкретно. Аналогичных примеров можно привести множество.

Интересно, что как и субъектно-хронологическая, классификация предикативная опирается не на собственно тексты, но на некий условный нарративный материал, который составлял основу псевдо-исторического знания. Так, в списки вклю-

чены названия «саг» *Tochomlod mac Miled a hEspain* («Вторжение сыновей Миля из Испании») или *Tochomlod Partholoin dochum nñErend* («Вторжение Партолона в Ирландию»), отсылающие к «Книге захватов Ирландии», которые являются не собственно сагами, но псевдо-историческими преданиями. Сага *Tochomlod Dáil Riatai i nAlbain* («Вторжение из Дал Риаты в Альбан») — это уже исторический сюжет. В «Анналах четырех мастеров» завоевание ирландцами шотландской области Дад Риата датируется 498 г.

Списки саг обычно используются исследователями для доказательства архаичности и «основания для ранней датировки» (Toner 2000: 88) текста, дошедшего до нас в поздней редакции. Так, например, сага «Битва при Маг Рат», которая дошла до нас в поздней рукописи «Желтая книга Лекана» (XIV в.), содержится в списке А и таким образом, уже была известна в XII в., если не ранее. Также наличие в списке неизвестного исследователя названия свидетельствует, как принято считать, о том, что данная сага существовала как текст, но была утрачена, что теоретически, конечно, возможно⁵. Так, например, в списке А есть сага *Tochmarc Grainne Finne* — «Любовь (к) Грайinne Финна (жене)». Предположительно — это ранняя, не дошедшая до нас редакция поздней саги «Преследование Диармайда и Грайinne» (*Tóruigheacht Dhiarmada agus Ghráinne*), сохранившейся лишь в поздних версиях (XVII–XIX вв.). Но на самом деле все сложнее: некоторые тексты вообще никак не идентифицируются, другие известны, но под другими названиями: например, *Feis Tige Bricrenn* — «Праздник в доме Брикрена», это скорее всего сага уладского цикла «Пир у Брикрена», которой под таким названием в списках нет. Название «Приключение Брана» скорее всего отсылает к сюжету, известному как «Плаванье Брана». Но тот ли это текст или какой-то иной, но трактующий тот же сюжет?

Само возникновение названий саг с опорным словом, обозначающим действие, как считают некоторые исследователи, свидетельствует скорее об архаичности традиции, для которой действие важнее субъекта, а также о принципиальной устности ее бытования — рассказы об определенных «действиях» исполнялись в определенные поворотные для социума и личности

⁵ Ср., например, многочисленные отсылки к рукописи, известной как «Книга снежного хребта», в рукописях саг и глоссариях: данная «Книга» скорее всего действительно существовала (см. Carey 1995).

моменты времени, как-то соотносимые с данными действиями (см. об этом Rees, Rees 1961: 21–25). А. Паже в работе, посвященной анализу структурных особенностей саг с названием «Рождение» (Compert), предлагает в анализе типов саг ориентироваться на «паттерн героической биографии» (Pagé 2015–16: 62), состоящей из ограниченного числа важных биографических точек: рождение, детские подвиги, героическое сватовство, битвы, посещение Иного мира, запоминающаяся смерть и т. д. Развивая ее мысль, мы можем сказать, что древнеирландская нарративная традиция ориентировалась на своего рода «биографию этноса», то есть — историю, каковой она и мыслила себя сама. Но в таком случае названия саг отсылают не столько к собственно текстам, и даже не столько к определенным важным событиям как в биографии героя или короля, так и в общей биографии народа или локуса, сколько к некоему потенциальному паттерну, в котором на уровне реализации присутствует достаточное число «пустых клеток». Однако последнее, видимо, не воспринималось среднеирландской ученой традицией как недостаток, более того — указанный паттерн давал возможность вписать в уже существующие реестры новые сюжеты, например — заимствованные из античной традиции. Так появились «Разрушение Трои», «Похождения Энея» и «Блуждание Улисса».

Современный принцип классификации саг, опирающийся на имя персонажа (или группу персонажей), был назван нами субъектным и противопоставлен существовавшему в самой средневековой Ирландии принципу предикативному, опирающемуся на действие. Представляется также возможным представить современную классификацию как синтагматическую, то есть представляющую развертывание эпической биографии короля или героя (или локуса) — *Рождение А*, *Сватовство А*, *Битва А с Б*, *Смерть А*. Лежащий в основе автохтонной классификации принцип в таком случае предстанет как парадигматический, то есть реализующий инварианты одного сюжета, примененные к разным персонажам: *Смерть А*, *Смерть Б*, *Смерть В* и так далее. В чем-то данный принцип представляется более совершенным и оптимально описывающим саговую традицию в целом, по крайней мере, в том виде, в каком хотели представить ее сами носители. По самому своему определению парадигма должна включать в себя ограниченное число инвариантов, этим и объясняется ограниченное число «опорных» слов, кодирующих сюжеты древнеирландских саг.

Источники и литература

- Carey, J. 1995: On the Interrelationships of the some Cín Dromma Snechtai' Texts. *Ériu*, 46, 71–92.
- Dillon, M. 1946: *The Cycles of the Kings*. Oxford: Oxford University Press.
- Dillon, M. 1948: *Early Irish Literature*. Oxford: Oxford University Press.
- Irish Sagas*, 1933: Ed. by A. Smirnov. Leningrad; Moscow: Academia.
- Ирландские саги*. 1933. сост., пер. и предисл. А. А. Смирнова. Л.; М.: Academia.
- Lambert, P. Y. 1981: *Les littératures celtiques*. Paris: Que sais je?, 1981.
- Legends and myths of Medieval Ireland*. 1991. Ed. By S. Skunaev. Moscow: Moscow University Press.
- Предания и мифы средневековой Ирландии*. 1991. Сост., пер. и комм. С. В. Шкунаева. М.: изд-во МГУ, 1991.
- Mac Cana, Pr. 1980: *The Learned Tales of Medieval Ireland*. Dublin: DIAS.
- Mikhailova T. A., 2022: [Irish saga as a genre (a formal approach)] In: *Izvestia Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i jazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 81, No. 4, 60–69.
- Михайлова, Т. А. 2022: Ирландская сага: границы жанра (формальный подход). *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 81, № 4, 60–69.
- Ní Bhrolcháin, M. 2009: *An Introduction to Early Irish Literature*. Dublin: Four Courts Press.
- Pagé, A. J. 2015–16: The Narrative Structure of the *Comperta* and Other Irish Birth Tales. In: *Keltische Forshungen*, 7, 61–90.
- Rees, A., Rees, B. 1961: *Celtic Heritage. Ancient Tradition in Ireland and Wales*. London: Thames and Hudson.
- Steblin-Kamesnkij, M. I. 2003. *Philological Studies*. SPb.
- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет.
- Toner, G. 2000: Reconstructing the earliest Irish tale lists. In: *Éigse*, 32, 88–120.
- Wiley, D. M. 2008: An Introduction to the early Irish king tales. In: Wiley D. M. (ed.). *Essays on the Early Irish King Tales*. Dublin: Four Courts Press, 13–67.

Э. И. Мячинская
СПГУ, Санкт-Петербург, Россия. Elvirivan2009@mail.ru

Д. С. Шитиков
СПГУ, Санкт-Петербург, Россия. denisssh@mail.ru

ГЭЛЬСКИЙ В ИРЛАНДИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Будучи исконным и официальным языком Республики Ирландия, ирландский гэльский, тем не менее, серьезно утрачивает свои позиции под давлением английского. В статье анализируются результаты интернет-опроса носителей гэльского языка с целью выяснить их отношение к языку и его судьбе. Эмоциональная вовлеченность, практическая заинтересованность, осознание языка как части этнической идентичности у ирландцев, поддержанные институциональным фактором преподавания гэльского в школах и политики национального правительства внушают носителям и исследователям оптимистические ожидания.

Ключевые слова: кельтская группа, ирландский гэльский, опрос носителей, языковая идентичность, исчезающий язык.

Elvira Myachinskaya
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. Elvirivan2009@mail.ru

Denis Shitikov
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. denisssh@mail.ru

Irish Gaelic: The Present and The Future

Irish Gaelic, a Celtic language of the Indo-European family is an indigenous and the first official language of the Irish Republic. Despite this, the number of day to day Irish speakers is reducing under the pressure of English. Measures are taken by the government and school education to prevent Gaelic from deteriorating into an endangered language. The paper presents the results of an internet survey aimed at eliciting the attitude of Gaelic native speakers to this problem. Most of the informants are positive about its survival as it is a language of their national identity, spoken in the family setting, a beautiful language inherited from the older times. Important is children learning Gaelic at school. To some extent concern is expressed about the reduction of Gaelic speakers. Attitudinal aspect should be taken into consideration when appraising the language as endangered.

Keywords: Celtic, Irish Gaelic, internet survey, ethnic language identity, endangered language.

Ирландский *гэльский* язык (ирл. *Gaeilge Chlasaiceach* “классический гэльский”) распространён в Республике Ирландия (где он официальный язык наряду с английским), в Северной Ирландии, Англии, США и других странах. В Республике Ирландия, по опросу 2016 г., в повседневной жизни ирландским гэльским пользовалось 73 803 человека. По сведениям переписи населения Северной Ирландии 2021 г., 43 557 человек ответили, что они ежедневно говорят на ирландском гэльском, 26 286 говорят раз в неделю, 47 153 — менее одного раза в неделю, 9 758 человек сказали, что говорить на ирландском они могут, но никогда не говорят. Международный опрос, проводившийся в апреле 2022, показал, что число респондентов, которые заявили, что знают ирландский гэльский, составило 1 873 997 (40% общего числа опрошенных). Однако из них 472 153 человека никогда на ирландском не говорили, а еще 551 993 человека говорят лишь в рамках образовательных программ (Wikipedia).

Такое относительно небольшое количество людей, реально говорящих на гэльском, тем не менее, не умаляет важности этого языка и интереса, который он представляет для исследователей, в различных аспектах. Изначально (за пределами индоевропеистики) изучался исторический аспект сложения ирландской государственности и эволюция языка и языковых ситуаций (см. напр. Korkery 1968; Stenson 1993; Doyl 2015). С появлением и развитием теории контактологии интерес сместился на проблемы двуязычия, переключения и смешения кодов, заимствований, языкового сдвига и прочих аспектов взаимодействия между ирландским и английским, как в устной, так и письменной речи (см. напр. Stenson 1993; Muysken 2004; Bennett-Kastor 2008; Hickey 2009). На современном этапе активно обсуждается вопрос, является ли гэльский исчезающим языком и каковы возможные пути его ревитализации (McGee 2018).

Кроме того, сейчас ирландские и другие этно-лингвистические и лингво-культурологические исследования характеризуются сменой научной парадигмы и акцентом на антропоцентрический подход. В настоящей работе изучаются **мнения** носителей ирландского гэльского языка, прежде всего осознания ими лингвистической ситуации и выражения отношения к ней. С этой точки зрения, спецификой языковой ситуации в Ирландии видится в первую очередь представление жителей, о месте этого языка в современном языковом ландшафте Ирландии. Материалом настоящего исследования послужил

опрос 153 респондентов, проведенный в 2017 в сети Интернет, на форумах и в группах Facebook, посвящённых ирландскому языку и культуре, путешествиям в Ирландии и местным событиям (Шитиков 2017 [под руководством Э. И. Мячинской])

Опросник, помимо прочего, содержал следующие вопросы:

— *When did you learn Irish?*

— *In what situations do you speak Irish?*

— *To whom do you speak Irish?*

— *Do you or are you going to teach your children Irish? Why?*

How important and relevant is the Irish language to you?

— *What do you think will be the future of the Irish language?*

Will it disappear or will it develop? (ibid: 56–57)

Абсолютное большинство информантов (86.7%) учили ирландский язык с детства, чаще всего — в школе, реже — дома, с родителями. Что касается сфер использования, большинство респондентов (73.3%) говорят на ирландском прежде всего в неформальной ситуации: в семье, с друзьями, в пабе, магазине, на почте (примеры 1,2). В официальной обстановке, на работе, говорят только по-английски (3), хотя с коллегами могут переходить на гэльский (2):

1. *All family and neighbours and friends in the shop, post office, pub;*

2. *Family Friends Co workers;*

3. *Only English, only at work.*

Для большинства респондентов (80%) ирландский язык очень важен и актуален. Как пояснил один из респондентов, он является ключевым элементом ирландского самосознания и культурного самоопределения: Важность и ценность гэльского как составляющей этнической и национальной идентичности очевидна почти всем и воспринимается как нечто личное, важное «и для меня, и для моей дочери» (5).

4. *I love the language it's ours, like they say a country without a language is without a name, Tir gan teanga Tir gan anam.* «Я люблю этот язык, он наш — как говорится, страна без языка — это страна без имени. Страна без языка — страна без имени» [повторяет на гэльском для усиления].

5. *Extremely important and hugely relevant to my daughter & myself, it's part of our identity. It's what makes us Irish.*

Важность гэльского как фактор идентичности разделяется не всеми респондентами, некоторые относятся к языку нейтрально, как к всего лишь одному из многих языков, и им безразлично, на каком языке говорить (6):

6. *Fairly. At the end of the day, it's just a language. Just a method of communication.* «Да так себе [о важности]. В конце концов, это всего на всего язык. Просто способ общения».

Лишь для нескольких человек из всей выборки респондентов ирландский язык вовсе не имеет ценности (соответственно, они на нём и не говорят).

Очень важный аспект интервью — продолжение языковой традиции в последующих поколениях; 96% респондентов учат или планируют учить своих детей гэльскому, приводя различные аргументы — национальное самосознание (7, 9), привлекательность языка (7), практические и когнитивные соображения (9, 10):

7. *It's important to their cultural identity and it's a beautiful language.* «Он [язык] важен для их [детей] культурного самосознания, и это красивый язык»,

8. *It's natural* — «А как же иначе!»

9. *Because a second language has proven cognitive benefits and is important culturally.* «Потому что было доказано, что второй язык даёт когнитивные преимущества, и он важен с культурной точки зрения»

10. *I want my daughter to be bilingual*

Эта группа высказываний отражает положение важное для сохранения ирландского гэльского как языка живого и функционирующего; не будь такого мнения носителей, язык был бы обречен на вымирание.

Последний вопрос интервью касался будущего ирландского языка. Большинство информантов (80%) выразило позитивное отношение к будущему развитию событий. Часть респондентов верят в безусловное выживание и развитие языка и считают, что он развивается и сейчас:

11. *People have been saying it's a generation from extinction since the 1800s. It's not going anywhere.* «С начала XIX века говорят, что через одно поколение [носителей ирландского] гэльского не станет. А он никуда не девается»

12. *It's very much on the up, developing more & more every day, we are fighting hard at the moment for the Irish language act (acht an Gaeilge),* «Он [ирландский язык] очень даже на подъёме, развивается с каждым днем, сейчас мы изо всех сил боремся за принятие Акта об ирландском языке,»

13. *It will develop around my life I'll never let it disappear around me.* «В моей жизни его будет все больше, и я никогда не позволю ему исчезнуть вокруг меня». (Вероятно он готов лично

поддерживать его существование собственными усилиями в языковой практике).

Высказываются также трезвые, достаточно пессимистические соображения социолингвистического характера, учитывающие социально-демографические обстоятельства реальной жизни, напр. поддерживающее воздействие города, без которого гэльский был бы полностью вытеснен английским (14, 15), или, наоборот, уход старого населения повлечет за собой уход и языка, и фольклора (16):

14. *I think it will develop to a modest degree in cities. I think Gaeltacht areas will survive to a certain degree, but only to the extent that there will be networks of Irish speakers there (as in Dublin or Belfast now, for example). Rather than whole communities where the language is spoken by the majority.* «Я думаю, что в городах он [гэльский] еще как-то сохранится. Я думаю, что в районах-гэлтахтах язык выживет, но только в той степени, в какой там будет какая-то сеть носителей ирландского (как, например, сейчас в Дублине или Белфасте). Вряд ли будут существовать целые сообщества, в которых на языке говорит большинство населения».

15. *I think it will evolve and be used in different ways in urban settings. I think English will continue to have a huge influence.* «Я думаю, что в городском окружении он эволюционирует и будет использоваться каким-то образом. Думаю, что английский всё так же будет оказывать огромное влияние».

16. *The wealth of the language is disappearing as the old people die — as is the folklore of the country*

Деградация языка до уровня креола и боязнь его исчезновения драматически предвидится респондентами в (17, 18):

17. *It will become the norm to speak like the speakers in Dublin. There will be total loss of native speaker phonetics, grammatical structures and authentic vocabulary. It will regress to a creole and will lose all higher domains of use for literature or thinking skills*

18. *I am afraid we will lose her.* «Я боюсь, что мы его потеряем» Эта последняя фраза звучит особенно проницательно из-за употребления одушевленного местоимения *her*, что создает стилистическую маркированность, передачу эмотивной коннотации, а именно позитивного отношения или восхищения.

Обоснованные опасения относительно возможной деградации и исчезновения гэльского языка высказывают 20% респондентов. Это подтверждается и высказываниями в интернет-опросе 2023 г. На вопрос: “What do people get wrong about Irish

people?» «Есть ли у людей примеры неверного представления об ирландцах?», респондент-ирландец отвечает:

19. *Not everyone in Ireland speak Irish even though many have learned it in school. Only 2% of the people in Ireland speak Irish in their day to day lives. And maybe another 2% will sprinkle their speech with a few Irish words and phrases.* «Отнюдь не все в Ирландии говорят на гэльском, даже хотя они учили его в школе. В повседневной жизни на нем говорит только 2%, и еще 2% иногда вставляют в свою речь ирландские словечки или выражения».

В рассмотренных примерах, отчетливо обозначен интерес ирландцев к функционированию ирландского гэльского, представляющего, по их мнению, несомненную часть их национальной идентичности. Сожаления о снижении представленности гэльского в повседневной жизни можно расценивать как проявление озабоченности судьбой языка, его бытованием. Это, в определенном смысле, позитивный подход, поскольку предполагает стремление усилить позиции гэльского языка.

Изучение отношения носителей к языку интересно и само по себе, но в данном случае представляет часть более общей проблемы, а именно определения статуса языка как исчезающего (*endangered*) — вопрос, имеющий в настоящее время чрезвычайно актуальное и разноаспектное звучание. Ясно, что если остался всего один носитель, которому не с кем вступить в коммуникацию, то язык умер. С другой стороны, невозможно точно сказать, каков необходимый для выживания процент. Лингвистами и международными организациями определен и разработан обширный набор критериев, которые в разной степени и разной комбинации могут дать определение статуса языка. Представляется, что отношение носителей к своему языку, понимание его роли и места, а также осознание своей лингво-культурной и этнической идентичности — серьезный и во многом определяющий фактор, который следует включить в число этих критериев. Конечно, исследуемый нами материал ограничен как количественно, так и по его источнику, поскольку в таких опросах участвуют люди, заведомо увлеченные и озабоченные проблемой функционирования и сохранения своего языка. И, тем не менее, можно сказать, что отношение носителей к языку это та «капля воды, в которой отражается» реальная ситуация, скорее оптимистическая, чем безнадежная. Оптимизму также способствует институциональный фактор

включения гэльского в школьное образование и целенаправленные действия правительства Ирландии.

Литература

- Bennett-Kastor, T. 2008: Code-Mixing in Biliterate and Multiliterate Irish Literary Texts. In: *Estudios Irlandeses*. Wichita State University.
- Corkery, D. 1968: *The Fortunes of the Irish Language*. Dublin: Mercier Press.
- Doyle, A. 2015: *A History of Irish Language. From the Norman Invasion to Independence*. Oxford: Oxford University Press.
- Hickey, T. 2009: Code-switching and borrowing in Irish. *Journal of Sociolinguistics*. 13 (5).
- McGee, P. 2018: Endangered Languages: The Case of Irish Gaelic. *Training, Language and Culture*. Vol. 2, Issue 4, 26–38.
- Muysken, P. 2004: *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Cambridge: the Press Syndicate of the University of Cambridge.
- Shitikov, D. 2017: *Nekotorye aspekty yazykovoy situatsii v Respublike Irlandia*. [Several aspects of the language situation in the Republic of Ireland]. <http://hdl.handle.net/11701/7356>
- Шитиков Д. С. 2017: *Некоторые аспекты языковой ситуации в Республике Ирландия*. Маг. Дисс.: СПбГУ. <http://hdl.handle.net/11701/7356>
- Stenson, N. 1993: English influence on Irish: the last 100 years. In: *Journal of Celtic Linguistics* 2: 107–128. (University of Wales Press).
- Wikipedia: https://en.wikipedia.org/wiki/Irish_language#cite_note-14

А. А. Немцева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. anastdansk@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘МАЛО’ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется употребление количественных лексем со значением ‘мало’ в датском языке. Как показывает материал, в датском языке существует довольно много количественных лексем, различающихся по употреблению: лексема *få* используется с исчисляемыми существительными, а *lidt* — с неисчисляемыми. Зачастую на выбор говорящим той или иной лексемы оказывают влияние прагматические факторы. Так, употребление *lidt* с исчисляемыми существительными может свидетельствовать о желании говорящего смягчить информацию (*lidt problemer* — немного проблем), что соответствует русской лексеме *немного*. Важным в связи с рассмотрением количественных лексем оказывается и тот факт, что некоторые из них могут передавать как собственно количественное значение, так и использоваться в качестве местоимения.

Ключевые слова: категория количества, количественные лексемы, прагматика, исчисляемые / неисчисляемые существительные.

Anastasia A. Nemtseva

Lomonosov State University, Moscow, Russia. anastdansk@yandex.ru

Quantitative lexemes with the meaning *a few* in Danish and their functions

The article analyzes the use of quantitative lexemes with the meaning ‘a few’ in Danish. The language material shows that there are quite a lot of quantitative lexemes in Danish. The use with countable/uncountable nouns (the lexeme *få* is used with countable nouns, and *lidt* — with uncountable nouns) is not the only difference between them. Pragmatic factors often influence the speaker's choice of one or another lexeme. Thus, the use of *lidt* with countable nouns may indicate the speaker's desire to soften a statement (*lidt problemer* — a few problems). This allows us to draw a parallel with the Russian quantitative lexeme *немного*. In connection with the analysis of quantitative lexemes, it is important to note that some quantitative lexemes can have both a proper quantitative and a pronominal component.

Keywords: category of quantity, quantitative lexemes, pragmatics, countable / uncountable nouns.

Выражение количества имеет место во всех языках и «отражается на ментальном уровне в понятийной категории количественности (квантитативности)» (Chudjakov 1989: 124). Говоря о выделении особой категории количества, стоит отметить, что эта категория является категорией коммуникативной, поскольку само понятие количества является субъективным: «то, что один оценит как *мало*, другой может охарактеризовать как *много*» (Shmelev 2005: 513).

Основой количественной оценки является оппозиция «много-мало», которая «может быть дана как дискретным множествам, так и недискретным объектам» (Shmelev 2005: 512).

В датском языке, в отличие от русского языка, где одни и те же количественные лексемы употребляются как при исчисляемых, так и при неисчисляемых существительных, используются разные единицы для обозначения количества для дискретных и недискретных объектов. Так, обозначение количества «мало» в датском языке передается единицами *få* и *lidt*, где *få* употребляется при дискретных объектах (*få danskere*), а *lidt* — при недискретных (*lidt kaffe*). Однако в современном датском языке возможно употребление *lidt* и с дискретными множествами, что будет рассмотрено ниже. В ряде случаев небольшое количество может также передаваться лексемами *flere* и *nogle*.

Особенности употребления *få*

Лексема *få* употребляется для обозначения количества 'мало' с дискретными множествами:

Hun må lukke Sundby Friskole og Børnehus, fordi der er for få børn tilmeldt til næste skoleår. (Tvmidtvest) «Она вынуждена закрыть школу Сундбю и Бернехус, поскольку на следующий учебный год записалось слишком мало детей».

В данном примере при существительном множественного числа *børn* употребляется грамматически корректная форма *få*, которая переводится на русский язык словом *мало*. Однако, как показывают наблюдения, русское *мало* не всегда переводится на датский язык единицей *få*, поскольку *få* имеет свои контекстуальные ограничения.

Во-первых, только *få* употребляется в конструкции 'en af de få + исчисляемые существительные':

Familien Mygind / Mühlhausen er en af de få familier i Danmark, der allerede bor tre generationer under samme tag

(Aftenshowet). «Семья Мюгинд / Мюльхаусен — одна из немногих семей, где под одной крышей живут вместе три поколения».

Интересно, что в этой конструкции *få* может стоять и перед числительным:

Det er Katarina Scheef. Hun er en af de få tusinde danskere, der ikke drikker alkohol (Aftenshowet). «Это Катарина Шиф. Она одна из всего нескольких тысяч датчан, которые не пьют алкоголь».

В данной конструкции при выражении количества ‘мало’ невозможно употребить другие лексические единицы (**en af de lidt*).

Во-вторых, *få* употребляется с существительными, обозначающими отрезки времени:

13 rundetårne ovenpå hinanden. Så høj vil en vindmølle være om få år (Jyllands-Posten). «13 круглых башен друг на друге. Такой высоты будет ветряная мельница всего через несколько лет».

Det er få måneder efter, at USA og dets allierede havde væltet Iraks præsident Saddam Hussein (Diplomaterne). «Прошло всего несколько месяцев, после того как США и их союзники свергли президента Ирака Саддама Хусейна».

Интересно, что в русском языке приходится переводить *få* в таких контекстах словом *несколько*, как и лексему *flere*, хотя количество, обозначаемое *få*, для говорящего на датском языке является меньшим количеством, чем *flere*; в связи с этим в русском языке при переводе необходимо добавлять слово *всего*, чтобы подчеркнуть небольшое количество.

В контекстах с существительными, обозначающими отрезки времени, невозможно употребление *lidt* (**om lidt timer*), но возможно употребление неопределенного местоимения *nogle*:

Jeg tror, man om nogle år vil sige, at det er det største erhvervseventyr i Danmark i ja ... 100 år? (Berlingske). «Я думаю, что через несколько лет скажут, что это самая большая предпринимательская сказка в Дании за... 100 лет».

Разница в употреблении *få* и *nogle* в этих контекстах состоит в том, что *få* является оценочной единицей, то есть временной отрезок оценивается говорящим как ‘мало’, в то время как, употребляя *nogle*, говорящий лишь подчеркивает, что количество было «больше, чем один, то есть минимум два» (Jacobsen, Jørgensen 1992: 696).

Få употребляется также в составе составного именного сказуемого:

Jeg sidder ofte med en fornemmelse af, at vi lige nu er et sted, hvor seniorerne skal passe lidt på, at de ikke træffer nogle forkerte beslutninger, fordi de er utålmodige, og mulighederne er få (Bolius) «У меня часто бывает ощущение, что мы сейчас находимся в такой ситуации, когда пожилым надо быть осторожными с принятием неправильных решений, потому что они нетерпеливы, а возможностей мало (букв. возможности малы)».

Употребление лексемы *lidt* в данном контексте невозможно, поскольку *lidt* может выполнять только атрибутивную функцию.

В датском языке, однако, имеются конструкции, где наряду с грамматически корректным *få* может употребляться и *lidt* с дискретными множествами. Такое употребление возможно главным образом в конструкции 'jeg har' и имеет свои прагматические особенности:

Jeg har få gode venner og få rigtig tætte veninder (Aftenshowet). «У меня мало хороших друзей и мало действительно близких подруг»;

Vi har lidt problemer med forbindelsen (Diplomaterne). «У нас некоторые проблемы со связью».

Последний пример взят из телепередачи о работе дипломатических миссий Дании. Ведущий новостей звонит послу Дании в Сомали, чтобы получить комментарий о проходящих в стране выборах, но связь постоянно прерывается. Употребляя *lidt*, ведущая как бы извиняется за отсутствие связи. *Få* в данном контексте означало бы, что проблем со связью слишком мало, что довольно странно звучит как по-датски, так и по-русски.

В целом *få* редко употребляется в этой конструкции одиночно; чаще всего данная лексема встречается с усилителями:

Danmark har for få gode alternativer til operationer, mener ekspert (TV2). «Дания имеет слишком мало альтернатив операциям, считает эксперт».

Особенности употребления *lidt*

Лексема *lidt* употребляется в основном с недискретными денотатами:

9 tegn på at du drikker for lidt vand (Chrichri). «9 признаков того, что ты пьешь слишком мало воды».

Однако *lidt* может употребляться с дискретными денотатами не только в форме множественного числа, как было показано выше, но и в форме единственного.

С исчисляемыми существительными в форме единственного числа *lidt* может иметь значение «небольшой, непродолжительный»:

Der skal være lidt koncert og noget filmforevisning (TV-avisen). «Будет небольшой концерт и показ фильма».

Кроме того, *lidt*, употребляясь с существительными в единственном числе, может выполнять и наречную функцию:

Jeg har fået lidt morgenmad (Diplomaterne). «Я немного позавтракал».

Lidt может употребляться и с существительными в форме множественного числа:

1. *Vi har taget på, det indrømmer vi gerne. Det er ikke meget, men der er kommet lidt kilo på* (DR). «Мы поправились, мы это признаем. Не очень сильно, но немного килограммов появилось».

2. *Vejret i Moskva er som her. Lidt regnbyger* (Diplomaterne). «Погода в Москве, как здесь. Немного дождей».

3. *Vi ser lidt ukrainske flygtninge lige nu, og der er andre grænsekredse end os i Sydsjællands og Lolland-Falsters Politi, som ser flere, end vi gør lige nu* (DR). «Мы видим немного украинских беженцев сейчас, но есть другие округа, чем мы в полиции Южной Зеландии и Лолланд-Фальстер, которые видят больше, чем мы сейчас».

4. *Hos Umage indførte man den fire dages arbejdsuge, fordi virksomhedens kreative chef følte, at ideerne kom til ham, når han havde ferie eller lidt ekstra fridage* (DR). «В Умаге ввели четырехдневную рабочую неделю, потому что креативный директор компании почувствовал, что идеи приходили к нему, когда у него был отпуск или немного дополнительных свободных дней».

Интересно, что во всех этих контекстах на русский язык *lidt* переводится как 'немного'. Разница в употреблении *få* и *lidt* в данных контекстах такая же, как и между русскими количественными лексемами *мало* и *немного*. Первая является оценочной единицей (слишком мало), в то время как употребляя вторую, говорящий просто подчеркивает, что количество денотатов было небольшим.

В связи с рассмотренным материалом любопытно посмотреть на слово *penge* (деньги), которое в датском языке является

исчисляемым существительным и употребляется с лексемой *mange*, но для обозначения количества 'мало' с этим существительным может употребляться только *lidt*. Можно предположить, что *lidt* чаще употребляется с теми существительными в форме множественного числа, которые проще представить как недискретное множество:

Jeg vidste fra vores besøg i Sovjet, at Khrusjtjov normalt ikke spiste andet end yoghurt om aftenen, så jeg havde sammensat en let, dansk menu bestående af lidt friskfangede rejer, dansk spædlam og friske jordbær (Virchner 1996: 290). «Я знала по нашему визиту в Советский Союз, что Хрущев обычно не ел на ужин ничего, кроме кефира, так что я составила легкое, датское меню, состоящее из небольшого количества свежих креветок, датской баранины и свежей клубники».

В данном примере существительное в форме множественного числа *rejer* употребляется с количественной лексемой *lidt*.

Таким образом, единицы с обозначением количества 'мало' могут переводиться на русский язык как *мало* (få), *немного* (*lidt*) и *несколько* (få, nogle, flere).

Лексема *flere*, которая является супплетивной формой сравнительной степени наречия 'mange', как было показано выше, тоже может обозначать небольшое количество. При этом важно отметить, что *flere* в датском языке может иметь как количественную оценку (несколько), так и выполнять местоименную функцию. Это свойственно и местоименной форме *nogle*. В форме сравнительной степени *flere* имеет значение «больше, чем». В самостоятельном употреблении ее семантика описывается следующим образом: охватывает большее количество, чем два = различные (Politikens nudansk ordbog 2004: 206) и переводится на русский язык как «больше, несколько, некоторые, многие»:

Det kan let tage flere år at føre sag ved Menneskerettighedsdomstolen (Information) «Рассмотрение дела в Суде по правам человека может легко занять несколько лет».

Э. Хансен отмечает, что *flere* имеет значение 'минимум два' (Hansen 1975: 120), что сближает его по семантике с местоимением *nogle*.

Можно, однако, предположить, что *flere* «выражает идею неопределенного количества, интерпретируемого как «скорее много, чем мало» (Dobrovolsky 2005: 172).

Рассмотренные единицы и их русские эквиваленты можно обобщить в следующей таблице:

Lidt	Немного
Få	Мало, немногие, несколько
Nogle	Несколько, некоторые
Flere	Несколько

Таким образом, в датском языке есть собственно количественные лексемы: *få* и *lidt*, где *få* — оценочная лексема, поэтому чаще употребляется с усилителем *for*, а *lidt* — более нейтральная, указывающая на небольшое количество; и лексемы, имеющие как местоименный, так и количественный компонент (*nogle* и *flere*).

Литература

- Chudjakov, A. A. 1989 [On notional basis of the category of number of nouns]. In: *Ponjatijnye kategorii i ih jazykovaja realizacija* [Notional categories and their realization in the language]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo ped. in-ta, 119–125.
- Худяков А. А. *К вопросу о понятийной основе категории числа имени существительного*. В сб.: *Понятийные категории и их языковая реализация: Межвуз. сб. науч. тр.* Л.: Изд-во Ленинградск. пед. ин-та, 1989, 119–125.
- Dobrovolsky, D. O. 2005: [Quantitative words in comparative aspect (несколько and its German equivalents)]. In: *Logicheskij analiz jazyka. Kvantifikativnyj aspekt jazyka*. [Logical analysis of language. Quantitative aspect of language]. Moscow: Indrik, 166–185.
- Добровольский, Д. О. 2005: Кванторные слова в сопоставительном аспекте (несколько и его немецкие эквиваленты). В сб.: *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. / Гл. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 166–185.
- Hansen, E. 1975: Noget om intet. In: *At færdes i sproget. Jagttagelser og synspunkter*. Kbh.
- Jacobsen, H. G., Jørgensen, P. S. 1992: *Politikens Håndbog i Nudansk*. Kbh.
- Shmelev, A. D. 2005: *Parametry kachestvennoj otsenki v estestvennom jazyke* [Parameters of quantitative in natural language]. In: *Logicheskij analiz jazyka. Kvantifikativnyj aspekt jazyka*. [Logical analysis of language. Quantitative aspect of language]. Moscow: Indrik, 511–520.
- Шмелев А. Д. «Параметры количественной оценки в естественном языке». В сб.: *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. / Гл. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. 511–520.
- Virkner, H. 1996: *Billeder fra mit liv*. Kbh.

Тексты

Aftenshowet. Available at:

https://www.dr.dk/drtv/serie/aftenshowet_183770

Berlingske. Available at: <https://www.berlingske.dk/virksomheder/jeg-tror-man-om-nogle-aar-vil-sige-at-det-er-det-stoerste>

Bolius. Available at: <https://www.bolius.dk/seniorbofaellesskaber-lad-dig-ikke-paavirke-af-utaalmodighed-93045>

Chrichri. Available at:

<https://www.chrichri.dk/foodhealth/health/2017/03/tegn-paa-for-lidt-vand/>

Diplomaterne. Available at:

https://www.dr.dk/drtv/serie/diplomaterne_282933

DR. Available at: <https://www.dr.dk/>

Information. Available at:

<https://www.information.dk/indland/2011/03/sproglærer-naegtes-indsigt-pets-viden-stasikontakt>

Jyllands-Posten. Available at: <https://jyllands-posten.dk/indland/ECE14119690/13-rundetaarne-oven-paa-hinanden-saa-hoej-vil-en-vindmoelle-vaere-om-faa-aar/>

Politikens Nudansk ordbog med etymologi. Kbh., 2005. P. 1728.

TV-avisen. Available at: https://www.dr.dk/drtv/serie/tv-avisen_358871

Tvmidtvest. Available at: <https://www.tvmidtvest.dk/morsoe/for-faa-boern-nu-lukker-friskole>

TV2. Available at: <https://nyheder.tv2.dk/samfund/2022-09-16-danmark-har-for-faa-gode-alternativer-til-operationer-mener-ekspert#:~:text=Danmark%20har%20for%20f%C3%A5%20gode%20alternativer%20til%20operationer%2C%20mener%20ekspert,-16.&text=Hvert%20%C3%A5r%20opereres%20usindvis%20af,til%20operation%20er%20gode%20nok>

Д. Б. Никуличева

Институт языкознания РАН, МГЛУ, Москва, Россия. nikoulitcheva@yandex.ru

СЕМАНТИКА СКАНДИНАВСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ КНИГИ М. И. СТЕБЛИН- КАМЕНСКОГО «ИСТОРИЯ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ»

В статье обсуждается ряд структурных особенностей древнескандинавских личных и указательных местоимений, отмеченных в «Истории скандинавских языков» М. И. Стеблин-Каменского, и предлагается их лингво-когнитивное осмысление. Обращение к истории языка позволяет определить те коммуникативные дистинкции, которые нашли отражение в местоименных парадигмах древних скандинавских языков и получили дальнейшее развитие в современных языках. Осмысление материала книги позволяет предположить, что базовой парадигматической оппозицией для скандинавских местоимений являлось противопоставление участников и объектов коммуникации.

Ключевые слова: история скандинавских языков, личные и указательные местоимения, супплетивизм, парадигматическое выравнивание, совпадение падежных форм, участники коммуникации, объекты коммуникации.

Dina Nikulicheva

Institute of Linguistics RAS, MSU, Moscow, Russia. nikoulitcheva@yandex.ru

Semantics of Scandinavian pronouns: “reflections on the margins” of the book by M. I. Steblin-Kamensky “History of the Scandinavian languages”

At present, the general focus of our research is directed to ways of expressing anthropocentric meanings in the grammar of the modern Danish language. In particular, the pragmatic meanings expressed by the system of analytical demonstrative pronouns (Danish pronominal binomials like *den her / denne her*, etc.) are studied.

From the point of view of linguopragmatics, pronouns in any language play a primary role, since by default they represent Karl Bühler's “communicative triangle” and point out three participants in the communicative act: the speaker (1st person), the listener (2nd person) and denotative reality (3rd person).

Historical approach allows us to see a broader picture, establish the direction of changes and determine some communicative distinctions that are reflected in the pronominal paradigms of Old Icelandic, Old Swedish and Old Danish. "The History of the Scandinavian languages" by M. I. Steblin-Kamensky written from the comparative typological perspective, with extensive illustrative material and accurate observations of the author serves in this regard as a valuable source of information.

The article considers structural features of personal and demonstrative pronouns in the Old Icelandic, Old Swedish and Old Danish languages, noted in the book by M. I. Steblin-Kamensky, and offers their cognitive interpretation.

A hypothesis is put forward that basic distinction for Scandinavian pronouns was the opposition of participants of communication and objects of communication. In this regard, the stability of pronominal suppletion for Scandinavian 1st person pronouns in the absence of suppletion in personal pronouns of the 3rd person and in demonstrative pronouns of the neutral gender is considered. The concepts of "pragmatic principle of priority" and "focus of attention of participants in communication" allow us to trace the dynamics in the historical opposition of the subjective and objective cases of pronouns in modern Scandinavian languages and explain some innovations in their pronominal deixis.

Keywords: history of the Scandinavian languages, personal and demonstrative pronouns, suppletion, paradigmatic alignment, merging of case forms, communication participants, objects of communication.

«История скандинавских языков» Михаила Ивановича Стеблин-Каменского принадлежат к золотому фонду отечественной филологии. К этой книге продолжают возвращаться на протяжении всей жизни те, кто избрал скандинавские языки своей профессией.

В настоящее время общий фокус нашего исследования направлен на изучение способов выражения антропоцентрированных смыслов в грамматике современного датского языка. В частности, изучаются прагматические значения, выражаемые системой датских личных и указательных (в том числе, аналитических) форм местоимений. В этой связи возник вопрос о том, какие смысловые нюансы выражались личными и указательными местоимениями на протяжении истории скандинавских языков. Книга М. И. Стеблин-Каменского не только дает ценнейший материал по этому вопросу, но и побуждает к его дальнейшему осмыслению.

Характеризуя парадигму личных местоимений скандинавских языков, М. И. Стеблин-Каменский писал: «В личных местоимениях первого лица и в указательном местоимении имела

место супплетивность именительного и косвенных падежей, по-видимому, первоначально характерная для всех индоевропейских языков. Таким образом, именительный и косвенный падежи этих местоимений представляют собой этимологически не разные формы одного слова, а разные слова, что, по-видимому, является пережитком той древнейшей эпохи, когда склонение еще вообще не сложилось. Сравни, например: д.-и. *ik* 'я' и *min* 'меня', *meġ* 'мне', *mik* 'меня', *weġ* 'мы' и *oss* 'нас', 'нам'; *sá* 'этот' и *þess* 'этого', *þann* 'этого'. В древнешведском и древнедатском языках эта супплетивность в указательном местоимении уже устранена. Д.-ш. *þæn* и д.-д. *thæn* 'этот' (первоначально формы винительного падежа) вытеснили в именительном падеже более древние *sa* или *saR*, которые еще встречаются в древнейших памятниках (рунических надписях и фрагменте вестьетского права). В личных местоимениях супплетивность прямого и косвенного падежей сохранилась во всех скандинавских языках и поныне» (Steblin-Kamensky 1953: 208).

Как видим, М. И. Стеблин-Каменский объясняет явление местоименного супплетивизма «пережитком той древнейшей эпохи, когда склонение еще вообще не сложилось». Предлагаемая нами статья написана в жанре «размышлений на полях» книги классика скандинавистики. Поэтому позволим себе задать вопрос: *каковы могли быть когнитивные основания, определившие устойчивость местоименного супплетивизма* на протяжении истории германских языков (также как и большинства индоевропейских языков), несмотря на исторические процессы парадигматизации, выравнивания по аналогии и языкового нормирования? Видимо, должно быть нечто особенное в прагматической семантике категории местоимений, поддерживающее историческую устойчивость выражения их разных падежных форм разнокорневыми словами.

Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд, поскольку ответ на него не сводится лишь к указанию на древность и устойчивость местоимений как грамматического разряда слов. Чтобы это продемонстрировать, обратимся вновь к процитированному выше отрывку из «Истории скандинавских языков». Из текста явствует, что процессы парадигматического выравнивания были возможны и реально происходили и в некоторых местоимениях: «Сравни, например: д.-и. *<...> sá* 'этот' и *þess* 'этого', *þann* 'этого'. В древнешведском и древнедатском языках эта супплетивность в указательном местоимении уже устранена. Д.-ш. *þæn* и д.-д. *thæn* 'этот' (первоначально

формы винительного падежа) вытеснили в именительном падеже более древние *sa* или *saR*» (*ibid.*: 208).

Так почему же в одних местоимениях парадигматическое выравнивание произошло еще в древнюю эпоху, а другие устойчиво сохраняют супплетивизм до наших дней? Ответ на это можно получить, обратившись к анализу местоименных парадигм, приводимых в «Истории скандинавских языков». Так, из парадигматических таблиц на с. 328–330 следует, что и в древнеисландском языке супплетивизм указательных местоимений присутствует не во всех родах. Супплетивизм представлен в противопоставлении именительного и косвенных падежей указательных местоимений мужского (Им. *sá* ‘этот’ — Род. *þes(s)* / Дат. *þeim* / Вин. *þann*) и женского рода (Им. *sú* ‘эта’ — Род. *þes(s)* / Дат. *þ(v)i* / Вин. *þat*), но системно отсутствует во всех древнескандинавских языках в указательных местоимениях среднего рода (*ibid.*: 329):

Указательные местоимения. Средний род

		д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч.	Им.	<i>þat</i> ‘это’, ‘оно’	<i>þæt, þet</i> ‘это’, ‘оно’	<i>thæt</i> ‘это’, ‘оно’
	Род.	<i>þes(s)</i>	<i>þæs, þes</i>	<i>thæs</i>
	Дат.	<i>þ(v)i</i>	<i>þy, þe</i>	<i>thæt, thy</i>
	Вин.	<i>þat</i>	<i>þæt</i>	<i>thæt</i>
Мн. ч.	Им.	<i>þau</i> ‘эти’, ‘они’	<i>þœn, þe</i> ‘эти’, ‘они’	<i>the</i> ‘эти’, ‘они’
	Род.	<i>þeir(r)a</i>	<i>þera</i>	<i>ther(r)æ</i>
	Дат.	<i>þeim</i>	<i>þem, þæm</i>	<i>the, thæm</i>
	Вин.	<i>þau</i>	<i>þœn, þe</i>	<i>the, thæm</i>

Что касается скандинавских личных местоимений, то, хотя в процитированном выше отрывке М. И. Стеблин-Каменский и писал, что «в личных местоимениях супплетивность прямого и косвенного падежей сохранилась во всех скандинавских языках и поныне», обращение к местоименным парадигмам убеждает, что это утверждение верно лишь в отношении местоимений 1 и 2 лица. Личные местоимения 3 лица во всех индоевропейских языках восходят к указательным местоимениям во всех падежных формах. (В русском языке формы косвенных падежей личных местоимений 3 лица, впрочем, стали отличаться: *он* — *его/ему/его*; *она* — *её/ей/её*). В скандинавских языках все падежные формы личных местоимений 3 лица восходят к единому корню, производному от указательного местоимения

germ. *hi- < ie. *ke- (Nielsen 1985: 179–180). Ср. рус. указательное местоимение *сей*.

См. таблицу спряжения древнескандинавских личных местоимений 3л, приводимую на с. 328:

Личные местоимения. Третье лицо, мужской род

	д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч. Им.	hann 'он'	han 'он'	han 'он'
Род.	hans	hans	hans
Дат.	honum, hónum	hanum, honum	hanum
Вин.	hann	han	han, hanum, ham

Личные местоимения. Третье лицо, женский род

	д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч. Им.	hon, hón 'она'	hon 'она'	hun 'она'
Род.	hennar	hænna(r)	hænnæ
Дат.	henni	hænni	hænnæ
Вин.	hana, hána	hana, hona	hanæ, hænnæ

Наличие супплетивности, таким образом, не является общей чертой всех скандинавских личных местоимений, а противопоставляет местоимения 1 и 2 лица, у которых и в единственном, и в двойственном, и во множественном числе формы именительного падежа и косвенных падежей являются супплетивными, местоимениям 3 лица.

См. таблицы спряжения местоимений 1 и 2 лица на с. 328:

Первое лицо

	д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч. Им.	ek 'я'	iak, iæk 'я'	iak, iæk 'я'
Род.	min	min	min
Дат.	mér,	mæ(r)	mik, mæ
Вин.	mik	mik	mik
Дв. ч. Им.	vit	vit'	-
Род.	okkar	okar	-
Дат.	ok(k)r	oker	-
Вин.	ok(k)r	oker	-
Мн. ч. Им.	vér	vi(r)	vi
Род.	vár	var, var(r)a	var(æ)
Дат.	oss	os, us	os
Вин.	oss	os, us	os

Второе лицо

		д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч.	Им.	þú 'ты'	þu 'ты'	thu 'ты'
	Род.	þín	þin	thin
	Дат.	þér	þær	thik, thæ
	Вин.	þik	þik	thik
Дв. ч.	Им.	(þ)it	it	-
	Род.	ykkar	-	-
	Дат.	yk(k)r	-	-
	Вин.	yk(k)r	-	-
Мн. ч.	Им.	(þ)er	(i)r	i
	Род.	yðvar	iþar, iþra	ethær
	Дат.	yðr	iþer	ethær
	Вин.	yðr	iþer	ethær

Из этих сопоставлений можно сделать вывод о том, что — по отсутствию супплетивизма — скандинавские личные местоимения третьего лица восходят к указательным местоимениям. Когнитивным основанием такого парадигматического сходства является не только их этимология, но и сходство их функционирования в коммуникации. Эти местоимения осуществляют референцию не к участникам коммуникации: 1 лицо (говорящий) и 2 лицо (адресат), а к одушевленным или неодушевленным объектам коммуникации как денотатам внешней реальности по отношению к коммуникантам. В этом плане объекты коммуникации остаются неизменными, независимо от их синтаксической функции в предложении.

Тут можно провести аналогию с совпадением форм именительного и винительного падежа у древнескандинавских существительных среднего рода или у многих существительных женского рода. Прототипически такие существительные обозначают не лиц, а объекты коммуникации, поэтому их именительный падеж формально тождествен винительному как прототипическому падежу объекта. Например, древнеисландские основы среднего рода на -a-: Им. *land* 'страна' = Вин. *land*; основы среднего рода на -ja-: Им. *sker* 'шхера' = Вин. *sker*; основы женского рода на -jǫ-: Им. *egg* 'лезвие' = Вин. *egg*; основы женского рода на -i-, -ǫ- и др.

Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем гипотезу о том, что чем выше формальное различие падежных форм слова, тем более значимым для носителей данной лингвокультуры явля-

ется несовпадение синтаксических ролей, выражаемых данными падежными формами.

Наиболее радикально различие падежных форм проявляется в случаях супплетивизма. Для скандинавских личных местоимений 1 и 2 лица оно оказывается и исторически наиболее устойчивым. Ниже будет предложено прагматическое объяснение этого феномена.

Идея прагматических иерархий местоимений была предложена в работах А. Е. Кибрика и М. Б. Бергельсон. «Прагматический принцип приоритета» заключается, в частности, в том, что местоимения, не обозначающие людей, находятся в прагматической иерархии ниже, чем местоимения, обозначающие людей (Bergelson, Kibrik 1981).

Но и внутри разряда местоимений, обозначающих людей, как мы убеждаемся при рассмотрении местоименных парадигм древних скандинавских языков, может быть прослежена аналогичная прагматическая иерархия. Отсутствие супплетивизма у местоимений третьего лица можно считать признаком их относительно более низкого прагматического ранга, так как, подобно указательным местоимениям, они указывают на не вовлеченных в коммуникацию лиц как на внешние объекты, тождественные самим себе независимо от их синтаксической функции в предложении. Среди указательных местоимений только в древнеисландском языке — и только местоимение мужского рода — получает более высокий прагматический ранг поскольку прототипически указывает на лицо мужского пола являющегося агенсом, к которому осуществляется референция в данной коммуникативной ситуации: *sá maðr* ‘этот человек’.

Прагматический статус говорящего и его адресата (адресатов), непосредственно вовлеченных в коммуникативную ситуацию как агенты, является наиболее высоким. И это отражено в обозначении этой наиболее важной синтаксической роли особым корнем. «Я» как агенс не тождествен «мне» как объекту, «ты» или «вы» как агенты, принимающие непосредственно участие в коммуникации, не то же самое, что лица, о которых идет речь. Ср. д.-и. 1. л. ед. ч. Им. *ek* и Вин. *mik*; 1. л. дв. ч. *vit* и Вин. *ok(k)r*; 1. л. мн. ч. *vér* и Вин. *oss*; д.-и. 2. л. ед. ч. Им. *þú* и Вин. *þik*; 2. л. дв. ч. *(þ)it* и Вин. *yk(k)r*; 2. л. мн. ч. *(þ)er* и Вин. *yðr*.

Разный прагматический статус личных местоимений связан с тем, что «большая часть употреблений анафорических местоимений может интерпретироваться в терминах распределения

внимания участников коммуникации — говорящего и адресата. Местоименно-анафорической номинации подвержены те референты, которые входят в фокус внимания участников коммуникации» (Kibrik 1987: 79).

В данной статье мы хотели бы поразмышлять о существовании перцептивных оснований для устойчивой супплетивности местоимений 1 лица. Будем исходить из того, что фокус внимания связан с перспективой восприятия. Местоимение «я» любом языке маркирует «исходную точку координат» — точку *Origo*, по Карлу Бюлеру. Три указательных слова — «я», «здесь» и «сейчас» — образуют систему «координат субъективной ориентации, во власти которой находятся и будут находиться все участники коммуникации» (Bühler 1993: 95). По отношению к точке «я» все другие денотаты являются внешними объектами. Однако употребление «я» в любом из косвенных падежей выводит это «я» из позиции центральной точки субъективной ориентации: ср. *Я вижу его* и *Он видит меня*. Противопоставление внутренней (я-субъект) и внешней перспективы (я-объект) как раз и маркируется устойчивой супплетивностью местоимений 1 лица.

А. Я. Гуревич писал в «Категориях средневековой культуры», что в древнескандинавском обществе индивид еще не выделял себя как личность, противопоставленная коллективу. Но анализ парадигматики древнескандинавских местоимений позволяет предположить, что «я», тем не менее, осознавалось как точка отсчета пространственной и временной ориентации активного субъекта в мире.

Экспликацию «овнешнения» «я» в ситуациях его объектного функционирования можно наблюдать в детской речи. Вот какую сценку автор этой статьи не так давно наблюдала в соседнем парке. На скамейке сидит бабушка с маленьким внуком. В порыве нежности дед хватает внука в охапку и начинает тискать. В ответ малыш верещит в возмущении: «*Отдай Вадю! Отдай Вадю!!!*» В этой забавной детской фразе наглядно проявляется расщепление перспективы говорящего на я-субъект и я-объект. Вместо «*отпусти меня*» трехлетний мальчик овнешняет себя как объект, используя глагол *отдай!* как требование возвращения я-объекта в сферу я-субъекта.

О том, что нюансирование различий прагматического статуса лиц, вовлеченных в коммуникацию, типично для древнескандинавского языкового сознания, свидетельствует также наличие в древнеисландском языке двойственных местоимений

1 и 2 лица, *vit* и (*b*)*it* соответственно, уже выходящих из употребления в древнешведском и отсутствующих в древнедатском. Обратим внимание на то, что двойственные местоимения 3 лица отсутствуют во всех древнескандинавских языках. Это значит, что «фокус внимания» на лицах, непосредственно не вовлеченных в коммуникативную ситуацию, прототипически ниже, чем «фокус внимания» на лицах, напрямую присутствующих в коммуникации.

Кроме того, наличие в древнеисландском языке местоименных клитик, таких как *ek* > *-k*, например, *hykk* (< *hygg-ek*) ‘я думаю’, *þú* > *-ðu*, *-du*, *-tu*, например, *heyrðu* ‘слушай ты’ или *viltu* ‘хочешь ты’ (Steblyn-Kamensky 1955: 88), также является свидетельством дополнительного ранжирования прагматического статуса личного местоимения. «Иерархия анафорической редукции» обсуждалась в недавнем докладе Я. Г. Тестельца (ИЯз РАН 18.06.2023) на конференции в честь юбилея А. А. Кибрика. В докладе предлагалась следующая анафорическая иерархия номинации: «полное выражение > свободное местоимение (*human*) > свободные неодушевленные местоимения > клитики или аффиксы». Как видим, свободное личное местоимение имеет более высокий прагматический статус, чем свободное неодушевленное местоимение, а статус клитик характеризуется наиболее низким прагматическим рангом.

Сравнение местоименных парадигм также дает интересный материал для осмысления динамики сокращения падежных форм. Как отмечал М. И. Стеблин-Каменский применительно к современным скандинавским языкам, «в склонении личных местоимений во всех скандинавских языках, кроме исландского, образовался особый “объектный” падеж, совмещающий функции древних дательного и винительного и отличного от “субъектного” падежа, то есть именительного» (Steblyn-Kamensky 1953: 210). Вместе с тем, сравнение приводимых в «Истории скандинавских языков» местоименных парадигм древних скандинавских языков (Ibid.: 328–330) позволяет отметить, что этот процесс происходил неравномерно не только применительно к разным языкам, но и применительно к разным личным местоимениям в рамках каждого из языков. Так, обращает на себя внимание, что в третьем лице как личных, так и указательных местоимений (то есть тех местоимений, где не было супплетивного противопоставления именительного и объектных падежей), этот процесс протекал медленнее. Там формальное противопоставление винительного и дательного

падежей дольше сохранялось даже в древнедастком языке, где процессы совпадения падежных форм проходили раньше, чем в остальных скандинавских языках. Ср., с одной стороны: д.-д. 1. л. ед. ч. Им. *iak* / Дат. *mæ, mik* = Вин. *mik*; 1. л. мн. ч. Им. *wi* / Дат. = Вин. *os*; д.-д. 2. л. мн. ч. *i* / Дат. = Вин. *ether* — и, с другой стороны: д.-д. 3. л. ед. ч., мужской р. Им. *han* / Дат. *hanum* / Вин. *han, hanum, ham*; д.-д. 3. л. ед. ч., женский р. Им. *hun* / Дат. *hænnæ* / Вин. *hanæ, hænnæ*.

Это наблюдение позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что супплетивность, противопоставляющая именительный падеж как падеж агенса всем другим синтаксическим ролям, способствовала скорейшей генерализации косвенных падежей как недифференцированного падежа объекта (то есть как не-агенса). В тех местоимениях, где такого супплетивного противопоставления не было, падежная дифференция разных синтаксических ролей сохранялась дольше и устранялась позже, возможно, под влиянием аналогии.

Благодаря процессу сокращения падежных форм местоимений, в тех скандинавских языках, где этот процесс происходил, усиливалось противопоставление лиц как прототипических участников коммуникации и агентов не-лицам как прототипическим объектам коммуникации. В результате «сложилась специфичная для современных скандинавских языков (кроме исландского) система личных местоимений третьего лица единственного числа, в которой разграничены лица, с одной стороны (д., ш., н. *han* 'он' и д., н. *hun*, ш. *hon* 'она'), и безличные существа и предметы, — с другой (д., ш., н. *den* 'он', 'она', 'оно' и *det* 'оно'), кроме того в пределах первых — лица мужского (д., ш., н. *han* 'он') и женского пола (д., н. *hun*, ш. *hon* 'она'), а в пределах вторых — безличные существа и предметы общего (д., ш., н. *den* 'он', 'она', 'оно') и среднего рода (д., ш., н. *det* 'оно') (Steblyn-Kamensky 1953: 212).

Тенденцию к дальнейшему усилению отмеченного местоименного противопоставления, можно проследить в современном датском языке на примере складывания системы аналитических указательных местоимений, а именно, местоименных биномов типа *denne her*, указывающих на объекты, затрагивающие личную сферу говорящего, местоименных биномов типа *den her*, указывающих на совместное рассмотрение объекта говорящим и адресатом, и местоименных биномов типа *den der*, указывающих на субъективное отстранение говорящим объекта

коммуникации во внешнее пространство по отношению к участникам коммуникации (Nikulicheva 2022).

Таким образом, обращение к истории скандинавских языков в книге М. И. Стеблин-Каменского позволяет не только установить направление изменений и определить те прагматические смыслы, которые нашли отражение в местоименных парадигмах древнеисландского, древнешведского и древнедатского языков — а именно, проследить последовательное парадигматическое противопоставление участников и объектов коммуникации, — но и понять закономерность инновационных процессов, протекающих в современных скандинавских языках, как отражающих общие тенденции их исторического развития.

Литература

- Bergelson, M. B., Kibrik, A. E. 1981: [The pragmatic “Principle of Priority” and its reflection in the grammar of the language]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series]. 4(40), 343–355.
- Бергельсон, М. Б., Кибрик, А. Е. 1981: Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 4(40), 343–355.
- Bühler, K. 1993. *Teoriya yazyka* [The Theory of Language]. Moscow: Progress.
- Бюлер К. *Теория языка*. М.: Прогресс.
- Gurevich, A. Ya. 1972: *Kategorii srednevekovoj kultury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
- Гуревич, А. Я. 1972: *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Kibrik, A. A. 1987. [Focusing of attention and pronominal-anaphoric nomination]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of Linguistics] 3, 79–90.
- Кибрик А. А. 1987: Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация. *Вопросы языкознания*, 3, 79–90.
- Nielsen N. Å. 1985. *Dansk etymologisk ordbog. Ordenes historie*. København: Gyldendal.
- Nikulicheva, D. B. 2022: [Subjective and objective orientation in space by means of pronominal deixis in Danish]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 3(81), 93–103.
- Никуличева Д. Б. 2022: Субъективная и объективная ориентация в пространстве средствами местоименного дейксиса в

- датском языке. *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка.* 3(81), 93–103.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1953: *Istoriya skandinavskih yazykov [History of the Scandinavian Languages]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Стеблин-Каменский М. И. 1953: *История скандинавских языков.* М.; Л., Издательство Академии наук СССР.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1955: *Drevneislandskij yazyk [Old Icelandic]*. Moscow: Izdatel'stvo literetuty na inostrannyh yazykah.
- Стеблин-Каменский М. И. 1955. *Древнеисландский язык.* М., Издательство литературы на иностранных языках.
- Testeleets, Ya. G. 2023: [*Why are free pronouns needed?*]. Report at the scientific readings “Language as it is” on the occasion of the 60th anniversary of Andrei Kibrik. IYazRAN, June 18, 2023.
- Тестелец Я. Г., 2023: *Зачем нужны свободные местоимения.* Доклад на научных чтениях «Язык как он есть» к 60-летию со дня рождения Андрея Александровича Кибрика. ИЯЗРАН, 18 июня 2023 г.

Н. Б. Пименова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия. n_pimenova@yahoo.com

ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЕ *REKKR* ‘МУЖ, ВОИН’ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СИНОНИМОВ В ОБЩЕГЕРМАНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются параллели в семантической дистрибуции синонима ‘мужа, воина’ *rinc* / *rekkr* в древнеанглийской и древнеисландской поэзии. Употребление древнеанглийского *rinc* отчетливо связано с признаками неполноценности или слабости героя (спящий, раненый, старый, обездвиженный; недостаточно храбрый, неуспешный и т. п.). В древнеисландской «Старшей Эдде» специфичность синонима размыта, однако в ней фиксируются некоторые контексты с признаками ‘уничтожения’. Семантические аналогии к эддическим контекстам мы находим в скальдической поэзии. Межязыковые параллели в специфической семантической дистрибуции синонимов ‘мужа, воина’ следует рассматривать как наследие общегерманского поэтического языка.

Ключевые слова: поэтические синонимы, семантическая дифференциация, древнеанглийская поэзия, эддическая поэзия, скальдическая поэзия, общегерманский поэтический язык.

N. B. Pimenova

Institute for Linguistics, HSE University, Moscow, Russia. n_pimenova@yahoo.com

Old Norse *rekkr* ‘man, warrior’ and differentiation of synonyms in the Proto-Germanic poetic language

The article explores parallels in the semantic distribution of the poetic synonym ‘man, warrior’ *rinc*/ *rekkr* in Old English and Old Norse poetry. The use of Old English *rinc* is clearly associated with inferiority or weakness of the hero (sleeping, wounded, old, immobilized; not brave enough, unsuccessful, etc.). In the Old Norse Elder Edda, the specificity of the synonym is blurred, although contexts with a derogatory function (insulting an opponent, mocking an opponent, demonstration of superiority) can be come across. There are semantic analogues to the Eddic and Old English poetic contexts in skaldic poetry. Parallels in the specific semantic distribution of synonyms for ‘man, warrior’ in Old Germanic languages should be traced back to the era of the existence of Proto-Germanic poetic language.

Key words: poetic synonyms, semantic differentiation, Anglo-Saxon poetry, Eddic poetry, skaldic poetry, Proto-Germanic poetic language.

Как известно, древнегерманские поэтические синонимы по условиям функционирования традиционной поэзии способны заменять друг друга в устойчивых формульных сочетаниях и при описании сюжетных топиков. Вместе с тем, по крайней мере, для некоторых центральных синонимов поэтического словаря выявляются специфические признаки контекстов, которые определяют особые условия дистрибуции синонимов и отчасти ограничивают их взаимозаменяемость. Одна из самых интересных особенностей этой дифференциации заключается в том, что «поэтическая» дистрибуция в ряде случаев фиксируется на межъязыковом уровне, т. е. в поэтических текстах на разных древнегерманских языках.

В частности, можно установить, что **guman* и **weraZ* ‘муж, воин’ функционируют в памятниках традиционной аллитерационной поэзии как своего рода «мелиоративные» синонимы, тяготеющие к контекстам, связанным с аспектами славы героя (‘пир и дары’, ‘героическая битва / славная гибель в битве’, ‘отмеченность лучшими качествами’) (Pimenova 1995; 1999), а **urheittan* (древнеанглийское *ōrētta*, древнемецкое *urheitto*, по внутренней форме ‘выкликатель’) употребляется в связи с аспектами ‘вызова на поединок / вызова судьбы’ и ‘подстрекательства к битве, осмеяния’ (Pimenova 2013). Дистрибуция «мелиоративных» **guman* и **weraZ* — слов древнего пласта лексики, имеющих индоевропейскую этимологию (**guman* < общегерм. **gumōn*/**gumēn* < ИЕ **d^hg^h(e)m-ōn* ‘земной, человек’ (Orel 2003: 146, Vaan 2011: 287), ср. лат. *homo* ‘человек’ и общегерм. **weraZ* < ИЕ **uiH-ró* ‘мужчина, молодой мужчина, воин’ (Orel 2003: 276, de Vaan 2011: 681)), — по-видимому, имела наиболее устойчивый характер. Ее специфические признаки хорошо выявляются не только в древнеанглийских (VII–X вв. н. э.) и древнеисландских поэтических текстах (протографы древнеисландской «Старшей Эдды» старше рукописи XIII в. н. э.): они обнаруживаются в памятниках, далеких от древнегерманской поэтической традиции (в готской Библии IV в. н. э., в древневерхнемецкой прозе и рифмованном переложении Евангелия, VIII–IX вв. н. э.) (Pimenova 1995).

В то же время пример **urheittan* ‘воин (бросающий вызов)’ свидетельствует о том, что специализация синонимов могла затрагивать слова германского происхождения с меньшей частотностью в поэтическом корпусе. Как было продемонстрировано в статье (Pimenova 2008), подобная специализация была свойственна и древнеанглийскому синониму ‘мужа, воина’ *rinc*.

Продолжая наблюдения над поэтической синонимикой, попытаемся проверить, можно ли обнаружить параллели в поэтическом употреблении древнеанглийского *rinc* и его соответствия — древнеисландского *rekkr*.

В древнеанглийском поэтическом корпусе тяготение *rinc* к контекстам с особой семантикой выявляется достаточно отчетливо, поскольку каждый тип употребления представлен целой серией контекстов. Раскладка контекстов *rinc* по типам выглядит следующим образом (Pimenova 2008):

а) Не действующий герой, герой как объект чужих действий.

б) Обозначение неполноценности или слабости дружины, воинов или предводителя.

с) Обозначение подчиненного социального статуса.

д) Обозначение неиндивидуализированной дружины, воинов (вокруг героя).

Приведем некоторые примеры семантики контекстов, относящихся к этим типам.

а) Спящие воины, подвергающиеся нападению; спящий Адам, из которого Бог извлекает ребро; обездвиженный герой; похороны (сожжение) мертвого героя; убитый Олоферн.

б) Оробевшие во время бури ученики ап. Андрея; не способные участвовать в сражении слишком юные или слишком старые воины; не успешные в борьбе воины; воины, нуждающиеся в ободрении или поучении; раненый воин; предводитель, понесший тяжелую утрату и упавший духом; беспомощный в борьбе с греховными страстями человек.

с) Получающий наследство или долю имущества; обделенный имуществом или благами; младшие родичи; родич, связанный договором верности; слуги.

Группы а) — с) объединены семантическим единством (соответствующие контексты так или иначе обозначают героя с некоторым «сниженным статусом», со «сниженной агентивностью»), тип d) обособляется как семантически нейтральный.

Многочисленность фиксаций да. *rinc* в контекстах типа а)-с) позволяет выявить их семантическую специфику с достаточной уверенностью. Однако в древнеисландской «Старшей Эдде» *rekkr* встречается лишь 11 раз, причем в большинстве случаев в форме множественного числа и в недифференцированных контекстах, которые легко отнести к типу d). Поэтому анализ контекстов «Старшей Эдды» возможен лишь при сравнении с данными древнеанглийского поэтического языка. Дополни-

ный материал для поиска соответствий с древнеанглийской «раскладкой» контекстов, как мы продемонстрируем далее, предоставляет скальдическая поэзия.

Наиболее явная параллель в «Старшей Эдде» к древнеанглийским контекстам семантической группы «герой как объект чужих действий» — отрывок в «Песне о Хельги, сыне Хьёрварда» с перебранкой между великаншей Хримгерд, дочерью великана Хати, и Атли. Сцена происходит, когда Атли ночью находится со спящей дружиной Хельги (Хельги — убийца Хати) на корабле, стоящем на якоре во фьорде:

Atli, gakk þú á land
ef aflí treystiz
ok hittumk í vík Varins,
rifja rétti
er þú munt, *rekkr*, fá
ef þú mér í krymmur kjömr. (Нhj 24¹)
«<Атли, > Сойди же на берег,
в силе уверенный, —
жди меня в Варинсвик!
Ребра я выпрямлю
воину храброму,
коль мне попадешься!» (22)

(пер. А. И. Корсуна²).

В оригинале *rekkr* 'воин' стоит в обращении и без эпитета 'храбрый'.

Перебранка включает элементы, характерные для известных нам древнегерманских канонов вызова соперника на поединок: выяснение рода и имени противника, его поношение и похвалу (Matyshina 2011). В приведенном контексте Хримгерд угрожает Атли скорой физической расправой, таким образом, герой выступает в пассаже лишь как объект чужих сокрушительных действий (тип а). Реплика Хримгерд одновременно является уничижением воина, представляя его как слабого, неполноценного (тип контекстов б).

¹ Нумерация древнеисландских строф дается по изданию *Codex Regius of the Poetic Edda: an electronic edition*. В случае расхождения нумерации в русском поэтическом переводе для перевода дается нумерация по источнику Starshaya Edda 1975.

² Поэтический перевод «Старшей Эдды» здесь и далее дается по переводу А. И. Корсуна.

Уничужение персонажа мы обнаруживаем также в двух контекстах *rekkr* из «Речей Альвиса» и «Речей Высокого». Обмен репликами в «Речах Альвиса» напоминает классическую перебранку (с выяснением имени соперника, оскорблениями):

Hvað er það **rekka**
 er í ráðum telz
 fljóðs ins fagrglóa?
 Fjarrafleina
 þik munu fáir kunna.
 Hverr hefir þik baugum bogið? (Alv 5)
 ‘Кто этот **воин**, который невесте
 запретом грозит?
 Кто здесь, бродяга,
 знает тебя?
 Кто твой дурень-отец?’

В следующем отрывке из «Речей Высокого» референт *rekkar* — это некие ‘деревянные люди’ (комполит ‘дерево — люди’):

Váðir mínar
 gaf ek velli að
 tveim trémönnum:
Rekkar það þóttuz
 er þeir rift höfðu;
 neiss er nökkviðr halr (Hávnm 48).
 ‘В поле я отдал
 одежду мою
 двум мужам деревянным;
 от этого стали
 с людьми они <**мужи**>сходны:
 жалок нагой’ (49).

Rekkar — ненастоящие, «неполноценные» люди. Показательно, что слово *rekkar* подхватывается уничижительным пояснением *neiss er nökkviðr halr* ‘жалок нагой муж’. Более точное значение *neiss* — ‘бесславный, покрытый позором’ (Cleasby 1957), а *halr* — синоним ‘мужа’, который употребляется в «Старшей Эдде» в контексте осмеяния героя (функциональный аналог да. *ōretta*) (Pimenova 2013).

Рассмотрим контексты, которые мы условно относим к «недифференцированным», или неспецифичным. Большинство из них (шесть) содержит обозначение ‘дружины героя’, ‘группы неких воинов’. Однако, возможно, в двух случаях следует

обратить внимание на присутствие в них семантического признака 'осмеяния', релевантного для приведенного контекста «Речей Альвиса» и имплицитующего неполноценность того, на кого это осмеяние направлено. Сравним контексты «Песни о Вёлунде» и «Гренладских Речей Атли»:

Vel ek, kvað Völundr,
 verða ek á fitjum,
 þeim er mik Níðaðar
 námu **rekkar!**
 Hlæjandi Völundr
 hófz að lofti... (Völ 27)
 '«Теперь взлечу я
 на крыльях, что отняли
воины Нидуда!»
 Вёлунд, смеясь,
 поднялся на воздух...'(29)
 Þrifu þeir þjóðgóðan,
 þá var kostur engi
rekku rakklátum
 ráð enn lengr dvelja;
 hló þá Högni,
 heyrðu dagmegir,
 keppa hann svá kunni,
 kvöl hann vel þolði. (Am 68)

'Был схвачен могучий —
 нельзя было медлить
 и **воинам** <смелым> замыслы
 откладывать злобные:
 Хёгни смеяться
 начал — то слышали, —
 стойко терпел он
 муки тяжелые'. (65)

Реплика Вёлунда, который жестоко отомстил искалечившему его Нидуду, подводит итог мести, выражая его полное торжество над обидчиками. В отрывке из «Гренландских речей Атли» Хёгни схвачен и пытаем врагами, но смех над мучителями демонстрирует несгибаемость героя. Если учитывать импликацию 'осмеяние воинов' — 'неполноценность воинов', то возможную связь контекстов с группой б) ('слабость, неполноценность воинов') имеет смысл принимать в расчет. Тем не менее эта связь представляется малодоказательной из-за

недостаточного количества примеров. Само употребление *rekkr* в «Гренландских Речах Атли» в сочетании с эпитетом *rakklátr* ‘смелый’ (bold, upright (Cleasby 1957)) кажется клишированным и не сочетающимся с предполагаемым подтекстом ‘осмеяния, демонстрации превосходства’.

То, что употребления *rekkr* в древнеисландском языке сдвинуты в сторону нейтрального обозначения ‘мужа, воина’, более отчетливо демонстрируют примеры из «Песни о Харбарде» и «Пророчества Грипира». В «Пророчестве Грипира» как *ráðspakir rekkar* ‘мудрые мужи’ (Gríp 6) обозначаются правитель Грипир и его гость Сигурд, вступающие в беседу «о многих делах».

В «Песни о Харбарде» сочетание *rekkr inn ráðsvinni* ‘мудрый муж’ (Hárþ 9) прилагается к некоему заочно упоминаемому ‘воину, мужу’, который поручает лодку перевозчику Харбарду и дает совет, кого следует и не следует на ней перевозить. Несомненно, обращает на себя внимание то, что в обоих случаях *rekkr* стоит в аллитерации к эпитету ‘мудрый’ (два синонима с первым элементом *ráð* ‘совет’). Предположение о том, что сочетание *rekkr* с прилагательным ‘мудрый’ диктуется аллитерацией, вполне правомерно. В то же время необходимо обратить внимание на то, что в древнеанглийской поэзии никакие аллитерационные сочетания с *rinc* не употребляются вопреки семантической специфике синонима (Pimenova 2008: 303). Таким образом, даже если связка *rekkr* — *ráðspakir*, *ráðsvinnr* в древнеисландском мотивируется чисто аллитерационными причинами, то это говорит о размывании собственно семантической специфики обозначения: логическая связка «необходимо поставить слово в аллитерацию, поэтому семантика синонима нейтрализуется» для анализа работает недостаточно убедительно.

В остальных контекстах «Старшей Эдды» *rekkar* (pl.) употребляется как обозначение ‘дружины, воинов дружины’ (NHj 20, Guðr I 17, Guðr II 14, Akv 19), причем во всех случаях речь идет о ‘заочном’ упоминании воинов, не присутствующих в актуальной ситуации речи (особый контекст — Guðr II 14, где слово прилагается к гуннским воинам, которых Гудрун вышивает на ткани).

Как можно видеть, контексты употребления *rekkr* в «Старшей Эдде» «распадаются» на разные подсистемы, между которыми не обнаруживается семантическая связь: нейтральное обозначение ‘дружины, воинов’, контексты с ‘уничижением,

осмеянием’, обозначение ‘мужа’ в сочетании с эпитетом ‘мудрый’. Отметим, что само подобное распадение не следует рассматривать как факт, который противоречил бы реальному существованию каждой отдельной подсистемы — как многозначность слова в любом языке не противоречит реальности отдельных значений. Однако из-за немногочисленности специфичных контекстов с признаками ‘уничтожения, осмеяния’, косвенно перекликающихся с древнеанглийскими употреблениями, примеры, подтверждающие их неслучайность и, соответственно, неслучайность англо-исландских параллелей, хотелось бы обнаружить внутри древнеисландского материала.

Привлечем к анализу материал древнеисландской скальдической поэзии, возникновение которой датируется IX в. (время письменной фиксации примерно совпадает с записью «Старшей Эдды»). По данным конкорданса к древнеисландским поэтическим текстам (The Skaldic Project), в скальдической поэзии фиксируется свыше 70 контекстов *rekkr* ‘муж, воин’, подавляющее большинство из которых нам удалось проверить по самому корпусу Skaldic Project и по другим доступным источникам. Повторяющиеся типы контекстов *rekkr* были сопоставлены по тому же конкордансу с повторяющимися типами контекстов других синонимов муж‘а, воина’: *gumi*, *verr*, *seggr* и *maðr* (‘человек, мужчина’), в результате чего были выявлены «семантические серии», не специфичные для *rekkr* и фиксирующиеся для разных синонимов. Нетрудно установить, что в такие нейтральные семантические серии входят многие контексты с обозначениями ‘дружины, воинов’, а также контексты с обозначением ‘человеческого рода’ и просто ‘людей’ (например, публики, слушающей стихи скальда). При этом в скальдической поэзии, в отличие от древнеанглийской, все синонимы, насколько можно судить, достаточно легко втягиваются в поле мелиоративности: они не только употребляются с прилагательными ‘мудрый’, но и сочетаются с другими мелиоративными эпитетами, а также употребляются в контекстах, основным смыслом которых является восхваление (см. для *rekkr* напр. Anon Pl 57^{VII})³.

При использовании в текстах христианского содержания возможность использования интересующего нас *rekkr* с поло-

³ Здесь и далее нумерация скальдических источников по электронному корпусу Skaldic Project The Skaldic Project. Scaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. <https://skaldic.org/m.php?p=skaldic>

жительными коннотациями, по-видимому, сохраняется, ср. ‘люди добрые’, нравственно порядочные (эпитет *siðlát*) в Anon Heildir 8^{VII}.

Перейдем к контекстам *rekkr*, которые представляются более специфичными именно для этого древнеисландского синонима.

Точные специфические параллели к древнеанглийскому материалу обнаруживаются в семантическом поле «неполноценного» воина (слабого: в древнеанглийском поэтическом корпусе — раненого, старого/седого, спящего, не обладающего достаточной силой духа в конкретной ситуации). Самое очевидное соответствие здесь — виса из «Саги о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 26):

Mjök eru mínir *rekkar*
til mjöðgjarnir, fornir
ok hér komnir hárir;
hví eruð ævar margir? (Hhárf Lv 1¹)

Со стандартным (прозаическим) порядком слов: *Rekkar mínir, hér komnir fornir ok hárir, eru mjök til mjöðgjarnir; hví eruð ævar margir?* ‘Воины мои, сюда пришедшие постаревшими и седыми, слишком большие охотники до медовухи, куда вас так много?’

‘Старые’ и ‘седые’ воины — это очевидная переключка с древнеанглийскими контекстами *rinc* на уровне эпитетов, но можно обнаружить и случаи, где смыслы поля ‘неполноценности’ передаются всей описываемой ситуацией. Сравним отрывок висы из «Саги о Хаконе Хаконарсоне»:

Hóli gæddusk hirðmenn Skúla;
hrukku lítt, meðan full vas skrukka;
drukku þeir af Danmörk *rekkar*;
drógusk lítt of fjöllum ok skóga. (Anon (Hák) 3^{II})

‘Хирдманы Скули раздулись от хвастовства; едва отступали, пока чрево было сыто; пили **воины** из Дании; они с трудом тащились через горы и леса’.

Неполноценность воинов имеет здесь физический и ментальный характер. Об отсутствии необходимого присутствия духа говорится в висе из «Саги о Вёлсунгах»:

Eldr nam at æsaz en jörð at skjálfa
ok hár logi við himni gnæfa.

Fár treystiz þar fylkis *rekka*
eld at ríða né yfir stíga. (Anon (Vǫls) 2^{VIII})

‘Бушевал огонь, и земля тряслась, и высокое
пламя поднималось к небу. Редкий из *воинов*
княжьих осмелился проехать через огонь или
перепрыгнуть через него’.

Следует отметить и присутствие в контекстах *rekkr* признаков
уничтожения, ср. в «Сага о Хервёре и Хейдрекке»:

Hér eru *rekkar* reiðir komnir,
tírarlausir fara tólf saman. (QrvOdd Lv 4^{VIII})

‘Пришли сюда мужи гневные, бесславные / идут
двенадцать вместе’.

В этом месте саги речь идет о том, как главные герои видят
противников, с которыми им предстоит вступить в неравный бой.
Исход боя неясен, но контекст любопытным образом содержит
указание на потенциальную слабость соперников («как после
болезни»): ... ‘от судов шли берсерки с окровавленным оружием и
обнажёнными мечами, и ярость уже покинула их. А тогда они
становились слабее, чем обычно, словно после какой-то болезни’.
(«Сага о Хервёре и Хейдрекке», гл. 3).

К контекстам уничтожения, вероятно, можно отнести и
номинацию ‘пристыженного’:

Rekkr með reiðifokka
gjóðr anzaði fljóði:
‘Legg þú niðr, in leiða,
lygð á mig til blygðar’ (Anon Vitn 12^{VII})

‘Краснолицый муж ответил женщине в гнев:

‘Прекрати, гнусная, лгать обо мне, чтобы позорить
меня’.

Возвращаясь к предыдущему контексту об ослабевших
берсерках, отметим, что в скальдическом корпусе, в отличие от
древнеанглийского, мы не можем обнаружить аттракции *rekkr* к
ситуации ‘раненый (и потому потенциально слабый)’ воин. В
таких контекстах часто употребляются другие синонимы
(например, фиксируются случаи с *seggr* и *gumi*). Более того,
обозначение воина в ситуации самого нанесения ему ран — в
своего рода пассивном аспекте — также не обнаруживает какого-
либо предпочтения синонимов. Этот пассивный аспект имеет связь
с представлением героя как ‘объекта чужих действий’; напомним,
что в древнеанглийской поэзии сюда относятся описание
манипуляций с телом героя, а также номинация частей тела

мертвого персонажа. *Rekk* встречается и для обозначения мертвых (особый случай: в гл. 4 «Саги о Хёрвер и Хейдрек» ‘мертвые люди’ — это ‘злые духи’, живущие в курганах с сокровищами), но параллельные примеры фиксируются и для других синонимов. С другой стороны, возможно, имеет смысл обратить внимание на то, что в отличие от такого ущерба, полученного в бою, как ранение/гибель, именно для *rekk* фиксируются употребления в «Саге о Ньяле» и «Саге о Хальве и воинах Хальва», относящиеся к героям, заживо сгоревшим в огне, ср. в «Саге о Хальве и воинах Хальва»:

Slíkt kennir mér at sofa lítit
 marga grímu ok mjök vaka:
 er bróðir minn brenna skyldi
 kvíkr í eldi með konungs *rekkum*. (Hróksv Hrkv 19^{VIII})
 ‘Вот почему
 много ночей
 мало я сплю
 и много бодрствую:
 брат мой был
 должен сгореть
 живым в огне
 с *воинами* конунга.’

(пер. Т. Ермолаева, Н. Топчий)

(Ср. в виле о сожженном доме и о погибших в огне людях в доме из «Саги о Ньяле», глава 130). Смерть от огня — это не боевая гибель, в ней герою отводится только страдательная роль (он выведен из возможности оказать военное сопротивление), поэтому эти контексты хорошо укладываются в поле ‘пассивного героя’.

Как кажется, приведенные контексты свидетельствуют о специфическом семантическом сдвиге в функционировании *rekk*. Выразительным представляется уже само количество употреблений по рассматриваемым семантическим типам, поскольку ничего подобного мы не обнаруживаем при использовании других синонимов. Эти наблюдения становятся более убедительными при сравнении всех случаев употребления частотных синонимов ‘мужа, война’ с контекстами *rekk*. Так, совсем другой баланс семантических признаков фиксируется в скальдическом употреблении *guti* (более 120 контекстов): здесь явным образом повторяются иные мотивы и иные комбинации мотивов. В контекстах с *guti* эксплицируются и повторяются темы ‘славы’, выдающихся военных качеств (отваги, смелости в бою) и награды за них, ‘добродетелей’ (в произведениях христианской тематики — христианских доблестей), ‘золота’ (как награды и воплощения славы), ‘щедрости’, ‘даров’ и наслаждения

богатством, ‘удачи’, ‘счастья’ и ‘радости’. Между этими темами возникают характерные переключки внутри одного произведения, например, ‘отважные в бою’ — ‘награда’, ‘счастливые’ — ‘удача’, ‘золото’ — ‘воины’ и ‘оружие’, ‘радость’ — ‘богатство’, ‘доблесть’ — ‘воздаяние’, ‘смелость’ — ‘бой’. Заметна аттракция *gumi* и просто к описанию битвы (топики: летят копья, рубка, сокрушаются кости, кровь окрашивает оружие и т. п.). Тема ‘гибели в бою’, ‘павших в бою’ не противоречит употреблению синонима, поскольку гибель в битве в древнегерманской военной этике почиталась как славная. Кроме того, в целой серии контекстов *gumi* употребляется в связи с аспектом должного (‘каждый должен’: копить доблести, вести себя определенным образом и т. п.). Только в одном случае обнаруживается явное отклонение от обрисованного «семантического поля» (‘мужи лишены победы’). Наряду со специфическими контекстами, как и для других синонимов, для *gumi* фиксируются относительно недифференцирующие употребления: просто ‘воины’, ‘народ’ или даже ‘человеческий род’ (последнее обобщающее значение **gutan* характерно и для древнеанглийской поэзии).

В отличие от *gumi*, *rekkr*, как мы видели, может использоваться скальдами для обозначения «недолжного», для описания неидеального аспекта воина и мужчины. При этом между эддическими и скальдическими контекстами *rekkr* обнаруживаются явные параллели в мотивах уничтожения, превосходства над противником, осмеяния.

Убедившись в том, что синонимы ‘мужа, воина’ имеют признаки семантической дифференциации не только в древнеисландской эддической поэзии, но и в скальдической, мы можем более внимательно рассмотреть другие контексты *rekkr*, которые предположительно тоже могут относиться к описанным специфическим семантическим сериям, но не могут быть окончательно верифицированы в этом отношении. Обращают на себя внимание употребления, в которых *rekkr* обозначает противную сторону, которой нанесен ущерб. В частности, подобным образом употребляет *rekkr* Сигват Тордарсон (ок. 995 — ок. 1045 гг.), один из самых знаменитых исландских скальдов, от которого до нас дошло около 160 стихотворений. Ср. *Rakkr þengill hjó rekka* (Sigv Erlfl 2^{1/2}) ‘Храбрый владыка (Олаф) рубил воинов’, *Rauð í rekka blóði rønd með gumna høndum dreyrugt sverð* (Sigv ErfÖl 14¹) ‘Обагрил в крови **ратников** щиты руками воинов кровавый меч’ (ратники — страдательная сторона), а также в виле, посвященной прославлению победы правителя: *lið hilmis gekk í gegn rekum at gunni* ‘отряд вождя выступил в битву против **воинов**’ (Sigv Víkv 5¹). Кроме того, Сигват Тордарсон использует *rekkr* в контексте осуждения для обозначения дружинников, занимающихся разбоем и грабежом населения: в одном случае эти воины характеризуются

как ‘уставшие от грабежа’ (Sigv Berv 11^{II}) (переключка с типом ‘слабые и потому неполноценные’ здесь возможна, но недоказуема), в другом говорится о позорном наказании за грабеж — воинам мечом остригают волосы: *ráns biðu rekkar sýna refsing* (Sigv ErfÓl 4^I) ‘воины понесли видимое наказание за свой грабеж’. По признаку ‘уничужения’ последний контекст можно сопоставить с висой (Sigv Austv 4^I), где *rekk* прилагается к ‘язычникам’, которых Сигват называет ‘людоедами’. В нейтральном сочетании — ‘владыка воинов’ — *rekk* используется им только один раз.

При этом показательно, что Сигват знает и употребляет и другие синонимы ‘мужа, воина’ — *gumi* и *seggr*. Но *seggr* он применяет для номинации ‘щедрого человека’ и ‘щедрого и стойкого в бою воина’, а *gumi*, в одном случае обозначая просто ‘народ’ (в сочетании ‘правитель народа’), один раз обозначает успешных воинов в бою (см. выше в Sigv ErfÓl 14^I), а один раз оказывается в соседстве с ‘щедростью’, ‘сокровищами’ и ‘(золотыми) кольцами’ (дарами вождя дружинникам) (Sigv Vestv 7^I), попадая тем самым в обычное для него семантическое поле. Внутренняя дистрибуция синонимов в произведениях одного автора — это не самостоятельный, но дополнительный аргумент в пользу общей верности наблюдений над словоупотреблениями.

Как очевидно, в эдической и скальдической поэзии мы обнаруживаем следы тяготения *rekk* к специфическим контекстам, которые понятийно сходны с контекстами *rinc* в поэзии древнеанглийской. По сравнению с древнеанглийским в древнеисландском специфические функции *rekk* несколько сдвинуты в сторону ‘осмеяния’ — что согласуется с иными жанровыми характеристиками поэтических произведений — а «пейоративность» парадоксальным образом сочетается с «мелиоративностью». В целом особенности *rekk*, отличающие его от других синонимов, оказываются более размытыми, чем у древнеанглийского *rinc*, хотя похожую размытость мы можем наблюдать в англо-исландских параллелях и у других древнеисландских синонимов ‘мужа, воина’ (Pimenova 1999).

Итак, анализ древнеисландского *rekk* подтверждает, что на уровне семантической дистрибуции поэтических синонимов мы наблюдаем сходство двух поэтических традиций: западногерманской древнеанглийской и северогерманской, — в значительной степени отличающихся по языку, метрике и жанровому составу произведений. Поскольку «поэтическая» дифференциация синонимов не связана с их этимологией, а различия в словоупотреблении имеют системный характер, то основные параметры дистрибуции синонимов следует возводить к эпохе существования общегерманского поэтического языка (до Великого переселения народов IV–V вв. н.э.). Это расширяет наши

представления о том, какие элементы общего поэтического языка могли транслироваться и сохраняться в региональных традициях на протяжении длительного периода (ср. каталогизацию общегерманских поэтических слов и концептов в Smith 2011, анализ поэтических композитов в Townend 2015 и дискуссию о формульности в Naumes 2004). Отдельный интерес представляет преемственность техники эддической и авторской скальдической поэзии, которая нуждается в дополнительном изучении.

Источники

Codex Regius of the Poetic Edda: an electronic edition (Ed. The Codex Regius Team, The Árni Magnússon Institute for Icelandic Studies, Reykjavík, Iceland). URL: <https://eae.ku.dk/q.php?p=eae/vols/text/1> (дата обращения 1.08.2023).

The Skaldic Project. An international project to edit the corpus of medieval Norse-Icelandic skaldic poetry. Eds. M. C. Ross, R. D. Fulk, K. E. Gade, G. Nordal, E. Marold, D. Whaley, T. Wills (eds.) Database editor: T. Wills. URL: <https://skaldic.org/> (дата обращения 1.08.2023).

Литература

Cleasby, R., Vigfusson, G. 1957: *An Icelandic-English Dictionary*. Based on the MS. collections of the late R. Cleasby. Enlarged and completed by G. Vigfusson. Oxford, 1957. URL: <http://norroen.info/dct/cleasby/>

Naumes, E. R. 2004: The Germanic Heldenlied and the Poetic Edda: Speculations on Preliterary History. *Oral Tradition*, 19/1, 43–62.

Matyshina, I. G. 2011: *Perebranka v drevnegermanskoj slovesnosti*. [The Tradition of Flying in Old Germanic Culture]. Moscow: RGGU.

Матюшина, И. Г. 2011: Перебранка в древнегерманской словесности. М: РГГУ.

Orel, V. E. 2003: *A Handbook of Germanic etymology*. Leiden, Boston: Brill, Academic Publishers.

Pimenova, N. B. 1995: [Two Old Germanic poetic archaisms (reference and stylistic function of a word in historical and typological perspective)]. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoy poetike* [*The Atlantic. Notes on historical poetics*]. 1. Moscow: Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University.

Пименова, Н. Б. 1995: Два древнегерманских «поэтических архаизма» (предметность и стилистичность слова в историко-типологической перспективе). *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. 1. М: Филологический факультет МГУ, 61–74.

Pimenova, N. B. 1999: [The attraction of the synonyms *gumi* and *verr* 'man, warrior' in the Poetic Edda]. *Skandinavskie yazyki. Sinhroiya i diakhroniya* [*Scandinavian languages. Synchrony and diachrony*]. Moscow: Russian State University of Humanities, 227–246.

- Пименова, Н. Б. 1999: Словесная аттракция синонимов *guti* и *verr* 'муж, воин' в «Старшей Эдде». *Скандинавские языки. Синхрония и диахрония*. М: РГГУ, 227–246.
- Pimenova, N. B. 2008: [Old English poetic terms: *rinc* 'man, warrior']. *Germanistika. Skandinavistika. Istoricheskaya poetika*. [Germanistics. Scandinavian Studies. Historical poetics]. Moscow: MaksPress, 295–303.
- Пименова, Н. Б. 2008: Древнеанглийский поэтический словарь: *rinc* 'муж, воин'. *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика*. М: МаксПресс, 295–303
- Pimenova, N. B. 2013: [Verbal challenge to duel in Old Germanic poetic texts]. *Ritual v yazyke i kommunikatsii* [Ritual in Language and Communication]. Sbornik statey (Studia philologica). Moscow: Znak, 349–360.
- Пименова, Н. Б. 2013: Словесный вызов на поединок в древнегерманских поэтических источниках. *Ритуал в языке и коммуникации*. Сборник статей (Studia philologica). М: Знак, 349–360.
- Saga o Halve i voinakh Halva [The saga of Hálfir and Hálfir's champions]. Translated from Old Norse to Russian by T. Ermolaev. Literary rendition of verses, assistance in translation by N. Topchiy. *Severnaya slava* [Northen Glory]. Electronic resource.
- Сага о Хальве и воинах Хальва. Пер. с древнеисландского Т. Ермолаева. Литературная обработка вис, помощь в редакции перевода: Н. Топчий. *Северная слава* [Электронный ресурс]. URL: <http://norroen.info/src/forn/half/ru.html>
- Saga o Hervyor i Heidreke. [The Saga of Hervör and Heidrek]. Translated from Old Norse to Russian by T. Ermolaev, translation revisions by N. Topchiy. *Severnaya slava* [Northen Glory]. Electronic resource.
- Сага о Хервёр и Хейдреке. Пер. с др.-исландского Т. Ермолаева. Перевод с древнеисландского Т. Ермолаева, редакция перевода Н. Топчий. *Северная слава* [Электронный ресурс]. URL: <http://norroen.info/src/forn/hervor/ru.html>
- Smith E. 2011: *An Old Germanic Poetic Lexicon. A comparative vocabulary of Old Norse, Old English and Old Saxon, illustrating concepts and objects drawn mainly from the poetry.* (Updated 15 Sept 2011) [Electronic resource] URL: <http://germanic-studies.org/An-Old-Germanic-poetic-lexicon.htm> (accessed on August 25th 2023).
- Starshaya Edda 1975: [The Poetic Edda]. Translated by A. I. Korsun. *Beowulf. Starshaya Edda. Pesn o Nibelungakh* [Beowulf. The Elder Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна. *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*. М: Художественная литература.

Townend M. 2015: *Antiquity of Diction in Old English and Old Norse Poetry*. Cambridge: Department of Anglo-Saxon, Norse and Celtic, University of Cambridge.

Vaan (de Vaan) M. 2011: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, Volume 7). Leiden, Boston.

Список сокращений

Эддическая поэзия:

Akv — Atlakviða «Гренландская Песнь об Атли»

Alv — Alvíssmál «Речи Альвиса»

Am — Atlamál «Гренладские Речи Атли»

Gríp — Grípisspá «Пророчество Грипира»

Guðr I — Guðrúnarkviða I «Первая Песнь о Гудрун»

Guðr II — Guðrúnarkviða II «Вторая Песнь о Гудрун»

Hárþ — Hárbarðsljóð «Песнь о Харбарде»

Hávam — Hávamál «Речи Высокого»

ННj — Helgakviða Hjörvarðssonar «Песня о Хельги, сыне Хьёрварда»

Völ — Völundarkviða «Песнь о Вёлунде»

Скальдическая поэзия:

Anon (Hák) — Anonymous Lausavísur, Lausavísur from Hákonar saga Hákonarsonar

Anon Heildr — Anonymous Poems, Heilags anda drápa

Anon Pl — Anonymous Poems, Plácitusdrápa

Anon Vitn 12VII — Anonymous Poems, Vitnisvísur af Máriu

Anon (Vqls) — Anonymous Lausavísur, Lausavísur from Vqlsunga saga

Hhárþ Lv — Haraldr hárþagri Hálfðanarson, Lausavísur

Hróksv Hrkv (Hálf) — Hrókr inn svartí, Hrókskviða from Hálf s saga ok Hálf srekka

Sígv Austv — Sígvatr Þórðarson, Austrfaravísur

Sígv Berv — Sígvatr Þórðarson, Bersögglisvísur

Sígv Erlfl — Sígvatr Þórðarson, Flokkur about Erlingr Skjálgsson

Sígv Erfól — Sígvatr Þórðarson, Erfíðrápa Óláfs helga

Sígv Vestv 7I — Sígvatr Þórðarson, Vestrfaravísur

Sígv Víkv — Sígvatr Þórðarson, Víkingarvísur

Д. Д. Пиотровский
ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия.
dimapiotrovsky@hotmail.com

ФАРЕРСКИЙ ЦИКЛ БАЛЛАД О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

Цикл баллад о Карле Великом является вторым по величине циклом фарерской устной поэзии после цикла о Нибелунгах. Он представляет собой причудливую смесь традиционных германских, христианских и феодальных мотивов, позволяющих лучше охарактеризовать значение фарерской устной поэзии и состоит из пяти песней: «Прядь о хвостовстве», «Рима об Эмунде», «Рима об Одвальде», «Рима о Флоуванте», «Рунсивальская битва». Повествование в основном следует старофранцузской «Песни о Роланде», включая некоторых персонажей. Фарерские сказители творчески перерабатывают литературные образцы и дают достаточно самобытную интерпретацию хорошо известных сюжетов.

Ключевые слова: фарерские баллады, устная поэзия, «Песнь о Роланде», Карл Великий.

D. D. Piotrovskii
Pavlov First Saint Petersburg State Medical University
dimapiotrovsky@hotmail.com

Faroese Charlemagne ballad cycle

The Charlemagne ballad cycle is the second biggest cycle of Faroese oral poetry after the Nibelungs one. It consists of five songs: *Geipa* (boasting) *Táttur*, *Emunds Ríma*, *Ódvalds Ríma*, *Flóvants Ríma*, *Runsivals stríð* (fight). The story generally follows the Old French *Chanson de Roland*. Some of the main characters find parallels in this French epic. The Charlemagne cycle is a peculiar mixture of traditional Germanic, Christian and feudal motives. Taking into consideration the Charlemagne ballad cycle helps to understand better the role of Faroese oral poetry, the Faroese singers of tales creatively reworking foreign plots and giving a specific interpretation of well-known subjects.

Key words: Faroese ballads, oral poetry, Chanson de Roland, Charlemagne.

Самым крупным и наиболее часто упоминаемым циклом фарерской балладной поэзии является цикл о Шууре (Сигурде). Меньший по объему цикл баллад о Карле Великом (см. напр. Verkov 2003: 19) состоит из пяти стихотворных текстов: «Прядь о хвостовстве», «Рима об Эмунде», «Рима об Одвальде», «Рима

о Флоуванте», «Рунсивальская битва». Цикл известен по двум опубликованным источникам. Во-первых, по фарерской антологии В. У. Хаммерсхайма (Hammershaimb 1891: 139–187); во-вторых, по рукописным тетрадам Й. Кр. Свабо, изданным Кр. Матрасом (Matras 1939: 419–455). Записи Свабо были опубликованы позднее, но выполнены раньше, чем тексты, собранные Хаммерсхаймом. Нет сомнений, что помимо указанных двух фиксаций текстов данного цикла имели место и другие записи. Так, в частности, Х. Кр. Люнбю упоминает, что в библиотеке профессора Расмуса Ньюерупа (1759–1829) имелся текст «Битвы на Рунсевальской пустоши», выполненный неким человеком под диктовку молодой женщины с Фарерских островов, который позднее был утрачен (Lyngbye 1822: V). Кроме этого, ссылки на другие рукописи имеются в вышеупомянутом издании Хаммерсхайма.

У Свабо и Хаммерсхайма баллады внутри цикла следуют в разном порядке. Порядок Хаммерсхайма см. выше, у Свабо последовательность такая: «Прядь о хвостовстве», «Рима об Эмунде», «Рунсивальская (т. е. Ронсевальская) битва», «Рима об Одвальде», «Рима о Флоуванте». Расхождения вполне объяснимы. У Свабо материал рукописный, поэтому отдельные баллады располагаются в той последовательности, в которой они попадали в поле зрения собирателя. У Хаммерсхайма порядок соответствует фабуле. «Рунсивальская битва» оказывается последней, поскольку в ней погибает главный герой цикла — Роуланд (Роланд).

«Прядь о хвостовстве» в тетради Свабо состоит из 85 строф, у Хаммерсхайма — из 86. Расхождения незначительны. Содержание «Пряди» следующее: Карл Великий отправляется в Константинополь. В помещении, которое отвели королю, имеется полая внутри колонна, где прячется писец, который записывает все, что говорится. Люди Карла начинают давать трудновыполнимые обещания. Их все удается выполнить с помощью молитвы.

«Рима об Эмунде» в обеих редакциях состоит из 51 строфы. Тексты Свабо и Хаммерсхайма почти полностью совпадают. В «Риме» говорится о том, что некий герцог по имени Эмунд едет по лесу и видит родник. Он ложится на землю, чтобы напиться. К этому же роднику подъезжает Карл Великий. Между ними начинается поединок, в ходе которого Карл оказывается раненым. На выручку королю спешит Роуланд и убивает Эмунда.

«Рима об Одвальде» у Свабо состоит из 30 строф, у Хаммерсхайма — из 28. Расхождения не очень значительны. Сюжет «Римы» таков: великан Одвальд приходит к Карлу. Ведет себя по отношению к нему непочтительно. Хочет захватить королевские сокровища. Роуланд вступает в сражение с ним. Долгое время исход поединка остается неясным. Победить Роуланду помогает молитва Карла.

«Рима о Флоуванте» в редакции Свабо включает в себя 37 строф, у Хаммерсхайма — 43. Более продолжительный текст Хаммерсхайма объясняется большим количеством повторов. Сюжет: Карл Великий приглашает своих воинов на рождество (йоль?). Его родич Фловин, выполняющий обязанности виночерпия, проливает несколько капель на платье герцога. Тот наносит Фловину сильный удар кулаком. Фловин бьет его в ответ так, что тот падает замертво. Король хочет посадить его в тюрьму, но он убегает, и прячется у своей приемной матери. Потом король находит его. После упорного поединка Карл падает раненый с лошади, но Фловин щадит его.

«Рунсивальская битва» у Свабо насчитывает 86 строф, у Хаммерсхайма — 89. Расхождения незначительны. Содержание баллады: Карл Великий спрашивает, кто хочет быть его посланником к королю Ангелунду (в некоторых версиях, известных Хаммерсхайму, Марсилию). Роуланд предлагает Гуйина ярла (Гонелона). Гуйин приносит Ангелунду голову Эмунда. Из-за этого Ангелунд впадает в гнев и хочет убить посланника, но предатель Гуйин советует ему отомстить за сына, и дает ему совет, как это сделать, а сам едет назад к Карлу и сообщает о наступлении короля Ангелунда. Войны короля и его 12 равных выступают против бесчисленного войска противника и всех побеждают. Ангелунд снаряжает другое войско с тем же успехом. В третий раз Ангелунд выступает сам с 89-ю другими королями. Битва становится тяжелой и кровавой, и 12 равных по ошибке сражаются друг с другом и погибают. Карл собирает против язычников большую армию, и чтобы выиграть время и отомстить за своих людей, молитвой останавливает время на 9 часов. Он убивает Ангелунда, разбивает его войско, и везет тела 12 равных в церковь в Иерусалиме.

Отдельные баллады слабо связаны между собой, только за счет действующих лиц: Карла, Роуланда (Роланда) и некоторых других. Только «Рима об Эмунде» и «Рунсивальская битва» связаны между собой причинно-следственной связью, т. к.

Роуланд убивает Эмунда, что становится поводом для мести со стороны Ангелунда (Марсилия).

Разумеется, сюжет цикла, особенно последней его песни, заимствован из старофранцузского эпоса «Песнь о Роланде». Часть имен легко узнаваемы. Помимо Карла и Роуланда это Оулав (Оливье):

“Hoуг tað tú nú, Ólavur jall! viltú siga mær: hvát viltú í hesum landi til goysni kjósa tær?” ¹	Послушай, ты, теперь, Оулав граф! скажи мне: какой ты хочешь в этой земле подвиг выбрать для себя? (GT 57)
---	---

Упоминается архиепископ Турпин (Турпен): “Hoуг tað, Turpin erkibisp!” (далее как в предыдущем примере) ‘Послушай это, Турпин архиепископ!’ (GT 67).

В другом месте упоминается Ольгар Датский (Ожье Датчанин):

Svaraði Olgar Danski, heldur at tí gleim: “Takka máttú frænda tínum, at tú kom nú heim!”	Ответил Ольгар Датский, он этому рад: «ты должен благодарить своего родича, за то, что ты вернулся домой (ER 50).
---	--

Нет особых причин сомневаться в том, что предатель Гуйин это никто иной как Ганелон:

Tí svaraði Róland jall, tað var helst av sút: “Gýðin jall av ríkinum, værvær nevna first hann út.”	На это ответил Роуланд граф, это было довольно печально: «Гуйин граф из королевства, должен быть назван первым.» (RS 2)
---	---

Узнаваемы меч и рог Роуланда:

Upp leyp reystur Rólant (sic!) jall, hann vildi ei longur sita: “Eg skal teg við Dýrindal for úlv og vörgum brytja.”	Вскочил Роулант граф, он не мог больше сидеть: «я тебя Дуйриндеалем для волков разрублю.» (ÓR 5)
---	---

Ríða teir út av Fraklandi við dýrum drós í saðil, blás í hornið Ólivant í Runsival.	Едут они из страны Франков с роскошной свитой в седле, затрубил в рог Оуливант на Рунсивале (RS 1)
---	---

¹ Здесь и далее примеры приведены по изданию: Hammershaimb 1891.

Но, не зная содержания «Песни о Роланде», следить за содержанием «Рунсивальской битвы» может быть трудно. В фарерской балладе выбраны лишь некоторые эпизоды, что подтверждает тезис С. М. Боуры: [е]сли эпический поэт развивает свой рассказ, шаг за шагом выстраивал прямую линию повествования и не пренебрегая даже чисто механическими его составляющими, автор баллады может выбрать самые яркие эпизоды и целиком сосредоточиться только на них (Bowra 2002: 743–744). То есть баллада в отличие от героического эпоса не требует обязательной связности текста.

В цикле о Карле Великом причудливо переплетаются традиционные германские (языческие), христианские и феодальные мотивы.

Сам Карл предоставляется не столько как средневековый монарх, а скорее как традиционный германский герой подобный Сигурду, который путешествует в одиночку и ищет приключений. Так в «Риме об Эмунде» Карл Великий оказывается один на один с Эмундом в лесу и затевает с ним ссору. На этом, правда, сходство с Сигурдом заканчивается, поскольку только вмешательство Роуланда спасает короля от гибели. Важным традиционным мотивом оказывается и мотив кровной мести. Он возникает в связи с предательством Гуйина. Будучи посланным к Ангелунду, он склоняет того к мести Роуланду за своего родственника (по тексту не понятно, то ли отца, то ли сына) Эмунда.

Tí svaraði Gúðin jall,
hann talar so for seg:
“Líkari var tín son at hevna
enn at drepa meg!”

На то ответил Гуйин граф,
он так говорит:
«Лучше тебе за своего сына отомстить,
чем убивать меня!» (RS 9)

В качестве реплики в сторону можно отметить, что данный эпизод находит параллель в цикле о Нибелунгах. Речь идет о юношеских годах Шуура (Сигурда):

Niður setast sveinarnir,
reiðir íð teir vóru:
líkari var tar faðir at hevna,
en berjja os so stórum.

Попадали многие юноши,
гнев не могли сдержать:
лучше б ты мстил за отца,
чем против нас воевать.

(RSm 40, см. также Piotrovsky 2010)

Тот факт, что кровную месть намереваются осуществить Ангелунд и его воины, которые на самом деле являются язычниками, а не их противники христиане, вряд ли значим.

Для Гуйина практика кровной мести, судя по всему, является нормальным делом, именно поэтому он и предлагает Ангелунду осуществить ее по отношению к Роуланду.

К христианским мотивам следует отнести голубя (символ святого духа), который сел на руку Карлу:

<p>Таð var keisarin Karlamagnus, gekk við kirkjuni fram, dúgvan kom av himmiríki, setti seg á hans arm.</p>	<p>То был кайзер Карл Великий, подошел он к церкви, голубь спустился из небесного царства, сел ему на руку. (GT 78)</p>
---	---

В цикле упоминается ряд библейских персонажей. Сам Иисус:

<p>Hann setti seg í stólin tann, sum sjálvur Jesus átti: “Sitid nú, allir tólv javningar, sitid nú allvæl sáttir!”</p>	<p>Он сел за тот стол, который самому Иисусу принадлежал: «Садитесь теперь, все двенадцать равных, садитесь наилучшим образом!» (GT 13)</p>
--	---

Дева Мария:

<p>Hann bar honum fram halgudóm, tó teir fleiri væri, bryst av jomfrú Mariu moy, tátt av hennara hári.</p>	<p>Он принес ему святыни, которых было много, накидку Девы Марии, прядь ее волос. (GT 14)</p>
--	---

Другой пример:

<p>Viður nú skaparan skýla sær, sum skapt hevur verðina alla, og hana mildu Mariu moy, sum móður Guds skal kalla.</p>	<p>Просит убежища у создателя, который сотворил весь мир, и у милостивой Девы Марии, которую должно называть Богоматерью. (FR 34)</p>
---	---

Апостол Павел:

<p>Таð er Pál patriark, hann leit seg undan skildri: “Sig mær, keisarin Karlamagnus, hvát tú higar vildi!”</p>	<p>Это патриарх Павел, он показался в дверях: «Скажи мне кайзер Карл, чего ты здесь хотел бы!» (GT 9)</p>
--	---

Святой Петр (Симон):

<p>Hann bar honum fram halgudómar, santa Símunis arm, sjálvur Jesus lá tar á, tá ið hann var eitt lítið barn.</p>	<p>Он принес ему святыни, руку святого Симона, сам Иисус лежал на ней, когда был маленьким ребенком. (GT 15)</p>
---	--

Феодальным мотивом можно считать верность сюзерену, которую неоднократно демонстрирует Роуланд, вызволяя Карла из разного рода неприятностей.

Неоднозначной представляется интерпретация «двенадцати равных». Равными называются двенадцать лучших и наиболее приближенных к королевской особе рыцарей Карла Великого. Помимо упомянутых Роуланда, Оулава, Турпина, Ольгара это еще несколько персонажей, для которых не находятся соответствия в других традициях. Такие как Виллум:

“Hoyr tú tað nú, Villum,
viltú siga mær:
hvat viltú í hesum landi
til roysni kjósa tær?”

Послушай, ты, теперь, Виллум,
скажи мне:
какой ты хочешь в этой земле
подвиг выбрать для себя? (GT 60)

Также Анджилъбрет (GT 64 за исключением имени персонажа полностью совпадает с предыдущим примером). В другом месте упоминается Немус:

Svaraði Nemus hertugin,
fyri borði har hann stendur:
“Róland er í víggi staddur,
vandi er honum á hendur!”

Ответил Немус герцог,
он перед столом стоит:
«Роуланду придется сражаться,
он в затруднительном положении!»

(RS 62)

С одной стороны напрашивается сравнение равных с двенадцатью апостолами, с другой стороны уж очень эти двенадцать равных напоминают Артуровских рыцарей круглого стола.

Обращение к циклу баллад о Карле Великом помогает понять значение фарерской устной поэзии в целом, а также ее составных частей, в том числе цикла о Нибелунгах. В свое время Андреас Хойслер определил место фарерским балладам этого цикла, как одну из побочных ветвей развития общегерманского сказания о Нибелунгах (Heusler 1960: 51–125, см также Piotrovskii 2018: 145). Конечно, фарерская литература XVIII–XIX вв. не может ни качественно, ни количественно соперничать ни с ведущими мировыми литературами, ни даже со словесностью других скандинавских стран. Но не следует впадать и в другую крайность, а именно оценивать народную поэзию Фарерских островов как следующую исключительно внешним образцам и поэтому ничего не значащую для мировой культуры. Действительно, фарерцы в основном принимают литературные образцы извне, из общегерманского эпического

наследия, или как в случае с карлемагнианским циклом из наследия другой негерманской культуры. Но в любом случае фарерские шипари переосмысливают и творчески перерабатывают чужие сюжеты и создают собственную нетривиальную устную поэзию, которая находит свое собственное, пусть и весьма скромное, место среди литератур Скандинавии, Европы и мира.

Сокращения

ER Emunds Ríma (Рима об Эмунде)
FR Flóvants Ríma (Рима о Флоуванте)
GT Geira táttur (Прядь о хвостовстве)
ÓR Ódvalds Ríma (Рима об Одвальде)
RS Runsívals stríð (Рунсивальская битва)
RSm Regin smíður (Кузнец Реин)

Литература

- Berkov, V. P. 2003: White spot of Scandinavian studies (Faroe Islands). In: *Philologica Scandinavica. Sbornik statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Steblin-Kamenskogo* [*Philologica Scandinavica. Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of M. I. Steblin-Kamensky*]. St. Petersburg, 11–27.
Берков, В. П. 2003: Белое пятно скандинавистики (Фарерские острова). В сб.: *Philologica Scandinavica. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского*. СПб., 11–27.
- Bowra, C. M. 2002: *Geroicheskaya poeziya* [*Heroic poetry*]. Moscow: NLR. Боура, С. М. *Героическая поэзия*. М.: Новое литературное обозрение.
- Hammershaimb, V. U. 1891: *Færøsk Anthologi I. Text samt Historisk og Grammatisk Indledning. Med Understøttelse af Carlsbergfondet*. København: S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen).
- Heusler, A. 1960: *Germaniskiy geroicheskij epos i skazaniye o Nibelungakh* [*German heroic epic and the tale of the Nibelungs*]. М., Foreign Literature Publishing House.
Хойслер, А. 1960: *Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах*. М., Издательство иностранной литературы.
- Lyngbye, H. Ch. 1822: *Færøske Kvæder om Sigurd Fofnersbane og hans Æt. Med et Anhang*. Samlede og oversatte af Hans Christian Lyngbye, Sogneprest i Gjesing. Udgivne ved kgl. allernaadigst Understøttelse. Randers. Trukt hos Elmenhoff, kgl. priv. Bogtrykker.

- Matras, Chr. 1939: *Svabos Færøske Visehaandskrifter*. Udgivne for Samfund til af Gammel Nordisk Litteratur ved Chr. Matras. København, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S.
- Piotrovskii, D. D. (intr., transl., com.), 2010: The Faroese Ballad of Regin the Smith. In: Vassilkov, Ia. V., Kisilier, M. L. (eds.), Kleiner, Iu. A. (intr.). *Poetika traditsii. Sbornik nauchnykh statei*. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 363–391.
- Пиотровский, Д. Д. 2010: Фарерская баллада о кузнеце Реине. Вступительная статья, перевод и комментарии Д. Д. Пиотровского. В сб.: *Поэтика традиции. Сборник научных статей*. Под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. Предисловие Ю. А. Клейнера. СПб.: Европейский дом, 361–391.
- Piotrovskii, D. D. 2018: Faroese ballads. Literary experiment or tradition? In: *Atlantika. Zapiski po istoricheskoy poetike*. [Notes on historical poetics]. Issue XV. Moscow: Maxpress, 144–150.
- Пиотровский, Д. Д. 2018: Фарерские баллады. Литературный эксперимент или традиция? В сб.: *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. Вып. XV. М.: Макспресс, 144–150.

Н. Л. Сухачев

Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия.
nsuh@inbox.ru

«СПОРНОЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ»

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО И Л. В. ЩЕРБА

«Поскольку, согласно концепции Бахтина, архаический смех — это осмеяние (одновременно с восхвалением и т. д., но все же осмеяние), т. е. направленный смех, то у него должен быть объект: если есть осмеяние, то должно быть и то, что осмеивается. Но какой может быть объект у архаического смеха, если, как было показано выше, этот смех все же не осмеяние, т. е. не направленный смех?»¹

М. И. Стеблин-Каменский «Апология смеха»²

В истории идей все «спорное» вписывается в некоторую перспективу становления спорных вопросов и их решения. Утрачивается нить, связующая «вчера» и «сегодня». Неповторимые личности выстраиваются в ряды научных авторитетов — *портретов*, пусть и разнотипных, но «парадных». То, что живо помнят уже немногие ученики М. И. Стеблин-Каменского — его слова, интонации и поступки, отчасти прослеживается в «поэтике» его научных трудов. Хотелось бы надеяться, что внимание к ним остается живым, а не «классифицирующим».

Ключевые слова: общее языкознание, проблемы классификации, терминология, университетская наука, части речи.

Nikolai Sukhachev

Institute for Linguistic Studies, RAS, SPb, Russia. nsuh@inbox.ru

M. Steblin-Kamenskij's *Controversial Issues in Linguistics* and L. Scherba

When we consider the history of ideas all controversial issues could be included into the perspective of their formation. But the link between the past and the present has been lost. Unique personalities form the row of academic authorities, and therefore become 'portraits' of various types. Nowadays a few students of M. Steblin-Kamenskij still have vivid

¹ Имеется в виду «замечательная» книга «очень остроумного» М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (М., 1965).

² 1-я публ.: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 2. С. 149–156 (то же: Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. Л., 1978. С. 158–173; англ. авторская версия: 1981), см.: Steblin-Kamenskij 2003: 586–587.

memories of his words, intonations, and deeds, that can also partially be found in the ‘poetics’ of his scholarly work. The author would like to invite the readers’ attention (not ‘classifying’ but vivid) towards these issues.

Keywords: general linguistics, problems of classification, terminology, academic research, parts of speech.

О цитируемой в эпиграфе статье автор впоследствии заметит: «Мне кажется, что моя лучшая работа “Апология смеха”. Но в ней нет ни эрудиции, ни объема. Одна только статья. Поэтому, в то время как антиисторический вздор об “амбивалентности смеха”, нагороженный Бахтиным, в его талантливейшей книге о Рабле, взят на вооружение древниками и медиевистами, моей статьи никто и не заметил. Вот так и всегда в науке» (Steblyn-Kamenskij 2009: 27, «Из моих записных книжек», Лето 1981 г. Тярлево).

Авторская позиция М. И. Стеблин-Каменского, если не использовать почему-то не принятого применительно к научным трудам термина «поэтика», определяется (не только в приведенных цитатах) неизменной наблюдательностью, характеризующей установку скорее естествоиспытателя³, чем филолога, и уверенностью в том, что «брань умов» — отнюдь не насмешка над «равными». Как и в случае с *направленным* и *ненаправленным* смехом (это принципиальное различие впервые в исторической поэтике выявлено М. И.), схватка идей есть борение мнений — условие существования и развития науки, а не кухонная перебранка. В контексте намеченной темы «борение мнений» сопрягается с искренним уважением Стеблин-Каменского к Щербе. Достаточно напомнить рассказ «Экзамен у Л. В. Щербы» (1975)⁴.

«Тому, чтобы университетская наука оказалась окончательно скомпрометированной в моих глазах, воспрепятствовал Л. В. Щерба. Мне надо было сдавать ему экзамен по методике преподавания. Но как мне было хорошо известно (я дружил со старшим сыном Щербы⁵, неоднократно бывал в доме Щербы и хорошо знал его самого), Щерба был глубоко убежден не только в том, что в университетской науке есть смысл, но также и в том, что он должен быть в университетских экзаменах. Для него прием экзаменов, как и преподавание вообще, были творчеством, и он старался сделать так, чтобы и сдача ему экзамена была творчеством <...> Я не мог рассчитывать на какое-либо

³ Особенно ярко это выражено в «Отрывках из “Воейковского дневника”» (1959–1974), см.: Steblyn-Kamenskij 2009: 275–297.

⁴ 1-я публ. (М. И. Стеблин-Каменский): Язык и речевая деятельность. СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. Т. 1. С. 194–196 (СПбГУ)

⁵ Речь идет о Д. М. Щербе — филологе-романисте, ученике В. Ф. Шишмарева, см.: Matusевич, Steblyn-Kamenskij 1948.

послабление в экзамене. Напротив, я был уверен, что Щерба будет экзаменовать меня более строго, чем других студентов, именно потому, что я друг его сына <...> для Щербы всякое использование своего положения профессора университета для облегчения чего-нибудь <...> было абсолютно исключено как нечто отвратительное, как беспринципность» (Steblyn-Kamenskij 2009: 136–137).

Ниже следует абзац, уточняющий смысл последнего слова. По сути его вполне можно оценить в качестве примера «языкового эксперимента», коль скоро за словоупотреблением Щербы стоит ни что иное, как свойственное его трудам внимание к осмыслениям языкового материала (разумеется, включая самонаблюдение), давшее повод для обвинений автора в «психологизме». В согласии с «духом времени» Щерба попытался от них уйти, акцентировав именно экспериментальную составляющую собственно психологии. Языковой узус послереволюционного времени изобилует, примерами как целенаправленных, так и произвольных «экспериментов» с языком, что, впрочем, можно сказать и о периоде конца XX — начале XXI вв. (напр., ср.: Shagalova 2009).

«Беспринципность? — обращает внимание Стеблин-Каменский, — Я употребил это слово, как его употреблял Щерба. Но потом я сообразил, что ведь это слово, по-видимому теперь употребляется в значении, обратном тому, в каком его употреблял Щерба. На то, что это слово радикально изменило свое значение, мне недавно открыл глаза один случай» (Далее сообщается об отчислении с первого курса скандинавского отделения за неуспеваемость дочери некоего директора «крупного завода на юге СССР» и о звонке его представителя, который «приехал в Ленинград хлопотать за студентку» к заведующему кафедрой.) «Представитель завода говорил со мной угрожающим тоном. Но когда он увидел <sic!>, что я настаиваю, на отчислении несмотря на то, что мне известно, кто отец студентки, он понял, что продолжать со мной разговор бесполезно, и решил кончить его, обхавив меня напоследок. “Вы член партии?” — спросил он меня. “Нет”, — ответил я. “То-то и видно, что вы такой беспринципный!” — сказал он в сердцах и повесил трубку» (Steblyn-Kamenskij 2009: 137).

М. И. Стеблин-Каменский трижды выступал на ежегодных открытых заседаниях кафедры фонетики ЛГУ, которые обычно проводились 26 декабря (день ухода из жизни Л. В. Щербы): в 1953 г. (доклад «К вопросу о классификации слов по частям речи»), в 1967 г. («Возможно ли планирование языкового развития?») (Svetozarova 2020: 764–765) и в 1975 г. («мемориальный»

доклад «Как я сдавал экзамен Л. В. Щербе»⁶. Сборник «Спорное в языкознании» (Steblin-Kamenskij 1974), охватывающий статьи общелингвистической значимости, опубликованные автором в 1954-1971 гг., вышел в свет спустя 30 лет после ухода из жизни Л. В. Щербы. Это, скорее, случайное совпадение. Но явно не случайна дата появления статьи «К вопросу о частях речи» (в год десятилетия кончины Щербы)⁷. В этой статье (второй в книге после предваряющей ее «Об основных признаках грамматического значения») подхвачены некоторые положения статьи Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» (Shcherba 1974)⁸.

В. П. Берков приводит еще один штрих к образу М. И. Стеблин-Каменского, напоминая о восходящей к Л. В. Щербе, если не приписываемой ему экспериментальной фразе, связанной с представлением о роли морфологии в распределении лексики по частям речи и ее восприятием: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка»⁹.

«В первые годы существования скандинавского отделения на филфаке М. И., помимо чтения лекций, вел и практические занятия по норвежскому языку. И здесь он отходил от шаблонных методов преподавания. Так, вместо не запоминаемых студентами банальных предложений типа “в саду растут высокие деревья” он предложил нам, первокурсникам, перевести на норвежский фразу “большой идиот играет с маленьким зверем”» (см.: Steblin-Kamenskij 2009: 300)¹⁰.

Всплывший в первых десятилетиях XX в. «старый вопрос о так называемых “частях речи”» (Shcherba 1974: 77), которому Л. В.

⁶ Я признателен Н. Д. Светозаровой за уточнение названия доклада, которое в названной статье не приводится. Два предыдущих доклада вошли в сборник «Спорное языкознание».

⁷ 1-я публ.: Вестник Ленинградского университета. Серия общественных наук. 1954. № 6. С. 147–157.

⁸ 1-я публ.: Русская речь. Новая серия. П. Л.: 1928. Появление статьи вызвало «многочисленные нападки со стороны представителей формальной школы» (Shcherba 1951: 16).

⁹ Считается, что пример был предложен Л. В. Щербой на лекциях по языкознанию в 1928 г. Фраза приобрела после публикации научно-популярной книги Льва Успенского «Слово о словах» (1954). В устном рассказе И. Л. Андроникова в конце 1920-х гг. она звучала: «Кудматая бокра штеко будланула тукастенского бокрёночка». А. М. Панченко на одной из лекций предположил, что она звучала: «Глокая куздра штеко кудланула бокра и курдячит бокрёнка».

¹⁰ Берков В. П. *Так говорил Михаил Иванович*. — Примеч.: «Из статьи В. П. Беркова «Несколько штрихов к портрету М. И. Стеблин-Каменского» (1-я публ.: Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Вып. 16.)

Щерба посвятил статью 1928 г., подчеркивая, что «...сами категории могут значительно различаться от языка к языку, если подходить к каждому из них как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков»¹¹ (там же: 78), естественно, оставался «спорным в языкознании». М. И. Стеблин-Каменский обращает внимание прежде всего на то, «что распределение слов по частям речи — не результат логической операции, называемой классификацией» (Steblyn-Kamenskij 2003: 607)¹².

Нет смысла углубляться в частные детали обсуждаемой М. И. лингвистической проблематики, приведу лишь примеры, наглядно предьявляющие читателю ее подоплеку *в целом* (условно «логическую»): «Распределяя слова по частям речи, т. е. утверждая, что среди слов есть так называемые существительные, прилагательные глаголы и т. д., мы, примерно, делаем то же самое, как если бы мы, суммируя то, что мы знаем об окружающих нас людях, сказали, что среди них есть блондины, есть брюнеты, есть математики, есть профессора, а есть и умные люди. Смешно было бы конечно спорить, на каком основании произведено это деление *в целом*, но можно было бы определить, на каком основании выделена каждая из этих групп *в отдельности*» (там же: 609).

И ниже: «Было сделано немало попыток истолковать *традиционное* (выделено мной — *Н. С.*) распределение слов по частям речи как некую стройную и последовательную “систему”, т. е. как классификацию <...> Однако в сущности априорно и всякое истолкование частей речи как стройной “системы” — все равно, семантической, морфологической, синтаксической или даже семантико-морфолого-синтаксической» (там же). Последний композит, разумеется, подразумевает не языкознание, со всем, что в нем остается спорным, но против наукообразия, оперирующего, увы, нередко, quasi-терминами и усложненными высказываниями.

¹¹ Более того, акцентируется историческая подоплека проблемы: «...может быть небесполезно было бы предпринять полный пересмотр вопроса применительно к каждому отдельному языку в определенный момент его истории» (Shcherba 1974: 78). Тем самым затрагивается предмет типологических обобщений, в смысле допустимости тех или иных огрублений при оперировании соответствующими «типичными» случаями.

¹² Ссылаясь при этом на журнальную публикацию статьи Щербы (Русская речь. 1928. Вып. 2: 5): «Хотя подводя отдельные слова под ту или иную категорию (“часть речи”), мы и получаем своего рода классификацию слов, однако самое различие “частей речи” едва ли можно считать результатом “научной” классификации слов» (цит. по: Shcherba 1974: 78).

Если иметь в виду, что речь идет о языковой традиции, о «логическом» и «историческом» в контексте развития познавательных процессов, мне представляется целесообразным обратить внимание на результат экспериментального исследования А. Р. Лурия. А. Р. Лурия осуществил в 1931–1932 гг. в отдаленных кишлаках Узбекистана опрос как совершенно безграмотных (мужчин и женщин), так и тех, кто прослушал элементарные курсы так называемого в те годы ликбеза¹³. Лурия исходил из рабочей гипотезы, что люди «...у которых ведущую роль играет наглядно-действенное, практическое отражение действительности, должны отличаться от людей, у которых преобладают формы отвлеченного, вербально-логического отражения действительности, иной системой психических процессов» (Luria 1974: 30). По наблюдению автора, «...хотя наши испытуемые предпочитали вводить предметы в ситуацию практического взаимодействия, считая такую операцию наиболее существенной и соответствующей их практическому опыту, сложные, отвлеченные формы познавательной деятельности были потенциально им доступны» (там же: 68).

Самое впечатляющее в книге Л. Р. Лурия — приводимые им протоколы эксперимента — бесед с испытуемыми. Например, следующая задача на группировку предметов (из беседы с декhaniном из села Ярдан, 60 лет, неграмотный): «После объяснения задачи на примере: рубашка — сапоги — тюбетейка — мышь, даются рисунки: молоток — пила — полено — тиша “Все четыре здесь подходят! Пила должна пилить полено, молоток должен бить, тиша должна рубить, а чтобы она хорошо рубила — молоток нужен! Отсюда ничего нельзя убрать. Здесь нет лишних”. *А вот я же показывал, что в первых предметах не подходила мышь!* “Вот там не подходила мышь, а здесь все очень хорошо похоже...” <...> *А вот эти три вещи можно назвать одним словом “орудия”, а полено нет.* «Какой смысл называть их одним словом, если они не будут вместе работать?!» (там же 70–71).

Или пример на умозаключение (Абдурахм., 37 лет, из далекого кашгарского кишлака, 37 лет): «Дается силлогизм: *На далеком севере где снег, все медведи белые. Новая Земля на далеком севере и там всегда снег. Какого цвета там медведи?* “Разные звери бывают”. Силлогизм повторяется. “Я не знаю, я видел черного медведя, других я не видел...” <...> *Ну, а на Новой Земле какие медведи?* “Мы всегда говорим только то, что видим; того чего мы не видели, мы не говорим” <...> *Ну, а из моих слов, что на севере, где все время снег, медведи белые, можно заключить, какие на*

¹³ Материалы этого исследования были обобщены и опубликованы в кн.: Luria 1974.

Новой Земле медведи? “Если человеку 60 или 80 лет и он видел белого медведя и скажет об этом, то ему можно верить, а я не видел и потому не могу сказать. Мое слово на этом кончено...” (там же: 112–113).

Возвращаясь после краткого отступления в логику ситуативно обусловленных суждений и высказываний к проблеме определения критериев различения и установления границ («формальных» границ) той или иной части речи, напомним следующее наблюдение М. И. Стеблин-Каменского, комментируемое им как бы в процессе предъявления своей мысли: «Определение существительного как слова, обозначающего предмет, есть в сущности признание того, что непосредственное определение грамматического значения существительного невозможно в силу формальности этого значения и что приходится ограничиться некоторым суррогатом такого определения. Однако это элементарное определение существительного отнюдь не хуже, чем встречающиеся в научных грамматиках определения существительного как слова, выражающего “предметность” (а что такое “предметность”? — то, что выражает существительное, т. е., очевидно, “существительность”?), как слова, выражающего “предмет в грамматическом смысле слова” (а что такое “предмет в грамматическом смысле слова”? — очевидно, опять-таки грамматическое значение существительного, т. е. “существительность”?), и тому подобные определения, которые, как в порочном круге, определяют неизвестное через само это неизвестное (примерно: “существительное есть слово, имеющее значение существительности”)

 (Steblyn-Kamenskij 2003: 610).

В концовке статьи М. И. я усматриваю пример того, что представляет собой «эксперимент в языкознании», предполагающий тщательное продумывание языкового материала, особенно «спорного», не исключая текстов, порождаемых лингвистами: «...многие лингвисты считают частью речи “модальные слова”, причем относят к модальным словам такие словосочетания или даже предложения, как “собственно говоря”, “признаться сказать”, “по всей вероятности”, “не в обиду будь вам сказано” и т. п. Таким образом, частью речи оказывается не группировка слов, а группировка слов, словосочетаний или предложений» (там же: 617).

Литература

- Liberman A. S. [From memoirs]. In: *Steblyn-Kamenskij, M. I.* 1995, 309–331.
- Либерман, А. С. 1995: Из воспоминаний. В сб.: *Стеблин-Каменский, М. И.* 1995, 309–331.
- Liberman, A. S. 2003: [M. I. Steblin-Kamenskij. A view of work and memories]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii [Writings*

- on Philology*]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 877–909.
- Либерман, А. С. 2003: М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания. В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 877–909.
- Luria, A. R. 1974: *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov. Eksperimental'no-psikhologicheskoye issledovaniye* [On the historical development of cognitive processes. Experimental psychological research]. Moscow: «Nauka».
- Лурия, А. Р. 1974: *Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование*. М.: «Наука».
- Matusevich, M. I., Steblin-Kamensky, M. I. 1948: D. L. Shcherba (obituary). In: *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Bulletin of Leningrad University].
- Матусевич, М. И., Стеблин-Каменский М. И. 1948: Д. Л. Щерба (некролог). *Вестник Ленинградского университета*. № 11, 164–165.
- Матусевич, М. И., Стеблин-Каменский, М. И. 1948: Д. Л. Щерба (некролог). *Вестник Ленинградского университета*. № 11, 164–165.
- Shagalova, E. N. *Slovar' noveyshikh inostrannykh slov (konets XX — nachalo XXI vv.)*. [Dictionary of the latest foreign words (late 20th — early 21st centuries)]. Moscow: AST: Astrel, 2009 (republished: 2011; 2012).
- Шагалова Е. Н. *Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.)*. М.: АСТ: Астрель, 2009 (переизд.: 2011; 2012).
- Shcherba, D. L. 1951: Lev Vladimirovich Shcherba (1980–1944). In: *Pamyati akademika L'va Vladimirovicha Shcherby (1880–1944)*. Leningrad: Izd-vo LGU, 7–22.
- Щерба, Д. Л. 1951: Лев Владимирович Щерба (1980–1944). В сб.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 7–22.
- Shcherba, L. V. 1974: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Language system and speech activity. L. R. Zinder, M. I. Matusevich (eds.). Leningrad: «Nauka».
- Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность* / Ред.: Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: ЛО «Наука», 1974.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: *Trudy po filologii* [Writings on Philology]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU.
- Стеблин-Каменский М. И. 2003: *Труды по филологии* / Отв. ред. Ю. А. Клейнер. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 2009: *Iz zapisnykh knizhek (1958–1981). Dnevniki. Pis'ma. Proza. Stikhi* [From notebooks (1958–1981). Diaries. Letters. Prose. Poems]. In: Eds. Yu. A. Kleiner; Prepara-

- tion for printing: Yu. A. Kleiner, O. S. Steblin-Kamenskaja, I. M. Steblin-Kamenskij. St. Petersburg: European Publishing House.
- Стеблин-Каменский, М. И. 2009: *Из записных книжек (1958–1981). Дневники. Письма. Проза. Стихи* / Сост.: Ю. А. Клейнер; Подготовка к печати: Ю. А. Клейнер, О. С. Стеблин-Каменская, И. М. Стеблин-Каменский. СПб.: Изд-во «Европейский дом».
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1974: *Spornoye v yazykoznanii*. [*Controversial in linguistics*]. St. Petersburg: Publishing house of Leningrad University.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1974: Спорное в языкознании. СПб: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Svetozarova, N. D. 2020: [From the history of Russian phonetics: theory and practice in acoustic and perceptual research at the Department of Phonetics of Leningrad University (1950–70s)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. [*Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*]. No. 17 (4), 761–780.
- Светозарова, Н. Д. 2020: Из истории отечественной фонетики: теория и практика в акустических и перцептивных исследованиях кафедры фонетики Ленинградского университета (1950–70-е гг.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. № 17 (4), 761–780.
- Svetozarova, N. D. 2023: [In the footsteps of Gloka kuzdra]. In: [*Forward and up the sounding staircase. Collection of articles for the 80th anniversary of Olga Fedorovna Krivnova*]. Moscow: “Buki-vedi”, 226–239.
- Светозарова, Н. Д. 2023: По следам Глокой куздры. В сб.: Вперед и вверх по лестнице звучащей. Сборник статей к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой. М.: «Буки-веди», 226–239.

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина /
Институт языкознания РАН, Москва, Россия. fagraey64@hotmail.com

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА¹

Обсуждается статья М. И. Стеблин-Каменского о фонологической метафоре и его критика гипотезы об изоморфизме плана выражения и плана содержания. Гипотезу об изоморфизме уместно отвергнуть по соображениям, отличных от тех, которые М. И. Стеблин-Каменский приводил в 1967 г. Оптимальной областью применения аппарата релевантных признаков является не фонология, а параметрическая грамматика, но в первой половине XX в. подтверждающих исследований не было. Микропараметры грамматики не имеют отношения к фонологическим оппозициям и нейтрализации.

Ключевые слова: изоморфизм, фонологическая метафора, план выражения, план содержания, нейтрализация, параметрическая грамматика.

Anton Zimmerling

State Pushkin Russian Language Institute /
Institute of Linguistics, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia. fagraey64@hotmail.com

Phonological metaphor and parametric grammar

This paper discusses the isomorphism hypothesis and its criticism in Mikhail Steblin-Kamenskij's paper from 1967. I argue that the isomorphism hypothesis should be rejected, but on reasons different from those provided by Steblin-Kamenskij. The apparatus of distinctive features assuming the values '1' and '0' suits ideally the parametric grammar. Grammatical microparameters are restrictive conditions defined for classes of the world's languages, while relevant phonological features are defined for specific phonological systems. Therefore, the implementation of binary features in parametric typology is not a phonological metaphor in the sense of Steblin-Kamenskij.

Keywords: isomorphism, phonological metaphor, expression plane, content plane, neutralization, parametric grammar.

¹ Работа поддержана проектом «Параметрическая грамматика языков Российской Федерации», реализуемом в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

В полемической статье «Изоморфизм и фонологическая метафора» (1967 г., перепечатывалась в 1974 и 2003 гг.) М. И. Стеблин-Каменский ставит ряд вопросов о соотношении плана содержания и плана выражения и способе построения лингвистической теории². Непосредственной мишенью критики является нестрогое употребление терминов «различительный признак», «оппозиция», «нейтрализация», «маркированность» и т. п. за пределами фонологии, но посыл статьи шире: между планом содержания и планом выражения, вопреки Л. Ельмслеву, нет изоморфизма, метод описания всех языковых явлений в терминах бинарных оппозиций неверен.

За прошедшие со времени первой публикации годы научный ландшафт изменился в лучшую и худшую сторону одновременно. Математическая лингвистика давно переросла уровень высмеиваемой в (Steblin-Kamenskij 2003: 651) школы для дрессированных тюленей. Как бы ни относиться к теории формальных грамматик (Gladkij, Mel'cuk 1969) и формальной семантике (Montague 1974), параллели между естественными и формальными языками основаны не на экстраполяции понятий структурной лингвистики, а на математических моделях, которые применимы к естественным языкам постольку, поскольку некоторое множество высказываний, в достаточной мере раскрывающее многообразие возможностей английского, русского языков и т. д., соответствует одному или нескольким формальным языкам. В то же время, применение аппарата бинарных признаков для описания явлений произвольного типа из «робких попыток в этнографии и фольклористике» (Steblin-Kamenskij 2003: 649) превратилось в бич гуманитарного курса, что с сожалением отмечено в (Lieberman 2003: 880; Lieberman 2016: 24–29). Многие представители естественных наук расценивают экспорт структуралистской терминологии как факт поп-культуры (Sokal, Bricmont 1998). Позиция нигилистов частично объясняется тем, что они не могут провести грань между лингвистикой и нелингвистикой и определить область, где аппарат бинарных признаков — на

² В этом кратком тексте М. И. Стеблин-Каменского обсуждаются идеи, а не работы. Автор не упомянул Е. Куриловича и его статью (Kuryłowicz 1949), благодаря которой термин ‘изоморфизм’ распространился в лингвистике, ср. (Bulygina 1967: 76). К 1967 г. статья Куриловича уже была доступна на русском языке в переводе Л. Н. Иорданской, см. (Kuryłowicz 1962: 21–36).

своем месте. Но многие лингвисты определить этого тоже не могут, что М. И. Стеблин-Каменский проницательно уловил шестьдесят лет тому назад.

Я разделяю исходную посылку М. И. Стеблин-Каменского о том, что изоморфизма между планом выражения и планом содержания нет, но делаю другой вывод. Имеется фундаментальное различие между кодированием некоторого содержания и ограничениями на формальную структуру. Допущение позднего Р. О. Якобсона о наличии строго конечного инвентаря различительных признаков, с помощью которых якобы можно описать фонологические системы всех языков мира, ложно, между тем, грамматика как совокупность ограничительных условий, накладываемых на порождение правильно построенных структур, является оптимальной областью применения аппарата бинарных признаков и параметров.

Насколько я понимаю, М. И. Стеблин-Каменский, статья которого впервые была опубликована в фештшрифте А. Мартине, в споре с Л. Ельмслевом (1943/1953) примкнул к Мартине. Последний отрицал изоморфизм и обосновал принцип двойного членения, согласно которому сегменты текста одновременно участвуют в структурах плана содержания и плана выражения (Martinet 1960; Martinet 1963: 376–381). Было бы наивным мысленно переноситься в 1960-е гг.³ и с позиций нашего опыта корить Ельмслева за то, что тот недооценил специфику звуковой материи, но я позволю себе заметить, что сами понятия ‘план выражения’, ‘план содержания’, вошедшие с его легкой руки в обиход лингвистики, являются огромным шагом вперед по отношению к попыткам свести анализ текста к отношениям между знаками, например, у С. О. Карцевского. Тезис глоссематики о том, что в обоих планах «наряду с означающими и означаемыми выделяются их элементы, не соотносимые однозначным образом с сущностями противоположного плана» (Bulygina 1975; 1967: 78; 1972), открывает путь к построению того, что ныне принято называть репрезентациями (в русской лингвистической традиции — ‘представлениями’) языка. Постулат о том, что «содержание» или «смысл», в терминологии (Mel’cuk 1974) инвариантно относительно множества «форм», т. е. разных текстов и/или способов записи текста,

³ Отдельные решения Мартине критикуются в статье (Bulygina 1967: 78–79).

необходим для любой полной репрезентации⁴, включающей морфологический и синтаксический уровни и/или модули, а также правила соответствия фонологической и морфологической записи текста.

Не все концепции фонологии и грамматики ставят своей задачей создание глобальной модели, которая предлагает процедуры перехода с одного уровня анализа на другой. Но все их можно оценивать в плане того, как они встраиваются в такие модели. Н. С. Трубецкой не пытался создать глобальную модель и не нуждался в постулате о том, что фонема является единицей сегментации; по-видимому, отвергал этот постулат и М. И. Стеблин-Каменский. Р. О. Якобсон взял на себя труд разработать такую модель и соединил постулат о фонеме как единице сегментации⁵ с идеей Трубецкого о том, что фонема является пучком различительных признаков. Получившаяся теория имеет недостатки, но она встроена в глобальную модель языка, и ее уместно оценить в этой перспективе. Понятие нейтрализации нужно для объяснения слабых позиций, но классическая фонология не дает эффективной процедуры определения коррелята фонемы в этих позициях. В уровневых концепциях, ср. (Polivanova, Kejdan 2023), где различаются поверхностно-фонетическая, фонологическая и морфо(но)логическая записи текста, без понятия нейтрализации можно обойтись (там же, стр. 174–176): другой вопрос, не слишком ли высока заплаченная за это цена.

Выражение «фонологическая метафора» уместно по отношению к прямо не упоминаемой М. И. Стеблин-Каменским стандартной модели словоизменительных оппозиций, опирающейся на критерий грамматической обязательности (Jakobson 1959; Zaliznjak 1967: 25). Следствием применения этой модели является введение понятия нулевого знака в теорию морфологии и синтаксиса (Mel'cuk 1979/1995; Plungian 1994; Zimmerling 2020a). Точного аналога этому понятию в фоно-

⁴ В работах по машинному переводу — ‘лингвистического процессора’.

⁵ Л. Ельмслев не несет за это прямой ответственности; его собственное решение, как известно, было иным. Глобальные модели языка, разрабатываемые с 1950-е гг., используют представление о том, что анализ текста является операцией, обратной по отношению к синтезу, поэтому вводить разные фонологические единицы для сегментации и для построения / озвучивания текста, соответствующего заданному смыслу, неэкономно.

логии нет по указанной М. И. Стеблин-Каменским причине — отсутствию изоморфизма между звуковым и грамматическим строем. Теории Р. О. Якобсона и А. А. Зализняка используют представление о грамматике как системе выражения (‘кодирования’) значений, обязательных для всех носителей языка: соответственно, вводятся правила построения выражений, удовлетворяющих критериям обязательности и/или регулярности. Однако у грамматики любого языка есть еще одна ипостась — исключать или ограничивать неправильно построенные выражения. Преимуществом описания в терминах ограничений (*conditions, constraints*) является то, что оно позволяет обойтись без правил: вместо того, чтобы перечислять правильные выражения языка *L* и выяснять, какое содержание за ними стоит, можно указать, выражения какого типа (например, любой порядок слов с дополнением после глагола, если это строгий язык *OV*, или с двумя членами предложения перед спрягаемым глаголом, если это язык *V2*) в языке *L* запрещены. Велика вероятность, что такие ограничения свойственны не отдельным языкам, а классам языков. Тогда межъязыковое варьирование можно описать в терминах настроек одних и тех параметров, например ‘инверсии дополнения’ или ‘ограничения *V2*’ (Longobardi 2005). Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой М. И. Стеблин-Каменского. Параметр грамматики не тождествен различительному признаку. Различительный признак — понятие индуктивное: выяснить, где смычность, заднеязычность, напряженность, латеральность и т. п. релевантны, можно лишь для конкретных фонологических систем. Наблюдения над большим числом фонологических систем побуждают предполагать, что идеал позднего Якобсона, согласно которому все фонологические системы можно описать в терминах конечного и сравнительно небольшого набора релевантных признаков, ложен: при добавлении новых фонологических систем добавляются и новые признаки. Напротив, микропараметр грамматики — понятие, изначально определенное для класса языков⁶, а не для конкретной грамматической системы. Оно

⁶ В формальной типологии *микропараметры*, т. е. параметры, выводимые на основе наблюдений над конкретно-языковым материалом, принято отличать от *макропараметров*, вытекающих из принятия некоторой априорной доктрины (Longobardi 2005: 411; Lyutikova, Zimmerling 2018: 23–24). К примеру, ограничение *V2* в немецком языке или кашмири не является требованием общей грамматики и

индуктивно лишь в том смысле, что на входе нужно иметь рабочие определения параметризуемых сущностей — что такое «финитный глагол», «дополнение», «инверсия» и т. п., — и иметь критерии их распознавания в конкретном языке. При описании грамматики семантика выступает в качестве *tertium comparationis*: утверждение, что финитный глагол немецкого языка — это одна сущность, а финитный глагол кашмири — другая, так как они встроены в разные системы грамматических отношений этих языков, для параметрической типологии не имеет смысла. Напротив, при обобщениях над множеством признаков фонем ни разметка речевого тракта, ни акустические корреляты артикуляций не дают достаточной основы для построения дерева релевантных признаков. Параметризовать разнообразие языка можно в любой области, включая сегментную фонетику (Maddieson 2013) и просодию (Goedemans, van de Hulst 2013), но полученное разбиение не имеет прямого отношения к различительным признакам классической фонологии.

В заключение — несколько соображений о бинаризме. Привлекательность фонологической метафоры связана с представлением о привативной оппозиции, т. е. противопоставлении вида $a : \sim a$. Это представление встроено в яacobсоновскую модель словоизменительных оппозиций, которые в плане выражения привативны. Эмпирической мотивацией служит то, что в парах типа ‘ед. ч.’ : ‘мн. ч.’ один из членов обычно является производным, т. е. более сложным, хотя значения единственности и множественности могут считаться одинаково сложными (Plungian 1994: 152). При записи признаков, имеющих внутреннюю структуру, будем использовать правило переписывания с записью вида $\sim A \Rightarrow B : \sim B$, которая читается ‘значение $\sim A$ можно представить как оппозицию значений B и $\sim B$ ’. Для привативной оппозиции безразлично, номенклатуру какого типа она описывает. В этом плане ряд ‘+ заднеязычность’ : ‘– заднеязычность’; ‘– заднеязычность’ \Rightarrow ‘+ переднеязычность’ : ‘– переднеязычность’ ничем не отличается от ряда ‘+ им. п.’ : ‘– им. п.’;

задается микропараметром. Т. н. принцип EPP (extended projection principle), согласно которому в любой клаузе есть подлежащее, вводится априорным постулатом, но его можно параметризовать, изучая позиции, доступные для подлежащего в конкретных языках. В этом случае говорят о макропараметре. Микро- и макропараметрический анализ могут комбинироваться.

‘– им. п.’ \Rightarrow ‘+вин. п.’ : ‘– вин. п.’. Сомнительно, однако, чтобы переднеязычность была производной или более сложной величиной по сравнению с заднеязычностью. Утверждают также, будто сущности плана содержания настолько сложны, что не допускают описания в терминах бинарных оппозиций и требуют построения шкалы. Порой это действительно так: контрарные антонимы (*старый* : *молодой*, ~ *старый* \neq *молодой*) устроены иначе, чем антонимы контрадикторные (*выключено* : *включено*; ~ *выключено* = *включено*). Но подобные возражения неприменимы к ограничительным условиям: нет оснований полагать, что их лучше формулировать в терминах шкал, а не оппозиций, принимающих значение ‘1’ и ‘0’. Проиллюстрирую это на одном примере межъязыкового и одном примере внутриязыкового варьирования. Микропараметры грамматики имеют внутреннюю структуру, где на каждом шаге разбиение строго бинарно, поэтому за счет введения дополнительных шагов можно описать многообразие возможностей языка в некоторой области.

Рассмотрим параметр ‘вынос вопросительных слов в начало клаузы’ (‘ \pm wh-fronting’). На первом шаге языки делятся на классы ‘+wh-fronting’ и ‘-wh-fronting’, далее класс ‘+wh-fronting’ можно делить на разных основаниях, вводя признаки (подпараметры) ‘обязательный vs факультативный вынос вопросительных слов’ (‘ \pm obligatory wh-fronting’) и ‘вынос более чем одного вопросительного слова’ (‘ \pm multiple wh-fronting’). Этих признаков достаточно, чтобы описать отличие болгарского синтаксиса от русского: оба языка допускают вынос двух и более вопросительных слов, но в болгарском этот механизм обязателен, а в русском — нет, ср. **Кто кому что дал? Кто кому дал что? Кто дал что кому?** Улучшить описание можно, добавив признак ‘вынесенные вопросительные слова линейно (не) упорядочены’ (‘ \pm wh-superiority’). Тем самым, введение подпараметров равнозначно наложению ограничительных условий, которые задают более узкий класс языков сравнительно с исходным. Теперь рассмотрим релевантные признаки конструкций в пределах одного языка. Синтаксический признак ‘ \pm одушевленность’ в нетривиальном случае принимает в русском языке одно из трех значений — ‘+’ (допустимы только одушевленные аргументы), ср. **Охотнику было грустно; *Ружью было грустно**, ‘–’ (допустимы только неодушевленные аргументы), ср. **Зайца убило пулей / *охотником**, и ‘ \pm ’ (допустимы как одушевленные, так и неодушевленные аргументы), ср.

Охотнику было не проехать, **Грузовикам** было не проехать. **Охотнику** было негде сесть. **Шкафу** было негде встать. Эти три значения специфичны для разных групп конструкций, поэтому признак ‘± одушевленность’ релевантен для русской грамматики в целом (Zimmerling 2020b). У лексем типа *тесно* и *грустно* разная синтактика, можно сказать *Книгам было тесно на полке*, но не **^{1/2}Книгам было грустно на полке*: не являются ли такие факты сочетаемости основанием для отказа от тезиса о том, что значение ‘+ одушевленность’ присуще самой конструкции *X-у было Z-во*? Мы полагаем, что нет. За традиционным термином ‘дат. п. лица’ стоит процедура параметрического описания, когда ограничения вводятся не на уровне единиц словаря, а на уровне грамматических конструкций. Конструкция с дативным предикативом навязывает носителю русского языка уподобление неодушевленных существительных одушевленным. Для разных групп лексики зона уподобления различна, но узус поддерживает воспроизводство неодушевленных субъектов в позиции дат. п. лица в подобающе низкой пропорции с воспроизводством обозначений лиц в той же позиции.

Я заключаю, что часть затронутых М. И. проблем связана не с некалфицированным или нестрогим употреблением модных терминов, а с амбивалентностью созданной пражскими структуралистами модели. Микропараметры грамматики не имеют отношения к фонологическим оппозициям и нейтрализации. Вопрос о бинаризме должен быть отделен от вопроса о фонологической метафоре. Возможно, что оптимальной областью применения аппарата релевантных признаков является не фонология, а параметрическая грамматика, но в первой половине XX в. подтверждающих это исследований не было.

Литература

- Bulygina, T. V. 1967: [On some analogies between sound and content units]. *Voprosy jazykoznanija [Issues in linguistics]* 5, 76–86.
- Булыгина, Т. В. 1967. О некоторых аналогиях в соотношениях звуковых и семантических единиц. *Вопросы языкознания* 5, 76–86.
- Bulygina, T. V. 1972: [Isomorphism]. In: *Great Soviet Encyclopedia*. Vol. 10. *Iva — Italiki*. Moscow.
- Булыгина, Т. В. 1972. Изоморфизм. *Большая советская энциклопедия. Т. 10. Ива — Италики*.
- Bulygina, T. V. 1975: [Plane of expression]. In: *Great Soviet Encyclopedia*. Vol. 19. *Otomi — Plastyr’*. Moscow.

- Булыгина Т. В. 1975. План выражения. *Большая советская энциклопедия. Т.19. Отоми — Пластырь*.
- Gladkij, A. V., Mel'cuk, I. A. 1969: *Elementy matematicheskoj lingvistiky* [*Elements of mathematical linguistics*]. Moscow: Nauka.
- Гладкий, А. В., Мельчук, И. А. 1969. *Элементы математической лингвистики*. М.: Наука.
- Goedemans, R., van der Hulst, H. 2013: Fixed Stress Locations. In: Dryer, M.S. & Haspelmath, M. (eds.) *WALS Online (v2020.3)* [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533> (Available online at <http://wals.info/chapter/14>, Accessed on 2023-07-22.)
- Hjelmslev, L. 1953: *Prolegomena to a Theory of Language*. Baltimore: Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics (IJAL Memoir, 7). 1953.
- Jakobson, R. 1959: Boas' view of grammatical meaning. In: *American anthropologist* 61, 139–145.
- Kuryłowicz, J. 1949: La notion de l'isomorphisme. *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague*, 9 (*Recherches Structurales dédiées à L. Hjelmslev*), 48–60.
- Kuryłowicz, J. 1962: *Oчерки по лингвистике* [*Essays in linguistics*]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. Курилович, Е. 1962: *Очерки по лингвистике*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Liberman, A. S. 2003: [M. I. Steblin-Kamenskij. An account of his output]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii* [*Studies in philology*]. St-Petersburg: Filologicheskij fakultet SPbGU, 877–909.
- Либерман, А. С. 2003: М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество. In: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 877–909.
- Liberman, A. 2016: *In Prayer and Laughter*. Moscow: Paleograph.
- Longobardi, G. 2005: A minimalist program for parametric linguistics. In: Broekhuis, H. et al. (eds.). *Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Berlin-New York: Mouton De Gruyter, 407–414.
- Lyutikova, E. A., Zimmerling, A. V. 2018. [Why are languages so predictable? The typology of morphosyntactic parameters]. *Typology of morphosyntactic parameters* 1/1, 11–30.
- Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. 2018: Почему языки такие предсказуемые? Типология морфосинтаксических параметров. *Типология морфосинтаксических параметров*. Т. 1., вып. 1, 11–30.
- Maddieson, I. 2013: Front Rounded Vowels. In: Dryer, M. S. & Haspelmath, M. (eds.) *WALS Online (v2020.3)* [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533> (Available online at <http://wals.info/chapter/11>, Accessed on 2023-07-22.)
- Martinet, A. 1960: *Éléments de linguistique générale*. Paris: Armand Colin.
- Martinet, A. 1963: [*Elements of general linguistics*]. In: Zvegincev, V. A. (ed.). *Novoe v lingvistiky* [*New in linguistics*] III, 347–556.

- Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 347–556. Мартине, А. 1963: Основы общей лингвистики. In: *Новое в лингвистике*, вып. III. Сост., ред. и вступительная статья В. А. Звегинцева. М.: Издательство иностранной литературы, 347–556.
- Mel'cuk, I. A. 1974: *Opyt teorii lingvističeskikh modelej "Smysl — Tekst". Semantika, sintaksis. [An account of the Meaning-Text theory. Semantics and syntax]*. Moscow: Nauka.
- Мельчук, И. А. 1974: *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст»*. Семантика, синтаксис. М.: Наука.
- Mel'cuk, I. 1979: Syntactic or lexical zero. In: *Proceedings of the Vth Annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley: UCB, 224–260. Reprinted in: Mel'cuk, I.: 1995: *The Russian language in the Meaning-Text perspective (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 39)*. Moscow-Wien, 169–211.
- Montague, R. 1974: *Formal Philosophy: Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press.
- Plungian, V. A. 1994. [On zeroes in morphology]. In: Belikov, V. I. et al. (eds.). *Znak. Sbornik statej po lingvistike, semiotike i poetike pamjati A. N. Zhurinskogo [Symbol. A collection of papers dedicated to the memory of Alexander N. Zhurinskij]*. Moscow: Russkij uchebnyj centr MS, 148–155.
- Плунгян, В. А. 1994: К проблеме морфологического нуля. In: Беликов В. И. и др. (ред.). *Знак. Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журицкого*. М.: Рус. уч. центр МС, 148–155.
- Polivanova, A. K., Kejdan, A. 2023: [Neutralization]. In: Kobozeva, I.M., Semenova, Ks. P., Kostyuk, A. E., Zacharov, L. M., Svetozarova, N. D. (eds.). *"Vpered i vverh po lestnice zvuchashčej". Sbornik statej k 80-letiju Olgi Fedorovny Krivnoj [Forward and upward the sound scale. A collection of papers to the 80 year anniversary of Olga F. Krivnova]*. Moscow: Buki-Vedi, 159–177.
- Поливанова, А. К., Кейдан, А. 2023: Нейтрализация. In: Кобозева, И. М., Семёнова Кс. П., Костюк, А. Э., Захаров, Л. М., Светозарова, Н. Д. (общ. ред.). *«Вперёд и вверх по лестнице звучащей»*. Сборник статей к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой. М.: Буки-Веди, 159–177.
- Sokal, A., Bricmont, J. 1998: *Fashionable Nonsense*. New York: Picador.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1967: [Isomorphism and "the phonological metaphor"]. *Word*, 23, 1/3 (*Linguistic Studies presented to André Martinet*). London and Beccles, 494–497.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1967: Изоморфизм и «фонологическая метафора». *Word*, 23, 1/3 (*Linguistic Studies presented to André Martinet*). London and Beccles, 494–497.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1974: Isomorphism and "the phonological metaphor". In: *Spornoe v jazykoznanii [The controversial in linguistics]*, 74–80.

- Стеблин-Каменский, М. И. 1974: Изоморфизм и «фонологическая метафора». In: *Спорное в языкознании*. Л. С. 74–80.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: Isomorphism and “the phonological metaphor”. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii [Studies in philology]*. St-Petersburg: The philological faculty of SPSU, 647–651.
- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: Изоморфизм и «фонологическая метафора». In: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. Спб.: Филологический факультет СПбГУ, 647–651.
- Zaliznjak, A. A. 1967: Russkoe imennoe slovoizmenenie [*Russian declension*]. Moscow: Nauka.
- Зализняк, А. А. 1967: *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Zimmerling, A. V. 2020a. [Zero expressions. Zero signs?] In: Kibrik, A. A., Semenova, Ks. P., Sitchinava, D. V., Tatevosov, S. G., Urmanchieva, A. Yu. (eds.). *VAProsy jazykoznanija. Megasbornik nanostatej. Sbornik statej k jubileju V. A. Plungiana [Issues in VAP-linguistics. A megacollection of nanopapers to the anniversary of Vladimir A. Plungian]*. Moscow, 49–54.
- Циммерлинг, А. В. 2020а: Нулевая форма. Нулевой знак? In: А. А. Кибрик, Кс. П. Семенова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева (ред.), *ВАПрсы языкознания. Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плуногяна*. М.: Буки-Веди, 49–54.
- Zimmerling, A. V. 2020b. [Animacy. Russian language]. *Trudy Instituta ruskogo jazyka imeni V. V. Vinogradova [Proceedings of the Vinogradov Russian institute of the Russian language RAS]*, 24, 43–56.
- Циммерлинг А. В. 2020b: Одушевленность. Русский язык. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН*. Вып. 24, 43–56.

Е. М. Чекалина
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. etch1@yandex.ru

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ И СЛЕДОВАНИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится анализ употребления шведских подчинительных союзов со значением предшествования и следования как функциональных эквивалентов предлогов в адвербиальных словосочетаниях различной структуры. В именных словосочетаниях они функционируют как предлоги с узким лексическим значением, дублирующим семантику подчинительных союзов. При употреблении с наречиями и предложными словосочетаниями они рассматриваются как квази-предлоги, образующие адвербиальные конструкции гибридного характера.

Ключевые слова: шведский язык, части речи, полифункциональные слова, наречия, подчинительные союзы, предлоги, предшествование, следование, адвербиальные словосочетания, квази-предлоги.

Elena Chekalina
Lomonosov Moscow State University, Russia. etch1@yandex.ru

Polyfunctional words expressing anteriority and posteriority in Swedish

The article analyzes the peculiarities of the use of subordinate conjunctions of anteriority and posteriority *sedan* 'since', *innan* 'before', *förrän* 'not until' (after negation) and *tills* 'till', 'until' in adverbial phrases of different structures, where they are ascribed prepositional functions. *Sedan* and *innan*, formed with the suffix *-an* by an Old Swedish productive pattern, were originally used as adverbs and prepositions, but with the development of the hypotaxis acquired the functions of subordinate conjunctions as well. The lexeme *sedan* has preserved in Modern Swedish its polyfunctional character and can be used as the adverb 'then', a subordinate conjunction and a preposition. *Innan* as an adverb meaning 'before' can only be found in fixed adverbial phrases after nouns with temporal semantics. *Innan* as a preposition is accepted by the literary norm as a stylistic variant of *före* 'before'. The subordinate conjunctions *förrän* and *tills* came into being later with the development of hypotaxis and they did not have other functions in Old Swedish, their modern not infrequent prepositional use being considered as a secondary function not accepted by the literary norm. In noun phrases of different structures *sedan*, *innan* and *förrän* are used as functional equivalents of prepositions with a narrow lexical meaning, duplicating the semantics of subordinate conjunctions.

When used with adverbs and in prepositional phrases all the above considered words function with the same semantics as quasi-prepositions in adverbial structures of a hybrid character. The analysis of the use of subordinate conjunctions as functional equivalents of prepositions are of considerable interest from the point of view of the field structure of parts of speech. As material for the research texts from modern Swedish literature have been used along with their translation into Russian included in the national corpus of the Russian language.

Key words: Swedish, parts of speech, polyfunctional words, adverbs, subordinate conjunctions, prepositions, anteriority, posteriority, adverbial phrases, quasi-prepositions.

В шведском языке выражающие предшествование и следование подчинительные союзы — *sedan* ‘с тех пор, как’, *innan* ‘до того, как, прежде чем’, *förrän* ‘пока не’ (после отрицания) и *tills* ‘до тех пор, пока’ — могут употребляться в адвербиальных словосочетаниях со сходной семантикой, где им приписывается функция предлогов (Teleman 1999, 2: 727). *Sedan* и *innan* были образованы по продуктивной древнешведской модели с суффиксом *-an*, возникшим в результате опрощения энклитики в форме аккузатива *-an* от указательного местоимения *þen* в значении элатива — ‘движение от’ (Hellquist 1993: 639). Изначально они употреблялись как наречия и предлоги, о чем свидетельствуют застывшие словосочетания с указательным местоимением *det* ‘это’ в форме генитива — *sedan dess* ‘с тех пор’, *innan dess* ‘перед этим, до того’; с развитием гипотаксиса они приобрели функцию подчинительных союзов. В современном шведском языке лексема *sedan* сохранила полифункциональный характер и может употребляться как наречие ‘потом’, подчинительный союз и предлог. М. И. Стеблин-Каменский отмечал аналогичную особенность в норвежском языке, считая это результатом субстантивации словосочетания с наречием *siden tidlig i sommer* ‘с начала лета’ (Steblyn-Kamenskij 1957: 144). Использование подчинительного союза *innan* в предложной функции допускается современной литературной нормой в качестве стилистического варианта предлога *före* ‘перед’ (Språkriktighetsboken 2005: 185–186). Подчинительные союзы *förrän* и *tills* возникли позднее с развитием гипотаксиса в результате стяжения словосочетаний *till dess att* ‘до того как’ и *förrän* ‘прежде чем’ и не имели в древнешведском языке других функций. Предложная функция является для них вторичной и не относится к литературной норме, хотя нередко встречается в

устной речи. Анализ употребления подчинительных союзов как функциональных эквивалентов предлогов представляет интерес с точки зрения полевой структуры частей речи. В качестве материала для исследования использованы параллельные тексты с примерами из произведений современной шведской художественной литературы и их переводов на русский язык, включенные в Национальный корпус русского языка. Приведенная в скобках после примера цифра указывает на порядковый номер источника из списка в конце статьи.

1. Sedan

В качестве первого компонента *sedan* широко используется в адвербиальных словосочетаниях различной структуры, в состав которых могут входить как существительные, в том числе распространенные числительными, так и наречия.

1.1. Именные словосочетания различной структуры.

А. Словосочетания с существительными темпоральной семантики, обозначающие ретроспективный период большей или меньшей длительности, начальная граница которого точно не определена, и наречием *tillbaka* 'назад': *Sedan några år tillbaka har jag börjat förstå att jag inte kommunicerar på det förväntade sättet* 'В последние годы (букв. 'начиная с какого-то времени несколько лет назад') я начала понимать, что веду себя не так, как от меня ожидают' (17). При точном обозначении длительности ретроспективного периода его начальная граница остается неопределенной: *Han blev stående vid fönstret utanför vars glas en snöstorm härjade staden sedan fyrtioåtta timmar tillbaka* 'Он остановился у окна, за стеклами которого вот уже сорок восемь часов бушевала выюга' (29).

В более свободном стиле речи используется сокращенный вариант без наречия *tillbaka*: *Vi bodde sedan många år i Lappland* 'Мы уже много лет жили в Лапландии' (22); *Jag har sedan flera dagar nästan inte alls tänkt på dig* 'Последние несколько дней я почти совсем о тебе не думала' (9).

Б. Словосочетания с существительными и числительными, обозначающими конкретный момент или промежуток на хронологической оси времени в прошлом и фиксирующими начальную временную границу ситуации: *Honungsblomster som ingen har sett på ön sedan 1910* 'Бровник одноclubневой, которого никто не видел на острове с 1910 года' (23); *De har inte haft fel i*

en diskussion sedan mitten på 70-talet 'Они с середины 70-х годов не проиграли ни одного спора' (6).

В. Словосочетания с существительными, обозначающими прошлые события, косвенное указание на временную отнесенность которых содержится в контексте: *Sedan den dagen orkade han inte skriva mer* 'С того дня он больше не мог писать' (27); *Du har utvecklats kolossalt sedan förra utställningen* 'Ты сделала колоссальные успехи с прошлой выставки' (14); *Hon kände Rut sedan det sista året i gymnasiet* 'Она познакомилась с Рут в последнем классе гимназии (букв. 'была знакома с последнего года учебы в гимназии) (8); *Hennes högra arm är förtvinad sedan barndomen* 'Правая рука у неё усохла еще в детстве' (19); *Han var besatt av onda andar sedan födseln* 'Он с рождения был одержим злыми духами' (28).

1.2. Словосочетания с темпоральными наречиями.

А. Словосочетания с дейктическими наречиями, определяющими начальную временную границу ретроспективного периода: *Sedan i går morse har den trånga tågkupén varit deras hem* 'Со вчерашнего утра их домом было узкое купе поезда' (26); ... *ett fartygsmodell han hade arbetat med sedan i vintras* '...модель корабля, которую он начал делать еще зимой' (8).

Б. Устойчивое словосочетание с наречием неопределенной длительности *länge* 'долго': *Vi är skilda sedan länge* 'Мы давно расстались' (31); *Han var då sedan länge gift med mamma* 'В то время он уже давно был женат на маме' (11).

В. Устойчивое словосочетание с наречием *sist* 'в последний раз (в прошлом)': *Det är en hel vecka sedan sist* 'С прошлого раза минула уже неделя' (2); *Har du gjort något intressant sedan sist?* 'Сделал что-нибудь интересное с нашей последней встречи?' (15).

В тех случаях, когда в словосочетании содержится указание на хронологическое или дейктическое время, фиксирующее начальную границу ретроспективного периода, обычно употребляются глагольные формы перфектного ряда. В остальных случаях, когда передается неопределенная длительность начавшегося в более или менее отдаленном прошлом процесса или состояния, предикаты могут быть выражены различными формами глагола.

2. Innan

2.1. Постпозитивное употребление в функции наречия в устойчивых словосочетаниях с существительными, обозначающими длительность.

Innan часто употребляется как наречие со значением ‘до этого, накануне’ после существительных, обозначающих временные отрезки различной длительности: *dagen innan* ‘накануне, днем раньше’, *natten innan* ‘накануне ночью’, *kvällen innan* ‘накануне вечером’, *minuten innan* ‘за минуту до этого, минуту назад, минутой раньше’, *sekunden innan* ‘за секунду до этого, секунду назад’, *ett ögonblick innan* ‘за мгновение до этого’, *ett dygn innan* ‘за сутки до этого, сутками раньше’, *ett par dagar innan* ‘за пару дней до этого, пару дней назад’, *månaden innan* ‘за месяц до этого, месяцем раньше’, *året innan* ‘за год до этого, годом раньше’, *decenniet innan* ‘за десятилетие до этого, в предыдущее десятилетие’. Аналогичную структуру и семантику имеет устойчивое словосочетание с наречием *strax innan* ‘только что, прямо перед этим’. Локализация событий во времени в таких случаях определяется контекстом: *Det var mycket kallare än dagen innan*. ‘Было намного холоднее, чем накануне’ (20).

2.2. Именные словосочетания.

В словосочетаниях с существительными, обозначающими естественное течение времени — различное время суток, время года, период или время в жизни человека — *innan* помещается в препозиции, подобно предлогу: *Om icke pirater genskjuta oss skola vi sikta Borneo innan kvällen* ‘Если нам не помешают пираты, мы увидим Борнео до наступления сумерек’ (19); *Nu gjorde det sista resan innan vintern*. ‘В этом году оно (судно) выходило в последний перед зимой рейс’ (21); *De lämnade B. innan soluppgången, innan den nya dagen tagit sin början* ‘Они покинули Б. до восхода солнца, прежде чем занялся новый день’ (10). Последний пример иллюстрирует возможность употребления *innan* со значением предшествования как в именном словосочетании, так и в функции подчинительного союза.

Особенно интересны примеры употребления *innan* и *efter* как антонимичных предлогов: *Han trodde den var målad strax efter hennes död eller strax innan*. ‘Он считал, что портрет был написан сразу после её смерти или прямо перед этим’ (12); *Inte bara innan men i synnerhet efter ett sammanträffande med honom hade jag en känsla av förväntan* ‘Перед тем, как встретиться с ним,

а особенно после этого, я испытывал чувство какого-то нетерпеливого ожидания' (16). В таких случаях *innan* нередко рассматривается как синоним предлога *före* (Språkriktighetsboken 2005: 182–186). В то же время известный шведский языковед М. Вестман обратила внимание на важную коннотацию в семантике *innan*, которым, в отличие от *före*, маркируется предшествование одного события другому (Westman 2001: 17). Семантическое различие между *före* и *innan* проявляет некоторое сходство с русскими предлогами *перед* и *до*. Показательно, что *före*, как и русский предлог *перед*, не используется в обстоятельственных словосочетаниях с некоторыми существительными, например, обозначающими время суток. Так, по-шведски вряд ли можно сказать *före kvällen*, также как по-русски *перед вечером.

3. Förrän

Как и в функции подчинительного союза, в составе адвербиальных словосочетаний *förrän* в силу своей внутренней формы может употребляться со значением следования только в контекстах с отрицанием (не раньше, чем), проявляя при этом широкую и разнообразную дистрибуцию.

3.1. Именные словосочетания различной структуры.

А. Словосочетания с числительными и существительными, определяющими время, до наступления которого событие не произойдет: *De första proverna tas inte förrän klockan fyra på morgonen* 'Первые заборы проб делают не раньше четырех утра' (2); *Doros flyger inte förrän första veckan i juli*. 'Дорос прилетает не раньше первой недели июля' (23); *Helena får inte permission förrän tionde april*. 'Хелене дадут маленький отпуск не раньше десятого апреля' (13); *Åker sent på lördag eftermiddag och är inte hemma förrän tisdag eftermiddag* 'Вылетаю в субботу во второй половине дня и вернусь не раньше второй половины вторника' (3).

Б. Именные словосочетания с предлогами: *Färjan går inte förrän på kvällen* 'Паром отходит только вечером' (30); *Han kommer inte att vara hemma igen förrän om en och en halv månad* 'Он будет дома только через полтора месяца' (4); *De fick inte telefon förrän efter tre veckor* 'Телефон им провели только три недели спустя' (4).

В. Адвербиальные словосочетания с существительными, обозначающими некоторый промежуток времени, и темпоральными наречиями с семантикой отсроченного действия: *Hans*

arkitektbyrå gick i konkurs när flickorna var åtta år, men det fick de inte veta förrän flera år efteråt 'Его архитектурное агентство разорилось, когда девочкам было восемь, но они узнали об этом лишь несколько лет спустя' (4); Han kom inte förrän en timme senare 'Он пришел только час спустя' (25).

3.2. Словосочетания с наречиями: Varför har jag inte tänkt på det förrän nu? 'Почему я раньше об этом не подумала?' (7); Inte förrän då begrep jag att det inte var mig han sökte (23) 'Только тогда я поняла, что он искал не меня'; Jag kan inte åka tillbaka till Stockholm förrän i morgon eller i övermorgon. 'Я не могу уехать обратно в Стокгольм раньше, чем завтра или послезавтра' (3); Inte ett ord har han sagt sedan dess, förrän häromdagen. 'С тех пор он не говорил мне ни слова, до самой встречи на днях' (18).

4. Tills

Подчинительный союз *tills* встречается только в адвербиальных словосочетаниях с предлогами и наречиями, главным образом, для разговорной речи.

4.1. Словосочетания с темпоральным предлогом и существительным: Han berättade att du skulle vara borta tills på onsdag. 'Она сказала мне, что вас не будет до среды' (1); Jag kanske ska vänta tills efter maten med att läsa vad det står? 'Может быть мне не читать, что там написано, пока не поедим?' (24); Hon måste försöka bete sig som den Eva, som fanns tills för tjugo timmar sedan 'Нужно попробовать вести себя, как та Эва, какой она была до того, что случилось двадцать часов назад' (1).

4.2. Словосочетания с наречиями.

Употребление *tills* с темпоральными наречиями встречается только в контекстах настоящего или ближайшего будущего: Jag väntar tills i morgon 'Я подожду до завтра' (24); Han är borta tills nu 'Пока что его здесь нет' (5).

Проведенный анализ показывает, что *sedan* и *innan*, употреблявшиеся изначально как самостоятельные и служебные слова с темпоральной семантикой предшествования и следования, сохранили в современном шведском языке полифункциональный характер. В адвербиальных словосочетаниях с именными частями речи — существительными и числительными они используются как предлоги с узким лексическим значением, «дублирующим» семантику омонимичного подчинительного союза. При употреблении с наречиями и предложными словосоче-

таниями они функционируют как своего рода «квази-предлоги», утратившие синтаксическую самостоятельность наречий, но сохраняющие адвербиальную семантику в составе словосочетаний различной структуры. Подчинительный союз förrän, возникший позднее в связи с развитием гипотаксиса, приобрел широкую сочетаемость в составе адвербиальных словосочетаний с семантикой отсроченного события. Подчинительный союз tills встречается только с наречиями и предложными словосочетаниями и выступает как «квази-предлог», в то время как в именных словосочетаниях используется предлог till, от которого он был образован. Таким образом, рассмотренные в статье полифункциональные служебные слова, выражающие предшествование и следование в рамках категории таксиса, имеют в шведском языке гибридный характер, допускающий их употребление с событийной семантикой в адвербиальных словосочетаниях различной структуры.

Литература

- Hellquist, E. 1993 (1922, 1939, 1980): Svensk etymologisk ordbok. Band 1–2. Malmö.
- Svanlund, J. (Ed.) 2005: Språkriktighetsboken. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 93. Stockholm.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1957: Grammatika norvezhskogo yazyka [Norwegian grammar]. Moscow; Leningrad.
- Стеблин-Каменский М. И. 1957: Грамматика норвежского языка. М.; Л.
- Teleman, U., Hellberg S., Andersson, E. 1999: Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm.
- Westman, M. 2001: Språkets myller. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 84. Falun.

Источники примеров

- (1) Alvtogen, K. 2003: Svek | Lavrusha, A. (Transl.) 2012: Predatel'stvo [Betrayal]. Альвтеген, К. 2012: Предательство. Пер. Лавруша, А.
- (2) Axelsson, M. 1997: Aprilhäxan | Chevkina, E. (Transl.) 2009: Aprel'skaia ved'ma [April witch]. Аксельссон, М. 2009: Апрельская ведьма. Пер. Чевкина, Е.
- (3) Axelsson, M. 2004: Den jag aldrig var | Chevkina, E. (Transl.) 2008: Ja, ktoroi ne bylo [The woman I never was]. Аксельссон, М. 2008: Я, которой не было. Пер. Чевкина, Е.
- (4) Axelsson, M. 2008: Is och vatten, vatten och is | Chevkina, E. (Transl.) 2010: Led i voda, voda i led [Ice and water, water and ice]. Аксельссон, М. 2010: Лед и вода, вода и лед. Пер. Чевкина, Е.

- (5) Backman, F. 2014: Britt-Marie var här | Tepliashina, E. (Transl.) 2018: Zdes' byla Britt-Marie [Britt-Marie was here]. Бакман, Ф. 2018: Здесь была Брит-Мари. Пер. Тепляшина, Е.
- (6) Backman, F. 2012: Saker min son behöver veta om världen | Chevkina, E. (Transl.) 2019: Chto moi syn dolzhen znat' ob ustroistve etogo mira [Things my son needs to know about the world]. Бакман, Ф. 2019: Что мой сын должен знать об устройстве этого мира. Пер. Чевкина, Е.
- (7) Eriksson, C. 2015: De försvunna | Liusina, V. (Transl.) 2016: Ne ischezaj [The missing]. Эрикссон К. 2016: Не исчезай. Пер. Люсина, В.
- (8) Eriksson, U. 2003: Himlens färg, hoppets | Afinogenova, A. (Transl.) 2007: Tsvet neba, tsvet nadezhdy [The colour of the sky, of hope]. Эрикссон, У. 2007: Цвет неба, цвет надежды. Пер. Афиногорова, А.
- (9) Gripe, M. 1981: Agnes Cecilia — en sällsam historia | Fedorova, N. (Transl.) 2007: Cecilia Agnes — strannaia istoriia [Cecilia Agnes — a strange story]. Грипе, М. 2007: Сесилия Агнес — странная история. Пер. Федорова, Н.
- (10) Gripe, M. 1964: Glasblåsarns barn | Braude, L. (Transl.) 2005: Deti stekloduva [The glassblower's children]. Грипе, М. 2005: Дети стеклодува. Пер. Брауде, Л.
- (11) Gripe, M. 1984: ... och de vita skuggorna i skogen | Zaitseva, A., Kovalenko, K. (Transl.) 2005: ... i belyie teni v lesu [... and white shadows in the forest]. Грипе, М. 2005: ... и белые тени в лесу. Пер. Зайцева, А., Коваленко, К.
- (12) Gripe, M. 1986: Skuggornas barn | Palaguta, G. (Transl.) 2005: Deti tenei [Children of the shadows]. Грипе, М. 2005: Дети теней. Пер. Палагута, Г.
- (13) Hermanson, M. 2004: Hembiträdet | Pavlova, I. (Transl.) 2011: Dvoinaia zhizn' [The double life]. Хермансон, М. 2011: Двойная жизнь. Пер. Павлова, И.
- (14) Hermanson, M. 2005: Mannen under trappan | Anvaer, A. (Transl.) 2011: Chelovek pod lestnitsei [The man under the stairs]. Хермансон, М. 2011: Человек под лестницей. Пер. Анваер, А.
- (15) Hermanson M. 1998: Musselstranden | Savitskaia, A. (Transl.) 2007: Tainy Rakushechjego pliazha [The mysteries of the Mussel Shore]. Хермансон, М. 2007: Тайны Ракушечьего пляжа. Пер. Савицкая, А.
- (16) Jansson, T. 1971: Lucios vänner | Braude, L. (Transl.) 2007: Druz'ia Lucho [Lucio's friends]. Янссон, Т. 2007: Друзья Лучо. Пер. Брауде, Л.
- (17) Jägerfeld, J. 2010: Här ligger jag och blöder | Banke, N., Palehova, J. (Transl.) 2014: Lezhu na polu vsia v krovi [Me on the floor, bleeding]. Йегерфельд, Й. 2014: Лежу на полу, вся в крови. Пер. Банке, Н., Палехова, Я.
- (18) Kieri, K. 2004: Dansar Elias? Nej! | Starodubtseva, L. (Transl.) 2014: Nikto ne spit [Does Elias dance? No!]. Киери, К. 2014: Никто не спит. Пер. Стародубцева, Л.

- (19) Kyrklund, W. 1982: 8 variationer | Afinogenova, A. (Transl.) 1998: Vosem' variatsij [Eight variations]. Чурклюд, В. 1998: Восемь вариаций. Пер. Афиногенова, А.
- (20) Lundberg Hahn, K. 2015: Mandelhjärtat | Savina, E. (Transl.) 2019: Mindal'noie serdtsje [The almond heart]. Лундберг Хан, Ч. 2019: Миндальное сердце. Пер. Савина, Е.
- (21) Nilsson, F. 2015: Ishavspirater | Miaeots, O. (Transl.) 2018: Piraty Ledovogo moria [The pirates of the Arctic Ocean]. Нильссон, Ф. 2018: Пираты Ледового моря. Пер. Мязотс, О.
- (22) Rynell, E. 1997: Hohaj | Khokhlova, E. (Transl.) 2011: Serebrianaia Inna [The silver Inna]. Рюнель, Е. 2011: Серебряная Инна. Пер. Хохлова, Е.
- (23) Sjöberg, F. 2004: Flugfällan | Savitskaja, A. (Transl.) 2012: Lovushka Maleza [The fly trap]. Шёберг, Ф. 2012: Ловушка Малеза. Пер. Савицкая, А.
- (24) Stark, U. 2015: En liten bok om kärlek | Lapteva, M. (Transl.) 2019: Malen'kaia povest' o liubvi [A little story about love]. Старк, У. Маленькая повесть о любви. Пер. Лаптева, М.
- (25) Stark, U. 2004: Min vän Percy, Buffelbo Bill och jag | Miaeots, O. (Transl.) 2013: Moi drug Persi, Buffelbu Bill i ia [My friend Percy, Buffelbo Bill and me]. Старк, У. 2013: Мой друг Перси, Буффало Билл и я. Пер. Мязотс, О.
- (26) Thor, A. 1997: En ö i havet | Konobeeva, M. (Transl.) 2006: Ostrov v more [An island in the sea]. Тор, А. 2006: Остров в море. Пер. Конобеева, М.
- (27) Tunström, G. 1983: Juloratoriet | Fedorova, N. (Transl.) 2003: Rozhdestvenskaia oratoriia [The Christmas oratorio]. Тунстрём, Ё. 2003: Рождественская оратория. Пер. Федорова, Н.
- (28) Tunström, G. 1978: Ökenbrevet | Dobronitskaia, T. (Transl.) 2004: Poslanie iz pustyni [The letter from the wilderness]. Тунстрём, Ё. 2004: Послание из пустыни. Пер. Доброницкая, Т.
- (29) Vallgren, C.-J. 2002: Den vidunderliga kärlekens historia | Shtern, S. (Transl.) 2004: Iasnovidiaschij. Istoriia udivitel'noi liubvi [The mindreading monster. The history about the wonderful love]. Вальгрэн, К.-Й. Ясновидящий. История удивительной любви. Пер. Штерн, С.
- (30) Wattin, D. 2014: Herr Isakowitz skatt | Savitskaia, A. (Transl.) 2015: Sokrovische gospodina Isakowitza [Herr Isakowitz treasure]. Ваттин, Д. 2015: Сокровище господина Исаковица. Пер. Савицкая, А.
- (31) Westö, K. 2002: Lang | Liudkovskaia, M. (Transl.) 2005: Kristian Lang — chelovek bez zapaha [Kristian Lang — a person without smell]. Вестё, Ч. 2005: Кристиан Ланг — человек без запаха. Пер. Людковская, М.

М. В. Яценко

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, СПб., Россия. yatsenm@mail.ru

«НЕОСОЗНАННОЕ» АВТОРСТВО И АВТОРСТВО КАК АВТОРИТЕТ: ТЕОРИИ АВТОРСТВА В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье анализируются представления об авторстве древнеанглийской поэзии и рассматривается возможность применения к этому материалу разных теорий авторства. Теория «неосознанного» авторства (М. И. Стеблин-Каменский), разработанная на материале древнеисландской литературы, не вполне применима к древнеанглийским источникам, поскольку для них более актуальной была проблема восприятия авторов, принципы создания их идеализированных образов, а не становления авторского самосознания. В статье доказывается, что более продуктивной для данной традиции является теория авторитетного авторства (С. С. Аверинцев), разработанная на материале архаического этапа развития литературы. В ходе сравнительного анализа было выявлено, что авторитетные фигуры авторов древнеанглийской поэзии на христианские темы создавались с использованием топосов, характерных для архаической библейской традиции и рассказов о переводчиках Библии.

Ключевые слова: «неосознанное» авторство, авторство как авторитет, древнеанглийская поэзия, Беда Досточтимый, Кэдмон, Альдхельм Мальмсберийский, король Альфред.

Maria Yatsenko

M. A. Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications,
St. Petersburg, Russia. yatsenm@mail.ru

“Unconscious” Authorship and Authorship as Authority: Theories of Authorship in the Context of the Old English Christian Poetry

The article deals with the nature of authorship of the Old English Christian poetry and reviews two basic theories of authorship that can be applied to this material. The theory of “unconscious” authorship by M. I. Steblin-Kamensky was based on the Old Norse literature which had two types of understanding the authorship: scalds who felt themselves “authors” and owners of the text due to the originality of its form, and epic poetry that was understood the part of a tradition and could not be viewed as personal. Old English poetry was mainly epic that is why it did not witness the coexistence of the two types of authorship. More interesting for

the texts of this tradition was the way the poets were presented. Analysis of the Old English texts about first poets (Cædmon, Bede, king Alfred, Aldhelm) shows that the authority of them was more important for understanding this tradition. All these figures are presented as ideal, the stories about them contain an array of biblical allusions and topoi common to the stories about the Bible translators. Thus the authorship of the Christian poetry of this period can and must be viewed in the context of authorship as authority theory, presented by S. S. Averintsev. Although this theory was elaborated based on the Biblical and ancient material, it can be applied for the later epochs, especially for the traditions connected with the Bible and its translations.

Key words: “unconscious” authorship, authorship as authority, Old English poetry, Bede the Venerable, Cædmon, Aldhelm of Malmesbury, king Alfred.

Осмысление теоретических аспектов авторства раннесредневековой словесности остается сложной проблемой. На материале современных литератур выделяют три основных аспекта авторства: «1) *автор биографический* — личность, существующая во внехудожественной, первично-эмпирической, исторической реальности; 2) *автор-творец*, создатель словесно-художественных произведений, мастер слова, “эстетически деятельный субъект” (М. М. Бахтин) и 3) автор во *внутритекстовом* воплощении, имплицитный автор, его более или менее внятные проявления в самой структуре словесно-художественного текста, разновидности его внутритекстового бытия» (курсив в цитате авторский — М. Я.) (Prozorov 2004: 68). Разработанная в трудах М. И. Стеблин-Каменского теория «неосознанного авторства» строится вокруг второго аспекта авторства, самоосмысления автора-творца или “эстетически деятельного субъекта”. При этом основное внимание исследователь уделяет тому, сознает ли себя тот, кто создает произведение, его автором, «в какой мере он сознает себя его автором и, следовательно, в какой мере он обладает творческой свободой по отношению к форме и содержанию произведения» (Steblin-Kamenskii 1979: 90). М. И. Стеблин-Каменский убедительно доказывает, что в отдельные периоды развития могли сосуществовать разные представления об авторстве. Так, «авторы» саг могли вносить в них определенные изменения, при этом они осознавали себя лишь записывателями, переписывателями имеющейся традиции, ее хранителями, но никак не «эстетически деятельными субъектами». Скальды раньше других стали ощущать себя авторами своих произведений, поскольку именно

ярко выраженная художественная форма осознавалась как личный вклад в создание текста. Как пишет М. И. Стеблин-Каменский, «в эддической поэзии, как и в эпической поэзии вообще, а также и в прозе, не было условий для относительной самостоятельности формы и для осознания формального мастерства» (Steblyn-Kamenskii 1979: 96).

М. И. Стеблин-Каменский разработал свою теорию на основе древнеисландской литературы. Он сравнивал поэзию скальдов и их восприятие авторства с древней ирландской и даже арабской поэзией. Территориально и хронологически близкий древнеанглийский материал он практически не использовал для сравнения, поскольку поэтическое творчество англосаксов сохранило по большей части произведения эпические. Аналогов поэзии скальдов в древнеанглийской традиции либо не существовало, либо они не сохранились. Невозможность в полной мере применить теорию «неосознанного» авторства к древнеанглийскому материалу объясняется еще и тем, что древнеанглийские произведения, описывающие поэтическое творчество и поэтическую активность, фактически не описывают отношения к произведениям тех, кто их создавал. Более значимыми и развернутыми в этих текстах становятся описания отношения к авторам, то есть первый аспект авторства (автор биографический). Этот аспект менее разработан в трудах М. И. Стеблин-Каменского, однако в древнеанглийском наследии он представлен достаточно подробно и имеет ряд специфичных для средневековой литературы особенностей, а потому требует теоретического осмысления. Мы остановимся на произведениях древнеанглийской эпохи, в которых содержатся рассказы о поэтах, с целью уточнить способы создания в них образов авторов.

В древнеанглийской традиции количество поэтических произведений, которые воспринимались как авторские, чрезвычайно мало: «Гимн Кэдмона», «Предсмертная песнь Беды» и некоторые другие. Примечательно, что это произведения христианской религиозной поэзии. М. И. Стеблин-Каменский, анализируя древнеисландский материал, отмечал, что в произведениях христианской тематики можно говорить о наличии более развитой формы идейного содержания (по сравнению с сагами), которое, однако, было более или менее одинаковым — прославление Бога и святых (Steblyn-Kamenskii 1971: 68). Вероятно, в христианской поэзии авторство не исключало личного вклада в создание произведения каждого конкретного

книжника или устного певца, но этот вклад не обязательно воспринимался самим автором как вклад *личный*. Для автора-христианина это скорее следствие действия Святого Духа, являющегося соучастником всех дел человека. Меньше всего мы знаем об авторе по имени Кюневульф, который предположительно вплет рунами свое имя в концовки четырех древнеанглийских поэм. Но даже его подпись была не обозначением уникальности собственного вклада в создание текста, но, как пишет Н. Ю. Гвоздецкая, молитвенным обращением к высшим силам и к читателю (Gvozdetskaia 2023: 103).

Всего насчитывают восемь известных имен поэтов, которым с той или иной степенью уверенности приписывают разного рода древнеанглийские поэтические произведения. Большая часть из них связана с поэтическими переложениями библейских текстов, это Альдхельм Мальмсберийский, Беда Досточтимый, король Альфред Великий, Кюневульф и Кэдмон. Обо всех этих поэтах, кроме Кюневульфа, остались более или менее развернутые свидетельства их современников, некоторые из них прославлены и потомками. Мы остановимся на основных приемах создания образов этих поэтов в источниках, большая часть которых относится к древнеанглийской эпохе.

Наиболее ранний и развернутый рассказ об авторе содержится в Легенде о поэте Кэдмоне, включенной в 24 главу IV книги «Церковной истории народа англвов» (*Historia Ecclesiastica gentis anglorum*) Беда Досточтимого. Как повествует Беда, дожив до зрелых лет, Кэдмон не научился слагать стихи, а потому каждый раз пристыженным уходил с пирушки, где в обычае было исполнять песни по очереди под аккомпанемент арфы. После одного такого случая он пошел сторожить скот и заснул. В чудесном сне ему явился «некто» (*quidam*¹), назвал по имени и попросил спеть. После того как просьба была повторена, Кэдмон смог спеть стихи во славу христианского Бога. По пробуждении он запомнил их и пошел сначала к своему начальнику, а потом вместе с ним в монастырь, где совет ученых мужей признал его дар богодухновенным. Сам Кэдмон был оставлен в монастыре и под руководством книжников стал перелагать Священную историю стихами на языке англвов. Он вел праведную жизнь, знал о дне и часе собственной смерти, перед которой причастился Святых

¹ Здесь и далее латинский текст приводится по изданию: (Baedae 1896 [repr. 1956]).

Христовых Таин и примирился с братией, после чего мирно отошел ко Господу.

Более или менее реальной историю Кэдмона делает лишь упоминание о том, что он пришел и остался «в монастыре той аббатисы». Учитывая, что выше в «Церковной истории» речь шла об аббатисе Хильде и известно время ее кончины (680 г), исследователи датируют «чудо Кэдмона» не позднее этой даты. Обилие «темных мест» в биографии Кэдмона наводит на мысль о намеренном их использовании как особого приема построения текста, за которым кроется иносказание. Действительно, практически вся эта история состоит из разного рода библейских аллюзий². Как пророк Моисей, Кэдмон к началу рассказа уже «достаточно зрелый» человек (др.-англ. — *gelyfedre ylde*³), он вынужден уйти от людского общества. (Ср.: Исх. 2:12) и пасти скот (Ср.: Исх. 2:15). Чудесное призвание происходит в загоне для скота. Пророк Моисей также пас скот, когда Господь явился ему в образе Неопалимой Купины (Исх. 3:2). Различие двух сцен весьма условное. Неопалимая Купина понимается отцами Церкви как прообраз Девы Марии⁴ и первое видимое воплощение Бога⁵. С главным эпизодом Боговоплощения — Рождеством Христовым — ассоциируется и упоминаемый в древнеанглийской легенде загон для скота⁶. Чудесный посланник во сне Кэдмона никак не назван. Не исключено, что, избегая называть его, Беда следует ветхозаветному запрету поминать Имя Божие всуе.

Сцена засыпания Кэдмона пронизана новозаветными аллюзиями. Уйдя с пирушки, Кэдмон, очевидно, задумывался о собственном месте в этом мире, где он не может делать того, что кажется простым всем окружающим. При этом говорится: *«þa he ða þær in gelimþlice tide his leomu on reste gesette ond on slepte»*. Досл.: «Тогда он там в должное время свои члены для

² Подробнее об это см.: (Yatsenko 2014).

³ Здесь и далее древнеанглийский текст приводится по изданию: (Old English Version 1997)

⁴ Иоанн Дамаскин «Три слова об иконах» Цит. по: (Bibleyskie kommentarii 2010: 18).

⁵ Иларию Пиктавийский «О Троице», Пруденций «Прославление», Августин Иппонский «О Троице», Климент Александрийский «Педагог», Евсевий Кесарийский «Доказательство в пользу Евангелия», Ефрем Сирийский «На Книгу Исход», Цезарий Арльский «Проповеди». Цит. по: (Bibleyskie kommentarii 2010: 13–15).

⁶ Эта параллель указана в работе: (Orton 1983).

отдыха расположил и заснул». Упоминание членов тела (лат. — *membra*, др.-англ. — *leomu*) может быть прочитано как аллюзия на сравнение человека с членом Церкви, которое находим у ап. Павла (1 Кор. 12:4–12 и Рим. 12: 3–5). Ассоциация с текстами Посланий рождается еще и потому, что с нравственной точки зрения Кэдмон представляет собой здесь идеал смирения, подчинения установленному порядку. Здесь же очевидна и другая сторона аллюзии на этот текст: после чудесного сна Кэдмон понимает свое предназначение и следует ему (Ср.: 1 Кор. 12:7–10 и схожие размышления в Рим. 12:6–8). Предназначение это оказывается значительно более важным, чем мирские занятия и может быть названо «заботой о пастве», поскольку известно, что Кэдмон «сложил много других песен о Божьих милостях и карах, которые, по его мысли, должны были обратить их к любви и добродеянию» (Beda Dostopochtennyy 2001:142). В начале Легенды говорится, что Кэдмон обрел свой дар не от людей и не через людей, подобным образом говорит о себе и ап. Павел (Гал. 1:1).

Само чудесное обращение к герою во сне («*Cedmon, sing me hwæðwegu/ Sing me hwæðweg. Hwæðere þu meahht me singan/ Hwæðere þu me miht singan*» — «Кэдмон, спой мне что-нибудь»/ «Спой мне что-нибудь», «Однако ты можешь мне спеть»/ «Однако ты мне можешь спеть») соотносимо с повторенным три раза обращением Христа к апостолу Петру: «паси овец моих» (Ин. 21:15–17), а также с новозаветным образом Доброго Пастыря. Подобно тому, как Он называет своих овец по имени, а они узнают Его (Ин. 10:3), Кэдмон откликается на призыв, содержащий его имя, и подчиняется тому, кто с ним говорит. Логично, что пастух, который заснул в загоне для скота, мог услышать во сне призыв исполнять свои обязанности. Кэдмон же слышит призыв петь и тем самым «пасти словесных овец», что прочитывается как призыв к божественному деланию.

Кэдмон, слагающий стихи на библейские темы, сравнивается с чистым животным, жующим жвачку (он «запомнил и пережевал его, как чистое животное, жующее жвачку» (*quasi mundum animal ruminando*)). С одной стороны, это — прямая аллюзия на Закон Моисея, где подробно описываются чистые и нечистые животные (Лев. 11:1–47), с другой, — указание на то, что Кэдмон, как и любое чистое животное, может быть посвящен Богу (именно чистые животные могли использоваться для жертвоприношений).

В толкованиях Отцов Церкви чистые животные ассоциируются с чистыми народами, с которыми нужно поддерживать общение христианину. А процесс пережевывания жвачки сравнивается с размышлением над божественным Логосом⁷. Образ пережевывающего божественное знание человека связан и с историей пророка Иезекииля, который должен был пережевывать свиток с божественным откровением, чтобы затем проповедовать (Иез. 3:1–12). Подобный образ книги, которую нужно съесть, возникает и в Апокалипсисе (Откр. 10:9). Сцена исполнения Кэдмоном своих стихов перед учеными мужами содержит явные аллюзии на евангельский рассказ об отроче Иисусе, поучающем книжников (Лк. 2:46–47).

Библейские аллюзии и идеализация образа поэта широко использовались и для рассказа о других поэтах в древнеанглийской традиции. Важной идеализированной фигурой поэта стал сам Беда Досточтимый. Уже в Письме о болезни и смерти Беды (Pis'mo Kutberta 2001), сочинении Кутберта, ученика и единственного его прижизненного биографа, сообщается, что Беда, несмотря на ослабевшее зрение, был занят непрестанной молитвой и наставлением учеников. В Письме указано, что глаза Беды уже не видели света мира сего, но внутреннее зрение позволяло ему проникать в глубину знаний о Боге. Здесь виден христианский топос о том, что «сила Божия в немощи совершается», сближающий данный рассказ с легендой о Кэдмоне. Не менее важны и топосы непрестанной деятельности и заботы о пастве, прочитывающиеся в обоих рассказах.

Библейские образы и аллюзии широко использованы и в Жизнеописании короля Альфреда, составленном его сподвижником Ассером (IX век) (Life of King Alfred 2002). Ассер (в

⁷ Ориген «Гомилии на Песнь Песней», Климент Александрийский «Педагог». Цит. по: (Bibleyskie kommentarii 2010: 262). В Послании Варнавы (каноничность этого текста оспаривается) о пережевывании жвачки говорится: «Но Моисей также сказал: «Ешьте все, имеющее раздвоенные копыта и отпрыгающее жвачку» (Лев 11:3). Кто разумеется под *скотом отпрыгающим жвачку*? — Тот, кто, получая пищу, знает своего питателя, и, насытившись, радуется о нем. Прекрасно сказал Моисей, имея в виду заповедь. Какую? Прилепляться к тем, которые боятся Господа, размышляют в сердце своем о полученной ими заповеди, которые беседуют о повелениях Господних и соблюдают их, которые знают, что размышление есть дело радостное и, *так сказать*, пережевывают слово Господне.» (Epistle of Apostle Varnava 2007: 84).

отличие от Беды и Кутберта) использует прямые сравнения и цитаты из Библии, указывает имена библейских персонажей: как пророк Давид, Альфред был младшим сыном в семье и самым красивым из детей, приятным в обращении, талантливым и ловким охотником; еще в детстве во время путешествия со своим отцом в Рим он был помазан на царство тогдашним папой Львом IV, подобно тому, как Давид был помазан на царство пророком Самуилом.

С царем Давидом Альфреда роднит и то, что он какое-то время жил в изгнании. Топос пустынножителства сближает рассказы о Кэдмоне и Альфреде с ветхозаветными героями (Кэдмона с Моисеем, и Иезекиилем⁸, а Альфреда с царем Давидом). Этот же топос используется в рассказах о переводчиках Библии (рассказ о семидесяти толковниках из письма Аристея, жизнеописание блаж. Иеронима).

Топос образованности, играющий важную роль в повествованиях о переводчиках Библии, в рассказе Ассера и в Легенде о Кэдмоне раскрыт по-разному. Хотя Альфред обладал прекрасной памятью и прилежно слушал Слово Божие, до двенадцати лет он не был обучен чтению и письму, а также не смог изучить «свободные науки», поскольку в его земле не было достойных учителей. Кэдмон же до чудесного призвания никогда ни одной песни не сложил и не выучил.

Описание богодухновенности дара также схоже в двух текстах. Кэдмон к моменту чудесного призвания был уже в зрелых годах. Король Альфред также в старости чудесным образом одновременно с даром чтения получает и способность переводить священные тексты на язык саксов. Описывая чудесное обретение этого дара королем, Ассер приводит ряд библейских цитат и сравнивает позднее обретение дара с чудесным покаянием разумного разбойника, который обратился ко Христу перед смертью и был спасен. Топос смирения, позднего (в зрелом возрасте) обретения божественного дара также роднит истории Кэдмона и короля Альфреда.

Ассер упоминает о необычайной любви короля к молитве, его заботах об образовании своих подданных. Альфред занимался обучением грамоте, чтением псалмов, ежедневным посещением божественной службы, чтением летописей и поэм на саксонском языке. В отличие о малообразованного и неспо-

⁸ В отличие от многих ветхозаветных пророков, уединение Кэдмона, необходимое для получения откровения, длится всего одну ночь.

собного к поэтическому творчеству до чудесного призвания Кэдмона, король Альфред еще в юном возрасте выучил наизусть книгу, содержащую поэтические рассказы из Священной истории на его родном языке.

Как видно из приведенных примеров, для англосаксонских рассказов о людях, занимавшихся поэтическим творчеством на родном языке (Кэдмоне, Беде и Альфреде), было характерно использование топосов образованности, праведной жизни, смирения, заботы о наставлении паствы, богодуховенности дара. Все эти топосы восходят не к фольклорным, а к книжным источникам. Они широко используются в рассказах о переводчиках Библии (жизнеописания блаж. Иеронима и Татиана). Сходство ряда топосов подтверждает тесную генетическую связь между раннехристианской и древнеанглийской христианской традициями, что можно объяснить близостью тематики творчества героев этих повествований. Поэтические изложения Библии, как и ее переводы, требовали от их «авторов» соответствия высокому нравственному идеалу.

К более позднему времени (XII в.) относится рассказ из «Деяний английских епископов»/ «Истории английских епископов» (*Gesta Pontificum Anglorum*) Вильяма Мальмсберийского, повествующий об Альдхельме Мальмсберийском. Альдхельм прославляется в нем как необычайно умный и талантливый муж. В рассказе об Альдхельме возникает ряд топосов, которые также позволяют соотносить его с легендами о переводчиках Библии. Это, прежде всего, топос образованности. В житиях переводчиков раннехристианской эпохи (блаж. Иеронима и Татиана) языческое образование и вкусы, им привитые, входят в противоречие с изучением Священного Писания. Подобным образом использован этот топос в Легенде о Кэдмоне. Устная поэтическая традиция сложения песен для развлечения, которую не мог постичь Кэдмон, косвенным образом осуждается в Легенде. Не признавалась она как авторитетная и в дальнейшем, как можно судить на основании знаменитого письма Алкуина, где задается вопрос о том, что общего у Ингельда со Христом, т. е. у языческой образованности с христианством.

В жизнеописании Альдхельма упоминается иной вид учености — знание латинских авторов и принципов стихосложения, который не осуждается и не входит в противоречие с постижением Слова Божия. Альдхельм с раннего детства обучался латыни и древнегреческому и вскоре привел в восхи-

щение своих учителей («*Ibi pusio, Grecis et Latinis eruditus litteris, breui mirandus ipsis enituit magistris*»⁹). С подобной сценой восхищения учителей встречаемся и в рассказе о Кэдмоне, который ни у кого не учился.

В отличие от рассмотренных выше историй, относящихся к древнеанглийскому периоду, агиограф XII века стремится придать документальную точность своему повествованию и упоминает источники приводимых им сведений. Так, описывая поэтические таланты Альдхельма, он ссылается на некую записную книжку короля Альфреда (*Manualem librum regis Elfredi*). Существуют предположения, что рассказ Вильяма Мальмсберийского действительно восходит к достаточно древнему прототипу (Remley 2005). Очевидно, такая записная книжка (и не одна) существовала¹⁰ и содержала сведения, которые были известны еще при жизни самого Альдхельма и сохранялись в устной традиции до времен короля Альфреда, т. е. могли быть знакомы, например, Беде.

Важен и сам момент, в связи с которым агиограф прибегает к указанию на источник. Вильям Мальмсберийский упоминает, что король Альфред считал: «*nulla umquam aetate par ei fuerit quisquam poesim Anglicam posse facere, cantum componere, eadem apposite uel canere uel dicere*» (Life of King Alfred 2002: 506) — «никого никогда прежде него (Альдхельма — М. Я.) не было, кто бы превзошел его в умении создавать поэзию на английском языке, слагать песни, а потом соответственно (*var.* — при подходящем случае) петь или декламировать их».

Данное утверждение, вероятно, связано со словами из легенды о Кэдмоне, которого Беда восхваляет следующим образом: «*Et quidem et alii post illum in gente Anglorum religiosa poemata facere tentabant; sed nullus eum [Al., ei] aequiparare potuit*» — «**После него** многие англосаксы пытались складывать религиозные поэмы, но никто не мог сравниться с ним».

При внимательном прочтении текстов становится понятным, что рассказы о первых поэтах (Кэдмоне и Альдхельме) не противоречили, а дополняли друг друга. Вильям Мальмсберийский весьма осторожно сравнивает Альдхельма лишь с теми, кто слагал стихи до него. Беда же сравнивает творчество

⁹ Здесь и далее латинский текст приводится по изданию: (William of Malmsbury 2007: 502).

¹⁰ Видимо, о ней же пишет и биограф Альфреда Ассер: (Life of King Alfred 2002: 41–43).

Кэдмона с теми, кто сочинял и после него. Талант Альдхельма, полученный в результате научения, может сравниваться только с его предшественниками, тогда как дар Кэдмона превосходит и его последователей.

Поскольку Кэдмон пришел в монастырь не позднее 680 года, а Альдхельм родился в 639 (640?) году, а в 670-х годах создал свой знаменитый сборник латинских загадок, становится ясным, что оба поэта могли творить фактически в одно и то же время. Стремление избежать противоречий с рассказом Беды заметно и в других моментах повествования. Вильям Мальмсберийский отмечает, ссылаясь на Альфреда, что многие простые песни Альдхельма «до сих пор обыкновенно поются» («*carmen triuiale, quod adhuc uulgo cantitatur*»), и высказывал при этом свое мнение об этих песнях. Но он не хотел вступить в полемику с авторитетным мнением Беды. О том, что Альдхельм излагал библейские сюжеты языком поэзии, мы узнаем лишь в заключительной части рассказа о его поэтических занятиях. Продолжая пересказывать слова короля Альфреда, Вильям Мальмсберийский говорит, что Альдхельм применял свое поэтическое искусство, чтобы задержать паству, которая слишком спешила домой после Божественной службы. Рассказчик говорит, что пение развлекательных сочинений было «очевидно несерьезным/ мелким» («*videantur friuola*») занятием для такого человека. Лишь сумев привлечь простых людей своими песнями, Альдхельм вплетал в них слова из Священных Писаний. Вильям Мальмсберийский однозначно одобряет данный подход к наставлению паствы (William of Malmsbury 2007: 506), но никак не оценивает качество именно этих, религиозных песен.

Историк говорит, что, исполняя свои сочинения, Альдхельм стоял на мосту, соединяющем церковь и город. Если даже считать это описание исторически точным, нельзя не отметить возможности аллегорического прочтения данной сцены. Стихи Альдхельма, подобно мосту, должны были соединять город и Церковь, то есть светское и церковное искусство.

В противоположность данному рассказу Легенда о Кэдмоне содержит лишь сцену исполнения стихов перед учеными мужами. Фраза Беды о том, что «Во многих душах его (Кэдмона — М. Я.) песни зажгли презрение к миру и стремление к жизни небесной» (Beda Dostopochtenny 2001: 140), оказывается не вполне понятной, т. к. в Легенде не сообщается, исполнял ли Кэдмон свои стихи за пределами монастыря, или они исполнялись кем-то другим по памяти или по записи.

Наконец, все эти соображения заставляют задуматься о том, какие отношения были между текстом Легенды о поэте Кэдмоне, изложенной Бедой, и биографией Альдхельма. Если допустить, что Вильям Мальмсберийский ссылаясь на реальный документ, «Записную книжку короля Альфреда», в котором был изложен фрагмент биографии Альдхельма, описывающий создание им стихов на библейские темы, то можно предположить, что с подобными рассказами о своем современнике мог быть знаком и Беда.

Создавая свое повествование о Кэдмоне, Беда мог ориентироваться на ту традицию образования и словесной культуры, которую представлял Альдхельм и которая была в его время достаточно хорошо известна. Можно предположить, что Беда стремился дополнить некими важными деталями тот образ поэта, который начал складываться в сознании его современников под влиянием личности Альдхельма.

Очевидные противоречия между фигурами Альдхельма и Кэдмона связаны с уровнем их образования и тем, как они использовали свой поэтический дар. Причем противоречия здесь фактически дословные. Подчеркивая необразованность Кэдмона, Беда ярко изображает его дар как богодухновенный и отмечает, что он не слагал «праздных песен» (*nihil unquam frivoli et supervacui poematis facere potuit* — «никаких праздных песен не мог создавать»). Вильям Мальмсберийский отмечает, что Альдхельм занимался и тем, что было «очевидно мелким/праздным» (*videantur friuola*), хотя и не осуждает это умение своего героя слагать стихи на совершенно разные темы.

Важно и еще одно существенное различие в рассказах о Кэдмоне и Альдхельме. В биографии Альдхельма поэзия на библейские темы «исходит» от ученого мужа, который вышел из стен монастыря, чтобы наставить свою паству. Кэдмон же, напротив, приходит в монастырь, уже получив поэтический дар свыше, но продолжает обучение у ученых мужей. Вероятно, именно «сценарий» чуда Кэдмона, при котором неграмотный человек приходит в монастырь, принося свой талант как «дары волхвов», а затем обучается у ученых мужей, оказался более приемлемым в глазах Беды. А авторитет Кэдмона смог заслонить собой фигуру талантливого образованного интеллектуала Альдхельма, который использовал свой дар для наставления паствы.

Рассказ о простом пастухе, получившем дар сложения стихов во славу христианского Бога чудесным образом в

зрелом возрасте, содержится и в предисловии к древнесаксонской рукописи переложений Библии, которая датируется началом IX века (Praefatio 1996). Этот рассказ может восприниматься как краткий пересказ истории Кэдмона без упоминания его имени. Вместе с тем он выглядит лишь как набор топосов. Однако задумается, для чего в предисловии к переложениям Библии нужен был такой рассказ об их «авторе». Вероятно, идеализированная фигура поэта-пастуха, запечатленная в рассказе Беды о поэте Кэдмоне, обладала определенным авторитетом. И само ее наличие, как и ссылка на такой авторитет была своеобразной санкцией для записи поэтических переводов Священного Писания.

Такой характер отношения к автору и авторству соотносится с представлениями об архаическом авторстве, которое подробно описано С. С. Аверинцевым. Архаическое авторство предполагало наличие определенного авторитетного имени, которое имело не столько конкретно-исторический, сколько символический смысл (Песнь Песней Соломона, Псалмы Давида и пр.). Архаическое авторство не исключает самого факта написания тем или иным историческим лицом приписываемого ему произведения. При этом более важным является делегируемый этому лицу авторитет, достоинство (*auctoritas*), которым наделяет его та или иная историческая общность (Averintsev 1994: 105–107). Именно этот символический смысл, приписываемый легендарной или полуполулегендарной фигуре, обладал определяющим значением для жанра и стиля текстов, с ней связываемых. Важнейшим в осмыслении автора-авторитета является тот факт, что «функция имени остается в принципе той же самой: имя не связывается с индивидуальной манерой, характерностью стиля, оно гарантирует доброкачественность содержания и помимо этого указывает на жанр» (Averintsev et al., 1994: 10–11).

Наличие рассказа об авторе-пастухе в начале древнесаксонской рукописи может свидетельствовать о том, что «сценарий» чуда Кэдмона, как и его сакрализованная фигура сохраняли свой авторитет в течение нескольких столетий как на Британских островах, так и на континенте. Однако возникает закономерный вопрос: почему в данной рукописи не упомянуто имя Кэдмона. Вероятно, дело в особом отношении к этому имени. При внимательном рассмотрении легенды о Кэдмоне видно, что в самом ее тексте имя главного героя упоминается только в прямой речи, в обращении чудесного посланника.

Причем эта особенность сохраняется как в латинском тексте Беда, так и в древнеанглийском переводе. Она, видимо, была достаточно долгой, поскольку в рассказе о монастыре, где покоятся останки Кэдмона, Вильям Мальмсберийский также не упоминает имени Кэдмона, хотя явно рассказывает именно о нем. Такое отсутствие указания имени обращает на себя внимание в контексте перечисления, где указываются имена и род занятий людей, чьи мощи были обнаружены: *«nuentaque sunt nouiter et in eminentiam elata sanctorum corpora, Trumwini episcopi, Oswii regis, et Elfladae filiae eius, quae eidem monasterio post Hildam praefuit, necnon et illius monachi quem diuino munere scientiam cantis accepisse Beda refert. Cuius non fuisse apud Deum popolare meritum miracula modo multa, ut ferunt, superne demissa, pretendunt inditium»* (William of Malmsbury 2007: 386) — «Недавно там были найдены и подняты останки святых людей, епископа Трумвине, короля Освиу и его дочери Эльфледы, которая управляла тем монастырем после Хильды, вместе с ними и монаха, который получил Божественный дар пения, как о том писал Беда. Заслуги того монаха были необычными в глазах Бога, как говорят, многие чудеса посылаются через них свыше». Вероятнее всего, такая традиция сокрытия имени Кэдмона была связана с его табуированностью и восприятием в качестве сакрального.

Проведенный анализ дает возможность иначе осмыслить представления об авторстве древнеанглийской эпохи. Безусловно, в это время автор биографический был не столь важен, как авторитет, приписываемый определенному имени или фигуре. Рассмотрев ряд рассказов о древнеанглийских христианских поэтах, мы увидели своеобразный «гипертекст», т. е. тот культурный и словесный контекст, который породил эти авторитетные имена. Это позволило осмыслить то авторское достоинство (*auctoritas*), которое было актуальным для древнеанглийской монастырской культуры поэтического изложения Библии. Использование терминов «авторское достоинство (*auctoritas*)» и «авторитет», осмысленных в работах С. С. Аверинцева применительно к архаическому авторству, является в данном контексте наиболее адекватным. Хотя исследователи соотносят Средневековье в большей степени с традиционалистическим этапом развития словесности¹¹, С. С. Аверинцев отмечает, что

¹¹ Традиционалистический этап датируют для западных литератур периодом с середины I тыс. до н. э. по вторую половину XVIII в., а

сочинения, связанные со Священным Писанием, во многом продолжали архаическую традицию и возвращались к ней¹². Дошедшие до нас описания авторов древнеанглийской поэзии в той или иной мере их идеализируют и сближают с фигурами библейских пророков или переводчиков Библии. Роль авторитетных авторов, которая была присуща «авторам» отдельных книг Библии, в средневековой традиции выполняли фигуры переводчиков Библии.

В качестве авторитетного автора поэтических сочинений на библейские и агиографические темы в древнеанглийской монастырской среде в конце VII–VIII веке могла восприниматься фигура образованного интеллектуала Альдхельма Мальмсберийского, владевшего античной ученостью, латинским языком и искусством стихосложения как на латыни, так и на своем родном языке. Значимость такой фигуры подтверждается как сохранением его песен в устной традиции, так и тем, что аналогичными качествами обладал и Беда, к ним же отчасти стремился и король Альфред. Однако примерно в это же время сам Беда создает идеализированный и сакрализованный образ первого поэта Кэдмона. Именно он в определенный момент стал восприниматься как наиболее авторитетный, вероятно, за счет самой Легенды, изложенной Бедой. Признание богодухновенности дара поэта Кэдмона и сакрализация его фигуры становились своеобразной санкцией для записи текстов, которые в традиции связывались с его именем. Высокое авторское достоинство Кэдмона предполагало придание его поэзии статуса священной, что уподобляло ее в глазах англосаксов тексту Библии.

Литература

Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A., Mikhailov, A. V. 1994: [Poetic Categories on the Change of Literary Epochs], In: *Istoricheskaja poetika. Literaturnye epokhi i tipy*

для восточных — с первых веков I тыс. н.э. по XIX в. — начало XX в. Эту эпоху определяют как время господства понятий традиции и нормы, ориентации на определенные образцы в поэтике (Averintsev et al. 1994: 3–38).

¹² С. С. Аверинцев пишет о вторичных и третичных рецидивах представлений об авторстве текстов библейских переводов, которые нуждались в авторитетных переводчиках, также как и книги Ветхого завета — в авторитетных авторах (Averintsev 1994: 115).

- khudozhestvennogo soznaniia [Historical poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness]*. Moscow: Nasledie. 3–38.
- Аверинцев, С. С., Андреев, М. Л., Гаспаров, М. Л., Гринцер, П. А., Михайлов, А. В. 1994: Категории поэтики в смене литературных эпох. В сб.: *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М.: Наследие, 3–38.
- Averintsev, S. S., 1994: [Authorship and Authority], In: *Istoricheskaia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia. [Historical poetics. Literary Epochs and the Types of Artistic Consciousness]*. Moscow: Nasledie. 105–125.
- Аверинцев, С. С. 1994: Авторство и авторитет. В сб.: *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М.: Наследие, 105–125.
- Baedae 1896 [repr. 1956]: *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*, In: *Baedae. Opera Historica*. Vol. 1–2 / C. Plummer (ed.). Oxford: Oxf. Univ. Press.
- Beda Dostopochtennyu [Bede the Venerable] 2001: *Tserkovnaia istoriia naroda anglov [Ecclesiastical History of the English People (Transl. from Latin by V. V. Erlikhman)]*. St.-Petersburg. Беда Достопочтенный 2001: *Церковная история народа англос (Пер. с латинского В. В. Эрлихмана)*. СПб.
- Bibleyskie kommentarii 2010: *Bibleyskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Vetkhiy Zavet. Tom III. Knigi Iskhod, Levit, Chisla, Vtorozakonie [Ancient Christian Commentary on Scripture. Old Testament III: Exodus, Leviticus, Numbers, Deuteronomy]*. J. T. Lienhard, N. A. Kul'kova, S. S. Kozina (eds.), Tver': Germenevtika.
- Библейские комментарии 2010: *Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Том III: Книги Исход, Левит, Числа, Второзаконие / Пер. с англ., греч., лат., сир./ Под ред. Д. Т. Линдхарда, Н. А. Кульковой, С. С. Козина. Тверь: Герменевтика.*
- Bredenhof, Th. A. 2009: *Authors, Audiences, and Old English Verse*. Toronto: University of Toronto Press.
- Epistle of Apostle Varnava 2007: [Epistle of Apostle Varnava] In: *Pisaniia muzhei apostol'skikh [Letters of Apostles]/ Ed. R. Svetlova, trans. P. Preobrazhenskii*. St.-Petersburg, 62–102. Послание апостола Варнавы 2007: Послание апостола Варнавы. В сб.: *Писания мужей апостольских*. Р. Светлова (ред.), П. Преображенский (пер.). СПб.: Амфора, 2007, 62–102.
- Gvozdetskaia, N. Iu. 2023: [Runic “Signatures” by Cynewulf: signs, symbols, images], In: *Fundamental'nye tsennosti iazyka i kul'tury: k 60-letiiu doktora filologicheskikh nauk, professora S. G. Proskurina sbornik statei*. Otv. Redaktor A.V. Proskurina. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 95–105.
- Гвоздецкая, Н. Ю. 2023: Рунические «подписи» Кюневульфа:

- знаки, символы, образы. В сб.: *Фундаментальные ценности языка и культуры: к 60-летию доктора филологических наук, профессора С. Г. Проскурина сборник статей*. Отв. редактор А. В. Проскурина. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 95–105.
- Life of King Alfred 2002: *The Medieval Life of King Alfred the Great: a Translation and Commentary on the Text Attributed to Asser / Annotation, English Translation with Commentary by A. P. Smyth*. Basingstoke; New York: Palgrave.
- O'Donnell, D. P. 2005: *Caedmon's Hymn: A Multimedia Study, Edition and Archive*. Cambridge.
- Old English Version 1997: *Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English people / Ed. with Translation and Introduction by Th. Miller*. Early English Text Society. Or. Ser., 95–96. In 2 Vols.
- Orton, P. R. 1983: Caedmon and Christian Poetry. In: *Neuphilologische Mitteilungen*, 84, 163–170.
- Pis'mo Kutberta 2001: Pis'mo Kutberta o bolezni i smerti Bedy. In: *Beda Dostopochtennyu [Bede the Venerable]. Tserkovnaia istoriia naroda anglov [Ecclesiastical History of the English People (Transl. from Latin by V. V. Erlikhman)]*. St.-Petersburg, 206–208.
- Письмо Кутберта 2001: Письмо Кутберта о болезни и смерти Беды. В сб.: *Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана*. СПб., 206–208.
- Praefatio 1996: Praefatio in librum antiquum lingua Saxonica conscriptum. In: *Heliand und Genesis/ O. Behaghel, B. Taeger (eds.)*. Tübingen: De Gruyter, Inc., 1–2.
- Prozorov, V. V. 2004: [Author]. In: *Vvedenie v literaturovedenie. Uchebnoe posobie dlia vuzov po napravleniiu i spets. "Filologiya" [Introduction into Literary Studies. A Manual for the Higher Educational Establishments, Direction "Philology"] / Ed. L. V. Chernets. M.: Vysshiaia shkola, 68–81*. Prozorov, V. V. 2004: Автор. В сб.: *Введение в литературоведение. Учебное пособие для вузов по направлению и спец. "Филология" / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 68–81*.
- Remley, P. G. 2005: Aldhelm as Old English Poet: Exodus, Asser and the Dicta Aelfredi. In: *Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for Michael Lapidge / Ed. K. O'Brien O'Keefe, A. Orchard*. Toronto: University of Toronto Press, Vol. 1, 90–108.
- Steblin-Kamenskii, M. I. 1979: [The Place of Scaldic Poetry in the History of World Literature]. In: Steblin-Kamenskii, M. I. *Istoricheskaiia poetika [Historical Poetics]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 90–102.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1979: Место поэзии скальдов в истории мировой литературы. В сб.: *Стеблин-Каменский, М. И.*

- Историческая поэтика*. Л.: Издательство Ленинградского университета, 90–102.
- Steblyn-Kamenskii, M. I. 1971: [Saga Mind]. Leningrad: Nauka.
Стеблин-Каменский, М. И. 1971: Мир саги. Л.: Наука.
- William of Malmesbury 2007: *Gesta Pontificum Anglorum. Vol. 1. Text and Translation* / Ed. and Transl. by M. Winterbottom with assistance of R. M. Thomson. Oxford.
- Yatsenko, M. V. 2014: [On Some Biblical Parallels of the Legend of the poet Caedmon]. In: *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. Vol. 20, Osnovnoi vupusk № 3 (May–June), 163–166. Яценко, М. В. 2014: О некоторых библейских параллелях легенды о поэте Кэдмоне. В сб.: *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. Т. 20, Основной выпуск № 3 (Май-Июнь), 163–166.

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

DOI: 10.30842/ielcp2306901528134

Л. Д. Бондарь

СПб филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия. L007@list.ru

ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ В РУКОПИСИ

Д. Г. МЕССЕРШМИДА «ORNITHOLOGICON SIBIRIAE» И РАБОТА Д. Г. МЕССЕРШМИДА С РУССКОЙ ЛЕКСИКОЙ

Первый ученый-исследователь Сибири Даниэль Готтлиб Мессершмидт (1685–1735) в своей экспедиции осуществлял сбор языкового материала в том числе для подготовки зоологических (орнитологических) описаний, которые, в соответствии с научной традицией того времени включали в себя наименования видов на разных языках, известных европейской науке. Д. Г. Мессершмидт существенно расширил круг языков за счет включения в свои рукописи названия, употреблявшиеся местными сибирскими народами. Обширной рукописью, вобравшей в себя описание 225 орнитологических видов, стал «Ornithologicon Sibiriae» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8–16), в котором широко представлен лексический (орнитологический) материал русского языка, который записан в двух графических системах — кириллицей и латиницей. Изучение способов транскрибирования Д. Г. Мессершмидтом русской лексики помогает выявить, во-первых, орфоэпических особенностей сибирского региона того времени и, во-вторых, восприятия иностранцем (немцем) фонетического образа русских слов. Исследование позволило констатировать факт постепенного складывания у Д. Г. Мессершмидта системы практической транскрипции русскоязычной лексики средствами латинской графики. В своей транскрипции исследователь зачастую прибегал к средствам передачи фонем в родном, немецком языке (при помощи символов *w, sch, ck, tsch, ss, tz, ch, ja*), постепенно вводя новые буквосочетания (*cz, bh, stsch*); в единичных случаях можно предполагать влияние латинского языка на графическое оформление лексемы. При этом, как кажется, Д. Г. Мессершмидт старался сохранить при передаче графическую форму исходной русской лексемы. Для уточнения возникших в ходе исследования вопросов необходим более обширный лексический материал, который может быть получен из «отчетной» рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata» и прежде всего — из обширнейшего путевого дневника.

Ключевые слова: Даниэль Готтлиб Мессершмидт, «Ornithologicon Sibiriae», орнитологическая номенклатура, русский язык, транскрипция.

Larisa D. Bondar

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. L007@list.ru

Language material in D. G. Messerschmidt's manuscript «Ornithologicon Sibiriae» and D. G. Messerschmidt's work with Russian lexis

The first researcher of Siberia Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) in his expedition collected the linguistic material that was also used for the preparation of zoological (ornithological) descriptions. According to the scientific tradition of that time his descriptions included the names of species known to European science in different languages. Messerschmidt significantly expanded the list of languages and in his manuscripts, added the local Siberian terminology. The “Ornithologicon Sibiriae” (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8–16), an extensive manuscript with the description of 225 ornithological species, widely presents the lexical (ornithological) data in Russian, using two graphic systems – Cyrillic and Latin. The analysis of Messerschmidt's methods of transcribing Russian vocabulary helps to identify the orthoepic features of the Siberian region of that time, on the one hand, and the perception by a foreigner (German) of the phonetic image of Russian words, on the other. The study allowed us to claim that Messerschmidt gradually developed the system of practical transcription by means of Latin graphics. In his transcription, Messerschmidt often graphically represented phonemes as in his native German (using the symbols *w*, *sch*, *ck*, *tsch*, *ss*, *tz*, *ch*, *ja*) and introduced new combinations of letters (*cz*, *bh*, *stsch*). In certain cases, one can assume Latin influence on the graphic form of the lexeme. At the same time, it seems that Messerschmidt tried to preserve the graphic form of the original Russian word. In order to clarify all questions that have arisen during the research, a more extensive lexical material is needed. This data can be obtained from the Messerschmidt's manuscript “Sibiria perlustrata” and, first of all, from his extensive travel diary.

Keywords: Daniel Gottlieb Messerschmidt, “Ornithologicon Sibiriae”, ornithological nomenclature, Russian language, transcription.

Первое систематичное и комплексное научное изучение Сибири, которое заложило основу будущих академических исследований этого края, было осуществлено врачом и естествоиспытателем из Данцига Даниэлем Готтлибом Мессершмидтом (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735), прибывшим в начале 1718 г. на русскую службу и уже 1 марта 1719 г. отправившимся в свое научное путешествие. В течение долгих восьми лет, поведенных в землях, мало известных тогда не только Европе, но и самому российскому государству, Д. Г. Мессершмидт осуществлял наблюдения и исследования в

самых разных областях знаний, накопив ценнейший, остро востребованный последователями научный багаж, и сам сформировался как истинный ученый-энциклопедист — в полном соответствии с тенденциями науки XVIII в.

В соответствии с полученным образованием¹ и далеко не в последнюю очередь благодаря научному окружению в родном Данциге (Zenkevich, Basargina 2023), куда ученый вернулся, получив степень доктора медицины в Галле, главные научные интересы Д. Г. Мессершмидта были сконцентрированы на естествознании, прежде всего — на зоологии (Smirnov 2022; с предшествующей литературой по теме). Особое внимание путешественника было обращено на орнитологию, отражением чего является обширная рукопись, получившая авторское название «Ornithologicon Sibiriae». Рукопись содержала 225 подробных и детальных описаний птиц, встретившихся Д. Г. Мессершмидту во время его путешествия в период с июня 1720 г. по май 1725 г.² Рукопись имеет сквозную нумерацию описаний, а также сквозную авторскую пагинацию; самим Д. Г. Мессершмидтом текст был сформирован в десять томов (сохранилось девять из них; восьмой том был утерян еще в XIX в.; в сохранившихся томах имеются лакуны — отсутствуют листы с описаниями нескольких видов)³.

Одной из особенностей зоологических трудов того времени было включение в описание вида номенклатуры, представленной у других исследователей. Д. Г. Мессершмидт не отходил от принятой практики и каждое описание начинал с перечисления всех известных ему наименований вида,

¹ Медицинское образование, сопряженное с возможностью знакомства с научными методами ведущих европейских естествоиспытателей, Д. Г. Мессершмидт получил в университетах Йены и Галле: (Lehfeldt 2019: 20–22; Lehfeldt 2023: 35–49).

² О содержании этой рукописи Д. Г. Мессершмидта см. (Jahn 1989).

³ Различные тома получали свои уточняющие названия: «Ornithologicon Sibiriae & adjacentium. Volumen 2», «Ornithologicon Sibiriae Russico-Tattaricae. Volumen 6», «Ornithologicon Sibiriae Tattarico-Russicae. Volumen 7». Графическое оформление названий последних двух томов «Ornithologicōn Sibiriae-Tattarico Russicae Volumen 9», «Ornithologicōn Sibiriae-Tattaro-Russicae Volumen 10» подчеркивает грамматическую форму (*genetivus pluralis*) первого титульного слова и заставляет отказаться от точки перед «Volumen». Рукопись хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8–16).

встретившихся в работах предшественников. Подобные «номенклатурные экскурсы» позволяли отразить историю изучения вопроса, которая у Д. Г. Мессершмидта нередко уходила своими корнями в античность – к текстам Аристотеля («*Περὶ τὰ ζῷα ἰστορία*»), Гесихия, Плиния Старшего («*Historia naturalis*»), а порой и их предшественников⁴. При каждом наименовании находим ссылку на соответствующего автора. Следующий блок лексики, имеющийся в вводной части описания, — это наименования вида на новых европейских языках, также заимствованные из трудов предшественников. Таким образом, в совокупности эта информация формирует своеобразный словник естественнонаучной терминологии на латинском и древнегреческом языке от античности до нового времени, а также на национальных языках авторов — ведущих авторитетов в области естествознания к началу XVIII в.⁵

В рассматриваемой рукописи представлена только орнитологическая номенклатура, при этом в ограниченном объеме — названия видов, которые путешественнику удалось анатомически изучить в Сибири. В расширенном виде это терминологическое поле находим в другой важной рукописи Д. Г. Мессершмидта, составленной в форме итогового отчета и содержащей основные результаты восьмилетнего путешествия, которая получила название «*Sibiria perlustrata*»⁶. Здесь дано 149 описаний (и, соответственно, номенклатурных подборок) из области минералогии, 1290 — из области ботаники, 257 — из области зоологии. А. А. Сизова выделила 14 (без латинского и древнегреческого) индоевропейских языков (и диалектов), на которых даны названия упоминаемых в рукописи видов (Sizova 2022), в их числе — национальные языки европейских естествоиспытателей нового времени: английский, немецкий, итальянский, испанский.

⁴ Единожды (при описании скопы) встречается ссылка на поэтический текст – «Метаморфозы» Овидия (см. описание под № 143).

⁵ Перечень авторов, на которых Д. Г. Мессершмидт ссылается в своих описаниях, с библиографическими сведениями об их трудах и вариантах сокращенных обозначений их имен и названий сочинений, применявшихся Д. Г. Мессершмидтом, подготовлен С. И. Зенкевич с коллегами (Zenkevich, Basargina, Sizova 2022).

⁶ Оригинал рукописи хранится в СПбФ РАН (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 22); в 2020 г. было предпринято ее факсимильное издание (Messerschmidt 2020).

Вместе с тем номенклатурные подборки Д. Г. Мессершмидта имеют существенное отличие от тех, что можно было к тому времени встретить в трудах европейских авторов: Д. Г. Мессершмидт расширил перечни за счет лексики тех языков, с носителями которых он встретился на протяжении своего путешествия. Так, в научный оборот начала вводится номенклатура на русском языке и языках коренного населения Сибири, благодаря чему предшествовавшие описанию вида номенклатурные введения Д. Г. Мессершмидта стали отражать не только историю изучения вида, но и географию его распространения. Эту практику через полвека переймет Петр Симон Паллас (*Peter Simon Pallas*; 1741–1811) — в определенном смысле последователь Д. Г. Мессершмидта, посетивший и исследовавший многие из тех территорий, на которых до него побывал Д. Г. Мессершмидт, и внимательно изучивший и частично опубликовавший рукописное наследие своего предшественника (Pallas 1782).

Фиксируя в максимальном объеме доступную ему естественнонаучную лексику, Д. Г. Мессершмидт, конечно, принимал во внимание, что подобные номенклатурные подборки отражают географию распространения вида, однако подпитывать усилия по сбору лексического материала должны были и собственно лингвистические интересы ученого. Сибирское путешествие сформировало Д. Г. Мессершмидта в том числе и как исследователя языков, как собирателя лексического материала (Bondar 2022a; 2023). В ряде случаев он был в числе «первопроходцев», что неоднократно отмечали современные исследователи⁷. Нам в основном известна методика сбора Д. Г. Мессершмидтом лексического материала; имеющиеся в нашем распоряжении факты свидетельствуют о том, что наряду с фиксацией языкового материала самой широкой семантики, ученый осуществлял также целенаправленный сбор лексики из области ботаники и зоологии, прилагая особые усилия к выявлению и фиксации орнитологической терминологии (Bondar, Zorin 2022). Таким образом, в этих занятиях путешественника переплелись его лингвистические и естественнонаучные интересы.

Если в «*Sibiria perlustrata*» мы находим номенклатурные подборки в их итоговом, сформировавшемся виде, то в «Орнитологиконе» можно в определенной степени проследить после-

⁷ Историографию этого вопроса см. (Bondar 2022b: 47–49).

довательность складывания содержащегося в нем номенклатурного лексикона. Это становится возможным благодаря тому, что в рукописи часто хорошо определены записи, добавленные в более позднее время.

В качестве приложения к настоящей статье публикуется полная подборка номенклатурных введений ко всем сохранившимся описаниям «Орнитологикона» с указанием его порядкового номера в рукописи, а также указанной автором даты записи. Перечни даны сплошным списком, без разбивки на тома. Сохранены все авторские сокращения и орфография, в том числе, употребление заглавной и строчной буквы в начале слова, а также написание печатного варианта «юса малого йотированного» (для передачи лексемы «Ястреб» — №№ 12, 113). Единственная корректировка орфографии касается «ь» и «ъ» в кириллических записях; на письме у Д. Г. Мессершмидта не заметна разница между этими знаками, и сложно сказать, насколько он различал эти графемы и их употребление⁸; в публикации эти графемы употреблены в соответствии с нормами русской орфографии. Пунктуация унифицирована: наименования, принадлежащие разным авторам и разным языкам, отделены друг от друга точкой с запятой⁹; слова одного языка — запятой. Для облегчения восприятия информации имена авторов (в том числе «Nobis», указывающее на наименование, данное самим Д. Г. Мессершмидтом) и названия языков выделены жирным шрифтом¹⁰. Записи, сделанные позднее над или под строкой, выделены подчеркиванием. Авторские зачеркивания сохранены как отражение работы Д. Г. Мессершмидта по идентификации вида, иногда — восприятию фонетической формы слова. Авторские подчеркивания не отражены; часто подчеркиванием Д. Г. Мессершмидт обозначал

⁸ Отметим, что в ряде записей конечный «ъ» отсутствует: см. № 44, 151.

⁹ Исключение — запись фраз, передающих предположения автора, завершающихся знаком вопроса, вроде «An-Cornix Willughbeji; Anglis the Common Crow?» («Возможно, *Cornix* у Виллоуби; по-английски — *the Common Crow?*»). Такие конструкции передаются как самостоятельные предложения.

¹⁰ Раскрытие сокращений в именах авторов, на которых ссылается Д. Г. Мессершмидт, и в названиях языков можно найти в перечнях (Zenkevich, Basargina, Sizova 2022; Sizova 2022). Часто встречающимся сокращением из области зоологической терминологии является «Mas.» — для «Masculus» в значении ‘самец’.

этноним (название языка), но единая система в этом отсутствует. Курсивом выделены лексемы германских языков, записанные в документе куррентом (в том числе, в тех случаях, когда куррентом передана только концовка заимствованного слова: «*Davurische*»). В большинстве случаев при передаче лексем русского языка и языков местных сибирских народов в авторском тексте проставлена акцентуация; при этом Д. Г. Мессершмидт пользуется знаками тупого или острого ударения. Система использования Д. Г. Мессершмидтом того или иного знака ударения (если таковая была) не очевидна; эти различия при публикации сохраняются. Лексемы, записанные графикой восточных языков (иврит, старомонгольское письмо, тибетское, индийское), размещены картинкой: специалистам они могут быть интересны именно в оригинальном написании¹¹.

Научный интерес представляют разные аспекты публикуемого перечня из «Орнитологикона»: научная латинская номенклатура нового времени, зоологическая лексика античных авторов, образцы зоологической лексики XVIII в. отдельных языков и диалектов, — все это может стать объектом специальных самостоятельных исследований. Отдельного внимания заслуживает языковой материал, полученный Д. Г. Мессершмидтом от местного населения Сибири; в том числе, работа путешественника с русской лексикой.

Первая запись рукописи датирована 16 июня 1720 г. и была составлена, в соответствии с отметкой самого автора, в Тобольске — месте своей первой длительной сибирской остановки. Следующая сохранившаяся запись, имеющая порядковый номер 5 (три записи под №№ 2–4 в рукописи отсутствуют) была сделана 29 июня 1720 г. Это время, когда Д. Г. Мессершмидт предпринял непродолжительную (в течение чуть более шести месяцев) поездку, отправившись из Тобольска по рекам Тобол и Исеть до Каменского железоделательного завода и вернувшись обратно в сибирскую столицу (Novlanskaya 1970: 17–19; Lehfeldt 2023: 127–134). В этой поездке (как и большую часть всего времени пребывания в Сибири) ученый был лишен спутников из числа коллег-исследователей; путешественника

¹¹ Об особенностях восточной графики Д. Г. Мессершмидта см. комментарии: А. В. Зорина (Zorin 2022: 224–226) — тибетское письмо, А. А. Сизовой (Sizova 2022b: 29) — старомонгольское письмо, В. П. Иванова (Zorin, Ivanov 2023) — индийское письмо, Е. М. Белкиной (Sizova etc. (ed.) 2022a; 2022b) — иврит.

сопровождали лишь слуги, обслуживавшие его быт и выполнявшие разного рода техническую экспедиционную работу (Chivtaev 2021). В связи с этим номенклатурные сведения Д. Г. Мессершмидт черпал, главным образом, из имевшейся у него с собой в путешествии литературы¹². Так, латинское наименование вида из описания под № 5 было указано в соответствии с номенклатурой Ф. Виллоуби (Willughby 1676: 262). Из этой же работы Д. Г. Мессершмидт получил английское название; немецкое было, очевидно, дано им самим. Единственным вновь полученным наименованием в этой записи оказывается русское.

Русскоязычная лексика присутствует практически в каждом описании; она зафиксирована двумя графическими способами: кириллицей и латиницей. Нет однозначного понимания того, как Д. Г. Мессершмидт работал с русскоязычной лексикой. Как известно и как доказательно продемонстрировал В. Лефельдт, немецкий путешественник русского языка не знал: он не мог говорить по-русски и не понимал (или лишь в самой незначительной степени понимал) устную речь. Незаменимым помощником ему в этом отношении был его слуга, охотник и переводчик Петер Кратц. При этом смысл письменных текстов формального характера после некоторого времени пребывания в Сибири стал Д. Г. Мессершмидту в значительной степени доступным (Lehfeldt 2023: 329–350).

Между тем нет сомнений в том, что Д. Г. Мессершмидт всецело освоил кириллическую графику. Отдельные лексемы, переданные кириллицей, регулярно встречаются в записях путешественника; мы располагаем также довольно объемными кириллическими текстами, скопированными Д. Г. Мессершмидтом собственноручно¹³. Мы можем уверенно говорить о том, что Д. Г. Мессершмидт довольно легко осваивал новые графические системы. Еще до приезда в Россию он, помимо «родного» немецкого куррента и латиницы, владел графикой греческого языка и иврита. Пребывая в Сибири, путешествен-

¹² О составе походной библиотеки Д. Г. Мессершмидта см. (Basargina, Zenkevich 2022; Knüppel, Lehfeldt 2023).

¹³ Как, например, текст именного указа Петра Великого от 15 ноября 1718 г. об отправке Д. Г. Мессершмидта в сибирское путешествие, который он поместил в вводной части своей «Sibiria perlustrata» (Messerschmidt 2020: 6).

ник освоил сложную старомонгольскую систему письма¹⁴, тибетскую (Zorin 2022) и индийскую (Zorin, Ivanov 2023). Таким образом, кириллица была одной из изученных Д. Г. Мессершмидтом графических систем, значительно более простой по сравнению с восточным письмом¹⁵.

Так, в большинстве «номенклатурных введений» в «Орнитологиконе» Д. Г. Мессершмидт помещает русское название вида, при этом в подавляющем числе случаев лексема записывается кириллицей и сопровождается транскрипцией в латинской графике¹⁶. По образцам транскрибированной русской лексики, в большом количестве сохранившимся в бумагах Д. Г. Мессершмидта, легко заметить, что система транскрипции не была абсолютно устойчивой.

В. Лефельдт проанализировал один документ, в языковом отношении сходный с рассматриваемым нами. Речь идет об орнитологическом перечне из 52 позиций, являющемся приложением к V рапорту, отправленному Д. Г. Мессершмидтом в Петербург из Каменского 2 ноября 1720 г. (Basargina, Lehfeldt, Mayer (ed.) 2022; Lehfeldt, Bondar 2022: 33–34; Lehfeldt 2023: 573–577). В целом, структура каждой позиции этого перечня аналогична структуре рассматриваемых нами номенклатурных введений. Анализ этого документа позволил В. Лефельдту обнаружить устойчивые закономерности пере-

¹⁴ Возможно, владение этим письмом пришло к Д. Г. Мессершмидту не сразу — такие наблюдения сделала А. А. Сизова (Sizova 2021: 337).

¹⁵ Есть свидетельство о том, что Д. Г. Мессершмидт предпринимал попытки изучить и глаголическое письмо: сохранился небольшой документ — фрагмент евангелического текста, записанный глаголицей (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 39: 60–60 v.; Zorin et al. 2023: 259).

¹⁶ В ряде позиций не представлены русскоязычные названия (очевидно, как неизвестные местному русскоязычному населению), при этом могут быть даны названия на языках других местных народов. В ряде случаев подобные записи относятся к неописанным ранее видам. Не содержат русскоязычных эквивалентов позиции под номерами: 50, 73, 75, 77, 78, 83, 92, 94, 95, 97, 100, 101, 102, 107, 118, 121, 122, 127, 130, 131, 132, 139, 142, 145, 146, 147, 148, 150, 153, 154, 155, 156, 158, 161, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 174, 176, 179, 202, 205, 210, 214, 219, 221, 222, 223, 225. В нескольких случаях отсутствует латинская транскрипция: №№ 15, 51 (*Желна Чёрная*; при этом в более ранней записи под № 46 латинская транскрипция для этого названия имеется), 59, 125, 136. В нескольких случаях отсутствует кириллический вариант: №№ 36, 167, 175.

дачи фонетической системы русскоязычных лексем. Специальные наблюдения касались передачи графем «ч», «ц», «ш», «я», «ы», «з», «с». При этом В. Лефельдт отмечает, что «Мессершмидт стремился закрепить звуковые представления, которые он связывал с кириллическими буквами, появляющимися в каждом конкретном случае в определенном положении. Механический процесс транслитерации, при котором каждой букве кириллицы соответствовал бы присвоенный только ей латинский символ, он, по-видимому, не использовал» (Lehfeldt 2023: 343–344).

Вместе с тем, строгие закономерности, которые удалось обнаружить на примере документа, составленного в ограниченный временной промежуток, нарушаются, когда мы анализируем записи, производившиеся на протяжении нескольких лет. Очевидно, что на протяжении лет исследователь находился в процессе поиска оптимальной системы транскрипции и совершенствовал ее.

Лишь несколько кириллических графем, передающих фонемы, которые могли вызвать затруднение у Д. Г. Мессершмидта, имеют устойчивые латинские соответствия по всей рукописи. Так, «ш» во всех случаях, в любой позиции в слове передана как «sch»¹⁷ (№№ 6, 26, 42, 44, 45, 84, 103, 108, 116, 119, 134, 171): *Мартышка* — *Martischka*, *Кукуша* — *Kukscha*, *Барашекъ* — *Baraschék*¹⁸. «Х» — как «ch» (№№ 37, 38, 63, 167, 175, 180, 211, 215): *Глухарь* — *Gluchar*, *Остроуховость* — *Ostro-Chwost*, *Степной Петухъ* — *Stepnoi-Petuch*. Встретившаяся в одной лексеме (повторенной дважды) «ѣ» передана через «x»: *Соѣзунъ* — *Soxun*, *Ssoxun* (№№ 33, 206).

Никак не передается наличие «ь» (№№ 16, 21, 25, 29, 31, 39, 59, 63, 126, 129, 144, 152, 167, 171, 175, 180, 220, 224): *Крохаль* — *Krochal*, *Селезень* — *Selesen*, *Глухарь* — *Gluchar*, *Голубь* — *Golub*, *Лебедь* — *Lebed*, *Гусь* — *Guss*. Характерно, что «ю», встречающаяся в «Орнитологиконе» только в постконсонантной позиции, передается всегда через «u» (хотя не во всех случаях мы имеем возможность судить о том, в какой фонетической форме Д. Г. Мессершмидту была представлена

¹⁷ Это касается также и этнонимов (*Baschkiro-Tattares*).

¹⁸ В записях лексики, полученной от местного населения, Д. Г. Мессершмидт практически всегда обозначал акцентуацию; знаки акцентуации сохранены в публикуемом в приложении перечне, но для облегчения текста не представлены в приводимых ниже примерах.

эта лексика) (№№ 98, 129, 152, 157, 172, 173): *Чюрилко*¹⁹ — *Zurilko*, *Люнь* — *Lunn*, *Lun*, *Канюкъ* — *Kanuk*, *Каписк*, *Чюгайка* — *Czugaika*.

В целом, устойчивой можно считать передачу «й» как «i» в любой позиции (№№ 25, 27, 31, 41, 46, 48, 80, 91, 99, 114, 144, 167, 175, 215, 220): *Каменный Воробей* — *Katennii Worobei*, *Дикый Голубь* — *Dikyi-Golub*, *Врабій* — *Wrabii*, *Норовой* — *Norowoi*, *Чайка* — *Czaika*. Дважды (в разное время) появляется вариант написания латинской графемы как «i»: *Соловей* — *Soloweï* (№ 93), *Чюгайка* — *Czugaika* (№ 173).

«з» во всех случаях передается как «s» (№№ 28, 29, 31, 34, 38, 48, 81, 114, 141, 203): *Зуекъ* — *Suek*; *Казарка* — *Kasarka*; *Зеленой* — *Selenoi*. В первых записях также и «с» передавалась через «s»²⁰ (№№ 12, 19, 29, 33, 37, 38, 42, 43, 44, 47, 54, 57, 60, 68, 84, 93, 104, 105, 111, 113, 124, 149)²¹: *Селезниха* — *Selesnicha*, *Краснопестрой* — *Krasnopestroi*; *Сова* — *Sowa*; *Трясогуска* — *Træsoguska*. Система меняется с описания под № 133, сделанного 3 июня 1722 г.: «Стрѣжь (Sstrish)». В этой записи и далее (№№ 143, 144, 162, 163, 203)²² на месте «с» стоит двойная «ss» во всех позициях: *Сова* — *Ssobha*; *Косатая-Селезень* — *Kossataa-Sselesen*, *Плутонось* — *Plutonoss*, *Гусь Норовой* — *Guss-Norowoi*. Двойная «ss» дважды встречается и среди самых ранних записей: *Сорока* — *Ssoroka* (№ 8) и *Гусь* — *Guss* (№ 25). Объяснение этого можно гипотетически искать в предположении, что в этих случаях русский эквивалент был дописан позднее: эти лексемы помещены в конце записи²³. Вместе с тем и в более ранних, и в позднейших записях сочетание «с» со смычным «т» передано через «st» (по

¹⁹ В. И. Далем зафиксирована форма «чурилка» (козодой, *Copri-mulgus*) (Dal 1909: 1379).

²⁰ В документе, рассмотренном В. Лефельдтом, передача «с» через «s» отмечена во всех случаях (Lehfeldt 2023: 345).

²¹ При этом в девяти случаях (№№ 12, 37, 42, 43, 44, 54, 60, 104, 113) — это употребление «с» перед смычным «т» (о подобных случаях см. ниже, в этом же абзаце).

²² Под № 149 в сочетании «ск» по-прежнему употреблена одинарная «s»: *Лыска* — *Lÿska*, в то время как под № 163 в аналогичной позиции — «ss»: *Бьлогуска* — *Bielogusska*.

²³ В указателе к первому тому «Орнитологикона» и в сводном указателе к первым четырем томам (см. об этом ниже) написание то же — «Guss», но «Soroka» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 78, 79; Fl. 11: 172 v.).

аналогии с немецким диграфом) (№№ 12, 37, 42, 43, 44, 54, 60, 104, 113, 163, 215): *Ласточка Бьлогуска* — *Lastoczka Bielogusska*, *Степной Петухъ* — *Stepnoi-Petuch*, *Степная Курица* — *Stepnae Kuritzä*; исключение — № 133: *Стрижь* — *Sstrish*. Передача «с» в русских лексемах через «ss» характерна и для дневниковых записей Д. Г. Мессершмидта. Так, в записях, сделанных зимой 1723/24 г. в Иркутске встречаем следующие примеры: *приказ* — *Pricass* и *указ* — *Ouckass* (отражение оглушения на конце слова), *Носков* — *Nosskow*, *написан* — *napissan*, *рыси* — *Rÿssi* и др. (Chivnaev, Bondar (ed.) 2021). Отметим, что топоним «Исеть» Д. Г. Мессершмидтом всегда передавался как «Isset»: и в «Орнитологиконе» (№ 136; запись за 13 июня 1722 г.), и в дневнике, и в тексте описания маршрута, названном «Hodogeticum» (Messerschmidt 2020: 16–55 v.), и на ранней карте Д. Г. Мессершмидта, показывающей эту реку и датированной 1 ноября 1720 г. (SPbB ARAS. F. 98. L. 2. Fl. 8: 1).

Нет постоянного соответствия и для ряда других графем. Первоначально для графемы «в» использовалось устойчивое соответствие — «w» (№№ 9, 10, 27, 30, 36, 37, 41, 53, 57, 71, 80, 82, 85, 91, 96, 93, 96, 117, 144): *Воробей* — *Worobei*, *Сова* — *Sowa*, *Острохвость* — *Ostro-Chwost*, *Врань* — *Wran*. В то же время перед глухими согласными, в соответствии с произношением, передано через «f» (87, 103, 116, 119): *Кедровка* — *Kedrofka*. Лишь единожды, в более поздних записях, с «усовершенствованной» системой транскрипции, встретила передача «в» через «bh»: *Сова* — *Ssobha* (№ 162). Вместе с тем в более поздних дневниковых записях именно такой способ передачи был у Д. Г. Мессершмидта приоритетным: *Гаврила* — *Gabhrila*, *Христовая падь* — *Christobhaae-pad*, *Третьяков* — *Tretiakobh*, *зимовья* — *Simobhia* и др. (Chivnaev, Bondar (ed.) 2021)²⁴. Здесь можно было бы усмотреть попытку отражения парности «в» — «ф», однако на примере рассматриваемого документа сложно делать уверенные выводы; в «Орнитологиконе» необходимость передачи «ф» возникла дважды, и Д. Г. Мессершмидтом были предложены разные способы: *Филинь* — *Tfhilin* (№ 57)²⁵, *Турфань* (правильно: «турпан») — *Turpfan* (№ 144). Для понимания восприятия исследователем

²⁴ Ср. запись топонимов в «Hodogeticum», оформленном после завершения экспедиции в 1727 г. (Messerschmidt 2020: 16–55 v.).

²⁵ В сводном указателе к первым четырем томам — «Filin» и «Thfilin» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 72, 74).

звукового образа «ф» необходим больший объем материала. В частности, для сравнения можно обратиться к упомянутому выше документу 1720 г., в который включен вид «выпь». Помимо перечня, записанного рукой Д. Г. Мессершмидта (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 58–65 v.), в отдельном архивном деле имеется второй вариант этого списка, в котором кириллица записана, как кажется, другой рукой (писавший в ряде случаев пользовался отличными способами передачи кириллических графем) (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 24; Lehfeldt, Bondar 2022: 33–36). Во втором документе название вида записано через «фиту» — «Фыпь»; в первом документе поверх первой, плохо читаемой буквы (похожей на «Ө») написана «В». Передача латиницей в этих двух документах различается: в первом — «Fhÿp» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 58 v.), во втором — «Phÿp» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 24: 2).

В одном слове, повторенном в «Орнитологиконе» дважды, встречается «ижица» — №№ 7 и 106: *Авдомка* — *Afdotka*. Для сравнения: в перечне 1720 г., записанном рукой Д. Г. Мессершмидта, второй буквой также является «ижица»: *Авдомка* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 58 v.); во втором документе — «фита»: *Авдомъка* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 24: 2); транскрипция латиницей во всех случаях идентична — *Afdotka*.

Трижды встретившаяся «ѣ» передана по-разному: через «е» (№ 131: *Крѣчетъ* — *Kreczet*), через «ie» (№ 163: *Ласточка Бѣлогуска* — *Lastoczka Bielogusska*)²⁶. Лексема «Снѣтирь» [sic!] (№ 76) не имеет латинской транскрипции, но ее можно найти в сводном указателе к четвертому тому рукописи (см. об этом ниже) — «Snétir» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75 v.).

Для «ы» В. Лефельдт в рассмотренном им документе выводит следующую закономерность: в ударном слоге и в окончании «-ый» она передается как «ÿ», в безударном слоге после «ж» — как «i» (Lehfeldt 2023: 345). В «Орнитологиконе» эта закономерность нарушена. В ударном слоге встречается как «ÿ» (№№ 47, 96), так и «i» (№ 6); аналогично — в окончании «-ый» (№ 54 — «ÿ», №№ 25, 91 — «i»). Отметим, что в этом случае Д. Г. Мессершмидт использовал графему, отличную от «ÿ»: точки вытянуты, напоминая скорее штрихи; при публикации перечня из «Орнитологикона» была сохранена эта особенность, и использовался знак «ÿ». В слове «Мышиловка»,

²⁶ Отметим, что эти две записи сделаны с интервалом чуть больше года.

записанном трижды (№№ 103, 116, 119), в безударном слоге находим «ü» (*Müschilofka*), в слове «Нырокъ» (№ 35) — «ui» (*Nuirock*). В более поздних записях устанавливается система передачи «ы» через «ÿ»: *Лыска — Lÿska, Дикый Голубь — Dikÿi-Golub* (№№ 149, 220). К этому же варианту Д. Г. Мессершмидт прибегает в дневнике (*сын — sÿn, выписка — Wÿpischka, рыси — Rÿssi* и др.), хотя та же латинская графема в дневнике может соответствовать кириллическим «и» и «й» (Chivtaev, Bondar (ed.) 2021). В «Орнитологиконе» единожды встретилась передача «и» через «у»: *Куликъ — Kulyk* (№ 137).

В целом, устойчива передача «я» как «æ» — и в постконсонантной позиции (№№ 41, 48, 84, 114, 151, 204)²⁷, и в поствокальной (№№ 46, 215): *Водяной Воробей — Wodænoi Worobei*²⁸, *Желна Черная — Dselna Czernæe, Цапля — Tzaplæ*. Параллельно встречается передача окончания «-ая» как «-aa» (№№ 84, 171, 203): *Большая Чайка — Bolschaa Czaika*. При этом начальная «Я» («ĬA») в дважды встречающемся слове «Ястребъ» (№ 12, 113) передается через «Ja»²⁹ — *Jastreb*³⁰. Транскрипция отражает также йотированные гласные в середине слова: *Зуекъ — Sujek* (№ 23), *Ауст — Ajist* (№ 60); при этом в слове «Езерной» эта особенность Д. Г. Мессершмидтом не отмечена: *Гоголь Езерной — Gogol Esernoi* (№ 31). Характерна также передача лексем, содержащих в современном языке «ё». При неупотреблении этой графемы на письме мы имеем дело с

²⁷ Передача лексемы «Дятелекъ» в № 43 как «Dételek», возможно, является опiskeй, так как в сводном указателе к первым четверем томам (см. об этом ниже) для этого номера предлагается русское название «Dætèlèk» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 72).

²⁸ Следует обратить внимание на передачу этого названия в указателе в четвертом томе (см. об этом ниже) как «Wodænoi Worobei» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 76 v.). Скорее всего, следует предполагать, что мы имеем дело скорее с опiskeй, чем с передачей фонетической формы, полученной от информанта. Косвенно подтверждает эту мысль передача того же названия в указателе во втором томе как «Wodænoi Worobæi» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 9: 78 v.).

²⁹ У Д. Г. Мессершмидта не различаются заглавные «I» и «J», стиль написания этой графемы соответствует «J».

³⁰ Во втором случае (№ 113), очевидно, в соответствии с записанным Д. Г. Мессершмидтом русским эквивалентом с постановкой знаков придыхания и акцентуации над «ĬA» эти же знаки поставлены в транскрипции: Jästreb. Та же передача — в указателе к первому тому (см. об этом ниже), к № 12: «Jástrèb» (с двумя знаками акцентуации).

соответствующей передачей латиницей (№ 46, 48, 72, 138, 141, 177): *Зеленой Дятель* — *Selenoi Dætēl*, *Перепелка* — *Perēpelka*, *Орель* — *Orel*³¹.

В отношении «к» изначально наблюдается единообразие в ее передаче в любой позиции как «к»: *Кривокъ* — *Kriwok*, *Колпица* — *Kolpitzā*, *Сорока* — *Soroka*, *Бакланъ* — *Baklan*. В более поздних записях конечная «к» передана через «ск»³²: *Щоглокъ* — *sTschoglock* (№ 112), *Жаворонокъ* — *DSaworonneck* (№ 117), *Щегленокъ* — *Stscheglenock* (№ 120), *Рябок* — *Ræbock* (№ 151), *Канюкъ* — *Kanuck* (№ 172) (ср.: *Koptschick* — № [89])³³. Характерна транскрипция русской лексемы «Скопа», записанной дважды (№№ 111, 143); в обоих случаях «к» передана через «с» (*Scora*, *Sscora*)³⁴, что могло произойти, в частности, под влиянием упоминаемой Д. Г. Мессершмидтом лексемы «Scops» (№ 157) или даже латинского «scora» ('прут'). В других случаях (всего три примера) «ск» передано как «sk/ssk»: *Трясогуска* — *Træsoguska* (№ 84), *Лыска* — *Lÿska* (№ 149), *Бѣлогуска* — *Bielogusska* (№ 163). Один раз в «Орнитологиконе» встречается буквосочетание «скв» — в слове «Скворецъ», вариант транскрипции которого возник определенно под влиянием латыни: *Sqvoretz* (№ 69). В записи № 34, где также

³¹ Ср. при этом транскрипцию в записи под № 1 — «Czörne», а также «Crasna-Czöernaæ» (для № 2) и «Czöernaæ» (для № [1]) — в указателе к первому тому (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 77 v.), а также «Tschörnæ» — в указателе в четвертом томе (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 76).

³² Под № 105 для «Писдик» в рукописи предложен вариант «Pisdrik», в то время как в указателе к этому тому — «Pisdrick» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 74 v.); в записи № 59 латинская транскрипция для «Полникъ» отсутствует, в указателе к четвертому тому — «Polnick» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 74 v.); в записи № 24 — «Tschirok», в указателе в четвертом томе — «Tschirock(a?)» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 76).

³³ Для «Лутокъ», переданном в записях № 35 и 40, в сводном указателе к первым четверем томам (см. об этом ниже) предложена форма «Lutock» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 71, 74). Имеющаяся там же форма «Kuckscha» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 73 v.), в отличие от передачи «Kukscha» в номенклатурном введении к описанию (№ 45), могла возникнуть ошибочно, под влиянием записанного строчкой выше татарского «Kucktugèsch». Вместе с тем здесь же находим «Sogоска» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75 v.).

³⁴ Так же — в сводном указателе к первым четверем томам (см. об этом ниже): «Scора» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75).

можно предполагать влияние латинской орфографии на передачу начальной «к»: *Казарка* — *Casarka*.

В связи с этим необходимо отметить, что в конце каждого тома «Орнитологикона» Д. Г. Мессершмидт разместил «Index» (о чем уже неоднократно упоминалось выше) — алфавитный указатель представленных в томе наименований видов, переданных латиницей, куррентом и греческим письмом; лексемы, записанные графическими средствами восточных языков и кириллицей, в указателе отсутствуют³⁵. Следует полагать, что индекс предназначался для использования его европейскими учеными. Передача в указателе «Casarca» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 77) аналогична той, которую находим в рукописи при описании этого вида (№ 34). При этом транскрибированной лексеме «Kolp, Kolpitz» (№ 11) в указателе соответствует «Colp, Colpitz» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 77; Fl. 9: 73 v.; Fl. 11: 71 v.) и одновременно — «Kolp & Kolpiza» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 73 v.). Также через «с» в указателе передана русская «к», которая в рукописи, в указанных выше примерах передана через «к»; это лексемы «Cřiwòck» (ср. № 10), «Cročàl» (ср. № 21), «Cusnetzik» (ср. № 22)³⁶. Вероятно, при передаче этих лексем автор пытался (осознанно или нет) придать словам форму, приближенную к латинской, более привычной европейскому читателю. При этом в неначальной

³⁵ Исключение составляет единственное слово — «Авдòтка» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 9: 72 v.). Примечательно, что латинская транскрипция отдельных русских слов в указателе отлична от той, что представлена в самой рукописи. Так, транскрипция для «Авдотка» (в одном случае без кириллического эквивалента, в другом с кириллической записью «'Авдòтка») — *Awdotka* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 76 v.; Fl. 9: 72 v.; то же — в указателе к четырем томам: Fl. 11: 71). В настоящем анализе примеры из указателя будут приводиться лишь в том случае, если способ транскрипции отличен от того, к которому Д. Г. Мессершмидт прибегал в номенклатурных введениях к описаниям.

³⁶ При этом в сводном указателе к первым четырем томам «восстанавливается» первоначальная форма: «Kriwóokii», «Kročàl», «Kusnetzick» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 73 v.).

позиции сохраняется «к», «ск»: «Criwòck», «Cusnetzik»³⁷, также «Lutok» (как и под № 35), «Martischkah»³⁸ (ср. № 6)³⁹.

Очевидную сложность для Д. Г. Мессершмидта представлял подбор звукового эквивалента для «ж», который идентифицировался им по-разному в зависимости от позиции в слове или, возможно, звуковой реализации информантами путешественника⁴⁰. При этом первая подобная лексема «Жерабль», записанная как «Sherabl» (№ 16), сопровождалась уточнением об обнаруженной Д. Г. Мессершмидтом фонетической параллели во французском языке: «Gallica pronunciatione *Jerable*»⁴¹. Далее исследователь пытался найти для этой фонемы графическое соответствие в латинице. В начале слова (независимо от вида следующего гласного) «ж» передана как «ds»: *Желна* — *Dselna* (№ 46), *женочка* — *Dsenotzka* (№ 54), *Жулань* — *Dsulan* (№

³⁷ Встречающееся в сводном указателе к четырем первым томам «Cusnetzick» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 72), очевидно, является опиской.

³⁸ Наличие «h» на конце слова — характерная особенность транскрибирования Д. Г. Мессершмидтом лексем, полученных от сибирского татарского населения; ср. в указателе к четвертому тому «Tschaikah» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 76).

³⁹ Ряд русских и татарских наименований вписаны в индекс позднее. В некоторых случаях в индексе указаны наименования, отсутствующие в записях внутри рукописи; так, в индексе обозначено, что немецкое «Fisch=Meewe» и шведское «Fisk=Mäcke» — эквиваленты не только для № 14, но и №№ 5 и 6. Во втором томе имеется сводный указатель для первых двух томов, в четвертом томе — сводный указатель для первых четырех томов. Начиная с пятого тома указатель содержит только перечень (в соответствии с порядковыми номерами) основных латинских наименований видов, описанных во всех предыдущих томах; в девятом томе — перечень видов из восьмого и девятого томов; в третьем томе дан перечень видом данного тома, страницы, имеющие заголовок «Index Alphabeticus polyglottos avium in tribus Voluminibus recensitarum», остались пустыми.

⁴⁰ Особенности речи информантов хорошо демонстрируют такие записи, как имеющееся в сводном указателе к четырем томам (в записи, к которой отсылает указатель, № 61, эта лексема отсутствует) «Schwistùn» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75).

⁴¹ Для этого номера, а также для № 17 в указателе к первому тому и в сводном указателе к четырем томам русское название предложено как «Sherable» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 79; Fl. 11: 75 v.).

61)⁴², *Плишка Желтая* — *Plischka Dseltaa* (№ 84), *Жаворонок* — *DSaworonneck* (начальная фонема передана двумя заглавными буквами) (№ 117). В двух лексемах (*Карагужь* и *Стрижь*) с конечной «ж» передача иная: при первом упоминании «Карагужь» передано как «Karaguss» (№ 65), в позднейших записях Д. Г. Мессершмидтом найден уникальный способ передачи «ж» как «sh»: *Karagush* (№ 128), *Strish* (№ 133).

Наиболее сложным был, возможно, вопрос звуковой идентификации и передачи «ч». Изначально в большинстве случаев был выбран кажущийся наиболее очевидным для немецкого ученого эквивалент — «tsch» (№ 5, 13, 14, 24, 72, 115): *Грачь* — *Gratsch*, *Чечетки* — *Tschetschetki*⁴³. Затем, начиная с записи № 43⁴⁴, появляется другое соответствие, закрепляющееся с № 131 (весна 1722 г.) — «ч» передается через «cz» во все позиции⁴⁵ (№ 43, 46, 99, 131, 135, 140, 141, 159, 163, 171, 173,

⁴² В сводном указателе первых четырех томов — «Shulàn», а также «Sulàn» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 79; Fl. 11: 75 v.), что, вероятно, является опiskой.

⁴³ Вариант «Tschetschetki» в сводном указателе в четвертом томе (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 76), очевидно, является опiskой.

⁴⁴ В этой записи (№ 43: *Чернопестрой* — *Czernopestroi*) «Cz» написано поверх другой графемы, прочитать которую не удалось.

⁴⁵ В первых трех записях (№№ 43, 46, 99) с помощью «cz» передается «ч» в начале слова: *Чернопестрой* — *Czernopestroi*, *Черная* — *Czernaе*, *Чайка* — *Czaika*. В указателе уже к первому тому, оканчивающемуся на записи № 36, для графемы «ч» в одних и тех же лексемах, в начальной позиции предложены три разных варианта: для №№ 5 и 14 — «Czàika», «Schaikah» и «Tschaiка»; для № 24 — «Cziròck», «Schirock» и «Tschirok» (в сводном указателе к первым четверем томам — «Schirocka») (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 77 v., 79 v.; Fl. 11: 75). В конечной позиции в указателе встречается только «tsch»: «Gratsch», для № 13 (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 78; Fl. 11: 72 v.). О времени записей в указателе точно судить нельзя; неизвестно, когда был составлен индекс (сразу по завершении тома или позднее); авторской пагинации в указателе не имеется, при том что de facto страницы индекса входят в общую авторскую нумерацию страниц: первая страница индекса первого тома имеет номер «160» (остальные не нумерованы), первая страница второго тома — «167», общее число страниц индекса первого тома — 7. При этом мы не знаем, когда автор проставил пагинацию: первую ссылку на конкретную страницу рукописи Д. Г. Мессершмидт дает в «Орнитологиконе» во втором томе, в записи № 52 за 31 октября 1720 г. В пользу того, что указатель к первому тому составлялся не сразу после его окончания, свидетель-

204): *Кръчетъ* — *Kreczet*, *Чирокъ* — *Czirok*, *Корчунъ* — *Korczun*, *Зуечікъ* — *Sueczik*, *Ласточка* — *Lastoczka*, *Чайка* — *Czaika*, *Чюгайка* — *Czugaika*, *Чапля* — *Czaplae*. Параллельно встречаются случаи использования для передачи «ч» диграфа «tz», который всегда применялся Д. Г. Мессершмидтом для передачи «ц»: *Синица* — *Sinitza*, *Перепелица* — *Perepelitza*, *Цапля* — *Tzaplae*, *Курица* — *Kuritza* (№№ 19, 138, 204, 215). В ранних частях «Орнитологикона» встречается аналогичная передача графемы «ч» (№№ 22, 47, 54): *Кузнецікъ* — *Kusnetzik*, *Сычъ* — *Sütz*, *Женочка* — *Dsenotzka*. В. Лефельдт отмечает эту практику (передачу «ч» аналогично тому, как передается «ц» — через «tz») как типичную для рассмотренного им документа. Параллельно в «Орнитологиконе» встречается запись через «z» в превокальной и конечной позиции в слове (№№ 64, 98, 105): *Пугачъ* — *Pugaz*, *Чюрилко* — *Zurilko*⁴⁶, *Пугалича* — *Pigaliza*⁴⁷. Отмечая практику идентичной передачи Д. Г. Мессершмидтом графем «ч» и «ц», В. Лефельдт подчеркивает, что в этих случаях Д. Г. Мессершмидт воспринимал «ч» как графему, отражающую два звука, и что в Сибири путешественник, очевидно, столкнулся феноменом цоканья — слияния постальвеолярного и альвеолярного аффриката в [ts] (Lehfeldt 2023: 344). Показательна в этом отношении запись русского названия вида под № 204: «(Чапля или Цапля) *Czaplae vel Tzaplae*», показывающая одновременно, что, по крайней мере со временем, разницу между «ч» и «ц» путешественник видел. Фонетический образ лексем всецело формировался у Д. Г. Мессершмидта его информантами, и это хорошо иллюстрирует запись под № 39, где вторая лексема термина «*Gógol Reschnói* (Гóголь Речнóй)» была

стует наличие в этом указателе ссылки на описание № 37, которым открывается второй том (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 78 v.). В любом случае индекс был составлен до времени окончания пятого тома: с этого тома у Д. Г. Мессершмидта, как указывалось выше, в индексе даны только основные латинские названия видов, прочие наименования не расписаны. Пятый том заканчивается записью № 137 за 14 июня 1722 г. Таким образом, передача посредством «cz» в указателе могла отражать как желание автора внешне «латинизировать» русское слово, так и переход на новый способ передачи русской «ч».

⁴⁶ При этом в указателе в четвертом томе, в котором и помещено описание этого вида (№ 112), — «*Tschurilko*» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 76).

⁴⁷ В приложении к V рапорту встречается один такой случай: *Мужычекъ* — *Mudsizek* (Lehfeldt 2023: 576).

позднее исправлена на «Rezchnói» — очевидно, после проверки материала через другого информанта⁴⁸. Уникальна передача под № 81: *Зуччикъ — Suetzschick*.

К проблеме восприятия «ч» у Д. Г. Мессершмидта примешивалось определение звуковой формы «щ». Так, в записи под № 112 «щ» изначально была передана как «ttsch» (*Щоглокъ — Ttschoglock*), но в этом случае мы можем предполагать некорректную запись этой лексемы (возможно, в связи с ошибкой информанта), поскольку зафиксированное название птицы «чоглок, чёглок, чоглик» (Dal 1904: 1356). Во втором случае употребления «щ» в записях «Орнитологикона» этой графеме присвоено специфическое соответствие — «stsch»: *Щегленокъ — Stscheglenock* (№ 120); и, возможно, следом в записи № 112 приписывается начальная «s»: *sTtschoglock*⁴⁹.

В целом, на примере даже столь ограниченного объема лексики можно констатировать факт постепенного складывания у Д. Г. Мессершмидта системы практической транскрипции русскоязычной лексики средствами латинской графики. Свидетельства определенной переоценки восприятия русской фонетики и смены систем транскрипции можем видеть в записях, относящихся к лету 1722 г.: в июне 1722 г. Д. Г. Мессершмидт начал передавать русскую «с» через «ss», в августе — «ы» через «j») (предшествующая запись, содержащая русскую «ы» датируется сентябрем 1721 г.); смена передачи «в» (с «w» на «bh») датируется мартом 1723 г., в июле 1722 г. использована еще «w». В своей транскрипции исследователь зачастую прибегал к средствам передачи фонем в родном, немецком языке (*w, sch, ck, tsch, ss, tz, ch, ja*), постепенно вводя новые буквосочетания (*cz, bh, stsch*); в единичных случаях можно предполагать влияние латинского (*Scopa, Sqvoretz, Casarka*). Отдельного внимания заслуживают указатели к первым четырем томам, в которых можно встретить альтернативные способы транскрипции, предложенные фактически синхронно. Это заставляет сделать осторожное предположение, что в то время

⁴⁸ Проверка полученных данных — часть методики Д. Г. Мессершмидта по собору языкового материала (Bondar, Zorin 2022: 1241). Ср. исправление «Щейка» на «Чейка» (№ 14).

⁴⁹ В указателе к четвертому тому, который завершается именно этой записью, № 112, передано как «Stschoglock» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75 v.), однако здесь же дальше — «Ttschoglock» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 76).

как для своих рабочих (лингвистических) целей Д. Г. Мессершмидт стремился разработать систему транскрипции русского языка, максимально приближенную к звучанию речи, то в указателях исследователь предлагал такие формы, которые были бы более привычными для восприятия европейскими учеными.

Как кажется, Д. Г. Мессершмидт старался сохранить при передаче графическую форму исходной русской лексемы. Так, например, в латинской транскрипции не нашла отражение редукция гласных: *Сорока* — *Ssoroka* (№ 8), *Воробей* — *Worobei* (№ 27), *Куропатка* — *Kuropatka* (№ 66) и т. д., — если только это не является показателем регионального оканья. Другой пример этого рода — сохранение в транскрипции удвоенных согласных: *Каменный Воробей* — *Kamennii Worobei* (№ 91). Или пример отсутствия оглушения согласного на конце слова: *Дроздь* — *Drosd* (№ 79) (ср., напротив: *Кедровка* — *Kedrofka* под № 87, *Мышиловка* — *Mÿschilofka/Mÿschiloffka* под № 103, 116, 119). Слово «Кедровка» передано в рукописи (№ 87) как «Kedrofka», в то время как в сводном указателе к первым четырем томам — как «Kedròwka» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 73).

«Орнитологикон» дает также материал для поиска ответа на поставленный В. Лефельдтом вопрос о том, что служило Д. Г. Мессершмидту образцом для кириллической записи русской лексики. В ряде случаев мы с большой долей уверенности можем говорить о том, что образцом служил печатный источник, как, например, при написании слова «*ЮАстрéбъ/ЮАстребъ*» (№ 12, 113), полностью передающем кириллическую печатную графику. С другой стороны, имеющиеся уточнения вроде «*Russorum in Sibiria*» заставляют думать о том, что соответствующая лексика была скопирована с записей, сделанных для путешественника сибирскими информантами. Пока не найдены свидетельства о том, мог ли слуга Д. Г. Мессершмидта, Петер Кратц, записывать для своего хозяина образцы русской лексики кириллицей.

Отметим также интерес Д. Г. Мессершмидта к вопросам этимологии и образования латинских калек от полученной иноязычной лексики (на шведском языке, языках местного сибирского населения и т. д.). Для русского языка примеры этого можно найти в следующих записях: «*Кривоо́кий (Kriwoókkii) Russorum, i.e. Strabo*» (№ 80), «*Жерепъчик <...> i. e. Hinnulus*» (№ 134), «*Ласточка Бѣлогýска (Lastoczka Bielogusska)*

i. e. *Hirundo Pyga*) (№ 163), «Глухárь (Gluchár, i.e. *Surdaster*)» (№ 167), «Глухárь малой (*Gluchár malóí*) sive *Surdaster minor*» (№ 175).

Для уточнения всех поставленных вопросов необходим более обширный лексический материал, который может быть получен из рукописи «*Sibiria perlustrata*», а прежде всего — из обширнейшего путевого дневника.

Приложение

Перечень номенклатурных введений из рукописи

Д. Г. Мессершмидта «*Ornithologicon Sibiriae*» (SPbB ARAS. F. 98.

L. 1. Fl. 8–16)

[1]⁵⁰ (16 июня 1720 г.). *Anas cirratus fuscus*; *Mergus ceratus minor* **Gesneri**; *Anas Fuligula prima Generiana* **Aldrovandi & Willughbeji**; *Querquedula cristata* sive *Colymbis Bellonii*, **Aldrovandi & Willughbeji**; *Capo negro Venetorum*; **Anglis** the tufted Duck; **Russis in Siberia** Czörne.

[2]⁵¹. *Anas-Fera fusca*; M.; *Anas Mugiens*; *Crasna-Czöernaæ* **Russ.**; *Turban* **Russ.**; Duck **Angl.**

3. *Mergus niger, max.*; M.; *Anas Mergus niger, maximus*; *Mergus anas, maximus*; *Cara-Urdeak* **Tatt.**; Duck **Angl.**

4. *Anas-Caudacuta*; M.; *Anas-Caudacuta vulgaris*; *Caudacuta vulgaris*; *Coda lancea* **Ital.**; *Colch-Küirock* **Tatt.**; *Cracker* **Angl.**; Duck **Angl.**; *Fisck=Änner* **Svec.**]

5 (29 июня 1720 г.). *Larus cinereus maximus* **Willughbeji**; the Herring-gul **Anglis**; **German** *See=Meewe*; **Russis in Siberia** dictus *Tschaika* (Щайка Чейка).

6 (6 июля 1720 г.). *Larus cinereus Bellonii & Willughbeji*; *Tarrock Cornubiensibus*. *Larus medius fuscus minor*; *Martischka* seu Мартышка **Siberiae**; **Tattarice** *Czarläck*.

⁵⁰ Запись, открывающая первый том «Орнитологикона» на странице, пронумерованной как «1», не имеет порядкового номера; в индексе к четверем первым томам рукописи (см. выше) этот вид значится под № 1 на странице 1 в авторской пагинации.

⁵¹ Записи № 2 и 3 (полностью) и начало записи № 4 в рукописи отсутствуют. Описанные под этими номерами виды (как и другие виды, страницы с описаниями которых далее в рукописи отсутствуют) восстанавливаются по указателям в конце томов. Имеющиеся в указателе названия также помещены в публикуемом перечне — в квадратных скобках.

7 (20 июля 1720 г.). Gallinago aquatica major seu Littoralis; **Russis in Siberia** Авдотка, lege Audotka vel Afdotka; **Tattarice** Hkateghithau; **Turco-Tattaris** Tschüldi. An-Fedoa?

8 (5 августа 1720 г.). Pica-varia caudata **Willughbeji**; **Anglis** the Magpie vel the Pianet; **Germanis** ein Aglester, Älster, Heyster, Häster; **Russis** Сорóка, leg[e] Ssoroka; **Tattaris** Hsäuskàn; **Svecis** Skatä; **Arab.** Ak-Ak; **Pers.** Aska; [вписано сверху страницы] (**Hebræis**); Ак-ак **Arab.**; Аскà **Pers.**

9 (6 августа 1720 г.). Cornix vulgaris et communissima; Cornix cinerea frugilega **Willoughbeji**; **Anglis** the Royston-Crow; **Rissis** Ворóна, lege Wopona; **Tattaris** HKargàh; [вписано сверху страницы] **Svecice** Kräcka; **Arab.** Grobb; **Pers.** Saåg.

10 (15 мая 1720 г.). Hæmatopus **Bellonii**; Pica Marina **Gallorum** et **Anglorum**; **Anglice** the Sea-Pic; **Russis in Siberia** Кривóкъ, lege Kriwok; **Turco-Tattaris** Alatscháber & Su-Tawòk; **Wertomski Tatt.**⁵² Tilbis.

11 (1 августа 1720 г.). Platea sive Pelecanus **Aldrovandi**; Leucorodius seu Albardeola, **Belgis** Lepelaer **Willughbeji Ornith. p. 212**; **Russis** Колпи́ца, lege Kolpitz & Кóльп⁵³ lege Kolp⁵⁴; **Tattaris**⁵⁵.

12 (8 августа 1720 г.). Accipiter Pygargus sive Subbuteo **Turneri**; **Anglis** the Ringtail; foemina, cujus mas. the Henharrow sive Henharrier dicitur; Albicilla **Gazæ**; **Russice** Ястрéбъ, lege Jastrèb; **Turco-Tattaris** HKartschegàk.

13 (11 августа 1720 г.). Cornix nigra frugilega. An-Cornix **Willughbeji**; **Anglis** the Common Crow? **Russis** Гра́чь, lege Gratsch; **Tatt.** Karà-HKargàh; **Svecice** Räckä.

14 (12 августа 1720 г.). Larus cinereo-fuscus, melanorynchos, major; An-**Willughbeji** Wagel **Cornubiensium**; **Venetorum** Martinazzo; **Amstelodamensium** Burgomaster of Groënland; **Anglis** the Great gray-Gull; **Russis** Чéйка⁵⁶, lege Tscheika; **Svecice** Fisk=Mäcke.

15 (13 августа 1720 г.). Fulica **Willughbeji**; **Anglis** the Coot; **Russis** Га́рапа, lege Gagara; **Tatt.** Tsschomgàh et **WerTomski Tattaris** Tschomgà; An-Лы́ска **Russorum**.

16 (13 августа [1720 г.]). **GrusWillughbeji**; **Anglis** the Crane; **Græcis** Τέτανος; **Slavonice** Жерáбль, lege Sherabl vel Gallica pronunciatione Jerable; ein Kranich; **Tattaris** Osman-Mescherakówe et **Wertomski Tattar.** Turnä; **Svecis** Trana.

17 (14 августа 1720 г.). Grus eadem forte mascula; vulgo credita.

⁵² Т. е. «верхотомские татары».

⁵³ «Мягкий знак» написан поверх «а».

⁵⁴ Конечная «а» зачеркнута.

⁵⁵ Татарское название отсутствует.

⁵⁶ «Ч» написана поверх «Щ».

18 (11 сентября 1720 г.). Colymbus (podicipes, palmatus seu) podice-palmipes, caudatus, maximus. An-Mergus maximus Farrensis sive Arcticus **Clusii?** **Anglis** a Diver, a Loon, an Arsfoot or an Arsfoot-Diver; **Russis in Siberia** Гарáра, lege Gagáра, qvam pro Foemella reputant; **Turco-Tattaris** Tschomgâh **Kogi**; **Svecice** Lomm.

19 (12 сентября 1720 г.). Sinitza (Сини́ца) **Russorum in Siberia**. An ~~Ficedula muscivora secunda~~ **Aldrov.**, ~~Chivin~~ **Bononiensium**, **Genuensibus** ~~Borin~~ dicta? An-Sitta minor **Aristotelis?** Sitta seu Picus cinereus **Aldrov.** & **Willughbeji**; **Angl.** a Nut-hatch, a Nut-jobber; *Ein Nüßbickerchen*.

20 (13 сентября 1720 г.). Colymbus podici-fisso-palmipes, cristatus, anuros; **Anglice** a Diver, a Loon, an Arsfoot or an Arsfoot-Diver; Гарáра vel Gagáра **Russorum**; **Turco-Tattaris** Tschomgâh; **Svecice** Lomm.

21 (15 сентября 1720 г.). Merg-Anser **Aldrovandi** lib. 19, cap. 63 et **Willughbeji** lib. 3, p. 253; Harle **Bellonii**; **Anglice** a Goos-ander; **Russice** Крохаль, lege Krochal; **Turco-Tattar.** Balachtschâh & Sus-Chass.

22 (16 сентября 1720 г.). Fringillago seu Parus major; ἀγίθαλος σπιζίτης **Aristotelis**; a great Titmouse or Ох-eye **Anglis**; **German.** *Ein Mäufchen*; **Russice** Кузнéчкъ, lege Kusnetzík; **Tattarice** Kassalâh; **Svecice** *Talg-Oxe*.

23 (17 сентября 1720 г.). Gallinago minor; **Anglis** a Snipe or Snite; **German.** *Eine Schneppe oder Schnepff*; **Russice** З'уекъ, lege Sujek; Foemella; **Turco-Tattaris** Tschäirtén; **Svecice** *Waten-Snäppa*.

24 (19 сентября 1720 г.). Querquedula, Anatini generis fere minima, Foemina aucupibus putata; **Russ.** Чирóкъ, lege Tschirok; **Turco-Tattaris Wertomsk.** Sirgèi-Ûrtack; **Svecice** *Örtann*. An-Cicia **Gesn.**?⁵⁷

25 (20 сентября 1720 г.). Anser ferus, foemella; **German.** *eine Wilde=Hanß*; **Anglis** A wild-Goose; **Russice** Дикый Гусь, lege Dikii Guss; **Turco-Tattaris** et **Werchotomskiens.** Kass; item Kobal-Kchâs; **Svecice** *Wild=Hååß*.

26 (21 сентября 1720 г.). Motacilla alba **Willughbeji**, 171; **Græcis** Σεισπογγίς & Κίλλορος **Hesychio**; **Germanis** *Eine Bach=steltze*; **Anglis** a white Water-wagtail; **Russis in Siberia** Пли́шка, lege Plischka; **Svecice** *Sâdes=Árla*, h. e. Prima Veris; **Tatt.** Keme-Kutschkasûck.

27 (22 сентября 1720 г.). Passer domesticus **Algrov.** & **Willughbeji**; **Anglis** a House-Sparrow; **Svecis** *Sperf*; **Germanis** *ein Sperling*; **Russis** Воробéй, lege Worobéi, item Врáбйй, lege Wrabii; **Turco-Tattaris** Torgéi & Ors-torgei; **Bochar.** Zezáck; **Arab.** Asphur.

28 (26 сентября 1720 г.). Kasarka sparia (Казáрка) **Siberiæ**; Anseris fere genus; Masculus & Foemina; **Tatt.** Kara-buga-kchâs.

29 (27 сентября 1720 г.). Anas Martius; **Germanorum** *Märtz=Ente*; Boschas major **Willughbeji**, p. 284; Anas torqvata minor **Aldrov.**, T. 3,

⁵⁷ Последнее наименование записано поверх нечитаемого выражения.

212; Anglis a common Wild=Duck; **Russice** Сѣлезень, lege Sélesen; **Tatt.** Kogàl; **Wertomski-Tattar.** Kas-Urdäck⁵⁸, i. e. Anser-Anas.

30 (28 сентября 1720 г.) Norowoi, **Russorum in Siberia**, Норовой & Гўсь Норовой; Anatini generis. ~~An Tadornæ Bellonii congener~~ & Vulp-Anser quorundam? **Anglis** a Sheldrake, a Burrough Duck, a Berg=Ande; **Germ.** Eine Klipp=Ente.

31 (28 сентября 1720 г.). Gogol (Гóголь), **Esernoi**, 'Езерной **Russorum in Siberia.** ~~An Glaucium Bellonii?~~ alias Гóголь 'Езерной (lege Gogol Esernoi) seu ~~Glaucium læstre~~; Anas fere capite subrutto minor; *Schell Ente Gesn.*

32 (29 сентября 1720 г.)⁵⁹. Colymbus podice-palmipes caudatus, maximus, mas.; Colymbus arcticus seu Lumme **Danorum & Wormii; Svecis** Lomm⁶⁰; **Anglis** a Diver, a Loon, an Arsfoot, an Arsfoot-Diver; **Russice** Гагáра, lege Gagara; **Tattaris** Т̣с̣һөмгáһ **Kogis**; **Germ.** Eine See=Fluder⁶¹.

33 (3 октября 1720 г.). Platyrynchos mas. autumnalis & personatus; **Russis in Siberia** Сохун (Со́зунь); **Germanis** Ein Schauffeler; *Taschen=Maul*; *Breit=Schnabel*; **Anglis** a Shóveler; **Svecis** <...>⁶².

34 (4 октября 1720 г.)⁶³. Casarka (Казáрка) **Siberiæ**; Anseris feri genus. An-Bernacla, An-Brenta **Anglorum & Willughbeji?** **Tatt.** Karà-Kchàs.

35 (5 октября 1720 г.). Lutok (Лутóкъ) **Siberiæ**; Mergi genus; Albellus alter **Aldrovandi**, Foemina, T. 3, p. 279; Mergus Glacialis **Gesneri**; **Svecis** Brun=Nacka seu Dopp=Ann; Holmiensibus *Кнуп=Ann dicta*; **Slavonice** Нырóкъ, lege Nuirock; **Turco Tatt.** Kirittér-mar-Urdeäck.

36 (6 октября 1720 г.). Sav-utka⁶⁴ (Заўтка) **Siberiæ.** An-Havelda caudacuta **Islandica et Wormii Mus., p. 34?** Masculus et Foemella; **Russis ad Obiam** Sawka; **Astiackis ad Næwolam** Ańglay.

37 (7 октября 1720 г.). Anas Caud-acuta, Foemina, **Aldrov., T. 3, p. 234 & Willughb., p. 289**; Ostro-Chwost (Острохвость) **Siberiæ**; Coda Lancea **Romæ**; **Anglis** a Cracker, a Sea-Pheasant; Phasianus Marinus; **Wertomski Tatt.** Kol-gaitock.

⁵⁸ «Urdæck» (?).

⁵⁹ Описание целиком перечеркнуто.

⁶⁰ Лексема записана латиницей.

⁶¹ Далее — пояснение, что самка описана выше, под № 18.

⁶² Шведского названия не записано.

⁶³ Описание целиком перечеркнуто.

⁶⁴ В указателе к первому тому (то же — в сводном указателе к четырем томам) — «Saw-Utka» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 79; Fl. 11: 71).

38 (8 октября 1720 г.). Selesnícha (Селезниха) **Siberiæ**; Anas Martia; **Germ. März=Ente**; Boschas major **Willughbeji**; Anas torqvata minor **Aldrovandi**, **T. 3, 212**; **Anglis** a common Wild Duck; Foemella. cujus mas. (№ 29) descriptus; **Tatt.** Maijahn.

39 (9 октября 1720 г.). Gógol Rezhnói⁶⁵ (Гóголь Речной) **Siberiæ**. ~~An Glaucium Bellonii~~ <...>⁶⁶? Masculus. ~~Anas~~ <...>⁶⁷ Clangula **Gesn.**; Clangula major fluviatilis, Mas.; Anas platyrinchus mas. **Aldrov., 225**; **Italis** Qvattro Occhii.

40 (10 октября 1720 г.). Lutok (Лутóкъ) **Siberiæ**; Albellus alter **Aldrovandi**, Masculus, **T. 3, 279**; Mergus major, cirratus seu Mergi Glacialis Masculus **Gesneri**; Lutok masculus, habitu Vernali. Ejus habitus personatus autumnalis, describitur in Lutok Foemella (№ 35). **Svecis** Brun=Nacka seu Dopp=Ann; **Holmiensibus** Küpp=Ann; **Turco-Tatt.** Kirittermår-Urdeak et Magatschéé; [приписано внизу страницы] **Wertomcki Tatt.** Susturück.

41 (11 октября 1720 г.). Wodænoi Worobéi (Водной Воробей) **Siberiæ** seu Passer Aquaticus **Russorum**; Merula aquatica **Willughbeji**, **p. 104**; **Anglis** a Water-Ouzel; **Svec.** Strom=Stare; **German** Eine Waßer=Amsel, Eyß=Vogel; **Wertomski Tattar.** Sugertschegå.

42 (12 октября 1720 г.). Bolschoi Détel Krasnopestrói (Болшой Дятель Краснопéстрой) sei Picus varius rubicauda major, vertice cinnabarius; ~~Друкоλαπτης & Δενδροκολαπτης Græcorum; Πίτρα Aristotelis; Anglis~~ a Wittwall, a greater spotted Woodpecker, Woodspite or Hickwall, High hoo or Hew hole, Rainfowl Picka tree etc.; **Svecis** Brokot Hacke=Spyk & Stoor Brokot Hackespyk; **Germ.** Ein Roth=Specht, Holtz=bicker, Baum=specht; **Italis** Cul rosso; Masculus; **Tatt.** Tommertka.

43 (13 октября 1720 г.). Dételek máloi Czernopéstroí⁶⁸, Дятелекъ máloi Чернопéстрои; Picus varius minor **Willughbeji**; ~~Друкоλαπτης & Δενδροκολαπτης Græcorum; Πίτρα Aristoteli; Anglis~~ a lesser spotted Witwall, Woodpecker, Woodspite, Hickwall, Highhow, High-hole or Pickatree, The Rainfowl; **Svecis** Liten Brokat, Hacke=Spyk; **German.** Ein bunte Spechtchen; Foemella; **Tatt.** Tommèrkå.

44 (14 октября 1720 г.) Bolschoi Détel⁶⁹ Krasnopestrói (Болшой Дятел⁷⁰ Краснопéстрой) seu Picus varius rubicauda, major⁷¹.

⁶⁵ «z» написано поверх «s».

⁶⁶ Слово вымарано.

⁶⁷ Несколько слов вымараны, текст не различим.

⁶⁸ Начальное «Cz» написано поверх графемы, которая практически не читается.

⁶⁹ «æ» написано, как кажется, поверх «e».

⁷⁰ Без «ъ» на конце.

⁷¹ Отметка, что это самка, самец описан под № 42.

45 (15 октября 1720 г.). Kukscha (Кýкша) **Siberiæ**; Pica Glandaria **Willughbeji**; Μαλακόκρανης seu Molliceps **Aristoteli**; Καρκαξία **Recentioribus**; **Anglis** a Jay; **Svecis** ~~Nåte~~Skryk⁷²; **Germ.** *Ein Kirsch=Beißer, eine Heger*; **Livonis** *Marqvard*; **Wertomski** **Tatt.** Kucktugësh.

46 (17 октября 1720 г.). Dselnà Czérnaæ (Желна Чёрная) **Siberiæ**; Picus niger, maximus; **Anglis** the Great black Woodpecker; **Svecis** *Spyk=krååka*; **German.** *Ein Schwartzer Specht*; Alias Чёрной Дятель, lege Czérnoi Dætel; **Svecis** *Swart Hacke=Spyk*; Foemella, Ejus Mas. № 51; **Tatt.** Karà-Tommertkäh; **Wertomski** **Tattaris** Pen-Karà-Tæss.

47 (18 октября 1720 г.). Sütz (Сýчъ) **Siberiæ**; Noctuæ minoris genus, non-auritum. Ан-Стрѣх Aluco **Aldrov.** & **Willughbeji**, p. 66; **Anglis** a Common brown or Jwy-Owl; **Svecis** *Liten Ugla*; **German.** *Eine kleine Wald=Eüle*; **Tattaris** Becktscherdäh.

48 (22 октября 1720 г.). Зелёной Дятель (Selenoi Dætel) **Russorum in Sibiria**; Picus viridis minor ~~Willughb.~~; **Svecis** *Brön Hacke=Spyk*; **Angl.** a Green Woodpecker or Woodspite, a High-hoo or Hew-hole (foraminum excavator), the Rain-fowl, præsaга pluvia; **Germ.** *Ein Grün=Specht*; Κολλός **Aristoteli**; **Svecis** Gröðn=hiðling.

49 (24 октября 1720 г.). Ad illustrationem № 44; Picus Varius major; Foemella; forsán non recensitus ab Authoribus.

50 (27 октября 1720 г.). Picus Sibericus, nigro-varius, tridactylus, anomalos, vertice aureo; Masculus; *Ein Gold=Specht*; Ejus fæmella № 54; **Tattar.** Tommertkäh.

51 (28 октября 1720 г.). Желна Чёрная seu Picus niger maximus; Masculus, cujus Foemella № 46 descripta est; **Tattar.** Karà-Tommertkäh.

52 (31 октября 1720 г.). Picus varius minor; Masculus, cujus foemellam supra № 43 descriptam vide p. 204⁷³.

53 (3 ноября 1720 г.). Воронь или⁷⁴ Врånь (Wóron sive Wrån) **Russ.**; **Græcis** ó Kóραξ; **Latinis** Corvus; **Svecis** *Korp*; **Anglis** a Raven; **Germ.** *Ein Rabe*; **Turco-Tattar.** Kosgòn.

54⁷⁵. Дятель златый трипёрстный неправёлный, жéночка (Dætel slatúii, tripérstnúii, neprávelnúii, Dsenotzka) **Russorum**; Picus Sibericus varius, tridactylus, Anomalos, vertice aureo, Foemella; *Ein bunte Gold=Specht*.

⁷² Заглавная «S» написана поверх маленькой «s».

⁷³ Номер страницы рукописи в авторской пагинации.

⁷⁴ Над первой «и» — знак тонкого придыхания и острого ударения.

⁷⁵ Дата неизвестна, так как окончание записи в документе отсутствует. Отсутствует полностью запись № 55 и начало записи № 56; запись № 56 была сделана 24 и 25 ноября 1720 г.

[55]⁷⁶. *Glandaria pica minor*; *Pica glandaria minor*; *Pica garulla Indica*; *Garrula pica Charlenoti*; *Mimus*, *Garullus Charletoni*; *Ronds Russ*.

56 (24 и 25 ноября 1720 г.). *Picus niger rubicauda minor*; *Cul-rosso Ital.*; *Dætel maloi Krasnopestroi*; *Flammeus podex Walliæ Angl.*; *Roth=Specht Germ.*; *Witwall, Wood-pecker, Wood-spite Angl.*]

57 (9 декабря 1720 г.). ~~Филинь~~ (Тфилия) **Russorum**, *rectius Cóva, Sówka seu Noctuæ majoris genus, non-auritum. An-Aula major? & Strix major Aldrovandi & Willughbeji*; *Masculus; Tatt. Ugh Jabaläck.*

[58]⁷⁷ (10 декабря 1720 г.). *Tetrao seu Urogallus minor Aldr., Gesn. & Willughb.*; **Angl** the Heath-hen or Black-game or Grouse; the More-hen **Turnero**; **Svecis Arre**; **Germanis ein Birck-Hahn**; **Bocharo-Tattar. Ussàn**; **Wertomski Tattaris Kurtück**; **item Karà-Kurtück.**

59 (10 декабря 1720 г. и 21 апреля 1721 г.). ~~Рябухъ~~⁷⁸ или⁷⁹ *Полникъ seu Тетеребъ, Жёночка*; *Tetrix & Tetrao seu Grygallus minor Gesn. & Aldrov.*; **Angl.** the Heath-hen or Black-game or Grouse; the More-hen **Turneo**; **Svecis Arr-Höna**; **Germ. Eine Birck-Henne**; **Tattar. Bos-Ussan**; **Kistim Tidsi-Kurtück.**

60 (13 декабря 1720 г.). "Аист (lege Ajist) **Russorum in Siberia**; *Ciconia nigra Willughbeji, p. 211*; **Germ. Ein Schwartzer Storch**; *Karà-Keigolöck Tattar.p*; **Wertomski Senulèn [?]**.

61 (14 декабря 1720 г.). *Pyrrhula seu Rubicilla Aldrov. et Willughbeji, p. 180*; *Жулáнь (sive Dsulán) Russorum in Siberia*; **Angl.** a Bulfinch, Alp or Nope; **German. Ein Beutt=finck**; *Byrriola Italarum et Scaligeri; Tattar. Gilgasuràr; CosackoTatt. Balandsèh.*

62⁸⁰. *Pyrrhula seu Rubicilla Aldr. et Willughb.*

63 (20 января 1721 г.). *Глухáрь Russ., lege Gluchar, h.e. Surdaster*; *Urogallus seu Tetrao major Aldrov. & Willughbeji et Gesneri; Bocharis Soir*; **Angl.** Cock of the Mountain, sive Cock of the Wood; **Svec. Kiåder sive Fier Hane; **Italís et Venetis Gallo di Montagna**; **Germ. Auer=Hahn**; **Wertomski Tattaris Selèh.****

64 (1 февраля 1721 г.). *Пугáчь, lege Pugaz Russorum & Фíлинъ*; *Bubo maximus, Noctuæ auritæ genus*; *Bubo primus Willughbeji &*

⁷⁶ Запись № 55 (полностью) и начало записи № 56 в рукописи отсутствуют.

⁷⁷ Первая строчка записи отрезана. Там мог быть русский эквивалент, который находим в сводном указателе к первым четырем томам, — «Kosátsch» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 73 v.).

⁷⁸ Вычеркнуто, вероятно, после написания четвертого тома, так как в указателе к этому тому имеется слово «Ræbuchá» с отсылкой к этой записи (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75).

⁷⁹ Над первой «и» — знак тонкого придыхания и ударения.

⁸⁰ Описание вида отсутствует, имеется только номенклатурная вводная часть, дата записи не указана.

Gesneri. An-Jacurutu-Brasiliensium Marggravii. An-Cóva ~~Russorum~~. Bum Arab. & Persice; Ugù **Tattar.**; it. <...>⁸¹; **Anglis** a great Horn-Owl. a Eagle-Owl; **Svecis** *Uuf*; **Gallis** Chat-huant, h. e. Felis gemebunda; **Germ.** *Ein Uhu, eine Adler=Eule*.

65 (4 февраля 1721 г.). Aqvila Morphnos seu Clanga, Anataria etiam dicta; Nævnia **Willughbeji**; Kará-güsch **Tattarice**; Караг□ужъ (lege Karaguss) **Russice**; Πλάγτος **Græcis** & Κλάγτος; **Germanis** *ein Moß=Weyhe, Ein Enten=Stoßer, Enten=Adler*; Nassýr **Arabibus**; Kargàs **Persis**.

66 (17 и 23 марта 1721 г.). Куропátка (Kuropatka) **Russorum in Siberia**; Lagopus alter [?] **Plinii** & **Willughbeji** (Rabolane **Rhoetis in Helvetia**; Perdix alba **Saubaudis**); Francolini **Italís**; <npзб.> Gor-Cock **Anglorum**; *Sniö=Rypa* & *Fiâl=Rypa* **Svecis**; **Germanis** *Schnee=Huhn*; **Livonis** *Morast=Huhn*; **Tattar.** Aghun; Lagopus major.

67 (27 марта 1721 г.). Гálка (Gálka) **Russorum**; **Tattaris in Siberia** Tschaukäh; Graculus forte minor; Monedula sive Lupus **Aldrovandi**, **Willughbeji**. An-Scurra **Aristotelis**? **Græcis** Κολοϊός & Λύκος; **Anglis** an Jack-daw; **Svecis** *Kaya*; **Germanis** *Eine Dohle*; **Belgis** *Ein Taalcken*; Tàhn **Cosacko Tattaris**; **Wertomski Tatt.** Than-Kargäh.

68 (28 марта 1721 г. и 4 марта 1722 г.). Снигири́ (Snigiri) **Russorum in Siberia**; Montifringilla major, carcaribus Alaudæ; **Anglis** a Great pied-Mountain-Finch or Brambling; **Græcis** ὄροσπίζη; **Tattaris Siberiæ** et **Cosakis** Kossaläh; **German.** *Ein Schnee=Vögelchen, Schnee=Finck; Berg-Finck*.

69 (1 апреля 1721 г.). Скворецъ (Sqvoretz) **Russorum in Siberia**; Karabachtschai **Bocharo- et Wertomskiensibus** & **Cosacko-Tattaris**; Sturnus **Aldrov.** et **Willughbeji**; **Anglis** a Stare, a Starling; **Svecis** *Staare*; **German.** *Ein Staar, ein Spree*.

70 (3 апреля 1721 г.)⁸². Пли́шка (Plischka) **Russorum in Siberia**; Motacilla alba **Willughbeji**, p. 171; **Græcis** Σεισπονηγίς & Κίλλορος **Hesychio**; **German.** *Eine Bachsteltze*; **Anglis** a White Water-Wagtail; **Svecis** *Sådes=Årla*, h. e. Prima Veris Advera; Culicilega **Turneri**; Albicilla **Gazæ**; Cnipologus **Aristotel**; **Tattar.** **Wertomskiensibus** Kemè-Kutzchkasàck.

71 (5 апреля 1721 г.). Ворóна (Worona) **Russorum in Siberia**; Κορώνη **Græcis**; (Raah) **Hebræis**; Grobb **Arabibus**; Saåg **Persice**; НКargäh **Bocharo- & Cosacko-Tattaris**; **Svecis** *Kråka*; Cornix cinerea frugilega **Willughbeji** (Cornix pallide cinerea, frugilega); **Anglis** a Royston Crow; **Germ.** *Eine Krähe*.

⁸¹ Слово зачеркнуто, не читается.

⁸² Пояснение, что запись является допполнением к № 26; запись под № 70 фактически совпадает с записью № 26, с дополнениями.

72⁸³. Чечётки (Tschetschetki) **Russorum**; *Linaria rubra, minor*; **Anglis** a lesser redheaded Linnet; **German.** Ein *Flachs=Finck*; **Barabu-Tatt.** Kojendsi.

73 (7 апреля и 6 сентября 1721 г.). *Parus coeruleus* (**Willughbeji**); **Anglis** a blew Titmouse or Nun; **German.** Ein *blaw Mausichen*; **Cosacko-Tattaris** Kojendsig; ~~Сорок~~: Kogoezichziga.

74 (8 апреля 1721 г.). Галка (Galka) **Russorum**; **Tattaris in Siberia** Tschaukàh; **Cosacko-Tattaris** Tàhn; *Graculus forte minor*; *Monedula sive Lupus* **Aldrov.** & **Willughbeji.** An-Scurra **Aristotelis?** **Græcis** Κολοιός & Λύκος; **Anglis** an Jack-daw; **Svecis** *Kaya*; **German.** Eine *Dohle*; **Belg.** Een *Tahlcken*; **Slavon et Russ.** клуша.

75⁸⁴. Tschitschigatschàk **Casano-Tattaris**; *Parus palustris* **Gesneri**, **Aldrov.** et **Willughbeji**; **Anglis** a Marsh-Tit-Mouse or Black-Cap; **German.** Ein *Rohr=Maußchen, Asch-Maußchen*; Tschitschigai-Kutschgazàck **Kystim-Tattaris.**

76 (20 апреля 1721 г.). Снѣтьрь [sic!]⁸⁵ **Russorum in Siberia.** An-Hortulanus **Aldrov.?** Tordino & Berluccio **Venetorum**; *Emberiza, passerina, sylvestris*; **Germanis** Ein *Wald=Emmeritz, Ein Wald=Hämmerling*; **Gallis** Ortolan.

77⁸⁶. *Parus ater* **Gesneri**; **Anglis** a Colemouse; *Parus Carbonarius* **Jonstoni**; **Germ.** Ein *Kohl=Maußchen*; **Tattaris** Karatschiwidschi.

78 (25 апреля 1721 г.). *Ruticilla Cyano-bronchites*; Ein Blau=Kählinchen. An-Wege-fleckbin *Argentoratense* **Gesneri?** *Ruticillæ* genus **Willughbeji?** Ein *blaukählichtes Roth=Schwänzchen.*

79 (26 апреля [1721 г.]) *Turdus pilaris* **Willughbeji**; *Turdus Trichas* **Gesneri**; Дрoздъ (Drosd) **Russorum in Siberia**; **Angl.** a Fieldfare, a Thrush, a Throssel, a Mavis, a Blachbird, an Owzel; **Græcis** Κίχλη; **Svecis** *Trost*; **Wertomski Tatt.** Bargalàck.

80 (27 апреля 1721 г.). Кривоо́кій (Kriwoóki) **Russorum**, i.e. *Strabo*; *Hæmatorus* **Belonii**; *Pica Marina* **Gallorum et Anglorum**; **Anglice** a Sea-Pie; **Turco-Tattaris** Alatschabèr & Suy-Tawòck; **German.** Eine *Strandt=Aglester, Heyster=Schnepff.*

81 (1 мая 1721 г.). Зуёкъ (Suék) **Russorum in Siberia** vel potius Зуёчикъ (Suétzschick); **Tattaris** Kitzick-Bachtàr, h.e. *Parvula Gallinago*;

⁸³ Дата записи не указана, позднейшая приписка о результатах взвешивания сделана 10 апреля 1724 г.

⁸⁴ Дата записи не указана, позднейшая приписка о результатах взвешивания сделана 1 декабря 1724 г.

⁸⁵ Д. Г. Мессершмидт воспринимал это русское название и название, зафиксированное под № 68, как наименования разных видов: в сводном указателе к первым четырем томам эти две лексемы указаны как независимые (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75 v.).

⁸⁶ Дата записи не указана.

Tringa **Aldrovandi**; ~~Cinclus~~ **Bellonii**; ~~Gallinula~~ ~~Rhodopus~~ ~~seu~~ ~~Phoenicopus~~, itemque ~~Ochropus~~ media **Gesneri**; ~~Ein Stein=Galle~~ **Leonh. Baltneri**; ~~Ein Waßer=Drostel~~ **Jonstone**.

82 (4 мая 1721 г.). *Иволга (Iwolga) **Russorum in Siberia**; *Ruticilla Willughbeji*; **Græcis** φοινίκουρος⁸⁷; **Anglis** a Red-start, a Red-tail; **Germanis** *Ein Roth=Schwântzchen*; *Ruticilla melanobronchites*; **Tattar**. Karà-bàsçh (i.e. *Schwartzkopffchen*).

83 (5 мая 1721 г.). *Oenanthe tertia Willughbeji*; *Muscicapa tertia Aldrovandi*; *Rubetra Bellonii*; **Anglis** a Moor-Tikling, a Stone-smich, a Stone-chatter; **German**. Todten=Vogel vel Fliegen=stecher **Gesneri**.

84 (6 мая 1721 г.). Плишка жёлтая (Plischka Dseltaa) item Трясогуска (Træsoguska) **Russorum in Siberia**; *Motacilla flava Willughbeji*; **Anglis** a Yellow Water-wagtail.

85 (8 мая 1721 г.). *Иволга (*Iwolga)⁸⁸ **Russorum in Siberia**; *Ruticilla Willughbeji*; **Græcis** φοινίκουρος; **Anglis** a Red-start, a Red-tail; **Germanis** *Ein Roth=Schwântzen*.

86 (9 мая 1721 г.). *Colymbus anuros, cucullatus et auritus*; Гагара (Gagara) **Russorum in Siberia**; **Anglis** a Smal-Loon or Ars-foot, a Didapper, a Dipper, a Dobchick, a Doucker; **Germanis** *ein Suchel, ein Suchelin Jonstone, p. 89*; **Tattar**. Ülun-dschyr.

87 (10 мая 1721 г.). Кедровка (Kedrofka) **Russorum**; *Caryocatactes Gesneri, Turneri* et *Willughbeji*; **Anglis** a Nut-Cracker; **Svecis** *Nöteskryka*; **Germ.** *Ein Nuß=beißer*; **Wertomsk. Tatt.** Kergèn; **it. Kystim-Tatt.** Ka-argèn.

[88⁸⁹. *Charadrius*; *Masc.*; *Hiaticula*; *Sea=Lark*⁹⁰ **Angl.**; *See=Lerche* **Germ.**; *Waßer=Lerche* **Germ.**

89. *Tinnunculus*; *Tinnunculus cinereus*; *Koptschick*. **Russ.**

90 (15 мая 1721 г.). *Morinellus* (**Angl.**)⁹¹; *F.*; *Dotterel* **Angl.**]

91 (17 мая 1721 г.). Каменный воробей (Kámenii Worobéi) **Russorum in Siberia**; *Ispida. An Veterum Alcyon?* **Willughbejo. Anglis**

⁸⁷ Дифтонг «ou» передан через «ук».

⁸⁸ В сводном указателе к первым четверем томам находим в качестве русского эквивалента названия вида — «Bü'welga» и «Büwelgah» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 71 v., 73), отсутствующий в номенклатурных введениях к описаниям (ср. № 82). Такое русское название встречаем в «Sibiria perlustrata»: «Бывелга Bybhelga Russis» (Messerschmidt 2020: 237 v.)

⁸⁹ Первые страницы четвертого тома отсутствуют.

⁹⁰ В рукописи — куррентом.

⁹¹ Запись в указателе встречается дважды, в одном месте — с отметкой «Angl.».

a Kingfisher; **Germ.** *Ein Eyß=Vogel*; **Teleuto-Tattaris** Kokutscha-gasäck; **Wertomski Tatt.** Kogudécer⁹², Kocktanätsch.

92 (20 мая 1721 г.). Hortulanus spadiceus, torqvatus; forsán non recensitus ab Authoribus.

93 (21 мая 1721 г.). Соловѣй (Solowéi) **Russorum in Siberia**; Luscinia seu Philomela **Willughbeji**; **Græcis** Ἀηδὼν; **Anglis** a Nightingale; **Svecis** *Nächter Gaal*; **Wertomski Tatt.** Tortschòck; **Germ.** *Ein Nachtigal*.

94 (22 мая 1721 г.). Erythræus. Passeris genus; forsán non recensitum ab Authoribus; *Ein Blut=Sperling*.

95 (23 мая 1721 г.). Merula Rosea **Aldrov.** et **Willughbeji**; Sturnus Marinus **Bononiensium**; **Germ.** *Ein Rosen=Ambsel*.

96 (24 мая 1721 г., 14 июля 1725 г.). Иволга (Iwolga) **Russorum in Siberia** passim; Galbula **Aldrovandi** & **Willughbeji**; Picus nidum suspendens; Oriolus **Alberti Magni**; Chloreus **Aristotelis**; Icterus **Plinii**; **Belgis** *Een Gout=Merle*; **German.** *Eine Gold=Ambsel, Ein Gelbelchen*; An-Korgeyàck [?] **Tattarorum?** **Slavon** Бывелга (Büwelga); **Wertomski Tatt.** Salulàn.

97 (25 мая 1721 г.). Rucicilla erythrobronchites Siberiæ, svavissime canora.

98 (26 мая 1721 г.). Caprimulgus **Aldrovandi**; **Anglis** a Goat-sucker; **Eboracensibus** a Churn-Owl; **Salopiensibus** a Fern-Owl. An-Kogargàn **Tattarorum?** **Germ.** *Ein Nacht-falck (Eine Nacht=Schwalbe)*; **Svecis** *Natt=falck; Natt=blaka*; Чюрылко (Zurilko) **Russorum**.

99 (27 мая 1721 г.). Sterna **Turneri**; Hirundo marina **Willughbeji**; Larus cauda forcipata, leucophæus, mergulus; **Argentoratensibus** **Germ.** *Ein Speurer*; **Angl.** a Sea-Swallow; **Russis** Чайка (Czáika); **Germ. in Prussia** *Eine Täuch=Meewe, Kirr=Mewe*.

100⁹³. Larus niger fidipes **Willughbeji**; Spurra nigra, rostro pedibusque in obscure coccineo nigricantibus.

101 (1 июля 1721 г.). Lanius foemina similis secundo **Aldrovandi** & **Willughbeji**; Lanius minor rustus lineis semicircularibus variegatus; **Anglis** a Shrike; **German.** *Ein Neün=Räuber, Würg=Engel*; **Kystim-Tattaris in Suss-Ürup ad Czulim fl.** Bashànger.

102 (2 июля 1721 г.). Catarractes **Kirgiso-Tattaricus**. An-Catarractes **Willughbeji**; Gannetto [?] **Cornubiensium**; **Germanice** *Ein See=Habicht*.

103 (4 июля 1721 г.). Мышилóвка (Müschiloffka) **Russorum**; Tinnunculus seu Cenchrus **Aldrov.** et **Willughbeji**; **Græce** Κεγχρίς, h.e. Miliaria avis; **Anglis** a Kestrel, a Stannel, a Windhower; **Tzatschki-Tattaris** Kügennöck; **Germ.** *Ein Mäuse=Sperber*.

⁹² Третья с конца буква исправлена: изначально была четко написана «w», исправление прочитано как «s», но без полной уверенности.

⁹³ Запись не окончена, дата записи не указана.

104 (5 июля 1721 г.). 'Айсть (Ajist) **Russorum Tomskoënsium**; Ciconia nigra **Willughbeji**, p. 211; **Tattaris Tomskoënsibus** Karatschilënn; **Tobolskoënsibus Tattaris** Kara-Keigolock; **Germ.** *Ein Schwartzor Storch*; **Wertomski Tatt.** Schulën; *Buratho-Mongalis* Tschiling.

105 (6 июля 1721 г.). Пигалича (Pigaliza) item Писдрикъ (Pisdrik) **Russorum**; Capella seu Vanellus; **Anglis** a Lapwing or Bastard-Plover; **Teleuto-Tattaris** Ullung-tschär; **Svecis** *Wyra*; **Germ.** *Ein Kywitz*.

106 (7 июля 1721 г.⁹⁴). 'Авдотка (Afdotka) **Russorum**; **Bocharo-Tattaris** Н'Kathegithau; **Baschkiro-Tattaris** Tschüldi; **Telëuto-Tattaris Calmackis** Н'Kara-gathau; **Germ.** *Eine Waßer=Schneppfe*. An-Fedoæ genus **Willughbeji**? rostro recto, longissimo, apiceque globulum terminato. **Kystim-Tatt. ad Czülim fl.** Н'Kathegátsch.

107 (15 июля 1721 г.). Coccothraustes vulgaris **Gesneri, Aldrovandi** et **Willughbeji**; it. **Jonstoni**, p. 77; **Anglis** a Grossbeak, a Haw-Finch; **German.** *Ein Kirsch=Hacker*; **Italis** Frisone; **Gallis** Gros-bec.

108 (18 июля 1721 г.). Кукышка (Kuküsckha) **Russorum**; Cuculus **Willughbeji**; **Anglis** a Cuckow; **Tattaris** Kauk; **Svec.** Göök; **Germ.** *Ein Kuckuck*.

[109. Tinnunculus; Foem.; Cenchris cinereus capite russo; Kügennöck **Tatt.**; Müschiloffka **Russ.**

110 (18 июля 1721 г.). Dendrofalco; Masc.; Dendro-Falco; Falco arborarius; *Baum=Flack* **Germ.**; Natschin **Tatt.**]

111 (28 июля 1721 г.). Скопа (Scopa)⁹⁵ **Russorum**, i.e. Eunuchus, castratus; Balbusardus **Willughbeji**; **Anglis** a Bald-Buzzard; Aquila Haliætus **Aldrovandi** et **Jonstoni**; **Wertomski Tatt.** Tschakësç & Baliktschi-Kesch.

112 (30 июля 1721 г.). Sub-Buteo **Willughbeji**; **Anglis** a Hobby; Щоглокъ (sTschoglock) **Russorum**.

113 (6 августа 1721 г.) Buteo vulgaris **Willughbeji**; **Anglis** a Buzzard (Busardus **Sabaudorum** & **Gesneri**); **Russis** 'Естребъ (Jüstreb); **Wercho-Tomski Tattaris** Kossah; **Kystim-Tatt. in Sagai Zard.**

114 (19 августа 1721 г.). Зелёной Дятель (Selenoi Dætcl) **Russorum**; Picus viridus minor; **Anglis** a green Wood-pecker or Woodspite, a Rain-fowl, a High-hoo, a Hew-hole; **Svec.** *Grön=Hackespyk*; **Germ.** *Ein Grünspecht*; **Svec.** Grön=Hiöling; **Kystim-Tattaris in Sagai** Towurgäh; **Barabinzi Tatt.** Tommertkà.

⁹⁴ С пометкой, что ранее исследования проводились 3 мая 1721 г.

⁹⁵ Читается скорее как «Соора», однако написание «с» у Д. Г. Мессершмидта приближается часто к написанию «о»; в указателе к четвертому тому написано ясно «Scópa» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 11: 75).

115 (27 августа 1721 г.). *Cornix nigra frugilega*. An-Cornix **Willughbeji**, p. 84. **Angl.** a ~~Common-Crow~~, a Rook; **Russ.** Грачъ (Gratsch); **Tattaris Jus-Sagai Abakaniaë** Kara-Kargäh; **Svec.** *Räka*; **Stralsundensibus** *Caar=Räke*; **Germ.** *Eine Schwartze Krähe*; **Tatt. Tobolskii** *Tschaugäh*.

116 (30 августа 1721 г.). *Tinnunculus seu Cenchris* **Aldr.** et **Willughbeji**; **Angl.** a Kestrel, a Stannel, a Windhower; Мышилóвка (Múschilofka) **Russorum**; **Tatt.** *Kügen-nöck*; **Germ.** *Ein Mäuse=Sperber*.

117 (1 сентября [1721 г.]). *Alauda vulgaris* **Willughbeji**; **Anglis** a Common-Lark; Жаворóнокъ (DSaworonneck) **Russ.**; **Tatt.** *Torgèi-ack*; **Calmackis** *Bockschergäh*; **Svecis** *Lärka*; **Germ.** *Eine Lerche*; **Mongolo-Buratis** *Boldshumùr*.

118 (2 сентября 1721 г.). *Oënanthe seu Vitiflora* **Aldrov.** et **Willughbeji**; **Anglis** a Fallowsmich; **Sussexiensibus** a Wheat-ear; **Ital.** *Culo-bianco* et **Anglis** inde *White-tail*.

119 (3 сентября 1721 г.). Мышилóвка (Múschilofka) **Russorum**; *Pygargus accipiter*; Sub-Buteo **Turneri**; ~~*Albiella-Gazæ*~~; *Pygargus Corollatus nobis*; **Anglice** a Ringtail; **Tattaris in Jus-Sagai** *Karthegäh*; **Arab.** *Bass*; **Svecis** *Höök*.

120 (4 сентября 1721 г.). *Carduelis cinerea*. An junior, an sui generis, dubium? Щеглéнокъ (Stscheglénock) **Russorum** et **Slavonice**; **Anglis** a Gold-Finch; **Svecis** *Stiglitza*, *Listel=Fink*; **Tattaris Sogotsci-Kystim Abakaniaë** *Dsegatei*; **German.** *Ein Stieglitz*.

121 (5 сентября 1721 г.). *Linaria rosea, caudata, Siberica*; *Ein Rosen=Henffling*.

122 (7 сентября 1721 г.). *Parus caudatus* **Aldrovandi** et **Willughbeji**; **Anglis** a long-tail'd Titmouse; **Germanis** *Ein langgeschwántztes Maßßchen*; **Tattaris Saganskiaë** *Tschitschigèi*; **it.** **Usun-Kusuruck** *Tschiwidschi*.

123 (8 сентября 1721 г.). ~~*Passer coronarius Sibericus*~~; *Cirlus Stultus Tungusicus*. An *Cirlus stultus* **Aldrov.** et **Willughbeji**; *Cirlo matto Bononiensium*. *Cia selvatica & Cia montanina Genuensium?* *Ein Berg=sterling*⁹⁶.

124 (10 сентября 1721 г.). Соколь (Sokol) **Russorum**; *Falco anserarius*; **Tatt.** *Natschín*; **Svecis** *Falck*; **Germ.** *Ein Falck, Ein Jagdt=Falck*; *Subbuteo primus maximus*.

125 (22 сентября 1721 г.). *Lanius cinereus major* **Willughbeji**; *Mattagesse Sagaudis*; **Angl.** *Butcher-bird, Wier-angel*; **Germanis** *Mürg=Engel, Neun=Räuber*; *Pica trucidans Aldrovandi*; **Tatt. Tobolskiaë** *Bydaigack*; **Russis** *Замóрская Сорóка*; **Tatt. ad Kemschuck** *Paleidsháck*.

126 (27 сентября 1721 г.). Лéбедь (Lébed) **Russorum**; **Turco-Tattaris & Bocharis** *Akosch*; **Choiwál-Kystim-Tattaris** et **Calmackis**

⁹⁶ Отметка, что самец этого вида описан под № 190.

Chò; Cygnus ferus major. An-Cygnus ferus **Willughbeji?** **Svecis** *Swan*; **Anglis** a Wild-Swan, an Elk, a Hooper; **Germanis** *Ein Schwan*; **Græcis** Κύκνος; **Tungusis** Gágil.

127 (7 октября 1721 г.). ~~Tschin~~ **Gobal**-Kara-gùsch; **Sitai-Tattaris** hoc est Aquila ignobilis nigra; **Aucupibus Rissis** et rectius forsan Jabál-Kara-gusch, h. e. Ignobilis Aquila nigra; **Autoribus forsan** non recensita.

128 (10 октября 1721 г.). Карагужь (Karagush) **Russorum**; Tschin-Karagusch **Tattaris qvibusdam**; Aquila nobilis, forsan minima; **authoribus** non-recensita.

129 (15 февраля 1722 г.). Люнь (Lunn) **Russorum**; **Tattaris** Ulùn; Noctua nivea, non-aurita, maculis-obscure fuscis, rarioribus, eleganter, variegata, Bubone minor; *Eine Haasen=Eüle*. An-Ebr. Jaanàh; **Calm. & Mongol.** Zagàr-Schubhò.

130 (23 февраля 1722 г.). Ampelis **Aldrov.**; Garrulus Bohemicus **Aldrovandi, Gesneri & Jonstoni**; Zinzivella **quorumdam et Jonstoni**; **Germanis** *Ein Weinling*.

131⁹⁷. ~~Kreezet (Крѣцеть) **Russorum**; **Tattaris** Tschunchár; **Faleo** albo cinereus **lasertarius** [?]; ~~*Ein Graver=Falek*~~; Pygargus accipiter; Subbuteo **Tirneri** alter, palumbi colore anereus; Henharrow et Henharrier **Anglorum Willughb.**~~

132 (29 мая 1722 г.). Jynx sive Torquilla **Willughb.** et **Jonst**; Torquilla **Gazæ**; **Livonis** *Ein Wind=Halß*; **Anglis** Wryneck; **Germ.** *Natterwindel*; **Krinitz Jonstono (Tab. 42).**

133 (3 июня 1722 г.). Стрѣжь (Sstrish) **Russorum**; **Muhammedanis Tattaris Tobolskiensibus** Jar-Karlegátsch, i.e. Riparia, Jàr enim Ripam notat; **Ebr.** Derór; **Græcis** Δρεπανίς; Hirundo riparia **Aldr., Jonst.** et **Willughb.**; Falcula **Gazæ**; Ripariola **Marcelli Empirici**; **Hispan.** Papiglione di Montagna; **Anglis** a Sand-Martin, a Shore-bird; **Germ.** *Erdschwalbe, Spyr=Schwalbe.*

134 (7 июня 1722 г.). Aëgurania **Nobis**; Барашекъ (Baraschék) **Russorum**; Tattaris-Kystimis Torgéiack; *Eine Himmelsinger*; (NB Baraschék minor hæc est); Жерепъчикъ **Russ. Krasnojárskæ**, i. e. Hinnulus.

135 (12 июня 1722 г.). Czirók **Russorum** (Чирóкъ); **Tattaris Kystim** Ssergéi-Urdack; Qverqvedula secunda **Aldrovandi**; Qverqvedula prima **Willughbeji**; **Angl.** a Teale; **Svecis** *Krika, ÖrtAnn*; **Germ.** *Ein Kriech=Entchen*; **Prussis** *Een Krike, Een Krick-Entcken.*

136 (13 июня 1722 г.). Larus cinereus minor **Willughbeji**; **Anglis** a ~~Herringgull~~ *Common Sea-Mall* [?]; Малая Чайка **Russorum**; **Tattaris ad Isettam vulgo** Ack-Czártáck; **Græcis** Λάρος; **Svecis** *Fisk=Mååke*; **Germ.** *Eine Große Meewe*; **Kystimis Tatt. proprie** Chailán.

⁹⁷ Запись не окончена, дата записи не указана.

137 (14 июня 1722 г.). Numenius **Aldrovandi**; Arqvata **Willughbeji**; **Anglis** a Curlew; **Russis** (Кули́къ) Kulýk; **Tattaris Tomskoënsibus** Kongaraläh; **Gaustinzi-Tattaris** Külgådse; **German.** *Eine Feld=Schnepffe*; **Tattaris ad Tobolim et Irtyssam** Zabàn-Kulík; **Kamaschintzi Tattaris** Kuiguldéi; **Svecis** *Fält=Snuppa*; Elorius **Aristotelis Bellonio**.

138 (15 июня 1722 г.). Перепелица или Перепёлка (Perepelitza vel Perepélka) **Russorum**; **Permeckis** Qvaatkánn; **Brússi-Kystim Tattaris** Budurtschínn; **Bocharo-Tattaris Tobolskoënsibus** Betenäh; **Bocharo-Persis** Uwuartzí; **Arabibus** Durruadse; **Ebræis** (Selár); **Græcis** ἡ ὄρθοξ; Coturnix **Aldrov.**, **Jonst.** et **Willughb.**; **Italis** Qvaglia; **Anglis** A Qvail; **Svecis** *Wachtel*; **Germ.** *Eine Wachtel*.

139 (19 июня 1722 г.). *Limosa recurvirostra* **Nobis**; *Eine Moder=Schnepffe*; *Morast=Schnepffe*; **Kystim-Tattaris ad Czulim fl.** Tongdátsch. An-Pluvialis major **Aldrovandi**?

140 (20 и 21 июня 1722 г.). Корчунъ (Korczun) **Russorum**; **Brussi-** et **Choibhal-Kystim-Tattaris** Tigglegénn; **Calmackis** Ülláéh; **Hebræis in Talmud** (Anaphà); **Græcis** Ἰκτινος; Milvus **Adrovandi**; Milvus vulgaris cauda forcipata **Willughbeji**; **Anglis** A Kite or Glead; **Germanis** *Ein Weyhe, ein Hüner=Weyhe*; **Buratis** Ülláéh.

141 (24 июня 1722 г.). *Tringa minor* **Willughb.** An-Cinclus secundus seu minor **Aldrov.**, **Tom. 3, p. 492?** *Gallinula hypoleucas* **Gesneri, Aldrov., Tom. 3, p. 469;** **Italis** [?] **Genevensibus** Beccassine; **Anglis** **Eboracensibus** a Sandpiper; **Germanis** *Ein Pfisterlein* ap. **Leonh. Baltnerum**; **Russis** vulgare nomine Зуэчѣкъ (Suèczik [Suèczik?]) audit.; **Tattaris** Bochtâr.

142 (25 июня 1722 г.). *Lanius minor russus, ductu per orulum nigro, macula scapulari alba carens*; **Kystim-Tattaris in Sussurúp ad Czulim fluv.** Bashânger.

143 (30 июня 1722 г.). Скопà (Sscopà) **Russorum**, h.e. Eunucgus seu Castratus; **Brussi-Kystim-Tatt. ad Thomiam fluv.** Tschaskésch & Baleck-tscha-Késch; An-**Ebræorum** (Aserijàh); **Græcis** ἀλαιοτός; Balbusardus **Willughbeji**; Haliactos **Phavorini, Aldrov. et Jonstoni**; Morphos **Turneri, Gesneri et Aldrovandi.** An Nisus **Ovidii, Lib. 8 Metamorphos.?** **Anglis** a Baldbuzzard; **Germanis** *Bastardt=Adler, See=Adler, rectius Fisch=Aahr*; **Mongalo-Burathis** Challò; **Tungusis in Davuria** Tschuchschu.

144 (4 июля 1722 г.). Норовой, или⁹⁸ Гусь Норовой, Norowói vel Guss-Norowói **Russorum**; **Aliis in Kirgisia et ad Jenizeam fluvium** communi [вписано позднее: Vulpanser torqve, rostro, ulna, cauda et pedibus nigris **Mihi**] nomine Турфанъ (Turpfan); **Katschinzi-Tattaris ad**

⁹⁸ Знак тонкого придыхаия над первой «и».

Katschæ in Jenizæam ostium, Kystim-Tattaris ad Czulim fluvium Aáth; Vulpanser **Nobis**. An-Tadornæ **Bellonii** et **Willughbeji** congener? **Anglis** Sheldrake, a Burrough-Duck & Bergander **Aldrovando**; **Svecis** *Rääf=Ann*; **German**. *Eine Gilbe Berg=Ente; Eine KlippEnte*.

145 (6 июля 1722 г.). *Cinclus minor* seu Junco et Schæniclos; **Gallis** *Alauda marina*; **Anglis** a Stint; **German** *Ein Rohr=Schnepffchen, Eine Binsen=Schnepffe*; **Tschusch-Kystim Tattaris** Tongdarbisch.

146 (12 июля 1722 г.). *Larus cinereus* **Ornithologi, Aldrov.**; Item *Larus cinereus tertius* **Ejuds.**; *Cepphus Turneri* et **Gesneri**; **Anglis** a Pewit or Black-Cap; **Cestriensibus Anglis** a Sea-Crow; **Tattaris Kystimis** Ack-Czarlack; verus **Tzibínzi-Kystim-Tatt. ad Czulimi ostium** Tschiráck; **Mongalo-Burathis** Cheilògona.

147 (20 августа 1722 г.). *Jabhál-Kara & Jabhál-Karagüsç* **Yss-Beltyr Tattaris Kystimis**; *Aquilæ minoris* genus; *Ein kleiner Stein=Adler*; **Authoribus** forsán non recensitum⁹⁹.

148 (25 августа 1722 г.). *Noctua montana minor* Kirgisica, non-aurita; *eine Stein=Eüle*; **Svecis** *Steen=Ugla*; *Otus Bubo noïdes, aurium operculis maximus*; *Otus sive Noctua aurita* **Willughb.** An-*Otus Bellonii*? An *Asio prior Aldrovandi*? **Angl.** a Horn-owl.

149 (28 августа 1722 г.). *Fulica* **Willughbeji**; **Anglis** a Coot; **Russis** Л□ыска (*Lÿska*); **Tattaris** vulgo *Tschomgàh, i.e. Mergus*; **Dengk-Ostiackis ad Jenizæam flivium** Húysthau.

150 (9 сентября 1722 г.). *Tadorna* **Bellonii major, Kirgisica perpera, Vulpanser qvibusdam**; **Anglis** a Sheldrake, a Burrough-Duck; **qvibusdam** Bergander; Bergander **Aldrovando, l. 19, c. 19, Willughb., p. 278; Kystim-Tattaris in Karamatre Jurtis ad Jenizæam** Ala-Chas; seu *Anser diversicolor*.

151 (2 октября 1722 г.). *Gallina Corylorum* **Aldrov. & Willughb.**; *Attagen* **Gesn.**; **Germanis** *Haßel=Huhn*; **Russis** Рябók (*Ræbock*); **Tattaris** Dfim & Dsimmáh.

152 (26 ноября 1722 г.). Лióнь (*Lun*) **Russ.**; **Kamaschinzi Tattaris** Ackjàh; **Calm. & Mongalis** *Zagán-Schubho, it. Zagan-Gorochlim, seu Candida Noctua, etc.; Noctua non-aurita, maxima, nivea, candoris intemerati, nullis interturbati maculis; Noctua heraldica Mongalo-Tattarorum Asiatica legitima; Weiße Mongalische Wapen=Eüle; زچانگ تازيا Zacháng-Tazià*¹⁰⁰.

153 (5 января 1723 г.). *Küchtschy* **Tattarorum & Russorum in Jenizeæ fluvii tractibus**; *Aqvilæ majoris* genus, forsán maximum. An-*Chrysaëtos Aldrovandi & Willughb.*? **Aliis** *Burkút Tattarice*; *Qvamvis Burkút et Küchtschy non nisi sexu differre* putem.

⁹⁹ В этом месте — отсылка для сравнения к № 127.

¹⁰⁰ Последняя запись — на л. 60.

154 (10 и 13 апреля 1723 г.). *Passer arundinaceus* **Turneri**, **Aldrovando**; *Passer torqvatus* in arundinetis nidificans **Rajo** & **Willughbeji**; *Hortulanus arundinaceus torqvatus atricapillus* **Nobis**; **Anglis** a Reed-Sparrow; **Germanis** *Ein Rohr*=*Sperling*.

155 (13 апреля 1723 г.). *Turdus cinerea fuscus*, non maculatus, insectivorus. An-Tyrdo Hiaco aut Tyladi congener? vel *Turdus Tylas personatus*, cinereofuscus, nonmaculatus, insectivorus.

156 (13 мая 1723 г.). *Loxia Willughbeji*. An-Tragon **Plinii**? **Anglis** a Shell-Apple or Cross-Bill; **Germanis** *ein Kreütz*=*Vogel*; (*Loxia vernalis*, rubescens **Willughbeji**).

157 (14 мая 1723 г.). *Scops Aldrovandi* & **Willughbeji**; **Italys** Chiuvino; **Germanis** *Ein Käützelein*; **Russis** Каню́къ (Kanúk); **Tattaris Kystimis ad Kemschyck fluvium** Ssöger=gánn, vel Ssügergánn.

158 (14 мая 1723 г.). *Loxia Willughbeji*. An-*Loxia autumnum virescens* **EjUSD**? An-Tragon **Plinii**? **Anglis** A Shell-Apple, a Cross-Bill; **Germanis** *Ein Kreütz*=*Vogel*.

159 (15 мая 1723 г.). *Querquedula prima Aldrovandi* et **Willughbeji**; Garganey **Italorum Mediolanensium**; Kernell **Germanorum Argentoratensium**, **Gesneri** & **Aldrovandi**; **Russ.** Чирóкъ (Czirók); **Tattaris** Sergéi-Urdack.

160 (16 мая 1723 г.¹⁰¹). *Colymbus cucullatus* et auritus, anurinos; Admiranda avis cucullata aqvatica **Besleri**; Clymbi cristati species **Lochneri**; *Colymbus cristatus* sive auritus **Wormii**; Garápa (Gagára) **Russorum**; **Kystim-Tattaris circa Tschulim fluvium** Madár & Tscherdáth; **Katschinzi-Tattaris Krasnoijarskiæ** Teeskáre-asáck, i.e. Podicipes; **Anglis** a Smal-Loon or Arsfoot, a Didapper, a Dipper, a Dobbick, a Doucker; **Germanis** et **Jonstono** *Ein Suchel oder Suchelin*.

161 (18 мая 1723 г.). *Nisus recentiorum*; Accipiter *Fringillarius Willughbeji*; **Anglis** a Sparrow-Hawk; **Germanis** *Ein Fincken*=*Sperber*.

162 (18 и 27 мая 1723 г.). *Noctua non aurita major Willughbejo*, forsan non-recensina, nisi sit *Ulula Aldrovandi*; forte *Strix cinerea Willughbeji*; **Anglis** a Grey-Owl; **Gallis** Hulot; **Germanis** *Eine Eüle*; Cóva (Ssóbha) **Russorum** alia.

163 (12 июня 1723 г.). *Hirundo rustica Nobis*; *Hirundo egestris Plinio*; sive rustica **Willughbeji**; **Anglis** A Martin or Martlet; **Russis** Ласточка Бълогýска (Lastoczka Bielogusska), i. e. *Hirundo Pygargus*; **Germanis** *Eine Feld*=*Schwalbe*.

164¹⁰². *Trochilus Salicarius*; *Regulus non cristatus Aldrovandi*. An-*Astilus Bellonii*? An-*Luteola Turneri*? **Willughbejo** *Ein Meidling*, *Ein Meydenkónig*, *Ein Weiden*=*Schlüpfperchen*; Rectius forsan *Locustella*.

¹⁰¹ В конце вводной номенклатурной части указана дата — 15 мая 1723 г.; в конце всей записи — 16 мая 1723 г.

¹⁰² Запись не окончена, дата записи не укаана.

165 (5 и 6 июня 1723 г.). *Turdus Iliacus sive Illas aut Tylas*; **Anglis** a Redwing, a Swinepipe, a Wind-thrush; **Germanis** *Eine Wein=droßel*.

166 (9 июня 1723 г.). *Tringa media fusca, ductu per scapularum longitudinem nigro, ochropus, melanorhynchus*; **Willughbejo** non recensita nec forte præter eum aliis; *Rectius Limosa recurvi rostra minor*; **Тавгý-Samodín** seu **Samojedis ad Jenizéam** Morudúncka.

167 (8 и 10 июня 1723 г.). *Urogallus minor* seu *Tetraonis majoris species*¹⁰³; *Grygallis majoris species*¹⁰⁴ **Gesneri** et **Aldrovandi**; perperam pro sui generis ave ab Urogallo diversa habitus; Глухáрь (Gluchár, i.e. Surdaster) **Russis**; **Bocharo-Tattaris** Bos-Soïr; **Ostiackis** seu **Laponibus ad Báchtah fluv. in Jenizéam ostium Dýd**; **Permeckis** Dóshmar; **Calmackis** et **Mongalis** Ýi; **Wercho-Tomski Tattaris** Selèh; **Anglis** Cock of the mountain sive Cock of the Wood; **Svecis** *Kiåder* sive *Fier=Hana*; **Germanis** *ein Auwer Huhn, eine Awer Henne*; **Italís** et **Venetis** Gallo di montagna; **Tungusis** Horócki-hogdínga, i.e. *Urogallus major*; **Tungusis aliis vulgo** Nýmah Nytkukan vel Hulikúkan, i.e. parvus; **Russis** Kamennoi Gluchar; *Urogallus minor saxatilis*.

168 (11 июня 1723 г.). *Regulus non-cristatus, omnium forte minimus*; *Regulus Urticinus*; **Germ.** *Ein Neßel=könig*.

169¹⁰⁵. *Salicaria canora fusca, ductu superciliari albo*.

170 (13 июня 1723 г.). *Turdus niger, ductu superciliari et sub alis albo, canorus*; *Sool=Swarta* **Svecorum**; *Merula Tungusica* **Nobis**.

171 (18 июня 1723 г.). *Larus cinereus maximus* **Willughbeiji**; **Anglis** a Herring-gull; Болшаа Чайка (Bolschaa Czaika) **Russorum**; **Tattaris ad Tobolim** Karabalthà; **Kystim-Tattaris** Ulu-Chailàn; **Deng-Ostiackis** seu **Laponibus ad Nisna-Tunguskæ Ostium** Chalýck; *Eine Große FischMeewe*; **Tungusis** Omnjáti.

172 (26 июня 1723 г.). *Accipiter Leporarius, Leuconurinos (Lagopus pedibus hirsutis)*; (Каню́къ) Kanúck **Russorum in Samodinia**; *Ein Haasen=Habicht*; **Tungusis** Tschà; *Macropteros*.

173 (27 июня 1723 г.). Чюгáйка (Czugáika) **Russorum**; seu *Anser ferus minimus*; **Tungusis ad Nisna-Tunguskam flivium** Nunáký-Hulikúkan; **Asstiackis-Samarow** Kurissém.

174 (30 июня 1723 г.). *Cyanurus sub alis luteus Tungusicus*; *Ein Blaw=Schwäntzchen*; forsán nondum recensitus ab aliis.

175 (1 июля 1723 г.). *Urogallus minor*; non recensitus ab **Authoribus**; Глухáрь малой (Gluchár malói) sive *Surdaster minor* **Russorum**;

¹⁰³ Исправлено вместо первоначального «Tetrao major [позднее исправлено на «monir»] Willughbeji».

¹⁰⁴ Исправлено вместо первоначального «Grygallis major [позднее исправлено на «minor»]».

¹⁰⁵ Запись не окончена, дата не указана; имеется отметка о результатах взвешивания 15 июня 1723 г.

Tungusis Nýmah-Nytkukán vel Hulikúkan, i.e. Urogallus minor; *Ein kleiner Awr=Hahn*; **Russis** alias Kamennai-Gluchâr; Illius № 167 recensitis varietas, ut puto.

176 (2 июля 1723 г.). Chrysobronchites albicilla montanus Tungusicus; vel Chrysophoeo-bronchites albicilla; vel Ochrophæo-bronchites albicilla; brachypteros melanopus; Muscicapa.

177 (8 июля 1723 г.). Aqvila fulvo-fusca varia saxatilis, media; **Russis** (Орель) Orel; **Tungusis** Gusch, false Kÿren; **Laak-Ostiackis inter Narim et Surgut** Limb [?]; *Ein mittelmäßiger Stein=Adler*; Aqvila Pygargus, melanorynchos, xanthopus, fulvo-fusca varia.

178 (18 июля 1723 г.). Lagopus avis **Aldr.** et **Willughbeji**; **Rhætis in Helvetia** Rabolane; **Italis** Francolino; Perdix alba **Sabaudis**; An-Gor-Cock **Anglorum**; **Svecis** *Sniö=Rypa & Fiål=Rypa*; **Russis** (Куропátка) Куропátка; **Tattaris Tobolskiensibus** Aghun; **Tungusis ad Chatangam fl.** Hélécky; **Germanis** *Schnee=Huhn*; **Livonis** *Morast=Huhn*; habitu æstivo personato; Lagopus altera **Gesneri** sive varia **Willughb.**

179 (25 июля 1723 г.). Aqvila Pygargus **Willughbeji**; Albicilla **Gazæ** et Hinnularia **qvibusdam**; Pygargus ichthyophagos Tungusicus **Nobis**; vel Ichthyaëtos pygargus Tungusicus, xathorynchos, xanthopus, fulvo fuscus.

180 (27 июля 1723 г.). Mergus cirratus fuscus; **Venetorum** Serula; Anas ut puto longirostra **Gesneri**, **Aldrov.** & **Willughbeji**; **Russis** (Крохаль) Крохál; **Wercho-Tomski Tattaris** Agassír; **aliis** Sus-Chás; **aliis** Tschusch; **Tungusis** "Ottin; **Ostiackis ad Jenizéam** Hóhl.

181 (29 июля 1723 г.). Colymbus caudatus major, fuliginosis, occipitio lævi, scutulo sub gula spadiceo; **Tungusis ad Ylimpíi fluvii in Chatangam ostium** Uhkáng; **Russis** (Гарáпа) Gagára; **Tattaris Kystimis ad Kara-Yjus fluvium** Páthsch; **Katschinzi-Tattaris ad Katschæ ostium** Teeskáre-asack; **Tattaris Tobolskiensibus** et **aliis** Tschomgáh; **Anglis** a greater Loon or Arsfoot-Diver; **Danis** Lumme; **Svecis** Lomm; **Germanis** *Eine Große See=Fluder*; **Tattaris qvibusdam** Kógÿ; **Ostiackis ad Jenizéam** Býth.

[182¹⁰⁶. Aqvila pygargus Tung.

183. Anser ferus **Willughb.**

184. Anas Fistularis.

185. Alauda Galerita flav.

186. Cygnus ferus minor.

187. Anser ferus Bubonossius.

188. Anas Circia min.

189. Coccothraustes rosea.

¹⁰⁶ Для утраченного восьмого тома можно восстановить только перечень основных латинских наименований видов — в соответствии с указателем, имеющемся в девятом томе (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 15: 63 v.).

190. *Cirlus stultus*.
 191. *Passer montanus Stiriae*.
 192. *Falco Xanthorynchus*.
 193. *Palumbarius accipiter*.
 194. *Perdix cinerea*.
 195. *Monedula leucozon*.
 196. *Qverqvedula Kloctunia*.
 197. *Linaria rubra maj*.
 198. *Alauda Galerita alba*.
 199. *Anser Suchonoss*.
 200. *Ruticilla nigra*.
 201. *Columba dom*. **Will.]**

202 (23, 24 и 25 апреля 1724 г.). *Larus leucospodoeides argyromacropteros atricapillus*, rostro miniaceo, cauda forcipata, melanopus; *Larus forte major cinereus Leonhardi-Baltneri, Willughbejo; Eine große See=Meewe*; vel potius *Sterna major et forte maxima*.

203 (1, 2 и 3 мая 1724 г.). *Anas Boschas minor*, maxillis purpureo-smaragdinis gemmantibus, vertice spadiceo, cervice cirrata torqvataque, drepanopteros, phæopus; Косáтая-Селезёнъ, Kossataã-Sselesen **Russorum; Authoribus** nondum quoad ejus scitur, recencita; **Teutonice Eine Sichel-Ente**.

204 (3 и 4 мая 1724 г.). *Ardea cinerea major Willughbeji; Anglis a common Heron*; (Чапля или¹⁰⁷ Цапля¹⁰⁸) *Czaplæ vel Tzaplæ Russorum; Choibal-Kystim-Tattaris ad Oyam, Tubam et Jenizeam fluvios Tsehapà; Bocharo-Tattaris Tobolskoënsibus Kûûck¹⁰⁹-Kajáh; Græcis Ἐρῳδιός; Pella Aristoteli; Svecis Håger; Germanis ein Asch=grauer Reyger; Mongalo-Burátis Kokudegilléy*.

205 (7 и 8 мая 1724 г.). *Accipiter fringillarius; Nisus recentiorum et Willughbeji; Anglis a Sparrow-Haw [?]; Germanis ein Fincken=Sperber; Nisus recentiorum¹¹⁰*.

206 (14 и 15 мая 1724 г.). *Anas platyrnchos, clypeata, cyanopteros, erythropus; Anas platyrnchos altera sive clypeata; Germanis Taschenmaul dicta Aldr. et Willughb.; (Соў́унь & Плутонóсь¹¹¹) Ssoxún & Plutonóss Russorum; Tungusis Káptal; Burath-Mongalis Honno; Anglis a Shoveler; Germ. ein Taschen=Maul, ein Breitschnabel, eine Schauffel=Ente*.

¹⁰⁷ Над обеими «и» — знак тонкого придыхания.

¹⁰⁸ В двух этих номенах конечная «я» написана различными графическими способами.

¹⁰⁹ В документе над двумя «и» стоит один общий диакритический знак наподобие французского «сирконфлекс».

¹¹⁰ Далее следует отсылка к № 161 «Орнитологикона».

¹¹¹ Над «у» — знак тонкого придыхания.

207 (1 и 2 июня 1724 г.). *Colymbus auritus anurinos, collo nigro, macula sub larynge pisiformi alba, pectore niveo*; Morin-Nogohùng **Mongalo-Burathis**; **Russis** (Гарáпа) Gagára; **Gallis** Plongeon; **Germanis** *Ein Suchel oder Suchelin*; **Anglis** an Arsfoot, a Dipper, Didapper or Dobchick; Nondum forte recensitus ab Ornithologis; **Tungusis** Otschibha.

[208. *Tinnunculus sub ala albus*.

209 (1 и 2 июня 1724). *Avosetta Ital.*]

210 (2 и 3 июня 1724 г.). *Columbus auritus-ceratoïdes, vertice cum nucha et cervice nigris, mento cum maxillis et gula pallide cinereis, collo russo, anurinos*; **Mongalo-Buráthis** Anggatòh; **Konni-Tungusis in Davuria** Náabhaga.

211¹¹². *Corvus aquaticus Willughb.*; *Phalacrocorax Charletononi, Aldrov. et Jonst.*; *Corvus marinus qvibusdam*; **Gallis** *Anglisque* Cormorant; **Germanis** *ein See=Rabe*; **Mongalo-Burathis** Bahatò-boruktschèn; **Russis** (Баклáнь и¹¹³ Баклáниха) Baklàn & Baklánicha.

[212. *Ukir Anas. Macherell*.

213 (12, 13, 14 и 15 июня 1724 г.). *Upupa Will.*]

214 (17, 18 и 19 июня 1724 г.). *Grus Davurica cinerea, recalva, area, aures obtegente plumacea, orbiculari cinerea, cute pedum punicea, ductu cervicali candido longissimo*; **Konni Tungusis in Davuria** Karábh.

215¹¹⁴. *Otis seu Tarda avis (Davurica diversa ab Otide Bellonii, Jonstoni) Aldrovandi et Willughbeji*; *Gustarda Scotorum et Boëthii*; **Anglis** a Bustard; **Gallis** Oudarte; **Svecis** *Trapp*; **Germanis** *ein Trappe*; (Стéпной Петухъ и¹¹⁵ Стéпная Кúрица) *Stepnoi-Petuch et Stepnaa Kúritza* **Russorum**; *Foemella Mongalo-Burathis* Todock, Mas. *Tschachaltuh*; **Tungusis** Tódock; Kórda **Tattaris. Burath-** An Stella avis? **Willughb.**

[216. *Pica caudata Davurica*.

217. *Columba Vupicola Dav.*

218 (24 и 25 июля 1724 г.). *Hirundo apus*]

219 (25 и 26 июля 1724 г.). *Hirundo saxatilis pygopyrrhos, area pone aures russa, prone tota striatim variegata*; **Authoribus** forsan nondum recensita; *Hirundo saxatilis Davurica vel domestica montana*.

220 (12, 14, 15, 16 и 17 августа 1724 г.). *Columba torqvata Davurica, pectore vinaceo, pedibus nudis puniceis, montana*; **Russis** Дикýй Голубъ (Dikýi-Golub); **Germanice** *Eine Davurische Riegel=Taube*; **Konni-Tungusis** Dshibhò et Dshebhkàn; **Ebræis** (אֶרְבֵּי) Jonah; **Tschulim-Tatt.** Egaigáck. An Turtur?

¹¹² Окончание записи под № 211 отсутствует; дата записи неизвестна.

¹¹³ Над «и» — знак тонкого придыхания.

¹¹⁴ Дата записи неизвестна, так как окончание записи под № 215 отсутствует.

¹¹⁵ Над «и» — знак тонкого придыхания.

221¹¹⁶. *Hirundo domestica* **Willughbeji**; a Common or Howse¹¹⁷— Swallow **Anglorum**; *Hirundo Capnodochica*; **Germanorum** *Eine Rauch=Schwalbe*.

222 (14, 20 и 21 августа 1724 г.). *Anser Cygnoïdes Mongalo-Chinensis rhinoptychos, strumosus, cirratus, oculis cæsiis, cute rostri et pedum ~~rusa~~ auraria* [?], cauda arrecta; **Autoribus** forsán nondum descriptus; *Eine Mongalisch=Chinesische=Schwan=Hanß*; **Davuris** Manghút-Galo.

223 (18 и 19 апреля 1725 г.). *Psittacus minor*; Perroqvét **Gallis**; **ਏਂਟਿ ਤੋਤਾ** (Thenti-tóta) **Indis intra Gangem**; Parochino **Italorum**; **Tangutis** seu **Indis extra Gangem** **ਵੇਪੈਕੈ** Neitzo vel **ਵੇਪੈਕੈ** Neitzo; **Anglis** Parrat or Perochéeto; **Germanis** *Ein Perrocket*; *Psittacus minor Chinensis viridis, vertice coerullo, metopomelanos, longicauda*; Babghah **Arab.**; Taty **Pers**.

224 (9, 10 и 11 мая 1725 г.). *Cygnus mansvetus*¹¹⁸ *Davuricus, rhinoptychos, melanotrigonios, erythrorynchos, trachæa non reflexa simplici*; **ᠮᠤᠩᠭᠦᠯᠢᠰ** Kchöng masculus **Mungüilis**, Foemella vero **ᠮᠤᠩᠭᠦᠯᠢᠰ** Tschæng; **Indis** **ਸਾਰਸ** Ssaræss; **Tangutis** **ᠮᠤᠩᠭᠦᠯᠢᠰ** vel **ᠮᠤᠩᠭᠦᠯᠢᠰ** Wschámgo; **Russis** Лебедь, Lébed; **Bocháris** et **Turco-Tattaris** Akósch; **Kystim Tattaris** Chò; **Tungusis** Gag et Gágil; **Græcis** Κύκνος; **Anglis** ~~a tame Hooper, a tame~~¹¹⁹ Swan, a tame Swan; **Svecis** Swan; **Germanis** *ein Schwan*; *Cygnus mansvetus; a tame Swam* **Angl.** et **Willughb.**

225¹²⁰. *Tadorna Bellonii* et **Willughbeji**; *Vulpanser qvibusdam*; **Anglis** a Sheldrake or Burroughduck, called by some Bergander; **Kystim-Tataris ad Abacan fl.** et **Mongolis in Davuria** Ala-chass **ᠮᠤᠩᠭᠦᠯᠢᠰ** seu *Anser diversicolor*.

Литература и источники

Basargina, E. Yu., Lehfeldt, W., Mayer, I. (ed.) 2022: Avium in Siberiæ Regno observatarum enumerationes methodo inter ornithologos recepta consignatae. In: Bondar, L. D., Tunkina, I. V. (ed.): “*Sibiria Perlustrata*” D. G. Messershmida — *enciklopedicheskoe opisanie*

¹¹⁶ Указан год — 1724 и результаты взвешивания 24 июня 1724 г.

¹¹⁷ Буква «w» в этом слове является, возможно, результатом описки, так как над ней поставлен диакритический знак, употребляемый для рукописной буквы «u» в курренте.

¹¹⁸ Изначальное, исправленное на «svetus» слово не поддается прочтению.

¹¹⁹ И в первом, и во втором случае зачеркнутое «tame» написано поверх лексем, не поддающихся прочтению.

¹²⁰ Дата неизвестна, поскольку окончание записи № 225 отсутствует.

- Sibiri Petrovskoj epohi* [*“Siberia Perlustrata” by D. G. Messerschmidt — encyclopedic description of Siberia of the Petrine epoch*]. St. Petersburg: Renome, 397–399.
- Басаргина, Е. Ю., Лефельдт, В., Майер, И. (публ.) 2022: Avium in Siberiæ Regno observatarum enumerationes methodo inter ornithologos recepta consignatae. В кн.: Бондарь, Л. Д., Тункина, И. В. (ред.): «*Siberia Perlustrata*» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. СПб.: Реноме, 397–399.
- Basargina, E. Yu., Zenkevich, S. I. 2022: [The field library of a scientist traveler of the beginning of the XVIII century]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal “History”], 13, 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021197-5-1/>.
- Басаргина, Е. Ю., Зенкевич С. И. 2022: Походная библиотека ученого путешественника начала XVIII в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 13, 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021197-5-1/>.
- Bondar, L. D. 2022a: D. G. [Messerschmidt as a linguist]. In: Sizova, A. A., Zorin, A. V., Bondar, L. D.: *Slovarnye materialy v dokumental'nom nasledii D. G. Messerschmidta: mongol'skiy i tibetskiy slovniki* [Dictionary materials in the documentary heritage of D. G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan dictionaries.]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 9–20.
- Бондарь, Л. Д. 2022a: Д. Г. Мессершмидт как языковед. В кн.: Сизова, А. А., Зорин, А. В., Бондарь, Л. Д. *Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники*. СПб.: Петербургское востоковедение, 9–20.
- Bondar, L. D. 2022b: [Linguistic research in a scientific expedition to Siberia (1719–1727): D. G. Messerschmidt and Ph. J. Strahlenberg]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 21, 8, 44–66.
- Бондарь, Л. Д. 2022: Лингвистические исследования в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727): Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 21, 8, 44–66.
- Bondar, L. D. 2023: Messerschmidt als Sprachforscher. In: Lehfeldt, W.: *Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler*. Göttingen: Universitätsverlag, 299–327.
- Bondar, L. D., Zorin, A. V. 2022: [Lexicographic studies of Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): methods of work on the collection and processing of language material]. In: *Indoevropěj-*

- skoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]*. 25 (2), 1235–1257.
- Бондарь, Л. Д., Зорин, А. В. 2022: Лексикографические занятия Даниэля Готтлиба Мессершмидта (1685–1735): методика работы по сбору и обработке языкового материала. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 25 (2), 1235–1257.
- Chivtaev, Yu. I. 2021: [Companions of D. G. Messerschmidt]. In: Tunlina, I. V. (ed.): *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia (1719–1727)]*. St. Petersburg: Renome, 65–118.
- Чивтаев, Ю. И. 2021: Спутники Д. Г. Мессершмидта. В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727)*. СПб.: Реноме, 65–118.
- Chivnaev, Yu. I., Bondar, L. D. (ed.) 2021: [*Messerschmidt D. G. "In Irkutsk on the Angara River" (diary: December 1723 — February 1724)*]. Irkutsk: Na Chekhova.
- Чивтаев, Ю. И., Бондарь, Л. Д. (ред.) 2021: *Мессершмидт Д. Г. «В Иркутском на реке Ангаре» (дневник: декабрь 1723 — февраль 1724)*. Иркутск: На Чехова.
- Dal, V. I. 1909: *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]*, 4. St. Petersburg; Moscow: М. О. Wolf Partnership.
- Даль, В. И. 1909: *Толковый словарь живого великорусского языка*, 4. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф.
- Jahn, I. 1989: Das Ornithologicon des Arztes Daniel Gottlieb Messerschmidt: Unveroffentlichte zoologische Ergebnisse seiner Forschungsreise (1720–1727). *Mitteilungen der deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Reihe 3*, 33, 103–135.
- Knüppel, M., Lehfeldt, W. 2023: Das „Reise-Inventarium“ und die Bibliothek D. G. Messerschmidts. In: Lehfeldt, W. *Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler*. Göttingen: Universitätsverlag, 597–646.
- Lehfeldt, W. 2019: [D. G. Messerschmidt: biographical outline and chronology of events]. In: Basargina, E. Yu. etc. (ed.): *Pervyy issledovatel' Sibiri D. G. Messershmidt: Pis'ma i dokumenty. 1716–1721 [The first explorer of Siberia D. G. Messerschmidt: Letters and documents. 1716–1721]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 19–32.
- Лефельдт, В. 2019: Д. Г. Мессершмидт: биографическая канва и хронология событий. В кн.: Басаргина Е. Ю. и др. (ред.): *Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721*. СПб.: Нестор-История, 19–32.

- Lehfeldt, W. 2023: *Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler*. Göttingen: Universitätsverlag.
- Lehfeldt, W., Bondar, L. 2022: [The manuscript of D. G. Messerschmidt “Sibiria Perlustrata”: structure and content]. In: Bondar, L. D., Tunkina, I. V. (ed.): “Sibiria Perlustrata” D. G. Messerschmidt — *enciklopedicheskoe opisaniye Sibiri Petrovskoy epohi* [“Sibiria Perlustrata” by D. G. Messerschmidt — *encyclopedia description of Siberia of the Petrine epoch*]. St. Petersburg: Renome, 23–50.
- Лефельдт, В., Бондарь, Л. Д. 2022: Рукопись Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata»: структура и содержание. В кн.: Бондарь, Л. Д., Тункина, И. В. (ред.): «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — *энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи*. СПб.: Реноме, 23–50.
- Messerschmidt, D. G. 2020: *Sibiria Perlustrata, etc.* St. Petersburg: Kolo.
- Novlyanskaya, M. G. 1970: [Daniil Gottlieb Messerschmidt and his works on the study of Siberia]. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch.
- Новлянская, М. Г. 1970: *Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири*. Л.: Наука, Ленинградское отделение.
- Pallas, P. S. 1782: Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien. In: *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*, 3, 97–158.
- Sizova, A. A. 2021: [Information about the Mongolian languages in the diaries of D. G. Messerschmidt]. In: Tunlina, I. V. (ed.): *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messerschmidta v Sibir' (1719–1727)* [To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia (1719–1727)]. St. Petersburg: Renome, 330–342.
- Сизова, А. А. 2021: Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта. В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727)*. СПб.: Реноме, 330–342.
- Sizova, A. A. 2022a: [Languages and dialects used by D. G. Messerschmidt when writing mineralogical, botanical and zoological terminology in the first column in the second volume “Sibiria perlustrata”]. In: Bondar, L. D., Tunkina, I. V. (ed.): “Sibiria Perlustrata” D. G. Messerschmidt — *enciklopedicheskoe opisaniye Sibiri Petrovskoy epohi* [“Sibiria Perlustrata” by D. G. Messerschmidt — *encyclopedia description of Siberia of the Petrine epoch*]. St. Petersburg: Renome, 202–205.
- Сизова, А. А. 2022a: Языки и диалекты, использованные Д. Г. Мессершмидтом при записи минералогической, ботанической и зоологической терминологии в первой колонке во втором томе «Sibiria perlustrata». В кн.: Бондарь, Л. Д., Тункина, И. В. (ред.):

- «*Sibiria Perlustrata*» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. СПб.: Реноме, 202–205.
- Sizova, A. A. 2022b: [Mongolian material in the documentary heritage of D. G. Messerschmidt]. In: Sizova, A. A., Zorin, A. V., Bondar, L. D.: *Slovarnye materialy v dokumental'nom nasledii D. G. Messerschmidta: mongol'skiy i tibetskiy slovniki* [Dictionary materials in the documentary heritage of D. G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan dictionaries.]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 22–29.
- Сизова, А. А. 2022b: Монгольский материал в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта. В кн.: Сизова, А. А., Зорин, А. В., Бондарь, Л. Д. *Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 22–29.
- Sizova, A. A. etc. (ed.) 2022a: «Pinacis medici Regnum minerale, etc.». In: Bondar, L. D., Tunkina, I. V. (ed.): “*Sibiria Perlustrata*” D. G. Messerschmidta — *enciklopedicheskoe opisanie Sibiri Petrovskoj epohi* [“*Sibiria Perlustrata*” by D. G. Messerschmidt — *encyclopedia description of Siberia of the Petrine epoch*]. St. Petersburg: Renome, 211–227.
- Сизова, А. А. и др. (публ.) 2022a: «Pinacis medici Regnum minerale, etc.» В кн.: Бондарь, Л. Д., Тункина, И. В. (ред.): «*Sibiria Perlustrata*» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. СПб.: Реноме, 211–227.
- Sizova, A. A. etc. (ed.) 2022b: «Pinacis medici Regnum animal, etc.». In: Bondar, L. D., Tunkina, I. V. (ed.): “*Sibiria Perlustrata*” D. G. Messerschmidta — *enciklopedicheskoe opisanie Sibiri Petrovskoj epohi* [“*Sibiria Perlustrata*” by D. G. Messerschmidt — *encyclopedia description of Siberia of the Petrine epoch*]. St. Petersburg: Renome, 397–399.
- Сизова, А. А. и др. (публ.) 2022b: «Pinacis medici Regnum animal, etc.» В кн.: Бондарь, Л. Д., Тункина, И. В. (ред.): «*Sibiria Perlustrata*» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. СПб.: Реноме, 397–399.
- Smirnov, A. V. 2022: D. G. [D. G. Messerschmidt as a zoologist]. In: Bondar, L. D., Tunkina, I. V. (ed.): “*Sibiria Perlustrata*” D. G. Messerschmidta — *enciklopedicheskoe opisanie Sibiri Petrovskoj epohi* [“*Sibiria Perlustrata*” by D. G. Messerschmidt — *encyclopedia description of Siberia of the Petrine epoch*]. St. Petersburg: Renome, 308–316.
- Смирнов, А. В. 2022: Д. Г. Мессершмидт как зоолог. В кн.: Бондарь, Л. Д., Тункина, И. В. (ред.): «*Sibiria Perlustrata*» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. СПб.: Реноме, 308–316.
- SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8–16.
СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8–16.

- SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20.
СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20.
- SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 22.
СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.
- SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 24.
СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 24.
- SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 39.
СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39.
- SPbB ARAS. F. 98. L. 2. Fl. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. Д. 8.
- Willughby, F. 1676: *Ornitologiae libri tres: in quibus aves omnes hactenus cognitae in methodum naturis suis convenientem redact accurate describuntur*. Londini: Regiae Societatis Typographi.
- Zenkevich, S. I., Basargina, E. Yu. 2023: [Once again about the Danzig environment of D. G. Messerschmidt in 1685–1718]. In: Tunkina, I. V., Bondar, L. D. (ed.): *Isidis Sibiricae xenium: k 80-letiyu professora Vernera Lefel'dta: sb. statej [Isidis Sibiricae xenium: to the 80th anniversary of Professor Werner Lehfeldt: collection of articles]*. St. Petersburg: Renome, 254–289.
Зенкевич, С. И., Басаргина, Е. Ю. 2023: Еще раз о данцигском окружении Д. Г. Мессершмидта в 1685–1718 гг. В сб.: Тункина, И. В., Бондарь, Л. Д.: *Isidis Sibiricae xenium: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта*. СПб.: Реноме, 243–253.
- Zenkevich, S. I., Basargina, E. Yu., Sizova A. A. 2022: [Messerschmidt and his “bibliographic list”]. In: Bondar, L. D., Tunkina, I. V. (ed.): *“Sibiria Perlustrata” D. G. Messerschmidta — enciklopedicheskoe opisanie Sibiri Petrovskoj epohi [“Sibiria Perlustrata” by D. G. Messerschmidt — encyclopedic description of Siberia of the Petrine epoch]*. St. Petersburg: Renome, 170–201.
Зенкевич, С. И., Басаргина, Е. Ю., Сизова А. А. 2022: Д. Г. Мессершмидт и его «библиографический список». В кн.: Бондарь, Л. Д., Тункина, И. В. (ред.): *«Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи*. СПб.: Реноме, 170–201.
- Zorin, A. V. 2022: [Materials on the Tibetan language in the documentary heritage of D. G. Messerschmidt]. In: Sizova, A. A., Zorin, A. V., Bondar, L. D.: *Slovarnye materialy v dokumental'nom nasledii D. G. Messerschmidta: mongol'skiy i tibetskiy slovniki [Dictionary materials in the documentary heritage of D. G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan dictionaries.]*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 216–227.
Зорин, А. В. 2022: Материалы по тибетскому языку в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта. В кн.: Сизова, А. А., Зорин, А. В., Бондарь, Л. Д. *Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и*

тибетский словники. СПб.: Петербургское Востоковедение, 216–227.

Zorin, A. V. etc. 2023: [“Collectanea Messerschmidiana”: a brief inventory]. In: Tunkina, I. V., Bondar, L. D. (ed.): *Isidis Sibiricae xenium: k 80-letiyu professora Vernera Lefel'dta: sb. statej [Isidis Sibiricae xenium: to the 80th anniversary of Professor Werner Lehfeldt: collection of articles]*. St. Petersburg: Renome, 254–289.

Зорин, А. В. и др. 2023: «Collectanea Messerschmidiana»: краткая опись. В сб.: Тункина, И. В., Бондарь, Л. Д.: *Isidis Sibiricae xenium: k 80-летию профессора Вернера Лефельдта*. СПб.: Реноме, 254–289.

Zorin A. V., Ivanov V. P. 2023: D. G. [D. G. Messerschmidt as an indologist]. In: Tunkina, I. V., Bondar, L. D. (ed.): *Isidis Sibiricae xenium: k 80-letiyu professora Vernera Lefel'dta: sb. statej [Isidis Sibiricae xenium: to the 80th anniversary of Professor Werner Lehfeldt: collection of articles]*. St. Petersburg: Renome, 176–198.

Зорин, А. В., Иванов, В. П. 2023: Д. Г. Мессершмидт как индолог. В сб.: Тункина, И. В., Бондарь, Л. Д.: *Isidis Sibiricae xenium: k 80-летию профессора Вернера Лефельдта*. СПб.: Реноме, 176–198.

С. Г. Карпюк

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. oxlos@yandex.ru

СОВЕТСКИЙ КЛАССИЦИЗМ СИМОНА МАРКИША¹

В статье рассмотрены биография, переводческая деятельность и взгляды Симона Маркиша, одной из ключевых фигур советского классицизма 1950–1960-х гг. Для Маркиша был очевиден источник советского послевоенного классицизма: это — атмосфера имперского ложноклассического стиля, господствовавшая в послевоенные годы, что способствовало снисходительному и даже покровительственному отношению к классическому наследию.

Ключевые слова: классическая филология в СССР, МГУ, советский классицизм, история антиковедения, Симон Маркиш.

Sergei Karpyuk

Institute of World History RAS, Moscow, Russia. oxlos@yandex.ru

Soviet classicism of Simon Markish

The article considers the biography, translation activity and views of Simon Markish, one of the key figures of Soviet classicism of the 1950–1960s. The problems of the functioning of the classical tradition, the training of classical philologists in the USSR in the second half of 1940 — the first half of the 1950s. in the last decade attracted the attention of domestic researchers. For Markish, the source of Soviet post-war classicism was obvious: this is the atmosphere of the imperial false classical style that prevailed in the post-war years, which contributed to a condescending and even patronizing attitude towards the classical heritage.

For a decade and a half of active work in the field of anticology, Markish managed to do a lot, he was a representative of the «new wave» of Soviet anticologists of the Thaw era. Markish enjoyed both fame and was considered the highest authority in the field of antiquity in the literary and artistic circles of Moscow and Leningrad (among those on whom he pointed out unconditional influence, one can mention poets Anna Akhmatova and Joseph Brodsky, actor and director Sergei Yursky). For Brodsky and Yursky, Markish was not only a friend, but also the highest authority in the field of ancient heritage. Brodsky's «Letters to a Roman Friend» cannot be imagined without conversations with Markish.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 24-28-01315 «Послевоенный классицизм: социальный заказ и интеллектуальное пространство советских специалистов по древней истории, 1945–1956 гг.».

With his activities, Simon Markish showed the opportunity for a classical philologist to have a successful career outside the framework of the official scientific hierarchy.

The «forced classicism» of the post-war period, the forced introduction of Latin teaching into school curricula caused fair public discontent. However, there was also a side result, quite a positive result: the expansion of the audience of readers of ancient authors and in general people interested in antiquity. Simon Markish worked for this audience in the second half of the 1950–early 1960s, and his translation and educational activities were surprisingly successful.

Keywords: classical philology in the USSR, Moscow State University, post-war period, Soviet classicism, Simon Markish

Проблемы функционирования классической традиции, подготовки филологов-классиков в СССР второй половины 1940–первой половины 1950-х гг. в последнее десятилетие привлекли внимание отечественных исследователей. В этой связи следует отметить статью В. В. Файера, посвященную анализу поколенческой памяти филологов-классиков (Fayer 2013), а также работы А. М. Скворцова по истории отечественной классической филологии (Skvortsov 2022; 2023). Публикация наследия Симона (Шимона) Маркиша, известного переводчика и популяризатора античности, которую осуществила в Будапеште Жужа Хетени (т. I–VII, 2020–2022 гг.) (Markish 2020; Markish 2022; Markish 2022a), позволяет дополнить картину «советского классицизма» тех лет (во всяком случае, ситуацию в Москве).

Симон Перецович Маркиш (1931–2003) был сыном известного еврейского советского поэта (писал на идиш) Переца Маркиша, его матерью была литератор Эстер Лазебникова. В 1948 г. он поступил на филологический факультет МГУ, чтобы изучать английский язык и литературу. После ареста отца и обыска в январе 1949 г. Симон Маркиш «решил переменить идеологически окрашенное слово на любое, какое ни случится, дело... Единственное, что оставалось, — это нейтрализовать, деидеологизировать слово, чтобы оно не несло никакой нагрузки, кроме грамматической — род, падеж, число, залог и т.п.». Выбор пал на отделение классической филологии (Markish 2020: 23–24), которое при этом находилось, по словам Маркиша, «в неприглядном виде». Согласно мнению современного исследователя, основанного на воспоминаниях современников, «...студентам классического отделения в те годы приходилось

выбирать между довольно примитивным социологизмом или никому не понятным марризмом, с одной стороны, и изучением древних языков без выраженного исследовательского подхода — с другой» (Fayer 2013: 312)².

Поступали на классическую филологию преимущественно те абитуранты (часто бывшие фронтовики), которые хотели поступить на другие отделения филологического факультета, но не смогли набрать проходной балл. «Из 25 студентов-«классиков» первого курса только четверо выбрали свою специальность сознательно» (Hetényi 2020: 10)³. Маркиш с увлечением осваивал избранную специальность, руководителем его дипломной работы, посвященной Апулею, стал Сергей Иванович Соболевский. Доучиться Маркиш не успел: 1 февраля 1953 г. он, как и другие родственники «врагов народа» «безродных космополитов» были высланы в Казахстан, в Кзыл-Орду. Чтобы помочь ему найти работу в месте ссылки, кафедра классической филологии организовала досрочную защиту диплома. Защита прошла успешно, и Маркиш был рекомендован в аспирантуру. Преподававшая на кафедре Жюстина Севериновна Покровская открыто выражала поддержку опальному студенту (Hetényi 2020: 12). В данном случае мы сталкиваемся с примером корпоративной солидарности, которая играла важную роль.

В 1954 г. в результате начала эпохи оттепели Симон Маркиш вернулся из ссылки, в июне 1954 г. получил наконец-то диплом и стал искать приложение своей молодой энергии. Он избрал для себя переводческую и просветительскую стезю, причем этот выбор был абсолютно сознательным. Маркиш в письме другу в декабре 2001 г. писал, что он в первую очередь переводчик, во вторую — популяризатор, просветитель, и ни в коем случае не ученый: «Всю дорогу считал себя, в первую голову, переводчиком и комментатором, во вторую — популяризатором и ни в какую (голову, очередь) — ученым» (Hetényi 2020: 17).

² Н. Ф. Дератани выдвигал молодых преподавателей, готовых работать «в актуальной парадигме», что не вызывало одобрения среди филологов-классиков старшего поколения (Fayer 2013: 313; ср. Skvortsov 2023: 196 о ситуации на кафедре).

³ Большое число студентов-классиков было связано со стремлением обеспечить школы преподавателями латинского языка (Карпюк 2021: 35–36; Skvortsov 2022; 2023).

Возможности работать по специальности у филологов-классиков в 1950-е годы было мало, и Симон Маркиш преподавал латинский язык в медицинском училище, работал в различных редакциях. После публикации примечаний и предисловия к вышедшему в 1956 г. «Золотому ослу» Апулея Маркиш стал редактором в редакции переводов издательства ГИХЛ/«Художественная литература». Оттуда он ушёл по собственному желанию, когда в 1962 г., по рекомендации Анны Ахматовой, стал членом Союза писателей. Вторая половина 1950-х и 1960-е годы — годы расцвета переводческой активности Симона Маркиша. Маркишевские переводы античных авторов могли бы (и могут!) составить целую книжную полку (указываю годы издания): три диалога Лукиана (1955), «Апология» и «Флориды» Апулея (1964), три тома «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (1961–1964), причем третий том был подготовлен исключительно Маркишем, «Федон» Платона (1965), «Заговор Катилины» и «Война с Югуртой» Саллюстия (1970). Кроме того, в издательстве «Детская литература» публиковались пересказы античных авторов для детей и юношества, подготовленные Маркишем: «Слава далеких веков. Из Плутарха» (1964), «Миф о Прометее. По Гесиоду, Платону и другим древним писателям, греческим и латинским» (1967), «Тит Ливий. Война с Ганнибалом. Перевод с латинского» (1968). По сути, жанр пересказа античных текстов был Маркишем восстановлен. К этому жанру примыкает книга Маркиша «Гомер и его поэмы» (1962). Огромное значение он придавал также предисловиям, послесловиям и примечаниям, которые не были для него просто формальными добавлениями к основному тексту, а имели подчас самостоятельное значение, подобно примечаниям к трилогии Фейхтвангера об Иосифе Флавии.

После переезда из СССР в Венгрию в 1970 г. Маркиш окончательно перестал интересоваться античностью, но через четверть века написал и издал в 2001 г. в журнале «Знамя» мемуар «Советская античность. Из опыта участника», в котором подвел итоги своего участия в переводах античных текстов и популяризации античности. Маркиш сделал при этом важную для него оговорку: «Прежде всего, необходимо уточнить название. Я не участник, я бывший участник, а это не одно и то же. Я вышел из игры, из профессии почти тридцать лет назад. Три десятка лет неучастия, взгляда со стороны лишают и

возможности, и права предложить сколько-нибудь систематический и мало-мальски исчерпывающий обзор» (Markish 2020: 22).

Маркиш воспринял введенное советским и российским историком и культурологом Г.С. Кнабе понятие энтелехии культуры (Markish 2020: 22), которое представляет собой «поглощение определенным временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой, позднейшей эпохе и способными удовлетворить ее внутренние потребности и запросы» (Knabe 2000: 19). Однако Маркиш применил это понятие уже не к русской, а к советской античности: «На первый взгляд, советская власть и античная культура в обеих своих ипостасях, греческой и римской, несовместимы. ...Контroversa советская власть vs. классическая филология пережила несколько стадий. Если до 1934 года филолог-классик был парией... то после этой роковой даты была реабилитирована история, и вместе с нею вернулась в университеты, на все гуманитарные факультеты классическая филология. В каком виде, в каком качестве — это уже другой вопрос, однако ж вернулась, а ведь была изгоем, без малого врагом народа» (Markish 2020: 23).

Для Маркиша был очевиден источник советского послевоенного классицизма: «...Общая атмосфера имперского ложноклассического стиля, безраздельно восторжествовавшая в послевоенные годы, безусловно, способствовала снисходительному и даже покровительственному отношению к наследию древности» (Markish 2020: 23). Ведение преподавания латинского языка в советских школах стало результатом, как точно определил Маркиш, «контрреформы школьного образования», обучение латинскому языку стояло в одном ряду с введением школьной (гимназической) формы и отдельного обучения для мальчиков и девочек: «Углубляя реформу, а точнее контрреформу школьного образования, восстановившую отдельное обучение и «гимназическую» форму, в нескольких московских и, возможно, ленинградских школах ввели, в начале пятидесятых, в виде эксперимента, латынь, и даже учебник школьный появился, с посвящением... Сталину» (Markish 2020: 23).

Для самого Маркиша советский классицизм оказался живительным: «Вот, стало быть, первая в моем случае функция классической филологии: она укрыла меня от смрада «советской ночи», от ее удушливой лжи. Мою безыдейную игру в бирюль-

ки, сиречь в грамматику, [старшие филологи-классики. — С.К.] — поощряли. Позволяю себе предположение, что перевод был следующим шагом в той же игре. Мы — я имею в виду свое поколение, хотя, наверное, лучше бы мне не представлять, а говорить только от собственного имени, — мы старались шагнуть от грамматики, т. е. от голого смысла, к стилевому нюансу, т. е. к чувству, одухотворяющему смысл, и это одинаково верно и для поэзии, и для прозы» (Markish 2020: 25).

Следует подчеркнуть, что Маркиш сам мерил современность классической меркой, и даже много после, в эмиграции, в изданной по-французски в 1981 г. статье, анализируя репрезентацию образа Сталина в советском киноискусстве 1940 — начала 1950-х годов, писал: «И ровно никакого значения не имеет, отдавали ли себе отчет Чиаурели и Павленко⁴ о том, что они делают, — скорее всего нет. Так — простите за кощунство — автор или авторы гомеровских поэм, скорее всего, понятия не имели о той поразительной симметрии, которую открыли в «Илиаде» и «Одиссее» ученые нового времени» (Markish 2022: 107). Маркиш сравнивал советские художественные произведения тех лет с раннехристианской культурой, отрицавшей всё античное прошлое и казавшейся современникам удивительно примитивной (Markish 2022: 110).

За полтора десятилетия активной работы в области антиковедения Маркиш успел сделать удивительно много, он был представителем «новой волны» советских антиковедов эпохи оттепели. Маркиш и пользовался и известностью, и считался высочайшим авторитетом в области античности в литературно-художественных кругах Москвы и Ленинграда (среди тех, на кого он указал безусловное влияние, можно упомянуть поэтов Анну Ахматову и Иосифа Бродского, актера и режиссера Сергея Юрского). Для Бродского и Юрского Маркиш был не только другом, но и высшим авторитетом в области античного наследия. «Письма римскому другу» Бродского невозможно представить без разговоров с Маркишем. Вот что писала Жужа Хетени: «...В первую очередь он [Маркиш] все же был переводчиком с классических языков, древнегреческого и латыни, в этом качестве его знали и Анна Ахматова, которая советовалась

⁴ Кинорежиссер М. Э. Чиаурели (1894–1974) и организатор кинопроизводства Б. В. Павленок (1923–2012).

с ним о Гомере, и Иосиф Бродский, в поэзию которого вошел богатый материал из литературы античности» (Markish 2022a: 10). Своей деятельностью Симон Маркиш показал возможность для филолога-классика успешной карьеры вне рамок официальной научной иерархии.

«Принудительный классицизм» послевоенного времени, насильственное внедрение преподавания латинского языка в школьные программы вызывало справедливое недовольство общественности (Skvortsov 2023: 198–199). Однако был и побочный, вполне позитивный результат: расширение аудитории читателей античных авторов и вообще людей, интересующихся античностью. На эту аудиторию работал Симон Маркиш во второй половине 1950–начале 1960-х гг., и его переводческо-просветительская деятельность была удивительно успешной.

Литература

- Fayer, V. V. 2013: [Ethics of Academic Memory in Conditions of Generation Conflict]. In: Savel'eva I. V., Vishlenkova E. F. (ed.) *Soslovie russkich professorov. Sozdateli statusov i smyslov [Estate of Russian Professors: Creators of Statuses and Senses]*. Moscow: HSE Publishing, 301–315.
- Файер В. В. Этика академической памяти в условиях поколенческого конфликта, в: И. М. Савельева, Е. А. Вишленкова (отв. ред.) *Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 301–315.
- Hetényi, Z. 2020: Preface to the Vol. I 'Antiquity'. In: Markish, S. 2020: [*The Unvanishing Past. Collected Works of Shimon Markish. Vol. 1. Antiquity*]. Ed. Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű, 9–19.
- Хетени, Ж. Предисловие к первому тому «Античность». «Чувство, одухотворяющее смысл», в: Маркиш, Ш. *Непрошедшее прошлое. Собрание сочинений. Том 1. Античность*. Сост. Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű, 9–19.
- Hetényi, Z. 2022: [The Unvanishing Past. Collected Works of Shimon Markish. Vol. 6. Essays on literature]. Ed. Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű, 2022. Маркиш, Шимон (Симон). *Непрошедшее прошлое. Собрание сочинений. Том 6. Эссе о литературе* / Сост. Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű, .
- Karpyuk, S. G. 2021: [*Soviet Antiquity*]: *A History of Science and Society in 1930–60s*. Moscow: IVI RAN.
- Карпюк, С. Г. 2021: «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. Москва: Институт всеобщей истории РАН.

- Knabe, G. S. 2000: [*Russian Antiquity. Contents, Role and Fate of the Classic Inheritance in Russian Culture*]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000.
- Кнабе, Г. С. *Русская Античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000.
- Markish, S. 2020: [*The Unvanishing Past. Collected Works of Shimon Markish. Vol. 1. Antiquity*]. Ed., preface by Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű, 2020.
- Маркиш, Шимон (Симон) 2020: *Непрошедшее прошлое. Собрание сочинений. Том 1. Античность*. Сост., предисловие Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű, 2020.
- Markish, S. 2022: [*The Unvanishing Past. Collected Works of Shimon Markish. Vol. 6. Essays on Literature*]. Ed., preface by Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű, 2022.
- Маркиш, Шимон (Симон) 2022: *Непрошедшее прошлое. Собрание сочинений. Том 6. Эссе о литературе*. Сост., предисловие Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű.
- Markish, S. 2022a: [*The Unvanishing Past. Collected Works of Shimon Markish. Vol. 7. The Art of Translation*]. Ed., preface by Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű.
- Маркиш, Шимон (Симон) 2022a: *Непрошедшее прошлое. Собрание сочинений. Том 7. Мастерство перевода*. Сост., предисловие Zsuzsa Hetényi. Budapest: ELTE — MűMű.
- Skvortsov, A. M. 2022: [Classical Philology at the Final Stage of the Great Patriotic War: Actualization of the Discipline]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 26/2, 1299–1308.
- Скворцов, А. М. 2022: Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26/2, 1299–1308.
- Skvortsov, A. M. 2023: [“Now we have either to restore... or to ruin it completely”: the Introduction and Rapid Abolition of Latin in Soviet Schools (late 1940s — first half of the 1950s)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 83/1, 185–201.
- Скворцов, А. М. 2023. «Сейчас предстоит или возродить, или окончательно погубить»: введение и скорая отмена латинского языка в советских школах (конец 1940-х — первая половина 1950-х годов). *Вестник древней истории* 83/1, 185–201.

О. В. Кулишова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
o.kulishova@spbu.ru

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭПИГРАФИКИ: ПЕРЕПИСКА Ф. Ф. СОКОЛОВА С А. В. НИКИТСКИМ*

В статье рассматриваются материалы хранящегося в СПбФ АРАН фонда А. В. Никитского (1859–1921), одного из самых талантливых воспитанников Ф. Ф. Соколова, которого по праву считают основателем русской эпитафической школы. В центре внимания автора — письма Соколова Никитскому, которые относятся преимущественно ко времени стажировки Никитского в Греции в 1883–1885 гг., а также черновики писем Никитского и его дневники. Основным предметом переписки было обсуждение и анализ разнообразного эпитафического материала, с которым Никитский работал во время поездки в Грецию, во многом определившей главное направление его последующих научных занятий — изучение надписей Средней Греции, особенно дельфийских. Кроме того, находящиеся в фонде Никитского материалы содержат ценную информацию о жизни научного сообщества Петербургского университета в последние десятилетия XIX — начале XX в., системе и принципах подготовки специалистов-антиковедов, научных связей российских ученых с зарубежными коллегами.

Ключевые слова: А. В. Никитский, Ф. Ф. Соколов, Дельфы, эпитафическая, историография, Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербургский историко-филологический институт, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

O. V. Kulishova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. kulishova@spbu.ru

From the history of Russian epigraphy: correspondence between F. F. Sokolov and A. V. Nikitsky

The article examines materials from the St. Petersburg branch of the Archive of the RAS the fund of A. V. Nikitsky (1859–1921), one of the most talented students of F. F. Sokolov, who is rightfully considered the founder of the Russian epigraphic school. The author focuses on Sokolov's

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>.

The reported study was funded by RSF, project number 23-28-01360

letters to Nikitsky, which relate mainly to the time of Nikitsky's internship in Greece in 1883–1885, as well as drafts of Nikitsky's letters and his diaries. The main subject of the correspondence was the discussion and analysis of the various epigraphic material with which Nikitsky worked during his trip to Greece, which largely determined the main direction of his subsequent scientific studies — the study of the inscriptions of Central Greece, especially from Delphi. In addition, the documents from the fund of A. V. Nikitsky contain valuable information about the life of the scientific community of St. Petersburg University in the last decades of the 19th — early 20th centuries, the system and principles of education of specialists on classical philology and history, scientific connections of Russian scientists with foreign colleagues.

Keywords: A. V. Nikitsky, F. F. Sokolov, Delphi, epigraphy, historiography, St. Petersburg University, St. Petersburg Institute of History and Philology, St. Petersburg branch of the Archive of the RAS.

Александр Васильевич Никитский (1859–1921) принадлежал к плеяде талантливых воспитанников Федора Федоровича Соколова, которого по праву считают основателем русской эпиграфической школы. Среди них, кроме А. В. Никитского, следует назвать В. В. Латышева, В. К. Ернштедта, Н. И. Новосадского, С. А. Жебелева и др. Ф. Ф. Соколов очень высоко оценивал А. В. Никитского, которого считал одним из лучших своих учеников: «В лице А. В. Никитского русская наука имеет настоящего мастера в эпиграфике, стоящего на равной линии с лучшими европейскими знатоками греческих надписей» (Sokolov 1910: 610).

Однако о Никитском написано незаслуженно мало. В. П. Яйленко в статье, которая появилась спустя 50 лет после смерти Александра Васильевича, замечает, что «за последние полвека не только сама личность А. В. Никитского, но и его выдающиеся труды подверглись основательному забвению ...» (Yaulyenko 1972: 175). После этого прошло еще чуть более полувека, но только в последние десятилетия, с возрастанием внимания к истории российского антиковедения рубежа XIX–XX вв., можно заметить появление специальных статей и разного рода справочных обзоров, посвященных А. В. Никитскому. Прежде всего, это очерк о Никитском Э. Д. Фролова в книге «Русская наука об античности» (Frolov 2006: 289–291). Кроме того, необходимо указать на в подготовленные в последнее время электронные энциклопедии и словари преподавателей Московского и Санкт-Петербургского университетов, а также справоч-

ные материалы РАН, действительным членом которой состоял А. В. Никитский (с 1902 г. он — член-корреспондент, а с 1917 г. — ординарный академик Отделения исторических наук и филологии). Особо следует отметить специально посвященные ученому статьи И. В. Тункиной в «Биобиблиографическом словаре членов Российского археологического общества» (Tunkina, 2017: 453–454) и А. В. Смышляевой в «Словаре петербургских антиковедов XIX—начала XX века» (Smyshlyaeva 2021: 558–561).

Важные перспективы изучения биографии и научного наследия А. В. Никитского открывают документы, сохранившиеся в фонде А. В. Никитского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1–62)¹. Среди разнообразных материалов фонда мы обратимся к характеристике одного из самых, на наш взгляд, интересных источников — переписке Соколова и Никитского. В фонде содержится 14 писем Ф. Ф. Соколова, адресованных А. В. Никитскому (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. 34 л.)², они, по преимуществу, относятся ко времени стажировки А. В. Никитского в Греции в 1883–1885 гг. Важно заметить, что в материалах фонда находятся также черновики писем самого Никитского (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 51. 137 л.), часть которых относится к этому периоду. Александр Васильевич был человеком чрезвычайно аккуратным, он не только вел тетрадь с черновиками своих писем, но и составлял опись отправленной корреспонденции. Ценные свидетельства содержит также дневник А. В. Никитского (он его назвал «Между прочим...»), который охватывает почти весь второй год его пребывания в Греции — с 4 ноября 1884 г. по 17 июня 1885 г.

¹ Заметим, что именно с фондом А. В. Никитского в СПбФ АРАН связано начало занятий Э. Д. Фролова историей российской науки об античности. В своей книге он рассказывает о том, как его, тогда 20-тилетнего студента третьего курса Ленинградского университета, К. М. Колобова, заведовавшая в то время кафедрой истории древней Греции и Рима, отправила поработать с фондом Никитского (Frolov 2006: 516). Об этом также свидетельствуют отметки в формулярах соответствующих архивных дел из фонда Никитского, датированные сентябрем 1953 г. (См. также: Klimov, Kulishova, Panteleev, Kholod 2018: 1267–1271).

² Эти письма были сданы в фонд Никитского 19 января 1932 г. С. А. Жебелевым.

(СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 41. 30 л.). Как известно, командировкам в Грецию Ф. Ф. Соколов, который преподавал и в Санкт-Петербургском университете, и в учрежденном в 1867 г. Историко-филологическом институте, отводил важное место в подготовке молодых специалистов-антиковедов (подробнее об этом см., например: Zhebelev 1909: 49). Во время пребывания в Греции его ученики должны были, прежде всего, продолжить занятия археологией и эпиграфикой. Такую стажировку проходили и В. В. Латышев, и Н. И. Новосадский, и некоторые другие ученики Ф. Ф. Соколова. Детальное представление о том, какие цели и задачи ставил Соколов перед своими учениками, дает собственноручно составленная им на трех страницах «Инструкция г. Никитскому, командируемому в Грецию на два года, с 1 июля 1883 года» (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. 2 л.).

Остановимся подробнее на некоторых этапах биографии А. В. Никитского, которые объясняют обстоятельства переписки и ее содержание. Александр Васильевич происходил из семьи священника и в 1874 г. поступил в Новгородскую духовную семинарию, откуда через четыре года, в 1878 г., и был послан на учебу в Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт стипендиатом духовного ведомства. После окончания института с июля 1882 г. Никитский состоял на обязательной в таком случае службе в духовно-учебном ведомстве. Год он проработал преподавателем греческого языка Одесской духовной семинарии, а через год по ходатайству Соколова он был временно освобожден от этой службы и командирован на два года Министерством народного просвещения для продолжения своей профессиональной подготовки в Грецию. Со времени отъезда в Одессу Никитский находится в постоянной переписке с учителем (из 14 находящихся в фонде писем Соколова 12 относится ко времени пребывания Никитского в Одессе, а затем в Греции).

Из писем Ф. Ф. Соколова А. В. Никитскому в Одессу мы узнаем, что отправка в двухгодичную командировку была делом не простым, в том числе и с финансовой стороны. В письме от 31 декабря 1882 г. Соколов сообщает, что после переговоров об этой командировке с министром просвещения и с оберпрокурором Синода и получения их согласия соответствующие бумаги были отправлены к оберпрокурору и в Департамент народного просвещения, при этом «последняя о

том, чтобы Департамент имел в виду при составлении сметы по Министерству на 1883 год — вернее сказать, при распределении суммы, назначенной по смете на командировки, назначение Вам по 1800 р. в год на командировку в Грецию, с 1го августа, и пособия в 150 р. на путевые издержки» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 3). Главные советы учителя в это время касаются продолжения занятий и подготовки к поездке. В этом же письме Соколов рекомендует: «Теперь читайте то, что у Вас найдется в Одессе, изучайте старый *Corpus* и *Corpus Inscriptionum Atticarum*, и издания Одесского общества [имеется в виду Одесское общество истории и древностей. — *О. К.*]. И в этих книгах Вы имеете уже очень много для подготовки. Затем упражняйтесь в списывании надписей — это Вам пригодится. Может быть, в Одессе найдется даже что-нибудь новое, может быть, что-нибудь пришлют из Крыма или откуда-нибудь» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 1об.).

Сохранившаяся в фонде «Инструкция г. Никитскому, командируемому в Грецию на два года, с 1 июля 1883 года за подписью Ф. Ф. Соколова» дает нам детальное представление о том, что Федор Федорович считал важнейшим в подготовке антиковеда. «Изучение и объяснение надписей, изучение истории и древностей, изучение языка — одна и та же наука...» — пишет Ф. Ф. Соколов (Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1)³. Никитскому рекомендовалось продолжить упражнения в копировании надписей и уже изданных, особенно тех, которые читаются с трудом, а также и вновь найденных и еще не изданных. Для этого предполагались поездки из Афин не только в Среднюю Грецию, но и в Фессалию и Эпир, а по возможности на Делос. Далее — работа в библиотеках и музеях, а также необходимость научных контактов, общения с зарубежными коллегами. Соколов подчеркивает: «В высшей степени важно сохранить и поддержать те добрые отношения с греческими, французскими учеными», которые были завязаны предшественниками Никитского (Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1об). Соколов указывал также на необходимость вести самостоятельную исследовательскую

³ Подобные инструкции получали и другие ученики Ф. Ф. Соколова, командируемые в Грецию. См., например, недавнюю публикацию инструкции, составленной Соколовым для Н. И. Новосадского (Belousov 2018: 78–81).

работу с перспективой диссертации. При этом в выборе темы большой (для диссертации) и отдельных сюжетов предоставлялась свобода, хотя Соколов и рекомендует своему воспитаннику возможные конкретные темы, связанные с новыми находками.

Каждые полгода (1 января и 1 июля) Никитскому предписывалось предоставлять отчет директору Института, который должен был содержать изложение новейших открытий (а также собственных открытий, если таковые последуют). Вообще, рекомендовалось составление «кратких рефератов о новейших раскопках, открытиях и исследованиях, происходящих в Греции» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1об). Кроме официальных отчетов, в инструкции предлагалось подробно сообщать о своих успехах и занятиях также в письмах, адресованных Соколову.

Как мы узнаем из дневника Никитского времени его пребывания в Греции, он неукоснительно следовал этим советам: много путешествовал пешком, посещал места раскопок и знакомился с фондами местных музеев, прежде всего, с надписями. Никитский тщательно изучал оригиналы, списывал их, делал эстампажи. В своем письме от 16 октября 1883 г. Соколов удовлетворенно замечает: «Вы премило и преинтересно рассказали, как заглядываете во всякие щели на акрополе и вне акрополя, чтобы найти новые надписи» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 6). Эти находки, подробности и варианты их чтения и токования оказываются важнейшим предметом обсуждения в переписке. В результате этой работы Никитским было подготовлено три статьи для Журнала Министерства народного просвещения, которые были опубликованы в 1884 г. («Одна из неизданных надписей из Олимпии», «Неизданные надписи из Дельф», «Надписи из Западной Локриды»).

Никитский пишет Соколову часто и иногда упрекает учителя, что не получает тотчас ответа на каждое письмо. В своем дневнике Никитский даже дает обещание не писать ни строчки Соколову, пока тот не ответит на очередное послание, а учитель не всегда мог ответить сразу из-за множества педагогических поручений. Соколов часто приносит извинения за задержку с ответом, но его послания очень обстоятельны (он аккуратно перечисляет все полученные им от Никитского письма с указанием даты, порой отвечает пространными комментариями сразу на пять писем ученика).

Материалы переписки позволяют лучше понять характер ее участников, их взаимоотношения, а также проясняют некоторые обстоятельства их повседневной жизни. Уже упомянутый размер стипендии все же был не столь велик, чтобы позволить себе все намеченные в инструкции путешествия по различным областям Греции, и Никитскому при всей его скромности и бережливости часто приходится жаловаться на недостаток средств, а Соколов при этом не устает его ободрять: «...главное, Вы в Елладе, у Вас перед глазами такие почтенные памятники, вокруг кипит такая оживленная работа ученых, — во всяком случае, Вы многому научитесь и приготовитесь учить скифскую молодежь» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 6об). И вновь: «Милый друг, истинно говорю Вам, что очень хотел бы, чтобы наши пособия измерялись не сотнями, а тысячами франков. Я вполне убежден, что деньги эти окупятся бы с избытком Вашими исследованиями. Имея средства, и Вы, и другие наши молодые избранные могли бы заниматься свободные и спокойные, покупали бы надписи и древности у слишком скупых владельцев, сами производили бы раскопки. Ну, что делать. И то утешительно, что и с такими бедными, голодными стипендиями наши петербургские молодые ученые сумели достигнуть многого, выше всех ожиданий» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 15).

Соколов и раньше, еще во время пребывания Никитского в Одессе, старался поддержать практическим советом своего ученика, часто оказывавшегося в непростых материальных обстоятельствах, и нередко делает это со свойственным ему юмором: «На Вашу любовь к науке, на Ваше усердие и способности я много рассчитываю. Итак, не давайте себя смущать ничем. Что бы ни случилось, чем бы Вас не соблазняли, наука должна быть для Вас привлекательнее. — А если Вас женят, не беда. Только не женитесь на совсем бедной девушке, тогда, пожалуй, тяжело будет. Однако Латышев вот женатым поехал в Афины, и сначала имел всего 1500 р. В год, и ничего-таки, пробился. Также и Никитин был в Германии с женою. Но лучше пока не женитесь, или возьмите богатую, так с миллиончиком. Вам пригодится для раскопок в Греции, и наука выиграет» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 1об–2).

Иногда строки писем Соколова становятся особенно сердечными. 31 декабря 1882 г. он пишет Никитскому: «Поздравляю Вас с Новым годом, желаю Вам и Вашей матушке здоровья,

счастья. Бог даст, разлука с матушкой послужит на пользу для всей жизни, доставит Вам потом возможность утешить ее. У меня матушка тоже такая добрая и любящая была, которая спасала мое здоровье и жизнь много раз, она любила меня очень и ей тяжело было отпускать меня за границу, но все-таки она рада была моему успеху и перенесла разлуку с твердостью. Потом мы жили с ней, по возвращении моем из-за границы, более десяти лет вместе. И каждый день вспоминаю ее до сих пор» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 4).

Кроме того, находящиеся в фонде Никитского материалы содержат интересную и ценную информацию о жизни научного сообщества Петербургского университета в последние десятилетия XIX — начале XX в., системе и принципах подготовки специалистов-антиковедов, планах и замыслах российских ученых, их связях с зарубежными коллегами. Особенно примечательно в этом отношении заключение уже упомянутой инструкции А. В. Никитскому, составленной Ф. Ф. Соколова: «Предшественники г. Никитского, воспитанники Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института Латышев и Корольков начали дело будущего русского Института в Афинах с честью для русской науки ... Труды их послужат наилучшим примером и образцом г. Никитскому» (Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 2об). К сожалению, планам создания Русского археологического института в Афинах, которые вынашивал Ф. Ф. Соколов, не суждено было осуществиться (подробнее об этом см.: Zhebelev 1929: 53–66).

Документы фонда А. В. Никитского, относящиеся ко времени его первой поездки в Грецию в 1883–1885 гг., имеют особую ценность для изучения научной биографии исследователя, так как именно в этот период определился его основной интерес на долгие годы — изучение надписей Средней Греции, прежде всего дельфийских. Этой теме будут посвящены обе его диссертации: магистерская — «Дельфийские эпиграфические этюды» (Одесса, 1894–1895) и докторская — «Исследования в области греческих надписей» (Юрьев, 1901). Во время двухлетней греческой командировки он начинает активно заниматься вопросами методики работы с эпиграфическим материалом, основные принципы которой впоследствии будут изложены им в пространном введении к докторской диссертации.

Литература

- Belousov, A. V. 2018: [Nikolai Ivanovich Novosadsky (1859–1941) — founder of the Department of Ancient Languages, Faculty of History, Moscow State University: life and works based on materials from the RAS Archive]. In: *Trudy kafedry drevnikh yazykov [Proceedings of the Department of Ancient Languages]* V. Moscow: Indrik, 28–103.
- Белоусов, А. В. 2018: Николай Иванович Новосадский (1859–1941) — основатель кафедры древних языков исторического факультета МГУ: жизнь и труды по материалам Архива РАН. В кн.: *Труды кафедры древних языков* V. М.: Индрик, 28–103.
- Klimov, O.Yu., Kulishova, O. V., Panteleev, A. D., Kholod, M. M. 2018: [Outstanding St. Petersburg scientist Eduard Davidovich Frolov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]* 63/4, 1256–1276.
- Климов, О. Ю., Кулишова, О. В., Пантелеев, А. Д., Холод, М. М. 2018: Выдающийся петербургский ученый Эдуард Давидович Фролов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 63/4, 1256–1276.
- Smyshlyaeva, V. P. 2021: [Nikitsky Alexander Vasilievich]. In: A. K. Gavrilov (ed.). *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX — nachala XX veka: v 3 t. [A Biographical Dictionary of St. Petersburg Classicists in the 19th — early 20th centuries: in 3 vols.]* II. St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana, 558–561.
- Смышляева, В. П. Никитский Александр Васильевич. В кн.: А. К. Гаврилов (отв. ред.). *Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в 3 т.* II. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 558–561.
- Sokolov, F. F. 1910: *Trudy F. F. Sokolova [Works of F. F. Sokolov]*. St. Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova.
- Соколов, Ф. Ф. 1910: *Труды Ф. Ф. Соколова*. СПб.: Типография М. А. Александрова.
- Tunkina, I. V. 2017: [Nikitsky Alexander Vasilievich (1859–1921)]. In: I. V. Tunkina (ed.). Zhebelev S. A. *Russkoye arkheologicheskoye obshchestvo za tret'yu chetvert' veka yego sushchestvovaniya (1897–1921). Prilozheniye: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAO (1846–1924) [Russian Archaeological Society for the third quarter of a century of its existence (1897–1921). Appendix: Biobibliographic dictionary of members of the Russian Academy of Education (1846–1924)]*. Moscow: Indrik, 453–454.
- Тункина, И. В. 2017: Никитский Александр Васильевич (1859–1921). В кн.: И. В. Тункина (ред.). Жебелев С. А. *Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)*. М.: Индрик, 453–454.

- Frolov, E. D. *Russkaia nauka ob antichnosti (istoriograficheskie ocherki)* [*Russian science of antiquity: historiographical essays*]. 2nd ed. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya.
Фролов, Э. Д. *Русская наука об античности: историографические очерки*. 2-е изд. СПб.: Гуманитарная академия.
- Yaylenko, V. P. 1972: [A. V. Nikitsky (on the 50th anniversary of his death)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 175–180.
Яйленко, В. П. 1972: А. В. Никитский (к 50-летию со дня смерти). *Вестник древней истории* 4, 175–180.
- Zhebelev, S. A. 1909: *F. F. Sokolov (1841–1909)*. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
Жебелев, С. А. 1909: *Ф. Ф. Соколов (1841–1909)*. СПб.: Сенатская типография.
- Zhebelev, S. A. 1929: [F. I. Uspensky and Russian Archaeological Institute in Constantinople]. In: *Памути F. I. Uspenskogo* [*In memory of F. I. Uspensky*]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 53–66.
Жебелев, С. А. 1929: Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе. В кн.: *Памяти Ф. И. Успенского*. Л.: Изд-во АН СССР, 1929, 53–66.

Л. Э. Найдич

Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль. larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В ЛЕНИНГРАДЕ-САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ¹

В статье рассматриваются взгляды на эволюцию фонологических систем двух ученых, преподававших в Ленинградском университете: М. И. Стеблин-Каменского и Л. Р. Зиндера. Во второй половине 50-х годов вопросы диахронической фонологии были затронуты ими почти одновременно. Анализируется сходство и различие концепции звуковых изменений у этих авторов. Зиндер отрицал роль аллофонических изменений как подготовки к фонемным, подчеркивая, что фонемные изменения — это мутация, а варьирование аллофонов существует постоянно. В этом концепция Ленинградской фонологической школы отличается от взглядов Стеблин-Каменского, признававшего постепенность изменений на аллофоническом уровне. Стеблин-Каменский рассматривал звуковые изменения в терминах различительных признаков. Однако в статье 1970 г. он резко критикует трактовку фонемы как пучка различительных признаков, выступая против «примитивной формализации». Понимание различительного признака Зиндера и его учеников сложнее. Их труды показывают фонетическое разнообразие одного и того же различительного признака: его единство вызвано языковой системой. При этом на первый план выходит морфология. Заслугой обоих ученых являются лекции, часто выходившие за рамки университетских программ, и организация семинаров, пользовавшихся большой популярностью у молодых исследователей.

Ключевые слова: М. И. Стеблин-Каменский, Л. Р. Зиндер, фонологические школы, диахроническая фонология, различительные признаки, фонологизация аллофона.

L. Naiditch

Hebrew University of Jerusalem, Israel/ larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Linguistic Schools in St. Peterburg-Leningrad. Diachronic Phonology

The paper discusses the views on the evolution of phonological systems of two scholars who taught at Leningrad University, M. I. Steblin-

¹ Автор выражает глубокую признательность Наталии Дмитриевне Светозаровой и Анне Владимировне Павловой за помощь в подготовке статьи.

Kamensky and L. R. Zinder. In the second half of the 1950s, questions of diachronic phonology were touched upon by them almost simultaneously. Analyzed are both similarities and differences in the approach to sound changes of the two authors. Zinder denied the role of allophonic changes as preceding phonemic ones, emphasizing that phonemic changes are a mutation, whereas allophonic variation exists constantly. This constitutes the chief difference between the concept of the Leningrad phonological school (Zinder and his colleagues) and the views of Steblin-Kamensky, who recognized the ‘gradualness’ of changes at the allophonic level. Although Steblin-Kamensky’s concept of sound changes relied on distinctive features, in an article of 1970, he sharply criticizes the interpretation of the phoneme as a bundle of distinctive features (as a result of “primitive formalization”). The concept of distinctive feature of Zinder and his school is more complicated. Their studies show the phonetic diversity of the same distinctive feature: its unity is caused by the language system, morphology playing thereby an important role. In their lectures, both linguists often went beyond the scope of university programs; their seminars were very popular with young researchers.

Keywords: M. I. Steblin-Kamensky, L. R. Zinder, phonological schools, diachronic phonology, distinctive features, phonologization of allophones.

1. Введение

Ленинградская (Санкт-Петербургская) фонология восходит к идеям, трудам и педагогической деятельности И. А. Бодуэна де Куртенэ, преподававшего в Петербурге в 1900–1918 годах и оставившего существенный след в педагогической и научной деятельности университета. Его последователь Л. В. Щерба основал фонетико-фонологическую школу, называемую щербовской или ЛФШ (Ленинградская фонологическая школа) и внесшую важный вклад как в исследование истории конкретных языков, так и в общую фонологическую теорию. Ленинградская (петербургская) школа характеризуется, прежде всего, взглядами на фонологическую синхронию. Однако и диахроническая фонология нашла развитие в трудах и в лекциях ленинградских лингвистов.

Основы структурного подхода к языковым изменениям были заложены Романом Jakobsonом в 1930-х годах (Jakobson 1985: 116–132), а бурное развитие диахронической фонологии в разных странах приходится на 50-е годы. Во второй половине 50-х годов эти вопросы начинают затрагиваться и в работах ленинградских лингвистов: Л. Р. Зиндер «О звуковых измене-

ниях» (1957), М. И. Стеблин-Каменский «Исландское передвижение согласных» (1957)². А в середине 1960-х годов вышли в свет две важные для диахронической фонологии книги: Зиндер, Строева «Историческая фонетика немецкого языка» (1965), Стеблин-Каменский «Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков» (1966). В обеих книгах теория диахронических изменений дается в ходе анализа конкретных явлений в истории языка. Но имеется и теоретическое введение. Стеблин-Каменский и Зиндер / Строева работали независимо друг от друга, но при этом основы их подхода к изучаемому материалу и сделанные ими теоретические выводы во многом, хотя и не во всем, совпадают.

По-видимому, не случайно диахроническая фонология в Ленинградском университете разрабатывалась именно германистами (в широком смысле слова). Такие явления, как умлауты, разного рода преломления гласных и передвижения согласных традиционно были материалом исторической фонетики германских языков. Дать им фонологическую интерпретацию стало задачей фонологов. Далее пойдет речь о ряде взглядов и идей, касающихся звуковых изменений в научном наследии упомянутых ученых.

2. Фонологические изменения — изменения в системе

«Как происходят в языке звуковые изменения? — вопрос, который занимал меня в течение последнего десятилетия и многих лингвистов до меня. В сущности это самый общий и основной вопрос исторического языкознания», — пишет Стеблин-Каменский в предисловии к книге (1966: 3). Как известно, важнейшая идея диахронической фонологии состоит в кардинальном различении двух видов звуковых изменений. Они могут касаться: а) фонемного состава отдельных слов и б) изменений в системе фонем (Zinder 1979: 240; Zinder, Stroeua 1965). Стеблин-Каменский называл явления первого типа синтагматическими, а второго парадигматическими. Синтагматические по терминологии Стеблин-Каменского изменения не являются по сути дела предметом диахронической фонологии

² Основные труды М. И. Стеблин-Каменского собраны в книге: Стеблин-Каменский 2003.

(ср. Zinder 1979: 241, Steblin-Kamensky 1966: 8–24). Они представляют собой замену одной фонемы, существующей в данной системе, другой и могут произойти даже в одном слове. В то же время возникновение новых фонем и исчезновение старых ведет к изменению всей фонологической системы (парадигматические изменения). Существование двух типов звуковых изменений подчеркивалось обоими учеными.

3. Вопрос о различительном признаке

Характерным для историко-фонологических исследований скандинавских языков Стеблин-Каменского было обращение к изменениям различительных признаков фонем. Он указывает на то, что возникновение новой фонемы может быть, а может и не быть связано с образованием нового различительного признака. Последнее происходит, например, при заполнении пустой клетки в системе. Смену различительных признаков фонемы ученый подробно описывает при рассмотрении скандинавского ротацизма, когда фонема /z/ стала фонемой /R/ в праскандинавском. Он показывает, что признак звонкости /z/ перестал быть различительным и сменился признаком раскатистости, звонкий сибиллянт /z/ превратился в раскатистый сибиллянт, подобный чешскому *ž*. При этом не только число фонем осталось прежним, но не изменились и различительные признаки в системе: «звонкость стала irrelevantной в одной фонеме (хотя и не исчезла из нее фонетически), но осталась релевантной в других; раскатистость стала релевантна в двух фонемах, тогда как раньше она была релевантна только в одной; сибиллянтность по-прежнему осталась релевантна в двух фонемах» (1966: 36). Другой пример смены различительных признаков в корреляции, рассматриваемый Стеблин-Каменским, — это сдвиги согласных, «когда глухие смычные стали придыхательными, а звонкие — непридыхательными в исландском» (1966: 14, 97). «Иначе говоря, в смычных произошла фонологизация придыхания с одновременной дефонологизацией звонкости» (там же: 97). В фонетическом плане произошло «более или менее полное оглушение непридыхательных смычных» (там же).

Позже, в написанной совместно с Г. В. Воронковой во многом сенсационной статье 1970 года Стеблин-Каменский критикует концепцию пучка различительных признаков фоне-

мы и выражает скепсис по поводу интерпретации звуковых изменений в терминах лишь сдвигов оппозиций (Voronkova, Steblin-Kamensky, 1970). Так, по Мартине, превращение ряда палатальных в ряд шипящих якобы не является фонологическим фактом, так как не повлияло на остальные согласные, что с точки зрения Стеблин-Каменского не выдерживает критики. По его мнению, важны не только оппозиции, но и содержание признаков. А определение этого содержания требует фонетического анализа, который в истории языка может быть сделан лишь гипотетически. Вопрос, поставленный в рассматриваемой статье и даже вынесенный в ее заглавие, заострил проблему, но не разрешил ее. Насколько мне известно, ответ на него не был дан ни в рамках ленинградской диахронической фонологии, ни другими фонологическими школами.

В связи со статьей Стеблин-Каменского и Воронковой, критикующих важнейшую основу фонологических понятий, возникает вопрос, что понимают фонологи под различительным признаком — является ли он единым фонетическим элементом у разных фонем. Зиндер считал различительный (дифференциальный) признак абстрактным понятием, что доказывают и экспериментальные исследования. «[...] дифференциальный признак подобно фонеме не имеет однозначного артикуляторно-акустического коррелята» (Zinder 1979: 44). Так, «фонетические характеристики твердых и мягких согласных представляют сложную картину, не соотносящуюся однозначно с противопоставлением ‘дизный — простой’» (Bondarko, Zinder 1961: 11; Zinder, Bondarko, Verbickaja 1964). «Противопоставление глухих и звонких согласных является как будто бы наиболее простым с фонетической точки зрения. Однако ряд фактов свидетельствует о том, что нельзя рассматривать звонкие согласные как соответствующие глухие с добавлением голоса» (Bondarko, Zinder 1961: 12). Различительный признак проявляется по-разному и у разных фонем, и у одной и той же фонемы в разных позициях. Единство различительного признака Зиндер видит в функционировании фонем. Например, в русском языке все непалатализованные чередуются с палатализованными перед гласными переднего ряда; палатализация может иметь и морфологическую функцию (Zinder 1979: 44). Таким образом, важнейшую роль по теории ЛФШ играют чередования и морфологическая функция фонем. Такая точка

зрения отчасти устраняет скепсис Стеблин-Каменского по поводу пучков различительных признаков. В фонетико-фонологическом содержании фонемы, исходя из этого, нельзя механически выделить релевантный признак, отбросив все остальные как нерелевантные. Таким образом Зиндер объяснял понятие различительного признака и в своих лекциях. По-видимому, стоит здесь вспомнить слова Л.В. Щербы, который писал: «Прежде всего мы воспринимаем как тождественное всё мало-мальски сходное с акустической точки зрения, ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением, и, с другой стороны, мы различаем всё способное само по себе ассоциироваться с новым значением» (Shcherba 1974). Эту точку зрения критиковали за нефункциональный подход, т.е. за то, что исходной было фонетическое сходство, и Л. Р. Зиндер, читая на лекциях эту цитату, делал ударение именно на слова «мало-мальски», стараясь подчеркнуть фонологическую составляющую в смысле высказывания Щербы. Но представляется, что «психологизм» Щербы здесь связан не с устарелым представлением о соотношении фонологии с фонетикой, а с глубокими психологическими факторами — стремлением носителя языка к категоризации и наличием глубокой и прочной ассоциативной связи звучания и значения.

При любой интерпретации вопрос о рефонологизации, особенно в случаях передвижений согласных, остается открытым. Если различительный признак имеет разную фонетическую природу у разных фонем (например, мягкость у /t'/ с фонетической точки зрения не то же самое, что мягкость у /p'/ и т. п.), то как и почему происходит смена релевантного признака; а она несомненно существует? Скорее всего, этот ответ следует искать в экстрафонологических факторах, например: социолингвистических (языковые интерференции) и психологических.

4. Предшествуют ли постепенные изменения аллофонов фонологическим изменениям?

Как известно, традиционным в дофонологическом языкознании было представление о постепенности звуковых изменений. Считали, что они начинаются с незначительного сдвига артикуляции, который постепенно, иногда в течение длительного времени усиливается. Зиндер резко выступал против

такого представления в любой форме, считая его несовместимым с фонологией (Zinder 1979: 242). «Идея постепенного изменения фонетических свойств звуков речи чужда по существу учению о фонеме» (Zinder, Stroevea 1965: 10). Фонема всегда представлена целым рядом аллофонов, которые лишь при особых предпосылках ведут к изменениям фонологической системы. Но, «каждый аллофон является в потенции новой фонемой» (Zinder 1979: 242). Например, еще до фонологизации умлаута целый ряд фонем древневерхненемецкого выступал «в двух вариантах — переднем, при наличии ассимилирующих условий, и заднем, в остальных случаях» (Zinder, Stroevea 1965: 78). Таким образом, эти аллофоны давно (или всегда) существовали и как будто ждали толчка для фонологизации. Правда, «в большинстве случаев о вариантах фонем можно судить только по тем сдвигам в фонологических системах, которые обнаруживаются в последующих периодах истории языка» (там же).

Именно в этом вопросе наблюдается расхождение между Зиндером и Стеблин-Каменским, считавшим, что сдвиги в системе могут начаться с аллофонных изменений. При этом он различает аллофоническое варьирование и аллофонное изменение. «Аллофонное изменение это, конечно, совсем не то же самое, что аллофоническое варьирование фонемы, или варьирование в реализации фонемы в зависимости от ее положения в синтагматической цепи, т. е. наличие у нее аллофонов. Аллофонное изменение — это изменение в аллофоническом варьировании фонемы, появление у нее нового аллофона или исчезновение старого. Аллофоническое варьирование фонемы — это явление синхронии. Аллофонное изменение — явление диахронии. Аллофонное изменение — это всегда физическое изменение звука речи. Как правило, оно предшествует фонемному изменению» (Steblyn-Kamensky 1966: 9). Отличие фонологической точки зрения от традиционной фонетической Стеблин-Каменский видит в том, что фонология признает постепенность только аллофонических изменений, в то время как фонемные изменения представляют собой «качественный скачок».

Особенно сложно интерпретировать с точки зрения различительных признаков передвижения согласных (Lautverschiebung), когда происходит лишь смена содержания корреляции, как в широко известном германском первом перебое (закон

Гримма) и в верхненемецком втором перебое. В более современных германских языках существует тенденция перехода смычных глухих в аспирированные, а звонких в глухие (Steblich-Kamensky 1966: 97). Могла ли эта рефонологизация происходить постепенно? «На бумаге /p t k/ превратились в /p^h t^h k^h/. А в действительности камень медленно катился по длинному склону. Сегодня мы видим, что английский, норвежский, шведский и северно-немецкий на полпути к цели (аспирация преобладает, но звонкость не совсем утеряна). Датский и исландский использовали возможность рефонологизации /p t k/ : /b d g/; /b d g/ в них глухие», — пишет А. С. Либерман (Liberman 2012: 12; перевод мой — Л. Н.).

Действительно, изучение некоторых звуковых изменений приводит к выводу о возможности постепенных аллофонических сдвигов. Об этом меня заставил задуматься материал немецких диалектов, в частности, говоров немцев-колонистов на территории России и Украины. В нижненемецком диалекте меннонитов, живущих сегодня в Казахстане, куда они были сосланы во время Второй мировой войны, я услышала: /t'œt'/ 'Kirche', /boœt'/ 'Birke', /t'na:çt/ 'Knecht', /brid'/ 'Brücke', /zin'ə/ 'singen' с палатальными согласными, напоминающими русские палатализованные. В этих примерах /t'/ восходит к *k*, а /d'/ к *gg*. Такие палатальные согласные представляют собой самостоятельные фонемы, фонологизация которых произошла в результате ряда процессов. О том, что «мягкость» является здесь различительным признаком, свидетельствует наличие оппозиций, т.е. минимальные пары. Ср., например: /t'œt'/ 'Kirche' — /koœk/ 'koche'.

То, что перед нами результаты фонологизации аллофона, не вызывает сомнений (Naiditsch 2015). Сравнение этих примеров со сходными в других языках и диалектах, например, в английском, фризском, в диалектах нидерландского, наводит на мысль о таком состоянии, когда звуковое изменение находится «на полпути» (ср. /t'œt'/ 'Kirche' и английское *church*) и о возможности аллофонных изменений, как их представлял себе Стеблин-Каменский (Naiditsch 2022).

5. Фонологизация аллофона

В вопросе о фонологизации расхождений между Стеблин-Каменским и Зиндером / Строевой, по-видимому, нет. Ученые трактуют это явление в рамках уже разработанной к этому времени диахронической фонологии. «Фонологическое противопоставление возникает тогда, когда различие позиций, определявших разный характер вариантов, исчезает, а фонетическое различие между вариантами сохраняется, хотя они оказываются теперь в одинаковых фонетических условиях» (Zinder, Stroeveva 1965: 12). Зиндер пишет о фонологизации умлаута в немецком языке: «После XII в. происходит редукция безударных /i/ и /j/, т. е. утрачивается фонетическая причина возникновения передних аллофонов, вследствие чего они обособляются от задних и получают самостоятельное обозначение на письме» (Zinder 1979: 243). Сходным образом рассматривает фонологизацию аллофона Стеблин-Каменский: «Два аллофона одной фонемы, обусловленные двумя разными окружениями (например, ассимилирующим воздействием двух разных фонем), оказываются в одинаковом окружении в результате исчезновения различия между этими окружениями (например, в результате того, что ассимилирующие фонемы перестают различаться в данных положениях). Тем самым эти аллофоны уже не аллофоны, а самостоятельные фонемы, хотя физически они сами не претерпели никакого изменения. Обе возникшие таким образом фонемы новые, так как их различительные признаки не те, что были у фонемы, из аллофонов которой они возникли» (Steblyn-Kamensky 1966: 14). Более сложной трактовки вокализма требует история скандинавского умлаута на *i* — одного из самых спорных вопросов скандинавской исторической фонетики. Характерно, что Стеблин-Каменский рассматривает это явление и на аллофоническом, и на фонемном уровне (там же: 53–54).

Стройность и последовательность теории фонологизации аллофона легко нарушить вопросом: почему аллофон сохраняет свой фонетический облик после отпадения тех элементов, которые этот облик вызывали? Зиндер ссылаясь в своих лекциях и в книге в этой связи на известную в ЛФШ скорее в устной традиции, чем по публикациям, «теорию общего облика слова» С. И. Бернштейна. «Согласно этой теории, каждый

элемент слова узнается по его звуковому облику в целом; следовательно, каждый элемент слова имеет существенное значение [...] основная смысловоразличительная нагрузка может перемещаться с одного элемента на другой» (Zinder, 1979: 243). Повидимому, ссылка на эту теорию ведет нас к еще недостаточно разработанной и сегодня концепции восприятия слова, и она имеет перспективы развития.

6. Тенденции языковой эволюции

Изучая оглушение исландских носовых и плавных, Стеблин-Каменский (1966: 112) указывает на то, что любой факт, считающийся причиной звукового изменения, никогда не является «неизменным антецедентом другого факта, т. е. единственной причиной». И далее: «Другой причиной данного звукового изменения, его причиной, так сказать, парадигматического порядка была, вероятно, общая тенденция развития системы исландских согласных» (там же).

Мысль об общих тенденциях эволюции фонологической системы языка, и более того, нескольких генетически сходных фонологических систем представляется плодотворной, т. к. подтверждается типологическим сходством диахронических процессов, в частности, в германских языках. Стремление создать историко-типологическую фонологию характерно для учеников и последователей Стеблин-Каменского. Вкладом в такую теорию стала книга Ю. К. Кузьменко «Фонологическая эволюция германских языков» (1991). Идеи, высказанные в этой книге, обсуждались и поддерживались и другими учениками Стеблин-Каменского, членами семинара по диахронической фонологии, в 1970–1980-х годах.

7. Ленинградские фонологические семинары

60-е–80-е годы — время развития диахронической фонологии. С 1961 и до 1966 года Стеблин-Каменский вел семинар по диахронической фонологии, в котором участвовали преимущественно молодые германисты. «На заседаниях каждый рассказывал о своей работе, но возникали и вопросы в равной мере интересовавшие всех» (Lieberman 2003: 886). Постоянными участниками семинаров были Г. В. Воронкова, В. А. Квятков-

ский, Г. С. Клычков, Я. Б. Крупаткин, А. С. Либерман, В. Я. Плоткин, М. В. Раевский, А. И. Степонавичюс.

В 1972 г. А. С. Либерман организовал в Ленинградском Отделении Института языкознания АН СССР семинар по диахронической фонологии германских языков, который по сути дела продолжал семинар Стеблин-Каменского (см. подробнее Kleiner 2010: 3–14). Позже его возглавил Ю. К. Кузьменко. Этот семинар, не имевший никакого официального статуса, объединял молодых германистов, занимавшихся проблемами фонологии. Семинар проходил еженедельно. На нем обсуждались спорные вопросы фонологии, рассматривались новые публикации, каждый делал доклад по теме своей работы. Многолетними участниками семинара были тогда еще молодые Ю. А. Клейнер, Ю. К. Кузьменко, Э. И. Мячинская, Л. Э. Найдич, А. Х. Озиева, И. А. Шин. Приглашались и более солидные ученые, авторы книг и статей, рассказывавшие о своих идеях и новых публикациях: В. Б. Касевич, Е. Д. Панфилов, В. Я. Плоткин, А. И. Степонавичюс.

Лекции и семинары Л. Р. Зиндера пользовались большой популярностью у лингвистов разных поколений; они запомнились всем участвовавшим в них. Такими были, например, аспирантские и придипломные семинары под его руководством. Помимо тех, которые были в рамках университетской программы, существовали и дополнительные. Так, в начале 70-х годов Зиндер читал двухгодичный курс по истории учения о фонеме, который посещали и аспиранты, и преподаватели, и вольнослушатели. Лекции затрагивали и проблемы диахронии. Слушатели задавали вопросы и обсуждали спорные проблемы фонологии.

В конце 1980-х годов и в 1990-е годы «фонологический энтузиазм» петербургских лингвистов утих; многие стали заниматься другими областями языкознания, некоторые уехали из России. Фонологический семинар возобновился лишь много позже по инициативе Ю. А. Клейнера и А. В. Андропова в рамках Петербургского лингвистического общества под названием «Просодика и просодия».

Исследование звуковых изменений требует кропотливой работы, эрудиции, затрат сил и времени, и не всякий молодой человек хочет встать на эту не дающую больших благ стезю. Кажется, что золотой век диахронической фонологии, существ-

вовавший в ограниченном пространстве, кончился. Но возобновление семинара, основанного Стеблин-Каменским, внушает надежду.

7. Заключение

Итак, вклад ленинградских (петербургских) лингвистов в диахроническую фонологию несомненен. Статьи Стеблин-Каменского о передвижениях согласных в исландском с экскурсами в историю других германских языков, о скандинавском ротацизме и другие остаются классикой германистики. «Историческая фонетика немецкого языка» Зиндера и Строевой дает глубокую трактовку ряда явлений и служит дополнением к настольной книге всех германистов «История немецкого языка» В. М. Жирмунского (Zhirmunskiy 1965).

Критикуя трактовку фонемы как пучка различительных признаков (Voronkova, Steblin-Kamensky 1970), Стеблин-Каменский выступает против «примитивной формализации», и с этим трудно не согласиться (Lieberman 2003: 887). Трактовка различительного признака в ЛФШ сложнее, чем при подходе, критиковавшемся им. Труды Зиндера и его сотрудников показывают фонетическое разнообразие одного и того же различительного признака: его единство вызвано языковой системой. При этом на первый план выходит морфология. Можно заподозрить, что свойственное ЛФШ обращение к морфологии вызвано опорой на русскую фонологическую систему и не применимо к другим языкам. В ответ на эти сомнения, высказывавшиеся его учениками, Зиндер утверждал, что и в морфологии таких языков, как английский и немецкий, есть что-то, на чем основывается фонология, например, система внутренних флексий.

Зиндер отрицал роль аллофонических изменений как подготовки к фонемным, подчеркивая, что фонемные изменения — это мутация, а варьирование аллофонов существует всегда. В этом концепция ЛФШ отличается от взглядов Стеблин-Каменского, признававшего постепенность изменений на аллофоническом уровне. Этот спорный вопрос не раз обсуждался на ленинградских фонологических семинарах (Lieberman 2003: 886).

Сравнение научных взглядов двух ленинградских ученых, предпринятое в данной статье, касаются лишь одной из сфер их деятельности. У каждого из них был широкий круг интересов.

У Стеблин-Каменского, помимо фонологии, — древнескандинавская литература, в изучении которой он выдвинул новаторские идеи. У Зиндера — экспериментальная фонетика, которой он занимался особенно увлеченно, в том числе и потому что она вносит вклад в фонологию, демонстрируя, абстрактность фонологических понятий и различие между ними и фонемной реализацией единиц. Несомненно и то, что в сфере диахронической фонологии труды Стеблин-Каменского не только обширнее, чем работы представителей ЛФШ, но и заостряют наиболее спорные вопросы диахронической фонологии. Библиография трудов Зиндера, к сожалению, включает в себя немного работ, посвященных диахронии, а большинство его учеников занимались вопросами синхронии. Тем не менее, его концепция звуковых изменений вносит вклад в представление об историческом развитии фонологических систем, а его теория, как и его личность, оказали большое влияние на ленинградское (петербургское) языкознание и на советскую лингвистику в целом, ведь его многочисленные ученики жили в разных городах и республиках Советского Союза. Важно и то, что Зиндер и его сотрудники расширяли круг исследований в области фонетики и фонологии, работали совместно с физиологами и психолингвистами, стимулировали развитие новых подходов к лингвистическим проблемам.

Указав на общность и различие взглядов двух ленинградских ученых, подчеркну в заключение сходство этих исследователей. Это их «научная харизма», привлекавшая учеников красота построения концепции, стимулирование мысли и верность науке.

Литература

- Bondarko, L. V., Zinder, L. R.: 1966: [On several distinctive features of Russian consonant phonemes]. *Voprosy yazykoznanija*. 1, 10–14.
Бондарко, Л. В., Зиндер, Л. Р. 1966: О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. *Вопросы языкознания*, 1966, 1, 10–14.
- Jakobson, R. 1985: [Principles of historical phonology]. Якобсон Роман. Принципы исторической фонологии. *Избранные работы*. Москва «Прогресс». 1985. 116–132.
- Kleiner, Ju. A.: 2010: *Oчерki po obshchey i germanskoj prosodike*. [Essays on general and Germanic prosodics].

- Клейнер, Ю. А. 2010: *Очерки по общей и германской просодике*. Издательство «Факультет филологии и искусства СПбГУ. Серия «Лингвистические исследования».
- Kuzmenko, Ju. K. 1991: *Fonologicheskaya evoljuziya germanskich jazykov*. [Phonological evolution of Germanic languages].
- Кузьменко, Ю. К. 1991: *Фонологическая эволюция германских языков*. Ленинград: «Наука».
- Liberman A. S. 2003: [M. I. Steblin-Kamensky. Look at his work and memoirs]. In: M. I. Steblin-Kamensky. *Trudy po filologii*.
- Либерман, А. С. 2003: М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания. В кн.: М. И. Стеблин-Каменский. *Труды по филологии*. Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, 877–909.
- Liberman, A. 2012: Sound Change and Distinctive Features in Light of Dynamic Synchrony. In: *Vox Germanica. Essays in Germanic Languages in Honor of James E. Cathey*. Ed. by Stephen J. Harris, Michael Moynihan, and Sherrill Harbison. ACMRS: Tempre, Arizona, 2–13.
- Naiditsch, L. 2015: Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. Bd. LXXXII, H. 3, 331–349.
- Naiditsch, L. E.: 2022: [Palatal consonants in the Mennonite dialect Plattdietsch in the light of the development typology of the Ingvaeonic consonantism]. *Scandinavskaya filologiya*. 2022.
- Найдич, Л. Э. 2022: Палатальные согласные в меннонитском диалекте плаудитч в свете типологии развития ингвеонского консонантизма. *Скандинавская филология*. Т. 20 (2), 245–268.
- Shcherba, L. V.: 1974: *Jazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. [Language system and speech activity]. Leningrad.
- Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд. лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Л. 1974. Ленингр. отд.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1957: [Icelandic consonant shift]. *Skandinavskiy sbornik*. 2. Tallin, 205–221.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1957: Исландское передвижение согласных. *Скандинавский сборник*. Вып. 2. Таллин, 205–221.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1966: *Ocherki po diachronicheskoy fonologii skandinavskikh jazykov*. [Essays on diachronic phonology of Scandinavian languages]. Leningrad: Leningrad State University.
- Стеблин-Каменский, М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Изд. ЛГУ.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 2003: *Trudy po filologii*. [Works on Philology]. Philological faculty of the SPb State University.

- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: *Труды по филологии*. Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург.
- Voronkova, G. V. Steblin-Kamensky, M. I.: 1970. [Phoneme — bundle of distinctive features?] *Voprosy yazykoznaviya.*, 1970. 6. 15–26.
Воронкова, Г. В., Стеблин-Каменский, М. И. 1970. Фонема — пучок РП? *Вопросы языкознания*. 6, 15–26.
- Zhirmunskiy, V.M. 1965: *Istoriya nemeckogo yazyka. Ucheb. dlja studentov ... M. Vysshaya shkola. Izd. 5-e peresm. i dop. (Izd. 1-e. L. Uchpedgiz. 1938).*
Жирмунский В.М. 1965: *История немецкого языка. Учебник для студентов... Изд. 5-е, пересм. и дополн. М. Высшая школа. (Изд. 1-е. Л. Учпедгиз 1938).*
- Zinder, L. R. 1957: [On sound changes]. *Voprosy yazykoznaviya.* 1, 69–77.
Зиндер, Л. Р. О звуковых изменениях. *Вопросы языкознания* 1957, 1, 69–77.
- Zinder L. R., Bondarko L. V. Verbickaja L. A.: 1964. [Acoustic characteristics of difference between not palatalized and palatalized consonants in Russian]. *Voprosy fonetiki. Uchenye zapiski LGU,* (325). 28–36.
Зиндер, Л. Р., Бондарко, Л. В., Вербицкая, Л. А. Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке. *Вопросы фонетики. Ученые записки ЛГУ.* 1964, (325), 28–36.
- Zinder L. R., Stroeva T. V. 1965: *Istoricheskaya fonetika nemeckogo yazyka. [Historical Phonetics of German].* Moscow: Prosveshchenie.
Зиндер Л. Р., Строева Т. В. *Историческая фонетика немецкого языка.* Изд. «Просвещение» М. 1965.

Н. Д. Светозарова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия. ndsvetozar@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ЛАБОРАТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Статья посвящена начальному периоду истории Лаборатории экспериментальной фонетики Императорского Санкт-Петербургского университета. Этот период, охватывающий время от открытия Лаборатории в 1899 г. до 1909 г., когда ее возглавил возвратившийся из зарубежной командировки молодой приват-доцент Лев Владимирович Щерба, обычно характеризуется в литературе как время застоя и запустения. Эти слова повторяют все биографы Щербы, в том числе и его ученики, поэтому нет оснований не доверять им. Однако изучение Отчетов о деятельности Санкт-Петербургского университета, а также научных работ, выполненных на базе Кабинета (Лаборатории) фонетики, показывает, что дело обстояло не так печально, и объяснить устоявшееся мнение можно только при сравнении этого отрезка времени с последующим расцветом экспериментальной фонетики, которому мы обязаны активности молодого Щербы. Под руководством основателя Лаборатории Сергея Константиновича Булича (1859–1921) в первом десятилетии XX в. в ней функционировали приборы, работе с ними обучали студентов, проводились их демонстрации, осуществлялись экспериментальные исследования. Фонетика была представлена богато и разнообразно – читались курсы, лекции, доклады, студенты делали переводы классических трудов по фонетике.

Ключевые слова: С. К. Булич, Н. С. Усов, Л. В. Щерба, Б. П. Киртерман, экспериментальная фонетика.

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный 28 декабря 2022 г. на заседании кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета, посвященном памяти Л. В. Щербы. Хочу выразить благодарность Алексею Викторовичу Андронову за помощь в архивных и библиотечных поисках, а также всем, кто присутствовал на докладе и высказал ценные замечания.

N. D. Svetozarova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. ndsvetozar@gmail.com

From the history of the Laboratory of Experimental Phonetics Imperial Saint Petersburg University

The article is devoted to the initial period in the history of the Laboratory of Experimental Phonetics of Imperial St. Petersburg University. This period, from the opening of the Laboratory in 1899 to 1909, when it was headed by the young Lev Shcherba, who had returned from a study trip abroad, is usually described as ‘stagnation’ and ‘desolation’. The two words repeatedly recur in all Shcherba's biographers, including those by his students. There is no reason not to trust them. Nonetheless, the Reports of St. Petersburg University concerning the research of the Laboratory of Phonetics, suggest that the situation might seem hopeless only in comparison with the subsequent flourishing of experimental phonetics, largely due to Lev Shcherba. Under the founder of the Laboratory, Sergey Konstantinovich Bulich (1859–1921) in the first decade of the twentieth century, students were trained to operate the phonetic instruments and carry out experiments using the most advanced techniques. This area of linguistics was richly and diversely represented in courses, lectures and papers, as well as students' translations of classical works on phonetics.

Keywords: S. K. Bulich, N. S. Usov, L. V. Shcherba, B. P. Kiterman, experimental Phonetics.

Есть в истории петербургской фонетики период, который в большинстве биографий Льва Владимировича Щербы обозначен тире между двумя датами: 1899–1909. Это — десятилетие между предположительной датой основания в Санкт-Петербургском университете Кабинета экспериментальной фонетики и тем годом, когда его возглавил вернувшийся из заграничной командировки молодой Лев Щерба². Традиционная характеристика этого периода будущей Лаборатории экспериментальной фонетики (ЛЭФ) обычно исчерпывается словами: находился в заброшенном состоянии, был в запустении, работа не проводилась. У меня нет оснований не доверять этой характеристике, поскольку она восходит к самым авторитетным биографам Щербы: его ученикам (М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндеру) и

² Щерба окончил Университет в 1903 г., в 1904–1906 гг. сдавал магистерские экзамены и преподавал, в 1906–1909 был в зарубежной командировке.

его сыну, филологу, профессору Ленинградского университета Дмитрию Львовичу Щербе.

Сергей Константинович Булич
(1859–1921)

О запущенном состоянии кабинета первым, возможно, сказал именно Д. Л. Щерба. Сам Лев Владимирович Щерба, не умаляя своих заслуг в организации и работе Кабинета, ни в сохранившихся автобиографиях, ни в печатных работах прямо о запущенности не писал, может быть из деликатности. Так, в автобиографии, датируемой, предположительно 1924–26 гг., он сообщает о себе: «В 1909 г. — приват-доцент университета и хранитель кабинета экспериментальной фонетики при нём, который им главнейше создан и оборудован (являясь лучшим или одним из лучших в России)»³.

В статье об истории кафедры фонетики, сохранившейся в архиве филологического факультета и опубликованной в книге «Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета», которая была написана в интервале между 1932 и 1944 гг., Щерба пишет: «При кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков состоит Лаборатория экспериментальной фонетики, основание которой положил еще в 1899 г. профессор С. К. Булич, но которая начала развиваться лишь с возвращением из-за границы Л. В. Щербы, учившегося в Париже у Ж. П. Руссло, знаменитого основателя экспериментальной фонетики как особой дисциплины. С сентября 1909 г. по сей день Л. В. Щерба заведует Лабораторией, и в настоящее время это одна из самых богатых фонетических лабораторий Союза»⁴.

В 1951 г., всего через несколько лет после смерти ученого, вышел замечательный том «Памяти академика Льва Владимировича Щербы», и там, в первой статье, в биографии ученого, написанной его сыном, Дмитрием Львович Щерба даёт упомяну-

³ Три автобиографии Щербы опубликованы в книге В. В. Колесова «Л. В. Щерба. Книга для учащихся», 1987.

⁴ Цит. по 4-му изд. 2008 г., с. 166.

тую выше характеристику Кабинета: «Вернувшись из командировки в Петербург в 1909 г., Лев Владимирович читает две пробные лекции и избирается приват-доцентом С.-Петербургского университета. Одновременно он становится хранителем кабинета экспериментальной фонетики, основанного при университете еще в 1899 г., но находившегося в запущенном состоянии. Лев Владимирович вкладывает всю свою энергию, интересы и опыт в организацию и развитие этого кабинета» (с. 8).

В последующие годы эта характеристика в той или иной форме звучит в большинстве биографических очерков о Щербе. Приведу наиболее известные и часто цитируемые высказывания.

1957 г. М. И. Матусевич в очерке о кафедре фонетики пишет: «Специалист-лингвист появился на кафедре лишь в 1885 г., когда в качестве приват-доцента стал читать лекции С. К. Булич. В 1899 г. по его инициативе при кафедре был организован Кабинет экспериментальной фонетики, переименованный впоследствии в Лабораторию. Однако сам С. К. Булич не занимался фонетикой, а поэтому Кабинет оставался, в сущности, в законсервированном состоянии» (*Filologicheskij fakul'tet* 2008: 167).

1974 г. «В 1909 г. Л. В. возвращается в Петербург, избирается приват-доцентом Петербургского университета и одновременно становится хранителем кабинета экспериментальной фонетики (ныне лаборатория имени Л. В. Щербы), основанного еще в 1899 г. профессором С. К. Буличем, но находившегося в запущенном состоянии. Л. В. вкладывает всю свою энергию и знания в развитие кабинета и добивается значительной дотации на приобретение необходимой аппаратуры и книг. С тех пор и до конца своей жизни, в течение тридцати с лишним лет, Л. В. неустанно развивает работу лаборатории, являвшейся его любимым детищем» (*Zinder, Matusevich* 1974: 5–6).

1982 г. «В 1909 г. Л. В. возвращается в Петербург и его избирают приват-доцентом по кафедре Бодуэна. Тогда же он становится хранителем кабинета экспериментальной фонетики, который формально существовал с 1899 г., но бездействовал. Л. В. в относительно короткий срок добился превращения его хорошо оснащенную, пригодную для серьезных условий лабораторию» (*Zinder, Maslov* 1982: 4).

2001 г. «Кабинет экспериментальной фонетики был создан при кафедре сравнительной грамматики и санскрита по инициативе С. К. Булича (1859–1921) в 1899 г. Сам год создания Кабинета не был ознаменован началом интенсивных исследований. Десять лет спустя хранителем Кабинета становится Л. В. Щерба, благодаря деятельности которого и возникает Лаборатория экспериментальной фонетики» (Bondarko 2001: 3).

2005 г. «В 1909 г. Лев Владимирович возвращается в Петербург, в университете его избирают приват-доцентом по кафедре Бодуэна и поручают заведование Кабинетом экспериментальной фонетики, организованным еще в 1899 г., но почти 10 лет практически не функционировавшим. Благодаря творческому отношению Л. В. Щербы к работе в этой должности возникает Лаборатория экспериментальной фонетики» (Bondarko, Verbitskaya 2001).

Есть еще один источник, в котором сюжет о законсервированности Кабинета получает более конкретное воплощение. Это вышедшая в 1987 г. в издательстве «Просвещение» книга Владимира Викторовича Колесова «Л. В. Щерба. Книга для учащихся». В ней описывается эпизод, случившийся в 1903 г. (т. е. в год окончания Щербой университета и ещё до отъезда его в заграничную командировку). Основываясь на сохранившейся в архиве переписке Бодуэна де Куртенэ и Булича, В. В. Колесов рассказывает, что озабоченный тем, что в организованном еще в 1899 году Буличем Кабинете экспериментальной фонетики никакая работа не ведется, Бодуэн посылает туда своего ученика Льва Щербу с заданием сделать для начала опись хранящихся там приборов, и получает резкий ответ обиженного Булича, в котором говорится, что неумелый Щерба их изломает и вообще не знает, как они называются (Kolesov 1987: 23). Как и другие биографы, Колесов называет реальным создателем кабинета Щербу: «Лев Владимирович превратил склад для хрупких инструментов в настоящую научную лабораторию» (там же).

Написано броско, и, по сути, наверное, так и было. Повторяю, оснований не доверять современникам у нас нет, но некоторые сомнения у меня всё же есть: а) а что, собственно говоря, понималось под заброшенностью и б) имеется ли в виду всё десятилетие или быть может только какой-то период дощербовского существования Кабинета? Главный источник сомнений

для меня – это сами Бодуэн и Булич. Экспериментаторами они, как справедливо отмечают некоторые авторы, не были, но всё это время они были рядом и вели чрезвычайно активную и плодотворную деятельность. Неужели же в Кабинете ничего сколько-нибудь достойного внимания не происходило? Ведь приборы-то всё же были? Эта мысль не оставляла меня долгие годы.

Обратимся теперь к истории Кабинета/Лаборатории. Она, как принято считать и как следует из выше приведенных цитат, началась в 1899 г. Или раньше? В статье о Бодуэне де Куртенэ, опубликованной в сборнике 1971 г., В. В. Колесов называет другую дату:

«Бодуэн озабочен приобретением за границей лучших инструментов и пособий для кабинета экспериментальной фонетики, который по записке С. К. Булича учрежден Советом факультета еще 13 XII 1897 г. и который влачит пока жалкое существование в одной из аудиторий, не имея даже своих шкафов» (Russkoye yazykoznanіye 1971: 78).

Близкую дату мы находим в книге, изданной к 275-летию (нововыявленной дате основания) «Санкт-Петербургский университет, 275 лет: Летопись, 1724–1999», на с. 238:

1897 г. 25 февраля. Профессором А. Н. Веселовским и приват-доцентом по кафедре сравнительного языкознания С. К. Буличем при Университете организована фонетическая лаборатория (Протокол заседания совета за 1898 г. №54. СПб., 1899. С. 6, 51).

Чем объясняется расхождение в датах, почему в дальнейшем закрепился 1899 год, в чём различие между учреждением и организацией и кабинетом и лабораторией, в чём состояла роль Веселовского (напомню, что Бодуэна ни в 1897, ни в 1899 в Петербурге ещё не было, он приехал только в марте 1900) – я пока не знаю. Здесь много вопросов для настоящего историка, каковым я не являюсь. Очевидно только, что инициатором создания и первым руководителем был Булич. Поэтому интересно обратиться к его мнению о дате. Но сначала нужно сказать несколько слов об этом замечательном человеке.

Сергей Константинович Булич родился в 1859 г. Петербурге, но учился в Казанском университете и был там учеником Бодуэна и Крушевского. Выдающиеся способности обнаружил ещё студентом. В 1882 г. был, как тогда говорили, оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре сравнительного языковедения. С 1885 г. преподавал в

Петербурге, как приват-доцент, а с 1908 г. — как профессор кафедры сравнительного языкознания и санскрита историко-филологического факультета, позднее ставшей кафедрой Бодуэна. Кроме этого, преподавал в гимназиях, читал лекции на различных курсах, был профессором и директором Бестужевских курсов, работал в Институте истории искусств, где был одним из организаторов факультета музыки и его деканом. В университете Булич читал огромное количество курсов, в том числе «Введение в языковедение», «Сравнительно-историческая фонетика русского и старо-славянского языков». По данным публикации А. А. Старчука сохранились литографированные курсы лекций Булича, как минимум 27, объёмом более трех тысяч страниц (Starchuk 2010). Наиболее известный труд С. К. Булича — «Очерк истории языкознания в России» (1904), за который ему была присуждена докторская степень, а в 1905 году вручена Ломоносовская премия⁵. Кроме того, он был председателем Лингвистической секции Неофилологического общества, где неоднократно выступал с докладами.

Булич активно сотрудничал в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, был в нём редактором музыкального отдела и написал более 1000 статей по языкознанию, фонетике и индологии, из них более 100 статей по лингвистике и более 80 по фонетике и письму.

Как видно из этого краткого перечня он был человеком фантастической активности и разнообразнейших знаний. Он был типичным учителем, университетским профессором высочайшей эрудиции, обладал талантом лектора (сохранились отзывы учеников о его лекциях, отличавшихся «полнотой охвата материала, ясностью изложения, четкостью терминологии и убедительностью многочисленных примеров» (Starchuk 2010). С. К. Булич не создал своей школы или теории, но имел четкое собственное мнение и мог спорить с учителем. Об этом свидетельствует, например, его энциклопедическая статья «Фонема», в которой он критикует своего учителя — Бодуэна (правда, как он сам говорит, по частному поводу). Булич был прекрасным систематизатором, он сам называл себя «собирателем».

Но вернемся к дате создания Кабинета (или Лаборатории) экспериментальной фонетики. Что говорил об этом сам Булич?

⁵ Книга переиздана издательством «Либроком» в серии «Лингвистическое наследие XIX века» в 2018 г.)

В 71-м томе ЭСБЕ в конце статьи «Фонетика», где говорится об экспериментальной фонетике (с. 240 - 249), он пишет:

«Фонетическая лаборатория (с аппаратами Руссело) открыта у нас три года тому назад при Петербургском университете, по инициативе пишущего эти строки. Аналогичная частная лаборатория имеется у проф. Богородицкого в Казани».

Том вышел в 1902 году, тогда получается, что годом основания лаборатории был скорее 1899. Возможно, период с 1897 по 1899 гг. был заполнен какими-то чисто организационными проблемами. Значительно интереснее задуматься над тем, почему Булич, академический ученый, никогда не занимавшийся экспериментами, вообще взялся за это дело. Конечно, он, как и Щерба, был учеником Бодуэна и интерес к живым языкам впитал, неверное, ещё во времена ученичества в Казани. Кстати, по словам Богородицкого, он ещё студентом, написал награжденную медалью работу о лужицком наречии. Но мне кажется, что главную роль в решении открыть лабораторию сыграл его любимый ученик, именно из-за него и в расчёте на него Булич, вероятно, и взялся за создание Кабинета фонетики. Этим учеником был подававший большие надежды и трагически рано ушедший из жизни Николай Усов.

Николай Степанович Усов (1870–1900) окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, куда поступил под влиянием своего гимназического учителя И. Ф. Анненского, параллельно посещал лекции и на восточном факультете: изучал армянский язык у Н. Я. Марра, санскритские тексты у С. Ф. Ольденбурга. В летние каникулы 1891 года слушал лекции Вундта, Бругмана и Лескина в Лейпцигском университете. Во время заграничной командировки 1894–1896 гг. работал также в фонетической лаборатории аббата Руссело в Париже. По возвращении из-за границы преподавал древние языки в гимназии Гуревича. Зимой 1897 года он заболел чахоткой, уехал из Петербурга в своё имение и там умер в апреле 1900 года. Усов был любимым учеником Булича, учитель написал о нём большой проникновенный некролог, содержащий высочайшую оценку его как человека, ученого и экспериментатора. Н. С. Усов написал две очень содержательные статьи по экспериментальной фонетике. Трудно отделаться от мысли, что если бы не ранняя смерть старшего современника Щербы, то судьба Лаборатории экспериментальной фонетики, да и вообще раннего периода петербургской фонетики могла бы быть еще более яркой.

Усова не стало, но Лаборатория была организована. Что же там происходило?

Основным источником для реконструкции событий послужил для меня очень интересный исторический документ, который называется «Отчеты о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета»⁶. Эти объемные тома публиковались каждый год и содержали подробный рассказ о том, что происходило в университете, на каждом из его четырех факультетов, а также в его лабораториях и обществах, что было издано за прошедший год, какие курсы читались, с какими докладами выступали сотрудники университета.

Я внимательно познакомилась со всеми томами с 1898 по 1910 гг. (а также и с некоторыми из более поздних). Они содержат очень много интересного и ценного, но, к сожалению, ни в одном из них нет специального отчета именно о Кабинете экспериментальной фонетики (хотя такие отчеты есть для некоторых лабораторий Университета). Возможно, это связано с его особым статусом. Он был создан при кафедре, поэтому то, что удалось найти о его работе, размещалось внутри рассказа о деятельности историко-филологического факультета, а также в некоторых других местах, но обычно в связи с работой Булича и (после 1900 г.) Бодуэна. Ниже приводятся некоторые относящиеся к теме статьи выписки.

Отчет за 1898 г. Лингвистическое Отделение при Неофилологическом Обществе, под председательством С. К. Булича, имело в отчетном году 8 заседаний, на которых было заслушано 16 докладов, в том числе:

25 февраля: С. К. Булич. О применении рентгеновских лучей к физиологии звука.

31 марта: Э. А. Вольтер. О новых данных к характеристике литовского ударения (по поводу статьи о. К. Яуниса в Памятной Книжке Ковенской губернии).

Отчет за 1899 г. Приват-доцент С. К. Булич напечатал ряд статей в Энциклопедическом Словаре «Брокгауза и Эфрона» по языкознанию. В весеннем семестре 1899 он продолжал и бесплатные лекции по «Основам фонетики» на курсах для подготовки преподавателей и воспитателей для глухонемых, существующих при С.-Петербургском Училище для Глухоне-

⁶ Отчеты оцифрованы и с ними можно познакомиться на сайте СПбГУ: <http://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/otchety-godichnye-akty-sankt-peterburgskogo-universiteta.html>

мых. В осеннем семестре 1899 г. возобновил лекции для вновь поступивших. Попечительством о Глухонемых Императрицы Марии Фёдоровны удостоен за эти безвозмездные чтения знака I степени названного Попечительства. В обществе музыкальных педагогов и деятелей прочел сообщение «Очерк истории русской национальной оперы». Принимал участие в совещаниях Конференции Женских Педагогических Курсов по вопросу о реорганизации на них научного преподавания и составил для них программу по общему языкознанию и сравнительной грамматике русского и церковнославянского языков.

Отчет за 1900 г. Практические занятия на Историко-филологическом факультете. В весеннем полугодии студенты у приват-доцента С. К. Булича занимались переводом и анализом эпизода из Махабхараты. В этом же полугодии он занимался с оставленным при университете Г. А. Ильинским и студентом М. А. Карауловым наблюдениями над русским произношением при помощи приборов для экспериментальной фонетики, во вновь открытой фонетической лаборатории.

Отчет о работе Неофилологического общества. 28 апреля С. К. Булич выступал с речью памяти скончавшегося члена Общества Н. С. Усова.

Отчет за 1901 г. Пр.-доц. С. К. Булич — 1) перевод книги Дельбрюка (вместе со студентами) «Einleitung in das Sprachstudium». Подготовил к печати оригинальное приложение к этому переводу «Очерк истории языкознания в России»⁷, отпечатано уже 7 листов. 2) напечатал длинный ряд статей в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (крупнейшие по объему: Статистический метод в языкознании, Стоматоскопический метод в фонетике и еще ряд статей для Русской Музыкальной газеты. Весной 1901 закончил курс «Основы фонетики» для СПб. училища глухонемых. В ноябре-декабре прочел несколько бесплатных лекций по тому же курсу для организованных Неофилологическим обществом курсов для преподавателей и преподавательниц новых языков.

⁷ Задуманный первоначально как приложение к небольшой книге Б. Дельбрюка (Berthold Delbrück «Einleitung in das Sprachstudium», 1893) очерк Булича в процессе работы над ним чрезвычайно разросся и превратился в самостоятельное издание, опубликованное в 1904 г. (подробнее см. Dobrodomov 1984).

Л. В. Щерба – приват-доцент (1909)

Отчет за 1902 г. Под руководством Бодуэна де Куртенэ введены постоянные занятия санскритом, а также польским языком. Под его руководством студент 7-го семестра (4 курс) Л. Щерба написал Сочинение «Психический элемент в фонетике». В разделе «Записка о наградах, которыми удостоены сочинения студентов С.-Петербургского Университета, представленные ими на темы, объявленные в сентябре 1901 года», содержится отзыв Бодуэна на эту работу его ученика, отмеченную золотой медалью. Он начинается с общей информации о сочинении, далее излагается суть понятия психического элемента в фонетике и те ограниченные задачи, которые решены в работе. Отзыв довольно сдержанный, несмотря на общую высокую оценку сочинения⁸.

⁸ Отзыв Бодуэна де Куртенэ не включен в список основных трудов ученого, однако в свое время его упоминал в своей кандидатской диссертации М. В. Панов (информация А. В. Андропова).

Пр.-доц. Булич написал еще 24 листа «Очерка истории языкознания в России», дошел до первой четверти 19-го века, статьи для Энциклопедического словаря на буквы У и Ф – Ударение, Фонема, Фонетика и др. Закончил лекции на курсах для преподавателей новых языков.

Отчет за 1903 г. Во время предварительного съезда русских филологов весной 1903 года, по желанию некоторых членов его (академика И. В. Ягича, Б. М. Ляпунова, г. Халанского и др.) С. К. Булич демонстрировал перед ними фонетические приборы и применение их к наблюдению звуков речи. Под руководством Булича в весеннем семестре 1903 в кабинете экспериментальной фонетики занимался изучением ее приемов и наблюдениями над звуковым составом русского языка доктор медицины Б. П. Китерман⁹, автор ценных работ по антропофонике.

Отчет за 1904 г. В фонетической лаборатории под руководством пр.-доц. С. К. Булича занимался доктор медицины Б. П. Китерман, работавший над определением длительности ударенных и неударенных слогов и отдельных звуков, их составляющих. Работа его готовится к печати. В практических занятиях по фонетике со студентами, в которых принимали участие оставленный при Университете по сравнительному языкознанию Л. В. Щерба, а также посторонний слушатель г. Младенов¹⁰, производились практические упражнения в наблюдении над живым произношением как русского, так и некоторых других индоевропейских языков, в том числе болгарского. Слушатели, между прочим, были ознакомлены в общих чертах с приемами экспериментальной фонетики на приборах фонетической лаборатории, а также с изготовлением слепков с полости рта и искусственного неба по способу аббата Руссло. Студент Фасмер и г. Щерба удачно изготовили по одному слепку и нёбу и произвели при помощи их ряд

⁹ Борис Петрович Китерман (1872-?) – фонетист, специалист по русской фонетике и детской речи, сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения», автор первой в России энциклопедической статьи о детской речи: Китерман Б. П. Детский язык // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 17. СПб., 1911 С. 81–86.

¹⁰ По предположению Н. Н. Казанского это был Стефан Стоянов Младенов (1880–1963) – будущий выдающийся болгарский языковед, академик Болгарской АН с 1929, иностранный член-корреспондент АН СССР с 1931.

наблюдений над собственным произношением. Посторонний слушатель г. Младенов, занимавшийся раньше такими наблюдениями еще в Вене и имевший уже подобное нёбо (изготовленное из твердого каучука одним венским дантистом), также участвовал в этих упражнениях, доставляя тем возможность наблюдать особенности болгарского произношения.

Отчет за 1905 г. Под наблюдением приват-доцента С. К. Булича производилась в фонетической лаборатории работа доктора медицины Б. П. Китермана над общей длительностью слогов ударенных и неударенных и отдельных звуков их составляющих. В настоящее время работа эта печатается в «Известиях отделения русского языка и словесности Имп. Ак. Наук» и должна появиться в одной из ближайших книжек этого издания.

Имеется в виду статья Бориса Петровича Китермана «К вопросу о длительности звуков в русском языке» (Изв. ОРЯС, т.10, кн. 4, СПб., 1905). Статья имеет чрезвычайно ценный для нашей темы подзаголовок: «Несколько наблюдений из Фонетической лаборатории Петербургского университета». Из нее можно узнать, по какой методике и на каких именно приборах проводилось исследование. Это прекрасная большая статья, с ценным обзором литературы своего времени. В ней подробно описан кимограф, испытуемым был, судя по всему, был сам автор публикации, которая заканчивается выражением благодарности С. К. Буличу «за его руководство и ценные указания при исполнении работы».

В мае месяце С. К. Булич получил степень доктора сравнительного языкознания по защите в Московском университете диссертации «Очерк языкознания в России» т. 1. Состоял по-прежнему председателем лингвистического отделения при Неофилологическом обществе и был выбран на новое трехлетие.

Отчет за 1906 г. На Историко-филологическом факультете. Чешский с Бодуэном читали Щерба, Фасмер, Буга и Ц. И. Бодуэн-де-Куртенэ¹¹. А осенью Бодуэн вел студенческий

¹¹ Цезария Ивановна Бодуэн-де-Куртенэ (1885–1967), старшая дочь И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, филолог, окончила Бестужевские курсы, посещала в качестве вольнослушательницы С. Петербургский университет, впоследствии известный польский этнограф, фольклорист и историк культуры. В 1920-30-е гг. она была профессором Виленского, потом Варшавского университета, после войны жила в эмиграции в

кружок для филологов и восточников вместе с Буличем и Марром.

Отчет за 1907 г. Под руководством Булича в кабинете экспериментальной фонетики производились занятия со студ. М. Р. Фасмером и вольнослушательницей (слушательницей Высших Женских Курсов) Л. А. Левиной, которая знакомилась с устройством приборов для записывания фонационных движений органов речи и воздушного экспиративного тока и обучалась самому методу наблюдения. Особенно усердно занималась г-жа Левина. Студент Халабаев по собственному желанию приступил к переводу известной книги Sweet'a «A Primer of Phonetics» (London 1890). Значительная часть этого перевода (около 3/4 книги) уже доставлена им проф. пр.-доц. С. К. Буличу. По просьбе переводчика пр.-доц. С. К. Булич принял на себя труд просмотреть его работу и сделать необходимые редакционные исправления.

На одном из заседаний (6 декабря обсуждался вопрос о переводе книги E. Sievers «Grundzüge der Phonetik». 12 января — сообщение Я. И. Рейхара «Вокализм немецких говоров Поволжья»¹². В обсуждении участвовали Ф. А. Браун и М. Р. Фасмер.

Вместе с проф. Бодуэном-де-Куртенэ пр.-доц. С. К. Булич руководил занятиями студенческого лингвистического кружка, в котором принимали участие Н. Марр, Ф. Браун, Ф. Фортунатов, учитель городского училища В. И. Чернышев. Среди студентов опять упоминаются Макс Фасмер и Цезария Бодуэн-де-Куртенэ, вскоре ставшая его женой. Они входят в бюро кружка, как и И. А. Орбели, С. П. Обнорский, В. Б. Шкловский¹³.

Лондоне, где была ректором Польского университета в изгнании. В первом браке была замужем за знаменитым филологом-русистом Максом Фасмером, но этот брак распался еще до 1914 г. Подробнее см. в (Kaganovich 2015).

¹² Как человек, занимавшийся историей изучения языка и фольклора российских немцев, не могу не заметить, что тема доклада Я. Рейхара намного опередила исследования Г. Дингеса, А. Штрёма и В. М. Жирмунского по языку немцев-колонистов.

¹³ Основываясь на датах рождения братьев Шкловских, следует предположить, что скорее всего это был Владимир Борисович Шкловский (1889–1937), филолог-романист, полиглот, преподаватель французского языка в Санкт-Петербургской Духовной академии, известный религиозный деятель. Репрессирован и расстрелян в 1937 г.

Отчет за 1908 г. В 1908 Лингвистическое отделение Неофилологического общества собиралось под руководством Булича 5 раз:

19 марта К. К. Бугас — О вокализме лексических заимствований из русского языка в балтийских языках;

2 апреля — доктор Б. П. Китерман Об эмоциональном смысле слова;

28 апреля — М. Фасмер о греческих согласных;

11 сентября — Л. В. Щерба Экспериментально-фонетические наблюдения из области русской фонетики.

Заключение

Может быть, моя работа с университетскими отчетами принесла не так уж много информации о десятилетии ЛЭФ до Щербы, но нельзя не согласиться с тем, что какой-то ответ на занимавший меня вопрос я получила. Лаборатория была. Приборы были, обучение работе с ними также происходило. И в лице Бодуэна, Булича и их учеников на кафедре и в Неофилологическом обществе фонетика была представлена богато и разнообразно — курсы, лекции, доклады, переводы классических трудов по фонетике, непосредственная экспериментальная работа, нашедшая, как показано на примере исследования Китермана, отражение в печатных работах. Яркое впечатление оставил список имен выдающихся лингвистов, так или иначе соприкасавшихся с Лабораторией в первое десятилетие её существования. Щерба начинал не на пустом месте. Наша Лаборатория не была первой ни в мире, ни в России, но она единственная из ранних фонетических лабораторий сохранилась как действующий организм до наших дней в лице Лаборатории экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы, существующей при созданной Щербой кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

Bondarko L. V. 2001: [Experimental phonetics at St. Petersburg State University: The second half of the century]. In: *100 let eksperimental'noy fonetike v Rossii: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*, Sankt-Peterburg, 1–4 fevralya 2001 g. SPb. S. 3–10.

Бондарко Л. В. 2001: Экспериментальная фонетика в Санкт-Петербургском государственном университете: вторая половина столетия. В сб.: *100 лет экспериментальной фонетике в*

- России: материалы международной конференции.* Санкт-Петербург, 1–4 февраля 2001 г. СПб. С. 3–10.
- Bondarko L. V., Verbitskaya L. A. 2005: [The linguist of the «Silver Age» remains our contemporary. To the 125th anniversary of Academician L. V. Shcherba]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk.* Т. 75, № 3, 250–255.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. 2005: Лингвист «серебряного века» остается нашим современником. К 125-летию со дня рождения академика Л. В. Щербы. *Вестник Российской академии наук.* Т. 75, № 3, 250–255.
- Dobrodomov I. G. 1984: [Sergey Konstantinovich Bulich (1859–1921)]. *Russkaya rech'*, № 5, 84–86.
- Добродомов И. Г. 1984: Сергей Константинович Булич (1859–1921). *Русская речь*, № 5, 84–86.
- Filologicheskiy fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy k istorii fakul'teta* / Avt.-sost. I. S. Lutovinova, otv. red. S. I. Bogdanov. 4-ye izd. ispr. i dop. SPb.: Filologicheskiy f-t, 2008.
- Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета* / Авт.-сост. И. С. Лутовинова, отв. ред. С. И. Богданов. 4-е изд. испр. и доп. СПб.: Филологический ф-т, 2008.
- Kaganovich V. S. 2015: [From materials about the family of I. A. Baudouin de Courtenay]. *Trudy ob'yedinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu.* Izhevsk Print-2, 2016, 110–120.
- Каганович В. С. 2015: Из материалов о семье И. А. Бодуэна де Куртенэ. *Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию.* Ижевск Принт-2, 110–120.
- Kiterman V. P. 1905: [On the question of the duration of sounds in the Russian language]. *Izv. ORYAS*, t. 10, kn. 4, SPb, 79–108.
- Китерман В. П. 1905: К вопросу о длительности звуков в русском языке. *Изв. ОРЯС*, т. 10, кн. 4, СПб, 79–108.
- Kolesov V. V. 1987: L. V. Shcherba. *Kniga dlya uchashchikhsya.* М.: Prosveshcheniye.
- Колесов В. В. 1987: Л. В. Щерба. *Книга для учащихся.* М.: Просвещение.
- Otchety o sostoyanii i deyatelnosti Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta (1899–1908).*
- Отчеты о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета (1899–1908).*
- Pamyati akademika L'va Vladimirovicha Shcherby (1880–1944).* *Sbornik statey.* Redkol.: V. A. Larin, L. R. Zinder, M. I. Matusovich L.: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1951.

- Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). Сборник статей.* Редкол.: Б. А. Ларин, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1951.
- Russkoye yazykoznanie v Peterburgskom-Leningradskom universitete /* Pod red. prof. N. A. Meshcherskogo. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1971.
- Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете /* Под ред. проф. Н. А. Мещерского. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1971.
- Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 275 let: Letopis', 1724–1999.* SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 1999.
- Санкт-Петербургский государственный университет, 275 лет: Летопись, 1724–1999.* СПб.: Издательство СПбГУ, 1999.
- Starchuk, A. A. 2010: [S. K. Bulich and modern Indo-European linguistics] *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 14(2), 340–351.
- Старчук, А. А. С. К. Булич и современное индоевропейское языкознание. *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* 14(2), 340–351.
- Zinder, L. R., Maslov, Yu. S. 1982: L. V. Shcherba — *linguist-teoretik and pedagog.* Leningrad: Nauka: Leningrad department.
- Зиндер, Л. Р., Маслов Ю. С. 1982: *Л. В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог.* Ленинград: Наука : Ленингр. отд-ние.
- Zinder, L. R., Matusevich M. I. 1974: [L. V. Shcherba. The main milestones of his life and scientific work]. In: L. V. Shcherba. *Language system and speech behavior.* Leningrad: Nauka, Leningrad. Department. S. 5–23.
- Зиндер Л. Р., Матусевич М. И. 1974: Л. В. Щерба. Основные вехи его жизни и научного творчества. В кн.: Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность.* Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 5–23.

А. М. Скворцов
СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург/
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. artyom-
skvortsov@yandex.ru

«САМА ПО СЕБЕ СОВОКУПНОСТЬ ТРУДОВ МОГЛА БЫ ПОЗВОЛИТЬ ПРИСУДИТЬ... СТЕПЕНЬ ДОКТОРА»: ЗАЩИТА С. Я. ЛУРЬЕ ДИССЕРТАЦИИ В 1944 г.¹

В статье рассматривается защита докторской диссертации по филологии С. Я. Лурье 11 марта 1944 г. на Ученом совете в эвакуированном в Саратов Ленинградском государственном университете. В ней автор стремится реализовать историко-филологический подход и обосновать метод датировки афинских трагедий, заключающийся в выявлении в произведениях драматургов аллюзий на конкретные политические события V в. до н. э. Эту диссертацию, оставшуюся неопубликованной, следует рассматривать именно как квалификационное сочинение, потребовавшееся Лурье для перехода на филологический факультет.

Ключевые слова: ЛГУ, антиковедение, история классической филологии, Лурье, античный театр, диссертационная культура.

A. M. Skvortsov
S. I. Vavilov Institute for the history of science and technology, RAS, St. Petersburg/
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. artyom-skvortsov@yandex.ru

“The totality of the works alone could allow the awarding of a doctoral degree”: S. J. Luria’s defense of his dissertation in 1944

The article discusses the defense of the Doctoral Dissertation in Philology “Artistic Form and Issues of Modernity in Attic Tragedy” by S.Y. Luria (1891–1964), which occurred during the Great Patriotic War on March 11, 1944. The debate took place at a meeting of the Academic Council of Leningrad State University, which had been evacuated to Saratov. The speakers were B. M. Eichenbaum, I. M. Tronsky and I. I. Tolstoy. Contemporaries viewed Luria’s act as “unconventional”, given that he was already a doctorate in historical sciences and the head of the department of history of ancient Greece and Rome at LSU. The thesis has the nature of an essay and is dedicated to identifying references in Athenian tragedies to specific historical events from antiquity. In this thesis, the author attempts

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 23-28-00240 «Мобилизация древней истории: институциональные трансформации и советский военно-исторический нарратив 1941–1945 гг.».

to combine a historical and philological approach, updating his methodology, which he believes allows for the most accurate dating of the performance of the plays themselves. To do this, Lurie argues that the appeal to politics can be combined with the demands of “artistry” in Athenian tragedy. The content of the thesis reveals several new trends in humanities during wartime. One such trend is the noticeable weakening of ideological pressure. The author, like his opponents, emphasizes the continuity with the pre-revolutionary studies of the St. Petersburg School of Classical Philology — the school founded by F. F. Zelinsky. In his autobiography, Lurie mentions his pre-revolutionary teachers and mentions his publications in foreign journals, emphasizing his high level of expertise and the international nature of classical studies. It was dangerous to talk about publications in German-language journals in the 1930s. In general, S.Y. Luria’s dissertation in philology can be considered as a qualifying piece of work for further admission to the faculty of philology. I. M. Tronsky’s review is relevant in this regard. The opponent expressed skepticism about the “allusions” identified by the applicant in Greek tragedies, describing them as “hypothetical”, but emphasized the large number of Luria’s publications in classical philology. The totality of these publications, in itself, makes the author worthy of a doctoral degree. However, the dissertation itself remains unpublished.

Keywords: LSU (LGU), classical studies, history of classical philology, Luria, ancient theater, dissertation culture.

11 марта 1944 г. на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ, находившегося в эвакуации в Саратове, состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии», выполненной С. Я. Лурье. Многими коллегами-современниками такой поступок оценивался как «эксцентричный» (Luria 2004: 171). Действительно, к этому моменту соискатель уже имел степень доктора исторических наук, полученную в 1935 г. по совокупности трудов, а с 1939 г. он занимал пост заведующего кафедрой истории Древней Греции и Рима ЛГУ. В научных кругах широкую известность ему принес ряд монографий («Антисемитизм в древнем мире», 1922; «Антифонт», 1925; «История античной общественной мысли», 1929; «Теория бесконечно-малых у древних атомистов», 1935), переводы «Греческой истории» Ксенофонта, а также отдельные «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (1940), учебное пособие по истории Древней Греции (1940), десятки статей, в том числе в авторитетных немецких изданиях. Опубликованные им работы выявляют его приверженность историко-филологическому подходу. Показательно, что в своей

филологической диссертации Лурье высоко оценил ученых конца XVIII — первой половины XIX вв. (Маркланда, Барнезиуса, Бека, Дройзена) за универсализм, с сожалением при этом отметив, что «в наше время история и филология — это два различных цеха» (Luria 1943: 11).

В 1930-е гг. Лурье предпринимал попытку устроиться на кафедру классической филологии, но О. М. Фрейденберг, тогда заведующая этой кафедры, ему отказала под тем предлогом, что он больше историк, нежели филолог. Вероятно, докторская диссертация по филологии нужна была Лурье в качестве формальных оснований для работы на филологическом факультете (Zhud 2016: 14). По крайней мере, его переход сначала с поста заведующего кафедрой античной истории на ставку профессора этой же кафедры в сентябре 1945 г., а затем, через четыре месяца, на должность профессора кафедры классической филологии был добровольным.

На решение Лурье защитить диссертацию по филологии мог повлиять и ряд обстоятельств военного времени. В *curriculum vitae*, составленном по случаю проведения научного диспута, он напишет, используя глагол в пассивном залоге, что «в августе 1941 г. был эвакуирован [курсив мой — А. С.] в Иркутск» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 13). На самом же деле ленинградский антиковед в столицу Восточной Сибири уехал по собственному почину еще до официальной эвакуации академических институтов. Доказательством этому являются делопроизводственные документы Ленинградского отделения Института истории АН СССР, где есть строчка об отчислении его из института 19 августа 1941 г. именно по личному заявлению (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1(1941). Д. 1. Л. 88). Но в Иркутске он оставался недолго: за доклад «Предшественники фашизма в античности» руководство университета подняло вопрос о сочувствии Лурье гитлеровскому фашизму (Luria 2004: 162–163; Krikh 2020: 214–215). Спасла телеграмма-вызов от вице-президента АН СССР в Москву для написания юбилейного доклада в сборник в честь Ньютона, благодаря чему и случилось его возвращение в академический институт истории в январе 1943 г., но уже в столице (СПбФ АРАН. Ф. 876. Оп. 2. Д. 21. Л. 1 об.). В эвакуированный в Саратов Ленинградский университет он приехал только в сентябре этого же года, хотя специалиста-антиковеда очень ждали коллеги, поскольку не имелось лектора для чтения курса по истории Древней Греции и Рима (Skvortsov 2023a: 133).

Требования к самим же диссертациям в период Великой Отечественной войны довольно сильно упали, как и общий их научный уровень (Skvortsov 2024), причем, даже в Москве, чего не мог не заметить Лурье. Показательной в этом отношении являлась защита докторской диссертации А. В. Мишулиным 8 июля 1943 г. в Институте истории АН СССР: историку-партийцу, «выдвиженцу» конца 1920-х гг., диспут был необходим для обеспечения признания его научных заслуг в сообществе антиковедов (Skvortsov 2019: 305–307). О «прорывном» характере полученных соискателем выводов по вопросу исследования древней Иберии говорили все специально подобранные оппоненты (В. В. Струве, А. Б. Ранович, А. В. Арциховский). Однако в мемориальных статьях 1950–1970-х гг. вклад Мишулина в антиковедение сводился в большей степени к перечислению его организаторских заслуг, а о диссертации, если и упоминалось, то в контексте тяжелых условий войны, в которых она готовилась (Klyuev, Metel 2022: 945).

С. Я. Лурье олицетворял собой тип настоящего ученого, но все же следует признать, что и он, вероятно, не преминул воспользоваться снижением требований к квалификационным сочинениям в военное время. В связи с этим обращают на себя внимания два обстоятельства. Я. С. Лурье в воспоминаниях об отце лишь кратко упоминает о диссертации (Luria 2004: 171). Показательно и то, что она осталась неизданной: только в 1950-х гг. на тему политических тенденций в афинских трагедиях С. Я. Лурье опубликует две работы (Luria 1954; Luria 1958), где будет уже более осторожен в своих оценках. Так, один из важных выводов диссертации — датировка «Андромахи» Еврипида. Трагедия, по мнению соискателя, относилась к 411 г. до н. э. (Luria 1943: 234). В статье 1954 г. он выскажется более осторожно: после 412 г. до н. э. (Luria 1954: 128).

Историю создания квалификационного сочинения Лурье на высшую ученую степень позволяют установить ряд архивных документов, а также некоторые замечания в самом тексте работы. Название — «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии» — предполагает, что автор рассматривает всю совокупность дошедших до нас трагедий, однако в действительности диссертация представляет собой ряд очерков. Первая глава, посвященная теоретическим рассуждениям («историко-литературные prolegomena»), освещает следующие вопросы: политические намеки и художественность, авторская работа над мифологической традицией, подходы к

датировке трагедий. В оставшихся трех главах анализируются конкретные тексты на предмет поиска в них аллюзий на актуальные события античной истории. Вторая глава посвящена политическим тенденциям «Евменид» Эсхила, третья — отражению событий Архидамовой войны у Эсхила, четвертая — намекам в трагедиях на политические реалии 411–405 гг. до н. э. Выбор сюжетов для изложения по сути оказался случайным. В «Предисловии»² к диссертации С. Я. Лурье признается, что в итоговый вариант диссертации не был включен уже законченный сюжет об «Агамемноне», поскольку, будучи в Саратове, узнал о схожих выводах, сделанных ранее И. Г. Дройзенем, публикации которого на эту тему оказались недоступными. В окончательный текст не вошел разбор «Прометея» Эсхила и «Царя Эдипа» Софокла, поскольку, как утверждает соискатель, в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве не оказалось ряда статей, вышедших на эту тему в последнее время за рубежом. В результате в диссертации Лурье дал разбор почти всех трагедий Еврипида (за исключением трех т. н. «аполитичных» пьес), «Евменид» Эсхила и «Филоктета» Софокла (Luria 1943: 8–9).

Очевидно также, что 2–4 главы имеют в большей степени характер исторического исследования. Это признает и сам автор, предупреждая читателя о возможной «неудачной структуре» текста. Лурье оправдывается тем, что изначально он планировал написать именно исторический труд. Действительно, первые наброски по этой теме, судя по сохранившимся материалам по подготовке к диссертации, относятся к 1940 г.³ Только в последнюю очередь была добавлена первая глава, где дается разбор возникших по ходу изложения историко-литературных проблем (Luria 1943: 9). Причем, эта глава, как и «Предисловие», вероятно, были написаны на скорую руку. Внимательный читатель заметит в них не соответствующие научному стилю слова и выражения («злободневщина», «бросив к чорту меч» и др.), а также стилистические погрешности («мне удалось, как мне кажется») и излишнее привнесение автором личного начала: воспоминания о том, как автор первый раз увидел на сцене пьесу Гладкова «Давным-давно» и как у него пропало

² Так у С. Я. Лурье называется «Введение», где он формулирует проблему исследования.

³ В деле имеются заполненные требования в Библиотеку Академии наук, датированные 1944 г. (СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 109).

после этого ощущение «нехудожественности» и тенденциозности, которые он испытывал при первом прочтении этого произведения.

В сохранившемся в Научной библиотеке СПбГУ экземпляре диссертации с 243 страницы отсутствуют цитаты из источников на древнегреческом языке, которые Лурье вписывал от руки, вместо них — лишь пробелы. Остались неоформленными, с той же 243 страницы, и ссылки на иностранную литературу: имеется только порядковые номера. В диссертации нет таких разделов, как «Содержание», «Заключение» и «Список литературы». Изложение теорий в литературоведении относительно предмета исследования в первой главе осуществлено довольно поверхностно. Последнее стало предметом критики Б. М. Эйхенбаума, который утверждал, что соискатель упростил вопрос, поставленный В. Кранцем относительно трагического поэта, кратко и неубедительно решил проблему соотношения античной эстетики с современной (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 16 об.–17). В совокупности формальные и содержательные недостатки диссертации свидетельствуют, вероятно, о некоторой поспешности при ее написании.

В «Предисловии» С. Я. Лурье отметил, что писал эту диссертацию в Иркутске и в Москве (Luria 1943: 8). Судя по сохранившимся требованиям, оформленным в читальный зал Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, все же наиболее интенсивное время ее написания: февраль–март 1943 г. Эти требования имеются в объемном архивном деле (545 листов), содержащем, кроме них, выписки из аттических трагедий на древнегреческом языке и иностранной литературы (в основном, немецкой), библиографические карточки — комплекс документов, иллюстрирующих подготовительный этап работы Лурье над докторской диссертацией (СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 109). Некоторые листы сгруппированы по темам: «Эсхил», «Софокл и Аристофан», «Еврипид». Встречаются как несистематизированные выписки, так и сгруппированные по определенному принципу: «Знатность» (Л. 58), «Богатство» (Л. 59), «Боги, теодицея, свобода воли» (Л. 59 об.), «Полемика с социализмом» (Л. 60), «Женский вопрос, дети и семья» (Л. 61), «Софистика и борьба с ней» (Л. 61 об.), «Патриотизм» (л. 62 об.), «Безопасность человеческой жизни» и «Сверхчеловек» (Л. 63), «Рабы и свободные» (Л. 64). Совокупность отложившихся в архиве документов позволяет описать творческую лабораторию докторанта: сделав выписки из отдельных трагедий, он распре-

делил цитаты по проблемному принципу, добавив сюда интерпретации, встретившиеся в современной научной литературе. Затем Лурье сразу формировал текст, набирая его, вероятно, сразу на печатной машинке, — показательно, что черновики отдельных параграфов и глав самой диссертации в этом объемном деле не встречается.

Чтобы усилить филологическую составляющую диссертации, С. Я. Лурье первую главу посвящает теоретическим изысканиям в этой области. В частности, во втором параграфе он опровергает мысль ряда ученых, идеализирующих античных драматургов, что всякого рода политическая агитация нехудожественна, и трагики, как великие художники, не могли допустить подобных сюжетов у себя в пьесах. Соискатель доказывает, что аллюзии на актуальную повестку дня у драматургов вполне могут быть частью «художественного». В 3-м параграфе 1-ой главы он специально уделяет внимание методам работы Еврипида по актуализации мифологической традиции (синкретизм мотивов, дублирование, мотивированная замена) и приходит к выводу о виртуозной комбинации версий мифов драматургом: «Еврипид достигал нужного ему результата, выбирая из существующих различных версий каждый раз ту (часто принципиально мало популярную), которая больше всего подходила его цели, прибегая к античным приемам, придумывая детали, не противоречащие мифологической традиции. Поэт не изменял миф по своему усмотрению. Он виртуозно комбинировал версии мифов» (Luria 1943: 72). Наконец 4 параграф призван был еще более актуализировать проблему поиска аллюзий на конкретные политические события в афинских трагедиях. Критически разобрав способы датировки драм, встречающиеся в научной литературе (на основе изучения эволюции художественных приемов трагических поэтов; на основе изучения эволюции мировоззрения поэтов; на основе пародий на постановки трагедий, содержащихся в аттической комедии), он подытожил, что если дата трагедии не дана в схолиях, то основным приемом для датировки является непосредственное изучение текста с целью обнаружить в нем намеки на актуальные для времени постановки пьесы политические события. Другие способы датировки, по его мнению, несостоятельны (Luria 1943: 80–81). Тем самым Лурье актуализирует общественное значение театра в античности. Вместе с этим заметим, что сформулированная в исследовании цель более подходит для классического исторического иссле-

дования: «извлечь из творения великих греческих трагических поэтов материал для восстановления истории Греции V в.» (Luria 1943: 3). К своим научным достижениям автор относит новую интерпретацию ряда сюжетов, «которые не только освещают уже известные нам из истории факты с новой неожиданной стороны, но и дают возможность постулировать новые факты, до сих пор вовсе не известные» (Luria 1943: 3). Ценным он считает определение им даты вхождения Сигея в состав Афинского морского союза — после 458 г. до н. э. (традиционная дата в историографии — 478 г. до н. э.). Кроме того, проведя анализ трагедий, Лурье выступил против мнения в западноевропейской историографии об Эсхиле как поэте аристократии и охарактеризовал его как «демократа». Другой вывод диссертанта — примирительная позиция Эсхила по отношению к реформам Эфиальта. Анализ трагедий «Гераклиды» и «Молящиеся» позволил соискателю заключить, что Еврипид являлся умеренным демократом, был против агрессивной внешней политики. Другими словами, в труде Лурье органично соединились несколько исследовательских направлений: выявление социально-политических характеристик общественных классов, литературоведческий и исторический анализ.

Своему диссертационному исследованию С. Я. Лурье стремится дать приемлемую теоретическую рамку, которая была бы одобрена членами ученого совета, состоящего из специалистов самых разных областей. Выход был найден не в комбинации в выгодном порядке цитат из «классиков» марксизма⁴, а в актуализации аттических трагедий через схожесть условий, в которых многие из них были поставлены — военные действия между Афинами и Спартой — с переживаемым в настоящем времени моментом. С. Я. Лурье в самом начале диссертации обозначает свой подход: для правильной трактовки трагедий Еврипида, написанных в период войн, надо «проникнуться как можно глубже теми настроениями, которыми жили афиняне эпохи Пелопоннесской войны <...> В настоящий момент, когда мы переживаем войну, так потрясшую все основы нашей жизни, как Пелопоннесская война жизнь афинян, нам это легче всего сделать» (Luria 1943: 32). В другом месте соискатель

⁴ Кстати, из всех «классиков марксизма-ленинизма» лишь К. Маркс единожды удостоился у С. Я. Лурье упоминания: соискатель был солидарен с К. Марксом в том, что Эсхил — «ярко выраженный тенденциозный автор» (Luria 1943: 20).

прямо говорит, что для понимания «Андромахи» Еврипида читатель должен перенестись в обстановку 411 г. до н. э. или сходную с ней, а до 1941 г., по его мнению, это было почти невозможно. Ту же мысль можно встретить и в более эмоциональной тональности: «В лихорадочные моменты государственной жизни, во время тяжелой войны, когда самое существование государства в опасности, зритель воспринимает, как высокохудожественное то, что читателю другой, мирной эпохи покажется “хриплонаторванным иступленным криком помешанного”» (Luria 1943: 33). Здесь прослеживаются, на наш взгляд, идеи, сходные с философией и теорией познания В. Дильтея. Немецкий философ был убежден, что основной метод в изучении наук о духе, к которым относится комплекс наук о человеке, — «вживание», тогда как в науках о природе применяется метод объяснения — исследование происходит путем восхождения от частного к общему. Другими словами, чтобы постичь человека исторической эпохи, нужно непосредственно прочувствовать его социальную действительность во всех ее проявлениях. В этом отношении и творения поэтов, по Дильтею, могут быть поняты только в контексте культурных взаимосвязей: «Ведь сюжет, мотив, человеческие характеры всякого выдающегося поэтического творения обуславливаются как жизненным идеалом, мировоззрением и общественной действительностью того времени, в котором оно возникло, так и наоборот — всемирно-историческим перенесением и развитием поэтических тем, мотивов и характеров» (Dilthey 2000: 366). Культура здесь выступает всеобъемлющим понятием. В ней происходит объективация духа. Важное наблюдение Дильтея: бесчисленные образы культуры обнаруживают в разные эпохи общие линии, поскольку люди испытывают одни и те же проблемы, а значит, принципиально возможно изучать историю через вживание.

Выдвинутый Лурье тезис призван был актуализировать защиту диссертации по античной литературе в годы войны. Так, один из оппонентов Лурье Б. М. Эйхенбаум цитирует упомянутые выше строчки из диссертации, причем никак их не комментирует, но приветствует «современность» как «методологическую основу для решения общего вопроса о соотношения художественности с тенденциозностью» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 16 об.). Вместе с тем в них нельзя не увидеть попытку соискателя выйти за рамки экономического детерминизма. Другие же оппоненты были более осторожны в отноше-

нии заявленного соискателем теоретического подхода. Например, И. М. Тронский, эмоционально высказавшись о немецком вторжении в Советский Союз, констатировал заслуги Лурье в пересмотре некоторых выдвинутых в науке положений относительно аттических трагедий, но со скепсисом высказался о поисках «политических намеков на злобу дня», вносящих элемент субъективности (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 19 об.). Больше же внимание Тронский, как и третий оппонент И. И. Толстой, уделил оценке сделанных соискателем наблюдений.

Заметим, что Лурье не идет по пути многих своих коллег, нещадно разоблачавших фашистскую науку и видевших в прошлом лишь те задачи, которые ставила переживаемая в тот момент борьба с фашистскими захватчиками (см., напр., о такой тенденции в диссертациях по истории: Skvortsov 2023b: 152–161). Представители научного сообщества филологов-классиков даже в годы Великой Отечественной войны смотрели на такие параллели со скепсисом, говоря о них даже иронически. Приведем строчки из письма И. М. Тронского Е. А. Миллиор от 23 декабря 1942 г.: «Все ожидали мы приезда Солом[она] Яковлевича, но он что-то не едет и поживает на своих иркутских лаврах, расправившись с Платоном и Аристотелем, к[ото]рых он произвел в античные предшественники фашизма» (Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000: 79). Актуализировав через современность тематику своей диссертации иным образом, чем это было тогда принято, С. Я. Лурье перешел к вопросам научного характера.

Выявленные же Лурье «аллюзии» в трагедиях представляли собой наиболее уязвимое место в диссертации. Очевидно, что материал художественных произведений, в основе которых лежат мифологические образы, трудно однозначно соотнести с определенными историческими событиями. И. М. Тронский вполне резонно назвал довольно гипотетическим утверждением, что в провозглашаемом в «Евменидах» принципе родства детей только с отцом, но не с матерью, можно усматривать полемику Эсхила с «проектом» (sic!) радикальных демократов, направленного против аристократов закона, об исключении из состава афинского гражданства тех лиц, которые происходят от брака афинского гражданина с негражданкой из другой общины (в будущем известен как закон Перикла 451/450 гг. до н. э.), либо что в приводе пленного Еврисфея в «Гераклидах» содержится намек на события под Сфактерией 425 г. до н. э. Не

согласен был оппонент и с трактовкой 457 ст. «Андромахи», где говорится о неоднократном превращении Менелая «из сухопутного бойца в плохого моряка», как намек на события после октября — ноября 412 г. до н. э., когда спартанцы завели собственный флот. Нельзя, по мнению Тронского, видеть в перемене настроения Тесея в «Молящихся», когда афинский герой отказывает Адрасту в помощи, отражение эволюции позиции самого Еврипида (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 20–21).

Ни в отзыве Тронского, ни в отзыве Толстого нет намеков о соответствии выдвинутых в диссертации положений марксистско-ленинскому учению. Квалификационное сочинение оценивается через используемый метод, мастерство анализа текстов и умение формулировать доказательные утверждения. Так, Толстой, соглашаясь со многими выдвинутыми утверждениями, критикует Лурье, в основном, за некорректный перевод отдельных древнегреческих слов и фраз и в неожиданном русле развивает мысль о схожести взглядов Алкивиада и Еврипида. По мнению оппонента, эта схожесть не ограничивается вопросами военной политики, но «корениться могла в принципиальной общности бессознательных, инстинктивных *культурно-исторических* [курсив мой — А.С.] заданий обоих» и этих двух знаменитых афинских граждан следует рассматривать как предтечу эллинистической эпохи (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 30).

Тронский, как, кстати, и Толстой, в водной части изображает Лурье как широко известного ученого, не только в пределах СССР, но и за рубежом, а само исследование соискателя представляет как продолжение «традиции нашего университета», где изучение античной драмы занимало важное место в студиях Ф. Ф. Зелинского и его учеников. Тем самым современный диссертанту советский этап научного поиска не противопоставляется дореволюционному. Последний включается в общую последовательную канву развития античного литературоведения в Советском Союзе, признаются и актуализируются его достижения. Переосмысление прошлого науки способствовало общее идеологическое послабление в военное время⁵, а также внимание пропаганды к победам русского

⁵ Исследователи по истории советской пропаганды уже отмечали исчезновение из идеологии, патриотического языка периода Великой Отечественной войны коммунистической составляющей (Livshin, Orlov 2007: 15).

оружия во времена императорской России и Древней Руси. Линия преемственности прослеживается, по Тронскому, в нацеленности Лурье на установление, дополнение, исправление, истолкование античных текстов, а также в сочетании глубокого исторического знания эпохи с литературоведческим анализом (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 18 об.).

Помимо самой диссертации, свидетельствующей о ряде новых тенденций в науке военного времени, важно обратить внимание и на сопутствующие квалификационному сочинению документы в диссертационном деле, частности, на автобиографию. Ее структуру и содержание задает общественно-политический и культурный контекст, влияющий на модель самопрезентации. Презентация ученого в относительно кратком *curriculum vitae* строилась на перекрестии двух основных дискурсов: первый исходил из традиционных (идуших с дореволюционных времен) представлений о процессе формирования научного деятеля, второй складывался из пропагандируемого советскими идеологами образа советского гражданина и ученого. В диссертационном деле Лурье содержится автобиография соискателя (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 12–13), обращающая на себя внимание не только в связи с подробным изложением автором всех перипетий своей научной карьеры, но и с рядом других обстоятельств. Во-первых, соискатель изображает себя пострадавшим от царского режима («не имея возможности вследствие ограничений для евреев поступить в Могилевскую гимназию<...>») и одновременно своеобразным борцом с этими несправедливыми порядками. Несмотря на гонения по национальному признаку, ему не только удалось поступить в гимназию, но и закончить ее с золотой медалью. Он трижды упомянул свои отличные оценки: в связи с окончанием прогимназии, затем гимназии и, наконец, в связи со сдачей экзамена по греческому языку в Виленском учебном округе. Во-вторых, Лурье посчитал нужным перечислить своих учителей: С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева, Ф. Ф. Зелинского, И. И. Толстого, несмотря на известный факт эмиграции двух из них. А в диссертации Зелинский назван «крупнейшим классическим филологом», наравне с У. фон Виламовицем-Меллендорфом (Luria 1943: 82). Очевидно, соискатель позиционирует себя тесно связанным с научными традициями именно дореволюционного антиковедения, периода взлета русской науки о классической древности. Об этом же свидетельствует и намеренное упоминание своей первой публикации о

херсонесской надписи в «Журнале Министерства народного просвещения». Наконец, в-третьих, Лурье посчитал безопасным упоминание о своих «регулярных» (sic!) публикациях в иностранных журналах. Появление подобной строчки стало возможно, вероятно, в связи с изменением геополитической обстановки (в конце 1943 г. состоялась Тегеранская конференция) и активной подготовкой открытия второго фронта.

Таким образом, совокупность документов, относящихся к диссертационному делу С. Я. Лурье 1944 г., позволяет выявить ряд тенденций в науке заключительного периода Великой Отечественной войны. Произошло некоторое ослабление идеологического давления, в результате чего, например, в рассмотренной диссертации традиционная для 1930-х гг. коммунистическая риторика и риторика классово-борьбы отсутствовала. Свои филологические поиски Лурье открыто демонстрировал как продолжение традиций дореволюционного антиковедения. Подход соискателя к анализу аттических трагедий, заключающийся в выявлении в них аллюзий на политические события V в. до н. э., вызвал критику одного из оппонентов — И. М. Тронского, который, охарактеризовав сделанные выводы как «гипотетические», однако, высказался за присуждение Лурье степени доктора. Поэтому данную диссертацию следует рассматривать как квалификационное сочинение, необходимое автору, вероятно, для реализации идеи перехода на филологический факультет. Не случайно сам труд так и остался неопубликованным.

Литература

- Dilthey, W. 2000: [Collected works in 6 volumes], ed. by A. V. Mikhailov and N. S. Plotnikov. Vol. 1. Transl. ed. by V. S. Malakhov. Moscow: Intellectual Book House.
- Дильтей, В. 2000: Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги.
- [From the Izhevsk archive of Elena (Nelly) Millior], in: *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 3, 3–103.
- Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор, в: *Вестник Удмуртского университета*, 3, 3–103.
- Karpyuk, S. G. 2021: [Politics and Science: Advances in the First Decade of “Vestnik Drevnei Istorii” (1937–1947)], in: *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury: al'manakh*, IX. Moscow: Sbranie, 377–390.

- Карпюк, С. Г. 2021: Политика и наука: передовицы в первое десятилетие существования «Вестника древней истории» (1937–1947 гг.), в: *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах*, IX. Москва: Собрание, 377–390.
- Klyuev, A. I., Metel, O. V. 2022: [“A.V. Mishulin Usually Avoids the Beaten Tracks in His Scientific Work...”: A.B. Ranovich’s Review of A.V. Mishulin’s Doctoral Dissertation], in: *Vestnik drevnej istorii*, 4(82), 941–957.
- Клюев, А. И., Метель, О. В. 2022: «В своей научной работе А. В. Мишулин обычно избегает проторенных путей...»: отзыв А. Б. Рановича о докторской диссертации А. В. Мишулина, в: *Вестник древней истории*, 4(82), 941–957.
- Livshin, A. Ya., Orlov, I. B. 2007: [Preface], in: *Sovetskaja propaganda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: “kommunikacija ubezhdjenja” i mobilizacionnye mehanizmy*. Moscow: ROSSPEN.
- Лившин, А. Я., Орлов, И. Б. Предисловие, в: *Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы*. М.: РОССПЭН.
- Luria, S. Ya. 1943: [Art form and issues of modernity in Attic tragedy]. Diss. ...doctor of Philology]. [Saratov].
- Лурье, С. Я. Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии. Дисс. ... докт. фил. наук. [Saratov].
- Luria, S. Ya. 1954: [On the question of the political struggle in Athens at the end of the fifth century (“Andromache” and “Lysistrata”)], in: *Vestnik drevnej istorii*, 3, 122–132.
- Лурье, С. Я. 1954: К вопросу о политической борьбе в Афинах в конце V века («Андромаха» и «Лисистрата»), в: *Вестник древней истории*, 3, 122–132.
- Luria, S. Ya. 1958: [The political trend of the tragedy “Eumenides”)], in: *Vestnik drevnej istorii*, 3, 42–54.
- Лурье, С. Я. 1958: Политическая тенденция трагедии «Евмениды», в: *Вестник древней истории*, 3, 42–54.
- Luria, Ya. S. 2004: [The story of one life]. Saint Petersburg: Izdatelstvo YeUSPb.
- Лурье, Я. С. История одной жизни. Санкт-Петербург: Издательство ЕУСПб
- Skvortsov, A. M. 2023a: [“Working at full speed here”: The Department of Classical Philology at the Leningrad State University in evacuation to Saratov (1942–1944)], in: *Philologia Classica*, 18 (1), 125–138.
- Скворцов, А. М. 2023а: «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942–1944), в: *Philologia Classica*, 18 (1), 125–138.
- Skvortsov, A. M. 2023b: [The Revival of Russian Slavic Studies and the Dissertation Culture of the Soviet Historical and Scientific

Community 1941–1945], in: *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 2, 152–161.

Скворцов, А. М. 2023b: Возрождение отечественного славяноведения и диссертационная культура советского историко-научного сообщества 1941–1945 гг., в.: *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, 2, 152–161.

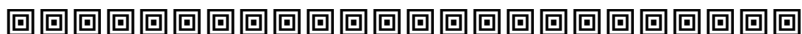
Skvortsov, A. M. 2024: [“We must study and honour those scientists who... brought Russian science to the first ranks”: the defence of the thesis on V. G. Vasilievsky by N. S. Lebedev in 1943], in: *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(2). In press.

Скворцов, А. М. 2024: «Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые... выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита диссертации о В. Г. Васильевском Н. С. Лебедевым в 1943 г., в: *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*, 26 (2). В печати.

Zhmud L. Ya. 2016: [S. Ya. Luria as a historian of science], in: Luria S. Ya. *Izbrannye raboty po istorii nauki*, ed. by L. Ya. Zhmud. Saint Petersburg: RKhGA.

Жмудь, Л. Я. С. Я. Лурье как историк науки, в: Лурье С. Я. *Избранные работы по истории науки*, под ред. Л. Я. Жмудя. Санкт-Петербург: РХГА.

ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

DOI: 10.30842/ielcp2306901528141

О. С. Лалетина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
olalet@mail.ru

Е. В. Хворостьянова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
ekhvorost@mail.ru

ЛЕММЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СТИХОВЫХ ОКОНЧАНИЙ ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА

В статье представлены результаты первого обобщающего статистико-аналитического описания данных Словаря рифм М. В. Ломоносова (2011) и Метрико-строфического справочника к произведениям М. В. Ломоносова (2010). В центре внимания находится вопрос о специфике лексики ломоносовской рифмы: последовательно рассматриваются леммы и грамматические формы стиховых окончаний в рифмованном и безрифменном, оригинальном и переводном стихе, учитываются их метрические, строфические, жанровые контексты.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, история русского стиха, история русской рифмы, грамматика рифмы, каталектика, словарь поэтического языка, словарь рифм.

Olga S. Laletina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. olalet@mail.ru

Elena V. Khvorostianova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. ekhvorost@mail.ru

Lemmas and grammatical forms of poetry endings of M. V. Lomonosov's poetry

The article presents the results of the first generalizing statistical and analytical description of the data of the Dictionary of the Rhymes by M. V. Lomonosov (2011) and the Metrics and verse patterns thesaurus to works by M. V. Lomonosov (2010). The research focuses on the specifics of the vocabulary of rhyme: lemmas and grammatical forms of verse endings are considered in quantitative and qualitative terms.

Depending on the frequency of use, lemmas in Lomonosov's poetry are divided into 3 groups. The first group is represented by lemmas occurring from 20 to 110 times; nouns predominate and verbs are rare. Among nouns, there are words of common Slavic origin and borrowed from the Old Slavonic language, which form the basis of the high style, demonstrate the stable motivic corpus of Lomonosov's poetry and explicate all types of connections between objects and phenomena,

described by Lomonosov in «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (“Brief guide in rhetorics useful for the lovers of eloquence” ,1743). The group of lemmas that occur once or twice outnumbers the first group more than 20 times. Most lexemes there are verbs while nouns make up less than a third (they are mostly borrowings, neologisms, diminutives). The third group of lemmas, which occur from 3 to 19 times, stands out as the least marked.

There are twice as many word forms that are used in the final positions of Lomonosov’s verse, as there are lemmas. In the statistics of word forms, nouns are in the first position, verbs are less common. The observations clarify the generally accepted thesis about the gradual decrease in verbal rhymes in Russian poetry of the first half of the 18th — early 19th centuries: in Lomonosov’s works verb endings are inferior to noun endings in frequency, but surpass them in the richness of the vocabulary.

In the contribution, lemmas and grammatical forms are analyzed in rhymed and non-rhyming verse, original verse and translations. Their metrical, strophic, genre contexts are also taken into account. The obtained data allow us to look at the problem of different strategies used by Lomonosov as the poet from a new angle (in particular, we demonstrate that it is the genre that determines the part-of-speech characteristics of endings in his work).

Keywords: M. V. Lomonosov, history of Russian vers, history of Russian rhyme, grammar of rhyme, catalectics, dictionary of poetic language, dictionary of rhymes.

В практике подготовки отечественных словарей рифм русских поэтов статистико-аналитические описания, позволяющее исследователям составить общее представление о лексико-грамматических и фонических предпочтениях поэта, а также об их становлении и развитии, не предлагались. Между тем на необходимость подготовки такого типа изданий не раз указывали исследователи русского и славянского стиха. Так, отмечая научную основательность вышедших в Польше словарей рифм С. Трембецкого (Тогуń, 1961) и А. Мицкевича (Wrocław, 1970), В. Е. Холшевников сетовал на то, что эти «хорошо продуманные, тщательно выполненные и удобные в обращении» словари «являются прекрасным материалом для анализа рифм данных поэтов, но только материалом: обработка его предоставляется самим читателям» (Kholshchevnikov 1975: 67). Не раз предпринимались и комплексные описания рифм русских поэтов, однако, с опорой не на весь корпус рифм, а на ограниченном материале отдельных произведений и циклов (см., например: Krasnova 1973; Bel’skaia 1977; и др.); при этом

основывались они на разных принципах, что по существу исключало возможность сопоставления полученных результатов.

Изданные во второй половине XX — начале XXI века словари рифм русских поэтов в лучшем случае предлагали лишь перечень рифменных сегментов (гнезд), включающих слова в соответствующей грамматической форме на рифменных позициях, а также общую статистику клаузульных форм (Borodin, Shaikovich 1981; Maksimova 1997; Babakin 1998; Babakin 2000a; Babakin 2000b; Babakin 2001; Babakin 2002; Babakin 2003; Babakin 2004). Единственным исключением является книга Т. Шоу (Shaw 2011), изданная всего в нескольких экземплярах¹ уже после смерти автора через 35 лет после выхода в свет подготовленных им словарей рифм А. С. Пушкина (Shaw 1974), К. Н. Батюшкова (Shaw 1975b) и Е. А. Баратынского (Shaw 1975a). Она систематизирует осуществленные исследователем ранее и опубликованные им в виде отдельных статей сравнительные описания рифм трех поэтов Золотого века (см., например: Shaw 1993a; Shaw 1993b; Shaw 2000; Shaw 2001; Shaw 2004; и мн. др.). К сожалению, предложенные автором принципы описания и система исчисления грамматико-синтаксического контраста рифмопар, вызвавшая справедливые сомнения и критику исследователей русского стиха (см., например: Baevsky 1991), не позволили использовать это уникальное издание в качестве модели для обобщающего анализа рифмы М. В. Ломоносова². Кроме того, стремление максимально связать два вида справочных изданий — Словарь рифм (Kazansky 2011a; 2011b) и Метрико-строфический справочник (Kazansky 2010), — лишь в совокупности позволяющих проследить логику развития стиховой системы поэта, заставило иначе структурировать аспекты описания сти-

¹ Выражаем искреннюю признательность одному из рецензентов указанного издания — проф. Барри Шерру, нашедшему один из этих экземпляров в библиотеке Висконсинского университета (США) и любезно предоставившему необходимую информацию.

² Так, в частности, статистические данные по грамматике у Шоу предполагают иной частеречный состав (с одной стороны, более дробный, поскольку отдельно фиксируются, например, спрягаемые глаголы, инфинитивы и императивы, с другой — более обобщенный: не различаются местоимения и местоимения-прилагательные); описывая жанровые тяготения рифм разного типа, автор выделяет у Пушкина лишь четыре группы жанров: два «старых» (лирика и повесть) и два «новых» (роман в стихах и сказка) и т. п.

ховых окончаний. В настоящей статье рассматриваются леммы стиховых окончаний и их грамматические формы в количественном и качественном отношении³.

Поэтическое творчество М. В. Ломоносова приходится на тот период русской литературы, который принято именовать эпохой классицизма, когда — по словам Г. А. Гуковского — «идея абсолютно прекрасного <...> дает мерило всем произведениям <...>; она нивелирует их и отодвигает все индивидуальное в тень, поскольку важно в них лишь то, что более или менее приближается к абсолюту, вполне обязательному для всех людей, индивидуальностей, времен и народов» (Gukovsky 2001: 260). В сложном процессе становления русского классицизма, взаимодействии барочных и утверждающихся классицистских принципов, происходящих на этом фоне реформах русского стиха и литературного языка Ломоносов сыграл важнейшую, а по мнению нескольких последующих поколений — решающую роль.

Формирование классицистского канона нашло свое непосредственное выражение, как известно, и в новых требованиях к литературному стиху, его метрическому и строфическому репертуару, ритмическим нормам, правилам рифмовки, в которых начинает утверждаться принцип «рационального самоограничения» (Gasparov 1984a: 83). Проследивая историческую эволюцию русской рифмы в метрическом, фоническом и грамматическом аспектах, этот начальный этап становления силлаботонического стиха М. Л. Гаспаров именует «первой стабилизацией» (Gasparov 1984b: 13) рифмы.

Пореформенное становление и развитие русского литературного стиха (1740-е — 1780-е гг.) затрагивает едва ли не все параметры формообразования рифмы: *лексический*, поскольку он наиболее отчетливым образом связан с жанрово-тематической установкой; *грамматический*, т. к. он в значительной сте-

³ Выражаем глубокую признательность Н. Н. Казанскому за ценные профессиональные консультации, А. В. Нестерову за практическую помощь в обработке статистического материала. В основе статистического описания лежат материалы словаря рифм Ломоносова (Kazansky 2011a; 2011b); к сожалению, после публикации словаря был обнаружен ряд опечаток, в настоящей статье при подготовке таблиц все они были учтены, данные скорректированы; за принципиально важную лексикологическую правку данных словаря рифм выражаем исключительную благодарность Е. Б. Кузьминой.

пени определяется стиховой структурой с одной стороны (т.е. формальным членением текста на стиховые отрезки) и поэтическим синтаксисом — с другой; *фонический* — в определенной степени ограниченный языковым потенциалом, но в отдельных случаях все же «санкционирующий» ранее недопустимые или непопулярные созвучия в контексте новой поэтической практики.

Общая картина «первой стабилизации русской рифмы», утверждающихся в этот период «норм» рифмовки у поэтов XVIII в. описана М. Л. Гаспаровым следующим образом:

«В *метрическом* аспекте самоограничение рифмовки выразилось <...> в том, что к употреблению допускались только мужские и женские рифмы, а дактилические отвергались. <...> В *лексико-грамматическом* аспекте самоограничение рифмовки выразилось гораздо менее определенно. Здесь учебники предостерегали лишь от тавтологических и полутавтологических рифм (“жить-пережить” <...>); от “нищенских” <...> рифм на “-ати” вместо “-ать” и пр.; и более сдержанно — от глагольных рифм вообще, порождающих “монотонию”. <...> В *фоническом* аспекте самоограничение рифмовки выразилось прежде всего в канонизации точной рифмы <...>, требуя полного совпадения двух последних слогов рифмы, даже если они безударны. <...> Идеальной рифмой безоговорочно считалась рифма и фонетически и графически точная: “мил-пленил”, “высокой-глубокой”» (Gasparov 1984a: 83–85).

Очевидно, что необходимость выявления отчетливых доминант в разнообразном и пестром материале эпохи, как и ограниченность статистического материала, основанного на выборках, неизбежно предполагала редукцию, нивелирование авторских приоритетов в рифмообразовании. Иными словами, авторское начало становилось неочевидным, как и ощутимые предпочтения (жанровые, стилистические, фонические), оставаясь преимущественно вне поля зрения исследователей. Так, дифференцированный анализ рифмы Ломоносова, предпринятый М. Л. Гаспаровым (Gasparov 1984b), был основан на материале рифменного корпуса од 1739–1764 гг. Впрочем, отдельные наблюдения над рифмой поэта (в том числе ее эволюцией) и

многочисленны⁴, и остроумны в барочном смысле слова, но до сих пор не систематизированы и во многом противоречивы.

Обращение к анализу полного состава рифм и окончаний белого стиха Ломоносова позволяет существенно уточнить и скорректировать сложившиеся представления о стихе поэта и одновременно принципиально иначе поставить вопросы: 1) о единстве стратегических установок поэтов «пореформенной эпохи»⁵ в области фоники и грамматики рифмы; 2) о своеобразии поэтической системы автора; 3) о характере связи рифмы со стихотворным размером, строфической моделью и жанром; 4) о положительной или отрицательной корреляции между потенциальными и реализованными возможностями рифмовки в метрическом, строфическом, грамматическом аспектах; 5) о рифменных стратегиях поэта в переводном и оригинальном стихе. Именно эти вопросы и формируют логику настоящей статьи.

1. Материал. В общем корпусе произведений (281) и стихов (13925) Ломоносова Словарь рифм фиксирует 3658 лемм, 7566 словоформ, 6812 рифмопар и 394 безрифменных окончания (т. е. окончаний белого стиха, моностихов и отдельных холостых строк в контексте рифмованного стиха).

2. Леммы и части речи. Тезис об особой семантической роли рифмы в структуре поэтического текста давно стал одной из составляющих современной стиховедческой аксиоматики. Выделенность конечных слов стиха перед паузой (тем более, если они подчеркнуты созвучиями) делает их тематическими доминантами, «катализаторами поэтической мысли»; более того, по словам Ю. М. Лотмана, «именно с рифмы начинается та конструкция содержания, которая составляет характерную черту поэзии». Однако, несмотря на то, что значения слов, находящихся на финальных позициях стихов, обычно оказываются в центре внимания исследователей при анализе отдель-

⁴ См.: работы В. М. Жирмунского, Л. И. Тимофеева, Р. О. Якобсона, Б. В. Томашевского, В. Е. Холшевникова, Д. С. Самойлова, Д. Ворта, М. Л. Гаспарова, М. И. Шапира и К. Рогова и др.

⁵ В данном случае имеется в виду реформа русского стиха В. К. Тредиаковского-М. В. Ломоносова и ее развитие в теоретическом виде, но, преимущественно — в поэтической практике младших современников и последователей.

ного поэтического текста⁶, заключения о частеречном составе корпуса рифм поэтов традиционно делаются на основе подсчета словоупотреблений⁷. Так, рассматривая пореформенный этап становления русской рифмы, М. Л. Гаспаров отмечал, что в силлабическом стихе Кантемира «глагольных рифм было 33 %, у Ломоносова — 28 %», «век спустя у Пушкина — 16 %; за счет этого падения глагольных возрастала прежде всего рифмовка существительных». Оставляя в стороне вопрос о корректности статистических данных, основанных на выборках, отметим, что если частотность словоупотреблений лексико-грамматических форм у Ломоносова, действительно, демонстрирует выдвижение на первое место *сущ.*⁸, то подсчет лемм позволяет обнаружить реальное лексическое разнообразие частей речи на рифме и в окончаниях белого стиха поэта.

По данным словаря рифм Ломоносова, наибольшее лексическое разнообразие демонстрируют глагольные окончания стиха — 38,9 % от всех лемм, несколько отстают от них *сущ.* (34,2 %), далее с большим отрывом следуют *прил.* (10,7 %), *прич.* (5,8 %), *нареч.* (4,4 %) и *деепр.* (3,8 %), в то время как на остальные части речи приходится всего 2,2 %. Тем самым глагольные окончания уступают окончаниям *сущ.* по частоте употребления, но превосходят последние по богатству словаря. Иными словами, пореформенная тенденция развития русской рифмы, выражающаяся в ощутимом падении глагольных рифм (Gasparov 1984a), в творчестве Ломоносова проявляет себя специфическим образом: глагольная «монотония» преодолевается им в значительной степени за счет расширения словарного состава традиционных глагольных окончаний, усиления их «непредсказуемости».

Лексический состав рифм и безрифменных окончаний стиха Ломоносова обнаруживает наличие двух противоположных тенденций, обусловленных, по всей вероятности, сложным взаимодействием «канонического» и «экспериментального» начал, отличающих стих XVIII в. (Gasparov 1984a: 53–54). Так, в среднем на одну лемму у поэта приходится 3,8 стиха, однако в

⁶ См., например, статьи, включенные в сб.: (Fridlender 1973; Emelianov, Iesuitov 1976; Kholshchevnikov 1985; и мн. др.).

⁷ См. работы Т. Шоу, Д. Ворга, М. Л. Гаспарова и др.

⁸ Здесь и далее в тексте и сносках приводятся сокращенные названия частей речи.

зависимости от частоты употребления в общем корпусе лемм отчетливо выделяются три лексические группы.

Первая из них представлена наиболее частотными леммами, встречающимися от 20 (*высокий, наука, пример, тень, шум*) до 110 (*рука*) раз; здесь абсолютно преобладают *сущ.* (70,9 %), немногочисленны *гл.* (13,6 %), еще более редки *прил.* (6,4 %), *мест.* и *мест.-прил.* (по 4,5 %). Другие части речи не представлены вовсе. В среднем на каждую из 110 лемм, составляющих указанную группу, приходится уже 35,5 стиха, что демонстрирует устойчивый мотивный корпус поэзии Ломоносова, причем все это слова общеславянского происхождения (*рука, покой, слава, свет, небо, народ, око, вода, лето, любовь* и т. д.) или заимствованные из старославянского языка (*власть, страна, враг*). Некоторые из них используются как в полногласных, так и в неполногласных формах (*брег* и *берег, глас* и *голос, глава* и *голова*). Характерно, что в абсолютном своем большинстве это слова общие русскому и церковнославянскому, призванные, по мысли Ломоносова, составлять основу высокого стиля⁹. Большая часть среди них — непредметные имена (*покой, сила, дело, власть, красота, отрада, дух, век, день, взор, страх, война* и т. п.), значительно меньше предметных (*рука, око, гора, поле, река, венец, лес, волна, человек* и т. п.); наконец, в состав группы наиболее частотных лемм входят лишь 5 имен собственных: *Елисавета* и *Елисавет, Бог, Россия, Екатерина, а* также производное *прил. Петров*. Слова *Россия, Петров, град, высота, путь, место, пример* используются только в оригинальном стихе, прочие — как в оригинальном, так и в переводном. 57,3 % лексики первой группы встречается исключительно в рифмованном стихе, формируя основной фонд рифменных гнезд¹⁰, в то время как остальные леммы появляются на сильной позиции и рифмованного, и белого стиха.

Корпус из 110 наиболее частотных лемм, включающий произведения всех стихотворных жанров поэта, разумеется, слишком велик, а потому его сложно осмыслить в качестве ядра

⁹ Так, в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов отмечал, что к высокому стилю те «речения» «причисляются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*» (Lomonosov 1952b: 588).

¹⁰ Что вполне ожидаемо, поскольку стих поэта преимущественно рифмованный — 97,2 % стихотворных строк (Kazansky 2010: 66–67, Таблица 10).

поэтического мифа¹¹, тем более, что сам факт появления той или иной части речи на финальной позиции стиха в значительной степени обусловлен синтаксической структурой текста. Одновременно частотные *сущ.* неожиданным образом эксплицируют все типы связей между предметами и явлениями (грамматику идей), описанные Ломоносовым в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743). Имена собственные и нарицательные формируют взаимопересекающиеся ряды, перечисленные как «формы языкового мышления» в главе «О изобретении простых идей»: напр., «род и вид» (*Елисавета, Екатерина — царь; река, море — вода; век, час — время*), «целое и часть» (*враг, полк, кровь, страх, победа — война; рука, голова, око, лицо, уста — человек*), «свойства материальные» (Lomonosov 1952: 28, § 16) (*свет ('свечение, блеск'), шум*), «жизненные свойства» (Lomonosov 1952: 28–29, § 17) (*ум, любовь, страх, сила, слава, власть, слух, взор*), «имя вещи <...> собственное или приложенное» (Lomonosov 1952: 29, § 18) (*Елисавета — Бог; свет ('мир, вселенная') — свет ('свечение, блеск')*), «действие и страдание» (Lomonosov 1952: 29–30, § 19) (*рок — человек, ум — наука*), «время» (Lomonosov 1952: 30, § 20) (*лето, век, час*), «место» (Lomonosov 1952: 30, § 21) (*держжава, страна, Россия, город — народ*), «происхождение» (Lomonosov 1952: 30, § 22) (*Бог, царь — закон*), «причина» (Lomonosov 1952: 31, § 23) (*лето, вода, земля — плод*), «предыдущее» и «последующее» (Lomonosov 1952: 31, § 24) (*день — ночь*), «признак» (Lomonosov 1952: 31, § 25) (*красота — лицо, высота — гора*), «обстоятельства» (Lomonosov 1952: 31, § 26) (*человек, путь — река, поле, лес, море, гора, город*), «подобные вещи» (Lomonosov 1952: 32, § 27) (*стена — гора, сила — наука*), «противные вещи» (Lomonosov 1952: 32, § 28) (*небо — земля, поле — лес, война — покой*), «сравнение» (Lomonosov 1952: 32, § 29) (*человек — герой — царь — Бог, река — море*). Устойчивость и маркированность этой лексической группы окончаний стиха Ломоносова косвенным образом подтверждают рифмы пародийных стихотворений Сумарокова («Од вздорных» и «Дифирамба Пегасу»), где используются наиболее частотные из

¹¹ См., например, анализы частотных словарей русских поэтов, в которых наиболее употребительные знаменательные слова эксплицируют ключевые темы, формирующие символическую систему текста, поэтических циклов или всего творчества автора (Mints, Aboldueva, Shishkina 1967; Levin 1966; Tsyv'yan 1967; Baevsky 2001; и др.).

указанных лемм: *рука* (3 раза), *гора* (2 раза), *небо* (5 раз), *земля*, *море* (3 раза), *стена*, *берег* (2 раза), *град*, *вода* (3 раза), *кровь*, *любовь*, *река*, *взор* (2 раза), *лес* (3 раза), *свет* (2 раза), *бог*, *место* (3 раза), *страна*, *дух*, *держава*, *слава*, *лето*, *слово*, *ум*, *ветр*, *тень*. Отчетливо выраженные связи между лексическими окончаниями стихов у Ломоносова, вероятно, обусловлены устойчивым совпадением фразового и ритмического членения поэтической речи, при котором на сильную позицию выдвигаются ключевые слова, эксплицирующие указанные типы логических связей. См., напр., сближения понятий в рифмующихся и / или соседних строках «Вечернего размышления...» и «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», абсолютное большинство которых входит в указанную группу наиболее частотных лемм: *день — ночь*, *свет — век*, *закон — трон*, *конец — творец*, *высота — красота*, *человек — век*, *плод — труд*, *слух — дух* и др.

Среди *гл.* у Ломоносова частотны, с одной стороны, «очевидные» (*быть*, *иметь* и *имети*, *желать*, *дать*, *знать*, *стоять* и *стояти*, *говорить*, *взирать*, *мочь*), с другой — «неочевидные», связанные с жанровой стратификацией и объемом текстов (*сиять*, *терзать*, *пылать*, *открыть*, *презирать*). *Мест.* (*ты*, *мы*, *я*) и *мест.-прил.* (*свой*, *твой*, *мой*), занимающие довольно высокие позиции в рейтинге частотности лемм, но составляющие незначительную долю в общем количестве стихоокончаний, демонстрируют не столько свою значимость в системе стиха, сколько отчетливые приоритеты «поэтической» точки зрения, где доминирует не первое, а второе лицо и «неопределенная» (применяемая для конкретного описания) принадлежность вещи / эмоции. В результате отчетливая дифференциация между *я* и *ты* оказывается нивелированной, придавая лирическому взгляду на мир существенную степень объективизации («ты» читателя, героя, адресата текста максимальным образом сближаются с «я» повествователя, обеспечивая ценностную «однозначность» явленной картины мира).

Своего рода противоположностью рассмотренной группе выступает корпус лемм, встречающихся у Ломоносова лишь один-два раза. Сопоставимый по числу стихов с первой группой, по количеству лемм он превышает ее в 20 с лишним раз, внося исключительное разнообразие в репертуар словесных окончаний и тем самым отмечая барочные тенденции эпохи. Так, 51,8 % лемм использованы поэтом лишь однажды, 15,1 % —

дважды. Среди не повторяющихся лексем *сущ.* составляют уже менее трети (30,5 %), основная доля приходится на *гл.* (36,6 %), существенно меньше на *прил.* (11,5 %) и *нареч.* (4,3 %). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что *прич.* и *деепр.*, составляющие в общей сложности 9,6 % окончаний стиха Ломоносова, входят именно в эту группу. С одной стороны, они тем самым обнаруживают свой «эксклюзивный» характер, с другой — их высокая доля¹² выступает яркой приметой высокого книжного стиля (ср. в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке»: «Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы» (Lomonosov 1952: 590)).

Среди *сущ.* в указанной группе преимущественно заимствования (*барометр, вертопрах, виссон, генерал, лавр, минерал, поэзия, сирена, университет, фирмиам*), неологизмы (*буянство, враль, громодержитель, журчанье*), диминутивы (*бережок, лисичка, листочек, мужичок, овечка, пруточек*). Высока и доля отглагольных *сущ.* (*лыщенье, отмщенье, паденье, повелитель, похищенье, присвоенье, разлученье, терзанье, утрата, ученье*). По сравнению с двумя другими группами лемм эта группа наиболее богата также составом имен собственных (*Аввакум, Аврора, Азия, Беллона, Борис, Брут, Давид, Дафнис, Еней, Егида, Катон, Коперник, Медея, Мельхиседек, Печера, Содом, Христос, Царьград*) и производных от них *прил.* (*Евфратский, Илионский, Нептунов, Понтийской, Соловецкий, Цейлонов*), причем большая часть этих слов входит в состав рифмованного, а не белого стиха. Из лемм, употребленных в окончаниях стиха лишь один-два раза, 88,6 % приходится на оригинальное творчество и 11,4 % — на переводное; сопоставимые соотношения оригинального и переводного стиха Ломоносова в целом позволяют заключить, что лексическое разнообразие в указанной группе (в том числе и обилие заимствованных слов) не является результатом следования иноязычным источникам переводов. В то же время основная доля лемм, использованных на конечной позиции белого стиха, входит именно в группу единожды или дважды употребленных слов.

¹² По данным Т. Шоу, общая доля *прич.* и *деепр.* в стихе Пушкина, Батюшкова и Баратынского колеблется от 2 до 4 % (Shaw 2004: 346).

Наряду с охарактеризованными группами лемм в качестве наименее маркированной и по происхождению, и по частеречной принадлежности, выделяется третья группа словесных окончаний стиха, встречающихся от 3 до 19 раз (см.: Приложение, Табл. 1.). Ее отличают, пожалуй, лишь две характерные особенности: 1) крайне незначительная доля лемм переводного нерифмованного стиха; 2) отсутствие случаев, когда лемма рифмованного стиха встречается только в переводах (при этом использования слов на рифме лишь в оригинальном стихе достаточно часты: *зло, чертог, любить, новый, приход, воля, Троя, сын, труба, чело*).

3. Леммы и словоформы. Словоформ, использованных на конечных позициях стиха Ломоносова, в два с лишним раза больше, чем лемм. Однако с точки зрения словообразования (количества форм отдельной леммы) различные части речи обнаруживают свои приоритеты. Так, если в статистике лемм на первом месте были *гл.*, то в статистике словоформ на первую позицию выдвигаются *сущ.* (39,9%), доля *гл.*, напротив, снижается (37,1%). Статистические колебания по другим частям речи незначительны, но соотношение лемм и форм среди наиболее употребительных частей речи показывает, что в среднем на одну лемму в *сущ.* приходится 2,4 словоформы, в *прил.* — 2,1, в *гл.* — 2,0, в *прич.* — 1,8 словоформы. Тем самым грамматическое разнообразие позволяет сохранить возможность фиксации мотивной структуры текста (с опорой на *сущ.*) и одновременно обрести фонетические возможности для семантического сближения на рифме различных частей речи.

Статистика форм слов, использованных на конечной позиции стиха, демонстрирует более сложную картину, нежели статистика лемм. Для частотных лемм первой группы характерно использование большого количества грамматических форм. Напр., самое частотное слово *рука* встречается у Ломоносова в 11 грамматических формах: *рукою* (ед. тв.), *рук* (мн. род.), *ру́ки* (мн. вин.), *рукой* (ед. тв.), *руках* (мн. пр.), *руки́* (ед. род.), *руку* (ед. вин.), *руками* (мн. тв.), *рука* (ед. им.), *руке* (ед. пр.), *ру́ки* (мн. им.); слово *покой* — в 7 формах, слово *свет* (в значении ‘*мир, вселенная*’) — в 9 формах и т. д. В среднем же на одну грамматическую форму слова приходится 1,8 стиха, т. е. непредсказуемость рифм и окончаний белого стиха довольно высока. Для некоторых лемм отчетливо прослеживается флективная синонимия, обусловленная стилевой дифференциацией:

напр., в творительном падеже *сущ.* женского рода (*рукою* — 40 раз и *рукой* — 12 раз; *мольбою* — 2 раза и *мольбой* — 1 раз), *мест.-прил.* (*своей* — 14 раз и *своею* — 11 раз) и *мест.* (*Тобою* — 30 раз и *тобой* — 20 раз). В абсолютном большинстве подобных вариантов окончания *-ою* на финальной позиции стиха Ломоносова встречаются несколько чаще, чем в начале и середине стиха. Вероятно, этот факт обусловлен как грамматическими и стилевыми предпочтениями, так и возможностью рифмовки на *-ою*, предоставленной традиционной книжной формой.

Среди *гл.* 27,2 % приходится на прошедшее время, причем абсолютное большинство из них — 69,5 % — совершенного вида и лишь 30,1 % — несовершенного (0,4 % составляют случаи проблематичной грамматической интерпретации). *Прич.* на 94,5 % — это страдательные *прич.* прошедшего времени; 4,1 % приходится на действительные настоящего времени; 1,4 % на действительные прошедшего времени (страдательных *прич.* настоящего времени на конечной позиции стиха Ломоносова не встречается вовсе).

В отличие от лемм словоформы не обнаруживают отчетливого тяготения к использованию в оригинальном или переводном творчестве поэта. Наиболее частотные из них встречаются как в рифмованном, так и в безрифменном стихе. Забегая вперед, отметим, что среди форм, встречающихся исключительно в белом стихе и при этом единожды, немало таких, которые воспроизводят популярные рифменные сегменты и могли бы войти в наиболее частотные рифменные гнезда на *-ет, -ой, -ал, -ать, -ою, -ами* и др. (*трет, пустой, самóй, бывал, начинать, хватать, корою, овца́ми* и т. д.).

Рифменное разнообразие стиха Ломоносова обусловлено не только многочисленностью грамматических форм основной группы наиболее частотных лемм, но также изменением пропорций употребительных и редких форм. Напр., если леммы, встречающиеся у поэта на конечной позиции стиха лишь один-два раза, составляют в общей сложности 66,8 %, то аналогичная доля грамматических форм слов уже 83,3 % (см.: Приложение, Табл. 2).

4. Словоупотребления и части речи. Несколько иное соотношение частей речи дает статистика словоупотреблений. На финальной позиции стихов встречаются слова 16 частей речи. 47,5 % всех словоупотреблений составляют *сущ.*, уступав-

шие *гл.* по числу лемм и лишь немного их превосходившие по числу грамматических форм; на долю *гл.* приходится уже менее трети (31,5 % от всех словоупотреблений); на третьем месте *прил.* (8,4 %), за которыми с большим отрывом следуют *прич.* (3,5 %), *мест.-прил.* (2,7 %), *мест.* (2,4 %), *нареч.* (2,1 %) и *деепр.* (1,2 %), в то время как доли оставшихся 9 частей речи не достигают 1 %.

Показательна и частотность употребления грамматических форм в различных частях речи. Безусловное лидерство принадлежит здесь *мест.* и *мест.-прил.* (соответственно, по 28,0 и 16,1 словоупотреблений на одну форму), что, безусловно, объясняется ограниченным лексико-грамматическим составом этих частей речи в языке. *Мест.* и *мест.-прил.* значительно уступают *сущ.* (5,2 словоупотреблений), *гл.* (3,1), *прил.* (3,0), *прич.* (2,3), *нареч.* (1,9), *деепр.* (1,2).

Общее распределение частей речи по клаузульным формам, как и следовало ожидать, у Ломоносова не одинаково, поскольку, по справедливому замечанию М. Л. Гаспарова, «местоимения и служебные слова короче, а глаголы и особенно прилагательные длиннее среднего объема слова», кроме того «у прилагательных ударение сдвинуто к началу слова <...>, а в местоимениях <...> к концу слова» (Gasparov, Skulacheva 2004: 56). Так как разные части речи имеют различный ритмический профиль, возможности для их использования на финальной позиции стихов обусловлены клаузулами. По подсчетам М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой, в прозе длина слова для *сущ.* составляет 2,74 слога, место ударения — 1,87; для *гл.* — 3,11 и 2,29 слога, соответственно (Gasparov, Skulacheva 2004: 56); поэтому большая часть *сущ.* в косвенных падежах и *гл.* (за исключением инфинитивов) тяготеет к женскому окончанию. В поэтической практике Ломоносова 54,1 % *сущ.* и 28,9 % *гл.* формируют мужские окончания стиха, 41,5 % *сущ.* и 34,0 % *гл.* — женские (косвенно этот факт указывает на предпочтение именительного падежа для *сущ.* и личных форм для *гл.*). Характерно, что в мужских окончаниях третье место занимают *мест.-прил.* (4,8 %), за которыми следуют *мест.* (3,9 %); в женских — *прил.* (13,5 %), которым существенно уступают *прич.* (4,3 %).

Если в целом (без учета клаузульных форм) поэзию Ломоносова отличает устойчивое распределение основных частей речи (*сущ.* > *гл.* > *прил.*), то их доли в оригинальном и переводном стихе, а также частотность менее употребительных

прич., *мест.-прил.*, *мест.*, *нареч.*, *деепр.* различны. Так, в оригинальном стихе соотношение основных частей речи составляет 5,5 : 3,5 : 1,3, в переводном — 5 : 4 : 1, причем доля *гл.* в переводах повышается за счет снижения доли *сущ.* Еще показательнее выглядят пропорции реже встречающихся частей речи: в оригинальном стихе *прич.* > *мест.-прил.* > *мест.* > *нареч.*, в переводном — *мест.-прил.* > *мест.* > *прич.* > *нареч.* Различие в соотношении частей речи у Ломоносова можно было бы объяснить большей долей белого стиха в переводах при одновременно большей доле среди них женских клаузул (Kazansky 2010: 70–71. Табл. 11 (О) и 11 (П)), однако, по нашим подсчетам, подобное различие связано с более активным использованием личных форм *гл.* в переводах по сравнению с оригинальным стихом. Кроме того, в переводном стихе при преобладании женских окончаний доля *мест.-прил.* и *мест.* выше, в то время как доля *прич.* ниже. Обращает на себя внимание и меньшее количество частей речи в переводах: *числ.*, *предл.*, *межд.*, *сравн.* и *нареч.* не использовались в них ни разу. Тем самым потенциальные возможности расположения частей речи на финальных позициях реализованы в оригинальном и переводном стихе Ломоносова по-разному (см.: Приложение, Табл. 3). Разумеется, решение проблемы разных стратегий, используемых поэтами в переводах, — дело будущего и требует как накопления, так и обобщения соответствующего материала. Но в случае Ломоносова повышение доли *гл.* при одновременном перераспределении других частей речи, возможно, свидетельствует об ориентации на источники переводов, большая часть из которых выполнена с латыни.

5. Части речи в рифмованном и нерифмованном стихе. Рифмованный стих поэта не использует в качестве конечных слов лишь *част.*, в то время как белый, казалось бы допускающий неограниченную свободу словоупотребления, — 6 (!) частей речи, впрочем, преимущественно служебных (*вв. сл.*, *межд.*, *предл.*, *союзы*, *сравн.*, *числит.*). Этот факт лишь отчасти можно объяснить относительно небольшой долей безрифменных окончаний. Более показательна в данном случае разница в частотности использования частей речи, занимающих с 4 по 7 позиции: если в рифмованном стихе *прич.* > *мест.-прил.* > *мест.* > *нареч.*, то в белом стихе *мест.-прил.* > *прич.* > *нареч.* > *предикат.* Контексты оригинального и переводного творчества Ломоносова демонстрируют различие между рифмованным и

безрифменным стихом еще более очевидно. В переводах доля *гл.* в рифмованном стихе ощутимо выше (35,9 % переводного рифмованного стиха), нежели в белом (30,9 % переводного белого стиха), а доля *сущ.* наоборот (41,1 % против 48,9 %). Что же касается оригинального творчества, то здесь значимо не столько малое количество белого стиха (тем самым и нерепрезентативность статистических данных), сколько соотношение *сущ.* и *гл.*, повторяющее пропорции белого переводного стиха (соответственно, 48,0 % и 31,2 %) (см.: Приложение, Табл. 4).

6. Части речи в метрическом и строфическом контексте.

На необходимость учета в словаре рифм — наряду с традиционными параметрами — метрического и строфического контекста неоднократно указывал В. Е. Холшевников (Kholshchevnikov 1974: 9–10; 1975: 69). Между тем значение строфического контекста было до настоящего времени лишь отчасти осознано исследователями. Так, во второе издание Словаря рифм Пушкина Т. Шоу ввел дополнительные указания, позволяющие различать репертуар рифм, встречающихся в строфическом стихе, стихе парной рифмовки и вольнорифмованном стихе (отдельным пунктом учитывался белый стих)¹³.

В Словаре рифм Ломоносова были зафиксированы (максимально дифференцированно¹⁴) все метрические и строфические контексты для рифмованного и белого стиха (см.: Приложение, Табл. 5). Их анализ показывает, что поэт гораздо более свободен в выборе строфического контекста (25), нежели метрического (22), что, в целом, ожидаемо, в силу преимущественного использования мужских и женских окончаний, накладывающих определенные ограничения на выбор лемм и, осо-

¹³ Отметим, что выявленные М. Л. Гаспаровым и Т. В. Скулачевой (Gasparov, Skulacheva 2004: 56) тяготения частей речи к определенным позициям в стихе (начальной, серединной, конечной) пока не нашли отражения ни в словарях рифм, ни в современных исследованиях русской рифмы. Иными словами, метрический контекст, в котором появляются рифмующиеся слова определенной частеречной принадлежности и грамматической формы, по-прежнему не рассматривается.

¹⁴ Для стихотворных размеров учитывались все варианты разностопного и вольного стиха (например, ЯРз 34, ЯРз 43, ЯРз 86, ЯРз 3355 и т. д.); для строфических структур — все модели (например, среди 8-стиший отдельно — ааВссDD, аВаВссDD, AbAbCCdd, AbAbCdCd и т. п.).

бенно, словоформ, ритмический профиль которых должен соответствовать конечной стиховой позиции. Однако обращает на себя внимание тот факт, что наиболее распространенные части речи встречаются далеко не во всех метрических контекстах (*сущ.* — в 17-ти из 22-х, *гл.* — в 16-ти, *прил.* — всего в 12-ти), объясняемый лишь отчасти присутствием в метрическом репертуаре МС и Проч., поскольку небольшое число контекстов для *прил.* и *мест.-прил.* эти метрические формы обуславливать не могут. Количество метрических контекстов для оригинального стиха в целом коррелирует с частеречным словоупотреблением: *сущ.* > *гл.* > *прил.* > *мест.-прил.* > *нареч.*, но в контексте переводного: *сущ.* = *гл.* > *прил.* > *нареч.* = *прич.* (ср.: Табл. 1.1.3 и 1.1.5). Что касается строфических контекстов, то во всех (включая 1-стишия) встречаются *сущ.*, в 24-х — *гл.* и *нареч.*, в 23-х — *прил.* При этом в оригинальном стихе: *сущ.* > *гл.* > *прил.* = *нареч.* > *мест.-прил.* > *прич.*, в то время как в переводном: *сущ.* = *гл.* > *прил.* = *мест.-прил.* > *прич.* = *нареч.* = *мест.* Неожиданным является большое количество метрических и строфических контекстов для *нареч.*, занимавших в общей статистике словоупотреблений лишь 7-ю позицию, но здесь выдвигающихся на 3-ю (см.: Табл. 1.1.5). По данным Словаря рифм, *нареч.* отсутствуют только в текстах (или группах текстов) очень небольшого объема, тем самым разнообразие контекстов, в которых они появляются, обусловлено относительно большим объемом текста (как правило, свыше 8 стихов), требующим большего синтаксического и рифменного разнообразия. Напр., рифмы с наречиями встречаются в «Оде на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» в контексте Я4 рифмовки АbАbССddЕЕ (однородные: *обильно* — *наильно*; разнородные: *ясно* — *ужасно* (*прил.*), *ныне* — *к Екатерине*); в трагедии «Демофонт», написанной александрийским стихом (однородные: *заочно* — *безпорочно*, *еще* — *вотще*; разнородные: *мало* — *пылало*, *противу* — *лживу*); в «Гимне бороде за суд» в контексте нетождественных строф АbАbССdd + АbАb, решенных в Х4 (разнородные: *чи* — *вдали*, *неотложно* — *безбожно* (*предикат.*), *нигде* — *в бороде*); наконец, в переводах из «Энеиды» Виргилия *нареч.* используются в астрофическом белом Яб (*снова*, *так*).

7. Части речи и жанры. В использовании частей речи на финальных позициях стиха еще более отчетливо, нежели для

метрики и строфики, прослеживаются жанровые приоритеты. Наиболее разнообразны по своему частеречному составу торжественные оды, трагедии и эпические поэмы (все они демонстрируют по 13 из 16-ти употребляемых в стихе Ломоносова частей речи), что, вероятно, объясняется большим стиховым объемом жанровых форм, требующих синтаксического разнообразия (относительно регулярной смены синтаксических структур), как следствие — выдвигания на финальные позиции стиха разных частей речи или периодической смены намеченной инерции синтаксического параллелизма.

Между тем доли самых распространенных частей речи в этих трех жанрах демонстрируют различные пропорции. Основной корпус стихоокончаний в торжественной оде и эпической поэме приходится на *сущ.* и *гл.* (80 и более %). Тем самым для основных высоких жанров Ломоносовым, очевидно, выработаны относительно устойчивые ритмико-синтаксические клише, которые тем не менее чередуются (избегают столкновения), а также изредка перемежаются структурами иного типа, что позволяет выдвинуть на окончание стиха *мест.* или *мест.-прил.* в торжественных одах и *прич.* в трагедиях. В торжественной оде и эпической поэме *сущ.* составляют более 1/2 (соответственно — 50,6 % и 55,3 %), *гл.* — чуть более 1/4 (28,4 % и 26,0 %); доли *прил.* не достигают и 1/10, причем различаются крайне незначительно (8,7 % и 8,5 %). Однако, в трагедии, напротив, доли *сущ.* и *гл.* фактически уравновешены (39,4 % и 38,2 %). Жанр трагедии, т. о., отчетливо противопоставлен двум другим «высоким» лирическим и эпическим жанрам. Этот факт особенно важен, учитывая метрические приоритеты Ломоносова в разных жанрах (а тем самым и наличие определенных возможностей в использовании различного рода клаузул): преобладание Я4 в торжественной оде и Я6 в эпической поэме и трагедии свидетельствует, что обуславливает указанную дифференциацию не столько ритмико-синтаксическая, сколько жанровая специфика, включающая тематический комплекс (как относительно устойчивый корпус лемм) и модальность.

Меньший стиховой объем приходится на духовные оды, надписи и послания, впрочем, общий порядок количества стихов позволяет сопоставить их друг с другом. Жанр надписи по распределению частей речи обнаруживает близость торжественным одам (*сущ.* — 49,6 %, *гл.* — 30,7 %, *прил.* — 7,2 %). Послание также сопоставимо с торжественной одой и эпической поэмой по соотношению *сущ.* и *гл.* (53,6 % и 29,3 %,

соответственно), однако высокая суммарная доля этих частей речи (почти 83 %) и крайне низкая частотность *прил.* (5,8 %) отличает послание от основных высоких жанров. Духовная ода, напротив, оказывается близка трагедии (*сущ.* — 39,8 %, *гл.* — 36,9 %, *прил.* — 8,3 %) и тем самым противопоставлена надписи и посланию (в том числе по количеству использованных частей речи: лишь 8 из 16-ти). Очевидно, что и здесь не размер¹⁵, а жанр, ориентированный на библейскую традицию, определяет частеречные приоритеты стихоокончаний.

Ярко выраженный контраст между жанрами прослеживается как в пределах литературных родов (в эпосе басня противопоставлена эпической поэме, в лирике духовная ода торжественной), так и в пределах литературных стилей (в высоком трагедия противопоставлена эпической поэме и торжественной оде, в низком — эпиграмма басне и т. п.). Анализ частеречного распределения слов на финальной позиции стиха демонстрирует, что ни стихотворный размер, ни строфическая структура, ни литературный род и стиль не обуславливают частеречный репертуар окончаний. Единственным регулятором выступает здесь избранный жанр (см.: Приложение, Табл. 6).

8. Строфический контекст. Корреляция жанровой и частеречной принадлежности окончаний стиха обусловлена не в последнюю очередь строфическими предпочтениями поэта. В торжественной оде, использующей преимущественно строфу Малерба с характерной интонационно-синтаксической завершенностью периодов и их частей, отмеченных мужскими окончаниями 2-го, 4-го, 7-го и 10-го стихов, обнаруживается отчетливое предпочтение среди *сущ.* мужских окончаний женским (соответственно: 60,0 % и 43,3 %); напротив, *гл.* чаще стремятся совпасть с женскими окончаниями, избегая конца фразы или периода (соответственно: 24,1 % и 31,7 %). Иными словами, абсолютное большинство *сущ.* в им. падеже занимают финальные позиции во 2-ом, 4-ом, 7-ом и 10-ом стихах, и почти в 1,5 раза реже они используются в косвенных падежах окончаний 1-го, 3-го, 5-го, 6-го, 8-го и 9-го стихов, к которым, напротив, тяготеют преимущественно *глагол., прилаг., прич. и нареч.*

Еще более ярко выражена эта тенденция в александрийском стихе эпической поэмы, где мужские окончания по сравнению с

¹⁵ Напомним, что основной размер надписи и послания у Ломоносова — Я6, духовной оды — Я4 (Kazansky 2010: 37–38, Таблица 3.3-К).

женскими чаще принимают *сущ.* (ср.: 63,8 % и 47,3 %) и много реже — *гл.* (ср.: 21,0 % и 30,8 %), т. е. двустипные периоды преимущественно завершаются *сущ.*, несмотря на равные пропорции женских и мужских окончаний. В трагедии указанные различия менее ощутимы: доли *сущ.* и *гл.* в мужских окончаниях одинаковы (соответственно: 40,0 % и 40,3 %), в женских — близки друг другу (38,8 % и 36,0 %), что, возможно, связано с различным порядком чередований окончаний в трагедиях «Демофонт» (парная рифмовка ааВВ...) и «Тамира и Селим» (неразделенные 4-стишия АbAb).

Аналогичная закономерность отличает жанры надписи и послания, использующих в основном Яб: *сущ.* больше в мужских окончаниях (соответственно: 61,8 % и 60,4 %), чем в женских (38,4 % и 46,7 %), в то время как для *гл.* — наоборот: в мужских окончаниях они более редки (соответственно: 24,6 % и 27,1 %), в женских — более часты (36,3 % и 31,5 %). В духовных одах, где Ломоносов отдает предпочтение 4-стишию, 6-стишию и 8-стишию, *сущ.*, несмотря на свою в целом относительно низкую долю, также тяготеют более к мужским окончаниям, нежели женским (ср.: 50,0 % и 28,6 %), *гл.* — напротив, к женским более, чем к мужским (ср.: 31,5 % и 42,8 %), причем более или менее отчетливой зависимости от стихотворного размера здесь не прослеживается¹⁶.

Учитывая четностишные приоритеты строфических структур в русском стихе в целом и стихе Ломоносова в частности, аналогичные изменения пропорций частей речи в разных жанрах выглядят закономерным следствием совпадений мужских окончаний с концом предложения или его частей. В то же время различная степень выраженности этой тенденции и, особенно, степень «разброса» количества частей речи в окончаниях стиха разных жанров слишком велика, что указывает на отмеченные выше жанровые предпочтения использования грамматических форм *сущ.* и *гл.* (см.: Приложение, Табл. 7).

В заключение следует отметить, что и количественные, и качественные результаты анализа стиховых окончаний могут стать и более корректными и более информативными лишь после подготовки конкорданса по стихотворным текстам Ломоносова.

¹⁶ Наряду с Я4 в духовной оде Ломоносов использует Х4, Яб и ЯРз 43 (Kazansky 2010: 38, Таблица 3.3-К).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ И СТИХОВЕДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РИФМЫ

О — количество употреблений в оригинальном тексте

П — количество употреблений в переводном тексте

Р — количество употреблений в рифмованном стихе

Б — количество употреблений в белом стихе или без рифмопары

М — метрический контекст / количество метрических контекстов

С — строфический контекст / количество строфических контекстов

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

сущ. — имя существительное

прил. — имя прилагательное

прил. превосх. — имя прилагательное в превосходной степени

мест. — местоимение

мест.-прил. — местоимение-прилагательное

числ. — количественное числительное

числ.-прил. — порядковое числительное и числительное *один*

гл. — глагол

сравн. — сравнительная степень имени прилагательного или наречия

прил. сравн. — сравнительная степень имени прилагательного (на *-ий*)

нареч. — наречие

предикат. — предикатив

предл. — предлог

част. — частица

межд. — междометие

вв. слово — вводное слово

м. — мужской род

ж. — женский род

ср. — средний род

1 л. — первое лицо

2 л. — второе лицо

3 л. — третье лицо

ед. — единственное число

дв. — двойственное число

мн. — множественное число

собир. — собирательное имя существительное

им. — именительный падеж

род. — родительный падеж

дат. — дательный падеж

вин. — винительный падеж

тв. — творительный падеж

пр. — предложный падеж

зв. — звательный падеж

сов. — совершенный вид
несов. — несовершенный вид
инф. — инфинитив
наст. — настоящее время
прош. — прошедшее время
буд. — будущее время
повел. — повелительное наклонение
гл. безл. — безличный глагол
прич. — причастие
деепр. — деепричастие
действ. — действительный залог
страд. — страдательный залог

3. МЕТРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Метры

Х — хорей

Я — ямб

Д — дактиль

Ам — амфибрахий

Ан — анапест

Лог — логэды

Гк — гекзаметр

Дк — дольник

Размеры

Х4 — четырехстопный хорей

Я6 — шестистопный ямб

Дк4 — четырехиктный дольник

Рз — разностопные (разноударные) размеры

В — вольные размеры

4. КАТАЛЕКТИКА

м — мужская (нулевая) клаузула

ж — женская (односложная) клаузула

д — дактилическая (двусложная) клаузула

5. СТРОФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Строфическое строение

Астрофич. п. р. — астрофический стих парной рифмовки

Астрофич. в. р. — астрофический стих вольной рифмовки

Астрофич. б. с. — астрофический белый стих

Од. — одиночная строфа

Схема рифмовки

а, А, А' (b, В, В' и т.д.) — рифмованный стих с мужским, женским, дактилическим окончанием

х, Х, Х' — холостой стих с мужским, женским, дактилическим окончанием

AbAbCCdEEed — схема одической строфы (жирным шрифтом выделены позиции рифмующихся слов «питают», «укурашают»)

Литература

- Babakin, A. L. (ed.). 1998: *Slovar' rífm Iosífa Brodskogo* [Dictionary of the rhymes of Joseph Brodsky]. Tyumen.
Бабакин, А. Л. (сост.). 1998: *Словарь рифм Иосифа Бродского*. Тюмень.
- Babakin, A. L. (ed.). 2000a: *Slovar' rífm Evgeniia Evtushenko* [Dictionary of the rhymes of Eugene Evtushenko]. Tyumen.
Бабакин, А. Л. (сост.). 2000a: *Словарь рифм Евгения Евтушенко*. Тюмень.
- Babakin, A. L. (ed.). 2000b: *Slovar' rífm Mariny Tsvetaeyevoy* [Dictionary of the rhymes of Marina Tsvetaeva]. Tyumen.
Бабакин, А. Л. (сост.). 2000b: *Словарь рифм Марины Цветаевой*. Тюмень.
- Babakin, A. L. (ed.). 2001: *Slovar' rífm Roberta Rozhdestveskogo* [Dictionary of the rhymes of Robert Rozhdestvensky]. Tyumen.
Бабакин, А. Л. (сост.). 2001: *Словарь рифм Роберта Рождественского*. Тюмень.
- Babakin, A. L. (ed.). 2002: *Slovar' rífm Belly Akhmadulinoy* [Dictionary of the rhymes of Bella Akhmadulina]. Tyumen.
Бабакин, А. Л. (сост.). 2003: *Словарь рифм Беллы Ахмадулиной*. Тюмень.
- Babakin, A. L. (ed.). 2003: *Slovar' rífm Anny Akhmatovoy* [Dictionary of the rhymes of Anna Akhmatova]. Tyumen.
Бабакин, А. Л. (сост.). 2003: *Словарь рифм Анны Ахматовой*. Тюмень.
- Babakin, A. L. (ed.). 2004: *Slovar' rífm Borisa Pasternaka* [Dictionary of the rhymes of Boris Pasternak]. Tyumen.
Бабакин, А. Л. (сост.). 2004: *Словарь рифм Бориса Пастернака*. Тюмень.
- Baevsky, V. S. 1991: [Reference works on the poetry of Pushkin and his contemporaries]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Temporary Pushkin Commission 24], Leningrad: Nauka, 71–75.
Баевский, В. С. 1991: Справочные труды по поэзии Пушкина и его современников. В сб.: *Временник Пушкинской комиссии 24*. Л.: Наука, 71–75.
- Baevsky, V. S. 2001: [Themes and variations of Russian poetry of the 19th and 20th centuries]. In: Baevsky, V. S. *Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i komp'yuternye modeli v istorii i teorii literatury* [Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 192–217.
Баевский, В. С. 2001: Темы и вариации русской поэзии XIX и XX веков. В сб.: Баевский, В. С. *Лингвистические,*

математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 192–217.

- Bel'skaia, L. L. 1977: [On the problem of classification and systematization of rhymes (Based on Nekrasov's poem «Moroz, Krasnyi Nos»)]. *Filologicheskie nauki [Philological Sciences]*. № 4, 86–92.
- Бельская, Л. Л. 1977: К проблеме классификации и систематизации рифм (На материале поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос»). *Филологические науки*. № 4, 86–92.
- Borodin, V. V., Shaikevich, A. Ia. (ed.). 1981: [Avdeeva, A. A., Borodin, V. V., Bykova, N. Ya., Kozokina, S. M., Gordeeva, N. A., Makarova, L. A., Shaykevich, A. Ya. (comp.). Dictionary of the rhymes of M. Yu. Lermontov]. In: *Lermontovskaya entsiklopediya [Lermontov encyclopedia]*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 666–716.
- Бородин, В. В., Шайкевич, А. Я. (ред.) 1981: Авдеева, А. А., Бородин, В. В., Быкова, Н. Я., Козокина, С. М., Гордеева, Н. А., Макарова, Л. А., Шайкевич, А. Я. (сост.). Словарь рифм М. Ю. Лермонтова. В сб.: *Лермонтовская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 666–716.
- Emelianov, L. I., Iesuitov, A. N. (ed.). 1976: *Analiz literaturnogo proizvedeniya [Analysis of a literary work]*. Leningrad: Nauka.
- Емельянов, Л. И., Иезуитов, А. Н. (ред.) 1976: *Анализ литературного произведения*. Л.: Наука.
- Fridlender, G. M. (ed.). 1973: *Poetichesky story russkoy liriki [The poetic structure of Russian lyrics]*. Leningrad: Nauka.
- Фридлиндер, Г. М. (ред.) 1973: *Поэтический строй русской лирики*. Л.: Наука.
- Gasparov, M. L. 1984a: *Ocherk istorii russkogo stikha [A history of Russian verse]*. Moscow.
- Гаспаров, М. Л. 1984а: *Очерк истории русского стиха*. М.
- Gasparov, M. L. 1984b: [The evolution of Russian rhyme]. In: *Problemy teorii stikha [Problems of the theory of verse]*. Leningrad: Nauka, 3–36.
- Гаспаров, М. Л. 1984б: Эволюция русской рифмы. В сб.: *Проблемы теории стиха*. Л.: Наука, 3–36.
- Gasparov, M. L., Skulacheva, T. V. 2004: [Rhythmic dictionary of parts of speech]. In: Gasparov, M. L., Skulacheva, T. V. *Stat'yi o lingvistike stikha [Articles on the linguistics of verse]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 51–61.
- Гаспаров, М. Л., Скулачева, Т. В. 2004: Ритмический словарь частей речи. В сб.: Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. *Статьи о лингвистике стиха*. М.: Языки славянской культуры, 51–61.
- Gukovsky, G. A. 2001: [To the question of Russian classicism]. In: Gukovsky, G. A. *Rannie raboty po istorii russkoy poesii XVIII veka*

- [*Early works on the history of Russian poetry of the 18th century*]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 251–276.
- Гуковский, Г. А. 2001: К вопросу о русском классицизме. В сб.: Гуковский, Г. А. *Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века*. М.: Языки русской культуры, 251–276.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2010: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 2*. Laletina, O. S., Khvorostianova, E. V. *Metrikostrophichesky spravochnik k proizvedeniyam M. V. Lomonosova* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 2*. Laletina, O. S., Khvorostianova, E. V. *Metrics and verse patterns thesaurus to works by M. V. Lomonosov*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2010: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 2*. Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. *Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова*. СПб.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2011a: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 3*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (sost.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (otv. red.). *Slovar' riphm M. V. Lomonosova: Leksikon stikhovykh okonchaniy* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 3*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (comp.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (ex. ed.). *The dictionary of the rhymes: Lexicon of verse endings*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2011a: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 3*. Захарова, Е. А., Лалетина, О. С., Матвеев, Е. М. (сост.), Волков, С. С., Хворостьянова, Е. В. (отв. ред.). *Словарь рифм М. В. Ломоносова: Лексикон стиховых окончаний*. СПб.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2011b: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 4*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (sost.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (otv. red.). *Slovar' riphm M. V. Lomonosova: Obratny slovar' rifmennyykh segmentov i bezrifmennyykh okonchaniy. Ukazateli* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 4*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (comp.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (ex. ed.). *The dictionary of the rhymes: Reverse dictionary of rhyming segments and non-rhyming endings. Index*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2011b: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 4*. Захарова, Е. А., Лалетина, О. С., Матвеев, Е. М. (сост.), Волков, С. С., Хворостьянова, Е. В. (отв. ред.). *Словарь рифм М. В. Ломоносова: Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели*. СПб.

- Kholshchevnikov, V. E. 1974: *Instruktsiya k sostavleniyu slovarya rifm A. S. Pushkina* [Instructions for compiling a dictionary of rhymes by A. S. Pushkin]. Leningrad: Leningrad State University Press.
- Холшевников, В. Е. 1974: *Инструкция к составлению словаря рифм А. С. Пушкина*. Л.: Издательство ЛГУ.
- Kholshchevnikov, V. E. 1975: [About a dictionary of the rhymes of Pushkin]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Temporary Pushkin Commission 1973]. Leningrad: Nauka, 66–71.
- Холшевников, В. Е. 1975: О словаре рифм Пушкина. В сб.: *Временник Пушкинской комиссии 1973*. Л., 66–71.
- Kholshchevnikov, V. E. (ed.). 1985: *Analiz odnogo stikhotvoreniya* [Analysis of one poem]. Leningrad: Leningrad State University Press.
- Холшевников, В. Е. (ред.) 1985: *Анализ одного стихотворения*. Л.: Издательство ЛГУ.
- Krasnova, L. V. 1973: [Rhyme of the cycle of A. Blok «Stikhi o Prekrasnoi Dame» (Statistical analysis experience)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. № 6, 76–85.
- Краснова, Л. В. 1973: Рифма цикла А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (Опыт статистического анализа). *Филологические науки*. № 6, 76–85.
- Levin, Yu. I. 1966: [O nekotorykh chertakh plana sodержaniya v poeticheskikh tekstakh]. In: *Strukturnaya tipologiya yazykov* [Structural typology of languages]. Moscow: Nauka, 199–215.
- Левин, Ю. И. 1966: О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. В сб.: *Структурная типология языков*. М.: Наука, 199–215.
- Lomonosov, M. V. 1952: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 7. Moscow, Leningrad.
- Ломоносов, М. В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 7. М.; Л.
- Maksimova, T. Ju. (ed.). 1997: [Dictionary of the rhymes of Alexander Blok]. *Rossiiskiy literaturovedchesky zhurnal* [Russian literary journal]. № 9, 135–285.
- Максимова, Т. Ю. (сост.) 1997: Словарь рифм А. А. Блока. *Российский литературоведческий журнал*. № 9, 135–285.
- Mints, Z. G., Aboldueva, L. A., Shishkina, O. A. 1967: [Frequency Dictionary of «Stikhi o Prekrasnoi Dame» by A. Blok]. In: *Trudy po znakovym sistemam 3* [Works on sign systems 3]. Tartu: Tartu University Press, 209–316.
- Миц, З. Г., Аболдуева, Л. А., Шишкина, О. А. 1967: Частотный словарь «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока. В сб.: *Труды по знаковым системам 3*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 209–316.
- Shaw, J. Th. 1974: *Pushkin's rhymes: a dictionary*. Madison.
- Shaw, J. Th. 1975a: *Baratynskij: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry*. Madison.

- Shaw, J. Th. 1975b: *Batiushkov: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry*. Madison.
- Shaw, J. Th. 1993a: Parts of Speech in Pushkin's Rhymewords and Unrhymed Endwords. *Slavic and East European Journal* 37, 1–22.
- Shaw, J. Th. 1993b: *Pushkin's Poetry of the Unexpected: The Nonrhymed Lines in the Rhymed Poetry and the Rhymed Lines in the Nonrhymed Poetry*. Columbus.
- Shaw, J. Th. 2000: [The final rhyme element g-k and g-kh and the contrasts k-kh in Pushkin's, Batiushkov's and Baratynsky's poetry]. In: *Ontologiya stikha: Sb. st. pamyati Vladislava Evgen'evicha Kholshchevnikova* [Ontology of verse: Collection of articles in memory of Vladislav Evgenievich Kholshchevnikov]. SPb.: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 108–124.
- Шоу, Дж. Т. 2000: Конечный рифменный элемент г-к и г-х и контрасты к-х у Пушкина, Батюшкова и Баратынского. В сб.: *Онтология стиха: Сб. ст. памяти Владислава Евгеньевича Холшевникова*. СПб.: Издательство филологического факультета СПбГУ, 108–124.
- Shaw, J. Th. 2001: [Doubtful «e» in the rhymes of Pushkin's post-lyceum poetry]. In: *Slavyansky stikh: Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 23–27 iyunya 1998 g.* [Slavic Verse: Linguistic and Applied Poetics: Proceedings of the International Conference June 23–27, 1998]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 267–274.
- Шоу, Дж. Т. 2001: Сомнительные «е» в рифмах послелицейской поэзии Пушкина. В сб.: *Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика: Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г.* М.: Языки славянской культуры, 267–274.
- Shaw, J. Th. 2004: [Parts of speech in Pushkin's rhymes]. In: *Slavyansky stikh. VII: Lingvistika i struktura stikha* [Slavic verse. VII: Linguistics and the structure of the verse]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 339–385.
- Шоу, Дж. Т. 2004: Части речи в рифмах Пушкина. В сб.: *Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха*. М.: Языки славянской культуры, 339–385.
- Shaw, J. Th. 2011: *Pushkin's Rhyming: A Comparative Study*. Madison.
- Tsyv'yan, T. V. 1967: [Materials for the poetics of Anna Akhmatova]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems 3]. Tartu: Tartu University Press, 180–208.
- Цивьян, Т. В. 1967: Материалы к поэтике Анны Ахматовой. В сб.: *Труды по знаковым системам 3*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 180–208.

О. С. Лалетина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
olalet@mail.ru

Е. В. Хворостьянова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
ekhvorost@mail.ru

ГРАММАТИКА РИФМЫ М. В. ЛОМОНОСОВА¹

В статье представлены результаты обобщающего описания данных Словаря рифм М. В. Ломоносова (2011) в аспекте грамматического контраста рифмопар, употребительности однородных и разнородных рифм в текстах разных жанров. На основе сопоставления грамматических характеристик рифмы Ломоносова, творчество которого приходится на период «первой стабилизации» рифмы, и рифмы К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского — поэтов следующей эпохи «первого кризиса» рифмы, уточняется ряд общепринятых положений об эволюции русской рифмы.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, русский стих, история русской рифмы, грамматика рифмы, каталектика, словарь поэтического языка, словарь рифм.

Olga S. Laletina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. olalet@mail.ru

Elena V. Khvorostianova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. ekhvorost@mail.ru

Grammar of rhyme of M. V. Lomonosov

The article presents the results of a generalizing statistical and analytical description of the data from the Dictionary of the Rhymes by M. V. Lomonosov (2011) in the aspect of grammatical contrast of rhyme pairs, the use of homogeneous and heterogeneous rhymes in the texts of different genres. Based on a comparison of the grammatical characteristics of the rhyme of Lomonosov, whose work falls on the period of the «first stabilization» of the rhyme, and the rhymes of K. N. Batyushkov, A. S. Pushkin and E. A. Baratynsky (the poets of the next era of the «first crisis» of Russian rhyme), some generally accepted statements about the evolution of Russian rhyme are specified.

¹ Выражаем глубокую признательность Н. Н. Казанскому за ценные профессиональные консультации, А. В. Нестерову за практическую помощь в обработке статистического материала.

We put forward and substantiate the assumption that it was Lomonosov who established the grammatical «norm» of rhyming of classical verse of the 18th–19th centuries, and it did not change significantly until the turn of the 19th–20th centuries (nouns > verbs > adjectives > other parts of speech). We also formulate the thesis that it was Lomonosov who set the «degree of grammaticality» of Russian classical verse, since it remained unchanged in Batyushkov’s poetry, and although it slightly decreased in the works of Pushkin and Baratynsky, it only slightly affected the main types of grammatical combinations.

It is shown that homogeneous rhymes of different parts of speech in Lomonosov’s works are characterized by different degrees of contrast. It is determined that despite a slightly higher proportion of homogeneous rhymes compared to the authors of the early 19th century, their grammatical contrast is more pronounced in the work of Lomonosov.

On the basis of statistical calculations, it was revealed that the grammatical features of rhyming pairs in Lomonosov’s poetry clearly contrast works of different genres with each other. As a result of comparing the obtained data with the data on the rhyme of later Russian authors, it was found that the shares of grammatical combinations in the rhymes of poets of the 18th–19th centuries differ less significantly than in the leading genres of Lomonosov.

Keywords: M. V. Lomonosov, Russian vers, history of Russian rhyme, grammar of rhyme, catalectics, dictionary of poetic language, dictionary of rhymes

Настоящая статья обобщает данные Словаря рифм Ломоносова (Kazansky 2011a; 2011b)² в аспекте грамматических контрастов рифмопар, употребительности однородных и разнородных рифм в разных жанрах стихотворного наследия поэта. Во избежание возможных недоразумений и разночтений при сравнении данных Метрико-строфического справочника (Kazansky 2010) с данными приведенных ниже таблиц (по количеству разного рода клаузул, рифмованных и нерифмованных окончаний и т. п.) уточним, что в описание рифмы поэта включены все рифмопары, поэтому для рифменных цепей в числе рифмопар учтены все пары слов, находящихся на финальных позициях стихов, которые объединены рифмой (например, в «[Возражении на притчу “Осел во львиной коже”

² К сожалению, после публикации словаря был обнаружен ряд опечаток, в настоящей статье при подготовке таблиц данные скорректированы; за принципиально важную лексикологическую правку данных словаря рифм выражаем исключительную благодарность Е. Б. Кузьминой.

притча “Свинья в лисьей коже”]» для цепи, связывающей 5, 6 и 7 стихи — «моргала — ступала — стала» — на 3 женских окончания фиксируется 3 рифмопары: моргала — ступала, моргала — стала, ступала — стала). В дальнейшем вся статистика приводится с учетом указанных поправок, в том числе по клаузульным вариантам: так, если общий корпус стихов Ломоносова включает по данным Метрико-строфического справочника 6590 мужских, 7331 женское и 4 дактилических окончания, то дважды или трижды учтенные в цепях как рифмопары, они дают несколько иные величины при описании рифмованного стиха в грамматическом аспекте (этим обстоятельством объясняется и некоторое различие в подсчетах словоупотреблений в статистике грамматических форм полного корпуса стиха Ломоносова, с одной стороны, и рифмопар, объединенных рифменным сегментом, — с другой). Впрочем, ввиду незначительности величин эти расхождения существенно не влияют на статистику и выводы настоящего описания.

На долю рифмованного стиха Ломоносова приходится 13531 окончание (6433 мужских, 7096 женских, 2 дактилических). Они формируют 6812 рифмопар (3218 мужских, 3592 женских, 1 дактилическую и 1 разноударную (?)), причем из 16 частей речи, используемых поэтом на конечной позиции стиха, лишь *част.* не входят в рифмопары. В целом же пропорции рифмующихся частей речи несущественно отличаются от общих данных по окончаниям белого и рифмованного стиха, поскольку стих Ломоносова преимущественно рифмованный. Между тем сопоставление частеречного состава рифмы поэта, творчество которого приходится на период первой стабилизации рифмы, с аналогичным составом рифм Батюшкова, Пушкина и Баратынского — поэтов следующей эпохи так называемого «первого кризиса русской рифмы» (Gasparov 2010: 298–299), позволяет отчасти пересмотреть некоторые общепринятые положения об эволюции рифмы, отчасти взглянуть под иным углом зрения на логику исторических изменений рифменных предпочтений русских поэтов.

Так, описывая общие тенденции развития рифмы, М. Л. Гаспаров отмечал в качестве одной из важнейших деграмматизацию, т. е. постепенное движение «от однородных к неоднородным рифмам, <...> от подчеркнутого параллелизма к затушеванному» (Gasparov 2010: 293). На материале данных полного

корпуса рифм трех поэтов начала XIX в. Т. Шоу не только уточнил, что расширение рифменного репертуара от классицизма к романтизму происходит, в том числе, и за счет усиления грамматического контраста в рифмопарах, объединяющих одинаковые части речи, но все чаще не совпадающих в роде, числе, падеже, виде и т. п., но и указал на целый ряд иных динамических изменений в сфере грамматики русской рифмы. Отметим лишь наиболее существенные из них:

1) Постепенное понижение доли *гл.*, причем всех его форм (спрягаемых, инфинитивов и императивов) (Shaw 2004: 348–349).

2) Увеличение доли *мест.*, что, по мнению Т. Шоу, объясняется характерным для романтизма выдвиганием индивидуального начала: «в XVIII в. эта часть речи была не привлекательна для рифмы» (Shaw 2004: 348), резкий ее подъем в начале XIX в. — «это отражение перемен в поэтической чувствительности: все более заметны становятся поэтическое “я” и межличностное “я — ты”» (Shaw 2004: 382).

3) Ощутимое повышение доли *нареч.* и *деепр.* (Shaw 2004: 349–350).

4) Нарастание от Батюшкова к Баратынскому доли *прич.* По словам Т. Шоу, «в языке они — признак “литературности”, особенно в полной своей форме, как активной, так и пассивной» (Shaw 2004: 361).

Эти тезисы, не вызывающие сомнения при сравнительно-сопоставительном рассмотрении данных словарей рифм Батюшкова (Shaw 1975b), Пушкина (Shaw 1974) и Баратынского (Shaw 1975a), неизбежно получают иную интерпретацию на фоне частеречного состава рифмы Ломоносова (см.: Табл. 1). Необходимо отметить, что выделяемые Т. Шоу части речи и их группы не совпадают полностью с теми, которые фиксировались в Словаре рифм Ломоносова, поэтому для настоящей таблицы, включающей наиболее частотные части речи четырех поэтов, была произведена необходимая унификация данных: группа *гл.* представлена дифференцировано (личные *гл.*, императивы и *инф.*); *мест.* и *мест.-прил.*, фиксируемые нами отдельно, напротив, объединены здесь — по образцу словарей Т. Шоу — в одну группу.

Таблица 1. Части речи в рифмованном стихе Ломоносова, Пушкина, Батюшкова и Баратынского (в %) ³

	Ломоносов	Батюшков	Пушкин (лицейская лирика)	Пушкин (послелицейская лирика)	Баратынский
Личн. гл.	24,6	20,8	17,4	17,5	15,8
Деепр.	1,2	0,5	1,0	1,4	1,6
Императив	2,3	1,1	1,2	0,7	0,8
Инф.	5,5	3,5	2,4	2,0	1,0
Мест. и мест. -прил.	5,1	6,2	6,5	8,2	13,5
Нареч.	2,1	2,0	1,9	3,8	3,5
Предикат.	0,3	0,4	0,5	0,7	0,6
Прил.	8,3	12,4	13,9	12,7	13,6
Прич.	3,6	1,6	2,4	1,7	2,3
Сущ.	47,5	51,5	52,4	50,4	46,3

Доля *гл.* на рифме от Ломоносова к Баратынскому, действительно, существенно снижается (от 32,4 % до 17,6 %). Но если разница в употребительности личных *гл.* между старшим и младшим современниками — Батюшковым и Баратынским — составляет 5 %, то между Ломоносовым и Батюшковым — всего 3,8 %. В то же время соотношение «личные *гл.* > *инф.* > *повел.*» у романтиков, несмотря на существенную трансформацию жанровой системы, остается фактически неизменным. Доля императивов, которая у Батюшкова по сравнению с Ломоносовым снизилась более чем в 2 раза, также не претерпевает серьезных изменений на протяжении первой трети XIX в.

Отмеченный Т. Шоу рост *мест.* на рифме у романтиков более чем в 2 раза от Батюшкова к Баратынскому, безусловно, показателен, и все же употребительность этой части речи у Ломоносова, Батюшкова и Пушкина-лицеиста почти не ощутима и может рассматриваться в пределах статистической погрешности. Тем самым объяснение увеличения доли *мест.* в послелицейском творчестве Пушкина и, особенно, в поэзии

³ В настоящей таблице приводятся лишь данные по наиболее частотным частям речи, встречающимся у всех четырех поэтов.

Баратынского, вероятно, не следует связывать исключительно с выдвиганием индивидуального начала. Этот факт может объясняться как увеличением доли разнородных рифм (*мест.* + *гл.*, *мест.* + *сущ.*, *мест.* + *нареч.* и т. д.), так и жанрово-тематическим составом описанного материала.

Возрастание употребительности *нареч.* и *деепр.* — как следует из данных Табл. 1 — еще менее значительно, нежели рост *мест.*, но данные по лирике Батюшкова и лицейскому творчеству Пушкина демонстрируют, что доля указанных частей речи к началу романтической эпохи уже существенно снизилась по сравнению с поэзией Ломоносова и незначительно поднялась лишь к ее концу.

Наконец, *прич.* — «признак “литературности”» (Shaw 2004: 361) — в стихе Ломоносова оказываются на рифменной позиции не реже, но, напротив, много чаще: в 2,5 раза по сравнению с послелицейским творчеством Пушкина и почти в 1,5 раза по сравнению с творчеством Баратынского. Возможно, доля *прич.* отчасти отрицательно коррелирует с долей *прил.* в русской рифме. Так, если *прил.* — с небольшими флуктуациями — постепенно (хотя и незначительно) возрастают, то доля *прич.*, напротив, снижается. Тем самым в контексте стиха у романтиков все чаще отдается предпочтение определению через субстанциональные характеристики, нежели определению через характеристики функциональные.

Вопрос о том, насколько стих Ломоносова репрезентативен для сравнения со стихом первой трети XIX в., разумеется, остается открытым, особенно учитывая сложную и до сих пор не описанную практику сумароковской школы, сентиментализма и предромантизма. Однако настоящее сопоставление позволяет заключить, что, с одной стороны, грамматическую «норму» рифмовки классического стиха⁴ (*сущ.* > *гл.* > *прил.* > других частей речи) устанавливает именно Ломоносов, причем она существенно не меняется до рубежа XIX–XX вв.; с другой — вне комплексного описания рифмы Третьяковского, Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Державина, Карамзина и других поэтов, чьи произведения послужили следующим поколениям образцами не только для подражания, но и для полемического «отталкивания», реконструировать логику развития грамматики

⁴ В данном случае речь идет о стихе XVIII–XIX вв., а не только о классических размерах.

русской рифмы, опираясь лишь на имеющиеся описания полного корпуса рифм четырех поэтов, едва ли возможно.

Более информативен для характеристики рифменной стратегии Ломоносова и эволюции русской рифмы грамматический анализ рифмопар. Из теоретически возможных 120 видов сочетаний частей речи на рифме Ломоносов использует 57⁵. Характерно, что грамматическое разнообразие рифмопар не обусловлено частотностью использованных частей речи: так, если *сущ.* рифмуется у поэта с 13-ю частями речи, то второе место — вопреки ожиданиям — занимают *прил.* и *нареч.* (!), каждое из которых рифмуется с 12-ю частями речи; несколько отстают от них *гл.* и *мест.-прил.* — по 10 различных сочетаний; наконец, на четвертой позиции оказывается *мест.*, рифмующееся с 9-ю частями речи (см.: Табл. 2.). Очевидное предпочтение Ломоносов отдает однородным рифмам (73,3 %), однако из 15 частей речи 1/3 принимает в качестве рифмопары только другую часть речи, т. е. формирует исключительно разнородные сочетания (*вв.сл.*, *межд.*, *предл.*, *союз*, *числ.*). Абсолютное большинство однородные рифмы составляют среди *сущ.*, *гл.* и *прич.*, в то время как *прил.*, *деепр.*, *мест.*, *мест.-прил.*, *нареч.*, *предикат.* чаще рифмуются с *сущ.*, а не с той же частью речи. В то же время ни одна из частей речи не использует исключительно однородную рифму.

В целом «степень грамматичности» русского классического стиха, вероятно, была задана именно Ломоносовым, поскольку она осталась неизменной в поэзии Батюшкова (те же 73,3 % однородных рифм (Shaw 1975b, XXIX)), а в творчестве Пушкина и Баратынского хотя и несколько снизилась (соответственно, 67,2 % (Shaw 1974, XXXIII) и 63,8 % (Shaw 1975a, XVIII)), однако слабо затронула основные виды грамматических сочетаний: *сущ.* + *сущ.* (*слава — держава*), *гл.* + *гл.* (*радеют — владеют*), *прил.* + *прил.* (*глубокой — высокой*). Так, например, если у Ломоносова среди рифмопар, включающих *сущ.*, 63,2 % являются однородными, и только 36,8 % разнород-

⁵ К сожалению, статистики по использованным типам грамматический сочетаний в рифмопарах до сих пор не существует. Опираясь лишь на предпринятое Д. Вортом описание рифменной грамматики «Евгения Онегина», отметим для сравнения, что в пушкинском романе, который, по мнению большинства исследователей, отличается редким рифменным разнообразием и обилием так называемых «непредсказуемых» рифм, используется около 40 типов (Worth 1978).

ными, то у Батюшкова доля однородных рифм для всех рифм с *суц.* составляет 65,9 % (Shaw 1975b, ХХІХ), у Пушкина — 60,2 % (Shaw 1974, ХХХІІІ), у Баратынского — 58,9 % (Shaw 1975a, ХVІІІ). Столь же незначительно и снижение доли *гл. + гл.*: у Ломоносова в качестве партнера *гл.* выбирает ту же часть речи в 77 % рифмопар, у Батюшкова — в 75,1 % (Shaw 1975b, ХХІХ), у Пушкина — в 72,3 % (Shaw 1974, ХХХІІІ), у Баратынского — в 67,3 % (Shaw 1975a, ХVІІІ), причем эта деграмматизация фактически не затронула *инф.*, но предпочла личные *гл.* и наиболее выраженной оказалась благодаря активно вытесняемым императивам, которые в творчестве романтиков в качестве рифменных партнеров все чаще используют иную часть речи. Что же касается рифмовки *прил. + прил.*, которой поэты начала ХІХ в. отдают большее предпочтение, нежели поэты предшествующего столетия, она, напротив, укрепляется: в то время как доля однородных рифмопар среди всех рифм с *прил.* у Ломоносова составляет 36,7 %, у Батюшкова — 46,1 % (Shaw 1975b, ХХІХ), у Пушкина — 42,5 % (Shaw 1974, ХХХІІІ), у Баратынского — 41,3 % (Shaw 1975a, ХVІІІ). Тем самым среди всех однородных рифм доля трех наиболее частотных типов, составляющая у Ломоносова 93,8 %, несколько повысилась в творчестве Батюшкова (96,3 %), вернулась к первоначальному варианту у Пушкина (93,5 %) и немного снизилась у Баратынского (90,7 %). Очевидно, что незначительные колебания в использовании однородных и разнородных рифм на протяжении первого пореформенного столетия не демонстрируют общую логику развития русского стиха, отражая, скорее жанровые и идиостилевые предпочтения поэтов ХVІІІ — первой трети ХІХ в. Впрочем, не последнюю роль в сформированной Ломоносовым традиции рифмовки русского классического стиха сыграл и языковой потенциал: однородные рифмы *гл. + гл.* (*таится — открыться, желает — прославляет*), *прил. + прил.* (*мирным — зефирным, прекрасен — ужасен*), *прич. + прич.* (*избранный — осиянный, зовущих — мятущих*), *нареч. + нареч.* (*жарко — ярко, удобно — подобно*), *деепр. + деепр.* (*блистая — ударяя, простираясь — устремляясь*) — преимущественно женские; *мест. + мест.* (*тебе — себе, без меня — у нея*), *мест.-прил. + мест.-прил.* (*сей — мой, мою — свою*) — преимущественно мужские; лишь среди рифмопар *суц. + суц.*, флексивный потенциал которых более разнообразен, доли клаузул разного типа относительно равны (*человек — век, журчанье — воркотанье*).

Таблица 2. Рифмопары

(по частям речи, мужская, женская, дактилическая и разноударная (?) рифма)

Части речи		Количество рифмопар				
		М	Ж	Д	Рз (?)	Всего
Вв.сл.	+ нареч.		1			1
	+ предикат.		1			1
	+ прил.		1			1
Гл.	+ гл.	700	1191			1891
	+ деепр.	4				4
	+ мест.	7	1			8
	+ мест.-прил.	13	6			19
	+ нареч.	9	4			13
	+ предикат.	4				4
	+ прил.	17	1			18
	+ прич.	8				8
	+ союз	1				1
+ сущ.	394	97			491	
Деепр.	+ гл.	4				4
	+ деепр.	7	27			34
	+ мест.	17				17
	+ мест.-прил.	3	5			8
	+ нареч.	1				1
	+ прил.	10	19			29
+ сущ.	28	14			42	
Межд.	+ сущ.	1				1
Мест.	+ гл.	7	1			8
	+ деепр.	17				17
	+ мест.	21	5			26
	+ мест.-прил.	51	5			56
	+ нареч.	2				2
	+ прил.	6	3			9
	+ прич.	1				1
	+ сущ.	124	62			186
+ числ.	2				2	
Мест.-прил.	+ гл.	13	6			19
	+ деепр.	3	5			8
	+ мест.	51	5			56
	+ мест.-прил.	38	1			39
	+ нареч.	2				2
	+ прил.	24	10			34
	+ прич.	2				2
	+ сравн.		2			2
+ сущ.	133	24			157	

	+ числ.	1			1
Нареч.	+ вв.сл.		1		1
	+ гл.	9	4		13
	+ деепр.	1			1
	+ мест.	2			2
	+ мест.-прил.	2			2
	+ нареч.	1	43		44
	+ предикат.		8		8
	+ прил.	1	53		54
	+ прич.	1			1
	+ союз	1			1
	+ сравн.		1		1
	+ сущ.	65	49		114
Предикат.	+ вв.сл.		1		1
	+ гл.	4			4
	+ нареч.		8		8
	+ предикат.		1		1
	+ прил.		9		9
	+ сущ.	14			14
Предл.	+ прил.		1		1
	+ сравн.		2		2
	+ сущ.	2	1		3
Прил.	+ вв.сл.		1		1
	+ гл.	17	1		18
	+ деепр.	10	19		29
	+ мест.	6	3		9
	+ мест.-прил.	24	10		34
	+ нареч.	1	53		54
	+ предикат.		9		9
	+ предл.		1		1
	+ прил.	6	297		303
	+ прич.	5	38		43
	+ сущ.	95	229		324
	+ числ.	1			1
Прич.	+ гл.	8			8
	+ мест.	1			1
	+ мест.-прил.	2			2
	+ нареч.	1			1
	+ прил.	5	38		43
	+ прич.	53	105		158
	+ сущ.	52	60		112
Союз	+ гл.	1			1
	+ нареч.	1			1
Сравн.	+ мест.-прил.		2		2

	+ нареч.		1			1
	+ предл.		2			2
	+ сравн.		5			5
	+ сущ.		5			5
Сущ.	+ гл.	394	97			491
	+ дееспр.	28	14			42
	+ межд.	1				1
	+ мест.	124	62			186
	+ мест.-прил.	133	24			157
	+ нареч.	65	49			114
	+ предикат.	14				14
	+ предл.	2	1			3
	+ прил.	95	229			324
	+ прич.	52	60			112
	+ сравн.		5			5
	+ сущ.	1287	1205	1	1	2494
	+ числ.	3				3
Числ.	+ мест.	2				2
	+ мест.-прил.	1				1
	+ прил.	1				1
	+ сущ.	3				3

Проблема грамматического контраста рифмы, разумеется, не исчерпывается рифмовкой одинаковых или различных частей речи. Далеко не последнюю роль играет также совпадение / контраст рифмослов по набору их грамматических характеристик. Каких-либо репрезентативных описаний грамматического контраста однородных рифм русского стиха на разных этапах его исторического развития до настоящего времени не предпринималось. Между тем общепринятым является представление о том, что однородные грамматические («суффиксальные» или «флективные» — Schirmunsky 1975: 291) рифмы культивировались преимущественно в XVII в., в пореформенную эпоху начинается освоение неоднородных, а начало XIX в. отмечено не только резким расширением класса последних, но и использованием однородных неграмматических рифм. По словам Р. О. Якобсона, «подоплека новшеств рифмовки, связанных с творчеством Лермонтова и Тютчева, лежит <...> в переходе от установки поэтов на грамматическую рифму к антиграмматической ориентации» (Jakobson 1962: 5). Впрочем, Д. Ворт связывает переход к антиграмматической ориентации русских поэтов с творчеством не Лермонтова и Тютчева, а их ближайшего предшественника — Пушкина (Worth 1978: 814).

Как известно, в 1970-е гг. были предложены два способа исчисления грамматического и грамматико-синтаксического контраста русской рифмы, выработанные на материале пушкинского стиха. Д. Ворт, рассматривавший динамические изменения степени грамматического контраста по главам «Евгения Онегина», в основу своей таксономии положил «принцип убывания грамматического соответствия» между рифмующимися словами, выделив «три главные группы: **Группа 1**, в которой имеется полное грамматическое соответствие между членами рифмующейся пары (*наука / скука, забавлять / поправлять* и т. д.); **Группа 2**, в которой рифмующиеся партнеры, хотя и принадлежат к одной и той же части речи, но проявляют различную степень грамматического несоответствия (*тьнь / день, Евгений / наслаждений, убогий / строгой* и т. д.); **Группа 3**, в которой различны сами части речи (*дым / голубым, воспевал / идеал, реке / вдалеке* и т. д.)» (Worth 1978: 775). Если этот «верхний ярус» классификации не только не вызывает сомнений в корректности, но и был позднее востребован при описании рифмы другими исследователями (см., например: Gasparov 2010), то проблематичным для интерпретации результатов является дифференцированное описание в пределах каждой из обозначенных групп. Оно предполагает различную степень соответствия рифм по количеству совпадающих грамматических характеристик (например, *сущ. + сущ.*: совпадение / несовпадение в роде, роде и падеже, падеже и числе, числе и роде, падеже, числе и роде; или *сущ. + прил.*: совпадение / несовпадение по фонологической форме и по значению) (Worth 1978: 790–795, 800–801)). Являясь предельно подробной, эта типология удобна для анализа рифменной композиции большой формы (например, долей *мест.* или *гл.* прошедшего времени в каждой из глав романа), но не позволяет выявить пушкинскую «норму» грамматического контраста в числовом выражении для однородных рифм. Так, вывод о переходе Пушкина к антиграмматической рифмовке делается на том основании, что над рифмопарами 1 Группы (43,4 %) преобладают рифмопары 2-й и 3-й Групп (56,4 %), предполагающие различную степень грамматического несоответствия.

Т. Шоу, напротив, с одной стороны, «уравнивает» контрасты любого типа, условно обозначая величину каждого единицей, с другой — включает в систему контрастов не только грамматический, но и синтаксический параметр (например: контраст *сущ. + сущ.*, одно из которых является в предложении

подлежащим, второе — дополнением; или контраст *гл.* + *гл.*, совпадающих по грамматическим характеристикам, но различающихся субъектом действия и т. п.) (Shaw 1974: XXXI–XLIII). Очевидно, что проблематичным в данном случае остается, во-первых, числовое выражение контрастов, поскольку восприятие их «силы» читателем (подтверждение или нарушение рифменного ожидания) в значительной степени предопределяется сложившейся поэтической традицией, включающей не только требования фонетического и грамматического соответствия, но и семантический аспект, устанавливающий нередко более сильную связь между словами разных частей речи (*рука — легка*), нежели обладающих одинаковой частеречной принадлежностью (*рука — мошка*). Учитывая то обстоятельство, что каждая из частей речи обладает разным количеством грамматических характеристик и при вычислении контраста для неоднородных рифм предлагается оценивать количество отсутствующих признаков (например, отсутствие таких категорий, как вид, наклонение, лицо, время для *сущ.* в рифмопаре *сущ.* + *гл.*), числовое выражение контраста рифм разных типов (например, *сущ.* + *гл.*, *сущ.* + *мест.*, *мест.* + *гл.*) — показатель, фиксирующий не столько степень формально выраженного конфликта, со-противопоставления, порождающего, по словам Ю. М. Лотмана, «неожиданные смысловые эффекты» (Lotman 1972: 62), сколько языковой потенциал русской рифмы. Во-вторых, объединение грамматического и синтаксического контраста, показательное для анализа эволюции стиха, обладающего строго определенными метрико-строфическими и клаузульными характеристиками (например, 4-стопный ямб, одическая строфа), вызывает сомнение при сопоставлении данных по стиху отдельных поэтов или этапов развития русской поэзии, существенно различающихся метрическим и строфическим репертуарами. Героический александриец трагедии или эпической поэмы предполагает иной ритмико-синтаксический и рифменный строй, нежели имитирующий народный былинный стих 4-стопный хорей с дактилическими окончаниями или 4-стопный ямб со сплошными мужскими окончаниями. Тем самым коэффициент грамматико-синтаксического контраста, рассчитанный для одного произведения или жанрово-тематической группы, оказывается мало показательным, поскольку в одних случаях он обусловлен большей долей разнородных рифм, в других — однородных рифм с максимальным количеством контрастов, в третьих — однородных грамматических рифм с

выраженной степенью синтаксического контраста. Вероятно, на настоящем начальном этапе описания грамматики русской рифмы следовало бы выявить не только пропорции разнородных / однородных рифм, но и в пределах последних наличие или отсутствие, а также частотность грамматических контрастов.

Нареч., *предикат.* и *сравн.* не имеют грамматических характеристик, поэтому контрасты в рифмах *нареч.* + *нареч.*, *предикат.* + *предикат.* и *сравн.* + *сравн.* невозможны. Среди однородных рифм других частей речи — всех без исключения — у Ломоносова встречаются неграмматические рифмы с разной степенью контраста (см.: Табл. 3). Наименьший контраст демонстрируют пары *гл.* + *гл.*, *прич.* + *прич.* и *деепр.* + *деепр.* Рифмы с *гл.* в поэзии Ломоносова, как было отмечено, характеризуются максимальной долей однородных рифм. При этом в 80,2 % из них *гл.* совпадают по всем грамматическим признакам, поэтому коэффициент контраста глагольных рифм (отношение общего числа контрастов к числу рифмопар) невысок — 0,29. Самым частотным из встречающихся контрастов является несовпадение по виду (*взволновался* (*сов. прош. ед. м.*) — *сражался* (*несов. прош. ед. м.*)), более редки контрасты одновременно по виду и времени, но за ними у Ломоносова оказываются рифмопары с максимальным количеством контрастов — по виду, наклонению, времени, числу и лицу (*лились* (*несов. прош. мн.*) — *возвратись* (*сов. повел. ед. 2 л.*)), демонстрирующие уход от морфологического и синтаксического параллелизма силлабического стиха. *Прич.* в однородных рифмах Ломоносова проявляют еще меньшую степень контраста, нежели *гл.*, — 0,24, относительно часто давая различия в падеже (*от зараженных* (*страд. прош. мн. род.*) — *в удаленных* (*страд. прош. мн. пр.*)), а также одновременно в роде, числе и падеже (*парящий* (*действ. наст. м. ед. им.*) — *лежащи* (*действ. наст. мн. вин.*)). Наконец, в однородных рифмах *деепр.* лишь в двух случаях Ломоносов допускает контраст по виду: *лишася* (*сов.*) — *веселяся* (*несов.*) («Ныне употребляемое саксонских крестьян “Отче наш”») и *возвратясь* (*сов.*) — *веселясь* (*несов.*) («Тамира и Селим»), поэтому грамматический контраст здесь минимален (0,06).

Однородные рифмы *сущ.* + *сущ.* и *прил.* + *прил.* также характеризуются преобладанием грамматических рифм над неграмматическими. Вместе с тем они демонстрируют значительно более выраженный контраст, нежели рифмы *гл.* + *гл.* Среди всех рифмующихся *сущ.* у Ломоносова — поэта эпохи

грамматической ориентации — доля однородных рифм *сущ. + сущ.*, как отмечалось, несколько меньше, чем у Батюшкова и несколько больше, чем у Пушкина и Баратынского, в творчестве которых формируется противоположная, антиграмматическая ориентация. Тем более поразительным оказывается тот факт, что в этом типе рифм лишь 37,7 % являют полное грамматическое соответствие (*быстриной — шириной* (ж. ед. тв.), *света — совета* (м. ед. род.)). На втором месте по частоте использования рифмопары с максимальным контрастом, объединяющие *сущ.*, не совпадающие одновременно в роде, числе и падеже (*среди славы* (ж. ед. род.) — *нравы* (м. мн. им.)). Для сравнения: в «Евгении Онегине» Пушкина рифмы с максимальным контрастом уступают рифмам с несовпадением только в падеже (Worth 1978: 796). В целом же коэффициент грамматического контраста *сущ. + сущ.* у Ломоносова составляет 1,15, что существенно больше, нежели у Пушкина (0,92 (Shaw 1974: XXXVII)). Иными словами, формируя новую стратегию рифмовки силлаботонического стиха, Ломоносов задает установку на выраженный контраст *сущ.*, сменяющих на рифменной позиции предпочитаемую силлабическим стихом часть речи — *гл.* В отличие от *сущ.*, *прил.* у Ломоносова чаще, чем у поэтов начала XIX в., рифмуются с иной частью речи, но и в однородных рифмах они показывают высокую степень контраста (0,53), причем самым частотным оказывается несовпадение в падеже (*в Балтийских* (мн. пр.) — *Российских* (мн. род.)).

Однородные рифмы *мест. + мест.* и *мест.-прил. + мест.-прил.* в поэзии Ломоносова отличаются наибольшей степенью контраста. *Мест.* у поэта, как правило, рифмуются с *сущ.* или *мест.-прил.*, а местоименные рифмы — единственные среди однородных, где совпадение по всем грамматическим характеристикам исключено. Степень контраста достигает здесь максимума — 2,0, причем самыми частотными являются контрасты в лице и числе (*тебе* (2 л. ед. дат.) — *себе* (дат.)). Рифмопары *мест.-прил. + мест.-прил.*, хотя и встречаются без контрастов, но чаще все же не совпадают в падеже (*своей* (ж. ед. тв.) — *моей* (ж. ед. дат.)), тем самым резко повышая коэффициент контраста до 0,89.

Обобщенные данные по стиху Ломоносова позволяют заключить, что однородные рифмы разных частей речи в творчестве поэта характеризуются разной степенью контраста — варьируются и доли неграмматических рифм, и количество несовпадающих грамматических признаков рифмующихся слов.

Корректная интерпретация полученных результатов невозможна без сопоставительного анализа с данными по языковому потенциалу русской рифмы и репрезентативному корпусу текстов русских поэтов XVIII — начала XIX в. Однако, и на настоящем этапе исследования можно утверждать, что несмотря на несколько более высокую по сравнению с романтиками долю однородных рифм, грамматический контраст их выражен у Ломоносова сильнее. В этом смысле особенно показательно сравнение грамматических с общим числом однородных неграмматических и разнородных рифм. Так, если в романе Пушкина — по подсчетам Д. Ворты — грамматически точные рифмы составляют 43,4 % (Worth 1978: 812), то в стихе Ломоносова — 42,1 %⁶. Можем предположить, что заданный поэтом грамматический контраст, со временем несколько снижаясь, уступает место контрасту синтаксическому (более свободному расположению синтагм в пределах стихов и строф)⁷.

⁶ В действительности доля грамматически точных рифм у Ломоносова много меньше указанной, поскольку поэт использует большое количество имен собственных, рифмуя их, как правило, с нарицательными (*Аввакум — дум, Енисей — зверей, Невтоны — законы, Берлина — исполнина, Каияфа — итрафа*). Д. Ворт в своем анализе рифмы «Евгения Онегина», фиксируя грамматические контрасты среди *сущ.*, относит рифмы собств. / нарицат. ко 2-й Группе, т. е. грамматически нетождественных.

⁷ Ср. данные по грамматико-синтаксическому контрасту у Т. Шоу (Shaw 1974: XXXIII).

Таблица 3. Грамматические контрасты в однородных рифмах (по числу рифмопар)⁸

	Грамматические контрасты	Количество рифмопар		
		О	П	Всего
Гл. + гл.	Без контрастов	1378	138	1516
	Вид	247	28	275
	Вид + время	58	6	64
	Число + лицо	1		1
	Вид + наклонение + время	1	1	2
	Наклонение + время + число	1		1
	Наклонение + число + лицо	3		3
	Вид + наклонение + число + лицо	1		1
	Наклонение + время + число + лицо	8	2	10
	Вид + наклонение + время + число + лицо	17	1	18
	Всего	1715	176	1891
Деепр. + деепр.	Без контрастов	32		32
	Вид	1	1	2
	Всего	33	1	34
Мест. + мест.	Лицо	5		5
	Падеж	1		1
	Лицо + число	8	2	10
	Лицо + род	1		1
	Лицо + падеж	3		3
	Лицо + число + падеж	3	3	6
	Всего	21	5	26

⁸ В ряде случаев слова одной части речи обладают разным набором грамматических характеристик (так, *сущ. pluralia tantum* не характеризуются по роду, возвратные *мест.* не имеют лица и числа, императивы — времени, и т. д.). При составлении таблиц каждое отсутствие совпадения по количеству грамматических характеристик слов в однородной рифме квалифицировалось как несовпадение, т. е. как наличие грамматического контраста. Например, для рифмопары *годится* (гл. *несов. наст. ед. 3 л.*) — *крушиться* (гл. *несов. инф.*) фиксировалось наличие четырех контрастов: по наклонению, времени, числу и лицу; для рифмопары *насильный* (прил. *м. ед. им.*) — *обильны* (прил. *мн. им.*) фиксировалось наличие двух контрастов: по роду и числу.

Мест.-прил. + мест.-прил.	Без контрастов	11	1	12
	Род	5	1	6
	Падеж	13	2	15
	Род + число	1		1
	Род + падеж	2	1	3
	Род + число + падеж	2		2
	Всего	34	5	39
Нареч. + нареч.	Без контрастов	38	6	44
	Всего	38	6	44
Предикат. + предикат.	Без контрастов	1		1
	Всего	1		1
Прил. + прил.	Без контрастов	171	19	190
	Род	7		7
	Падеж	63	8	71
	Род + число	5	2	7
	Род + падеж	13	1	14
	Род + число + падеж	14		14
	Всего	273	30	303
Прич. + прич.	Без контрастов	128	9	137
	Род	1		1
	Падеж	9	1	10
	Род + число	3		3
	Род + число + падеж	6	1	7
	Всего	147	11	158
Сравн. + сравн.	Без контрастов	5		5
	Всего	5		5
Сущ. + сущ.	Без контрастов	865	66	931
	Род	274	24	298
	Число	1		1
	Падеж	360	21	381
	Род + число	24		24
	Род + падеж	302	18	320
	Число + падеж	116	9	125
	Род + число + падеж	388	26	414
	Всего	2330	164	2494

Ни в одном из жанров Ломоносов не использовал все 57 грамматических типов рифм (сочетаний одинаковых или различных частей речи), которые встречаются в его поэзии. Наиболее разнообразной по количеству типов (с учетом статистически репрезентативного количества стихов) является трагедия (44 типа), наименее — эпическая поэма (31 тип). Менее объемные жанры используют от 26 (надпись) до 9 (басня) типов грамматических сочетаний (см.: Табл. 4). Максимальное количество однородных рифм встречается в оде, как торжественной (74,5 %), так и духовной (75,3 %), минимальное — в трагедии (69,3 %). Тем самым ломоносовская трагедия является своего рода «полем рифменного эксперимента» для грамматического контраста по сравнению не только с основными высокими жанрами, но и с некоторыми низкими жанрами, предполагающими, на первый взгляд, бóльшую свободу от ограничений и тем самым бóльшую степень разнообразия грамматических типов (как, например, басня, тяготеющая у Ломоносова преимущественно к однородной рифме (83,7 %)).

Еще отчетливее жанровые различия проявляются в соотношении наиболее популярных типов грамматических сочетаний в рифмопарах. Максимум использования рифм *сущ. + сущ.* характерен для эпической поэмы (здесь они составляют 44,3 % от всех типов рифм) и послания (43,8 %), минимум — для трагедии (27,8 %) и духовной оды (29,9 %). В то же время именно в трагедии и духовной оде особенно высока популярность рифмопар *гл. + гл.*: только в этих двух жанрах они опережают рифмы *сущ. + сущ.*, составляя, соответственно, 32,7 % и 33,1 %; в эпической поэме доля однородных глагольных рифм, напротив, минимальна (20,0 %). Третья по частотности использования рифмопара *гл. + сущ.* демонстрирует незначительный разброс употребительности в разных жанрах: максимальное количество встречаем в трагедии (9,1 %), минимальное — в торжественной оде (6,1 %). Менее популярные типы грамматических сочетаний у Ломоносова — *прил. + сущ.*, *прил. + прил.*, *мест. + сущ.* — не выявляют отчетливого различия между жанрами.

Таблица 4. Грамматические типы рифм, клаузулы и жанры (Окончание)

	Всего					Проч.	Всего
	Эпос			Драма			
	XVI	XVII	XVIII	XIX			
Сущ. + сущ.	19	3	284	435	12	2494	
Гл. + гл.	68	2	128	511	12	1891	
Гл. + сущ.	5	2	54	143	2	491	
Прил. + сущ.	1		45	63		324	
Прил. + прил.			27	61	1	303	
Мест. + сущ.	3		14	47	1	186	
Прич. + прич.			13	35		158	
Мест.-прил. + сущ.	3		9	37	1	157	
Нареч. + сущ.	3		10	24	1	114	
Прич. + сущ.			16	31		112	
Мест. + мест.-прил.				15		56	
Нареч. + прил.			1	17		54	
Нареч. + нареч.			4	7		44	
Прил. + прич.			5	7		43	
Деепр. + сущ.			7	11		42	
Мест.-прил. + мест.-			1	10	1	39	
Деепр. + деепр.			2	11		34	
Мест.-прил. + прил.			2	3		34	
Деепр. + прил.	1		3	14		29	
Мест. + мест.				13		26	
Гл. + мест.-прил.			2	5		19	
Гл. + прил.			1	12		18	
Деепр. + мест.			1	9		17	
Предикат. + сущ.			1	3		14	
Гл. + нареч.				1		13	
Мест. + прил.			1	1		9	
Предикат. + прил.				8		9	
Гл. + мест.				5		8	
Гл. + прич.			1	2		8	
Деепр. + мест.-прил.		1	1	3		8	
Нареч. + предикат.				4		8	
Сравн. + сравн.			1			5	
Сравн. + сущ.			2	2		5	

Гл. + деепр.			2	2		4
Гл. + предикат.				2		4
Предл. + сущ.				1		3
Сущ. + числ.				1		3
Мест. + нареч.				1		2
Мест. + числ.	1			1		2
Мест.-прил. + нареч.				1		2
Мест.-прил. + прич.				1		2
Мест.-прил. + сравн.						2
Предл. + сравн.			1			2
Вв.сл. + нареч.						1
Вв.сл. + предикат.						1
Вв.сл. + прил.				1		1
Гл. + союз						1
Деепр. + нареч.			1			1
Межд. + сущ.						1
Мест. + прич.				1		1
Мест.-прил. + числ.						1
Нареч. + прич.				1		1
Нареч. + союз						1
Нареч. + сравн.						1
Предикат. + предикат.				1		1
Предл. + прил.						1
Прил. + числ.			1			1
ВСЕГО	104	8	641	1564	31	6812

Не последнюю роль в распределении популярных рифмопар по жанрам играет метрико-строфическая структура последних, поэтому приоритеты грамматических типов сочетаний в торжественной оде, где женских окончаний в 1,5 раза больше, нежели мужских, в ряде случаев рифменно противопоставляют этот лирический жанр двум другим высоким — эпической поэме и трагедии. И в то же время для отдельных типов рифм обнаруживается существенно больший контраст в распределении по двум последним из указанных жанров, несмотря на их общую метрическую принадлежность (6-стопный ямб) и равную долю мужских и женских окончаний. Так, мужские рифмопары *сущ. + сущ.* в эпической поэме составляют 50,5 %, в то время как в трагедии лишь 25,5 %; торжественная ода занимает при этом «промежуточное» положение, приближаясь

к поэме (45,4 %). Не менее заметно различие в употребительности мужских рифмопар *гл. + гл.*: если в трагедии на них приходится 32,1 %, то в эпической поэме 11,0 %; как и в первом случае, торжественная ода демонстрирует средние величины — 17,6 %. Отчетливые приоритеты в выборе грамматических типов ода обнаруживает в мужских рифмах *гл. + суц.*, *мест. + суц.* и *мест.-прил. + гл.*; тогда как к рифме *прич. + прич.* обращается много реже, нежели поэма и трагедия. В женских рифмах жанровые различия выражены слабее и отражают общую тенденцию распределения частей речи на конечной позиции стиха. Рифмопары *суц. + суц.* наиболее часты в эпической поэме (38,2 %), несколько реже используются в торжественной оде (36,1 %), еще реже — в трагедии (30,1 %). Женские *гл. + гл.* популярны в трагедии (33,3 %), менее распространены в торжественной оде (30,8 %) и поэме (28,9 %). Если использование мужских рифм *гл. + суц.* не выявляет заметного различия между жанрами, то употребление женских рифм такого грамматического типа, напротив, отчетливо дифференцирует высокие жанры: в трагедии на рифмы *гл. + суц.* приходится 5,0 % рифм; в эпической поэме и торжественной оде их частотность в 2,5 раза ниже — соответственно, 2,2 % и 1,8 %.

Проследивая эволюцию грамматики русской рифмы, М. Л. Гаспаров опирался на статистику наиболее употребительных в русском стихе сочетаний частей речи в мужских и женских окончаниях (Gasparov 2010), позволяющую подтвердить общее направление к постепенной деграмматизации, пики которой приходятся на границы между XVII и XVIII вв., а также между XIX и XX вв. И несмотря на то, что «в промежутке эволюция менее заметна» (Gasparov 2010: 294), различия в употребительности частотных грамматических типов достаточно отчетливо показывают постепенную смену приоритетов рифмовки на протяжении XVIII–XIX вв. В то же время при сопоставлении с рифменными предпочтениями в разных жанрах у Ломоносова они позволяют выявить ранее не вполне очевидную закономерность: доли грамматических сочетаний в рифмах поэтов XVIII–XIX вв. различаются менее значительно, нежели в ведущих жанрах Ломоносова. Для наиболее распространенного типа мужских рифм *суц. + суц.* общие доли в рифменном репертуаре поэтов разнятся хотя и ощутимо (48 % у Ломоносова, 36 % у Пушкина, 33 % у Некрасова, 34 % у Фета (Gasparov 2010: 301)), но все же не столь значительно, как в основных жанрах Ломоносова — торжественной оде, эпической

поэме и трагедии (соответственно — 45 %, 50 % и 25 %); та же картина и в мужских сочетаниях *зл. + зл.* — 16 % у Ломоносова, 16 % у Пушкина, 20 % у Некрасова, 14 % у Фета (Gasparov 2010: 301), в то время как ломоносовская трагедия прибегает к этой рифме почти в 3 раза чаще (32 %), нежели эпическая поэма (11 %).

Все сказанное дает возможность заключить, что отмеченный исследователями рост в начале XIX в. грамматического контраста в рифмах, связан не только и даже не столько с повышением доли разнородных рифм, сколько, вероятно, со своеобразной «унификацией» поэтического языка, т. е. нивелированием ярко выраженных рифменных предпочтений, зависевших в поэтическом языке Ломоносова в значительной мере от жанра. Не только тема и эмотивная функция, неизбежно диктующие лексико-синтаксический строй, но и грамматика рифмы, вероятно, отразили представления реформатора русского стиха о разных типах поэтических высказываний, в организации которых важнейшую роль играет метрико-строфический и рифменный строй.

Список условных сокращений

1. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ И СТИХОВЕДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РИФМЫ

О — количество употреблений в оригинальном тексте

П — количество употреблений в переводном тексте

Р — количество употреблений в рифмованном стихе

Б — количество употреблений в белом стихе или без рифмопары

М — метрический контекст / количество метрических контекстов

С — строфический контекст / количество строфических контекстов

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

сущ. — имя существительное

прил. — имя прилагательное

прил. превосх. — имя прилагательное в превосходной степени

мест. — местоимение

мест.-прил. — местоимение-прилагательное

числ. — количественное числительное

числ.-прил. — порядковое числительное и числительное *один*

гл. — глагол

сравн. — сравнительная степень имени прилагательного или наречия

прил. сравн. — сравнительная степень имени прилагательного (на *-ий*)

нареч. — наречие

предикат. — предикатив

предл. — предлог

част. — частица
межд. — междометие
вв. слово — вводное слово
м. — мужской род
ж. — женский род
ср. — средний род
1 л. — первое лицо
2 л. — второе лицо
3 л. — третье лицо
ед. — единственное число
дв. — двойственное число
мн. — множественное число
собир. — собирательное имя существительное
им. — именительный падеж
род. — родительный падеж
дат. — дательный падеж
вин. — винительный падеж
тв. — творительный падеж
пр. — предложный падеж
зв. — звательный падеж
сов. — совершенный вид
несов. — несовершенный вид
инф. — инфинитив
наст. — настоящее время
прош. — прошедшее время
буд. — будущее время
повел. — повелительное наклонение
гл. безл. — безличный глагол
прич. — причастие
деепр. — деепричастие
действ. — действительный залог
страд. — страдательный залог

3. МЕТРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Метры

Х — хорей

Я — ямб

Д — дактиль

Ам — амфибрахий

Ан — анапест

Лог — логаяды

Гк — гекзаметр

Дк — дольник

Размеры

Х4 — четырехстопный хорей

Я6 — шестистопный ямб

Дк4 — четырехиктный дольник

Рз — разностопные (разноударные) размеры

В — вольные размеры

4. КАТАЛЕКТИКА

м — мужская (нулевая) клаузула

ж — женская (односложная) клаузула

д — дактилическая (двусложная) клаузула

5. СТРОФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Строфическое строение

Астрофич. п. р. — астрофический стих парной рифмовки

Астрофич. в. р. — астрофический стих вольной рифмовки

Астрофич. б. с. — астрофический белый стих

Од. — одиночная строфа

Схема рифмовки

а, А, А' (b, В, В' и т. д.) — рифмованный стих с мужским, женским, дактилическим окончанием

х, Х, Х' — холостой стих с мужским, женским, дактилическим окончанием

АбАбССдЕЕд — схема одической строфы (жирным шрифтом выделены позиции рифмующихся слов «питают», «украшают»)

Литература

Gasparov, M. L. 2010: [The evolution of Russian rhyme]. In: Kazansky, N. N. (red.) *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 1. Khvorostianova, E. V. (sost., predisloviye i primech.). Issledovaniya i materialy po stikhoslozheniyu M. V. Lomonosova [The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 1. Khvorostianova, E. V. (ed., foreword and comment). Research and findings for the versification of by M. V. Lomonosov]. SPb.: Nestor-Istoriya, 290–326.*

Гаспаров, М. Л. 2010: Эволюция русской рифмы. В сб.: Казанский, Н. Н. (ред.) *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 1.* Хворостьянова, Е. В. (сост., предисловие и примеч.). *Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова.* СПб.: Нестор-История, 290–326.

Jakobson, R. 1962: [Toward a linguistic analysis of Russian rhyme]. In: Jakobson, R. *Studies in Russian Philology (Michigan Slavic Materials 1).* Ann Arbor, 1–13.

- Jakobson, R. 1962: К лингвистическому анализу русской рифмы. В сб.: Jakobson, R. *Studies in Russian Philology (Michigan Slavic Materials 1)*. Ann Arbor, 1–13.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2010: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 2*. Laletina, O. S., Khvorostianova, E. V. *Metrikostrophichesky spravochnik k proizvedeniyam M. V. Lomonosova* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 2*. Laletina, O. S., Khvorostianova, E. V. *Metrics and verse patterns thesaurus to works by M. V. Lomonosov*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2010: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 2*. Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. *Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова*. СПб.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2011a: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 3*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (sost.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (otv. red.). *Slovar' riphm M. V. Lomonosova: Leksikon stikhovykh okonchaniy* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 3*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (comp.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (ex. ed.). *The dictionary of the rhymes: Lexicon of verse endings*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2011a: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 3*. Захарова, Е. А., Лалетина, О. С., Матвеев, Е. М. (сост.), Волков, С. С., Хворостьянова, Е. В. (отв. ред.). *Словарь рифм М. В. Ломоносова: Лексикон стиховых окончаний*. СПб.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2011b: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 4*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (sost.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (otv. red.). *Slovar' riphm M. V. Lomonosova: Obratny slovar' rifmennyykh segmentov i bezrifmennyykh okonchaniy. Ukazateli* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 4*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (comp.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (ex. ed.). *The dictionary of the rhymes: Reverse dictionary of rhyming segments and non-rhyming endings. Index*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2011b: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 4*. Захарова, Е. А., Лалетина, О. С., Матвеев, Е. М. (сост.), Волков, С. С., Хворостьянова, Е. В. (отв. ред.). *Словарь рифм М. В. Ломоносова: Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели*. СПб.
- Lotman, Yu. M. 1972: *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [*Analysis of the poetic text. Verse structure*]. Leningrad.
- Лотман, Ю. М. 1972: *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Л.

- Schirmunsky, V. M. 1975: [Rhyme, its history and theory]. In: Schirmunsky, V. M. *Teoriya stikha*. [Verse theory]. Leningrad: Sovetsky pisatel', 233–240.
- Жирмунский, В. М. 1975: Рифма, ее история и теория. В сб.: Жирмунский, В. М. *Теория стиха*. Л.: Советский писатель, 233–430.
- Shaw, J. Th. 1974: *Pushkin's rhymes: a dictionary*. Madison.
- Shaw, J. Th. 1975a: *Baratynskij: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry*. Madison.
- Shaw, J. Th. 1975b: *Batiushkov: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry*. Madison.
- Shaw, J. Th. 2004: [Parts of speech in Pushkin's rhymes]. In: *Slavyansky stikh. VII: Lingvistika i struktura stikha* [Slavic verse. VII: Linguistics and the structure of the verse]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 339–385.
- Шоу, Дж. Т. 2004: Части речи в рифмах Пушкина. В сб.: *Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха*. М.: Языки славянской культуры, 339–385.
- Worth, D. 1978: [On the grammatical component of Slavic rhyme (on the material of «Eugene Onegin» by A. Pushkin)]. *Linguistics and Poetics: American Contributions to the VIII-th International Congress of Slavists. Columbus, 1978*. Vol. 1, 774–818.
- Worth, D. 1978: О грамматическом компоненте славянской рифмы (на материале «Евгения Онегина» А. Пушкина). *Linguistics and Poetics: American Contributions to the VIII-th International Congress of Slavists. Columbus, 1978*. Vol. 1, 774–818.

А. С. Смирнова

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург. Россия. asmirnova@iling.spb.ru

М. Г. Шарихина

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург. Россия. justmilya@yandex.ru

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ В РИТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
М. В. ЛОМОНОСОВА И АМПЛИФИКАЦИЯ В СОЧИНЕНИИ
Н. КОССЕНА «О ДУХОВНОМ И СВЕТСКОМ
КРАСНОРЕЧИИ»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье предпринята попытка исследовать пути влияния трактата Н. Коссена на риторическую теорию М. В. Ломоносова. Общность определений, а также смысловых составляющих понятий *амплификация* (у Н. Коссена) и *распространение* (у М. В. Ломоносова) позволяют указать на влияние сочинения «О духовном и светском красноречии» на «Краткое руководство к красноречию» в аспекте концепции расширения речи. Кроме того, широкое усвоение и переосмысление Н. Коссеиной идей, отраженных в сочинении «О возвышенном» Псевдо-Лонгина, дают основания указать на косвенное влияние античного трактата на риторическую теорию М. В. Ломоносова (помимо известного непосредственного знакомства ученого с переводом этого произведения, выполненным Н. Буало).

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, Н. Коссеина, Псевдо-Лонгин, риторика, амплификация.

A. S. Smirnova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia asmirnova@iling.spb.ru

M. G. Sharikhina

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia. justmilya@yandex.ru

***Rasprostranenie (amplification) in M.V. Lomonosov's rhetorical theory
and amplification in N. Caussin's
De eloquentia sacra et humana: comparative analysis***

The article focuses on the rhetorical technique *rasprostranenie* (amplification) in M. V. Lomonosov's *Brief Guide to Eloquence*. Lomonosov's classification and ways of creating this technique differ from the classical understanding of amplification. It is quite likely that Lomonosov's approach unites and systematizes in a special way the various concepts of this rhetorical technique reflected in the rhetorical works he used directly. Thus, N. Caussin's treatise *De eloquentia sacra et humana* [On Spiritual and Secular Eloquence] (1619) had a certain influence on the *Brief Guide*

to *Eloquence*. Besides textual parallels, mostly given by M. I. Sukhomlinov in his comments on Lomonosov's *Brief Guide to Eloquence* (Sukhomlinov 1895: 41–118, 289–567), this is mainly indicated by the extant edition of Caussin's treatise (Caussin 1626), which belonged to Lomonosov and contains many scholar's notes. In turn, considering the history of the concept of amplification, Caussin relies on the opinion of the author of the treatise *On the Sublime* (Pseudo-Longin), taking the view that this work most clearly outlines the essence of the amplification. Besides, the peculiarities of the perception of the ideas of the treatise *On the Sublime*, reflected in the concept of N. Caussin's amplification, are of particular importance in the light of the fact that M.V. Lomonosov was also familiar with Pseudo-Longin's treatise (in French translation by N. Boileau). In the article an attempt is made to investigate the ways of influence of N. Caussin's treatise and through his intermediary treatise *On the Sublime* on M. V. Lomonosov's rhetorical theory related to the technique of amplification. According to Lomonosov, *rasprostranenie* is realized on two levels: 1) ideological and semantic and 2) syntactic. Lomonosov's *rasprostranenie* is divided into two kinds, multiplicative and magnifying. The evidence of his acquaintance with the definition of amplification in N. Caussin's treatise, as well as the common semantic components of the concepts of amplification and *rasprostranenie* allow us to point out the influence of the latter on the *Brief Guide to Eloquence* in the aspect of the theory of amplification.

Keywords: M. V. Lomonosov, N. Caussin, Pseudo-Longin, rhetoric, amplification.

Введение

В риторической теории М. В. Ломоносова особой концепцией представлен прием *риторического распространения*, в «Кратком руководстве к красноречию» (далее — КРК) ему посвящена четвертая глава (§48–§72) части I «О изобретении» (Lomonosov 1952: 127–154). Классификация и способы создания этого приема отличаются от классического понимания амплификации. Так, для КРК характерным является выделение двух родов *распространения*, что не отмечается, например, в истории амплификации, приведенной в фундаментальном труде Г. Лаусберга (Lausberg 1998: 189–196). Как отмечает Л. И. Сазонова, Ломоносов «стоит ... далеко» от классической традиции, описанной Г. Лаусбергом, «и посредствующие звенья в большинстве случаев важнее, чем истоки, хотя в перспективе следовало бы проследить и риторические традиции от античности до тех источников, которыми пользовался Ломоносов» (Sazonova 2013: 34–35). Следовательно, вполне вероятно, что в подходе Ломоносова особым образом объединяются и систематизируются разнообразные концепции о

расширении речи, отраженные в непосредственно использованных им риторических трудах¹.

Н. Коссен (Nicolaus Caussin, 1580–1651) — французский иезуит, проповедник, преподаватель риторики, духовник Людовика XIII. Его сочинение «О духовном и светском красноречии» (“De eloquentia sacra et humana”. Paris, 1619) пользовалось большой известностью на протяжении долгого времени (Sukhomlinov 1895: 30). Как отмечает М. И. Сухомлинов, Порфирий Крайский, «наставник Ломоносова, въ своихъ риторическихъ лекціяхъ, многое заимствовалъ изъ Каусина, и между прочимъ и ту мысль, что при изученіи образцовъ краснорѣчія должно обращать преимущественно вниманіе на духъ и мысли, а не на форму и слогъ — *sensum potius, ut docet Caussin, quam verba aut stylum imitare debemus*» (Там же). Как известно, риторика Н. Коссена оказало определенное влияние на КПК. Помимо текстуальных параллелей, в большинстве приведенных М. И. Сухомлиновым в комментариях к риторикам Ломоносова (Sukhomlinov 1895: 41–118, 289–567), на это главным образом указывает сохранившееся до настоящего времени издание риторики Коссена 1626 г., принадлежавшее Ломоносову². В тексте и на полях страниц этого экземпляра сохранилось множество помет и записей ученого³. В том числе они охватывают большую часть раздела об амплификации (Caussin 1626: 201–228). Это подтверждает особое внимание Ломоносова к концепции приема расширения речи Н. Коссена.

Автор объемного риторического трактата, состоящего из шестнадцати книг, Н. Коссен посвятил описанию этого приема книгу V, содержащую 43 главы (De amplificatione). Между тем примеры амплификации и даже целые главы приводятся Коссеном также в книге II De optimo caractere eloquentiae: De ambitu, siue amplificatione (caput 34); в книге IV De inuentione et locis: напр., De amplificatione per definitionem mixtam (caput 24); De amplificatione

¹ В дальнейшем изложении во избежание смешения терминов, используемых М. В. Ломоносовым и Н. Коссеном, для наименования этого приема, обозначаемого в КПК словом *распространение*, мы будем использовать слово *расширение*, имея в виду *увеличение и расширение ораторской речи*.

² В настоящее время хранится в «Музее М. В. Ломоносова» в Кунсткамере, шифр № 4960 (МЛ-02281). Благодарим за возможность познакомиться и изучить пометы Ломоносова в учебнике Коссена заведующую отделом Н. П. Копаневу и хранительницу трактата Т. М. Кравченко.

³ Подробное их описание представлено в Bel’аeva 2010: 109–112.

per contentionem ironicam (caput 25); De usu et amplificatione caussarum (caput 48) и в других книгах трактата. В то же время обращает на себя внимание то, что, рассматривая историю понятия *амплификация*, Коссен опирается на мнение автора трактата «О возвышенном»⁴, считая, что в этом сочинении отчетливее всего изложена суть расширения речи.

Особенности восприятия идей трактата «О возвышенном», отраженные в концепции расширения речи Н. Коссена, представляют особую важность в свете того факта, что с трактатом Псевдо-Лонгина (во французском переводе Н. Буало) был знаком и М. В. Ломоносов. О его интересе к этому тексту свидетельствует конспект, опубликованный И. З. Серманом (Serman 2002).

В настоящей статье предпринята попытка исследовать пути влияния сочинения Н. Коссена, а также через его посредство трактата «О возвышенном» на риторическую теорию М. В. Ломоносова, связанную с приемом расширения речи. В соответствии с заявленной целью содержание статьи отражает следующие этапы исследования: 1. Описание *распространения* и его видов (*умножительного* и *увеличительного распространения* в КРК, структурно-смысловой и функционально-стилистический анализ их содержания); 2. Описание *амплификации* и ее видов в трактате Н. Коссена в сопоставлении с *распространением* Ломоносова. 3. Установление путей возможного влияния сочинений Н. Коссена и (через его посредство) Псевдо-Лонгина на теорию *риторического распространения* в КРК.

⁴ Трактат «О возвышенном» (Περὶ ὕψους) был написан неизвестным автором, вероятнее всего в 40-е гг. I в. н. э. До начала XIX в. авторство этого труда приписывали греческому ритору III в. Кассию Лонгину и другим авторам, поэтому в современной научной традиции за его неизвестным создателем закрепилось условное имя Псевдо-Лонгин. Самый ранний известный список памятника датируется X в., в настоящее время он хранится в Национальной библиотеке в Париже (Grec 2036, ff. 178v–207v). Рукопись трактата была обнаружена Иоанном Ласкарисом в середине XV в. В XVI в. трактат оказался у Екатерины Медичи в Париже. Уже тогда была потеряна часть текста (из 50 страниц осталось всего 30) в разных частях списка (Russell 1964: ix, xlix). Почти сразу после обнаружения это произведение начали переписывать, а с середины XVI в. публиковать (Hoffmann 1839: 525; Нахов 1961: 140; Russell 1964: 1; Steppich 2006: 57–62). В риторическом трактате 1619 г. Н. Коссена содержится самая ранняя интерпретация этого новонайденного греческого текста.

1. Распространение в риторической теории М. В. Ломоносова

Прием *риторического распространения* был описан Ломоносовым уже в первой его риторике: «*Распространение есть совокупление многих рассуждений, к одной материи принадлежащих и оную яснее и важнее представляющих*» (Lomonosov 1952: 27). В основе этой дефиниции находится главное структурно-смысловое свойство *распространения* — соединение в одном высказывании нескольких идей (положений), относящихся к одной теме. При этом необходимым условием для их выбора является их соответствие теме в той мере, в какой они добавляют высказыванию ясности или значимости. Следовательно, актуальным для *распространения* категориальным свойством является не только его структура (способ создания), но и цель добиться того, чтобы высказывание было ясным для слушателя и, в итоге, создать у него впечатление о важности сообщаемого. Цель *распространения* была сформулирована М. В. Ломоносовым в ряду его соположения с другими, важными в риторике приемами — доказательств и витиеватых рассуждений: «*Понеже ритор должен слушателей или читателей о справедливости предложенныя темы удостоверит (§ 1), для того надлежит, 1) чтобы слово его было ясно, 2) чтобы тема была основательно доказана, 3) чтобы в слушателях или читателях страсть возбудилась, то есть в указательном роде любовь или ненависть, в советовательном желание или отчуждение. К первому служат распространения, ко второму доказательства, к третьему витиеватые рассуждения*» (Lomonosov 1952: 26–27).

Во второй риторике Ломоносова концепция *распространения* была существенно дополнена и переработана. Это выражено уже в его определении: «*Распространение риторическое есть присовокупление идей к кратким предложениям, которые их изъяснить и в уме живяе представить могут. И посему риторические распространения не должны быть пустые собрания речений, мало или ничего к вещи принадлежащих, которые больше разум отягощают и отнимают краткою слова ясность*» (Lomonosov 1952: 127). Следовательно, ясность остается главной целью *распространения*. Новым в подходе к приему *распространения* является оценочный компонент коммуникативной характеристики высказывания: лишь та идея рассматривается как подходящая для *распространения*, которая не только проясняет краткую мысль, но и, возможно, является необходимой для ее прояснения, так как незначительно развивающая мысль идея («мало к вещи принадлежащая») может

быть охарактеризована как «пустая». Коммуникативная характеристика высказывания — мера и содержательность — выражена в параграфе 51. Ломоносов уделяет особое внимание этому аспекту, противопоставляя пространное высказывание «подлинному *распространению*» (Lomonosov 1952: 127).

1.1. Классификация распространений. Умножительное распространение

Согласно Ломоносову, *распространение* реализуется на двух уровнях: идейно-смысловом (суждения распространяются идеями) и синтаксическом («периоды приполняются») (Lomonosov 1952: 127)). В его классификации *распространение* разделяется на два рода — «умножительный и увеличительный. Оба в том сходны, что слово распространяют, но тем разнятся, что первое больше расширяет и служит к пополнению периодов, второе придает ему притом больше важности» (Lomonosov 1952: 127–128). Ломоносов не дает определений указанных видов, в его теории они представлены описательно. В связи с этим далее будут перечислены их основные структурные и смысловые свойства, указанные Ломоносовым. Системные отношения внутри этой классификации (дифференциальные признаки и функции) имеют характер рабочей гипотезы, необходимой для дальнейшего сравнения концепций расширения речи у М. В. Ломоносова и Н. Коссена.

Содержание *умножительного распространения* зависит от «мест риторических», используемых для его составления. Ломоносов приводит 14 «мест», например: «1) от свойств материальных — пространное море, долгий путь, твердо стоять, быстрый бег, кудрявая роша; 2) от чувств — румяная и благовонная роза, смрадный труп, горькая желчь, палящая зноем Абиссиния; 3) от страстей — любовно и весело беседовать, надежно удостоверить, Зефир, кустов и рощей любитель, для гордости ненавистный Тарквиний свойства материал ...» (Lomonosov 1952: 131–132). Другой способ создания этого рода *распространения* — фигуры речений: «Периоды пополняются еще чрез повторения, однозначительные речения, наращенные и другие фигуры, в речениях состоящие, однако оне больше надлежат до украшения, и для того должно о том смотреть во второй части» (Lomonosov 1952: 132).

В плане выражения *умножительное распространение* синтаксически реализуется на уровне словосочетания: оно может быть однословным («имена прилагательные и причастия, как: сильная рука, шумящий ветер», «наречия, как: быстро смотреть, великодушно прощать» (Lomonosov 1952: 131)) или состоять из более

чем одного слова («причастия, сочиненные с падежами своих глаголов, например: поля, услаждающие надежду жатвы земледельцев», «существительные имена, с родительным падежом сочиненные, например: натура — дочь гремящего над нами и мати всех племен земных» (Lomonosov 1952: 131)).

1.2. Увеличительное распространение

Увеличительное распространение создается только «в одних местах риторических» (Lomonosov 1952: 132), для чего используется весь перечень из 16 *риторических мест*, включающий и те, на основе которых создаются *умножительные распространения*. Поскольку в создании обоих видов *распространения* участвуют *риторические места*, разница между этими видами не качественная, а количественная: *умножительное распространение* реализуется на уровне словосочетания, *увеличительное* — на уровне предложения, а чаще — сложного синтаксического целого. Большую часть раздела о *риторическом распространении* Ломоносов посвящает описанию использования каждого из *мест* при создании *увеличительного распространения* и сопровождает наставления комментариями, которые конкретизируют логическое содержание и особенности употребления их в тексте, например:

Но жизненные свойства хотя надлежат токмо до одних ... одушевленных вещей, однако в увеличении слова чрез распространение весьма плодovitы, для того что их много больше, нежели материальных. Правила суть два и сходствуют с предложениями (§ 58), то есть: 1) к одному животному приписаны быть могут многие жизненные свойства; 2) вместо одного жизненного свойства предложены быть могут его степени или какие-нибудь отмены, либо действия с обстоятельствами. Степени бывают особливо явственны в страстях, например, в гневе: неудовольствие, негодование, огорчение, ярость (Lomonosov 1952: 137).

Увеличительное распространение создается благодаря подробному описанию идей, причем оно должно соответствовать требованию уместности и значимости: *Увеличительное распространение происходит от подробного предложения избранных идей, к самой вещи надлежащих и важностию своею слово обогащающих* (Lomonosov 1952: 128). То, что это положение было важным для Ломоносова, выражается в повторении похожих мыслей в разных частях раздела. Так, описывая *распространение*, произведенное от значения имени, он оценивает его с точки зрения значимости и приписывает ему больше игровых свойств, нежели выразительности:

Произведенные идеи от сего места имеют в себе большие игранья в речениях, нежели силы. И хотя оне нередко бывают в слове пристойны, однако в их составлении надлежит поступать осторожно, чтобы не родились подлые и смешные в речениях игрушки, что нередко случается в именах, чрез предложение письмен (§ 10, прав. 3) произведенных, которые анаграммами называются (Lomonosov 1952: 140).

В разделе о *расположении* Ломоносов охарактеризовал роль *распространения* в структуре *художественного расположения*⁵ следующим образом: оно используется для разъяснения темы, которое предшествует другим этапам создания речи — «доказать несомненными доводами» и «к доказательствам присовокупить возбуждение или утоление страсти, какой материя требует» (Lomonosov 1952: 294).

1.3. Различия между *умножительным* и *увеличительным* *распространениями*. Функционально-стилистическая характеристика

Как показывает предшествующее описание двух видов *распространения*, введенных Ломоносовым, по-видимому, разница между ними преимущественно количественная: *умножительное распространение* реализуется на уровне словосочетания, *увеличительное* — на уровне предложения или сложного синтаксического целого. При этом *увеличительное распространение* усиливает коммуникативные качества речи — ясность и важность: «Оба в том сходны, что слово распространяют, но тем разнятся, что первое <умножительное — А. С., М. Ш.> больше расширяет и служит к пополнению периодов, второе <увеличительное — А. С., М. Ш.> придает ему притом больше важности» (Lomonosov 1952: 127–128). Следовательно, оно, в отличие от *умножительного распространения*, не только участвует в расширении дискурса, но и дает направление его содержательной стороне, помогая читателям / слушателям лучше понимать суть высказывания и осознавать его значимость.

В истории европейской риторики существует множество подходов к пониманию расширения речи⁶. В соответствии с ними

⁵ Согласно ломоносовской классификации, *художественное расположение* противопоставлено *натуральному* (нехудожественному, логически-рациональному) (Lomonosov 1952: 294).

⁶ История приема расширения в западноевропейской риторической традиции от Античности до Нового времени подробно описана в диссертации В. Р. Кеннеди (Kennedy 1968).

сложились две его формы, которые условно называют *горизонтальной* (horizontal amplification) и *вертикальной амплификацией* (vertical amplification)⁷. Первая означает увеличение длины дискурса, вторая способствует усилению мнения аудитории о важности предмета. В классический период этим формам соответствовали два подхода к расширению речи, которые отражены в двух терминах. Первый — *авксесис* (αὐξήσις)⁸ — предполагает интенсивный подход к развитию темы речи: служит для расширения отношения слушателей к важности темы. Его целью является расширение значимости аргументов оратора. Термин *перифола* (περιβολή) выражает экстенсивный подход, т. е. количественное увеличение дискурса и стилистическую орнаментацию. В то же время более распространенным стал термин αὐξήσις, который в зависимости от авторской концепции мог быть семантически расширен за счет включения риторического содержания слова περιβολή (Kennedy 1968: vi, 9–10), так как многие авторы сочетали оба подхода. Если рассматривать виды *распространения*, указанные Ломоносовым, сквозь призму этого разделения, *умножительное распространение* можно отнести к *горизонтальной амплификации*. В то же время *увеличительное распространение*, по-видимому, совмещает признаки *горизонтальной и вертикальной амплификаций*.

В функционально-стилистической характеристике *увеличительного распространения* Ломоносовым отмечена следующая особенность: он предостерегает читателя от наделения этого вида *распространения* функцией повышения стиливого регистра речи: *Однако увеличительное распространение разнится от возвышения слова, ибо сие <возвышение слова — А. С., М. Ш.> возносит, а оно <увеличительное распространение — А. С., М. Ш.> наполняет; сие придает силы, а оно изобилия; сие устремляет, а оно разликает; возвышение больше от украшения, а увеличительное распространение от изобретения зависит* (Lomonosov 1952: 128). Сочетание *возвышение слова* (в КРР также *возвышение речи* (Lomonosov 1952: 61)) рассматривается автором риторики в одном ряду с понятиями *украшение* и *устремление слова* и является синонимом возвышенного слога или высокого «штиля».

Следовательно, в КРК Ломоносову показалось важным подчеркнуть отличие *риторического распространения* как приема, количественно расширяющего речь, от стилистического подъема.

⁷ См. также: Lausberg 1998: 604.

⁸ Этот подход достиг своего наивысшего развития в греческой литературе в «Риторике» Аристотеля (Kennedy 1968: 24, 37, 71).

Необходимость такого прояснения едва ли очевидна, так как ни в предшествующем, ни в последующем контексте речи о смешении этих понятий не идет. В то же время можно предположить, что Ломоносов противопоставляет собственную точку зрения той, которая существовала в риторической традиции.

2. Амплификация и ее виды в трактате «О духовном и светском красноречии» Н. Коссена в сопоставлении с распространением Ломоносова

2.1. Определение амплификации

Как уже было отмечено выше, в трактате Н. Коссена приему расширения посвящена пятая книга (*De amplificatione*), содержащая 43 главы. Давая определение приема *амплификации*, Коссен цитирует Псевдо-Лонгина⁹:

Est igitur amplificatio, συμπλήρωσις ἀπὸ πάντων τῶν ἐπιφερομένων τοῖς πράγμασιν ὀρίων, καὶ τόπων ἰσχυροποιῖσα τῇ ἐπιμονῇ τὸ κατασκευαζόμενον; Plenitudo quaedam, quae ex omnibus rerum adiunctis, terminis, & locis, commoratione roborat orationem. Primum igitur est plenitudo, non redundantia, quo plane significat per amplificationem fieri corpus orationis, venusta quadam plenitudine consurgens, non tumore distentum. Haec autem plenitudo non petitur ex inani fuco verborum, vel strepitu numerorum, sed ex optimis quibusque rerum adiunctis, idcirco addidit ἀπὸ τοῦ πάντων τῶν ἐπιφερομένων τοῖς πράγμασιν¹⁰ (Caussinus 1626: 202).

Как видно из приведенного фрагмента, определение у Коссена полностью следует тексту трактата «О возвышенном»¹¹. Сле-

⁹ Цитаты из трактата «О возвышенном» приводятся у Н. Коссена на древнегреческом языке и в латинском переводе.

¹⁰ Амплификация — это некое обилие, состоящее из всех соединенных прилагательных, терминов и из мест, которое обстоятельным развитием усиливает речь. Таким образом, во-первых, обилие — это не многословие, поэтому через амплификацию прямо создается текст речи, возвышающийся на некотором изящном обилии, без излишней напыщенности. Это обилие достигается не пустым обманом слов или шумом созвучия, но перечислением всяких лучших свойств вещей, поэтому (Лонгин) добавил ἀπὸ τοῦ πάντων τῶν ἐπιφερομένων τοῖς πράγμασιν. Здесь и далее приводится перевод фрагментов из риторики Н. Коссена, выполненный А.С. Смирновой.

¹¹ Отдельным вопросом является издание, на которое опирался Коссен, приводя цитаты из трактата Псевдо-Лонгина. Как правило, он не указывает страниц и других данных книги, однако есть два упоминания на полях, в которых приведены страница и издатель

довательно, сравнительный анализ определений *амплификации* в сочинении Н. Коссена и *риторического распространения* в КРК позволяет включить в сопоставительный контекст риторiku Псевдо-Лонгина¹². Особое внимание Ломоносова к этому фрагменту проявляется в обилии помет, обнаруживаемых в издании риторики Н. Коссена 1626 г.: сокращение def., знаки (NB, плюсы, вертикальные скобки), подчеркивание отдельных строк. Кроме того, интерес Ломоносова вызвало не только определение амплификации, сформулированное Н. Коссеном, но и его источник — трактат «О возвышенном»: в конспекте этого сочинения, составленном Ломоносовым, приводится это определение (Serman 2002: 337).

Сравнение определений *амплификации* у Коссена и *распространения* у Ломоносова позволяет отметить следующие общие идеи. Во-первых, оба автора видят в расширении речи объедине-

(Caussin 1626: 77, 98). Благодаря библиографическому справочнику С. Хофмана, можно установить издание, которым пользовался Н. Коссен. Это книга, которая вышла в 1570 г.: *Oi én tñ rñtorikñ. Téxñ korufaioi, Aphthonius, Hermogenes, & Dionysius Longinus, praestantissimi artis Rhetorices magistri, Francisci Porti, Cretensis opera industriaque illustrati atque expoliti. Anchora: Ioannis Crispini, 1570*. Вторая пагинация, 1–69. Текст в этой книге разделен с помощью абзацных знаков. Ссылаясь на фрагменты, Коссен указывает страницу текста и номер главы, соответствующей фрагменту между абзацными знаками, — видимо, для удобства, Коссен сам проставил нумерацию в своей книге. Отметим, что в editio princeps (1554 г.) и в венецианском издании (1555 г.) нет деления текста на части, или главы. Начиная с издания Ф. Порты (1570 г.) (в котором отмечены абзацы, но нет нумерации) в каждом последующем было свое деление текста. Так, в переводе греческого трактата на французский язык Н. Буало всего 35 глав, сопровождаемых заголовками. В русском переводе Н.А. Чистяковой, в соответствии с принятым современными издателями делением текста, 44 главы, которые в свою очередь разбиты на части.

¹² Вопрос о возможном влиянии труда Псевдо-Лонгина (или перевода Н. Буало) на риторическую концепцию Ломоносова может быть рассмотрен лишь гипотетически, так как в сочинениях Ломоносова отсутствуют ссылки и упоминания этих произведений и их авторов. Некоторые наблюдения, относящиеся к сходным идеям, выраженным в трактатах Псевдо-Лонгина и М.В. Ломоносова, изложены в статье К. Ю. Тверьянович и М. Г. Шарихиной (Tver'yanovich, Sharikhina 2017). Цель настоящей статьи — продемонстрировать один из возможных путей влияния идей сочинения «О возвышенном» на КРК Ломоносова.

ние структурно-смысловых элементов, которые, правда, обозначаются по-разному. У Коссена это *прилагательные* (*adiuncta*), *термины* (*termini*)¹³ и *места* (*loci*), которые в совокупности создают *амплификацию*. У Ломоносова *краткие предложения* дополняются *идеями*. Если принять во внимание то, что *предложениями* в его риторике называются «сложенные идеи» (Lomonosov 1952: 117), то структурно *распространение* будет выглядеть как присоединение одного элемента к конструкции, состоящей из двух элементов. При этом в определении Ломоносова, в отличие от *амплификации*, элементы высказывания, расширяющие речь (названы *идеями*), структурно отделены от элементов, подверженных расширению (названы *краткими предложениями*).

Понятия *определения*, *вещи* и *мест*, приведенные в дефиниции Н. Коссена, находясь в однородном ряду, функционально тождественны. В концепции Ломоносова они функционально дифференцированы. Так, *определения* фигурируют в качестве средств *умножительного распространения — приложений*: «Умножительные распространения состоят по большей части в приличных приложениях, которые бывают: 1) имена прилагательные и причастия ... 3) существительные имена, с родительным падежом сочиненные ... 5) существительные с прилагательными, сочиненными со своими падежами, например: в сей день, блаженная Россия, любезна небесам страна» (Lomonosov 1952: 131). *Места* в описании *распространения* являются тематическим источником создания обоих видов *распространения*. Таким образом, *определения амплификации* и *распространения* близки тем, что указывают на количественное расширение высказывания. Помимо структурного компонента, их сближает цель приема, которая Ломоносовым формулируется как необходимость «изъяснить <краткие предложения> и в уме живяе представить» (Lomonosov 1952: 127), в трактате Н. Коссена — как усиление высказывания («*roborat orationem*»).

Другой структурно-смысловой компонент описания *амплификации* и *распространения* — оценка коммуникативной стороны высказывания — является, без сомнения, общей для них чертой. Авторы обеих концепций призывают сочинителей избегать бессодержательного многословия и придерживаться принципа уместности и необходимости. В трактате «О духовном и светском

¹³ В определении, данном Н. Коссе́ном, соположенные понятия *adiuncta* и *termini* используются для перевода словосочетания τοῖς πρῶταισιν ὀρίων у Псевдо-Лонгина.

красноречии» этому вопросу посвящена вся первая глава раздела «Об амплификации», причем в ней автор целиком опирается на мнение Псевдо-Лонгина. Ломоносов обращается к этой мысли, не только давая определение *распространения*, но и при описании *умножительного распространения*. В параграфе 51 КРК обнаруживается контекст, параллельный риторике Н. Коссена (см. фрагмент из этой риторики, приведенный М. И. Сухомлиновым к указанному параграфу (Sukhomlinov 1895: 325–326)).

2.2. Виды амплификации и их структурно-смысловые свойства

В риторической теории Н. Коссена *амплификация* подразделяется на два вида: Duo autem sunt praecipua ferme amplificationis genera, vnum fit per augmentum, quod proprie vocatur αὔξησις alterum per δεινῶσις, siue exaggerationem: hoc inter, αὔξησις, & δεινῶσις conuenit, quod vtraque ampliozem faciat orationem, sed illa plus habet diffusionis, & ambitiosi circuitus: haec adiunctis rerum, & ponderibus magis auget, quam verbis¹⁴ (Caussinus 1626: 202).

Первый вид — *авксесис* (αὔξησις) — состоит не в количественном расширении, а в качественном (в усилении значения и важности высказывания), иными словами, представляет собой тот тип расширения речи, который в научной литературе принято называть *вертикальной амплификацией* (см. п. 1.3.). Второй вид — *дейносис* (δεινῶσις) — состоит в количественном расширении дискурса и, следовательно, соотносится с *горизонтальной амплификацией*. Как видим, греческие термины, используемые в качестве обозначений этих видов, также заимствуются из сочинения Псевдо-Лонгина. При этом в последнем они не рассматриваются в качестве противопоставленных видов расширения речи. Более того, в теории Псевдо-Лонгина словом αὔξησις обозначается прием расширения речи¹⁵, его виды и способы именуются другими терминами.

¹⁴ Но особенно часты два рода амплификации, один получается через увеличение, которое, собственно, называется αὔξησις, другой — через δεινῶσις, или нагромождение слов. В αὔξησις и δεινῶσις совпадает то, что оба рода делают речь больше, но одно <δεινῶσις — А. С.> имеет больше расширения и пышного описания; другое <αὔξησις — А. С.> усиливает (речь) более значением и свойствами вещей, чем словами.

¹⁵ См., например, подзаголовок раздела о расширении речи в издании трактата «О возвышенном» 1570 г., которым, вероятно, пользовался Н. Коссен — Περί Αὐξήσεως (Longinus 1570, 22).

Таким образом, приведенная классификация *амплификации* является авторским переосмыслением пассажа из трактата «О возвышенном». На это указывает и Н. Коссен в главе VIII, анализируя развитие теории *амплификации* в риторике и обосновывая свое предпочтение той позиции, которой придерживается Псевдо-Лонгин: «cum nec Longinus hanc certam esse voluerit, sed cum aliquas enumerasset amplificationis formas, statim subiecit esse sexcentas. Sunt quidem permultae, si sigillatim omnes spectentur, sed tamen existimo totam amplificationis rationem ad duo capita posse referri, ad locos, et figuras; Et hoc attigit eum dixit fieri amplificationem per *τοπηγορία*ν et *δείνωσι*ν, per *τοπηγορία*ν nihil aliud voluit, quam variam locorum omnium tractationem, per *δείνωσι*ν exaggerationem, quae fit per exclamations, et caetera figurarum instrumenta»¹⁶ (Caussin 1626: 209–210)¹⁷. Впрочем, в этом обосновании он дает другую пару греческих терминов, обозначающих виды амплификации: *τοπηγορία* и *δείνωσις*. Остается не ясным, соответствуют ли друг другу пары *αὔξησις* — *δείνωσις* с одной стороны и *τοπηγορία* и *δείνωσις* с другой.

Далее Коссен дает описание видов *амплификации* с помощью латинских эквивалентов *celsa exaggeratione* и *fusa amplificatione*: “Itaque in celsa illa exaggeratione, paucis aliquando res in summam extollitur magnitudinem, cum adiuncta varia, atque epitheta aliud, atque aliud significantia, per gradationem aliquam intorquentur; in fusa autem amplificatione nihil noui persaepe affertur, sed vnum, atque idem diuersis sententijs, per iustam commorationem dicitur, & figuris dumtaxat variatur”¹⁸ (Caussin 1626: 202–203). Итак, между *celsa*

¹⁶ Хотя Лонгин не утверждает, что это разделение точно, но, когда он перечисляет некоторые формы амплификации, он сразу добавляет, что их множество. Их много, если все рассматривать отдельно, но я считаю, что можно все значение амплификации отнести к двум основам — к фигурам и местам. И это имеет отношение к тому, когда он говорит, что амплификация случается через *τοπηγορία*ν и *δείνωσι*ν. Через *τοπηγορία*ν он не выразил ничего другого, кроме разного употребления всевозможных мест, через *δείνωσι*ν — нагромождение слов, которое достигается с помощью восклицания и других инструментов фигур.

¹⁷ В экземпляре риторики Н. Коссена, принадлежавшем М. В. Ломоносову, напротив этого фрагмента (до слов *Et hoc attigit*) присутствует помета в виде вертикальных черт на полях и в тексте.

¹⁸ Таким образом, в этом возвышенном распространении с помощью немногих (слов) предмет иногда возвышается до высшей важности, когда с помощью некоторого нарастания вплетаются разные прила-

exaggeratio и fusa amplificatio существует различие: celsa exaggeratio распространяет речь, дополняя ее новыми элементами, которые усиливают важность обсуждаемой темы; fusa amplificatio расширяет дискурс с помощью риторических фигур, при этом тема высказывания не меняется. Для первого способа характерно постепенное расширение темы, или градация; для второго — замедление, удержание внимания на одной теме.

Как видим, Коссен, как и Ломоносов, указывает два вида амплификации, при этом он приводит несколько пар видов амплификации, которые также дает описательно. Так, при сопоставлении первой пары терминов — αὔξησις и δεινότης — между трактатом «О духовном и светском красноречии» и КРК обнаруживается много общего. Во-первых, оба автора указывают, что общим свойством двух видов *амплификации / распространения* является то, что они расширяют дискурс: vtraque amplioem faciat orationem (Caussinus 1626: 202) — «оба в том сходны, что слово распространяют» (Lomonosov 1952: 127). Вторая часть фрагментов, вводящих виды амплификации, у обоих авторов также общая, ср.: illa plus habet diffusionis, & ambitiosi circuitus: haec adiunctis rerum, & ponderibus magis auget, quam verbis (Caussinus 1626: 202) — «первое больше расширяет и служит к пополнению периодов, второе придает ему притом больше важности» (Lomonosov 1952: 127). Сближает прием δεινότης у Коссена и *увеличительное распространение* у Ломоносова общий пример из речи Демосфена против Аристог<ит>она¹⁹; см.: Caussinus 1626: 202; Lomonosov 1952: 130.

В остальных фрагментах риторики Н. Коссена, описывающих виды *амплификации*, наблюдаются отличия от теории М. В. Ломоносова. Так, по Н. Коссену, неотделимым свойством любой амплификации является то, что она создается на основе общих мест: Locorum tractationi satis opinor apposite fubiungetur amplificatio, quae ex locorum congerie coalescere, atque innutriri solet (Caussinus 1626: 201)²⁰. В этом заключается общая для сравнивае-

гательные: то эпитеты, то определения. В пространной же амплификации ничего нового особенно не сообщается, но говорится одно и то же разными фразами с помощью основательного замедления, и происходит только смена фигур.

¹⁹ В тексте Ломоносова ошибочно назван Аристогоном.

²⁰ Я полагаю, что в рассмотрение мест довольно удачно вписывается амплификация, которая обычно образуется и развивается из накопления мест.

мых риторик черта расширения речи, так как у Ломоносова оба вида *распространения* также создаются на основе общих мест. Вместе с тем указанное положение из риторики Н. Коссена противоречит приведенному выше фрагменту сопоставления видов амплификации, обозначаемых через термины *τοπῆγορία* и *δείνωσις*: первый создается на основе мест, а второй — на основе фигур. Если пары терминов *αὔξησις* — *δείνωσις* и *τοπῆγορία* и *δείνωσις* соответствуют друг другу, то в этом можно увидеть отличие от концепции Ломоносова, в которой использование либо риторических мест, либо фигур не является параметром, разделяющим два вида *распространения*. Напомним, что в КРК оба вида *распространения* создаются на основе *риторических мест*.

Другое отличие теорий Н. Коссена и М. В. Ломоносова проявляется в описании понятий *celsa exaggeatio* и *fusa amplificatio*. Как было отмечено выше, в основе противопоставления *умножительного* и *увеличительного распространений* в КРК находится, скорее, структурный параметр — синтаксический уровень словосочетания либо предложения (также сложного синтаксического целого). В классификации Н. Коссена акцент делается на ином параметре — содержательном. Первый вид основан на приеме расширения темы и градации, второй — на основе удержания внимания на одной теме и замедлении. Такого противопоставления у Ломоносова нет. Более того, в заключительном параграфе раздела о *риторическом распространении* он советует располагать идеи в порядке нарастания важности сообщаемого: «идеи должно хорошие полагать наперед (ежели натуральный порядок к тому допустит), которые получше, те в середине, а самые лучшие на конце так, чтобы сила и важность распространения в начале была уже чувствительна, а после того отчасу возрастала и к концу была устремительна» (Lomonosov 1952: 154). Следовательно, это правило относится к *распространению* вообще, независимо от его вида. Это соответствует требованию Псевдо-Лонгина, о чем пишет и Н. Коссен: «Prouidendum est autem, vt amplificatio, quod dixit Longinus per ἐπίβασιν fiat, et sensim quasi per scalarum gradus ad maiora procedat»²¹ (Caussinus 1626: 210).

Итак, как показывает приведенный анализ, сближает классификации *амплификации* / *распространения* у Н. Коссена и М. В. Ломоносова указание на два вида: соответственно *αὔξησις* —

²¹ Но следует предусмотреть, чтобы амплификация, о чем Лонгин сказал, происходила с помощью ἐπίβασιν (восхождения): постепенно, как будто по ступеням лестницы, продвигалась к большему.

δείνωσις (были заимствованы Коссеном из трактата «О возвышенном», но получили в его риторике более пространное описание, чем в риторике Псевдо-Лонгина) и *умножительное — увеличительное распространения*. Другие элементы описания видов *амплификации* в риторике Н. Коссена не являются параметрами, противопоставляющими виды *распространения* в КРК, однако могут быть характерны для этого приема вообще, независимо от его вида.

2.3. Отличие *амплификации* и *возвышенного* в риторической теории Н. Коссена

В сочинении «О духовном и светском красноречии» определение *амплификации* предваряется следующим рассуждением: *Alia est natura sublimitatis, quam ὕψος vocant, alia amplificationis: sublimitas est in attollenda, amplificatio in fundenda oratione, illa in vi, haec in lecta multitudine, illa magis spectat qualitatem, haec quantitatis, et diffusionis rationem habet*²² (Caussinus 1626: 202). Оно основано на понимании приема расширения речи (αὔξησις) в трактате «О возвышенном», противопоставленном предшествующей традиции, в которой этот прием осознался весьма широко: «Ὅ μὲν οὖν τῶν τεχνουργῶν ὄρος ἔμοιγ' οὐκ ἀρεστός. αὔξησις ἐστὶ, φασὶ, λόγος μέγεθος περιτίθεισ τοῖς ὑποκειμένοις. δύναται γὰρ ἀμέλει καὶ ὕψους, καὶ ἀθους καὶ τρόπων εἶναι κοινὸς οὗτος ὁ ὄρος, ἐπειδὴ κάκεῖνα τῷ λόγῳ περιτίθησι ποιόν τι μέγεθος. ἐμοὶ δὲ φαίνεται ταῦτα ἀλλήλων παραλλάττειν, ἧ κεῖται τὸ μὲν ὕψος ἐν διάρματι, ἡ δ' αὔξησις καὶ ἐν πλήθει. διὸπερ ἐκεῖνο μὲν κὰν νοήματι ἐνὶ πολλάκις, ἡ δὲ πάντως μετὰ ποσότητος καὶ περιουσίας τινὸς ὑφίσταται»²³ (Longinus 1570: 23). Итак, весь пассаж в риторике Н. Коссена, посвященный отличиям

²² Одна природа у возвышенного, которое называют ὕψος, другая — у амплификации. Возвышенное заключается в возвеличении, амплификация — в распространении речи. Возвышенное в силе, амплификация в собранном множестве (общих мест и фигур — пер.). Первое более стремится к качеству, вторая имеет значение количества и расширения значения.

²³ Меня не устраивает определение, данное риторам. Они говорят, что амплификация — это способ выражения, который наделяет предмет величием. Конечно, это определение может служить общим для возвышенности, и страсти, и тропов, поскольку они тоже наделяют язык величием определенного рода. Мне кажется, что они отличаются друг от друга тем, что возвышенное заключается в подъеме, расширение же — во множестве; следовательно, возвышенное часто существует в одной идее, расширение же представляет собой совокупность всех частей и тем, присущих предмету.

амплификации и *возвышенного*, заимствован из сочинения Псевдо-Лонгина.

Указанные противопоставленные понятия имеют явную параллель с рассуждением Ломоносова об отличии *увеличительного распространения* от *возвышения слова*, рассмотренном выше (см. п. 1.3). Так, в ряду характерных для каждого понятия свойств в исследуемых риториках отмечены следующие:

«О возвышенном» Псевдо-Лонгина	«О духовном и светском красноречии» Н. Коссена	КРК М.В. Ломоносова
ὑψος — “ἐν διάρματι ... ἐκεῖνο μὲν κὰν νοήματι ἐνὶ πολλάκις”	sublimitas — “in attollenda ... in vi ... magis spectat qualitatem”	возвышение слова — «возносит ... придает силы ... устремляет ... от украшения зависит»
αὔξησις — “ἐν πλήθει ... ἡ δὲ πάντως μετὰ ποσότητος καὶ περιοσίας τινὸς ὕψιστάται”	amplificatio — “in fundenda oratione ... in lecta multitudine ... quan- titatis, et diffusionis rationem habet”	увеличительное распространение — «наполняет ... придает изобилия ... разливает ... от изобретения зависит»

Как видно из приведенной таблицы, параметры сопоставления в целом общие для всех риторик. Между тем Ломоносов приводит также способы создания *распространения* и *возвышения слова*, отсутствующие у Н. Коссена и Псевдо-Лонгина. Действительно, в концепции Ломоносова акцентируется внимание на том, что расширение речи создается на основе *риторических мест*, то есть непосредственно связано с *изобретением*. В то же время риторические фигуры, как средства украшения, являются средством создания высокого стиля. Таким образом, исследуемый фрагмент из риторики Н. Коссена, а также (через его посредство) трактат «О возвышенном», по-видимому, оказали влияние на то, что в КРК появилось сопоставление *увеличительного распространения* и *возвышения слова*. Вместе с тем Ломоносов выразил в риторике свое понимание этого вопроса, дополнив его новыми смысловыми компонентами. Факт непосредственного влияния сочинения «О духовном и светском красноречии» на КРК в этом рассуждении может быть также подтвержден пометами Ломоносова (скобка, NB, знак +) напротив этого фрагмента, оставленными им на полях экземпляра риторики Н. Коссена.

Выводы

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства знакомства Ломоносова с определением *амплификации* в трактате Н. Коссена «О духовном и светском красноречии», а

также общие смысловые компоненты понятий *амплификации* и *распространения* позволяют указать на влияние последнего на КРК в аспекте теории *риторического распространения*. Кроме того, широкое усвоение и переосмысление Н. Коссеном идей, отраженных в сочинении «О возвышенном» Псевдо-Лонгина, позволяет увидеть в таком заимствовании и переосмыслении один из путей влияния античного трактата на риторическую теорию М. В. Ломоносова²⁴.

Литература

- Bel'aeva, I. M. (ed.) 2010: *Biblioteka M. V. Lomonosova (Lomonosov's Library)*. Moscow.
- Беляева И. М. (ред.) 2010: *Библиотека М. В. Ломоносова*. М.: Изд-во «Ломоносовъ».
- Caussinus, N. 1626: *De eloquentia sacra et humana libri XVI*. Ed. 2. Coloniae Agrippinae: Sumptibus Bernardi Gvalteri.
- Doran, R. 2015: *The Theory of the Sublime from Longinus to Kant*. Cambridge.
- Hoffmann, S.F.W. 1839: *Bibliographisches Lexicon der gesamten Literatur der Griechen*. Т. 2 (E-N). Leipzig: bei A. F. Böhme.
- Kennedy, V. R. 1968: *Concepts of Amplification in Rhetorical Theory*. Dissertation. Louisiana State University, 1968.
- Lausberg, H. 1998: *Handbook on Literary Rhetoric. A Foundation on Literary Study*. Transl. by M. T. Bliss, A. Janssen, D. E. Orton. Brill, Leiden, Boston, Köln.
- Longinus, 1570: Aphthonius, Hermogenes & Dionysius Longinus, praestantissimi artis rhetorices magistri Anchora: Ioannis Crispini, 1570. (вторая пагинация).
- Lomonosov, M. V. 1952: *Polnoe sobranie sochineniy (Complete Works)*. Т. 7. Moscow, Leningrad.
- Ломоносов, М. В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 7. М.; Л.: Наука.
- Nakhov, I.M. 1961: (An outstanding Monument of ancient Aesthetics (Treatise on the Sublime)) // *Iz istorii jesteticheskoy mysli drevnosti i srednevekov'ya*. М., 139–182.
- Нахов, И. М. 1961: Выдающийся памятник античной эстетики (Трактат «О возвышенном») // *Из истории эстетической мысли древности и средневековья*. М., 139–182.
- Russell, D. A. 1964: Introduction // *Longinus on the Sublime*. Edited with Introduction and Commentary by D. A. Russell. Oxford, ix–lv.
- Sazonova, L. I. 2013: (Lomonosov's Rhetoric: current Problems of the rhetorical Tradition of the 18th century) // *Chtenija ot dela russkoj*

²⁴ Помимо известного непосредственного знакомства Ломоносова с переводом этого трактата, выполненным Н. Буало.

- literary XVIII veka. Вып. 7.: Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazhanie v russkoj literature XVIII veka.* М.; СПб., 20–40.
- Сазонова, Л. И. 2013: Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII в. В сб.: *Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7.: Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века.* М.; СПб., 20–40.
- Serman, I. Z. 1966: *Poeticheskiy stil' Lomonosova (Lomonosov's poetical Style).*
- Серман, И. З. 1966: *Поэтический стиль Ломоносова.* М., Л.: Наука.
- Serman, I. Z. 2002: (Unpublished M.V. Lomonosov's abstract of Pseudo-Longinus' "Treatise on the Sublime" translated by N. Boileau). *XVIII vek. Sb. 22.* СПб., 333–346.
- Серман, И. З. 2002: Неизданный конспект М. В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало. *XVIII век. Сб. 22.* СПб., 333–346.
- Steppich, C. J. 2006: Inspiration through imitatio / mimesis in On the sublime of "Longinus" and in Joachim Vadian's De poetica et carminis ratione (Vienna, 1518) // *Humanistica Lovaniensia. Journal of neo-latin studies.* Vol. LV, 37–70.
- Sukhomlinov, M. I. 1895: *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova (Lomonosov's Works with Notes of M. I. Sukhomlinov).* Vol. 3. St. Petersburg.
- Tver'yanovich, K. Ju., Sharikhina M. G. 2017: (M. V. Lomonosov's rhetorical works and the treatise «On the Sublime» translated by N. Boileau: the essay of comparative analysis). *Ritorika M. V. Lomonosova (M. V. Lomonosov's Rhetoric).* СПб., 588–613.
- Тверьянович, К. Ю., Шарихина М. Г. 2017: Риторические сочинения М. В. Ломоносова и трактат «О возвышенном» в переводе Н. Буало: опыт сопоставительного анализа. *Риторика М. В. Ломоносова.* СПб., 588–613.

IN MEMORIAM

DOI: 10.30842/ielcp2306901528143

HEINER EICHNER (1942 –2024)

7 марта 2024 года скончался многолетний член Редакционной коллегии нашего журнала, необычайно глубокий по присущим ему теоретическим подходам лингвист, чьи труды во многом определили развитие индоевропейского языкознания в последние десятилетия XX века, тонкий знаток бесконечного числа древних и новых языков, даривший дружбой многих сотрудников нашего Института, очаровательный в общении человек, бесконечно широкий по своим интересам.

В память о нем редколлегия помещает два авторских текста¹, каждый из которых проникнут личными воспоминаниями, препятствующими попыткам объединить их в единый некролог.

Х. Айхнер получил замечательное образование в гимназии, учился в Эрлангене у К. Хоффмана, с 1989 по 2010 г. был профессором общего и индоевропейского языкознания Института лингвистики Университета Вены. Как член-корреспондент Австрийской академии наук, он возглавлял в Академии иранскую комиссию.

Стараниями Кацярины Аккерман и Йоахима Матцингера (Katsiaryna Ackermann, Joachim Matzinger) подготовлены к печати три тома собрания работ проф. Айхнера (Heiner Eichner. *Gesammelte Schriften*). Второй том, посвященный анатолийскому языкознанию (Band II: Anatolisch), должен выйти в издательстве Шпрингер в ноябре этого года². Не случайно первым

¹ Первую часть подготовил Н. Н. Казанский, «Языки и увлечения Хайнера Айхнера» написала М. Д. Воейкова.

² Издательство Шпрингер уже объявило о выходе бумажного тома (ISBN 978-3-662-69297-4) и электронной версии (ISBN 978-3-662-69298-1).

выходит собрание статей по анатолистике: среди многочисленных работ проф. Айхнера в первую очередь вспоминаются его исследования, основанные на интерпретации фактов хеттского языка, включая анализ таких слов, как *teḥur* «время», в котором благодаря его стараниям удалось выделить биконсонантный корень с исходом на ларингальный и суффикс *-*ceg-* в нулевой ступени. Важной частью результатов исследования стало открытие, что гласный в продленной ступени обуславливает в корне слова как леницию следующего согласного (поэтому одно *-h-*), так и нулевую ступень в суффиксе (акростатическое склонение).

За этой ранней публикацией (где впервые был сформулирован закон Айхнера) последовали не менее замечательные и значимые исследования, перечисленные в номере журнала *Die Sprache*, посвященном его юбилею³.

Энциклопедическая образованность проф. Айхнера сочеталась с природной живостью его характера и какой-то детской непосредственностью восприятия и реакции, шла ли речь об отдельных этимологиях, или касалась восприятия текста. Мне вспоминаются его шуточные жалобы на то, что ему трудно читать Плавта в библиотеке, потому что он начинает смеяться и не всегда может удерживаться от смеха.

Умение совместить историю отдельной грамматической формы и восприятие текста как чего-то цельного проявляется во всех работах Х. Айхнера, начиная с самых ранних, идет ли речь о не до конца поддающихся интерпретации текстах на италийских языках, касается ли это ликийских надписей, или же речь идет о текстах на языках, недавно объединенных в тирренскую группу – этрусском, лемносском и ретском, которыми проф. Айхнер специально занимался и которым посвятил два доклада, прочитанных для нас в Институте лингвистических исследований РАН⁴.

В течение многих лет он приезжал каждое лето в Петербург, участвуя в нашей ежегодной конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» со своими докладами и

³ ***h₂nr.** *Festschrift für Heiner Eichner* / hrsg. von R. Nedoma und D. Stifter. Wiener Sprachgesellschaft. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. S. 263–272 (= *Die Sprache. Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2009. Bd. 48).

⁴ Благодаря безвременно ушедшему В. Л. Цымбурскому мы имеем на русском языке их достаточно современное описание в книге: Палеоевропейские языки. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 175–248).

обсуждая доклады коллег. Его русский язык был превосходен, чему немало способствовала его жена Виктория, которая всегда сопровождала его в поездках, благодаря чему прогулки по Санкт-Петербургу (они обычно останавливались в самом начале Садовой улицы) и общение с ними превращалось в живое обсуждение разнообразных, далеко не только научных, но и культурно значимых исторических вопросов.

Заслуга первого приезда профессора Айхнера в Петербург и его прихода в наш Институт принадлежит М. Д. Воейковой, которая вместе с проф. В. Дреслером в Вене работала над проблемами появления и становления грамматических категорий у детей раннего возраста. Сотрудничество с отделом Сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований ИЛИ РАН не ограничивалось только участием в конференциях, проводимых Институтом.

Не могу не вспомнить о совместной конференции, посвященной праиндоевропейским расширителям корня, в которой приняли участие многие сотрудники нашего Института, а также коллеги-индоевропеисты Р. Люр, М. Кюммель, Б. Олсен, А. М. Лубоцкий, Х. Л. Гарсия Рамон и ученица проф. Айхнера К. Аккерман⁵. Из сотрудников Института в Вене тогда выступали П. А. Кочаров, А. В. Шацков, М. Н. Казанская и автор этих строк. Двухдневная тематическая программа явилась продолжением трехдневной встречи немецкого индоевропеистического общества (*Indogermanische Gesellschaft*) и вызвала живой интерес участников, многие из которых даже поменяли билет, чтобы провести два дополнительных дня на заседаниях, которые проходили в Венском университете.

Не могу без благодарности вспоминать и ту чисто человеческую заботу, которую проф. Айхнер проявлял к участникам, помогая им с устройством, а также знакомя их с кругом своих близких друзей. Так, по его приглашению я оказался в небольшом ресторанчике на окраине Вены, где Айхнер и учившийся у Йох. Шиндлера (коллеги Айхнера по кафедре индоевропеистики Венского Университета до 1994 г.) Алан Нуссбаум встречались с вдовой проф. Шиндлера, его сыном и внуками. В

⁵ H. Eichner, N. Kazansky (eds.). *Proto-Indo-European root extensions. Abstracts. Workshop of the Society for Indo-European Studies*, 17–18 September 2016. Wien; St. Petersburg: Nauka, 2016. Многие прочитанные тогда доклады затем появились в журнале *Historische Sprachforschung* за 2018 год (Bd. 131, H. 1–2).

непринужденной обстановке этой встречи для меня раскрылась еще одна сторона характера Айхнера, влюбленного в австрийские народные обычаи и присказки, знающего немецкий фольклор в разных его видах. Было поучительно видеть, как они обсуждали не всегда литературные обороты, знакомые им со студенческих лет, с жадным и веселым филологическим аппетитом.

Сейчас во всем мире, включая крупнейшие университеты и индоевропейские исследовательские центры, только в самых значимых из них соблюдают равное внимание к лингвистическим вопросам теории и к филологической основательности интерпретаций. Профессор Айхнер, всегда много внимания уделявший текстам, включая и те, которые еще ждут правильного понимания, а иногда — даже дешифровки, олицетворял для всех нас образцового исследователя, всегда сохранявшего столь необходимое в языковедческих исследованиях неразрывное сочетание филологических и лингвистических методов.

Профессор Айхнер председательствует на заседании конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (2007 г.).

Языки и увлечения Хайнера Айхнера

Хайнер был настоящим полиглотом. Он любил и знал современные языки; не только европейский «джентльменский набор» (английский, французский, итальянский), но еще русский, литовский, албанский, фарси, курдский. Древние языки были его страстью, конечно, не только древнегреческий и латынь, знакомые с гимназии, но еще и санскрит, хеттский, этрусский, язык Лемноской стелы.

Приезжая в Литву, он говорил и читал доклады по-литовски. Увлёкся эсперанто и писал на нем стихи. Русский язык он выучил по специальным обучающим радиопередачам, говорил свободно, потому что не упускал ни одного случая поупражняться. Собственно, наше знакомство началось и продолжалось из-за его постоянной готовности перейти на язык его собеседников. Он говорил по-русски не всегда уверенно, искал некоторые слова, но быстро их находил или переформулировал. Его способность к языкам была удивительной, намного превосходящей обычные, даже очень завышенные профессиональные рамки⁶.

Уровень владения языком можно определить по тому, может ли человек пошутить на чужом языке. Шутки Хайнера были часто пронизаны каламбурами, построенными на знании языков, о которых он не забывал ни на минуту. Например, как-то мы собирались идти куда-то вместе. Он позвонил снизу, с автобусной остановки, и сказал: «Смотри, дурак на дураке стоит» (по-турецки *durak* 'остановка'). Наверное, ему было скучно среди людей, которые знают всего 2–3 языка и не могут оценить его юмора в полной мере. Как-то я собиралась в командировку в Загреб, где никогда до этого не была, и спросила его, что там нужно обязательно увидеть. Он ответил: «Это очень просто — надо пойти в археологический музей и попытаться прочесть «льняную книгу»⁷». Сам он наверняка так и делал.

⁶ А. С. Николаев напомнил нам, что «на хеттологических конференциях, проводимых в Турции, Айхнер был единственным ученым из Европы, который регулярно посещал доклады на турецком языке и активно участвовал в прениях».

⁷ *Liber linteus* — текст на этрусском языке, написанный на льняном полотне.

В то время, когда я работала в Вене, он увлекался курдскими диалектами. Как-то раз он позвал меня в кино. Я даже не спросила, на какой фильм мы идем, а когда он начался, очень удивилась. Фильм назывался по-немецки «Время пьяных лошадей» и рассказывал о жизни афганских контрабандистов, которые вручную через горы перекатывали и продавали автомобильные покрышки. После я спросила, почему он выбрал этот фильм. Он ответил: «Ты что, не поняла, они же говорили на *заза*» (*заза* – один из курдских диалектов). Увлекаясь каким-то языком, он собирал все доступные сведения о нем. Например, о диалектах *курманджи* и *заза* он узнавал в том числе и из публикаций сотрудников Отдела теории грамматики ИЛИ РАН — этнического курда К. Р. Эйюби и И. А. Смирновой, уникальных специалистов по курдским диалектам. Их работы, написанные на русском языке и изданные в СССР, не были широко известны европейским иранистам, но Хайнер, читавший порусски и знакомый с бесконечным числом лингвистов из разных стран, конечно, интересовался их публикациями и сразу же попросил привезти ему из России все работы Смирновой и Эйюби, которые только можно достать.

Любовь к языкам и диалектам проф. Айхнер переносил на своих коллег и носителей разных языков. Один раз я побывала на курдском вечере, который был устроен им в Институте индогерманистики, в главном здании Венского университета. Со всех сторон к университету стекались молодые курды с книгами и музыкальными инструментами. На вечере пели, читали стихи, танцевали, а во главе всего сидел румяный сияющий Хайнер, говорил с участниками на непонятных мне диалектах и наслаждался окружающей языковой стихией. Глядя на него, окруженного информантами, я всегда думала, что *гуманитарный* и *гуманный* одного корня. Насколько я могла судить, к своим коллегам по Институту он тоже относился нежно и внимательно и старался поддержать их во всем, как и всех лингвистов, носителей разных языков, приехавших в Вену ненадолго. Такая атмосфера доброго внимания и всесторонней помощи приезжим коллегам поддерживалась в двух главных для нас лингвистических центрах Венского университета – Институте языкознания, возглавляемом проф. Вольфгангом У. Дресслером, и в Институте индогерманистики под руководством Хайнера Айхнера.

Однажды они оба пригласили меня прочесть доклад по детской речи на вечернем заседании Венского лингвистического общества. Доклад был о прилагательных на русском материале. После моего рассказа стали задавать вопросы, и один из участников спросил, не напоминают ли конструкции с прилагательными в речи русских детей турецкий изафет. Я стала лихорадочно вспоминать, что знаю об изафете, и тут Хайнер, который вел заседание, тихо сказал мне: «Не волнуйся, он просто сумасшедший, такие всегда приходят на наши доклады».

После возвращения из Вены мы продолжали ездить на ежегодные семинары проекта В. У. Дресслера «Ранние этапы развития морфологии», которые бывали в конце февраля. Заседания продолжались до вечера. Когда мы с коллегами собирались в Вену, обычно писали об этом заранее и профессору Айхнеру. В один из вечеров он обязательно звал нас на встречу в маленький ресторанчик на границе девятого и восемнадцатого районов. Наверное, я не смогу сама найти это место и не вспомню, как оно называлось. Помню только, что хозяин этого ресторанчика относился к Хайнеру и всем его гостям с огромным почетом и уважением и раскрывал перед нами все прелести курдской, иранской и индийской кухни. Конечно, я не вспомню названий тех блюд; обычно это был белый рис с курицей, в который официант у нас на глазах вбивал сырое яйцо и быстро смешивал его с горячим рисом и мясом. Запивали мы все это манговым молоком или таном, иногда пили молодое белое вино. Кафе было маленькое, небогатое, нетипичное для Вены, а мы чувствовали себя избранными гостями профессора Айхнера на самом важном светском событии. Обсуждали языки, новые статьи, Хайнер рассказывал о летних раскопках, в которых участвовал в том году, или о своих наблюдениях за какими-нибудь славянскими (для нас) или литовскими (для коллег из Каунаса) конструкциями. Ехали домой поздно вечером, счастливые и вдохновленные его рассказами.

Помимо лингвистики он увлекался материальной историей, ходил на антикварные выставки, хорошо разбирался в *килимах* — особенных персидских коврах, сотканных вручную, ценил и покупал старинную мебель. Его завораживало дыхание эпох, отметки времени на старом дереве, то, что этот стол или шкаф

мог стоять в комнате у персидского купца или врача, быть свидетелем событий жизни и смерти известных людей. Он знал наизусть собрание монет Венского музея истории искусства и любил заходить на второй этаж, где расположена выставка «монетного кабинета». Окно его рабочей комнаты в университете выходило на Ринг, на площадь перед Обетной церковью; из любого трамвая было видно, что там горит свет до поздней ночи. Грустно думать о том, что сейчас оно, скорее всего, темное. Но приятно вспомнить, что мы были участниками и свидетелями романтической, интуитивной и персонализированной лингвистики на рубеже 20-го и 21-го веков. Светлая память, дорогой профессор Хайнер Айхнер.

Профессор Айхнер во время конференции
«Индоевропейское языкознание и классическая филология» (2007 г.).

СПИСОК АВТОРОВ

второй части тома

- Бондарко Николай Александрович**, доктор филол. наук, ведущий науч. сотр., ИЛИ РАН. n-bond@yandex.ru
- Бондарь Лариса Дмитриевна**, к. ист. наук, заместитель директора по научной работе, СПб филиал Архива РАН. L007@list.ru
- Вдовченков Евгений Викторович**, д. ист. наук, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, vdovchenkov@yandex.ru
- Власова Елизавета Алексеевна**, к. филол. наук, библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, доцент СПБКИК, kealis@gmail.com
- Войкова Мария Дмитриевна**, доктор филол. наук, зав. отделом теории грамматики ИЛИ РАН. maria.voeikova@gmail.com
- Волконская Мария Андреевна**, к. филол. наук, доцент, НИУ ВШЭ. mary.volkonskaya@gmail.com
- Ганина Наталья Александровна**, д. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. ganina@philol.ru
- Гвоздецкая Наталья Юрьевна**, д. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Российский гос. гуманитарный университет (РГГУ) / Сретенская духовная академия, профессор; Москва, Россия; ngvozdz@yandex.ru,
- Глебова Дарья Сергеевна**, старший преподаватель Школы филологических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. kashalotdar@gmail.com
- Губанов Илья Борисович**, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, РАН; gilya1969@mail.ru
- Джаксон Татьяна Николаевна**, доктор ист. наук, главный науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Домосилецкая Марина Валентиновна**, канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник, ИЛИ РАН. marinaling@mail.ru
- Евдокимова Александра Андреевна**, к. филол. наук, ст. науч. сотр., Институт языкознания РАН. arochka@gmail.com.
- Еселева Анастасия Александровна**, к. филол. наук, ст. научн. сотрудник ИЛИ РАН, eselana@mail.ru
- Жаров Борис Сергеевич**, к. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет bzharov@gmail.com
- Жильцова Елена Леонидовна**, к. филол. наук, доцент каф. германской и кельтской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. el-zhilc@yandex.ru
- Иванов Сергей Валентинович** — канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. sergeoivanov@gmail.com

- Казанский Николай Николаевич**, академик РАН, научный руководитель ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru
- Карпок Сергей Георгиевич**, доктор ист. наук, гл. науч. сотрудник Института всеобщей истории РАН / ст. науч. сотрудник Сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН / профессор РГГУ. oxlos@yandex.ru
- Клейнер Юрий Александрович**, д. филол. наук, Санкт-Петербургский гос. университет. yurikleiner@hotmail.com
- Корнеев Олег Валентинович**, старший преподаватель кафедры романских языков и лингводидактики ИИЯ МГПУ; kov108@hotmail.com.
- Крылова Э. Б.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. krelvira@mail.ru
- Кузьменко Юрий Константинович**, д. филол. наук, гл. науч. сотр., ИЛИ РАН jk7559873@gmail.com
- Кулишова Оксана Викторовна**, д. истор. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, o.kulishova@spbu.ru
- Лалетина Ольга Сергеевна**, к. филол. наук, Санкт-Петербургский гос. университет. olalet@mail.ru
- Левичкин Александр Николаевич**, к. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. alevi66@gmail.com
- Либерман Анатолий Симонович**, д. филол. наук, профессор эмеритус, Миннеаполис, США aliber@umn.edu
- Литовских Елена Владимировна**, к. ист. наук, науч. сотр. Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН. elitovskih@mail.ru
- Маньков Александр Евгеньевич**, канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник, Институт языкознания РАН / ПСТГУ, Москва. mankov@iling-ran.ru
- Матыцина Ирина Витальевна**, к. филол. наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии, филологический факультет, Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова e-mail: imatits@gmail.com
- Матюшина Инна Геральдовна**, д. филол. наук, ведущий научный сотрудник, ИВГИ им. Е. М. Мелетинского РГГУ, Москва, Россия, I.Matyushina@exeter.ac.uk
- Миролюбов Иван Андреевич**, канд. истор. наук, доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К. А. Тимирязева, peter-herzog@yandex.ru
- Михайлова Ирина Михайловна**, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. i.mikhailova@spbu.ru
- Михайлова Татьяна Андреевна**, д. филол. н., вед. н. с. Института языкознания Российской академии наук tamih.msu@mail.ru
- Морозова Мария Сергеевна**, к. филол. наук, ст. научн. с., Институт лингвистических исследований РАН, morozovamaria86@gmail.com
- Мячинская Эльвира Ивановна**, к. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ Elvirivan2009@mail.ru
- Найдич Лариса Эриковна**, к. филол. наук, проф. эмерита Еврейского университета в Иерусалиме (кафедра языкознания). larissa.naiditch@mail.huji.ag.i

- Немцева Анастасия Алексеевна**, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. anastdansk@yandex.ru
- Никифорова Александра Юрьевна**, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия. sashunja@yandex.ru
- Николаев Александр Сергеевич**, канд. филол. наук, PhD, Кипрский университет, alexander.s.nikolaev@gmail.com
- Никуличева Дина Борисовна**, д. филол. наук, профессор, гл. науч. с. сектора германских языков, Институт языкознания РАН, профессор МГЛУ, nikoulitcheva@yandex.ru
- Осипова Ольга Владимировна**, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ospv@mail.ru
- Пантелеев Алексей Дмитриевич** — канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, a.panteleev@spbu.ru
- Панченко Виктория Борисовна**, науч. сотр., гл. хранитель Отдела архитектурной археологии Государственного Эрмитажа. vikipanch@gmail.com
- Пархаева Мария Павловна**, МГУ им. М. В. Ломоносова / МГЛУ. Москва, Россия. masha1512@mail.ru
- Пименова Наталья Борисовна** — канд. филол. наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Школа лингвистики, n_pimenova@yahoo.com
- Пиотровский Дмитрий Дмитриевич**, доц. кафедры латинского языка, Первый Санкт-Петербургский гос. медицинский университет им. акад. И. П. Павлова, Российская Федерация, dimapiotrovsky@hotmail.com
- Подосинов Александр Васильевич**, д. истор. наук, проф., зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,; гл. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН,; ст. науч. сотр. Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт», Москва, Россия; проф. Петрозаводского гос. ун-та, Петрозаводск, Россия; podossinov@mail.ru
- Преснова Наталия Владимировна**, аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра классической филологии, ponvip@yandex.ru
- Приходько Елена Владимировна** — канд. филол. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. aristonica@list.ru
- Резниченко Егор Александрович** (о. Иларион), магистр теологии, магистр филологии, аспирант, Свободный университет Берлина, Берлин, Германия. rev.hilarion@yandex.ru
- Рождественская Милена Всеволодовна**, д. филол. наук, в. н. с. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург. milena.rozh@gmail.com
- Рождественская Татьяна Всеволодовна**, д. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, tat.rozhd@gmail.com
- Салбиев Тамерлан Казбекович**, к. филол. н., вед. науч. сотр., и.о. зав. отделом «Центр скифо-аланских исследований», Владикавказский научный центр РАН, г. Владикавказ, РФ, galabu054@gmail.com

- Светозарова Наталия Дмитриевна**, д. филол. наук, профессор кафедры фонетики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, ndsvetozar@gmail.com
- Скворцов Артем Михайлович**, к. ист. наук, науч. сотрудник Сектора социальных и когнитивных проблем науки СПб филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского гос. университета. artuom-skvorcov@yandex.ru
- Смирнова Анна Сергеевна**, к. филол. наук, ст. науч. сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, asmirnova@iling.spb.ru.
- Соболев Андрей Николаевич**, доктор филол. наук, проф., гл. науч. сотр. ИЛИ РАН, sobolev@staff.uni-marburg.de
- Солопов Алексей Иванович**, доктор филол. наук, зав. кафедрой классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова; scatebr@mail.ru
- Солопова Анастасия Алексеевна**, аспирант кафедры классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. solopova.lamabe@yandex.ru
- Сухачев Николай Леонидович**, к. филол. наук, вед. науч. сотр, ИЛИ РАН, nsuh@infox.ru
- Таулли Клаудио Марчелло** / Claudio Marcello Taulli, аспирант, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия / Италия. ctaulli2007@hotmail.it.
- Топорова Татьяна Владимировна**, д. филол. наук, ведущий научный сотрудник. Институт языкознания РАН, Москва. t1960@list.ru
- Троицкий Павел Александрович**, аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, pavel.troitskiy325@gmail.com
- Трофимов Артем Александрович**, канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики РАНХиГС, Москва, artemii.trofimov@gmail.com
- Филатов Алексей Андреевич**, аспирант, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. alexfil1997@mail.ru
- Фионин Максим Владимирович**, магистр лингвистики, м. н. с. ИВР РАН, maxfionin@mail.ru
- Франгулян Лилия Рубеновна**, канд. филол. наук, Институт востоковедения РАН / Московский государственный лингвистический ун-т. 8liya8@gmail.com
- Харламова Анастасия Вадимовна**, аспирант, Институт лингвистических исследований РАН. anastasia_kharlamova@icloud.com
- Хворостьянова Елена Викторовна**, д. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, ekhvorost@mail.ru
- Хлевов Александр Алексеевич**, д. филос. наук, канд. ист. наук, проф., Севастопольский государственный университет;
- Хорькова Ирина Валентиновна**, кандидат исторических наук, доц. кафедры морского и международного права юридического института РУТ (МИИТ), stauross@yandex.ru
- Циммерлинг Антон Владимирович**, д. филол. наук, Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина / Институт языкознания РАН, Москва, Россия. fagraey64@hotmail.com

- Чекалина Елена Михайловна**, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой германской и кельтской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия. etch1@yandex.ru
- Черняк Александр Борисович**, к. филол. наук, ст. научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, abchernyak@mail.ru
- Чиж Никита Сергеевич**, аспирант, лаборант-исследователь Отдела Истории и Культуры Древнего Востока, ИВ РАН. n.s.chizh@yandex.ru
- Шарихина Миляуша Габдрауфовна**, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела «Словарь языка М.В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, justmilya@yandex.ru
- Шаршукова Ольга Валерьевна**, аспирант кафедры классической филологии ИВКА РГГУ, Москва. sharshukovaov@yandex.ru
- Шитиков Денис Сергеевич**, магистр лингвистики по кафедре английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ
- Шумилин Михаил Владимирович**, к. филол. наук, ст. науч. сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ; ст. науч. сотрудник ИМЛИ РАН, доцент НИУ ВШЭ, Москва. mvshumilin@mail.ru
- Щеглов Дмитрий Алексеевич**, канд. истор. наук, независимый исследователь, shcheglov@yandex.ru
- Янзина Эвелина Вячеславовна**, к. филол. наук, доц. кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. lepusravus@hotmail.com
- Яценко Мария Вадимовна**, д. филол. наук, профессор кафедры иностранных и русского языков Санкт-Петербургского государственного ун-та телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. yatsenm@mail.ru
Maria.yatsenko1@yandex.ru,